5
И 85

А. А. Исаевъ.

НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный Магазинъ А. Ф. Цинзерлинга,
бывшій Мелье и К°.
20. Невскій проспектъ. 20.
1894.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА.

(бывшій **Мелье и К°**)

(С.-Петербургъ, Невскій пр., д. Голландской церкви, № 20).

Телефонъ № 1214.

Продаются между прочими слѣдующія книги:

Труды **А. А. ИСАЕВА**:

Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к.
О мѣрахъ къ развитію артельнаго производства. 1882 г. Ц. 20 к.
Государственный кредитъ. 1886 г. Ц. 1 р. 25 к.
Составныя части и методы политической экономіи. 1887 г. Ц. 40 к.
Большіе города и ихъ вліяніе на общественную жизнь. 1887 г. Ц. 40 к.
Наши финансы и подоходный налогъ. 1887 г. Ц. 60 к.
Очеркъ теоріи и политики налоговъ. 1887 г. Ц. 1 р. 35 к.
Нужна-ли земская статистика? 1888 г. Ц. 30 к.
Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
Неурожай и голодъ. 1892 г. Ц. 30 к.
Адамовичъ, В. Пособіе къ лекціямъ Русскаго Гражданскаго Судопроизводства. I. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Берендтсъ, Э. Государственное хозяйство Швеціи. I. Исторія государственнаго хозяйства Швеціи до 1809 г. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.
Бершадскій, С. А. Очерки исторіи философіи права. Вып. I. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.
Его-же. О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
Бржескій, И. Податная реформа. Французскія теоріи XVIII столѣтія. Слб. 1888 г. Ц. 2 р.
Его-же. Государственные долги Россіи. Спб. 1884 г. Ц. 3 р.
Владимірскій-Будановъ, М. Ф. Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е. Кіевъ. 1888 г. Ц. 4 р.
Его-же. Христоматія по исторіи русскаго права. 3 выпуска. Кіевъ. 1889 г. Ц. 3 р. 75 к.
Георгіевскій, П. И. Политическая экономія. 2-е изданіе. Печатается.
Его-же. Финансовыя отношенія государства и частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ Россіи и въ западно-европейскихъ государствахъ. Спб. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
Его-же. Историческій очеркъ развитія путей сообщенія въ XIX вѣкѣ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

33
И 85

А. А. Исаевъ.

НАЧАЛА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Київський інститут
народного господарства
БІБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный Магазинъ А. Ф. Циневерлинга,
бывшій Мелье и К°.
20. Невскій проспектъ. 20.
1894.

2155

БИБЛІОТЕКА

Въ основаніе этой книги положены лекціи, читанныя мною въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ и Ярославскомъ Юридическомъ Лицеѣ въ 1879—93 годахъ.

Исторія политической экономіи, совмѣстно съ очеркомъ исторіи хозяйственнаго быта, составитъ предметъ особаго труда.

А. Исаевъ.

С.-Петербургъ,
18 октября 1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Введеніе . . . . . 1— 34

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Основныя понятія*. . . . . 1— 19

Потребность. Благо. Полезность. Цѣнность. Имущество. Хозяйство. Наука о хозяйствѣ. Примѣчанія.

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Составныя части и методы политической экономіи*. . . . . 19— 34

Составныя части политической экономіи. Индуктивная, дедуктивная и статистическая методы. Степень точности предсказаній. Примѣчанія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. Производство . . . . . 35—179

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Общее понятіе о трудѣ*. . . . . 35— 40

Трудъ производительный и непроизводительный. Примѣчанія

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Масса труда въ обществѣ* . . . . . 40— 48

Зависимость массы труда отъ возрастнаго состава населенія, раздѣленія по поламъ, санитарнаго состоянія народа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. *Трудъ въ зависимости отъ внѣшней природы*. . . . . 45— 60

Производительность труда зависитъ отъ климата, почвы, минеральныхъ богатствъ, внутреннихъ водъ. Измѣненія во внѣшней природѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. *Трудъ въ зависимости отъ политико-географическаго положенія государства*. . . . . 60— 63

ГЛАВА ПЯТАЯ. *Производительность труда въ зависимости отъ качества работы* . . . . . 64— 70

Условія, увеличивающія прилежаніе. Развитіе рабочаго искусства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. *Капиталъ* . . . . . 70— 79

Капиталъ въ частномъ и народномъ хозяйствѣ. Виды капитала. Сущность капиталистическаго производства. Образованіе капитала.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. *Сотрудничество* . . . . . 79— 85

Простое и сложное сотрудничество. Выгоды раздѣленія труда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. *Системы хозяйства* . . . . . 86—102

I. Системы земледѣлія. Выгодность отдѣльныхъ системъ. II. Ремесло, мануфактура и фабрика. Вліяніе машинъ. Примѣчанія.

СТРАН.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. *Размѣры производства*. . . . . 103—113

Мелкое, среднее и крупное производство въ промышленности и земледѣліи. Недостаточность крестьянскихъ надѣловъ. Примѣчанія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. *Общее понятіе о формахъ производства*. 113—117

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. *Общинное землевладѣніе* . . . 117—143

I. Возникновеніе земельной общины. II. Виды общинъ въ Россіи. Способы пользованія землею. III. О связи общиннаго землевладѣнія съ успѣхами сельскаго хозяйства. Живучесть русской общины. Примѣчанія.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ. *Семейное или кустарное производство* . . . . . 144—157

I. Семейный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ. II. Кустарничество въ деревнѣ и городѣ. Выгоды и недостатки кустарнаго производства. Кустарная промышленность въ Россіи. Примѣчанія.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. *Артельное производство* . . . 157—166

Строй артелей. Выгоды, доставляемыя артелями. Артели за границей и въ Россіи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. *Хозяйское производство* . . 166—174

Частно-капиталистическое производство. Единоличныя и многоличныя предпріятія. Государственное и общинное производство.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. *Размѣщеніе системъ и отраслей производства* . . . . . 175—179

Уединенное государство Тюнена и дѣйствительная жизнь.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. Распредѣленіе . . . . . 180—301

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Доходъ* . . . . . 180—191

Валовой доходъ, издержки производства и чистый доходъ съ точки зрѣнія частнаго и народнаго хозяйства. Примѣчанія.

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Избытки въ хозяйствѣ и основы распредѣленія дохода* . . . . . 192—201

Необходимыя и избыточныя цѣнности. Право собственности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. *Заработная плата* . . . . . 202—229

Низшій, средній и высшій уровень заработной платы. Фондъ заработной платы. Группы рабочаго класса. Естественная заработная плата. Способы вычисленія платы. О платѣ въ различныхъ занятіяхъ. Примѣчанія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. *Прибыль* . . . . . 230—245

Теоріи происхожденія прибыли. Составныя части прибыли. Объективное значеніе прибыли.

ГЛАВА ПЯТАЯ. *Рента*. . . . . 245—264

Ученія о рентѣ. Опредѣленіе ренты. Условія, способствующія повышенію и пониженію ренты. Рента въ Россіи. Будущее ренты.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. *О нѣкоторыхъ мѣрахъ къ улучшенію быта рабочихъ* . . . . . 264—289

Стачки. Статистика труда. Союзы рабочихъ. Палаты посредниковъ. Фабричное законодательство. Страхованіе рабочихъ. Примѣчанія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. *Свѣдѣнія о положеніи рабочаго класса въ Россіи* . . . . . 289—301

СТРАН.

I. Сельскіе рабочіе. II. Фабричные работники. Русское фабричное законодательство.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.—Обмѣнъ . . . . . 302—485

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Цѣнность* . . . . . 302—325

Ученія о цѣнности. Основаніе и мѣрило цѣнности. Общественно-необходимое рабочее время. Четыре теоремы. Примѣчанія.

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Рыночныя цѣны* . . . . . 325—333

Законъ спроса и предложенія. Цѣны въ зависимости отъ обычая. Искусственныя цѣны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. *Деньги* . . . . . 333—340

Функціи денегъ. Условія, опредѣляющія количество денегъ, необходимое для страны. Монетныя системы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. *Бумажныя деньги* . . . . . 340—356

Обращаемость бумажныхъ денегъ. Лажъ. Количество бумажныхъ денегъ и цѣны товаровъ. Способы возстановленія цѣнности бумажныхъ денегъ. Бумажныя деньги въ Россіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ. *Кредитъ* . . . . . 356—376

Существо кредита. Виды кредита. Кредитные знаки. Условія развитія кредита. Вліяніе кредита на обмѣнъ, производство, потребленіе и распредѣленіе. Примѣчанія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. *Банки* . . . . . 376—388

Обороты банковъ. Виды банковъ краткосрочнаго и долгосрочнаго кредита. Примѣчанія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. *Кредитъ въ Россіи* . . . . . 389—412

Государственный банкъ. Городскіе общественные банки. Ссудосберегательныя артели. Земельные банки. Недостатки русскихъ кредитныхъ учрежденій. Ростовщическій кредитъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. *Пути и средства сообщенія* . . . . 412—429

Вліяніе путей и средствъ сообщенія на народное хозяйство. Желѣзнодорожные тарифы. Пути сообщенія въ Россіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. *Торговля* . . . . . 429—445

Виды торговли. Торговые обычаи. Ярмарки и биржи. Биржевые обороты. Значеніе торговли для народнаго хозяйства. Начала внутренней торговой политики.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. *Политика внѣшней торговли* . . . . 445—485

I. Понятіе о торговомъ и разсчетномъ балансѣ. Доводы протекціонистовъ. II. Воззрѣнія Сомнера, Уэльса и Джорджа на таможенную политику. III. О вліяніи таможенной политики на производительность труда. IV. Охранительные тарифы не увеличиваютъ производительности труда. V. Развитіе промышленности безъ таможеннаго покровительства. VI. Торговые договоры. VII. Русская таможенная политика.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.—Потребленіе . . . . . 486—517

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Потребленіе въ собственномъ смыслѣ* . . 486—503

Разряды индивидуальныхъ потребностей. Роскошь и борьба съ нею. Потребительныя артели. Общественныя потребности. Перемѣны въ потребностяхъ. Примѣчанія.

СТРАН.

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Страхованіе*. . . . . 503—517

Виды страхованія. Страхованіе взаимное, промышленное и государственное. Страховое дѣло въ Россіи и заграницей. II. Существо народнаго продовольствія. Продовольственное дѣло въ Россіи. Условія, препятствующія устройству народнаго продовольствія. Примѣчанія.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.—Хозяйственные кризисы . . . . . 518—561

ГЛАВА ПЕРВАЯ . . . . . 518—532

I. Ученія о причинахъ кризисовъ. II. Критика этихъ ученій.

ГЛАВА ВТОРАЯ . . . . . 532—561

I. Причины кризисовъ связаны со всѣмъ строемъ новѣйшей экономической жизни. Острые кризисы. II. Условія, способствующія развитію хроническихъ кризисовъ. III. О коренныхъ средствахъ къ устраненію бѣдствій, связанныхъ съ кризисами. IV. О расширеніи мелкаго землевладѣнія, какъ главнаго средства противъ кризисовъ при нынѣшнемъ общественномъ строѣ. Примѣчанія.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.—Населеніе. . . . . 562—615

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Населеніе и средства продовольствія*. . 562—591

Предшественники Мальтуса. Его ученіе. Причины его ошибокъ. Напрасныя опасенія за будущность человѣческаго рода. Слабый приростъ населенія невсегда связанъ съ невыгодами для общественной жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ. *Переселенія* . . . . . 592—615

I. Условія, вызывающія переселенія. Эмиграція изъ западной Европы. Переселенія въ Россіи. II. Зависимость переселеній отъ плотности населенія. Вліяніе переселеній на государственное и народное хозяйство. III. Отношеніе государства къ переселеніямъ на Западѣ и въ Россіи.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.—Государство и общественное хозяйство. 616—649

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Ученія о вмѣшательствѣ государства въ хозяйственную жизнь* . . . . . 616—626

ГЛАВА ВТОРАЯ . . . . . 631—649

I. О томъ, что значитъ обязанность государства обезпечивать безопасность, охранять свободу и собственность. II. Важнѣйшія задачи государства въ области народнаго хозяйства. III. Въ существѣ государства нѣтъ особенностей, которыя дѣлаютъ для него невозможнымъ благотворно вліять на общественное хозяйство.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Основныя понятія.

Главныя пособія. *Буне.* Основанія Политической Экономіи. 1870. *Ивановъ.* Политическая Экономія. 3 изд. 1891. *Ходскій.* Политическая Экономія. 2 изд. 1887. *Моревъ.* Руководство политической экономіи. 1889. *Чупровъ.* Политическая Экономія. Лекціи. 1892. *Lotz.* Staatswirtschaftslehre. 2 изд. 1837. *Hermann.* Staatswirtschaftliche Untersuchungen. 2 изд. 1870. *v. Mangoldt.* Grundriss der Volkswirtschaftslehre. 1871. *Menger.* Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. 1871. *Roscher.* System der Volkswirtschaft. I, и въ русскомъ переводѣ. *Wagner* (Rau) Lehrbuch der politischen Oekonomie I, 1876. *Schmoller.* Ueber einige Fragen des Rechts u. d. Volkswirtschaft. 1875. *Sidgwick.* The principles of political economy. 1883. *Cohn.* Grundlegung der Nationaloekonomie. 1885. *Jevons.* Theory of Political Economy. 1888. *Gide.* Principes d'économie politique. 1889. *Walras.* Eléments d'économie politique. 1889. *Schönberg.* Handbuch d. politischen Oekonomie. I, 3 изд. 1890. *Laveleye.* Eléments d'économie politique 3 изд. 1890.

Всю жизнь, съ самаго рожденія, человѣкъ ощущаетъ свою зависимость отъ внѣшней природы и людей. Онъ нуждается въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, въ разнообразныхъ личныхъ услугахъ; онъ хочетъ и долженъ удовлетворить эти нужды: только при такомъ условіи и возможно продолженіе жизни. Ощущеніе нужды и связанное съ нимъ стремленіе удовлетворить ее называется *потребностью* [1]).

Потребности людей не представляютъ намъ чего-либо неподвижнаго; онѣ различны въ разныхъ странахъ и разныя эпохи; въ каждой странѣ потребности одного общественнаго класса отличны отъ потребностей другого. Житель тропическихъ поясовъ удовлетворяетъ свою потребность въ пищѣ немногими пригоршнями риса или маиса, а потребность въ одеждѣ—десяткомъ листьевъ, мѣстами прикры-

вающихъ наготу. Обитатель полярныхъ странъ потребляетъ огромныя количества мяса и жира, чтобы поддержать теплоту своего тѣла; онъ нуждается въ топливѣ и шкурахъ звѣрей. На низкой ступени гражданственности человѣку извѣстны только потребности тѣла; но чѣмъ долѣе живетъ человѣчество, тѣмъ болѣе развиваются и потребности духа. Духовная пища, произведенія науки и искусства являются для нѣкоторыхъ слоевъ современнаго европейскаго общества почти столь-же необходимыми, какъ многіе предметы, удовлетворяющіе потребности тѣла. Исторія человѣчества представляетъ намъ не что иное, какъ исторію роста потребностей.

Все, что способно удовлетворять потребности человѣка, называется *благомъ*. Дабы вещь стала благомъ, должны быть на лицо нѣкоторыя условія. 1) Должна быть потребность, которой соотвѣтствуетъ данная вещь. 2) Вещь должна имѣть свойства, которыя отвѣчаютъ на данную потребность; эти свойства называются *полезностью*. 3) Человѣкъ долженъ познать эти свойства и 4) онъ долженъ имѣть возможность получить эту вещь въ свое распоряженіе. Если нѣтъ одного изъ этихъ условій, то вещь не можетъ быть признана благомъ. Возьмемъ для примѣра силу электричества, которая получила широкое примѣненіе въ современномъ обществѣ и которой еще предстоитъ оказать людямъ огромныя услуги. Эта сила является благомъ лишь потому, что 1) цивилизованные народы нуждаются въ средствахъ для быстраго сообщенія извѣстій, освѣщенія зданій, улицъ, площадей; 2) что сила электричества въ высокой степени обладаетъ свойствами удовлетворять эти потребности; 3) что эти свойства электричества познаны человѣкомъ; 4) что люди могутъ подчинить силу электричества своей власти. Внѣ цивилизованнаго міра, среди людей, занимающихъ низшія ступени общежитія, сила электричества не служитъ благомъ, ибо на лицо нѣтъ указанныхъ нами условій. И въ цивилизованныхъ обществахъ вещь перестаетъ быть благомъ, какъ скоро исчезаетъ одно изъ 4 условій. Такъ бываетъ обыкновенно съ двумя первыми условіями: исчезаетъ потребность въ извѣстныхъ вещахъ или вещи утрачиваютъ полезность. Примѣромъ перваго могутъ служить талисманы, амулеты, удовлетворяющіе потребности суевѣрнаго человѣка и ни на что негодные въ обществѣ просвѣщенномъ, гдѣ исчезли послѣдніе остатки суевѣрія. Примѣромъ второго могутъ служить старинные самострѣлы, стѣнобитныя орудія: хотя и теперь ощущается потребность въ предметахъ этого рода, но ее удовлетворяютъ новѣйшія ружья, пушки, а названныя вещи обладаютъ столь малою полезностью въ сравненіи съ потребностями военнаго дѣла нашего времени, что перестали быть благами. Во всѣхъ подобныхъ слу-

чаяхъ вещь перестаетъ быть благомъ. Болѣе часты случаи, когда уменьшается значеніе предмета, какъ блага: участокъ истощенной земли еще можетъ быть пригоденъ для возведенія зданій, проложенія дороги, но уже не отвѣчаетъ на потребности сельскаго хозяйства; обмелѣвшая рѣка служитъ для водопоя, но теряетъ значеніе для судоходства [2]).

Всѣ блага могутъ быть сведены къ тремъ разрядамъ: 1) *Вещественныя*—предметы внѣшней природы, какъ существующіе независимо отъ воли человѣка, такъ и созданные его трудомъ. 2) *Дѣйствія людей и животныхъ*. Они имѣютъ всѣ свойства благъ и отличаются отъ благъ первой группы только тѣмъ, что не могутъ быть сберегаемы и часто не оставляютъ послѣ себя вещественнаго слѣда. 3) *Отношенія*, которыя могутъ быть отчуждаемы: фирма (репутація предпріятія, основывающаяся на его мѣстѣ среди другихъ предпріятій и на отношеніи къ нему лицъ, которыя пользуются его услугами), монополія (отношеніе, устанавляющееся между владѣльцемъ исключительнаго права и лицами, которыя пользуются его услугами), издательское право (также можетъ быть причислено къ монополіи) и т. д. Блага третьяго разряда являются таковыми только съ точки зрѣнія отдѣльныхъ лицъ. Лицо А можетъ разбогатѣть отъ монополіи, дающей ему исключительное право производить карты, спички, но монополія ничего не прибавляетъ къ запасу благъ, которымъ располагаетъ все общество: избытку на сторонѣ одного соотвѣтствуетъ уменьшеніе благъ въ рукахъ другихъ членовъ общества [3]).

По способности удовлетворять потребности людей, блага могутъ быть раздѣлены на нѣсколько классовъ. Одни непосредственно удовлетворяютъ потребности—хлѣбъ, мясо, дома, одежда, лѣкарства; они могутъ быть названы *благами перваго ряда*. Другія только косвенно служатъ этой цѣли. Таковы: хлѣбъ въ зернѣ, строевой матеріалъ, ткани, сырье, металлы. Человѣкъ нуждается въ этихъ предметахъ только какъ въ средствахъ для полученія благъ перваго ряда. Эти блага, лишь косвенно служащія для удовлетворенія потребностей, могутъ быть разбиты на нѣсколько классовъ, по степени отдаленности предмета отъ потребности. Ткань принадлежитъ къ ближайшей группѣ, чѣмъ пряжа; послѣдняя отстоитъ менѣе далеко, чѣмъ машины или зданія, въ которыхъ ведутся промыслы и т. д.

Установленное дѣленіе помогаетъ намъ уяснить тѣсную связь между благами различныхъ рядовъ. 1) Разъ исчезаетъ какая-нибудь потребность, то изъ ряда благъ выходятъ не только тѣ предметы, которые прямо удовлетворяютъ ее, но и многія блага отда-

ленныхъ рядовъ. Представимъ себѣ, что исчезла потребность въ табакѣ. Слѣдствіемъ этого будетъ не только утрата полезности всѣми наличными запасами табака, но и исключеніе изъ ряда благъ всѣхъ табачныхъ плантацій, помѣщеній для сушки табаку, фабрикъ, на которыхъ онъ перерабатывается, личныхъ услугъ, которыя необходимы при производствѣ и продажѣ этого предмета. 2) На каждую потребность отвѣчаютъ многія блага; они образуютъ цѣпь, въ которой отдѣльными звеньями являются блага, по степени отдаленности ихъ отъ потребности. Стоитъ вырвать одно звено этой цѣпи,—и порвется вся связь, потребность не будетъ удовлетворена. Потребности въ суконной одеждѣ соотвѣтствуетъ длинная цѣпь благъ, звеньями которой служатъ: 1) сукно, 2) пряжа и краски, 3) шерсть, машины, фабричныя зданія, 4) стада овецъ, 5) пастбища. Можно образовать и еще много звеньевъ изъ вещей, необходимыхъ для полученія суконной одежды: металловъ, различныхъ дѣйствій по производству этихъ предметовъ, ихъ перемѣщенію. Если вырвано одно звено, напр., погибло много овецъ отъ падежа, то хотя бы въ благахъ, соотвѣтствующихъ другимъ звеньямъ цѣпи, былъ большой избытокъ, потребность въ суконной одеждѣ не можетъ быть удовлетворена.—Въ этомъ сказывается тѣсная связь между благами; она позволяетъ намъ говорить о совокупности благъ, принадлежащихъ данному народу, какъ о системѣ благъ. Части этой системы находятся въ правильномъ соотношеніи.

Человѣкъ нуждается въ благахъ, которыя непосредственно удовлетворяютъ его потребности. Для полученія благъ перваго ряда онъ измѣняетъ блага отдаленныхъ рядовъ. При этихъ измѣненіяхъ, положеніе человѣка бываетъ не одно и тоже. Относительно многихъ благъ можно безошибочно предсказать, что, будучи измѣнены извѣстнымъ образомъ, они дадутъ въ результатѣ опредѣленную сумму полезностей. Мясомъ быка въ 25 пудъ можно накормить извѣстное число людей, 100 аршинами ситца можно одѣть столько-то лицъ. Но есть области, гдѣ человѣческое предвѣдѣніе очень ограничено: частью мало извѣстны нѣкоторые законы природы, частью не довольно развито умѣнье предупреждать неблагопріятныя условія, въ которыя человѣка нерѣдко ставитъ природа. Чтобы получить хлѣбъ, человѣкъ сѣетъ пшеницу; но онъ не можетъ предсказать, сколько четвертей соберетъ съ данной десятины; онъ ловитъ рыбу, но не знаетъ, какъ великъ будетъ уловъ въ предстоящемъ году; онъ начинаетъ разработывать пріиски золота и не знаетъ, какимъ успѣхомъ увѣнчается его трудъ. Въ такихъ областяхъ человѣческой дѣятельности часто бываютъ крупныя ошибки, которыя, по тѣсной связи между благами всѣхъ рядовъ, облегчаютъ или за-

трудняютъ удовлетвореніе различныхъ потребностей и нерѣдко причиняютъ серьезное разстройство въ матеріальной жизни народа.

Въ литературѣ уже давно упрочилось дѣленіе благъ на *даровыя* и *хозяйственныя*. Подъ первыми разумѣются тѣ, которыя даетъ сама природа безъ всякаго воздѣйствія на нее человѣка; вторую группу образуютъ тѣ, которыя созданы человѣческимъ трудомъ. Это дѣленіе, вѣрное съ точки зрѣнія всего человѣчества или отдѣльнаго народа, должно быть измѣнено, если блага классифицируются съ точки зрѣнія отдѣльнаго лица. Говоря о *естественныхъ* богатствахъ страны, мы разумѣемъ не только тѣ дары природы, которые, какъ солнечный свѣтъ, воздухъ, свойства климата, не могутъ быть предметомъ завладѣнія, но и тѣ, которые, какъ участки земли съ дикорастущими плодами, животными, минералами, воды съ рыбами, могутъ быть предметомъ захвата. Словомъ, мы называемъ естественными благами все то, чѣмъ располагаетъ страна независимо отъ труда ея населенія [4]). Съ точки зрѣнія отдѣльнаго лица даровыми благами являются только тѣ изъ даровъ природы, которыми отдѣльныя лица могутъ свободно располагать, или безъ всякаго труда, или съ затратой самыхъ простыхъ усилій (срываніе плодовъ, наполненіе сосуда водою и т. д.). Изученіе свойствъ внѣшнихъ предметовъ показываетъ, что для отдѣльнаго человѣка только очень немногіе могутъ быть признаны даровыми благами; таковы: солнечный свѣтъ и теплота, воздухъ и, въ значительной степени, вода. Эти блага находятся въ такомъ изобиліи, что пользованіе ими не регулируется, и они не становятся хозяйственными благами. Предпочтительно предъ всѣми другими вещами они являются даровыми благами. Не таковы свойства другихъ даровъ природы: ихъ количество ограничено; съ ростомъ народонаселенія въ нихъ ощущается недостатокъ, и пользованіе ими регулируется уже на очень раннихъ ступеняхъ общественнаго быта. Такимъ образомъ, хотя эти блага сами по себѣ, по своей природѣ, даровыя, но *положительное право* исключаетъ ихъ изъ этого разряда, дѣлаетъ хозяйственными благами. Земля со всѣми дикорастущими плодами и минералами, съ точки зрѣнія человѣчества или отдѣльнаго народа, есть даровое благо, ибо трудъ не былъ приложенъ къ созданію этихъ вещей. Но положительное право дѣлаетъ эти блага хозяйственными; оно требуетъ, чтобы отдѣльное лицо, дабы получить право распоряженія участкомъ земли, затратило извѣстное количество денегъ (иначе труда), напр., купило-бы данный участокъ.

Нѣтъ нужды объяснять, почему признаются хозяйственными блага, созданныя человѣческимъ трудомъ. Но почему признаются таковыми блага, сами по себѣ даровыя? Не есть-ли это произволъ

законодателя, выражающійся въ постановленіяхъ положительнаго права?

Заботясь объ удовлетвореніи потребностей, человѣкъ раздѣляетъ всѣ окружающія его блага на два разряда. Одинъ образуютъ тѣ, *запасъ которыхъ превышаетъ размѣры потребностей*. Такими благами можно пользоваться неограниченно, не вносить въ свои отношенія къ нимъ никакого разсчета. Соперничество между людьми относительно пользованія такими благами невозможно, ибо ни одинъ пользователь не исключаетъ другихъ, не лишаетъ ихъ удобствъ, которыя могутъ быть доставлены этими благами. Кромѣ воздуха, свѣта, естественныхъ водъ, въ странахъ съ рѣдкимъ населеніемъ сюда относится и земля. Здѣсь каждый завладѣваетъ участкомъ, который ему нравится. Ко второму разряду относятся тѣ блага, запасъ которыхъ меньше, нежели потребности человѣка. Недостаточность запаса побуждаетъ людей относиться къ этимъ благамъ съ разсчетомъ, дорожить каждой долей запаса. Недостаточность этихъ благъ ведетъ къ тому, что произвольное пользованіе ими однихъ лицъ причиняетъ неудобства для другихъ. Здѣсь между людьми неизбѣжно возникаетъ соперничество, которое и побуждаетъ упорядочить пользованіе этими благами. Упорядоченіе выражается въ томъ, что только затрата извѣстнаго количества труда даетъ людямъ право пользоваться этими благами. Относительно вещей, создаваемыхъ человѣческой работой, такой порядокъ установляется самъ собой и установляется въ эпохи, лежащія за предѣлами исторіи. Обмѣнъ между людьми возникаетъ очень рано; что произведено трудомъ, то обмѣнивается также на трудъ или предметы, имъ созданные. Но, по мѣрѣ роста народонаселенія, такой же порядокъ установляется и относительно земли со всѣми ея богатствами. Умъ человѣческій сознаетъ, что земля ограничена, что она есть важнѣйшее благо, что пользованіе ею должно быть упорядочено, т. е. она не должна *быть ничьей, а сдѣлаться предметомъ права собственности*.

Исторія свидѣтельствуетъ, повидимому, что такое объясненіе искусственно, что произволъ, часто дѣлавшій землю хозяйственнымъ благомъ, только прикрывается ссылкою на характеръ потребностей человѣка. Исторія знакомитъ насъ съ обширными поземельными владѣніями частныхъ лицъ, которыя, не нуждаясь даже въ тысячной долѣ своей территоріи для удовлетворенія потребностей, пользовались и пользуются своимъ правомъ собственности, чтобы допускать другихъ къ этому даровому благу цѣною упорнаго, непосильнаго труда. Таковы нерѣдко отношенія между съемщиками земли и владѣльцами при гражданской свободѣ всего населенія, таковы отношенія—это наи-

болѣе рѣзкая форма—между господами и ихъ рабами или крѣпостными. На пространствѣ исторіи мы видимъ много формъ права собственности, которыя противорѣчатъ интересамъ большинства населенія. Но дѣло не въ *формѣ*, а въ *основаніи*, которымъ объясняется право собственности на землю. А основаніе только одно — ограниченность земли и, съ ростомъ населенія, все бо̀льшая возможность того, что земельныхъ богатствъ будетъ недостаточно. Земля является хозяйственнымъ благомъ не только при тѣхъ формахъ землевладѣпія, которыя сопряжены съ невыгодами для многихъ членовъ общества, но и при общинной или государственной поземельной собственности, доступной для многочисленныхъ группъ или и для всего народа. Древне-германская община-марка не допускала чужеродцевъ къ поселенію въ своихъ предѣлахъ; то же встрѣчаемъ мы и въ швейцарской альмендѣ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ уступаетъ переселенцамъ земли не безвозмездно, а за извѣстную плату, хотя оно владѣетъ громадными пространствами. Въ нашемъ отечествѣ казенныя земли продаются или сдаются въ аренду; онѣ уступаются даромъ лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя правительство хочетъ населить изъ цѣлей политическихъ и т. п. Каковы-бы ни были формы права собственности на землю, послѣдняя перестаетъ быть даровымъ благомъ, при извѣстномъ отношеніи между ея запасомъ и потребностью въ ней. То же слѣдуетъ сказать о внутреннихъ водахъ съ ихъ богатствами.

Такимъ образомъ ростъ потребностей объясняетъ, почему даровыя блага переходятъ въ хозяйственныя. Потребность въ данномъ благѣ увеличивается вслѣдствіе трехъ причинъ: 1 возрастаетъ населеніе; 2) увеличиваются потребности, 3) познаются новыя свойства вещей, вслѣдствіе чего благо удовлетворяетъ не одну, а нѣсколько потребностей [5]). Обыкновенно эти три условія развиваются совмѣстно. Съ ростомъ населенія трудъ людей становится болѣе успѣшнымъ, и развиваются новыя потребности: одновременно съ этимъ большій досугъ и большее накопленіе знаній ведетъ къ новымъ открытіямъ; изучаются свойства внѣшней природы, которыя не были извѣстны предыдущимъ поколѣніямъ. Все это вмѣстѣ содѣйствуетъ переходу благъ изъ даровыхъ въ хозяйственныя. Число первыхъ все болѣе ограничивается; для современной эпохи въ первый разрядъ можно отнести только свѣтъ и теплоту солнца, воздухъ, силу вѣтра и нѣкоторыя естественныя воды, преимущественно океаны. Все-же остальное—блага хозяйственныя; только они вызываютъ между людьми отношенія, которыя изучаетъ политическая экономія.

Есть два главныхъ способа пріобрѣтенія благъ: 1) *Прямое*, по-

средствомъ труда, направленнаго на добываніе, обработку, перемѣщеніе вещей; трудящійся совершаетъ всѣ эти дѣйствія для удовлетворенія собственныхъ потребностей. 2) Пріобрѣтеніе *косвенное* посредствомъ *обмѣна*. Въ послѣднемъ случаѣ потребность удовлетворяется не тѣми благами, которыя произведены лицомъ, имѣющимъ потребность, но тѣми, которыя получены за нихъ въ обмѣнъ. Къ этимъ двумъ формамъ примыкаетъ и 3) пріобрѣтеніе безмездное чрезъ наслѣдованіе, благотвореніе и т. п. Хотя послѣдняя форма имѣетъ немаловажное значеніе, однако, она не играетъ такой роли, какъ двѣ первыя формы. Наибольшая часть потребностей удовлетворяется двумя первыми способами [6]).

Первый способъ пріобрѣтенія благъ не нуждается въ объясненіи. Возможность же второго становится понятною только по ознакомленіи съ тѣмъ свойствомъ благъ, которое называется *цѣнностью*.

Цѣнность есть способность блага обмѣниваться на другія блага. Наблюдая и анализируя всевозможные случаи обмѣна, мы замѣчаемъ, что, при всемъ разнообразіи обмѣниваемыхъ вещей, онѣ имѣютъ двѣ общія всѣмъ имъ особенности. 1) Всѣ онѣ полезны, т.-е. обладаютъ способностью удовлетворять потребности цѣлаго народа, извѣстныхъ классовъ или хотя немногихъ членовъ общества. 2) Всѣ онѣ являются хозяйственными благами. Отсутствіе этихъ обоихъ свойствъ или одного изъ нихъ лишаетъ блага возможности имѣть цѣнность. Такимъ образомъ, тѣ блага, которыя являются плодомъ труда, но не могутъ удовлетворять чью-либо потребность, не имѣютъ и цѣнности: таковы, напр., лѣкарства, которыя, съ дальнѣйшимъ развитіемъ знаній и медицинскаго искусства, признаются безполезными; таковы произведенія науки и искусства въ средѣ, которая не можетъ ими пользоваться. Воздухъ, солнечный свѣтъ, какъ даровыя блага, также не имѣютъ цѣнности.

Отъ цѣнности нужно отличать *цѣну*. Первая есть только способность блага обмѣниваться на другія блага. Какъ скоро эта способность получила внѣшнее выраженіе въ совершившемся обмѣнѣ, мы имѣемъ новое понятіе—*цѣну*. Цѣна есть то отношеніе, въ которомъ блага обмѣниваются другъ на друга. Тѣсная связь между обоими понятіями выражается въ томъ, что второе необходимо предполагаетъ первое (обмѣнъ благами совершился, получилась *цѣна*, если эти блага были способны къ обмѣну, т. е. имѣли *цѣнность*), первое же не всегда влечетъ за собой второе. Но между ними есть и крупное различіе: цѣнность постоянно присуща извѣстнымъ благамъ и не подлежитъ рѣзкимъ и частымъ измѣненіямъ. Цѣну же блага имѣютъ не всегда, и она часто испытываетъ рѣз-

кія колебанія. Поэтому, изъ способности блага къ обмѣну нельзя безошибочно заключить ни то, *когда* совершится обмѣнъ, ни то, *въ какомъ отношеніи* онъ совершится.

Отлагая до другого мѣста полное ученіе о цѣнности и цѣнѣ, мы можемъ перейдти къ опредѣленію *имущества*. Подъ нимъ разумѣютъ совокупность хозяйственныхъ благъ, принадлежащихъ данному физическому или юридическому лицу. Это опредѣленіе можетъ быть примѣнено къ имуществу отдѣльнаго лица, общины, города, государства. Для того, чтобы можно было распространить его на народъ, какъ коллективное цѣлое, нужно измѣнить его: *народное имущество* есть совокупность находящихся въ странѣ имуществъ физическихъ и юридическихъ лицъ (какъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ), входящихъ въ составъ даннаго народа. *Богатствомъ* называемъ мы большое имущество сравнительно со многими другими имуществами.

Имущество представляется въ двоякомъ видѣ: 1) предметы, которые непосредственно удовлетворяютъ потребности и 2) предметы, служащіе для дальнѣйшаго производства. Хлѣбъ, мясо, рубашка, книга, картина, домашняя утварь предназначены для того, чтобы удовлетворять потребности людей въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, въ наслажденіи художественнымъ творчествомъ. Всѣ предметы этого рода образуютъ *потребительные запасы*. Топоръ, пила, ткацкій станъ, прядильная машина, паровой молотъ, зданіе, въ которомъ помѣщается писчебумажная фабрика, навозное или фосфоритное удобреніе земли не могутъ прямо удовлетворять человѣческія потребности; эти предметы не даютъ человѣку непосредственно возможности утолить голодъ или жажду, прикрыть наготу тѣла и т. д. Предназначенные по самому существу своему служить для изготовленія, какъ потребительныхъ запасовъ, такъ и подобныхъ себѣ вещей, эти предметы называются *капиталами*.

Имущество не представляетъ неизмѣнной величины; оно увеличивается вслѣдствіе поступленія различныхъ благъ и уменьшается подъ вліяніемъ затратъ, которыя совершаетъ его владѣлецъ. Поступленія въ имущество физическаго или юридическаго лица бываютъ двоякаго рода. Одни не отличаются правильностью и постоянствомъ; нельзя точно опредѣлить ни ихъ размѣры, ни время ихъ полученія; они не стоятъ въ необходимой связи съ лицомъ, которое получаетъ ихъ. Большая часть этихъ неопредѣленныхъ и случайныхъ поступленій имѣетъ ту особенность, что не составляетъ прироста къ народному имуществу, а только къ имуществу частныхъ лицъ. Таковы, напр., поступленія наслѣдства, приданаго, выигрыши въ карты, лоттерею. Эти неожиданныя поступленія въ

имущество называются *приходомъ*. Другую группу образуютъ тѣ поступленія которыя отличаются правильностью, періодичностью. Общимъ источникомъ этихъ поступленій служитъ трудъ. Одни изъ нихъ служатъ плодомъ труда лицъ, которыя получаютъ ихъ. Крестьянинъ, совершивъ цѣлый рядъ сельскохозяйственныхъ работъ, ежегодно собираетъ на своемъ земельномъ надѣлѣ опредѣленное количество хлѣба, сѣна; ремесленникъ ежегодно изготовляетъ такое-то количество одежды, обуви, утвари. Правильность этихъ поступленій не измѣняется отъ того, имѣютъ ли они форму предметовъ въ натурѣ или сразу принимаютъ денежную форму. Денежная форма служитъ первоначальнымъ видомъ такихъ поступленій, какъ плата сельскихъ и фабричныхъ работниковъ, жалованье лицъ, состоящихъ на государственной и частной службѣ. Другимъ основаніемъ этихъ періодическихъ, правильныхъ поступленій служитъ владѣніе имуществомъ: владѣлецъ земли получаетъ отъ съемщика ренту или арендную плату; владѣлецъ денежнаго капитала, отдавая его въ долгъ, получаетъ отъ должника процентъ за пользованіе этимъ капиталомъ; владѣлецъ дома получаетъ отъ жильцовъ квартирную плату; хозяинъ прядильни получаетъ отъ своего промысла прибыль. Всѣ періодически-правильныя поступленія въ имущество лица называются *доходомъ*. Доходъ отличается гораздо большею правильностью, нежели приходъ: онъ колеблется изъ года въ годъ, но все же можетъ быть опредѣляемъ съ приблизительною точностью для довольно долгихъ періодовъ времени. Взявшій лоттерейный билетъ не знаетъ, какъ великъ будетъ его приходъ изъ этого источника; лицо, ожидающее наслѣдство, часто не знаетъ, насколько отъ этого увеличится его имущество. Но столяръ, сапожникъ, ткачъ, прядильщикъ обыкновенно знаютъ, какой ежегодный доходъ они будутъ имѣть отъ своего промысла; землевладѣлецъ, капиталистъ, чиновникъ могутъ или вполнѣ точно, или довольно близко къ дѣйствительности опредѣлить свои ежегодные доходы.

Различіе между приходомъ и доходомъ установляетъ и различныя точки зрѣнія на пользованіе тѣмъ и другимъ. Доходъ, вслѣдствіе періодической правильности своего поступленія, можетъ быть затрачиваемъ цѣликомъ, и это не грозитъ имуществу уменьшеніемъ. Приходъ же, будучи нерѣдко формой перенесенія имущества отъ одного лица другому (такъ бываетъ при полученіи наслѣдства, приданаго), какъ единовременное поступленіе, уже самъ по себѣ образуетъ имущество и служитъ источникомъ будущихъ доходовъ. Можно подмѣтить эти различія въ жизни цѣлыхъ народовъ. Для государства доходомъ являются тѣ періодическія поступленія, которыя граждане доставляютъ государству въ видѣ налоговъ,

разныхъ предметовъ натурой и личныхъ услугъ (дорожной, подводной повинности). Приходомъ же слѣдуетъ назвать такое единовременное и обыкновенно крупное поступленіе, какъ новая территорія, пріобрѣтенная войною или мирными сношеніями, военная контрибуція.

Доходъ раздѣляется на *валовой и чистый*. Первый состоитъ изъ всѣхъ благъ, которыя періодически поступаютъ въ данное имущество: все количество хлѣба, скота, огородныхъ овощей, молочныхъ продуктовъ, которые ежегодно получаетъ сельскій хозяинъ, образуютъ его валовой доходъ. Изъ него должны быть также періодически правильно совершаемы расходы, которые не отвѣчаютъ прямо на потребности хозяина и его семьи; эти расходы, именуемые *издержками производства*, должны быть совершаемы для того, чтобы доходъ имѣлъ опредѣленную высоту и поступалъ правильно, въ извѣстные сроки. Извѣстное количество сѣна должно быть употребляемо на кормъ рабочему и молочному скоту, для полученія навознаго удобренія, поддержанія плодородія въ почвѣ и доставленія даннаго количества молочныхъ продуктовъ; часть валоваго дохода должна быть затрачиваема на покупку земледѣльческихъ орудій, исправленіе построекъ, изгородей. Къ этимъ издержкамъ производства присоединяется и вторая группа расходовъ, — затраты, которыя дѣлаются изъ валоваго дохода для вознагражденія всѣхъ лицъ, прямо или косвенно участвующихъ въ процессѣ даннаго сельскаго хозяйства: работники получаютъ плату за свой трудъ, владѣлецъ земли—арендную плату, если хозяйство ведется на арендуемомъ участкѣ. Доля же валоваго дохода, остающаяся для лично-семейныхъ потребностей хозяина, образуетъ чистый доходъ.

Стремленіе человѣка къ удовлетворенію потребностей выражается въ различныхъ видахъ труда, направленнаго на пріобрѣтеніе имущества. Человѣкъ отыскиваетъ блага, дарованныя природой, соединяетъ ихъ, раздѣляетъ, изготовляетъ изъ нихъ разнообразные предметы, обмѣнивается ими. Вся совокупность дѣйствій этого рода образуетъ *техническую* сторону дѣятельности человѣка. Она состоитъ въ приготовленіи всѣхъ нужныхъ для жизни человѣка предметовъ опредѣленнаго качества, въ извѣстное время и извѣстномъ мѣстѣ. Такъ, наприм., работы по проведенію шахтъ, отыскиваніе минераловъ въ нѣдрахъ земли, извлеченіе этихъ минераловъ на поверхность, отдѣленіе изъ руды металловъ образуютъ техническую сторону горнаго промысла.

Но въ дѣятельности человѣка есть и другая сторона. Онъ заботится о *массѣ* предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія каж-

дой потребности. Такъ какъ удовлетвореніе каждой потребности требуетъ извѣстнаго количества труда, затраты части жизни, то, при всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка, имъ руководитъ разсчетъ. Разсчетъ принимаетъ двѣ формы: 1) Онъ направленъ на опредѣленіе *массы благъ*, которая необходима для удовлетворенія каждой потребности. 2) Такъ какъ широкое удовлетвореніе потребностей второстепенныхъ и недостаточное — потребностей важнѣйшихъ можетъ затруднить жизнь человѣка, то разсчетъ направленъ на *группированіе потребностей*, дѣленіе ихъ на важнѣйшія и второстепенныя. Это есть *хозяйственная* сторона дѣятельности человѣка. Она состоитъ въ классифицированіи потребностей и въ опредѣленіи количества труда, необходимаго для удовлетворенія каждой изъ нихъ. Разсчетъ, лежащій въ основаніи хозяйственной дѣятельности, всегда руководитъ техникой и даетъ ей направленіе: гдѣ нѣтъ разсчета, тамъ затрудняется удовлетвореніе нѣкоторыхъ потребностей, и жизнь отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ ставится въ невыгодныя условія. Такъ, наприм., вслѣдствіе сложившихся техническихъ пріемовъ (привычка населенія рубить и пилить лѣсъ) потребность данной мѣстности въ топливѣ можетъ быть всего проще удовлетворена дровами. Но хозяйственный разсчетъ говоритъ, что лѣсовъ мало, что истребленіе ихъ на топливо можетъ быть сопряжено со вредомъ для сельскаго хозяйства, будетъ содѣйствовать ухудшенію климата и т. п. Этотъ разсчетъ и побуждаетъ населеніе усвоить новые техническіе пріемы, добывать торфъ, каменный уголь. Указывая на разсчетъ, какъ отличительную черту хозяйственной дѣятельности человѣка, мы можемъ дать хозяйству слѣдующее опредѣленіе: *оно есть совокупность основанныхъ на разсчетѣ дѣйствій, направленныхъ къ поддержанію, умноженію и расходованію имущества.*

Съ точки зрѣнія единства воли и предѣловъ дѣятельности, хозяйства могутъ быть раздѣлены на два обширные класса: 1) *хозяйства частныя.* Сюда относятся хозяйство семьи, общины, города, государства. Каждое изъ нихъ является частнымъ хозяйствомъ, поскольку мы разсматриваемъ его жизнь только въ его предѣлахъ, независимо отъ его отношеній къ другимъ хозяйствамъ. 2) Вторую группу образуетъ *общественное хозяйство.* Въ немъ нѣтъ единой воли; оно состоитъ изъ совокупности частныхъ хозяйствъ, находящихся во взаимныхъ отношеніяхъ. Въ общественномъ хозяйствѣ мы замѣчаемъ черты, которыя отличаютъ частное хозяйство и, сверхъ того, особенности, которыя вовсе неизвѣстны частному хозяйству. Послѣднія и вытекаютъ изъ взаимныхъ отношеній частныхъ хозяйствъ. Такъ, напр., всѣ явленія обмѣна, отъ про-

стѣйшихъ до самыхъ сложныхъ, отличающихъ современную намъ эпоху, развитое раздѣленіе труда, страхованіе въ своихъ разнообразныхъ формахъ и т. п. составляютъ принадлежность только общественнаго хозяйства, вытекаютъ изъ взаимныхъ отношеній между частными хозяйствами. Но и общественное хозяйство представляется намъ въ двухъ видахъ: а) *хозяйство народное*, обнимающее совокупность частныхъ хозяйствъ одного народа, какъ политическаго цѣлаго. Въ этомъ хозяйствѣ нѣтъ единой воли, которая руководила бы всѣми отношеніями между частными хозяйствами. Но есть воля — ея органомъ служитъ государственная власть—упорядочивающая нѣкоторыя изъ этихъ отношеній (отношенія между заимодавцами и должниками, нанимателями и наемниками и т. п.). Путемъ такъ-называемаго экономическаго законодательства государственная власть вноситъ въ народное хозяйство элементъ единства воли. б) *Хозяйство міровое*, какъ совокупность частныхъ хозяйствъ, находящихся въ взаимныхъ отношеніяхъ и принадлежащихъ къ разнымъ народамъ. Здѣсь вовсе нѣтъ единой воли (за изъятіемъ тѣхъ отношеній, которыя единообразно регулируются соглашеніемъ многихъ государствъ, каковы, напр., почтовое дѣло, телеграфное и нѣкоторыя другія), и одно и то же хозяйственное отношеніе различно упорядочивается въ отдѣльныхъ государствахъ. Возьмемъ простѣйшій случай: частное хозяйство А изготовляетъ товары для вывоза за-границу. Въ зависимости отъ того, что товары эти ввозятся безпошлинно въ одну страну и оплачиваются пошлинами при ввозѣ въ другія, А получаетъ различныя выгоды отъ ввоза товаровъ въ страны Б, В, Г. Но, при различіи между хозяйствами народнымъ и міровымъ, они имѣютъ много общихъ чертъ, которыя сближаютъ ихъ и отличаютъ ихъ отъ частнаго хозяйства.

Хозяйственный разсчетъ, какъ говоритъ намъ внутренній опытъ, вытекаетъ изъ нашего чувства самосохраненія; это чувство выражается въ стремленіи человѣка увеличивать имущество и бережно расходовать его; это чувство побуждаетъ человѣка напрягать силы для полученія наибольшихъ матеріальныхъ выгодъ. Это движущее начало настолько преобладаетъ въ хозяйственной жизни, что, со времени Адама Смита, въ наукѣ упрочился пріемъ разсматривать человѣка дѣйствующимъ въ хозяйствѣ подъ вліяніемъ только самолюбія. Ни Адамъ Смитъ и другіе первоклассные мыслители, ни даже второстепенные писатели, конечно, не думали, чтобы въ сферѣ хозяйства не было мѣста для проявленія другихъ мотивовъ. Но частью соображенія о выгодности такого пріема въ интересахъ методологическихъ, частью преобладающее значеніе этого мотива

въ хозяйствѣ побуждали ихъ устранять всѣ другіе мотивы человѣческой души, обнаруживающіеся во многихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Дабы болѣе полно изучить хозяйственныя явленія, нужно, признавая начало самолюбія господствующимъ, указать и на другую силу; будучи прямо противоположна самолюбію, она сдерживаетъ его проявленіе. Эта сила—*начало общественности*. Оно столь тѣсно связано съ общественною жизнью людей, что мы встрѣчаемъ его уже на самыхъ раннихъ ступеняхъ общежитія. Его источникомъ служитъ сознаніе людей, что, при неограниченномъ стремленіи каждаго только къ своимъ личнымъ цѣлямъ, общественная жизнь становится невозможною, слабый окончательно подавляется сильнымъ и громадная масса населенія вовсе не получаетъ доступа къ благамъ цивилизаціи. Начало это проявляется въ двухъ формахъ:

1) Въ формѣ *свободнаго чувства дружелюбія*, выражающагося въ дѣлахъ благотворенія. Можно спорить о томъ, есть ли это прирожденное чувство, или оно постепенно развилось въ людяхъ подъ вліяніемъ общежитія. Несомнѣнно одно: это чувство можетъ быть подмѣчено уже въ самые ранніе періоды исторіи. Движимый этимъ чувствомъ, человѣкъ удѣляетъ ближнимъ долю своихъ матеріальныхъ благъ и не стремится къ полученію отъ нихъ равноцѣнности. И безпорядочная подача милостыни въ недовольно культурныхъ обществахъ или слояхъ населенія, и организованная частными лицами помощь престарѣлымъ, больнымъ, увѣчнымъ и безвозмездное отправленіе разныхъ обязанностей (почетные мировые судьи, санитарные попечители, сестры милосердія и т. п.) и разные другіе акты могутъ быть сведены къ этому началу. По мѣрѣ общественнаго прогресса, чувство это, оставаясь однимъ и тѣмъ же по существу, измѣняется въ своихъ проявленіяхъ: они также все болѣе проникаются хозяйственнымъ разсчетомъ; совершая дѣла благотворенія, люди стараются придать имъ такую организацію, при которой, съ данной затратой средствъ, можно удовлетворить возможно большее число слабыхъ членовъ общежитія. Но, кромѣ лучшей организованности, это чувство, по мѣрѣ развитія людей, расширяется въ пространствѣ. Первоначально оно ограничивается тѣсными предѣлами семьи [7]) (сфера господства любви), рода, общины, союзовъ, гдѣ связь между членами установляется единствомъ религіи. Позднѣе же оно обнимаетъ все государство и даже все человѣчество [8]); чувство это космополитизируется.

2) Другой формой проявленія этого чувства служатъ тѣ хозяйственныя отношенія, которыя вытекаютъ не изъ свободнаго влеченія людей, а вынуждаются или господствующими обычаями,

всѣмъ уровнемъ нравственности даннаго народа или класса, или закономъ. Подчиняясь всей совокупности нравственныхъ воззрѣній своей среды, человѣкъ самъ сдерживаетъ иногда порывы самолюбія. Онъ боится порицанія со стороны общественнаго мнѣнія и часто задаетъ себѣ вопросъ, *что скажутъ*, при томъ или другомъ образѣ его дѣйствій? Даже многіе черствые люди, слѣдуя обычаю или модѣ, совершаютъ акты, вполнѣ подобные проявленіямъ свободнаго чувства дружелюбія [9]). Конечно, такіе акты, даже въ своей совокупности, поскольку они не вызываются обычаями, прочно коренящимися въ народной жизни [10]), не могутъ внести въ хозяйственный бытъ крупныя измѣненія. Но разъ общественная власть посредствомъ законовъ ограничиваетъ эгоистическое начало, эти ограниченія могутъ рѣшительнымъ образомъ измѣнять хозяйственныя отношенія. Вмѣшательство общественной власти въ хозяйственную дѣятельность гражданъ проявляется въ двухъ формахъ: чисто *юридической* и *хозяйственно-полицейской*. Первая форма состоитъ въ созданіи, поддержаніи и измѣненіи правового порядка внутри страны. Поддерживая правовой порядокъ, власть даетъ прочность всѣмъ отношеніямъ между гражданами и устраняетъ произволъ, который препятствуетъ развитію хозяйства. Измѣняя же правовой порядокъ, соотвѣтственно съ требованіями развивающейся научной мысли и настоятельными потребностями общежитія, государственная власть создаетъ нормы права, которыя ограничиваютъ эгоистическое начало. Отмѣна крѣпостного состоянія, опредѣленіе отношеній нанимателей къ наемникамъ, регулированіе отраслей промышленности, способныхъ приносить населенію значительный вредъ и многіе другіе, подобные имъ акты юридической дѣятельности государства вносятъ общественное начало въ хозяйственныя отношенія. Хозяйственно-полицейская дѣятельность государства выражается въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ потребностей общества дѣятельностью не частныхъ хозяйствъ, а государства, центральныхъ и мѣстныхъ органовъ управленія. Однѣ изъ этихъ потребностей признаются настолько важными, что удовлетворяются общественно и даже съ полнымъ отстраненіемъ частныхъ хозяйствъ отъ этой дѣятельности (защита страны извнѣ, правосудіе внутри страны, почта, нѣкоторые пути сообщенія). Общественная власть обязываетъ частныя хозяйства удѣлять ей для этихъ цѣлей извѣстную долю ихъ доходовъ. Другія потребности удовлетворяются частными хозяйствами, но общественная власть приходитъ къ нимъ на помощь, когда силы ихъ оказываются недостаточными (осушеніе, орошеніе, сооруженіе путей). Есть, наконецъ, потребности не матеріальныя, которыя въ интересахъ населенія, главнымъ образомъ, удо-

влетворяются также общественно (обученіе народа). Для дѣятельности государства въ этихъ направленіяхъ нужны большіе запасы матеріальныхъ благъ и разнообразныя личныя услуги. Все, взятое вмѣстѣ, образуетъ особый механизмъ, *государственное* или *финансовое хозяйство*. Начало себялюбія ослабляется во всѣхъ сферахъ, которыя затрогиваетъ хозяйственная дѣятельность государства (за исключеніемъ той, которую обнимаетъ частное хозяйство государства). Если государство исключительно удовлетворяетъ извѣстную потребность гражданъ, то полагается преграда ихъ дѣятельности, а слѣдовательно и проявленію эгоистическаго начала. Если оно работаетъ на ряду съ частными хозяйствами, то, уже по своему хозяйственному могуществу, можетъ направлять всю дѣятельность и ослаблять начало эгоизма. Какъ, по мѣрѣ роста прогресса, формы свободной благотворительности получаютъ лучшую организацію, а само чувство дружелюбія выходитъ за тѣсные предѣлы исконныхъ и простѣйшихъ союзовъ, такъ измѣняются и формы общественнаго начала, вносимаго государствомъ въ хозяйственныя отношенія. Его юридическая и хозяйственно-полицейская дѣятельность все чаще примѣняется тамъ, гдѣ усилія частныхъ хозяйствъ или недостаточны, или, служа личнымъ интересамъ, препятствуютъ достиженію общаго блага. Расширяются и предѣлы дѣятельности государства: интересы высшихъ классовъ рѣже отожествляются съ выгодами всего народа; крѣпнетъ убѣжденіе, что дѣятельность государства должна служить ко благу всего населенія и, особенно, слабѣйшихъ гражданъ. А потому, хотя выраженіе современнымъ государствомъ общественнаго начала отстоитъ очень далеко отъ идеала, однако, выраженіе это становится все болѣе полно и понемногу ограничиваетъ эгоизмъ въ сферѣ хозяйства. Итакъ, въ общественномъ хозяйствѣ господствуютъ два начала — личное и общественное. Первое даетъ тонъ большинству хозяйственныхъ отношеній; но второе ограничиваетъ его тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше уровень общественной нравственности, и чѣмъ болѣе государственная власть проникается сознаніемъ общаго блага.

Хозяйственныя явленія образуютъ особый классъ явленій и могутъ быть предметомъ самостоятельной науки. Во всѣхъ техническихъ дѣйствіяхъ есть общія черты, которыя и составляютъ хозяйство. Наука о хозяйствѣ не имѣетъ своимъ предметомъ, какъ нерѣдко говорятъ, производство благъ, ихъ распредѣленіе и т. д. Всѣ эти дѣйствія разсматриваются отдѣльными техническими науками, о горномъ дѣлѣ, о земледѣліи, скотоводствѣ и другими. Наука о хозяйствѣ интересуется этими отдѣльными дѣйствіями и разными видами благъ лишь настолько, насколько они служатъ средствомъ

для удовлетворенія потребностей и требуютъ труда для поступленія во власть человѣка. Такимъ образомъ, въ массѣ техническихъ дѣйствій ея вниманіе привлекаютъ только общія всѣмъ имъ формы приспособленія благъ для человѣческихъ потребностей. «Наука о хозяйствѣ, по справедливому замѣчанію Германна, отвлекаетъ эти формы приспособленія (Zurathehaltung) благъ, обнаруживаетъ ихъ всеобщность и показываетъ, какъ изъ стремленія къ самосохраненію вытекаютъ явленія и дѣйствія съ такой правильностью и несомнѣнностью, что они должны быть признаны законами, и какъ отсюда исходятъ положенія, которыя должны быть соблюдаемы, какъ правила, при затратѣ средствъ на удовлетвореніе потребностей» [11]). Явленія этого класса относятся или къ частному хозяйству, или къ хозяйству общественному. Поскольку они относятся къ первому, они составляютъ предметъ *частной экономіи* или ученія о домоводствѣ. Простота строя даже самыхъ обширныхъ частныхъ хозяйствъ ведетъ къ тому, что частная экономика состоитъ изъ совокупности правилъ, установляемыхъ отдѣльными техническими науками. Въ ней можно найдти сравнительно немного положеній чисто хозяйственно-научнаго характера. Явленія, относящіяся до общественнаго хозяйства, составляютъ предметъ особой науки. Эти явленія сложны и разнообразны; они зависятъ отъ душевныхъ свойствъ человѣка, особенностей внѣшней природы и правового строя даннаго общества. Но эти явленія, какъ ни многочисленны и разнообразны условія, отъ которыхъ они зависятъ, могутъ быть приведены въ систему; въ нихъ можетъ быть подмѣченъ порядокъ, законы, ими управляющіе. Гдѣ же есть законы явленій, тамъ есть и наука. Такимъ образомъ, *политическая экономія* [12]) *есть наука о явленіяхъ общественнаго* [13]) *хозяйства и законахъ, управляющихъ этими явленіями.*

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

1) Въ литературѣ можно найдти разныя исходныя точки при изложеніи политической экономіи. Нѣкоторые (напр. *Рау*) исходятъ отъ понятія о *благѣ*, другіе (*Линдвурмъ*) отъ понятія о *хозяйствѣ*. Хотя выборъ того или другого понятія за точку отправленія не есть дѣло первостепенной важности, однако, мы считаемъ, подобно *Германну и Вагнеру*, предпочтительнымъ поставить въ началѣ изложенія понятіе о *потребности*, ибо сознаніе человѣкомъ своей зависимости отъ внѣшней природы и людей и обусловливаетъ хозяйственную дѣятельность.

2) Исключеніе предмета изъ категоріи благъ, за отсутствіемъ двухъ послѣднихъ условій, едва-ли возможно въ цивилизованномъ обществѣ. Разъ свойства предмета были познаны, они и остаются извѣстными уже потому, что есть много раз-

215903

Київський інститут народного господарства БІБЛІОТЕКА

ныхъ способовъ сберегать пріобрѣтенныя знанія. Разъ человѣчество получило власть надъ вещью, оно и сохраняетъ ее.

3) Многіе писатели чрезмѣрно расширяютъ понятіе о благѣ. Германъ считаетъ внѣшними благами такія человѣческія отношенія, какъ дружбу, семейную связь и т. п. Рошеръ и Вагнеръ относятъ къ благамъ государство и т. д. Мы считаемъ цѣлесообразнымъ не расширять до такихъ предѣловъ понятіе о благѣ, ибо это расширеніе влечетъ за собой такія, напр., неудобства. *Богатство* есть большая масса благъ... Можно-ли назвать человѣка богатымъ только потому, что онъ пользуется семейнымъ счастьемъ, любимъ своими знакомыми и живетъ въ благоустроенномъ государствѣ? Если слишкомъ расширить понятіе о благѣ, то такого человѣка нужно назвать богатымъ. Поэтому, мы совершенно исключаемъ изъ категоріи благъ, какъ неотъемлемыя свойства человѣческой природы (здоровье, красота, знаніе и т. п.), такъ и неотчуждаемыя отношенія (семейныя, узы дружбы, отношенія, вытекающія изъ принадлежности къ государству и т. д.) и считаемъ все это лишь условіями, которыя оказываютъ вліяніе на сумму благъ, могущихъ быть въ распоряженіи даннаго народа.

4) При группированіи благъ на даровыя и хозяйственныя, можно различать, какъ то дѣлаетъ Вагнеръ, точки зрѣнія человѣчества и отдѣльнаго народа. Земля съ первой точки зрѣнія, есть благо даровое; со второй она можетъ быть благомъ, хозяйственнымъ, когда данная площадь земли пріобрѣтается отдѣльнымъ народомъ посредствомъ завоеванія или покупки. Но это различеніе не имѣетъ существенной важности; если слѣдовать ему, то нужно признать хозяйственнымъ благомъ территорію всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ (тоже и въ другихъ частяхъ свѣта), ибо она была пріобрѣтена путемъ завоеванія, вытѣсненія туземныхъ племенъ. Можно вести группированіе благъ еще дальше: признавать даровыми съ точки зрѣнія отдѣльнаго лица тѣ хозяйственныя блага, которыя оно получаетъ безъ труда (чрезъ наслѣдованіе). Но такое мелочное группированіе совершенно излишне: предпочтительно говорить въ этихъ случаяхъ о даровомъ пріобрѣтеніи хозяйственныхъ благъ.

5) Теперь мохъ употребляется только для конопаченія стѣнъ, и землевладѣльцы по крайней мѣрѣ, не особенно корыстолюбивые) позволяютъ окрестному населенію, пользоваться имъ даромъ или за ничтожную плату, такъ что его можно назвать (даровымъ благомъ. Если-бы опыты приготовленія спирта изъ моха были удачны, то, вѣроятно, всѣ владѣльцы очень дорожили бы этимъ предметомъ.

6) *Вагнеръ*, по присущей ему, какъ и многимъ другимъ нѣмецкимъ писателямъ, наклонности къ составленію рубрикъ, насчитываетъ еще нѣсколько способовъ пріобрѣтенія. Особую рубрику онъ образуетъ изъ пріобрѣтенія гражданами благъ отъ правительственной дѣятельности государства. Но эти блага соотвѣтствуютъ налогамъ и другимъ сборамъ, которые несутъ на себѣ граждане. Хотя здѣсь нѣтъ того рода обмѣна, который совершается между частными хозяйствами, но въ общемъ и для простоты классификаціи можно и этотъ способъ пріобрѣтенія отнести къ обмѣну.

7) Въ отношеніяхъ членовъ семьи другъ къ другу настолько отсутствуетъ эгоизмъ, что есть достаточное основаніе признавать (какъ дѣлаютъ, напр., Шеффле и нѣкоторые другіе) семью низшей хозяйственной единицей и говорить не о личномъ, а о лично-семейномъ эгоизмѣ, какъ главномъ движущемъ началѣ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ.

8) Англійскія и нѣмецкія женщины исполняли обязанности сестеръ милосердія въ послѣднюю русско-турецкую войну; пожертвованіе американцами хлѣба въ пользу населенія Россіи, пострадавшаго отъ неурожая.

9) Характеръ вынужденности носятъ на себѣ многія пожертвованія въ пользу голодающихъ, погорѣльцевъ и т. п.

10) Таковъ, напр., обычай среди нашихъ крестьянъ оказывать пострадавшимъ отъ пожара содѣйствіе въ формѣ доставленія подводъ для возки лѣса. Обычай этотъ въ великороссійскихъ губерніяхъ настолько силенъ, что ему подчиняются даже вовсе не гуманные крестьяне, мотивируя свое дѣйствіе тѣмъ, что, въ случаѣ отказа, „прохода не дадутъ“.

11) *Hermann.* Staatswirtschaftliche Untersuchungen. 2 изд. 1874, 67.

12) Терминъ „политическая экономія“ былъ, сколько извѣстно, впервые употребленъ французскимъ писателемъ *de Ватевилемъ*, издавшимъ въ 1615 году сочиненіе подъ заглавіемъ „Traité de l'économie politique“.

13) Мы считаемъ болѣе цѣлесообразнымъ употреблять терминъ „общественное“, нежели „народное“ хозяйство. Первый терминъ болѣе широкъ; онъ распространяется и на явленія хозяйства въ международныхъ отношеніяхъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Составныя части и методы политической экономіи.

Главныя пособія. *Милль.* Система логики. 1866 *Сергѣевичъ.* Задачи и методы государственныхъ наукъ, 1870. *Слонимскій.* Правовѣд. и политич. экономія. Слово, 1879, X. *Зиберъ.* Обществ. экономія и право. Юр. Вѣстн. 1883, V, IX, X. *Исаевъ.* Составныя части и методы политической экономіи, 1887. *Левитскій.* Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ, 1890 г. *Чупровъ.* Полит. Экон. *Янсонъ.* Теорія статистики, 3 изд. 1891. *Гольцевъ.* Право и полит. экономія. Сборн. Рус. Мысли въ пользу голодающ. 1892. *Rümelin.* Zur Theorie der Statistik. Reden und Aufsätze, 1873. *Cairnes.* The character and logical method of political economy, 2 ed. 1875. *Mayr.* Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben, 1877. *Knies.* Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpuncte, 2 изд. 1883. *Menger.* Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften, 1883. *Schmoller.* Zur Methodologie der Staats-und-Socialwissenschaften. Jahrbücher für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. 1883

Всѣ явленія могутъ быть изслѣдуемы двоякимъ образомъ. Мысль останавливается или на изученіи конкретныхъ фактовъ и отношеній между фактами въ опредѣленномъ времени и пространствѣ, или, отвлекаясь отъ отдѣльныхъ фактовъ и индивидуальныхъ дѣйствующихъ на нихъ силъ, отъ времени и пространства, ограничивается общими свойствами всѣхъ фактовъ даннаго рода и отношеніями между цѣлыми группами явленій даннаго порядка. Въ первомъ случаѣ изслѣдованіе имѣетъ характеръ историческій, во второмъ—теоретическій. Наука государственнаго права можетъ дѣлать предметомъ своего изученія государственное право даннаго народа въ извѣстную эпоху, выяснить содержаніе въ то время государственной власти, понятіе о подданныхъ, территоріи, показать, какія послѣдствія вело за собой данное отношеніе государственной

власти къ подданнымъ и территоріи, характеръ раздѣленія властей и т. д. Но она можетъ, не останавливаясь на какомъ-либо народѣ или періодѣ, указать и опредѣлить свойства, присущія всѣмъ общественнымъ союзамъ, образующимъ государство, дать общее ученіе о власти, раздѣленіи властей, территоріи, подданствѣ. Наука уголовнаго права, останавливаясь на изученіи отдѣльнаго періода въ исторіи какого-либо народа, можетъ выяснить понятіе о преступленіи, покушеніи, умыслѣ, господствовавшее въ то время, о родахъ наказанія; она можетъ объяснить, какъ положенія обычнаго права и закона вліяли на число преступленій и другія стороны общественнаго быта. Но она даетъ намъ и общее ученіе объ умыслѣ, покушеніи, преступленіи, наказаніи, причемъ оставляетъ въ сторонѣ разновидности въ оцѣнкѣ этихъ явленій отдѣльными народами и въ разныя эпохи и ограничивается сведеніемъ воедино только наиболѣе общихъ, родовыхъ признаковъ явленій, составляющихъ предметъ ея изслѣдованія. То же приложимо и къ политической экономіи. Экономистъ можетъ поставить себѣ задачей изученіе кредита въ древнихъ Греціи, Римѣ, землевладѣнія и земледѣлія въ средніе вѣка, торговли, денегъ, цѣнъ, заработной платы, ренты въ какой-либо одной странѣ или многихъ; онъ можетъ показать, какъ высота ренты или заработной платы въ данное время вліяла на состояніе промышленности, какъ изобиліе денегъ или недостаточное развитіе кредита отражались на цѣнахъ, на положеніи внутренней или внѣшней торговли, какъ налоги или пошлины дѣйствуютъ на развитіе промышленности, какое значеніе для хозяйства даннаго народа имѣетъ принадлежность государству обширныхъ площадей земли. Но политическая экономія можетъ сосредоточить свою дѣятельность на изученіи только родовъ явленій и отношеній между этими родами. Въ послѣднемъ случаѣ она даетъ намъ общее понятіе о цѣнности, деньгахъ, кредитѣ, рентѣ, налогахъ; она опредѣляетъ признаки, отличающіе каждый родъ хозяйственныхъ явленій отъ всѣхъ другихъ родовъ; она показываетъ намъ, какъ измѣненія въ этихъ фактахъ, и притомъ наиболѣе общія и наиболѣе часто совершающіяся, вліяютъ на хозяйственную жизнь. Выдѣливъ, напр., кредитъ въ особый типъ хозяйственныхъ явленій, она показываетъ намъ, какъ вліяетъ кредитъ на сумму денегъ, необходимую странѣ для обмѣна, на уровень цѣнъ, на торговлю, на развитіе производства. Изучая налоги, какъ особый типъ хозяйственныхъ явленій, она показываетъ, какъ подати дѣйствуютъ на разныя стороны хозяйственной жизни и тѣмъ установляетъ экономическіе законы налоговъ и т. п. Приведенные примѣры показываютъ, что изслѣдованія историческое и

теоретическое, въ равной мѣрѣ важныя для цѣлей познанія и практической дѣятельности, имѣютъ различныя задачи, неодинаковые матеріалы, а потому не должны быть смѣшиваемы между собою. Историкъ изучаетъ конкретныя явленія со всей совокупностью причинъ, которыя ихъ производятъ, и со всей суммой послѣдствій, которыя они влекутъ за собой; теоретикъ беретъ только самыя общія свойства явленій и изслѣдуетъ самыя общія отношенія между ними, установляетъ законы не отдѣльныхъ явленій, а родовъ. Какъ предъ антропологіей, въ общемъ родовомъ понятіи о человѣкѣ, сглаживаются особенности индоевропейскаго, монгольскаго, малайскаго племенъ, какъ наука государственнаго права сводитъ къ государству и скованные властью деспота союзы древняго востока и покоющіяся на широко развитой личной свободѣ страны современнаго европейскаго запада,—такъ экономистъ-теоретикъ обобщаетъ явленія кредита, денегъ въ зародышѣ ихъ развитія, у народовъ, давно сошедшихъ со сцены исторіи, и въ современной Европѣ съ ея правильно организованной денежной системой и разнообразными кредитными сдѣлками и учрежденіями. Такимъ образомъ, мы получаемъ двѣ отрасли знанія, входящія въ составъ политической экономіи: *исторію экономическаго быта и теорію хозяйственныхъ явленій*. Къ послѣдней относится также часть науки о финансахъ, содержащая въ себѣ теорію государственныхъ доходовъ и государственнаго кредита. Экономистъ можетъ быть историкомъ и теоретикомъ; онъ можетъ соединять изъ разныхъ побужденій теорію и исторію, но плодотворность его работы останавливается тамъ, гдѣ онъ намѣревается пополнить теорію изъ исторіи, или вдвинуть историческія явленія въ рамки, которыя ставитъ теорія. Работа его перестаетъ быть плодотворной потому, что здѣсь начинается соединеніе разнородныхъ величинъ, родовъ съ особями, отвлеченнаго съ конкретнымъ. Экономисты будутъ только тогда идти по вѣрной дорогѣ, когда внесутъ въ свои труды то строгое раздѣленіе матеріала, примѣръ котораго данъ еще Адамомъ Смитомъ [1]).

Поскольку не можетъ быть оправдано вышеуказанное смѣшеніе различныхъ отраслей знанія, постольку нельзя одобрить и переплетеніе теоріи съ политикой. Экономистъ, по суммѣ знаній и обширной опытности, можетъ быть способенъ и даже обязанъ подавать свой голосъ по экономическимъ мѣропріятіямъ, исходящимъ отъ государственной власти или отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, можетъ указать тѣ сферы хозяйственной дѣятельности, въ которыхъ свободное соперничество частныхъ хозяйствъ должно подлежать ограниченію, тѣ отрасли

промышленности, которыя наиболѣе требуютъ государственнаго вмѣшательства, тѣ разряды благъ, которые не должны быть предметомъ права частной собственности, тѣ мѣры, которыя полезно принять относительно денегъ, кредита, переселеній. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ выходитъ за предѣлы круга, въ который включена наука политической экономіи; онъ дѣйствуетъ не въ качествѣ экономиста-теоретика или экономиста-историка, а въ качествѣ политика, для котораго главной опорой служатъ знанія, почерпнутыя изъ теоріи экономіи и изъ исторіи хозяйственнаго быта. Какъ химикъ, изслѣдуя свойства тѣлъ, законы ихъ соединенія и дѣйствія, не подаетъ совѣтовъ относительно устройства химическихъ заводовъ, какъ механикъ, изучая законы движенія, не высказываетъ мнѣнія относительно системы производства, относительно примѣненія въ промышленности того или другого двигателя, такъ и экономистъ только познаетъ отдѣльныя явленія или типы и соотношенія между типами съ одной стороны и фактами съ другой. Задача науки—изученіе въ настоящемъ и прошедшемъ единицъ и родовъ, законовъ, связующихъ отдѣльныя явленія и соотношеній между типами — не должна быть смѣшиваема съ задачами политики. Послѣдняя ставитъ идеалы и указываетъ пути къ ихъ осуществленію. Задачи первой рѣшаются въ границахъ, отдѣляющихъ ее отъ другихъ самостоятельныхъ отраслей знанія; задачи второй гораздо сложнѣе: она познаетъ нужды общества и созидаетъ идеалы на основаніи всего матеріала, который ей доставленъ о разныхъ сторонахъ общественнаго быта, и намѣчиваетъ пути при помощи данныхъ, которыя добыты всѣми науками объ обществѣ. Смѣшеніе этихъ областей, какъ разнородныхъ величинъ, является уже крупной логической ошибкой; но она, кромѣ того, можетъ препятствовать развитію одной или другой. Итакъ, рядомъ съ теоріей и исторіей, но внѣ политической экономіи, какъ науки, стоитъ ученіе объ экономической политикѣ: получая для себя точки опоры въ теоріи и исторіи, это ученіе даетъ совокупность правилъ о дѣятельности общественныхъ силъ для измѣненія и улучшенія экономическаго быта. Отвѣчая на вопросъ, что должно быть, и не изслѣдуя существующаго, это ученіе можетъ быть предметомъ разработки экономиста, но не входитъ въ составъ политической экономіи, какъ науки, а образуетъ особую систему—*ученіе объ экономическомъ искусствѣ или о хозяйственной политикѣ.*

Раздѣленіе всей области политической экономіи на составныя части облегчаетъ рѣшеніе вопроса о дедуктивной и индуктивной

методахъ, вопроса, который, особенно за послѣднія десятилѣтія, такъ часто становится предметомъ разногласій.

Къ познанію явленій можно придти обоими путями, индуктивнымъ и дедуктивнымъ, но цѣнность добытыхъ выводовъ и возможность заключать отъ прошедшаго и настоящаго къ будущему въ обоихъ случаяхъ не одна и та же.

Положенія теоріи политической экономіи могутъ быть добыты путемъ индукціи. Въ этомъ случаѣ задача теоріи сводится къ построенію типовъ явленій и отношеній между типами, какъ ихъ даетъ дѣйствительность. Индуктивная метода не въ равной степени содѣйствуетъ рѣшенію этихъ обѣихъ задачъ. Прежде всего— познаніе типовъ. Оно дается только продолжительнымъ наблюденіемъ явленій, опредѣленіемъ ихъ признаковъ и классификаціей. Дабы деньги, напр., могли быть выдѣлены въ особый типъ явленій, дабы можно было утверждать, что ихъ функціи — служить орудіемъ обмѣна, мѣриломъ цѣнностей, платежнымъ средствомъ умъ долженъ наблюдать за фактами денежнаго обращенія и изъ нихъ отвлекать свойства, всегда сопровождающія деньги. Дабы сложилось ученіе о формахъ производства, необходимо наблюденіе самостоятельныхъ въ производствѣ единицъ и указаніе на семейную связь (кустарничество), господство и подчиненіе (рабовладѣльческое хозяйство), свободный договоръ (предпріятіе съ наемными работниками), какъ начала, соединяющія участниковъ. Наблюденіе, приводящее къ обобщеніямъ и созданію типовъ, можетъ быть многообъемлюще или ограничено въ предѣлахъ, охватывать множество случаевъ прошедшаго и настоящаго или единичныя явленія, окружающія наблюдателя, вѣрно или ошибочно,—для построенія типовъ нѣтъ иного пути, кромѣ индуктивной методы. Типы политической экономіи могутъ быть уподоблены аксіомамъ геометріи: какъ одни, такъ и другія опираются на широкое наблюденіе, которое и ведетъ къ отмѣчиванію отличительныхъ признаковъ родовъ. Геометръ, опредѣляя прямую линію, какъ кратчайшее разстояніе между двумя точками, основывается на безчисленныхъ наблюденіяхъ, которыя всегда убѣждали въ неотъемлемости этого свойства прямой линіи. И экономистъ, опредѣляя деньги, какъ орудіе обмѣна и мѣрило цѣнности, сводитъ къ этимъ немногимъ словамъ результаты милліоновъ наблюденій надъ деньгами. Чѣмъ шире основанія, на которыхъ экономистъ строитъ типы, чѣмъ обильнѣе свѣдѣнія о прошломъ и настоящемъ, тѣмъ больше вѣроятія предполагать, что типы классифицированы соотвѣтственно съ важнѣйшими признаками, и дальнѣйшія изслѣдованія внесутъ въ лѣствицу типовъ немного измѣненій [2]).

Иное дѣло—установленіе законовъ, т.-е. отношеній между типами. Какъ бы далеко ни распространялось статистическое наблюденіе, какъ бы много ни охватывало оно дѣйствующихъ въ общественной жизни силъ, съ какою бы тщательностью оно ни производилось, оно даетъ намъ только эмпирическіе законы, отражающіе въ себѣ дѣйствительность лишь въ предѣлахъ пространства и времени, въ которыхъ были совершены наблюденія... Нельзя быть увѣреннымъ, что въ мѣстахъ, необъятыхъ статистическими наблюденіями, не дѣйствуютъ особыя, еще непознанныя нами силы. Тѣмъ болѣе нельзя ручаться, что законы, добытые этимъ путемъ для послѣдней четверти 19-го вѣка, будутъ тождественны эмпирическимъ законамъ 20-го столѣтія. Можно ли посредствомъ индукціи, вооруженной многочисленными и за долгіе періоды времени данными, установить законъ, что налогъ, падающій на товары, привозимые изъ-заграницы, удорожаетъ ихъ на внутреннемъ рынкѣ? Можно ли считать такой законъ, добытый для ряда лѣтъ, истиннымъ и для каждаго момента въ будущемъ? Очевидно, нѣтъ: точно отражая въ себѣ настоящее или какой-либо періодъ въ прошедшемъ, онъ можетъ быть совершенно непригоденъ для того или другого момента въ будущемъ. Установленіе на заграничный товаръ новаго налога или возвышеніе стараго можетъ совпасть съ такимъ усовершенствованіемъ въ производствѣ этого товара или такимъ изобиліемъ сырыхъ матеріаловъ, что послѣ возвышенія налога цѣна товара понизится. Можно ли, слѣдя за возвышеніемъ арендныхъ цѣнъ на землю въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ одной или многихъ странахъ, установить законъ, всегда и въ будущемъ способный вѣрно отражать въ себѣ дѣйствительность, что ростъ народонаселенія и увеличивающійся запросъ на пищу ведетъ къ повышенію ренты? Такое утвержденіе легко можетъ быть ошибочно. Нѣсколько новыхъ и крупныхъ открытій въ земледѣльческой химіи, успѣхи въ сельскохозяйственной технологіи, замѣна экстензивнаго хозяйства интензивнымъ, болѣе цѣлесообразное размѣщеніе людей по данной территоріи легко могутъ дать въ 20-мъ или другомъ какомъ-либо столѣтіи періодъ, когда ростъ народонаселенія будетъ сопровождаться пониженіемъ ренты. Такимъ образомъ, индуктивная метода не ведетъ къ установленію въ политической экономіи законовъ, которые всегда соотвѣтствовали бы дѣйствительности. Установляя ихъ, она должна пріобщать къ нимъ оговорки: «они всегда истинны, если ихъ не измѣняютъ тѣ или другія условія». Но, и слѣдуя дедуктивной методѣ, наука установляетъ положенія, которыя, съ приведенными оговорками, могутъ быть перенесены въ дѣйствительность и способствовать истолкованію

явленій дѣйствительной жизни. Однако, ограниченная примѣнимость положеній, добытыхъ индуктивно, не лишаетъ этихъ эмпирическихъ законовъ, какъ будетъ показано ниже, важнаго значенія для науки о хозяйствѣ.

Дедуктивная метода въ своемъ чистомъ видѣ, какъ она примѣняется въ геометріи, оказываетъ и политической экономіи ту важную услугу, что ведетъ къ установленію законовъ явленій, которые имѣютъ всеобщее значеніе независимо отъ пространства и времени. Это не означаетъ, чтобы законы, добытые дедуктивно, съ полной точностью отражали въ себѣ дѣйствительность; теорія и не стремится къ этому. Но, предполагая дѣйствующею только какую-нибудь одну силу, она изучаетъ ея дѣйствіе на явленіяхъ разныхъ типовъ и раскрываетъ намъ постоянное соотношеніе между ними. Изслѣдователь, пользуясь дедукціей, исходитъ изъ положенія, что явленіе, совершившееся извѣстнымъ образомъ, при наличности такихъ-то условій, всегда и вездѣ совершается тождественно, насколько не измѣнились окружающія его условія. Экономистъ, признавая разсчетъ, самолюбіе главной силой, движущей человѣкомъ въ хозяйственной дѣятельности, раскрываетъ отношенія между типами хозяйственныхъ явленій, какъ они слагаются подъ вліяніемъ только этой силы. Утверждая, что, подъ вліяніемъ только этой движущей силы, прибыли различныхъ производствъ стремятся къ одному уровню, рыночныя цѣны приближаются къ цѣнности, налогъ на товары удорожаетъ ихъ, наука не говоритъ намъ, что явленія дѣйствительности всегда оправдываютъ эти положенія, но лишь то, что, насколько факты совершаются подъ вліяніемъ одного самолюбія, они строго подтверждаютъ добытые законы. Этотъ характеръ утвержденій теоріи позволяетъ намъ признать за ними полную точность. Невозможность провѣрить ихъ на единичныхъ фактахъ доказываетъ отнюдь не ихъ неточность, а тѣмъ менѣе ихъ противорѣчіе даннымъ дѣйствительной жизни: она указываетъ только на ихъ *односторонность*, на изученіе дѣйствія одной силы, руководящей людьми, а не всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ силъ, изъ столкновенія которыхъ должны быть объясняемы отдѣльныя явленія дѣйствительности. Здѣсь умѣстно припомнить слова Гельфериха, которыми онъ доказываетъ правильность методологическихъ пріемовъ Тюнена въ его *Уединенномъ государствѣ* и не противорѣчіе выводовъ Тюнена даннымъ дѣйствительности. «Идеальная политическая экономія Тюнена не противорѣчитъ условіямъ дѣйствительной жизни, какъ это часто бываетъ съ идеалами философовъ права и государства. Напротивъ, здѣсь люди изображаются такими, каковы они въ дѣйствительно-

сти; какъ здѣсь, такъ и тамъ хозяйственный разсчетъ побуждаетъ ихъ стремиться къ полученію наибольшаго дохода. Одинаковы и внѣшнія условія, почва, плодородіе, удобства сбыта. Въ *Уединенномъ государствѣ* есть всѣ тѣ моменты, которые даетъ дѣйствительная жизнь. Но они упорядочены такимъ образомъ, что каждый въ своемъ значеніи для хозяйства можетъ быть наблюдаемъ отдѣльно отъ другихъ, а не является соединеннымъ съ ними, какъ въ дѣйствительной жизни» [3]).

Если положенія, добытыя въ политической экономіи дедуктивно, не противорѣчатъ дѣйствительности, то и гипотетичными — какъ часто злоупотребляютъ этимъ терминомъ! — нужно признавать ихъ въ тѣсномъ, ограниченномъ смыслѣ. Положенія математики гипотетичны по отношенію какъ къ посылкамъ, такъ и къ выводамъ: точка, неимѣющая измѣреній, линія, имѣющая только одно измѣреніе,—эти посылки для геометріи гипотетичны, ибо въ природѣ нѣтъ такихъ точекъ и линій; гипотетичны и выводы геометріи, извлекаемые изъ этихъ условныхъ положеній. Не то представляютъ намъ, наприм., химія или механика: первая изслѣдуетъ законы соединеній веществъ въ чистомъ видѣ, вторая — законы движенія въ безвоздушномъ пространствѣ; если многія вещества въ чистомъ видѣ и безвоздушномъ пространствѣ не даются или не часто даются природою, то могутъ быть получены путемъ искусственнаго опыта. Такимъ образомъ дѣйствительность можетъ дать эти посылки и гипотетичными являются только выводы. Положенія политической экономіи подобны въ этомъ отношеніи не геометрическимъ теоремамъ, а законамъ химіи или механики. Дѣлая точкой отправленія посылку о наличности въ человѣкѣ самолюбія, о стремленіи къ благосостоянію, о желаніи пріобрѣсти возможно больше благъ съ затратою наименьшаго труда, экономистъ опирается не на предположенія, а на несомнѣнные факты, наблюдаемые каждымъ изъ насъ ежедневно въ окружающей средѣ, провѣряемые и подкрѣпляемые нашимъ самосознаніемъ. Поэтому гипотетичны или условно дѣйствительны только выводы; они совпадаютъ съ данными дѣйствительной жизни, когда нѣтъ на лицо противодѣйствующихъ условій [4]).

Преимущество дедуктивной методы предъ индуктивною для теоріи обнаруживается въ томъ, что послѣдняя, поставляя себѣ болѣе широкую задачу — раскрыть законы во всей полнотѣ ихъ существованія,—не рѣшаетъ ея и не можетъ рѣшить и ограничивается построеніемъ эмпирическихъ законовъ, истинность которыхъ сомнительна внѣ круга произведенныхъ наблюденій. Первая же, ограничивая свою задачу изученіемъ законовъ, какъ они сла-

гаются подъ вліяніемъ одной силы, даетъ положенія, не обнимающія явленій дѣйствительности во всей полнотѣ, но всегда истинныя независимо отъ времени и мѣста. Но къ такому пріему обращаются и естественныя науки: химія не изслѣдуетъ реальнаго золота или реальнаго кислорода, какъ они встрѣчаются въ дѣйствительности: она отдѣляетъ отъ веществъ, сопровождающихъ ихъ въ природѣ, и дѣлаетъ ихъ въ чистомъ видѣ предметомъ своего изученія [5]).

Дедуктивно построенная теорія политической экономіи даетъ точныя, но гипотетически вѣрныя положенія. Эти положенія не должны быть провѣряемы на фактахъ или отношеніяхъ дѣйствительной жизни, ибо такое сравненіе никогда не можетъ дать въ результатѣ полное сходство, вслѣдствіе вліянія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ силъ, которыя не послужили посылками для теоріи. Пользованіе конкретной дедуктивной методой (которую Дж. Ст. Милль считаетъ наиболѣе пригодною для науки объ обществѣ) можетъ измѣнить теорію, построенную съ помощью простой дедукціи, но не можетъ увеличить точность ея положеній, ибо не можетъ быть не только вычислено напряженіе всѣхъ силъ, вліяющихъ на каждый фактъ или реальное отношеніе между предметами, но не могутъ быть даже обнаружены всѣ силы, которыя когда-либо въ будущемъ способны оказывать вліяніе на извѣстный кругъ общественныхъ явленій. Возьмемъ, напр., законъ о стремленіи во всѣхъ производствахъ прибыли къ одному уровню. Анализъ техническихъ особенностей различныхъ производствъ, душевныхъ силъ, которыя, помимо хозяйственнаго разсчета, руководятъ предпринимателями въ ихъ отношеніяхъ къ производству, вмѣшательства государственной власти позволяютъ намъ внести много ограниченій въ этотъ гипотетическій законъ прибыли. Мы можемъ сказать, что это стремленіе парализуется различіями въ степени риска, связаннаго съ предпріятіемъ въ разныхъ производствахъ, различными соотношеніями между постояннымъ и оборотнымъ капиталами, привычкою предпринимателей къ своему занятію, привилегіями, исходящими отъ государства, строгимъ храненіемъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ промышленныхъ тайнъ, возможностью стачекъ между производителями, образованія монопольныхъ цѣнъ и т. д. Ссылаясь на дѣйствіе всѣхъ этихъ силъ, мы ставимъ ограниченіе закону прибыли и измѣняемъ теорію. Но даемъ ли мы ей большую точность? Нѣтъ, наоборотъ: мы лишаемъ ее той опредѣленности, съ которой она является предъ нами у экономистовъ-классиковъ. Положеніе: «прибыль во всѣхъ производствахъ стремится къ одному уровню» мы замѣняемъ положеніемъ: «прибыли въ различныхъ производ-

ствахъ иногда стремятся къ одному уровню, иногда же нѣтъ». И послѣднее положеніе неопредѣленно не только потому, что даетъ двоякій отвѣтъ на вопросъ, но и потому, что въ перечисленіи силъ, которыя ограничиваютъ стремленіе прибылей къ одному уровню, мы не можемъ обнять всѣ, способныя оказывать вліяніе на результатъ. Вотъ почему для цѣлей чисто теоретическаго познанія, думаемъ мы, нѣтъ надобности обращаться къ конкретно-дедуктивной методѣ [6]). Тѣмъ болѣе не нужно исправлять теорію ссылкой на невѣрность ея въ приложеніи къ фактамъ или реальнымъ законамъ. Одинъ глубокомысленный экономистъ новѣйшаго времени такъ говоритъ объ утвержденіи и отрицаніи положеній политической экономіи. «Экономическая истина, не будучи утвержденіемъ, касающимся порядка явленій, не можетъ быть ни установлена, ни отринута занесеніемъ въ протоколъ такихъ явленій, т.-е. статистическими и документальными свѣдѣніями о ходѣ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ; но, выражая стремленіе, выведенное изъ извѣстныхъ началъ человѣческой природы, которыя она производитъ при извѣстныхъ физическихъ условіяхъ, она (экономическая истина) можетъ быть установлена только доказательствомъ существованія такихъ началъ и условій и разъясненіемъ, что указанное стремленіе есть необходимое слѣдствіе этихъ данныхъ; равнымъ образомъ, она можетъ быть отринута только указаніемъ, что предположенныя начала и условія не существуютъ или что стремленіе, которое законъ установляетъ, не вытекаетъ изъ этого предположенія, какъ необходимое слѣдствіе» [7]).

Если, такимъ образомъ, теорія политической экономіи, исходящая изъ немногихъ посылокъ, даетъ точныя положенія, во всей полнотѣ раскрываетъ передъ нами дѣйствіе нѣкоторыхъ причинъ, даетъ даже точку опоры для политики, то для чего изучать хозяйственную жизнь во всей ея реальности? для чего изучать дѣйствіе множества силъ, обнаруживающихся въ общежитіи, пользоваться матеріаломъ, который намъ даетъ индукція, опирающаяся на статистическія наблюденія?

Статистическое наблюденіе, идя рука объ руку съ изученіемъ исторіи, составляетъ главное орудіе для познанія хозяйственной жизни во всей ея дѣйствительности и для обнаруженія связи между явленіями въ пространствѣ и времени. Оно есть важнѣйшій путь къ познанію исторіи хозяйственнаго быта. Задача историка—воспроизведеніе фактовъ прошлаго и установленіе связи между группами фактовъ—сводится къ познанію всѣхъ дѣйствующихъ въ общественной жизни силъ и оцѣнкѣ ихъ результатовъ. Имѣя дѣло со временами, давно минувшими, относительно которыхъ нѣтъ

наблюденій надъ массами случаевъ, историкъ-экономистъ или утрачиваетъ связь между хозяйственными явленіями, или установляетъ ее при помощи археологіи и филологіи (ихъ услуги часто подобны тѣмъ, которыя оказываетъ статистика), или же заключаетъ о ней по аналогіи съ тѣми положеніями, которыя добыты для позднѣйшихъ эпохъ на основаніи обильнаго и тщательно собраннаго матеріала. По мѣрѣ приближенія ко времени, когда статистическія наблюденія поставлены на правильныя основанія, историкъ хозяйственнаго быта читаетъ въ грудахъ цифръ связь между явленіями, какъ ее даетъ дѣйствительность; среднія числа обнаруживаютъ предъ статистикомъ дѣйствія наиболѣе общихъ причинъ; отклоненія показываютъ вліяніе силъ второстепенныхъ. Захвативъ въ свое вѣдѣніе всѣ случаи даннаго рода въ предѣлахъ извѣстнаго пространства и времени, онъ видитъ, какъ главная сила въ экономической жизни—хозяйственный разсчетъ—парализуется вмѣшательствомъ государства, чувствами дружелюбія, измѣненіями техники и т. п. Не къ наукѣ политической экономіи вообще, а къ этой составной ея части — исторіи [8]) должно быть отнесено положеніе Кэрнса, что, установивъ законы хозяйственныхъ явленій съ помощью важнѣйшихъ посылокъ, экономистъ «удостовѣряется относительно характера второстепенныхъ причинъ, физическихъ или духовныхъ, политическихъ или общественныхъ, которыя имѣютъ вліяніе на поведеніе людей въ ихъ стремленіи къ богатству» [9]). Принятіе въ разсчетъ этихъ силъ теоретикомъ является только блѣднымъ и не выразительнымъ ихъ перечисленіемъ. Онъ этимъ не измѣняетъ и не исправляетъ теоріи, а, приспособляя къ цѣлямъ практическимъ, только отклоняетъ ее отъ истиннаго назначенія. Но это—важнѣйшая задача экономиста-историка: только принимая въ разсчетъ всѣ дѣйствующія силы и отмѣчая ихъ вліяніе, онъ даетъ истинную исторію хозяйственнаго быта. Такимъ образомъ, насколько геометрическая дедуктивная метода есть главное орудіе теоріи, настолько статистико-индуктивная—исторіи.

Постараемся выяснить, какое значеніе имѣетъ для экономиста *историческая аналогія*. Нерѣдко экономистъ не въ состояніи самъ сдѣлать наблюденіе. Это обыкновенный случай тогда, когда рѣчь идетъ о предсказаніи послѣдствій какого-нибудь важнаго явленія. Положимъ, что нужно отвѣтить на вопросъ, что̀ повлечетъ за собой разложеніе поземельной общины въ нашемъ отечествѣ. Предсказаніе можетъ быть сдѣлано при помощи дедукціи: разложеніе поземельной общины сдѣлаетъ недвижимую собственность болѣе подвижною, облегчитъ ея переходъ изъ рукъ въ руки и т. п. Проходя такимъ образомъ длинный рядъ умозаключеній, мы прійдемъ, наконецъ,

къ извѣстному выводу. Историческая аналогія или сравненіе съ какой-либо другой страной даетъ возможность подкрѣпить наши заключенія. Экономистъ беретъ изъ исторіи примѣръ страны, которая пережила разложеніе общиннаго землевладѣнія и старается изучить послѣдствія этого разложенія. Подобное-же, скажетъ онъ, будетъ пережито и нашимъ отечествомъ. Конечно, нужно дѣлать всѣ эти сравненія съ большою осторожностью. Испытанное одною страною часто переживается другою уже съ крупными измѣненіями. Но указанія исторіи знакомятъ съ характеромъ послѣдствій, которыхъ мы въ правѣ ожидать.

Все сказанное объясняетъ значеніе индуктивной методы для ученія объ экономической политикѣ. Это ученіе, насколько предметомъ ему служитъ экономическая политика прошедшаго, цѣликомъ входитъ въ составъ исторіи хозяйственнаго быта. Историкъ-экономистъ не спрашиваетъ, велики-ли практическія выгоды, которыя могутъ быть извлечены изъ представленной имъ картины хозяйственной жизни во всей ея реальной полнотѣ: изучая всѣ силы, обнаруживающіяся въ общественной жизни, и опредѣляя ихъ вліяніе на хозяйство, онъ показываетъ, какъ различныя мѣропріятія государственной власти въ данное время и среди даннаго народа дѣйствовали на экономическій бытъ, и стремится только къ одной цѣли—увеличенію знаній о прошлыхъ судьбахъ человѣчества. Познаніе слѣдствій, которыя вызывала экономическая политика въ прошломъ, можетъ дать точку опоры для политики настоящаго, можетъ вызвать одобреніе однѣхъ мѣръ и настойчивое воздержаніе отъ другихъ. Но давать эти точки опоры не есть обязанность экономиста историка. Такимъ образомъ, ученіе объ экономической политикѣ, всегда болѣе или менѣе опирающееся на исторію, имѣетъ и другую сторону; оно обнимаетъ совокупность мѣръ, которыя *должны* исходить отъ государственной власти и другихъ общественныхъ силъ для воздѣйствія на хозяйственную жизнь народа, *оно является подробной и мотивированной программой экономическихъ мѣропріятій*. Достиженіе цѣли лежитъ въ будущемъ; оцѣнка вліянія отдѣльныхъ мѣръ и цѣлой системы также принадлежитъ будущему, а потому и все ученіе выходитъ за предѣлы исторіи.

Экономистъ-политикъ — будь то правитель, общественный дѣятель, частный человѣкъ—спрашиваетъ себя, *что нужно дѣлать?* и *какъ нужно дѣлать?* Общій отвѣтъ на первый вопросъ дается всѣмъ уровнемъ гражданственности каждаго отдѣльнаго народа или, какъ принято говорить, «духомъ времени»; мы почерпаемъ этотъ отвѣтъ изъ духовной атмосферы, въ которой живемъ, усвоиваемъ его го-

товымъ изъ господствующихъ мнѣній, даже при маломъ знакомствѣ съ общественной жизнью. Если рабство или строгое раздѣленіе сословій признаются неотъемлемой принадлежностью общественнаго быта, то отвѣтъ будетъ одинъ. Если исчезли юридическія различія между гражданами—отвѣтъ будетъ совсѣмъ иной. При современномъ уровнѣ гражданственности европейско-американскаго міра, отвѣтъ этотъ будетъ гласить: «наибольшее накопленіе народнаго богатства и, *особенно*, наиболѣе равномѣрное его распредѣленіе». Такою представляется цѣль экономической политики нашего времени. Этому слишкомъ общему отвѣту способна дать содержаніе теорія, построенная дедуктивно.

Но политикъ, даже изъ простой любознательности, не можетъ довольствоваться общими отвѣтами: онъ хочетъ знать тѣ общественныя группы, которыя наиболѣе медленно приближаются къ цѣли экономической жизни—успѣшному накопленію богатствъ и равномѣрному ихъ распредѣленію. Онъ знаетъ, что рента возрастаетъ и, поступая въ частную собственность, сильно препятствуетъ равномѣрному распредѣленію имуществъ; но ему неизвѣстны тѣ мѣстности, гдѣ возрастаніе идетъ особенно быстро, гдѣ населеніе особенно скучено и откуда переселенія наиболѣе необходимы или гдѣ улучшеніе земледѣльческой культуры могло бы принести наибольшую выгоду. Онъ знаетъ, что заработная плата держится на уровнѣ только необходимыхъ потребностей работника, но ему неизвѣстны отрасли, гдѣ она стоитъ особенно низко и наиболѣе туго поднимается и т. п. Зная изъ теоріи дѣйствіе только важнѣйшей силы самолюбія—онъ пріобрѣтаетъ чрезъ статистику знакомство съ вліяніемъ другихъ силъ, и такимъ образомъ съ помощью индуктивной методы, получаетъ подробный отвѣтъ на первый вопросъ; данныя, собранныя наблюденіемъ, точно опредѣляютъ ему и качественно и территоріально тѣ общественныя группы, которыя наиболѣе нуждаются во внѣшнемъ содѣйствіи для правильнаго движенія хозяйственной жизни.

Но, при начертаніи цѣльной системы хозяйственной политики, возникаетъ и другой вопросъ: какъ? въ какой гармоніи должны сочетаться общественныя силы для воздѣйствія на экономическій бытъ народа? Эти силы могутъ быть сведены къ тремъ группамъ: центральное правительство, мѣстное управленіе во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ и свободная — единоличная и собирательная дѣятельность гражданъ. Ученіе объ управленіи, какъ теорія, можетъ установить предѣлы для дѣятельности каждой группы, исходя изъ различія между рядами интересовъ всего народа. Оно можетъ сказать, что интересы, общіе всѣмъ членамъ даннаго класса или всей

территоріи, должны быть предметомъ вѣдѣнія центральнаго правительства, что другія нужды должны быть предметомъ заботъ мѣстнаго управленія или свободной дѣятельности гражданъ. Такое дѣленіе, достаточное для цѣлей теоріи, конечно, не можетъ удовлетворить экономиста-политика. Такъ разграничивая весь кругъ хозяйственныхъ мѣропріятій, можно сдѣлать въ однихъ случаяхъ довольно, въ другихъ мало, а въ третьихъ—и вовсе ничего. Не можетъ быть спора о томъ, есть ли дѣло центральнаго правительства контроль надъ исполненіемъ законовъ о фабричныхъ работникахъ. Но воздѣйствіе, напр., на правильное распредѣленіе гражданъ по территоріи, политика переселеній служила и до сихъ поръ служитъ предметомъ спора. Что предоставить въ этой политикѣ общинамъ, земствамъ, частной благотворительности? Что должна взять на себя центральная власть? А въ такихъ вопросахъ, какъ улучшеніе жилищъ бѣдныхъ классовъ, поднятіе ремесленнаго искусства, содѣйствіе развитію сельскохозяйственной техники, споровъ можетъ быть гораздо больше. Такимъ образомъ, если для экономиста-политика важно знать это теоретическое раздѣленіе обязанностей, то еще важнѣе опредѣлить степень напряженія, съ которой дѣйствуютъ силы трехъ названныхъ нами группъ и отсюда — заключить объ уклоненіяхъ отъ теоріи, которыя, во имя цѣлесообразности, должны быть сдѣланы, при распредѣленіи между ними функцій на ближайшее будущее. Если за послѣднія десятилѣтія дѣятельность въ этомъ направленіи частныхъ лицъ обнаруживалась мало, если органы самоуправленія не несли обязанностей, которыя теоретически должны лежать на нихъ, то правительство должно взять на себя задачи, которыя, теоретически, не должны бы подлежать его вѣдѣнію. Что же обнаруживаетъ степень напряженія этихъ силъ? Только индукція, только статистическое наблюденіе. Оно показываетъ, напр., что частная благотворительность не удовлетворяетъ и небольшого меньшинства нуждающихся въ призрѣніи, что органы мѣстнаго управленія не оказываютъ замѣтной поддержки земледѣлію и другимъ отраслямъ промышленности, что нѣкоторые классы населенія не имѣютъ выгоднаго кредита; но оно же показываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свободная предпріимчивость дѣлаетъ многое для развитія ремесленнаго образованія, что она искусно регулируетъ нѣкоторыя стороны переселеній. И такъ, изученіе громаднаго фактическаго матеріала, цѣнное и для одного познанія, еще болѣе важно *для экономіи силъ*, направленныхъ на улучшеніе народнаго хозяйства: это изученіе указываетъ, куда должна быть направлена дѣятельность общественныхъ силъ, что́ и сколькоможетъ быть воз-

ожено на каждую изъ силъ для полученія съ наименьшими затратами наибольшихъ результатовъ.

Мы полагаемъ, что все изложенное показываетъ необходимость для политической экономіи обѣихъ методъ: дедуктивной—для теоріи и индуктивной—для исторіи хозяйственнаго быта и ученія объ экономической политикѣ.

Скажу нѣсколько словъ о томъ, какого рода вычисленія можетъ дѣлать политическая экономія. Ея вычисленія бываютъ математически точны только въ самыхъ рѣдкихъ и простыхъ случаяхъ. Такъ, напр., зная цѣну извѣстнаго товара, экономистъ можетъ довольно точно опредѣлить, какъ измѣнится она съ проведеніемъ желѣзной дороги или съ устраненіемъ таможенъ. Въ случаяхъ же болѣе сложныхъ вычисленія ограничиваются только приблизительными указаніями. Каждое хозяйственное явленіе есть результатъ множества совмѣстно дѣйствующихъ причинъ. Точное, выраженное въ числахъ положеніе или предсказаніе не можетъ быть дано потому, что нельзя ни опредѣлить степень участія каждой изъ этихъ силъ въ произведеніи результата, ни охватить всѣ силы, которыя еще могутъ обнаружиться. Изслѣдуя хозяйственный бытъ прошедшаго, экономистъ знаетъ, напр., что разложеніе поземельной общины было вызвано измѣненіями въ сельскохозяйственной техникѣ, и въ густотѣ населенія, и въ положительномъ правѣ. Мы знаемъ, что результатъ былъ произведенъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ силъ; въ какой же мѣрѣ онъ обязанъ каждой изъ нихъ, мы вычислить не можемъ. Тамъ, гдѣ наша наука предсказываетъ, она не всегда можетъ точно опредѣлить время наступленія какого-нибудь общественнаго явленія или быстроту его развитія. Вѣковое наблюденіе, подкрѣпляемое дедукціями, говоритъ намъ, что рента возрастаетъ съ увеличеніемъ населенія, что крупное производство поглощаетъ мелкое и т. д. Но мы не можемъ сказать, въ какомъ отношеніи будетъ стоять возвышеніе ренты къ увеличенію населенія, или когда наступитъ время полнаго исчезновенія мелкаго производства.—Я полагаю, что никогда нельзя будетъ выражать экономическіе законы точными формулами математики. Слишкомъ трудно вычислить дѣйствіе всѣхъ силъ, управляющихъ хозяйственной жизнью. Но невозможность достигнуть математической точности не умаляетъ значенія нашей науки. Она обладаетъ достаточной степенью совершенства, чтобы указывать направленіе хозяйственной жизни и служить путеводной нитью для законодателя. А для послѣдняго должно быть все равно, въ какую математическую формулу облекаются страданія и слезы людей. Если строй хозяйственной жизни ставитъ въ тягостныя условія многочислен-

ныя массы населенія, если экономистъ предсказываетъ умноженіе невзгодъ отъ дальнѣйшаго развитія этого строя, то законодатель обязанъ, опираясь на выводы науки, пролагать для общественнаго хозяйства новое русло.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) Первыя двѣ книги своего *изслѣдованія о богатствѣ народовъ* Адамъ Смитъ посвятилъ теоріи, а третью и четвертую—исторіи.

2) О значеніи индуктивной методы для установленія типовъ не говорятъ ни Кэрнсъ, ни Менгеръ; послѣдній, расширяя задачу теоріи политической экономіи до познанія типовъ и законовъ, даетъ право думать, что дедуктивная метода въ равной мѣрѣ приложима къ установленію однихъ и другихъ.—Неясное различеніе индукціи отъ дедукціи мы находимъ у новѣйшаго англійскаго экономиста Сиджуика (Sidwick. The principles of political economy 1883, 33—4). Признавая за индуктивную методу пользованіе „результатами, которые получены путемъ анализированія и систематизированія нашихъ обычныхъ эмпирическихъ знаній объ явленіяхъ промышленности", и находя примѣненіе этой методы въ ученіи Дж. Ст. Милля о производствѣ, о вліяніи на него природы, труда, капитала, Сиджуикъ смѣшиваетъ индукцію, лежащую въ основаніи первоначальныхъ посылокъ для дедуктивнаго мышленія съ индуктивною методою. Индукція въ первомъ смыслѣ всегда лежитъ въ основаніи дедуктивнаго мышленія и главная посылка экономистовъ дедуктивнаго направленія—о самолюбіи, какъ главной силѣ хозяйственной жизни,—добыта путемъ самонаблюденія и наблюденія другихъ людей. То же можно сказать о посылкахъ и въ другихъ наукахъ.

3) Helferich. Thünen u. s. Gesetz. Tübing. Zeitchr. 1852. 412.

4) Ср. Cairnes. The character and logical method of Political Economy, 2 ed. 1875, 2 гл.

5) Ср. Menger. Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften. 1883.

6) Иное воззрѣніе было высказано въ моей брошюрѣ „Задачи и методъ политической экономіи", 1879.

7) Cairnes. Названное сочиненіе, 99.

8) Считая статистику методой, а не наукой, мы не образуемъ изъ экономической статистики самостоятельной части политической экономіи, а цѣликомъ относимъ ея матеріалъ къ исторіи хозяйственнаго быта.

9) Cairnes. Назван. сочин. 42.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПРОИЗВОДСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общее понятіе о трудѣ.

Главныя пособія. *Ад. Смитъ.* Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ, 3 тома, 1866. *Д. С. Миллъ.* Основанія. *Schönberg.* Hadbuch, I.

Знакомство съ ранними ступенями общежитія показываетъ, какъ безсиленъ человѣкъ, пользующійся лишь тѣми предметами, которые ему непосредственно даетъ природа. Вода, воздухъ, теплота, естественныя пещеры и дупла деревьевъ, грибы и ягоды—вотъ блага, которыя природа непосредственно ставитъ къ услугамъ человѣка. Будучи очень важными для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, эти вещи недостаточны. Дабы человѣкъ могъ удовлетворить потребности, онъ долженъ затрачивать извѣстное количество силы своихъ мышцъ и нервовъ. Къ веществу человѣкъ не можетъ прибавить ни одного атома; но почти все, что даетъ природа, только тогда служитъ цѣлямъ человѣка, когда потерпитъ съ его стороны значительныя измѣненія, преобразованія. Эти преобразованія часто идутъ такъ далеко, что почти лишаютъ возможности различить въ готовомъ произведеніи вещество, которое послужило человѣку матеріаломъ: весьма мало сходства между дубовымъ шкафомъ и вѣковымъ дубомъ, который доставилъ для него матеріалъ; еще меньше сходства между каменнымъ зданіемъ и глиной, изъ которой сдѣланъ кирпичъ. *Всѣ преобразованія вещества, обращеніе его въ тотъ видъ, въ которомъ оно можетъ удовлетворять потребности человѣка, называется производствомъ.*

Преобразуя вещество, человѣкъ можетъ затрачивать свою работу двояко: или измѣнять вещество, не преслѣдуя никакой цѣли,

не держась опредѣленнаго плана или онъ можетъ руководствоваться въ своей работѣ извѣстнымъ разсчетомъ. Многочисленность нуждъ и ограниченность силъ побуждаютъ человѣка избрать послѣдній путь. Онъ начертываетъ планъ своей дѣятельности, ищетъ въ потребностяхъ цѣли, которыя должны быть достигнуты, онъ разсчитываетъ, хозяйствуетъ. *Основанная на разсчетѣ затрата человѣческихъ силъ и называется хозяйственнымъ трудомъ.*

Цѣлая школа въ экономической наукѣ—физіократизмъ—считала производительность природы однимъ изъ основныхъ положеній. Возникаетъ, поэтому, вопросъ, есть-ли одинъ трудъ производитель богатствъ и въ какомъ отношеніи стоятъ къ нему силы природы? Производя вещество, силы природы, даже въ самой благодатной мѣстности, даютъ человѣку слишкомъ мало для удовлетворенія его нуждъ: поэтому, природа имѣетъ значеніе лишь настолько, насколько она ставитъ человѣка при работѣ въ болѣе или менѣе благопріятныя условія, насколько она дѣлаетъ производительнымъ его трудъ. Воды, богатыя рыбой, не даютъ ея даромъ прибрежному жителю; человѣкъ долженъ выполнить цѣлый рядъ особыхъ техническихъ пріемовъ, чтобы воспользоваться рыбнымъ богатствомъ. Такимъ образомъ, силы природы создаютъ вещество, а трудъ, и только онъ одинъ, создаетъ богатство. Силы природы только косвенно принимаютъ участіе въ созданіи богатства, опредѣляя степень успѣшности человѣческаго труда.

Трудъ, производящій богатство, есть трудъ производительный. Такъ какъ подъ богатствомъ принято разумѣть всю совокупность предметовъ, которые удовлетворяютъ человѣческія потребности, то не можетъ быть названъ производительнымъ тотъ трудъ, который не служитъ этой цѣли. Въ обществѣ, вышедшемъ изъ состоянія суевѣрій и предразсудковъ, трудъ, затраченный на изготовленіе талисмановъ (если они не предназначаются для вывоза въ страны, сохранившія суевѣрія), есть трудъ непроизводительный, такъ какъ, не удовлетворяя никакой потребности, онъ не создаетъ богатства.

Ад. Смитъ установилъ раздѣленіе труда, полезнаго для общества, на *производительный* и *непроизводительный*. Это дѣленіе усвоили и многіе позднѣйшіе экономисты, среди нихъ и Дж. Ст. Милль [1]). Согласно съ этимъ дѣленіемъ, производителенъ тотъ трудъ, плодомъ котораго является вещественная цѣнность; непроизводительнымъ считаютъ тотъ, плодомъ котораго является цѣнность невещественная. Примѣромъ перваго служитъ трудъ столяра, преобразующаго дерево; примѣромъ втораго—трудъ врача. Такое дѣленіе неудобно.

1) Хотя всѣ экономисты, принимая это дѣленіе, спѣшатъ оговориться, что не слѣдуетъ считать непроизводительный трудъ без-

полезнымъ, такъ какъ въ эту группу относятся многія почтенныя и важныя занятія, необходимыя для общества на извѣстной ступени развитія, но всѣ оговорки недостаточны. Въ теченіе вѣковъ умъ человѣка привыкаетъ соединять со словомъ извѣстное понятіе, и ему почти невозможно разорвать эту связь; со словомъ-же *непроизводительный* привыкли связывать понятіе о безполезномъ. Въ такомъ смыслѣ употребляется это слово, когда говорятъ о непроизводительномъ потребленіи, непроизводительныхъ классахъ, непроизводительномъ трудѣ, если онъ изготовляетъ талисманы, ненужные для общества. Невольно такое же значеніе придаетъ человѣкъ слову *непроизводительный*, когда имъ обозначается трудъ лицъ, полезный для общежитія, хотя и не оставляющій вещественнаго слѣда.

2) Другое неудобство этого дѣленія болѣе существенно, ибо оно касается непослѣдовательности въ классификаціи. Производство, по нашему опредѣленію, есть дѣятельность человѣка, направленная на измѣненіе и преобразованіе вещества и умноженіе богатства. Это измѣненіе можно понимать двояко: 1) или въ широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ всякую дѣятельность, прямо или косвенно содѣйствующую производству, или 2) въ смыслѣ болѣе узкомъ, разумѣя подъ нимъ лишь такую дѣятельность, которая непосредственно измѣняетъ вещество. Единство классификаціи требуетъ, чтобы и производительность труда понималась такъ, какъ понимается производство. Если понимать слово «производство» во второмъ смыслѣ, то производителенъ только тотъ трудъ, результатомъ котораго является измѣненіе вещества и умноженіе богатства, напр., трудъ столяра, пекаря, портного. Если понимать этотъ терминъ въ первомъ смыслѣ, то нужно считать производительною всякую работу, которая прямо или косвенно служитъ этой цѣли. Тогда производителенъ трудъ и столяра, и учителя рисованія, который научилъ его дѣлать рисунки для мебели, и врача, который исцѣлилъ его отъ болѣзни и сдѣлалъ способнымъ къ продолженію работы, и ученаго, который, открывая законы механики, содѣйствовалъ изобрѣтенію болѣе совершенныхъ орудій, и судьи или полицейскаго чиновника, которые поддерживали правовой порядокъ и т. д., словомъ, всѣ тѣ виды труда, которые экономисты считаютъ полезными, но непроизводительными. Такого единства классификаціи мы и не находимъ. Раздѣляя производительный трудъ на нѣсколько видовъ, экономисты различаютъ: 1) трудъ, затраченный на производство самой полезности, напр., работа пекаря, приготовляющаго хлѣбъ, 2) трудъ кузнеца, изготовившаго орудія для производства даннаго предмета, 3) трудъ лицъ, изготовившихъ пред-

меты, на которые содержится работникъ при производствѣ даннаго продукта и 4) трудъ торговца, передающаго сырье лицу, занимающемуся обработкой. Трудъ первыхъ трехъ видовъ измѣняетъ вещество; трудъ торговца не оставляетъ такихъ матеріальныхъ слѣдовъ; онъ косвенно содѣйствуетъ преобразованію вещества и часто содѣйствуетъ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ трудъ врача, ученаго, судьи и т. п. Такъ какъ функціи всѣхъ этихъ лицъ необходимы для успѣшнаго производства, то непослѣдовательно считать производительнымъ трудъ торговца и непроизводительною работу врача, учителя, судьи. Указанные недостатки вовсе не искупаются какими-либо цѣлями, которыя достигались-бы съ помощью раздѣленія полезнаго труда на производительный и непроизводительный. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что экономистъ хочетъ сравнить нѣсколько народовъ относительно богатства и пытается рѣшить вопросъ на основаніи того, какъ раздѣляется населеніе данныхъ странъ на производительныхъ и просто полезныхъ работниковъ. Относительное число представителей обоихъ видовъ труда не даетъ права на какіе-либо выводы. Если экономистъ заключитъ, что общество тѣмъ богаче, чѣмъ большее число лицъ занимается матеріальнымъ трудомъ, то выводъ будетъ опровергнутъ историческимъ опытомъ: на раннихъ ступеняхъ общежитія вся жизнь каждаго человѣка затрачивается на преобразованіе вещества, приготовленіе топора изъ камня и челна изъ ствола дерева, а на этой ступени потребности всѣхъ людей удовлетворяются наиболѣе скудно, и богатство наименѣе значительно. Если экономистъ признаетъ наиболѣе богатою ту страну, въ которой наименьшее число лицъ занимается преобразованіемъ вещества, то и такое заключеніе будетъ противорѣчить историческому опыту: Испанія послѣднихъ столѣтій имѣла относительно больше чиновниковъ и монаховъ, чѣмъ какая либо другая страна, и потребности населенія удовлетворялись гораздо болѣе скудно, нежели въ другихъ государствахъ Европы. Экономическое процвѣтаніе страны не измѣряется только отношеніемъ между той частью населенія, которыя производитъ матеріальныя цѣнности, и тою, которая посвящаетъ себя непроизводительному труду. Богатство народа есть слѣдствіе многихъ причинъ. Страну можно признать тѣмъ богаче, чѣмъ разнообразнѣе и сложнѣе ея потребности, чѣмъ шире разлиты онѣ во всемъ населеніи, чѣмъ больше труда посвящается умственной работѣ и чѣмъ бо̀льшій запросъ на этотъ трудъ предъявляютъ всѣ общественные слои.

Совершенно отказываясь отъ такого раздѣленія труда на два вида, мы признаемъ *производительнымъ всякій трудъ, прямо или*

косвенно содѣйствующій созданію матеріальнаго богатства. Или онъ способствуетъ преобразованію вещества (столяръ, кузнецъ, изготовляющій для него орудія, торговецъ, перемѣщающій издѣлія столяра, технологъ-практикъ, усовершенствующій орудія, и даже химикъ-теоретикъ, открытія котораго косвенно вызываютъ улучшенія въ горнозаводскомъ дѣлѣ, и т. п.), или предупреждаетъ наступленіе такихъ условій, которыя задерживаютъ возрастаніе матеріальныхъ богатствъ: врачъ, излѣчивающій болѣзнь, санитаръ, оздоровляющій улицы и жилыя помѣщенія, пожарная команда, которая уменьшаетъ опасность отъ огня, полицейская стража, предупреждающая воровство, и т. п. Непроизводительнымъ же мы считаемъ всякій безполезный трудъ. Таковъ можетъ быть и матеріальный трудъ, вовсе недостигающій цѣли: занятіе рыбнымъ промысломъ въ водахъ, очень бѣдныхъ рыбою, разработка рудниковъ съ очень малымъ запасомъ минераловъ. Таковы, наконецъ, всѣ виды труда нематеріальнаго, на который нѣтъ запроса: трудъ ученаго, преподавателя, поэта можетъ быть непроизводителенъ или потому, что данная общественная среда вовсе не имѣетъ потребности въ продуктахъ подобной работы, а эти продукты не получаютъ доступа въ другую среду, гдѣ могли бы встрѣтить запросъ, или же по своему невысокому достоинству.

Все сказанное позволяетъ намъ отвѣтить на вопросъ о томъ, какое соотношеніе между различными видами труда наиболѣе благопріятно для быстраго возрастанія богатства. Пріобрѣтеніе богатства идетъ тѣмъ болѣе успѣшно, чѣмъ болѣе гармонично сочетаніе отдѣльныхъ видовъ труда, чѣмъ ближе общественный строй къ тому порядку, при которомъ не затрачивается лишнихъ силъ на удовлетвореніе какой-либо потребности. И это въ равной мѣрѣ примѣнимо какъ къ труду, производящему матеріальныя цѣнности, такъ и къ умственному труду. Если потребности общества въ столярныхъ издѣліяхъ удовлетворяются трудомъ 1000 человѣкъ, а всѣхъ столяровъ 1100, то 100 человѣкъ излишни; общество выиграло бы отъ перехода ихъ къ занятію, которое имѣетъ меньше представителей, нежели вызывается общественными потребностями. Согласно съ воззрѣніями современнаго общества, духовное сословіе необходимо, и трудъ его полезенъ; но если оно слишкомъ многочисленно въ странѣ, и представители его затрачиваютъ слишкомъ мало времени на удовлетвореніе потребности общества въ служителяхъ церкви, то нарушается гармоническое сочетаніе отдѣльныхъ видовъ труда, удѣляется слишкомъ много личныхъ силъ для работы, которая могла бы быть исполнена и съ меньшей ихъ за-

тратой. То же слѣдуетъ сказать объ излишествѣ чиновниковъ, врачей и другихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

[1]) Ученіе Дж. Ст. Милля о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ далеко не отличается ясностью и послѣдовательностью, которыя мы обыкновенно встрѣчаемъ у этого мыслителя. Въ одномъ мѣстѣ онъ относитъ къ производительному труду и чисто теоретическое мышленіе, которое имѣетъ возрастаніе богатства только отдаленнымъ и косвеннымъ послѣдствіемъ (Основ. полит. экон., I, 54 и 55). Въ другомъ мѣстѣ онъ считаетъ производительнымъ трудъ миссіонера или проповѣдника только тогда, когда они, „кромѣ религіознаго ученія, преподаютъ искусство цивилизованныхъ странъ“ (63). Мы назовемъ этотъ трудъ прямо содѣйствующимъ возрастанію матеріальныхъ богатствъ даже тогда, если миссіонеръ только смягчаетъ нравы дикарей, ослабляетъ наклонность къ безпрерывнымъ войнамъ и тѣмъ способствуетъ успѣхамъ мирныхъ занятій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Масса труда въ обществѣ [1]).

Главныя пособія: *Чупровъ.* Курсъ статистики, 1886. *Его же.* Пол. экон. *Quetelet.* Sur l'homme 1835. *Schönberg,* I. *Cohn.* Grundzüge. I.

Производство обставлено многочисленными условіями; въ нихъ нужно искать причину богатства однихъ обществъ и бѣдности другихъ. Всякое приспособленіе вещества для цѣлей человѣка требуетъ извѣстныхъ условій. Для того, чтобы вспахать землю и засѣять зерно, нужно употребить извѣстное количество работы, выражающееся, напр., въ двадцати дняхъ. При данныхъ почвѣ и климатѣ, затрата опредѣленнаго числа дней труда дастъ намъ опредѣленную массу хлѣба и, наоборотъ, полученіе опредѣленнаго количества хлѣба позволяетъ вычислить количество затраченнаго труда. Между количествомъ труда и его результатами есть опредѣленное соотношеніе: мы говоримъ, что трудъ тѣмъ болѣе успѣшенъ, чѣмъ больше плодовъ приноситъ работа. Законы отношенія между количествомъ труда и количествомъ произведеній могутъ быть названы *законами производительности труда.* Но количество труда, которое можетъ быть затрачено на производство недѣлимымъ и цѣлымъ обществомъ, не представляетъ величины, способной къ безграничному расширенію. Она зависитъ отъ усло-

вій, въ которыхъ находится народонаселеніе. Законъ соотношенія между обществомъ и количествомъ труда, которое оно можетъ поставить, называется *закономъ массы труда*. Разсмотримъ условія, которыми опредѣляется масса труда, поставляемаго обществомъ.

Какой единицей будемъ мы измѣрять трудъ? Трудъ, затрачиваемый на производство, представляется въ столь разнообразныхъ формахъ, что, повидимому, трудно отыскать между ними что-нибудь общее. Скотоводъ воспитываетъ разныя породы скота; ткачъ производитъ ткань, а ваятель — статую. Какъ различны предметы, являющіеся результатами этихъ трудовъ, такъ же различны и пріемы, съ помощью которыхъ они производятся. Уходъ за скотомъ, движеніе челнока и рѣзца—весьма несходныя работы. Но всѣ разнообразныя отрасли труда имѣютъ тотъ общій признакъ, что всѣ онѣ требуютъ употребленія извѣстныхъ усилій, затраты вещества человѣческаго тѣла. Такая затрата необходима во всѣхъ случаяхъ. Количество затраченнаго труда измѣряется продолжительностью работы и можетъ быть выражено въ доляхъ времени, дняхъ, часахъ. Отсюда—все количество труда, которое можетъ быть поставлено даннымъ обществомъ, выражается числомъ дней или часовъ, которые оно посвящаетъ работѣ. Но здѣсь возникаютъ новыя недоразумѣнія. Повидимому, рабочій день ткача представляетъ совсѣмъ иную величину, чѣмъ день преподавателя. Эти величины неодинаковы уже потому, что первая работа требуетъ для своего исполненія гораздо меньшей подготовки, чѣмъ вторая; первая состоитъ изъ одной текущей затраты вещества, тогда какъ вторая слагается и изъ текущей затраты, и изъ той которая была необходима, чтобы подготовить человѣка къ исполненію обязанностей преподаванія. Это обстоятельство позволяетъ намъ признать, что рабочій день преподавателя содержитъ въ себѣ большую затрату вещества, чѣмъ день ткача, что онъ равенъ, напр., двумъ или тремъ днямъ послѣдняго. Различая, такимъ образомъ, рабочій день въ различныхъ отрасляхъ труда, мы можемъ сводить его къ единицѣ, къ такому рабочему дню, который соотвѣтствуетъ простѣйшимъ видамъ труда, требующимъ наименьшей подготовки.

Современное общество ставитъ многихъ людей въ такія условія жизни, что они въ теченіе довольно длиннаго ряда лѣтъ выполняютъ огромное количество работы и удѣляютъ отдыху чрезвычайно мало времени. Зная, что трудъ длится иногда по 18 часовъ въ сутки, мы въ правѣ, повидимому, допустить, что количество работы, которое можетъ поставить человѣкъ, не имѣетъ точныхъ предѣловъ, что онъ, при желаніи, можетъ продлить рабочій день и выполнить

количество работы, значительно большее того, какое принято считать среднимъ. Конечно, урывая время отъ необходимаго отдыха, человѣкъ можетъ работать очень много въ теченіе извѣстнаго періода времени. Но чрезмѣрное напряженіе не проходитъ безслѣдно: тѣлесныя силы преждевременно истощаются, и наступаетъ временная или даже постоянная неспособность къ работѣ. Такимъ образомъ, есть естественный предѣлъ рабочаго дня, который человѣкъ не можетъ преступить безнаказанно.

Данныя статистики слишкомъ недостаточны, чтобы опредѣлить тѣлесную силу средняго человѣка и вычислить количество труда, которое онъ можетъ поставить въ теченіе рабочаго дня. Кэтлэ приводитъ данныя относительно силы рукъ мужчинъ и женщинъ, опредѣляемой динамометромъ. Но эти данныя, не говоря объ ограниченномъ числѣ наблюденій, не позволяютъ опредѣлить количество работы, которую можетъ исполнить средній человѣкъ. Дѣлались неоднократно попытки опредѣлить, сколько работы можетъ человѣкъ исполнить изо-дня-въ-день безъ истощенія, напр., поднимать опредѣленную тяжесть на извѣстную высоту и т. п. Эти данныя не отличаются точностью. Если бы они были и вполнѣ точны, и тогда остались бы непреодолимыя препятствія для вычисленія средняго количества работы въ различныхъ отрасляхъ труда, которыя всѣ должны были бы быть приведены къ единицѣ—поднятію тяжести на опредѣленную высоту. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что размѣръ силы стоитъ въ связи съ возрастомъ. Кэтлэ [2]), измѣряя силу на динамометрѣ, получилъ въ результатѣ, что сила мужчины въ 25 лѣтъ превосходитъ силу 15-лѣтняго мальчика въ $1^1/_2$ и 10-лѣтняго въ $3^1/_3$. Позднѣйшіе статистики, различая населеніе по возрастамъ, раздѣлили его, съ точки зрѣнія хозяйственной, на нѣсколько группъ. До 15-лѣтняго возраста человѣкъ не считается способнымъ къ какой-либо правильной работѣ. Этому нисколько не противорѣчитъ употребленіе дѣтей на фабрикахъ съ 10 лѣтъ или и раньше: столь раннее занятіе работой препятствуетъ полному развитію человѣка; кто началъ работать слишкомъ рано, тотъ никогда не достигнетъ той силы, какой бы онъ достигъ при болѣе бережномъ къ нему отношеніи. Возрастъ отъ 15—20 лѣтъ не даетъ полной рабочей силы, а, можетъ быть, только половину; то же можно сказать про возрастъ въ 60—70 лѣтъ. Полная рабочая сила сохраняется среднимъ человѣкомъ между 20 и 60 годами. Держась такой классификаціи, мы признаемъ страну поставленною тѣмъ болѣе выгодно, чѣмъ большее число ея жителей принадлежитъ къ возрасту полной рабочей силы. Въ статистическихъ сборникахъ мы находимъ данныя о томъ, какъ распредѣляется населеніе

Европы по возрастамъ. Въ возрастѣ полной рабочей силы находится 48,62%, т.-е. около половины, въ возрастѣ полурабочемъ 15,08%—$^1/_7$ и къ нерабочему относится 36,30%.

Но если мы возьмемъ населеніе отдѣльныхъ европейскихъ государствъ, то получимъ распредѣленіе по возрастамъ, значительно отклоняющееся отъ средняго числа:

Въ Россіи	45,95%	и 14,53%
» Великобританіи . . .	47,6 »	и 17 — »
» Германіи	46,90 »	и 15,4 »
» Франціи	52,80 »	и 17,8 »
» Соедин. Штатахъ . .	45,60 »	и 14,37 »

Мы видимъ изъ этого сопоставленія, что относительно возрастнаго состава наиболѣе выгодно положеніе Франціи, въ которой самое значительное число жителей приходится на возрастъ полной и половинной рабочей силы.

2) *Раздѣленіе населенія по поламъ* также вліяетъ на производство. По вычисленіямъ Кэтлэ, сила женщины равна только $^5/_9$ силы мужчины. Но раздѣленіе населенія по поламъ имѣетъ особенное значеніе не потому, что мужчина обладаетъ бо́льшею тѣлесной силой: такъ какъ большая часть женщинъ не занимаетъ въ народномъ хозяйствѣ самостоятельнаго положенія, то на мужчину ложится содержаніе большаго числа несамостоятельныхъ членовъ общества въ тѣхъ странахъ, которыя имѣютъ относительно бо́льшее число женщинъ. Европейскія страны различаются между собой по относительному числу мужчинъ и женщинъ. На 1000 мужчинъ приходится: въ Россіи 1015 женщинъ (1882), Англіи—1057 (1881), Германіи—1039 (1885), Франціи—1008 (1880), Италіи—995 (1881), Греціи—906 (1880).

3) Количество труда, поставляемаго даннымъ обществомъ, зависитъ еще отъ того, какъ часто прерывается работа. Причины перерыва работы лежатъ частію въ свойствахъ человѣческаго тѣла, частію въ условіяхъ общежитія.

а) Первая причина, прерывающая работу, есть болѣзнь. Статистическія свѣдѣнія по этому предмету такъ малочисленны, что трудно пріидти къ какимъ-нибудь выводамъ относительно потери, какую несетъ общество вслѣдствіе болѣзни своихъ рабочихъ членовъ. Чисто апріорно мы въ правѣ заключить, что частость болѣзней прямо соразмѣрна съ силой смертности. Гдѣ неблагопріятны условія внѣшней природы или общественной жизни, тамъ болѣзни чаще оканчиваются смертью, тамъ чаще и преходящія заболѣванія. Будь точныя числовыя данныя, они, навѣрное, показали бы, что относительно заболѣваемости наше отечество находится въ усло-

віяхъ неблагопріятныхъ. Въ Англіи уже издавна существуютъ общества, выдающія пособія тѣмъ рабочимъ, которые не могутъ содержать себя собственнымъ трудомъ. Кассы этихъ обществъ позволяютъ вычислить перерывы въ работѣ вслѣдствіе болѣзни членовъ. Ваппеусъ вычисляетъ, что каждый человѣкъ теряетъ въ среднемъ по болѣзни 2% рабочаго времени. Англичанинъ хвораетъ въ среднемъ 11 дней ежегодно, нѣмецъ — 13, итальянецъ — 15, австріецъ 17 [3]). Конечно, эти цифры не вполнѣ точно выражаютъ дѣйствительныя отношенія. Если человѣкъ по болѣзни не работаетъ 2% дней, то, вѣроятно, нужно пріобщить сюда тѣ дни, когда онъ, вслѣдствіе недомоганья, работаетъ менѣе успѣшно. Такъ какъ болѣзненность и смертность населенія идутъ рука объ руку, то данныя о смертности могутъ до извѣстной степени служить показателемъ и болѣзненности, т.-е. болѣе или менѣе частыхъ перерывовъ въ работѣ. А смертность въ главныхъ европейскихъ государствахъ выражается такими цифрами: На 1000 живущихъ умираетъ ежегодно: въ Россіи 36,7, въ Италіи 29,8, въ Германіи 26,9, во Франціи 23,9, въ Англіи и Шотландіи 21,9, въ Норвегіи 17.

Мы заключаемъ отсюда, что если Россія имѣетъ слишкомъ вдвое бо̀льшую смертность, чѣмъ Норвегія, то и болѣзненность, вліяющая на перерывы въ работѣ, также должна быть болѣе велика въ нашемъ отечествѣ.

б) Условія, прерывающія работу, лежатъ внѣ человѣка, въ обычаяхъ страны. Между ними первое мѣсто занимаютъ церковные праздники, а затѣмъ и другіе дни, отнимаемые отъ работы. Изъ европейскихъ странъ въ болѣе выгодномъ положеніи находятся протестантскія, гдѣ число праздничныхъ дней въ году не превышаетъ 75, болѣе развитыя католическія, каковы Бельгія и сѣверная Франція. Менѣе развитыя католическія и страны грекороссійскаго исповѣданія находятся въ условіяхъ, менѣе благопріятныхъ. Въ нѣкоторыхъ промышленныхъ мѣстностяхъ московскаго района, наприм., насчитывается 135 праздничныхъ дней, такъ что на работу остается 230. Для Франціи число рабочихъ дней опредѣлено въ 300—306 (въ Парижѣ и департаментѣ Сены) и 293 въ остальныхъ мѣстностяхъ [4]).

в) На количество работы (особенно для болѣе развитыхъ людей, занимающихся умственнымъ трудомъ) вліяетъ и весь складъ даннаго общества. Общественный строй часто порождаетъ такое сильное чувство неудовлетворенности, что умаляетъ силы человѣка и даже лишаетъ его всякой охоты заниматься привычнымъ трудомъ.

4) Количество труда связано также съ неодинаковой тѣлесной силой разныхъ народовъ. По динамометрическимъ измѣреніямъ

Кэтлэ, сила рукъ француза среднихъ лѣтъ=69,2 килограммамъ, новозеландца—только 51,8, малайца—58,7; сила же француза меньше силы англичанина. Въ 70-хъ гг. одинъ желѣзнодорожный предприниматель, при постройкѣ дорогъ во Франціи, имѣлъ случай многократно убѣдиться, что англичанинъ можетъ исполнять тѣ работы, которыя не по силамъ французу: 25 англичанъ могутъ исполнить столько работы, сколько 42 француза [5]), 4 плотника-англичанина замѣняютъ 5 плотниковъ-голландцевъ. Тѣлесная сила зависитъ отъ обстановки, въ которой проходитъ жизнь человѣка. Худшее питаніе производитъ меньшую силу; одно поколѣніе передаетъ ее въ наслѣдство другому, и въ теченіе столѣтій одинъ народъ воспитываетъ бо́льшую силу мышцъ, нежели другой. Въ результатѣ получается иногда очень значительная разница.

5) Важнымъ условіемъ является распредѣленіе населенія на классы. Очень немногіе виды труда могутъ считаться абсолютно непроизводительными. Но исторія представляетъ намъ много примѣровъ дисгармоничнаго отношенія между отдѣльными родами работы. Представители нѣкоторыхъ отраслей труда такъ многочисленны, что далеко превышаютъ существующій въ обществѣ запросъ на данную отрасль занятій. Судей гораздо больше, чѣмъ тяжбъ, писателей, – чѣмъ читающихъ, священнослужителей,—чѣмъ молящихся. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивается презрительное отношеніе къ нѣкоторымъ родамъ труда полезнаго, а потому и почтеннаго; ручной трудъ считается унизительнымъ. Такой порядокъ вещей поддерживается неравномѣрнымъ распредѣленіемъ имущества, обиліемъ людей праздныхъ, неограниченнымъ и мало просвѣщеннымъ правительствомъ, которое выше мѣры увеличиваетъ число чиновниковъ, окружаетъ эти занятія ореоломъ и искусственно привлекаетъ къ нимъ слишкомъ много соискателей. Они переполняются; каждый изъ представителей этихъ званій работаетъ очень мало, а другіе роды труда недостаточно наполнены. Въ итогѣ подобное общество можетъ поставить только очень малое количество работы. Такою страной была, напр., Испанія прошлаго вѣка: по переписи 1788 г., въ этой странѣ было 3.800,000 жителей; изъ нихъ около $^1/_3$ (1.221,000) приходилось на духовныхъ, чиновниковъ, слугъ, монаховъ и т. д.

Современныя государства Европы представляютъ другую картину распредѣленія народа по занятіямъ.

Въ Германіи по переписи 1885 г. на 100 жителей:

промышленныя занятія	78,00
торговля и перевозка	10,00
домашняя прислуга	2,10

государственная служба и свободныя профессіи.	4,90
безъ занятій	5,00

Во Франціи по переписи 1881 г. на 100 жителей:

промышленныя занятія	73,7
торговля и перевозка	12,4
государственная служба и свободныя профессіи.	5,7
живущіе доходомъ и безъ занятій	8,2

Относительно Россіи мы не имѣемъ подобныхъ свѣдѣній, такъ какъ наши переписи не задавались вопросомъ о распредѣленіи населенія по занятіямъ. Данныя относительно Франціи и Пруссіи показываютъ болѣе гармоничное сочетаніе занятій, чѣмъ то было въ Испаніи 100 лѣтъ тому назадъ, и уже благодаря этимъ обстоятельствамъ эти страны могутъ дать гораздо бо̀льшую массу труда, нежели Испанія прошлаго вѣка.

6) Дальнѣйшимъ условіемъ являются законодательныя ограниченія. Если законодательная власть не препятствуетъ работѣ дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ, то, повидимому, должно быть поставлено наибольшее количество работы. Въ такихъ условіяхъ находилась Россія еще очень недавно. Не нужно, однако, забывать, что напряженный трудъ въ очень юномъ возрастѣ истощаетъ людей и умаляетъ тѣлесныя силы народа: а потому, разумныя законодательныя ограниченія, запрещающія дѣтямъ работать ранѣе опредѣленнаго возраста, должны быть поставлены въ рядъ условій, которыя содѣйствуютъ увеличенію массы труда.

7) Бо̀льшое вліяніе имѣетъ положеніе женщины. Въ первобытныхъ обществахъ на женщинѣ лежалъ цѣлый рядъ работъ, по приготовленію пищи, тканей, одежды и другихъ предметовъ. Съ развитіемъ ремеслъ, и, особенно, цехового строя, область женской дѣятельности значительно съузилась. Въ сферахъ такъ-называемаго умственнаго труда мужчина, пользуясь преимуществомъ своего общественнаго положенія, а слѣдовательно своей силой, и понынѣ неохотно терпитъ соперничество женщинъ. Въ области же ручного труда, по мѣрѣ развитія фабрикъ, работа женщинъ стала получать все бо̀льшее примѣненіе. Возникаетъ вопросъ, увеличится ли масса труда въ обществѣ, если женская работа будетъ получать все болѣе широкое приложеніе? Здѣсь мы затрогиваемъ кусочекъ женскаго вопроса. Удачное и неодностороннее его разрѣшеніе имѣетъ бо̀льшую важность для всего общественнаго хозяйства. Рѣшеніе будетъ односторонне, если признать желательнымъ возможно болѣе широкое примѣненіе женскаго труда во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Такое рѣшеніе вопроса увеличитъ число женщинъ во всѣхъ отрасляхъ;

быть можетъ, на нѣкоторое время масса труда увеличится и облегчится накопленіе богатства; но уже въ близкомъ будущемъ неизбѣжно уменьшится масса труда или, по-крайней мѣрѣ, нарушится гармоническое сочетаніе между его отдѣльными видами. Большинство женщинъ, какъ матери, жены и хозяйки, имѣютъ въ домѣ многочисленныя обязанности; разъ эти обязанности (предполагая современный хозяйственный строй неизмѣненнымъ) не будутъ исполнены ими, то онѣ и вовсе не будутъ исполнены. Семья будетъ разлагаться; дѣти, получая худшее воспитаніе, будутъ и худшими работниками. Это неопровержимо доказывается многочисленными семьями, гдѣ матери, жены и дочери занимаются фабричной работой. Но участіе женщинъ въ свободныхъ профессіяхъ и вообще ихъ занятіе болѣе высокими видами труда имѣетъ очень важное общественное значеніе. Доступъ женщинъ въ эти области необходимъ тѣмъ болѣе, что, кромѣ женщинъ, обремененныхъ многочисленными семейными и частно-хозяйственными обязанностями, каждое общество имѣетъ и вдовъ, дѣвицъ, женщинъ бездѣтныхъ. Открытіе ихъ духовнымъ силамъ широкаго поля дѣятельности благотворно вліяетъ и на увеличеніе массы работы, которую поставляетъ данное общество. Въ этомъ отношеніи Соединенные Штаты занимаютъ особенно выгодное положеніе: женщинамъ открыта широкая дорога, и всѣ дарованія этого пола получаютъ приложеніе. Россія, допустившая женщинъ къ преподаванію въ училищахъ, извлекаетъ изъ этого крупныя выгоды; еслибы онѣ не были допущены въ эту область дѣятельности, то, несомнѣнно, множество школъ стояли бы пустыми. Русскія женщины-врачи также наполнили много пробѣловъ во врачебной профессіи и оказали нашему обществу большія услуги.

Вотъ главныя условія, которыя опредѣляютъ количество рабочей силы въ обществѣ. Къ этому можно присовокупить и многія другія: сознаніе долга въ работающихъ, ихъ трезвость или склонность къ опьяненію и т. д. Всѣ эти условія различны въ разное время и разныхъ обществахъ. Масса труда въ обществѣ, зависящая отъ перечисленныхъ условій, не есть величина постоянная: какъ различна она у разныхъ народовъ, такъ измѣняется она и въ одномъ и томъ же обществѣ. Лучшее санитарное состояніе, уменьшая смертность, увеличиваетъ тѣлесную силу человѣка, дѣлаетъ болѣзни менѣе частыми, а потому содѣйствуетъ уменьшенію перерывовъ въ работѣ. Болѣе широкое просвѣщеніе заставляетъ общество относиться съ большимъ уваженіемъ ко всѣмъ видамъ труда, уменьшаетъ число праздничныхъ и другихъ прогульныхъ дней. Исторія хозяйственнаго быта показываетъ, что человѣчество

все болѣе приближается къ условіямъ, которыя увеличиваютъ массу труда.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ:

1) При изложеніи этой главы, я держался *Политической экономіи* проф. Чупрова.

2) *Quetelet.* II. Сила 25-лѣтняго мужчины равна 88,7 килогр., 15-лѣтняго—57,1, 10-лѣтняго—26,0.

3) *Mulhall.* History of prices, 1885, 99.

4) Journal de la société de statistique de Paris, 1890, 8, 232.

5) *Brassey.* Foreignwork and english wages, 1879, 157—97.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Трудъ въ зависимости отъ внѣшней природы.

Главныя пособія: *Д. С. Милль.* Основанія, I. *Янсонъ.* Сравнительная статистика, I, 1878. *Roscher, I. Schönberg, I. Gide.* Principes. *Felix.* Der Einfius der Natur auf die Entwickelung des Eigenthums, 1883. *Вешняковъ.* О физико-географ.-услов. разселенія русск. народа. Рус. Мысль, 1881, I.

Размѣръ рабочей силы въ обществѣ и количество труда, которое оно можетъ поставить, измѣняются. Но эти измѣненія совершаются медленно и не могутъ быть очень значительны. Европейскія государства занимаютъ различныя ступени культуры; условія ихъ внѣшней природы неодинаковы; а между тѣмъ распредѣлніе населенія по возрастамъ въ одной странѣ не представляетъ рѣзкихъ отклоненій отъ того, что мы находимъ въ другихъ. Если-бы мы имѣли числовыя данныя объ обществахъ, занимающихъ низшія ступени гражданственности то, вѣроятно, и тамъ распредѣленіе по возрастамъ и поламъ дало-бы намъ картину, сходную съ той, которую представляютъ государства Европы. Но, при небольшихъ различіяхъ относительно количества рабочей силы, которымъ владѣютъ общества, мы находимъ огромную разницу въ результатахъ труда. Рабочій день русскаго можетъ содержать такое-же число часовъ, какъ рабочій день готтентота, а между тѣмъ онъ производитъ гораздо больше продуктовъ. На отношеніе между количествомъ труда и его произведеній, кромѣ количества рабочей силы, вліяетъ еще цѣлый рядъ другихъ условій; мы уже назвали ихъ *условіями производительности труда.* Среди нихъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ условія внѣшней природы.

Внѣшняя природа даетъ человѣку вещество, которымъ онъ пользуется для своихъ цѣлей. Мы не раздѣляемъ воззрѣнія физіократовъ, которые считали природу единственнымъ источникомъ богатства; такимъ источникомъ служитъ только трудъ. Но всѣ виды труда имѣютъ дѣло лишь съ переработкой веществъ, дарованныхъ природой. Разъ природа дала вещество, то очевидно, что человѣкъ, при своей работѣ, испытываетъ зависимость отъ внѣшней природы. Эта зависимость проявляется всего рѣзче въ тѣхъ частяхъ земного шара, которыя вовсе не имѣютъ веществъ, необходимыхъ для человѣка. Крайній холодъ у полюсовъ есть и, вѣроятно, всегда будетъ препятствіемъ для успѣховъ гражданственности среди мелкихъ обществъ, населяющихъ эти мѣстности; хозяйствованіе ограничивается тамъ простѣйшими формами и едва-ли когда-нибудь достигнетъ большого развитія. Такую-же обстановку находимъ мы, напр., въ Сахарѣ: отсутствіе влаги и сыпучіе пески препятствуютъ хозяйствованію, и Сахара остается пустынею съ тѣхъ поръ, какъ исторія передаетъ намъ о ней свѣдѣнія. Нашему положенію нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что нѣкоторые народы, занимающіе почетное мѣсто въ исторіи, были скудно надѣлены дарами природы. Финикія, при всемъ безплодіи своей почвы, играла видную роль въ хозяйственной жизни древняго востока; въ новой исторіи можно указать на Голландію. Но, лишенныя плодородной почвы, эти страны имѣютъ удобный доступъ къ морю, а потому ихъ отнюдь нельзя считать вполнѣ обиженными природою. Наконецъ, общественная жизнь слагается подъ совокупнымъ вліяніемъ многихъ дѣятелей. Природа есть важный дѣятель, но далеко не единственный. Она, безспорно, оказываетъ вліяніе на хозяйственную жизнь, но историческій опытъ свидѣтельствуетъ, что вліяніе это становится все менѣе значительно. Успѣхи знаній не научаютъ человѣка создавать вещество, но научаютъ лучше приспособляться къ внѣшней обстановкѣ, направлять главныя силы на ту отрасль дѣятельности, которая можетъ быть въ странѣ наиболѣе успѣшна, ставить трудъ и капиталъ въ тѣ условія, при которыхъ имъ наиболѣе содѣйствуетъ природа и, наконецъ, перемѣщать вещество. Примѣромъ второго образа дѣйствій можетъ служить искусственное отклоненіе русла рѣкъ посредствомъ каналовъ, задерживаніе воды плотинами, вырываніе торфа изъ болотъ и наполненіе ихъ плодородной землей, осушеніе и орошеніе. Но можно съ увѣренностью сказать, что, какъ бы далеко ни подвинулось изученіе законовъ природы, человѣкъ никогда не освободится вполнѣ отъ этой зависимости. Сошлемся для примѣра на рискъ, сопровождающій въ современномъ обществѣ трудъ

земледѣльца: одинъ и тотъ-же участокъ земли, принесшій въ прошломъ году обильную жатву, далъ въ настоящемъ году полный неурожай. Причина этого лежитъ въ несогласномъ съ хозяйственными выгодами распредѣленіи влаги и тепла по временамъ года. Несомнѣнно, что люди научатся болѣе точно предсказывать это распредѣленіе; но трудно вѣрить, что они когда-либо будутъ въ состояніи измѣнить его и вполнѣ согласовать со своими цѣлями.

Природа въ двухъ направленіяхъ оказываетъ общее вліяніе на народное хозяйство: 1) Вещество качественно неравномѣрно распредѣлено по земной поверхности. Одна мѣстность представляетъ степь, покрытую сочной травой; другая щедро надѣлена лѣсомъ; третья имѣетъ очень удобный доступъ къ морю и обширнымъ внутреннимъ водамъ. Качественныя различія условій внѣшней природы даютъ извѣстное направленіе хозяйственной дѣятельности и образуютъ качественно различныя общественно-хозяйственныя единицы. Обиліе воды побуждаетъ населеніе къ занятію рыболовствомъ, пастбищъ—скотоводствомъ, лѣса—охотой, а позднѣе — лѣсными промыслами и обработкой дерева. Поэтому и нельзя вдвинуть всю хозяйственную исторію въ точно опредѣленныя рамки; нельзя сказать, что рыболовство необходимо предшествуетъ охотѣ, или наоборотъ: внѣшняя природа ставитъ одни общества въ такія условія, что они добываютъ полезности посредствомъ охоты, другія путемъ рыбной ловли, третьи начинаютъ очень рано заниматься скотоводствомъ. Качественныя различія въ направленіи хозяйственной дѣятельности не ограничиваются ранними ступенями общежитія. Съ теченіемъ времени они мѣняютъ формы, но, по существу, остаются неизмѣнными до тѣхъ поръ, пока рѣзко не измѣнятся условія внѣшней природы. Населеніе острововъ Атлантическаго океана занималось рыболовствомъ 2000 лѣтъ тому назадъ, при первичныхъ формахъ гражданственности; это занятіе оно сохранило и до нынѣ, хотя общественный строй рѣзко измѣнился. На ряду съ рыболовствомъ развилось судоходство, но и эта отрасль дѣятельности обусловливается близостью моря. Населеніе нашихъ лѣсныхъ губерній занималось въ древности преимущественно охотой; теперь оно посвящаетъ себя лѣснымъ промысламъ. Измѣнилась форма дѣятельности, но матеріалъ дается тѣмъ-же лѣсомъ, т.-е. веществомъ, которымъ природа особенно щедро надѣлила эту мѣстность. Сохраненіе качественныхъ различій объясняется и особенностями человѣческой природы. Человѣкъ стремится къ наибольшимъ выгодамъ, а такъ какъ выгоды всего легче получаются тамъ, гдѣ работа сопряжена съ наименьшими препятствіями, то человѣкъ и пользуется веществомъ, находящимся подъ руками.

Наконецъ, пользуясь однимъ и тѣмъ же матеріаломъ и давая своей работѣ опредѣленное направленіе, люди воспитываютъ въ себѣ извѣстный навыкъ. Каждое поколѣніе улучшаетъ пріемы, необходимые для данной дѣятельности и передаетъ потомкамъ по наслѣдству наклонность къ этимъ пріемамъ. Въ теченіе столѣтій вырабатывается типъ людей, наиболѣе способныхъ именно къ той дѣятельности, которой благопріятствуетъ внѣшняя природа. Привычка и способность къ извѣстнымъ техническимъ пріемамъ служитъ силою, которая заставляетъ людей цѣпко держаться за унаслѣдованное отъ предковъ занятіе не только до тѣхъ поръ, пока ему благопріятна внѣшняя обстановка, но даже тогда, когда эти благопріятныя условія начинаютъ исчезать: населеніе многихъ уѣздовъ Нижегородской губерніи продолжаетъ заниматься производствомъ деревянныхъ издѣлій, хотя лѣса рѣдѣютъ, и промыселъ становится все менѣе выгоднымъ.

2) Другое общее вліяніе, оказываемое природой на хозяйство людей, есть слѣдствіе того, что природа распредѣлила вещество на земной поверхности не въ одинаковомъ количествѣ. Возьмемъ для сравненія двѣ любыя страны или мѣстности одной страны, не получившія отъ природы въ изобиліи какихъ-либо силъ, но надѣленныя разными видами вещества, — и мы всегда найдемъ количественныя различія. Количество лѣса, наприм., мѣняется изъ мѣста въ мѣсто въ одной и той-же странѣ, а слѣдовательно мѣняются и затраты силъ на добываніе топлива или строевого матеріала. Въ Россіи много воды, но рѣки одной мѣстности имѣютъ быстрое, а другой — слабое теченіе. Въ одной рѣки могутъ служить двигателями бо̀льшаго числа промышленныхъ заведеній, чѣмъ въ другой. Очевидно, что, ceteris paribus, первая находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, природа болѣе содѣйствуетъ труду ея населенія. Въ хозяйственной жизни современныхъ обществъ внѣшняя природа вліяетъ въ этихъ обоихъ направленіяхъ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ жизни прошедшихъ обществъ.

Изучая вліяніе отдѣльныхъ дѣятелей внѣшней природы на хозяйственную жизнь человѣка, мы находимъ, что имѣетъ большое значеніе: 1) географическій характеръ страны, *распредѣленіе горъ и низменностей*. Горы служатъ естественными границами, раздѣляющими народы. Чѣмъ ниже ступень развитія, тѣмъ сильнѣе вліяніе возвышенной мѣстности. Природа пролагаетъ черезъ горы только узкія и неудобныя тропы, а человѣческое искусство, при низкой гражданственности, еще не довольно развито, чтобы восполнить этотъ пробѣлъ. Поэтому, затрудняется общеніе между

народами, которыхъ раздѣляютъ горы. Чрезъ это выигрываютъ тѣ народы, которые стоятъ на высшей ступени развитія и проигрываютъ занимающіе болѣе низкую ступень: горы защищаютъ первыхъ отъ разрушительныхъ набѣговъ послѣднихъ и препятствуютъ болѣе высокой гражданственности первыхъ проникать ко вторымъ. Альпы защищали Римъ отъ сѣверныхъ дикарей; для послѣднихъ Альпы были непроходимы. Если-бы не было Альпъ, то, вѣроятно, исторія Рима была-бы совсѣмъ иная; набѣги сосѣднихъ варварскихъ племенъ помѣшали бы развитію государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяйственной жизни. Съ другой стороны Альпы препятствовали проникновенію на сѣверъ римской гражданственности; не будь ихъ, римская цивилизація, вѣроятно, проникла-бы раньше къ кельто-германскимъ племенамъ. Мы видимъ изъ исторіи нашего отечества, насколько отсутствіе горъ на границѣ можетъ быть пагубно для болѣе высокой гражданственности: беззащитность восточной границы открывала широкій просторъ для нашествія кочевниковъ, которые задержали хозяйственное развитіе Россіи. Тамъ, гдѣ горы узкимъ кольцомъ замыкаютъ небольшое племя, отдѣляя его отъ общенія съ сосѣдями, онѣ также ставятъ преграды хозяйственному развитію; въ малочисленномъ населеніи нѣтъ достаточнаго разнообразія способностей; а отрѣзанность отъ сосѣдей препятствуетъ улучшить формы жизни посредствомъ заимствованія. Наконецъ, обитатели самыхъ горъ поставлены въ неблагопріятныя условія уже потому, что хозяйственная жизнь не можетъ достигнуть значительной сложности. Земледѣліе ограничивается долинами; обрабатывающая промышленность не можетъ замѣтно развиться потому, что затруднена доставка сырья на горы и фабрикатовъ въ долины; неровность-же мѣстности препятствуетъ населенію достигнуть необходимой густоты. Швейцарія представляетъ намъ любопытный примѣръ. Ея общественный строй чрезвычайно благопріятенъ для успѣшности труда; отлично воздѣланные участки земли свидѣтельствуютъ о трудолюбіи населенія; распредѣленіе богатствъ отличается равномѣрностью, неизвѣстной другимъ европейскимъ странамъ; ей гарантированъ нейтралитетъ, а потому ея расходъ на войско незначителенъ. Однако, Швейцарія уступаетъ многимъ странамъ по массѣ богатствъ. Причиной этому служатъ, главнымъ образомъ, природныя условія, гористость, вынуждающая значительную часть населенія заниматься преимущественно скотоводствомъ. Сравненіе отдѣльныхъ мѣстностей Швейцаріи еще болѣе подкрѣпляетъ нашъ выводъ. Бо́льшимъ благосостояніемъ пользуются сѣверные и западные кантоны, имѣющіе довольно обширныя

равнины; въ этихъ-же кантонахъ мы находимъ бо́льшее разнообразіе отраслей труда, которымъ посвящаетъ себя населеніе.

2) Второе важное условіе — *распредѣленіе воды и суши.* Моря и внутреннія воды даютъ человѣку пищу, но, кромѣ того, они имѣютъ большое значеніе, какъ пути, по которымъ сообщаются народы. Эти пути тѣмъ болѣе важны, чѣмъ дальше заглянемъ мы въ глубь исторіи: малая производительность труда не позволяла тратить силы на проложеніе дорогъ, и единственными дорогами были водные пути. Чѣмъ ближе эти пути, тѣмъ, очевидно, раньше начинается общеніе народовъ и заимствованія менѣе культурными у болѣе развитыхъ сосѣдей. Количество моря, которымъ владѣютъ страны, измѣряется отношеніемъ береговой линіи ко всей площади государства. Чѣмъ относительно больше береговая линія, тѣмъ благопріятнѣе положеніе страны, такъ какъ тѣмъ бо́льшая ея часть имѣетъ доступъ къ морю. Въ древнемъ мірѣ такое выгодное положеніе занимали Финикія и Греція. Теперь въ этомъ отношеніи первое мѣсто между частями свѣта принадлежитъ Европѣ. Въ ней 1 верста берега приходится на 39 квадратныхъ верстъ пространства, въ Австраліи—1 на 73, Америкѣ—1 на 75, Азіи—1 на 99, Африкѣ 1 на 151. Но европейскія государства находятся не въ одинаковыхъ условіяхъ. Въ Соединенномъ королевствѣ на 1 версту береговой линіи приходится 6,5 □ м. площади, во Франціи 14,6, а въ Россіи 35,6. Такимъ образомъ положеніе Россіи неблагопріятно. Внутреннія воды служатъ естественными путями сообщенія между отдѣльными мѣстностями. Мы знаемъ, что историческая жизнь развивается всего ранѣе по теченію рѣкъ. Римское государство было основано на Тибрѣ. Русская исторія началась по Днѣпру и Волхову; гражданственность стала всего ранѣе развиваться по Волгѣ, Двинѣ и другимъ рѣкамъ. Число и длина рѣкъ, отдѣльно взятыя, еще не имѣютъ рѣшающаго значенія. Чтобы выяснить его, нужно принять въ разсчетъ многія другія особенности рѣкъ. 1) По какимъ мѣстностямъ протекаетъ рѣка и куда впадаетъ? Если она течетъ по мѣстности, населенной довольно густо, впадаетъ въ море, которое можетъ служить путемъ сообщенія, то, очевидно, она приноситъ странѣ болѣе выгодъ, нежели въ тѣхъ случаяхъ, когда течетъ въ мѣстности суровой, рѣдко населенной и впадаетъ въ море, отрѣзанное отъ всего міра. 2) Какова быстрота теченія рѣки? а быстрота теченія зависитъ отъ высоты паденія въ связи съ длиной рѣки. Слишкомъ быстрое теченіе позволяетъ пользоваться рѣкой только по теченію, а не противъ него, что уменьшаетъ значеніе рѣчного пути. 3) Судоходна ли рѣка вообще или нѣтъ? 4) Если судоходна, то прерывается ли на

ней плаваніе частыми мелями или порогами? 5) Продолжительно ли время, въ теченіе котораго рѣка бываетъ покрыта льдомъ? 6) Наконецъ, должно быть принято во вниманіе количество притоковъ рѣки, разстояніе бассейна одной рѣки отъ бассейновъ другихъ, удобство сообщенія между этими бассейнами и многія другія обстоятельства.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Россія занимаетъ менѣе выгодное положеніе, чѣмъ западно-европейскія государства. Огромныя рѣки Сибири почти лишены значенія для страны, такъ какъ впадаютъ въ Сѣверный океанъ, мало доступный для торговыхъ сношеній; наконецъ, онѣ большею частью своего теченія принадлежатъ мѣстности безлюдной, съ суровымъ климатомъ, гдѣ и въ будущемъ нельзя ожидать большого хозяйственнаго развитія. Сравнивая одну Европейскую Россію съ западной Европой, мы также находимъ наше отечество поставленнымъ весьма неблагопріятно. На 100 квадратныхъ миль площади приходится судоходныхъ рѣкъ и каналовъ: во Франціи—125 верстъ, въ Англіи—120 вер., въ Германіи—119 вер., въ Италіи—59 в., въ Европейской Россіи—41 вер. Такія большія рѣки, какъ Сѣверная Двина, Печора, Мезень, впадая въ отдаленное и мало доступное море, имѣютъ очень малое значеніе для судоходства. Даже главная наша рѣка—Волга впадаетъ въ Каспійское море, отдѣляющее насъ отъ полудикихъ азіатскихъ странъ. Хотя большія рѣки и судоходны вверхъ и внизъ по теченію, но судоходство по Днѣпру и Дону замедляется порогами. Обмелѣніе русскихъ рѣкъсъ каждымъ годомъ быстро идетъ впередъ: даже Волга мелѣетъ у Саратова, т.-е. въ нижней части теченія. Наконецъ, наши рѣки покрыты льдомъ въ теченіе длиннаго періода времени: Сѣверная Двина—186 дней въ году, Волга—143, тогда какъ Рейнъ 26, Эльба 62 дня и даже Висла 86 дней. Нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что положеніе русскихъ рѣкъ относительно промышленныхъ мѣстностей страны не вполнѣ благопріятно. Страна заинтересована въ томъ, чтобы богатѣйшія мѣстности, которыя снабжаютъ своими произведеніями другія части, лежали по верхнему теченію рѣкъ; тогда распредѣленіе товаровъ по странѣ совершается наиболѣе удобно, съ наименьшей затратой времени. Въ Россіи мы видимъ какъ разъ обратное: южная Россія, снабжающая сѣверную произведеніями земледѣлія и скотоводства, лежитъ по нижнему теченію Волги, Дона и Днѣпра.

3) Важнымъ условіемъ, вліяющимъ на производительность труда, служитъ *климатъ* въ отношеніи *теплоты* и *влажности*. Относительно теплоты важны два обстоятельства: 1) среднее годовое ко-

личество теплоты, и 2) распредѣленіе теплоты по временамъ года. Количество теплоты вліяетъ на растительность: въ Европѣ пшеница обыкновенно не растетъ сѣвернѣе 60°, ячмень—70°, гдѣ и кончается хлѣбопашество. Растительность зависитъ также отъ распредѣленія теплоты по временамъ года. Яровая пшеница, напр., требуетъ жаркаго лѣта. Поэтому, наприм., около Якутска, гдѣ средняя годовая температура не превышаетъ—5 по Реомюру, яровая пшеница даетъ иногда очень хорошую жатву, но она не дозрѣваетъ въ Исландіи, имѣющей болѣе высокую среднюю годовую температуру, но менѣе жаркое лѣто. Чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ больше теплоты, тѣмъ роскошнѣе растительность, тѣмъ выше въ горахъ поднимается область хлѣбопашества. Полоса вѣчнаго снѣга начинается въ Исландіи на высотѣ 2,900 фут., Уралѣ — 4,500, Альпахъ — 8,200, а въ Квито 14,850: слѣдовательно, чѣмъ южнѣе, тѣмъ больше земли отвоевываетъ человѣкъ для своихъ цѣлей. Большая теплота позволяетъ растеніямъ созрѣвать раньше и даетъ возможность собирать жатву нѣсколько разъ въ годъ. Въ Россіи собирается одна жатва въ годъ, въ южной Германіи 2, а въ Аравіи 3. Наконецъ, и жатва получается болѣе обильная: пшеница даетъ во Франціи самъ 8, въ Мексикѣ, самъ 17 до самъ 35. Качество произведеній въ южныхъ странахъ лучше, чѣмъ въ сѣверныхъ: испанское зерно даетъ при размолѣ на $^1/_3$ меньше отрубей, чѣмъ зерно балтійскаго побережья. Важно и то обстоятельство, что земледѣльческія работы могутъ быть исполняемы въ теченіе болѣе длиннаго промежутка времени: въ Европѣ съ каждымъ градусомъ на сѣверъ цвѣтъ распускается четырьмя днями позднѣе. Въ средней Германіи полевыя работы распредѣляются на 7 мѣсяцевъ въ году, тогда какъ въ Россіи онѣ должны быть закончены въ 4 мѣсяца. Въ связи съ этимъ находится также и количество корма, которое должно быть заготовлено для скота на зиму, и размѣры хозяйственныхъ построекъ. Другое важное климатическое условіе есть влажность. Она зависитъ отъ близости данной мѣстности къ водѣ и особенно къ морю. Влажность измѣряется количествомъ выпадающей въ теченіе года воды. Насколько различны въ этомъ отношеніи разныя мѣстности, видно изъ того, что въ средней и сѣверной Россіи выпадаетъ въ теченіе года 500—700 миллиметровъ воды (Петербургъ—529,9, Псковъ—535,4, Тамбовъ 559,8, Ревель—531,9, Петрозаводскъ—645,6), въ южной Россіи только 200—300 (Баку—237,2, Карсъ—232,2, Херсонъ—298,1, Астрахань—175,1), а въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ полосахъ Кавказа около 1000 и болѣе (Владикавказъ—837,1, Кутаисъ—1970,7).

Недостатокъ влажности даетъ чувствовать себя въ нашимъ степяхъ, которыя, имѣя плодородную почву, часто страдаютъ отъ засухи.

4) Дальнѣйшимъ важнымъ условіемъ являются свойства *почвы*. Не всякая почва одинаково способна *къ обработкѣ*. Различные участки разнятся между собой по способности почвы удерживать воду и поглощать влагу изъ атмосферы, принимать теплоту и удерживать ее. Плодородіе почвы обусловливается количествомъ содержимыхъ ею минеральныхъ веществъ. Хотя тѣ вещества, которыя растенія извлекаютъ изъ почвы, и могутъ быть возвращаемы ей въ видѣ удобренія, но, при прочихъ равныхъ условіяхъ, та почва дѣлаетъ трудъ болѣе производительнымъ, которая содержитъ болѣе веществъ, питающихъ растенія. Въ этомъ отношеніи Россія представляетъ чрезвычайное разнообразіе: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Кіевской, Курской и Полтавской губерній черноземъ превышаетъ $1^1/_2$ аршина глубины, и иногда собираются чрезвычайно изобильныя жатвы; а въ губерніяхъ Астраханской, Ставропольской, мѣстами въ Таврической преобладаніе солончаковъ и песковъ ставитъ земледѣліе въ самыя тягостныя условія.

Другимъ свойствомъ почвы является геологическое строеніе земной коры и обиліе тѣхъ веществъ, которыя служатъ разнымъ хозяйственнымъ цѣлямъ. Таковы соль, известь, каменный уголь, металлы. Отдѣльные народы владѣютъ неодинаковыми запасами этихъ веществъ. Богатство страны каменнымъ углемъ позволяетъ обойтись безъ древеснаго топлива и дѣлаетъ возможнымъ сосредоточеніе многочисленнаго населенія и развитой промышленности въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя изобилуютъ каменнымъ углемъ. Промышленность Англіи и Бельгіи основывается именно на этомъ богатствѣ углемъ. До недавняго времени наше отечество, благодаря обилію лѣсовъ, повидимому, вовсе не нуждалось въ минеральномъ топливѣ. Но уничтоженіе ихъ въ средней полосѣ, наиболѣе промышленной, дѣлаетъ съ каждымъ годомъ обращеніе къ углю все болѣе необходимымъ. Главными мѣстами добыванія угля служатъ раіоны донецкій, подмосковный, польскій и уральскій. Второй и третій раіоны близки къ центрамъ нашей фабричной промышленности. Но обширныя залежи каменнаго угля по нижнему теченію Дона и Днѣпра уже болѣе отдалены отъ этихъ центровъ; подвозъ его на сѣверъ требуетъ большихъ затратъ; при нахожденіи угля близъ промышленныхъ мѣстностей Россіи, онѣ были бы значительно меньше.

Важно отвѣтить на вопросъ, можетъ ли измѣняться природа, окружающая человѣка? Если подъ измѣненіями разумѣть тѣ, которыя сопряжены съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ вещества, то на вопросъ нужно отвѣтить отрицательно: всѣ такія измѣненія

не зависятъ отъ воли человѣка. Но человѣкъ уменьшаетъ свою зависимость отъ природы посредствомъ цѣлаго ряда приспособленій, которыми онъ заставляетъ природу лучше служить своимъ цѣлямъ. Рядомъ сооруженій человѣкъ обходитъ препятствія, которыя природа ставитъ ему на пути. Положимъ, наприм., что горы отрѣзываютъ страну отъ мѣстностей, съ которыми ей было бы выгодно поддерживать оживленныя сношенія. При маломъ общественномъ развитіи, такое препятствіе представляется непреодолимымъ. Но по мѣрѣ того, какъ улучшаются орудія производства, человѣкъ научается побѣждать эти препятствія; чрезъ горы прокладываются удобныя дороги. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить швейцарскіе пути сообщенія, гдѣ отличныя шоссе проходятъ въ полосѣ вѣчныхъ снѣговъ, на высотѣ слишкомъ 8,000 ф. надъ уровнемъ моря. Еще меньшимъ препятствіемъ стали горы съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ; онѣ прорѣзываются тоннелями. Наибольшіе тоннели М. Сеннискій и С. Готардскій; второй имѣетъ въ длину около 14 верстъ. Стоимость этихъ сооруженій достигаетъ многихъ милліоновъ рублей. Такими-же способами облегчаются препятствія, которыя ставятъ рѣки. Гдѣ волоки между ними неудобны, тамъ прорываются каналы или устраиваются дороги. Волго-донская желѣзная дорога соединила Волгу и Донъ и устранила неудобство волока. Бассейны Волги и Оби связаны уральской дорогой.

Слѣдуетъ отмѣтить измѣненія, которыя природа и человѣкъ производятъ въ почвѣ. Уровень воды въ рѣкахъ и моряхъ, какъ показываетъ исторія Европы, имѣетъ наклонность къ пониженію. Германскіе лѣтописцы упоминаютъ о нахожденіи воды въ такихъ мѣстахъ, гдѣ теперь цвѣтущія поля. Такимъ образомъ, сама природа отнимаетъ у воды пространства и дѣлаетъ ихъ способными къ обработкѣ. Эта часть земли, богатая перегнившими растеніями и остатками животныхъ, оказывается обыкновенно наиболѣе плодородною. Но и самъ человѣкъ можетъ отвоевывать у воды значительныя пространства. Во всѣхъ европейскихъ странахъ уже издавна производятся въ обширныхъ размѣрахъ работы по осушеніе болотъ и озеръ. Рошеръ сообщаетъ намъ много примѣровъ такого отнятія земли у воды. Голланды затратили 200 милл. гульденовъ на осушеніе: въ началѣ 17-го вѣка въ сѣверной Голландіи было осушено 5 озеръ, которыя дали земледѣлію болѣе 6,000 десятинъ земли; въ 40-хъ годахъ нашего вѣка въ Голландіи было осушено большое Гарлемское озеро; теперь на днѣ его находятся селенія со многими тысячами жителей и прекрасно воздѣланныя поля. Сходные результаты дали осушительныя работы въ Пинскомъ Полѣсьѣ, начатыя съ 1874 года. Къ 1889 году, изъ

всей площади въ 8 милл. десятинъ, подлежавшей осушенію, было осушено болѣе 2 милліоновъ. На мѣстахъ непроходимыхъ топей появились луга и поля, и цѣнность 1 десятины возросла въ среднемъ на 15 рублей.

Съ другой стороны человѣкъ заставляетъ природу лучше служить себѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда измѣняетъ земледѣльческія системы. Статика земледѣлія требуетъ, при пользованіи почвой, такихъ пріемовъ, которые сохраняли бы равновѣсіе между богатствомъ почвы и тѣми сельскохозяйственными операціями, которыя истощаютъ ее и улучшаютъ. Растенія извлекаютъ изъ земли опредѣленное количество вещества. Если человѣкъ ничего не отдаетъ землѣ, то она съ теченіемъ времени истощается. Препятствіемъ истощенію служатъ тѣ земледѣльческія системы, при которыхъ есть строгое соотвѣтствіе между пространствомъ земли, находящимся подъ хлѣбопашествомъ, и участками, отведенными для скотоводства въ видѣ луговъ, выгоновъ, полей, засѣянныхъ кормовыми травами. Участки послѣдняго рода производятъ кормъ скоту, и навозъ, удобряющій поля, возвращаетъ имъ тѣ питательныя вещества, которыя были взяты у нихъ растеніями. Вычисленія показываютъ, что при трехпольной системѣ только $^1/_3$ можетъ служить для воздѣлыванія хлѣба, а при плодосмѣнной $^2/_3$.

Наконецъ, человѣкъ заставляетъ природу лучше служить своимъ цѣлямъ, когда вводитъ новые виды растеній, которые позволяютъ извлекать пользу изъ земли, бывшей до того времени безплодною. Такъ, на сѣверномъ берегу Германіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи принесло большую пользу воздѣлываніе желтаго люпина, который сдѣлалъ песчаную почву довольно плодородною. Сюда же нужно отнести все, что сдѣлано для орошенія земли, проведенія влаги на такіе участки, которые ранѣе были безплодны по чрезвычайной сухости. Орошеніе, дающее возможность извлекать пользу изъ участковъ прежде непригодныхъ, уже давно извѣстно людямъ: только благодаря искусственному орошенію получаются обильныя жатвы во многихъ мѣстностяхъ средней Азіи, гдѣ очень мало количество атмосферныхъ осадковъ.

Всѣ эти приспособленія дѣлаютъ для человѣка болѣе благопріятными условія внѣшней обстановки. Но одновременно съ этимъ мы замѣчаемъ и другой процессъ—ухудшеніе естественныхъ условій. Виною этого въ большинствѣ случаевъ бываетъ самъ человѣкъ.

Истребленіе лѣсовъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ этомъ процессѣ. Если нѣтъ каменнаго угля и торфа, то съ уменьшеніемъ лѣсовъ затрудняется добываніе топлива, а слѣдовательно обстановка труда становится менѣе благопріятна. Лѣсоистребленіе ведетъ также

къ обмелѣнію рѣкъ, дѣлаетъ ихъ менѣе судоходными, вызываетъ болѣе частыя засухи. Небрежное веденіе сельскаго хозяйства содѣйствуетъ полному истощенію почвы; если земля не получаетъ обратно того, что отдаетъ растеніямъ, то она можетъ на очень долгое время утратить производительную силу. Въ южныхъ черноземныхъ губерніяхъ Россіи отдача земель въ краткосрочную аренду вліяетъ на ухудшеніе почвы: арендаторъ не заботится о сохраненіи плодородія почвы; онъ старается за короткое время извлечь изъ нея какъ можно больше и истощаетъ ее. Земскія статистическія изслѣдованія накопили очень много фактовъ этого рода для самыхъ плодородныхъ мѣстностей Россіи. Приростъ населенія можетъ ставить людей также въ положеніе менѣе благопріятное. Возрастающее населеніе требуетъ бо́льшей массы земледѣльческихъ произведеній. Если въ данной мѣстности взяты подъ обработку всѣ хорошія земли, то приходится обращаться къ землямъ худшаго качества, которыя умаляютъ производительность труда. Если нѣтъ болѣе земель, пригодныхъ для заселенія, то люди охотно стали бы увеличивать посѣвъ на прежнихъ земляхъ, но это увеличеніе не будетъ сопровождаться соотвѣтствующимъ увеличеніемъ жатвы. Каждое растеніе требуетъ опредѣленнаго количества свѣта, падающаго на данный участокъ земли. А такъ какъ оно ограничено, то ограничено и количество растеній, способныхъ произрастать на немъ. Слѣдовательно, этотъ путь не можетъ привести къ желанной цѣли. Минеральныя богатства также истощаются; мы видимъ это на примѣрѣ истощенія различныхъ рудниковъ. Чѣмъ дальше въ глубь подвигается разработка, тѣмъ меньше плодовъ приноситъ трудъ. Конечно, очень возможно наступленіе времени, когда будутъ взяты подъ обработку всѣ существующія на земномъ шарѣ мѣстонахожденія минераловъ и чѣмъ дальше будетъ идти ихъ разработка, тѣмъ менѣе производителенъ будетъ становиться трудъ. Такимъ образомъ, приростъ населенія за извѣстные предѣлы имѣетъ наклонность умалять производительность труда.

Человѣкъ можетъ бороться съ условіями, которыя ухудшаютъ внѣшнюю обстановку. Благодаря своей подвижности, люди могутъ распредѣляться по земному шару и окружать себя выгодными условіями внѣшней природы; они могутъ оставлять мѣста съ безплодной почвой и занимать земли, болѣе производительныя. Въ теченіе всей исторіи мы видимъ переселенія людей въ поискахъ за болѣе выгодной обстановкой. Съ каждымъ поколѣніемъ переселенія становятся болѣе цѣлесообразны. И на будущеевремя человѣчество еще долго будетъ имѣть въ переселеніи могущественное средство для полученія доступа къ благопріятнымъ условіямъ внѣшней природы.

Средствами служатъ также всѣ тѣ пріемы, съ помощію которыхъ человѣкъ лучше приспособляется ко внѣшней природѣ, сосредоточиваетъ всѣ силы на той отрасли дѣятельности, которая можетъ быть въ данномъ мѣстѣ всего успѣшнѣе, и, наконецъ, улучшаетъ способы передвиженія, чтобы приблизить къ себѣ матеріалъ, котораго нѣтъ на мѣстѣ. Широкое развитіе международныхъ сношеній позволяетъ каждой странѣ спеціализироваться на той отрасли производства, которая для нея болѣе выгодна, а улучшенные пути сообщенія позволяютъ перемѣщать сырье въ тѣ мѣстности, которыя наиболѣе приспособлены къ его обработкѣ. Сельское хозяйство представляетъ самый выдающійся примѣръ перемѣщенія отраслей промышленности изъ одной страны въ другую. Въ 40-хъ годахъ ежегодный ввозъ въ Англію хлѣбовъ въ зернѣ и мукѣ составлялъ 20, 665, 645 центнеровъ, а въ 80-хъ гг. уже больше 130 милл. центнеровъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ площадь земли подъ хлѣбами сократилась въ Англіи до 9,785,697 акровъ (1888 г.). Движеніе же цѣнъ на сельскохозяйственные продукты показываетъ, что уменьшеніе собственнаго производства хлѣба и полученіе большей массы хлѣба изъ-за границы было выгодно для англичанъ: средняя цѣна одного квартера пшеницы въ 1801—50 гг. составляла 64 шилл. 2 пенса, въ 1850—80 гг.—52 шилл. 5 пенсовъ, а въ 80-хъ гг. 30 шиллинговъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Трудъ въ зависимости отъ политико-географическаго положенія государства.

Географическое и политическое положеніе данной страны среди сосѣднихъ народовъ имѣетъ очень большое вліяніе на производительность труда и ростъ народнаго богатства. Чѣмъ большую безопасность отъ внѣшнихъ враговъ обезпечиваетъ народу его географическое положеніе, чѣмъ меньше вынуждено онъ затрачивать матеріальныхъ и духовныхъ силъ для охраненія своей политической цѣлости, тѣмъ болѣе выгодно онъ поставленъ для развитія своего хозяйства. При такихъ условіяхъ народъ можетъ работать безостановочно, въ увѣренности, что плоды его трудовъ не будутъ уничтожены могущественными внѣшними врагами. Внѣшняя безопасность зависитъ прежде всего отъ географическаго положенія страны. Островное государство или государство, окруженное го-

рами, уже самой природой гораздо болѣе защищены отъ нападенія извнѣ, нежели страна, занимающая равнину съ длинной и вполнѣ доступной сухопутной границей. Вторымъ опредѣляющимъ условіемъ служитъ его сосѣдство; если народъ, сдѣлавшій успѣхи по пути гражданственности, имѣетъ ближайшими сосѣдями мирныя племена, мелкія, лишенныя политическаго единства, то онъ можетъ быть гораздо болѣе увѣренъ въ своей безопасности, нежели государство, которое имѣетъ въ недалекомъ сосѣдствѣ племена воинственныя, тяготѣющія къ одному центру, способныя образовывать отъ времени до времени несмѣтныя полчища и производить опустошительные набѣги на сосѣднія страны. Эти оба условія заявляютъ о себѣ, какъ среди народовъ развитыхъ, такъ и для обществъ высокой культуры. Сравнимъ, напр., Англію съ материковыми государствами западной Европы въ теченіе ихъ исторіи—и мы поймемъ различіе между условіями общественнаго развитія англичанъ и другихъ европейскихъ народовъ. Число непріятельскихъ вторженій въ Англію, заканчивающееся нашествіемъ Вильгельма Завоевателя, не трудно пересчитать по пальцамъ. Съ тѣхъ поръ англичане вели много войнъ во всѣхъ частяхъ свѣта, но какъ ни были велики расходы деньгами и людьми на эти войны, сама Англія не была ихъ ареной и англійскій народъ, удѣляя на содержаніе войска даже значительную часть своихъ доходовъ, могъ въ своемъ отечествѣ безъ помѣхи предаваться мирнымъ занятіямъ. Всѣ же страны европейскаго материка вплоть до самаго послѣдняго времени были много разъ театромъ войны и подвергались опустошеніямъ внѣшнихъ враговъ. Въ еще болѣе завидномъ положеніи находятся Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Послѣ освобожденія отъ англійскаго владычества вся исторія обширнаго американскаго государства сложилась такимъ образомъ, что война съ внѣшними врагами являлась и теперь является положительно невозможною. Отдѣленное океаномъ отъ воинственныхъ европейскихъ народовъ, оно имѣетъ въ Америкѣ сосѣдей сравнительно столь слабыхъ, что они не могутъ угрожать независимости или цѣлости его предѣловъ. На исторіи Россіи можно во всѣхъ подробностяхъ прослѣдить вліяніе, которое оказываютъ географическое положеніе страны и характеръ сосѣдей. Полное отсутствіе трудно проходимыхъ естественныхъ границъ на западѣ и востокѣ дѣлали и дѣлаютъ доступъ въ Россію для внѣшняго врага очень легкимъ. Къ этому присоединяется и воинственность сосѣдей, отъ которой прежде страдало наше отечество. Пока приходилось защищаться отъ печенѣговъ, половцевъ и другихъ мелкихъ враждебныхъ племенъ, до тѣхъ поръ Россія не испытывала такихъ тяже-

лыхъ послѣдствій этого сосѣдства, какъ въ 13 вѣкѣ со времени перваго столкновенія съ монголами. Въ домонгольскій періодъ многочисленныя враждебныя племена, безпокоившія Россію, производили мелкіе набѣги, опустошали отдѣльныя области страны, нерѣдко были отражаемы и побѣждаемы русскими князьями, а потому ихъ нашествія не были полнымъ разгромомъ для народнаго хозяйства. Въ лицѣ монголовъ появился такой врагъ, котораго можно сравнить съ тяжелымъ хроническимъ недугомъ: онъ подтачиваетъ силы больного и оставляетъ мало надежды на излѣченіе. Кто припомнитъ безъискусственныя, но выразительныя страницы нашихъ лѣтописей, говорящія объ опустошеніяхъ Русской земли татарами, о полномъ разрушеніи многихъ городовъ и уничтоженіи всякихъ слѣдовъ гражданственности, тотъ пойметъ, что два съ половиною вѣка, которые Россія находилась подъ непрерывнымъ страхомъ татарскихъ нашествій, были достаточны, чтобы дать западной Европѣ возможность далеко опередить насъ въ хозяйственномъ развитіи. Сравнивая страны западной Европы съ Россіей, мы видимъ на сторонѣ нашего отечества одно особенно невыгодное условіе; какъ ни часты были войны на западѣ, онѣ не сопровождались такими опустошеніями, какія приносили съ собою монголы. Страны западной Европы не имѣли такихъ свирѣпыхъ сосѣдей и Россіи приходилось выносить на себѣ всѣ удары монгольскихъ завоевателей. Обширная русская равнина своими дремучими лѣсами и непроходимыми болотами препятствовала монголамъ проникать въ западную Европу; она ослабляла ихъ силу, но, принимая на себя ихъ удары отъ начала 13 до конца 15 вѣка, она должна была далеко отстать отъ западныхъ сосѣдей въ развитіи хозяйственной жизни.

Насколько, при низкомъ уровнѣ культуры, силы людей недостаточны для борьбы съ невыгодными условіями внѣшней природы, настолько же могущественно вліяетъ и сосѣдство полудикихъ воинственныхъ племенъ; однако и въ государствахъ высокой гражданственности эти условія оказываютъ большое вліяніе. Въ томъ періодѣ, когда Россію почти ежегодно опустошали татарскія полчища, правильный трудъ населенія былъ почти невозможенъ: одной рукой человѣкъ направлялъ плугъ, а въ другой держалъ мечъ. Въ настоящее время воинственныя наклонности ослабѣли, состояніе почти непрерывныхъ войнъ уступило мѣсто вооруженному миру, но различіе во внѣшней безопасности отдѣльныхъ государствъ выражается въ неодинаковыхъ усиліяхъ, которыя они дѣлаютъ для поддержанія вооруженнаго мира. Вооруженный миръ потому имѣетъ вліяніе на производительность труда, что войско

притягиваетъ къ себѣ самую здоровую часть населенія и отвлекаетъ отъ промышленной дѣятельности лучшихъ работниковъ; съ тѣмъ вмѣстѣ вооруженный миръ заставляетъ народъ растрачивать очень большую массу труда на изготовленіе оружія, крѣпостей и другихъ принадлежностей военнаго дѣла и лишаетъо громные капиталы производительнаго назначенія. Многіе писатели (изъ экономистовъ назовемъ Адольфа Вагнера) считаютъ войну необходимостью и признаютъ производительными затраты, которыя совершаются на содержаніе войска; однако, подобный взглядъ на войну всегда имѣетъ своимъ источникомъ дурную привычку преклоняться предъ существующимъ порядкомъ вещей. Пусть политическій дѣятель признаетъ для данной страны необходимымъ содержать подъ ружьемъ такое-то число солдатъ; экономисты же, говоря отъ лица науки, всегда должны считать непроизводительными затраты, которыя дѣлаетъ государство на содержаніе военной силы. Страны цивилизованнаго міра поставлены въ этомъ отношеніи неодинаково: различіе между ними измѣряется разницей въ относительной численности войска и въ долѣ государственныхъ доходовъ, которая затрачивается на содержаніе солдатъ. Въ настоящее время на размѣры этихъ расходовъ имѣетъ вліяніе также та роль, которую государство хочетъ играть во внѣшней политикѣ. Званіе «великой» державы и притязаніе участвовать въ рѣшеніи крупныхъ задачъ международной политики обходится народамъ очень дорого. Напротивъ, выгодно положеніе небольшихъ странъ, которыя, въ силу ли обезпеченнаго имъ нейтралитета (такова Бельгія, Швейцарія), или по своимъ незначительнымъ размѣрамъ, не вмѣшиваются въ спорные вопросы международной политики: такія государства имѣютъ относительно немногочисленное войско и отвлекаютъ немного силъ отъ производительнаго труда. За 1888—91 года подъ ружьемъ было солдатъ (включая и флотъ): въ Россіи 840,000, Франціи 577,000, Германіи 525,000, Австріи 351,000, Англіи 226,000, Бельгіи 49,000, Соединенныхъ Штатахъ 36,000. Стоимость содержанія войска на 1 жителя составляли копѣекъ золотомъ: 160 въ Россіи, 249 въ Австріи, 285 въ Германіи, 517 во Франціи, 525 въ Великобританіи и только 226 въ Швейцаріи, 216 въ Бельгіи. Расходы Россіи, абсолютно меньшія, должны быть признаны относительно тяжеле, нежели въ другихъ государствахъ вслѣдствіе болѣе низкаго уровня благосостоянія въ нашемъ отечествѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Производительность труда въ зависимости отъ качества работы.

Главныя пособія: *Милль, Рошеръ, Cohn, Schönberg.*

На одномъ и томъ-же полѣ англичанинъ добудетъ несравненно больше хлѣба, нежели южно-африканскій туземецъ, на одномъ и томъ же ткацкомъ станкѣ, въ одно и то же время, сѣвероамериканецъ сотчетъ больше аршинъ, нежели индусскій ткачъ такой же физической силы. Значитъ, въ самой рабочей силѣ заключаются причины бо́льшей или меньшей производительности труда.

А) Прилежаніе составляетъ существенное условіе производительности труда. Каждому по опыту знакомо различіе между вялой и энергической работой. Каждый знаетъ, что въ 2 часа лѣнивой работы будетъ сдѣлано меньше, нежели въ одинъ часъ энергической. Это условіе имѣетъ важное значеніе въ народномъ хозяйствѣ. Всякое общество имѣетъ опредѣленный запасъ рабочей силы, выражающійся въ числѣ рабочихъ дней. Рабочая сила пополняется непрерывно въ связи съ пріемомъ пищи. По свойству организма, трудъ, какъ проявленіе рабочей силы, не можетъ быть сохраняемъ. Изо дня въ день человѣкъ способенъ произвести извѣстное количество работы; если онъ нынче не воспользовался этимъ запасомъ силы, то не можетъ располагать имъ завтра. Человѣкъ, трудившійся лѣниво, не въ состояніи наверстать другой разъ. Итакъ, по самому устройству организма, человѣкъ не можетъ произвольно распредѣлять свою рабочую силу во времени: ему необходимо затрачивать образующійся запасъ силъ въ теченіе извѣстнаго срока. Отношеніе между *количествомъ* затрачиваемой мускульной и нервной силы и временемъ затраты называется *напряженностью* труда. Она измѣряется суммой работы, выполненной въ извѣстный періодъ времени. Кто въ теченіе дня вытчетъ два аршина ткани, тотъ трудится вдвое болѣе напряженно, нежели тотъ, кто произвелъ только одинъ аршинъ. Кто въ одинъ часъ прочитываетъ 10 страницъ данной книги, тотъ работаетъ вдвое болѣе усердно, нежели тотъ, кто прочитываетъ 5. Напряженность труда находится въ зависимости отъ силы побужденій, влекущихъ къ работѣ.

1) Нашъ организмъ имѣетъ естественное стремленіе къ дѣятельности. Если наши нервы и мускулы не получаютъ достаточной работы, то мы чувствуемъ вялость, изъ которой можемъ выйдти лишь упражненіемъ нашего тѣла. Стремленіе къ работѣ парали-

зуется только на время чрезмѣрною тяжестью труда. Это стремленіе всего рѣзче выражено у дѣтей и у тѣхъ взрослыхъ людей, которые работаютъ въ сферѣ своего призванія: въ служеніи наукѣ и искусству люди нерѣдко проявляютъ столько усердія, что даже доходятъ до полнаго истощенія силъ. Въ этомъ отношеніи отдѣльные люди и цѣлые народы неодинаковы. Сѣверная природа и умѣренный климатъ болѣе способствуютъ развитію напряженности въ трудѣ, нежели солнце тропическихъ странъ. Природное стремленіе къ работѣ можетъ парализоваться иногда общественными учрежденіями. Распредѣленіе производительныхъ работъ соотвѣтственно наклонности людей есть одно изъ вѣрныхъ средствъ увеличить напряженность труда. Этому способствуетъ индивидуальная свобода.

2) Недостатокъ естественнаго стремленія къ дѣятельности восполняется давленіемъ *необходимости*. Сюда должно отнести *внѣшнее принужденіе*, страхъ наказанія, который заставляетъ работать раба и крѣпостного. Внѣшнимъ же принужденіемъ для огромнаго большинства людей во всѣхъ обществахъ служитъ стремленіе *удовлетворить потребностямъ*. На низшихъ ступеняхъ культуры потребности такъ мало развиты, что, по удовлетвореніи основныхъ нуждъ, голода и холода, человѣкъ неохотно принимается за работу. Богатая природа въ тропическихъ странахъ также уменьшаетъ стремленіе къ работѣ. Историки справедливо считаютъ изобиліе даровъ природы одною изъ важныхъ причинъ низкаго уровня, на которомъ стоятъ многія племена жаркихъ поясовъ. Исторія показываетъ, что высшей культуры достигли народы умѣреннаго климата, непрерывно напрягавшіе свои силы въ борьбѣ съ природою.

3) Напряженность труда зависитъ отъ увѣренности, что плоды работы приведутъ къ удовлетворенію потребностей, и что результаты работы будутъ увеличиваться по мѣрѣ возрастанія труда. Въ первобытныхъ обществахъ среди постоянной борьбы человѣку грозитъ опасность лишиться всего, что онъ пріобрѣлъ: поэтому, тамъ производятъ лишь столько, сколько нужно для поддержанія жизни. Европейскія страны достигли нынѣшняго, сравнительно мирнаго состоянія послѣ длиннаго ряда посредствующихъ ступеней. Произвольные поборы чиновниковъ въ московской Руси заставляли многихъ людей разбѣгаться, богатыхъ—казаться бѣднѣе. То же часто наблюдается и въ современной Персіи. Рабство есть наиболѣе выдающійся примѣръ того состоянія, когда человѣкъ работаетъ съ наименьшей напряженностью. Рабъ, завися отъ произвола своего господина, сознаетъ, что никакая энергія съ его стороны не принесетъ ему ни малѣйшей выгоды. Затрачивать какъ можно

меньше силы, вотъ въ чемъ и состоитъ все искусство раба: негръ-невольникъ въ Вестъ-Индіи вырабатывалъ только одну треть того, что могъ сдѣлать англичанинъ. Но тотъ-же негръ, работая на самого себя, въ теченіе немногихъ послѣобѣденныхъ часовъ, которые давались ему разъ въ недѣлю въ собственное распоряженіе, успѣвалъ сдѣлать столько-же, сколько въ цѣлый день для своего господина. Подобное-же вліяніе оказывало крѣпостное состояніе. И тѣ-же крѣпостные умѣли хорошо работать на себя. «Два англійскіе косца,—говоритъ Д. С. Милль,—скосятъ въ день столько же, какъ шестеро русскихъ крѣпостныхъ, такъ что несмотря на дороговизну продовольствія въ Англіи и на его дешевизну въ Россіи, русскому помѣщику стоитъ трехъ или четырехъ копѣекъ скосить то количество сѣна, скосить которое англійскому фермеру стоитъ лишь половину копѣйки» [1]). Однородныя же наблюденія были неоднократно сдѣланы нашими земскими статистиками, при сравненіи труда сельскихъ рабочихъ, нанимаемыхъ за деньги, и тѣхъ, которые своей работой уплачиваютъ за арендуемые участки земли: вторые работаютъ менѣе усердно. Ясно, поэтому, что рабство и крѣпостное право не могутъ существовать въ странѣ, какъ скоро для ея возрастающаго населенія необходима большая напряженность труда. Въ противоположность вялости рабовъ и крѣпостныхъ можно указать нату энергію, съ которой работаетъ человѣкъ, когда увѣренъ, что самъ непосредственно всспользуется плодами своего труда. Вотъ интересный отрывокъ изъ записокъ одного ученаго путешественника: «Гуляя по окрестностямъ Цюриха,—говоритъ Инглисъ,—вы куда бы ни взглянули и направо, и налѣво, бываете поражены чрезвычайнымъ трудолюбіемъ жителей, и слыша, что собственникъ получаетъ здѣсь 10 процентовъ дохода, вы скажете—онъ стоитъ такого вознагражденія. Я говорю теперь о земледѣльческомъ трудѣ. Цюрихскій народъ отличается трудолюбіемъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности, но по неусыпности въ обработкѣ земли онъ едва-ли имѣетъ себѣ соперниковъ. Открывая въ пятомъ часу утра свое окно, чтобы взглянуть на озеро и на далекія Альпы, я видѣлъ земледѣльцевъ на полѣ, а возвращаясь съ вечерней прогулки, долго спустя по закатѣ солнца, часу уже въ восьмомъ, я видѣлъ, что земледѣлецъ все еще носитъ сѣно или подвязываетъ виноградныя лозы. Взгляните на поле, на садъ, изгородь, — на всемъ непремѣнно увидите вы слѣды чрезвычайной трудолюбивой заботливости поселянина, увидите ихъ, можно сказать, на каждомъ деревѣ, каждомъ цвѣткѣ, каждой травкѣ. Если, напр., идетъ черезъ ниву или подлѣ нивы тропинка, хлѣбу не даютъ, какъ въ Англіи, наклоняться надъ нею, такъ что каждый прохожій можетъ сорвать

или стоптать его,—нѣтъ, нива по всей тропинкѣ огорожена: вбиты колья фута на три одинъ отъ другого, и вдоль между ними, на высотѣ двухъ или трехъ футовъ отъ земли, проложены вѣтки. Взглянувъ вечеромъ на поле, засаженное капустою, вы увидите, что каждое растеніе полито. Въ огородахъ, которые около Цюриха очень велики, на каждомъ растеніи видны слѣды самаго заботливаго ухода. Они разсажены съ математическою аккуратностью, нѣтъ между ними ни одной сорной травинки, ни одного камня» [2]).

Среднее положеніе занимаетъ наемный рабочій. Пользуясь вознагражденіемъ за свой трудъ, онъ поставленъ лучше раба и крѣпостного, но, въ отличіе отъ собственника, ему не принадлежитъ весь изготовленный продуктъ. Наемнаго рабочаго въ особенности побуждаетъ къ энергическому труду страхъ остаться безъ занятій; но это условіе дѣйствуетъ лишь по стольку, по сколько существуетъ строгій надзоръ. Прилежаніе наемныхъ рабочихъ зависитъ отъ способа вознагражденія. Рабочій, оплачиваемый поштучно, трудится прилежнѣе, чѣмъ оплачиваемый по днямъ или недѣлямъ. Въ послѣднемъ случаѣ рабочій не можетъ увеличить заработокъ, какъ бы ни напрягалъ своихъ силъ; при поштучной платѣ заработокъ прямо пропорціоналенъ количеству исполненной работы. Въ другомъ мѣстѣ мы будемъ имѣть случай показать, что, при поштучной платѣ, рабочіе часто напрягаютъ свои силы до полнаго истощенія.

Перечисленныя побужденія вытекаютъ изъ чувственной природы человѣка. Но, по мѣрѣ возвышенія въ обществѣ уровня образованія и нравственности, является сознаніе долга передъ собой и обществомъ. Сознаніе долга и побуждаетъ къ усердной работѣ. Эта сила имѣетъ особенно важное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда работа, по самому своему характеру, недоступна строгой провѣркѣ и допускаетъ разныя степени совершенства. Врачъ, учитель, чиновникъ, адвокатъ, при чисто формальномъ отношеніи къ дѣлу, могутъ казаться большинству людой хорошо исполняющими свои обязанности. Сплошь и рядомъ они получаютъ высокое вознагражденіе за трудъ и пріобрѣтаютъ громкую репутацію, только при сохраненіи приличнаго decorum'а. И только сознаніе долга передъ обществомъ побуждаетъ ихъ не ограничиваться такимъ поверхностнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Поэтому, развитіе въ обществѣ нравственнаго чувства, воспитаніе чувства долга, помимо своего великаго значенія вообще, имѣетъ первостепенную важность и для хозяйства.

Трудолюбіе людей увеличивается съ ростомъ культуры: потребности возрастаютъ; работникъ получаетъ бо̀льшую личную свободу, и уровень нравственности поднимается. Но для цѣлыхъ народовъ

эти перемѣны требуютъ довольно долгихъ періодовъ времени. По отмѣнѣ рабства или крѣпостного состоянія, нужно 2—3 поколѣнія, чтобы въ народѣ воспитался навыкъ къ напряженному труду.

Б) *Рабочее искусство.* Одной разницей въ прилежаніи работающихъ нельзя объяснить себѣ неодинаковость въ результатахъ труда. Важный моментъ составляетъ рабочее искусство, умѣнье преобразовывать предметы внѣшней природы съ наименьшей затратой рабочей силы. Предметы внѣшней природы могутъ быть преобразуемы только въ строгомъ соотвѣтствіи съ ея законами. Человѣкъ не можетъ измѣнить законы природы, но все лучше научается пользоваться ими. Внимательное разсмотрѣніе всѣхъ операцій, которыя производитъ человѣкъ, показываетъ, что всѣ онѣ могутъ быть сведены къ движенію. «Человѣкъ только придвигаетъ одну вещь къ другой. Онъ вдвигаетъ зерно въ землю, и естественныя растительныя силы постепенно производятъ корень, стебель, листья, цвѣты и плоды. Онъ продвигаетъ топоръ черезъ дерево, и оно падаетъ естественною силою тяжести; онъ особеннымъ манеромъ подвигаетъ чрѣзъ него пилу, и оно раздѣляется на доски по физическимъ силамъ, заставляющимъ болѣе мягкую вещь вытѣсняться отъ напора болѣе твердой; онъ располагаетъ доски въ извѣстномъ порядкѣ, продвигаетъ сквозь нихъ гвозди или кладетъ между ними склеивающую матерію и производитъ столъ или стѣну... Движеніе и сопротивленіе движенію — вотъ единственныя вещи, для которыхъ годятся его мускулы. Сжатіемъ мускуловъ онъ можетъ производить давленіе на внѣшній предметъ; если оно довольно сильно, оно приводитъ предметъ въ движеніе; а если предметъ уже двигался, то замедляетъ, или измѣняетъ, или вовсе останавливаетъ движеніе. Кромѣ этого человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать; но этого довольно для доставленія людямъ той власти, которую они пріобрѣли надъ силами природы, неизмѣримо сильнѣйшими самихъ людей; той власти, которая велика уже и теперь, но, безъ сомнѣнія, должна съ теченіемъ времени увеличиться до размѣровъ, которымъ нельзя опредѣлить границъ. Искусство и изобрѣтательность людей направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы совершать такія удобоисполнимыя человѣческими силами движенія, которыя производили бы желаемые людьми результаты» [3]).

Дабы восполнить рабочее искусство, необходимо, прежде всего, развитіе знаній, а за тѣмъ приготовленіе органовъ нашего тѣла къ тому, чтобы производить наиболѣе цѣлесообразныя движенія. Знаніе есть важнѣйшее условіе хозяйственныхъ успѣховъ. Законы природы постоянны, природа человѣка измѣняется медленно, и только росту знанія человѣчество обязано главными успѣхами промышлен-

ности. Хозяйственнымъ цѣлямъ въ особенности служитъ техническое знаніе, обнимающее собой пріемы, посредствомъ которыхъ предметы могутъ быть приспособлены къ нуждамъ человѣка. Рабочее искусство опредѣляется размѣромъ техническихъ знаній; ихъ развитіе позволяетъ, при прежнемъ количествѣ труда и прежней его напряженности, получать больше продуктовъ. Успѣхи техники выражаются въ изобрѣтеніи новыхъ способовъ преобразовывать предметы природы, а также въ отысканіи орудій, которыя могли бы уменьшить или замѣнить трудъ человѣка. Исторія земледѣлія, напр., показываетъ намъ, какое вліяніе имѣютъ успѣхи знаній на производительность труда. На низшихъ ступеняхъ развитія человѣкъ бросаетъ хлѣбныя зерна на землю безъ всякой ея подготовки; позднѣе онъ передъ каждымъ посѣвомъ разрыхляетъ почву сперва простыми палками, потомъ сохой, наконецъ, глубококопающими плугами. Замѣтивъ съ теченіемъ времени, что почва истощается, если долго сѣять на ней хлѣбъ, человѣкъ нашелъ необходимымъ перемѣнять мѣсто посѣва. Когда наблюденіе показало, что и эта система не обезпечиваетъ почвы отъ истощенія, онъ начинаетъ удобрять ее навозомъ, а потомъ разными минеральными веществами. Всѣ такія усовершенствованія позволяютъ данному участку земли прокормить больше людей: 10 кв. верстъ при киргизскомъ хозяйствѣ могутъ прокормить только 20 человѣкъ, а при бельгійскомъ 1000 и болѣе. Промышленность дѣлаетъ большіе успѣхи, когда человѣческая изобрѣтательность направлена на улучшеніе рабочихъ пріемовъ и орудій. Усовершенствуя послѣднія, человѣкъ дополняетъ свою силу, заставляетъ дѣйствовать химическія и физическія свойства однѣхъ вещей на другія, согласно со своими цѣлями. Силы человѣка чрезвычайно увеличиваются отъ употребленія машинъ и пользованія силами природы:—вѣтромъ, водой, паромъ. Все это даетъ людямъ возможность осуществлять такія работы, которыя еще въ недалекомъ прошломъ были немыслимы. Итакъ, очевидна связь развитія техническихъ знаній съ производительностью труда. Широкое развитіе техническихъ знаній имѣетъ своимъ фундаментомъ развитіе наукъ вообще: примѣненіе пара и электричества есть результатъ давнишнихъ изслѣдованій теоретиковъ. Слѣдовательно, теоретическія знанія, на которыхъ зиждутся знанія прикладныя, составляютъ необходимое условіе для увеличенія производительности труда. Главнымъ источникомъ всякаго знанія служатъ наблюденія надъ предметами внѣшней природы. Должно быть сдѣлано много наблюденій для познанія свойствъ природы и приноровленія этихъ свойствъ къ хозяйственнымъ цѣлямъ; но разъ сдѣланное открытіе быстро распространяется и уже

ничего не стоитъ людямъ. Примѣръ есть лучшій способъ распространенія: стоитъ одному человѣку изобрѣсти орудіе, употребить его въ дѣло, и у него всегда найдутся подражатели. Исторія нашихъ кустарныхъ промысловъ даетъ очень много доказательствъ этого рода. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка одиночные мастера заходили изъ Москвы въ деревни, начинали изготовлять мебель, мѣдныя издѣлія, фарфоровую посуду и постепенно образовались цѣлые округа, производящіе мебель, металлическія, гончарныя издѣлія.

Кромѣ примѣра, распространенію знаній способствуетъ обученіе: если человѣкъ правильно учится, то, при незначительныхъ съ его стороны усиліяхъ, усвоиваетъ изобрѣтенія длиннаго ряда поколѣній. Поэтому, школы, въ которыхъ пріобрѣтаются разныя техническія знанія, составляютъ важное условіе промышленныхъ успѣховъ. Знаніе, разъ пріобрѣтенное, устно и посредствомъ печати переходитъ къ потомству. Можно указать только очень немного знаній, которыя потеряны, но взамѣнъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, извѣстныхъ древнимъ, новые народы располагаютъ неизмѣримо большимъ запасомъ; онъ безостановочно возрастаетъ и увеличиваетъ рабочее искусство. Оно тѣмъ болѣе развивается, чѣмъ болѣе человѣкъ приспособляетъ движеніе своихъ мускуловъ къ особенностямъ тѣхъ предметовъ, съ которыми имѣетъ дѣло. Приспособленіе это совершается посредствомъ упражненія организма, посредствомъ частыхъ повтореній одной и той же работы.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЯТОЙ ГЛАВѢ.

[1]) Милль. Основанія, I, 299.
[2]) Т. ж., 306—7.
[3]) Т. ж., 174.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Капиталъ.

Главныя пособія: *Милль.* Основанія, I. *Чупровъ.* Полит. Экон *Марксъ.* Капиталъ, I. 1872, II, 1885. *Rodbertus.* Zur Beleuchtung der socialen Frage, 1875. *Его же.* Das Kapital, 1884. *Wagner.* Lehrbuch. I. *Schönberg.* Handbuch, I. *Böhm-Bawerk.* Kapital u. Kapitalzins, 2 т. 1884 и 89.

Для всякаго производительнаго процесса требуется совокупность матеріальныхъ средствъ, при помощи которыхъ прилагается трудъ.

Эти матеріальныя средства частію даются непосредственно природой; но въ большинствѣ случаевъ они являются продуктами предшествующаго труда. Эти продукты, какъ было замѣчено, могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ группамъ: 1) предметы для непосредственнаго удовлетворенія потребностей — потребительные запасы и 2) продукты для дальнѣйшаго производства—*капиталы*.

Ученіе о капиталѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ, относительно которыхъ политическая экономія представляетъ особенно много разногласій. Одинъ новѣйшій писатель насчитываетъ болѣе 30 опредѣленій капитала, но далеко не исчерпываетъ всего, что даетъ экономическая литература за послѣднее столѣтіе [1]). Всѣ опредѣленія могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ группамъ. 1) Опредѣленіе капитала, какъ понятія чисто экономическаго. Рошеръ выражаетъ это въ немногихъ словахъ: «капиталомъ называется всякій продуктъ, предназначенный для дальнѣйшаго производства». 2) Вторую группу образуютъ тѣ писатели, которые вносятъ историко-юридическій элементъ въ опредѣленіе капитала. Марксъ выражаетъ это слѣдующею формулой: въ современномъ хозяйственномъ оборотѣ мы находимъ обращеніе денегъ въ товаръ для того, чтобы товаръ былъ снова обращенъ въ деньги; покупать для того, чтобы продавать. Деньги, которыя совершаютъ это движеніе, обращаются въ капиталъ и служатъ капиталомъ уже по первоначальному своему назначенію [2]). Родбертусъ наиболѣе способствовалъ примиренію разногласій. Онъ установляетъ три различныхъ точки зрѣнія на капиталъ: 1) Капиталъ въ обособленномъ хозяйствѣ; подъ нимъ нужно разумѣть только тѣ орудія и матеріалы, при помощи которыхъ получается доходъ, служащій для удовлетворенія потребностей. 2) Національный капиталъ въ обществѣ, гдѣ земля и движимость не составляютъ предметовъ частной собственности, также состоитъ изъ принадлежащихъ народу орудій и сырыхъ матеріаловъ. При такомъ состояніи общества ни одна частица дохода не можетъ быть отнесена къ капиталу. 3) Наконецъ, въ обществѣ, гдѣ есть право частной собственности, къ національному капиталу относится также частный капиталъ, т.-е. доля частнаго собственника въ національномъ продуктѣ, потребная для веденія производительнаго предпріятія [3]). Мы можемъ совокупить въ одно цѣлое два первыхъ опредѣленія Родбертуса и считать капиталомъ въ смыслѣ общественномъ всѣ тѣ продукты человѣческаго труда, которые, по самому своему характеру, предназначены для дальнѣйшаго производства. Капиталъ же въ смыслѣ частно хозяйственномъ образуютъ всѣ предметы, которые служатъ для частнаго хозяйства источникомъ дохода. Съ точки зрѣнія частнаго рабовла-

дѣльческаго хозяйства рабы являются одной изъ составныхъ частей капитала. Съ точки зрѣнія частнаго хозяйства, основаннаго на наемномъ трудѣ, къ капиталу относятся тѣ жизненные припасы, которые производятся только для того, чтобы поступить рабочимъ въ уплату за ихъ трудъ. Посмотримъ же, какія части народнаго имущества причисляются къ капиталу въ настоящее время.

Чтобы считаться капиталомъ, предметъ долженъ имѣть три признака: 1) быть продуктомъ труда, 2) продуктомъ труда предварительнаго, 3) долженъ служить средствомъ для дальнѣйшаго производства. Этими признаками предметы, составляющіе капиталъ, отличаются отъ всѣхъ остальныхъ. Земельные участки не должны быть относимы къ капиталамъ, хотя и служатъ средствомъ для производства, ибо они не созданы трудомъ человѣка. Средства продовольствія, назначаемыя для потребленія лицъ праздныхъ, не составляютъ капитала, хотя и произведены предшествующимъ трудомъ: эти продукты труда не служатъ для дальнѣйшаго производства, а для потребленія. Но капиталомъ должны считаться: 1) Сырые матеріалы для труда; они добыты трудомъ человѣка, но человѣкъ не хотѣлъ или не могъ истратить ихъ на непосредственное употребленіе, а предназначилъ на дальнѣйшее производство. 2) Сюда же относятся всѣ орудія, изобрѣтенныя человѣкомъ для восполненія его мускульной силы. Всѣ эти орудія суть продукты труда предварительнаго и назначены для служенія производству. 3) Капиталъ составляютъ улучшенія, произведенныя человѣкомъ въ земельныхъ участкахъ; земля есть даръ природы, но сдѣланныя въ ней человѣкомъ улучшенія являются капиталомъ. 4) Всѣ зданія, которыя предназначены для храненія матеріаловъ и производства работы, а также искусственныя дороги и средства сообщенія, корабли, вагоны и др.

Всѣ эти предметы образуютъ капиталъ по своей природѣ. Они даже не могутъ непосредственно удовлетворять потребности человѣка и изготовляются для того, чтобы содѣйствовать производству. Вотъ почему они и являются капиталами, каковъ бы ни былъ общественный строй. Но при современномъ юридическомъ порядкѣ капиталами служатъ также: 1) Средства продовольствія рабочихъ. Средства продовольствія сами по себѣ непосредственно удовлетворяютъ потребностямъ. Поэтому предметы продовольствія являются капиталомъ лишь въ томъ общественномъ строѣ, когда существуетъ отдѣльный классъ капиталистовъ. Они образуютъ капиталъ частныхъ лицъ; въ современномъ обществѣ эти капиталы составляютъ весьма значительную массу. 2) Всѣ предметы потребленія, находящіеся у торговцевъ и предназначенные для сбыта. 3) Наконецъ, къ капи-

талу должны быть отнесены и деньги: денежныя суммы, которыя участвуютъ въ оборотѣ содѣйствуютъ производству. По почину Ад. Смита въ наукѣ было установлено положеніе, что деньги не должны быть относимы къ капиталамъ, такъ какъ они прямо не содѣйствуютъ производству. Это—недостаточное основаніе для исключенія денегъ изъ разряда капиталовъ: разсматривая процессъ производства въ цѣломъ, мы видимъ, что деньги занимаютъ очень важное мѣсто въ ряду орудій, которыя облегчаютъ этотъ процессъ. При натуральномъ хозяйствѣ деньги не нужны для производства. Но какъ скоро между частными хозяйствами возникаетъ раздѣленіе труда и обмѣнъ, деньги, будучи орудіемъ обмѣна, закрѣпляютъ связь между производителями сырыхъ матеріаловъ и окончательныхъ продуктовъ и тѣмъ не въ меньшей мѣрѣ способствуютъ производству, нежели улицы, дороги, корабли, также служащіе для поддержанія обмѣна между частными хозяйствами. По сравненію съ другими видами капиталовъ деньги представляютъ и ту выгоду, что служатъ всеобщею формою капитала: паровой молотъ, прядильная машина, корабль имѣютъ каждый свою спеціальную задачу; разъ они не нужны для своей спеціальной цѣли, то можно лишь съ большимъ трудомъ измѣнить ихъ назначеніе, а иногда и вовсе нельзя измѣнить его. Деньги же, будучи общею формою капитала, всегда могутъ быть обращены въ такой видъ орудій производства, который въ данное время наиболѣе соотвѣтствуетъ хозяйственнымъ цѣлямъ ихъ владѣльца.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на капиталистическомъ способѣ производства.

Мы уже говорили, что цѣлью производства служитъ созданіе благъ, которыя прямо удовлетворяютъ человѣческія потребности. Разложенный на простѣйшіе элементы, всякій человѣческій трудъ представляется приложеніемъ рабочей силы къ веществу, которое даровала природа. При этомъ можетъ быть избранъ одинъ изъ двухъ путей. Или человѣкъ прилагаетъ къ силамъ природы свой трудъ такимъ образомъ, что получаетъ въ непосредственномъ результатѣ извѣстные предметы потребленія. Или же человѣкъ можетъ избрать болѣе длинный путь: онъ не стремится немедленно получить какіе-либо предметы потребленія, а первоначально создаетъ посредствующія звенья, съ помощью которыхъ и будутъ произведены потребительные запасы. Примѣромъ перваго можетъ служить сельскій хозяинъ, который, для веденія молочнаго хозяйства, пріобрѣтаетъ скотъ и выкармливаетъ его травой и сѣномъ съ естественныхъ выгоновъ и луговъ. По второму пути идетъ тотъ сельскій хозяинъ, который прежде, чѣмъ устроить молочную ферму,

осушаетъ болотные луга и выгоны, вводитъ травосѣяніе, словомъ выполняетъ цѣлый рядъ предварительныхъ работъ, служащихъ основой для молочнаго хозяйства. Или возьмемъ работу портного: одинъ шьетъ руками, пользуется только простой иглой и получаетъ одежду, какъ непосредственный плодъ своего труда; другой, изготовляющій одежду съ помощью швейной машины, избираетъ болѣе длинный путь: онъ долженъ затратить извѣстную сумму денегъ (извѣстное количество труда) на пріобрѣтеніе швейной машины, и эта ступень служитъ посредникомъ между началомъ его промысла и готовымъ продуктомъ. Послѣдній способъ производства и есть способъ капиталистическій. Чѣмъ длиннѣе этотъ путь, тѣмъ болѣе производителенъ трудъ, ибо продолжительный срокъ, раздѣляющій начало работъ, предпринятыхъ въ извѣстномъ направленіи, и окончаніе продукта, обыкновенно позволяетъ примѣнить къ дѣлу такіе орудія и пріемы производства, которые даютъ человѣку наибольшую власть надъ силами природы и вознаграждаютъ его наибольшимъ количествомъ произведеній. Возвратимся къ приведенному нами примѣру. Владѣлецъ первой молочной фермы можетъ доставлять на рынокъ молочные продукты немедленно по пріобрѣтеніи земельнаго участка. Второй можетъ приступить къ этому только по истеченіи довольно продолжительнаго времени, котораго потребуютъ осушеніе луговъ, культура кормовыхъ травъ и другія подготовительныя работы. Но различіе на предшествующихъ ступеняхъ, склонявшееся къ выгодѣ перваго хозяина, рѣзко обнаружится на конечной ступени производства уже къ выгодѣ второго: первый будетъ получать отъ средней коровы только 60—80 ведеръ молока въ годъ, а второй, быть можетъ, 150 или 200.

Дабы достигнуть наибольшей простоты въ объясненіи дѣла, мы противополагаемъ производство, совершающееся почти безъ участія капитала, такому процессу, гдѣ есть на лицо очень крупный капиталъ. Дѣйствительная жизнь даетъ иную картину: здѣсь мы находимъ длинный рядъ ступеней въ развитіи капитализма отъ ремесленника, который изготовляетъ, наприм., ружье съ помощью первобытныхъ орудій, и доо ружейныхъ заводовъ, гдѣ тысячи работниковъ производятъ ружья съ помощью сложныхъ и дорогихъ машинъ. Трудъ производитъ тѣмъ большую массу продуктовъ, чѣмъ больше звеньевъ создаетъ онъ до окончанія продукта, чѣмъ бо̀льшій капиталъ прилагается къ дѣлу. И это положеніе истинно какъ по отношенію къ капиталу въ смыслѣ экономическомъ, такъ и по отношенію къ капиталу съ точки зрѣнія частнаго хозяйства. Возьмемъ для примѣра производство гвоздей. Кустарь, изготовляющій гвозди ручнымъ способомъ, производитъ ежедневно отъ 300

до 500 гвоздей извѣстнаго сорта. Ему служатъ капиталомъ кузница, наковальня, молоты, небольшіе запасы желѣза и угля, представляющіе въ совокупности очень небольшое количество предварительнаго труда. Тотъ же кузнецъ можетъ изготовлять ежедневно тысячи и даже десятки тысячъ гвоздей, если онъ опирается на большое количество предварительнаго труда, если онъ прямо и косвенно пользуется содѣйствіемъ большой массы разнообразныхъ капиталовъ. Такой успѣшности достигаетъ трудъ работника при производствѣ гвоздей паровымъ молотомъ. Паровой молотъ, представляя изъ себя значительный капиталъ, былъ, вѣроятно, изготовленъ на машиностроительномъ заводѣ, который также является крупнымъ капиталомъ въ экономическомъ смыслѣ. А дѣятельность машиностроительнаго завода и изготовленіе парового молота были возможны только при наличности большого запаса капиталовъ въ частнохозяйственномъ смыслѣ,—именно предметовъ потребленія для работниковъ, которые были заняты изготовленіемъ парового молота и матеріаловъ для него, а также при наличности денегъ, посредствомъ которыхъ производитель парового молота поддерживалъ сношенія со многими частными хозяйствами.

Обращаясь отъ этихъ простѣйшихъ примѣровъ къ дѣйствительному состоянію народнаго хозяйства въ какой-либо странѣ, мы видимъ, что каждый народъ ежегодно беретъ въ свое распоряженіе новый запасъ вещества, которымъ его надѣлила природа — силъ почвы, растительныхъ и минеральныхъ богатствъ. Если данный народъ не располагаетъ большимъ запасомъ капиталовъ, то большая часть сырья, взятаго у природы, тотчасъ же перерабатывается въ предметы, служащіе для потребленія, и потребляется въ ближайшемъ будущемъ; народъ, бѣдный капиталами, ведетъ преимущественно тѣ отрасли промышленности, которыя изготовляютъ пищу, одежду, предметы жилища, утварь, и затрачиваетъ очень мало труда на изготовленіе машинъ, орудій, средствъ передвиженія и другихъ капиталовъ. Напротивъ, народъ, поднявшійся на уровень капиталистическаго производства, потребляетъ каждогодно сравнительно меньшую долю взятыхъ ими отъ внѣшней природы производительныхъ силъ и затрачиваетъ сравнительно большую долю на предварительный трудъ, создаетъ капиталы, съ помощью которыхъ только въ послѣдующіе годы будутъ изготовлены предметы потребленія. Народное хозяйство Россіи относится къ первому разряду: у насъ на изготовленіе капиталовъ затрачивается сравнительно очень небольшая доля народнаго труда. Въ Англіи же и Бельгіи огромное количество труда затрачивается на производство

капиталовъ, которые даютъ предметы потребленія въ послѣдующіе годы.

Капиталъ не только увеличиваетъ производительность труда, но, при извѣстномъ состояніи общества, составляетъ необходимое условіе самой возможности труда. Есть, напр., физическая возможность производить ткани на первобытномъ индусскомъ ткацкомъ станкѣ; но разъ изобрѣтенъ паровой станъ и разъ потребность общества въ тканяхъ достигла извѣстныхъ размѣровъ, то ручное ткачество становится экономически невозможнымъ; человѣку нельзя приняться за эту работу, такъ какъ у него не останется времени для удовлетворенія другихъ потребностей. Поэтому, при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ примѣненіе капиталовъ необходимо

Если мы обратимъ вниманіе на совокупность предметовъ, составляющихъ капиталъ, то безъ труда образуемъ изъ нихъ двѣ категоріи. Нѣкоторые капиталы служатъ промышленности тѣмъ, что совсѣмъ уничтожаются въ производствѣ или же видоизмѣняются. Дрова, уголь и торфъ сгораютъ; хлопокъ переходитъ въ пряжу и ткани. Въ обоихъ случаяхъ предметъ въ своемъ первоначальномъ видѣ не существуетъ; онъ какъ будто перешелъ во вновь созданный продуктъ, перешелъ въ него цѣликомъ. Капиталъ, служащій только одному производительному процессу и переходящій цѣликомъ въ новый продуктъ, называется *оборотнымъ* капиталомъ. Другую часть капитала составляютъ предметы болѣе или менѣе прочные; они служатъ производству долгое время и достигаютъ своей цѣли тѣмъ, что остаются цѣлы: таковы орудія производства. Возьмемъ, напр., прядильную машину. Работа на ней способствуетъ медленному ея уничтоженію; съ теченіемъ времени, напр., черезъ десять лѣтъ она становится негодною для производства. Если мы въ теченіе 10 лѣтъ можемъ изготовить при ея помощи 10,000 пудъ пряжи, то слѣдовательно въ каждый пудъ перешла $^1/_{10,000}$ часть машины. Такой же характеръ имѣютъ зданія, предназначенныя для производства, осушительныя канавы на земельныхъ участкахъ. Капиталъ, который служитъ цѣлому ряду производительныхъ процессовъ и медленно, по частямъ переходитъ въ изготовляемый продуктъ, называется *постояннымъ капиталомъ*. Въ различныхъ производствахъ и въ разныя эпохи наблюдается не одно и то же отношеніе между постоянными и оборотными капиталами. Рыболовство и охота почти не требуютъ постояннаго капитала; напротивъ, въ винокуреніи и сахароваренiи большая часть капиталовъ состоитъ изъ постоянныхъ. Но и въ каждомъ отдѣльномъ производствѣ неодинаково отношеніе постояннаго капитала къ оборотному въ разныя эпохи его развитія. Успѣхи

промышленности и выражаются въ томъ, что увеличивается доля постояннаго капитала. Киргизскому скотоводству, при огромномъ количествѣ скота, вовсе неизвѣстенъ постоянный капиталъ, а на небольшой современной фермѣ въ западной Европѣ скотъ содержится въ дорого стоющихъ и спеціально для того устроенныхъ зданіяхъ, т.-е. затрачивается уже большой постоянный капиталъ.

Постоянный и оборотный капиталы неодинаково вліяютъ на производительность труда. Увеличеніе производительности труда съ помощью постояннаго капитала происходитъ лишь при томъ условіи, что количество предварительнаго труда, затраченнаго на производство, меньше, нежели количество текущаго труда, сберегаемаго постояннымъ капиталомъ. Прядильную машину, которая стоитъ, положимъ, 500 дней труда и можетъ служить для производства въ теченіе 5 лѣтъ, выгодно устроить только въ томъ случаѣ, если она сбережетъ при производствѣ за все время своей службы больше, нежели 500 дней. Положимъ, что до устройства машины въ 1 рабочій день производилось два пуда пряжи, при помощи же машины человѣкъ способенъ произвести въ день 20 пудъ, т.-е. вдесятеро больше. Какъ ни велико, повидимому, сбереженіе текущаго труда, но машина будетъ выгодна лишь при извѣстномъ размѣрѣ производства. Если, напр., общество нуждается въ годъ не болѣе какъ въ 200 пудахъ, стоющихъ при ручномъ производствѣ 100 рабочихъ дней, то ему нѣтъ выгоды тратить свой трудъ на устройство машины: въ 5 лѣтъ потребуется 1000 пудъ пряжи, которые, при ручномъ способѣ, обошлись бы въ 500 рабочихъ дней, при машинномъ же потребовалось бы 500 рабочихъ дней на машину и 50 дней на приготовленіе пряжи, а всего 550 рабочихъ дней. Если же потребность общества въ пряжѣ составляетъ 2,000 пудъ, а въ 5 лѣтъ 10,000, то машина будетъ выгодна, ибо при ея помощи производство 10,000 потребуетъ всего 1,000 дней (500 на машину и 500 на пряжу), тогда какъ при ручномъ трудѣ для этого нужно было бы 5,000 дней.

И такъ, затрата постояннаго капитала увеличиваетъ производительность труда лишь тогда, когда производство достигаетъ извѣстныхъ размѣровъ. Размѣръ производства часто измѣняется. Если размѣры производства, затратившаго постоянные капиталы, уменьшаются, то уменьшается и производительность труда. Устранить это можно только уменьшеніемъ затраченнаго капитала. Съ оборотными капиталами это возможно: если сократится спросъ на ситецъ, то фабрика можетъ уменьшить потребленіе бумажной пряжи. Но постоянные капиталы часто отличаются неподвижностью. Капиталъ, затраченный въ строенія, вовсе не можетъ перемѣнить назначеніе; капиталъ затраченный въ машины, можетъ измѣнить на-

значеніе лишь съ большимъ убыткомъ для владѣльца. А потому, затрата постоянныхъ капиталовъ связана со значительнымъ рискомъ уменьшенія производительности труда, если уменьшится размѣръ производства.

Возникновеніе капиталовъ начинается съ того времени, когда производительная сила труда возрастаетъ настолько, что, за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей, у человѣка остается еще запасъ свободнаго рабочаго времени. Какъ скоро ловкость труда достигла такого уровня, что, за удовлетвореніемъ голода, остается еще свободное время, то охотникъ затрачиваетъ часть своего труда на устройство лука, который впослѣдствіи уменьшаетъ текущій трудъ. Для возникновенія капитала необходимо, чтобы производство имѣло размѣръ, превышающій необходимое потребленіе и чтобы часть произведенныхъ продуктовъ была назначена на дальнѣйшее производство. Совпаденіе этихъ двухъ условій и даетъ происхожденіе капиталу. Капиталъ, разъ образовавшійся, сохраняется. Но сохраненіе состоитъ не въ томъ, что онъ остается безъ употребленія; капиталъ, служа производству, истребляется. Въ оборотномъ капиталѣ истребленіе происходитъ сразу: шерсть, служащая сырымъ матеріаломъ для ткани, исчезаетъ, какъ скоро произведено сукно. Но то же испытываетъ и постоянный капиталъ. Самая прочная машина не можетъ служить вѣчно. Если прядильная машина способна служить 5 лѣтъ и въ теченіе этого времени сработать 10,000 пудъ пряжи, то, при производствѣ каждаго пуда, уничтожается $^1/_{10,000}$ ея часть. Въ этомъ отношеніи продуктъ труда, употребляемый, какъ капиталъ, съ цѣлью дальнѣйшаго производства, не отличается отъ предметовъ, предназначенныхъ для непосредственнаго потребленія. Но дальнѣйшая судьба не одна и та же. При непосредственномъ потребленіи продукты исчезаютъ и отъ нихъ ничего не остается; послѣ потребленія же капиталовъ является запасъ матеріальныхъ продуктовъ. Капиталъ не уничтожился чрезъ потребленіе, а только перешелъ въ другіе продукты. Воспроизведеніе капитала и сохраняетъ его въ цѣлости; если прекратилось воспроизведеніе, то капиталъ погибаетъ. «Всякая машина не служащая для какого-нибудь процесса труда,—безполезна; кромѣ того, она подвергается непрерывно разрушительному вліянію естественнаго обмѣна веществъ: желѣзо ржавѣетъ, дерево гніетъ... Живой трудъ долженъ обхватить эти вещи, пробудить ихъ изъ мертвыхъ... Пламя труда лижетъ ихъ со всѣхъ сторонъ своимъ огненнымъ языкомъ... хотя они и пожираются трудомъ въ этомъ процессѣ, но пожираются цѣлесообразно, какъ элементы образованія новыхъ потребительныхъ стоимостей» [4]). «Было бы неправильно

думать, говоритъ Милль, что главную массу народнаго имущества въ данное время образуютъ богатства, унаслѣдованныя отъ предковъ: большая часть пріобрѣтена трудомъ людей за послѣдніе годы. Очень мала та часть этого огромнаго богатства, которая существовала лѣтъ десять тому назадъ: изъ нынѣшняго производительнаго капитала страны едва ли существовало тогда что-нибудь кромѣ домовъ на фермахъ и фабричныхъ зданій, да немногихъ изъ нынѣшнихъ кораблей и машинъ; да и изъ этихъ домовъ, кораблей и машинъ развѣ очень немногіе просуществовали бы десять лѣтъ, если бы не употреблялся въ это время новый трудъ на ихъ поправку... Заисключеніемъ мостовъ, водопроводовъ, почти нѣтъ сооруженій для промышленности, которыя существовали бы долго» [5]).

Все сказанное объясняетъ, какія условія способствуютъ возрастанію капитала. Оно зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: отъ массы вещей, изъ которой дѣлаются сбереженія, и отъ склонности людей сберегать капиталъ. Величина излишка, изъ котораго дѣлаются сбереженія, зависитъ отъ степени производительности труда и отъ степени развитія потребленія. Чѣмъ больше производительность труда и чѣмъ меньше потребленіе, тѣмъ больше запасъ, изъ котораго можно сберегать капиталъ. Побужденіемъ къ образованію капитала служитъ надежда воспользоваться въ будущемъ его плодами. Увѣренность въ этомъ предполагаетъ уже довольно высокую степень гражданственности.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ШЕСТОЙ ГЛАВѢ.

1) См. въ курсѣ *Schönberg'a* глава V.
2) *Марксъ.* Капиталъ, I, стр. 94.
3) *Rodbertus.* Zur Beleuchtung... 67 и дал.
4) *Марксъ.* Капиталъ, I, 128.
5) *Милль.* Основанія, I, 98.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сотрудничество.

Главныя пособія: *Ад. Смитъ.* О богатствѣ народовъ. *Милль.* Основанія, I. *Марксъ.* Капиталъ, I. *Schönberg.* Handbuch, I. *В. В.* Раздѣл. труда землед. и промышлен. въ Россіи. Вѣстн. Евр., 1884, VII.

До сихъ поръ мы изучали хозяйственную дѣятельность людей такимъ образомъ, какъ будто они обособленно преслѣдуютъ свои хо-

зяйственныя цѣли. Однако, какъ бы далеко ни заглянули мы въ исторію, мы нигдѣ не находимъ человѣка въ состояніи обособленія. На низшихъ ступеняхъ культуры, среди бродячихъ племенъ, пріобрѣтающихъ средства къ существованію звѣроловствомъ и рыболовствомъ, мы не находимъ человѣка одинокимъ. Звѣроловъ или рыболовъ являются въ семьѣ и въ союзѣ съ другими товарищами. Съ успѣхами же цивилизаціи общеніе между людьми принимаетъ все болѣе разнообразныя формы.

Подъ *сотрудничествомъ* мы разумѣемъ соединеніе нѣсколькихъ лицъ для одной какой-либо хозяйственной цѣли. Соединеніе можетъ заключаться или въ томъ, что нѣсколько лицъ *одновременно* выполняютъ какую-либо работу, напр., строютъ вмѣстѣ зданіе, или же въ томъ, что нѣсколько человѣкъ работаютъ надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ *одинъ послѣ другого*; напр., храмы и другія общественныя зданія строются иногда трудомъ нѣсколькихъ поколѣній. Въ области хозяйства люди могутъ соединяться или для совокупнаго производства, или для совокупнаго потребленія, или же для обѣихъ цѣлей.

Подъ *сотрудничествомъ въ производствѣ* разумѣется такой порядокъ человѣческой дѣятельности, когда нѣсколько лицъ одновременно заняты или въ одномъ и томъ же производительномъ процессѣ (*сотрудничество простое*), или въ различныхъ, но вмѣстѣ связанныхъ между собой (*сотрудничество сложное*) процессахъ.

1) Благодаря сотрудничеству, та же масса труда можетъ дать бо́льшій результатъ. Соприкосновеніе работающихъ развиваетъ энергію, вызываетъ возбужденіе духа, которыя увеличиваютъ трудовое напряженіе каждаго участника. Лѣнивый среди прилежныхъ и самъ становится прилежнымъ. Поэтому, 10 работниковъ, трудящихся вмѣстѣ, производятъ въ теченіе общаго 120-ти часоваго дня больше 10 работниковъ, которые трудятся врозь, впродолженіе тѣхъ же самыхъ 12-ти часовъ, или болѣе одного работника, трудящагося 10 дней сряду. 2) Сотрудничество способствуетъ накопленію знаній и опыта; оно дѣлаетъ опытъ каждаго отдѣльнаго человѣка достояніемъ всѣхъ. Каждое новое открытіе, сдѣланное однимъ членомъ общества, распространяется среди другихъ. Успѣхи человѣческихъ знаній были бы рѣшительно невозможны, если бы каждому приходилось изобрѣтать все съизнова. 3) Область примѣненія силъ отдѣльнаго человѣка весьма ограничена; прилагая свой трудъ единолично, онъ не былъ бы въ состояніи предпринять многія работы. Многія работы столь тяжелы, что превосходятъ силу отдѣльнаго человѣка. Человѣкъ въ одиночку не въ состояніи устроить домъ изъ бревенъ, хотя бы лѣсъ былъ подъ рукой, ибо онъ не можетъ передвинуть

дерево изъ лѣсу къ мѣсту постройки. То же можно сказать и о большинствѣ другихъ занятій. Безъ сотрудничества не могутъ быть выполнены работы, которыя превышаютъ предѣлъ человѣческой жизни: регулированіе рѣкъ, осушеніе, орошеніе, прорытіе каналовъ. 4) Во многихъ областяхъ производства существуетъ такъ называемая горячая пора, т.-е. опредѣленные природою даннаго труда періоды времени, въ теченіе которыхъ долженъ быть достигнутъ результатъ. Когда нужно убрать большое количество сѣна и хлѣба, то и количество и качество продукта зависитъ отъ того, будетъ ли каждая работа начата и окончена своевременно. Если работа не окончена своевременно, продуктъ погибнетъ. Въ странахъ, гдѣ населеніе рѣдко, а сотрудничество слабо, множество земледѣльческихъ продуктовъ пропадаетъ даромъ. Это нерѣдко наблюдается въ государствахъ южной Америки, при обильной жатвѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, сотрудничество, вообще, сокращаетъ трудъ, такъ какъ дѣлаетъ излишними нѣкоторыя работы. Чтобы испечь хлѣбъ для 100 человѣкъ вмѣстѣ, нужно гораздо меньше труда, нежели для 100 человѣкъ порознь,—нужно одинъ разъ истопить печь, приготовить посуду и т. д.

Сложнымъ сотрудничествомъ называется такое соединеніе людей, при которомъ каждый человѣкъ или каждая группа лицъ, работающихъ вмѣстѣ съ остальными, выполняетъ не одну и ту же работу, но различныя работы. Эта форма сотрудничества доставляетъ выгоды, которыя зависятъ отъ *раздѣленія труда*.

Свойства человѣческаго организма служатъ естественной основой для раздѣленія занятій. Различіе возраста и пола даютъ первое основаніе для раздѣленія занятій между людьми. Слабость женщинъ и дѣтей, уже при первыхъ зачаткахъ общества, побуждаетъ возлагать на нихъ болѣе простыя и легкія работы и оставлять занятія, требующія сильнаго мускульнаго напряженія, на обязанности мужчины. Другимъ основаніемъ служатъ различія въ природныхъ способностяхъ, побуждающія многихъ избирать занятіе, въ которомъ они могутъ имѣть успѣхъ. Раздѣленію занятій способствуютъ и различія въ условіяхъ природы, среди которыхъ живутъ люди. Принужденный извлекать средства къ существованію изъ окружающей обстановки, человѣкъ останавливается на тѣхъ видахъ труда, для которыхъ внѣшняя природа наиболѣе благопріятна. Промыслы, обрабатывающіе дерево, развиваются вблизи мѣстностей, богатыхъ лѣсомъ; по берегамъ морей и рѣкъ рыболовство служитъ человѣку главнымъ занятіемъ.

Вотъ первоначальныя причины, которыя вызываютъ раздѣленіе занятій. Но вскорѣ сюда присоединяется хозяйственный разсчетъ.

Опытъ показываетъ, что сосредоточеніе силъ на какомъ-либо одномъ родѣ занятій позволяетъ лучше удовлетворить нуждамъ, нежели забота о всѣхъ необходимыхъ предметахъ. Выгоды раздѣленія труда уже давно были замѣчены политической экономіей. Мы встрѣчаемъ указанія на нихъ даже у писателей древности, а А. Смитъ далъ этому ученію окончательную обработку. Раздѣленіе труда доставляетъ слѣдующія выгоды.

1) Оно позволяетъ привлечь къ производству такія силы, которыя въ отдѣльности не имѣли бы приложенія. Если въ производствѣ на долю каждаго выпадаютъ какъ тяжелыя, такъ и легкія работы, то многія лица, силы которыхъ недостаточны для тяжелыхъ работъ, не могли бы посвящать себя никакому занятію. По мѣрѣ отдѣленія легкихъ работъ отъ тяжелыхъ получаютъ мѣсто въ производствѣ даже слабѣйшіе члены общества: женщины, старики, дѣти. Рабочая сила народа увеличивается всею суммою этихъ лицъ. 2) Раздѣленіе занятій увеличиваетъ напряженность труда. Если одинъ человѣкъ исполняетъ различныя работы, то постоянно переходитъ отъ одного дѣла къ другому. При перемѣнѣ дѣятельности неизбѣжна нѣкоторая потеря рабочей силы. Человѣкъ въ самомъ началѣ новаго дѣла рѣдко бываетъ усерденъ. Потеря еще болѣе значительна, если внѣшнія условія новой работы иныя, нежели въ предыдущей, если приходится работать новыми инструментами и на новомъ мѣстѣ; тогда является прямая трата времени на перемѣну мѣста и на приспособленіе къ орудіямъ. Сосредоточеніе же труда на одномъ процессѣ устраняетъ потерю времени, связанную съ перерывами работы, уничтожаетъ пробѣлы, которые образуются въ рабочемъ днѣ. 3) Раздѣленіе занятій имѣетъ вліяніе на рабочее искусство. Вслѣдствіе постояннаго повторенія однихъ и тѣхъ же дѣйствій и вслѣдствіе сосредоточиванія всего вниманія на этихъ дѣйствіяхъ, работникъ скоро научается достигать предположеннаго результата съ наименьшею тратою силы; пріемы труда испытываютъ значительныя усовершенствованія. Раздѣленіе занятій, далѣе, сокращаетъ періодъ обученія. Ограничивая задачу человѣка однимъ занятіемъ, оно освобождаетъ его отъ необходимости изучать другія; въ то же время, разлагая на составныя части каждое отдѣльное занятіе, оно естественно дѣлаетъ его болѣе легкимъ для изученія. Отдѣльныя операціи дѣлаются постепенно настолько простыми, что для ознакомленія съ ними требуется немного дней и даже часовъ. 4) Раздѣленіе занятій помогаетъ нашему организму приспособляться къ процессамъ труда. Повтореніе однихъ и тѣхъ же дѣйствій образуетъ навыкъ къ нимъ. Органы чувствъ, которые принимаютъ въ работѣ участіе, пріобрѣтаютъ особенную остроту. Движеніе, въ началѣ

стоившее большихъ усилій, впослѣдствіи дѣлается легко. Искусство, съ которымъ стрѣлокъ владѣетъ своимъ оружіемъ или съ которымъ музыкантъ играетъ на своемъ инструментѣ, доказываетъ сильное вліяніе привычки на воспитаніе нашихъ органовъ въ извѣстномъ направленіи. 5) Раздѣленіе занятій позволяетъ съ выгодою пользоваться личными особенностями каждаго работника. Отдѣльные процессы требуютъ отъ исполнителя различныхъ качествъ: въ одномъ случаѣ нужна сила, въ другомъ быстрота движеній, въ третьемъ внимательность. Эти качества рѣдко соединяются въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Раздѣленіе труда позволяетъ каждому взять на себя такую работу, которая соотвѣтствуетъ его способностямъ. Вслѣдствіе этого каждый успѣшно ведетъ дѣло, къ которому онъ наиболѣе способенъ; высшія дарованія могутъ не тратить силъ на работы, доступныя людямъ съ меньшими способностями. 6) Раздѣленіе труда даетъ людямъ возможность наилучшимъ образомъ пользоваться тѣми условіями внѣшней природы, которыя ихъ окружаютъ. Мѣстности, пригодныя для развитія горнаго дѣла, могутъ вовсе не производить хлѣба, а покупать его у народовъ, которые имѣютъ для земледѣлія болѣе благопріятныя условія. На этомъ основываются огромныя выгоды, которыя доставляетъ людямъ раздѣленіе труда между государствами или областями одного государства. 7) Раздѣленіе труда не остается безъ вліянія и на капиталъ. Когда человѣкъ сосредоточивается на какомъ-либо видѣ труда, ему требуется сравнительно меньше предварительныхъ затратъ. Если бы каждое семейство само приготовляло все нужное для его потребностей, то при каждомъ занятіи нужны были бы различные инструменты; въ каждую данную минуту большая часть ихъ лежала бы безъ употребленія. При одномъ занятіи человѣку достаточно имѣть инструменты только для своей работы. При раздѣленіи занятій тратится меньше вспомогательныхъ матеріаловъ: для того, чтобы спечь 100 ф. хлѣба, нужно отъ 60 — 70 ф. дровъ. Но ежели подобное печеніе производить 2 — 3 раза въ день, то на тѣ же 100 фунтовъ хлѣба достаточно всего 30—35 ф. дровъ.

Раздѣленіе занятій принимаетъ два вида: 1) раздѣленіе операцій въ предѣлахъ одной хозяйственной единицы. Даже въ простѣйшемъ хозяйствѣ на долю мужчины выпадаютъ одни занятія, а на долю женщины — другія. Высшей ступени достигаетъ раздѣленіе труда на фабрикахъ и мануфактурахъ, гдѣ производство одного товара раздроблено на множество отдѣльныхъ операцій. Вторая форма раздѣленія труда состоитъ въ томъ, что отдѣльныя частныя хозяйства или цѣлыя области страны сосредоточиваются на отдѣль-

ныхъ производствахъ. Одни хозяйства занимаются земледѣліемъ, другія горнымъ дѣломъ, третьи торговлею. Однѣ области страны занимаются преимущественно добывающею, другія обработывающею промышленностью. Можно назвать первое *техническимъ* раздѣленіемъ труда, а второе *общественнымъ*.

Между этими видами есть то сходство, что въ обоихъ случаяхъ человѣкъ спеціализируется на простѣйшихъ процессахъ. Но есть и крупное различіе. Внутри предпріятія никто не производитъ цѣлаго товара; только общій продуктъ всѣхъ сотрудниковъ превращается въ товаръ. При общественномъ раздѣленіи труда каждое отдѣльное хозяйство производитъ особый товаръ. Связь между работниками въ одномъ хозяйствѣ поддерживается распредѣленіемъ занятій, построеннымъ по извѣстному плану; связь между отдѣльными хозяйствами, изъ которыхъ слагается общество, поддерживается обмѣномъ. Техническое раздѣленіе труда древнѣе общественнаго. Техническое раздѣленіе труда мы находимъ даже въ первобытныхъ общинахъ и древнихъ семьяхъ, гдѣ оно основывается на различіяхъ возраста, пола, физическихъ силъ. Общественное раздѣленіе труда возникаетъ подъ вліяніемъ различій въ природныхъ условіяхъ. Первобытныя общины находятъ въ окружающей ихъ обстановкѣ разные матеріалы для производства. Этимъ и обусловливается складъ жизни каждой хозяйственной группы. Позднѣе городъ отдѣляется отъ деревни, и внутри городовъ обособляются отдѣльные виды занятій.

Для того, чтобы развилось сотрудничество, люди должны находиться въ *близкомъ соприкосновеніи между собой*. Значеніе пространственной близости для простого сотрудничества видно само собою. Но необходимы нѣкоторыя разъясненія, чтобы была понятна важность этого условія для сложнаго сотрудничества. Выгоды раздѣленія труда значительны, но человѣкъ можетъ остановиться на какомъ-либо одномъ занятіи лишь при условіи, что онъ обезпечитъ себѣ этимъ путемъ всѣ необходимые предметы потребленія. Для этого же онъ долженъ имѣть возможность сбыть столько предметовъ своего труда, сколько нужно, дабы получить взамѣнъ ихъ все необходимое.

Размѣръ сбыта не зависитъ отъ воли производителя. Каждый продуктъ имѣетъ опредѣленный районъ сбыта, который опредѣляется прежде всего физическими свойствами предмета. Большая часть предметовъ сохраняетъ свою годность для человѣка въ теченіе опредѣленнаго времени; тѣ, которые скоро портятся, сохраняютъ свою годность въ теченіе немногихъ дней. Поэтому районъ сбыта опредѣляется разстояніемъ, на которое могутъ быть перемѣщены продукты

въ теченіе того времени, пока они сохраняютъ пригодность для потребленія. Чѣмъ значительнѣе разстоянія, раздѣляющія людей, тѣмъ меньше людей, живущихъ въ районѣ сбыта каждаго предмета, и тѣмъ труднѣе становится спеціализировать трудъ. Когда небольшія селенія отдалены другъ отъ друга на десятки верстъ, какъ въ Сибири, то размѣръ сбыта каждаго продукта настолько ограниченъ, что спеціализація труда невозможна. Итакъ, развитіе сотрудничества зависитъ отъ разстояній, раздѣляющихъ людей. Разстояніе опредѣляется *густотой населенія*. Чѣмъ болѣе людей въ данной мѣстности, тѣмъ ближе они другъ къ другу. Отсюда слѣдуетъ, что сотрудничество тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе скученно населеніе. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ городахъ обширныя промышленныя заведенія, гдѣ множество людей занимаются однимъ и тѣмъ же промысломъ; спеціализація занятій доводится до предѣловъ, неизвѣстныхъ деревнямъ и небольшимъ городамъ. Въ маленькихъ городахъ одинъ портной занимается шитьемъ всѣхъ родовъ платья; а въ Петербургѣ шитье платья образуетъ нѣсколько спеціальностей. Отсюда вытекаетъ и то, что, съ возрастаніемъ плотности населенія, въ странѣ все болѣе развивается сотрудничество.

Разстояніе между людьми опредѣляется также *путями сообщенія*. Если перемѣщеніе человѣка и его произведеній можетъ быть совершено съ затратой въ 5 разъ меньшаго количества времени, то это равносильно увеличенію плотности населенія въ 5 разъ. Это и объясняетъ, почему сотрудничество развилось прежде, всего въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имѣли удобные естественные пути сообщенія: доступъ къ морю, судоходныя рѣки. Въ XIX вѣкѣ желѣзныя дороги доставили эти же выгоды и странамъ, которыя лишены водныхъ путей.

Необходимымъ условіемъ развитія сотрудничества служитъ сознаніе людьми *общихъ интересовъ*. Выгоды сотрудничества выяснялись очень медленно. Всего ранѣе поводомъ къ соединенію людей послужилъ не хозяйственный разсчетъ. Старѣйшіе союзы были основаны на кровномъ родствѣ и сосѣдствѣ. Къ нимъ то и примкнуло хозяйственное сотрудничество. Древнѣйшую форму мы находимъ въ семейномъ хозяйствѣ и въ хозяйствѣ общинъ: но въ обоихъ союзахъ соединяются самыя разнообразныя цѣли; хозяйственныя выгоды нерѣдко заслоняются разными другими соображеніями. Сотрудничество, основанное исключительно на экономическомъ разсчетѣ, есть плодъ новаго времени.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Системы хозяйства.

I.

Главныя пособія. 1) Для системъ земледѣлія. *Людоговскій.* Основы сельскохозяйственной экономіи. 1875. Земскіе *сборники статист. свѣд.* содерж. богатый матеріалъ о системахъ земледѣлія въ отдѣльныхъ губерніяхъ. *Roscher.* Nationalöekonomik des Ackerbaues. 10 изд. 1882 г. *Goltz.* Handbuch der landwirtschftl. Betriebslehre. 1886. *Schönberg.* Handbuch, II. 2) Для системъ производства. см. главн. обр. *Милль.* Основанія. *Маркисъ*, Капиталъ I. *Орловъ.* Эконом. значен. машинъ. 1879. *Ивановъ.* Курсъ. *Passy.* Les machines et leur influence sur le développement de l'humanité. *Roscher.* System, III. *Schönberg*, II.

Ученіе о системахъ производства имѣетъ своимъ предметомъ всѣ тѣ дѣйствія, посредствомъ которыхъ человѣкъ прилагаетъ свой трудъ и капиталъ къ силамъ природы, для достиженія своихъ хозяйственныхъ цѣлей. Такъ какъ въ земледѣліи есть много особенностей, отличающихъ его отъ другихъ промысловъ, то выработалась особая отрасль знаній, именуемая ученіемъ *о системахъ земледѣлія.* Онѣ обнимаютъ всѣ тѣ дѣйствія, посредствомъ которыхъ человѣкъ пользуется для своихъ хозяйственныхъ цѣлей производительными силами почвы. Дабы облегчить ознакомленіе съ системами земледѣлія, мы должны дать нѣсколько указаній относительно основной задачи, которую ставитъ людямъ сельское хозяйство.

Въ землѣ только 1—10% веществъ могутъ питать растенія. Знаменитый агрономъ 18 вѣка Тэеръ установилъ теорію, согласно съ которой плодородіе почвы опредѣляется количествомъ перегнойныхъ веществъ (humus). Онъ подмѣтилъ, что одни растенія—кормовыя травы—увеличиваютъ количество перегноя, другія—стручковыя—сохраняютъ его въ неизмѣнномъ состояніи, а третьи,—корнеплодныя—истощаютъ почву. Поэтому онъ назвалъ растенія первой группы *обогащающими*, второй —*сохраняющими*, а корнеплодныя и зерновыя—*истощающими.* Отсюда Тэеръ вывелъ положеніе, что хозяйство должно возмѣщать количество перегноя, взятаго изъ почвы. На этомъ основаніи постепенно развилось ученіе о статикѣ земледѣлія, т. е. о сохраненіи равновѣсія въ плодородіи почвы. Либихъ кореннымъ образомъ измѣнилъ это ученіе: онъ доказалъ, что каждое растеніе отнимаетъ у почвы опредѣленное количество питательныхъ минеральныхъ веществъ.

Главными веществами, питающими растенія, служатъ кали и фосфорная кислота. Абсолютный запасъ этихъ веществъ въ почвѣ

бываетъ часто такъ великъ, что его можетъ достать на многія сотни лѣтъ. Но питательныя вещества находятся въ двоякомъ состояніи: *основной запасъ* образуетъ та часть этихъ веществъ, которая находится въ состояніи трудно растворимомъ; *оборотнымъ запасомъ* называется та часть, которая находится въ состояніи легкой растворимости. Общею массою питательныхъ веществъ (основнымъ и оборотнымъ запасами) обусловливается продолжительность времени, въ теченіе котораго можно собирать урожаи безъ обогащенія почвы. А такъ какъ растенія извлекаютъ себѣ пищу только изъ оборотнаго запаса, то количествомъ веществъ, которыя находятся въ состояніи удоборастворимости, и опредѣляется высота даннаго урожая.

Достаточный оборотный запасъ поддерживается въ почвѣ 1) *вывѣтриваніемъ*: обработывается небольшая часть всей площади; большая часть земли, оставаясь въ залежи, испытываетъ вліяніе вѣтра и атмосферныхъ осадковъ, которые обращаютъ часть основного запаса въ оборотный; 2) *вспахиваніе* земли, остающейся подъ паромъ, ускоряетъ процессъ вывѣтриванія, и 3) *снабженіе почвы органическими веществами*, которыя содѣйствуютъ переходу основного запаса въ оборотный. Такое же вліяніе оказываетъ воздѣлываніе корнеплодныхъ растеній и кормовыхъ травъ. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ почва не обогащается, а только часть основного запаса переходитъ въ оборотный. Абсолютное богатство почвы увеличивается только посредствомъ прямого внесенія въ нее питательныхъ веществъ, посредствомъ удобренія костями, фосфоритами, гипсомъ.

Системы земледѣлія принято называть *экстензивными* и *интензивными*. Подъ первыми разумѣютъ, обыкновенно, тѣ, при которыхъ человѣкъ влагаетъ въ землю очень мало труда и капитала, при которыхъ количество получаемыхъ продуктовъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ естественныхъ особенностей почвы и другихъ условій внѣшней природы. Системы интензивныя отличаются противоположными признаками. Но эти термины выражаютъ понятія относительныя: системы земледѣлія, господствующія въ средне-русскихъ губерніяхъ, являются крайне экстензивными сравнительно съ хозяйствомъ англійскимъ или бельгійскимъ и высоко интензивными по отношенію къ хозяйству киргизовъ или сибирскихъ инородцевъ. Не будучи въ состояніи точно опредѣлить, гдѣ оканчиваются экстензивныя системы и начинаются интензивныя, мы можемъ только намѣтить условія, съ измѣненіемъ которыхъ хозяйство становится болѣе или менѣе интензивнымъ. Системы тѣмъ болѣе интензивны, 1) чѣмъ меньше пространство земель, вовсе не воздѣланныхъ или

же находящихся подъ выгономъ и паромъ, 2) чѣмъ больше земли подъ плугомъ, 3) чѣмъ больше воздѣлывается корнеплодныхъ и промышленно-торговыхъ растеній, 4) чѣмъ больше добывается или покупается навоза или иныхъ удобрительныхъ веществъ, 5) чѣмъ болѣе совершенны орудія и 6) чѣмъ лучше скотъ и чѣмъ тщательнѣе уходъ за нимъ.

Системы земледѣлія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ классамъ:

1) *Пастбищная-дико-травяная.* При этой системѣ скотоводство составляетъ главный промыселъ населенія, и почти вся земля служитъ выгономъ. Производство хлѣба незначительно; обыкновенно оно не удовлетворяетъ даже собственныхъ потребностей. Эта система господствуетъ у бурятъ и киргизовъ, а также у туземцевъ Австраліи и южной Америки. Какъ ни груба эта система, она имѣетъ раціональные пріемы. Киргизы такъ искусно пользуются своими пастбищами, что перегоняютъ скотъ съ одного участка на другой въ зависимости отъ времени года и всегда выбираютъ тѣ участки, которые доставляютъ въ данное время наиболѣе обильный кормъ.

2) По мѣрѣ роста населенія эта система уступаетъ мѣсто *переложной.* а) Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ она называется *огневой, подсѣчной, лядинной, лѣсопольной.* Изъ всѣхъ европейскихъ странъ она сохранилась только въ сѣверныхъ русскихъ губерніяхъ (Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Вятской и Пермской), а потому мы и познакомимся съ нею изъ наблюденій, которыя сдѣланы изслѣдователями русскаго земледѣлія. На нашемъ сѣверѣ почва большею частью безплодна. Для воздѣлыванія хлѣба наиболѣе пригодны тѣ мѣста, гдѣ отъ опадающихъ листьевъ и хвои образовался значительный слой перегноя. Земледѣлецъ вырубаетъ и сжигаетъ участокъ мелкаго лѣса. Отъ горѣнія деревьевъ и перегноя получается масса золы, которая, вмѣстѣ съ развивающеюся теплотой, хорошо дѣйствуетъ на оплодотвореніе почвы. На выжженномъ участкѣ снимаютъ обыкновенно не болѣе 3-хъ жатвъ; затѣмъ поле запускается подъ лѣсъ, и чрезъ 25—30 лѣтъ на него снова вступаетъ земледѣлецъ для вторичной расчистки, при которой употребляются тѣ же пріемы. Привыкнувъ къ условіямъ сѣверной природы, земледѣлецъ дѣйствуетъ при расчисткѣ полей изъ-подъ лѣса съ большой сноровкой. Онъ выбираетъ болѣе возвышенныя мѣста, гдѣ подпочвенная вода не достигаетъ самой поверхности земли. Засѣвая новину разными растеніями, онъ выбираетъ наиболѣе пригодный участокъ; при одномъ взглядѣ на лѣсъ, опытный земледѣлецъ рѣшаетъ, насколько пригодна почва. Такую

же сноровку вноситъ земледѣлецъ и въ технику расчистки новинъ: выбирается наиболѣе подходящее время для вырубки и сожиганія лѣса. Новину передъ посѣвомъ боронуютъ смыковками—орудія въ видѣ бороны изъ суковатыхъ дубинокъ — и въ то же лѣто засѣваютъ озимою рожью. Посѣвъ производятъ рѣдкій: на 1 десятину идетъ не болѣе $^1/_2$ четверти, т.-е. половины количества, засѣваемаго при трехпольномъ хозяйствѣ. Почва чиста, сорныхъ травъ нѣтъ, а потому и возможна такая разрѣженность посѣва. Урожаи въ самъ 20 и болѣе составляютъ обычное явленіе; бываютъ урожаи ржи и въ самъ 40. Мѣстами, вмѣсто ржи, на новинахъ сѣютъ озимую пшеницу, ленъ, ячмень. Работы по воздѣлыванію 1 десятины новины до уборки хлѣба Гомилевскій [1]) вычисляетъ примѣрно въ 100 р., иногда и больше, при чемъ $^2/_3$ расходовъ падаютъ на вырубку, сжиганіе и уборку лѣса.

Противъ этой системы хозяйства дѣлаютъ то главное возраженіе, что она истребляетъ много лѣса. Но это возраженіе неосновательно: для выжиганія избираются участки мелкаго лѣса, крупный не страдаетъ; да вырубка крупнаго, способная увеличить и безъ того значительные расходы, невыгодна для земледѣльца. Наконецъ, самые цѣнные строевые лѣса—сосновые, а эти участки всего менѣе годны для расчистки новинъ.

Какъ ни первобытенъ этотъ способъ веденія хозяйства, онъ соотвѣтствуетъ естественнымъ условіямъ лѣсистыхъ и рѣдко населенныхъ мѣстностей. При трехпольномъ хозяйствѣ только очень большое количество удобренія могло бы давать такіе обильные урожаи, какіе получаетъ земледѣлецъ путемъ расчистки новинъ, а большія количества удобренія предполагаютъ слишкомъ большое развитіе скотоводства, недоступное для крестьянъ нашего далекаго сѣвера при нынѣшнемъ уровнѣ ихъ благосостоянія. Удовлетворяя выгоды крестьянства, лѣсопольная система не нарушаетъ интересовъ лѣсного хозяйства: лѣса много, онъ не имѣетъ цѣны; нельзя говорить о его истребленіи, такъ какъ новина разрабатывается нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ снова запускается подъ лѣсъ. Вычисленія, сдѣланныя для Выгскаго края, занимающаго сѣверо-западную часть Архангельской губерніи, показываютъ, какъ незначительны размѣры лѣсоистребленія. Такъ, каждый дворъ занимаетъ ежегодно среднимъ числомъ 3,3 десятины нови, а всѣ 3,100 дворовъ—10,230 десятинъ. Полагая 30-лѣтній оборотъ расчистокъ, мы получимъ всего 306,900 десятинъ, взятыхъ подъ лѣсопольное хозяйство, а это составляетъ $7{,}7^0/_0$ всей площади лѣсовъ края (до 4 милл. дес.). При такихъ условіяхъ, лѣсопольное хозяйство слѣдуетъ признать не вреднымъ,

а прямо полезнымъ, лучшимъ способомъ веденія хозяйства на нашемъ отдаленномъ сѣверѣ.

b) *Залежное хозяйство*, ведомое въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, представляетъ въ своемъ основаніи сходство съ лѣсопольнымъ. Участокъ земли обрабатывается нѣсколько лѣтъ къ ряду, затѣмъ запускается, поростаетъ травой и черезъ 15—20 лѣтъ снова поступаетъ въ обработку. Эта система преобладаетъ въ плодородныхъ и мало населенныхъ губерніяхъ—Уфимской, Оренбургской, Астраханской, восточной части Самарской, областяхъ войска Донского и Кубанскаго и мѣстами (особенно у частныхъ владѣльцевъ) въ Таврической, Херсонской и Екатеринославской. Въ Германіи она господствовала до IX вѣка.

3) *Двухпольная зерновая система* была извѣстна древней Греціи, Франціи и Англіи мѣстами еще въ прошломъ вѣкѣ. Господствующая въ Россіи трехпольная образуетъ типъ, однородный съ двухпольной. Вся площадь пахотной земли раздѣляется въ первомъ случаѣ на два поля, изъ коихъ одно засѣваютъ озимыми хлѣбами, а другое оставляютъ подъ паромъ, во второмъ же случаѣ пашня раздѣляется на 3 равныхъ поля: озимое, яровое и паровое. Возрастаніе населенія побуждаетъ все болѣе ограничивать пространство земли, находящейся подъ паромъ, а потому 3-хпольная система постепенно переходитъ въ 4—5 польную (паръ, озимое, яровое, яровое, яровое). Первоначально зерновая система не знаетъ навоза. Отчасти мы и теперь находимъ это въ нашихъ южныхъ черноземныхъ губерніяхъ. Въ Германіи, при 3-хпольной системѣ, еще въ концѣ 18 вѣка, очень рѣдко примѣнялось удобреніе; большею частію скотъ былъ на выгонѣ. Когда затѣмъ начинаютъ правильно удобрять навозомъ, то особенное значеніе имѣетъ навозъ, получаемый изъ лугового сѣна: онъ какъ бы добывается извнѣ и служитъ къ обогащенію пашни.

4) *Улучшенная зерновая система* развивается тогда, когда оказывается недостаточнымъ количество сѣна, доставляемое лугами, поля получаютъ мало навоза, и становится необходимымъ увеличить запасъ кормовыхъ средствъ. Для этого вводятъ травосѣяніе на паровыхъ поляхъ, что доставляетъ хозяйству большое количество навоза. Травосѣяніе даже въ небольшихъ размѣрахъ служитъ естественнымъ переходомъ къ плодосмѣнной системѣ, при которой оно становится уже систематическимъ.

5) При *плодосмѣнной системѣ* уничтожаются выгоны, такъ какъ они даютъ только незначительный доходъ; ихъ обращаютъ въ поля для воздѣлыванія травъ. Суходольные луга также уничтожаются, заливные иногда остаются. Скотъ содержится въ стойлѣ круглый годъ. Нерѣдко упраздняютъ паровыя поля, и вся площадь

имѣнія представляетъ одну пашню. Но, при всѣхъ разновидностяхъ, плодосмѣнная система проникнута однимъ и тѣмъ же принципомъ,—правильнаго чередованія въ полѣ зерновыхъ хлѣбовъ и другихъ растеній,—торгово промышленныхъ, кормовыхъ. Хозяйство достигаетъ высшей степени интензивности: засѣвается до 70% земли, содержаніе скота въ стойлѣ и обработка земли требуютъ огромныхъ расходовъ. При упорядоченіи плодосмѣннаго хозяйства особенно важенъ вопросъ о томъ, какое количество навоза необходимо для производства хлѣба. Рѣшеніе этого вопроса опредѣляетъ размѣръ площади, отводимой для травосѣянія, и размѣръ пашни для хлѣба. Плодосмѣнная система повела къ увеличенію урожаевъ. Съ конца прошлаго столѣтія урожаи въ Германіи возросли на 50%. Въ Англіи въ 1813 году, акръ ($^1/_3$ десят.) давалъ 32 бушеля, а теперь до 50. Эта система, нынѣ господствующая въ западной Европѣ, извѣстна въ Бельгіи съ 12—16 вѣка, во Франціи и Германіи съ конца 18-аго. У насъ она преобладаетъ въ Остзейскомъ краѣ, частію въ привислянскихъ губерніяхъ. Въ плодосмѣнныхъ хозяйствахъ употребляются искусственные туки.

6) *Выгонная система* развилась въ мѣстностяхъ съ влажнымъ климатомъ и песчаной почвой. Въ Мекленбургѣ она образовалась изъ 3-хпольной системы, когда выяснилась надобность увеличить запасъ удобренія: оказалось болѣе выгоднымъ запускать на время часть земли подъ выгонъ, чѣмъ сѣять кормовыя растенія. Эта система распространена въ Европѣ по берегамъ Нѣмецкаго моря и Атлантическаго океана. Она встрѣчается также коегдѣ на горахъ.

7) *При травяной системѣ* хлѣбъ не производится. Особыя условія мѣстности дѣлаютъ выгоднымъ луговое хозяйство. Вся земля служитъ выгономъ или сѣнокосомъ. Эта система встрѣчается въ единичныхъ хозяйствахъ Англіи и Лимбурга, гдѣ очень хорошее молочное скотоводство. Десятина естественныхъ луговъ даетъ до 300 пудъ сѣна и болѣе.

Отличительнымъ признакомъ 8) *вольной системы* служитъ широкое примѣненіе искусственныхъ туковъ, которые прямо обогащаютъ почву. При этой системѣ хозяйство гораздо меньше зависитъ отъ естественныхъ условій, нежели отъ состоянія рынка. Большіе расходы на удобреніе позволяютъ воздѣлывать различныя растенія и на бѣдной почвѣ. Хозяинъ сообразуется съ положеніемъ рынка и стремится все къ большей интензивности. Хозяйство достигаетъ крайняго предѣла, когда эксплуатированы всѣ солнечные лучи, падающіе на данную площадь. Вольная система развивается всего ранѣе въ окрестностяхъ большихъ городовъ. Подъ Лондономъ

есть ягодные сады, доставляющіе жатву каждыя 2 недѣли; во Франціи въ Монтрейлѣ есть сады, цѣною въ 30,000 франковъ за 1 гектаръ. Раздѣленіе труда при этой системѣ идетъ такъ далеко, что, напримѣръ, въ окрестностяхъ Парижа есть садовники, которые воспитываютъ только фіалки. Россіи неизвѣстно хозяйство столь высокой интензивности; но и у насъ, особенно вблизи столицъ, господствуетъ вольная система. Располагая большими массами навоза изъ городовъ, хозяева, даже при бѣдной почвѣ, воздѣлываютъ растенія, на которыя въ данное время есть запросъ. Окружающія Москву 26 селеній Ногатинской, Царицынской и Выхинской волостей высѣваютъ самыя малыя количества ржи, неболѣе 3 четвериковъ на душу, не сѣютъ яровыхъ хлѣбовъ, воздѣлываютъ много картофеля (10—20 четвериковъ на душу). Поля заняты цѣнными огородными растеніями: огурцы, капуста, сахарный горошекъ, ромашка. Много фруктовыхъ садовъ. Земли подъ паромъ вовсе нѣтъ; искусственныя удобренія почти не примѣняются, но Москва доставляетъ навозъ въ изобиліи. Доходность этого хозяйства не идетъ въ сравненіе съ доходностью зернового: десятина подъ капустой даетъ 645 рублей валового дохода и 440 чистаго, подъ огурцами—до 980 и 740. Мы находимъ огородничество и садоводство и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, даже вдали отъ крупныхъ центровъ, въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ. Симбирской губ., Крыму, на Кавказѣ и т. д.

Кромѣ указанныхъ 8 системъ, можно насчитать и много разновидностей. Выгодность каждой изъ системъ опредѣляется высотой экономическаго развитія, котораго достигла данная мѣстность. Цѣна земледѣльческихъ продуктовъ имѣетъ въ конечномъ итогѣ рѣшающее значеніе. Предположимъ для примѣра, что получается четвертей при системахъ:

	переложн.	трехпол.	многоп.	плодосм.
	100	200	500	1,000
расходъ рублей.	50	300	1,000	3,000
	Если 1 четверть стоитъ 2 рубля.			
чист. дохода рублей:	+ 150	+ 100	0	— 1,000
	Если 1 четверть стоитъ 3 рубля.			
чист. дохода рублей:	+ 250	+ 300	+ 500	0
	Если 1 четверть стоитъ 6 рублей.			
чист. дохода рублей:	+ 550	+ 900	+ 2,000	+ 3,000

Такимъ образомъ, съ возвышеніемъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты дѣлается выгоднымъ переходъ къ болѣе интензивнымъ системамъ.

II.

Системы промышленности могутъ быть сведены къ тремъ группамъ:

I. *Ремесленное* производство отличается тѣмъ, что, какъ показываетъ самое названіе (рукомесло), капиталомъ служатъ орудія, приводимыя въ движеніе рукою человѣка. Эта особенность капитала оказываетъ вліяніе и на характеръ труда въ ремеслѣ. Самостоятельное управленіе человѣка орудіями требуетъ отъ ремесленника значительной ловкости, нерѣдко большого искусства и часто—физической силы. Пока ремесло ведется въ мелкихъ размѣрахъ и не переходитъ въ мануфактуру, раздѣленіе труда не можетъ быть значительно: если работающій и не производитъ товара сполна, то, все-таки, исполняетъ цѣлый рядъ частичныхъ операцій. Возможность производить весь товаръ или значительную его часть предполагаетъ продолжительное обученіе ремеслу, или практически въ мастерскихъ ремесленниковъ или—что отличаетъ уже высокій уровень культуры—въ спеціальныхъ ремесленныхъ школахъ. Вслѣдствіе примѣненія только ручныхъ орудій и слабаго раздѣленія труда работа мало производительна. Такимъ образомъ, господство ремесла служитъ признакомъ низкаго уровня хозяйственнаго развитія или объясняется техническими особенностями нѣкоторыхъ производствъ, препятствующихъ очень развитому раздѣленію труда и замѣнѣ орудій машинами.

II. Развитіе техники и хозяйственной жизни содѣйствуетъ переходу ремесла въ *мануфактуру*. Послѣдняя имѣетъ съ ремесломъ то общее, что пользуется также орудіями, которыя приводятся въ движеніе рукою человѣка и зависятъ отъ его силы и ловкости; но ее отличаютъ отъ ремесла большіе размѣры промышленныхъ заведеній и широко развитое раздѣленіе труда. Можно опредѣлить мануфактуру, какъ систему производства, которая, почерпая изъ ремесла всѣ свои элементы, доводитъ ихъ до высшей ступени техническаго развитія и полезности для хозяйства. Развитіе мануфактуры изъ ремесла идетъ двумя путями. 1) Она является соединеніемъ многихъ самостоятельныхъ разнородныхъ ремесленниковъ, работающихъ отдѣльно другъ отъ друга, но надъ производствомъ одного товара: такъ, напр., мануфактура экипажей образуется изъ соединенія прежде самостоятельныхъ портныхъ, сѣдельниковъ, мѣдниковъ, кузнецовъ, столяровъ. 2) Она обнимаетъ однородныхъ ремесленниковъ: столяры, изготовляющіе мебель, образуютъ мануфактуру мебели. Въ обоихъ случаяхъ соединительнымъ звеномъ между работниками служитъ предприниматель; онъ стоитъ во главѣ

мануфактуры и направляетъ всѣ работы къ одной цѣли. Единственнымъ отличіемъ мануфактуры отъ ремесла служатъ первоначально размѣры промышленныхъ заведеній. Но въ мануфактурѣ непрерывно развиваются техническія особенности ремесла. Предприниматель стремится увеличить производительность труда, и съ этою цѣлью слабо раздѣленный трудъ расчленяется на многочисленныя операціи; каждая изъ нихъ становится исключительной спеціальностью отдѣльныхъ работниковъ, и уже никому изъ участниковъ не поручаютъ изготовленія товара въ цѣломъ или даже многихъ частей. Подходящимъ примѣромъ служитъ раздѣленіе труда въ мануфактурѣ булавокъ, описанное еще Адамомъ Смитомъ. Необходимы два условія, дабы раздѣленіе труда могло достигнуть такого уровня: 1) При слабомъ раздѣленіи труда въ ремеслѣ, каждое орудіе можетъ имѣть немного разновидностей. Мануфактура предъявляетъ запросъ на многочисленныя разновидности: она требуетъ различныхъ орудій для операцій, которыя отличаются одна отъ другой только немногими подробностями. Производители орудій отвѣчаютъ на этотъ запросъ; вотъ почему въ Бирмингамѣ, напр., изготовлялись въ 50-хъ годахъ до 500 разновидностей молотковъ. 2) Необходимо группировать работниковъ по ихъ природнымъ свойствамъ и приноравлять къ этимъ свойствамъ отдѣльныя операціи. Людямъ съ большой тѣлесной силой поручаютъ работы, требующія большого напряженія; люди съ гибкими членами сосредоточиваются на операціяхъ, которыя требуютъ значительной ловкости; гдѣ нужна быстрота въ движеніяхъ, тамъ выборъ предпринимателя останавливается на работникахъ, наиболѣе подвижныхъ. Естественныя свойства организма развиваются непрерывнымъ упражненіемъ, передаются по наслѣдству и образуютъ группы работниковъ, приспособленныхъ только къ частичнымъ операціямъ. Эти оба процесса безостановочно увеличиваютъ производительность труда и содѣйствуютъ быстрому росту общественнаго дохода. Но крайнее раздѣленіе труда и наибольшее утилизированіе только нѣкоторыхъ свойствъ работника сопряжены съ препятствіями полному тѣлесному и духовному развитію человѣка и содержатъ въ себѣ зачатки вырожденія. Эти зачатки поддерживаются еще и тѣмъ, что обособленіе многихъ простѣйшихъ дѣйствій (напр., простое передвиженіе матеріаловъ по отдѣленіямъ мануфактуры), въ функціи отдѣльныхъ работниковъ, дѣлаетъ для многихъ излишнимъ прохожденіе правильнаго ученичества; послѣднее связано съ ремесленнымъ производствомъ, которое болѣе способствуетъ тѣлесному развитію человѣка, чѣмъ сосредоточеніе въ теченіе всей жизни на какой-либо частичной работѣ.

III. *Фабричное* производство есть третья и наиболѣе совершенная система. Фабрика, будучи болѣе или менѣе крупнымъ промышленнымъ заведеніемъ, сходна съ мануфактурой; но ее отличаетъ отъ послѣдней примѣненіе *машинъ*. Подъ машиной разумѣется орудіе производства, сполна или отчасти освобожденное отъ силы работника. Дабы совокупность машинъ образовала фабрику, какъ особую систему производства, это освобожденіе должно выразиться въ нѣкоторыхъ специфическихъ формахъ. Недостаточно считать важнѣйшимъ признакомъ, отличающимъ машины отъ орудій, родъ движущей силы и видѣть орудіе тамъ, гдѣ движущей силой является человѣкъ, а машину,—гдѣ двигателями служатъ животныя, силы воды, пара или электричества. Такое различеніе повело-бы къ признанію машиной сохи, движимой одной лошадью, а орудіемъ — кругового станка Клауссена, дѣлающаго 96,000 петель въ минуту и приводимаго въ движеніе рукой одного работника. Всякая развитая машина состоитъ изъ 3 частей. 1) Пріемникъ, аппаратъ, который получаетъ толчки отъ движущей силы и приводитъ въ движеніе весь механизмъ: такова паровая машина, турбина, кругъ, вокругъ котораго ходятъ животныя. 2) Передаточный механизмъ — тѣ колеса, ремни, цѣпи, которые распредѣляютъ силу двигателя и передаютъ ее рабочей машинѣ, и 3) рабочая машина, измѣняющая обрабатываемый предметъ. Промышленное преобразованіе 18 вѣка, замѣнивши мануфактуру фабрикой, вытекло изъ измѣненій рабочей машины. Многія рабочія машины представляютъ намъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, замѣчательное сходство съ орудіями ремесленника. Спицы въ чулочновязальной машинѣ напоминаютъ спицы женщинъ, вяжущихъ чулки. Веретена въ сложной прядильной машинѣ—родныя сестры веретенъ въ прялкахъ нашихъ крестьянокъ и т. д. Эти орудія становятся машинами только тогда, когда ихъ взяли у человѣка и образовали изъ нихъ особый самостоятельный механизмъ. Работа орудіями стоитъ въ тѣсной зависимости отъ предѣловъ рабочей силы человѣка: нельзя прясть на двухъ прялкахъ или вязать одновременно 2 чулка. Число же орудій, соединенныхъ въ одну машину, не зависитъ отъ рабочей силы человѣка. Но человѣкъ, какъ рабочая сила, играетъ въ ремесленномъ или мануфактурномъ способѣ производства двоякую роль: во-первыхъ, онъ является просто двигательной силой; такъ дѣйствуетъ, напр., нога при работѣ на прялкѣ; затѣмъ онъ исполняетъ извѣстныя спеціальныя обязанности: при той же работѣ рука дѣйствуетъ веретеномъ, щиплетъ и сучитъ волну, т. е. исполняетъ операцію собственно пряденья. Вторая работа всецѣло поглощаетъ силу человѣка; работа же пер-

ваго рода часто поглощаетъ только небольшую часть его силы. Отсюда и проистекаетъ стремленіе технологіи изъять изъ рукъ работника *выполненіе спеціальныхъ операцій* и свести его трудъ къ движенію машины, надзору надъ ней и исправленію сдѣланныхъ ею ошибокъ. Только при такомъ измѣненіи нечеловѣческіе двигатели могутъ получить широкое приложеніе. Освобожденіе работника отъ исполненія спеціальныхъ операцій дѣлаетъ его роль, какъ двигателя, совершенно случайной: онъ можетъ быть легко замѣненъ водою, вѣтромъ, паромъ.

Преобразованіе орудія въ машину сдѣлало необходимымъ введеніе въ промышленность болѣе совершеннаго двигателя, нежели силы человѣка или животныхъ. Эти обѣ силы и слишкомъ дороги и не могутъ, по условіямъ организма, дѣйствовать со строгой правильностью. Водяная сила—двигатель случайный; ее нельзя имѣть вездѣ, ни увеличить по произволу. Такая сила дана была только изобрѣтеніемъ паровой машины двойнаго дѣйствія Уатта. Этотъ двигатель, потребляя воду и топливо, самъ родитъ свою силу и находится подъ непрерывнымъ надзоромъ работника. Будучи почти въ половину дешевле конной, сила пара дала производству возможность не сосредоточиваться въ мѣстностяхъ съ проточной водой, по рѣкамъ, гдѣ есть достаточная водная сила: она позволила ему распространиться повсемѣстно. Деревни были мѣстами возникновенія крупной промышленности. Позднѣе стали отдавать предпочтеніе городамъ.

На мануфактурѣ производство раздѣлено между работниками, исполняющими частичныя операціи. Машинное производство старается соединять обязанности многихъ отдѣльныхъ работниковъ и сдѣлать ихъ всѣ спеціальностью одной машины. Такъ, на мануфактурѣ, приготовляющей конверты, одинъ работникъ перегибаетъ (фальцуетъ) бумагу, другой намазываетъ края клапановъ клеемъ, третій отгибаетъ клапанъ, на которомъ оттискивается виньетка, четвертый выбиваетъ виньетку и т. д. Каждый конвертъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Машина для изготовленія конвертовъ дѣлаетъ всѣ эти операціи съ одного удара и приготовляетъ въ часъ нѣсколько тысячъ конвертовъ.

На фабрикахъ мы встрѣчаемъ 2 явленія, параллельныя тѣмъ, которыя были подмѣчены въ мануфактурѣ: 1) сотрудничество многихъ одинаковыхъ машинъ и 2) систему машинъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ соединеніе однородныхъ и одновременно дѣйствующихъ машинъ въ пространствѣ. Ткацкая фабрика состоитъ изъ многихъ ткацкихъ станковъ; всѣ они получаютъ толчекъ отъ общаго двигателя. Система машинъ является тамъ, гдѣ предметъ

проходитъ въ производствѣ цѣлый рядъ процессовъ, изъ коихъ каждому служитъ особая машина; здѣсь трудъ раздѣленъ между машинами. Это раздѣленіе труда совершенно отлично отъ раздѣленія въ мануфактурѣ: въ послѣдней процессъ труда приспособляется къ работнику; трудъ раздѣленъ такъ, что каждый работникъ можетъ исполнить извѣстную операцію; эта возможность дается свойствами человѣческаго организма. *Личное* начало исчезаетъ въ машинномъ раздѣленіи труда: весь процессъ производства, взятый въ цѣломъ, разсматривается *предметно*, независимо отъ работника; онъ разлагается на отдѣльныя части съ помощью механики, химіи. Каждая изъ этихъ разнородныхъ машинъ доставляетъ сырой матеріалъ другимъ машинамъ, а потому между ними должно быть установлено строгое соотношеніе, какъ въ мануфактурѣ—соотношеніе между группами работниковъ.

Изобрѣтенія Уатта, Аркрайта, Харгривса [2]) и другихъ могли получить приложеніе въ промышленности только потому, что нашли цѣлый рядъ искусныхъ работниковъ, умѣвшихъ изготовлять машины. Развитіе одной отрасли производства обыкновенно вызываетъ развитіе и во многихъ другихъ отрасляхъ [3]). Изготовленіе машинъ ремесленнымъ способомъ было какъ бы противорѣчіемъ; оно должно было усовершенствоваться въ связи съ другими звеньями цѣпи, и вотъ съ первыхъ десятилѣтій 19 вѣка машины начали вводиться и въ это производство. Это стало возможно только съизобрѣтенія такихъ машинъ, которыя были способны къ разнообразнымъ операціямъ, къ развитію напряженія въ различныхъ степеняхъ [4]).

Законы природы, будучи разъ открыты, ничего не стоютъ людямъ; но приложеніе этихъ законовъ, требуя сложныхъ и дорогихъ аппаратовъ, не дается человѣку безвозмездно. Машины удорожаютъ предметы, такъ какъ переносятъ на нихъ часть своей стоимости. Чѣмъ меньше эта часть, тѣмъ, очевидно, меньше удорожается товаръ. Размѣры этой части зависятъ отъ 1) прочности машины, опредѣляющей быстроту ея изнашиванія и 2) отъ объема предмета, на который она дѣйствуетъ. Чѣмъ прочнѣе машина и чѣмъ значительнѣе предметъ, надъ которымъ она работаетъ, тѣмъ меньше удорожается издѣліе; чѣмъ меньше удорожается издѣліе, тѣмъ болѣе возрастаетъ производительность труда. Исторія крупной промышленности показываетъ, что машины совершенствуются въ этихъ обоихъ отношеніяхъ: ихъ дѣлаютъ все болѣе прочно, и размѣръ предметовъ, надъ которыми онѣ дѣйствуютъ, все болѣе возрастаетъ [5]).

Вліяніе машинъ выражается въ тѣхъ крупныхъ выгодахъ, ко-

торыя онѣ доставляютъ производству сами по себѣ и въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя, при извѣстныхъ формахъ общественнаго быта, слѣдуютъ за ихъ примѣненіемъ. 1) Онѣ увеличиваютъ быстроту работы и въ высокой степени поднимаютъ производительность труда. Въ то время, какъ самая искусная швея, работая непрерывно, можетъ сдѣлать не болѣе 50 стежковъ въ минуту, швейная машина съ челнокомъ можетъ сдѣлать 480—720, а машина Уиллеръ и Вильсонъ, приводимая въ движеніе паромъ,—1,200—1,500 стежковъ. Во время А. Смита 10 прилежныхъ работниковъ могли изготовить 48,000 булавокъ въ день. Теперь же одна женщина, наблюдая за 4 машинами (каждая производитъ въ теченіе 11 часовъ 145,000 булавокъ), изготовляетъ до 600,000 штукъ въ день. При помощи машинъ 1 работникъ изготовляетъ столько пряжи, сколько могутъ произвести 95—100 пряхъ въ Индіи ручной работой. 2) Ростъ производительности труда понижаетъ цѣнность товаровъ, изготовляемыхъ машинами, и дѣлаетъ предметами общаго распространенія товары, которые были ранѣе доступны только состоятельнымъ классамъ. Фунтъ бумажной пряжи № 100, стоившій въ Англіи въ 1756 г. 39 шиллинг., стоилъ въ 1835 г. менѣе 3 шилл., а 1 ярдъ ситца, продававшійся въ 1810 г. по 26 пенс., стоилъ въ 1849 г. $1^1/_2$—$3^1/_2$ пенса. Первыя 12 дюжинъ стальныхъ перьевъ, приготовленныхъ въ Англіи ремесленнымъ способомъ, стоили въ 1820 г. 7 ф. 4 шилл. (72 кредитн. рубля); въ 1830 г., приготовленныя мануфактурнымъ способомъ, онѣ стоили только 8 шилл., а теперь, приготовленныя на фабрикахъ, стоютъ только 2 — 6 пенсовъ. 3) Слѣдуетъ замѣтить, вопреки распространенному предразсудку, что издѣлія машинъ отличаются и большею прочностью. Правильность, съ которой дѣйствуетъ машина, способствуетъ и прочности работы. Многочисленные опыты, произведенные, по словамъ Рошера [6]), надъ льняной пряжей, показываютъ, что въ машинной слабѣйшія мѣста относятся къ прочнѣйшимъ, какъ 1:2, въ ручной же, какъ 2:7.

На ряду съ перечисленными выгодами машины оказываютъ и неблагопріятное вліяніе. 1) Ихъ введеніе, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время сокращаетъ число рабочихъ въ данной отрасли производства и лишаетъ многихъ людей средствъ существованія. Если 1000 человѣкъ, работая на простыхъ станкахъ производили 1.000.000 аршинъ холста и удовлетворяли потребность общества, то введеніе машиннаго ткачества, позволяя тому же числу работниковъ изготовить 2.000.000 аршинъ, что превышаетъ существующій запросъ, заставитъ сократить приложеніе рабочей силы. Чѣмъ быстрѣе слѣдуютъ изобрѣтенія машинъ одно за другимъ и

чѣмъ скорѣе усвоиваетъ производство эти новинки, тѣмъ рѣзче процессъ вытѣсненія работниковъ изъ данной отрасли. Исторія хлопчатобумажной промышленности въ Англіи и Остъ-Индіи въ 30 гг. настоящаго вѣка представляетъ наиболѣе примѣровъ такого вліянія машинъ; подобные же факты можно почерпнуть изъ исторіи льнопрядильной и полотно-ткацкой промышленности Фландріи, Силезіи и другихъ мѣстностей. Хотя введеніе машинъ, уменьшая запросъ на работниковъ въ данной отрасли, увеличиваетъ запросъ въ другихъ производствахъ и даже вызываетъ къ жизни новыя отрасли промышленности [7]), однако, за трудностью перехода къ новымъ видамъ труда, это не облегчаетъ участи работниковъ, вытѣсненныхъ машинами изъ области ихъ спеціальныхъ занятій. 2) Введеніе машинъ упрощаетъ трудъ; но количество труда, которое должно быть выполнено работникомъ при машинѣ, нерѣдко увеличивается. Въ 1844 г. лордъ Эшли сообщилъ Палатѣ Общинъ факты, доказывающіе утомительность труда на фабрикахъ: въ 1815 г. трудъ слѣдованія за 2 прядильными машинами, для полученія пряжи № 40, требовалъ 8 миль ходьбы; въ 1821 г., при изготовленіи того же № пряжи, ходьба составляла, въ теченіе 12 часовъ, 20 миль и даже больше; въ 1825 г. каждый прядильщикъ долженъ былъ сдѣлать, въ теченіе 12 часовъ, 1640 выдергиваній на машинахъ, а въ 1844—4800. 3) Упрощая трудъ и сводя всю работу къ наблюденію за дѣйствіемъ машины и къ исправленію погрѣшностей, которыя она дѣлаетъ, фабричное производство не нуждается въ систематической и продолжительной подготовкѣ работниковъ, а для многихъ операцій—и въ значительной тѣлесной силѣ. Вотъ почему введеніе машинъ открываетъ широкое поле для пользованія трудомъ женщинъ и дѣтей. Исторія промышленности за послѣднее столѣтіе знакомитъ насъ съ обширнымъ приложеніемъ женской и дѣтской силы въ фабричномъ производствѣ [8]). Привлеченіе къ производству женщинъ и дѣтей имѣетъ неблагопріятное вліяніе на здоровье, особенно подростающаго поколѣнія, препятствуетъ полученію дѣтьми школьнаго образованія и ведетъ къ разложенію семьи, какъ то доказано многочисленными изслѣдованіями почти во всѣхъ странахъ Европы. 4) Стремленіе увеличить быстроту дѣйствія машинъ и многочисленность работающихъ дѣтей, уже по самому возрасту неспособныхъ къ осторожному обращенію съ машинами, ведутъ къ частымъ случаямъ смерти или увѣчья. Особенно велика опасность отъ взрыва паровыхъ котловъ, обыкновенно стоющаго многихъ жертвъ. [9]). 5) Введеніе машинъ и связанное съ нимъ расширеніе промышленныхъ предпріятій все болѣе отдаляетъ производителей отъ потребителей. Фабрика рабо-

таетъ для цѣлой страны и даже для всемірнаго рынка, запросъ котораго не можетъ быть точно опредѣленъ: а потому, избытокъ производства, затрудненія въ сбытѣ товаровъ, паденіе цѣнъ, разореніе многихъ предпринимателей и потеря заработковъ десятками и сотнями тысячъ работниковъ, словомъ, явленія, именуемыя хозяйственными кризисами, гораздо болѣе свойственны періоду преобладающаго фабричнаго производства, чѣмъ мануфактурнаго, а тѣмъ болѣе ремесленнаго. Кризисъ всегда нарушаетъ интересы и многихъ лицъ состоятельныхъ классовъ; рабочихъ же онъ повергаетъ въ крайнюю нищету, съ усиленіемъ заболѣваемости и смертности, которыя обыкновенно ей сопутствуютъ [10]).

Вредное вліяніе машинъ вызываетъ многочисленные протесты, которые и до сихъ поръ слышатся противъ машинъ и фабричнаго производства. Въ предыдущіе вѣка эти протесты принимали очень грубую форму. Въ концѣ 16 вѣка, когда вновь изобрѣтенная ленточная машина угрожала позументному ремеслу, дума города Данцига запретила употреблять ее и повелѣла утопить изобрѣтателя. Гамбургскій сенатъ велѣлъ сжечь ее рукою палача. Въ теченіе всего 17 столѣтія эта машина подвергалась гоненіямъ въ Англіи, Германіи, Швейцаріи, Голландіи. Предметомъ ожесточенныхъ гоненій была также чулковязальная машина, изобрѣтенная въ концѣ 16 вѣка. Въ Англіи, скрываясь отъ преслѣдованій,—на этихъ машинахъ долгое время работали въ подвалахъ. Вѣтряная лѣсопилка, устроенная въ 1633 г. близъ Лондона, была разрушена народомъ. Эти взрывы знакомы и 19 столѣтію: жизнь Жаккарда, изобрѣтателя ткацкаго станка, неоднократно подвергалась опасности.

Грубы или мягки формы, въ которыхъ машины подвергаются осужденію и преслѣдованію,—только совершенно неразвитой умъ можетъ приписывать машинамъ самимъ по себѣ тѣ невыгоды, съ которыми часто связано ихъ примѣненіе. Сами по себѣ машины, какъ болѣе совершенныя орудія, увеличиваютъ власть человѣка надъ природой и позволяютъ, по мѣрѣ своего улучшенія, добывать опредѣленную сумму продуктовъ съ затратой все меньшаго количества труда. Такимъ образомъ, сами по себѣ, машины не оказываютъ вредныхъ вліяній, которыя мы перечислили. Но общественный строй, въ своихъ важнѣйшихъ отличительныхъ чертахъ, создаетъ условія, вслѣдствіе которыхъ машины причиняютъ многочисленныя невыгоды. Раздѣленіе между трудомъ и капиталомъ, извлеченіе главныхъ выгодъ изъ роста производительности труда владѣльцами капиталовъ, свободное соперничество между работниками, стремленіе заработной платы къ уровню необходимыхъ по-

требностей—вотъ условія хозяйственной жизни, вслѣдствіе которыхъ введеніе машинъ наноситъ вредъ бѣднѣйшимъ классамъ. А потому, протестъ долженъ быть направленъ не противъ машинъ, а противъ господствующаго юридическаго порядка и основаннаго на немъ распредѣленія народнаго дохода. Уже въ современномъ обществѣ есть условія, ослабляющія вредное вліяніе машинъ на рабочіе классы. Фабричное законодательство ограничиваетъ трудъ женщинъ и дѣтей, требуетъ принятія мѣръ для предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Союзы рабочихъ служатъ страховыми учрежденіями, поддерживающими членовъ во время безработицы. Страхованіе рабочихъ, обнимающее всю страну и организованное государствомъ, можетъ еще вѣрнѣе облегчать нужды рабочихъ, вытѣсненныхъ машинами. При томъ же правовомъ порядкѣ, гдѣ орудія производства принадлежатъ государству, каждое техническое улучшеніе только облегчало бы трудъ, и доля общественнаго дохода, предназначенная на поддержаніе людей, неимѣющихъ въ данное время работы, служила-бы для нихъ обезпеченіемъ до перехода ихъ къ другимъ занятіямъ.

Машины технически болѣе совершенны, чѣмъ орудія; но пользованіе ими можетъ быть и убыточно: онѣ выгодны только тогда, когда сберегаютъ народному хозяйству больше труда, нежели количество труда, котораго стоитъ ихъ производство. Отношеніе между массой затрачиваемаго на нихъ труда и трудомъ, который онѣ сберегаютъ, опредѣляется многими условіями хозяйственной жизни: обширностью рынка для данныхъ товаровъ, высотой заработной платы, цѣнностью матеріаловъ, изъ которыхъ изготовляются машины, ихъ прочностью, различіемъ въ степени производительности между ручнымъ и машиннымъ трудомъ [1]).

Всего легче машины примѣнимы въ производствахъ, гдѣ отдѣльныя операціи могутъ быть сведены къ простѣйшимъ движеніямъ и не требуютъ разнообразныхъ, сложныхъ и часто измѣняющихся приспособленій работника.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВОСЬМОЙ ГЛАВѢ.

1) Журн. *Сел. хоз. и лѣсовод.*, 1879. Вѣроятно, расходы нѣсколько преувеличены.

2) Джемсъ *Уаттъ* (1736—1819) усовершенствовалъ паровую машину Ньюкомена устройствомъ холодильника, отдѣльнаго отъ парового цилиндра, что даетъ огромную экономію въ расходѣ пара. Онъ первый началъ строить машины двойного дѣйствія. Первую привилегію на машину онъ взялъ въ 1775 году. *Харгривсъ* устроилъ въ 1767 году прядильную машину со многими веретенами (названная

Jenny по имени дочери изобрѣтателя). Въ 1769 году *Аркрайтъ* усовершенствовалъ прядильную машину.

3) Интересно, напр., развитіе пароходства и желѣзныхъ дорогъ по мѣрѣ замѣны ремесла и мануфактуры фабричнымъ производствомъ: первый пароходъ (Фультона) открылъ рейсы между Нью-Іоркомъ и Албани въ 1807 г.; первая желѣзная дорога (между Манчестеромъ и Ливерпулемъ) была открыта въ 1830 г.

4) Первымъ въ ряду рѣшителей этой задачи былъ Генрихъ Маудсли (Maudsley). Онъ изобрѣлъ аппаратъ (selfactor), съ помощью котораго можно, прикладывая остріе машины, проводить всевозможныя геометрическія фигуры съ такой правильностью и быстротой, съ какой не можетъ сдѣлать это искуснѣйшій ремесленникъ. Это изобрѣтеніе, предназначенное для токарнаго станка, стало примѣняться и къ другимъ машинамъ и повело къ быстрому переходу ручного изготовленія машинъ въ машинное. Усовершенствуясь, машины становились все болѣе гибки. Паровой молотъ Насмита вѣситъ 6 тоннъ, падаетъ съ высоты 7 футовъ на наковальню въ 36 тоннъ, дробитъ огромныя гранитныя глыбы и можетъ рядомъ послѣдовательныхъ слабыхъ ударовъ вогнать въ дерево маленькій гвоздь.

5) По вычисленіямъ *Бейнеса*, каждая механическая лошадиная сила приводитъ въ движеніе 15 ткацкихъ станковъ для 40 дюймовыхъ тканей. Стоимость ежедневнаго содержанія и изнашиванья этой силы распредѣляется между всѣмъ ежедневнымъ продуктомъ 15 станковъ; на каждый фунтъ хлопка падаетъ лишь ничтожная доля цѣнности машины.

6) *Roscher*, 566.

7) Введеніе въ Цюрихѣ машиннаго бумагопряденья вызвало образованіе многочисленныхъ кузницъ, литейныхъ, токарныхъ и др. заведеній. Ср. *Roscher*, 570.

8) Въ 1874 г. на всѣхъ фабрикахъ Соединеннаго Королевства, обработывавшихъ волокнистыя вещества, было 1.005,685 рабочихъ, изъ коихъ женщины составляли 61%; изъ общаго числа насчитывалось 125,886 дѣтей (12%) моложе 13 лѣтъ. Во многихъ фабричныхъ производствахъ Московской губ. малолѣтніе 10—12 лѣтъ составляютъ 8, 10, 12% и болѣе общаго числа работниковъ.

9) Несмотря на всѣ новѣйшія усовершенствованія въ производствѣ для охраненія жизни и здоровья работающихъ, въ англійскихъ каменноугольныхъ копяхъ ежегодно погибаетъ болѣе 1,000 человѣкъ и столько же лицъ получаютъ увѣчья. *Орловъ*, 82.

10) Англійская хлопчато-бумажная промышленность переживала тяжелый кризисъ въ 1819, 1829, 1841, 1862 г.г. Съ половины 70-хъ и до половины 80-хъ г.г. страдали отъ кризиса многія отрасли промышленности во всѣхъ странахъ Европы.

11) Вотъ почему многія французскія изобрѣтенія 18 в. были впервые примѣнены въ Англіи; теперь многія англійскія ранѣе примѣняются въ Америкѣ. Этимъ объясняется также, почему машины, вводимыя русскими помѣщиками въ сельское хозяйство при крѣпостномъ правѣ, часто приносили только убытки.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Размѣры производства.

Главныя пособія. *Милль.* Основанія, I. *Иванюковъ.* Курсъ. *Марксъ.* Капиталъ. I и II. *Вольскій.* Истор. и народ. хоз. значеніе обработки крестьянами-собственниками. 1865. *В. В.* Судьбы капитализма въ Россіи. 1882. *Roscher.* System, II и III. *Passy.* Des systèmes de culture. 1876. *Schulze-Gävernitz.* Der Grossbetrieb ein wirthschaftl. u. socialer Fortschritt. 1892. По вопросу о малоземельѣ смотри. *Васильчиковъ кн.* Землевладѣніе и земледѣліе, 2 т. 1881. *Янсонъ.* Опытъ статистич. изслѣдов. о крестьян. надѣл. и платеж., 2 изд. 1884. *Статист. Времен. Россійск. Импер.* Поземельн. собствен. Европ. Россіи 1877—78 гг. 1886. *Ходскій.* Земля и земледѣлецъ, 2 т. 1891. *Слонимскій.* Охрана крестьян. землевлад. 1891. *Исаевъ.* Неурожай и голодъ. 1892. Богатый матеріалъ въ земскихъ статист. сборникахъ. Изъ журн. статей назовемъ. *Чаславскій.* По вопросу о крестьян. надѣлахъ. *Отеч. Зап.*, 1878, V. *Воронцовъ.* По вопросу о вліяніи земельн. надѣла на благосостояніе. *Вѣст. Евр.* 1880, XI. *Его же.* Теорія достаточн. крестьян. надѣл. *Вѣст. Евр*, 1881, II. *Южаковъ.* Нормы народн. землевлад. *Рус. Мысль*, 1885, IX. *Фортунатовъ.* Распредѣл. земельн. собствен. въ Европ. Россіи. *Рус. Мысль.* 1886, VII. *Шмидтъ.* Къ вопр. о крестьян. семейн. надѣлахъ. *Рус. Мысль*, 1886. I.

По размѣрамъ производство можетъ быть раздѣлено на *мелкое*, *среднее* и *крупное*. Понятіе о мелкости и крупности производства относительное; оно не можетъ быть выражено въ точныхъ числахъ. Развитіе техники и пользованіе машинами дѣлаютъ единицы производства все болѣе крупными и низводятъ въ разрядъ среднихъ и даже мелкихъ тѣ, которыя въ другое время и въ иномъ мѣстѣ могутъ быть относимы къ крупнымъ [1]). За невозможностью точнаго опредѣленія, мы ограничимся указаніемъ признаковъ, позволяющихъ отнести данную единицу производства къ крупнымъ, среднимъ или мелкимъ.

Такими признаками служатъ: 1) число работающихъ; 2) величина капитала, затраченнаго въ производствѣ; 3) цѣнность производимыхъ товаровъ. Такъ какъ техническія и экономическія условія различныхъ производствъ весьма несходны, то указанные признаки получаютъ для разныхъ отраслей производства въ данномъ народномъ хозяйствѣ не одно и то же числовое выраженіе: промышленное заведеніе, изготовляющее вещи изъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, составляетъ, уже при 50 работникахъ, очень крупную единицу; бумагопрядильня же со 100—200 работниковъ есть мелкое заведеніе. Или возьмемъ примѣръ изъ сельскаго хозяйства: хозяйство, ведомое по переложной системѣ на 100 десятинахъ гдѣ-нибудь въ Уфимской губерніи, должно быть отнесено къ мелкому производству, а тѣ же размѣры хозяйства, при англій-

ской или бельгійской системѣ земледѣлія, образуютъ крупную единицу производства.

Большинство экономистовъ [2]) установляютъ еще одинъ внѣшній признакъ: положеніе въ производствѣ хозяина. Въ мелкомъ—онъ работаетъ наравнѣ съ наемниками; въ среднемъ—наблюдаетъ за работами и только изрѣдка, урывками, прилагаетъ руки къ дѣлу; въ крупномъ—только направляетъ предпріятіе, вовсе не участвуя въ работахъ. Этотъ признакъ, отличающій частно-капиталистическія предпріятія, не можетъ быть названъ всеобщимъ: производительная артель, изготовляя товары на десятки или оказывая личныя услуги на сотни тысячъ рублей, не даетъ этого признака: всѣ участники являются въ артели хозяевами, и всѣ они, за исключеніемъ членовъ, выбранныхъ для управленія и надзора, принимаютъ участіе въ работахъ.

Хозяйственныя выгоды крупнаго производства, давно подмѣченныя наукой, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ разрядамъ. 1) Въ крупномъ производствѣ, уже вслѣдствіе многочисленности работающихъ, возможно наибольшее раздѣленіе труда, со всѣми выгодами, изъ него проистекающими. 2) Только въ крупномъ производствѣ возможно примѣненіе наиболѣе совершенныхъ и дорогихъ машинъ. 3) Только въ крупномъ производствѣ возможно широкое пользованіе техническими знаніями спеціалистовъ, получающихъ значительную заработную плату, агрономовъ, лѣсоводовъ, скотниковъ, механиковъ, бухгалтеровъ и т. д. 4) Крупное производство позволяетъ дѣлать многочисленныя сбереженія на постоянномъ и оборотномъ капиталахъ въ самомъ производствѣ, при покупкѣ сырья и сбытѣ издѣлій. Размѣры сбереженій на постоянномъ и оборотномъ капиталахъ видны, напр., изъ того, что въ крупныхъ бумагопрядильняхъ Олдгэма, при числѣ веретенъ не менѣе 70,000, на каждаго работника приходится 1,111 веретенъ; въ прядильняхъ Мюльгаузена на 1 работника приходится 390 веретенъ, а въ Вогезахъ, въ мелкихъ заведеніяхъ—только 140. Столь же значительны сбереженія относительно топлива, освѣщенія и другихъ статей: расходы на 1 силу при 100-сильной паровой машинѣ составляютъ съ небольшимъ 2 копѣйки въ часъ, а на малую (менѣе 2 силъ) болѣе 13 копѣекъ. Не трудно понять, какъ велики сбереженія на всѣхъ ступеняхъ производства въ такихъ огромныхъ заведеніяхъ, какъ богородская бумагопрядильня Морозовыхъ, заводъ Круппа въ Эссенѣ, и другихъ, имѣющихъ 8—10—12,000 работниковъ. Въ столь же выгодныя условія поставлены крупные производители и при закупкѣ сырья. Большіе капиталы, которыми они пользуются, многочисленность доступныхъ имъ кредитныхъ

учрежденій, правильныя сношенія съ международнымъ рынкомъ позволяютъ имъ пріобрѣтать сырые матеріалы оптомъ, изъ первыхъ рукъ. Мелкія производства не имѣютъ этихъ выгодъ; кредитъ стоитъ имъ дороже, они не имѣютъ возможности сноситься съ главнымъ рынкомъ и покупаютъ сырье и вспомогательные матеріалы у посредничествующихъ торговцевъ. По вычисленіямъ Шульце-Делича, нѣмецкіе ремесленники, покупая сырые матеріалы небольшими партіями, пріобрѣтаютъ ихъ на 25 — 30% дороже сравнительно съ цѣнами при оптовыхъ покупкахъ. Въ подмосковномъ мебельномъ округѣ, гдѣ 10—12 работниковъ образуютъ уже крупную мастерскую, замѣчается рѣзкое различіе между производителями въ способахъ и выгодахъ покупки матеріала: въ половинѣ 70-хъ годовъ самымъ крупнымъ, покупавшимъ тесъ въ лѣсу, при его заготовкѣ, онъ обходился на дому въ 13 рублей за 100 штукъ, среднимъ и мелкимъ, пріобрѣтавшимъ его отъ торговцевъ на мѣстѣ, онъ стоилъ 15—20 рублей. Не менѣе велико различіе въ условіяхъ сбыта издѣлій. Мелкій производитель пріуроченъ къ ближайшему рынку; не имѣя запаснаго капитала и дешеваго кредита, онъ вынужденъ торопиться съ продажей товара; высоки цѣны или низки — онъ продаетъ свои издѣлія, чтобы не прерывать промысла. Крупный производитель обладаетъ не только возможностью отыскивать новые рынки (пріобрѣтеніе европейскими государствами колоній внѣ Европы исходитъ, главнымъ образомъ, отъ крупной промышленности), но и удерживать товары при паденіи цѣнъ, ожидать повышенія [3]).

Перечисленныя выгоды тѣсно связаны съ размѣрами и системами производства; независимо отъ формъ предпріятій, онѣ сберегаютъ трудъ и служатъ интересамъ всего народнаго хозяйства. Если крупное производство принимаетъ форму артели, то въ немъ нельзя отыскать темныя стороны, позволяющія, въ какомъ-либо отношеніи, отдать предпочтеніе предъ нимъ мелкому производству. Но крупное частно-капиталистическое производство съ наемными работниками имѣетъ и свои невыгоды. Эта невыгода—рѣзкое разстояніе между предпринимателями и работниками. Первые, по своимъ имущественнымъ средствамъ, воспитанію и, часто, рожденію, составляютъ классъ, отличный отъ работниковъ и рѣдко принимающій въ разсчетъ самые важные интересы послѣднихъ. Вотъ почему въ мелкомъ производствѣ, гдѣ хозяинъ есть только старшій между равными, работаетъ, ѣстъ и отдыхаетъ вмѣстѣ со своими наемниками, нѣтъ той розни, которая такъ часто наблюдается между рабочими и хозяевами крупныхъ промышленныхъ заведеній. Рознь, недовольство и вражда поддерживаются въ особенности

тѣмъ, что въ мелкомъ производствѣ, гдѣ на 10 хозяевъ приходится 7—8 работниковъ, каждый работникъ имѣетъ гораздо большее вѣроятіе стать хозяиномъ, пріобрѣсти столь желанную экономическую самостоятельность, нежели въ крупномъ, гдѣ 1 хозяинъ приходится на 50 — 100 работниковъ [1]). Соблазнительная надежда стать хозяиномъ побуждаетъ мастера видѣть въ хозяинѣ-ремесленникѣ ту ступень, которой и онъ можетъ достигнуть; она побуждаетъ его смотрѣть на его положеніе, какъ на временное, переходное. Въ крупномъ же производствѣ вѣроятность стать предпринимателемъ совершенно ничтожна, и работникъ, при высокомъ уровнѣ профессіональнаго образованія въ странѣ, имѣетъ очень слабую надежду подняться даже на ступень привилегированныхъ работниковъ: механика, руководителя части и т. д. А отсюда—еще большее обостреніе классовой вражды. Эти невыгоды могутъ быть значительно смягчены тѣми формами производства, при которыхъ установляется болѣе тѣсная связь между участниками, долей рабочихъ въ прибыли предпріятія и, особенно, артелью.

Крупное производство, обладая всѣми преимуществами предъ мелкимъ и среднимъ, стремится захватить все большее число отраслей промышленности. Однако, для его примѣненія, необходимы, главнымъ образомъ, слѣдующія условія: 1) *Родъ изготовляемыхъ товаровъ*. Производство массы товаровъ по немногимъ образцамъ дѣлаетъ выгоднымъ примѣненіе дорогихъ машинъ и облегчаетъ побѣду крупнаго производства надъ мелкимъ. При изготовленіи же товаровъ, гдѣ мода, прихоть потребителей имѣютъ наибольшее значеніе, гдѣ каждая разновидность производится въ сравнительно небольшомъ числѣ экземпляровъ и гдѣ необходима ловкость и разнообразная подвижность руки работника, крупное производство, вооруженное машинами, не представляетъ выгодъ: необходимо много различныхъ машинъ, увеличивающихъ основной капиталъ предпріятія къ невыгодѣ для его владѣльца. Такимъ образомъ, въ бумагопряденіи, сукнодѣліи, сыровареніи, воздѣлываніи кормовыхъ травъ или зерновыхъ хлѣбовъ, крупное производство легче вытѣсняетъ мелкое, чѣмъ во всѣхъ отрасляхъ такъ-называемаго художественнаго ремесла, въ садоводствѣ, цвѣтоводствѣ, огородничествѣ: въ послѣднихъ искусство работающаго имѣетъ первостепенную важность. 2) *Населенность* есть также одно изъ самыхъ важныхъ условій. Большая густота населенія открываетъ для всѣхъ товаровъ обширный рынокъ сбыта и облегчаетъ побѣду крупнаго производства. Мы можемъ наблюдать это при сравненіи города съ деревней. Въ городахъ, представляющихъ уже обширный мѣстный рынокъ, даже производства, гдѣ не примѣняются машины,

стремятся принимать большіе размѣры. 3) Большое значеніе имѣютъ *пути*. Усовершенствованіе путей, замѣна гужевой перевозки товаровъ желѣзнодорожною оказываетъ такое же вліяніе, какъ и увеличеніе густоты населенія, ибо оно расширяетъ рынокъ сбыта [5]). 4) Наконецъ, имѣетъ значеніе и *уровень техники*. въ странѣ, развитіе машиностроенія. Полученіе машинъ изъ-за границы стоитъ дорого, неумѣнье туземныхъ промышленниковъ исправлять поломки въ машинахъ замедляетъ развитіе машиннаго производства, именно той системы, которая особенно легко побѣждаетъ мелкую промышленность.

Все сказанное примѣнимо къ промышленности, какъ обработывающей, такъ и добывающей. Но, по отношенію къ сельскому хозяйству, въ литературѣ очень распространено мнѣніе о значительныхъ выгодахъ мелкаго производства сравнительно съ крупнымъ и о возможности для перваго успѣшно соперничать со вторымъ. Многіе писатели (назовемъ Сисмонди, Рау, Лэнга) указываютъ на болѣе высокую культуру земли у мелкихъ поселянъ, чѣмъ у крупныхъ владѣльцевъ, на большую высоту урожаевъ у первыхъ (такъ, говоритъ Торнтонъ, при одинаковой почвѣ, въ крупныхъ хозяйствахъ Англіи неизвѣстны урожаи выше 30 бушелей съ акра, а на британскихъ островахъ, при мелкомъ хозяйствѣ, 40 бушелей). По вычисленіямъ, которыя Дитерици сдѣлалъ въ 40-хъ годахъ для Пруссіи, количество скота тѣмъ болѣе велико, чѣмъ мельче землевладѣніе. Въ послѣдніе годы статистикъ де-Фовилль получилъ такія же данныя для Франціи. Этотъ вопросъ, многократно обсуждавшійся въ литературѣ съ половины прошлаго вѣка, часто ставится неправильно: размѣры сельскаго хозяйства отожествляются съ размѣрами владѣнія землей; говорятъ о выгодности мелкаго землевладѣнія и думаютъ, доказавъ ее, доказать съ тѣмъ вмѣстѣ и выгодность веденія сельскаго хозяйства въ малыхъ размѣрахъ. Однако, эти явленія не параллельны. Выгоды, которыя были подмѣчены въ мелкихъ хозяйствахъ, могутъ быть выведены изъ слѣдующихъ условій. Крупными хозяйствами завѣдуютъ или сами владѣльцы или арендаторы. Первые прямо заинтересованы въ улучшеніи земли и хозяйства, но нерѣдко (уже въ силу принадлежности ихъ къ дворянству) ихъ отвлекаютъ государственная служба, разныя другія занятія, и они поручаютъ весь надзоръ наемнымъ людямъ, которые не влагаютъ въ дѣло большой энергіи. Арендаторы также рѣдко относятся къ хозяйству съ тѣмъ неослабнымъ напряженіемъ, которое отличаетъ собственника. А рабочее искусство и прилежаніе поселянъ-собственниковъ далеко превосходятъ качество труда наемныхъ рабочихъ. Припомнимъ слова

А. Юнга: «Дайте человѣку въ прочное владѣніе черную скалу, и онъ обратитъ ее въ садъ; дайте ему по десятилѣтнему контракту садъ,—онъ обратитъ его въ пустыню». Всѣ эти явленія подмѣчены уже давно: особенности сельско-хозяйственной техники, какою она была до послѣднихъ десятилѣтій, облегчали борьбу мелкаго производства съ крупнымъ. Мануфактурный способъ производства съ его далеко идущимъ раздѣленіемъ труда мало примѣнимъ въ сельскомъ хозяйствѣ уже по періодичности, съ которою работы слѣдуютъ одна за другой: сѣянье, пахота, косьба, молотьба производятся неодновременно и не представляютъ такихъ обособленныхъ операцій, какъ приготовленіе частей булавки или часовъ. Одно и то же лицо можетъ безъ ущерба для дѣла, переходить отъ одной работы къ другой. Поэтому, пока машины не примѣняются, крупное сельское хозяйство имѣетъ, сравнительно съ мелкимъ, выгоды на постройкахъ, на скотѣ, на пропорціи рабочихъ силъ къ площади земли [7]), на условіяхъ сбыта продуктовъ. Мелкое же противопоставляетъ этимъ преимуществамъ высокое качество труда, которое, при интензивной культурѣ, имѣетъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ самое главное значеніе. Сторонники крупнаго и мелкаго хозяйства имѣли предъ собой только эти явленія. Машины стали пролагать себѣ путь въ сельскос хозяйство только за послѣднія десятилѣтія. Сложность земледѣлія, различія участковъ по свойствамъ почвы и положенію дѣлаютъ изъ сельскаго хозяйства менѣе удобное поле для введенія машинъ сравнительно съ промышленностью обрабатывающею, гдѣ матеріалъ и техническія условія, при которыхъ дѣйствуютъ машины, всегда могутъ быть однородны. Но сельско-хозяйственная технологія непрерывно работаетъ надъ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ машинъ, которыя завоевываютъ себѣ и въ земледѣліи все большую область [8]). А разъ введена машина,—напряженіе труда мелкаго собственника земли теряетъ значеніе силы, парализующей выгодность крупнаго производства. Такъ какъ не работникъ опредѣляетъ скорость дѣйствія машины, а наоборотъ, то, при машинномъ производствѣ, трудъ наемника можетъ быть столь же производителенъ, какъ и собственника земли. Вотъ почему, со введеніемъ машинъ, и въ сельскомъ хозяйствѣ крупное производство все болѣе успѣшно вытѣсняетъ мелкое. Въ Англіи, гдѣ исторія послѣднихъ 100 лѣтъ представляетъ наиболѣе поучительныхъ примѣровъ вытѣсненія крупнымъ производствомъ мелкаго, мы подмѣчаемъ этотъ процессъ и въ сельскомъ хозяйствѣ. Съ 1860 по 1880 годъ число фермъ размѣромъ менѣе 300 акровъ уменьшилось на 4%; число же болѣе крупныхъ хозяйствъ увеличилось и увеличилось тѣмъ болѣе, чѣмъ фермы крупнѣе: число

фермъ въ 300—400 акровъ увеличилось на 1,5%, 400—600 на 9%, 600—2,000 на 22%, болѣе 2,000—на 41%.

Мелкое сельское хозяйство ведетъ къ очень невыгоднымъ послѣдствіямъ *при недостаточностп крестьянскихъ надѣловъ*. Не слѣдуетъ называть «достаточнымъ» только тотъ надѣлъ, доходы съ котораго покрываютъ всѣ потребности крестьянской семьи. Многія условія препятствуютъ земледѣльцу повсюду извлекать изъ земли достаточныя средства къ жизни. Таковы, прежде всего 1) условія климата: при суровомъ климатѣ сельскохозяйственныя работы должны быть заканчиваемы въ 3—4 мѣсяца, и если земледѣлецъ не покрываетъ изъ своего надѣла всѣхъ расходовъ, то остаются $^2/_3$ года, въ теченіе которыхъ крестьянская семья, занимаясь какими-либо промыслами, можетъ имѣть дополнительный заработокъ. 2) Сельское хозяйство на малоплодородной почвѣ нерѣдко поглощаетъ всю рабочую силу крестьянской семьи, а земля не даетъ того, что нужно для удовлетворенія потребностей. 3) Наконецъ, состояніе техники имѣетъ очень важное значеніе: при простѣйшихъ системахъ хозяйства, силы крестьянской семьи достаточны для покрытія всѣхъ потребностей только тамъ, гдѣ очень хороши естественныя условія. Все это заставляетъ считать вполнѣ нормальнымъ, что крестьянская семья, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ 3 — 4 мѣсяца, часто не можетъ покрыть доходами отъ него всѣ свои потребности. Гораздо важнѣе сообразованіе земельнаго надѣла съ рабочею силою крестьянской семьи. Необходимо, чтобы та часть года, въ теченіе которой производятся сельскія работы, могла быть всецѣло посвящена земледѣльческому труду: только наполняя все это время заботами о сельскомъ хозяйствѣ, крестьянинъ работаетъ усердно и разумно. При ничтожныхъ размѣрахъ надѣла, крестьянинъ теряетъ значительную часть сельскохозяйственнаго періода, которую могъ бы посвятить производительному труду на своей нивѣ; онъ наполняетъ ее или разными подсобными занятіями, которыя часто создаютъ товары для рынка въ излишнемъ количествѣ и понижаютъ цѣны, или же гораздо менѣе производительному земледѣльческому труду въ качествѣ наемнаго работника. При томъ же крестьянинъ не можетъ помириться съ мыслью, что его клочекъ земли даетъ слишкомъ малый доходъ. Такъ какъ невозможенъ рѣзкій переходъ отъ первобытнаго сельскаго хозяйства къ плодосмѣнамъ или огородной культурѣ, то поселянину остается только одно—использовать до полнаго истощенія всѣ естественныя богатства. Мелкое производство въ обработывающей промышленности обращаетъ самостоятельнаго ремесленника въ фабричнаго работника. Недостаточный же земельный надѣлъ не

только облегчаетъ побѣду крупнаго сельскаго хозяйства надъ мелкимъ, но уменьшаетъ естественныя богатства страны и ослабляетъ производительность даже крупнаго хозяйства, какъ скоро оно становится на мѣсто мелкаго.

Крестьянское хозяйство, вообще, страдаетъ отъ недостаточности земельныхъ надѣловъ. Это примѣнимо къ хозяйству и поселянъ-собственниковъ и тѣхъ, которые работаютъ на арендуемой землѣ. Какъ ни высока культура во Франціи, однако, надѣлъ меньше 2 гектаровъ на семью долженъ быть признанъ слишкомъ мелкимъ, а менѣе 1 гектара—безусловно недостаточнымъ. А между тѣмъ, по даннымъ за 1884 годъ изъ общаго числа (14,071,081) земельныхъ владѣній 74,09% (10,426,368) составляютъ владѣнія менѣе 2 гектаровъ, а 61,02% даже менѣе 1 гектара. Въ Соединенномъ королевствѣ число мелкихъ собственниковъ незначительно, а Ирландія даетъ самую яркую картину ничтожно-малыхъ арендныхъ участковъ: изъ общаго числа хозяйствъ (преимущественно арендаторскихъ) болѣе 40% приходятся на хозяйства меньше 15 экровъ.

Наша печать оказала Россіи очень большія услуги, настойчиво отмѣчая малоземелье крестьянъ, какъ одно изъ крупныхъ золъ русской общественной жизни. Опредѣляя нормальнымъ, поглощающимъ всю рабочую силу семьи надѣлъ въ 10—12 десятинъ на семью съ 1 взрослымъ работникомъ или въ 5—6 десятинъ на 1 ревизскую душу для средней Россіи и до 15 десятинъ—около $7^1/_2$ на ревизскую душу—для южной, мы находимъ, что огромное большинство крестьянъ имѣетъ недостаточный надѣлъ: изъ 20,594,292 ревизскихъ душъ только 4,240,541 душа—20,6% всего крестьянскаго населенія—имѣютъ надѣлъ выше 6 десятинъ на 1 ревизскую душу. Надѣлы огромнаго большинства не только далеко не достигаютъ этой нормы, но представляются ничтожными даже при гораздо болѣе интензивномъ хозяйствѣ, нежели системы, повсемѣстно господствующія въ нашемъ отечествѣ. Отъ 4 до 6 десятинъ на 1 ревизскую душу, т.-е. недалеко отъ нормы, имѣютъ надѣлъ 5,818,060 душъ, т.-е. 28,1%, отъ 2 до 4 десятинъ, т. е. $^1/_2$—$^1/_3$ нормы имѣютъ 8,230,010 душъ, т. е. 40% и, наконецъ, менѣе 2 десятинъ 2,305,681, т. е. 11,3%, а изъ нихъ 640.000 менѣе 1 десятины [9]).

Столь малый надѣлъ, покрывающій едва 15—20% скудныхъ потребностей крестьянской семьи, ведетъ къ тому, что 1) земледѣльческій трудъ населенія ставится въ непормальныя условія. Милліонныя массы бродятъ по всей странѣ въ поискахъ за сельскохозяйственными работами. Испытывая на себѣ всѣ колебанія урожая, нерѣдко питаясь въ дорогѣ Христовымъ именемъ, онѣ даже въ лучшемъ случаѣ теряютъ на передвиженіе очень много

времени, которое, при достаточномъ земельномъ надѣлѣ, могли бы съ пользою провести въ собственномъ хозяйствѣ. 2) Малоземелье вызвало столь хищническое пользованіе почвой, что истощеніе естественныхъ богатствъ приняло въ Россіи угрожающій характеръ. Высокая арендная плата частновладѣльческихъ земель еще въ 70-хъ годахъ оставляла крестьянину только ничтожныя крохи за его трудъ. Онъ могъ дойдти до арендованія земли по столь высокой цѣнѣ только послѣ того, какъ извлекъ наибольшую пользу изъ производительныхъ силъ своего надѣла. А это выразилось *въ распашкѣ всѣхъ угодій, которыя можно распахать*. Во всей черноземной Россіи и даже далеко за ея предѣлами (напр., Вятской губерніи) во многихъ волостяхъ распахано 80 — 90% крестьянской надѣльной земли, т. е., по крайней мѣрѣ, въ $1^1/_2$ раза больше, нежели то можетъ быть допущено при правильномъ веденіи трехпольной системы хозяйства, господствующей въ нашемъ отечествѣ. Итакъ, недостаточность надѣловъ побуждаетъ земледѣльца расходовать не только проценты, но и быстро проживать земельный капиталъ. Эти прискорбныя послѣдствія малоземелья выражаются въ пониженіи урожайности на обширныхъ пространствахъ и въ непригодности для культуры многихъ участковъ земли.

Выгоды крупнаго производства предъ мелкимъ такъ велики, что можно логически допустить вытѣсненіе послѣдняго во всѣхъ отрасляхъ добывающей и обработывающей промышленности. И изъ препятствій для крупнаго производства многія устраняются съ постепеннымъ ростомъ населенія и благосостоянія отдѣльныхъ странъ. Возрастающая населенность и расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ открываютъ новые рынки для сбыта товаровъ, производимыхъ въ странахъ или мѣстностяхъ страны, которыя были ранѣе обособлены отъ большихъ промышленныхъ и торговыхъ средоточій. Успѣхи технологіи безостановочно ведутъ къ изобрѣтенію такихъ машинъ, которыя замѣняютъ самыя разнообразныя операціи рукъ работника. Все это облегчаетъ побѣды крупнаго производства. Если въ очень отдаленномъ отъ насъ будущемъ крупное производство внѣдрится и въ тѣ отрасли, гдѣ теперь всецѣло господствуетъ мелкое, то трудно допустить, чтобы послѣднее нигдѣ не могло сохранить за собой почву. Можно предположить, что въ разныхъ отрасляхъ художественной промышленности и наиболѣе интензивнаго земледѣлія мелкое всегда останется господствующимъ.

Этотъ процессъ, если онъ пойдетъ такъ далеко, какъ можно допустить его въ мышленіи, потребуетъ для своего завершенія долгаго періода въ предѣлахъ даже одной Европы. Не слѣдуетъ думать, что введеніе въ данную отрасль машинъ должно въ корот-

кое время [10]) упразднить всѣ мелкія промышленныя единицы. Если машины не увеличиваютъ многократно производительности труда, то мелкое производство, усвоивъ нѣкоторыя особенности крупнаго, можетъ долго держаться наравнѣ съ послѣднимъ. Соединеніе мелкихъ производителей въ одно цѣлое на какомъ-либо пунктѣ ихъ промышленной дѣятельности (не говоря уже о производительныхъ артеляхъ), облегчаетъ имъ соперничество съ крупнымъ производствомъ. Таковы: организація закупки сырья сообща, сбыта издѣлій, совмѣстное пользованіе зданіями [11]). Какъ во внѣшней природѣ, на ряду съ господствующими чистыми типами, встрѣчаются и смѣшанные типы, такъ на ряду съ крупнымъ производствомъ во многихъ отрасляхъ могутъ существовать и мелкія промышленныя единицы, усвоившія нѣкоторыя выгодныя особенности крупныхъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДЕВЯТОЙ ГЛАВѢ.

1) Законодательства, различая ремесло (мелкое и среднее производства) отъ фабрики (крупное производство), прилагаютъ различныя мѣрки. Пограничную черту между ремесленными и фабричными заведеніями составляютъ: по-англійскому закону—1867 г.—50 работниковъ, по-французскому (1841 г.) и австрійскому (1860) 20. Нашъ *Уставъ о промышленности* (ст. 2) говоритъ: „Мануфактуры, фабрики и заводы отличаются отъ ремеслъ тѣмъ, что имѣютъ въ большомъ видѣ заведенія и машины; у ремесленниковъ же нѣтъ ихъ, кромѣ ручныхъ машинъ и инструментовъ".

2) См. *Иванюковъ*. Полит. экономъ. 124. *Schönberg*. Handbuch I, 779—80. *Roscher*. III, 524 и др.

3) Чѣмъ болѣе развиваются кредитныя отношенія, связующія многочисленными нитями производителей, торговцевъ и потребителей, тѣмъ труднѣе и крупнымъ производителямъ удерживать товаръ въ ожиданіи болѣе высокихъ цѣнъ. Послѣднее всего легче для тѣхъ, которые пользуются въ производствѣ, преимущественно, собственными капиталами и умѣренно—кредитомъ.

4) Въ 1875 г. въ Пруссіи, въ заведеніяхъ, имѣвшихъ не болѣе 5 работниковъ, на 100 хозяевъ приходилось 37 рабочихъ и учениковъ. Въ заведеніяхъ же, имѣвшихъ болѣе 5 работниковъ, на 1 хозяина приходилось работниковъ: на сахароваренныхъ заводахъ—151, въ льнопрядильняхъ—143, фарфоровыхъ издѣлій—110, бумагопрядильняхъ—101, машиностроительныхъ — 62. Въ Россіи, по отчету Департ. Неокладн. Сбор. на 1 сахароваренный заводъ приходится 400—620 рабочихъ.

5) Стоимость желѣзнодорожной перевозки пшеницы составляетъ только $^1/_{10}$ гужевой, каменнаго угля — $^1/_{11}$. См. *Чупровъ*. Желѣзнодорожное хозяйство. 1875, I, 20—21.

6) Въ новое время первымъ проповѣдникомъ мелкихъ хозяйствъ выступилъ маркизъ *Мирабо*. Въ своемъ сочиненіи, L'Ami des hommes (1755), онъ возстаетъ противъ крупныхъ хозяйствъ, обработываемыхъ временными фермерами. Сочиненіе его выдержало 5 изданій, очень понравившись демократическому духу, который началъ тогда распространяться во Франціи.

7) Еще *А. Юнгъ* вычислилъ отношеніе на фермахъ различныхъ размѣровъ между площадью земли и рабочими силами людей и скота. На 1 работника приходится земли: на фермахъ въ 30 акровъ—15, въ 55—18½, въ 88—22. На 1 лошадь приходится въ первомъ случаѣ—10 акровъ, второмъ—11, третьемъ—14⅔.

8) Насколько увеличивается примѣненіе машинъ даже въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, видно изъ того, что въ 1869 г. было привезено машинъ изъ-за границы только на 711,000 руб., а въ 1880 болѣе, чѣмъ на 5½ мил. Въ 1879 г. въ Россіи было изготовлено машинъ почти на 4 милліона, а въ 1891—на 10 милліоновъ руб.

9) Эти цифры устарѣли: онѣ относятся къ 1877—78 гг. Теперь размѣръ надѣла гораздо меньше.

10) Русское винокуреніе доказываетъ быстроту, съ какой совершается этотъ процессъ. По отчету Департ. Неокладн. Сбор. за 1864 годъ, въ 1864 — 65 г. малые заводы, выкуривающіе менѣе 25,000 ведеръ спирта въ годъ, составляли 85,1% общаго числа и приготовляли 47,8% всего количества спирта въ Имперіи; средніе (25—10 т. ведеръ), 13,6% общаго числа и 40,3%; большіе (болѣе 100 т. ведеръ) 1,3% и 11,9%. Въ 1883—84 году мы имѣемъ для заводовъ этихъ 3-хъ группъ такія цифры: 63,9 и 22,3; 28,6 и 39,6; 7,5 и 38,1. Слѣдовательно, самые большіе заводы побѣдили не только мелкіе, но и средніе. Въ Силезіи было въ 1849 году 84,286 ручныхъ прядильщиковъ льна, а въ 1861—только 14,557.

11) Для поддержанія мелкаго производства очень важны попытки технологіи доставлять движущую силу самыми мелкими долями. Общество освѣщенія Берлина электричествомъ надѣется рѣшить эту задачу, снабжая ремесленниковъ города небольшимъ количествомъ электрической силы для движенія столярныхъ, токарныхъ, слесарныхъ и другихъ машинъ. Этой же цѣли служитъ изобрѣтеніе и примѣненіе мелкихъ дешевыхъ машинъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Общее понятіе о формахъ производства.

Ученіе о формахъ производства имѣетъ своимъ предметомъ строеніе единицъ, производящихъ цѣнности, взаимныя отношенія между членами такихъ единицъ и отношенія участниковъ къ капиталу, вложенному въ производство. Какъ во внѣшней природѣ не легко найдти рѣзко отграниченные другъ отъ друга роды явленій, такъ и формы производства не всегда представляются въ чистомъ видѣ. Нерѣдко въ предѣлахъ одной единицы производства мы находимъ сочетаніе признаковъ, отличающихъ предпріятія различныхъ формъ. Взявъ за признаки дѣленія на группы отношеніе участниковъ въ процессѣ производства и отношеніе ихъ къ землѣ и капиталу, мы можемъ намѣтить слѣдующія основныя формы.

1) *Рабовладѣльческое производство.* Отличительнымъ признакомъ этой формы служитъ то, что земля, всѣ орудія производства и работ-

ники образуютъ одно безразличное цѣлое, подчиненное волѣ домовладыки. Работникъ безправенъ; онъ принадлежитъ господину, наравнѣ съ вещами и рабочимъ скотомъ. Такъ какъ въ рабовладѣльческомъ производствѣ есть только одно лицо—господинъ, только одна воля—воля господина, только одно имущество—имущество домовладыки, то всѣ матеріальныя цѣнности, создаваемыя рабовладѣльческимъ хозяйствомъ, поступаютъ въ полную собственность господина. Не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо правѣ раба на долю продукта: въ зависимости отъ соизволенія господина онъ получаетъ больше или меньше, или даже ничего. Крѣпостное состояніе не образуетъ самостоятельной формы: будучи смягченнымъ видомъ рабства, оно составляетъ переходъ къ хозяйскому, частнокапиталистическому производству.

2) *Общинное производство* имѣетъ своею основой общинное владѣніе землей. Существо общиннаго землевладѣнія состоитъ въ томъ, что земля принадлежитъ на правѣ собственности юридическому лицу—общинѣ, а каждое физическое лицо, входящее въ ея составъ, получаетъ изъ общей площади земли опредѣленный участокъ съ такою совокупностью правъ, какія община предоставляетъ всѣмъ другимъ своимъ членамъ. Члены общины не связаны другъ съ другомъ во всѣхъ процессахъ своего сельскохозяйственнаго и промышленнаго труда, общій трудъ въ современныхъ общинахъ представляетъ не правило, а исключеніе, однако, между ними есть тѣсная связь; она вытекаетъ изъ принадлежности всѣхъ ихъ къ одной общинѣ и изъ необходимости сообразовать свое единоличное и семейное производство съ тѣми правилами, которыя она установляетъ для всѣхъ членовъ, которыя освящаются обычаемъ и руководятъ главными проявленіями хозяйственной жизни каждаго общинника. Общинникъ есть прежде всего сельскій хозяинъ; земля служитъ для него главнымъ орудіемъ производства. Въ отличіе отъ частныхъ собственниковъ земли онъ владѣетъ участкомъ только временно. Но онъ отличается отъ арендатора: послѣдній обработываетъ землю въ теченіе извѣстнаго срока, общинникъ же пользуется своимъ участкомъ безсрочно. Передѣлы общинныхъ земель производятся, большею частью, въ неопредѣленные сроки, согласно съ требованіемъ большинства, для арендатора же срокъ пользованія землею установляется впередъ, при заключеніи арендnаго договора. Итакъ, община установляетъ между членами многочисленныя и разнообразныя связи; онѣ возникаютъ въ силу одного того факта, что лицо или родилось въ предѣлахъ общины, или принято ею въ свою среду. Въ производительныхъ процессахъ, которые совершаютъ члены общины, они занимаютъ не одно и

то же положеніе относительно орудій производства и матеріаловъ. Есть производительные процессы, гдѣ общинный трудъ выступаетъ во всей чистотѣ; на землѣ, принадлежащей общинѣ, общинники трудятся такимъ образомъ, что работа распредѣляется между ними пропорціонально рабочей силѣ семей, количеству скота, всѣ добытые продукты помѣщаются въ общинныхъ амбарахъ и затрачиваются на пользу всей общины. Или возьмемъ для примѣра болѣе простой процессъ—пастьбу скота: и здѣсь общинное начало проявляется во всей чистотѣ. Скотъ принадлежитъ отдѣльнымъ домохозяевамъ на правѣ частной собственности, но пастьба совершается на общинной землѣ, пастухами, которыхъ нанимаетъ, оплачиваетъ и содержитъ вся община. Но въ общинѣ можно наблюдать и иное отношеніе къ орудіямъ производства. Усадебная осѣдлость, вся движимость—орудія, скотъ—принадлежатъ общинникамъ на правѣ частной собственности; трудъ производится домохозяевами безъ всякой связи съ сосѣдями, при содѣйствіи только членовъ семьи; все, добытое трудомъ, образуетъ достояніе отдѣльныхъ членовъ. Во всѣхъ такихъ проявленіяхъ хозяйственной жизни общинное начало обнаруживается очень слабо; но и здѣсь мы можемъ съ полнымъ правомъ говорить объ общинной формѣ производства или, по меньшей мѣрѣ, о формѣ производства, запечатлѣнной общиннымъ началомъ. Хотя орудія и скотъ принадлежатъ общиннику на правѣ частной собственности, однако, онъ не можетъ пользоваться ими въ производствѣ, какъ частный собственникъ, ибо система работъ, сроки для ихъ выполненія установляются всѣмъ строемъ общинной жизни. Отводя такимъ образомъ общинной формѣ производства самостоятельное мѣсто на ряду съ другими формами, мы должны отмѣтить, что она является очень удобной почвой для развитія въ ея нѣдрахъ и другихъ формъ. И это понятно. Формы, о которыхъ мы упомянемъ ниже, или захватываютъ участниковъ только въ процессахъ труда, или же подчиняютъ себѣ нѣкоторые, но далеко не всѣ стороны ихъ жизни; онѣ служатъ преимущественно хозяйственнымъ цѣлямъ; община же—по тѣмъ историческимъ силамъ, которыя создали ее, представляетъ маленькій міръ; ея хозяйственное значеніе велико, но велико также ея финансовое и административное значеніе, а въ прошломъ—политическое и религіозное. Многосторонность и разнообразіе этого міра открываютъ внутри общины широкій просторъ для разныхъ формъ производства. Отдѣльные общинники, насколько общинный трудъ не предъявляетъ запроса на ихъ силы, ведутъ производство, или исключительно семьями, или артелями, или на началѣ хозяйскомъ, частнокапиталистическомъ.

3) *Въ семейномъ* производствѣ, которое принято называть также *кустарнымъ*, личныя отношенія между производителями основываются на семейной, родственной связи, имѣющей принудительный характеръ. Нѣкоторые писатели считаютъ вторымъ отличительнымъ признакомъ этой формы то, что производители владѣютъ орудіями и матеріалами; мы думаемъ, что нельзя считать этотъ признакъ существеннымъ. Семейная форма производства въ земледѣліи выражается или тѣмъ, что земля, тѣмъ болѣе движимость, принадлежитъ семьѣ на правѣ частной собственности, или же въ томъ, что земледѣлецъ со своей семьей работаетъ на арендуемомъ участкѣ. Хозяйственныя и культурныя послѣдствія одного и другого не одинаковы; но форма производства должна быть въ обоихъ случаяхъ признана семейною, если рабочія силы, участвующія въ производствѣ, связаны между собою семейными узами. То же скажемъ мы объ этой формѣ въ обработывающей промышленности. При семейной организаціи промысла орудія и матеріалы часто принадлежатъ производителямъ; но эта форма уживается и съ такимъ порядкомъ, при которомъ семья — производительница получаетъ отъ предпринимателей орудія и матеріалы и сдаетъ имъ готовыя издѣлія. Родъ сырья, мѣсто его добыванія, измѣнчивыя условія сбыта опредѣляютъ отношеніе, въ которомъ производящая семья стоитъ къ орудіямъ и матеріаламъ.

4) *Артельное производство* имѣетъ слѣдующія отличительныя особенности. 1) Члены артели связаны договоромъ. 2) Они участвуютъ въ дѣлахъ артели, какъ лица равноправныя. 3) Они отвѣтствуютъ круговою порукой по всѣмъ дѣламъ союза. 4) При веденіи промысла они участвуютъ или только трудомъ, или трудомъ и капиталомъ.

5) *Хозяйское или частнокапиталистическое* производство принимаетъ форму единоличныхъ и многоличныхъ предпріятій. Всѣмъ имъ свойственъ одинъ общій признакъ: отдѣленіе труда отъ капитала и соединеніе представителей труда и капитала на началахъ формально свободнаго договора. Капиталъ принадлежитъ одному лицу или многимъ. Нерѣдко хозяева вовсе не участвуютъ въ производствѣ личнымъ трудомъ, а поручаютъ наемнымъ людямъ руководство предпріятіемъ, подобно тому, какъ физическій трудъ исполняется наемными работниками. Раздѣльность труда и капитала въ хозяйскомъ производствѣ ведетъ къ тому, что всѣ цѣнности, созданныя предпріятіемъ, составляютъ собственность его владѣльца, а работники получаютъ только заранѣе точно условленную наемную плату. Къ этой группѣ примыкаютъ также производства общественныхъ союзовъ — города, земства, государства. Подобно тому, какъ въ

частныхъ предпріятіяхъ, и здѣсь мы находимъ раздѣльность труда и капитала, рѣзкую грань между хозяиномъ (казна, городъ) и работниками. Формальное сходство становится полнымъ тожествомъ, когда казна или городъ ведетъ предпріятія, для полученія наибольшаго дохода. Но когда государство или единица самоуправленія ведетъ предпріятіе изъ соображеній общественной пользы и не стремится къ барышу (устроиваетъ бездоходную желѣзную дорогу, образцовую фабрику, банкъ для выдачи частнымъ лицамъ ссудъ на исключительно выгодныхъ условіяхъ), тогда государственное или общественное производство *по духу*, принципіально отличается отъ частнокапиталистическаго. О полезности и необходимости государственнаго производства мы будемъ подробнѣе говорить въ другомъ мѣстѣ.

Эти предварительныя замѣчанія облегчатъ намъ болѣе подробное ознакомленіе съ формами производства. Рабовладѣльческое хозяйство представляетъ только историческій интересъ. Не останавливаясь на немъ, мы начнемъ съ изученія общины.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Общинное землевладѣніе.

Литература: а) Для общаго теоретическаго и историческаго ознакомленія съ общиною: *Ковалевскій*. Общинное землевладѣніе. 1877. *Его же*. Первобытное право. 1886. *Зиберъ*. Очерки первобытной экономич. культуры. 1883. *Спенсеръ*. Основанія соціологіи, 2 т. *Летурно*. Эволюція собственности. 1889. *Иванюковъ*. Курсъ. *Laveleye*. De la propriété et des ses formes primitives, 4 изд. 1891. *Maurer*. Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadtverfassung. 1853. *Его же*. Geschichte der Markverfassung 1856. *Jnama-Sternegg*. Deutsche Wirthschaftsgeschichte, 2 т., 1879—91. *Lamprecht*. Deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter, 4 т. 1886. *Maine*. Village communities in the East und West. 1876. *Hansen*. Agrarhistorische Abhandlungen, 213. 1880—84. *Hacce* Сельская община въ Англіи. 1875. *Seebohm*. English Village community. 1883 *Miaskowski*. Die schweizerische Allmend in ihrer geschichtlich. Entwickelung. 1879. *Лучицкій*. Поземельн. община въ Пиринеяхъ. *От. Зап.*, 1883 IX, X, XI, б) По общинному землевладѣнію въ Россіи: *Посниковъ*. Общинное землевладѣніе, 2 в. 1878. *Соколовскій*. Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. 1877. *Орловъ*. Формы крестьянскаго землевладѣнія. 1879. Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельн. общины. 1880. *Трироговъ*. Община и подать. 1872. Сельская община въ Архангельской губерніи. 1882. *Васильчиковъ кн.* Землевладѣніе и земледѣліе. *Капустинъ*. Что такое поземельная община? 1882. *Ефименко*. Изслѣдованія народной жизни. 1884. *Keussler*. Zur Geschichte u. Kritik des bäuerlich. Gemeindebes. in Russland, 3 т., 1832 — 87. *Капустинъ*. Обзоръ матеріаловъ по общинному землевладѣнію, хранящихся

въ вольноэкономич. обществѣ. *Рус. Мысль*., 1890, I, III и IV. Огромный матеріалъ содержится въ земскихъ статист. сборникахъ. Онъ сведенъ въ книгѣ *В. В.* Итоги экономич. изслѣдов. Россіи, т. I. Крестьянская община. 1882. Много данныхъ содержатъ также *Матеріалы* для изучен. эконом. быта государств. крестьянъ и инородцевъ Зап. Сибири. 1889—92. *Постниковъ.* Южно-русское крестьянское хозяйство. 1891. *Бажаевъ*, Очерки крестьянск. сел. хозяйства и земскихъ мѣропріят. въ Моск. губ. 1892. Въ *Сборникѣ матеріаловъ* для изученія общины содержится указатель журнальныхъ статей до мая 1880 года. За послѣднія 12 лѣтъ можно отмѣтить, преимущественно, слѣдующія журнальныя статьи. *Л—нъ*, Интенсивн. культура и общинн. землевлад. *Рус. Мысль*, 1881, VI. *В. В.* Очерки общиннаго землевлад. въ Россіи. *Отеч. Зап*, 1882, I, III и IV. *Исаевъ.* Передѣлы общинн. полей въ Ярослав. губ. *Земство*, 1882, № 16. *Краснопѣровъ.* Антошкина община. *Отеч. Зап.*, 1882, VI. *О—ъ.* На Ильменѣ. Земледѣльч. община. *Рус. Мысль*, 1883, IV. *Щепотьевъ.* Къ исторіи разрушен. сложн. формъ общинн. землевлад. на Сѣверѣ, *Рус. Мысль*, 1883, XII. *Исаевъ.* Община и артель. *Юрид. Вѣстн.*, 1884, I. *Добротворскій.* Поземел. община въ Орлов. уѣздѣ Вятск. губ, *Рус. Мысль*. 1884, IX. *Пругавинъ.* Къ вопр. о разруш. крестьян. общины. *Рус. Мысль*, 1884, VII. *Рева.* Городъ—община. *Юрид. Вѣстн.*, 1884, IX. *Михайловъ.* Общинн. бытъ у крестьянъ Забайкал. области. *Рус. Мысль*, 1885, XII. *Личковъ.* Къ вопр. о разлож. поземел. общины. *Юрид. Вѣст.*, 1886, III и IV. *Личковъ.* Кругов. порука и общин. землевлад. *Руск. Мысль*, 1886, X. *С—кій.* Упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ при общинномъ землевлад. *Съв. Вѣст.*, 1886. III и V. *Щепотьевъ.* Законодательство и старинн. формы землевлад. на Сѣверѣ. *Съв. Вѣст.*, 1886, II. *Его же.* Круговая порука въ бытовомъ и фискал. отношен. *Съв. Вѣстн.*, VII и VIII. *Личковъ.* Обществ. запашки. *Рус. Мысль*, 1887, III. *Пономаревъ.* Семейная община на Уралѣ. *Съв. Вѣст.*, 1887, I. *Пругавинъ.* Къ вопросу объ обществ. запашкахъ. *Съв. Вѣст.*, 1887. I, *Благовѣщенскій.* Формы землевлад. *Вѣст. Евр.*, 1888, IX. *Бѣлевскій.* Сельскохоз. основы общин. землевлад. *Юрид. Вѣст.*, 1888, IX. *В. В.* Возвыш. сельскохоз. культуры и община. *Съв. Вѣст.*, 1888, III и IV. *Дудкинъ.* Распадается ли община въ Волжско-Камскомъ краѣ. *Съв. Вѣст.*, 1888, VIII. *Чудновскій.* Алтайская поземельн. община. *Съв. Вѣст.*, 1888, IX, X и XI. *Лучицкій.* Сябры и сябринное землевлад. въ Малороссіи. *Съв. Вѣст.*, 1889, I и II. *Номикосовъ.* Общин. владѣніе въ Донскомъ краю. *Съв. Вѣст.*, 1889, VII. *Бородинъ.* Очеркъ общин. хозяйства уральск. казаковъ. *Съв. Вѣст.*, 1890, II, III, IV и V. *В. В.* Регрессивныя явленія въ общинѣ. *Съв. Вѣст.*, 1890, IX. *Гурвичъ.* Общин. землевлад. и интензивн. культура. *Юрид. Вѣст.*, 1890, I и IV. *Кауфманъ.* Очеркъ общин. порядковъ Ишимскаго округа. *Рус. Мысль*, 1890, XI. *Куликовскій.* Артельныя и мірскія запашки, сѣнокосы и зданія въ Обонежьѣ. *Рус. Мысль*, 1890, V. *Слонимскій.* Охрана крестьянск. землевлад. *Вѣстн. Евр.*, 1890, XI и XII. *А. А. К.* Хозяйственный и общинный бытъ крестьянъ. *Съв. Вѣст.*, 1891. VIII, IX и X. *Голубевъ.* Землевлад. на Алтаѣ. *Юрид. Вѣст.*, 1892, II.

I.

Почти до половины нынѣшняго столѣтія въ литературѣ господствовало мнѣніе, что частная поземельная собственность предшествовала общинному землевладѣнію. По ученію многихъ исто-

риковъ права, послѣднее возникло такимъ образомъ, что поселяне, жившіе хуторами, при которыхъ они имѣли земельныя угодья въ одной окружной межѣ, для большей безопасности, переносили свои постройки, селились деревнями и, взамѣнъ отдѣльныхъ участковъ, получали надѣлы изъ общинной земли. Только около половины настоящаго вѣка изслѣдованія Маурера, Гансена и другихъ писателей поколебали это ученіе. Было доказано, что въ старину землею владѣли не отдѣльныя лица, а роды и племена, что общинное землевладѣніе предшествовало частному. Было разсѣяно наивное заблужденіе славянофиловъ, будто земельная община составляетъ принадлежность исключительно русской жизни. Дальнѣйшія работы надъ строемъ жизни первобытныхъ обществъ привели къ убѣжденію, что общность имуществъ является необходимымъ спутникомъ низшихъ ступеней культуры и что частная собственность явилась слѣдствіемъ очень медленнаго процесса, постепенно уменьшавшаго разряды вещей, которыя оставались въ общемъ владѣніи.

Въ Австраліи, Америкѣ и Африкѣ есть дикія племена, у которыхъ не только земля, но и всѣ движимыя вещи принадлежатъ всѣмъ членамъ общины. Однородность труда, отсутствіе раздѣленія занятій ведутъ къ общности имуществъ и общему потребленію.

По мѣрѣ развитія техники и раздѣленія занятій начинаетъ возникать частная собственность; первоначально она захватываетъ движимыя вещи, но постепенно распространяется и на недвижимое имущество. По народнымъ воззрѣніямъ, трудъ служитъ источникомъ права собственности. Поэтому, право собственности на движимыя вещи, созданныя человѣческимъ трудомъ, развивается очень рано, за предѣлами исторической жизни отдѣльныхъ народовъ. Частная же собственность на землю есть продуктъ сравнительно новаго времени: Европа вступила въ средневѣковой періодъ съ господствомъ общиннаго землевладѣнія.

Новѣйшіе историки права даютъ намъ такую картину общиннаго землевладѣнія въ германской и романской Европѣ. Въ равнинныхъ мѣстностяхъ, гдѣ многія семьи могли вести хозяйство, люди селились деревнями. Въ деревнѣ каждый глава семьи получалъ дворовое мѣсто, на которомъ строилъ избу и другія строенія. Право распоряженія этимъ участкомъ очень скоро перешло въ право частной собственности. Пахотныя земли принадлежали общинѣ или маркѣ, и каждый общинникъ получалъ въ полѣ свой жребій. Общинники пользовались нѣсколько лѣтъ этими участками, а затѣмъ совершался ихъ передѣлъ. Луга также періодически передѣлялись между общинниками. Лѣса, выгоны и пустоши не дѣлились на участки, а были открыты для свободнаго пользованія

всѣхъ членовъ общины.—Тамъ-же, гдѣ гористая или болотистая мѣстность препятствовала поселенію деревнями, члены рода селились хуторами. Около каждаго хутора, вмѣстѣ съ усадебной землей и огородами, была и пашня, не поступавшая въ передѣлъ. Но общинно-земельная связь между отдѣльными хуторами выражалась въ общемъ владѣніи и пользованіи лѣсами, пастбищами, водами, дорогами. Въ общинныхъ поляхъ каждый полноправный общинникъ получалъ такую-же долю, какъ и всѣ остальные члены. Такъ какъ поля были не равнаго достоинства, то для соблюденія выгодъ всѣхъ домохозяевъ, пахотную землю дѣлили на нѣсколько коновъ, которые были во всѣхъ своихъ частяхъ однороднымъ цѣлымъ. Каждый общинникъ получалъ полосу въ каждомъ кону, чѣмъ и достигалось равенство всѣхъ членовъ въ пользованіи общинной землей. Родившіеся въ общинѣ были полноправными членами; членами становились также тѣ, кого избирали на общинныхъ сходахъ.

Общее владѣніе землей служило главною связью между членами марки. Община имѣла, по отношенію къ своей землѣ, широкія права, которыя ограничивали свободу членовъ. Она не только опредѣляла, которымъ жребіемъ можетъ владѣть каждый членъ, но и упорядочивала способы пользованія отдѣльными участками. Смѣна пахоты паромъ, время сѣва, жатвы, пастьбы—все совершалось по ея опредѣленію. Подъ ея надзоромъ огораживались отдѣльные участки.

Получая участки земли въ пользованіе, общинники имѣли и *право захвата*, *загимки* въ неподѣленной части марки. На основаніи этого права общинникъ расчищалъ въ лѣсу общины новину и огораживалъ ее или окружалъ межевыми знаками. Никто не нарушалъ его владѣнія.

Поземельная община, разложившись въ романскихъ земляхъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, сохранилась въ германскихъ до IX—X столѣтія. Обломки же общины уцѣлѣли въ Германіи до новѣйшаго времени, а въ Швейцаріи удержались еще многія черты общиннаго строя; въ горныхъ кантонахъ—Швицѣ, Ури и Унтервальденѣ,—въ собственности общинъ сохранились лѣса, пастбища. Однако, духъ равенства, отличающій первобытныя общины, уже не существуетъ въ швейцарскихъ общинахъ; одни члены общинныхъ товариществъ имѣютъ по 20—30 земельныхъ паевъ, другіе—только по $^1/_2$ и $^1/_4$. Поземельныя общины сохранились мѣстами также на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Остъ-Индіи. Въ ихъ составъ входятъ члены одного рода, происходящіе отъ дѣйствительнаго или мнимаго общаго родоначальника. Крупные роды распались на

части и каждая часть образуетъ самостоятельную общину. Каждая семья единолично пользуется участкомъ земли, тѣмъ большимъ, чѣмъ ближе связь этой семьи съ родоначальникомъ. Участки остаются во владѣніи отдѣльныхъ семей до тѣхъ поръ, пока не является надобность передѣлить ихъ, чтобы дать землю народившимся членамъ общины. Большею частію передѣлы совершаются каждыя 5—7 лѣтъ. Лѣса и пустыри состоятъ въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ рода. Родовую же общину (зуку) мы находимъ на Суматрѣ. Зуку владѣетъ зарослями и пустошами, гдѣ каждый членъ можетъ охотиться и рубить дрова. Деревня, населенная членами разныхъ зуку, владѣетъ дорогами, площадями, мечетями, водопроводами. Округу, состоящему изъ многихъ деревень, принадлежатъ крупные лѣса, рѣки, залежи сѣры. Съ согласія старѣйшинъ, члены рода допускаются къ пользованію этими участками. Въ собственности же отдѣльныхъ семей находятся дома, плодовыя деревья и обработанныя поля.

Остатки общиннаго владѣнія землей мы находили также у балканскихъ славянъ, у кавказскихъ горцевъ и многихъ другихъ народовъ. Послѣ этихъ краткихъ указаній мы перейдемъ къ болѣе подробному изученію поземельной общины въ современной Россіи. Въ западной Европѣ эта форма владѣнія землею уже давно уступила мѣсто праву частной собственности. Въ азіатскихъ странахъ она также съуживается подъ напоромъ индивидуалистическихъ началъ. Однако, при ознакомленіи съ мірскимъ строемъ русской деревни, мы будемъ имѣть случай показать, что поземельная община не есть принадлежность только низкаго экономическаго быта, что она допускаетъ развитіе и примиряется съ успѣхами сельскаго хозяйства.

II.

Мѣстныя изслѣдованія обнаружили существованіе въ Россіи такихъ видовъ общины.

1) Составныя общины или общины-волости, обнимающія нѣсколько деревень. До послѣдняго времени думали, что общины этого типа встрѣчаются исключительно въ сѣверной Россіи, но статистико-экономическія изслѣдованія, произведенныя земствами, показали, что общины этого рода сохранились и въ срединныхъ губерніяхъ. Въ Устюженскомъ у. Новгородской г. есть Городищенская волость съ населеніемъ въ 2000 душъ; ей принадлежитъ площадь земли до 30 верстъ въ поперечникѣ. Жители всѣхъ селеній этой волости пользуются безразлично выгонами и лѣсами. Иногда 2—3 селенія соединяютъ пашни и пускаютъ ихъ въ общій

передѣлъ. Въ Олонецкомъ уѣздѣ община Вагинской дачи состоитъ изъ 100 селеній, сообща владѣющихъ 200,000 дес. земли. Подобную же обширную общину представляетъ земля Уральскихъ казаковъ. 2) Наиболѣе распространенный типъ есть *община-деревня*. Предѣлы общины совпадаютъ съ предѣлами селенія; въ Московской г. таковыхъ насчитывается 94%. 3) Наконецъ, третій типъ образуютъ *раздѣльныя общины*, которыя уже предѣловъ одного селенія. Въ составъ одного селенія входитъ нѣсколько поземельныхъ общинъ; каждая имѣетъ въ собственности особую площадь земли. Иногда, ради хозяйственныхъ удобствъ, общины соединяютъ выгоны для совмѣстнаго пользованія. Общины первыхъ двухъ типовъ выработались въ далекомъ прошломъ хозяйственной жизни Россіи; а 3-й типъ долженъ быть признанъ новымъ; онъ могъ возникнуть только по прикрѣпленіи крестьянъ, когда въ одномъ селеніи были крестьяне нѣсколькихъ владѣльцевъ или же помѣщичьи вмѣстѣ съ государственными или удѣльными. Каждая группа образовала при крѣпостномъ состояніи самостоятельное цѣлое, имѣла особую площадь земли и по освобожденіи удержалась, какъ самостоятельная поземельная община.

Связь между общиной и ея членами установляется прежде всего фактомъ рожденія даннаго лица въ предѣлахъ общины. Къ законности рожденія относятся равнодушно. Община большею частью признаетъ своимъ членомъ каждаго родившагося въ ней, хотя бы и внѣ законнаго брака. Если данное лицо выросло въ семьѣ одного изъ общинниковъ, то за нимъ признается право на землю, со всѣми послѣдствіями, вытекающими изъ этого права. Помимо этого, связь установляется также пріемомъ въ общину стороннихъ лицъ, на что община имѣетъ полное право. «Приписка къ обществу» совершается чаще или рѣже въ зависимости отъ доходности земли общины, размѣра надѣла, суммы платежей и другихъ условій; она даетъ приписавшемуся или всѣ права общинника, въ томъ числѣ и право на пользованіе земельнымъ надѣломъ, или же ограниченныя права, только усадебную землю или вмѣстѣ съ ней право на пользованіе выгономъ и т. д.

Три начала установляютъ связь между общинной землей и отдѣльными членами.

А) *Захватъ, заимка.* На низшихъ ступеняхъ гражданственности захватъ является однимъ изъ обычныхъ способовъ пріобрѣтенія права собственности. Право собственности на общинную землю не можетъ быть пріобрѣтаемо, но захватъ обосновываетъ для захватившаго право болѣе или менѣе продолжительнаго пользованія, которое община можетъ пріостановить, какъ скоро нару-

шаются ея интересы. Избытокъ земли въ сѣверныхъ губерніяхъ объясняетъ распространенность тамъ захвата. Въ общинахъ Яковлевской вол. Архангельскаго у. сохранился видъ захвата. Найденныя кѣмъ либо прогалины въ лѣсу, которыя могутъ быть обращены въ сѣнокосъ, или подъ пашню, оставляются въ пользованіи заемщика до перваго раздѣла; но если онѣ составляютъ лишь небольшой участокъ, то таковой остается за владѣльцемъ на неопредѣленное время [1]). Въ нѣкоторыхъ общинахъ Кемскаго у. захваченными участками пользуются 40 лѣтъ. Въ Евдокимовской вол. Онежскаго у. лица, разработавшія пустоши, пользуются ими 15 лѣтъ. Захватъ встрѣчается и въ южныхъ многоземельныхъ гг. [2]). Захватъ не противорѣчитъ общинному землевладѣнію. Община, какъ свидѣтельствуютъ приведенные факты, не отказывается отъ права собственности на участки, поступившіе посредствомъ захвата въ распоряженіе отдѣльныхъ членовъ; она ограничиваетъ это распоряженіе извѣстнымъ срокомъ. Когда срокъ истекъ, участокъ получаетъ отъ общины назначеніе, которое она считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ.

Б) *Передѣлы земли.* Возрастающее населеніе, переходъ къ болѣе интензивному хозяйству, необходимость пользоваться всею площадью земли и отсутствіе свободныхъ участковъ, которые могли бы быть предметомъ захвата, естественно выдвигаютъ новое начало, которое и установляетъ связь между членами общины и общинной землей. Это начало—*передѣлъ*. Признавая за каждымъ членомъ право на часть общинной земли, равное праву всѣхъ другихъ членовъ, сознавая, что податныя тягости, которыя община несетъ на пользу государства и единицъ самоуправленія, должны быть пріурочены къ землѣ и въ равной мѣрѣ обременять отдѣльныхъ членовъ, община предпринимаетъ отъ времени до времени передѣлы своихъ угодій. Передѣлы примѣняются къ 1) пахотнымъ землямъ, 2) пріусадебнымъ, 3) огородамъ и 4) лѣсамъ. Мѣстами есть отклоненія, но они только въ небольшой степени измѣняютъ общую картину. Нужно различать передѣлы двоякаго рода: а) *передѣлы коренные* (общіе, черные), обнимающіе всю площадь общинной земли и б) *частные*; они распространяются только на часть площади и касаются только части домохозяевъ. Частнымъ передѣламъ подвергаются только пахотныя и пріусадебныя земли.

Община является самостоятельной финансовой единицей: она отвѣчаетъ круговой порукой за исправный взносъ платежей и отбываніе натуральныхъ повинностей. Единицей, при установленіи платежей, служитъ *ревизская душа*; вся площадь земли, находящаяся во владѣніи общинъ, равна числу ревизскихъ душъ,

помноженному на число десятинъ, составляющихъ душевой надѣлъ. Государство, какъ субъектъ финансовыхъ правъ, видитъ въ общинѣ только сумму ревизскихъ душъ, на которыхъ лежатъ извѣстные сборы. Въ силу этого для общины является, повидимому, необходимость предоставлять каждому домохозяину въ пользованіе участокъ земли, соотвѣтствующій числу ревизскихъ душъ въ его дворѣ. Еслибы община не была самостоятельнымъ органомъ финансоваго управленія, то такой порядокъ, пожалуй, и былъ-бы преобладающимъ. Но, имѣя право по собственному усмотрѣнію раскладывать всю сумму платежей на своихъ членовъ, община держится, при распредѣленіи земли, различныхъ руководящихъ началъ. 1) Ревизская душа, т. е. каждая душа мужескаго пола, записанная при X-ой ревизіи, не имѣетъ дѣйствительнаго существованія. Хозяйственныя силы и платежная способность каждаго двора выражаются членами семьи, находящимися въ возрастѣ полной рабочей силы. Такимъ образомъ получается первая единица при передѣлахъ— надѣленіе дворовъ землей по *работникамъ* мужескаго пола. Сюда же примыкаетъ сходное въ принципѣ распредѣленіе земли *по тяглам*ъ.—Тягломъ при крѣпостномъ правѣ называлась рабочая сила, представляемая мужчиной и женщиной (иначе говоря, мужемъ и женой); мѣстами, при распредѣленіи земли, принимаются въ разсчетъ взрослые работники обоего пола. При такомъ порядкѣ финансовыя тягости всѣхъ видовъ и наименованій—а всѣ онѣ, какъ было замѣчено, пріурочиваются къ землѣ—ложатся равномѣрно на все рабочее населеніе общины. Проводя этотъ принципъ, община считается съ естественными условіями возраста, ограничиваетъ полную рабочую силу 18 и 55 или 60 годами и считаетъ лицъ моложе 18 и старше 55 или 60 неспособными къ работѣ, ко взносу платежей, а стало быть и неимѣющими права на пользованіе общинной землею. Мѣстами въ распредѣленіе земли и платежныхъ тягостей вносятся болѣе дробныя вычисленія: мальчики 13, 14, 15 лѣтъ, старики 65, 70 лѣтъ признаются равными $^1/_2$, $^1/_4$ работника, получаютъ соотвѣтственно съ этимъ количество земли и несутъ финансовыя тягости. Не трудно понять, что работникъ служитъ единицей при распредѣленіи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ доходность земли ниже платежей; только тамъ выгоды всѣхъ домохозяевъ требуютъ старательнаго соразмѣренія участковъ съ рабочей силой семьи; только тамъ пользованіе землей является не правомъ, а преимущественно обязанностью; только тамъ лица, не достигшія 18 лѣтъ, имѣютъ основаніе противиться наложенію на нихъ надѣла, а переступившія за 60 лѣтъ—требовать освобожденія ихъ отъ земли. Община, надѣляя каждую семью

такимъ количествомъ земли, какое соотвѣтствуетъ числу взрослыхъ работниковъ, безошибочно заключаетъ, что гдѣ больше рабочихъ силъ, тамъ больше и средствъ для удовлетворенія потребностей, больше возможности пополнить сторонними заработками пробѣлы, которые оставляетъ сельское хозяйство. Свѣдѣнія относительно неплодородной полосы подтверждаютъ наше предположеніе. Въ Московской г. преобладаетъ распредѣленіе земли «по работникамъ». То же находимъ мы въ Петербургской, разныхъ мѣстахъ Ярославской, Рязанской, Костромской, Тверской губ. 2) Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ доходы отъ земли выше платежей, при передѣлахъ держатся большею частію другой единицы. Землей не тяготятся. Если въ семьѣ и много ревизскихъ душъ, а число работниковъ незначительно, то возможность уплатить подати доходами отъ земли побуждаетъ отдѣльныхъ общинниковъ крѣпко держаться за надѣлъ и противиться стремленію общины взять у нихъ часть земли для передачи въ пользованіе другихъ домохозяевъ. Здѣсь земля распредѣляется по *ревизскимъ душамъ*: каждый дворъ получаетъ надѣлъ соотвѣтственно числу ревизскихъ душъ, которыя лежатъ на немъ. Таковъ порядокъ въ большинствѣ мѣстностей черноземной полосы: въ Тамбовской губерніи земля распредѣляется по ревизскимъ душамъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ міръ отбираетъ у общинниковъ надѣлы; то же встрѣчаемъ въ разныхъ мѣстахъ Рязанской, Тульской гг., въ тѣхъ общинахъ Московской г., гдѣ доходы отъ земли превышаютъ платежи. 3) Принимается *смѣшанная единица*: число взрослыхъ работниковъ и другія условія, которыя свидѣтельствуютъ о степени благосостоянія крестьянскаго двора—количество скота, выгодность промысла, коимъ занимается семья. Въ Московской г. эта система примѣняется въ 21% всѣхъ общинъ и преимущественно у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, гдѣ между доходами отъ земли и платежами нѣтъ такого рѣзкаго несоотвѣтствія, какъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Мы находимъ эту систему и во многихъ селеніяхъ Петергофскаго уѣзда. Повидимому, она примѣняется въ тѣхъ общинахъ нечерноземной Россіи, гдѣ крестьяне умѣренно обременены платежами. 4) Есть, наконецъ, и еще одна система—распредѣленіе земли *по ѣдокамъ*. Въ 1880 г былъ произведенъ передѣлъ въ 6 общинахъ Тульскаго у. по ѣдокамъ: «основаніемъ для передѣла послужилъ всякій наличный мужской и женскій членъ семьи... безъ всякаго различія возраста... Всякій членъ семьи, по выраженію крестьянъ «ѣдокъ», получилъ по полъ-надѣла» [3]). Мы имѣемъ мало подобныхъ указаній и затрудняемся сдѣлать какое-либо обобщеніе, однако, есть основаніе предположить, что распре-

дѣленіе земли по ѣдокамъ требуетъ наличности двухъ условій: 1) дохода отъ земли, превышающаго платежи, и 2) преобладанія въ общинѣ демократическихъ стремленій, т. е. образованіе большинства голосовъ тѣми общинниками, которые находятся приблизительно въ одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ. Отсутствіе перваго сдѣлало бы распредѣленіе земли по ѣдокамъ крайне обременительнымъ для многихъ членовъ, отсутствіе же второго выдвинуло бы на первое мѣсто интересы болѣе состоятельныхъ домохозяевъ, выгоды которыхъ требуютъ распредѣленія земли по ревизскимъ душамъ.

Поля общины не представляютъ однороднаго цѣлаго. Свойство почвы, разстояніе отъ селенія, вертикальный разрѣзъ и многія другія условія неодинаковы и, при довольно обширной площади, общинныя поля всегда состоятъ изъ участковъ, далеко не равноцѣнныхъ въ хозяйственномъ отношеніи. Раздѣлъ полей между всѣми общинниками на равные участки былъ бы крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ. Отводъ каждому общиннику только одного участка, размѣры котораго были бы приведены въ точное соотвѣтствіе съ качествомъ почвы и другими важными для сельскаго хозяйства особенностями, представляется практически неосуществимымъ, такъ какъ требуетъ сложныхъ пріемовъ оцѣнки. Поэтому, община разбиваетъ свои поля на столько коренныхъ участковъ, что каждый въ отдѣльности представляетъ однородное цѣлое. Слѣдуетъ [4]) отмѣтить 7 главныхъ условій, которыя имѣетъ въ виду община при раздѣлѣ полей на основные участки. 1) Бо́льшая или меньшая отдаленность участка отъ усадебной осѣдлости. 2) Качество почвы, заставляющее выдѣлять въ особые коны участки земли исключительно лучшаго или худшаго достоинства сравнительно съ остальными. 3) Доступность для потравъ, заставляющая выдѣлять въ особые коны земли, которыя постоянно подвергаются потравѣ. 4) Неправильность очертанія нѣкоторыхъ обрѣзковъ, образующихъ непрямоугольныя фигуры. 5) Несмежность нѣкоторыхъ участковъ пахотной земли съ остальными полями. 6) Особое отношеніе крестьянъ къ какому-нибудь участку, напримѣръ, участокъ, купленный сверхъ надѣла, часто образуетъ особый конъ. 7) Мѣстоположеніе участка, его холмистость или низменность, а потому большая или меньшая легкость его обработки [5]). Чѣмъ меньше община, тѣмъ меньше потребность дѣлить пашни на нѣсколько коренныхъ участковъ, ибо тѣмъ болѣе земля однородна. Коренные участки носятъ разныя наименованія — *конъ*, *ярусъ*, *холстъ*, *столбъ*, *прясло* въ средней Россіи, *мѣра*, *четь* — въ Архангельской г. и другія. Число коновъ зависитъ отъ особен-

ностей пахотной земли, и отдѣльныя общины представляютъ въ этомъ отношеніи чрезвычайное разнообразіе. Орловъ вычислилъ для 800 общинъ Московской г. по 11 коновъ въ каждомъ полѣ, т.-е. 33 во всѣхъ 3 поляхъ. Давая отдѣльнымъ общинникамъ участки въ каждомъ изъ коновъ, община поддерживаетъ начало равенства [6]). Въ небольшихъ селеніяхъ каждый работникъ или душа образуетъ самостоятельную единицу, которой и нарѣзывается надѣлъ въ каждомъ кону. Въ большихъ селеніяхъ вся община разбивается на нѣсколько группъ съ равнымъ числомъ членовъ, каждая группа получаетъ часть кона, и раздѣлъ по душамъ или работникамъ производится уже самостоятельно въ предѣлахъ каждой группы. Группы обозначаются названіями *осьмакъ*, *десятина*, *третъ* и др. Образованіе осьмаковъ доставляетъ большимъ общинамъ значительныя выгоды: 1) при отбываніи государственныхъ и мірскихъ повинностей можно вести счетъ не по дворамъ, что было бы крайне сложно, а по осьмакамъ, которые сами вѣдаютъ разверстку между своими членами; 2) этимъ устраняется иногда необходимость производить коренные передѣлы: при измѣненіи семейнаго состава въ какомъ-либо осьмакѣ, равенство можетъ быть возстановлено частнымъ передѣломъ, между членами даннаго осьмака; 3) иногда достигаются и хозяйственныя выгоды: коны нерѣдко бываютъ такой величины, что отдѣльнымъ хозяевамъ достаются очень узкія полосы, затрудняющія обработку; въ этомъ случаѣ нѣсколько членовъ осьмака соединяютъ свои полосы и дѣлятъ ихъ поперекъ, причемъ надѣлъ каждаго становится шире. Наименьшая ширина полосы на ревизскую душу составляетъ 3 аршина, а такъ какъ въ среднемъ дворѣ не менѣе 2 душъ, то почти никогда не приходится менѣе 6 аршинъ на 1 дворъ. Наибольшая ширина — 20 аршинъ на 1 душу. Есть указанія на очень мелкія полосы: въ шелашеской общинѣ Шенкурскаго у. площадь полосъ составляетъ 8—40 кв. саж. Передѣлы совершаются обыкновенно предъ вывозкой навоза въ паровое поле, т. е. въ іюнѣ, и всѣ 3 поля передѣляются въ теченіе 3 лѣтъ. — Таковы общераспространенные порядки. Но есть и исключенія: во многихъ общинахъ Кузнецкаго у. сроки передѣловъ не одинаковы для пашней унавоженныхъ и неудобряемыхъ; послѣднія передѣляются ежегодно, а первыя — гораздо рѣже. *Передѣлы сѣнокосовъ* въ принципѣ мало отличаются отъ передѣловъ пахотной земли: вся площадь луговъ дѣлится также на коны, а послѣдніе, въ зависимости отъ размѣровъ общины, распредѣляются по осьмакамъ или по домохозяевамъ. *Пріусадебныя земли*, составляющія наиболѣе цѣнную часть крестьянскаго надѣла, также поступаютъ въ

передѣлъ. Такъ какъ домохозяинъ особенно дорожитъ пріусадебнымъ участкомъ, на которомъ разводятся огородъ, коноплянникъ, садъ, то общины большею частію (напр., въ Московской г.) передѣляютъ пріусадебныя земли такимъ образомъ, что полоса, непосредственно прилегающая ко двору, остается за домохозяиномъ, а ему, соотвѣтственно съ измѣненіемъ въ числѣ душъ или работниковъ, дается прирѣзка въ другомъ мѣстѣ или же дѣлается отрѣзка окраины его пріусадебнаго участка.—*Если передѣлу* подлежитъ *крупный лѣсъ*, въ которомъ деревья не одинаковаго качества, то ихъ группируютъ, а затѣмъ уже каждая группа дѣлится по осьмакамъ и дворамъ; если раздѣлу подлежитъ мелкій лѣсъ или кустарникъ, то его разбиваютъ на полосы, дѣлянки, а полосы дѣлятся по осьмакамъ и душамъ.

Такъ производятъ коренные передѣлы. Почти вездѣ замѣчается стремленіе производить ихъ не слишкомъ часто. Коренные передѣлы имѣютъ ту невыгоду, что ломаются борозды между полосами поросшія травой; многія борозды послѣ такой ломки оказываются среди полей, а это препятствуетъ обработкѣ. Но очень рѣдкіе передѣлы въ двухъ отношеніяхъ нарушаютъ интересы отдѣльныхъ общинниковъ. 1) Если доходы отъ земли ниже платежей, то отдѣльные дворы, съ уменьшеніемъ числа работниковъ, являются чрезмѣрно обремененными; 2) если доходы земли выше платежей, то, при увеличеніи семьи и числа работниковъ, въ менѣе выгодномъ положеніи оказываются тѣ домохозяева, у которыхъ мало земли. Уравненію способствуютъ *частные передѣлы*; они распространяются только на часть общинной земли и касаются только группы домохозяевъ. Частные передѣлы примѣняются только къ пахотнымъ и пріусадебнымъ землямъ. Для луговъ они не нужны, ибо въ большинствѣ случаевъ луга дѣлятся ежегодно; лѣса же, по самому своему характеру, допускаютъ только коренные передѣлы. Способы частныхъ передѣловъ состоятъ въ слѣдующемъ: а) Если двору А нужно дополучить такое же количество земли, какое нужно, при измѣненіи въ семейномъ составѣ, сложить съ двора Б, то, въ случаѣ достаточной широты полосъ, отъ надѣла Б отрѣзывается соотвѣтствующее количество земли и передается въ пользованіе А; если измѣненія въ семейномъ составѣ этихъ дворовъ совершились въ одинаковой степени, но въ обратномъ направленіи, то уравненіе достигается еще легче: А и Б мѣняются своими надѣлами. б) Надѣлы, остающіеся свободными, «упалыми», держатели которыхъ или вовсе вышли изъ лѣтъ, или умерли, поступаютъ въ міръ. Если земля доходна, то въ общинѣ всегда найдется охотникъ взять такой надѣлъ и уплачивать міру арендныя деньги. Въ случаѣ низ-

кой доходности земли, міръ разбиваетъ эти надѣлы по осьмакамъ, а затѣмъ по душамъ, равномѣрно раскладывая на всѣхъ домохозяевъ. Конечно, если освобожденіе надѣловъ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда въ отдѣльныхъ семьяхъ подрастаютъ новые члены, то на этихъ новыхъ работниковъ и налагаются свободные надѣлы. Такіе же способы примѣняются и къ передѣламъ пріусадебной земли.

Сроки коренныхъ передѣловъ различны. Болѣе или менѣе частые передѣлы полей зависятъ отъ слѣдующихъ условій. 1) Отъ системы хозяйства. Хозяйство, гдѣ къ землѣ прилагается мало труда и въ почву вносится мало удобренія, легче допускаетъ частые передѣлы, нежели хозяйство, болѣе интензивное. 2) Отъ состоянія хозяйства. При каждой системѣ хозяйства, оно можетъ быть болѣе или менѣе выгодно, населеніе можетъ имѣть больш или меньше сторонних заработковъ, а, стало быть, больше или меньше связано съ интересами земледѣлія. Чѣмъ лучше ведется хозяйство на общинной землѣ, чѣмъ большую важность имѣетъ оно въ бюджетѣ доходовъ поселянина, тѣмъ менѣе склонна община къ частымъ передѣламъ и наоборотъ. 3) Отъ живучести общиннаго начала. Если въ общинѣ крѣпко держится убѣжденіе, что земля должна быть равномѣрно распредѣляема между общинниками, то передѣлы совершаются чаще, нежели въ общинахъ, гдѣ преобладаетъ противоположное направленіе. Послѣднее условіе можно примѣнить, главнымъ образомъ, къ общинамъ въ плодородныхъ губерніяхъ, ибо тамъ интересы отдѣльныхъ домохозяевъ выигрываютъ отъ неравномѣрнаго распредѣленія общинной земли. Въ мѣстностяхъ же мало плодородныхъ личные интересы страдаютъ не отъ недостаточнаго надѣла семьи, а отъ надѣла слишкомъ большого, съ которымъ сопряжена и большая сумма платежей. Къ главнымъ условіямъ присоединяются и разныя другія, имѣющія мѣстное значеніе. Вотъ почему коренные передѣлы не одинаково часты въ разныхъ общинахъ. Наиболѣе частыми нужно считать передѣлы при 3-польномъ хозяйствѣ каждые 3 года [7]), а при залежномъ или же среднемъ между залежнымъ и 3-польнымъ, но безъ удобренія, — каждый годъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ для 2192 общинъ Ярославской г., только въ 33 общинахъ передѣлы совершаются каждые 3 года, а это составляетъ 1,5% всей массы изслѣдованныхъ общинъ [8]). Для Московской г. мы имѣемъ 456 общинъ (11% общаго числа), гдѣ поля поступали въ коренной передѣлъ каждые 3 года или и чаще. Въ Кузнецкомъ у. Саратовской г. многія общины передѣляютъ поля ежегодно. Но въ большинствѣ случаевъ передѣлы совершаются гораздо рѣже—черезъ 6, 9, 12

лѣтъ и болѣе. Въ 2703 общинахъ Московской г. (60% всѣхъ извѣстныхъ общинъ) передѣлы совершаются черезъ 12—20 лѣтъ. Средній промежутокъ между передѣлами Орловъ вычислилъ въ $12^1/_2$ лѣтъ для Московской г.; я вычислилъ его для Ярославской г.— въ $13^1/_2$ лѣтъ. Вѣроятно, и для другихъ мѣстностей нечерноземной Россіи промежутокъ составляетъ 12—15 лѣтъ.—Совсѣмъ иную картину находимъ мы въ черноземныхъ губерніяхъ. Стремленіе удержать за собой возможно большее количество земли на столько сильно, что очень рѣдко обращаются къ кореннымъ передѣламъ, и промежутки между двумя передѣлами становятся все болѣе значительны. Въ Борисоглѣбскомъ у. коренные передѣлы совершаются только при ревизіяхъ. Мѣстные статистики утверждаютъ, что среди государственныхъ крестьянъ замѣчается стремленіе передѣлить землю; у крестьянъ же помѣщичьихъ рѣшительно незамѣтно наклонности къ кореннымъ передѣламъ. Во многихъ мѣстностяхъ Рязанской г. коренные передѣлы также крайне рѣдки; послѣдніе были произведены при выходѣ изъ крѣпостной зависимости или при X ревизіи. Рѣдки передѣлы и въ Курской г. Въ большинствѣ селеній Курскаго у. послѣдній былъ произведенъ при X ревизіи. — Такъ какъ кореннымъ передѣломъ стремятся обыкновенно сгладить всѣ неравенства, которыя вкрались въ жизнь общины, то въ него поступаютъ поля и пріусадебныя земли. Вытекая изъ необходимости устранить чрезполосицу, которая увеличивается вслѣдствіе частныхъ передѣловъ, крестьяне приступаютъ къ кореннымъ передѣламъ только въ случаѣ надобности и не установляютъ срока для ихъ совершенія. Иногда же установляется срокъ. Въ Ярославской г. намъ извѣстны 10 общинъ, гдѣ при передѣлѣ установляется срокъ будущаго передѣла. Въ Московской г. извѣстны 483 общины, въ которыхъ установлены сроки для передѣловъ. Сроки установляются, главнымъ образомъ, въ тѣхъ общинахъ, гдѣ прежде передѣлы производились слишкомъ часто.—Сѣнокосы поступаютъ въ передѣлъ ежегодно—таковъ общераспространенный порядокъ. Такъ какъ трава растетъ безъ всякихъ затратъ труда и капитала, то порядокъ этотъ весьма понятенъ. Но есть и исключенія: мѣстами лучшіе луга передѣляются чрезъ нѣсколько лѣтъ, а худшіе—ежегодно: въ заозерской общинѣ Крестецкаго у. Новгородской г. хорошіе сѣнокосы «степенные логи» передѣляются только при ревизіи, а остальные ежегодно. Во многихъ общинахъ Мезенскаго у. сѣнокосы дѣлятся черезъ 10 лѣтъ. Наконецъ, сроки передѣла лѣсовъ и кустарниковъ зависятъ отъ обилія этихъ угодій во владѣніи общинъ, потребностей (послѣ пожаровъ немедленный передѣлъ).

Частные передѣлы возстановляютъ равенство между общинниками, нарушенное въ промежуткахъ между коренными передѣлами. Понятно, что для нихъ нѣтъ какихъ-либо опредѣленныхъ сроковъ. Чѣмъ ниже доходность земли, тѣмъ охотнѣе обращаются къ частнымъ передѣламъ. Это очень опредѣленно выражается слѣдующими словами одного жителя Ярославской губерніи, давшаго отвѣты на программу по общинному землевладѣнію: «послѣ 10-й ревизіи было много мелкихъ передѣловъ пашни у домохозяевъ между собою, какъ-то: скидки и накладки душевыхъ надѣловъ; послѣ убыли или прибыли дѣлаютъ уравненіе между собой» [9]). Наоборотъ, въ плодородныхъ мѣстностяхъ и частные передѣлы производятся крайне рѣдко.

В) *Общему пользованію* подлежатъ выгоны, а въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, богатыхъ лѣсомъ—и лѣса. Раздѣлъ выгоновъ для единоличнаго пользованія неудобенъ и даже почти невозможенъ, ибо онъ былъ бы сопряженъ или съ необходимостью многократно увеличить надзоръ за скотомъ, или же съ огораживаніемъ участковъ, а то и другое потребовало бы излишнихъ расходовъ. Наконецъ, въ общемъ пользованіи находятся воды, служащія для рыбной ловли и другихъ цѣлей. Тамъ же, гдѣ водное богатство составляетъ главное имущество общины, гдѣ хлѣбопашество не ведется, относительно пользованія водами соблюдается извѣстный порядокъ, напоминающій передѣлы земли. Въ пустозерской волости Мезенскаго уѣзда нѣтъ хлѣбопашества; общины раздѣляются на группы, соотвѣтственно числу принадлежащихъ имъ озеръ и поочередно въ теченіе года пользуются каждымъ озеромъ.

Г) *Въ наслѣдственномъ владѣніи* отдѣльныхъ общинниковъ находятся усадебныя мѣста, т.-е. дворъ съ избой и другими строеніями. Общинное владѣніе не примѣняется къ этимъ угодьямъ; они передаются по наслѣдству, и только при отчужденіи усадебной земли стороннимъ лицамъ община ставитъ извѣстныя преграды.

Связь членовъ общины по землѣ вызываетъ къ жизни такія хозяйственныя задачи, которыя могутъ быть наилучшимъ образомъ рѣшены не отдѣльными лицами, а всѣмъ міромъ. Для улучшенія общинной земли предпринимаютъ осушеніе луговъ, болотъ; міръ беретъ на себя также рытье прудовъ для водопоя или другихъ цѣлей, сооруженіе изгородей, предохраняющихъ поля и другія угодья отъ потравы. Орловъ приводитъ для Московской г. до 15 извѣстныхъ ему случаевъ осушенія луговъ и болотъ посредствомъ канавъ, причемъ прорытіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, распространяясь на нѣсколько верстъ, стоило нѣсколько сотъ рублей. Въ Ярославской г. извѣстны случаи работъ въ 265 сельскихъ обществахъ

стоимостью до 10000 р. Главныя работы состояли въ прорытіи осушительныхъ канавъ, которыхъ проведено слишкомъ 167 верстъ. Кромѣ канавъ, вырывались пруды, производились расчистки кустарниковъ, поднятіе новей. Къ показанному расходу въ 10000 руб. нужно прибавить работы, произведенныя трудомъ самихъ общинниковъ; ихъ денежная цѣна не опредѣлена. Свѣдѣнія о такихъ же работахъ мы имѣемъ для Олонецкой и другихъ губерній. Въ однихъ случаяхъ каждая община совершала работы единолично; въ другихъ, при смежности осушаемыхъ луговъ, работы предпринимались сообща цѣлой группой селеній: въ 1873 г. 14 селеній Островской вол. Подольскаго у. сообща осушили луга на Москвѣ рѣкѣ. Работы были выполняемы или самими общинниками, или же наемными землекопами. Но въ обоихъ случаяхъ всѣ затраты трудомъ или деньгами распредѣлялись равномѣрно по душамъ или работникамъ, какъ и земельные надѣлы. Тѣми же началами руководствуются и при огораживаніи участковъ: работы исполняются отдѣльными хозяевами съ соблюденіемъ очереди, а матеріалъ доставляется міромъ. 2) Отмѣтимъ *общественныя запашки*, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ видовъ общиннаго труда. Земскіе статистики изслѣдовали больше 600 случаевъ общинныхъ запашекъ въ губерніяхъ Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Воронежской, Курской, Орловской, Симбирской и Саратовской. Наибольшее число общественныхъ запашекъ вводится для пополненія хлѣбныхъ магазиновъ. Но есть не мало случаевъ введенія ихъ и для другихъ цѣлей: сооруженія или исправленія церкви или колокольни, для выдачи жалованья священнику, содержанія училища, сиротъ или престарѣлыхъ общинниковъ. Обработка земли, отведенной для общественной запашки, производится иногда наемнымъ трудомъ, но чаще самими общинниками, причемъ работа или правильно разверстывается между всѣми домохозяевами, или исполняется каждымъ по мѣрѣ силъ; послѣднее наблюдается преимущественно въ мелкихъ общинахъ или при небольшой запашкѣ. Тамъ, гдѣ общественныя запашки были введены по предписанію мѣстной административной власти или земства, крестьяне часто относятся къ нимъ не сочувственно. Тамъ же, гдѣ населеніе ввело общія запашки по собственному побужденію или слѣдуя чьему-либо совѣту со стороны, крестьяне считаютъ эту форму труда очень полезною. Какъ бы, однако, ни относилось населеніе къ общиннымъ запашкамъ, онѣ представляются намъ необходимою въ будущемъ формою труда на общинной землѣ: дробленіе надѣловъ будетъ дѣлать единоличный трудъ домохозяевъ все менѣе выгоднымъ. 3) Общинное начало выражается также въ пріобрѣтеніи міромъ быковъ,

молотилокъ и проч. 4) Наемъ пастуха по необходимости есть дѣло общины, но отдѣльные члены покрываютъ расходъ на пастуха, строго соотвѣтственно числу головъ скота, которымъ владѣетъ каждый домохозяинъ. Между различными родами скота установляется опредѣленное отношеніе (1 корова приравнивается опредѣленному числу овецъ, козъ, жеребятъ), каждый участвуетъ въ платѣ пастуху соотвѣтственно количеству своего скота и соразмѣрно же съ этимъ даетъ пастуху обѣдать опредѣленное число разъ.— Наконецъ, жизнь общины выработала разныя формы вспомоществованія между общинниками при постройкѣ избъ послѣ пожаровъ, во время повальныхъ болѣзней и въ другихъ случаяхъ.

Укажемъ на мѣры, которыя принимаетъ община для огражденія 1) своихъ интересовъ и 2) выгодъ отдѣльныхъ членовъ.

1) Надѣлъ поступаетъ въ единоличное пользованіе домохозяина. Но земля есть достояніе общины; по истеченіи извѣстнаго срока, участокъ возвращается общинѣ, которая и можетъ, при передѣлѣ дать его другому члену. Оберегая интересы цѣлаго, община нуждается въ мѣрахъ, которыя охраняли бы ея землю отъ истощенія. Эти мѣры встрѣчаются чаще въ неплодородныхъ мѣстностяхъ, ибо тамъ связь каждаго домохозяина съ общинной землей менѣе прочна, чѣмъ въ плодородныхъ губерніяхъ. Къ числу такихъ мѣръ относятся. а) Обязательный вывозъ навоза на поля; община запрещаетъ иногда своимъ членамъ удобрять землю, купленную ими въ частную собственность прежде, чѣмъ удобренъ надѣлъ. Такія мѣры мы находимъ во многихъ общинахъ Московской губерніи. б) Такъ какъ пустыри представляютъ большія неудобства и служатъ источникомъ для распространенія сорныхъ травъ на обширной площади, то общины или аа) обязываютъ всѣхъ членовъ обработывать полосы, или бб) обработываютъ пустырь міромъ и въ наказаніе члена, запустившаго полосу, лишаютъ его какой-нибудь выгоды, напр., части сѣнокоса, или вв) отводятъ такимъ членамъ надѣлы на болѣе отдаленныхъ участкахъ, которые постепенно обращаются въ выгоны и т. п.

2) Выгоды отдѣльныхъ общинниковъ также требуютъ охраненія. Гдѣ не всѣ домохозяева старательно воздѣлываютъ землю, гдѣ отдѣльные дворы рѣзко отличаются другъ отъ друга по степени благосостоянія, тамъ даже самое тщательное выполненіе передѣла нарушаетъ интересы многихъ: одинъ вмѣсто полосы, хорошо унавоженной, получаетъ неудобренную землю; другой—вмѣсто земли, тщательно распаханной, — пустырь. Общинникамъ, чьи выгоды этимъ нарушены, община даетъ иногда денежную приплату, предоставляя получающему пользоваться ею по усмотрѣнію или же

спеціально «на навозъ». Во многихъ общинахъ Московской губерніи держатся такого порядка, что общинникъ, запустившій свой надѣлъ подъ пустырь, снова получаетъ его при передѣлѣ. Во многихъ общинахъ Холмогорскаго уѣзда домохозяинъ получаетъ отъ міра по 5—10 копѣекъ за возъ, если отъ него отходятъ полосы съ навозомъ.

III.

Постараемся же отвѣтить на вопросъ, препятствуетъ ли эта форма владѣнія землею развитію народнаго хозяйства?

Противники [10]) общиннаго землевладѣнія дѣлаютъ ему, главнымъ образомъ, слѣдующіе упреки. 1) Общинникъ работаетъ вяло и небрежно, частный собственникъ любитъ землю и старательно воздѣлываетъ ее. 2) Передѣлы полей отнимаютъ у общинниковъ охоту удобрять ихъ участки, которые могутъ быть въ близкомъ будущемъ переданы въ пользованіе сосѣда. 3) Общинное владѣніе невыгодно вслѣдствіе черезполосности участковъ и принудительной обработки. 4) Связанная съ общиною круговая порука ложится тяжелымъ бременемъ на всѣхъ исправныхъ домохозяевъ. 5) Община оказываетъ дурное нравственное вліяніе: давая каждому право на надѣлъ, она внушаетъ своимъ членамъ увѣренность, что они не умрутъ съ голода и тѣмъ уменьшаетъ ихъ заботы объ улучшеніи собственной доли. 6) Отмѣна общины не можетъ повести въ Россіи къ развитію пролетаріата, такъ какъ земли много и каждый можетъ найдти себѣ работу. 7) Удерживая у земли слишкомъ многочисленное населеніе, община препятствуетъ росту городовъ, развитію обрабатывающей промышленности и всеобщему подъему народнаго благосостоянія.

Посниковъ въ своемъ превосходномъ трудѣ «Общинное землевладѣніе» отвѣтилъ на нѣкоторые упреки. Онъ сравнилъ положеніе общинника съ положеніемъ фермера. Оба не владѣютъ обрабатываемой землей на правѣ собственности: одинъ пользуется землею частныхъ лицъ, другой—землею общины. Передѣлъ полей имѣетъ для общинника такое же значеніе, какъ для фермера возобновленіе аренднаго договора. Но общинникъ имѣетъ ту выгоду, что можетъ во всякомъ случаѣ разсчитывать на полученіе отъ общины участка земли, тогда какъ фермера не имѣютъ этой увѣренности. Въ Англіи и Бельгіи большая часть сельско-хозяйственныхъ улучшеній выполнена фермерами. Это облегчается тѣмъ, что законъ даетъ фермеру право требовать отъ владѣльца вознагражденія за расходы, сдѣланные фермерами на улучшеніе земли. Если же фермеръ можетъ быть главнымъ двигателемъ сельскаго хозяйства, то нѣтъ

основанія думать, чтобы успѣхи хозяйства не были возможны въ общинѣ. Крупныя улучшенія на общинныхъ земляхъ (осушеніе, орошеніе, устройство плотинъ, разведеніе лѣса), должны быть, по мнѣнію Посникова, производимы на общинный счетъ, такъ какъ въ нихъ заинтересовано все населеніе общины. Раздѣлъ общинной земли между членами въ частную собственность помѣшалъ бы подобнымъ предпріятіямъ, такъ какъ многіе мелкіе собственники медленнѣе приходятъ къ соглашенію, нежели члены общины. Передѣлъ не имѣетъ вліянія на всѣ такія улучшенія. Онъ не стоитъ также въ связи съ улучшеніемъ построекъ, орудій, скота, ибо общинникъ владѣетъ этими вещами на правѣ частной собственности. Для того же, чтобы передѣлы полей не препятствовали крестьянамъ улучшать пашни, которыми они пользуются только временно, община должна вознаграждать ихъ при передѣлѣ, если они, взамѣнъ удобреннаго, получаютъ тощій участокъ.

Принудительная обработка, по мнѣнію Посникова, не связана съ общиннымъ владѣніемъ: она является слѣдствіемъ недостатка въ выгонахъ и необходимости пасти скотъ на паровомъ полѣ. Въ тѣхъ же общинахъ, которыя имѣютъ особые выгоны и гдѣ скотъ пасется въ паровомъ полѣ, принудительная обработка не существуетъ; отдѣльные домохозяева, болѣе энергичные и достаточные, могутъ не держаться той системы хозяйства, которой слѣдуетъ большинство членовъ общины.

И черезполосица не есть необходимая принадлежность только общиннаго землевладѣнія: мы встрѣчаемъ ее въ разныхъ мѣстахъ западной Европы, при полномъ развитіи частной собственности на землю. Чѣмъ болѣе дробится поземельная собственность, тѣмъ болѣе развивается черезполосица. Но черезполосность участковъ въ общинныхъ поляхъ можетъ и не быть связанной съ тѣми невыгодами, о которыхъ говорятъ противники общины. а) Если концы полевыхъ полосъ упираются въ дорогу, то общинники въѣзжаютъ на свои надѣлы съ дороги и не затаптываютъ сосѣднихъ полосъ. б) Даже при значительной черезполосицѣ, полосы не такъ узки, чтобы была затруднена тщательная ихъ обработка. в) Черезполосица не ведетъ къ потерѣ большого количества земли, такъ какъ между полосами часто вовсе нѣтъ межниковъ, а только довольно широкія борозды. г) Наконецъ, не слѣдуетъ много говорить о потерѣ времени: крестьяне работаютъ на себя и стараются терять какъ можно меньше времени при передвиженіи съ одной полосы на другую.

Вполнѣ соглашаясь съ доводами Посникова, мы признаемъ неубѣдительными и всѣ остальныя возраженія противъ общины.

Нападающіе на круговую поруку забываютъ, что ея распространеніе на финансовыя обязанности общинниковъ предъ государствомъ (именно здѣсь она всего чаще напоминаетъ о себѣ) не стоитъ въ связи съ общиннымъ владѣніемъ землей и что она ложится на исправныхъ домохозяевъ тяжелымъ бременемъ лишь тогда, когда чрезмѣрно велики податныя тягости, и средній членъ общины не въ силахъ нести ихъ. Нельзя считать вѣскимъи пятое возраженіе: оно было бы убѣдительно, еслибы община содержала своихъ нерадивыхъ членовъ; но, открывая всѣмъ, входящимъ въ ея составъ, доступъ къ землѣ, она не избавляетъ никого отъ необходимости трудиться не только для удовлетворенія скудныхъ потребностей крестьянской семьи, но даже для того, чтобы не умереть съ голоду.—Факты настоящаго и данныя исторіи опровергаютъ шестое возраженіе: они доказываютъ, что изобиліе земель вовсе не мѣшаетъ развитію пролетаріата, такъ какъ количество земли, которое предлагается къ продажѣ, еще не обезпечиваетъ для массы населенія достаточныхъ покупательныхъ средствъ, чтобы пріобрѣсти землю и обзавестись хозяйствомъ. Наконецъ, наблюденія, сдѣланныя во многихъ странахъ, убѣждаютъ, что мелкая земельная собственность постепенно поглощается крупною въ силу большей выгодности крупнаго производства. Не имѣетъ твердаго основанія и седьмое возраженіе: не обсуждая вопроса о томъ, насколько выгодно для страны быстрое возрастаніе городского населенія на счетъ деревни, мы скажемъ только, что община не можетъ препятствовать этому росту тамъ, гдѣ она не прикрѣпляетъ своихъ членовъ къ землѣ и не мѣшаетъ имъ заниматься, помимо сельскаго хозяйства, и разными другими промыслами.

Таковы наши отвѣты на общіе упреки, которымъ подвергается общинное землевладѣніе. Посмотримъ же, насколько община, въ ея нынѣшнемъ видѣ, препятствуетъ развитію русскаго народнаго хозяйства.

Свѣдѣнія, накопленныя въ литературѣ, позволяютъ оцѣнить вліяніе поземельной общины съ двухъ точекъ зрѣнія. 1) Замѣчается ли въ сельскомъ хозяйствѣ на общинныхъ земляхъ прогрессъ, который вызываетъ другія условія общественной жизни, ростъ народонаселенія, расширеніе рынковъ сбыта, улучшеніе путей и который считается несомнѣннымъ при правѣ частной собственности на землю? 2) Находится ли сельское хозяйство у русскихъ крестьянъ-общинниковъ въ худшемъ или лучшемъ состояніи, нежели на земляхъ полныхъ собственниковъ?

1) На первый вопросъ слѣдуетъ отвѣтить утвердительно. Тамъ, гдѣ хозяйство находится въ благопріятныхъ условіяхъ, оно сдѣ-

лало успѣхи и при общинномъ землевладѣніи. Хозяйство крестьянъ-общинниковъ достигло высокой степени интензивности вблизи обѣихъ столицъ: воздѣлываніе овощей, ягодъ, нѣжныхъ плодовъ, развитіе молочнаго скотоводства, усиленное удобреніе почвы, высокая производительность земли, травосѣяніе на общинныхъ поляхъ въ Московской, Тверской, Новгородской губерніяхъ—все это факты, добытые мѣстными изслѣдованіями. Сюда же относятся сообщенныя нами свѣдѣнія о работахъ, выполняемыхъ общинами для улучшенія луговъ и полей, осушеніе. Наконецъ, такое же значеніе имѣютъ и факты пріобрѣтенія общинами усовершенствованныхъ орудій, въ особенности, молотилокъ. Одни изъ этихъ фактовъ доказываютъ, что община, какъ цѣлое, стремится улучшать свое хозяйство, другіе—убѣждаютъ въ существованіи такого стремленія у отдѣльныхъ общинниковъ. 2) Станемъ на вторую точку зрѣнія. Кн. Васильчиковъ для доказательства, что общинное землевладѣніе не препятствуетъ развитію сельскаго хозяйства, сравнилъ бытъ крестьянъ Великороссіи съ бытомъ крестьянъ западнаго края, живущихъ при подворномъ владѣніи землей; такъ какъ послѣдніе живутъ не лучше и даже хуже первыхъ, то онъ сдѣлалъ заключеніе въ пользу общины [11]) Но такое заключеніе не убѣдительно, ибо крестьяне обоихъ разрядовъ раздѣлены многими сотнями верстъ и живутъ въ совершенно различныхъ условіяхъ. Гораздо большее право на выводы даетъ сравненіе Орловымъ въ предѣлахъ Московской г. крестьянъ-общинниковъ и владѣющихъ подворно. Обѣ группы живутъ въ сходныхъ условіяхъ. Независимо отъ того, что въ селеніяхъ, гдѣ установилось подворно-наслѣдственное владѣніе, замѣчается все большая неравномѣрность между отдѣльными домохозяевами и обезземеленіе многихъ «во всѣхъ селеніяхъ», какъ говоритъ Орловъ,» [12]), представляющихъ собой переходныя ступени отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному, не замѣчается улучшенія земледѣльческаго хозяйства; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ состояніи хозяйства произошелъ даже значительный упадокъ». Эти факты, однако, недостаточны: они указываютъ, что было бы слишкомъ смѣло признавать въ общинномъ землевладѣніи крупный тормазъ развитію сельскаго хозяйства, но, по своей малочисленности, не даютъ права на выводъ противоположный. Такимъ образомъ, нужно избрать иной путь для аргументированія.

Противники общины исходятъ изъ предположенія, что только сознаніе возможности произвольно распоряжаться въ данной области, развиваетъ въ человѣкѣ ту энергію, которою и объясняются всѣ промышленные успѣхи; для доказательства ссылаются на вы-

сокое состояніе сельскаго хозяйства въ западной Европѣ и приходятъ къ выводу, что право частной собственности на землю быстро подвинуло бы крестьянское хозяйство въ нашемъ отечествѣ. Такой способъ аргументированія не удовлетворителенъ.

1) Для сравненія берутся величины совершенно различныя: всѣ государства западной Европы, по племеннымъ особенностямъ населенія, густотѣ, уровню знаній, высотѣ благосостоянія, наконецъ, по своей политической и хозяйственной исторіи такъ мало походятъ на Россію, что нужно объяснять различія въ селькомъ хозяйствѣ не одной формой землевладѣнія, но и многими другими причинами. Если же мы, не выходя изъ предѣловъ нашего отечества, сравнимъ хозяйство частныхъ землевладѣльцевъ всѣхъ сословій и различной имущественной обезпеченности, въ ихъ совокупности, съ хозяйствомъ крестьянъ-общинниковъ, то не получимъ впечатлѣнія въ пользу права частной собственности на землю: хозяйство первыхъ отнюдь не стоитъ выше хозяйства вторыхъ; и у первыхъ мы замѣчаемъ не только мало интензивныя системы земледѣлія, но въ большинствѣ случаевъ и мало раціональное пользованіе каждой изъ существующихъ системъ; не слѣдуетъ забывать при этомъ сравненіи, что землевладѣльцы не крестьянскаго сословія болѣе обезпечены и менѣе обременены податными тягостями.

2) Мы думаемъ, что, при всѣхъ заключеніяхъ этого рода, праву частной собственности придается безусловное значеніе, что еще требуетъ доказательства. Хозяйственная жизнь человѣка представляетъ намъ двѣ стороны: сумму потребностей и стремленіе удовлетворить ихъ. Очевидно, первыя не связаны съ юридическимъ порядкомъ, съ тѣмъ или другимъ строемъ права собственности: при всякомъ юридическомъ порядкѣ потребности одинаково настоятельно требуютъ удовлетворенія и побуждаютъ людей къ правильному труду. Успѣшность послѣдняго зависитъ отъ порядка, создаваемаго положительнымъ правомъ, отъ того, насколько отдѣльныя правовыя вормы двигаютъ или задерживаютъ производство. Примѣняя это къ общинному землевладѣнію, мы можемъ сказать, что оно только въ томъ случаѣ ставило бы производству неодолимыя преграды, еслибы имѣло неустранимыя особенности, которыя всегда препятствуютъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Разъ мы не найдемъ такихъ особенностей, то будетъ слишкомъ близоруко признавать въ голомъ фактѣ общиннаго землевладѣнія и отсутствіи права частной собственности на землю условіе, препятствующее развитію русскаго сельскаго хозяйства. Анализируя русское общинное землевладѣніе, мы видимъ, что оно имѣетъ черты, вполнѣ соотвѣт-

ствующія особенностямъ и частнаго владѣнія землей. Сюда относится право подворной собственности на усадебную осѣдлость, избу съ ея при надлежностями, движимость, словомъ, на то имущество, исключительное право распоряженія которымъ особенно дорого душѣ человѣка [13]). Сюда же примыкаетъ извѣстное многимъ общинамъ сѣверной Россіи и освященное вѣковымъ обычаемъ отношеніе отдѣльныхъ лицъ и общинъ къ участкамъ, захваченнымъ поселянами; начало труда цѣнится высоко: кто первый приложилъ трудъ къ данному участку земли, за тѣмъ и признается право продолжительнаго и безпрепятственнаго пользованія участкомъ. Наконецъ, общее пользованіе выгонами, при невозможности, держать скотъ въ стойлѣ круглый годъ и при поселеніи деревнями, является также вполнѣ цѣлесообразнымъ. Остается пользованіе пахотными землями и именно тотъ типъ пользованія, который сводится къ передѣламъ полей. Эта особенность и служитъ для противниковъ общины главнымъ предметомъ нападокъ. Нельзя отрицать, что частые передѣлы земли, безъ всякаго уравновѣшиванія невыгодъ, которыя они причиняютъ наиболѣе рачительнымъ хозяевамъ, способны сильно препятствовать улучшенію культуры. Но множество фактовъ доказываетъ, что частые передѣлы не составляютъ отличительной особенности русской общины и что, наконецъ,—часто производятся передѣлы или рѣдко, община принимаетъ въ разсчетъ неудобства, которымъ подвергаются отдѣльные члены и старается устранить ихъ. Выше было показано, что передѣлы совершаются черезъ нѣсколько сѣвооборотовъ, въ теченіе которыхъ трудъ и капиталъ общинника, вложенные въ землю, могутъ быть возвращены, что общины чаще передѣляютъ землю неудобряемую, нежели унавоживаемую, что передѣлы примѣняются съ оосбенною осторожностью къ пріусадебнымъ землямъ, на которыя положено наиболѣе труда, что, наконецъ, хозяева, интересы которыхъ страдаютъ вслѣдствіе передѣловъ, получаютъ вознагражденіе отъ общины въ денежной или натуральной формѣ. Такимъ образомъ, община старается поставить своихъ членовъ въ условія, которыя не препятствовали бы энергіи труда.—А если такъ, то вопросъ о необходимости частнаго землевладѣнія для успѣховъ сельскаго хозяйства долженъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: если земельная обшина ставитъ своихъ членовъ въ положеніе, не препятствующее успѣшности труда, то можетъ ли тормозить успѣшность труда только одно отсутствіе права частной собственности на воздѣлываемый участокъ? На это мы даемъ отрицательный отвѣтъ 1) Потребности побуждаютъ человѣка къ напряженію рабочей сялы; оно вызывается чисто экономическими побужденіями; оно ослабѣваетъ только въ томъ случаѣ, когда человѣку

мѣшаютъ пользоваться плодами его труда, что отнюдь не является общимъ правиломъ въ строѣ русской земельной общины. Такимъ образомъ право частной собственности не связано съ производствомъ. Можно допустить, что общество, сроднившееся съ нимъ въ теченіе многихъ поколѣній, уменьшитъ энергію труда по его отмѣнѣ, но еще *нужно доказать*, что бы люди, привыкшіе вести хозяйство при господствѣ общиннаго начала, нуждались въ правѣ частной собственности на землю для увеличенія энергіи своего труда. 2) Многочисленные примѣры (представляемые цѣлыми странами) успѣшнаго веденія хозяйства съемщиками на чужихъ земляхъ, при цѣлесообразныхъ арендныхъ договорахъ, помогаютъ провѣрить наше заключеніе, полученное съ помощью дедукціи. Итакъ, факты, почерпнутые изъ жизни русской земельной общины, не доказываютъ, чтобы она была тормазомъ нашего сельскаго хозяйства. И теперь остаются въ полной силѣ доводы, высказанные еще въ 50-хъ годахъ Самаринымъ, Кавелинымъ, Кошелевымъ и другими,—что общинное землевладѣніе даетъ слабымъ хотя небольшую точку опоры и каждому, способному трудиться, открываетъ доступъ къ землѣ,—этому главному орудію производства.

Насколько же *прочно въ Россіи общинное землевладѣніе*? Есть двѣ формы разложенія общины: 1) переходъ общинниковъ къ подворному владѣнію участками и 2) выходъ отдѣльныхъ членовъ изъ общины съ выдѣленіемъ выкупленныхъ ими участковъ. — Продолжительное существованіе общины, привычка къ этой формѣ въ теченіе многихъ поколѣній объясняетъ, почему мы имѣемъ немного случаевъ полнаго нарушенія общиннаго начала въ великороссійскихъ губерніяхъ. Изъ 2192 общинъ Ярославской г., о которыхъ есть свѣдѣнія, въ 98 (4, 5% общаго числа) вовсе не бываетъ передѣловъ полей. Большая часть такихъ общинъ—55—падаетъ на Рыбинскій у. Въ Московской г. отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному перешло только 10 селеній, окончательно выкупившихъ надѣлы. Незначительное число мы находимъ и въ Петергофскомъ у. Словомъ, для нечерноземной Россіи переходъ этотъ является исключеніемъ, да и тамъ, гдѣ онъ совершился, выгоны находятся въ общемъ пользованіи и сохраняются многіе порядки, вытекающіе изъ общиннаго землевладѣнія. Хотя для черноземной Россіи мы не имѣемъ данныхъ о числѣ случаевъ перехода отъ общиннаго владѣнія къ участковому, однако, мѣстные изслѣдователи выносятъ впечатлѣніе, что переходъ этотъ совершится въ ближайшемъ будущемъ. «Что же касается крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ (говорятъ тамбовскіе статистики, характеризируя большую крѣпость общинныхъ началъ у государственныхъ крестьянъ), то здѣсь замѣ-

чаются признаки кореннаго измѣненія нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ мірского землевладѣнія. Мы полагаемъ даже, что здѣсь постепенно совершается переходъ отъ общиннаго мірского землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному» [14]). Изслѣдователи Курскаго уѣзда отмѣчаютъ фактъ, что «участки приняли тотъ же характеръ родовой собственности, какъ и у сосѣдей—четвертныхъ владѣльцевъ; мало того, переходъ ихъ по наслѣдству практикуется даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ у четвертниковъ». [15]) О степени привычки крестьянъ къ общинѣ можно судить также по отношенію къ землѣ тѣхъ общинниковъ, которые сполна выкупили свои надѣлы. *Статья 165 Положенія о крестьянахъ* гласитъ. «До уплаты выкупной ссуды выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ съ согласія міра. Но если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ казначейство всю, причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный оному участокъ, по возможности къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого общества; а впредь до выдѣла крестьянинъ продолжаетъ пользоваться пріобрѣтенною имъ частью земли въ составѣ мірского надѣла безъ взноса выкупныхъ платежей». Эта статья облегчаетъ переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному. Факты свидѣтельствуютъ, что пользованіе этой статьей принимаетъ все большіе размѣры. Данныя по отдѣльнымъ мѣстностямъ, повидимому, показываютъ, что статья 165 не играетъ замѣтной роли. Въ Московской г. 244 домохозяина выкупили 714 надѣловъ. Изъ нихъ 218 домохозяевъ пользуются своей землей на общинномъ началѣ, участки ихъ поступаютъ въ передѣлъ и т. д., 7—на началѣ смѣшанномъ, причемъ ихъ усадебная и пахотная земля выдѣлена къ одному мѣсту, а другими угодьями они пользуются вмѣстѣ съ сообщинниками; только 19 хозяевъ, т. е. 8% получили полный надѣлъ въ одной отрубной межѣ. Въ Петергофскомъ у. изъ 50 домохозяевъ, выкупившихъ надѣлы, только 10 выдѣлили ихъ къ одному мѣсту. Трироговъ собралъ свѣдѣнія въ Саратовскомъ у. о домохозяевахъ, выкупившихъ надѣлы, и не указываетъ ни одного случая, гдѣ бы выкупленный участокъ былъ отведенъ къ одному мѣсту. На ряду со всѣми другими эти участки поступаютъ въ передѣлъ, и выкупившимъ хозяевамъ дается всегда одинаковое количество земли. Однако, нельзя закрывать глаза передъ тѣмъ фактомъ, что пользованіе статьей 165 примѣняется все чаще и чаще. Въ 24 года (1884—87) выкупная сумма за эти надѣлы превысила 8 милліоновъ; они распредѣляются по 6-лѣтіямъ неравномѣрно. Въ процентномъ отношеніи поступило:

1864—69—6%, 1870—75—16%, 1876—81—30% и 1882—87—48%. [16]) Наблюденія на мѣстахъ убѣждаютъ, что отдѣльные домохозяева часто выкупаютъ надѣлы не для того, чтобы достигнуть какихъ-либо выгодъ въ веденіи хозяйства, а лишь съ цѣлью освободиться отъ круговой поруки [16]).

Крѣпость общиннаго начала во многихъ мѣстностяхъ Россіи доказывается переходомъ отъ подворнаго владѣнія къ общинному. Орловъ отмѣчаетъ 2 деревни Московской г.; въ одной отъ подворнаго владѣнія къ общинному перешли въ 1859 г., въ другой—въ 1877. Владѣніе было тамъ искони подворное, но крайняя неравномѣрность во владѣніи отдѣльныхъ дворовъ побудила перейти къ общинному. То же явленіе замѣчаемъ мы въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ колоніяхъ Россіи. Наконецъ, при арендованіи земель, большею частію также примѣняются общинныя начала.—Итакъ, общинное начало еще живуче, хотя много условій способствуетъ его ослабленію. А если община не мѣшаетъ успѣхамъ производства и уменьшаетъ имущественное неравенство, то желательно ея сохраненіе.

Но возможно ли это? Вѣдь община разложилась на Западѣ? Не должна ли она рушиться и у насъ съ дальнѣйшими успѣхами общественной жизни?

Исторія повѣствуетъ намъ, что причинами крушенія общины въ западной Европѣ послужили: 1) наслоеніе побѣдителей надъ побѣжденными племенами; 2) выдѣлъ единичнымъ лицамъ крупныхъ долей общинной земли и 3) вліяніе римскаго права. Когда совершался этотъ процессъ, государственная жизнь была проникнута началомъ сословныхъ различій. Не было слышно ни одного голоса, не могло даже зародиться ни одной мысли о томъ, чтобы сохранить общину во имя какихъ-то, чуждыхъ тому времени экономическихъ идеаловъ.

Наше положеніе совсѣмъ иное. Мы пережили эпоху, когда дѣйствовали силы, разрушившія западно-европейскую общину. Государственная власть начинаетъ понемногу сознавать, что безземельный и бездомный людъ служитъ источникомъ народнаго безсилія, а потому вопросъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ поставленъ на очередь. Въ нашей литературѣ все чаще и чаще слышатся голоса, что нужно пользоваться исторіей западной Европы для усвоенія началъ, которыя заявили о себѣ благодѣтельными послѣдствіями, и для избѣжанія того, что вредно отразилось на жизни народной. А обезземеленіе массы въ западной Европѣ составляетъ одно изъ страшныхъ хозяйственныхъ золъ. Къ этому присоединяется сознаніе, что наша община не застыла, что она способна замѣнить общиннымъ трудомъ убыточное единоличное

веденіе хозяйства. Съ тѣмъ вмѣстѣ все болѣе крѣпнетъ убѣжденіе, что государство не есть произведеніе природы, а произведеніе культуры и что главнымъ творящимъ началомъ служитъ воля людей. Было бы стыдно именно теперь, когда идея государственной собственности на землю пріобрѣтаетъ все больше сторонниковъ, направить эту волю на разрушеніе общины, смягчающей крайности частнаго владѣнія землей.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ОДИННАДЦАТОЙ ГЛАВѢ.

1) Сельск. позем. общ. въ Архангельск. г. 1882, 17.

2) Сборн. матер. о сельск. позем. общ. I, 1880, 263, и *Тригоговъ*. Община и подать, 362.

3) *Борисовъ*. Стат.-эконом. опис. семи вол. Тульск. у. 81.

4) Сборн. матер. о сельск. общ. 111—12.

5) *Орловъ*. Формы крестьян. землевлад., 23.

6) Есть общины, гдѣ земля не разбивается на коны, такова Борковская община Порхов. у. Псков. г. „Міръ получившему плохую полосу никакой надбавки (надмету) не дѣлаетъ“, земля здѣсь не подраздѣляется на нѣсколько полей ни по качеству своему, ни по мѣрѣ отдаленности, равно не существуетъ дѣленій на коны или столбы. Тоже въ Любавской общинѣ Архангельской г. и у. „Ужъ это на счастливаго какая земля придется“, говорятъ крестьяне. *Сборн.* 312. Полагаемъ, что это— крайне рѣдкое исключеніе.

7) Говорятъ: „каждый годъ“; это нужно понимать, какъ ежегодный передѣлъ одного изъ трехъ полей.

8) *Исаевъ*. Передѣлы общин. полей въ Ярослав. г. Земство, 1882, 16.

9) *Исаевъ*. Т. ж.

10) Главныя возраженія противъ общины были сдѣланы еще въ 50-хъ годахъ Бутовскимъ, Вернадскимъ, Нееловымъ, Я. Соловьевымъ. Позднѣйшіе противники общины только повторяли эти возраженія.

11) Землевлад. и землед.. II, гл. XII.

12) Формы крест. землевлад., 307.

13) Въ Мезенскомъ у. существуетъ обычай, по которому начало захвата примѣняется къ тѣмъ лѣснымъ участкамъ, гдѣ обыкновенно охотятся отдѣльные общинники. Всѣ члены міра признаютъ право пользованія того, кто обыкновенно тамъ охотится, и самые участки переходятъ по наслѣдству къ дѣтямъ и внукамъ захватившаго и передаются за плату.

14) Сборникъ статист. свѣд. по Тамбовской губ., I, 21.

15) Сборникъ статист. свѣд. по Курской губ., I, 67.

16) *Сазоновъ*. Неотчуждаемость надѣловъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Семейное или кустарное производство.

Литература. а) Для ознакомленія съ семейнымъ производствомъ мелкихъ поселянъ, нужно обратиться къ литературѣ по землевладѣнію. Укажемъ. *Милль.* Основанія, I. *Вольскій.* Обраб. земли. *Васильчиковъ,* кн. Землевладѣніе. Владѣн. и пользов. земл. въ разн. странахъ (перев. изд. Кобден. клуба) 1871. *Ходскій.* Земля и земледѣлецъ, 1-ый томъ. *Simonde de Sismondi.* Nouveaux principes d'économie politique, 2 vol. 1827. *Passy.* Des systèmes de culture *Bernhardi.* Ueber Gründe die für das grosse u. kleine Grundeigenthum angeführt werden, 1848. *Michelet.* Le peuple, 1866. *Cliffe Leslie.* Land Systems. 1870. *Stein L. v.* Die drei Fragen dés Grundbesitzes, 1881. *Roscher.* System, II. б) По семейному производству въ обработывающей промышленности или по кустарнымъ промысламъ. *Корсакъ.* О формахъ промышленности. 1861. *Иванюковъ.* Курсъ. *Roscher.* System, III. *Исаевъ.* Промыслы Москов. губ. 3 вып. 1876—7. *Его же.* Къ вопросу о кустарн. промышленн. въ Россіи. Рус. Мысль 1880. 11. *Его же.* О мѣрахъ къ поддержан. и развитію кустарн. производ. *Рус. Мысль* 1890, II. *Его же.* О техническомъ образов. какъ мѣрѣ содѣйст. кустар. промысламъ. 1890. Статис. сборники многихъ земствъ, особенно Московскаго, Курскаго, Вятскаго, Полтавскаго и др. *Прилежаевъ.* Что такое кустарное производство? 1882. Труды коммиссіи по изслѣдов. кустарн. промыш. въ Россіи. 17 вып. 1879—90. Записки отдѣл. по кустар. и ремеслен. промышлен. 1889. *Григорьевъ.* Замочно-ножевое производство павловскаго района. 1881. *Ефименко.* Кустарные промыслы въ Сумскомъ уѣздѣ. 1882. *Маргарафъ.* Очеркъ кустарныхъ промысл. Сѣвер. Кавказа, 1890. *Харизоменовъ.* Промыслы Влад. губ. 3 вып. 1882—84. *Пругавинъ.* Сельс. община и кустар. промыслы Юрьевскаго уѣзда. 1884. *В. В.* Очерки кустарной промышленности въ Россіи. 1886. *Звѣревъ.* Гранильн. промыселъ на Уралѣ. 1887. *Голубевъ.* Кустарные промыслы въ Казанской губ. *Съв. Вѣст.* 1887, X. *Красноперовъ.* Кустарная промышлен. Пермск. губ. 1888—89. *Шрейдеръ.* Очерки кустарн. горной промышлен. *Рус. Мысль,* 1889, X. *Крыловъ.* Вліян. русск. законод. на кустар. промышл. Наблюд. 1890. VI. *Каменскій.* О земск. сод. кустар. промысламъ. Сѣв. Вѣст. 1891, III. *Штанге.* Нужды кустарей Павлов. района. *Съв. Вѣст.,* 1891, XI. *Thun.* Die Industrie am Niederrhein. 1879. *Bein.* Die Industrie des sächs. Voigtlandes. 1884. *Sax.* Die Hausindustrie in Thüringen. 1882—88. *Stieda.* Die deutsche Hausindustrie. 1889. *Ziegler.* Die socialpolitisch. Aufgab. auf dem Gebiete der Hausindustrie. 1890.

I.

Принадлежность земли *крестьянамъ-собственникамъ* представляетъ прямую противоположность состоянію рабства. При рабствѣ собственнику земли принадлежитъ и ея воздѣлыватель; въ первомъ же случаѣ владѣлецъ собственноручно воздѣлываетъ землю вмѣстѣ съ членами семьи; въ одномъ лицѣ соединяются владѣлецъ

орудій производства и представитель рабочей силы. Земледѣліе обязано поселянамъ-собственникамъ многими изъ своихъ успѣховъ. *Сисмонди является* въ литературѣ однимъ изъ главныхъ защитниковъ мелкаго землевладѣнія и семейной обработки. Указывая на то, что мелкое землевладѣніе можетъ доставить многочисленному классу благосостояніе, Сисмонди обращается къ Швейцаріи и горячо говоритъ о довольствѣ, которое разлито тамъ среди поселянъ. Поселянинъ, по его мнѣнію, не боится потрясеній, увѣренный, что земля дастъ ему кусокъ хлѣба. Онъ любитъ свою землю и расширяетъ свой надѣлъ прикупкой даже самыхъ незначительныхъ клочковъ [1]). Англійскій путешественникъ Лэнгъ, описывая уже болѣе 50 лѣтъ тому назадъ положеніе мелкихъ поселянъ въ Норвегіи, свидѣтельствуетъ о ихъ замѣчательномъ трудолюбіи и значительности сдѣланныхъ ими улучшеній. Производительный слой почвы не глубокъ, а потому крестьяне изстари искусственно орошаютъ землю. Изъ горныхъ родниковъ желоба проведены по всѣмъ участкамъ; мѣстами длина желобовъ достигаетъ 40 миль. Дороги и мосты превосходны. Сравнивая хозяйства поселянъ-собственниковъ въ Голштиніи, Фландріи и Голландіи съ крупными хозяйствами въ Англіи, Лэнгъ отдаетъ первымъ предпочтеніе [2]).

Кромѣ названныхъ писателей, можно указать еще многихъ экономистовъ [3]), отдающихъ предпочтеніе мелкому землевладѣнію и крестьянскому семейному сельскохозяйственному производству передъ крупнымъ не только въ бытовомъ, но и въ хозяйственномъ отношеніи.

Въ настоящее время типичною страною мелкой земельной собственности служитъ Франція. Мелкое землевладѣніе сохранилось также въ Норвегіи, Даніи, Италіи, Швейцаріи, нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи. Мелкое подворное землевладѣніе господствуетъ также въ западныхъ губерніяхъ Россіи.

За послѣднія десятилѣтія накопилось много фактовъ, которые доказываютъ, что поселянинъ-собственникъ зависитъ отъ рынка и не имѣетъ того обезпеченнаго положенія, какъ въ доброе старое время. Когда писали Сисмонди и Лэнгъ, крестьянская земельная собственность не достигала такого дробленія, какъ въ настоящее время, а потому поселянинъ и его семья пользовались довольствомъ, котораго не знаютъ теперь самые мелкіе земельные собственники. При крайней дробности земельныхъ владѣній, семейное производство не способно обнаружить всѣ свои выгодныя особенности уже потому, что семья въ цѣломъ составѣ не можетъ оставаться у домашняго очага: самые дѣятельные и сильные члены должны выходить изъ нея, чтобы искать себѣ болѣе благодарныхъ занятій. Тамъ же,

гдѣ крестьянскія владѣнія еще сохранили достаточные размѣры, они даютъ трудно достижимые образцы энергическаго труда и культуры.

Семейное производство крестьянъ-арендаторовъ не имѣетъ тѣхъ выгодныхъ сторонъ, которыя мы находимъ у крестьянъ-собственниковъ. Ограниченность срока, въ теченіе котораго мелкіе арендаторы пользуются землею, часто ихъ полная зависимость отъ владѣльцевъ мѣшаютъ успѣшности семейнаго труда на арендованныхъ участкахъ. Но и мелкіе съемщики земли не представляютъ однородной массы. Высшій разрядъ образуютъ наслѣдственные арендаторы, сохранившіеся въ Голландіи и Португаліи, мѣстами въ Германіи. По прочности своего хозяйственнаго и соціальнаго положенія, они близко подходятъ къ крестьянамъ-собственникамъ. Низшій разрядъ составляютъ мельчайшіе клочковые арендаторы, положеніе которыхъ въ высшей степени непрочно. Типичною страною мелкаго фермерства служитъ Ирландія. Большая часть какъ мельчайшихъ фермъ, такъ и болѣе крупныхъ, находится въ безсрочной арендѣ, съ правомъ владѣльца произвольно отказать арендатору. А высота арендной платы за мелкіе клочки, проистекающая изъ оживленнаго соперничества между мелкими фермерами, едва оставляетъ крестьянской семьѣ кусокъ хлѣба и не позволяетъ ей думать о какихъ-либо земельныхъ улучшеніяхъ. Среднее положеніе занимаютъ тѣ арендаторы, которые пользуются землею въ теченіе довольно продолжительнаго срока, а также половники, уступающіе владѣльцу извѣстную часть произведеній земли. Ихъ положеніе болѣе прочно потому, что способъ раздѣла продуктовъ опредѣляется старинными обычаями. Половничество еще довольно распространено во Франціи (въ 70-хъ годахъ 319,450 хозяйствъ обработывалась половниками) и особенно въ Италіи, гдѣ ихъ насчитываютъ болѣе 1 милліона.

Познакомимся же съ семейнымъ или кустарнымъ производствомъ въ обработывающей промышленности.

II.

Зерномъ кустарничества и переходной къ нему ступенью является одиночное производство. «*Семейная ассоціація*, писали мы въ другомъ мѣстѣ, какъ показываетъ самое названіе, есть союзъ лицъ, связанныхъ между собою узами родства и имѣющихъ цѣлью какую-либо общую производительную дѣятельность. Семейная ассоціація является необходимымъ продолженіемъ кустарной избы, и семейное производство—промышленною формой, непосредственно вытекающей изъ одиночнаго. Кустарникъ работаетъ одинъ только

до тѣхъ поръ, пока не подрастетъ у него сынъ, могущій служить ему подспорьемъ» [4]).

Будучи древнѣйшей формой производства, семейная организація имѣетъ такія особенности: 1) Договоръ, связующій работниковъ съ предпринимателемъ или членовъ артели, совершенно отсутствуетъ, и всѣ отношенія участниковъ основываются на семейной связи: разъ лицо родилось въ семьѣ, ведущей промыселъ, и не было отдѣлено отъ нея или не вышло само, для отысканія другого занятія, оно срастается съ этой промышленной единицей безъ всякаго договора. 2) Руководящею силой, также по своему положенію, служитъ глава семьи; установленіе его волею всего домашняго распорядка выражается въ промыслѣ тѣмъ, что домохозяинъ распредѣляетъ трудъ между домочадцами, контролируетъ работы и представляетъ всю промысловую единицу во внѣшнихъ сношеніяхъ. Въ связи съ этимъ стоитъ и нераздѣльность дохода семьи, какъ и всего семейнаго имущества. Въ этомъ доходѣ всегда есть заработная плата, часто есть прибыль, но эти доли не имѣютъ самостоятельнаго существованія; онѣ образуютъ одно цѣлое, откуда и удовлетворяются потребности всего дома.

Принято считать кустарничество принадлежностью исключительно деревни. Но это невѣрно: и въ городахъ мы находимъ семейную организацію промышленности; правда, тамъ она имѣетъ особенности, отличающія ее отъ кустарнаго производства деревни. Въ городѣ мелкіе производители, не занятые на фабрикахъ или мануфактурахъ, обыкновенно называются ремесленниками; это наименованіе основывается на техническихъ особенностяхъ производства. По формѣ же всѣ городскія ремесленныя единицы являются предпріятіями съ наемнымъ трудомъ, или одиночными промышленниками или семейными. Семейная форма встрѣчается и въ городскомъ ремеслѣ, но, по многимъ особенностямъ послѣдняго труднѣе сохраняетъ чистый типъ, нежели въ деревнѣ.

1) Огромное большинство городскихъ производителей имѣютъ въ своемъ промыслѣ исключительный источникъ дохода. Большая же часть кустарей—въ деревняхъ, будучи земледѣльцами, видятъ въ своемъ промышленномъ занятіи подсобный, не главный или, по крайней мѣрѣ, не исключительный источникъ дохода. Напрасно было бы ограничивать это положеніе ссылкой на незначительность у многихъ кустарей сельскаго хозяйства, ничтожность дохода, получаемаго отъ земли: значеніе промысла опредѣляется не только суммой дохода, отъ него получаемаго, но и прочностью обезпеченія, которую онъ доставляетъ кустарнику. А по прочности, даже самый незначительный земельный надѣлъ и пер-

вобытное сельское хозяйство нерѣдко могутъ имѣть большее значеніе, чѣмъ промыселъ. Во время переполненія рынка товарами, паденія цѣнъ, кризиса, деревенскій кустарь имѣетъ, все таки, точку опоры въ своемъ хозяйствѣ и можетъ избѣгнуть нѣкоторыхъ бѣдъ, грозящихъ въ подобныхъ случаяхъ безземельному работнику. Въ тѣхъ сельско-промышленныхъ округахъ Россіи, гдѣ крестьянское хозяйство не достигло крайней степени упадка, кустари считаютъ свой промыселъ второстепеннымъ занятіемъ, даже если изъ него покрывается большая часть потребностей семьи, и стараются улучшить свое сельское хозяйство на излишекъ доходовъ отъ промысла. 2) Большая часть мелкихъ городскихъ производителей имѣютъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ той же улицѣ, нерѣдко въ томъ же домѣ рынокъ для сбыта своихъ издѣлій. Если издѣлія многихъ, даже мелкихъ промышленныхъ заведеній Парижа или Вѣны, приготовляются для всемірнаго рынка и неизвѣстныхъ потребителей, то мелкій сапожникъ, портной, переплетчикъ, столяръ работаютъ исключительно для своихъ сосѣдей. Отсюда—большее постоянство въ сбытѣ товаровъ и большая возможность предусмотрѣть размѣры спроса.—Совсѣмъ иное представляетъ намъ промышленность деревни. Пока она считаетъ своихъ представителей единицами или десятками, пока переработываютъ сырой матеріалъ, добываемый на мѣстѣ, и приготовляютъ дешевыя и простыя издѣлія общенароднаго потребленія, кустари могутъ работать для своихъ сосѣдей или, по крайней мѣрѣ, для ближайшихъ сельскихъ базаровъ и ярмарокъ [5]). При этомъ условіи, размѣры ихъ сбыта могутъ быть опредѣляемы довольно точно, и самый сбытъ отличается постоянствомъ. При возникновеніи промысла, крестьянинъ старается избрать такое новое занятіе, для котораго есть матеріалъ подъ рукой, и приготовлять издѣлія, легко находящія себѣ сбытъ. Выгодность новаго занятія привлекаетъ къ нему многихъ людей; оно переходитъ изъ селенія въ селеніе, образуетъ цѣлые округа и считаетъ производителей тысячами. Ближайшіе къ мѣсту производства рынки оказываются недостаточными и начинаютъ отыскивать болѣе отдаленные. Постепенно обнаруживается невыгодность производства простѣйшихъ издѣлій, возникаютъ новыя разновидности,—удовлетворяющія уже болѣе утонченный вкусъ городского населенія; для новыхъ же издѣлій вспомогательные, а нерѣдко и главные матеріалы, не могутъ быть добыты на мѣстѣ [6]). Все это вызываетъ неудобства, ранѣе неизвѣстныя кустарю: отдаленіе рынка порываетъ его связь съ потребителями и заставляетъ ощупью идти навстрѣчу неизвѣстному запросу. Отдаленіе рынка дѣлаетъ размѣры спроса неопредѣлимыми и нарушаетъ устойчивость промысла.

Это обстоятельство, нерѣдко вызывая рѣзкія колебанія въ доходахъ отъ промысла, лишаетъ кустарей значительной доли самостоятельности: сношенія съ далекимъ рынкомъ для сбыта товаровъ и закупки сырья дѣлаютъ неизбѣжнымъ посредничество скупщика, который становится между производителемъ и рынкомъ, постепенно распространяетъ свою власть на цѣлый промысловый округъ и даже руководитъ промысломъ. Этимъ объясняется и 3) третье различіе между городской мелкой промышленностью и сельской. Первая можетъ, удерживая связь производителя съ потребителемъ и имѣя въ самомъ городѣ рынокъ для пріобрѣтенія сырыхъ матеріаловъ, долѣе сохранять свою хозяйственную самостоятельность [7]). 4) Не слѣдуетъ забывать также о различіяхъ въ складѣ городского и сельскаго быта, вліяющихъ на крѣпость семьи. Городъ со своими разнообразными занятіями и источниками доходовъ открываетъ для семьи возможность пользоваться силами ея членовъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Небольшіе заработки 11—12 лѣтнихъ дѣтей уже служатъ для родителей замѣтнымъ подспорьемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, городъ представляетъ большой выборъ занятій, къ которымъ могутъ быть пріурочены дѣти, и отецъ, сознавая невыгоды своего промысла, старается отыскать для дѣтей другой источникъ заработковъ. Создавая условія, которыя содѣйствуютъ подготовленію членовъ семьи къ различнымъ занятіямъ, городская жизнь ускоряетъ разложеніе семьи. Въ деревнѣ связь между членами семьи болѣе прочна. Однообразіе занятій всѣхъ членовъ зависитъ уже отъ того, что въ деревнѣ нѣтъ большого выбора. Обыкновенно человѣкъ съ дѣтства приспособляется къ занятію, которое вели его отцы и дѣды. Тамъ же, гдѣ промышленники усердно занимаются сельскимъ хозяйствомъ, связь съ землей еще крѣпче держитъ юныя поколѣнія у промысла отцовъ.

Всѣ эти условія вліяютъ *на чистоту семейной организаціи въ промыслѣ*. Городской ремесленникъ, имѣя въ промыслѣ исключительный источникъ дохода, посвящаетъ данному занятію всѣ силы и все время; такъ какъ заказчики представляютъ ему довольно обезпеченный рынокъ сбыта, то онъ стремится къ возможному расширенію производства. Предѣлы семьи ограничены: часть ея силъ нерѣдко направляется въ другія сферы труда, а потому производство расширяется чрезъ привлеченіе наемныхъ рабочихъ. Отклоненіе семейной организаціи въ эту сторону облегчается еще тѣмъ, что непрерывное веденіе промысла цѣлый годъ дѣлаетъ для наемнаго рабочаго выгоднымъ поступленіе къ ремесленнику, а городъ, изобилуя различными родами труда, всегда имѣетъ запасъ свободныхъ рабочихъ.—Нерѣдко, отклоняясь въ эту сторону отъ чистаго

типа семейной организаціи, городское мелкое производство имѣетъ болѣе сельскаго наклонность и не доразвиваться до семейной формы, а оставаться одиночнымъ: если ремесленникъ, по разнымъ причинамъ, не нанимаетъ рабочихъ, то часто, не имѣя сотрудниковъ въ членахъ семьи, остается одиночнымъ производителемъ. Въ деревнѣ, и подсобность промысла, и отвлеченіе отъ него многихъ силъ и времени землею, и непостоянство сбыта, не вызываютъ въ промышленникѣ такого напряженнаго желанія расширить производство, какъ въ городѣ. Расширенію посредствомъ наемныхъ рабочихъ мѣшаетъ и то, что въ членахъ семьи есть готовая рабочая сила, не отвлекаемая въ сторону другихъ занятій, и то, что недостаточный запасъ работниковъ въ деревнѣ и прерываемость работы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ года затрудняютъ подысканіе рабочихъ. Большая же связь, сохраняемая всѣми членами семьи съ домомъ, рѣже и только временно удерживаетъ промышленное заведеніе на ступени одиночнаго производства и, съ подростаніемъ сыновей, племянниковъ, приводитъ его къ семейной организаціи.

Такимъ образомъ, семейная организація знакома и городской, и сельской промышленности. Но различія въ условіяхъ городского и сельскаго быта имѣютъ вліяніе на сохраненіе этой формы во всей ея чистотѣ: въ деревнѣ она легко удерживаетъ чистый типъ, въ городѣ же часто утрачиваетъ его.

Семейная форма производства имѣетъ крупныя достоинства, которыя не часто встрѣчаются даже въ артели. 1) Родственная связь между работающими, сознаніе тожества интересовъ, нераздѣльность общаго дохода дѣлаютъ надзоръ излишнимъ, ведутъ къ большему напряженію труда и бережливому пользованію матеріаломъ. Мы вспоминаемъ по этому поводу слышанное въ Московскомъ уѣздѣ въ кустарной избѣ мебельщиковъ Самсоновыхъ, которая состояла изъ 6 членовъ. «Одному хозяину имѣть работниковъ выгодно: ему самому работать не нужно,—довольно только надсматривать надъ работниками; но насъ шестеро; если одинъ изъ насъ будетъ наблюдать надъ работой мастеровъ и учениковъ, то остальные будутъ работать спустя рукава, не желая дѣлать больше, чѣмъ наблюдающій членъ семьи при чувствѣ своего равенства, какъ ближнихъ родныхъ. Если мы всѣ шестеро будемъ работать небрежно, то работа мастеровъ не дастъ намъ столько, сколько мы потеряемъ отъ своей нерадивой работы. Такъ какъ мы работаемъ одни, безъ мастеровъ, то намъ наблюдателя не нужно,—мы чувствуемъ нашу общую пользу, стараемся работать наперерывъ другъ передъ другомъ, а потому и успѣли составить себѣ хорошее положеніе, зашибить копѣйку» [8]). 2) Пока ремесленное образованіе не

сосредоточивается въ школахъ, которыя даютъ производству вполнѣ подготовленныхъ работниковъ, промышленное искусство всего лучше воспитывается въ семьѣ. Отецъ или другой близкій родственникъ прилагаетъ гораздо болѣе старанія для сообщенія подростающему работнику всего своего умѣнія и опытности, нежели мастеръ чуждому ученику, только временно связанному со своимъ хозяиномъ [9]). Съ тѣмъ вмѣстѣ семья служитъ и наилучшимъ хранилищемъ промышленныхъ тайнъ, которыя содѣйствуютъ улучшенію какой-либо стороны производства. Эти тайны не умираютъ съ изобрѣтателемъ; онѣ передаются изъ рода въ родъ и хранятся потомками, какъ драгоцѣнное семейное достояніе и источникъ хозяйственныхъ выгодъ. При современномъ развитіи техники, при возможности для юнаго ремесленника въ школѣ воспитать искусство и вкусъ, семейное производство не имѣетъ въ этомъ отношеніи той важности, какую оно представляетъ на низкомъ уровнѣ хозяйственнаго быта, когда еще неизвѣстно систематическое ремесленное воспитаніе [10]). 3) Замѣтимъ, наконецъ, что кустарное производство въ высокой степени содѣйствуетъ чистотѣ нравовъ. Соработники, связанные крѣпкими семейными узами, живутъ и трудятся вмѣстѣ; мужъ не оставляетъ жены, дѣти не уходятъ отъ родителей. Распущенность однихъ можетъ быть сдерживаема въ тѣсныхъ предѣлахъ нравственными качествами другихъ.

На ряду съ этими крупными достоинствами должна быть отмѣчена одна невыгода семейнаго производства—возможность быстраго истощенія рабочей силы. Отсутствіе общности интересовъ между рабами и наемными работниками, съ одной стороны, и рабовладѣльцами и нанимателями, съ другой, ведетъ къ тому, что даже крайне длинный рабочій день не можетъ въ такой мѣрѣ содѣйствовать истощенію рабочей силы, какъ въ семейномъ производствѣ: тамъ, помимо государственнаго вмѣшательства, противовѣсомъ этому служитъ и желаніе работающихъ щадить свою силу, не напрягать ея до высшихъ предѣловъ. Если трудъ оплачивается по времени, а не сдѣльно, то сила затрачивается бережно. Въ кустарномъ производствѣ сознаніе общности выгодъ побуждаетъ всѣхъ работающихъ уже по родственной между ними связи напрягать силы въ такой же мѣрѣ, какъ то дѣлаетъ и старшій, глава семьи, а потому изнуреніе работою взрослыхъ обыкновенно сопровождается и истощеніемъ малолѣтнихъ членовъ семьи. Государственная же власть, упорядочивая бытъ работниковъ на фабрикахъ и заводахъ, не подчиняетъ своему надзору семейнаго производства; да этотъ надзоръ, по мелкости и многочисленности кустарныхъ единицъ, и почти полной невозможности протеста членовъ семьи противъ

домохозяина, представляется несравненно болѣе труднымъ, нежели наблюденіе за крупными промышленными заведеніями [10]).

Кустарное производство сохраняетъ свой чистый типъ только въ мелкой промышленности: ограниченность личныхъ силъ семьи дѣлаетъ невозможной эту форму въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ уже господствуютъ фабрика или соединенная мануфактура, основанныя на широкомъ раздѣленіи труда. Кустарничество можетъ примѣняться только тамъ, гдѣ преобладаетъ ремесленный способъ производства. Чѣмъ долѣе сохраняется въ странѣ обычай жить большими нераздѣльными семьями, тѣмъ болѣе крупны могутъ быть кустарно-промышленныя единицы и тѣмъ болѣе широка область примѣненія этой формы. Чѣмъ чаще становятся семейные раздѣлы, тѣмъ болѣе съуживается поле кустарнаго труда.

О будущности этой формы слѣдуетъ сказать все то, что было говорено о будущности мелкаго производства. Насколько дальнѣйшіе успѣхи техники, позволятъ удержаться производству въ мелкихъ размѣрахъ, настолько же вѣроятно существованіе въ будущемъ и кустарничества. Замѣтимъ, что стремленіе извѣстной отрасли промышленности принять крупные размѣры гораздо ранѣе стираетъ семейную форму въ городѣ, нежели въ деревнѣ. 1) Большій индивидуализмъ, связанный со всѣмъ складомъ городской жизни, большее стремленіе людей выдѣляться изъ семей и посвящать свои силы другимъ занятіямъ, противопоставляетъ въ городѣ крупному производству меньшія кустарныя единицы, чѣмъ въ деревнѣ. 2) Подсобность промысла въ деревнѣ дѣлаетъ для сельскаго кустарника менѣе труднымъ продолжать исконное занятіе и мириться съ уменьшеніемъ отъ него доходовъ подъ напоромъ крупнаго производства. 3) Къ этому присоединяется дешевизна жизни въ деревнѣ сравнительно съ городомъ, а иногда и возможность для сельскаго кустаря имѣть болѣе дешевый матеріалъ, чѣмъ въ городѣ.—Такимъ образомъ, съ каждымъ успѣхомъ техники семейное производство будетъ все болѣе и болѣе становиться принадлежностью только деревни.

Кустарная промышленность занимаетъ въ Россіи многіе милліоны рабочихъ рукъ. Точныя свѣдѣнія собраны только въ немногихъ губерніяхъ, а потому было бы тщетною попыткой опредѣлить даже приблизительно общее число кустарей [12]). Продолжительная зима и малая доходность хозяйства въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ служатъ причиною того, что именно тамъ кустарные промыслы болѣе развиты, нежели въ южной полосѣ.

Группируя сотни разновидностей нашей сельской обрабатывающей промышленности, мы можемъ свести ихъ къ такимъ основ-

нымъ классамъ: 1) обработка дерева, 2) глины, 3) металловъ, 4) мѣховъ и кожъ, 5) волокнистыхъ веществъ.

Первое мѣсто занимаетъ обработка дерева, распространенная по всей Россіи и особенно въ губерніяхъ подмосковнаго района и сѣверныхъ. Эти промыслы, доставляя рынку какъ самыя грубыя издѣлія домашняго обихода — бочарныя, колесныя и плотничьи—такъ и цѣнные товары (высокіе сорта орѣховой мебели въ Московской и Вятской губерніяхъ, разнообразныя галантерейныя вещи), имѣютъ еще потому особенное значеніе, что орудія и техническіе пріемы очень просты, матеріалы недороги и часто могутъ быть добываемы въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Вотъ причины, вслѣдствіе которыхъ эти промыслы могутъ дольше сохранить мелкіе размѣры и форму кустарничества, чѣмъ производства другихъ классовъ.

Промыслы по обработкѣ простой красной глины (горшечное производство) также распространены повсемѣстно: назовемъ въ особенности Московскую, Калужскую, Курскую, Полтавскую, Костромскую и Вятскую губерніи. Въ Московской губерніи къ истари существующему горшечному промыслу присоединилась обработка фарфоровой глины. Производство фарфоровой и фаянсовой посуды сосредоточивается въ крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, занимающихъ сотни рабочихъ рукъ. Обработка же красной глины и изготовленіе дешевой фаянсовой посуды сохранили мелкіе размѣры и форму кустарничества. Послѣднія имѣютъ съ обработкой дерева тѣ общія черты, что простота орудій и рабочихъ пріемовъ, дешевизна матеріаловъ облегчаютъ сохраненіе чистаго кустарнаго типа.

Мы находимъ обработку металловъ преимущественно въ Московской, Тульской, Нижегородской, Тверской, Ярославской, Новгородской, Вятской и Пермской губерніяхъ, гдѣ сосредоточены главные промыслы по обработкѣ желѣза и мѣди. Успѣхи машиннаго производства въ обработкѣ желѣза и мѣди, большая дороговизна орудій и матеріаловъ служатъ причиною того, что крупная промышленность становится на мѣсто кустарнаго производства.

Обработка мѣховъ и кожъ не представляетъ такихъ техническихъ особенностей, которыя затрудняли бы веденіе этихъ промысловъ небольшими семейными группами: орудія и процессы труда несложны, матеріалы же довольно дороги. А потому мы находимъ здѣсь совмѣстное существованіе, какъ довольно крупныхъ заводовъ, такъ и мельчайшихъ семейныхъ промысловыхъ избъ. Эти промыслы распространены преимущественно въ Москов-

ской, Владимірской, Нижегородской, Казанской, Вятской, Курской, Полтавской, Могилевской губерніяхъ.

Въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ фабричная промышленность сдѣлала наибольшіе успѣхи. Пряденье приняло крупные размѣры. Къ этому стремится и ткачество; однако, наряду съ механическими ткацкими станами, еще сохранилось ручное ткачество. Оно держится преимущественно въ изготовленіи льняныхъ и шелковыхъ тканей, въ Московской, Владимірской, Нижегородской, Ярославской, Костромской губерніяхъ. Въ производствѣ же бумажныхъ и шерстяныхъ тканей преобладаетъ крупная промышленность.

Главные кустарные промыслы образуютъ во многихъ мѣстахъ обширные округа, тяготѣющіе къ одному или 2—3 центрамъ. Производство фарфоровой и фаянсовой посуды, распространенное въ многихъ селеніяхъ Бронницкаго у., имѣетъ центромъ села Гжель и Рѣчицу. Павлово и Ворсма являются средоточіями ножеваго и замочнаго производства въ Горбатовскомъ у.; село Великое служитъ центромъ полотно—ткацкаго промысла въ Ярославскомъ и Ростовскомъ у.у. и т. д. Центры кустарно-промышленныхъ округовъ имѣютъ въ исторіи промысловъ то значеніе, что обыкновенно являются разсадниками, гдѣ зародился данный промыселъ. Въ настоящее время эти средоточія потому сохранили экономическое значеніе для всего округа, что служатъ мѣстами еженедѣльныхъ базаровъ, а 2—3 раза въ годъ и ярмарокъ, на которыхъ кустари сбываютъ часть своихъ товаровъ.

Чѣмъ проще орудія, чѣмъ дешевле матеріалъ, чѣмъ доступнѣе рынокъ сбыта, тѣмъ легче сохраняютъ кустари свою хозяйственную самостоятельность. Возможность пріобрѣтать сырые матеріалы на мѣстѣ производства или въ недалекомъ сосѣдствѣ и близость значительнаго города, предъявляющаго запросъ на издѣлія кустарей, позволяютъ послѣднимъ работать самостоятельно, внѣ зависимости отъ скупщиковъ. Горшечники гжельскаго гончарнаго округа, пользуясь тѣмъ, что Москва отстоитъ отъ центра гончарнаго производства всего въ 50 верстахъ, продаютъ свои издѣлія съ возовъ на московскихъ базарахъ. Ближайшіе сельскіе базары и ярмарки служатъ также мѣстами значительнаго сбыта этихъ товаровъ. А дешевизна простой красной глины и возможность почти всегда имѣть ее подъ руками позволяетъ горшечникамъ обойдтись безъ посредниковъ при добываніи матеріала. То же скажемъ мы о многихъ кустаряхъ, обработывающихъ дерево. Въ мебельномъ округѣ, занимающемъ нѣсколько десятковъ селеній Московскаго и Звенигородскаго у.у. Московской губерніи, кустари,

изготовляющіе простую березовую мебель (*бѣлодеревцы*), покупаютъ березовое дерево въ ближайшемъ сосѣдствѣ, иногда рубятъ его въсвоихъ надѣльныхъ лѣсахъ и, пользуясь тѣмъ, что Москва отстоитъ въ 40—50 верстахъ, продаютъ товаръ съ возовъ на московскихъ базарахъ.

Если же кустари обработываютъ довольно дорогой матеріалъ, который не можетъ быть пріобрѣтаемъ на мѣстѣ производства, а издѣлія не составляютъ предметовъ общаго употребленія, если рынокъ сбыта отстоитъ далеко отъ кустарнаго раіона, то кустарь не можетъ обойдтись безъ посредника-скупщика, который постепенно подчиняетъ себѣ весь кустарно-промысловый округъ. Живетъ-ли скупщикъ въ самомъ кустарномъ округѣ и занимается тѣмъ же промысломъ или онъ живетъ въ городѣ и, не участвуя въ производствѣ, только продаетъ кустарныя издѣлія,—во всѣхъ случаяхъ онъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ главные денежные капиталы, необходимые для поддержанія кустарныхъ промысловъ и подчиняетъ себѣ кустаря до полной потери послѣднимъ его самостоятельности. Отдаленность рынковъ, на которыхъ добываются сырые матеріалы, дѣлаетъ скупщиковъ поставщиками сырья для кустарныхъ округовъ, а отдаленность потребителей и невозможность непосредственныхъ съ ними сношеній образуетъ изъ скупщика ту ступень, чрезъ которую необходимо проходятъ всѣ кустарныя издѣлія. Скидки съ цѣнъ подъ разными предлогами, навязываніе товаровъ вмѣсто денегъ—вотъ главные способы, посредствомъ которыхъ скупщики закабаляютъ кустарей. Мебельщики-кустари Московской г. всецѣло зависятъ отъ московскихъ торговцевъ мебелью. Послѣдніе принимаютъ отъ производителей мебель и расплачиваются за нее частью деньгами, частью же орѣховымъ деревомъ, лакомъ, клеемъ, чаемъ, сахаромъ. Это причиняетъ кустарю большія потери: 1 пудъ орѣховаго дерева, пріобрѣтаемый въ нижегородской ярмаркѣ по 70 к., а въ Москвѣ при вольной продажѣ по 1 р. 25 к., ставится кустарямъ въ счетъ по 1 р. 50 к. То же можно сказать и о многихъ другихъ промыслахъ.

Кустари становятся все болѣе многочисленны по мѣрѣ того, какъ уменьшаются площадь душевыхъ земельныхъ надѣловъ и сельское хозяйство приноситъ крестьянину все меньшій доходъ. Соперничество между ними увеличивается; ихъ отрѣзанность отъ рынка сбыта, вторженіе машинъ и крупнаго производства въ нѣкоторыя отрасли, бывшія до послѣдняго времени достояніемъ исключительно мелкой промышленности—все это опускаетъ заработокъ кустарей до крайне низкаго уровня и дѣлаетъ затруднительнымъ существованіе милліоновъ семей. Недѣльный доходъ кустаря въ

$2-2^1/_2$ рубля считается удовлетворительнымъ. Есть промыслы (напр., гвоздарей, вязальщиковъ рыболовныхъ сѣтей), гдѣ денной заработокъ не превышаетъ 10—15 копѣекъ.

Въ наукѣ и практикѣ часто ставится вопросъ о будущности нашихъ кустарныхъ промысловъ. Мы полагаемъ, что нѣкоторыя отрасли (обработка волокнистыхъ веществъ, частію, обработка металловъ), перейдутъ въ скоромъ времени въ крупное производство, которое не можетъ быть кустарнымъ уже потому, что даже большая семья не имѣетъ столько членовъ, сколько нужно для веденія средняго предпріятія. Обработка же дерева и простой глины можетъ еще долго сохранить ремесленный способъ производства и форму кустарничества. Развитіе ремесленныхъ училищъ и повсемѣстное распространеніе передвижныхъ мастерскихъ могутъ усовершенствовать технику кустарныхъ промысловъ. Газовые, керосиновые и другіе дешевые двигатели, пользованіе водной силой могутъ повысить производительность труда этихъ промышленниковъ. Но выгоды кустарей будутъ измѣряться, преимущественно, обширностью рынка для ихъ издѣлій. Нѣтъ основанія мечтать объ открытіи этимъ издѣліямъ обширнаго заграничнаго рынка, ибо западные сосѣди производятъ все то, что̀ дѣлаютъ наши кустари и притомъ—гораздо лучшаго достоинства. Расширеніе же внутренняго рынка зависитъ отъ покупательныхъ средствъ русскаго народа, для простѣйшихъ издѣлій — отъ платежныхъ силъ русскихъ крестьянъ. Лучшее земельное обезпеченіе крестьянъ и развитіе ихъ сельскаго хозяйства увеличатъ ихъ покупательную силу и позволятъ кустарямъ сбывать по выгоднымъ цѣнамъ всю массу производимыхъ ими издѣлій. Но и широкій рынокъ доставитъ кустарямъ значительныя выгоды только по освобожденіи ихъ отъ скупщиковъ. Это можетъ быть достигнуто открытіемъ дешеваго кредита и устройствомъ артельныхъ складовъ для совмѣстной продажи издѣлій многихъ кустарей. Наконецъ, очень важна прямая передача кустарямъ подрядовъ на разные предметы, пріобрѣтаемые казенными и общественными учрежденіями: одежды и обуви для войскъ, мебели, утвари, бѣлья для больницъ, присутственныхъ мѣстъ и проч.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВѢНАДЦАТОЙ ГЛАВѢ.

1) *Simonde de Sismondi.* Nouveaux principes, I, кн. 3.

2) *Милль.* Основанія, I, 309 и дальше.

3) Лавелэ краснорѣчиво изображаетъ привлекательныя стороны семейнаго земледѣльческаго труда у южныхъ славянъ. *Lavéleye.* De la propriété, глава XIII.

4) *Исаевъ*. Промыслы Москов. губ. I, 41. Въ этомъ изслѣдованіи, держась значенія слова „кустарникъ“ на языкѣ крестьянъ Московской губ., я называлъ такъ только одиночныхъ производителей. Преобладаніе семейнаго производства рѣзко обнаруживается во многихъ промыслахъ Московской губ.: въ большинствѣ промысловъ изъ общаго числа работниковъ члены семей составляютъ 40 — 97,7%. См. сводъ данныхъ по промысламъ у *Прилежаева*, 64.

5) Таковъ былъ 50—40 лѣтъ тому назадъ характеръ полотно-ткацкаго промысла въ Ярославскомъ уѣздѣ. Мужчины и женщины ткали полотна изъ домашней пряжи; матеріаломъ служилъ ленъ, выращенный на собственной землѣ. Ярославль, Ростовъ, базары въ Великомъ и многихъ другихъ, менѣе крупныхъ селеніяхъ были главными рынками для сбыта полотна; туда приходили въ базарные дни крестьяне и крестьянки съ своими издѣліями и продавали ихъ. Таково же и до сихъ поръ положеніе многихъ горшечниковъ въ Гжели; они копаютъ глину въ 1—2 верстахъ отъ мѣста производства и ѣздятъ съ горшками по окрестнымъ селеніямъ въ базарные и ярмарочные дни.

6) Можно прослѣдить за этими измѣненіями на исторіи мебельнаго и фарфоро-посуднаго промысловъ Московской г. См. *Исаевъ*. Промыслы Москов. руб. вып. 1 и 3.

7) Развитіе въ городахъ магазинной системы за послѣднія 3—4 десятилѣтія повело къ тому, что многіе городскіе ремесленники работаютъ исключительно для магазиновъ, а не на заказъ. Магазины съ работающими на нихъ ремесленниками представляютъ особую разновидность расчлененной мануфактуры.

8) *Исаевъ*. Промыслы Моск. губ. I, 43.

9) „Мой отецъ былъ столяръ“ служитъ лучшею рекомендаціей поступающему въ мастерскую работнику. Т. ж. 41—42.

10) Ср. *Roscher*, III, 545.

11) Въ Россіи самыя крупныя кустарныя единицы состоятъ изъ 6—7 членовъ. Усилившаяся со времени освобожденія крестьянъ наклонность къ семейнымъ раздѣламъ способствуетъ утратѣ этой формою ея чистаго типа.

12) Вотъ данныя по нѣкоторымъ губерніямъ: въ Московской.—153,000 кустарей, Тверской—до 324,000, Нижегородской—до 200,000, 7 уѣздахъ Костромской — до 131,000.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Артельное производство.

Литература. а) Для изученія артелей въ теоретическомъ и историческомъ отношеніяхъ. *Пфейферъ*. Объ ассоціаціи. 1866. *Михайловъ*. Ассоціаціи. 1873. *Исаевъ*. Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. 1879. *Его же*. Артели въ Россіи. 1881. *Cochut*. Les associations ouvrières. 1851. *Feuyueray*. L'association ouvrière, industrielle et agricole. 1851. *Lemercier*. Etudes sur les associations ouvrières. 1857. *Schulze Delitzsch*. Die arbeitenden Klassen u. d. Associations wesen in Deutschland. 1863. *Его же*. Die Genossenschaften in einzelnen Gewerbzweigen. 1873. *Engländer*. Geschichte der französischen Arbeiter — Associationen. 4 B. 1864. *Veron*. Les associations ouvrières. 1865. *Gierke*. Das deutsche Genossenschaftsrecht. 2 B. 1868. 73. *Birnbaum*.

Das Genossenschaftsprincip in Anwendung u. Anwendbarkeit in der Landwirthschaft. 1870. *Kraus.* Die Solidarhaft bei den Erwerbs-u.-Wirthschafts genossenschaften. 1878. *Holyoake.* History of cooperation. 2 vol. 1870. *Его же.* The cooperation to-day. 1890. *Hubert-Valeroux.* Les associations coopératives en France et à l'étranger. 1884. *Crüger.* Die Erwerbs-u.-Wirthschafts genossenschaften in den einzeln. Ländern. 1892· Болѣе подробныя указанія на литературу въ книгѣ *Исаева.* Пром. товарищества. б) Для изученія русскихъ артелей. *Калачовъ.* Артели въ древней и нынѣшней Россіи. 1864. Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи. 1860—63. Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи. вв. 1 и 2. 1874—75. *Немировъ.* Биржевыя артели въ С.-Петербургѣ. 1876. *Пахманъ.* Обычное гражданское право въ Россіи. I. 1877. *Щербина.* Очерки южно-русскихъ артелей. 1880. *Исаевъ.* Артели въ Россіи. 1881. *Его же.* О мѣрахъ къ развит. артельн. производства. 1882. *Staehr.* Ueber Ursprung, Geschichte, Wesen u. Bedeutung d. russ. Artels. 2 b. 1890 и 91. Журн. статьи. *Энгельгардтъ.* Артельн. сыроварни. *От. Зап.* 1872, II и V. *Боборыкинъ.* Русскій Шеффильдъ. *От. Зап.*, 1877, III. *Т—въ.* Бѣлозерскія рыболовныя артели. *Слово*, 1879, IX. *Сазоновъ.*. Рыболовныя артели. *Рус. Мысль.* 1881, VIII. 1884, III и VIII. 1886, VII и IX. *Его же.* Эксплуатація артелей. *Рус.. Мысль*, VII, VIII и IX. *Его же.* Южн. морскія рыболовн. артели. *Съв. Вѣстн.*, 1885, II. *Его же.* Рыболовныя артели Средней Россіи. *Съв. Вѣстн.* 1887, III и IV. *Гольцевъ.* Тверскія артели и земство. *Юрид. Вѣст.*, 1885, I. *Лазаревскій.* Артели лоцмановъ. *Съв. Вѣст.*, 1886, IV. Дальнѣйшія указанія на литературу можно найти въ Указателѣ *Межова*, доведенномъ до половины 1892 года.

Первымъ признакомъ артелей, проводящимъ рѣзкую границу между артелями и общинами, служитъ договоръ. Часто говорятъ, что это не есть основной признакъ, и ссылаются на артели, которыя возникаютъ ненадолго, для цѣли, достигаемой въ немного дней или даже часовъ. Но и въ такихъ артеляхъ всегда можно отыскать договорное начало. Возьмемъ артели для охоты въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи и Сибири. Если 15—20 человѣкъ охотятся вмѣстѣ и послѣ охоты дѣлятъ добычу поравну или въ извѣстной пропорціи, то они не нуждаются въ предварительномъ договорѣ, который опредѣлялъ бы всѣ подробности ихъ предпріятія. Эти артели существуютъ издавна; старинный обычай выработалъ форму общенія, которая знакома каждому охотнику съ ранняго дѣтства. Довольно, поэтому, если на приглашеніе одного-двухъ, остальные соглашаются идти и назначаютъ для выхода извѣстный срокъ. Въ артеляхъ, не имѣющихъ за собой вѣкового обычая, обыкновенно предусматриваются всѣ условія. Нерѣдко пишутся обширные уставы, утверждаемые нотаріальнымъ порядкомъ или высшею правительственною властью.

Вторымъ признакомъ артелей служитъ начало равноправности. Образованіе артелей изъ лицъ, сходныхъ между собою по возрасту, тѣлесной силѣ и имущественнымъ средствамъ, ведетъ къ тому, что всѣ члены пользуются одинаковыми правами, всѣ равномѣрно

участвуютъ въ матеріальныхъ выгодахъ, доставляемыхъ имъ общимъ заработкомъ; всѣ имѣютъ право контролировать органы исполнительной власти, обыкновенно избираемые изъ среды самихъ же артельщиковъ. Отъ этого есть отклоненія, но, большею частію, только кажущіяся: если, напр., члены многихъ артелей имѣютъ первое время по вступленіи меньшія права сравнительно со старѣйшими членами, которые уже хорошо ознакомились съ промысломъ, то начало равенства не нарушается: всѣ проходятъ такой періодъ испытанія. Равноправность не нужно понимать въ томъ смыслѣ, будто всѣ члены получаютъ изъ общаго дохода непремѣнно поравну. Въ артеляхъ, гдѣ допускаются неодинаковые имущественные взносы членовъ въ артельный капиталъ, часть общаго дохода обыкновенно распредѣляется соразмѣрно со взносами участниковъ. Въ данномъ случаѣ начало равноправности не нарушается: артель, выдѣляя капиталу часть дохода, только освящаетъ права собственника со всѣми ихъ послѣдствіями.

Предоставляя всѣмъ членамъ равныя права, артель требуетъ отъ нихъ и равной отвѣтственности. Круговая порука, или обязанность каждаго члена ручаться за всѣхъ своихъ товарищей, доказываетъ съ одной стороны прочность связи между членами, съ другой—ведетъ къ тому довѣрію, которымъ пользуются артели отъ заказчиковъ. *Круговая порука*, вытекающая изъ имущественныхъ условій, въ которыхъ стоятъ члены артели, изъ ихъ малой имущественной обезпеченности, составляетъ третій отличительный и неотъемлемый признакъ каждой артели.

Наконецъ, признакомъ артелей служитъ также участіе членовъ въ трудѣ и капиталѣ. Соединяя всѣ эти признаки, мы опредѣлимъ артель, какъ *основанный на договорѣ союзъ равноправныхъ лицъ, совмѣстно преслѣдующихъ хозяйственныя цѣли, связанныхъ круговою порукой и участвующихъ, при веденіи промысла, трудомъ или трудомъ и капиталомъ.*

Основаніемъ для классификаціи всего лучше можетъ служить родъ цѣли, преслѣдуемой артелью. Артели, имѣющія цѣлью производство цѣнностей, называются *промышленными*. Соединеніе людей для совмѣстнаго потребленія, для найма квартиры сообща, даетъ начало *потребительнымъ артелямъ*. Когда собственнаго имущества недостаточно для производства, то люди обращаются къ кредиту и основываютъ для этой цѣли *кредитныя артели*. Наконецъ, стремясь обезпечить себя въ будущемъ, люди организуютъ страхованіе, и артели, преслѣдующія эту цѣль, извѣстны подъ именемъ *страховыхъ*. Въ этой главѣ рѣчь идетъ о промышленныхъ артеляхъ. Онѣ могутъ быть разбиты на: 1) *сырьевыя*, которыя составляются

для совмѣстнаго пріобрѣтенія сырого матеріала, 2) *складочныя* имѣющія цѣлью устроить на общій счетъ склады для товаровъ, 3) *производительно-подсобныя*, когда на общій счетъ пріобрѣтаются помѣщенія и орудія и 4) *производительныя*, въ которыхъ все производство ведется общими силами членовъ артели.

Артельная форма доставляетъ участникамъ большія выгоды. 1) Такъ какъ члены влагаютъ въ предпріятіе и трудъ и капиталъ, то въ ихъ пользу поступаютъ и всѣ доходы, заработная плата здѣсь всегда выше (по крайней мѣрѣ, въ $1^1/_2$ раза), чѣмъ плата лицъ, работающихъ по найму. 2) Участіе въ управленіи и распоряженіи промысломъ содѣйствуетъ умственному развитію членовъ. Наконецъ, 3) въ артели исчезаетъ всякое противорѣчіе между трудомъ и капиталомъ. Вотъ особенности артелей, выгодно отличающія ихъ отъ предпріятій съ наемными работниками.

Многіе считаютъ артель примѣнимою только тамъ, гдѣ требуется добросовѣстный трудъ, гдѣ необходимъ очень внимательный надзоръ надъ наемниками при пользованіи матеріалами, орудіями и машинами. Многіе говорятъ, что предпріятія съ большимъ рискомъ и сильною отвѣтственностью, равно какъ и нуждающіяся въ значительномъ капиталѣ, не допускаютъ артельнаго строя. Такимъ образомъ для артелей отводится область только мелкихъ промысловъ. Однако, при всей недостаточности нашихъ матеріаловъ, мы можемъ насчитать 60 отраслей промышленности, гдѣ примѣняется артельная организація. Прежде всего она можетъ быть съ успѣхомъ примѣняема въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ требуется небольшой капиталъ: не нуждаясь въ большомъ капиталѣ, эти промыслы всегда найдутъ для себя лицъ, готовыхъ составить артель. Въ отрасляхъ, требующихъ значительныхъ капиталовъ, артельное начало не легко примѣнимо по слѣдующимъ причинамъ: тѣ классы, изъ которыхъ главнымъ образомъ вербуются члены артелей, не обладаютъ большими капиталами; въ классахъ же богатыхъ преобладаютъ единоличныя предпріятія, и все болѣе развивается акціонерная форма. Послѣдняя тѣмъ особенно и заманчива, что позволяетъ самымъ мелкимъ капиталамъ участвовать въ веденіи милліонныхъ оборотовъ и возлагаетъ на каждаго только ограниченную отвѣтственность; артель же предполагаетъ круговую поруку и связанный съ нею рискъ потерять все имущество. Такимъ образомъ, для артели остается обширная область мелкихъ и среднихъ предпріятій. Что обороты артели даже въ торговлѣ могутъ достигать иногда большихъ размѣровъ, доказывается примѣромъ московской артели половыхъ которая содержитъ гостинницу съ оборотомъ въ $1^1/_2$ милл. рублей.

Развитіе производительныхъ артелей во Франціи получило сильный толчекъ въ 1848—9 годахъ. Именно въ это время были основаны артели кресельниковъ, стульниковъ, ламповщиковъ, фортепьянщиковъ, каменьщиковъ, типографщиковъ и другія. Одушевленіе, охватившее рабочій классъ во Франціи, отразилось и на уставахъ этихъ артелей: равное вознагражденіе участниковъ за трудъ, распредѣленіе прибыли поравну, отчисленіе доли прибыли во вспомогательную кассу и образованіе недѣлимаго фонда, предназначеннаго служить интересамъ всего рабочаго класса,—вотъ особенности, которыя были усвоены этими артелями. Наемные рабочіе не принимались. Позднѣе артели отступили отъ этихъ началъ, стали нанимать рабочихъ и приблизились къ типу хозяйскихъ предпріятей. Въ концѣ 80-хъ годовъ во Франціи насчитывалось до 30 артелей.

Развитіе артелей въ Германіи, начавшееся въ 1849 году, связано съ именемъ Шульце-Делича. Видное мѣсто занимаютъ сырьевыя артели, въ которыхъ членовъ связываетъ только общая закупка сырыхъ матеріаловъ. Въ 1890 году было 110 такихъ артелей. Въ томъ же году была 61 складочная артель (изъ нихъ 29 были основаны столярами) и 150 производительныхъ, распредѣлявшихся по 22 отраслямъ промышленности. Наибольшее число было основано пекарями (27), столярами (18) и винокурами (17). Среди сельскихъ хозяевъ артели получили большое распространеніе: за 1890 годъ было 980 сырьевыхъ артелей (въ 1880 году только 68), 901 сыроваренная (въ 1880—70), 167—для пріобрѣтенія породистаго скота (въ 1880—73). Затѣмъ есть артели винодѣловъ, устраивающія подвалы, гдѣ подвергается броженію вино отдѣльныхъ членовъ и другія. Успѣшно развились также строительныя артели (50 въ 1890 году), которыя учреждаются для постройки жилыхъ домовъ; нѣкоторыя артели строютъ дома исключительно для рабочаго класса. Нѣмецкія производительныя артели не относятся къ наемному труду съ такимъ принципіальнымъ отрицаніемъ, какъ старыя французскія; когда оборотъ достаточно развился, онѣ нанимаютъ рабочихъ. Многія германскія артели имѣютъ и ту особенность, что члены связаны ограниченной круговой порукой, отвѣтственностью каждаго участника только въ извѣстной суммѣ, въ столько то разъ превышающей артельный пай. Залогомъ дальнѣйшаго развитія артелей въ Германіи служитъ тѣсная связь, соединяющая многія артели. Въ 1864 г. былъ основанъ *Всеобщій союзъ германскихъ артелей*, оказывающій артелямъ поддержку совѣтами, ходатайствомъ. Въ 1891 г. его членами состояли до 1400 артелей. Артели, основанныя сельскими хозяевами имѣютъ, съ

1890 года особый центръ—*Всеобщій союзъ сельско-хозяйственныхъ артелей германской имперіи*; въ 1892 году его членами состояли 1155 артелей. Оба союза издаютъ свои органы, выходящіе еженедѣльно; на страницахъ этихъ газетъ подвергаются всестороннему обсужденію вопросы, которые имѣютъ хотя бы отдаленную связь съ артельнымъ дѣломъ.

Русскія артели могутъ быть сведены къ тремъ разрядамъ. Первый образуютъ тѣ, которыя, будучи извѣстны еще съ древнѣйшихъ временъ, отличаются простотой строенія, патріархальностью отношеній между членами, руководствуются не законами, не писанными уставами, а обычаемъ. Таковы артели охотниковъ, рыболововъ, крючниковъ, плотниковъ, землекоповъ и многія другія. Обыкновенно эти артели составляются на короткое время, обнимающее періодъ данныхъ работъ (рыболовныя—на зимній или весенній ловъ рыбы, крючники—на время навигаціи), имѣютъ немного членовъ: на новоземельскихъ моржевыхъ промыслахъ—10, на озерахъ Новгородской и Псковской гг. до 20, въ артеляхъ крючниковъ 9—15. Артельщики выбираютъ изъ своей среды *старосту* (*батыря*, *карбасника*, *атамана*); члены, обыкновенно земляки, близко знакомы другъ съ другомъ, и лицо, обладающеее качествами, которыя необходимы для руководителя общимъ дѣломъ, изъ года въ годъ становится во главѣ возникающей артели. Староста пользуется большой властью: иногда ему предоставлено право подвергать членовъ за кражу или ссору даже тѣлеснымъ наказаніямъ. Дѣятельность схода, обнимающаго всѣхъ членовъ, обнаруживается въ такихъ артеляхъ почти исключительно въ началѣ и по окончаніи предпріятія. При началѣ дѣла артель избираетъ себѣ вождя; по окончаніи—она или одобряетъ его распорядительность и изъявляетъ готовность примкнуть къ нему и въ будущемъ году, или же порицаетъ и тѣмъ выражаетъ нежеланіе имѣть его впредь своимъ руководителемъ. Многія изъ этихъ артелей (охотничьихъ, бурлацкихъ, нѣкоторыхъ рыболовныхъ) дѣлятъ всю добычу поравну. Это объясняется тѣмъ, что участники дѣлаютъ равные имущественные взносы и, будучи людьми равной силы и искусства, работаютъ на артель одинаковое количество времени. Въ большинствѣ артелей староста получаетъ изъ добычи бо́льшую долю, нежели рядовые члены. Есть и такой способъ распредѣленія, что одна часть добычи поступаетъ капиталу («на запасъ», какъ говорятъ многіе рыболовы Новгородской и Псковской гг.) и разверстывается между членами соразмѣрно съ долей, взнесенной въ общій капиталъ, напр., соразмѣрно съ частью невода, которую доставилъ каждый членъ; другая же часть добычи служитъ вознагражденіемъ

членовъ за ихъ трудъ. Эти союзы сохраняютъ чистоту артельнаго типа. Во многихъ наемный трудъ вовсе неизвѣстенъ; въ другихъ по временамъ нанимаются работники, но пользованіе наемнымъ трудомъ не составляетъ правила. Многія артели этого разряда (покрученники на промыслахъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана) не ведутъ промысла самостоятельно, а работаютъ изъ опредѣленной части добычи на предпринимателей, которые и доставляютъ артелямъ нужный капиталъ.

Ко второму разряду слѣдуетъ отнести тѣ артели, которыя слагаются на долгое время, имѣютъ уставы, утверждаемые нотаріальнымъ порядкомъ или высшею административною властью, и, отчасти, носятъ характеръ чисто капиталистическихъ предпріятій. Таковы биржевыя, купорныя, дрягильскія, балластныя, таможенныя. Онѣ исполняютъ при биржахъ, торговыхъ заведеніяхъ, конторахъ, таможняхъ работы по упаковкѣ и отправкѣ товаровъ, пріему и выдачѣ денегъ. Эти артели многочленны: въ Петербургѣ и Москвѣ есть биржевыя, имѣющія по 300—400 членовъ. Руководствуясь въ своей жизни подробными уставами, эти артели далеко ушли отъ патріархальной простоты, которая сохранилась въ артеляхъ перваго разряда. Многія выбираютъ старосту только на 1 годъ или даже на 6 мѣсяцевъ. Старосты получаютъ довольно большое жалованье, но ихъ права ограничены: въ петербургскихъ биржевыхъ артеляхъ старостѣ предоставляется налагать на членовъ денежныя пени до 5 рублей, но только подъ условіемъ доложить въ тотъ же день объ этомъ штрафѣ на артельномъ собраніи у образа; а наказанный имѣетъ право оправдываться предъ артелью. Нѣкоторыя артели имѣютъ особый органъ надзора. Въ биржевыхъ таковымъ служитъ писарь; онъ ведетъ артельныя книги, приготовляетъ счета заказчикамъ, сопровождаетъ старосту,—иногда при этомъ есть и еще нѣсколько артельщиковъ,—когда тотъ закупаетъ что-нибудь для артельнаго хозяйства. Предъ общими собраніями избираются особыя ревизіонныя коммиссіи изъ 3—4 артельщиковъ, которые повѣряютъ денежные суммы и докладываютъ общему собранію. Наконецъ, органомъ надзора служатъ общія собранія (называемыя «собраніями у образа»), которыя устраиваются ежедневно на квартирѣ артели, утромъ, передъ выходомъ членовъ на работу, и вечеромъ, по окончаніи работъ. Здѣсь выслушиваются отчеты должностныхъ лицъ о всемъ, что случилось важнаго въ теченіе дня, и дѣлаются распоряженія о работахъ на слѣдующій день. Кромѣ того, 1—4 раза въ годъ бываютъ общія собранія для выбора должностныхъ лицъ, распредѣленія дохода, повѣрки денежныхъ отчетовъ. Такъ какъ большая часть этихъ артелей требуетъ

значительныхъ членскихъ взносовъ (въ биржевыхъ вступныя деньги составляютъ 1000 рублей и болѣе), то капиталъ имѣетъ самостоятельное значеніе; онъ не участвуетъ въ оборотахъ, и нарастающіе проценты распредѣляются между артельщиками соразмѣрно съ суммами, которыя они уплатили въ счетъ вкупныхъ взносовъ. Годовые же заработки дѣлятся между членами соотвѣтственно съ числомъ дней, которые каждый провелъ на работѣ отъ артели. Капиталистическая окраска большинства этихъ артелей выражается въ постоянномъ пользованіи наемнымъ трудомъ. Въ биржевыхъ, дрягильскихъ и другихъ артеляхъ количество труда, поставленное наемными рабочими, нерѣдко въ 2—3 раза превосходитъ количество работы, исполненное членами. Въ Петербургѣ есть биржевыя артели, къ которымъ, въ качествѣ рабочихъ, поступаютъ цѣлыя артели. Такимъ образомъ, эти союзы уже нарушили чистый типъ артельнаго производства.

Мы относимъ къ особому разряду тѣ артели, которыя стали слагаться въ разныхъ отрасляхъ производства, вслѣдствіе увлеченія артельною формой съ конца 60-хъ годовъ. Большею частію, онѣ возникли подъ воздѣйствіемъ извнѣ—со стороны представителей интеллигенціи, земскихъ управъ. Отмѣтимъ артельныя сыроварни въ Тверской и Ярославской гг., артели кузнецовъ и смолокуровъ въ Тверской, ножевщиковъ и замочниковъ въ Тулѣ и Павловѣ, нѣсколько артелей, изготовляющихъ чугунно-литейныя издѣлія въ бывшемъ Мальцевскомъ районѣ и другія. Нѣкоторыя изъ нихъ руководствуются уставами, которые утверждаетъ высшая администрація, имѣютъ правленіе изъ 3—5 членовъ, а иногда и особый органъ надзора — повѣрочный совѣтъ. Изъ дохода артельщики получаютъ обычную плату за трудъ, а прибыль распредѣляется между ними соразмѣрно съ долей каждаго въ артельномъ капиталѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ артелей получили помощь извнѣ. Въ Тверскомъ у. была основана подъ руководствомъ земства 31 артель гвоздарей, которыя получили отъ уѣзднаго земства денежныя ссуды для покупки желѣза; долгъ, оплачиваемый 3% годовыхъ, былъ разсроченъ на 6 лѣтъ; для гвоздарей же тверское земство устроило двѣ складочныхъ артели. Оно выдало ссуды также артелямъ сыроваровъ, смолокуровъ и другимъ. Громкую извѣстность пріобрѣла складочная артель въ селѣ Павловѣ, открывшая свои дѣйствія въ 1873 году; министерство финансовъ дало ей взаймы 30000 рублей. Всѣ эти попытки были неудачны. Большая часть артелей, возникшихъ при условіяхъ, повидимому, столь благопріятныхъ, держались не долѣе 2—3 лѣтъ. Но, изучая причины, вслѣдствіе которыхъ рушились эти артели,

мы убѣждаемся, что недолговѣчность многихъ изъ нихъ не должна быть приписана существу артельной формы, ни даже особенностямъ промысловъ, въ которыхъ онѣ возникли, а стороннимъ обстоятельствамъ или разнымъ ошибкамъ при ихъ основаніи или въ первые годы ихъ жизни. Павловская артель рушилась потому, что ея основатель вышелъ въ концѣ перваго года и не было руководителя, который могъ-бы поддерживать согласіе между членами и наблюдать за исполненіемъ устава. Артели гвоздарей потому закрылись чрезъ 2—3 года по основаніи, что лица, завѣдывавшія артельнымъ складомъ, небрежно принимали товаръ; такъ какъ многіе артельщики привозили негодные гвозди, то крупные торговцы постепенно перестали покупать гвозди въ артельномъ складѣ. Къ этому присоединилось и вліяніе машиннаго производства гвоздей:—оно стало понижать цѣны и дѣлать ручное изготовленіе гвоздей крайне невыгоднымъ. Многія артельныя сыроварни закрылись вслѣдствіе того, что чума уничтожила большія массы скота и уменьшила количество молока, доставляемаго на сыроварни.

Обобщая ошибки, которыя были допущены при учрежденіи и развитіи артелей, мы скажемъ, что основатели дѣйствовали слишкомъ торопливо. Они забывали, что успѣхъ артели, особенно въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ примѣненіе этой формы не было обычнымъ, зависитъ не столько отъ значительности денежныхъ средствъ, сколько отъ нравственныхъ качествъ участниковъ. Они забывали, что мелкій, безкапитальный людъ, выступая соперникомъ болѣе крупныхъ и уже давно упрочившихся промышленныхъ предпріятій, можетъ привлечь къ себѣ покупателей только безусловной добросовѣстностью въ дѣловыхъ сношеніяхъ. А потому, мы признаемъ дѣятельность частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій на этомъ пути лишь въ томъ случаѣ плодотворной, если совершается подборъ честныхъ людей и искусныхъ работниковъ и если руководители бдительно слѣдятъ за исполненіемъ устава. Основанная въ 1886 году артель тульскихъ кустарей старается избѣгнуть ошибокъ своихъ предшественницъ строгимъ отношеніемъ къ издѣліямъ, которыя доставляются ея членами.

Среди попытокъ послѣдняго времени нужно отмѣтить заботы интеллигенціи поднять посредствомъ артелей сельское хозяйство въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. За лѣто 1892 года было образовано 54 артели, каждая изъ 6 членовъ. Учредители артелей имѣли въ виду доставить артельщикамъ лошадей, облегчить пріобрѣтеніе улучшенныхъ сѣменъ и орудій. Изъ суммъ, пожертвованныхъ благотворителями, каждой артели выдана безпроцентная ссуда въ 80—140 рублей. Такъ какъ каждая артель выдѣляетъ

для артельнаго посѣва одну ниву, всего не менѣе $6^1/_2$ десятинъ, съ раздѣломъ урожая между членами, то устраняются невыгоды черезполосицы.

«Артели вырождаются»—вотъ принципіальное возраженіе, которое всего чаще дѣлаютъ противъ этихъ союзовъ. Ихъ члены, достигнувъ довольства, становятся въ ряды капиталистовъ, утрачиваютъ сознаніе своей связи съ рабочимъ классомъ и забываютъ о чувствахъ равенства, которыя одушевляли ихъ при основаніи артели. А потому, говорятъ намъ, артели только помогаютъ небольшому числу лицъ улучшить хозяйственный бытъ, но не имѣютъ всеобщаго значенія; не нужно прилагать особенныя старанія къ ихъ развитію. Этотъ доводъ неубѣдителенъ. Можно было-бы согласиться съ нимъ, еслибы мы обладали волшебнымъ средствомъ, которое сразу поднимаетъ на высокій уровень благосостояніе многихъ милліоновъ. Но это невозможно, а потому нужно дорожить и отдѣльными случаями примѣненія артельнаго труда. Благотворно дѣйствуя на участниковъ, артели имѣютъ также значеніе образцовъ, возбуждающихъ подражаніе среди тѣхъ ремесленниковъ и работниковъ, на глазахъ которыхъ ихъ товарищи по ремеслу улучшаютъ въ артеляхъ свой экономическій бытъ. А такъ какъ изъ всѣхъ существующихъ формъ производства артельное болѣе полно осуществляетъ идею равенства, воспитываетъ умъ своихъ членовъ и охраняетъ ихъ нравственное достоинство, то и частныя лица и общественныя учрежденія, которыя принимаютъ близко къ сердцу судьбы рабочихъ классовъ, должны способствовать возможно болѣе широкому приложенію артельнаго труда.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Хозяйское производство.

Главныя пособія. *Вредень*. Курсъ полит. эконом. 1880. *Тернеръ*. Акціонерн. общ. *Сборн. Госуд. Знаній*, II, 1875. *Herrmann*. Staatswirthsch. Untersuch. *Schäffle* Ueber die Anwendbarkeit der verschied. Unternehmungsformen. Tüb. Zeitschrift, 1869. *Schönberg*, I. *Emminghaus*. Allgemeine Gewerkslehre. *Renaud*. Recht der Actiengesellschaften. 2 A. 1875. *Oechelhäuser*. Die Nachtheile des Akti enwesens. 1876. *Van der Borght*. Statistische Studien über die Bewährung der Aktiengesellschaften. 1883.

Хозяйскія предпріятія могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ классамъ: единоличныя и многоличныя. Оба класса имѣютъ тотъ общій признакъ, что вокругъ владѣльца капитала группируется болѣе или менѣе значительное число рабочихъ.

1) Во главѣ единоличнаго предпріятія стоитъ одно лицо, которое всецѣло несетъ на себѣ юридическую и хозяйственную отвѣтственность. Въ мелкихъ предпріятіяхъ хозяинъ принимаетъ участіе и своимъ трудомъ наравнѣ съ небольшимъ числомъ наемныхъ рабочихъ. Въ среднихъ и крупныхъ предпріятіяхъ хозяинъ только руководитъ дѣломъ, а въ самыхъ крупныхъ—иногда даже завѣдываетъ не лично, а чрезъ посредство наемныхъ людей. Такъ какъ хозяинъ всецѣло заинтересованъ въ успѣхахъ производства и единолично несетъ всѣ потери, то, руководя предпріятіемъ, старается дѣлать въ промыслѣ всѣ нововведенія, которыя обезпечиваютъ ему дальнѣйшее развитіе. Распоряжаясь независимо отъ всякаго вмѣшательства извнѣ, хозяинъ быстро измѣняетъ направленіе производства, если этого требуетъ положеніе рынка. Замѣтимъ также, что въ единоличныхъ предпріятіяхъ нерѣдко наблюдается большая бережливость; хозяинъ затрачиваетъ сравнительно немного для личныхъ потребностей и откладываетъ большую часть дохода на расширеніе производства. А потому, многія единоличныя предпріятія, возникая въ небольшихъ размѣрахъ, достигаютъ значительнаго развитія. Наряду съ этимъ, единоличныя предпріятія представляютъ и свои невыгоды: обыкновенно средства отдѣльнаго лица недостаточны для веденія самыхъ крупныхъ предпріятій; притомъ же, съ расширеніемъ производства за извѣстные предѣлы, одинъ хозяинъ не можетъ обозрѣть все дѣло въ его цѣломъ, и исчезаетъ то благопріятное условіе, которое принято называть «хозяйскій глазъ». Слабая сторона единоличныхъ предпріятій и та, что нерѣдко ихъ процвѣтаніе всецѣло зависитъ отъ жизни и здоровья хозяина, а это мѣшаетъ ихъ долговѣчности. Единоличныя предпріятія примѣнимы во всѣхъ областяхъ промышленной и торговой дѣятельности; они служатъ лучшею формой для тѣхъ отраслей торговли, гдѣ нужно быстро рѣшать и быстро дѣйствовать, дабы выгодно измѣнить направленіе торговыхъ оборотовъ.

2) Многоличныя предпріятія могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ видамъ:

а) *Полное товарищество* состоитъ изъ двухъ или большаго числа лицъ, которыя ведутъ предпріятіе на общій счетъ и подъ общею фирмой. Всѣ участники отвѣчаютъ по обязательствамъ фирмы круговою порукой и всѣмъ своимъ имуществомъ. Соединеніе нѣсколькихъ лицъ для общей цѣли увеличиваетъ капиталъ предпріятія и позволяетъ такъ раздѣлить между участниками руководство товарищескими дѣлами, что каждый можетъ принимать на себя обязанности, наиболѣе соотвѣтствующія его наклонностямъ и способностямъ. Очень выгодною особенностью этой формы служитъ заинте-

ресованность всѣхъ хозяевъ, несущихъ на себѣ полную отвѣтственность. Но полное товарищество не отличается уже тою подвижностью, какъ единоличныя предпріятія: здѣсь, при рѣшеніи каждой задачи, должно быть достигнуто соглашеніе между участниками; несходство въ воззрѣніяхъ можетъ препятствовать быстрому рѣшенію вопроса. Предпріятія этой формы рѣдко достигаютъ самыхъ большихъ размѣровъ: не легко найти больше 3 — 4 лицъ, столь тѣсно связанныхъ между собою, чтобы начинать коммерческое дѣло и отвѣчать всѣмъ имуществомъ. Полное товарищество особенно пригодно для предпріятій, которыя ведутся не въ одномъ мѣстѣ, когда для каждаго отдѣльнаго ряда оборотовъ нуженъ хозяйскій глазъ. Эта форма имѣетъ значеніе также и для тѣхъ предпріятій, которыя требуютъ отъ хозяина различныхъ способностей и разнообразной подготовки, какія рѣдко совмѣщаются въ одномъ лицѣ (напр., подготовка инженера, горнозаводчика, торговца).

б) Второй видъ образуютъ *товарищества на вѣрѣ*. Въ нихъ общая фирма связываетъ какъ людей, которые участвуютъ только своими имущественными взносами (коммандитисты), такъ и тѣхъ, отвѣтственность которыхъ не ограничивается долею въ общемъ капиталѣ. Послѣдніе, неся личную отвѣтственность, являются единственными руководителями предпріятія; ихъ положеніе можетъ быть приравнено положенію членовъ полнаго товарищества. Эта форма производства позволяетъ капиталу достигнуть значительныхъ размѣровъ. Если лично отвѣтственные участники обладаютъ способностями въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ, то ихъ право широко распоряжаться предпріятіемъ часто служитъ залогомъ успѣха. Товарищества на вѣрѣ нерѣдко страдаютъ отъ того, что главные участники злоупотребляютъ своими полномочіями. Эта форма наиболѣе цѣлесообразна въ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя требуютъ большого капитала и гдѣ въ то же время, по характеру промысла, необходима сильная и почти неограниченная власть руководителя. Особую разновидность товариществъ на вѣрѣ образуютъ *коммандитныя акціонерныя общества*. Въ нихъ капиталъ вѣрителей разбивается на паи, представляемые акціями; коммандитисты образуютъ общее собраніе и выбираютъ повѣрочный совѣтъ, который имѣетъ извѣстныя права, признаваемыя за нимъ по закону. Товарищества на вѣрѣ, принимая эту форму, такъ приближаются къ акціонернымъ компаніямъ, что представляютъ выгодныя стороны и недостатки, которые свойственны послѣднимъ.

в) Отличительною особенностью *акціонерныхъ обществъ* служитъ отвѣтственность каждаго изъ участниковъ по всѣмъ дѣламъ предпріятія только суммою, взнесенною въ общій капиталъ. Отдѣльные

акціонеры могутъ не принимать личнаго участія въ предпріятіи, а ограничиваться только имущественнымъ участіемъ. Послѣднее даетъ акціонеру право на часть прибыли, соотвѣтствующую его долѣ въ общемъ капиталѣ. Акціи бываютъ именныя и «на предъявителя»; онѣ недѣлимы, но свободно переходятъ изъ рукъ въ руки и передаются по наслѣдству. Акціонерный капиталъ представляетъ точно опредѣленную величину, пока нѣтъ особаго постановленія измѣнить его. По заключеніи подписки на акціи и возникновеніи акціонернаго общества, права члена даются только пріобрѣтеніемъ акцій; членство утрачивается черезъ отчужденіе или потерю оныхъ. Основной капиталъ можетъ быть увеличенъ тремя способами. Во-первыхъ, выпускомъ новыхъ акцій, которыя вполнѣ приравниваются старымъ. Во-вторыхъ, увеличеніе капитала совершается посредствомъ выпуска пріоритетныхъ акцій, которыя доставляютъ своимъ владѣльцамъ большія имущественныя выгоды (выдачею имъ дивиденда передъ дивидендомъ по основнымъ акціямъ). Но владѣлецъ этихъ акцій ограничивается иногда въ правѣ голоса. Третьимъ средствомъ увеличенія капитала служитъ заключеніе займовъ тѣми способами, которые обычны при заключеніи общественныхъ займовъ (выпускъ пріоритетныхъ облигацій). Владѣльцы пріоритетныхъ облигацій тѣмъ отличаются отъ акціонеровъ, что имѣютъ право на опредѣленный процентъ, который уплачивается имъ до выдачи прибыли (дивиденда), но не имѣютъ права голоса. Акціонеры получаютъ тѣмъ большій доходъ, чѣмъ большую долю въ общемъ капиталѣ составляетъ заемный капиталъ, который пользуется только опредѣленными процентами. Это побуждаетъ многія акціонерныя общества предпочитать именно послѣдній способъ увеличенія капитала; а преобладаніе заемнаго капитала надъ собственнымъ уменьшаетъ прочность предпріятія и служитъ причиною крушенія многихъ акціонерныхъ обществъ.

Уменьшеніе капитала также совершается различными способами. Во-первыхъ, нарицательный капиталъ понижается до нормы, соотвѣтствующей долѣ капитала, уже взнесенной акціонерами. Предположимъ, что нарицательный капиталъ акціонернаго общества опредѣленъ въ 2 милліона рублей, акціонеры же взнесли только половину: если обороты показываютъ, что для успѣшной дѣятельности довольно и одного милліона, то можетъ быть постановлено о пониженіи нарицательнаго капитала, который сполна еще не былъ оплаченъ, до 1 милліона, т.-е. до суммы, уже взнесенной акціонерами. Если акціонерный капиталъ уменьшился вслѣдствіе убытковъ, то акціонерное общество можетъ понизить его до уровня, на который онъ опустился. Дальнѣйшимъ способомъ уменьшенія ка-

питала служитъ частичная по немъ выплата. Въ этихъ видахъ или сполна уплачиваютъ по акціямъ одного или нѣсколькихъ выпусковъ или уплачиваютъ часть капитала по каждой акціи. Кромѣ того, пользуются скупкой на биржѣ опредѣленнаго числа акцій въ извѣстное время; эти акціи затѣмъ уничтожаются. Прибѣгаютъ также и къ тиражу, посредствомъ котораго изъ оборота ежегодно изъемлется опредѣленное число акцій.

Акціонерныя общества имѣютъ три органа. Распорядительная власть принадлежитъ общимъ собраніямъ акціонеровъ. Уставъ опредѣляетъ функціи общихъ собраній и права акціонеровъ; право голоса стоитъ, большею частью, въ зависимости отъ числа акцій, которыми владѣетъ акціонеръ. Исполнительная власть сосредоточивается въ рукахъ правленія (директоровъ); оно можетъ состоять и изъ сторонникъ лицъ. Обязанности правленія опредѣляются уставомъ, а потому его полномочія иногда очень широки, въ другихъ же случаяхъ ограничены. Контроль принадлежитъ повѣрочному совѣту; онъ состоитъ не менѣе, чѣмъ изъ трехъ акціонеровъ, избранныхъ общимъ собраніемъ.

Акціонерныя общества возникаютъ 1) на основаніи общаго закона, установляющаго нормы, исполненіе которыхъ и даетъ жизнь акціонерной компаніи. Это — порядокъ *явочный*, связанный съ небольшимъ числомъ формальностей и свободный отъ хлопотъ, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность 2) *концессіоннаго* порядка. При концессіонномъ порядкѣ каждое акціонерное общество получаетъ особое разрѣшеніе отъ высшей административной власти. Въ Россіи уставы акціонерныхъ обществъ утверждаются комитетомъ министровъ. Удержаніе концессіоннаго порядка оправдывается обыкновенно тѣмъ, что онъ, будто бы, предотвращаетъ многія злоупотребленія, совершаемыя акціонерными обществами, и защищаетъ небогатый людъ отъ потерь, которыя угрожаютъ ихъ сбереженіямъ, затраченнымъ на покупку акцій, если акціонерное предпріятіе не было достаточно продумано. Полагаютъ, что, при концессіонномъ порядкѣ, административное вѣдомство, разсматривающее уставъ и утверждающее его, можетъ быть судьею того, насколько солидно возникшее акціонерное предпріятіе. Но это предположеніе не основательно: чиновники, одобряющіе уставы, вовсе не могутъ быть судьями того, насколько велики для новаго предпріятія шансы успѣховъ или неудачи. Еслибы даже въ составъ административныхъ учрежденій, которыя высказываются о представляемыхъ уставахъ, входили лица съ техническимъ и коммерческимъ образованіемъ, то относительно предпріятій, сколько-нибудь сложныхъ, и они часто не могли бы рѣшить, какъ будетъ

развиваться новое дѣло. Припомнимъ, напримѣръ, какъ много разнообразныхъ мнѣній высказано по поводу недавно начатой сибирской желѣзной дороги. Поэтому, при концессіонномъ порядкѣ, одобреніе устава или отрицательное къ нему отношеніе зависитъ не отъ характера учреждаемаго предпріятія и не отъ вниманія, съ которымъ его оцѣниваетъ административное вѣдомство, а только отъ того, кто представляетъ уставъ. Все зависитъ отъ личнаго отношенія, знакомства. Вотъ обстоятельства, которыя побуждаютъ отдать предпочтеніе явочному порядку предъ концессіоннымъ.

Акціонерныя общества представляютъ въ особенности ту выгоду, что привлекаютъ къ предпріятію имущественныя средства даже такихъ лицъ, которыя, по возрасту, состоянію здоровья, общественному положенію, стоятъ очень далеко отъ промышленной дѣятельности. Ограниченная отвѣтственность акціонеровъ, распредѣленіе риска мелкими долями на очень большую площадь составляетъ другую крупную выгоду. Это облегчаетъ акціонернымъ обществамъ быстро и безъ большихъ затрудненій составлять огромные капиталы. Такъ какъ общество не зависитъ отъ отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ его составъ, то неблагопріятныя случайности, выпадающія на долю отдѣльныхъ акціонеровъ, не мѣшаютъ развитію предпріятія. Слабая сторона акціонерныхъ обществъ — тяжеловѣсность управленія, многочисленность участниковъ, необходимыхъ для веденія дѣла и—часто—ограниченность ихъ полномочій. Сюда присоединяется и недостатокъ бережливости: отдѣльные акціонеры знаютъ, что даже крупное увеличеніе расходовъ ложится на каждаго изъ нихъ только небольшою долею, а потому довольно легко даютъ свое согласіе на излишніе расходы. Условія для возрастанія собственнаго капитала также мало благопріятны. Дивидендъ выходитъ изъ предпріятія и поступаетъ въ личное распоряженіе акціонеровъ. Напомнимъ также, какъ соблазнительно для акціонерныхъ обществъ имѣть широкій кредитъ и, притомъ, на условіяхъ, болѣе выгодныхъ, нежели кредитъ единоличныхъ предпринимателей. Наконецъ, ограниченность риска легко побуждаетъ къ основанію совершенно химерическихъ предпріятій и къ опустошенію кармановъ тѣхъ людей, которые стоятъ далеко отъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ и не имѣютъ возможности даже въ общихъ чертахъ составить себѣ понятіе о зарождающемся предпріятіи. Поэтому, акціонерныя общества служатъ наиболѣе цѣлесообразной формой для предпріятій двоякаго рода: 1) для тѣхъ, гдѣ преобладаетъ постоянный капиталъ, гдѣ почти отсутствуетъ спекулятивное начало, требующее отъ руководителей права широкаго распоряженія; 2) для тѣхъ, которыя не имѣютъ предшествен-

никовъ, которыя возникаютъ въ областяхъ, совершенно неизвѣданныхъ, и гдѣ значительный рискъ, связанный съ каждымъ новымъ дѣломъ, только потому и не страшенъ, что распредѣляется мелкими долями между многими участниками.

Акціонерныя общества сдѣлались извѣстны Италіи еще въ концѣ среднихъ вѣковъ. Старѣйшимъ акціонернымъ обществомъ принято считать генуэзскій банкъ, основанный въ 1407 году. Съ первыхъ годовъ 17 вѣка стали возникать большія акціонерныя общества въ Голландіи (голландско-остъиндское, голландско-суринамское), въ Англіи (англо-остъиндское, южно-океанское, виргинское) и Франціи (остъиндское, вестъиндское, канадское). Кромѣ названныхъ и другихъ акціонерныхъ обществъ для иностранной торговли, акціонерную форму охотно принимаютъ и банки. Въ XIX-мъ же вѣкѣ акціонерная форма получила огромное развитіе. Для Германіи мы имѣемъ къ 1 апрѣля 1888 года такія данныя: было 2,143 акціонерныхъ общества съ акціонернымъ капиталомъ въ 4,876,6 милліон. марокъ (всего болѣе въ банкахъ — 1,598 милл.) и облигаціоннымъ — въ 867 милліоновъ. Въ Австріи въ 1885 году было 380 акціонерныхъ обществъ (кромѣ акціонерныхъ желѣзныхъ дорогъ) съ капиталомъ въ 634.580,000 гульденовъ. Въ Россіи было въ 1891 году 526 многоличныхъ предпріятій всѣхъ разрядовъ, кромѣ желѣзныхъ дорогъ. Изъ нихъ 121 по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, 72 въ сахароваренномъ дѣлѣ, 32 пароходныхъ, 31 коммерческій банкъ.

Мы отнесли къ хозяйскому производству торговыя и промышленныя предпріятія общинъ, города и казны. Эти предпріятія полезны и необходимы, если служатъ важнымъ общественнымъ интересамъ, на которые частная предпріимчивость, стремящаяся къ барышу, вовсе не отвѣчаетъ или же не удовлетворяетъ ихъ въ полномъ объемѣ. Частная предпріимчивость не можетъ удовлетворить ихъ въ полномъ объемѣ потому, что они, самымъ своимъ характеромъ, исключаютъ барышъ, ради котораго частныя лица обыкновенно учреждаютъ предпріятія. Въ подобныхъ случаяхъ умѣстно основаніе и веденіе предпріятія органомъ общественной власти. Государство завѣдуетъ монетнымъ, почтовымъ, телеграфнымъ дѣломъ, не обращаетъ этихъ отраслей въ источники дохода, отстраняетъ отъ нихъ частныхъ лицъ изъ сознанія большой важности этихъ отраслей для всего населенія. Правительство строитъ желѣзную дорогу въ такой мѣстности страны, гдѣ новый путь долгое время не можетъ служить источникомъ значительнаго дохода, однако, имѣетъ обще-культурное значеніе, развиваетъ хозяйственную дѣятельность на обширной площади и поднимаетъ благосостояніе на-

селенія. Городъ завѣдуетъ водоснабженіемъ, освѣщеніемъ улицъ, строитъ и содержитъ конножелѣзныя дороги. Можно одобрить во всѣхъ такихъ отрасляхъ веденіе дѣла органами общественной власти. По формѣ, здѣсь—частно-капиталистическое производство. Но, по духу, оно прямо противоположно частнымъ предпріятіямъ, такъ какъ не разсчитано на полученіе барыша. Общественное значеніе такихъ предпріятій отодвигаетъ на второстепенное мѣсто вопросъ о томъ, насколько экономически выгодно веденіе ихъ государствомъ городомъ или земствомъ. Если-бы такой способъ веденія этихъ отраслей даже увеличивалъ издержки производства сравнительно съ расходами однородныхъ частныхъ предпріятій, то основаніе и веденіе ихъ органами общественной власти должно быть оправдано. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣдуетъ ставить вопросъ не о томъ, нужно-ли, напр., самому городу завѣдывать водоснабженіемъ и освѣщеніемъ или предоставить это дѣло частному обществу, а о томъ, слѣдуетъ ли завѣдывать городу чрезъ своихъ служащихъ или, быть можетъ, чрезъ посредство частныхъ лицъ подъ неослабнымъ надзоромъ органовъ городскаго управленія. Или, напр., въ дѣлѣ организованія и веденія нѣкоторыхъ отраслей почтовой части (перевозка пассажировъ на лошадяхъ) слѣдуетъ ставить вопросъ о томъ, полезно-ли завѣдывать этимъ дѣломъ исключительно чрезъ чиновниковъ или чрезъ частныхъ лицъ (сдача почтовой гоньбы съ подряда), но подъ строгимъ надзоромъ правительственныхъ учрежденій. Вполнѣ умѣстно и такое правительственное, земское или городское предпріятіе, которое дастъ частнымъ лицамъ образецъ, достойный подражанія: фарфоровый заводъ, оружейная фабрика, образцовая ферма и проч. Каждое предпріятіе, создаваемое въ качествѣ образца для частныхъ производителей, только тогда и можетъ быть оправдано, когда обладаетъ крупными, исключительными техническими достоинствами, возвышающими его надъ среднимъ уровнемъ предпріятій даннаго рода. Организованіе и веденіе такого предпріятія общественной властью приноситъ наибольшую пользу въ томъ случаѣ, если промышленники данной отрасли (это особенно примѣнимо къ мелкимъ производителямъ) не имѣютъ доступа къ образцовымъ учрежденіямъ своей профессіи и затруднены въ улучшеніи своего производства. И здѣсь самая цѣль предпріятія заставляетъ выдвинуть на первое мѣсто вопросъ не о томъ, насколько великъ или малъ доходъ, а о томъ, насколько отрасль промышленности или группа лицъ, для которыхъ основано это учрежденіе, могутъ извлечь выгоды изъ новаго примѣра, насколько, подъ его вліяніемъ, можетъ усовершенствоваться данная область народнаго труда. Въ странѣ, гдѣ промышленное искусство стоитъ на

низкомъ уровнѣ, такія учрежденія должны быть содержимы казною, городомъ, земствомъ. Кто организуетъ и ведетъ ихъ—органъ ли общественной власти чрезъ своихъ чиновниковъ, или же частныя лица, хорошо подготовленныя и оплачиваемыя казною или городомъ, это—второстепенные вопросы; они должны быть рѣшаемы въ связи съ условіями даннаго времени и мѣста.

Но мы относимся отрицательно къ предпріятіямъ казны, города или земства, которыя не только по *формѣ*, но и по *духу*, соотвѣтствуютъ частнокапиталистическому производству, т. е. созидаются для доставленія барыша. Монополизирована ли изъ этихъ побужденій отрасль промышленности — возьмемъ табачную, соляную монополіи—или же общественная власть ведетъ данное предпріятіе наряду съ частными лицами, страна проигрываетъ, такъ какъ не могутъ быть соблюдены всѣ выгоды, доставляемыя частными предпріятіями. Сторонники промысловой дѣятельности государства выдвигаютъ такой аргументъ: если во многихъ отрасляхъ производства вполнѣ примѣнимы акціонерныя общества, то и государство можетъ хозяйничать съ успѣхомъ; какъ въ его хозяйствѣ, такъ и въ акціонерныхъ предпріятіяхъ нѣтъ «хозяйскаго глаза» и управляющіе дѣломъ только отчасти заинтересованы въ успѣхѣ предпріятія. Разсуждать такъ—значитъ забывать, что здѣсь нѣтъ полнаго сходства. Почти во всѣхъ отрасляхъ промышленной и торговой дѣятельности, гдѣ возникаютъ акціонерныя общества, ведутся и другія многоличныя и единоличныя предпріятія. Если одни изъ нихъ тяжеловѣсны, даютъ малый барышъ, то другія пользуются всѣми выгодами, которыя представляетъ данная отрасль. Если же казна монополизировала извѣстную отрасль, то въ ней установляется исключительно одинъ порядокъ, свойственный казенному производству, не менѣе и даже болѣе тяжеловѣсный, нежели порядокъ акціонерныхъ компаній. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ, при наличности многихъ и разнообразныхъ предпріятій, цѣлая отрасль можетъ быть ведена болѣе хозяйственно. Казнѣ, городу, земству, какъ носителямъ финансовыхъ правъ, которыя осуществляются въ требованіи съ гражданъ налоговъ, вовсе нѣтъ надобности вести промышленныя предпріятія для полученія барыша. Всѣ эти предпріятія заслуживаютъ особенно строгаго порицанія, если органы общественной власти относятся къ наемному люду недостаточно гуманно, если они, подобно частнымъ хозяевамъ, мало заботятся о работникахъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Размѣщеніе системъ и отраслей производства.

Главныя пособія. *v. Thünen.* Der isolirte Staat. 1842. *Roscher.* System, II и III.

Нѣмецкій экономистъ фонъ-Тюненъ поставилъ въ своемъ сочиненіи «Уединенное государство» вопросъ о томъ, какъ размѣщаются въ странѣ отрасли сельскаго хозяйства и системы земледѣлія. Для упрощенія задачи онъ признаетъ всѣ части своего государства однородными и считается только съ однимъ измѣняющимся условіемъ,—*отдаленностью отъ рынка.* Государство Тюнена есть равнина, лишенная водныхъ путей, съ однообразными условіями почвы и климата. Въ центрѣ равнины находится городъ, который служитъ единственнымъ рынкомъ для всѣхъ товаровъ, производимыхъ въ разныхъ мѣстахъ равнины. Цѣна въ городѣ служитъ главнымъ условіемъ, съ которымъ должны сообразоваться производители. Чѣмъ больше мы удаляемся отъ города, тѣмъ ниже становится цѣна земледѣльческихъ произведеній, такъ какъ тѣмъ большую ея часть поглощаютъ расходы на перевозку. По мѣрѣ того, какъ цѣны на произведенія почвы понижаются, хозяйство должно становиться все болѣе экстензивнымъ. Системы земледѣлія и отрасли производства должны располагаться вокругъ города концентрическими поясами. Около города будутъ воздѣлываться тѣ произведенія, которыя не выносятъ дальней перевозки: таковы, во-первыхъ, предметы громоздкіе, какъ, напр., сѣно, дрова и, во-вторыхъ, предметы, легко подвергающіеся порчѣ, напр., молочный скопъ. Поэтому, въ поясѣ, ближайшемъ къ городу, будетъ господствовать вольное хозяйство. Близость рынка сбыта, густое населеніе, обиліе въ городѣ ненужнаго ему удобренія позволитъ довести подгородное хозяйство до высокой степени интензивности. Въ слѣдующемъ поясѣ будетъ производиться хлѣбъ и другіе продукты, довольно цѣнные и способные выносить продолжительную перевозку. На большомъ разстояніи отъ города производство хлѣба перестаетъ быть выгоднымъ; земля будетъ служить только пастбищемъ: такъ какъ скотъ самъ переноситъ себя, то его можно выращивать вдали отъ города. Наконецъ, на окраинныхъ поясахъ государства будутъ жить только немногіе охотники и рыболовы; изъ своихъ продуктовъ они будутъ доставлять городу цѣнные мѣха, выносящіе далекую перевозку.

Дѣйствительная жизнь даетъ намъ картину, во многомъ несход-

ную съ *уединеннымъ государствомъ*. 1) Каждая обширная страна имѣетъ нѣсколько большихъ рынковъ сбыта, установляющихъ цѣны на земледѣльческія произведенія. 2) Каждая страна имѣетъ естественные и искусственные пути сообщенія, каналы, рѣки, желѣзныя дороги; они удешевляютъ перевозку и какъ бы приближаютъ мѣсто производства къ рынку сбыта. Это немедленно отражается на цѣнахъ земледѣльческихъ продуктовъ. До 1868 г. цѣна ржи достигала въ нашихъ портахъ 11—12 р. за четверть, тогда какъ въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ не превышала 2 р. 70 к. Теперь такая разница неизвѣстна. Проведеніе желѣзной дороги въ далекую мѣстность поднимаетъ въ ней цѣну земледѣльческихъ произведеній и облегчаетъ переходъ къ болѣе интензивному сельскому хозяйству. 3) Области каждой обширной страны различаются между собою по почвѣ и климату. 4) Наконецъ, имѣютъ большое вліяніе и разныя второстепенныя условія: обиліе хорошихъ луговъ, личныя качества сельскихъ хозяевъ. Но, перенося законы, открытые Тюненомъ, на дѣйствительную жизнь, можно въ общемъ установить то положеніе, что густо населенныя и богатыя мѣстности соотвѣтствуютъ его ближайшимъ къ городу поясамъ, рѣдко населенныя и бѣдныя—болѣе отдаленнымъ. Видъ земледѣльческой системы еще и потому обусловливается отдаленностью мѣстности отъ рынка сбыта, что, на основаніи законовъ земледѣльческой статики, земля должна получить обратно все, что взято изъ нея. На подгородныхъ участкахъ можно брать много изъ почвы, такъ какъ все взятое возвращается ей въ видѣ удобренія, которое доставляетъ городъ. А потому, хозяйство можетъ быть интензивно. Въ отдаленныя мѣстности трудно и даже невозможно возить удобреніе изъ города: слѣдовательно, нужно вести хозяйство, болѣе экстензивное. Все это объясняетъ, почему цвѣтущее садоводство и огородничество встрѣчается, по преимуществу, вблизи большихъ городовъ: многія овощи (рѣпа, морковь) и плоды не переносятъ дальней перевозки. Въ большихъ городахъ потребляется огромное количество молока. До проведенія желѣзныхъ дорогъ молоко не выносило перевозки болѣе, нежели на 25 верстъ въ большіе города, съ высокими цѣнами, и 10 верстъ—въ малые; поясъ производства молока былъ очень ограниченъ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ молоко привозится въ большіе города изъ-за 200 — 300 верстъ. Такимъ образомъ, округъ скотоводства значительно расширился. Въ Парижъ молоко привозится изъ мѣстъ, отстоящихъ на 5 часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, въ Нью-Іоркъ—изъ-за 200 верстъ и болѣе. Значительное молочное хозяйство подъ городами связано съ производствомъ большого количества кормовыхъ травъ [1]).

Въ международныхъ отношеніяхъ, страны съ экстензивнымъ хозяйствомъ, рѣдкимъ населеніемъ, неразвитой обработывающей промышленностью играютъ роль тѣхъ поясовъ государства Тюнена, которые производятъ хлѣбъ. Такъ какъ въ международной торговлѣ страны обмѣниваются своими произведеніями, то необходимо, чтобы страна, вывозящая хлѣбъ, имѣла потребность въ фабрикатахъ, доставляемыхъ ей страной, которая покупаетъ у нея хлѣбъ, т. е. первая страна должна стоять на нѣкоторой ступени развитія. Теперь страной, ввозящей всего болѣе хлѣба, служитъ Англія: она покупаетъ $^2/_3$ всего потребляемаго количества. Всего болѣе хлѣба вывозится изъ Россіи, Соединенныхъ Штатовъ и Индіи. Между 1838—40 г.г. Россія вывозила ежегодно по 4.100.000 четвертей, въ 1868—70 г.г. до 15 милліоновъ, а въ 1888 г. — до 65 милліоновъ четвертей. Соединенные Штаты вывезли въ 1874—5 г.г. 104 милліона бушелей въ зернѣ и мукѣ, а въ 1880-хъ г.г. по 180 — 190 милліоновъ ежегодно. Хотя всѣ страны, за исключеніемъ Англіи, производятъ сами большую часть необходимаго количества хлѣба, однако, извѣстная густота населенія и извѣстная степень развитія обработывающей промышленности дѣлаютъ ввозъ хлѣба выгоднымъ и даже необходимымъ для страны; когда населеніе очень густо, то приростъ его, какъ бы сильно ни удобрялась земля, стремится обогнать увеличившееся производство хлѣба. — Хлѣбныя растенія переносятъ тѣмъ болѣе далекую перевозку, чѣмъ болѣе освобождаются отъ дешевыхъ частицъ: муку и водку можно перевозить дальше, чѣмъ зерно [2]).

Въ Россіи можно найдти всѣ пояса «Уединеннаго государства». Петербургъ, Москва, Кіевъ, Варшава и другіе значительные города служатъ рынками сбыта для произведеній довольно большой округи. Въ ихъ окрестностяхъ широко развились садоводство и огородничество. Окружающія Москву деревни получаютъ изъ столицы все удобреніе, а это позволяетъ имъ усиленно заниматься разведеніемъ плодовыхъ деревьевъ, ягодъ и овощей. Здѣсь господствуетъ вольная система. Во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ обращено особенное вниманіе на молочное скотоводство; ихъ владѣльцы содержатъ молочныя въ Москвѣ и ежедневно снабжаютъ столицу свѣжимъ молокомъ посредствомъ гужевой и желѣзнодорожной перевозки. Сѣно доставляется въ Москву изъ неотдаленныхъ поясовъ: изъ Серпуховскаго и Коломенскаго уѣздовъ, съ москворѣцкихъ и окскихъ луговъ. Введеніе въ оборотъ прессованнаго сѣна сдѣлало возможнымъ поставлять его на болѣе отдаленные рынки: теперь прессованное сѣно посылается въ Петербургъ и Москву изъ минскаго Полѣсья. Дрова привозятъ также изъ мѣстностей, сравни-

тельно недалекихъ: изъ уѣздовъ Московской и ближайшихъ уѣздовъ Смоленской губерній, не далѣе какъ за 150—200 верстъ при желѣзнодорожномъ сообщеніи. Зерновой хлѣбъ выдерживаетъ сравнительно болѣе далекую перевозку: его поставляютъ Москвѣ Рязанская и болѣе южныя губерніи. Воздѣлываніемъ льна и конопли занимаются сѣверныя и сѣверозападныя губерніи. Свекловицей и табакомъ—Малороссія, Бессарабія, Низовье Волги и т. д. Окраины Россіи, ведущія вполнѣ экстензивное хозяйство, служатъ мѣстами производства мясного скота для нашихъ большихъ центровъ: таковы Ставропольская и Астраханская губерніи, Самарская, Оренбургская, Уфимская, Земля Войска Донского. Скотъ собирается въ нѣкоторыхъ сборныхъ мѣстахъ (Нѣжинѣ, Изюмѣ, Ростовѣ на Дону и другихъ). Изъ этихъ мѣстъ скотъ перегоняется на зиму въ срединныя губерніи и ставится для откорма на винокуренныхъ и свеклосахарныхъ заводахъ; уже оттуда его гонятъ въ столицы. За послѣднее время гурты скота стали перевозиться по желѣзнымъ дорогамъ. Овцеводство, дающее сырой матеріалъ суконнымъ фабрикамъ, распространено, главнымъ образомъ, въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, Бессарабіи, Землѣ Войска Донского. Рыболовство составляетъ главное занятіе населенія на окраинахъ, еще болѣе отдаленныхъ: по берегамъ Бѣлаго, Каспійскаго, Азовскаго морей. Охота—въ сѣверовосточной части Европейской Россіи, въ сѣверной и средней Сибири.

Проведеніе желѣзныхъ дорогъ оказываетъ очень большое вліяніе на размѣщеніе отраслей промышленности. Страна имѣетъ возможность пріобрѣтать изъ-за-границы то, что прежде производила дома, а потому и измѣняется направленіе народнаго труда. Съ проведеніемъ американской и южнорусской сѣтей сталъ возможенъ усиленный привозъ хлѣба въ Великобританію, и мѣстное производство сократилось: въ концѣ 60-хъ годовъ подъ хлѣбомъ было $11^1/_2$—12 милліоновъ экровъ, а въ 1889—9.600,000. Въ первой половинѣ 70-хъ годовъ изъ Индіи вывозилось ежегодно не болѣе $1^3/_4$ милліон. центнеровъ пшеницы, а въ концѣ 80-хъ годовъ—17—18 милліон. центнеровъ. Изъ Аргентинской республики было вывезено хлѣба въ зернѣ и мукѣ: въ 1880 г.—на 471,000 франк., 1881—на 676,000, а въ 1887, 88 и 89—на 14—17 мил. франковъ. Овцеводство оттѣсняется въ страны все болѣе отдаленныя, дѣвственныя: теперь Австралія, Лаплата и Капская земля поставляютъ Европѣ массу шерсти.

Законъ, открытый Тюненомъ относительно размѣщенія въ странѣ отраслей сельскаго хозяйства и системъ земледѣлія, не можетъ быть во всей полнотѣ приложенъ къ другимъ отраслямъ промышленности.

Горное дѣло, по самому характеру этого промысла, развивается вблизи мѣсторожденій минераловъ; воды, богатыя рыбой, опредѣляютъ мѣстонахожденіе рыболовнаго промысла. Обработывающая промышленность почти не зависитъ отъ условій почвы и климата; ея продукты отличаются прочностью, а потому она свободна въ выборѣ мѣста. Возникающія предпріятія тяготѣютъ или къ областямъ добыванія сырыхъ матеріаловъ, или къ мѣстамъ, гдѣ уже существуютъ однородные промыслы и гдѣ, поэтому, можно найдти рабочихъ, привычныхъ къ данной отрасли труда. Новыя фабрики по обработкѣ льна тяготѣютъ къ средоточіямъ этой промышленности въ Ярославской, Костромской и Нижегородской губерніяхъ; въ Шуѣ и Ивановѣ-Вознесенскѣ всего легче возникаетъ ситценабивная фабрика, въ Бѣлостокѣ — суконная. Зависимость же сельскаго хозяйства отъ почвы и климата, непрочность многихъ сельскохозяйственныхъ произведеній заставляютъ отдѣльные виды именно этой обширной вѣтви народнаго труда размѣщаться согласно съ законами, которые открылъ Тюненъ. Эти законы оставляютъ для отдѣльныхъ сельскихъ хозяевъ довольно ограниченную свободу выбора.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЯТНАДЦАТОЙ ГЛАВѢ.

1) Косцы окрестностей Лондона славятся своей ловкостью и силой. — Подгородное хозяйство и потому свободно въ выборѣ растеній, что получаетъ изъ города огромное количество удобренія. „Земля есть лучшее дезинфецирующее средство для тѣхъ веществъ, вывоза которыхъ такъ же сильно желаетъ городъ, какъ привоза—деревня“ (Roscher II, 141). Изъ Лондона, напр., навозъ вывозится до графства Кентъ, лежащаго въ 120 верстахъ. Парижъ и многіе города Бельгіи уже издавна продавали свой навозъ за значительныя суммы. Еще въ 1867 г. въ Англію было ввезено до 6½ милліоновъ центнеровъ удобренія, гуано, костей и др. Для Перу гуано служитъ главнымъ предметомъ вывоза: въ 1866 г. оно вывезло его на 80 милліоновъ франковъ при стоимости всего вывоза въ 199 милліоновъ.

2) 100 фунтовъ хлѣба можетъ быть превращено въ 19 — 23 фунта алкоголя, 100 фун. картофеля—въ 7—8 фунтовъ алкоголя. При обращеніи хлѣба въ водку, на мѣстѣ производства остаются солома и барда (отъ 100 фунтовъ хлѣба она даетъ количество питательныхъ веществъ, равное 100 фунтамъ сѣна), питающія скотъ, который даетъ землѣ удобреніе. Водочные заводы все болѣе переходятъ изъ города въ деревню.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Доходъ.

Главныя пособія. *Адамъ Смитъ. Ricardo.* Principles of political economy. Рус. переводъ Зибера. *Herrmann. Schmoller.* Die Lehre vom Einkommen. Tübing. Zeitschr. 1863. *Wagner.* Lehrbuch. *Guth.* Die Lehre vom Einkommen. 1869. *Weiss.* Lèhre vom Einkommen, Tüb. Zeitschr., 1877 и 78. *Meyer.* Das Wesen des Einkommens. 1887.

Первыя попытки научнаго опредѣленія дохода были сдѣланы школой физіократовъ. Отводя сельскому хозяйству главное мѣсто среди отраслей производства, физіократы раздѣляютъ весь доходъ отъ земледѣлія на валовой и чистый. Только земледѣліе, говорятъ они, даетъ чистый доходъ; размѣрами этого дохода обусловливается возможность для народа платить подати, увеличивать благосостояніе, содержать лицъ, производящихъ нематеріальныя цѣнности (чиновниковъ, врачей, ученыхъ и другихъ). Но физіократы не дали общаго ученія о доходѣ.

Ученіе физіократовъ послужило главной точкой отправленія для Ад. Смита и многихъ послѣдующихъ писателей. Въ ученіи Ад. Смита о доходѣ мы встрѣчаемъ существенныя противорѣчія. Въ однихъ случаяхъ онъ говоритъ, что чистый доходъ получается только отъ земледѣльческаго производства, и этимъ примыкаетъ къ физіократамъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ идетъ дальше и говоритъ, что доходъ получается въ видѣ ренты и прибыли на капиталъ, что лица, живущія трудомъ своихъ рукъ, не имѣютъ чистаго дохода. Адамъ Смитъ стоитъ при этомъ на точкѣ зрѣнія частнаго хозяйства; онъ вычисляетъ, какъ предприниматель. Утверждая, что народное богатство измѣряется не валовымъ, а чистымъ дохо-

домъ, онъ оцѣниваетъ общественное хозяйство съ точки зрѣнія частнаго. Въ другомъ мѣстѣ Адамъ Смитъ становится, однако, на точку зрѣнія общественнаго хозяйства и, давая понятіе о доходѣ, уже имѣетъ въ виду валовой доходъ. Онъ говоритъ, что валовой доходъ есть все то, что страна получаетъ изъ земли и отъ труда населенія. Все населеніе, добавляетъ онъ, живетъ на валовой доходъ, а не на чистый [1]). Онъ отдаетъ предпочтеніе сельскому хозяйству предъ всѣми другими отраслями производства потому, что «капиталъ, вложенный въ земледѣльческій промыселъ, приводитъ въ движеніе наибольшее количество производительнаго труда».

Непослѣдовательность Адама Смита должна быть приписана тому, что онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ физіократовъ: изслѣдуя экономическія явленія, онъ отожествляетъ интересы частнаго хозяйства съ интересами хозяйства общественнаго. Но его глубокій умъ, обогащенный историческими знаніями, не могъ быть послѣдовательнымъ, разъ за исходную точку было взято такое невѣрное положеніе. Отсюда его колебанія въ опредѣленіи дохода, неясное отграниченіе чистаго дохода отъ валового и неопредѣленность при уясненіи того, что составляетъ главную цѣль общественнаго хозяйства.

Противорѣчія въ ученіи Адама Смита послужили предметомъ нападокъ для Рикардо. Въ небольшой главѣ, посвященной вопросу о доходѣ, Рикардо разсуждаетъ такимъ образомъ: «Въ каждой странѣ всѣ произведенія земли и труда раздѣляются на три части: изъ нихъ одна—заработная плата, другая—прибыль, третья—рента. Только изъ двухъ послѣднихъ могутъ быть уплачены налоги и сдѣланы сбереженія; первая, если она умѣренна, образуетъ только необходимыя издержки производства. Для отдѣльнаго лица съ капиталомъ въ 20.000 фунтовъ и ежегодной прибылью въ 2.000 совершенно безразлично, занимаетъ его капиталъ сто или тысячу человѣкъ, продаются его товары за 10.000 или за 20.000 фунтовъ, предполагая, что во всѣхъ случаяхъ прибыль его не падаетъ ниже 2.000 фунтовъ. Не таковъ ли дѣйствительный интересъ и всего народа? Не важно, состоитъ народъ изъ десяти или двѣнадцати милліоновъ жителей, лишь бы его дѣйствительный чистый доходъ, его рента и прибыль были тѣ же самыя. Способность его содержать флотъ и войско и всѣ виды непроизводительнаго труда находятся въ соотвѣтствіи съ его чистымъ, но не валовымъ доходомъ» [2]). Рикардо, какъ видно изъ этого отрывка, считаетъ чистымъ доходомъ только ренту и прибыль. Это и отличаетъ Рикардо отъ физіократовъ, признающихъ чистымъ доходомъ только ренту. Объяв-

ляя главною цѣлью хозяйства полученіе наибольшаго чистаго дохода, онъ въ концѣ концовъ сводитъ ее къ производству благъ, а не къ ихъ распредѣленію и потребленію. Оцѣнивая выгоды народа съ точки зрѣнія землевладѣльца и капиталиста, Рикардо оставляетъ безъ вниманія интересы громадной массы населенія, живущаго личнымъ трудомъ: чѣмъ больше доля рентьеровъ и капиталистовъ, тѣмъ лучше, и чѣмъ ниже заработная плата, — тѣмъ выгоднѣе. Рикардо послѣдователенъ, дѣлая выводъ, что, при бо́льшемъ чистомъ доходѣ, можно содержать большій флотъ и большее войско; но сомнительно, чтобы, при общественномъ порядкѣ, который направленъ на увеличеніе только прибыли и ренты, люди, наполняющіе флотъ и войска, были одушевлены горячею любовью къ родинѣ. Въ положеніи Рикардо есть еще одна крупная ошибка: онъ признаетъ число жителей безразличнымъ для интересовъ государства и общественнаго хозяйства. Дабы общественное хозяйство безостановочно шло впередъ, необходимо развитое сотрудничество, которое возможно только при значительной плотности населенія. Густое населеніе способствуетъ быстрому развитію сотрудничества, наибольшему развитію техники въ обширномъ смыслѣ; а все это ведетъ и къ наибольшему росту народнаго благосостоянія. Если двѣ страны, при равно обширныхъ территоріяхъ, одинаковыхъ климатическихъ и другихъ условіяхъ, имѣютъ неодинаковое населеніе (положимъ, одна—пять, а другая—десять милліоновъ жителей) то, хотя бы онѣ имѣли равные чистые доходы, несомнѣнно, вторая страна, обладая большими данными для развитія сотрудничества, имѣетъ болѣе благопріятныхъ условій и для роста народнаго богатства.

Противорѣчія Адама Смита и послѣдовательность Рикардо объясняются ихъ индивидуальными особенностями. Рикардо — сильный логическій умъ, далеко не обладавшій тѣмъ широкимъ историческимъ кругозоромъ, который отличаетъ Адама Смита. Глубокія историческія знанія послѣдняго часто заставляютъ его быть виновнымъ передъ логикой. У Рикардо этихъ данныхъ не было, а несокрушимая сила логики, создавшая ему прочный авторитетъ, вела его къ конечнымъ заключеніямъ изъ принятыхъ посылокъ, какъ бы ни было трудно примирить эти выводы съ дѣйствительной жизнью.

Въ ученіи о доходѣ отъ Рикардо всего ранѣе отклонился Симондъ де Сисмонди. «Что-же? восклицаетъ онъ, богатство все, а человѣкъ ничего? Не лучше ли, чтобы въ Англіи оставался одинъ король, который приводилъ бы въ движеніе машины и производилъ ими всѣ блага?» [3]) Сисмонди замѣчаетъ, что все народонасе-

леніе живетъ на валовой доходъ. Но, отклоняясь отъ Рикардо, Сисмонди не внесъ крупныхъ измѣненій въ ученіе о доходѣ и сбивался на почву, которую подготовилъ Рикардо.

Для разработки этого ученія много сдѣлано Германномъ и Вагнеромъ. Германнъ оставилъ точку зрѣнія частнаго хозяйства и усвоилъ точку зрѣнія хозяйства народнаго. По его мнѣнію, доходъ есть совокупность хозяйственныхъ благъ, которыя лицо можетъ затратить въ опредѣленное время, не разрушая источниковъ дохода. Всѣ члены общества, занимающіеся полезнымъ трудомъ, живутъ на собственный доходъ, а не на доли прибыли и ренты. Доходъ поступаетъ изъ двухъ источниковъ: отъ труда и отъ пользованія имуществомъ. Послѣднее проявляется или а) въ извлеченіи дохода посредствомъ отдачи капитала въ пользованіе другимъ, или б) въ самоличномъ пользованіи имуществомъ (напр., владѣлецъ дома самъ занимаетъ въ немъ квартиру). Равнымъ образомъ и доходъ отъ труда облекается въ двоякую форму: онъ выражается или въ суммѣ благъ—деньгахъ (учитель получаетъ денежную плату за обученіе), или въ видѣ натуральнаго пользованія своей рабочей силой (обученіе грамотѣ собственныхъ дѣтей). Германнъ задается вопросомъ, слѣдуетъ ли различать валовой и чистый доходы. Это различеніе, говоритъ онъ, повело только къ большой путаницѣ въ понятіяхъ, сопряженной и съ практическими неудобствами. По его мнѣнію, валовой доходъ обнимаетъ всю совокупность поступленій (Erträge); все же, что человѣкъ затрачиваетъ на удовлетвореніе своихъ потребностей, есть чистый доходъ (Einkommen). Каковъ бы ни былъ источникъ дохода (прибыль, рента, заработная плата), разъ доходъ затрачивается на удовлетвореніе личныхъ потребностей, онъ есть чистый доходъ. Народъ заинтересованъ въ увеличеніи всѣхъ видовъ дохода и возможно болѣе равномѣрномъ его распредѣленіи. Германнъ сдѣлалъ первую попытку систематическаго обозрѣнія дохода въ народномъ хозяйствѣ.

Послѣ этихъ историко-догматическихъ замѣчаній мы можемъ опредѣлить валовой *доходъ*, какъ *совокупность хозяйственныхъ благъ, поступающихъ въ распоряженіе хозяйственной единицы*. Понятіе о чистомъ доходѣ можетъ быть уяснено только ознакомленіемъ съ издержками производства, т.-е. вычетами изъ общей суммы поступленій, притекающихъ къ данной хозяйственной единицѣ.

Издержки производства должны быть раздѣлены на два разряда.

1) Однѣ изъ нихъ могутъ быть названы *естественно-необходимыми*; каковъ бы ни былъ общественный строй, онѣ должны быть сдѣланы, дабы сохранились въ цѣлости источники дохода: чтобы получить жатву, необходимо высѣять извѣстное количество сѣ-

мянъ; для поддержанія разныхъ отраслей промышленности необходимо затратить извѣстное количество топлива и т. д. Словомъ, сюда относятся всѣ издержки, которыя заставляютъ силы природы служить хозяйственнымъ цѣлямъ человѣка. Къ этому разряду издержекъ производства слѣдуетъ отнести также тѣ затраты, которыя необходимы для содержанія всего работающаго населенія страны. Масса благъ, которая должна быть потреблена лицами, прямо или косвенно участвующими въ производствѣ, можетъ быть исчисляема или по низшему уровню физіологически необходимыхъ потребностей, безъ всякаго различенія общественныхъ группъ и распространенныхъ среди нихъ потребностей, или же съ принятіемъ въ разсчетъ этихъ различій: мы можемъ сказать, напримѣръ, что потребности каждой семьи изъ 5 душъ покрываются затратою 300 рублей въ годъ, или же признаемъ необходимымъ для одной — 300, для другой — 700, для третьей 1,500 рублей и т. д. Первый способъ вычисленія подкупаетъ своей простотой, но имѣетъ малое практическое значеніе; второй болѣе труденъ, но ведетъ къ важному и для практическихъ цѣлей опредѣленію чистаго дохода. Такъ какъ сложившіяся потребности представляютъ общественно-физіологическій фактъ, то удовлетвореніе ихъ въ размѣрахъ, необходимыхъ только для поддержанія жизни, воспрепятствовало бы народу получать всю совокупность хозяйственныхъ благъ, которыми онъ располагаетъ, и тѣмъ лишило бы его возможности поддерживать въ цѣлости источники его доходовъ. Въ этотъ разрядъ должны быть относимы какъ индивидуальныя потребности, такъ и многія изъ удовлетворяемыхъ общественной властью [5]).

Второй способъ исчисленія ставитъ, повидимому, всѣ разсчеты на очень зыбкую почву. Если мы слышимъ отъ высокопоставленнаго чиновника, или управляющаго крупнымъ промышленнымъ предпріятіемъ, или моднаго врача, что на 15—20,000 рублей въ годъ едва можно удовлетворить потребности, ставшія обычными, то еще нѣтъ основанія относить всю эту сумму въ разрядъ необходимыхъ издержекъ, которыя должны быть сдѣланы, дабы эти лица исполняли свои обязанности и участвовали въ общественномъ процессѣ производства. Люди достаточныхъ классовъ считаютъ необходимыми многія потребности, которыя вовсе не заслуживаютъ этого признанія: если удовлетвореніе ихъ и пріятно, то неудовлетвореніе не можетъ умалять производительность труда. Высокопоставленный чиновникъ, въ силу сложившихся у него вкусовъ и привычекъ, можетъ, пожалуй, считать необходимой ежегодную затрату во столько-то тысячъ на балы, обѣды, пріемы. Но было бы слишкомъ наивно считать этотъ расходъ необходимымъ для того,

чтобы данное лицо съ успѣхомъ исполняло свои административныя или судебныя обязанности, важныя для правильнаго развитія народнаго хозяйства. Оставимъ безъ вниманія всѣ эти требованія, поскольку ихъ источникомъ служатъ безконечно разнообразные вкусы и прихоти. Съ тѣмъ вмѣстѣ, мы предпочитаемъ второй способъ исчисленія, такъ какъ для него есть и твердыя точки опоры. Сумма благъ, необходимая для успѣшнаго участія человѣка въ процессѣ производства, опредѣляется 1) потребностями организма, какъ онѣ сложились подъ вліяніемъ подготовки къ извѣстной работѣ и какъ онѣ поддерживаются особенностями даннаго труда. Возьмемъ, съ одной стороны, земледѣльца, ремесленника, чернорабочаго, съ другой—учителя и врача. Первые вели съ юныхъ лѣтъ подвижной образъ жизни; ихъ работа поддерживаетъ ихъ тѣло въ постоянномъ движеніи, а потому они обладаютъ выносливыми пищеварительными органами. Вторые, и подготовляясь къ своему призванію, и исполняя обязанности учителя и врача, вели и ведутъ, сравнительно, сидячую жизнь и имѣютъ болѣе требовательный пищеварительный аппаратъ. А потому первые могутъ поддерживать свои силы болѣе простой и дешевой пищей, нежели вторые. 2) Обстановка при работѣ также вліяетъ на различіе необходимыхъ потребностей у людей, которые занимаются сходными работами. Возьмемъ, напр., сельскаго и фабричнаго работниковъ: первый проводитъ почти всю жизнь на свѣжемъ воздухѣ, а потому и можетъ довольствоваться болѣе скромнымъ и дешевымъ жилищемъ, нежели второй, который работаетъ въ закрытомъ помѣщеніи. Ученый агрономъ, также проводящій большую часть жизни на свѣжемъ воздухѣ, можетъ довольствоваться болѣе скромнымъ жилищемъ, нежели врачъ или учитель. 3) Самый родъ труда вызываетъ нѣкоторые расходы. Дабы не быть распространителемъ заразныхъ болѣзней, врачъ долженъ имѣть большій запасъ одежды, нежели учитель или чиновникъ. Учитель, врачъ, писатель нуждаются въ книгахъ, а ремесленникъ можетъ и безъ книгъ успѣшно выполнять свою работу. 4) Слѣдуетъ принимать въ разсчетъ различіе цѣнъ на главные предметы потребленія въ городѣ и деревнѣ. 5) Отмѣтимъ, наконецъ, разницу въ расходахъ на воспитаніе дѣтей. Для поддержанія даннаго процесса общественнаго производства, подростающія поколѣнія должны быть подготовляемы къ различнымъ занятіямъ. Воспитаніе дѣтей для дѣятельности учителя, врача, технолога требуетъ гораздо большихъ расходовъ, нежели для какого-либо вида фабричнаго или ремесленнаго труда. А потому, въ семьяхъ, которыя принадлежатъ къ профессіямъ перваго рода, рас-

ходы на воспитаніе дѣтей, какъ необходимыя издержки производства, должны быть опредѣляемы болѣе крупными суммами [8]).

Вотъ главныя условія, которыя опредѣляютъ, какъ велика сумма благъ, покрывающая необходимыя потребности человѣка при его участіи въ производствѣ. Теоретически это различеніе правильно. Выполненіе же его затрудняется тѣмъ, что статистика еще далеко не достигла высоты, которая позволила бы вычислить необходимые расходы различныхъ разрядовъ по отдѣльнымъ слоямъ населенія. Въ основаніе этихъ вычисленій должны быть полагаемы выводы гигіены и техники отдѣльныхъ видовъ труда.

Настаивая на исчисленіи необходимыхъ расходовъ по общественнымъ группамъ, мы не считаемъ возможнымъ отнести къ необходимымъ издержкамъ потребленіе хотя бы малѣйшаго количества благъ людьми, вовсе не участвующими въ общественномъ процессѣ производства. Если богатые люди не завѣдуютъ своими имѣніями, не управляютъ промышленными предпріятіями, то могутъ участвовать въ общественномъ процессѣ производства посредствомъ, напр., обученія своихъ дѣтей, или трудомъ на службѣ государству, земству, городу или научными занятіями. Въ подобныхъ случаяхъ нужно исчислять необходимые на ихъ содержаніе расходы въ такой суммѣ, какая соотвѣтствуетъ избранному ими роду занятій. Не принимая же на себя никакихъ обязанностей въ широкой области общенароднаго труда, они безполезны для общества, и все, что они затрачиваютъ на свое содержаніе, не должно быть относимо къ необходимымъ расходамъ. Въ эту же группу слѣдуетъ помѣстить преступниковъ, бродягъ, нищихъ и т. п. Много или мало расходуетъ страна на содержаніе этихъ людей,—они вовсе не нужны для народнаго хозяйства.

Въ разрядъ естественно-необходимыхъ издержекъ нужно отнести также большую часть государственныхъ, земскихъ, городскихъ расходовъ. Этими расходами обезпечивается существованіе такого порядка, при которомъ и производится народный трудъ. Но изъ общей массы благъ, которыя затрачиваются государствомъ и единицами само управленія, нужно сдѣлать слѣдующіе вычеты: 1) Содержаніе всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя только увеличиваютъ бумажную работу, но рѣшительно не нужны для удовлетворенія какой-либо общественной потребности. Въ странахъ съ развитымъ бюрократическимъ строемъ всегда найдутся не только отдѣльные чиновники но и цѣлыя вѣдомства, которыя слѣдуетъ отнести въ этотъ разрядъ. 2) Тѣ излишки, которые получаютъ чиновники и служащіе въ городскомъ, земскомъ и общинномъ управленіи, сверхъ суммъ, удовлетворяющихъ ихъ необходимыя потребности. 3) Тѣ полез-

ные и важные расходы, которые совершаются государствомъ, земствомъ, городомъ для достиженія обще-культурныхъ цѣлей (вновь учреждаемые училища, библіотеки, театры) или для созданія новыхъ источниковъ дохода (проведеніе новыхъ дорогъ, устройство портовъ, элеваторовъ), но не нужны для поддержанія существующихъ. 4) Подлежатъ вычету также и расходы на войско и флотъ. Многіе писатели относятъ расходы на содержаніе войска и флота къ естественно-необходимымъ издержкамъ производства; они считаютъ неизбѣжнымъ этотъ расходъ, пока не осуществилась идея вѣчнаго мира. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Какъ бы ни было велико войско мирнаго состава, оно не обезпечиваетъ страны отъ нападенія внѣшнихъ враговъ и не служитъ залогомъ побѣдоносной войны, т.-е. залогомъ мирнаго и безпрепятственнаго развитія народнаго труда. Болѣе правильно считать необходимыми издержками расходы на веденіе войны, если народъ вынужденъ защищать свою независимость и цѣлость предѣловъ государства. Признаніе расходовъ на войско и флотъ необходимыми издержками опасно потому, что поддерживаетъ въ правительствѣ склонность увеличивать составъ войска, отвлекать отъ народнаго хозяйства лучшія силы и уменьшать производительность народнаго труда. Вотъ почему мы и относимъ на чистый доходъ покрытіе расходовъ на военную и морскую силу. Всѣ эти три разряда издержекъ и составляютъ необходимые расходы съ точки зрѣнія народнаго хозяйства.

Оба вида расходовъ составляютъ первый разрядъ издержекъ производства; онѣ не зависятъ отъ господствующаго въ странѣ юридическаго порядка; онѣ вычисляются исключительно съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства: 2) Но можно разсматривать издержки производства и съ частно-хозяйственной точки зрѣнія. Хозяйственныя единицы связаны другъ съ другомъ различными отношеніями: часть валового дохода данной единицы должна быть выдѣлена другимъ въ видѣ процента, ренты или наемной платы за зданія. Предприниматель строитъ, напр., заводъ на арендуемой землѣ, занимаетъ въ банкѣ капиталъ для веденія предпріятія и нанимаетъ рабочихъ. Для опредѣленія чистаго дохода, онъ вычитаетъ и эти расходы изъ своего валового дохода.

И такъ, съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства чистымъ доходомъ служатъ всѣ излишки, которые остаются за покрытіемъ естественно-необходимыхъ издержекъ производства. Въ частномъ же хозяйствѣ чистый доходъ получается за вычетомъ издержекъ обоихъ разрядовъ.

Издержки первой категоріи зависятъ отъ уровня техники и

склада потребностей; издержки же второго разряда зависятъ отъ юридическаго порядка, господствующаго въ данной странѣ. Каковъ бы ни былъ послѣдній, уровень техники опредѣляетъ, сколько сѣмянъ должно быть вложено въ землю для поддержанія сельскаго хозяйства, сколько топлива должно быть потреблено для веденія фабрикъ и мануфактуръ; уровень и разнообразіе потребностей по общественнымъ группамъ показываютъ, какое количество хозяйственныхъ благъ поддерживаетъ въ населеніи способность къ труду даннаго качества и напряженія. Резервуары же, куда поступаютъ отдѣльныя части общественнаго дохода, опредѣляются положительнымъ правомъ. Гдѣ хозяйство построено на рабскомъ трудѣ, тамъ иное распредѣленіе дохода, нежели въ странѣ, гдѣ хозяйство построено на наемномъ трудѣ. При слабомъ развитіи кредита немногіе предприниматели относятъ проценты на капиталъ къ издержкамъ производства. Сельскіе хозяева, обработывающіе собственную землю, иначе вычисляютъ издержки производства, нежели тѣ, которые работаютъ на арендуемыхъ участкахъ.

Вычисленіе частнохозяйственнаго дохода можетъ быть сдѣлано въ двоякой формѣ: натуральной и денежной. Какъ та, такъ и другая предполагаетъ хорошо организованную статистику отдѣльныхъ хозяйствъ.

Подобно частному доходу можетъ быть опредѣленъ и народный доходъ. Валовой доходъ народа составляется изъ слѣдующихъ статей:

1) совокупность матеріальныхъ и нематеріальныхъ благъ, произведенныхъ въ данной странѣ въ извѣстный періодъ времени и подлежащихъ денежной оцѣнкѣ. 2) Доходъ въ формѣ пользованія капиталомъ и личнымъ трудомъ, не подвергающійся денежной оцѣнкѣ. Сюда относится натуральное пользованіе владѣльцевъ ихъ имуществомъ, зданіями, домашней утварью и т. д. и трудомъ,—всѣ работы въ домашнемъ быту, неоцѣниваемыя на деньги и т. п. 3) Совокупность благъ, получаемыхъ изъ заграницы. Эта группа можетъ быть разбита на нѣсколько разрядовъ: а) товары, б) деньги, в) суммы, которыя уплачены судоходству данной страны, занимающейся посредничествомъ между другими странами (напр., уплаченное англійскимъ кораблямъ за перевозку товаровъ изъ Россіи въ Бельгію), г) совокупность благъ, которыя ввозятся иностранцами въ данное государство, д) контрибуція, поступающая изъ заграницы. Соотвѣтственно рубрикамъ, изъ которыхъ слагается валовой народный доходъ, для опредѣленія чистаго дохода должны быть исключены слѣдующія издержки производства: 1) содержаніе всего работающаго населенія, а также и другіе расходы для поддержа-

нія хозяйства (сѣмена, кормъ скота, топливо и проч.); 2) стоимость изнашиванія имущества, которое служило для пользованія; 3) вывезенные за границу товары, деньги и т. д. соотвѣтственно третьей рубрикѣ валового дохода. По второму разряду нельзя дать точное опредѣленіе, тѣмъ не менѣе важно отмѣтить его при исчисленіи издержекъ производства. Все же, что остается за вычетомъ перечисленныхъ издержекъ производства, составляетъ чистый доходъ народа.

Народное хозяйство выигрываетъ отъ увеличенія валового дохода, при одновременномъ уменьшеніи издержекъ перваго вида, первой категоріи. Если, для полученія 100 пудовъ зерна, нужно высѣять не 10, а 8 пудъ, для полученія 200 аршинъ сукна нужно сжечь не 1, а $^1/_2$ сажени дровъ, то понижаются тѣ издержки производства, которыя составляютъ мертвый грузъ народнаго хозяйства [6]). Уменьшеніе расходовъ на содержаніе работающаго населенія невыгодно для народнаго хозяйства: оно свидѣтельствуетъ о пониженіи уровня потребностей, т.-е. культуры. Напротивъ, желательно ихъ повышеніе. А такъ какъ возможность расширенія потребностей (особенно духовныхъ), удовлетворяемыхъ единолично и коллективно, зависитъ отъ высоты чистаго дохода, то страна заинтересована въ увеличеніи послѣдняго. Цѣль хозяйства относительно массы дохода можетъ быть выражена въ четырехъ положеніяхъ: *большой валовой доходъ, малыя издержки производства перваго вида первой категоріи, высокія издержки второго вида первой категоріи и высокій чистый доходъ.*

Но мы односторонне опредѣлили бы цѣль хозяйства, еслибы оставили безъ вниманія распредѣленіе дохода. Интересы народа требуютъ возможно болѣе равномѣрнаго распредѣленія между частными хозяйствами какъ той доли дохода, на которую содержится работающее населеніе страны, такъ и чистаго дохода. При господствѣ общественнаго порядка, основаннаго на правѣ частной собственности, народное хозяйство отстоитъ очень далеко отъ этого идеала.

Вычисленіе дохода можетъ быть сдѣлано въ двоякой формѣ: въ натурѣ и на деньги. Слѣдуетъ предпочесть первый или второй способъ въ зависимости отъ поставленной цѣли. Изъ всѣхъ полезностей, которыя производитъ частное хозяйство, только незначительная часть потребляется внутри семьи, а гораздо бо́льшая поступаетъ въ обмѣнъ. Мастеръ, напр., изготовляющій одежду, обувь, домашнюю утварь, самъ потребляетъ небольшую часть этихъ продуктовъ, главную же массу передаетъ за деньги другимъ лицамъ. А потому, для него не такъ важно исчислить доходъ въ натурѣ, коли-

чество издѣлій, которыя онъ изготовилъ, какъ опредѣлить сумму полезностей, которую онъ получитъ въ обмѣнъ за свои издѣлія; а эта сумма измѣряется суммою денегъ, которая можетъ быть выручена изъ сбыта его издѣлій. И такъ, разъ обмѣнъ развился, оцѣнка на деньги, при опредѣленіи дохода частно-хозяйственной единицы, имѣетъ первенствующее значеніе.

Иначе слѣдуетъ отнестись къ вычисленію народнаго дохода. Народный доходъ обнимаетъ всѣ доходы единичныхъ хозяйствъ. Бо́льшая часть этого дохода потребляется внутри страны, а потому оцѣнка его на деньги и не имѣетъ такого значенія, какъ оцѣнка въ натурѣ: если мы знаемъ, сколько производится въ странѣ хлѣба, мяса, вина, тканей, и знаемъ среднее ихъ количество, которое необходимо для потребленія каждаго человѣка, то можемъ опредѣлить, насколько доходы страны удовлетворяютъ потребностямъ всего ея населенія. Народъ въ этомъ случаѣ можетъ быть уподобленъ семьѣ, ведущей натуральное хозяйство: какъ первобытная семья сама потребляетъ большую часть производимыхъ ею продуктовъ, такъ и народъ самъ потребляетъ главную массу своихъ произведеній. Съ развитіемъ международныхъ отношеній государство вывозитъ заграницу извѣстное количество туземныхъ произведеній и получаетъ взамѣнъ ихъ соотвѣтствующую массу иностранныхъ товаровъ. Оцѣнка вывозимыхъ продуктовъ на деньги имѣетъ первенствующее значеніе: здѣсь народъ находится въ такомъ же положеніи, какъ частное хозяйство, при господствѣ мѣновыхъ оборотовъ.

Ни одна страна не имѣетъ настолько развитой статистики, чтобы можно было въ натурѣ или деньгахъ сколько нибудь точно опредѣлить ея народный доходъ. Въ нашемъ же отечествѣ матеріалъ для оцѣнки народнаго дохода такъ недостаточенъ, что ошибки въ вычисленіяхъ могутъ достигать очень большихъ размѣровъ. И это примѣнимо какъ къ общему итогу доходовъ, такъ и къ доходамъ по отдѣльнымъ отраслямъ хозяйственной дѣятельности.

Общественный доходъ состоитъ изъ трехъ частей: *заработной платы, прибыли и ренты.* Эти три части дохода съ особенною ясностью обнаруживаются въ обществѣ, гдѣ владѣльцы земли отдѣляются отъ владѣльцевъ капитала, и гдѣ масса людей живетъ наемнымъ трудомъ. Но нѣтъ основанія утверждать, что эти три доли общественнаго дохода могутъ быть теоретически изслѣдованы только въ современномъ обществѣ: и въ обществѣ, гдѣ неравенство состояній было бы сглажено, и гдѣ земля и капиталы принадлежали бы государству, доходъ можетъ быть расчлененъ на эти три части.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

1) См. „О богатствѣ народовъ“, кн. II, главы 3 и 5.

2) *Ricardo*, Principles, 210—211.

3) „Nouveaux Principes“, I, 124.

4) Здѣсь мы расходимся съ Вагнеромъ. Онъ относитъ блага, потребляемыя отдѣльными лицами, къ чистому доходу, мы же, напротивъ, считаемъ болѣе правильнымъ отнесеніе значительной ихъ части къ издержкамъ производства. Если таковыми считать сѣмена, топливо, кормъ скота, то не будетъ ли правильно отнести сюда и массу благъ, необходимо потребляемыхъ членами общества для поддержанія его производства?

5) Вагнеръ (Lehrbuch, 3 изд., 1892, I, 409—10) говоритъ о двухъ способахъ вычисленія свободнаго (чистаго, по нашей терминологіи) дохода: посредствомъ опредѣленія необходимыхъ расходовъ для каждаго человѣка одной и той же суммой, согласно съ физіологическими потребностями, или же особо для каждой общественной группы согласно съ уровнемъ потребностей, который сталъ для нея обычнымъ. Однако, онъ не развиваетъ этого положенія и не указываетъ главныхъ условій, которыми опредѣляется различіе необходимыхъ расходовъ для отдѣльныхъ лицъ, участвующихъ въ общественномъ производствѣ.

6) Вагнеръ впадаетъ въ серьезную ошибку при оцѣнкѣ этого разряда издержекъ производства: онъ говоритъ, что эти расходы „не служатъ доходомъ для какого-либо хозяйства или лица“ (402). На самомъ дѣлѣ, и эти издержки составляютъ чей-либо доходъ. Предположимъ, что промышленникъ, для изготовленія X аршинъ тканей, долженъ употребить 1000 саженъ дровъ. Значительная часть расхода, которую дѣлаетъ промышленникъ для пріобрѣтенія дровъ, составляетъ плату за трудъ дровосѣковъ, возчиковъ, пильщиковъ, истопниковъ, образуетъ доходъ всѣхъ этихъ лицъ. Если открыты усовершенствованные способы отопленія и можно изготовить такое же количество тканей съ затратою 500 саженей дровъ, то сбереженіе на топливѣ составляетъ предъ общественнымъ хозяйствомъ заслугу не потому, что это сбереженіе не умаляетъ ничьего дохода, но потому, что, уменьшая количество труда, необходимаго для данной отрасли производства, дѣлаетъ часть рабочихъ силъ свободными для разныхъ другихъ цѣлей.

7) Отсюда не слѣдуетъ дѣлать выводъ, будто мы одобряемъ кастовую замкнутость, прикрѣпленіе дѣтей къ занятіямъ отцовъ. Общество выигрываетъ всего болѣе, если самые даровитые его члены подготовляются къ профессіямъ, которыя требуютъ значительныхъ духовныхъ силъ. Въ дѣйствительности дѣти, большею частію, избираютъ занятіе, сходное съ занятіемъ родителей. Для упрощенія задачи мы исходимъ также изъ этого предположенія.

8) *Рау., Вагнеръ* и другіе вводятъ терминъ *свободный* доходъ, который соотвѣтствуетъ *чистому* доходу по нашей терминологіи. Мы тѣмъ болѣе отстаиваемъ ее и удерживаемся отъ введенія лишняго термина, что наше опредѣленіе соотвѣтствуетъ общераспространенному понятію о доходѣ. Спросите торговца, ремесленника, заводчика о его доходѣ (чистомъ), и онъ укажетъ вамъ на сумму, остающуюся за расходомъ на содержаніе его и его семьи. Въ этомъ обнаруживается сознаніе, что потребленіе работающаго человѣка должно быть относимо къ издержкамъ производства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Избытки въ хозяйствѣ и основы распредѣленія дохода.

Литература. *Милль.* Основанія. *Wagner.* Lehrbuch, I. *Rodbertus.* Zur Beleuchtung der socialen Frage. 1875. *Марксъ.* Капиталъ I. *Lassalle.* Kapital u. Arbeit. Пособіями для уясненія теоріи Маркса могутъ служить. *Зиберъ.* Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. 1885. *К—нъ.* Точки зрѣнія политико-экономической критики у К. Маркса. *Вѣстн. Евр.*, 1872, V. *Жуковскій.* Карлъ Марксъ и его книга о капиталѣ. *Вѣст. Евр.*, 1877, IX. *М.* Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Жуковскаго. *Отеч. Зап.*, 1877, X. *Зиберъ.* Экономическая теорія Маркса. *Слово*, 1878, I, III, VI, XI и XII. *Gross.* Karl Marx. 1885. *Kautsky.* Karl Marx's ökonomische Lehren. 1887. *Adler.* Die Grundlagen der Karl Marx'schen Kritik d. bestehen den Volkswirthschaft. 1887.

Высота общественнаго дохода зависитъ отъ степени производительности труда. Въ тѣхъ первобытныхъ обществахъ, гдѣ люди соединяются только въ небольшія группы, гдѣ орудіями служатъ предметы, доставляемые природою и мало измѣненные искусствомъ человѣка, гдѣ раздѣленіе труда находится въ зародышѣ,—человѣкъ долженъ затрачивать всѣ свои силы и время на удовлетвореніе только первыхъ потребностей. Наростаніе богатства невозможно; человѣкъ живетъ изо дня въ день и напрягаетъ всѣ силы, чтобы обезпечить свое скудное существованіе. Въ этомъ періодѣ трудъ человѣка не даетъ избытковъ, способныхъ или обезпечить потребленіе въ будущемъ, или содержать лицъ, не принимающихъ участія въ матеріальномъ трудѣ. Такимъ образомъ, весь доходъ на этой ступени есть непосредственный результатъ труда отдѣльныхъ лицъ; если употребить не совсѣмъ подходящее названіе, онъ можетъ быть наименованъ «заработной платой».

Но общество идетъ впередъ. Раздѣленіе труда развивается все болѣе и болѣе; орудія и пріемы работы совершенствуются. Человѣкъ не ограничивается пріобрѣтеніемъ благъ для непосредственнаго потребленія; онъ научается сберегать запасы.

Избытки, которые остаются за покрытіемъ необходимыхъ потребностей трудящагося люда, могутъ быть названы *прибавочными цѣнностями*. Часть изъ нихъ употребляется на содержаніе людей, посвящающихъ себя нематеріальному труду—чиновниковъ, учителей, врачей и т. п. Только при довольно высокомъ уровнѣ гражданственности появляется запросъ на нематеріальный трудъ и только при достаточной производительности труда общественный доходъ даетъ избытки, покрывающіе содержаніе этихъ людей. Дру-

гая, небольшая часть прибавочной цѣнности сохраняется въ хозяйствѣ работниковъ и улучшаетъ ихъ бытъ, главная же масса поступаетъ въ собственность людей, которые не принимаютъ участія въ матеріальномъ трудѣ, а нерѣдко и во всемъ общественномъ процессѣ производства.

Экономисты охотно объясняютъ происхожденіе избытковъ трудомъ людей, которые получаютъ ихъ. Если заводчикъ имѣетъ прибыль отъ своего промышленнаго предпріятія, то происхожденіе прибыли приписывается труду хозяина, и самая прибыль, говорятъ намъ, есть вознагражденіе за руководство промышленнымъ дѣломъ. Поземельная рента, которую получаетъ собственникъ земли, признается результатомъ улучшеній, сдѣланныхъ землевладѣльцемъ въ его хозяйствѣ. Когда противъ этого возражаютъ ссылкою на огромныя земельныя владѣнія и милліонные капиталы частныхъ лицъ, то экономисты дѣлаютъ оговорку, что хотя милліонныя имущества созданы не настоящими ихъ владѣльцами, однако, первоисточникомъ ихъ служилъ упорный трудъ отца, дѣда, прадѣда, положившихъ начало крупному состоянію, которое, благодаря наслѣдственному праву, вытекающему изъ существа человѣческой природы, было передано потомкамъ. [1]). Но какъ ни изощряютъ экономисты свое остроуміе для приведенія къ личному труду всѣхъ видовъ народнаго дохода, системы, построенныя съ этою цѣлью, такъ искусственны, такъ противорѣчатъ и даннымъ исторіи и ежедневному опыту, что только совсѣмъ безсильная мысль поддается доводамъ Бастіа, Тьера и ихъ послѣдователей.

Наблюденіе частныхъ хозяйствъ убѣждаетъ насъ, что личныя силы семьи, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, доставляютъ людямъ только скудное существованіе, при очень благопріятной обстановкѣ—скромное довольство и въ рѣдкихъ, исключительныхъ условіяхъ—и то въ привилегированныхъ видахъ труда—благосостояніе и даже богатство. Послѣдняго достигаютъ единичные врачи, адвокаты, художники, актеры. Если поближе присмотрѣться къ причинамъ, въ силу которыхъ трудъ знаменитаго живописца, музыканта, пѣвца, адвоката и даже врача даетъ въ итогѣ милліоны, то нужно будетъ приписать это ни силѣ таланта, которая вообще не допускаетъ точной денежной оцѣнки, а распредѣленію имущества, существованію въ странѣ огромныхъ, безъ труда пріобрѣтенныхъ состояній, которыя позволяютъ своимъ владѣльцамъ платить баснословныя деньги за картину, за присутствіе на концертѣ, если творецъ картины и исполнители въ концертѣ пользуются громкою извѣстностью. Въ обществѣ, гдѣ нѣтъ крайняго неравенства состояній, но средній уровень довольно высокъ, актеръ или

пѣвецъ не могли бы имѣть столь высокую заработную плату, какъ въ настоящее время.—Я утверждаю, что даже въ этихъ профессіяхъ, требующихъ многолѣтней подготовки, а нерѣдко и духовныхъ силъ высшаго порядка, личный трудъ даетъ огромные доходы не по самому своему характеру, а вслѣдствіе крайне неравномѣрнаго распредѣленія имущества. Въ области же промышленнаго труда это явленіе обнаруживается съ полною силой. Никто никогда не встрѣчалъ человѣка, работающаго всю свою, даже долгую жизнь на собственной землѣ, исключительно силами семьи и достигшаго богатства. Въ Россіи «исправный» крестьянинъ, обрабатывая даже большой земельный надѣлъ,—въ 15—20 десятинъ плодородной земли на дворъ—до тѣхъ поръ, пока работаетъ только самъ съ членами семьи, пользуется скромнымъ достаткомъ, при которомъ можно быть свободнымъ отъ недоимокъ, не носить лаптей и имѣть мясную пищу не только въ праздники, но и въ будни. Большая производительность труда позволяетъ западноевропейскому самостоятельному поселянину достигать большого довольства. Но каждому извѣстно, что владѣлецъ 2—3 десятинъ, на которыхъ хозяйство ведется, какъ садовая или огородная культура, получаетъ ежегодно не больше 1000—1500—2000 рублей. Обратимся къ обрабатывающей промышленности, спросимъ самостоятельныхъ городскихъ и сельскихъ ремесленниковъ о размѣрѣ ихъ дохода—и они уже съ чувствомъ особеннаго самоудовлетворенія опредѣлятъ его 5—6 стами рублей въ годъ. Нечего и говорить, что доходъ рѣзко понижается, какъ скоро мы перейдемъ въ область наемнаго труда, къ сельскимъ или фабричнымъ работникамъ.

Кто получаетъ большой доходъ въ области сельско-хозяйственнаго или промышленнаго труда, тотъ получаетъ его не отъ своей единоличной работы. Крупный и средній землевладѣльцы имѣютъ доходъ или отъ раздачи своихъ земель въ аренду, или же отъ веденія собственнаго хозяйства съ помощью наемныхъ работниковъ. Богатый заводчикъ и фабрикантъ стоятъ во главѣ сотенъ и тысячъ наемныхъ людей. Доходъ этихъ лицъ часто вовсе не связанъ съ ихъ личнымъ трудомъ: поручая веденіе предпріятія управляющимъ владѣльцы получаютъ на свою долю бо́льшую часть дохода, доставляемаго промышленнымъ дѣломъ. Наконецъ, доходъ, доставляемый отдачею въ ростъ денежныхъ капиталовъ, очевидно, не стоитъ въ связи съ трудомъ лицъ, которыя получаютъ этотъ доходъ.

Но, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять происхожденіе доходовъ, не связанныхъ съ трудомъ, выгодами, которыя получаются при обмѣнѣ товаровъ? [2]) Если товары стоютъ 100 рублей, а продавецъ получаетъ, при продажѣ, 110 рублей, то имѣетъ доходъ отъ та-

кого обмѣна. И это объясненіе неудовлетворительно. Разсматривая всю совокупность сдѣлокъ по куплѣ-продажѣ, мы видимъ, что каждый продавецъ извѣстныхъ товаровъ является въ то же время покупателемъ другихъ товаровъ. Выигрывая на цѣнѣ, какъ продавецъ, онъ проигрываетъ на цѣнѣ, какъ покупатель. А потому, изъ этого источника можно объяснить увеличеніе доходовъ отдѣльныхъ лицъ, но не слѣдуетъ считать обмѣнъ главнымъ и всеобщимъ источникомъ образованія крупныхъ имуществъ. Такимъ источникомъ служитъ въ большинствѣ случаевъ право собственности на плоды чужого труда въ самомъ процессѣ производства.

Въ обществѣ, основанномъ на рабовладѣніи, этотъ источникъ обнаруживается особенно выпукло. Лукуллъ обладаетъ несмѣтными богатствами; его жизнь представляетъ сплошную картину чувственныхъ наслажденій и политическихъ интригъ; онъ не принимаетъ никакого, даже самаго отдаленнаго участія въ той разнообразной промысловой дѣятельности, которая составляетъ его хозяйство. Управители и надсмотрщики стоятъ во главѣ отдѣльныхъ группъ его рабовъ. Изъ всей массы благъ, которыя въ теченіе года произведены въ его хозяйствѣ, дѣлаются затраты на содержаніе скота и рабовъ съ ихъ семьями, а все остальное, въ видѣ хлѣба, масла, вина, тканей, драгоцѣнныхъ каменьевъ, произведеній искусства поступаетъ во власть господина. Несвободное состояніе работника служитъ характернымъ признакамъ рабовладѣльческаго хозяйства: въ зависимости отъ соизволенія господина труженики получаютъ худшее или лучшее содержаніе, обыкновенно не меньше того, что нужно для сохраненія рабочей силы. Присвоеніе господиномъ плодовъ чужого труда—образованіе ренты и прибыли—выступаетъ здѣсь въ особенно яркомъ свѣтѣ.

Не нужно большихъ напряженій ума, дабы открыть этотъ же источникъ образованія нетрудовыхъ доходовъ и при крѣпостномъ состояніи. Въ отличіе отъ раба, крѣпостной пользовался большей или меньшей личной свободой. Личная свобода выражалась въ сферѣ хозяйства тѣмъ, что крѣпостнымъ отводилась въ пользованіе часть господской земли, которую они обрабатывали для своихъ потребностей, причемъ физическая сила и трудолюбіе крѣпостнаго уже могли увеличивать его доходы. Но все, произведенное крѣпостными на землѣ, которую помѣщики отводили для своего хозяйства, все, сработанное въ барщинные дни, и было тѣми плодами чужого труда, которые поступали во власть господина.

Въ современномъ хозяйственномъ строѣ, опирающемся на наемный трудъ, этотъ источникъ нѣсколько затемняется сложнымъ процессомъ раздѣленія труда и денежнымъ обмѣномъ. По суще-

ству же онъ остается тѣмъ, чѣмъ былъ при господствѣ рабскаго и крѣпостного труда.

Возьмемъ для примѣра сельскаго хозяина, который ведетъ свое хозяйство при помощи наемнаго труда. Положимъ, что въ данномъ имѣніи занято 50 рабочихъ, которые производятъ на 10,000 рублей ржи, овса и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Изъ валового дохода 2,500 рублей покрываютъ издержки на сѣмена, содержаніе скота, ремонтъ орудій, страхованіе и налоги. Остающіеся 7,500 рублей не только покрываютъ расходы, необходимые на содержаніе работника, но и даютъ излишекъ. Вслѣдствіе условій, которыя мы подробнѣе изложимъ въ слѣдующей главѣ, наемный работникъ получаетъ плату, не сполна покрывающую даже необходимыя потребности. Если содержаніе каждаго изъ 50 работниковъ стоитъ только 100 рублей въ годъ, то 2,500 рублей составятъ долю землевладѣльца.

Дабы окончательно уяснить это явленіе, нужно помнить о различіи между количествомъ продуктовъ, которое можетъ быть произведено въ теченіе данной единицы времени, положимъ, года, и количествомъ продуктовъ, которое необходимо для содержанія работника и его семьи въ то время, когда они заняты производствомъ этихъ продуктовъ. По достиженіи трудомъ извѣстной степени производительности первая величина значительно больше второй: если первая составляетъ 100 единицъ, то вторая=100—X. Казалось бы, что работникъ имѣетъ побужденіе работать лишь столько, сколько нужно для покрытія его необходимыхъ потребностей, только 5 часовъ въ день, если результаты 5 часоваго труда обезпечиваютъ существованіе его и его семьи. Обыкновенно мы наблюдаемъ, однако, не то: тамъ, гдѣ работникъ владѣетъ орудіями производства—крестьянинъ-собственникъ, самостоятельный ремесленникъ, артельщикъ,—онъ удлиняетъ свой рабочій день за предѣлы того, что даетъ minimum, необходимый для его содержанія; онъ производитъ, сверхъ необходимой цѣнности, прибавочную цѣнность, которая или сберегается имъ на черный день, или даетъ ему возможность обставить жизнь бо̀льшими удобствами. Какое бы назначеніе ни получала прибавочная цѣнность, въ этихъ случаяхъ она создается добровольно, ибо работникъ надѣется удержать ее въ своей власти [3]). При рабскомъ, крѣпостномъ и наемномъ трудѣ прибавочная цѣнность создается недобровольно, а вынужденно, ибо работникъ не сохраняетъ ея въ своей власти, а уступаетъ своему господину въ первыхъ случаяхъ и нанимателю—въ послѣднемъ. Начало господства и подчиненія соединяетъ съ господиномъ раба и крѣпостного. Лично несвободные, они уступаютъ господину прибавочную цѣнность; если бы они не захотѣли уступить, то рабовла-

дѣльцы и помѣщики, пользуясь своей властью, могутъ принудить ихъ къ уступкѣ. Въ европейско-американскомъ мірѣ нанимателя и работника соединяетъ формально свободный договоръ. Формальная свобода договора позволяетъ работнику перемѣнять личность хозяина, но не даетъ ему возможности удерживать въ его власти больше той доли продукта, которая едва покрываетъ необходимые расходы. Лишенный орудій производства, наемный работникъ силою вещей принуждается уступить хозяину всю ту часть своего продукта, которую мы назвали прибавочной цѣнностью.

Такимъ образомъ, если экономическимъ условіемъ появленія избытковъ въ хозяйствѣ служитъ довольно высокая производительность труда, то необходимъ юридическій порядокъ, опредѣляющій, въ чье распоряженіе должны поступать эти избытки. Дабы лицо могло располагать вещью по своему усмотрѣнію, оно должно имѣть на нее право собственности. А потому, мы лучше ознакомимся съ распредѣленіемъ общественнаго дохода, если остановимся на правѣ частной собственности, господствующемъ въ современномъ обществѣ и налагающемъ свою печать на весь экономическій бытъ.

Есть пять главныхъ теорій права собственности.

1) *Естественная теорія*, господствующая въ философіи права. Она оставляетъ въ сторонѣ хозяйственную природу человѣка и основываетъ собственность на понятіи о личности и ея стремленіи къ самосохраненію и саморасширенію. Личность, говоритъ Гегель, имѣетъ право влагать свою волю въ каждую вещь, которая чрезъ это становится *моею*[4]). Эта теорія не можетъ обосновать право частной собственности на всѣ роды внѣшнихъ благъ. Личность для саморасширенія нуждается во внѣшнихъ благахъ, но нуждается въ правѣ собственности только на тѣ вещи, которыя непосредственно служатъ предметами потребленія. Но и предметы потребленія, необходимые для полноты развитія личности, нужны человѣку въ довольно ограниченномъ количествѣ. Право собственности на огромные доходы, получаемые отдѣльными лицами, превышаетъ нужное для полноты личности, а потому и не можетъ быть обосновано этой теоріей. Но если для человѣка необходимо право собственности на извѣстный запасъ потребленія, то отнюдь нельзя доказать, чтобы оно было необходимо на орудія производства. Пользуется ли человѣкъ собственными или общественными орудіями производства, онъ можетъ въ равной мѣрѣ достигать своихъ жизненныхъ цѣлей. Вотъ почему этой теоріей могутъ съ равнымъ успѣхомъ пользоваться какъ сторонники, такъ и противники права частной собственности. Вторые могутъ, исходя изъ положенія о равенствѣ людей и объ ограниченности внѣшнихъ

благъ, требовать признанія ихъ общимъ достояніемъ, дабы ни одинъ человѣкъ не называлъ вещей «своими» въ ущербъ другимъ [5]).

2. *Естественно-хозяйственная* теорія распространена среди экономистовъ. Она приводитъ право частной собственности въ тѣсную связь съ хозяйственною дѣятельностью человѣка. Такъ какъ главнымъ двигателемъ въ хозяйствѣ служитъ начало себялюбія, то она и требуетъ признанія за человѣкомъ права собственности на плоды его труда. Предполагается, что ростъ богатства возможенъ только при широкомъ правѣ частной собственности. Эта теорія освящаетъ право частной собственности того вида, который господствуетъ въ современномъ обществѣ; она признаетъ существующее разумнымъ. Но тѣмъ самымъ она приводитъ на память картины прошлаго и формы общежитія, рѣзко отличныя отъ нашихъ, которыя, однако, считались въ свое время необходимыми для благополучія человѣческаго рода. Мы знаемъ въ прошедшемъ рабскій и крѣпостной трудъ, мы знаемъ, что многіе первоклассные мыслители считали такой порядокъ необходимымъ. А потому, мыслящаго человѣка неотвязчиво преслѣдуетъ вопросъ—не есть ли исторически-преходящая форма и тотъ правовой порядокъ, въ которомъ мы живемъ? Не есть ли грубое и смѣшное самомнѣніе считать его столь же необходимымъ и вѣчнымъ, какъ законы природы? И въ современномъ обществѣ есть факты, которые не мирятся съ этой теоріей;—таково общинное землевладѣніе. Оно характеризуется отсутствіемъ права частной собственности на землю, т.-е. на главное орудіе производства, а между тѣмъ, какъ было указано, во многихъ общинахъ хозяйство идетъ не менѣе успѣшно, чѣмъ у единоличныхъ владѣльцевъ той же мѣстности. Согласно съ этой теоріей, нужно открыть полный просторъ хозяйственному разсчету человѣка, обезпечить ему всѣ плоды его труда. Какъ примирить съ этимъ, напр., крупное землевладѣніе? Владѣлецъ обширной площади земли сдаетъ ее фермерамъ; не онъ, а они улучшаютъ почву. Не было ли бы правильнѣе, еслибы къ фермерамъ перешло и право собственности на арендуемую землю? Такимъ образомъ, эта теорія имѣетъ два недостатка: пренебрегая историческимъ опытомъ, она придаетъ праву частной собственности слишкомъ большое значеніе для хозяйственныхъ успѣховъ и, во-вторыхъ, не даетъ оправданія всему праву частной собственности, какъ оно слагается въ данную эпоху.

3) *Теорія завладѣнія*, имѣющая наиболѣе сторонниковъ среди юристовъ, основываетъ право собственности на захватѣ вещей, никому не принадлежащихъ. Въ первобытномъ состояніи совер-

шается единоличный захватъ дикорастущихъ плодовъ, лѣсныхъ звѣрей и птицъ. Не таково отношеніе къ землѣ. Ею завладѣваютъ не отдѣльныя лица, а общины, и общинное землевладѣніе предшествуетъ частному. Община выдаетъ своимъ членамъ участки земли въ пользованіе и признаетъ право члена на захваченный участокъ только подъ условіемъ затраты опредѣленнаго количества труда. Такимъ образомъ, уже на раннихъ ступеняхъ общежитія захвату, какъ факту, обосновывающему право отдѣльныхъ лицъ, отведены очень тѣсныя границы. Въ странахъ съ густымъ населеніемъ, гдѣ нѣтъ вещей ничьихъ, безхозяйныхъ, захватъ поставленъ въ еще болѣе тѣсные предѣлы. Безхозяйныя вещи обыкновенно поступаютъ въ собственность государства.

4) *Теорія труда*, которой держатся многіе экономисты основываетъ право частной собственности на трудѣ. Если мы возьмемъ первобытныя общества, то въ нихъ право собственности можетъ основываться только на трудѣ, соединенномъ съ завладѣніемъ; дабы произвести что-нибудь трудомъ, первобытный человѣкъ нуждается въ предметахъ, даруемыхъ природой; они служатъ ему орудіями и матеріаломъ; онъ пріобрѣтаетъ ихъ посредствомъ захвата. При сложныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, которыя отличаютъ современное общество, все право частной собственности не можетъ быть сведено къ труду. Вслѣдствіе раздѣленія труда и процесса обращенія цѣнностей, произведенія труда многихъ людей не поступаютъ въ ихъ распоряженіе. Является договорное начало, которое и опредѣляетъ, какую долю продукта получаетъ производитель; вслѣдствіе этого становится трудно уловимою связь между собственностью и трудомъ. Возникаетъ наслѣдственное право; между правомъ наслѣдника и трудомъ наслѣдодателя часто нѣтъ никакой связи. Видное мѣсто занимаетъ давность, какъ основаніе для права собственности. Замѣтимъ также, что завладѣніе и трудъ, какъ таковые, остаются фактами, и сами по себѣ не могутъ создать право. Дабы установилось послѣднее, необходимо, чтобы общественная власть признала эти факты силами, творящими право. Но обѣ теоріи имѣютъ то важное значеніе, что указываютъ на моменты, съ которыми считается общественная власть.

Всего болѣе выдерживаетъ критику 5) *теорія закона*, какъ основанія для права собственности. Общественная власть установляетъ извѣстныя нормы, опредѣляющія условія, при которыхъ возникаетъ право собственности. Освящая такія условія, государство принимаетъ въ разсчетъ и хозяйственную природу человѣка, и завладѣніе и трудъ. Сочетая эти начала въ опредѣленномъ отношеніи и создавая нормы, государство даетъ и юридическую за-

щиту извѣстнымъ видамъ права собственности. Эти нормы измѣняются, по мѣрѣ того, какъ измѣняются условія общественной жизни. Создавая право собственности, государство можетъ во всякое время измѣнить его; но при этомъ оно должно считаться съ послѣдствіями, которыя повлечетъ за собой измѣненіе; оно должно взвѣшивать выгоды и неудобства, которыя могутъ отсюда проистечь. Чѣмъ ниже уровень общественнаго развитія, тѣмъ болѣе склонна государственная власть отожествлять выгоды отдѣльныхъ лицъ съ интересами цѣлой страны. Наоборотъ, чѣмъ уровень развитія выше, тѣмъ болѣе вѣроятія, что измѣненія въ правѣ собственности выгодны для всего народа.

Есть ли основаніе считать право частной собственности священнымъ и неприкосновеннымъ? Конечно, да, если священны способы, которыми пріобрѣтается это право. Именно этимъ способамъ и должно быть посвящено особое вниманіе законодателя. Въ юридической жизни каждаго общества мы находимъ черты, которыя доказываютъ намъ, что право собственности создается обычаемъ и закономъ, и открываютъ побужденія, которыми руководствуется общественная власть. Извѣстно юридическое значеніе *давности*. Давность, какъ основаніе для права собственности, не можетъ быть приведена въ связь ни съ одной изъ первыхъ четырехъ теорій: это—созданіе положительнаго права, которое опредѣляетъ, что извѣстное отношеніе лица къ вещи въ теченіе такого-то срока установляетъ право собственности. Ясны и побужденія, которыя приводятъ право собственности въ связь съ временемъ: государство, заинтересованное въ правильномъ теченіи хозяйственной жизни, не можетъ навсегда оставить вещь ничьею. Другимъ поучительнымъ примѣромъ этого рода служитъ авторское право, сравнительно новаго происхожденія,—право на изобрѣтенія и т. п. Приравнивая праву собственности на вещи право автора на плоды его духовнаго труда, законъ создалъ новый видъ права собственности, неизвѣстный нашимъ предкамъ. Этотъ новый видъ тѣсно связанъ съ техническими изобрѣтеніями, благодаря которымъ явились новые способы воспроизведенія научной мысли и художественнаго творчества. Сошлемся также на юридическія лица. Почему акціонерная компанія имѣетъ право собственности на капиталы и недвижимое имущество? Потому, что законъ создаетъ ея право и обезпечиваетъ его защитой. Мысль объ измѣняемости права частной собственности и о созидающей въ этой сферѣ дѣятельности государства прекрасно выражена слѣдующими словами С. Симона. «Необходимъ законъ, установляющій право собственности, а не законъ, установляющій его тѣмъ или другимъ способомъ. Общество зависитъ

отъ сохраненія права собственности; но оно не зависитъ отъ сохраненія закона, который первоначально освятилъ это право» [6]).

На протяженіи исторіи можно прослѣдить за многочисленными измѣненіями права частной собственности. Современный бытъ характеризуется свободой лица и правомъ частной собственности на всѣ вещи, за очень немногочисленными изъятіями. Поддерживая такой юридическій порядокъ, государственная власть исходитъ изъ убѣжденія, что онъ наиболѣе выгоденъ для народнаго хозяйства, содѣйствуетъ наибольшей производительности труда и наиболѣе быстрому накопленію богатства. Дабы такое убѣжденіе хотя въ слабой степени соотвѣтствовало дѣйствительности, собственники орудій производства должны смотрѣть на себя, какъ на носителей извѣстныхъ общественныхъ обязанностей [7]), налагаемыхъ на нихъ интересами всего народнаго хозяйства. Имѣя въ своей власти естественныя богатства страны, они должны бережно пользоваться ими, не истощать ради ближайшихъ выгодъ, а сохранять въ интересахъ послѣдующихъ поколѣній. Направляя производство и руководя имъ, они должны содѣйствовать возможно бо́льшему росту успѣшности труда, возможно бережному обращенію съ матеріаломъ, удешевленію продуктовъ. Только при исполненіи этихъ обязанностей, право частной собственности на землю и капиталъ, невыгодное для распредѣленія народнаго богатства, обезпечиваетъ, по крайней мѣрѣ, успѣхи производства. Конечно, это даже въ слабой степени не соотвѣтствуетъ общественнымъ идеаламъ, и государственная власть должна стремиться къ такимъ измѣненіямъ въ правѣ собственности, которыя служатъ интересамъ всего народа.

Въ современномъ европейско-американскомъ обществѣ доходъ распредѣляется между населеніемъ въ разныхъ формахъ и подъ разными наименованіями. Однако, всѣ виды доходовъ могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ типамъ: 1) *заработная плата* есть вознагражденіе за продаваемый трудъ; 2) *прибыль*—доля, поступающая владѣльцу капитала и предпринимателю и 3) *рента*—доля дохода, основывающаяся на различіи въ качествѣ земель и водъ, которыми пользуется человѣкъ. Напомнимъ въ заключеніе, что всѣ эти три вида дохода имѣютъ своимъ источникомъ трудъ; съ этой стороны всѣ онѣ—родныя сестры. Но каждая часть занимаетъ на ряду съ другими опредѣленное мѣсто и подчиняется особымъ законамъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) Ср. въ особенности воззрѣнія Бастіа въ его „Harmonies économiques“ и Тьера въ его книгѣ „De la propriété“.

2) Эта мысль высказывалась нѣкоторыми меркантилистами: ср. *Condillac.* Le commerce et le Gouvernement. 1847, 267. См критику этого положенія у *Маркса*, Капиталъ, I, 101 и дал.

3) Родбертусъ впадаетъ въ ошибку, когда утверждаетъ, что „земля и капиталъ въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ никогда не принадлежатъ работнику“ (Zur Beleuchtung der soc. Frage, 79, 80 и дал.). Мы опровергаемъ это положеніе ссылкою на крестьянъ-собственниковъ, самостоятельныхъ кустарей и артели.

4) *Hegel.* Grundlinien d. Philos. d. Rechts, 50.

5) Изъ школы Гегеля вышли самые выдающіеся противники права частной собственности на орудія производства: *Марксъ*, *Лассаль*, *Энгельсъ*. Смотри объясненіе этого у *Lange.* Arbeiterfrage. 3 изд. 259—62.

6) *S. Simon.* Oeuvres. 1841, 265.

7) Припомнимъ, что Петръ Великій видѣлъ въ торговой и промышленной дѣятельности службу на пользу государства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Заработная плата.

Главныя пособія. *Ад. Смитъ.* О богатствѣ народовъ. *Ricardo.* Principles. *Дж. Ст. Миллъ.* Основанія. *v. Thünen.* Derisolirte Staat, II. *Herrmann* Staatswirth. Untersuch. *Thornton.* On Labour. 1870. *Марксъ.* Капиталъ, I. *Scheel.* Theorie der socialen Frage. 1871. *Lassalle.* Kapital u. Arbeit. *Rodbertus.* Zur Beleuchtung der socialen Frage. *Его же.* Der Normalarbeitstag въ его „Kleine Schriften“. 1890. *Lange.* Die Arbeiter frage. 4 изд. 1879 и въ русск. переводѣ. *Walker.* The Wages question. 1888. *George.* Pauperism, its causes andremedies. *Schönberg.* Handbuch, I. *Engel.* Der Preis der Arbeit. 1866. *Его же.* Der Wert des Menschen. 1883. *Brentano.* Das Arbeits verhältniss gemäss dem heutigen Recht. 1877. *Böhmert.* Die Gewinnbetheiligung. 1878. *Исаевъ.* Участіе рабочихъ въ прибыли предпріятія. *Юрид. Вѣстн.*, 1879, IX и X. *Н—онъ* Къ вопросу о соотношеніи между длиной рабочаго дня и высотой зараб. платы. *Юр. Вѣст.*, 1889, III. *Герценштейнъ.* Ученіе о фондѣ рабочей платы. *Рус. Мысль*, 1890, VII.

Заработной платой принято называть доходъ, получаемый человѣкомъ отъ продажи труда, какъ проявленія рабочей силы. Обычай усвоилъ для этого вознагражденія разныя наименованія: оплата простѣйшаго труда называется *заработной* или *рабочей* платой, а болѣе сложнаго, при которомъ необходимо бо̀льшее напряженіе духовныхъ силъ—учителя, судьи, врача, художника—*жалованьемъ*, *гонораромъ* и т. д. Доходы тружениковъ различныхъ общественныхъ группъ имѣютъ ту общую черту, что являются результатомъ только приложенія рабочей силы; капиталъ не участвуетъ въ произведеніи этого дохода. Политическая экономія отводитъ наиболѣе мѣста изученію платы за простѣйшій трудъ, такъ какъ онъ выдѣляется своей массой изъ трудовъ, болѣе сложныхъ, и такъ

какъ тяжелое положеніе рабочаго класса требуетъ особеннаго вниманія теоріи и наибольшей заботливости государственной власти.

Многіе писатели, начиная отъ англійскихъ классиковъ, уподобляютъ трудъ товару: какъ предприниматель продаетъ свой товаръ, такъ и рабочій продаетъ проявленіе своей рабочей силы и получаетъ за него условленную цѣну. Есть основаніе относить трудъ къ числу товаровъ, ибо законы, управляющіе тѣмъ и другими, имѣютъ много общаго. Но писатели, отождествляющіе трудъ съ матеріальными товарами, дѣлаютъ одну большую ошибку: они не характеризуютъ особенностей, отличающихъ трудъ отъ товара. Упущеніе это было подмѣчено Торнтономъ. Особенности, отличающія трудъ отъ товара, состоятъ въ томъ, что трудъ не можетъ быть отдѣленъ отъ его владѣльца. Покупатель труда въ огромномъ большинствѣ случаевъ подчиняетъ себѣ не только самый трудъ—товаръ, но и владѣльца его—рабочаго, чего не бываетъ при продажѣ другихъ товаровъ. Вотъ важная особенность, которая необходимо влечетъ за собою спеціальныя мѣры государства въ примѣненіи къ этому товару.

Заработная плата имѣетъ извѣстный уровень, который и называется ея *высотою*. Послѣдняя выражается, во первыхъ, въ тѣхъ продуктахъ, которые рабочій или получаетъ непосредственно отъ покупателя труда, или же пріобрѣтаетъ самъ на полученныя отъ послѣдняго деньги; во вторыхъ, она выражается въ формѣ денегъ, то-есть, въ той суммѣ денегъ, которую рабочій получаетъ отъ нанимателя. Есть такимъ образомъ двѣ формы выраженія заработной платы: реальная и денежная. Первая, т. е. реальная плата, имѣетъ особенно важное значеніе. Зная денежную плату рабочихъ, мы можемъ сказать, кто изъ нихъ получаетъ больше, но не можемъ судить о степени благосостоянія, которую она доставляетъ работнику. Для этого необходимо знать реальную рабочую плату. Только зная цѣны предметовъ потребленія, мы можемъ судить о томъ, насколько полно удовлетворяются потребности работника. И понятно: чѣмъ полнѣе удовлетворяются потребности, тѣмъ выше его заработная плата, хотя бы, выраженная въ деньгахъ, она представляла и незначительную величину; и наоборотъ, чѣмъ болѣе рабочій стѣсненъ въ удовлетвореніи своихъ потребностей, тѣмъ ниже его плата, хотя бы ея денежная величина была и очень значительна. Итакъ, заработная плата можетъ быть высока или низка; но говоря о ея maximum'ѣ и minimum'ѣ, всегда слѣдуетъимѣть въ виду реальную плату.

Опредѣленіе низшаго размѣра заработной платы, всего ранѣе сдѣланное англійскими классиками, и до сихъ поръ удержалось

въ наукѣ. Подъ низшимъ уровнемъ заработной платы разумѣютъ ту сумму, которая необходима для покрытія издержекъ производства на рабочую силу, способную поставлять трудъ въ данномъ количествѣ и опредѣленнаго качества. Каждое проявленіе рабочей силы сопряжено съ тратой вещества, которое должно быть пополняемо, дабы собственникъ труда могъ непрерывно поставлять свой товаръ. Размѣры необходимыхъ потребностей и способы ихъ удовлетворенія не представляютъ только естественнаго явленія, зависящаго отъ физіологическихъ особенностей; они образуютъ явленіе общественное, которое зависитъ отъ климата, уровня культуры страны. Такъ какъ собственникъ рабочей силы смертенъ, а есть постоянная потребность въ товарѣ—трудѣ, то на смѣну умершихъ должны выступить новыя поколѣнія, способныя также продавать свой трудъ. Для этого должны быть сдѣланы расходы на воспитаніе дѣтей, на обученіе ихъ той или другой работѣ. Поэтому, minimum платы соотвѣтствуетъ цѣнности предметовъ потребленія, необходимыхъ для работника и его семьи. Низшій уровень заработной платы не представляетъ чего либо постояннаго, неподвижнаго, такъ какъ необходимыя потребности, которыми онъ опредѣляется, обнимаютъ не только существенныя для поддержанія жизни потребности, но и тѣ, которыя въ данное время столь распространены, что должны быть признаны общими и обычными.—Сравненіе потребностей рабочихъ разныхъ странъ въ одно и то же время или среди одного народа въ разныя эпохи обнаруживаетъ большія различія. Милліоны русскаго рабочаго люда довольствуются лаптями, тогда какъ англійскій или бельгійскій работникъ носитъ исключительно кожаную обувь. Тоже можно подмѣтить относительно пищи, жилища, домашней утвари. 1) Потребности духа представляютъ также большое разнообразіе: въ однѣхъ странахъ начальное обученіе дѣтей рабочихъ стало обычнымъ; въ другихъ—оно считается излишнею роскошью. Итакъ, мы получаемъ два элемента, которыми опредѣляется minimum заработной платы и издержекъ на производство и сохраненіе рабочей силы. Первый элементъ составляетъ та сумма, которая нужна для удовлетворенія необходимыхъ физіологическихъ потребностей, каковы minimum пищи, одежды и жилища. Другимъ элементомъ являются тѣ потребности, которыя не существенно необходимы, для поддержанія жизни, однако необходимы въ силу установившагося обычая. Вотъ, въ немногихъ словахъ ученіе, господствующее въ политической экономіи.

Въ тѣснѣйшей связи съ ученіемъ о низшемъ уровнѣ заработной платы стоитъ такъ называемый «желѣзный законъ Лассаля».

Въ дѣйствительности этотъ законъ не съ большимъ правомъ можетъ называться „закономъ Лассаля“, чѣмъ теорія происхожденія видовъ—теоріей извѣстнаго ея популяризатора Бюхнера. Лассаль только познакомилъ болѣе обширный кругъ съ тѣмъ, что̀ признавали Тюрго, [2]) Ад. Смитъ и съ особенной точностью формулировалъ Рикардо.

Заработная плата, согласно съ этимъ закономъ, держится на извѣстномъ уровнѣ; рабочій классъ, получающій ее, пользуется извѣстными удобствами, подъ вліяніемъ которыхъ присущая человѣку способность размноженія дѣйствуетъ съ полною силой; а потому населеніе быстро возростаетъ. Вслѣдствіе этого увеличивается предложеніе рабочихъ рукъ. Тогда заработная плата падаетъ до того, что жизненныя потребности рабочаго класса не могутъ быть удовлетворяемы. Положеніе становится затруднительнымъ; болѣзненность и смертность усиливаются, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшается и предложеніе рабочихъ рукъ. Это поднимаетъ на время заработную плату. Затѣмъ снова слѣдуютъ болѣе частые браки, усиленное предложеніе рабочихъ рукъ, паденіе заработной платы и т. д. въ томъ же порядкѣ. Такимъ образомъ, заработная плата часто подвергается колебаніямъ, которыя мѣшаютъ прочному благосостоянію рабочаго класса.

Здѣсь же умѣстно напомнить о дополненіи, которое сдѣлалъ Марксъ къ закону Рикардо. Онъ говоритъ, что невыгодное отношеніе между спросомъ на рабочія руки и ихъ предложеніемъ вызывается не однимъ только размноженіемъ людей; сходные результаты могутъ быть вызваны и успѣхами техники. Изобрѣтеніе новыхъ машинъ, которыя облегчаютъ трудъ и позволяютъ производить большую массу продуктовъ, оказываетъ такое же вліяніе при современномъ хозяйственномъ строѣ. Каждое изобрѣтеніе дѣлаетъ излишнимъ извѣстное количество рабочихъ рукъ, то есть, машины вытѣсняютъ живой трудъ. Увеличеніе постояннаго капитала на счетъ оборотнаго уменьшаетъ источникъ, откуда поступаетъ заработная плата. Марксъ собралъ много фактовъ этого рода изъ исторіи англійской крупной промышленности. Вотъ почему этотъ послѣдній законъ, основаніе для котораго почерпается изъ области техники, служитъ дополненіемъ закона Рикардо. Не трудно понять, что техническія изобрѣтенія могутъ причинять невыгоды отдѣльнымъ общественнымъ группамъ только при теперешнемъ порядкѣ вещей, вслѣдствіе рѣзкаго отграниченія заработной платы отъ другихъ частей общественнаго дохода. Сами по себѣ техническія усовершенствованія выгодны для общества, ибо они увеличиваютъ производительность труда. Временный избытокъ рабочихъ рукъ при ввe-

деніи новыхъ машинъ не причинилъ бы невыгоды какому-либо общественному классу, если бы сумма благъ, поступающихъ въ заработную плату, могла значительно увеличиваться на счетъ другихъ частей народнаго дохода.

Хотя всѣ эти положенія упрочились въ наукѣ, однако, они требуютъ нѣкоторыхъ поправокъ и дополненій. Мы считаемъ ошибочнымъ ученіе, будто средній уровень, къ которому тяготѣетъ заработная плата, соотвѣтствуетъ наименьшему размѣру средствъ продовольствія, необходимыхъ для существованія работника. Посѣтимъ жилища огромнаго большинства работниковъ, занятыхъ на обширныхъ фабрикахъ или въ самыхъ мелкихъ ремесленныхъ заведеніяхъ—и картина скученности жильцовъ, недостатокъ свѣта, воздуха, тепла, убогая мебель и домашняя утварь не позволятъ намъ сказать, положа руку на сердце, что эта обстановка даетъ человѣку то, что крайне необходимо для его существованія. Будемъ слѣдить глазами за многолюдными толпами работниковъ, когда они рано утромъ направляются къ обычному труду или по вечерамъ возвращаются въ свое жилище—и мы скажемъ, что ихъ оборванная одежда, не соотвѣтствующая даже самымъ скромнымъ требованіямъ объ опрятности, которыя предъявляются современной культурой, обыкновенно не защищаетъ ихъ отъ дождя и стужи. Присядемъ къ работникамъ, когда они, въ своихъ ли семьяхъ или во многолюдныхъ артеляхъ, садятся за обѣдъ, и сомнительная доброкачественность съѣстныхъ припасовъ убѣдитъ насъ, что для поддержанія здоровья пища должна быть лучше, нежели та, которая доступна работнику.

Кто смотритъ на окружающее непредубѣжденнымъ взоромъ, кто не разучился мыслить и чувствовать, тотъ навсегда остается подъ впечатлѣніемъ этихъ картинъ; его не собьютъ съ позиціи самыя краснорѣчивыя разсужденія о томъ, что низшею заработной платой служитъ величина, удовлетворяющая необходимыя потребности работника и его семьи. Но не будемъ долго останавливаться на впечатлѣніи, которое производятъ отдѣльные, хотя бы и многочисленные факты, доступные нашему наблюденію. Обратимся къ статистикѣ и спросимъ ее, насколько заработная плата удовлетворяетъ необходимыя потребности работника? Оставляя въ сторонѣ размѣры заработной платы въ разныхъ видахъ труда, качество пищи, размѣры жилища, мы спросимъ статистику только о продолжительности жизни людей въ зависимости отъ ихъ занятія. На это мы получаемъ такой отвѣтъ: сапожники живутъ въ среднемъ 49 лѣтъ, книгопечатники—48,3, портные—46,6, столяры—44,7, кузнецы 41,8, токари 41,6, камнетесы—33. А средняя жизнь чинов-

никовъ, капиталистовъ, духовныхъ, оптовыхъ торговцевъ составляетъ 60—69 лѣтъ [3]). Возьмемъ данныя о смертности въ зависимости отъ размѣровъ жилищъ и высоты квартирной платы по частямъ города—и мы найдемъ, что въ мѣстностяхъ города, населенныхъ бѣдными, преимущественно рабочими людьми, съ низкой квартирной платой, смертность гораздо выше, нежели въ частяхъ города съ относительно большимъ числомъ богатыхъ обитателей. Для Парижа эту связь установилъ Виллерме еще въ 20-хъ годахъ настоящаго вѣка: онъ вычислилъ, что за пятилѣтіе 1822—26 гг. во II округѣ Парижа, со средней годовой платой за квартиру въ 605 франковъ, 1 умершій приходился на 71 жителя, а въ XII, населенномъ работниками различныхъ разрядовъ, со средней квартирной платой въ 148 франковъ, умиралъ 1 изъ 44. Однородныя данныя имѣемъ мы и для многихъ другихъ городовъ, въ томъ числѣ и для Петербурга. Въ 80-хъ годахъ средняя смертность составляла въ участкахъ Адмиралтейской части 18,6—20,3 на 1000 живущихъ, Литейной, 20,6—23,6, а въ Выборгской—34,1—45,9; въ 3-мъ участкѣ Рождественской части смертность доходила даже до 52,4 на 1000. Сопоставляя цѣны квартиръ по этимъ частямъ города, мы находимъ для Адмиралтейской годовую плату за 1 комнату въ 130,9 и 152,9 рублей, въ Литейной 104,8, 107,6 и 119,9 рублей, а въ Выборгской и Рождественской частяхъ только 36—79 рублей.—Подобные же факты наблюдены во многихъ странахъ въ огромномъ, подавляющемъ количествѣ.

Итакъ, данныя относительно быта рабочихъ заставляютъ сдѣлать выводъ первостепенной важности,—что средняя жизнь работниковъ гораздо короче средней жизни людей, незанимающихся матеріальнымъ трудомъ и что смертность въ рабочемъ классѣ гораздо болѣе велика, нежели въ другихъ общественныхъ группахъ.

Дабы примирить съ этими точными и убѣдительными данными то положеніе политической экономіи, будто заработная плата, въ среднемъ, покрываетъ необходимыя потребности работника и его семьи, мы должны допустить одно изъ двухъ. 1) Или нужно предположить, что сравнительно краткая средняя жизнь работниковъ различныхъ разрядовъ является слѣдствіемъ не низкой платы, а самаго характера многихъ промышленныхъ занятій, или же 2) что краткая средняя жизнь работника есть достаточная величина, что можно говорить объ удовлетвореніи необходимыхъ потребностей работника, если оно позволяетъ ему дожить только до 40 лѣтъ, тогда какъ члены состоятельныхъ классовъ доживаютъ до 60 лѣтъ и болѣе.

Есть виды труда, которые заставляютъ, повидимому, приписать

болѣзненность и смертность въ рабочемъ классѣ не скудной платѣ и невозможности покрывать изъ нея необходимыя потребности, а самому характеру производства. Таковъ, напр., спичечный промыселъ, при которомъ работающій постепенно подвергается отравленію, таковы химическіе заводы, таковъ отчасти горный промыселъ и нѣкоторые другіе. Однако, большинство промышленныхъ занятій вовсе не связано съ условіями, разрушающими здоровье работника: столярный, кузнечный, сапожный и другой промыслы, по роду движеній тѣла и по матеріаламъ, не могутъ быть признаны вредными для здоровья. Тоже можно сказать о трудѣ прядильщиковъ, ткачей и многихъ другихъ, разъ работа производится въ свѣтлыхъ, просторныхъ помѣщеніяхъ, что въ извѣстной мѣрѣ обезпечивается фабричными законами. А потому, краткая средняя жизнь работниковъ должна быть приписана только недостаточному доходу, который не покрываетъ потребностей, необходимыхъ съ точки зрѣнія поддержанія жизни и здоровья. Недостаточное содержаніе выражается въ разныхъ формахъ: или работникъ получаетъ плату, которую можно было бы признать довольно высокой при среднемъ количествѣ труда (напр., для 8 часоваго рабочаго дня), но исполняетъ чрезмѣрно большое количество работы; или продолжительность рабочаго дня можетъ быть признана нормальною, но плата не покрываетъ его потребностей, или же—что бываетъ особенно часто—недостаточная плата соединяется съ чрезмѣрно длиннымъ рабочимъ днемъ. Въ какой бы, однако, формѣ ни выражалось недостаточное вознагражденіе за трудъ—основная причина всегда одна и та же: работникъ соглашается работать слишкомъ много сравнительно съ требованіями гигіены и получать за это плату, едва покрывающую его потребности, только потому, что не можетъ добыть эту плату нормальнымъ количествомъ труда, которое не препятствуетъ сохраненію здоровья.

Остается второе предположеніе,—что средняя жизнь въ 35—40—45 лѣтъ есть достаточная величина. Если такъ, то нужно признать достаточной самую низкую плату, разъ она не мѣшаетъ работнику достигнуть этого невысокаго средняго возраста. Конечно, ни чувство гуманности, какъ бы оно ни было слабо, ни здравый смыслъ не позволяютъ принять такое предположеніе. Кто не считаетъ работника орудіемъ производства, а признаетъ въ немъ, какъ и въ каждомъ человѣкѣ, свободную и самоцѣльную личность, тотъ не можетъ считать нормальною среднюю жизнь въ 40 лѣтъ, если люди зажиточныхъ классовъ доживаютъ въ среднемъ до 60—70. Эту возможно долгую въ современныхъ общественныхъ условіяхъ жизнь мы считаемъ нормальною. Всякое отклоненіе отъ этого

уровня внизъ, если оно не можетъ быть объяснено особенностями даннаго занятія, должно быть приписано только чрезмѣрному труду и недостаточному доходу, непозволяющему покрыть самыя необходимыя потребности, удовлетворить наименьшія требованія гигіены относительно пищи, одежды и жилища.

Почему же въ наукѣ такъ прочно держится положеніе, что низшій размѣръ заработной платы покрываетъ необходимыя потребности работника и его семьи? По нашему убѣжденію, прочность этой теоріи должна быть объяснена прежде всего особенностями пріемовъ, которыми пользовались старые экономисты при оцѣнкѣ явленій общественнаго хозяйства. Преобладала точка зрѣнія частнаго хозяйства. Адамъ Смитъ, въ еще большей степени Рикардо и ихъ послѣдователи оцѣнивали народное хозяйство такъ, какъ это дѣлаетъ частный предприниматель. Посвящая главное вниманіе вопросамъ производства, Адамъ Смитъ и его продолжатели исходили изъ предположенія, что заработная плата должна быть признана покрывающею необходимыя потребности, если она обезпечиваетъ промышленности такое количество рабочихъ рукъ, какого въ данное время требуетъ производство. Еще не былъ поставленъ вопросъ, насколько высота заработной платы, обезпечивающая для страны нужное ей число рабочихъ рукъ, соотвѣтствуетъ той массѣ благъ, которая удовлетворяетъ потребности человѣка, необходимыя съ точки зрѣнія гигіены. Бытъ рабочихъ классовъ еще не былъ предметомъ научнаго изслѣдованія. Многостороннія и точныя статистическія изысканія были еще дѣломъ будущаго. Но съ конца первой четверти нынѣшняго вѣка современный порядокъ вещей сдѣлался предметомъ особенно рѣзкой критики. Экономисты, моралисты, правительственные статистики собрали огромное количество данныхъ о бѣдности массы населенія. Начиная отъ французскаго экономиста Симонда-де-Сисмонди тянется длинный рядъ писателей, посвятившихъ большое вниманіе вопросу о распредѣленіи народнаго дохода. Если, поэтому, у позднѣйшихъ писателей, даже такихъ, какъ Лассаль и Марксъ, мы встрѣчаемъ положеніе, что заработная плата покрываетъ необходимыя потребности работника, то должны признать въ немъ отголосокъ предъидущаго періода, неточное формулированіе мысли, вѣрной по существу, ибо данныя изъ быта рабочихъ, на которыя опиралось это положеніе, представляли мрачную картину и вовсе не способствовали оптимистическимъ заключеніямъ.—Итакъ, скажемъ мы, *средній уровень заработной платы достаточенъ для снабженія производства необходимымъ числомъ рабочихъ рукъ, но стоитъ гораздо ниже величины, необходимой для работника согласно съ низшими требованіями гигіены.*

Нашему положенію противорѣчитъ, повидимому, общепризнанный въ политической экономіи законъ, что, съ паденіемъ платы ниже уровня необходимыхъ потребностей, въ рабочемъ классѣ усиливается смертность, которая влечетъ за собою недостатокъ рабочихъ рукъ, ослабленіе между ними соперничества и повышеніе платы. Мы устранимъ это противорѣчіе замѣчаніемъ, что сохраненіе жизни и здоровья работника, какъ самоцѣльной личности, есть величина, вовсе не совпадающая съ сохраненіемъ рабочей силы для цѣлей производства. Согласно съ законами физіологіи, первая величина выражается такою жизненной обстановкой, при которой человѣкъ можетъ прожить по крайней мѣрѣ 70 лѣтъ и сохранить свою полную силу до 55—60. Производство же всегда имѣетъ къ своимъ услугамъ достаточный запасъ рабочихъ рукъ, если жизнь большинства людей сокращается на 10—15 лѣтъ и человѣкъ сохраняетъ свою полную силу только до 40. Способность людей къ размноженію настолько велика, что, даже при высокой смертности въ большинствѣ населенія, число жителей возрастаетъ, и каждое послѣдующее поколѣніе располагаетъ большимъ числомъ работниковъ, нежели предъидущій періодъ. Это краснорѣчиво доказывается ростомъ населенія въ Россіи: оно удвоивается въ теченіе 65 лѣтъ, при огромной смертности, особенно въ деревняхъ, достигающей 40 на 1,000 живущихъ. А потому, господствующій въ политической экономіи законъ соотношенія между заработной платой и населеніемъ долженъ получить такое толкованіе: при средней платѣ, въ рабочихъ классахъ господствуетъ сильная смертность, далеко превосходящая смертность въ другихъ классахъ населенія; когда же плата опускается ниже этого уровня, то смертность начинаетъ превышать рождаемость. Результатомъ вымиранія служитъ уменьшеніе числа рабочихъ рукъ, ихъ недостаточность для поддержанія производства въ существующихъ размѣрахъ.

Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать дополненіе къ вышеупомянутому закону, установленному Марксомъ. Каждое крупное техническое изобрѣтеніе, какъ справедливо говоритъ Марксъ, уменьшаетъ число необходимыхъ для промышленности рабочихъ рукъ. Но это явленіе, обнаруживающееся въ острой формѣ послѣ крупныхъ промышленныхъ изобрѣтеній, хронически существуетъ всегда, во всѣ эпохи и при всѣхъ доселѣ господствовавшихъ формахъ хозяйственной жизни. Признакомъ избытка въ какомъ либо благѣ служитъ небрежное къ нему отношеніе: непользованіе частью этого блага и небережливое пользованіе тѣмъ запасомъ, который поступилъ въ хозяйственный оборотъ. Избытокъ рабочихъ рукъ выражается въ рабовладѣльческомъ хозяйствѣ во второй формѣ, въ томъ, что

господинъ даетъ рабу недостаточное содержаніе и преждевременно истощаетъ его силу. То-же наблюдаемъ мы въ хозяйствѣ, основанномъ на трудѣ крѣпостныхъ. При господствѣ наемнаго труда избытокъ рабочихъ рукъ выражается въ томъ, что на лицо есть множество людей въ возрастѣ полной рабочей силы, не находящихъ себѣ занятія. Запасной арміей рабочихъ располагаетъ не только современное общество: ее образуютъ многочисленные бѣдняки и бродяги въ началѣ новаго времени, при господствѣ ремесла и мануфактуры, въ періоды, не отмѣченные крупными техническими изобрѣтеніями. Наличность свободныхъ рабочихъ рукъ, знакомая предъидущимъ вѣкамъ, равно какъ и настоящему времени, есть результатъ слѣдующихъ совмѣстно дѣйствующихъ причинъ. 1) Способность людей къ быстрому размноженію съ избыткомъ пополняетъ опустошенія, которыя производитъ въ рабочихъ классахъ высокая смертность, а потому каждый предприниматель—рабовладѣлецъ, помѣщикъ, наниматель—располагаетъ достаточнымъ запасомъ рабочихъ силъ. 2) Въ рабовладѣльческомъ и помѣщичьемъ хозяйствахъ право господина на личность рабовъ и крѣпостныхъ, возможность пользоваться благами жизни или съ очень малой затратой труда или даже въ полной праздности парализуетъ развитіе правильнаго хозяйственнаго разсчета: послѣдній выражался бы въ бережномъ пользованіи силами рабовъ и крѣпостныхъ, въ лучшемъ содержаніи ихъ, въ охраненіи ихъ здоровья; все это служило бы средствомъ къ болѣе быстрому ихъ размноженію и увеличенію доходовъ господина. 3) Съ тѣхъ поръ, какъ наемный трудъ сталъ господствующимъ, развитіе правильнаго хозяйственнаго разсчета сдѣлало большіе успѣхи. Предприниматель, стоящій во главѣ наемныхъ рабочихъ, ясно сознаетъ выгоды, которыя доставляетъ расширеніе предпріятія. Но преградой доставленію занятія всей запасной рабочей арміи служитъ малая доля народнаго дохода, поступающая въ заработную плату, слабая покупательная сила въ массахъ народа, а потому и невозможность найдти сбытъ для всего количества товаровъ, которое могло бы быть произведено всѣмъ рабочимъ населеніемъ данной страны.

Пояснимъ наше положеніе такимъ примѣромъ. Все рабочее населеніе страны состоитъ изъ 1,000,000 душъ и, вслѣдствіе перевѣса рожденій надъ смертями, число людей рабочаго возраста увеличивается ежегодно на 10,000 душъ; всѣ они могли бы получить работу лишь въ томъ случаѣ, еслибы добавочное количество товаровъ, которое они произведутъ, могло найдти себѣ сбытъ. При достаточной производительности труда, какую даетъ не только фабричное, но и мануфактурное производство, потребности возрастаю-

щаго населенія могутъ быть удовлетворяемы трудомъ добавочныхъ 9000 работниковъ. Такимъ образомъ изъ 10,000, на которыхъ увеличилось общее число работниковъ, 1000 душъ не найдутъ занятія; образуя запасную рабочую армію, они станутъ въ ряды нищихъ, бродягъ, частію преступниковъ.

Въ тѣсной связи съ воззрѣніями политической экономіи на средній уровень заработной платы стоитъ ученіе о такъ называемомъ *фондѣ заработной платы*. Это ученіе, развившись въ англійской экономической литературѣ со времени Смита и, особенно, Рикардо, перешло оттуда на материкъ Европы. Согласно съ этимъ ученіемъ, вся совокупность благъ, изъ которыхъ выдается рабочая плата, есть величина, точно опредѣленная для даннаго времени, въ началѣ извѣстнаго промышленнаго періода, положимъ, года. Если намъ извѣстно, что эта сумма составляетъ 100 милліоновъ рублей, а число рабочихъ, между которыми она распредѣляется, равно одному милліону, то, зная дѣлимое и дѣлителя, мы можемъ найдти частное, то есть средній размѣръ заработной платы, въ данномъ случаѣ—100 рублей. Повышеніе заработной платы въ одной отрасли промышленности можетъ совершаться только одновременно съ пониженіемъ платы въ какой-либо другой отрасли, ибо размѣръ фонда не подлежитъ рѣзкимъ измѣненіямъ. Въ основаніи этой теоріи также лежитъ оцѣнка народнаго хозяйства съ точки зрѣнія предпринимателя. Хозяинъ предпріятія, составляя бюджетъ расходовъ, которыхъ требуетъ производство, считаетъ необходимымъ получить отъ предпріятія опредѣленную прибыль, соотвѣтствующую барышу въ другихъ однородныхъ предпріятіяхъ, и признаетъ возможнымъ уплатить рабочимъ такую-то сумму. Положимъ, что, при валовомъ доходѣ въ 100,000 рублей, изъ которыхъ 30,000 затрачено на покупку матеріаловъ, онъ считаетъ необходимымъ получить прибыль въ 35,000 и возможнымъ затратить 35.000 на заработную плату. Такъ какъ размѣръ предпріятія зависитъ отъ размѣровъ постояннаго и оборотнаго капиталовъ, которыми располагаетъ предприниматель, то, при началѣ каждаго промышленнаго періода, напр., года, онъ вноситъ въ смѣту извѣстную сумму, которая и должна поступить въ заработную плату. Подобно тому и англійскіе классики считали точно опредѣленной величиной всю сумму, которая въ началѣ каждаго промышленнаго періода назначается на оплату рабочихъ во всѣхъ предпріятіяхъ даннаго народнаго хозяйства. Въ основѣ ученія о фондѣ заработной платы, какъ точно опредѣленной величинѣ, лежитъ мысль о неизмѣнности прибыли для извѣстнаго промышленнаго періода.

Противъ этого ученія высказался еще Германнъ [4]). Онъ обра-

тилъ вниманіе на то, что общественный доходъ, долею котораго покрывается заработная плата, есть запасъ не всегда одинаковый; а потому подвергается колебаніямъ и та сумма, которая поступаетъ въ плату рабочимъ. Другое возраженіе сдѣлалъ англійскій экономистъ Торнтонъ, а вслѣдъ за нимъ Брентано [5]). Повышеніе платы въ разныхъ отрасляхъ, вызванное удачными стачками рабочихъ въ однихъ случаяхъ и настоятельными требованіями союзовъ рабочихъ къ хозяевамъ, въ другихъ—привело этихъ писателей къ заключенію, что прибыль не есть постоянная величина, что она можетъ уменьшаться, что часть ея можетъ поступать въ заработную плату и увеличивать вознагражденіе за трудъ. Отмѣченная Торнтономъ успѣшная борьба союзовъ рабочихъ съ предпринимателями изъ-за размѣровъ платы побудила и Дж. Стюарта Милля отказаться въ концѣ жизни отъ теоріи заработнаго фонда, которой онъ держался въ шести первыхъ изданіяхъ своей *Политической Экономіи*.

Принципіальныя, а потому и болѣе вѣскія возраженія были сдѣланы противъ этой теоріи Родбертусомъ, Уокеромъ и Джорджемъ [6]). Различаясь въ способахъ аргументированія, всѣ трое сходятся относительно одного основного положенія,—что заработная плата поступаетъ не изъ капитала, уже существующаго въ началѣ даннаго промышленнаго періода, а изъ дохода. Познакомимся съ пріемами, которыми пользуется Джорджъ для развитія этой мысли.

Джорджъ ссылается прежде всего на первобытное хозяйство, стоящее особнякомъ, внѣ связи съ другими частными хозяйствами. Въ такомъ хозяйствѣ работающій содержитъ себя не на запасы, предварительно накопленные, а на только что изготовленные продукты. Робинзонъ не потому можетъ работать надъ выдалбливаніемъ изъ дерева лодки, что имъ предварительно накоплены запасы пищи, которыми онъ и кормится при производствѣ челна: онъ можетъ спокойно работать часть дня надъ изготовленіемъ челнока, если другая часть времени посвящена добыванію пищи. Но и въ современномъ обществѣ съ его раздѣленнымъ трудомъ есть формы вознагражденія работника, которыя ясно обнаруживаютъ, что плата поступаетъ не изъ капитала, а изъ продукта. Таково половничество: когда убрана жатва, то изъ нея получаютъ свою долю землевладѣлецъ и свою плату работникъ. То-же находимъ мы и въ рыболовномъ промыслѣ, гдѣ платой работнику служитъ извѣстная доля улова.—То-же слѣдуетъ сказать о всѣхъ другихъ отрасляхъ производства, хотя во многихъ поступленіе заработной платы изъ продукта не обнаруживается съ такою очевидностью. Прослѣдимъ, говоритъ Джорджъ, за предпринимателемъ въ теченіе недѣли. Въ

понедѣльникъ, когда начинается производство, капиталъ состоитъ изъ опредѣленныхъ запасовъ хлопка, желѣза или кожи, которые должны быть превращены въ одежду, утварь и обувь. Предположимъ, что въ теченіе недѣли хозяинъ ничего не покупалъ для производства, а въ субботу выдалъ плату своимъ рабочимъ. Если—какъ-то обыкновенно и бываетъ—производство было выгодно, то въ концѣ недѣли его капиталъ, представляемый оконченными продуктами, имѣетъ большую цѣнность, нежели въ началѣ недѣли. «Очевидно, что цѣнность, которую онъ, въ видѣ платы, выдалъ своимъ работникамъ, была взята не изъ его капитала и не изъ чьего либо капитала, а изъ цѣнности, созданной именно этимъ трудомъ... Не имѣетъ существеннаго значенія тотъ моментъ, когда выдается заработная плата; несомнѣнно только одно, — что она выдается по окончаніи работы» [7]). Не будемъ забывать, что производительные процессы совершаются одновременно въ разныхъ отрасляхъ промышленности и что для каждаго работника въ то время, когда онъ занятъ изготовленіемъ, напр., обуви, другіе рабочіе производятъ хлѣбъ, мясо, домашнюю утварь, одежду, которые онъ, чрезъ посредство денегъ, вымѣниваетъ на поступающую ему въ заработную плату долю продуктовъ его труда, то есть, обуви. Уокеръ опровергаетъ теорію фонда заработной платы тѣмъ доводомъ, что предприниматель установляетъ высоту заработной платы соразмѣрно съ барышами, которыхъ онъ ожидаетъ отъ производства, а не съ капиталомъ, которымъ онъ располагаетъ при началѣ промышленнаго года. Америка и другія молодыя страны, богатыя дарами природы, охотно принимаютъ даже тѣхъ переселенцевъ, которые не привозятъ съ собою капитала, то есть, появленіе которыхъ въ странѣ, увеличивая дѣлителя (число рабочихъ) и оставляя безъ перемѣны дѣлимое (капиталъ), должны бы, согласно съ этой теоріей, понижать рабочую плату. Пониженія не замѣчается, такъ какъ ростъ населенія, развивая сотрудничество, увеличиваетъ производительность труда и содѣйствуетъ возрастанію заработной платы даже и при неизмѣняющихся размѣрахъ капитала [8]).

Теорія фонда заработной платы, какъ она сложилась въ англійской экономической литературѣ, не можетъ быть принята. Но нельзя согласиться вполнѣ и съ писателями, которые возражаютъ противъ этого ученія. Мы выяснимъ положеніе дѣла, если отвѣтимъ на два самостоятельные вопроса, которые должны быть поставлены относительно фонда заработной платы: 1) изъ какого источника поступаетъ заработная плата? 2) представляетъ ли заработная плата неизмѣнную величину для даннаго промышленнаго періода?

Отвѣчая на первый вопросъ, мы скажемъ, что заработная плата

поступаетъ, какъ изъ капитала, такъ и изъ дохода. Мы разумѣемъ подъ капиталомъ и денежныя суммы, которыя облегчаютъ производство, и всѣ запасы хлѣба, одежды, обуви, топлива, домашней утвари, наличные при началѣ каждаго промышленнаго періода, положимъ, календарнаго года. Каждый предприниматель обладаетъ извѣстною частью этихъ продуктовъ или въ натурѣ, или же косвенно, чрезъ посредство денегъ и кредита; часть этихъ запасовъ и поступаетъ въ плату рабочимъ. Значительные для нѣкоторыхъ разрядовъ благъ и небольшіе для другихъ, эти запасы безостановочно пополняются вновь создаваемыми продуктами, часть которыхъ также служитъ заработной платой. Можно доказать многочисленными примѣрами, что фондомъ заработной платы служитъ не одинъ доходъ, не продуктъ, создаваемый работникомъ непосредственно предъ полученіемъ платы, но и капиталъ. Подрядчикъ, нанимая плотниковъ для постройки дома, нерѣдко даетъ имъ часть платы, въ видѣ задатковъ за нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ до начала ихъ работъ. Землевладѣлецъ осушаетъ свои болота. Работники, прорывающіе канавы, получаютъ плату изъ существующихъ запасовъ, за много недѣль, мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ до того времени, когда возрастетъ цѣнность осушеннаго участка земли и обнаружится результатъ осушительныхъ работъ. Предприниматель нанимаетъ рабочихъ для добыванія золота; работники получаютъ свою плату, хотя бы золотыя розсыпи оказались очень бѣдными и были брошены за бездоходностью. Рабочіе ведутъ просѣки и ставятъ вѣхи при изысканіи направленія, которое должна принять желѣзная дорога. Изъ многихъ намѣченныхъ линій отдается предпочтеніе только одной; образователемъ цѣнности слѣдуетъ считать только тотъ трудъ, который былъ затраченъ для изученія именно этой линіи. Однако, плату получили и работники, проводившіе заброшенныя линіи. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ работники или вовсе не создаютъ цѣнности, которая могла бы покрыть заработную плату, или же создаютъ ее, но она входитъ въ составъ частнаго и народнаго имущества только чрезъ продолжительное время по окончаніи работы. Именно во всѣхъ такихъ случаяхъ очевидно поступленіе платы изъ капитала предпринимателя. И если Джорджъ ссылается [2]) на большую часть предметовъ пищи, потребляемыхъ богачемъ и бѣднякомъ, какъ на результатъ труда за послѣднія недѣли, то мы противопоставимъ этому хлѣбъ въ зернѣ, заготовленный отъ послѣдней жатвы, т.-е. 6 — 8 — 10 мѣсяцевъ тому назадъ, лѣсные матеріалы, домашнюю утварь, разные фабрикаты, произведенные 1—2 года тому назадъ и болѣе. Замѣтимъ также, что сравненіе Робинзона, который ведетъ свое убогое хо-

зяйство на необитаемомъ островѣ, со сложнымъ экономическимъ бытомъ нашего времени часто ведетъ къ невѣрнымъ заключеніямъ. Всегда нужно помнить о томъ, что въ общественномъ хозяйствѣ развиваются такія свойства, которыя неизвѣстны первобытному частному хозяйству.

И такъ, фондомъ заработной платы служитъ капиталъ предпринимателя и продуктъ, производимый работникомъ. Смѣшанный фондъ вовсе не мѣшаетъ заработной платѣ быть измѣнчивой величиной въ теченіе извѣстнаго промышленнаго періода, положимъ, года. Она была бы точно опредѣленной величиной лишь въ томъ случаѣ, еслибы вторая доля продукта—прибыль—представляла такую же неизмѣнную величину, чего нѣтъ въ дѣйствительности. Возьмемъ напр., многія изъ русскихъ промышленныхъ предпріятій съ ихъ чистымъ барышомъ въ 30, 40, 50%. Гдѣ, спрашивается, основаніе для того, чтобы барышъ достигалъ такой высоты и предприниматель удвоивалъ свой капиталъ въ 2—3 года? Какая необходимость въ томъ, чтобы барышъ составлялъ 40, а не 15%? Высокій барышъ и крайне низкая заработная плата объясняются одной причиной—невыгоднымъ положеніемъ рабочихъ, ихъ невозможностью получить болѣе высокую плату, а отнюдь не какою либо необходимостью съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства. Еслибы барышъ уменьшился на половину, составилъ не 30, а только 15%, то капиталистъ-предприниматель могъ бы удвоивать свой капиталъ не въ 3—4 года, а въ 6—8 лѣтъ, и большій доходъ работниковъ, увеличивая ихъ покупательную силу, способствовалъ бы развитію производства. Словомъ, нѣтъ необходимости, чтобы въ прибыль поступала именно та доля продукта, которая поступаетъ; нѣтъ необходимости, чтобы извѣстная доля прибыли не получила значенія добавки къ рабочей платѣ. Смѣшанный характеръ фонда заработной платы не измѣняетъ положенія дѣлъ. Допустимъ, что изъ всего капитала, которымъ страна располагаетъ къ началу промышленнаго періода, 100,000,000 предназначены на поступленіе въ заработную плату, а 100,000,000 въ прибыль, и что изъ общей массы цѣнностей, которыя производятся въ теченіе года, въ прибыль и заработную плату поступаютъ также по 100 милліоновъ. Такъ какъ прибыль не представляетъ неизмѣнной величины, то заработная плата, при благопріятныхъ для рабочаго класса условіяхъ, можетъ повыситься до 150 милліоновъ изъ капитала и 150 милліоновъ изъ продукта, оставивъ на долю прибыли по 50 милліоновъ изъ каждаго источника. Иначе говоря: при благопріятныхъ условіяхъ, рабочій классъ можетъ получить, какъ изъ существующихъ предметовъ потребленія, такъ и изъ производимыхъ въ

данномъ промышленномъ періодѣ, сумму въ $1^1/_2$ раза большую. Заработная плата можетъ, однако, повышаться и не на счетъ прибыли. При низкомъ уровнѣ гражданственности орудія и пріемы труда измѣняются очень медленно; нужны цѣлыя поколѣнія даже для того, чтобы совершились частичныя улучшенія техники. Но разъ промышленность достигла того высокаго развитія, которое отличаетъ европейско-американскій міръ, техническія изобрѣтенія быстро слѣдуютъ другъ за другомъ. Если предприниматель стоитъ на высотѣ современной техники и внимательно слѣдитъ за ея успѣхами, то даже такой краткій промышленный періодъ, какъ одинъ годъ, не проходитъ для его производства безъ существенныхъ улучшеній: вводятся новыя машины и приспособленія, которыя увеличиваютъ успѣшность труда, или способы болѣе бережливаго пользованія главными и вспомогательными матеріалами. Каждое нововведеніе прямо или косвенно повышаетъ производительность труда: если въ началѣ промышленнаго періода цѣнность всѣхъ продуктовъ, которые должны были быть изготовлены за годъ, опредѣлялась въ 100000 р., а издержки производства, включая и заработную плату, въ 70000 р., то техническія усовершенствованія въ теченіе года или поднимаютъ цѣнность продуктовъ до 110,000 или же (сбереженія на сырьѣ, на топливѣ, краскахъ, смазочныхъ матеріалахъ) понижаютъ издержки до 60,000. Въ обоихъ случаяхъ прибыль поднимается съ 30,000 на 40,000. Добавочные 10,000 рублей могутъ пойдти на увеличеніе заработной платы безъ уменьшенія прибыли.

Наибольшая высота заработной платы опредѣляется степенью производительности труда; первая прямо пропорціональна послѣдней. Плата, повышаясь, можетъ поглотить весь продуктъ, за исключеніемъ поземельной ренты, обычнаго процента и небольшой части прибыли. Плата не можетъ поглотить всю прибыль, ибо это равносильно уничтоженію частно-капиталистическаго производства. Вслѣдствіе экономически-объективнаго значенія прибыли, которое будетъ указано ниже, плата не могла бы поглотить весь продуктъ и при общественной формѣ производства. Тюненъ сдѣлалъ попытку вычислить maximum платы при частно-капиталистическомъ производствѣ. Онъ, по мнѣнію Тюнена, равняется излишку, который произведенъ послѣднимъ принятымъ въ предпріятіе работникомъ. Предприниматель расширяетъ производство, увеличиваетъ число рабочихъ въ надеждѣ на бо̀льшія выгоды. Работники, принятые позднѣе, получаютъ увеличенную плату, которая становится нормой и для всѣхъ ранѣе поступившихъ работниковъ, одинаково искусныхъ, Но расширенію предпріятія есть предѣлъ: оно останавливается, когда плата послѣдняго работника, составляющая

maximum, поглощаетъ всю избыточную цѣнность, которую онъ можетъ произвести. Здѣсь *полезность труда* для нанимателя достигаетъ высшаго уровня, за который не можетъ переступить заработная плата.

Предположимъ, что въ предпріятіи А 200 работниковъ производятъ ежегодно на 100,000 рублей, на матеріалы расходуется 40,000 рублей, средняя заработная плата составляетъ 150 рублей, а годовая прибыль—30,000 р. Успѣшный сбытъ товаровъ побуждаетъ предпринимателя расширить производство: нанявъ еще 50 работниковъ, онъ увеличиваетъ плату до 200 рублей каждому, въ итогѣ до 50,000 р. Если теперь 250 работниковъ, при затратѣ 50,000 руб. на матеріалы, благодаря болѣе цѣлесообразной организаціи труда, произведутъ на 135,000 руб., то прибыль составитъ только 35,000 руб., т.-е. относительно менѣе, нежели до расширенія предпріятія. Хозяину будетъ, такимъ образомъ, невыгодно поднять заработную плату до 200 руб.; maximum платы нужно искать между 150 и 200 рублей.

Резюмируя все сказанное, мы установимъ такое положеніе: низшій размѣръ платы соотвѣтствуетъ тѣмъ потребностямъ работника, удовлетвореніе которыхъ необходимо для обезпеченія производству достаточнаго числа рукъ; высшій — опредѣляется полезностью труда для нанимателя. Плата постоянно колеблется между двумя крайними предѣлами—maximum'омъ и minimum'омъ. Колебаніе это обусловливается двойнымъ соперничествомъ: соперничествомъ въ средѣ рабочихъ и въ средѣ предпринимателей. Каждый членъ того и другого ряда дѣйствуетъ подъ вліяніемъ личнаго интереса. Каждый рабочій желаетъ получить возможно бо́льшую плату; каждый предприниматель—дать самое низкое вознагражденіе за трудъ. Но каждый испытываетъ на себѣ давленіе всѣхъ членовъ своего ряда. Рабочій боится, чтобы другіе рабочіе не понизили своихъ требованій и не оставили его безъ занятія. Каждый предприниматель опасается, чтобы его товарищи не предложили нанимающимся болѣе выгодныхъ условій и не оставили его безъ рабочихъ. Отсюда и происходятъ безпрестанныя колебанія заработной платы; она то возвышается, крайне рѣдко и не надолго поднимаясь до maximum'а, то понижается, спускаясь къ minimum'у. Такимъ образомъ, о заработной платѣ можно сказать, что она опредѣляется отношеніемъ между числомъ рабочихъ рукъ и запросомъ на трудъ со стороны всего общества чрезъ посредство предпринимателей.

Классическая политическая экономія разсматриваетъ всю массу рабочихъ, какъ одно безразличное цѣлое; она исходитъ изъ пред-

положенія, что сила соперничества дѣйствуетъ внутри всей этой массы. Но это неправильно: соперничество между рабочими обнаруживается въ отдѣльныхъ кружкахъ, на которые могутъ быть раздѣлены всѣ рабочіе даннаго общества. Сводя къ возможному единству все разнообразіе ихъ услугъ, мы можемъ образовать нѣсколько обширныхъ круговъ, на которые распадаются трудящіеся члены общества; каждая группа имѣетъ свои отличительныя особенности. Первую самостоятельную группу образуютъ тѣ лица, которыя или занимаютъ, по господствующему въ обществѣ воззрѣнію, особенно высокое положеніе (высшіе государственные чиновники, управляющіе крупными частными предпріятіями) или обладаютъ выдающимися способностями въ разныхъ свободныхъ профессіяхъ (врачи, адвокаты, актеры, литераторы). Соперничество дѣйствуетъ въ этой сферѣ очень слабо; вознагражденіе членовъ этого круга опредѣляется обычаемъ. Потребители такъ оплачиваютъ услуги этихъ лицъ, что они внѣшнимъ образомъ могутъ занимать высокое общественное положеніе; ихъ заработная плата многократно превосходитъ то, что нужно для покрытія физіологически необходимыхъ потребностей. Вторую группу образуютъ люди, которые оказываютъ услуги средняго качества, относящіяся къ видамъ квалифицированнаго труда. Соперничество между работниками этого круга рѣдко достигаетъ бо́льшаго напряженія: у всѣхъ, пользующихся услугами этихъ тружениковъ, прочно держится убѣжденіе, что работники этого круга должны вести извѣстный образъ жизни, занимать извѣстное положеніе. Этимъ руководствуется государство, опредѣляя размѣры жалованья чиновниковъ; изъ этого же положенія исходятъ разныя общественныя учрежденія и частныя лица, когда оплачиваютъ трудъ болѣе или менѣе квалифицированный (служащіе въ банкахъ, конторахъ, завѣдующіе отдѣльными отраслями въ промышленныхъ заведеніяхъ). Однако, въ простѣйшихъ видахъ этого труда соперничество дѣйствуетъ съ большою силой, и плата (народнымъ учителямъ, самымъ мелкимъ чиновникамъ низшимъ служащимъ въ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ) опускается на уровень необходимыхъ потребностей и даже ниже.

Послѣднюю, особенно многочисленную группу образуютъ рабочіе сельскіе и фабричные, частію ремесленники, трудъ которыхъ оплачивается наиболѣе низко. Соперничество проявляется здѣсь съ полной силой, и пониженіе заработной платы не находитъ даже слабаго противовѣса въ господствующемъ убѣжденіи, что работники должны вести извѣстный образъ жизни. Легко возрастающее со стороны рабочихъ предложеніе труда стремится понижать плату.

Успѣхи техники усиливаютъ соперничество, такъ какъ открываютъ доступъ къ промышленности все бо̀льшему числу рукъ. Если въ странѣ господствуетъ ремесленное производство, то отъ рабочаго требуютъ значительной тѣлесной силы; въ этомъ случаѣ соперничество между рабочими сводится къ соперничеству только взрослыхъ людей, физически развитыхъ. При фабричномъ производствѣ соперничество достигаетъ наибольшей степени: очень многіе виды труда могутъ быть исполнены дѣтьми десяти-двѣнадцати лѣтъ и моложе. Въ соперничествѣ принимаютъ такимъ образомъ участіе и подростающія поколѣнія. Мы можемъ, поэтому, сказать, что съ развитіемъ техники и фабричнаго производства создаются условія для наибольшаго развитія соперничества между рабочими. Помимо этого, прямого соперничества, ограниченнаго предѣлами данной страны, оно бываетъ и косвеннымъ, исходитъ отъ другихъ народовъ: болѣе дешевые товары, ввозимые изъ-за границы, уменьшаютъ въ данной странѣ производство по нѣкоторымъ отраслямъ и, по крайней мѣрѣ, на время ослабляютъ спросъ на рабочія руки.

Упомянемъ о нѣкоторыхъ частныхъ причинахъ пониженія рабочей платы. Къ таковымъ относится: 1) соперничество обезпеченныхъ любителей, которые, имѣя постоянный источникъ дохода, изъ любви къ дѣлу посвящаютъ себя данному занятію. Джонъ Стюартъ Милль указываетъ на литературный трудъ, какъ на область, гдѣ соперничество любителей особенно значительно и гдѣ оно содѣйствуетъ пониженію платы. 2) Занятіе извѣстнымъ дѣломъ, какъ подсобнымъ, при наличности другого источника дохода. Такіе работники цѣнятъ свой подсобный трудъ очень дешево, а потому и служатъ опасными соперниками для людей, которые исключительно предаются этому занятію: издѣлія кустарей, монаховъ, заключенныхъ въ темницахъ очень дешевы именно вслѣдствіе этой причины; они успѣшно соперничаютъ съ издѣліями городскихъ ремесленниковъ. 3) Замѣтимъ здѣсь же, что трудъ женщины, одинаковый съ трудомъ мужчины, оплачивается дешевле именно потому, что въ платѣ послѣднему содержится и доля на содержаніе семьи, чего нѣтъ въ платѣ первой.

Перечисленныя нами условія дѣйствуютъ не обособленно, а совмѣстно, въ различныхъ сочетаніяхъ; они опредѣляютъ, какъ напряженность соперничества между рабочими, такъ и выгоды, извлекаемыя изъ него предпринимателями. Все изложенное позволяетъ сдѣлать о высотѣ заработной платы такое заключеніе: плата наиболѣе высока въ странахъ, гдѣ рѣдкое населеніе соединяется съ обиліемъ естественныхъ богатствъ и высоко развитой техникой старой цивилизаціи (колоніи европейцевъ въ другихъ частяхъ свѣта; сюда же

можно отнести и Сибирь [10]). При состояніи противоположномъ, плата приближается къ своему низшему размѣру.

Тюненъ сдѣлалъ попытку опредѣлить *естественную* заработную плату, которая по своей высотѣ, соотвѣтствовала бы требованіямъ справедливости. Для упрощенія задачи Тюненъ беретъ тѣ окраины обособленнаго государства, гдѣ удобная земля находится въ изобиліи и еще нѣтъ ренты. Онъ выдѣляетъ часть валового дохода для покрытія издержекъ на матеріалъ и долю прибыли въ вознагражденіе предпринимателя за его трудъ и рискъ; остатокъ долженъ быть распредѣленъ между процентами на капиталъ и заработной платой. Предположимъ, слѣдуя вычисленіямъ Тюнена, что человѣкъ, безъ помощи капитала, произвелъ въ годъ 110 единицъ: изъ нихъ онъ потребилъ 100, а 10 отложилъ для потребленія въ слѣдующемъ году, когда онъ займется производствомъ капитала. Капиталъ, произведенный въ слѣдующемъ году, стоитъ также 110 единицъ. Естественная доходность капитала измѣряется тѣмъ излишкомъ, который производитъ трудъ, вооруженный капиталомъ, надъ продуктомъ, который произвелъ трудъ безъ капитала. Если теперь, съ помощью капитала, произведены 150 единицъ, то 110 являются результатомъ текущаго труда, а 40—излишкомъ, проистекающимъ отъ примѣненія капитала. Отсюда получается такая формула: капиталъ относится къ своему доходу такъ, какъ заработная плата—къ доходу, который она произвела въ то время, когда трудъ былъ направленъ на производство капитала. Капиталъ здѣсь приводится къ труду и измѣряется количествомъ труда, затраченнымъ на его производство. Такимъ образомъ естественная доля работника та, когда его плата за текущій трудъ (110 единицъ) равна платѣ за трудъ, направленный на производство капитала, съ помощію котораго онъ работаетъ (110 единицъ), и только излишекъ (40 единицъ), образованный приложеніемъ капитала, поступаетъ на долю процента. Если работникъ не имѣетъ этой платы, то, при обиліи свободныхъ и плодородныхъ земель, онъ оставитъ работу по найму и самостоятельно займется земледѣліемъ. Тюненъ выражаетъ естественную плату формулой $\sqrt{ap}$, гдѣ p есть весь произведенный продуктъ, a—количество необходимыхъ для работника средствъ существованія, подъ условіемъ возможности для семьи работника воспитать двухъ дѣтей до возраста полной рабочей силы. Тюненъ не указываетъ на способы осуществленія своей теоріи, но считаетъ лучшимъ для этого средствомъ воздѣйствіе государства на поднятіе народнаго образованія. Большее духовное развитіе молодыхъ поколѣній будетъ удерживать ихъ отъ излишняго размноженія, вселитъ въ нихъ увѣренность, что лучше хорошо воспитать немногихъ людей,

чѣмъ дурно—многихъ. Издержки на воспитаніе увеличатся, а необходимость покрыть ихъ изъ заработной платы возвыситъ послѣднюю. Такимъ образомъ Тюненъ ограничивается указаніемъ тѣхъ мѣръ воздѣйствія, которыя стали общимъ мѣстомъ во всѣхъ сочиненіяхъ по рабочему вопросу, а почитатель Тюнена Гельферихъ рѣшительно отказывается сдѣлать какіе-либо практическіе выводы изъ этой теоріи. Но заслуга Тюнена, по мнѣнію Гельфериха, состоитъ въ томъ, что онъ призналъ источникомъ зла отдѣленіе работника отъ его произведеній и поставилъ требованіе, чтобы доля работника въ продуктѣ была приведена въ точное соотвѣтствіе съ его участіемъ въ производствѣ. «Новая истина, замѣчаетъ Гельферихъ, имѣетъ прежде всего цѣну сама по себѣ, по тому приросту, который получаетъ отъ нея область, подчиненная господству разума. А кто можетъ напередъ ручаться, къ какимъ практическимъ результатамъ приведетъ насъ знаніе, въ началѣ чисто идеальное» [11]).

Не слѣдуетъ упрекать какую-либо теорію за неприложимость въ настоящее время или въ ближайшемъ будущемъ. Однако, теорія Тюнена и въ принципіальномъ отношеніи совершенно несостоятельна, такъ какъ затрудняетъ проведеніе границы между производствомъ безъ капитала и производствомъ, совершающимся при участіи капитала. Возьмемъ для примѣра мукомольную промышленность; господствующимъ типомъ являются въ ней большія паровыя и водяныя мельницы, гдѣ трудъ одного работника производитъ въ сотни разъ больше, нежели то было въ сѣдую старину при ручномъ размолѣ зерна. Считать ли въ этой промышленности «естественной» заработной платой такое количество зерна, какое человѣкъ можетъ раздробить между двумя камнями, то есть безъ примѣненія капитала? Или, быть можетъ, мы возьмемъ за точку отправленія небольшую вѣтряную мельницу и признаемъ, что на ней трудъ прилагается почти безъ капитала? Работникъ, трудящійся безъ капитала, съ помощью первобытныхъ орудій, которыя даетъ природа, производитъ столь малое количесство продуктовъ, что, слѣдуя теоріи Тюнена, нужно было бы не только не увеличить заработной платы въ Америкѣ, Австраліи, Англіи, гдѣ она абсолютно высока, но даже отнять отъ нея значительную часть и отнести къ процентамъ на капиталъ.—Ошибка Тюнена есть необходимое слѣдствіе того, что за капиталомъ признается самостоятельная творческая сила. Если исходить изъ единственно вѣрнаго положенія, что капиталъ, въ какой бы мѣрѣ онъ ни увеличивалъ производительность труда, не обладаетъ творческой силой, пока къ нему не прикоснется рука работника, то нельзя прійти къ теоріи Тюнена, нельзя считать естественной заработной платой такую долю

продукта, которая могла быть произведена безъ помощи капитала.

Объясняя ошибку Тюнена непригодностью его основнаго положенія, мы считаемъ необходимымъ привести естественную плату въ связь съ требованіями гигіены. Послѣдняя обезпечиваетъ каждой общественной группѣ наивысшую возможную въ данное время среднюю жизнь и наименьшую смертность, если правильно удовлетворяются потребности въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ. А потому, естественная заработная плата начинается только тамъ, гдѣ доля продукта, получаемая работникомъ, удовлетворяетъ его физіологически-необходимыя потребности, приравниваетъ смертность и среднюю жизнь въ рабочихъ классахъ смертности и средней жизни въ болѣе обезпеченныхъ слояхъ населенія. Если, поэтому, въ городскихъ кварталахъ, населенныхъ зажиточными семьями, ежегодно умираетъ 1 изъ 65, то можно считать требованіе о полученіи естественной платы удовлетвореннымъ, когда и въ кварталахъ, гдѣ живетъ рабочій людъ, смертность опустится на этотъ уровень. Таковъ низшій размѣръ естественной платы. Онъ предполагаетъ не только плату, превышающую ея среднюю высоту во всѣхъ странахъ, но и дальнѣйшее развитіе законодательства о рабочихъ, которое болѣе рѣшительно, нежели въ настоящее время, ограждало бы ихъ отъ чрезмѣрнаго пользованія ихъ трудомъ и отъ другихъ темныхъ сторонъ промышленной жизни. При господствѣ права частной собственности на капиталъ, высшимъ размѣромъ естественной платы должно быть признано такое вознагражденіе работника, которое даетъ его семьѣ возможность не быть прикрѣпленной къ простѣйшимъ видамъ труда, которое позволяетъ его семьѣ выдѣлять наиболѣе даровитыхъ членовъ и воспитывать ихъ къ такимъ призваніямъ, которыя требуютъ многолѣтней подготовки и большихъ расходовъ. Словомъ, высшій размѣръ естественной платы, не давая работнику роскоши или комфорта, обезпечиваетъ ему полную личную свободу, и не на словахъ только, а на дѣлѣ пріобщаетъ къ дарамъ культуры, которыми пользуются состоятельные классы населенія.

Заработная плата выдается въ *натуральной* и *денежной* формѣ. Съ развитіемъ денежнаго обращенія первая все болѣе уступаетъ мѣсто второй. Хотя вторая болѣе проста и наилучше удовлетворяетъ требованіямъ личной свободы работника (свободы относительно мѣста, времени, количества, качества и способовъ пріобрѣтенія предметовъ потребленія), однако, первая форма и до сихъ поръ имѣетъ значительное распространеніе: въ натуральной формѣ получаетъ бо́льшую часть своей платы домашняя прислуга; квартиры въ натурѣ отводятся многимъ государственнымъ и земскимъ

чиновникамъ, рабочимъ на многихъ фабрикахъ и заводахъ; многіе сельскіе учителя получаютъ плату деньгами и съѣстными припасами. Обезпеченіе работника квартирой въ натурѣ имѣетъ ту выгоду, что, вслѣдствіе почти монопольнаго положенія домовладѣльцевъ въ быстро развивающихся городахъ, удовлетвореніе потребности въ жилищѣ представляетъ крупныя затрудненія для людей съ небольшими доходами. Насильственная расплата товарами (truck-system), и именно товарами, въ которыхъ получающій ихъ работникъ не имѣетъ надобности, образуетъ довольно распространенный видъ злоупотребленій, которымъ подвергаются работники со стороны предпринимателей.

Есть нѣсколько способовъ вычисленія заработной платы. 1) *Повременная* плата вычисляется по единицамъ времени,—въ годъ, мѣсяцъ, недѣлю, день. Этотъ способъ вычисленія имѣетъ ту выгоду, что наиболѣе обезпечиваетъ нанимателю удовлетворительное качество труда: рабочій не имѣетъ побужденій торопиться съ окончаніемъ работы (ибо плата его чрезъ это не увеличивается) и всегда можетъ произвести удовлетворительный товаръ. Но именно отсутствіе интереса работать съ большимъ напряженіемъ часто дѣлаетъ повременную плату невыгодной для нанимателей, которые и стараются при малѣйшей возможности перейдти къ 2) *сдѣльной платѣ*. Въ этомъ случаѣ трудъ оплачивается по количеству изготовленныхъ продуктовъ—отъ аршина, пуда, листа и т. д. На первый взглядъ кажется, что такой способъ вычисленія платы наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ обѣихъ сторонъ: нанимателю выгодно, ибо работникъ трудится съ наибольшимъ напряженіемъ и поставляетъ наибольшее количество продуктовъ; наемнику выгодно, такъ какъ онъ извлекаетъ пользу изъ усиленнаго напряженія рабочей силы. Въ дѣйствительности это предположеніе оправдывается далеко не всегда. Наниматель долженъ установить особенно тщательный надзоръ, чтобы работникъ не увеличивалъ количества продуктовъ въ ущербъ ихъ качеству. Работнику же сдѣльная плата часто приноситъ непоправимый вредъ: при невысокой оплатѣ труда за производство каждой единицы товара, работники часто, для увеличенія платы, работаютъ до крайняго изнуренія. Это отражается особенно пагубно на слабѣйшихъ работникахъ, которые стремятся не отстать отъ своихъ болѣе сильныхъ и ловкихъ товарищей. Вотъ почему англійскіе союзы рабочихъ враждуютъ противъ сдѣльной платы. 3) *Участіе въ прибыли* обнимаетъ всѣ тѣ способы вознагражденія за трудъ, когда, сверхъ обычной повременной или сдѣльной платы, работники получаютъ добавки изъ прибыли предпріятія [12]). Сущность этого порядка состоитъ въ томъ, что, за покрытіемъ всѣхъ

издержекъ, вознагражденіемъ хозяина за веденіе предпріятія и отчисленіемъ % на капиталъ, участвующій въ производствѣ, часть прибыли распредѣляется между рабочими. Участіе рабочихъ въ прибыли можетъ быть организовано троякимъ образомъ. а) Въ однихъ предпріятіяхъ рабочіе получаютъ не только долю прибыли, но и владѣютъ паями—долями капитала, на который ведется предпріятіе; въ этихъ случаяхъ предпріятіе изъ единоличнаго обращается въ акціонерное. б) Въ другой группѣ предпріятій рабочіе получаютъ только долю прибыли, но не имѣютъ своего пая и в) наконецъ, къ третьей группѣ относятся тѣ предпріятія, въ которыхъ рабочіе получаютъ награды, не представляющія точно опредѣленной доли прибыли: таковы, напр., преміи, которыя получаютъ служащіе на желѣзныхъ дорогахъ за сбереженіе топлива, освѣтительнаго, смазочнаго матеріала. Послѣдняя форма представляетъ только зародышъ участія рабочихъ въ прибыли. Привлеченіе рабочихъ къ прибыли сопровождается выгодными послѣдствіями. Оно улучшаетъ хозяйственный бытъ рабочихъ, дѣлаетъ его болѣе прочнымъ и опредѣленнымъ [13]) и тѣснѣе сближаетъ рабочихъ съ предпріятіемъ и владѣльцемъ онаго. Рабочій трудится бодро и не имѣетъ побужденій враждовать съ предпринимателемъ. Производительность труда такъ возрастаетъ, что доля предпринимателя увеличивается [14]). Недостатокъ въ работникахъ, на который иногда жалуются хозяева, устраняется введеніемъ этого порядка: рабочіе отовсюду притекаютъ къ предпріятію, гдѣ имъ выдается часть прибыли. Наконецъ, благодаря тѣсному общенію и взаимному довѣрію, которое устанавливается между сторонами, предприниматель не нуждается въ бдительномъ надзорѣ за рабочими. И общество, какъ ни узка область примѣненія этой формы, извлекаетъ изъ нея значительныя выгоды. Этихъ выгодъ двѣ—хозяйственная и нравственная. Въ хозяйственномъ отношеніи общество выигрываетъ потому, что участіе рабочихъ въ прибыли вызываетъ бо́льшую энергію труда и производительность работы, а слѣдовательно умножаетъ количество благъ, поступающихъ во владѣніе членовъ общежитія. Въ нравственномъ же отношеніи общество выигрываетъ потому, что между его отдѣльными членами, занимающими разныя ступени общественной лѣстницы, устанавливается все болѣе тѣсная связь. Но осуществленіе лучшей разновидности этой формы связано со значительными препятствіями. Они связаны, главнымъ образомъ, съ особенностями предпріятій. Если предпріятіе извѣдано, если хозяинъ, наученный опытомъ другихъ, знаетъ, что его, при средне благопріятныхъ условіяхъ, ждетъ такая-то прибыль, то онъ можетъ привлечь рабочихъ

къ участію въ ней. Если же предпріятіе неизвѣстно, если оно длится много лѣтъ, если хозяинъ начинаетъ его, руководствуясь только приблизительнымъ разсчетомъ, если онъ не можетъ съ точностью опредѣлить не только размѣры прибыли, но и время, когда начнется ея поступленіе, то участіе въ ней рабочихъ само собой отсрочивается до той поры, когда начнетъ поступать прибыль, быть можетъ, на много лѣтъ. Въ такихъ предпріятіяхъ привлеченіе къ прибыли едва-ли возможно, ибо часто будетъ случаться, что долю прибыли получатъ не тѣ лица, которыя трудились надъ созданіемъ и упроченіемъ предпріятія.

Вопросъ объ условіяхъ, оказывающихъ вліяніе на размѣръ заработной платы, былъ подробно изслѣдованъ еще Адамомъ Смитомъ [15]). Позднѣйшіе писатели внесли нѣкоторыя измѣненія въ группировку этихъ условій.

Первымъ условіемъ служитъ степень пріятности занятія. Такъ какъ представленіе о пріятности занятія содержитъ много субъективнаго, то Адамъ Смитъ поясняетъ, что́ онъ разумѣетъ подъ этимъ почетность занятія, его опрятность и легкость. Наоборотъ, подъ непріятностью труда онъ разумѣетъ бо́льшую или меньшую трудность, нечистоту и пренебрежительное отношеніе общества къ данной работѣ. Трудъ прядильщика опрятнѣе работы кузнеца, и первый получаетъ меньшую плату, нежели второй. Если возьмемъ трактирный промыселъ, то увидимъ, что заработокъ трактирщика великъ, хотя его занятіе не требуетъ отъ него ни искусства, ни особеннаго умѣнья. Онъ великъ именно потому, что трактирщику приходится имѣть дѣло съ нетрезвой публикой и часто получать отъ нея оскорбленія. Мясникъ, палачъ и актеръ получаютъ довольно высокую плату или потому, что въ ихъ занятіяхъ много отталкивающаго—таковы занятія мясника и палача,—или потому, что общество относится къ занятію съ пренебреженіемъ, какъ, напримѣръ, оно относилось къ труду актера во времена Адама Смита. Второе условіе, вліяющее на высоту заработной платы, — есть *легкость и дешевизна или трудность и дороговизна подготовки* къ извѣстному труду. Ад. Смитъ сравниваетъ человѣка съ машиной. Одна машина,—разсуждаетъ онъ,—стоитъ дорого, а другая дешево. Для того, чтобы расходы на изготовленіе машины были покрыты, необходимо, чтобы болѣе дорогая машина давала бо́льшій доходъ. Тоже можно сказать и о человѣкѣ. Онъ долженъ быть подготовленъ къ своей дѣятельности, и необходимо, чтобы, впослѣдствіи, затраты на эту подготовку были покрыты доходами отъ его занятія. Такимъ образомъ, чѣмъ дороже воспитаніе, приготовляющее человѣка къ данному занятію, тѣмъ выше должно быть и вознагражденіе

за его трудъ. Третье условіе,—*прерываемость или непрерывность занятія.* Если работа прерывается, и человѣкъ долго остается безъ дѣла, а слѣдовательно и безъ заработка, то плата должна быть настолько высока, чтобы, получая ее, работникъ могъ содержать себя и въ промежутки бездѣйствія. Таковъ, напр., трудъ каменьщика; его работа оплачивается выше, чѣмъ трудъ простого поденщика, хотя она не требуетъ, сравнительно съ послѣднимъ, ни бо́льшей подготовки, ни бо́льшаго искусства. Это объясняется невозможностью для каменьщика работать постоянно. такъ какъ ему часто препятствуетъ погода и другія условія; простой же поденщикъ можетъ работать непрерывно. Четвертое условіе заключается *въ степени довѣрія, съ которымъ относятся къ работнику.* Смитъ указываетъ на врача и золотыхъ дѣлъ мастера; вторымъ мы довѣряемъ цѣнныя вещи, а первымъ даже здоровье и жизнь. Вотъ почему и трудъ ихъ оплачивается сравнительно высоко. Пятое условіе—*вѣроятность успѣха и рискъ потери.* Кто отдаетъ сына учиться сапожному мастерству, тотъ можетъ быть увѣренъ, что сынъ его рано или поздно научится этому ремеслу. Кто же отдаетъ своего сына подготовиться къ адвокатурѣ, тотъ менѣе разсчитываетъ на успѣхъ, т. е. не можетъ быть положительно увѣренъ, что сынъ его непремѣнно будетъ хорошимъ адвокатомъ. Въ занятіяхъ второго разряда тотъ, кто достигаетъ цѣли, получаетъ высокую плату какъ бы и за всѣхъ тѣхъ, которые остановились на полудорогѣ.

Вотъ пять условій, вліяющихъ на высоту заработной платы, какъ ихъ изложилъ Адамъ Смитъ. Принимая его ученіе, необходимо имѣть въ виду, что такія свойства труда, какъ почтенность или презрѣнность, не связаны съ самими занятіями, а проистекаютъ изъ господствующихъ воззрѣній; воззрѣнія же измѣняются. Довольно сослаться на званіе актера: во время Мольера и Шекспира общество относилось къ актерамъ съ полнымъ пренебреженіемъ, такъ же, какъ къ фокусникамъ и шутамъ. Воззрѣніе общества постепенно измѣнилось: въ сценическомъ искусствѣ стали видѣть необходимыя обществу услуги, и этотъ трудъ выигралъ въ почетѣ.

Изъ ученія Ад. Смита не слѣдуетъ дѣлать выводъ, что въ обществѣ господствуетъ соперничество между всѣми людьми, посвящающими себя разнообразнымъ занятіямъ, и что свойства, которыя отличаютъ каждое отдѣльное занятіе, вліяютъ на высоту заработной платы во всѣхъ остальныхъ. Разныя занятія требуютъ неодинаковой подготовки и весьма различныхъ расходовъ. Врачъ, судья подготовляются къ своей профессіи до 25-ти-лѣтняго возрастн; ихъ воспитаніе стоитъ многихъ тысячъ; поденщикъ, пріурочиваясь къ простѣйшимъ видамъ труда, не нуждается въ обученіи. Невозможность

для всѣхъ членовъ общества подготовить своихъ дѣтей къ любому занятію разбиваетъ работниковъ на многочисленные кружки по степени имущественной обезпеченности отцовъ. Каждый желалъ бы сдѣлать своего сына ученымъ, юристомъ, врачемъ, но не всякій имѣетъ для этого возможность. Такимъ образомъ, соперничество проявляется въ отдѣльныхъ кругахъ; свойства занятій внутри даннаго круга вліяютъ на плату только въ тѣхъ же предѣлахъ. Можно говорить, что свойства занятій врача, юриста, учителя оказываютъ вліяніе на вознагражденіе этихъ лицъ за трудъ; но ошибочно думать, чтобы привлекательность труда литератора стояла въ какомъ-либо отношеніи къ тягости труда ночного сторожа. Напротивъ, самыя непривлекательныя работы требуютъ наименѣе подготовки; въ нихъ мы замѣчаемъ большое соперничество и очень низкую плату.

Общественная власть создаетъ много условій, которыя опредѣляютъ высоту вознагражденія за трудъ. Въ однихъ случахъ государство стремится повысить плату, въ другихъ оказываетъ противоположное вліяніе. Препятствія, которыя государство ставитъ передвиженію людей изъ одного мѣста въ другое (паспортная система) ведутъ къ тому, что въ разныхъ мѣстностяхъ страны одинъ и тотъ же трудъ оплачивается неодинаково. Равнымъ образомъ государство можетъ искусственно создавать для извѣстныхъ занятій такія условія, что въ нихъ заработная плата будетъ имѣть постоянную тенденцію понижаться. Ад. Смитъ отмѣчаетъ распространенный въ Англіи обычай воспитывать на казенный счетъ молодыхъ людей, подготовляющихся къ духовному званію: такъ какъ подготовка не требовала расходовъ, то всегда было много соискателей, и заработная плата лицамъ духовнаго званія опускалась несоотвѣтственно низко. Государство создаетъ различныя монополіи и привилегіи (авторское, издательское право, промышленныя привилегіи), которыя возвышаютъ заработную плату. Мы знаемъ изъ исторіи и часто видимъ и теперь установленіе таксы вознагражденія за разные виды труда; такса оказываетъ сильное давленіе на размѣръ заработной платы. Подобное же вліяніе оказывали цеховыя учрежденія въ средніе вѣка; они ставили въ тѣсныя границы каждое производство и, ограничивая число соперниковъ, дѣйствовали на заработную плату. До послѣдняго времени законодательство о бѣдныхъ въ разныхъ странахъ Европы ставило многочисленныя преграды передвиженію людей изъ одной мѣстности въ другую, а потому и сильно стѣсняло соперничество. Во время Ад. Смита эти стѣсненія были такъ велики, что онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать: «въ Англіи для бѣднаго человѣка было не-

рѣдко труднѣе перейти искусственныя границы прихода, нежели морской рукавъ или хребетъ высокихъ горъ [16])». Многія изъ этихъ искусственныхъ ограниченій сдѣлались достояніемъ исторіи.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВѢ.

1. См. книгу профессора Янжула „Фабричный бытъ", откуда видно, что заработная плата американскихъ и англійскихъ рабочихъ на 100—300% больше, нежели плата фабричныхъ Московской губерніи.

2. Плата работника, говоритъ Тюрго, ограничивается тѣмъ, что̀ необходимо ему для существованія (*Turgot.* Sur la format. et la distrib. § VI).

3) *Haushofer.* Lehrbuch der Statistik.

4) *Herrman.* Staatswirthaftl., Untersuch, 431—5.

5) *Thornton.* On labour, 104 и дал. *Brentano.* Das Arbeitsverhältniss, 232 и дал.

6) *Rodbertus.* Zur Erkenntniss unser staatswirthschaftl. Zustände. 1842, I глава, *Walker.* The wages question, VIII и IX главы· *George.* Progress and poverty, кн. I, главы 3 и 4.

7) *George*, т. ж., 40.

8) *Walker*, т. ж., 146—50.

9) *George*, т. ж. 52.

10) Переселенецъ изъ Европейской Россіи достигаетъ въ Сибири въ теченіе 3—4 лѣтъ значительнаго благосостоянія. Какъ ни низокъ уровень техники въ Россіи, но въ Сибири можно говорить о ней, какъ о техникѣ старой цивилизаціи.

11) *Helferich.* Thünen u. sein Gesetz über die Theilung des Products unter die Arbeiter u. Kapitalisten. Tüb. Zeitschr., VIII, 427.

12) Ведетъ свое начало отъ Леклэра, владѣльца малярнаго заведенія въ Парижѣ. Онъ установилъ этотъ порядокъ въ 1842 году. Въ Германіи попытку этого рода сдѣлалъ экономистъ Ф. Тюненъ въ своемъ имѣніи.

13) Нерѣдко возрастаніе дохода работника достигаетъ значительныхъ размѣровъ. У Бриггса, гдѣ рабочіе извлекали еще мало пользы изъ участія въ прибыли, на ихъ долю выпадали суммы, составлявшія 7—10% ихъ заработковъ. На Драгсгольмѣ, при заработкѣ въ 600 кронъ, доля прибыли равнялась 100—200. У Леклэра она превышала 40% заработковъ. На фермѣ Янке заработокъ возвысился на 60%, а на фабрикѣ Ларошъ-Жуберъ онъ удвоился. См. *Исаевъ.* Уч. рабоч. въ приб.

14) Въ этомъ сознался самъ Леклэръ: въ 1848 году онъ говорилъ экономисту Шевалье, что „увеличенное усердіе его работниковъ вполнѣ вознаграждаетъ его за ту сумму, которую онъ уступилъ имъ".

15) „О богатствѣ народовъ", I кн. 10 глава.

16) Т.-ж., I кн., 196.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прибыль.

Литература. *А. Смитъ.* О богат. народ. *Рикардо.* Основ. пол. экон. *Милль.* Основ. пол. экон. *Маркс.* Капиталъ, I. *Hermann.* Staatswirthsch. Unters. *Knies.* Das Geld u. der Credit. *Mangoldt.* Die Lehre vom Unternehmergewinn. 1855. *Pierstorf.* Die Lehre vom Unternehmergewinn. 1875. *Schönberg*, I. *Rodbertus.* Zur Beleuchtung. *Böhm-Bawerk.* Geschichte u. Kritik der Kapitalzinstheorien, 2. B. 1884 и 1889. *Mataja.* Der Unternehmergewinn. 1884. *Gross.* Die Lehre vom Unternehmergewinn. 1884. *Wirminghaus.* Das Unternehmen, der Unternehmergewinn. 1886. *Цытовичъ.* Обзоръ ученій о предприн. прибыли. 1889. *Скворцовъ.* Прибыль и процентъ. *Юрид. Вѣстн.*, 1890, I.

Принято называть *прибылью* часть прибавочной цѣнности, создаваемой трудомъ. Въ составъ прибыли входятъ нѣсколько различныхъ видовъ капиталистическаго дохода. Прежде чѣмъ изслѣдовать составныя части прибыли, мы остановимся на воззрѣніяхъ, господствующихъ въ экономической литературѣ.

Англійскіе экономисты видятъ въ прибыли ту часть дохода, которая остается капиталисту за покрытіемъ издержекъ производства. Они изучаютъ прибыль, какъ одно цѣлое, и не анализируютъ участія въ производствѣ предпринимателя. Сложившись подъ вліяніемъ Адама Смита и Рикардо, такое воззрѣніе на прибыль долго господствовало въ англійской литературѣ. Отклоненіе было сдѣлано Самуэлемъ Редомъ, который отдѣляетъ въ прибыли процентъ отъ вознагражденія за трудъ предпринимателя.

Французскіе экономисты, начиная отъ Сэя, различаютъ въ прибыли: а) процентъ, какъ плату за пользованіе капиталомъ, и б) вознагражденіе предпринимателя за его трудъ и талантъ, необходимые для веденія предпріятія. Это воззрѣніе такъ упрочилось во Франціи, что послѣдующія писатели (Дюнуайе и другіе) посвящаютъ цѣлыя страницы описанію талантовъ и нравственныхъ качествъ предпринимателей.

Въ нѣмецкой литературѣ долгое время замѣчалось колебаніе между обоими направленіями и не было ничего оригинальнаго. Мангольдтъ первый далъ самостоятельную разработку этому вопросу. По его ученію, прибыль должна быть разбита на двѣ части: во-первыхъ, процентъ, т.-е. плата за пользованіе капиталомъ и, во вторыхъ, часть, которая поступаетъ предпринимателю, въ вознагражденіе за рискъ и отвѣтственность, связанные съ веденіемъ предпріятія. Это ученіе, съ большою полнотой разработанное Мангольдтомъ въ 50-хъ годахъ, принято многими писателями. Ман-

гольдтъ старается, между прочимъ, объяснить причину различій въ воззрѣніяхъ на прибыль со стороны французскихъ и англійскихъ экономистовъ. Такой причиной онъ считаетъ различіе въ общемъ складѣ промышленности у французовъ и англичанъ. У англичанъ производство направлено, главнымъ образомъ, на приготовленіе прочныхъ фабрикатовъ, требующихъ затраты значительныхъ капиталовъ, но не большого таланта: и вотъ у нихъ установилось воззрѣніе на прибыль, какъ на вознагражденіе за капиталъ, безъ вниманія къ личности предпринимателя. Наоборотъ, у французовъ, гдѣ производство направлено, главнымъ образомъ, на изящные предметы, гдѣ нуженъ вкусъ, талантъ, искусство, изобрѣтательность,—писатели, излагая ученіе о прибыли, отводятъ очень видную роль предпринимателю и выдѣляютъ особую долю прибыли въ вознагражденіе за его искусство. Нельзя отказать этому объясненію въ остроуміи, но вѣрнымъ признать его невозможно. Возникаетъ вопросъ, почему же у нѣмцевъ одни писатели держались французскаго опредѣленія прибыли, а другіе—англійскаго? Почему въ Германіи распространилось ученіе Мангольдта? Или рискъ, связанный съ веденіемъ предпріятій, есть отличительное свойство германской промышленности.

Отмѣтимъ также очень употребительное въ литературѣ оправданіе одной части прибыли—процента: процентъ есть вознагражденіе за то, что собственникъ капитала воздерживается отъ его потребленія. Эта мысль имѣетъ много сторонниковъ: назовемъ Сеніора [1]), Рошера и другихъ. Сеніоръ въ развитіи этого положенія идетъ такъ далеко, что считаетъ воздержаніе однимъ изъ дѣятелей производства на ряду съ трудомъ и силами природы. Нечего удивляться, что такое воззрѣніе вызвало рѣзкую критику со стороны многихъ писателей, особенно соціалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, по меньшей мѣрѣ несообразно говорить о вознагражденіи человѣка за то, что онъ не растрачиваетъ своего капитала. Воздерживаясь отъ безпорядочнаго потребленія капитала, человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ эгоистическихъ побужденій: онъ хочетъ обезпечить себѣ и своей семьѣ удовлетвореніе потребностей въ будущемъ. А потому слѣдуетъ признать безцѣльными всѣ краснорѣчивыя слова о воздержаніи капиталистовъ и ихъ самоотреченіи.

Шеффле и Вагнеръ [2]) являются главными представителями новаго воззрѣнія на прибыль: она служитъ, по ихъ мнѣнію, необходимымъ вознагражденіемъ предпринимателей за участіе въ производствѣ. Шеффле смотритъ на предпринимательство, какъ на особую, важную въ народномъ хозяйствѣ обязанность. Цѣнность товара опредѣляется не только количествомъ времени, необходимымъ на его производ-

ство, но также степенью его полезности. А именно эту полезность и влагаетъ въ товары предприниматель. Согласно съ этой теоріей, предприниматели, влагая въ производство капиталъ, тѣмъ самымъ принимаютъ на себя предо всѣмъ обществомъ отвѣтственность, что они организуютъ производство, будутъ вести его наиболѣе хозяйственно. Отсюда проистекаютъ сложныя и разнообразныя обязанности, которыя ложатся на предпринимателя: классифицировать работниковъ и наблюдать за ними, нести убытки, которые происходятъ вслѣдствіе измѣненій техники и паденія цѣнъ, выдавать заработную плату и дѣлать цѣлый рядъ другихъ предварительныхъ расходовъ, направлять процессы производства товаровъ и ихъ перемѣщенія такимъ образомъ, чтобы не мѣшать другимъ проявленіямъ общественной жизни. Если предприниматель удачно рѣшаетъ всѣ эти задачи, то прибыль есть вполнѣ заслуженное вознагражденіе за его трудъ.

Доказывать, что хозяинъ обширнаго предпріятія несетъ на себѣ важныя обязанности и что этотъ трудъ долженъ быть вознагражденъ, значитъ—ломиться въ отворенныя настежъ двери. Никому никогда и въ голову не приходило утверждать, что производство не нуждается въ хозяинѣ, какъ направляющей силѣ, что трудъ по завѣдыванію обширными предпріятіями не требуетъ значительныхъ умственныхъ способностей, знаній и опыта. Не трудно согласиться съ тѣмъ, что трудъ предпринимателя долженъ быть оплачиваемъ выше, нежели простѣйшіе виды работы, не требующіе продолжительной подготовки. Но всего этого недостаточно, чтобы оправдать поступленіе предпринимателю всей прибавочной цѣнности, которая образуетъ прибыль. Въ обширныхъ промышленныхъ заведеніяхъ и крупныхъ торговыхъ предпріятіяхъ валовая прибыль составляетъ сотни тысячъ рублей и даже милліоны. Какъ бы Шеффле и его послѣдователи ни продлили списокъ обязанностей, лежащихъ на предпринимателяхъ и списокъ ихъ заслугъ передъ согражданами, нельзя доказать, чтобы эти обязанности были сложнѣе, нежели тѣ, которыя связаны съ должностью министра финансовъ или внутреннихъ дѣлъ, и чтобы заслуги хозяина огромнаго машиностроительнаго или сахароваренаго завода были болѣе важны, нежели заслуги выдающагося министра народнаго просвѣщенія. А если министерскій окладъ не превышаетъ 20—30000 рублей въ годъ, то можно считать такую сумму вполнѣ достаточной оплатой труда самаго крупнаго предпринимателя. Можно было бы говорить объ особенной привлекательности государственной службы, о почетѣ, окружающемъ высокопоставленныхъ чиновниковъ, о сознаніи ими важности дѣла, у котораго они стоятъ, какъ объ усло-

віяхъ, позволяющихъ опредѣлить вознагражденіе за ихъ трудъ меньшею суммой, нежели предпринимателя, который не окруженъ такимъ ореоломъ; однако, сторонники воззрѣній Шеффле сами отказываются отъ этой точки опоры: въ ихъ глазахъ предпринимательство перестаетъ быть частнымъ занятіемъ; оно становится важнымъ общественнымъ служеніемъ. И такъ, мы готовы оправдать очень высокое вознагражденіе предпринимателя за его трудъ. Но даже самая высокая плата составитъ не болѣе $^1/_{10}$—$^1/_{20}$ части прибыли отъ крупныхъ промышленныхъ или торговыхъ предпріятій.

Остановимся также на новѣйшей теоріи прибыли, принадлежащей австрійскому экономисту Бемъ-Баверку. Онъ исходитъ изъ того основного положенія, что всѣ наличныя блага имѣютъ бо́льшую цѣнность, нежели будущія. Мы живемъ не однимъ настоящимъ: нашими поступками вообще, въ частности нашей хозяйственной дѣятельностью руководятъ представленія о будущемъ, ибо мы обладаемъ способностью сравнивать переживаемое нами съ тѣмъ, что ожидаетъ насъ чрезъ недѣлю, мѣсяцъ, годъ, десятки лѣтъ. Радости и страданія, которыхъ мы ожидаемъ, служатъ мотивами нашей дѣятельности въ настоящемъ. Однако, блага, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, почти всегда имѣютъ для насъ большую цѣнность, чѣмъ однородныя блага въ будущемъ. Первой причиной этого служитъ возможность для благъ, которыя теперь находятся въ нашемъ распоряженіи, удовлетворить какъ потребность настоящаго времени, такъ и потребность, которую мы будемъ ощущать въ будущемъ: 1000 рублей, которыми мы располагаемъ нынче, могутъ служить для нашихъ потребностей, и нынче, и чрезъ годъ, а 1000 рублей, которые мы получимъ чрезъ полгода, не могутъ покрыть потребности нынѣшняго дня. Второй причиной этого служитъ распространенная среди людей наклонность цѣнить будущія потребности и средства къ ихъ удовлетворенію ниже, нежели настоящія. Это проистекаетъ какъ отъ недостаточной ясности, съ которой будущія нужды представляются нашему уму, такъ и отъ недостаточной твердости нашей воли; даже въ простѣйшихъ случаяхъ, когда не нужно прозорливости, чтобы видѣть будущее въ истинномъ свѣтѣ, мы предпочитаемъ удовольствіе въ настоящемъ, хотя оно и влечетъ за собою неблагопріятныя для насъ послѣдствія. Есть и третье условіе, объясняющее такую оцѣнку: сознаніе краткости нашей жизни, неувѣренность прожить столько-то лѣтъ; мы считаемъ маловѣроятнымъ переживаніе такихъ радостей и лишеній которыя отдалены отъ насъ продолжительнымъ временемъ. Къ этому присоединяется и третья причина: техническія особенности

вещей, позволяющія благамъ служить въ настоящее время лучшими средствами для удовлетворенія потребности, нежели въ будущемъ. Бемъ-Баверкъ связываетъ это условіе съ капиталистическимъ способомъ производства. Послѣдній состоитъ въ томъ, что трудъ направленъ не прямо на изготовленіе потребительныхъ запасовъ, а предварительно на производство машинъ, орудій, приспособленій, конечными результатами которыхъ является готовый продуктъ. Чѣмъ сложнѣе капиталы, съ помощью которыхъ прилагается трудъ, тѣмъ болѣе велика производительность послѣдняго. Основнымъ признакомъ капиталистическаго производства служитъ предолжительность времени, въ теченіе котораго затрачивается трудъ. Такимъ образомъ, благо, возникши въ прошедшемъ, имѣетъ большую цѣнность, нежели благо, возникающее сегодня, а настоящее имѣетъ большую цѣнность, нежели то, которое будетъ создано чрезъ мѣсяцъ. Можно выразить это въ такой общей формѣ: существующія въ настоящее время средства производства имѣютъ большую цѣнность, нежели будущія. Бемъ-Баверкъ поясняетъ это положеніе примѣромъ, заимствованнымъ изъ жизни первобытныхъ обществъ. Полудикій рыболовъ, работая невооруженными руками, можетъ поймать ежедневно 3 рыбы; имѣй онъ лодку и неводъ, которые можно сдѣлать въ теченіе мѣсяца, онъ могъ бы поймать ежедневно 30 штукъ. Но онъ не можетъ посвятить свое время на изготовленіе орудій, такъ какъ не имѣетъ запасовъ пищи. Предположимъ, что кто-нибудь дастъ ему взаймы 90 рыбъ подъ условіемъ возвратить 180 штукъ чрезъ мѣсяцъ. Рыболовъ соглашается на такую сдѣлку, кормится въ теченіи мѣсяца рыбами, полученными въ ссуду, и изготовляетъ лодку и сѣти, съ помощью которыхъ поймаетъ въ слѣдующій мѣсяцъ не 90, а 900 рыбъ. Уловъ не только даетъ ему возможность безъ труда уплатить долгъ, но и оставляетъ большой чистый барышъ. Этотъ примѣръ убѣдительно доказываетъ, что 90 рыбъ въ настоящемъ имѣютъ бо́льшую цѣнность, нежели 180 въ будущемъ. Всѣ перечисленныя условія дѣйствуютъ совмѣстно, то въ полной силѣ, то съ малымъ напряженіемъ. Однако, третье условіе имѣетъ всеобщее значеніе. «Бѣдняки и беззаботные люди цѣнятъ настоящія блага выше, нежели будущія, такъ какъ они или особенно нуждаются въ благахъ или же потому, что думаютъ только о нынѣшнемъ днѣ; состоятельные и бережливые люди оцѣниваютъ выше наличныя блага, такъ какъ, съ ихъ помощью, они могутъ сдѣлать больше для будущаго: въ конечномъ итогѣ почти каждый, каково бы ни было положеніе его хозяйства и его темперамента, имѣетъ основаніе выше цѣнить наличныя блага, нежели будущія» [3]). Это обстоятельство и даетъ

происхожденіе проценту. Процентъ, взимаемый по ссудамъ, есть дополнительная часть цѣны, которая платится въ будущихъ благахъ за наличное благо. Къ этому же источнику нужно свести и прибыль предпринимателя. Процессъ, вслѣдствіе котораго предприниматели получаютъ прибыль, состоитъ въ томъ, что они покупаютъ блага отдаленныхъ рядовъ—сырые матеріалы, орудія производства и трудъ—и обращаютъ все это въ блага перваго разряда, готовые продукты. Покупая сырье и орудія, они пріобрѣтаютъ предметы, которые могутъ быть названы будущимъ товаромъ, ибо въ настоящемъ они негодны для удовлетворенія потребностей. Работники же получаютъ плату готовыми продуктами. Такой обмѣнъ необходимо ведетъ къ тому, что количество готовыхъ продуктовъ, которое (въ видѣ заработной платы) даетъ предприниматель, меньше количества, которое будетъ изготовлено при помощи пріобрѣтенныхъ имъ труда, матеріаловъ и орудій. Итакъ, прибыль имѣетъ своимъ источникомъ преимущества наличныхъ благъ предъ будущими.

Хотя Бёмъ-Баверкъ старается въ своемъ обширномъ сочиненіи до мелочей разработать теорію прибыли, однако, онъ не приходитъ къ новымъ и полезнымъ результатамъ, способнымъ обогатить науку. Источникомъ прибыли не можетъ быть различіе для хозяйства моментовъ настоящаго и будущаго; это различіе несомнѣнно; опираясь на основныя свойства человѣческой природы, оно всегда присуще людямъ, однако, оно не создаетъ прибыли на очень низкой ступени гражданственности при малой производительности труда. Только ростъ производительности труда, какъ было указано выше, обусловливаетъ появленіе въ хозяйствѣ избытковъ сверхъ того, что́ необходимо для содержанія работника. Блага сами по себѣ, какъ бы ни предпочиталъ человѣкъ наличныя будущимъ, не создаютъ ни валовой прибыли, ни части ея—процента. Не объясняя происхожденія прибыли, ученіе Бёмъ-Баверка не приводитъ и къ другой цѣли—оправдать поступленіе процента и прибыли капиталисту и предпринимателю. Процессъ созданія прибыли, если мы даже станемъ на точку зрѣнія Бёмъ-Баверка, представляется въ такомъ видѣ. Сырье, орудія и трудъ приводятся въ тѣсную связь, результатомъ которой и является опредѣленное количество товаровъ, положимъ, 1000 аршинъ тканей. Эти товары будутъ готовы чрезъ одинъ годъ по началѣ производства; какъ товаръ въ будущемъ, они имѣютъ меньшую цѣнность, нежели 1000 аршинъ тканей въ настоящемъ. Предприниматель, разсчитывая получить 1000 аршинъ тканей чрезъ годъ, можетъ дать рабочимъ только 700 аршинъ. Когда оконченъ процессъ производства, когда сырые мате-

ріалы и трудъ обращены въ ткани, получается избытокъ въ 300 аршинъ. Этотъ избытокъ былъ возможенъ только потому, что работникъ воздѣйствовалъ на матеріалъ орудіями производства; онъ есть виновникъ созданія добавочной цѣнности. А потому ему и принадлежитъ право на эту цѣнность. Предприниматель имѣетъ право на часть этой цѣнности лишь въ такой мѣрѣ, въ какой онъ своимъ руководствомъ способствовалъ движенію предпріятія. Если же предприниматель не участвуетъ въ производствѣ личнымъ трудомъ, то онъ, согласно съ этой теоріей, не имѣетъ права даже на малѣйшую долю прибыли; она должна распредѣляться между работниками и лицами, которыя завѣдуютъ предпріятіемъ.—Пристально всматриваясь въ ученіе Бёмъ-Баверка, мы находимъ въ немъ старую теорію, теорію самоотреченія, составляющаго будто-бы источникъ процента. По мнѣнію Сеніора и другихъ, владѣлецъ капитала получаетъ отъ должника проценты, какъ награду за отказъ отъ пользованія капиталомъ въ настоящее время, какъ награду за воздержаніе отъ пользованія наличными благами. Почему? Только потому, скажемъ мы вмѣстѣ съ Бёмъ-Баверкомъ, что настоящія потребности громче заявляютъ о себѣ, чѣмъ потребности, еще не наступившія, и что наличныя блага, удовлетворяя уже обнаружившіяся потребности, имѣютъ большую цѣнность, нежели однородныя блага въ будущемъ. Тотъ же принципъ возмездія, во имя тѣхъ же началъ, лежитъ въ основаніи теоріи Бёмъ-Баверка.

И такъ, это ученіе не удовлетворительно: оно не объясняетъ происхожденія прибыли, ни части его—процента; оно не оправдываетъ поступленія прибыли въ собственность предпринимателя.

Источникомъ прибыли служитъ трудъ, направленный на обработку вещества и созданіе матеріальныхъ цѣнностей. Весь остатокъ, сверхъ заработной платы, образуетъ, какъ уже было сказано, прибавочную цѣнность, поступающую землевладѣльцамъ, капиталистамъ и другимъ членамъ общества, не создающимъ матеріальныхъ благъ. Послѣдніе получаютъ свою долю не прямо изъ процента, при его образованіи, а косвенно—изъ доли работниковъ, капиталистовъ, землевладѣльцевъ и, наконецъ, государства. Учитель, священникъ, врачъ, судья, солдатъ получаютъ долю народнаго дохода или отъ государства, города, общины, которые добываютъ для этого средства изъ налоговъ, падающихъ на землевладѣльцевъ, капиталистовъ и работниковъ, или же, оказывая услуги частнымъ хозяйствамъ (частная практика учителя, врача, исполненіе требъ духовенствомъ), получаютъ вознагражденіе за трудъ непосредственно изъ тѣхъ долей народнаго дохода, которыя достаются каждому частному хозяйству.

Доля капиталиста и предпринимателя носитъ наименованіе прибыли. При низкомъ уровнѣ хозяйственнаго развитія запасы капиталовъ незначительны; большинство людей, ведущихъ промысловую дѣятельность, основываетъ и развиваетъ предпріятія почти исключительно на собственныя средства. При такомъ состояніи общества, прибыль является сплошною массой цѣнностей, которую не легко раздѣлить на составныя части. Но по мѣрѣ экономическаго развитія и накопленія капиталовъ, владѣльцы капиталовъ все рѣзче отдѣляются отъ предпринимателей. Съ тѣмъ вмѣстѣ и въ прибыли можно все болѣе ясно различить нѣсколько составныхъ частей.

А) Первую часть образуетъ *процентъ*,—плата за пользованіе капиталами. Эта плата носитъ различныя названія: если она взносится за пользованіе денежнымъ капиталомъ, то называется процентомъ; если—за пользованіе землей, то носитъ названіе *арендной* платы, причемъ въ ея составъ входятъ какъ рента, такъ и плата за пользованіе капиталомъ въ видѣ надворныхъ построекъ, живого и мертваго хозяйственнаго инвентаря и т. п.; плата за пользованіе зданіемъ называется *наемной* платой; за пользованіе движимостью—*прокатною*. Ни одинъ видъ этой платы не представляетъ чего-либо цѣльнаго. Такъ, въ наемной платѣ за домъ есть доля, которая должна окупить изнашиваемость этого зданія, т.-е. доля, служащая для его погашенія. Въ арендной, наемной, прокатной платѣ есть доля, покрывающая расходы на ремонтъ зданій, орудій, музыкальныхъ инструментовъ и т. д. Отдача капитала въ пользованіе сопряжена съ извѣстнымъ рискомъ потери, а потому въ процентъ и другіе виды платы входитъ и страховая премія. Чтобы изъ прибыли выдѣлить чистый *процентъ*, *необходимо откинуть* всѣ другія доли платы.

Въ ученіи о кредитѣ мы познакомимся съ многочисленными нападками на процентъ, а здѣсь отмѣтимъ совершенно справедливое мнѣніе Книса, который опредѣляетъ процентъ, какъ цѣну, которою оплачивается пользованіе капиталомъ: если справедливо, что владѣлецъ товара получаетъ за него цѣну, то нѣтъ основанія требовать, чтобы собственникъ капитала, уступая послѣдній въ пользованіе, не требовалъ платы. Такимъ образомъ, процентъ есть плата за пользованіе предметомъ, имѣющимъ цѣну.

Процентъ имѣетъ опредѣленную высоту. Принято говорить о его высшемъ и низшемъ уровнѣ. Низшій уровень опредѣляется самими владѣльцами капитала. Всѣ владѣльцы капиталовъ образуютъ двѣ естественныя группы. Во-первыхъ, тѣ, которые, по неумѣнію или другимъ причинамъ, не могутъ лично вести предпріятія. Во-вторыхъ, тѣ лица, которыя не склонны вести пред-

пріятіе, однако, обладаютъ и досугомъ, и умѣньемъ вести его. Эти обѣ группы капиталистовъ неодинаково опредѣляютъ высоту процента. Первая, въ виду невозможности лично вести предпріятіе, готова уступить капиталъ за самый умѣренный процентъ, такъ что онъ можетъ опуститься очень низко. Вторая группа, располагая большею возможностью лично вести предпріятія, готова отдать капиталъ въ пользованіе за процентъ, сравнительно высокій. Такимъ образомъ, низшій уровень процента надо искать выше нуля; а дѣйствительный уровень опредѣляется отношеніемъ между первой и второй группами капиталистовъ. Если большими массами капитала располагаетъ первая группа, то процентъ будетъ ниже, если же, по складу общества, вторая группа располагаетъ большимъ капиталомъ, то и процентъ будетъ выше. Въ современномъ хозяйствѣ есть условіе, ослабляющее вліяніе первой группы: это— распространенность акціонерныхъ предпріятій; они дѣлаютъ для капиталистовъ возможнымъ не вести предпріятій, но участвовать въ барышахъ. Эта форма позволяетъ быть предпринимателями и тѣмъ людямъ, которые не умѣютъ руководить промышленными и торговыми дѣлами. Распространенность акціонерныхъ обществъ препятствуетъ, по мнѣнію Родбертуса, пониженію процента.

Высшій размѣръ процента опредѣляется должниками. Заимодавцы всегда желаютъ получить высокій процентъ, должники же всегда стремятся добыть капиталъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Высота процента опредѣляется должниками въ зависимости отъ цѣлей, для которыхъ они покупаютъ пользованіе капиталомъ. Пользованіе капиталомъ покупается или для веденія предпріятія, или для потребленія. Разъ занимаютъ капиталъ для веденія предпріятія, то высшій уровень процента опредѣляется большимъ или меньшимъ доходомъ самого предпріятія. Если же занимаютъ капиталъ для потребленія, то должникъ сравниваетъ то удовольствіе, которое онъ получитъ при помощи занимаемаго капитала, и то лишеніе, которое понесетъ, если не будетъ имѣть его. Подъ вліяніемъ этихъ вычисленій и сравненій должники и опредѣляютъ наибольшую высоту процента. Такъ какъ большую массу капиталовъ берутъ взаймы для производства, то первая группа должниковъ и даетъ тонъ проценту: его высшій уровень опредѣляется въ большинствѣ случаевъ предполагаемою доходностью предпріятія. Въ конечномъ итогѣ, высота процента опредѣляется отношеніемъ между предложеніемъ капитала и спросомъ на него, то опускаясь до низшаго уровня, то поднимаясь до высшаго. Ростъ населенія и богатства ведетъ къ тому, что высота процента понижается. Причинами пониженія служатъ: 1) увеличеніе числа людей, которые,

располагая капиталомъ, лично не ведутъ предпріятія и тѣмъ увеличиваютъ предложеніе капитала, и 2) возрастаніе массы капиталовъ. Но есть условія, которыя задерживаютъ ростъ капиталовъ и препятствуютъ пониженію процента. Таковы прежде всего войны; онѣ уничтожаютъ массу капиталовъ и естественно ведутъ къ повышенію процента. Другое, уже отмѣченное условіе—развитіе акціонерныхъ компаній, дающихъ капиталистамъ возможность безъ труда получать прибыль предпріятія. Отмѣтимъ также вліяніе, которое оказываетъ цѣна денегъ на высоту процента. Разъ деньги хронически падаютъ въ цѣнѣ, процентъ растетъ. Если цѣнность денегъ понижается, то каждый, дающій деньги взаймы, знаетъ, что, по полученіи процента, онъ будетъ располагать меньшею покупательною силою; а потому, при установленіи высоты процента, принимаются въ разсчетъ колебанія цѣны денегъ.

Положеніе, что процентъ на капиталъ стремится къ одному уровню, долго принималось въ политической экономіи безъ оговорокъ. Несомнѣнно, есть извѣстное стремленіе процента къ одному уровню, но многія условія препятствуютъ уравненію. Обыкновенно капиталы, вложенные въ тѣ предпріятія, гдѣ процентъ низокъ, перемѣщаются туда, гдѣ онъ выше, вслѣдствіе чего и совершается уравненіе процента во всѣхъ отрасляхъ производства. Стремленіе процента къ одному уровню обнаруживается съ особенною ясностью въ большихъ торговыхъ городахъ, гдѣ многочисленныя кредитныя учрежденія, сосредоточивающія огромные запасы денежныхъ капиталовъ, почти одновременно повышаютъ или понижаютъ высоту процента. Но есть большія препятствія на пути къ уравненію. 1) Индивидуальныя различія въ оцѣнкѣ полезности капиталовъ заимодавцами и должниками. Одни заимодавцы склонны давать капиталъ въ ссуду за низкій процентъ, другіе—за высокій. Одни должники преувеличиваютъ ожидаемую доходность своего предпріятія, другіе—оцѣниваютъ ее чрезмѣрно низко. 2) Оказываютъ вліянія также различія условій, при которыхъ капиталы отдаются въ пользованіе. Таковы: стѣсненное положеніе кредитующихся, отсутствіе учрежденій, обезпечивающихъ кредитъ и т. п. Сюда же относится срокъ, на который берутъ взаймы капиталъ: если берутъ капиталъ на долгій срокъ, то пользованіе имъ уступается за низшій процентъ, ибо кредиторъ освобождается отъ необходимости часто разыскивать лицъ, желающихъ пользоваться его капиталомъ, оцѣнивать надежность должниковъ; если же капиталъ занимается на короткій срокъ, то пользованіе имъ уступается за болѣе высокій процентъ. Наконецъ, уравненію процента въ разныхъ странахъ препятствуютъ различія въ культурѣ. Высокимъ процентомъ

считаются въ Англіи — 5% годовыхъ, въ Россіи — 12%, въ Персіи — 36%. Эти различія могутъ быть сведены къ разницѣ въ высотѣ культуры. Съ ростомъ культуры измѣняется и процентъ. Въ нецивилизованныхъ странахъ процентъ высокъ, такъ какъ въ его составъ входитъ большая страховая премія: во многихъ азіятскихъ государствахъ платятъ 60% годовыхъ, главнымъ образомъ, потому, что общественный порядокъ слабо обезпечиваетъ заимодавцу возвратъ капитала. Въ странахъ же цивилизованныхъ процентъ низокъ; заимодавецъ юридически обезпеченъ въ возвращеніи ему капитала, а потому и страховая премія, вознаграждающая за рискъ, можетъ опуститься до низшаго уровня.

Все, что мы говорили до сихъ поръ о процентѣ, не можетъ быть примѣнено въ случаяхъ такъ называемаго ростовщичьяго кредита. Если человѣкъ занимаетъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей семьи или для пріобрѣтенія такихъ вещей, безъ которыхъ невозможно поддержаніе хозяйства (таковы, напр., лошадь или волъ для пахоты, сѣмена для посѣва), или для безотлагательнаго исполненія требованій общественной власти (уплата налоговъ) и если заемщикъ принадлежитъ къ бѣднѣйшимъ классамъ населенія, о которыхъ не заботятся государство или частная благотворительность, то процентъ достигаетъ баснословной, почти невѣроятной высоты. Въ этихъ случаяхъ дающій взаймы руководствуется однимъ соображеніемъ: снять все, что должникъ, угнетаемый нуждою, готовъ дать, даже до послѣдней рубашки.

Выгодно-ли для страны непрерывное пониженіе процента или нѣтъ? — вотъ вопросъ, различно рѣшаемый въ литературѣ. Англійскіе экономисты считаютъ невыгоднымъ для страны рѣзкое пониженіе процента, ибо оно уменьшаетъ въ частныхъ людяхъ наклонность къ сбереженію. Мы же въ этомъ случаѣ примыкаемъ къ очень старому воззрѣнію—воззрѣнію Тюрго. Тюрго уподобляетъ высоту процента морю, которое покрываетъ плодородныя равнины, цвѣтущіе острова; по мѣрѣ того, какъ уровень моря понижается, человѣку открываются новыя естественныя богатства... Точно также постоянное пониженіе процента ведетъ къ расширенію сферы промышленной дѣятельности человѣка [4]).

Б. Вторую часть прибыли образуетъ *барышъ предпринимателя*. Въ немъ можно различать три доли: 1) вознагражденіе за трудъ предпринимателя, 2) плата за рискъ возможныхъ потерь, премія за рискъ и, наконецъ, 3) чистый барышъ. Барышъ предпринимателя представляетъ такія особенности. а) Если сравнимъ съ одной стороны процентъ, ренту и заработную плату, а съ другой — барышъ, то увидимъ, что высота первыхъ видовъ дохода устанавли-

вается путемъ предварительнаго соглашенія, а барышъ заранѣе не опредѣляется; только окончаніе производства и сбытъ товаровъ выясняютъ его размѣры. б) Если анализируемъ большую часть предпріятій, то увидимъ, что рента, процентъ и заработная плата значительной своей долей поступаютъ изъ наличнаго капитала предпринимателей; а барышъ есть остатокъ, который обнаруживается по сбытѣ товара, когда производство закончено.

1) Первая составная часть барыша есть плата предпринимателю за его трудъ. Предприниматель руководитъ предпріятіемъ, заботится о техническихъ усовершенствованіяхъ, наблюдаетъ за рабочими. Этотъ трудъ можетъ быть выполненъ или самимъ предпринимателемъ—и тогда ему поступаетъ часть барыша, имѣющая значеніе заработной платы, или же этотъ трудъ, какъ то бываетъ во всѣхъ коллективныхъ предпріятіяхъ, поручается наемнымъ лицамъ и тогда послѣднимъ поступаетъ заработная плата. Руководство предпріятіемъ образуетъ полезный, необходимый трудъ, и выдѣленіе части барыша въ заработную плату предпринимателя получаетъ полное оправданіе.

2) Мы находимъ въ барышѣ и *страховую премію*. Каждое предпріятіе сопряжено съ рискомъ: всегда возможно стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которое влечетъ за собою полную неудачу и даже раззореніе предпринимателя. Банкротство наноситъ непосредственный и наибольшій ущербъ самому предпринимателю; косвенно же оно причиняетъ невыгоды всему народному хозяйству. Эти потери становятся менѣе чувствительны, когда извѣстная доля дохода назначается на покрытіе убытковъ. Въ крупныхъ и хорошо организованныхъ предпріятіяхъ изъ долей барыша, ежегодно отчисляемыхъ въ страховую премію, образуется запасной капиталъ, который и предназначается на покрытіе убытковъ.

3) Остается третья и послѣдняя часть, которую мы можемъ назвать чистымъ барышомъ; величина этой части далеко не одинакова въ различныхъ предпріятіяхъ. Особыя условія, частію связаныя съ личностью предпринимателя, частію находящіяся внѣ его, нерѣдко поднимаютъ чистый барышъ выше средняго уровня. Одни предприниматели обладаютъ особеннымъ искусствомъ въ пользованіи матеріаломъ и сравнительно съ другими получаютъ въ результатѣ излишекъ; другіе продаютъ товары при особенно выгодныхъ условіяхъ; третьи знаютъ какой либо секретъ производства, увеличивающій выгоды предпріятія. Эти обстоятельства и служатъ причинами неодинаковой высоты чистаго барыша. Главнымъ же образомъ различія въ чистомъ барышѣ связаны съ размѣрами производства. Крупные производители всегда извлекаютъ

большія выгоды изъ пользованія силами природы. Если въ данной отрасли преобладаетъ мелкая и средняя промышленность, то товары сбываются по цѣнамъ, установляемымъ мелкими и средними производителями, а крупные предприниматели, пользуясь выгодами обширныхъ размѣровъ производства, имѣютъ сравнительно съ мелкими большій барышъ. На высоту послѣдняго дѣйствуютъ разныя привилегіи и монополіи, которыя даются отдѣльнымъ лицамъ и ограничиваютъ число предпринимателей въ извѣстной сферѣ производства.

Въ наукѣ со времени Рикардо установилось положеніе, что прибыли во всѣхъ отрасляхъ производства стремятся къ одному уровню. Хотя эта теорія вызвала много возраженій, однако, она должна быть признана вѣрною. Прибыли никогда не равны, но стремятся къ одному уровню. Это стремленіе выражается въ томъ, что, коль скоро какая-нибудь отрасль производства начинаетъ давать прибыль выше средней, къ этой отрасли направляются не только свободные капиталы, но и помѣщенные въ производствахъ, дающихъ малый доходъ. Такъ какъ большинство производителей ведутъ предпріятія съ помощью кредита, то, при уменьшеніи прибыли, они сокращаютъ займы, и освобожденные ими капиталы берутся взаймы предпринимателями въ болѣе прибыльныхъ производствахъ. Вслѣдствіе такого перелива капиталовъ, въ болѣе выгодныхъ отрасляхъ производство расширяется, соперничество возрастаетъ и прибыль понижается, а въ первыхъ — наоборотъ; такимъ путемъ происходитъ уравненіе прибылей. Однако, есть много условій, препятствующихъ уравненію. Всѣ они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ группамъ.

Во-первыхъ, не всѣ производства связаны съ одинаковымъ рискомъ для предпринимателей; нѣкоторыя настолько просты, настолько соотвѣтствуютъ распространеннымъ потребностямъ въ обществѣ, что не сопряжены со значительнымъ рискомъ. Кто открываетъ кирпичный заводъ около города, гдѣ постоянно ощущается нужда въ строительномъ матеріалѣ, тотъ, конечно, мало рискуетъ. Прибыль въ такихъ предпріятіяхъ несомнѣнна, а потому и страховая премія можетъ быть въ нихъ очень низка. Наоборотъ, кто начинаетъ новое производство, еще мало извѣданное, продукты котораго еще не имѣютъ широкаго круга потребителей, или же такое предпріятіе, которое, по самому своему характеру, сопряжено съ большимъ рискомъ, тотъ всегда получаетъ бо́льшую прибыль. Обыкновенно излишекъ возвышаетъ ту часть прибыли, которую мы называемъ страховою преміей. Во-вторыхъ, оказываетъ вліяніе отношеніе между оборотнымъ и по-

стоянным капиталами, затраченными въ предпріятіе. Если великъ оборотный капиталъ, то не трудно измѣнить направленіе предпріятія; но въ фабричной промышленности машины составляютъ такую крупную часть капитала, что перемѣна дается не легко, машины обезцѣниваются и заставляютъ долгое время держаться даннаго производства въ надеждѣ на возвышеніе прибыли. Равенству прибылей препятствуетъ также монопольное положеніе отдѣльныхъ предпріятій. Разъ предприниматели захватили отрасль, въ которой требуется затрата очень большихъ капиталовъ, доступъ въ нее уже закрывается для другихъ производителей. Вслѣдствіе этого на производимые ими продукты установляется очень высокая цѣна, которая можетъ поднять и прибыль далеко выше средняго уровня. Возьмемъ хотя бы такое предпріятіе, какъ желѣзная дорога. Для ея постройки необходима затрата громадныхъ капиталовъ, а потому строители получаютъ фактическую монополію, которою и могутъ пользоваться въ теченіе очень долгаго времени; эта монополія даетъ имъ большую прибыль, если по желѣзной дорогѣ движеніе оказывается съ самаго начала очень значительнымъ. На оборотъ, если предварительные разсчеты оказались, при сооруженіи, ошибочными, то, за невозможностью реализовать затраченный капиталъ, прибыль можетъ долгіе годы стоять ниже средняго уровня. Къ тому же разряду внѣшнихъ условій слѣдуетъ отнести разныя мѣропріятія правительства. Такъ, если правительство, чтобы поддержать отечественное производство машинъ, запрещаетъ ввозъ машинъ изъ-за границы, то оно даетъ туземнымъ машиностроителямъ возможность извлекать изъ производства крупныя выгоды, ибо самыя техническія особенности этого промысла затрудняютъ въ немъ соперничество многихъ предпринимателей. Уравненію препятствуютъ также условія, связанныя съ личностью предпринимателей: незнаніе высоты прибыли въ другихъ производствахъ, привычка къ данному занятію и т. п.

Ознакомленіе съ прибылью будетъ недостаточно, если не укажемъ на ея объективно-экономическое значеніе. Право частной собственности на капиталъ ведетъ къ поступленію и всѣхъ составныхъ частей прибыли въ собственность капиталистовъ и предпринимателей. Преслѣдуя свои личныя цѣли, они не заботятся объ интересахъ всего общества; однако, они даютъ долѣ прибыли такое назначеніе, какое соотвѣтствуетъ интересамъ народнаго хозяйства. Возрастающее населеніе требуетъ съ каждымъ годомъ все большей массы продуктовъ; только при этомъ условіи возможно удовлетвореніе существующихъ потребностей въ привычныхъ размѣрахъ и возникновеніе новыхъ. А потому часть прибыли должна быть еже-

годно затрачиваема на расширеніе производства. Въ современномъ обществѣ эту обязанность исполняютъ предприниматели. Влагая ежегодно часть прибыли въ предпріятіе и увеличивая его размѣры, они стремятся къ личному обогащенію; съ тѣмъ вмѣстѣ они служатъ той задачѣ, которая связана съ безостановочнымъ ростомъ населенія. Общественное хозяйство ставитъ производству и другое требованіе,—изысканіе способовъ, которые обезпечиваютъ плавное развитіе отдѣльныхъ предпріятій, ограждаютъ ихъ отъ крушенія, предупреждаютъ убытки, которые прежде всего падаютъ на предпринимателей и капиталистовъ, а затѣмъ ощущаются и другими общественными группами. Этой цѣли служитъ доля барыша, которая образуетъ страховую премію и отчисляется въ запасной капиталъ. Представимъ себѣ такой строй общественнаго хозяйства, гдѣ капиталы принадлежатъ государству: и тамъ предусмотрительная общественная власть отдѣляла бы долю прибыли на расширеніе производства, а другую, въ качествѣ страховой преміи—на покрытіе потерь, связанныхъ съ веденіемъ предпріятій.

Крайне трудно опредѣлить для какого-либо народнаго хозяйства часть прибыли, имѣющую объективное экономическое значеніе. Предприниматели въ своей совокупности склонны преувеличивать долю прибыли, которая служитъ обѣимъ поставленнымъ цѣлямъ. Они преувеличиваютъ потребность общества въ расширеніи существующихъ предпріятій, что нерѣдко побуждаетъ ихъ къ чрезмѣрному производству, переполненію рынка товарами и влечетъ за собою кризисы. Затрачивая слишкомъ большую долю прибыли на расширеніе производства, они отчисляютъ слишкомъ много и въ страховую премію. При современномъ порядкѣ вещей, страховая премія можетъ быть разбита на двѣ доли: каждый, начиная предпріятіе, предполагаетъ возможность потерь; въ силу присущаго большинству людей старанія охранить собственные интересы потери, предполагаемыя и ожидаемыя всѣми предпринимателями, значительно превышаютъ потери, которыя дѣйствительно могутъ понести предпріятія страны въ своей совокупности. Есть предпріимчивые люди, склонные не только не преувеличивать связаннаго съ предпріятіемъ риска, но даже уменьшать его, большинство же должно быть отнесено въ первую группу. Если возможный рискъ выражается буквою x, то, подъ вліяніемъ излишней осторожности, его оцѣниваютъ какой-нибудь величиной x+a. Страховую премію можно раздѣлить, такимъ образомъ, на двѣ части: одна, которая имѣетъ объективную необходимость, т.-е. часть, не превышающая размѣровъ вѣроятныхъ потерь, — естественная страховая премія, и другая, которая зависитъ отъ субъек-

тивныхъ свойствъ предпринимателя и составляетъ добавочную страховую премію.

Какую крупную долю прибыли мы ни считали бы связанною съ потребностями производства, остается еще очень большой излишекъ, который не имѣетъ объективнаго экономическаго значенія и можетъ быть предназначаемъ на увеличеніе заработной платы. Припомнимъ, что крупныя акціонерныя предпріятія, за отчисленіемъ большой доли барыша въ запасной капиталъ и щедрой оплатой труда директоровъ и другихъ высшихъ служащихъ, даютъ не менѣе 15—20% на акціонерный капиталъ. Если считать даже 6% необходимыми на расширеніе туземнаго производства, то останется $^2/_3$ барыша, которыя не имѣютъ объективнаго экономическаго значенія [4]).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВѢ.

1) *Senior.* Outlines of the Science of Political Ecouomy. 5 изд. 1863.
2) *Schaeffle.* Die Aussichtslosigkeit der Social demokratie. 1885, 52 и дал.
3) *Turgot.* Réflexions sur la form. des richesses, 116.
4) Если населеніе ежегодно возрастаетъ въ среднемъ на1 проц., то употребленіе 6 проц. на расширеніе производства достаточно для удовлетворенія существующихъ потребностей и новыхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Рента.

Главныя пособія. *А. Смитъ.* О богат. народ. *Рикардо.* Основанія. *Янсонъ.* Значеніе теоріи ренты Рикардо. 1864. *Д. С. Миллъ.* Основанія. *Кэри.* Руководство къ соціальной наукѣ. *Bastiat.* Harmonies économiques. *Schaeffle.* Die ausschliessend. Absatzverhältnisse. Tüb. Zeitschrift. 1867. *Mangoldt.* Grundriss. *Rodbertus.* Zur Beleuchtung. *Knies.* Der Credit. *Schönberg.* Handbuch, I. *George.* Progress and poverty. *Berens.* Versuch einer kritisch. Dogmengeschichte der Grundrente. 1868. *Вощининъ.* Излож. и критич. разборъ важнѣйшихъ теорій ренты. 1882. См. также *Жуковскій.* Кэри и его теорія. *Вѣст. Евр.*, 1872, X. *Вощининъ.* Карлъ Книсъ о рентѣ. *Юр. Вѣст.*, 1884, VII. *Головачевъ.* Теорія ренты. *Спв. Вѣст.*, 1890, XII. *Скворцовъ.* Ученіе о рентѣ. Юр. Вѣст. 1890, III и IV. Для изученія вопроса объ арендов. земель въ Россіи см., главнымъ образомъ, земскіе статистическіе сборники и сводъ данныхъ земской статистики въ книгѣ *Карышева.* Крестьянскія внѣ надѣльныя аренды. 1892.

Рента образуетъ самостоятельную часть общественнаго дохода. Ад. Смитъ признаетъ рентой плату за пользованіе землей. Исходя

изъ отношенія между землевладѣльцемъ и арендаторомъ, онъ считаетъ рентою излишекъ, который остается за покрытіемъ всѣхъ издержекъ арендатора и обычной прибыли на капиталъ; не слѣдуетъ видѣть въ рентѣ часть прибыли капитала, затраченнаго на улучшеніе земельныхъ участковъ. Всѣ земли, говоритъ Смитъ, могутъ быть раздѣлены на два разряда. Къ первому относятся тѣ, которыя всегда приносятъ ренту: таковы участки, служащіе для воздѣлыванія пищи людямъ и корма скоту. Эти земли всегда даютъ излишекъ (ренту) сверхъ содержанія воздѣлывающаго ихъ работника и затраты капитала. Ко второму разряду относятся земли, которыя невсегда даютъ ренту: таковы участки подъ лѣсомъ или содержащіе минералы. Въ однихъ случаяхъ такіе участки доставляютъ ренту, а въ другихъ—нѣтъ. На раннихъ ступеняхъ общежитія, при рѣдкомъ населеніи, эти участки вовсе не приносятъ ренты. Два условія опредѣляютъ высоту ренты: 1) степень плодородія земли и 2) бо́льшее или меньшее разстояніе участка отъ рынка сбыта. Такъ какъ въ странѣ большая часть земель обрабатывается подъ хлѣбъ и другіе предметы пищи, то доходъ этихъ участковъ образуетъ наибольшую часть ренты и опредѣляетъ, вообще, доходъ съ земельныхъ участковъ. Мы встрѣчаемъ очень высокую ренту тамъ, гдѣ хозяйство интензивно или земля особенно плодородна.—Это ученіе содержитъ крупныя ошибки. 1) По мнѣнію Ад. Смита, цѣна произведеній земли регулируется цѣной той доли произведеній, которыя добыты на болѣе плодородныхъ участкахъ. Послѣдующія изслѣдованія показали, что цѣна произведеній опредѣляется цѣною той ихъ доли, которая добыта при наименѣе выгодныхъ условіяхъ. Рикардо исправилъ эту ошибку Ад. Смита. 2) По мнѣнію Смита, улучшенія земель повышаютъ поземельную ренту. Позднѣйшій анализъ показалъ, что въ дѣйствительности происходитъ обратное явленіе. 3) Смитъ проводитъ раздѣльную черту между участками, производящими пищу, и всѣми другими участками; первые, думаетъ онъ, всегда приносятъ ренту. Наблюденія показали, что рента всякаго рода земельныхъ участковъ подчиняется однимъ и тѣмъ же законамъ. 4) Адамъ Смитъ приводитъ ренту въ связь съ правомъ частной собственности на землю; мѣстами у него есть намекъ на то, что, не будь права частной собственности на землю, не было бы и ренты. Въ дѣйствительности же существованіе ренты не зависитъ отъ права частной собственности на землю.

Рикардо, возражая Ад. Смиту, установилъ свою теорію ренты; въ деталяхъ она требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ, въ основѣ же остается незыблемой. Рента, по ученію Рикардо, есть плата вла-

дѣльцу земли за пользованіе первоначальными и неистощимыми силами земли. Чтобы выяснить происхожденіе ренты, Рикардо рисуетъ картину постепеннаго заселенія земнаго шара. Первоначально люди занимали самые плодородные участки. Людей было мало, земли много, и для свободнаго выбора былъ полный просторъ. Доходъ отъ земли покрывалъ заработную плату и давалъ среднюю прибыль; вслѣдствіе же равнаго плодородія занимаемыхъ участковъ не было излишка, который поступалъ бы въ собственность владѣльца. Когда всѣ лучшія земли были заняты, возрастающее населеніе было вынуждено перейдти къ землямъ второго разряда, менѣе плодороднымъ. Масса продуктовъ, добываемыхъ съ каждой десятины этой земли, меньше, чѣмъ количество, добываемое съ земель перваго разряда: разница и составляетъ ренту. Если, напр., первоначально люди воздѣлывали участки, дающіе 10 четвертей хлѣба съ десятины, а потомъ принуждены были перейдти къ обработкѣ участковъ, доставляющихъ, при одинаковыхъ затратахъ труда и капитала, только 9 четвертей, то лишній сборъ хлѣба съ перваго участка въ количествѣ 1 четверти и составитъ ренту владѣльца. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ культуры и ростомъ населенія люди переходятъ къ участкамъ третьяго разряда. Положимъ, одна десятина этой земли, при такой же обработкѣ, даетъ только 8 четвертей хлѣба: тогда излишекъ хлѣба, добытаго съ земель второго качества, и составитъ ренту ихъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, съ переходомъ къ обработкѣ участковъ третьяго разряда участки второго качества даютъ ренту въ количествѣ 1 четверти, а рента участковъ перваго разряда возрастаетъ уже до 2 четвертей съ десятины. Отсюда ясно, говоритъ Рикардо, что земельная рента появляется и возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ люди обращаются къ участкамъ земли менѣе плодородной. Отдаленность участковъ отъ рынка сбыта оказываетъ такое же вліяніе на возникновеніе и возрастаніе ренты, какъ и различіе въ степени плодородія. Чѣмъ ближе участокъ къ рынку сбыта, тѣмъ меньше издержки на доставку продуктовъ и тѣмъ бо́льшій излишекъ поступаетъ въ ренту. Не слѣдуетъ, по мнѣнію Рикардо, приводить земельную ренту въ связь съ правомъ частной собственности на землю: если даже собственникъ земли откажется отъ ренты, то она, всетаки, не исчезнетъ, а перейдетъ къ арендатору. Причина ренты—не въ правѣ собственности, а въ неодинаковомъ плодородіи земельныхъ участковъ, которыми пользуется человѣкъ, и въ различномъ разстояніи ихъ отъ рынковъ сбыта. Подобно относительному плодородію, на ренту оказываетъ вліяніе и послѣдовательная затрата въ землю капиталовъ. При постепенномъ ростѣ населенія, люди могутъ переходить на худшіе участ-

ки земли, но могутъ, вмѣсто перехода, затрачивать на тѣхъ же участкахъ бо́льшій, чѣмъ прежде, капиталъ для полученія бо́льшаго количества продуктовъ. Оказывается, однако, что удвоеніе, напр., капитала не даетъ удвоеннаго количества продуктовъ; такимъ образомъ, первая половина капитала, затраченная ранѣе, дала болѣе продуктовъ, излишекъ которыхъ и составляетъ ренту. Рента, говоритъ Рикардо, необходимо возрастаетъ съ ростомъ населенія. Не слѣдуетъ думать, что повышеніе ренты есть причина увеличенія народнаго богатства. Нѣтъ,—мнѣніе это подобно тому, какъ еслибы кто-нибудь сталъ утверждать, что, при переходѣ отъ лучшихъ машинъ къ худшимъ, ростетъ богатство народа: рента—не причина возрастанія богатства, а только его признакъ. Возрастанію ренты препятствуютъ всѣ сельско-хозяйственныя улучшенія: они позволяютъ человѣку, не увеличивая воздѣлываемой площади, получать бо́льшее количество продуктовъ. Наоборотъ, застой въ земледѣльческой техникѣ ведетъ къ увеличенію ренты.

Это ученіе стало прочнымъ достояніемъ науки; его обыкновенно принимаютъ въ томъ видѣ, какъ изложилъ Рикардо, только съ немногими частичными измѣненіями. Трудно рѣшить, открылъ ли Рикардо этотъ законъ. Несомнѣнно одно, что элементы этого ученія были выдвинуты англійскимъ экономистомъ Андерсеномъ въ 70-хъ гг. прошлаго вѣка; почти одновременно съ Рикардо такое же ученіе изложили Мальтусъ и Уэстъ. Но такъ какъ Рикардо болѣе подробно разработалъ его, то оно и связано неразрывно съ его именемъ.

Противъ Рикардо было сдѣлано много возраженій.

Рента, по мнѣнію Бастіа, не есть особый видъ дохода отъ пользованія землею: она составляетъ прибыль на капиталъ, вложенный въ землю. «Смѣю утверждать», говоритъ онъ, «что во Франціи нѣтъ ни одного поля, которое бы имѣло цѣну, равную тому количеству капитала, который на него затраченъ»... [1]) Подъ капиталомъ, который былъ вложенъ въ землю, Бастіа разумѣетъ средства, внесенныя въ землю непосредственно для улучшенія ея производительныхъ силъ, а также дороги, мосты и разныя другія сооруженія. Понятно, если земля находилась долго подъ обработкой, то существуютъ участки, на которые затрачены суммы, превышающія ихъ стоимость въ настоящее время. Возраженіе Бастіа имѣетъ политическую окраску. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка во французской литературѣ происходила упорная борьба между экономистами старой школы и соціалистами. Послѣдніе, соглашаясь, что капиталъ можетъ быть предметомъ частной собственности, отрицали право частной собственности на землю: а потому и рента, по ихъ мнѣнію, не должна поступать частнымъ

лицамъ. Дабы отстоять право частнаго землевладѣнія, Бастіа и проводитъ мысль, что сама земля, безъ затраты на нее капитала, не даетъ ничего: этимъ аргументомъ онъ хотѣлъ опровергнуть ученіе соціалистовъ.

Соглашаясь съ Бастіа, что многіе участки земли пріобрѣтаютъ цѣнность и даютъ доходъ вслѣдствіе того, что затраченъ капиталъ на ихъ улучшеніе, мы 1) сошлемся въ возраженіе ему и на такіе участки, которые приносятъ доходъ помимо вложеннаго въ нихъ капитала (напр. участки съ минералами). 2) По Рикардо, ренту даютъ не только наиболѣе плодородные участки, но и тѣ, которые находятся ближе къ рынкамъ сбыта; ренту этихъ участковъ производитъ разница въ разстояніи, которое не зависитъ отъ улучшенія почвы. 3) Наконецъ, Бастіа справедливо замѣчаетъ, что во Франціи культура существуетъ многіе вѣка, и собственники вложили въ свои земли много капитала; но онъ забываетъ, что затраченный въ землю капиталъ возвращался ежегодно, небольшими долями въ цѣнѣ продуктовъ, а потому нынѣшняя рента отъ улучшенныхъ земель не предназначена на покрытіе затратъ, сдѣланныхъ предками.

Поверхностной критики Бастіа держатся многіе французскіе экономисты и до настоящаго времени. Леруа-Больё, выбравъ изъ арсенала Бастіа и Кэри всѣ возраженія противъ Рикардо и торжествуя побѣду, дѣлаетъ, однако, замѣчаніе, которымъ признается истинность теоріи Рикардо: «Быть можетъ, со временемъ, когда весь міръ, всѣ обитаемыя мѣста земного шара будутъ имѣть столь плотное населеніе, какое имѣетъ теперь западная Европа, когда будетъ воздѣланъ послѣдній акръ плодородной земли, когда окончательно остановится прогрессъ земледѣльческаго искусства,—только тогда теорія Рикардо можетъ сдѣлаться абсолютно истинной» [2]).

Второе возраженіе принадлежитъ Рёсслеру. Рикардо называетъ ренту платой за пользованіе неистощимыми силами почвы; по мнѣнію же Рёсслера, силы почвы не могутъ быть признаны неистощимыми. Это возраженіе основывается на данныхъ земледѣльческой химіи и, въ частности, опирается на ученіе Либиха объ истощимости почвы. Истощимость земли сглаживаетъ различія между участками, а тѣ атмосферныя силы, которыя необходимы для питанія растеній, распространены повсемѣстно и, хотя неистощимы, не могутъ быть причиною возникновенія ренты.

Не вѣрно, отвѣтимъ мы Рёсслеру, будто истощимы всѣ свойства земли, которыми опредѣляется рента. Можно истощить запасъ минераловъ, но нельзя истощить внѣшнія выгодныя свойства участковъ, связанныя съ ихъ близостью къ центрамъ сбыта. Существуютъ и другія неразрывно связанныя съ землею важныя свой-

ства, которыя обусловливаютъ ренту и не могутъ быть истощены: высокое или низменное, равнинное или наклонное положеніе; гора не можетъ быть обрабатываема съ такимъ удобствомъ и искусствомъ, какъ долина (участокъ, лежащій въ долинѣ, даетъ большую ренту). Эти свойства даруются природой, и человѣкъ не въ силахъ измѣнить ихъ. Такимъ образомъ, возраженіе Рёсслера, направленное не противъ теоріи ренты Рикардо, а только противъ опредѣленія, которое Рикардо даетъ рентѣ, должно быть признано несущественнымъ.

Третье возраженіе сдѣлано Кэри и Родбертусомъ; оно направлено противъ предполагаемаго Рикардо заселенія земного шара. Рикардо представляетъ заселеніе земнаго шара такимъ образомъ, что первоначально ареной труда были лучшіе участки земли, и только позднѣе люди перешли къ худшимъ. Ссылаясь на исторію заселенія Сѣверо-Американскихъ штатовъ и нѣкоторыхъ другихъ странъ, Кэри утверждаетъ, что заселеніе земнаго шара совершалось въ обратномъ порядкѣ. При появленіи первыхъ піонеровъ въ какой либо еще пустынной странѣ, лучшіе участки находятся подъ водой и лѣсомъ; завладѣніе ими требуетъ извѣстнаго техническаго искусства и огромнаго труда. Поэтому, люди занимаютъ участки, которые поддаются культурѣ съ меньшими затратами труда и меньшими техническими приспособленіями. Позднѣе, съ ростомъ населенія, совершается переходъ отъ худшихъ участковъ къ лучшимъ, занимаются низменности, осушаются болота, вырубаются лѣса. Если въ области техники (въ обширномъ смыслѣ) человѣчество переходитъ, по мнѣнію Кэри, отъ машинъ менѣе совершенныхъ къ болѣе совершеннымъ, то оно не могло переходить отъ лучшихъ участковъ къ худшимъ. «Какъ дикарь, не умѣя строить каменный домъ, наскоро складываетъ шалашъ изъ вѣтвей, такъ же и онъ, не имѣя средствъ для воздѣлыванія лучшей почвы, довольствуется худшею» [3]). Теорія Рикардо опровергается, по мнѣнію Кэри, возрастающей производительностью земледѣльческаго труда, улучшеніемъ пищи и расширеніемъ другихъ потребностей въ бѣднѣйшихъ классахъ населенія. — Критика Родбертуса отличается большею глубиною. Онъ представляетъ заселеніе земнаго шара иначе: въ разселеніи людей, говоритъ онъ, не замѣтно опредѣленнаго плана. Такъ какъ плодородныя земли не отграничены рѣзко отъ неплодородныхъ, то и однѣ и другія занимаются людьми одновременно, ибо при выборѣ мѣста поселенія люди руководствуются не только хозяйственными, но и политическими соображеніями. Въ видѣ примѣра Родбертусъ ссылается на порядокъ заселенія Германіи въ средніе вѣка. Земледѣльцы обыкновенно стремились поселиться

около замка барона, чтобы найдти у него защиту отъ вражескихъ нападеній. Замки обыкновенно строились на горѣ или холмѣ; земля у подошвы, въ долинѣ, часто могла быть не особенно плодородной; однако, поселенцы вынуждены были, для достиженія личной и имущественной безопасности, предпочитать ее землямъ, болѣе плодороднымъ.

Возраженія Кэри и Родбертуса заставляютъ прежде всего напомнить о значеніи методологическихъ пріемовъ, которымъ слѣдуетъ писатель въ своихъ научныхъ изысканіяхъ. Метода Рикардо состоитъ въ томъ, что онъ, держась математической дедукціи, представляетъ намъ хозяйственную жизнь, какъ она слагается подъ вліяніемъ только одной силы—личнаго интереса. Всѣ его примѣры имѣютъ чисто условное значеніе: они не противорѣчатъ дѣйствительности, а только измѣняются ею. Кэри и Родбертусъ совсѣмъ забываютъ, что предположеніе Рикардо—чисто гипотетическое, и сами становятся на точку зрѣнія исторіи. Рикардо и его противники слѣдуютъ различнымъ методамъ, а потому научное положеніе и его критика не соотвѣтствуютъ другъ другу. Отмѣтимъ также недоказанность положенія, что люди переходили отъ худшихъ участковъ къ лучшимъ. Скорѣе нужно стать на сторону Рикардо,—согласиться, что люди переходили именно отъ лучшихъ участковъ къ худшимъ. Что съ точки зрѣнія техники кажется совершеннымъ, то, съ точки зрѣнія хозяйства, можетъ быть неудовлетворительно: участокъ можетъ быть плодороднѣе всѣхъ, которые окружаютъ его, но занятіе его можетъ иногда не соотвѣтствовать хозяйственному разсчету: хорошій самъ по себѣ, участокъ требуетъ, быть можетъ, предварительнаго орошенія, или осушенія, или же, въ силу политическихъ условій, не обезпечиваетъ поселенцу безопасности и спокойствія. Поэтому, при данномъ уровнѣ культуры и данномъ юридическомъ порядкѣ, занятіе менѣе плодородныхъ участковъ можетъ наиболѣе полно соотвѣтствовать хозяйственному разсчету. Если же и допустить, что Рикардо невѣрно изобразилъ порядокъ заселенія земли, то сущность его теоріи ренты останется непоколебленной: въ каждую данную эпоху различіе участковъ земли по качеству обусловливаетъ существованіе ренты и ея высоту. Такимъ образомъ, возраженія Кэри и Родбертуса неубѣдительны.

Укажемъ на самостоятельную теорію ренты Родбертуса. Рента появляется, по его мнѣнію, вслѣдствіе наличности двухъ условій. Первое необходимое условіе—извѣстная степень производительности труда: рента возможна только тогда, когда занятые въ производствѣ работники создаютъ своимъ трудомъ болѣе того, что нужно для поддержанія ихъ жизни. Второе условіе—*юридическое*; оно со-

стоитъ въ наличности извѣстнаго правового порядка, который опредѣляетъ, кому поступитъ излишекъ производства за покрытіемъ потребностей работающаго. При юридическомъ порядкѣ, который господствовалъ въ древнемъ мірѣ, не было ренты, какъ доли общественнаго дохода, поступающей отдѣльному классу населенія; она совершенно сливалась съ прибылью на капиталъ. Поземельный собственникъ и капиталистъ соединялись въ лицѣ домовладыки, владѣльца οἶκος'а; все, произведенное рабскимъ трудомъ, поступало въ одну казну; въ этой массѣ нѣтъ возможности отдѣлить прибыль на капиталъ отъ поземельной ренты. Но, по мѣрѣ осложненія хозяйственной жизни и отдѣленія владѣльцевъ капитала отъ собственниковъ земли, весь избытокъ, произведенный трудомъ, сверхъ содержанія работающаго, распредѣляется между владѣльцами сырья (подъ которыми нужно разумѣть всю совокупность собственниковъ земли) и владѣльцами фабрикатовъ: весь избытокъ дѣлится между ними въ такомъ отношеніи, въ какомъ стоятъ цѣнности продуктовъ обѣихъ группъ другъ къ другу; если цѣнность сельско-хозяйственныхъ произведеній будетъ 100, цѣнность фабрикатовъ—150, сумма же дохода 25, то первый получитъ 10 единицъ дохода, а второй—15. Но, говоритъ Родбертусъ, независимо отъ стремленія къ одному процентному уровню долей ренты, поступающихъ владѣльцамъ сырья и фабрикатовъ, первымъ, во всякомъ случаѣ, остается нѣкоторый излишекъ. Излишекъ этотъ и есть рента. Онъ происходитъ отъ того, что доля прибыли владѣльца фабрикатовъ падаетъ на большую массу, на фабрикатъ вмѣстѣ съ сырьемъ, который послужилъ для него матеріаломъ; у землевладѣльца же нѣтъ сырого матеріала; если говорить о сыромъ матеріалѣ, то нужно разумѣть подъ нимъ землю, а она не требуетъ затратъ. Такимъ образомъ, у собственника земли доля излишка падаетъ на меньшую массу, и получается относительно большая прибыль. Эта разница и образуетъ поземельную ренту.

Теорія ренты Родбертуса вызываетъ слѣдующія возраженія. 1) Если допустить такое происхожденіе ренты, какъ рисуетъ Родбертусъ, то теорія Рикардо остается непоколебленной: всегда этотъ излишекъ—рента—находится въ зависимости отъ плодородія земли, разстоянія отъ рынка сбыта, удобства пользованія участками и т. д. 2) Родбертусъ вѣрно отмѣтилъ экономическія условія, отъ которыхъ, зависитъ возникновеніе ренты. Что же касается юридическихъ условій, то дальнѣйшее изложеніе покажетъ наличность ренты при всякомъ общественномъ порядкѣ. Наконецъ, не вѣрна и сама посылка Родбертуса, что только фабриканту приходится дѣлать затраты на пріобрѣтеніе сырья; нѣтъ, и въ сельскомъ хозяйствѣ есть

затраты, необходимыя для добыванія произведеній почвы: сѣмена, содержаніе скота и т. п. Слѣдовательно, объясненіе ренты независимо отъ различія участковъ земли должно быть признано совершенно произвольнымъ.

Помимо построенія новой теоріи, Родбертусъ дѣлаетъ Рикардо еще нѣсколько возраженій. Плодородіе, говоритъ онъ, есть свойство почвы, которое можетъ быть искусственно возвышаемо. Участки, ранѣе непригодные для культуры, становятся съ теченіемъ времени очень плодородными: въ сѣверной Германіи, благодаря осушенію, многія земли сдѣлались чрезвычайно плодородными. Но и это возраженіе не опровергаетъ Рикардо: дѣло не въ томъ, отличается ли участокъ естественнымъ плодородіемъ, не зависящимъ отъ человѣческаго искусства, или плодородіе создано человѣческими руками,—во всякомъ случаѣ существуетъ различіе въ выгодахъ, получаемыхъ отъ пользованія этими участками, существуетъ слѣдовательно и рента.—Основываясь на данныхъ сельско-хозяйственной практики, Родбертусъ утверждаетъ, что доходность земли и возможность полученія ренты зависитъ не столько отъ качествъ почвы, сколько отъ системы хозяйства, прилагаемой къ данному участку. Съ точки зрѣнія техники, плодосмѣнная система болѣе совершенна, чѣмъ переложная или трехпольная; но первая не вездѣ выгодна: на многихъ участкахъ она можетъ быть убыточна. Если же на такихъ участкахъ примѣнить систему менѣе сложную, то будетъ доходъ, получится рента. Въ виду этого Родбертусъ отрицаетъ положеніе Рикардо, что есть земли, которыя не приносятъ ренты. Можетъ быть, говоритъ онъ, съ даннаго участка не получается ренты потому, что непригодна система хозяйства, которой держится его владѣлецъ; стоитъ перемѣнить систему, и участокъ будетъ давать большій доходъ. Наконецъ, Родбертусъ не соглашается съ положеніемъ Рикардо, что земледѣльческіе продукты возрастаютъ въ цѣнѣ съ ростомъ населенія. Пользуясь данными статистики, онъ проводитъ мысль, что земледѣльческій трудъ становится все болѣе производительнымъ, и что цѣна пищи, измѣряемая трудомъ, постоянно падаетъ. Дѣйствительно, данныя статистики доказываютъ, что, напр., въ Европѣ между 70-ми гг. прошлаго и 20-ми нынѣшняго столѣтія, населеніе значительно возросло, а цѣна пищи была ниже, чѣмъ въ предшествую щемъ періодѣ, когда населеніе было менѣе значительно. Если же страны, плотно населенныя, имѣютъ очень высокую цѣну съѣстныхъ припасовъ, то это зависитъ не отъ роста населенія и не отъ трудности добывать хлѣбъ, а отъ различныхъ мѣстныхъ условій: отъ того, напр., что въ странѣ много городского населенія, пользующагося привозными продуктами.

Чѣмъ далѣе отстоятъ отъ городовъ мѣстности, производящія продукты, тѣмъ дороже обходится ихъ доставка въ города и тѣмъ выше цѣны на нихъ.—Всѣ эти возраженія не опровергаютъ сущности теоріи Рикардо. Они или только пополняютъ ее или позволяютъ исправить ее въ нѣкоторыхъ частностяхъ.

Есть еще одно возраженіе, которое не отрицаетъ поземельной ренты, какъ ее установилъ Рикардо, но не признаетъ ренты особымъ видомъ дохода, получаемымъ только отъ земли: согласно съ этимъ воззрѣніемъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности можно найдти излишекъ, подходящій подъ понятіе о рентѣ. Такое возраженіе дѣлаютъ Шеффле и Мангольдтъ, установившіе теорію всеобщей ренты [4]). Большая часть хозяйственныхъ благъ, говорятъ они, производится и обмѣнивается при среднихъ условіяхъ, и результаты, получаемые владѣльцами этихъ благъ, въ большинствѣ случаевъ, мало отклоняются отъ средней величины. Однако, относительно каждаго разряда хозяйственныхъ благъ существуютъ условія, которыя позволяютъ совершать производство ихъ и обмѣнъ съ выгодами выше среднихъ. Средній рабочій получаетъ, напр., 200 руб. въ годъ, но найдется рабочій, который, обладая бо́льшими способностями, заработаетъ 250 руб. при тѣхъ же условіяхъ. Сукно, сахаръ, ситецъ производятся по извѣстной цѣнѣ и даютъ прибыль x; но есть предприниматели, которые вырабатываютъ ихъ при лучшихъ условіяхъ и получаютъ большую прибыль, $a+x$. вслѣдствіе болѣе бережливаго пользованія сырьемъ, примѣненія лучшихъ техническихъ пріемовъ. Большинство врачей, адвокатовъ получаютъ за свои услуги извѣстную плату x, но есть и такіе, которые, обладая большими познаніями и большимъ искусствомъ, получаютъ за свой трудъ большую плату — $x+y$. Земледѣлецъ тоже производитъ продуктъ по извѣстной цѣнѣ x. Въ этомъ x часто есть излишекъ, который поступаетъ въ пользу владѣльца земельнаго участка и называется рентой. Почему же, разсуждаютъ Шеффле и Мангольдтъ, только излишекъ, поступающій владѣльцамъ земельныхъ участковъ, называется рентой, какъ доходъ sui generis, а не вообще излишки, получаемые людьми во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности? Мангольдтъ, сверхъ того, выдвигаетъ понятіе о *недочетѣ*, противоположное понятію о рентѣ. Онъ говоритъ, что многія лица не получаютъ даже прибыли средняго уровня и т. д. «Рентные доходы, по словамъ Шеффле [5]), проистекаютъ изъ каждаго хозяйственнаго успѣха для того, кто былъ его виновникомъ, а недочетъ въ рентахъ—для тѣхъ, кто далъ себя обогнать».

Не подлежитъ сомнѣнію то, что указали Шеффле и Мангольдтъ

относительно особенно выгодныхъ условій, въ которыхъ стоятъ отдѣльныя лица при производствѣ благъ. Тѣмъ не менѣе излишки, получаемые людьми въ разныхъ отрасляхъ дѣятельности, не должны быть отожествляемы съ поземельной рентой: она представляетъ особенности, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніи. Поземельная рента имѣетъ особенности, которыя прямо зависятъ отъ свойствъ земельныхъ участковъ; различія свойствъ могутъ быть измѣняемы человѣкомъ, но способность къ измѣненію поставлена въ очень тѣсные предѣлы: никакое искусство не въ состояніи уничтожить различія между богатыми и бѣдными залежами минераловъ, между участками земли, лежащими въ большихъ городахъ и на окраинахъ государства. Въ то же время большая часть «рентъ», которыя получаются изъ личнаго труда или даже руководства предпріятіемъ, опираются на индивидуальныя особенности людей. Распространеніе на ренту права частной собственности нерѣдко требуетъ особаго и сложнаго мотивированія. Вторые излишки кажутся гораздо болѣе заслуженными и естественно принадлежащими тому, кто ихъ пріобрѣлъ. Понятно, поэтому, что въ наукѣ ставятъ государству неодинаковыя требованія относительно регулированія поземельной собственности и ренты и всѣхъ другихъ «рентъ». Въ исторіи движенія ренты мы также видимъ крупныя особенности, отличающія поземельную ренту отъ излишковъ въ другихъ отрасляхъ дѣятельности. Съ ростомъ культуры сглаживаются индивидуальныя особенности; сглаживаются и выгоды всѣхъ работниковъ съ одной стороны и предпринимателей съ другой; различія же, вытекающія изъ свойствъ отдѣльныхъ участковъ, увеличиваются. А потому рента можетъ быть съ полнымъ правомъ выдѣлена въ особую категорію, отличную отъ другихъ видовъ общественнаго дохода.

Познакомившись достаточно подробно съ главными воззрѣніями на поземельную ренту, мы можемъ перейдти къ краткому догматическому изложенію. *Рента есть доходъ, получаемый собственникомъ отъ пользованія силами земли и воды.* Въ этомъ опредѣленіи мы опускаемъ два эпитета Рикардо: «первоначальными» и «неистощимыми», такъ какъ они съуживаютъ понятіе о земельной рентѣ. Свойства земли не всегда могутъ быть названы «первоначальными»: нерѣдко они создаются человѣкомъ; такъ, вслѣдствіе дренированія, приносятъ ренту участки, прежде не приносившіе ея. Мы выкидываемъ эпитетъ «неистощимыми» потому, что многія свойства земли истощимы: таковы минеральныя богатства, способность земли питать растенія, удобство обработки. Силы земли могутъ быть полезны человѣку въ троякомъ отношеніи: 1) земля со-

держитъ минералы и многія другія богатства, 2) она обладаетъ способностью питать растенія и 3) можетъ служить мѣстомъ для жизни и дѣятельности человѣка Главнымъ источникомъ ренты служитъ трудъ, прилагаемый къучасткамъ земли. Но то же можно сказать и о внутреннихъ водахъ, которыми человѣкъ пользуется для рыболовства или какъ двигательной силой въ промышленности. На однихъ озерахъ рабочій день даетъ въ два раза больше рыбы, нежели на другихъ; на одной рѣкѣ вода даетъ для промышленныхъ цѣлей втрое большую силу, нежели на другой. А потому можно съ полнымъ правомъ говорить о рентѣ, какъ доходѣ отъ пользованія силами не только земли, но и воды. И высота ренты опредѣляется не только качествомъ водъ, которыми человѣкъ пользуется для рыболовства или движенія машинъ, но и ихъ разстояніемъ отъ главныхъ рынковъ сбыта.

Условія возникновенія ренты сводятся къ тому, что земля есть благо ограниченное, дарованное природой. Наряду съ лучшими участками человѣкъ долженъ пользоваться и худшими, и трудъ, прилагаемый къ ихъ обработкѣ, неодинаково производителенъ. Это и есть главное условіе, вслѣдствіе котораго возникаетъ рента. Порядокъ заселенія земли, по поводу котораго такъ много говорилось въ литературѣ, не имѣетъ для ренты никакого значенія. Разбирая теорію Кэри и Родбертуса, мы замѣтили, что, съ точки зрѣнія хозяйственной, въ пользованіе первоначально поступаютъ лучшія земли; мы высказались только для того, чтобы оцѣнить сдѣланныя предположенія, а не потому, чтобы мы придавали порядку заселенія земли особенную важность для теоріи ренты. Совершилось ли заселеніе земли такимъ образомъ, какъ говоритъ Рикардо, или какъ думаетъ Родбертусъ, несомнѣнно, что, относительно разстоянія земельныхъ участковъ отъ рынка, первоначально будутъ заселяться участки лучшіе съ хозяйственной точки зрѣнія. Этотъ процессъ особенно замѣтенъ при заселеніи города. Сначала занимаются мѣста, ближайшія къ центру города; затѣмъ населеніе постепенно подвигается къ окраинамъ. Отдаленность отъ рынка сбыта всегда вліяетъ на ренту: чѣмъ ближе къ центру находится участокъ земли, тѣмъ большую онъ даетъ ренту и, наоборотъ, чѣмъ дальше участокъ отъ центра хозяйственной дѣятельности, тѣмъ рента его меньше. Повторяемъ, какъ бы ни происходило заселеніе земли, разъ мы говоримъ о поземельной рентѣ въ состояніи покоя, мы замѣчаемъ большія различія между участками отъ тѣхъ, которые доставляютъ очень высокую ренту, до тѣхъ, гдѣ она понижается до нуля.

Въ густонаселенныхъ странахъ не легко найдти участокъ земли, вовсе не приносящей ренты; страны же, въ которыхъ только за-

рождается экономическая жизнь, представляютъ широкое поле для наблюденій этого рода. Возьмемъ, напр., Сибирь. Казна, владѣя сотнями милліоновъ десятинъ, уступаетъ переселенцамъ за очень низкую ренту, въ немного копѣекъ съ десятины, тѣ участки, которые лежатъ недалеко отъ дорогъ и поселеній. Нѣкоторыя же группы переселенцевъ идутъ за 100—200 верстъ дальше, въ глубь тайги, занимаютъ участки, не менѣе плодородные, но, за *отдаленностью*, настолько пренебрегаемые администраціей, что живутъ тамъ довольно долго, иногда много лѣтъ, упрочиваютъ свое хозяйство и не взносятъ никакихъ платежей собственнику земли — казнѣ. При рѣдкомъ населеніи Сибири и изобиліи плодородныхъ земель, ренту производитъ только различіе между участками въ разстояніи отъ рынка сбыта. Участки въ глуши тайги, отдаленные отъ дорогъ и поселеній, и являются тѣми окраинами, гдѣ земля еще не имѣетъ цѣнности и не доставляетъ ренты.

Частная собственность на землю не имѣетъ вліянія на происхожденіе ренты. Рента существовала и въ древности, при томъ правѣ частной собственности, которымъ характеризуется классическій міръ. Древній міръ состоялъ изъ отдѣльныхъ частно-хозяйственныхъ единицъ, каждая подъ главенствомъ одного домовладыки. Въ распоряженіи послѣдняго находились члены его семьи и масса рабовъ. Всѣ блага, добытыя ими, поступали въ распоряженіе домовладыки, и было бы крайне затруднительно выдѣлить ренту изъ общей массы дохода. Тѣмъ не менѣе и здѣсь существовала рента. Площадь земли, на которой велось хозяйство, состояла изъ различныхъ по качеству участковъ, и прилагаемый къ ихъ обработкѣ трудъ давалъ неодинаковые результаты. Именно эта разница результатовъ и образовала ренту. Въ настоящее время, при господствѣ частнаго землевладѣнія и личной свободѣ всего населенія, рента поступаетъ въ собственность владѣльцевъ земли и рѣзко выдѣляется изъ другихъ частей общественнаго дохода. Однако, легко доказать, что нѣтъ необходимой связи между рентой и правомъ частной собственности на землю. Рента существовала бы, еслибы вся земля находилась въ собственности государства. Тогда отдѣльныя лица были бы только съемщиками государственной земли. Различіе между участками и результатами труда препятствовало бы государству (во избѣжаніе привилегій для однихъ и стѣсненій для другихъ) уступать землю въ пользованіе даромъ или за равную плату: а потому была бы рента; ея размѣры опредѣлялись бы качествомъ участковъ и ихъ отдаленностью отъ рынка сбыта.

Съ этимъ связанъ и другой вопросъ: существуютъ ли при правѣ частной собственности на землю такіе участки, которые не прино-

сятъ ренты? Вопросъ этотъ—не праздный. Разъ земля находится во владѣніи собственника, онъ охотно требуетъ плату за пользованіе даже самыми невыгодными участками. Повидимому, нужно рѣшить этотъ вопросъ утвердительно. Однако, дѣйствительная жизнь показываетъ, что всегда есть участки земли, которые еще не приносятъ ренты. Здѣсь умѣстно привести слова Дж. Стюар. Милля. «Еслибы помѣстье состояло изъ одной такой земли или только изъ такой земли съ примѣсью еще худшей, то, вѣроятно, собственникъ не отдалъ бы ея въ пользованіе даромъ, а предпочелъ бы (если онъ богатъ) оставить ее невоздѣланной, чтобы она служила ему для прогулки или составляла просто пейзажъ, или была охотничьимъ паркомъ. Фермеръ не могъ бы дать ему ничего за нее, если бы хотѣлъ воздѣлывать ее; но вѣроятно можно было бы получать съ нея что-нибудь, сдѣлавъ ее пастбищемъ или собирая съ нея дикорастущіе продукты. Впрочемъ, даже и такая земля могла бы не остаться невоздѣланной. Ее могъ бы воздѣлывать самъ собственникъ, что нерѣдко бываетъ даже въ Англіи. Онъ могъ бы дать участки ея во временное пользованіе семействамъ рабочаго класса, или изъ филантропіи, или для того, чтобы избавиться отъ налога для бѣдныхъ; наконецъ, онъ могъ бы безъ ренты отдать ее въ пользованіе поселенцамъ, въ надеждѣ, что ихъ трудъ придастъ ей цѣнность въ послѣдствіи времени. Эти случаи очень нерѣдко встрѣчаются. Такимъ образомъ, еслибы даже все помѣстье состояло изъ земли самаго дурного сорта, какой можно воздѣлывать съ прибылью, оно могло бы не остаться невоздѣланнымъ изъ за того, что не могло бы давать ренты. Но обыкновенно земля низкаго качества не занимаетъ обширнаго круга сплошнымъ кускомъ; она лежитъ разбросанно между кусками болѣе хорошей земли, и человѣкъ, снимающій болѣе хорошую землю, получаетъ вмѣстѣ съ нею куски низшаго качества, перемѣшаннаго съ нею. Онъ платитъ ренту на словахъ за всю ферму, но рента эта разсчитана по продукту только тѣхъ частей, которыя могутъ давать больше обыкновенной прибыли (части эти могутъ составлять очень небольшую долю цѣлой фермы, но это все равно, такова бываетъ и рента). Такимъ образомъ остается справедлива теорія, что прочія части фермы не даютъ ренты» [6]). Добавимъ къ этому, что въ нашихъ нечерноземныхъ губерніяхъ большая часть земель не приноситъ ренты. Крестьяне, имѣя недостаточные надѣлы и лишенные свободы передвиженія, взносятъ владѣльцу въ арендной платѣ прибыль и часть заработной платы; обыкновенно въ продуктѣ, остающемся арендатору, трудъ его вознаграждается меньше, чѣмъ трудъ наемныхъ сельскихъ рабочихъ.

Возвышеніе ренты, какъ справедливо замѣтилъ Рикардо, зависитъ отъ роста населенія и отъ необходимости расширить площадь земли для веденія хозяйства. Въ малонаселенной странѣ рента низка или даже вовсе не существуетъ. По мѣрѣ же роста населенія и необходимости прибѣгать къ худшимъ участкамъ, рента возрастаетъ все болѣе и болѣе. Слѣдующія условія особенно способствуютъ возрастанію ренты. 1) Отсутствіе сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Особенно рѣзко обнаруживается это условіе въ нашемъ отечествѣ: быстрое возрастаніе ренты въ 70-хъ гг., при плотности населенія не болѣе 2.500 человѣкъ на квадратной милѣ, можно объяснить главнымъ образомъ отсутствіемъ интензивнаго хозяйства. 2) Отсутствіе усовершенствованныхъ путей сообщенія и 3) стѣсненіе ввозной торговли хлѣбомъ. Вліяніе третьяго условія можно прослѣдить на Германіи, гдѣ,по введеніи въ 1880 г. пошлинъ на хлѣбъ, ввозимый изъ-за границы, возрасла и рента.

Пониженію ренты способствуютъ слѣдующія условія. 1) сельскохозяйственныя улучшенія. Сюда относятся какъ замѣна простѣйшихъ земледѣльческихъ системъ болѣе сложными, такъ и введеніе усовершенствованныхъ орудій,—вообще переходъ отъ экстензивнаго хозяйства къ интензивному. Все это дѣлаетъ излишнимъ расширеніе площади обработываемой земли и тѣмъ задерживаетъ возрастаніе ренты. Болѣе интензивное пользованіе землей примѣнимо не только въ сельскомъ хозяйствѣ, но также къ рудникамъ и участкамъ подъ строеніями. Въ городахъ, по мѣрѣ ихъ расширенія, рента возрастаетъ. Но болѣе интензивное пользованіе городской землей (сооруженіе многоэтажныхъ зданій) задерживаетъ ростъ ренты. Успѣхи сельско-хозяйственнаго искусства, по справедливому замѣчанію Родбертуса, ведутъ къ тому, что многіе худшіе участки земли (вслѣдствіе напр., осушенія или орошенія) поднимаются почти до уровня лучшихъ. По французскому кадастру 1822 года, во многихъ общинахъ Эры и Уазы средній доходъ 1 гектара земли 1-го класса былъ 58 франковъ, 4-го—20, а 5-го 8 фр., а въ 1852 году доходъ поднялся до 80, 50 и 40, т.-е. для лучшихъ участковъ на 35%, а худшихъ на 300% [7]). 2) Улучшеніе путей, которые даютъ возможность доставлять хлѣбъ изъ болѣе отдаленныхъ частей страны и такимъ образомъ задерживаютъ возрастаніе поземельной ренты. 3) Свободная международная торговля: когда (съ начала 70 гг. нынѣшняго столѣтія) Америка стала вывозить въ Европу особенно много пшеницы, въ Англіи, главномъ рынкѣ сбыта этихъ продуктовъ, рента понизилась.

Во всѣхъ странахъ Европы земельная рента даетъ намъ за нынѣшнее столѣтіе картину быстраго возрастанія; тотъ же про-

цессъ можно прослѣдить и въ нашемъ отечествѣ. За 30 лѣтъ, протекшіе со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, арендная плата возрасла въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ 3—4 раза. Это было вызвано ростомъ населенія, потребностью въ большемъ количествѣ земледѣльческихъ продуктовъ и проведеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, которыя связали съ международнымъ хлѣбнымъ рынкомъ многія отдаленныя и глухія мѣстности Европейской Россіи и сдѣлали ихъ поставщицами земледѣльческихъ произведеній не только нашихъ густонаселенныхъ и малоплодородныхъ губерній, но и западной Европы. Есть уѣзды—назовемъ, напр., Ростовскій на Дону и Бахмутскій Екатеринославской губерніи,—гдѣ за означенный періодъ арендная плата возросла даже въ 5—10 разъ. Съ половины 80-хъ годовъ въ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ замѣчается мѣстами пониженіе арендной платы. Оно было вызвано проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ Остъ Индіи, Бразиліи, Аргентинской республикѣ. Желѣзныя дороги связали милліоны десятинъ плодородной земли съ міровымъ рынкомъ, открыли доступъ въ Европу продуктамъ этихъ обширныхъ площадей, понизили цѣну хлѣба, а вслѣдъ за нею земельную ренту. Въ настоящее время арендныя цѣны сильно колеблются по раіонамъ. Если ограничиться тѣми губерніями, въ которыхъ были произведены земскія статистическія изслѣдованія, то мы найдемъ низшія арендныя цѣны, отъ 2 до 4 рублей за десятину при арендованіи земли на нѣсколько лѣтъ, въ нечерноземныхъ губерніяхъ, а также въ рѣдконаселенныхъ уѣздахъ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерній—Екатеринославской, Черниговской, Самарской, Саратовской, Тамбовской. Среднюю плату, отъ 4 до 8 рублей за десятину, мы встрѣчаемъ въ большей части черноземныхъ уѣздовъ. Наконецъ, высокая арендная плата, болѣе 8 рублей за десятину, падаетъ на большую часть Курской и нѣкоторые уѣзды Воронежской и Орловской губерній. Но такова плата при отдачѣ земли въ наемъ «на года». При наймѣ же участковъ только на одинъ посѣвъ, арендная плата увеличивается на 50—100%. Она составляетъ, при многолѣтнихъ и однолѣтнихъ арендахъ, 1 р. 38 к. и 2 р. 73 к. за десятину въ Петергофскомъ уѣздѣ, 8 р. 60 коп. и 16 р. 44 коп. въ Старооскольскомъ, 7 р. 30 и 17 р. 7 к. въ Суджанскомъ, 10 р. 45 коп. и 19 р. 16 к. въ Елецкомъ, 10 р. 23 к. и 28 р. 12 коп. въ Тимскомъ. На высоту арендной платы, кромѣ сроковъ арендованія, имѣютъ вліяніе и многія другія условія. Личность собственника земли имѣетъ важное значеніе. Во многихъ уѣздахъ наблюдается такое явленіе: казенныя земли сдаются въ аренду за болѣе дешевую цѣну, нежели частныя: въ многоземельныхъ губерніяхъ—

Самарской, Екатеринославской, нѣкоторыхъ уѣздахъ Тамбовской—арендная плата за казенныя земли составляетъ только 35, 50, 65% платы за земли частныхъ владѣльцевъ. Часть этой разницы нужно приписать несомнѣнно тому, что частные владѣльцы болѣе усердно пользуются выгодами своего положенія, нежели чиновники, раздающіе въ аренду участки казенной земли. Еще большее вліяніе оказываетъ степень обезпеченности съемщиковъ земли. Такъ какъ арендуютъ землю преимущественно крестьяне и только въ западныхъ губерніяхъ начинаетъ слагаться особый классъ фермеровъ, и такъ какъ наемъ земли служитъ крестьянину источникомъ дополнительныхъ заработковъ при его хозяйствѣ, то онъ готовъ тѣмъ дороже платить за арендуемую землю, чѣмъ меньше обезпеченъ своимъ земельнымъ надѣломъ. Въ Саратовскомъ уѣздѣ за арендованіе десятины платятъ: бывшіе государственные крестьяне, съ 13,4-десятиннымъ надѣломъ на дворъ, 2,9 рублей, а бывшіе владѣльческіе, съ 6,2-десятиннымъ надѣломъ,—3,8 рублей; въ Петровскомъ—первые, при 13,6-десятинномъ надѣлѣ, 3,5 рублей, вторые, при 8,1-десятинномъ—5,3 р.; въ Путивльскомъ—первые, при 8,5-десятинномъ надѣлѣ, 17,6 рублей, а бывшіе владѣльческіе дарственные, при надѣлѣ въ 1,7 десятины на дворъ, 20,4 рублей.

Только часть арендной платы должна быть признана рентой въ точномъ смыслѣ слова. Въ арендной платѣ рента составляетъ тѣмъ большую часть, чѣмъ меньшій капиталъ, въ видѣ строеній и орудій, машинъ, скота, связанъ съ участкомъ земли, чѣмъ больше размѣры арендуемыхъ участковъ, чѣмъ большимъ матеріальнымъ достаткомъ пользуются арендаторы, чѣмъ болѣе они свободны въ выборѣ мѣста для веденія своего хозяйства. Большая часть крестьянъ-арендаторовъ поставлена въ Россіи такъ, что арендная плата искусственно поднимается до ея нынѣшняго крайне высокаго уровня. Ничтожный земельный надѣлъ, не могущій обезпечить крестьянскую семью при нынѣ господствующихъ въ Россіи пріемахъ веденія сельскаго хозяйства, ничтожные заработки отъ кустарныхъ промысловъ, а нерѣдко и полное отсутствіе такихъ заработковъ, неорганизованность переселеній въ многоземельныя губерніи Европейской Россіи и особенно въ Сибирь, трудности, съ которыми связано передвиженіе— все это прикрѣпляетъ крестьянъ къ ихъ осѣдлости. Личная свобода еще не обезпечиваетъ крестьянину свободнаго выбора мѣста, гдѣ можно было бы заниматься сельскимъ хозяйствомъ при благопріятныхъ условіяхъ. Остается одинъ исходъ—расширить свой надѣлъ арендованіемъ сосѣднихъ земельныхъ участковъ. Арендованіе земли достигаетъ такихъ размѣровъ, что во многихъ уѣздахъ черноземной полосы арендуемыя земли состав-

ляютъ 30, 40, 50% крестьянской надѣльной земли, а въ Обоянскомъ уѣздѣ — 59,2%, Саратовскомъ—70,8, Самарскомъ — даже 76,6%. Соперничество между съемщиками поднимаетъ арендную плату такъ высоко, что владѣлецъ земли получаетъ не только ренту, но всю прибыль, которую могъ бы имѣть крестьянинъ на свой убогій инвентарь и значительную часть его заработной платы. Въ черноземныхъ губерніяхъ обработка и уборка 1 десятины ржи стоитъ владѣльцамъ 6—7 рублей, которыя и составляютъ среднюю заработную плату. Уплачивая за арендованіе десятины подъ рожь 22 рубля, крестьянинъ имѣетъ, при довольно высокой цѣнѣ въ 60 копѣекъ за 1 пудъ, не болѣе 3—4 рублей, т. е. половину того, что онъ можетъ получить за работу по найму. Мы не впадемъ въ ошибку, если скажемъ, что, при сдачѣ земли на 1 посѣвъ, рента составляетъ только $^1/_2$—до $^2/_3$ арендной платы.

Мы закончимъ изученіе ренты отвѣтомъ на вопросъ о возможности ея устраненія. Человѣкъ столь же безсиленъ устранить ее, какъ измѣнить какой-либо законъ природы. Но цѣлымъ рядомъ техническихъ улучшеній люди могутъ препятствовать ея быстрому возрастанію. Кто бы ни былъ собственникомъ земли, въ чье распоряженіе ни поступала бы рента, задержаніе ея роста лежитъ въ интересахъ всего населенія, коль скоро ея ростъ замедляется увеличеніемъ производительности труда. Иное дѣло—право собственности на ренту. Измѣнить и регулировать это право есть дѣло рукъ человѣческихъ. Государство можетъ создать такой порядокъ, при которомъ распредѣленіе ренты будетъ наиболѣе соотвѣтствовать требованіямъ справедливости.

Какія же перемѣны могутъ быть отмѣчены въ исторіи распредѣленія народнаго дохода? Масса народнаго дохода опредѣляется производительностью труда; доходъ тѣмъ болѣе великъ, чѣмъ выше производительность труда. Величина же каждой части народнаго дохода—заработной платы, прибыли и ренты—зависитъ отъ величины двухъ другихъ частей. Каждая изъ нихъ возрастаетъ, если, при неизмѣняющейся производительности труда, уменьшаются двѣ другія части или уменьшается одна, въ то время какъ другая остается безъ перемѣны, или въ то время какъ другая увеличивается, но въ меньшемъ размѣрѣ, нежели уменьшилась первая. Предположимъ, что весь народный доходъ равенъ 1000 единицамъ, изъ которыхъ въ заработную плату поступаетъ 400, а въ прибыль и ренту по 300. Очевидно, одна изъ трехъ частей дохода, положимъ, рента, можетъ возрасти или въ томъ случаѣ, когда, при неизмѣнности двухъ другихъ частей, увеличится производительность труда, и доходъ достигнетъ, положимъ, 1100 единицъ, или когда при та-

комъ возрастаніи производительности труда заработная плата или прибыль, или обѣ вмѣстѣ увеличатся меньше, нежели на 100 единицъ, или же если, при неизмѣнной производительности труда, уменьшится прибыль и заработная плата, или же одна изъ этихъ частей.

Развитіе народнаго хозяйства ведетъ къ относительному пониженію заработной платы и прибыли и повышенію ренты. Огромный ростъ производительности труда, который долженъ быть отмѣченъ въ предѣлахъ европейско-американскаго міра, повелъ за собою такія перемѣны въ распредѣленіи народнаго дохода: заработная плата абсолютно увеличилась, но далеко отстала отъ роста производительности труда; прибыль возросла абсолютно, не отстала отъ роста продуктовъ, но уменьшилась относительно затраченнаго въ производствѣ капитала; въ наибольшихъ же размѣрахъ, какъ абсолютно, такъ и относительно возросла земельная рента. Эти перемѣны могутъ быть выражены примѣрно въ такой табличкѣ.

	Капиталъ.	Продуктъ 1 работника.	Зар. плата.	Прибыль.	Рента.
1 періодъ.	500	200	100	80	20
2 періодъ.	4000	1000	200	400	400

Таково движеніе долей народнаго дохода: прибыль абсолютно возросла, она увеличилась въ большей пропорціи, нежели заработная плата, не уменьшилась относительно валоваго продукта, но уменьшилась относительно капитала: вмѣсто 16% она составляетъ 10% на капиталъ. Наибольшую же долю избыточной цѣнности поглотила рента. Статистика еще не располагаетъ данными, которыя позволили бы доказать это положеніе ссылкою на какое-либо народное хозяйство. Но каждый согласится съ этимъ, если припомнитъ исполинскій ростъ цѣнности и доходности земли во всѣхъ странахъ Европы. Этотъ ростъ такъ великъ, что невольно вспоминаешь слова американскаго экономиста, что тотъ, кому принадлежитъ земля, является господиномъ и людей, населяющихъ эту землю.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЯТОЙ ГЛАВѢ.

1) *Bastiat.* Harm. économ., 344.

2) *LeroyBeaulieu.* Essai sur la répartit. des rich., 1880, 90.

3) Рук. къ соціальн. наукѣ, 107.

4) Это воззрѣніе высказано еще Бухананомъ. Въ примѣчаніи къ 7 главѣ I книги Смита онъ говоритъ, что избытокъ дохода, проистекающій для предпріятія изъ промысловыхъ тайнъ, отличается отъ заработной платы и прибыли, имѣя свойства *ренты.*

5) Ausschlis. Absatzverhältn., 173,

6) Основ. пол. экон. I, 477.

7) *LeroyBeaulieu.* Essai sur la répart., 97—93.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О нѣкоторыхъ мѣрахъ къ улучшенію быта рабочихъ.[1])

Главныя пособія. Для ознакомленія съ бытомъ рабочихъ въ западной Европѣ и Америкѣ. *Иванюковъ*. Полит. экон. *Каблуковъ*. Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. *Goltz*, *v. d.* Die ländliche Arbeiterfrage. 2 изд. 1874. *Kebbel*. The Agricultural labourer. 1887. Die Verhältnisse der Landarbeiter in Nordwestdeutschland, 1892. *Villermé*. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufact. 2 vol, 1840. *Марксъ*. Капиталъ. I. *Schönberg*. Handbuch, II, *Engels*. Die Lage der arbeitenden Klasse in England. 1892. *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières en France. 1867. *Young*. Labour in Europe and America. 1875. *Brassey*. Lectures on the labour question, 2 изд. 1878. *Le Play*. Les ouvriers européens. 6 vol. 1879. *Lavolleé*. Las classes ouvrières en Europe. 2 vol. 1884. *Ballin*. Der Haushalt der arbeitend. Klassen. 1883. *Booth*. Labour and Life of the People. 2 m. 1889. *Hobson*. Problems of Poverty. 1891. Recueil de Rapports sur les conditions du travail dans les pays étrangers. 1890 и 91. *Aveling*. The working-classmouvement iu America. 1891. Во многихъ изъ перечисленныхъ ниже сочиненій о мѣрахъ на пользу рабочихъ можно найдти также свѣдѣнія о бытѣ рабочаго класса. Относительно *стачекъ* см. *Thornton*. On Labour. *Bevan*. The strikes of the past ten years. въ Journ. of the Statistic Society. 1880. *Meyer*. Der Emancipationskampf des vierten Standes. 1882. *Sartorius v. Waltershausen*. Die nordamerikanischen Gewerkschaften. *Turquan*. Les grèves en France depuis 1874. Journ. des Econom. 1889. Handwörterbuch der Staatswissenschaften *Conrad'a* и *Elster'a*, I, 1890. Тамъ же дальнѣйшія указанія на литературу. По статистикѣ труда: *Joachim*. Institute für Arbeitsstatistik. 1890. *Caroll Wright*. Die Organisation der arbeitsstatistischen Aemter. *Archiv* f. sociale Gesetzgebung, 1888, I. *Scherrer*. Das schweizerische Arbeitersecretariat. 1888. Для ознакомленія съ союзами рабочихъ см.: *Brentano*, Die Arbeitergilden der Gegenwart. 2 B. 1871—72. *Comte de* Paris. Les associations ouvrières en Angleterre. 7 изд. 1884. *Baernreither*. Die englischen Arbeiterverbände. B. I. 1886. *Lexis*. Gewerkvereine in Frankreich. 1879. *Sartorius v. Waltershausen*. Назв. сочин. Относительно палатъ посредниковъ: *Brentano*. Die Arbeitergilden, Schriften des Vereins für Socialpolitik. Gutachten u. Verhandlungen, Bände 4 и 47. *Schönberg*, Handbuch, II. *Минцловъ*. Посреднич. въ столкнов. между предприн. и рабоч. *Рус. Мысль*, 1889, XII. Для изученія фабричнаго законодательства: *Марксъ*. Капиталъ I. *Янжулъ*. Очерки и изслѣдованія. 2 т. 1882. *Ѳедоровъ*. Фабричное законодательство цивилизов. государствъ. Иностран. фабр. закон. 1878 и 80 в. 1 сост. *Янжулъ*, в. 2—*Гольцевъ*. 1884. *Schaeffle*. Zur Theorie u. Politik des Arbeiterschutzes. *Tüb. Zeitschr.*, 1890. *Taylor*. Modern Factory System. 1891. *Weyer*. Die Englische Fabrikinspection. 1888. *Schuler*. Die Fabrikinspection. *Archiv für sociale Gesetzgeb.*, 1889. *Adler*. Die Frage des internationalen Arbeiterschutzes. 1888. *Boilley*. La législation internat. dutravail. 1892. *Блументаль*. Международн. раб. законод. *Слово*, 1880, VIII. См. тоже Handwörterbuch der Staatswissenschaften. I. Богатый матеріалъ содержатъ отчеты фабричныхъ инспекторовъ. Для вопроса о страхованіи рабочихъ: *Яроцкій*. Экономическая отвѣтственность предпринимателей. I, 1887. *Его же*. Страхов. рабочихъ (печатается). *Гольденвейзеръ*. Соціальное законодательство Германіи. 1891. *Brentano*. Die Arbeiterversicherung. 1879. *Его же*. Der Arbeiterversicherungs-

zwang. 1881. *Popper.* Gewerbliche Hilfskassen und Arbeiterversicherung. 1880. *Schäffle.* Der Corporative Hülfskassenzwang. 1882. *Hasbach.* Das englische Arbeitsversicherungswesen 1883. *Wilkinson.* The Friendly-Societies-Movement. 1886. *Его же.* Mutual Thrift. 1891. *Schulze-Gävernitz.* Zum socialen Frieden. 2 B-e. 1890. Рядъ статей о страхованіи рабочихъ въ разныхъ странахъ въ Handwörterbuch der Staatswissenchaften. I.

Низкій уровень платы не даетъ рабочимъ классамъ возможности удовлетворять потребности согласно съ низшими требованіями гигіены и удѣлять сбереженія для престарѣлаго возраста. Юридически свободный, но фактически зависящій отъ хозяина, работникъ принужденъ подчиняться всѣмъ правиламъ, которыя установляетъ предприниматель, если даже эти предписанія тягостны для него и оскорбительны для человѣческаго достоинства. Длинный рабочій день, проводимый въ тѣсныхъ, неопрятныхъ, дурно провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, разрушительно дѣйствуетъ на здоровье работниковъ какъ самъ по себѣ, такъ и неблагопріятною обстановкою, въ которой производится работа. Однообразный трудъ, захвативъ всю жизнь работника, не оставляетъ досуга для самообразованія, не позволяетъ развить духовныя силы и получить доступъ къ наслажденіямъ, которыя можно почерпать изъ области науки и искусства. Что же остается при этомъ умственномъ мракѣ, какъ не тѣ грубыя наслажденія, которыя доставляетъ вино? Все, вмѣстѣ взятое, подавляетъ работника и мѣшаетъ ему испытывать жизнерадостность, которая связана съ бо́льшимъ матеріальнымъ довольствомъ и бо́льшимъ разнообразіемъ духовной жизни. Вся жизнь лишаетъ его способности испытывать полноту счастья, которую могутъ переживать люди, принадлежащіе къ болѣе обезпеченнымъ слоямъ населенія [2]).

Тяжелое положеніе рабочихъ классовъ вызвало разнообразныя попытки къ улучшенію ихъ быта. Познакомимся съ мѣрами, которыя имѣютъ наиболѣе общее значеніе.

1. Стачки являются однимъ изъ средствъ, которыми работники стараются улучшить свое положеніе. Подъ стачкой разумѣютъ одновременное прекращеніе работы многими работниками по предварительному между ними соглашенію. Въ стачкѣ участвуютъ или работники только одного заведенія, или многихъ заведеній одной отрасли промышленности или даже разныхъ отраслей производства, стоящихъ во взаимной связи. Изслѣдованія стачекъ, произведенныя въ западной Европѣ и сѣверной Америкѣ, показываютъ, что стакнувшіеся рабочіе всего чаще ставятъ цѣлью повышеніе рабочей платы. По статистическимъ даннымъ, которыя были собраны въ Соединенныхъ Штатахъ за 6 лѣтъ (1881—86 гг.) относительно 3,902 стачекъ, распространившихся на 22,304 промышленныхъ

заведенія, въ 42,32% всѣхъ случаевъ стачки были предприняты для повышенія заработной платы, въ 19,48% для сокращенія рабочаго времени, въ 7,77% дабы воспрепятствовать пониженію платы. Относительно небольшое число случаевъ падаетъ на разныя другія побужденія, вызвавшія стачки.

Стачки, какъ показываютъ многочисленныя наблюденія, всего чаще возникаютъ при оживленіи промышленныхъ дѣлъ и во время застоя торговыхъ оборотовъ. При среднемъ ходѣ промышленности, среднемъ сбытѣ товаровъ и среднихъ цѣнахъ, работники не могутъ имѣть основательную надежду возвысить свою плату; съ тѣмъ вмѣстѣ удовлетворительное положеніе дѣлъ не внушаетъ имъ опасеній, что предприниматели постараются понизить плату. При оживленіи промышленности, возросшемъ спросѣ на рабочія руки и возвышеніи товарныхъ цѣнъ, рабочіе надѣются улучшить свое положеніе; ихъ поддерживаетъ въ этомъ сознаніе, что успѣшный сбытъ товаровъ позволяетъ предпринимателямъ выше оплачивать трудъ. Промышленный застой вызываетъ въ работникахъ чувство страха; они боятся, что хозяева будутъ имѣть побужденія понизить плату. Организуя стачку съ требованіемъ повысить рабочую плату, работники вовсе не разсчитываютъ, что ихъ цѣль будетъ достигнута; они надѣются только удержать вознагражденіе за трудъ на томъ уровнѣ, при которомъ начинаютъ стачку.

Стачки въ западной Европѣ уже вылились въ опредѣленныя, типичныя формы. Работники, получивъ въ субботу разсчетъ, съ понедѣльника уже не идутъ на фабрику. Вслѣдъ за тѣмъ одинокіе изъ среды забастовавшихъ отправляются искать работы за предѣлами даннаго промышленнаго округа, а семейные получаютъ со второй недѣли небольшія денежныя пособія или изъ суммъ, которыя собираются спеціально для поддержанія стачечниковъ уже во время стачки, или изъ особыхъ фондовъ, если стачку поддерживаетъ союзъ рабочихъ. Со второй же недѣли стачечники отправляютъ къ хозяевамъ депутаціи для переговоровъ. Если хозяева чувствуютъ твердость своего положенія, а требованія забастовавшихъ рабочихъ чрезмѣрны, то они отказываются исполнить желанія и часто даже не принимаютъ депутатовъ. Если требованія стачечниковъ умѣренны и состояніе промышленности позволяетъ исполнить ихъ цѣликомъ или отчасти, а хозяева находятъ убыточнымъ дальнѣйшую пріостановку работы, то начинаются переговоры, которые и ведутъ къ соглашенію. Въ послѣднія десятилѣтія происходили очень большія стачки, какъ по числу участниковъ, такъ и по продолжительности: отмѣтимъ для 80-хъ годовъ стачки горнорабочихъ въ Анзэнѣ и Деказевиллѣ во Франціи (каждая имѣла болѣе 10,000

участниковъ) и, особенно, германскія стачки въ маѣ 1889 года. Послѣднія начались среди рабочихъ въ каменноугольныхъ копяхъ Вестфаліи, распространились въ теченіе одной недѣли на нѣсколько горныхъ округовъ и захватили до 100,000 душъ. Стачечники требовали, чтобы время, употребляемое на спускъ въ шахты, было включено въ 8-часовой рабочій день, чтобы заработная плата была повышена на 15—25% и чтобы была ограничена работа въ сверхурочное время. Стачки продолжались около мѣсяца и закончились небольшими уступками со стороны хозяевъ.

Имѣютъ ли работники право вступать въ стачку и прекращать работу массами по предварительному соглашенію? Конечно, насильственныя дѣйствія стачечниковъ надъ тѣми товарищами, которые продолжаютъ работать, разрушеніе орудій и машинъ не могутъ быть терпимы, и государство обыкновенно караетъ за такія насилія. Но стачка, проходящая мирно, безъ нарушенія общественнаго порядка, есть актъ, въ юридическомъ отношеніи безразличный. Понятіе о личной свободѣ заключаетъ въ себѣ понятіе о правѣ пользоваться всѣми средствами къ улучшенію хозяйственнаго быта, насколько эти способы не связаны съ насильственнымъ или обманнымъ нарушеніемъ интересовъ третьихъ лицъ. Со стороны каждаго работника, отдѣльно взятаго, это стремленіе выражается въ томъ, что, нанимаясь на работу, онъ старается выговорить отъ предпринимателя болѣе выгодныя условія. Единичный работникъ никогда не можетъ настоять на принятіи предпринимателемъ такихъ условій труда, которыя онъ считаетъ выгодными и справедливыми: его слабый голосъ всегда заглушается голосами тѣхъ людей, которые не имѣютъ работы и ищутъ занятія за самое скудное вознагражденіе. Дѣйствуя же совмѣстно со многими товарищами, работникъ получаетъ такую точку опоры, о какой не можетъ и мечтать въ состояніи обособленія. Стачка представляется ему однимъ изъ средствъ къ улучшенію хозяйственнаго быта. Разъ она происходитъ мирно, при строгомъ соблюденіи общественнаго порядка, нельзя считать преступнымъ одинъ фактъ пріостановки работы. Мотивомъ къ запрещенію этихъ дѣйствій служитъ сознаніе, что единовременная массовая пріостановка работы убыточна для предпринимателей. Этотъ мотивъ былъ бы достаточенъ, еслибы было доказано, что та крайне низкая заработная плата, ради повышенія которой и организуется стачка, не убыточна для работниковъ или еслибы могли быть принимаемы мѣры, препятствующія предпринимателямъ вступать въ соглашеніе, для одновременнаго пониженія платы.

Какъ оцѣнить стачки и забастовки съ точки зрѣнія народнаго хозяйства? Исходъ стачекъ не одинъ и тотъ же. По

свѣдѣніямъ о 3,902 стачкахъ въ Соединенныхъ Штатахъ (1881—86 гг.) 46,52% окончились полной побѣдой стачечниковъ, 13,47% привели хозяевъ къ принятію нѣкоторыхъ предложеній забастовавшихъ, а 40% окончились пораженіемъ. Въ западной Европѣ меньше половины стачекъ имѣютъ исходъ, благопріятный для работниковъ. Когда цѣль стачечниковъ не достигается, то стачка связана съ крупными потерями заработной платы, которую забастовавшіе могли бы получить за свой трудъ, еслибы не было стачки. Но потеря этимъ не ограничивается: она измѣряется также недоборами въ прибыли предпринимателей и сокращеніемъ производства во всѣхъ отрасляхъ, которыя косвенно задѣты стачкою. Однако, не слѣдуетъ измѣрять ущербъ, причиняемый народному хозяйству стачками, тѣмъ числомъ дней, въ теченіе которыхъ стачечники оставались безъ работы. Невѣрно дѣлать такой разсчетъ: если средняя цѣнность, производимая рабочимъ въ 1 день, составляетъ 3 рубля, то стачка 10,000 рабочихъ, длящаяся 30 дней, причиняетъ народному хозяйству убытокъ въ размѣрѣ 900,000 рублей. Убытокъ не достигаетъ такой цифры. Въ каждой отрасли промышленности, кромѣ средняго теченія дѣлъ, есть такъ-называемое мертвое время года, которое характеризуется уменьшеніемъ числа рабочихъ, сокращеніемъ рабочаго дня, вялостью производства. Мертвое время года падаетъ въ разныхъ отрасляхъ на различные періоды; нѣтъ также данныхъ, чтобы опредѣлить среднюю продолжительность мертваго сезона для отдѣльныхъ производствъ. Положимъ, что въ данной отрасли производства оно составляетъ 2 мѣсяца въ годъ. Не будь стачки, мертвое время года длилось бы въ этой отрасли 2 мѣсяца; стачка же сокращаетъ этотъ періодъ, быть можетъ, до $1^1/_2$ или 1 мѣсяца. Наличность большой массы незанятыхъ рабочихъ, отличающая современный строй промышленности, всегда можетъ вести къ тому, что большая стачка, образующая въ производствѣ даже бо̀льшій пробѣлъ, нежели причиняемый мертвымъ сезономъ, можетъ быть заглажена усиленной работой въ данной отрасли съ привлеченіемъ къ занятію извѣстной части запасно-рабочей арміи. Въ итогѣ стачки не уменьшаютъ массы цѣнностей, производимыхъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. Онѣ имѣютъ вліяніе только на распредѣленіе этихъ цѣнностей; годичный заработокъ стачечниковъ уменьшается, вслѣдствіе стачки, на x рублей, но на тѣ же x рублей увеличивается заработокъ людей, которые, не будь стачки, вовсе не имѣли бы занятія. То же совершается и съ прибылью: она уменьшается на x рублей для хозяевъ тѣхъ промышленныхъ заведеній, которыя были затронуты стачкой, но на тѣ же x рублей или позднѣе увеличивается прибыль для тѣхъ

же предпринимателей или хозяевъ тѣхъ предпріятій данной отрасли, куда не распространилась стачка. Словомъ, стачки, протекающія мирно, безъ разрушенія имущества, не приносятъ вреда народному хозяйству, а вліяютъ только на доходы отдѣльныхъ группъ предпринимателей и работниковъ. Поэтому работники считаютъ ихъ особенно цѣлесообразнымъ средствомъ, разъ они не имѣютъ постоянной союзной организаціи и палатъ посредниковъ для измѣненія къ лучшему своего хозяйственнаго быта. Неудачный исходъ стачки, необходимость для забастовавшихъ снова приступить къ работѣ на прежнихъ условіяхъ, причиняя потери стачечникамъ, заставляетъ ихъ быть болѣе осмотрительными, прекращать работу только тогда, когда общее состояніе промышленности даетъ основательную надежду на повышеніе заработной платы. Когда же стачка приводитъ къ принятію хозяевами предложеній рабочихъ или выгодному для рабочихъ компромиссу, то въ бытѣ ихъ наступаетъ улучшеніе, которое постепенно распространяется и на всѣхъ рабочихъ данной отрасли производства: стачка германскихъ книгопечатниковъ въ 80-хъ гг. привела къ повышенію на 6% платы для всѣхъ книгопечатниковъ Германіи. Пріостановка работъ, доставляя матеріальныя выгоды, можетъ имѣть и то значеніе, что напоминаетъ предпринимателямъ о необходимости, при благопріятномъ положеніи дѣлъ, торопиться съ улучшеніемъ быта рабочихъ, а при неблагопріятномъ—мириться съ убытками и не стараться тотчасъ же переложить ихъна работниковъ посредствомъ пониженія платы.

2) *Статистика труда* служитъ важнымъ средствомъ для принятія мѣръ къ улучшенію быта рабочихъ. Такая статистика, имѣя своимъ предметомъ число рабочихъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства и предпріятіяхъ, съ раздѣленіемъ по полу, возрасту, семейному состоянію, размѣры заработной платы, способы ея исчисленія, ея колебанія, продолжительность рабочаго дня и года, работу въ воскресные и праздничные дни, разныя другія условія договора о наймѣ, даетъ точныя указанія относительно отраслей производства и сторонъ быта, которыя особенно нуждаются въ воздѣйствіи государственной власти. Какъ вообще статистика, изучая массы явленій, нуждается въ централизованіи рабочихъ силъ, такъ и статистика труда можетъ быть ведена съ наибольшею пользою для дѣла, если она сосредоточивается въ вѣдѣніи государства, если мѣстныя учрежденія, которыя изучаютъ бытъ рабочаго класса, имѣютъ одно объединяющее ихъ труды центральное статистическое бюро. Статистика труда получила наибольшее развитіе въ сѣверной Америкѣ: по примѣру штата Массачусетсъ, устроившаго бюро статистики труда въ 1864 году, 20 другихъ штатовъ постепенно

создали подобныя учрежденія. Эти бюро различаются, главнымъ образомъ, имущественными средствами, которыя государство выдаетъ на ихъ содержаніе. По плану же, положенному въ основаніе ихъ работъ, они совершенно сходны. Бюро, возникшія до 1883 года, имѣли полуоффиціальное существованіе; имъ не было предоставлено право требовать отъ кого-либо отвѣтовъ на вопросные листы. Тѣмъ же бюро, которыя учреждены позднѣе, особенно въ Мичиганѣ, Калифорніи, предоставлено это право: подъ угрозою довольно высокой денежной пени законъ обязываетъ корпораціи, общества и частныхъ лицъ, работающихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ или рудникахъ, давать отвѣты, которые предлагаютъ бюро труда относительно положенія рабочаго класса. Бюро труда производятъ статистическія изысканія по очень обширнымъ программамъ. Въ нихъ нашли себѣ мѣсто не только вопросы, касающіеся положенія рабочихъ въ производствѣ и ихъ вознагражденія, но и такіе, какъ вопросъ о семейной жизни работниковъ, о разводахъ, о преступленіяхъ, о пьянствѣ, о вліяніи невоздержной жизни и проч. Благодаря этимъ учрежденіямъ, Соединенные Штаты имѣютъ такую статистику труда, какою не располагаетъ ни одно государство Европы. Съ 1888 года бюро труда въ Вашингтонѣ преобразовано въ министерство труда и получило характеръ центральнаго статистическаго учрежденія для всѣхъ бюро труда. Съ 1887 года существуетъ и въ Швейцаріи подобное учрежденіе подъ именемъ «швейцарскій секретаріатъ труда». Получая небольшую субсидію отъ правительства, онъ служитъ органомъ всеобщаго союза швейцарскихъ рабочихъ, обнимающаго союзы рабочихъ, которые сложились въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. Дабы облегчить секретаріату изученіе быта швейцарскихъ рабочихъ, правительство предоставило ему право обращаться за справками относительно положенія рабочихъ къ частнымъ лицамъ, обществамъ и правительственнымъ учрежденіямъ.

3) *Союзы рабочихъ* считаются однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ для улучшенія быта работниковъ. Имѣя своими членами людей одной и той же отрасли производства, союзъ рабочихъ представляетъ крупную организованную силу, которая поднимаетъ своихъ членовъ на довольно высокій уровень. а) Отдѣльный работникъ не въ состояніи обозрѣть всю площадь труда въ той отрасли, къ которой онъ принадлежитъ: если даже онъ хорошо грамотенъ, любознателенъ, охотно читаетъ, то онъ не имѣетъ столько досуга, чтобы подробно изучить положеніе данной отрасли промышленности и сдѣлать выводъ о томъ, представляетъ ли она благопріятныя условія для улучшенія быта рабочихъ. Союзъ располагаетъ всѣми

условіями для рѣшенія этой задачи. Въ его составѣ есть наиболѣе энергическіе и просвѣщенные представители рабочаго класса. Пользуясь ими, какъ своими уполномоченными секретарями, оплачивая ихъ трудъ, союзъ поручаетъ имъ слѣдить за состояніемъ рынка труда, собирать всѣ свѣдѣнія, относящіяся до данной отрасли промышленности, взвѣшивать то, насколько извѣстный періодъ времени благопріятствуетъ полученію рабочими болѣе высокой платы или измѣненію быта къ лучшему въ другихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, если единичнаго работника отличаетъ почти полное незнаніе того, что́ происходитъ въ его отрасли производства, то союзъ можетъ знать положеніе дѣлъ во всѣхъ подробностяхъ. Мы находимъ еще бо́льшее различіе между отдѣльными работниками и союзами относительно возможности вліять на высоту заработной платы и другія условія труда. Союзъ, обнимая довольно большую массу рабочихъ, можетъ договариваться съ хозяевами, какъ со стороной приблизительно равной. Послѣдніе знаютъ, что, пріостанови работу значительное число людей, продолженіе производства станетъ на нѣкоторое время невозможнымъ: поэтому, отказываясь даже выслушать заявленія отдѣльныхъ работниковъ, хозяева ведутъ переговоры съ союзами рабочихъ, нерѣдко съ большимъ вниманіемъ относятся къ ихъ требованіямъ, вступаютъ съ ними въ соглашенія. б) Единичный работникъ, получая плату, которая не покрываетъ даже необходимыхъ потребностей, почти не можетъ дѣлать сбереженія; пока страхованіе рабочихъ не организовано, болѣзнь, безработица погружаютъ его въ безъисходную нужду. Союзъ рабочихъ служитъ для своихъ членовъ страховымъ учрежденіемъ: не большіе еженедѣльные взносы, которые дѣлаютъ члены въ общую кассу, образуютъ въ совокупности крупный капиталъ; изъ него выдаются пособія больнымъ, лишеннымъ заработка. Матеріальная помощь, согласно съ установившеюся практикой англійскихъ союзовъ рабочихъ, столь значительна, что даже много мѣсяцевъ, проведенныхъ работникомъ въ болѣзни или безъ работы по какой бы то ни было причинѣ, не повергаютъ его въ крайнюю нищету. в) Отмѣтимъ, наконецъ, огромную культурную важность общенія съ товарищами, важность нравственной поддержки, которую находитъ въ союзѣ каждый членъ. Единичный работникъ не имѣетъ доступа ни къ источникамъ, откуда можетъ пополнить свое образованіе, ни къ учрежденіямъ, которыя даютъ возможность развлечься во время досуга. Единственнымъ мѣстомъ развлеченія служитъ питейный домъ. Союзъ рабочихъ восполняетъ эти пробѣлы. Имѣя въ своей средѣ наиболѣе развитыхъ и энергическихъ представителей рабочаго класса, союзы рабочихъ заботятся о томъ,

чтобы создать для своихъ членовъ библіотеки, воскресные и вечерніе классы, публичныя чтенія, клубы и проч. А значительныя матеріальныя средства позволяютъ союзамъ устраивать все это въ крупныхъ размѣрахъ. Вотъ условія, которыя заставляютъ насъ признать союзы очень важнымъ средствомъ ко всестороннему улучшенію быта рабочихъ.

Англія занимаетъ первое мѣсто по размѣрамъ, въ какихъ развились союзы рабочихъ. Имѣя своими членами наемныхъ работниковъ данной отрасли производства, союзы стараются устранять невыгоды, среди которыхъ проходитъ жизнь рабочихъ классовъ, а потому и стремятся захватить всѣхъ работниковъ данной отрасли. Каждый союзъ, какъ цѣлое, имѣетъ своими членами мѣстные союзы, состоящіе только изъ работниковъ въ данномъ городѣ или округѣ. Многіе союзы (именно старѣйшіе) принимаютъ въ члены съ большою разборчивостью: они требуютъ, чтобы вступающій былъ хорошо подготовленъ къ своему промысловому занятію, чтобы онъ получалъ не менѣе средней платы, которая господствуетъ въ извѣстномъ промыслѣ и данномъ мѣстѣ; они требуютъ также, чтобы вступающіе были люди нравственнаго поведенія. Англійскіе союзы рабочихъ стремятся къ достиженію слѣдующихъ цѣлей. 1) Полученіе ихъ членами достаточной заработной платы. Представляя каждому участнику заключать съ предпринимателемъ договоръ о заработной платѣ, союзъ вступаетъ со своими требованіями, охраняетъ интересы отдѣльныхъ членовъ, когда они не въ состояніи выговорить себѣ среднюю обычную плату. Съ этимъ связаны также усилія союзовъ препятствовать пониженію платы, разъ оно не вытекаетъ изъ общаго ухудшенія промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ въ данной отрасли, а является только произволомъ отдѣльныхъ предпринимателей. Во многихъ отрасляхъ производства уже упрочился такой порядокъ, что договоръ о размѣрахъ и формахъ рабочей платы заключается между предпринимателями и союзами, а не отдѣльными работниками. Союзы охраняютъ интересы своихъ членовъ также стремленіемъ 2) сократить рабочій день и 3) установлять на промышленныхъ заведеніяхъ такой порядокъ, который не былъ бы вреденъ для работниковъ или оскорбителенъ для ихъ личнаго достоинства. 4) Сюда же клонятся всѣ мѣры, посредствомъ которыхъ союзы стараются приравнять предложеніе рабочихъ рукъ спросу на нихъ. Въ этихъ видахъ они ведутъ списки незанятыхъ работниковъ, отмѣчаютъ вакансіи въ промышленныхъ заведеніяхъ и направляютъ на свободныя мѣста своихъ членовъ, не имѣющихъ занятія. У кого совсѣмъ нѣтъ средствъ, тому даютъ денежное пособіе, которое и позволяетъ достигнуть мѣста, гдѣ есть

работа. 5) Союзы служатъ также кассами взаимопомощи, откуда выдаются пособія членамъ въ случаѣ невольной безработицы, болѣзни, дряхлости и на похороны. О значительныхъ размѣрахъ пособій свидѣтельствуютъ, напр., суммы, которыя выдаетъ своимъ членамъ союзъ соединенныхъ машиностроителей: при безработицѣ членъ получаетъ по 10 шиллинговъ въ теченіе первыхъ 14 недѣль, по 7 шиллинговъ слѣдующія 10 недѣль и по 6 за дальнѣйшія 10 недѣль; въ совокупности пособіе выдается цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ. Отмѣтимъ, наконецъ, что англійскіе союзы рабочихъ организуютъ дешевыя столовыя, потребительныя и строительныя общества, библіотеки. Развитіе союзовъ въ Англіи, начавшись съ 20-хъ годовъ нашего вѣка, когда было отмѣнено запрещеніе устраивать сходки и образовать общества, приняло за послѣдніе годы очень большіе размѣры: на конгрессѣ 1890 года были представители 311 союзовъ съ общимъ числомъ членовъ до $1^1/_2$ милліона. Самымъ старымъ и богатымъ является союзъ соединенныхъ машиностроителей, который имѣлъ въ 1888 году 53,740 членовъ и капиталъ до 160,000 фунтовъ стерлинговъ.

Въ другихъ странахъ союзы рабочихъ стоятъ далеко позади англійскихъ, какъ по числу членовъ, такъ по имущественнымъ средствамъ и привычкѣ дѣйствовать дружно, настойчиво и законосообразно для достиженія поставленныхъ цѣлей. Въ Германіи движеніе началось съ конца 60-хъ годовъ. Въ 1891 году въ Германіи насчитывалось 17 союзовъ рабочихъ, которые имѣли въ совокупности 1,382 мѣстныхъ отдѣленія и капиталъ до 2 милліоновъ марокъ. Наиболѣе крупной единицей является союзъ книгопечатниковъ, въ составъ котораго входило 17,000 изъ общаго числа 23,000 книгопечатниковъ Германіи; затѣмъ слѣдуетъ союзъ рабочихъ въ машиностроительномъ производствѣ и обработкѣ металловъ. Остальнымъ европейскимъ государствамъ это движеніе знакомо только съ 70-хъ и даже 80-хъ годовъ. Союзы рабочихъ въ Европѣ имѣютъ ту отличительную особенность, что стараются избѣгать стачекъ и направляютъ всѣ усилія къ мирному улучшенію быта своихъ членовъ: за первую половину 80-хъ годовъ 7 крупнѣйшихъ англійскихъ союзовъ израсходовали до 2 мил. фунт. стерлинговъ на выдачу пособій членамъ, лишеннымъ работы, больнымъ, увѣчнымъ, пострадавшимъ отъ пожара, и только около 290,000 фунтовъ на стачки. Въ Соединенныхъ Штатахъ союзы организуются, главнымъ образомъ, съ цѣлью повышенія платы и сокращенія рабочаго дня; многіе изъ нихъ возникаютъ только на короткое время, для достиженія своихъ цѣлей посредствомъ стачекъ (если предприниматели не соглашаются на ихъ требованія). А потому, хотя въ 1885 году

въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось до 40 союзовъ съ общимъ числомъ членовъ около 500,000, однако, многіе изъ нихъ имѣли чисто временной характеръ.

4. Къ союзамъ рабочихъ примыкаетъ учрежденіе, которое сдѣлало за послѣдніе 20 лѣтъ очень большіе успѣхи: *третейскіе суды* или *палаты посредниковъ*. Столкновенія между предпринимателями и рабочими бываютъ двоякаго рода. Въ однихъ случаяхъ рѣчь идетъ о правѣ: предметомъ этихъ столкновеній служатъ условія труда, вытекающія изъ договора между сторонами. Въ правѣ ли хозяинъ разсчитывать рабочихъ только одинъ разъ въ мѣсяцъ? Въ правѣ ли онъ подвергать ихъ денежной пенѣ за извѣстные поступки? Въ правѣ ли рабочій оставить работу до истеченія срока при наступленіи такихъ-то условій? Въ другихъ случаяхъ споръ между хозяевами и работниками касается условій, на которыхъ долженъ быть заключенъ договоръ о работѣ; здѣсь между ними возникаетъ борьба интересовъ. Всѣ распри перваго рода разбираются или общими судами государства или спеціальными промышленными. Всѣ эти разногласія потому не представляютъ большой трудности для рѣшенія, что рѣчь идетъ объ отступленіи отъ того порядка, который или установленъ закономъ или договоромъ сторонъ, который поэтому имѣетъ значеніе обязательной нормы и обыкновенно общеизвѣстенъ.

Недоразумѣнія втораго рода устраняются не такъ легко: здѣсь дѣло идетъ не объ исполненіи извѣстнаго порядка и не объ охраненіи его отъ посягательствъ той или другой стороны, а о созданіи новаго порядка, не объ огражденіи уже существующихъ правъ, а о пріобрѣтеніи новыхъ. Вмѣсто 12 часовъ работники хотятъ работать 11 часовъ въ сутки, вмѣсто 5 рублей въ недѣлю они хотятъ получать 6 рублей, вмѣсто 1 раза въ мѣсяцъ они хотятъ получать разсчетъ каждую недѣлю; хозяева, платившіе по 5 рублей въ недѣлю, хотятъ впредь платить по 4. Когда споръ идетъ о правѣ, то обѣ стороны рѣдко склонны къ нарушенію порядка: онѣ увѣрены, что судъ возстановитъ право потерпѣвшаго. Но судъ не призванъ дѣйствовать въ случаяхъ второго рода; а потому именно здѣсь и есть на лицо многочисленныя условія, которыя вызываютъ стачки и забастовки со стороны рабочихъ и закрытіе промышленныхъ заведеній—со стороны хозяевъ. Эти разногласія могутъ быть улаживаемы третейскими судами, которые разбираютъ распри между сторонами и постановляютъ приговоръ о томъ, на чемъ должны сойдтись спорящіе. Такимъ учрежденіемъ служатъ палаты посредниковъ, состоящія изъ представителей отъ хозяевъ и работниковъ. Палата посредниковъ можетъ быть учреждаема для отдѣльной

отрасли промышленности или для многихъ отраслей въ данномъ городѣ или округѣ; здѣсь все зависитъ отъ того, насколько сходны или различны условія труда въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. Въ составъ палатъ входятъ хозяева и работники въ равномъ числѣ, причемъ каждая сторона самостоятельно избираетъ своихъ представителей. Предсѣдателемъ же долженъ служить третейскій судья. Всего лучше, если третейскій судья избирается членами палаты посредниковъ; тогда можно разсчитывать на выборъ лицъ, которыя заслуживаютъ довѣріе обѣихъ сторонъ. Это учрежденіе можетъ дѣйствовать съ наибольшимъ успѣхомъ, если члены избираются насколько-нибудь продолжительное время, напр., 2—3 года: въ такомъ случаѣ они чувствуютъ себя тѣснѣе связанными съ учрежденіемъ и охотнѣе посвящаютъ дѣлу свое время и свои силы. Не рѣшенъ вопросъ о томъ, должны ли быть палаты посредниковъ организуемы принудительно, по велѣнію закона или онѣ должны быть дѣломъ частной иниціативы. Мы считаемъ цѣлесообразнымъ, чтобы государство приглашало промышленниковъ къ образованію палатъ, предоставляя выборъ членовъ исключительно усмотрѣнію ихъ и работниковъ. Государство можетъ оказывать палатамъ очень существенную поддержку, если обезпечиваетъ исполненіе ихъ приговоровъ.

Палаты посредниковъ развились съ 60-хъ годовъ въ Англіи. благодаря двумъ общественнымъ дѣятелямъ Мунделлѣ и Кеттле. По имени этихъ лицъ и называются двѣ системы палатъ. Въ палатахъ системы Кеттле есть третейскій судья, постановляющій приговоръ, который обязательно приводится въ исполненіе. Въ палатахъ Мунделлы нѣтъ третейскаго судьи, а члены избираютъ предсѣдателя; исполненіе приговора этихъ палатъ не обязательно. Въ первомъ случаѣ, если приговоръ не противенъ закону, судебная власть заботится о его исполненіи; во второмъ случаѣ подчиненіе приговору палаты предоставляется на усмотрѣніе сторонъ. Съ 70-хъ годовъ въ Англіи развилась новая форма улаживанія разногласій между хозяевами и рабочими. Во всѣхъ случаяхъ, когда разногласіе имѣетъ общій характеръ, касается рабочаго времени или платы относительно цѣлой отрасли производства или, по крайней мѣрѣ, цѣлаго округа, то правила служатъ предметомъ обсужденія, а затѣмъ и соглашенія между союзами хозяевъ и союзами рабочихъ. Разъ стороны не приходятъ къ соглашенію, то избирается третейскій судья и передъ нимъ ведутъ дѣло уполномоченные отъ обоихъ союзовъ. Всѣ же дѣла, имѣющія, главнымъ образомъ, индивидуальное значеніе, разсматриваются предварительно секретарями союзовъ хозяевъ и рабочихъ, и, большею частію, приводятся ими къ окон-

чательному рѣшенію. Въ другихъ странахъ палаты посредниковъ еще мало развиты.

5. Свободный договоръ между предпринимателями и работниками не даетъ ручательства, что первые не будутъ злоупотреблять выгодами своего положенія, а вторые, какъ сторона болѣе слабая, съумѣютъ отстоять свои существенные интересы. Наблюденіе показываетъ, что даже тамъ, гдѣ работники дѣйствуютъ не единолично, а идутъ сомкнутымъ строемъ, въ союзахъ, они не могутъ обезпечить себѣ такія условія труда, которыя необходимы для охраненія ихъ тѣлесныхъ силъ, тѣмъ болѣе для ихъ духовнаго развитія. Эти обязанности принимаетъ на себя государство. Основныя нормы, которыми государство упорядочиваетъ трудъ въ интересахъ болѣе слабой стороны—работниковъ, находятъ выраженіе въ законодательствѣ о рабочихъ; его главною составною частью является *фабричное законодательство.*

Фабричное законодательство можетъ быть изучаемо съ точки зрѣнія интересовъ, которые оно охраняетъ. Передъ нами выступаютъ три группы такихъ интересовъ. 1) Тѣлесное здоровье работающихъ. Оно можетъ подвергаться вреднымъ вліяніямъ вслѣдствіе общихъ условій, среди которыхъ трудятся работники въ данной отрасли промышленности или въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, а также въ силу особыхъ условій труда, въ которыхъ находятся отдѣльныя лица. Рабочія или жилыя помѣщенія, вслѣдствіе не достаточнаго количества свѣта и воздуха, могутъ разрушительно дѣйствовать на здоровье работающихъ; эти особенности труда съ наибольшею силой заявляютъ о себѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ,—таковы химическое производство, спичечное,—гдѣ работникъ имѣетъ дѣло съ ядовитыми веществами и гдѣ только очень хорошее, просторное, тщательно провѣтриваемое помѣщеніе можетъ уменьшить причиняемый вредъ. Тѣлесное здоровье работниковъ нерѣдко несетъ ущербъ отъ машинъ, которыя представляются въ видѣ сложныхъ, громоздкихъ, сильно и быстро дѣйствующихъ механизмовъ. Слишкомъ большая скученность машинъ, неосторожность при работѣ, во время чистки и поправки, служатъ причиною многочисленныхъ и тяжкихъ увѣчій. Всѣ эти особенности крупнаго производства вызываютъ въ фабричномъ законодательствѣ цѣлый рядъ общихъ нормъ, которыя охраняютъ здоровье всей массы работниковъ. Вторымъ источникомъ неблагопріятныхъ вліяній на здоровье служитъ продолжительность работы, слишкомъ большое число рабочихъ часовъ, или несвоевременность работы: таковъ ночной трудъ. Условія перваго рода, связанныя или съ особенностями даннаго производства, или съ извѣстнымъ предпріятіемъ, могутъ быть на-

званы объективными, ибо они вредны сами по себѣ, вредны для всѣхъ, кто работаетъ при этихъ условіяхъ. Особенности же второго рода оказываютъ большее или меньшее вліяніе въ зависимости отъ пола и возраста работающихъ. Восьмичасовой рабочій день для взрослаго мужчины можетъ быть признанъ нормальнымъ, не обременительнымъ; но онъ чрезмѣрно длиненъ для 15-лѣтнихъ подростковъ. Во многихъ отрасляхъ хлопчатобумажной промышленности, при умѣренно долгомъ рабочемъ днѣ, трудъ не можетъ быть признанъ вреднымъ для женщинъ; но онъ вреденъ и даже опасенъ для женщинъ въ послѣднемъ періодѣ беременности или въ первыя недѣли послѣ родовъ. Ночной трудъ причиняетъ умѣренный вредъ мужчинамъ средняго возраста и здоровья; но онъ въ корень разрушаетъ здоровье дѣтей, подростковъ и даже женщинъ. Такимъ образомъ, фабричные законы содержатъ нормы, которыя охраняютъ здоровье работниковъ примѣнительно къ ихъ индивидуальнымъ свойствамъ. 2) Кромѣ тѣлеснаго здоровья, законы имѣютъ въ виду и умственные интересы работающаго люда. Одно изъ самыхъ тяжелыхъ (быть можетъ, самое тяжкое) условій въ жизни работника— то, что онъ лишенъ досуга къ развитію своихъ умственныхъ силъ и достиженію ступени, на которой онъ могъ бы пользоваться умственными и эстетическими наслажденіями, доступными имущимъ классамъ. Въ виду этого фабричные законы содержатъ постановленія о такомъ порядкѣ работы малолѣтнихъ и подростковъ, при которомъ имъ оставалось бы время на посѣщеніе школы. Иногда есть требованія относительно устройства школъ для малолѣтнихъ рабочихъ при самомъ промышленномъ заведеніи. 3) Наконецъ, законы не относятся безучастно и къ чистотѣ нравовъ работниковъ. Нравственность можетъ страдать при ночной совмѣстной работѣ лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. На нее оказываетъ неблагопріятное вліяніе совмѣстная работа лицъ обоего пола въ тѣхъ производствахъ, гдѣ высокая температура позволяетъ работать только раздѣтыми или полуодѣтыми. Нравственность работающихъ подвергается очень большимъ испытаніямъ, когда помѣщенія, въ которыхъ производится работа, служатъ также мѣстами ночлега, когда жилыя помѣщенія неудовлетворительны и проч. Поэтому, фабричные законы содержатъ постановленія относительно и этихъ пунктовъ.

Нужно имѣть въ виду, при изученіи фабричнаго законодательства, что рабочій людъ представляется не одной сплошной массой. Естественныя условія возраста и пола позволяютъ разбить рабочихъ на четыре самостоятельныя группы. Первую образуютъ дѣти въ возрастѣ примѣрно до 14 лѣтъ. Они лишены сознательнаго отношенія къ окружающему, не имѣютъ ни умственной, ни

хозяйственной самостоятельности, а потому могутъ всего легче служить предметомъ эксплуатаціи, какъ хозяевъ, которые нанимаютъ ихъ на работу, такъ и со стороны родителей. Вотъ причины, которыя дѣлаютъ особенно важными постановленія фабричныхъ законовъ относительно дѣтей. Подростки послѣ 14, даже 13 лѣтъ и до 17 или 18 обладаютъ уже большими силами. Прошедши начальную школу, они иногда имѣютъ то элементарное образованіе, безъ котораго въ современномъ обществѣ человѣкъ вовсе безпомощенъ; въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства подростки получаютъ довольно большую плату, что̀ кладетъ начало ихъ хозяйственной самостоятельности. Но, по условіямъ и возраста, и тѣлесной силы, они далеко не обладаютъ способностью къ сознательной оцѣнкѣ окружающаго и полной хозяйственной самостоятельностью. Они могутъ быть въ гораздо меньшей степени, нежели дѣти, предметомъ эксплуатаціи со стороны родителей, но, по отношенію къ нанимателямъ, они имѣютъ почти столь же малую силу сопротивленія, какъ дѣти. Поэтому, вслѣдъ за охраненіемъ малолѣтнихъ, государство имѣетъ столь же важныя обязанности относительно подростковъ. Третью групу образуютъ женщины. Взрослая женщина не имѣетъ той устойчивости, какъ взрослый работникъ. Вѣковая подчиненность женщины мужчинѣ ведетъ къ тому, что отецъ, мужъ, братъ легко могутъ злоупотреблять выгодами своего положенія и принуждать своихъ дочерей, женъ, сестеръ къ работѣ, которая вредно отзывается и на тѣлесномъ здоровьѣ женщинъ, и на ихъ нравственности. Женщины рабочаго класса, и въ отношеніяхъ къ нанимателямъ, не обладаютъ той силой сопротивленія, какъ мужчины: живущая, главнымъ образомъ, въ семьѣ, зависящая отъ мужчины, женщина-работница и въ зрѣломъ возрастѣ имѣетъ относительно данной сферы производства болѣе узкій кругозоръ, чѣмъ мужчины. Оттѣсняемая съ поприща общественной дѣятельности, она еще не воспитала въ себѣ навыка къ образованію союзовъ съ соработницами, а чрезъ то и къ улучшенію своего быта посредствомъ самопомощи. Вотъ условія, которыя возлагаютъ на государство важныя обязанности въ дѣлѣ охраненія интересовъ и взрослыхъ работницъ. Взрослые работники образуютъ четвертую группу, наиболѣе самостоятельную. Именно эта группа, какъ показываютъ предъидущія страницы, можетъ сдѣлать довольно много для улучшенія своего быта и на началахъ самопомощи; но и они нуждаются въ защитѣ законовъ. А потому, желательна такая организація фабричнаго законодательства, при которой наибольшею охраной пользуются самые слабые члены рабочаго класса.

Родиной фабричнаго законодательства служитъ Англія. Крупное

производство развилось въ ней ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и раньше обнаружились невыгоды, которыя выпадаютъ на долю рабочаго класса, пока государство не регулируетъ его отношеній къ предпринимателямъ. Въ Англіи уже были достигнуты значительные результаты по охраненію рабочихъ, когда государства европейскаго материка едва начинали ступать на этотъ путь. Въ настоящее время, кромѣ Англіи, Швейцарія, Австрія и Соединенные Штаты имѣютъ наиболѣе развитое фабричное законодательство.

Относительно фабричной работы дѣтей Швейцарія опередила другія государства: въ ней запрещено принимать на фабрики дѣтей до 14 лѣтъ. Въ Австріи дѣти до 14 лѣтъ не должны быть принимаемы для фабричной работы, а въ возрастѣ отъ 12 до 14 лѣтъ могутъ быть вообще употребляемы для правильныхъ промысловыхъ занятій, если это не вредитъ ихъ здоровью и, притомъ, не болѣе 8 часовъ въ сутки. Въ Англіи мы находимъ подробную регламентацію дѣтскаго фабричнаго труда. Дѣти не принимаются на работу ранѣе 10 лѣтъ. Съ этого возраста они допускаются къ работѣ, но не должны работать ночью (отъ 7 вечера до 7 утра), въ воскресные и многіе праздничные дни. Кромѣ полныхъ праздниковъ, законъ даетъ имъ 8 полупраздничныхъ дней въ году. Работа не должна продолжаться болѣе $4^1/_2$ часовъ безъ перерыва. При этомъ, дѣти, работающіе на фабрикахъ, обязаны посѣщать школу. Среди другихъ государствъ заслуживаетъ вниманія заботливость, съ которою относится къ дѣтямъ финляндскій фабричный законъ. Предѣльнымъ возрастомъ считаются 12 лѣтъ. Сверхъ того, запрещается работать и всѣмъ дѣтямъ старше этого возраста, при слабости здоровья; рабочее время не должно длиться болѣе 7 часовъ, включая $^1/_2$ часовой перерывъ послѣ 4 часовъ работы.

Мы находимъ въ англійскомъ фабричномъ законодательствѣ наиболѣе постановленій относительно подростковъ. Считая подростками лицъ отъ 14 до 18 лѣтъ, оно запрещаетъ имъ работать ночью и въ воскресенья и, какъ и дѣтямъ, даетъ имъ свободу отъ занятій въ нѣкоторые праздники и 8 полупраздничныхъ дней въ году. Наибольшей длиной рабочаго дня установлено 10 часовъ для пяти дней недѣли и 6 часовъ для субботы (до 2 часовъ пополудни). Почти столь же далеко ушла на этомъ пути и Швейцарія. Для подростковъ до 16 лѣтъ предѣльная длина рабочаго дня (включая школьныя занятія) установлена въ 11 часовъ и въ 10 по субботамъ и наканунѣ праздниковъ. Австрійское законодательство запрещаетъ ночную работу подростковъ и ограничиваетъ ихъ рабочій день 11 часами, включая $1^1/_2$ часа на отдыхъ. Финляндское законодательство оказываетъ подросткамъ, не достигшимъ 15 лѣтъ, такую

же защиту, какъ и дѣтямъ; къ ночной работѣ оно не допускаетъ также и подростковъ отъ 15 до 18 лѣтъ.

Взрослыя работницы во многихъ отношеніяхъ пользуются такой же охраной закона, какъ и подростки. Англійское законодательство приравниваетъ работницъ подросткамъ. Но англійское законодательство имѣетъ существенный пробѣлъ,—въ немъ нѣтъ особыхъ постановленій относительно беременныхъ работницъ, а также относительно работницъ, какъ хозяекъ дома. Въ этихъ обоихъ отношеніяхъ швейцарское законодательство предоставляетъ крупныя преимущества: установляя для женщинъ 11 часовъ, а по субботамъ и наканунѣ праздниковъ 10 часовъ, какъ высшій предѣлъ рабочаго дня, швейцарскій фабричный законъ запрещаетъ имъ работать ночью и въ воскресные дни, предписываетъ удлинять имъ на $^1/_2$ часа перерывъ для обѣда, если онѣ завѣдуютъ хозяйствомъ и если перерывъ работы не достигаетъ 1 $^1/_2$ часа; беременныя предъ родами и роженицы не должны работать въ совокупности цѣлыя 8 недѣль. Австрійское законодательство держится тѣхъ же принциповъ, хотя проводитъ ихъ не съ такою опредѣленностью; ночная работа женщинъ не допускается за немногими исключеніями; послѣ родовъ женщины не должны быть употребляемы для работъ въ теченіе 4 недѣль. Охрану беременныхъ и роженицъ мы находимъ также въ германскомъ, голландскомъ, бельгійскомъ фабричныхъ законахъ. Въ сѣверной Америкѣ штатъ Висконсинъ даетъ женщинамъ наибольшую охрану: высшій предѣлъ рабочаго дня ограниченъ 8 часами.

Фабричные законы не оставляютъ безъ вниманія и взрослыхъ работниковъ. Швейцарія имѣла еще съ 60-хъ годовъ для отдѣльныхъ кантоновъ законодательно опредѣленный высшій предѣлъ рабочаго дня; въ 1877 году онъ ограниченъ для всего государства 11-ю, а для субботъ и дней наканунѣ праздниковъ 10 часами. Въ тѣхъ же отрасляхъ промышленности, которыя связаны съ опасностью для здоровья, союзный совѣтъ можетъ сокращать рабочій день по мѣрѣ надобности. Высшій предѣлъ рабочаго дня ограниченъ въ Австріи 11 часами съ правомъ для высшей администраціи удлинять этотъ предѣлъ на 1 часъ въ производствахъ, которыя въ томъ особенно нуждаются; списокъ такихъ производствъ подвергается пересмотру каждые 3 года. Въ нѣкоторыхъ штатахъ сѣверной Америки высшій предѣлъ рабочаго дня ограничивается 10 часами (Небраска, а для нѣкоторыхъ отраслей въ Пенсильваніи и Нью-Джерсеѣ). Кромѣ того, нѣкоторые штаты имѣютъ такъ называемый законный 10 часовой и даже 8 часовой день (послѣдній въ 6 штатахъ, между прочимъ, въ Пенсильваніи и Нью-Іоркѣ); онъ считается

дѣйствительнымъ во всѣхъ случаяхъ, когда не состоялся договоръ о болѣе продолжительномъ рабочемъ времени. Вопросъ о ночной воскресной работѣ взрослыхъ мужчинъ еще мало разработанъ въ фабричныхъ законахъ. Большая часть государствъ не имѣютъ относительно этого законодательныхъ ограниченій. Исключеніемъ служитъ Швейцарія. Въ ней ночная работа (отъ 8 часовъ вечера до 6 утра) взрослыхъ мужчинъ допускается только какъ исключеніе. Постоянная ночная работа разрѣшается союзнымъ совѣтомъ только въ тѣхъ отрасляхъ, которыя, по своей природѣ, требуютъ непрерывнаго дѣйствія, но подъ условіемъ, чтобы взрослый мужчина работалъ въ теченіе сутокъ не болѣе 11 часовъ. Мужчины, которые работаютъ по воскресеньямъ, должны быть свободны чрезъ одно воскресенье. Австрійскій фабричный законъ также запрещаетъ воскресную работу мужчинъ, за исключеніемъ тѣхъ отраслей производства, въ которыхъ необходимъ непрерывный трудъ.

Кромѣ этихъ ограниченій, относящихся до отдѣльныхъ группъ рабочаго класса, мы находимъ въ фабричныхъ законахъ санитарныя предписанія. §§ 2 и 3 швейцарскаго фабричнаго закона предписываютъ: «На каждой фабрикѣ рабочія помѣщенія, машины и приспособленія должны быть устраиваемы и поддерживаемы такимъ образомъ, чтобы были наилучшимъ образомъ обезпечены жизнь и здоровье работниковъ. Слѣдуетъ заботиться именно о томъ, чтобы рабочія помѣщенія были хорошо освѣщены во время работы, чтобы атмосфера была свободна отъ пыли; чтобы воздухъ могъ быть освѣжаемъ соотвѣтственно съ числомъ работниковъ, съ родомъ освѣщенія, съ образованіемъ вредныхъ веществъ... Кто имѣетъ намѣреніе устроить фабрику или передѣлать фабрику уже существующую, тотъ долженъ довести объ этомъ до свѣдѣнія кантональнаго правительства и доказать представленіемъ плана, что фабрика, по своему устройству, будетъ вполнѣ соотвѣтствовать требованіямъ закона». Подобныя же требованія, хотя въ нестоль развитомъ видѣ, находимъ мы въ фабричныхъ законахъ и другихъ государствъ.

Въ связи съ этими положеніями стоятъ и нормы, которыми законъ регулируетъ распорядокъ въ промышленныхъ заведеніяхъ. Этотъ распорядокъ касается начала и конца рабочаго дня, перерывовъ въ работѣ, времени расплаты, штрафовъ и проч. Установленіе этого порядка односторонней властью предпринимателя служитъ для работниковъ источникомъ крайне тягостной зависимости отъ хозяевъ. Законъ смягчаетъ иногда эту зависимость. Такъ, въ Швейцаріи законъ требуетъ, чтобы каждый фабрикантъ составилъ фабричное положеніе, которое поступаетъ къ кантональному правительству и утверждается имъ только въ томъ случаѣ, если не

содержитъ ничего, противнаго закону. Но до утвержденія работникамъ должна быть дана возможность высказаться по поводу фабричныхъ правилъ. Однородныя положенія находимъ мы въ Австріи и Германіи.

Отмѣтимъ, наконецъ, порядокъ, установляемый государствомъ относительно выдачи заработной платы. Эти положенія находятся, большею частью, не въ фабричныхъ а въ общегражданскихъ законахъ. Среди нихъ особенно важно требованіе закона, чтобы расплата производилась деньгами, а не товаромъ. Вотъ какую редакцію имѣетъ относящійся сюда германскій имперскій законъ. «Промышленники обязаны исчислять рабочую плату въ имперскихъ деньгахъ и выплачивать ее наличными. Они не имѣютъ права кредитовать рабочихъ товарами. Однако, разрѣшается, при разсчетѣ, выдавать рабочимъ жизненные припасы по заготовительной цѣнѣ, давать жилище и землю въ пользованіе по обычной въ той мѣстности наемной и арендной платѣ, освѣщеніе, отопленіе, орудія и сырые матеріалы для переработки по среднимъ заготовительнымъ цѣнамъ. Допускается и болѣе высокая цѣна доставляемыхъ работникамъ орудій и матеріаловъ подъ условіемъ, чтобы она не превышала обычной въ данномъ мѣстѣ цѣны и была установлена предварительнымъ соглашеніемъ».

Фабричные законы дѣйствительны лишь въ томъ случаѣ, когда есть особыя должностныя лица, наблюдающія за ихъ исполненіемъ. Таковы фабричные инспектора. Правильное упорядоченіе фабричной инспекціи предполагаетъ въ лицахъ, которыя занимаютъ эти должности, знакомство съ техникой важнѣйшихъ производствъ и условіями хозяйственнаго быта, полную независимость отъ хозяевъ и работниковъ, достаточное жалованье, позволяющее человѣку исключительно посвятить себя этимъ важнымъ обязанностямъ. Дабы обезпечить ихъ дѣятельности успѣхъ, имъ должно быть предоставлено право во всякое время дня и ночи посѣщать промышленныя заведенія. Въ Англіи положеніе инспекторовъ наиболѣе соотвѣтствуетъ этимъ требованіямъ.

Когда въ Англіи вводились фабричные законы, то промышленники ратовали противъ нихъ доводами, что они, лишая предпринимателей возможности пользоваться самыми дешевыми рабочими силами, увеличатъ издержки производства, удорожатъ товары и сдѣлаютъ Англію неспособной соперничать на всемірномъ рынкѣ съ производителями тѣхъ странъ, которыя не ввели фабричныхъ законовъ. Многіе экономисты (назовемъ, напр., Сеніора) стояли на сторонѣ предпринимателей. Факты показали, что опасенія были напрасны. Сокращеніе работы малолѣтнихъ и взрослыхъ увеличило

ихъ рабочую энергію и повысило производительность труда: хлопчато-бумажная ткань, стоившая въ 1830 году $7^5/_8$ пенсовъ за ярдъ, стоила въ 1860 году $3^1/_2$ пенса. Ограниченіе работы малолѣтнихъ оказало благотворное вліяніе на ихъ здоровье: къ 70-мъ годамъ почти исчезло обычное у фабричныхъ работниковъ въ 30-хъ годахъ искривленіе ногъ, вслѣдствіе ранняго поступленія на фабрику и долгаго однообразнаго труда стоя; вѣсъ тѣла 10-лѣтнихъ дѣтей, работавшихъ на фабрикахъ, составлялъ въ 1835 году 57 англійскихъ фунтовъ, а въ 1874—$62^3/_4$ фунта, т.-е. почти не отставалъ отъ вѣса дѣтей земледѣльческаго класса. Сокращеніе рабочаго дня малолѣтнихъ содѣйствовало также успѣхамъ народнаго образованія. Столь же благопріятныя послѣдствія могутъ быть подмѣчены и въ другихъ странахъ.

Съ 80-хъ годовъ стали все чаще раздаваться голоса въ пользу развитія фабричнаго законодательства путемъ международнаго соглашенія. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ созваніемъ международной конференціи въ Берлинѣ въ началѣ 1890 года. Она не дала практическихъ послѣдствій; но нужно признать правильною мысль о необходимости международнаго соглашенія для дальнѣйшаго развитія фабричныхъ законовъ. Въ Англіи, при изданіи первыхъ фабричныхъ законовъ, слышались мрачныя предсказанія. Они не сбылись: 50 лѣтъ тому назадъ Англія пользовалась такими благопріятными условіями, какихъ не имѣли другія страны Европы: дешевый кредитъ, огромный торговый флотъ, господство англійскаго флага на всѣхъ моряхъ и высокое развитіе техники—вотъ въ чемъ Англія далеко опередила материкъ Европы. Съ тѣхъ поръ многія условія хозяйственной жизни измѣнились къ лучшему и у другихъ народовъ. Введеніе фабричныхъ законовъ имѣло благопріятное вліяніе на здоровье работниковъ; колоніальная политика нѣмцевъ, французовъ и даже итальянцевъ открыла этимъ народамъ новые рынки сбыта; техника, укрѣпляемая профессіональнымъ образованіемъ, сдѣлала такіе успѣхи, что во многихъ отрасляхъ производства преимущества Англіи стали совершенно незначительны, а въ нѣкоторыхъ ее догнали американцы, французы и нѣмцы. Въ развитіи торговаго флота другіе народы сдѣлали также большіе успѣхи. Такимъ образомъ, современный международный рынокъ представляетъ много условій, вслѣдствіе которыхъ даже небольшія перемѣны въ производствѣ могутъ сильно повліять на состояніе въ данной странѣ цѣлой отрасли промышленности. Невыгоды, проистекающія изъ уменьшенія массы труда, не могутъ быть такъ легко, какъ прежде, уравновѣшены для данной страны повышеніемъ его производи-

тельности. Сокращеніе рабочаго дня въ Англіи и Швейцаріи, напр. на 1 часъ можетъ удорожить англійскій и швейцарскій товары только на 2—3 %, но даже и такое относительное увеличеніе цѣны можетъ затруднить англійскимъ производителямъ соперничество съ нѣмцами, французами или американцами. Даже въ странахъ, наиболѣе развившихъ фабричное законодательство, оно служитъ для рабочихъ классовъ еще очень слабой охраной. Его дальнѣйшимъ успѣхамъ будетъ препятствовать боязнь, какъ бы государство, относящееся къ работникамъ наиболѣе благожелательно, не осталось позади, какъ бы оно не потеряло своего положенія на всемірномъ рынкѣ[3]). Международное же соглашеніе упроститъ эту задачу: оно побудитъ страны, отставшія въ развитіи фабричныхъ законовъ, сдѣлать шагъ впередъ, а въ государствахъ, гдѣ уже много сдѣлано въ этомъ отношеніи, поможетъ осуществиться завѣтной мечтѣ рабочихъ классовъ и всѣхъ ихъ искреннихъ друзей— привести трудовой день къ тѣмъ предѣламъ, которые соотвѣтствуютъ требованіямъ гигіены.

6. Заработная плата такъ ничтожна, что изъ нея обыкновенно не могутъ быть сдѣланы сбереженія, которыя были бы достаточны для поддержанія работниковъ во время болѣзни, безработицы, неспособности къ труду и въ старости, которыя могли бы обезпечить ихъ семьи въ случаѣ ихъ преждевременной смерти. Остается одинъ исходъ—обращеніе къ частной или общественной благотворительности. Эти неудобства могутъ быть нѣсколько смягчены *страхованіемъ рабочихъ*. Періодически-правильные платежи, преміи, — взносимые на работника, даютъ ему право получить, при наступленіи того обстоятельства, во имя котораго и было предпринято страхованіе, извѣстную сумму единовременно (похоронныя деньги) или же рядъ послѣдовательныхъ выдачъ (въ болѣзни, безработицѣ, во время неспособности къ труду, за старостью или другими причинами).

Страхованіе рабочихъ выдвигаетъ прежде всего, вопросъ объ источникахъ, откуда должны быть взносимы преміи по страхованію рабочихъ. Такими источниками можетъ быть заработная плата, барышъ предпринимателя и средства государственной казны. Съ перваго взгляда кажется, что заработная плата, въ виду своей незначительности, не можетъ покрывать преміи. Мы считаемъ этотъ вопросъ открытымъ. Невозможность дѣлать изъ заработной платы сбереженія только въ томъ случаѣ стояла бы внѣ спора, если бы былъ уровень, ниже котораго не могутъ опускаться расходы работника и его семьи. Мы показали, что нѣтъ уровня, который устанавливался бы требованіями гигіены; таковымъ

служитъ лишь та величина заработной платы, при которой производство поглощаетъ всѣ рабочія руки и вся запасная рабочая армія привлекается на службу промышленности. Пока плата не опустилась на этотъ уровень, то, какъ бы ни была она низка, какъ бы ни были скудны потребности, которымъ онъ удовлетворяетъ, она можетъ быть уменьшена, и доля, на которую она можетъ быть уменьшена, можетъ служить преміей застрахованіе работника. Расходы работника и его семьи сводятся только къ недостаточному удовлетворенію важнѣйшихъ потребностей, а потому большинство работниковъ добровольно не дѣлаетъ сбереженій изъ своей скудной платы; добровольно они не будутъ вносить и страховую премію. Но разъ государство установляетъ эту обязанность, — доля платы можетъ быть удерживаема въ качествѣ страховой преміи [4]). Покрытіе премій изъ средствъ предпринимателей также не повело бы, какъ думаютъ нѣкоторые писатели, къ переложенію этой тягости въ цѣнѣ товаровъ на всѣхъ потребителей. Нѣтъ необходимой нормы прибыли[5]) и если прибыль, вообще, довольно высока, а страховая премія за рабочихъ ложится на предпринимателей умѣренной тягостью, то, такъ какъ соперничество между производителями побуждаетъ ихъ только въ крайнихъ случахъ повысить цѣну товаровъ — болѣе вѣроятнымъ послѣдствіемъ явилось бы стремленіе предпринимателей переложить на работниковъ часть новаго бремени, другую же часть принять на себя и постепенно уменьшить ее усовершенствованіемъ производства. — То же скажемъ мы и о покрытіи этихъ расходовъ изъ государственной казны. Десятки и сотни милліоновъ, на которые вслѣдствіе этого должны увеличиться государственные расходы, будутъ частями покрыты изъ всѣхъ отраслей народнаго дохода—ренты, прибыли и заработной платы. А потому, можно комбинировать различными способами покрытіе премій изъ этихъ трехъ источниковъ.

Но есть основаніе предпочесть вторые два — взносъ премій изъ прибыли предпріятія съ доплатами изъ государственной казны. Такое покрытіе этого расхода вполнѣ оправдывается съ точки зрѣнія экономической. Не слѣдуетъ забывать, что, удерживая изъ заработной платы 4—5 рублей въ годъ и давая работнику кое-какія крохи на случай болѣзни, старости, безработицы, государство ухудшаетъ и безъ того жалкія условія его жизни въ средніе трудовые годы: на эти 5 рублей онъ могъ бы или немного улучшить свою пищу, или обновить свою убогую домашнюю утварь. Непривлеченіе рабочихъ ко взносу премій можетъ быть оправдано и потому, что не весь расходъ, который понесутъ для этого предприниматели, будетъ возмѣщенъ уменьшеніемъ платы рабочимъ: нельзя, поэтому,

сказать, что работникъ, номинально невзносящій страховой преміи, будетъ въ дѣйствительности нести ее. Освобожденіе работниковъ отъ обязанности уплачивать страховую премію имѣетъ и большое нравственное значеніе. Государство является источникомъ такого общественнаго порядка, при которомъ рабочіе классы занимаютъ ихъ настоящее невыгодное положеніе, а предприниматели извлекаютъ главныя выгоды изъ условій, на которыхъ они могутъ пользоваться наемнымъ трудомъ, а потому справедливо, чтобы обезпеченіе рабочихъ въ формѣ страхованія лежало исключительно на государствѣ и предпринимателяхъ. Такой порядокъ долженъ быть одобренъ и въ политическомъ отношеніи. Недостаточны мелкія улучшенія въ господствующихъ формахъ общежитія. Нужно неустанно и энергически работать надъ преобразованіемъ существующаго порядка въ виду одной конечной великой цѣли,—доставленія: всѣмъ людямъ возможности широко ивсесторонне развивать тѣлесныя и духовныя силы. А расходы государства и предпринимателей на страхованіе рабочихъ способны чаще напоминать о недостаткахъ существующаго порядка и побуждать къ его усовершенствованію. Намъ могутъ сдѣлать еще такое возраженіе,—что подобный порядокъ лишаетъ страхованіе воспитательной силы, которую оно имѣетъ, какъ скоро работники дѣлаютъ сбереженія, оплачивающія преміи. Предупреждая это возраженіе, мы скажемъ, что работники имѣютъ предъ собой очень широкое поле для воспитанія бережливости: таковы союзы рабочихъ. Страхованіе не дѣлаетъ союзовъ рабочихъ излишними. Разнообразіе ихъ цѣлей дѣлаетъ необходимыми и значительныя денежныя средства. Присоединеніе къ союзамъ и участіе въ правильныхъ денежныхъ взносахъ можетъ лучше воспитывать бережливость, нежели покрытіе премій по страхованію, уже потому, что первое добровольно, тогда какъ второе принудительно.

Въ Германіи страхованіе на случай болѣзни упорядочено закономъ 15 іюня 1883 г. Оно распространяется на всѣхъ работниковъ, занятыхъ въ горномъ дѣлѣ, въ ремесленныхъ заведеніяхъ и на фабрикахъ, а также на надсмотрщиковъ (мастеровъ отдѣльныхъ частей въ промышленныхъ предпріятіяхъ), по скольку ихъ заработокъ не превышаетъ $6^2/_3$ марокъ въ день. Каждый долженъ состоять членомъ одной изъ кассъ, которыя по закону раздѣляются на 6 разрядовъ (фабричныя, общинныя, корпоративныя и др.). Начиная отъ 3 дня болѣзни, работникъ получаетъ изъ кассы, въ теченіе 13 недѣль, пособіе, равное половинѣ средней платы, или же помѣщается безвозмездно въ больницу. Каждый дѣлаетъ взносъ, составляющій $1^1/_2$—$2^0/_0$ его платы. Эти взносы уплачиваются хозяевами, которые обязаны покрывать $^1/_3$ изъ собственныхъ средствъ.

Въ 1889 г. было 20,822 кассы и 5,545,000 участниковъ. Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ въ Германіи съ изданіемъ закона 22 іюня 1889 г. Этотъ законъ ввелъ для всѣхъ рабочихъ обязательное страхованіе на случай старости и неспособности къ труду. Согласно съ этимъ закономъ обязательное страхованіе распространяется, начиная отъ 16 лѣтняго возраста, на всѣхъ рабочихъ, служащихъ по найму въ ремесленныхъ и фабричныхъ заведеніяхъ, на домашнюю прислугу, прикащиковъ и мастеровъ съ годовымъ жалованьемъ не выше 2,000 марокъ, а также на лицъ, служащихъ по найму въ торговомъ флотѣ или на судахъ внутренняго плаванія. Общее число лицъ, подлежащихъ страхованію, достигаетъ 12 милліоновъ. Всѣ застрахованные имѣютъ право получать пенсію по неспособности къ труду во всякомъ возрастѣ, если они дѣлали взносы 5 лѣтъ; стариковская пенсія выдается по достиженіи 70 лѣтъ, если человѣкъ платилъ премію въ теченіе 30 лѣтъ. Застрахованные раздѣлены, по размѣрамъ своей платы, на 4 класса: I—плата меньше 350 марокъ въ годъ, II—350 до 550, III—550 до 850 и IV—выше 850 марокъ. Платный годъ опредѣленъ въ 47 недѣль. Они должны дѣлать недѣльные взносы по 14, 20, 24 и 30 пфенниговъ и получаютъ стариковскую пенсію въ размѣрѣ 104.40, 134.60, 162.80 и 191 марки. Преміи уплачиваются въ равныхъ частяхъ работниками и хозяевами, а казна дѣлаетъ приплату въ размѣрѣ 50 марокъ къ каждой выдаваемой пенсіи, какъ въ случаѣ неспособности къ труду, такъ и по старости. Разсчитано, что приплата казны, возрастая ежегодно, составитъ чрезъ 20 лѣтъ уже 63 милліона марокъ въ годъ. Германскій законъ доставляетъ работнику очень малое обезпеченіе: 104 марки для людей, получающихъ низшую плату за трудъ, т.-е. не больше того, что человѣкъ можетъ получить въ старости при сколько-нибудь правильно организованномъ общественномъ призрѣніи.—Въ другихъ государствахъ страхованіе рабочихъ еще мало развито; господствуетъ принципъ свободнаго страхованія.

Дѣлая заключительную оцѣнку всѣмъ указаннымъ мѣропріятіямъ, мы должны признать ихъ въ совокупности весьма существенными средствами для улучшенія быта рабочихъ. Только по недомыслію можно считать эти мѣры достаточными для того, чтобы вполнѣ удовлетворить работника и устранить всѣ темныя стороны современнаго порядка вещей[6]). Даже при широкомъ проведеніи перечисленныхъ мѣръ, государство и общество сдѣлаютъ очень мало сравнительно съ тѣмъ, что желательно. Но безпристрастное изученіе убѣждаетъ, что эти мѣры, разумно и систематически проведенныя, способны замѣтно вліять на судьбы рабочихъ классовъ. Эти

мѣры, сокращая трудъ, охраняютъ тѣлесное здоровье работающихъ. Доставляя досугъ и создавая разнообразные способы къ воспитанію ума, онѣ дѣлаютъ рабочихъ людьми, сознательно относящимися къ своему положенію, пріучаютъ ихъ къ солидарной работѣ во всѣхъ случаяхъ, когда затронуты интересы цѣлаго класса, и отлично подготовляютъ къ широкой общественной дѣятельности. Наконецъ, онѣ помогаютъ работнику въ улучшеніи его матеріальнаго быта. Повторяемъ, нѣтъ необходимой нормы прибыли; значительная ея часть можетъ быть предназначена на возвышеніе заработной платы. Если наука и текущая печать поддерживаютъ въ обществѣ убѣжденіе, что есть необходимая высота прибыли и что заработная плата имѣетъ свой почти неизмѣнный уровень, если экономическое законодательство проникнуто такими же руководящими началами, то капиталисты и предприниматели находятъ отличную точку опоры для своихъ эгоистическихъ стремленій. Но разъ всѣ эти силы настойчиво и непрерывно проводятъ мысль, что прибыль и рента несоразмѣрно велики, а заработная плата ничтожна, что обладатели прибыли и ренты должны дать работнику существованіе болѣе достойное человѣка, то имущіе классы будутъ все болѣе привыкать къ убѣжденію, что огромныя доли общественнаго дохода, которыя они получаютъ, не есть что-либо необходимое, неизмѣнное. Въ нихъ постепенно будетъ воспитываться сознаніе обязанности относительно неимущихъ классовъ, а это будетъ двигать ихъ къ улучшенію общественной жизни.

Мы не указали на важнѣйшее средство — *надѣленіе работниковъ землею.* Если оно совершается не въ тѣхъ ничтожныхъ размѣрахъ, которые позволяетъ работнику имѣть только избу и маленькій огородъ, а даютъ возможность получать отъ надѣла достаточный заработокъ, то положеніе замѣтно упрочивается и измѣняется къ лучшему. Это—важнѣйшая мѣра. Мы подвергнемъ ее въ другомъ мѣстѣ болѣе подробному обсужденію.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ШЕСТОЙ ГЛАВѢ.

1) Мы не даемъ очерка быта рабочихъ классовъ въ западной Европѣ, такъ какъ это повело бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы курса. Мѣсто не позволяетъ намъ коснуться также всѣхъ мѣропріятій, которыми пользуются для улучшенія быта рабочихъ: а потому, указавъ во главѣ о заработной платѣ значеніе, которое имѣетъ участіе рабочихъ въ прибыли предпріятія, мы опускаемъ мѣры, исходящія отъ предпринимателей и частной благотворительности (улучшеніе жилищъ, устройство столовыхъ, яслей и проч.) и ограничиваемся главными мѣрами, которыя принимаютъ государство и рабочіе на началѣ самопомощи. Систематическій обзоръ

всѣхъ мѣропріятій сдѣланъ у Шенберга (*Schönberg.* Handbuch, II), гдѣ можно найдти подробныя указанія и на литературу вопроса.

2) См. *Lange.* Die Arbeiterfrage. Въ огромной литературѣ по рабочему вопросу книга Ланге занимаетъ выдающееся мѣсто глубокимъ изслѣдованіемъ душевнаго настроенія работника въ связи съ его матеріальнымъ бытомъ.

3) Швейцарія имѣетъ лучшее фабричное законодательство; планъ международнаго соглашенія для дальнѣйшаго развитія фабричныхъ законовъ былъ предложенъ швейцарскимъ правительствомъ въ началѣ 1889 года.

4) Нельзя удерживать такую премію, которая давала бы работникамъ достаточное обезпеченіе во всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни. Брентано вычислилъ, что только годовая премія въ 300 марокъ позволяетъ выдавать работнику стариковскую пенсію въ 360 марокъ, пенсіи его вдовѣ и сиротамъ, а также пособія во время безработицы и болѣзни.

5) Въ февралѣ 1893 года товарищество хлопчато-бумажныхъ мануфактуръ Шейблера въ Лодзи сократило рабочій день съ 13 на 12 часовъ и увеличило сдѣльную плату на $^1/_{13}$, что уменьшаетъ прибыль на 100.000 рублей въ годъ.

6) Шенбергъ говоритъ, что страхованіе рабочихъ заставляетъ ихъ бодро смотрѣть на будущее, въ увѣренности, что несчастныя случайности не повергнутъ ихъ семьи въ нищету (*Schönberg.* Handbuch, II, 749). Непростительно говорить такія вещи, если работнику обезпечена на старость пенсія только въ 104 марки и то подъ условіемъ многолѣтняго участія въ страхованіи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Свѣдѣнія о положеніи рабочаго класса въ Россіи.

Литература. Главнымъ пособіемъ для прошлаго вѣка и первой половины настоящаго могутъ служить изслѣдованія *Семевскаго.* Крестьяне въ царств. Имп. Екатерины II. 1881 и Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. 2 т. 1888. Съ положеніемъ сельскихъ рабочихъ за послѣднее время можно ознакомиться изъ земскихъ статистическихъ сборниковъ, посвященныхъ хозяйству частныхъ владѣльцевъ (по Московской, Орловской, Полтавской и другимъ губерніямъ). Значит. матер. сведенъ въ трудѣ *Короленко.* Сельско-хозяйств. и статист. свѣдѣнія по матер., полученн. отъ хозяевъ, вып. V, 1892. Къ вывод. автора нужно относ. очень осторожно. См. *Иванюковъ.* Курсъ. См. также *Чаславскій.* Земледѣльч. отхож. промыслы. Сборн. Госуд. Зн., II. *Фортунатовъ.* Санитарн. услов. сельск. раб. въ Россіи. *Русск. Мысл.* 1886, 11. *Макаренко.* Отхож. и кабальн. рабочіе. *Юр. Вѣст.* 1887, IV. *Герценштейнъ.* Къ вопросу объ отхожихъ промыслахъ. *Русск. Мысль* 1887, IX. Есть полезн. указ. въ книгѣ *Энгельгардта.* Письма изъ деревни.— Для ознакомл. съ бытомъ фабричн. и заводск. рабочихъ см. Отчеты фабричн. инспекторовъ, которые печатались съ 1883 до 86 года. Изданія моск. губ. земства по санит. статист. *Погожевъ.* Кирпично-гончарн производ. Моск. уѣзда 1880. *Его же.* Изслѣд. фабр. завед. Верейск. и Рузск. уу. 1882. *Его же.* Фабричн. бытъ Герм. и Россіи. 1884. *Эрисманъ.* Санит. изслѣд. фабр. завед. Клинскаго уѣзда, 1881 и Москов. у. 1882. *Песковъ.* Санитар. изслѣдов. фабр. по обраб. волокнист. веществъ. 1884. *Святловскій.* Фабричн. рабоч. 1889.

Здѣсь же много указаній на литерат. о санитар. полож. русск. рабочихъ. Далѣе ср. *Исаевъ*. Нѣсколько стран. въ фабр. хронику. *Отеч. Зап.* 1877, IX. *Благовѣщенскій*. На литейн. заводѣ. *Отеч. Зап.* 1873, IV. *Поповъ*. Горнозавод. Уралъ. *От. Зап.*, 1874_1 XII. Наша фабричн. литература. *От. Зап.* 1875. VIII, Рабочее семейство. *От. Зап.*, 1875, XI. *Ядринцевъ*. Нужды и услов. жизни рабоч. насел. Сибири. *От. Зап.* 1876, *XII*. *Ленскій*. Отхож. неземлед. промыслы въ Россіи, *От. Зап.*, 1877, XII. *Янжулъ*. Дѣтск. и женск. фабричн. трудъ. *Его же* Очерки и изслѣдов. *Р-въ*. Наша золотопром. *Вѣст. Евр.* 1880, III. *онъ Ник.* Очерки наш. по реформ. общ. хозяйства. *Слово*, 1880, X. *М. Г.* Спичечныя фабрики. *Слово*, 1880. *Абрамовъ*. Изъ фабрично-завод. міра. *От. Зап.* 1882, III и IV. *Иванюковъ*. Фабричн. бытъ моск. раіона. *Русск. мысль*. 1884, XI. *Погожевъ*. Матер. для разраб. основн. вопрос. фабрич. законод. въ Россіи. *Рус. Мысль*, 1884, XII. *Погожевъ*. Изъ жизни фабрич. люда въ столицѣ. *Русск. Мысль* 1885. V и VI. *Сидоровъ*. Раменск. фабрика. *Юр. Вѣст.*, 1886, III, IV и V. *Лазаревскій*. Ижорск. спичечн. фабрики. *Съв. Вѣстн.*, 1886, XII. *Бирюковичъ*. Рабочіе на сахарн. завод. *Рус. Мысль* 1886, XII. *Щепотьевъ*. Сахар. произв. и національ. трудъ. *Экон. Жур.*, 1886, д. XIX. *Тверитиновъ*. Наша каменноугол. промышленн. *Рус. Мысль*, 1887, V и VII. *Янжулъ*. Фабричн. рабочій въ средн. Россіи и царствѣ Польск. *Вѣст. Европ.* 1888, II. *Никифоровъ*. Какъ живутъ рабочіе въ Волжско-Камск. краѣ. *Съв. Вѣст.*. 1888, IV. *Руссовъ*, Донецкіе углекопы. *Вѣст. Европ.*, 1888, VI. *Дементьевъ*. Связь фабричн. раб. съ земледѣл. *Юр. Вѣстн.*, 1890, XI. *Радцигъ*. Европ. произв. свеклов. сахара. *Экон. Жур.*, 1890, IX—X. *Его же*. Хлопчатобум. пром. Россіи. *Экон. Жур.*, 1891, III—IV. *Святловскій*. Фабр. работа съ санитар. точки зрѣнія. *Съв. Вѣстн.*, 1891 IV. *Семевскій*. Очерки изъ исторіи быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. *Русск. Богат.*, начиная отъ декаб. 1892 Пособ. при ознаком. съ русск. фабричн. законод. мог. служ. *Отчеты* фабр. инспект., а также статьи: *Обнинскій*. Новый зак. объ организ. фабр. надзора. *Юрид. Вѣстн.* 1886, I, II, IV, IV, XI и XII. Фабр. инспекція въ Россіи. *Экон. Жур.*, 1887, IV. *Ярцкій*. Правила фабр. найма раб. *Журн. Гражд. и Угол. Пр.*, 1890, I.

I.

Обширность Россіи и разнообразіе ея частей въ отношеніи климата, почвы, густоты населенія, рынковъ сбыта и путей служатъ причинами различій въ способахъ веденія хозяйства. Укажемъ прежде всего на срединныя черноземныя губерніи. Ихъ отличаютъ: густое населеніе, избытокъ и крайняя дешевизна рабочихъ рукъ. А потому, крупные и средніе хозяева этихъ губерній предпочитаютъ держать очень мало рабочаго скота, скудный запасъ земледѣльческихъ орудій и сдавать землю подъ обработку мѣстнымъ крестьянамъ; заработная плата опредѣляется подесятинно. Простѣйшей формой отношеній между нанимателями и работниками служатъ денежныя ссуды со стороны первыхъ вторымъ еще осенью, когда крестьяне особенно нуждаются въ деньгахъ. Кредитъ обставляется со стороны заемщика обязательствомъ обработать въ пользу владѣльца столько то десятинъ, за опредѣлен-

ную плату, собственнымъ инвентаремъ. Крестьянинъ производитъ всѣ работы: пашетъ, сѣетъ, жнетъ и свозитъ хлѣбъ въ амбары владѣльца. Въ этой полосѣ хозяева имѣютъ мало годовыхъ и даже поденныхъ сельскихъ рабочихъ. Наблюденіе показываетъ, что работы исполняются небрежно и земля отличается очень малой производительностью. Но этотъ способъ потому благо пріятенъ въ бытовомъ отношеніи, что работникъ живетъ въ своей семьѣ и пользуется полной личной свободой.

Въ западной полосѣ—прибалтійскихъ, литовскихъ, привислянскихъ и югозападныхъ губерніяхъ—хозяйство ведется, главнымъ образомъ, при помощи батрацкаго труда. Хозяевамъ принадлежитъ весь живой и мертвый инвентарь; рабочіе нанимаются погодно, по полугодіямъ и поденно. Веденіе батрацкаго хозяйства облегчается тѣмъ, что губерніи этой полосы, при довольно густомъ населеніи, имѣютъ большую массу безземельныхъ и бездомныхъ крестьянъ, поставляющихъ сельскимъ хозяевамъ рабочую силу.

Въ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ губерніяхъ лѣсоводство служитъ для землевладѣльцевъ главнымъ источникомъ доходовъ; сельское хозяйство ведется въ очень скромныхъ размѣрахъ. Со времени освобожденія крестьянъ среднія и крупныя хозяйства этой полосы значительно сократили полеводство. Здѣсь рабочія руки сравнительно дороги, такъ какъ крестьяне занимаются разнообразными неземледѣльческими отхожими промыслами.

Въ южныхъ степныхъ губерніяхъ и на Нижнемъ Поволжьѣ среднie и крупные сельскіе хозяева ощущаютъ большой недостатокъ въ рабочихъ. Таковы, главнымъ образомъ, губерніи: Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, Донская область, Самарская, Саратовская, Оренбургская и Кубанская. Рѣдкое населеніе (на 1 кв. версту 30,1 въ Екатеринославской, 20 въ Таврической, 17,6 въ Самарской, 11,3 въ Донской области, 10,9 въ Ставропольской), не позволяетъ владѣльческимъ хозяйствамъ ни удовлетворить ихъ потребность въ рабочихъ мѣстными силами, ни раздать землю въ аренду, а плодородіе почвы, огромные урожаи въ благопріятное лѣто побуждаютъ обрабатывать очень большія площади земли. Запросъ хозяевъ удовлетворяется пришлыми рабочими изъ черноземныхъ густонаселенныхъ губерній. Число губерній, которыя изъ года въ годъ направляютъ свое населеніе на югъ и востокъ въ поиски за сельско-хозяйственными работами, достигаетъ 20; Нижегородская и Казанская губерніи образуютъ сѣверную границу полосы, населеніе которой правильно, изъ года въ годъ, передвигается въ южныя губерніи для сельскохозяйственныхъ работъ. Движеніе рабочихъ многотысячными мас-

сами представляетъ крайне ненормальное явленіе. Урожаи въ нашихъ южныхъ и юговосточныхъ губерніяхъ не отличаются постоянствомъ. Въ концѣ апрѣля бродячіе работники оставляютъ свои семьи, направляются на югъ и затрачиваютъ на дорогу послѣдніе гроши. Если выпалъ урожайный годъ, то они могутъ найти работу за высокую плату. Но она рѣдко служитъ для работника источникомъ сбереженій на черный день. Жизнь вдали отъ семьи выбиваетъ людей изъ привычной колеи, нерѣдко заставляетъ ихъ предаваться сильному пьянству. Дѣвушки, принимающія участіе въ отхожихъ промыслахъ, часто привыкаютъ къ распутной жизни съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Если лѣто неблагопріятно и засуха уничтожила всѣ разсчеты на урожай, то голодныя массы бродятъ по степямъ, переходятъ съ хутора на хуторъ, нанимаются работать за одни харчи и возвращаются домой, питаясь милостыней. Эти передвиженія рабочихъ приносятъ многомилліонныя потери всему народному хозяйству: какъ бы ни былъ малъ расходъ каждаго, участвующаго въ отхожихъ промыслахъ, онъ является въ народномъ хозяйствѣ мертвымъ грузомъ; его не было бы, если бы весь этотъ людъ могъ отыскать работу вблизи отъ своей осѣдлости. Въ нашей литературѣ неоднократно начертывались планы упорядоченія отхожаго промысла сельскихъ рабочихъ. Не разъ высказывалась мысль, что посредническія конторы, частныя общества и, особенно, земскія управы, могли бы способствовать правильному распредѣленію всѣхъ этихъ рабочихъ между мѣстностями и хозяевами, которые нуждаются въ нихъ.

Всѣмъ извѣстно, что именно въ сельскомъ хозяйствѣ разсчеты часто бываютъ ошибочны: благопріятная весна смѣняется сухимъ и знойнымъ лѣтомъ; поля, обѣщавшія обильный урожай, опустошаются вредными насѣкомыми и т. п. Какъ бы ни была велика прозорливость земскихъ управъ или частныхъ посредническихъ конторъ, какъ бы ни были точны получаемые ими отвѣты, они никогда не вправѣ утверждать, что если въ концѣ апрѣля данная мѣстность нуждается въ 10,000 рабочихъ, то въ половинѣ іюня потребность рабочихъ не упадетъ до 5,000 или не повысится до 15,000. Допустимъ, однако, что данная мѣстность, дѣйствительно, будетъ нуждаться лишь въ такомъ числѣ рабочихъ, какое предусматривается еще съ самаго начала полевыхъ работъ; что объ этомъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе, объявляется по волостнымъ правленіямъ и тѣмъ дѣлается извѣстнымъ для всѣхъ лицъ, желающихъ пойдти на заработокъ. Предположимъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что желаютъ двинуться въ отходъ гораздо больше людей, нежели то число, которое можетъ найти себѣ работу. Какъ быть съ этими

лишними 10, 20, 100 тысячами. Удерживать ихъ силой? Но кого, именно, изъ всей массы идущихъ на заработки? Совѣтовать, чтобы они остались дома? Но на такой совѣтъ они съ полнымъ основаніемъ отвѣтятъ: «мы охотно останемся, если вы пріищете намъ здѣсь работу». Бросить жребій?.. Всѣхъ *лишнихъ* будетъ настойчиво преслѣдовать такая мысль: «если бы мы не пошли, то ушедшіе заработаютъ по 1 рублю въ день; а если мы пойдемъ, то за день больше 60 копѣекъ платить не станутъ; пойдемъ же и заработаемъ по 60 копѣекъ въ день, такъ какъ дома останемся, пожалуй, совсѣмъ безъ хлѣба». И эти лишніе пойдутъ и понизятъ для всей массы рабочую плату или же вовсе не найдутъ занятія.

Предположимъ, однако, что спросъ на рабочихъ согласованъ съ ихъ предложеніемъ. Развѣ можно, при такихъ условіяхъ, считать ежегодное передвиженіе рабочихъ нормальнымъ? Развѣ нормально ставить человѣка въ зависимость отъ заработка, который обѣщаютъ ему за три-девять земель? Развѣ нормальна каждогодная потеря времени для передвиженія за 500, 1,000 верстъ въ поискахъ за работой? Развѣ, наконецъ, нормальны всѣ неудобства и лишенія, которымъ пришлый людъ подвергается на мѣстѣ своей работы? Если опредѣлить всю массу лицъ, отбывающихъ на сельскія работы, только скромною цифрой въ два милліона душъ, а расходъ каждаго на передвиженіе въ оба конца только 15 рублями. то потери народнаго хозяйства опредѣлятся въ 30 милліоновъ рублей деньгами, кромѣ милліоновъ рабочихъ дней, проводимыхъ передвигающимся людомъ въ дорогѣ.

Отхожій промыселъ сельскихъ рабочихъ рѣзко отличенъ отъ всѣхъ иныхъ отхожихъ промысловъ. Каменьщики, плотники, маляры, которыми переполнены селенія Тверской, Ярославской, Костромской и другихъ губерній, имѣютъ своею спеціальностью такіе промыслы, которыми они могутъ заниматься на своей родинѣ въ очень малыхъ размѣрахъ, или же вовсе не могутъ заниматься ими: для плотниковъ еще есть кое-какая работа въ русскихъ деревняхъ (гдѣ почти каждый владѣетъ топоромъ), для каменьщика или маляра часто вовсе нѣтъ работы. Если бы такой каменьщикъ или маляръ покинулъ свою родину и поселился въ деревнѣ же въ любомъ концѣ Россіи, положеніе дѣлъ осталось бы неизмѣннымъ: *внѣ города* онъ не могъ бы извлекать изъ своего промысла сколько-нибудь удовлетворительный заработокъ. Такимъ образомъ, самый характеръ этихъ занятій дѣлаетъ ихъ отхожими промыслами, установляетъ тѣсную, неразрывную связь между городами и этими ремесленниками-поселянами.

Иной принципъ лежитъ въ основаніи промысла тѣхъ крестьянъ,

которые отправляются со своей родины на югъ для земледѣльческихъ работъ. Промыселъ, ради котораго они дѣлаютъ многія сотни и тысячи верстъ, связанъ только съ деревней. Если они ищутъ мѣста для занятія промысломъ вдали отъ своего дома и семьи, то лишь потому, что на родинѣ ихъ надѣлы, по количеству или качеству, не даютъ достаточнаго дохода и даже въ теченіе лѣта не занимаютъ сполна ихъ рабочей силы. Единственно вѣрный и государственный способъ рѣшенія задачи состоитъ въ томъ, чтобы навсегда передвинуть значительную часть всей этой массы сельскихъ рабочихъ въ тѣ мѣстности, куда направляются они посреди лѣта, для земледѣльческаго труда. Рѣшеніе этой задачи относится къ области переселенческой политики.

Свѣдѣнія о платѣ сельскимъ рабочимъ за пятилѣтіе 1883—87 годовъ позволяютъ сдѣлать слѣдующія выводы. Мы имѣемъ minimum годовой платы въ западныхъ и среднихъ губерніяхъ—отъ 30 рублей въ Волынской и 37 въ Гродненской до 50 въ Пермской, Вятской, Уфимской, Витебской и Черниговской. Средне-высокую плату мы находимъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ фабрики, заводы, кустарные и отхожіе промыслы отвлекаютъ отъ земледѣлія много рабочихъ рукъ: средняя годовая плата стоитъ на 75 рубляхъ въ Костромской, Владимірской, Ярославской, Московской, Новгородской, Олонецкой и Эстляндской губерніяхъ. Высшую плату даютъ югъ и юго-востокъ (87 рублей въ Астраханской, 90 въ Донской, 104 въ Таврической). Такую плату получаетъ работникъ на продовольствіи нанимателя; оно стоитъ отъ $33^1/_2$ до 65 рублей въ годъ. Однородную картину даетъ намъ и поденная плата. Во время уборки хлѣбовъ работникъ получаетъ въ бѣлорусскихъ, литовскихъ и нѣкоторыхъ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ (Тамбовская, Пензенская, Казанская) отъ 40 до 50 коп., а въ южныхъ отъ 75—85 (Астраханская, Харьковская, Бессарабская) до 1 руб. —1 25 р. (Донская, Херсонская, Таврическая). Работница получаетъ $^3/_5$—$^3/_4$ платы мужчины. Въ губерніяхъ съ густымъ населеніемъ высшая заработная плата поднимается надъ средней не болѣе, чѣмъ на 5—10%. Въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ поденная плата достигаетъ въ благопріятные годы 2—$2^1/_2$—3 рублей, а въ отдѣльныхъ имѣніяхъ — даже 5 рублей, т.-е. поднимается надъ среднею на 200—300%. Можно установить то общее положеніе, что въ среднихъ губерніяхъ работники заработываютъ сумму, покрывающую 2 раза стоимость его продовольствія, а въ южныхъ — въ $2^1/_2$—3 раза. Такой заработокъ долженъ быть признанъ недостаточнымъ: онъ даетъ возможность мужу-работнику только прокормить семью (по тому разсчету, что продовольствіе жены и дѣ-

тей стоитъ столько же, сколько мужа-работника, а плата равна двойной цѣнѣ продовольствія), но не даетъ остатковъ на покрытіе другихъ потребностей.

II.

Общее число работниковъ, занятыхъ на фабрикахъ, заводахъ и въ рудникахъ, достигаетъ 1.200.000 душъ. Первое мѣсто занимаетъ обработка волокнистыхъ веществъ, въ которой участвуютъ 246.000 мужчинъ, 154.000 женщинъ и 14.500 дѣтей. Съ начала 80-хъ годовъ въ русской литературѣ собрано довольно много свѣдѣній о бытѣ рабочаго класса.

Рабочій день отличается крайнею продолжительностью: преобладаетъ норма въ 12—14 часовъ; рѣдко работа длится 11 и 10 часовъ. Но есть промышленныя заведенія (заводы фарфоровой посуды въ московскомъ фабричномъ округѣ, прядильни хлопка, шерсти и джута въ привислянскомъ), гдѣ рабочій день содержитъ 15 — 16 часовъ; рогожныя мастерскія (въ московскомъ округѣ) и овчинно-шубныя и спичечныя за послѣднюю треть года (въ харьковскомъ) съ рабочимъ днемъ въ 18 часовъ. Рабочій годъ содержитъ въ московскомъ округѣ 285 дней; кромѣ воскресеній, празднуется 27 дней (отъ 21 до 41 на отдѣльныхъ фабрикахъ); въ варшавскомъ округѣ, гдѣ празднуется, кромѣ воскресеній, только 15—20 дней, рабочій годъ содержитъ 292—298 дней. Если принять въ разсчетъ, что на англійскихъ фабрикахъ суббота является только полурабочимъ днемъ, то окажется, что англійскіе фабричные работники имѣютъ больше праздничныхъ дней, нежели русскіе.

Свѣдѣнія о заработной платѣ обнимаютъ только небольшое число промышленныхъ заведеній, а потому и нельзя дѣлать общіе выводы. Въ московскомъ округѣ мѣсячная плата мужчинъ колеблется между 13 и 29 рублями, женщинъ 5—13, дѣтей $3^1/_2$—10. Въ привислянскихъ губерніяхъ мы находимъ плату работниковъ этихъ трехъ разрядовъ въ 9—28 рублей, 7—14 и 3—8; харьковскій округъ даетъ намъ такія величины: 8 — 22, 5 — 9 и 3 — 6. Высшая плата отмѣчена для машиностроительныхъ, гвоздильныхъ, стекольныхъ, водочныхъ заводовъ, а низшая — для сахароваренныхъ, лѣсопильныхъ, шерстопрядильныхъ, фарфоро-фаянсовыхъ. Жилища рабочихъ крайне неудовлетворительны. Изъ 174 заведеній, осмотрѣнныхъ около половины 80-хъ годовъ проф. Янжуломъ въ Московской губерніи, только 38 имѣли для рабочихъ хорошія

жилыя помѣщенія, какъ общія, — казармы, такъ и семейныя — каморки. На 10 фабрикахъ были общія спальни для всѣхъ рабочихъ. При большинствѣ заводовъ и фабрикъ вовсе не было особыхъ жилыхъ помѣщеній. Изслѣдованіе жилищъ въ варшавскомъ округѣ при сахароваренныхъ заводахъ обнаружило, что на 1 комнату приходятся 5 — 8 душъ, ча другихъ же заведеніяхъ — 3 до 6 жильцовъ. Въ жилыхъ помѣщеніяхъ при многихъ сахароваренныхъ заводахъ Сумскаго уѣзда Харьковской губерніи на душу приходится 0,94 куб. саж. воздуха (0,50 — 1,63), а во многихъ казармахъ (гдѣ помѣщаются безсемейные) при многихъ фабрикахъ Владимірской и Нижегородской губерній на жильца приходится только $^1/_3$ — $^1/_{10}$ куб. саж. воздуха. Согласно же съ требованіями гигіены должно быть до 2 сажень. Вычисленіе бюджета расходовъ семьи работника для сахароваренныхъ заводовъ привислянскихъ губерній дало такіе результаты. Семья состоитъ изъ 4 душъ и, имѣя готовую квартиру и отопленіе, расходуетъ 243 р. 15 к. При такой затратѣ она можетъ расходовать молока на 21 к. въ недѣлю, мяса—$3^1/_2$ фунта, водки—на 20 коп. Семья находится въ благопріятныхъ условіяхъ и по размѣрамъ заработка, и по не большому числу дѣтей. Другая семья, имѣющая почти средній заработокъ, состоитъ изъ 6 душъ (отецъ, мать и 4 малолѣтнихъ), т.-е. въ условіяхъ, гораздо болѣе тягостныхъ. Расходуя, при готовой квартирѣ и отопленіи, только $198^3/_4$ рублей въ годъ, она можетъ покупать еженедѣльно 2 ф. мяса и 1 ф. сала, а водку 2 раза въ годъ, всего на 40 копѣекъ. Низкая заработная плата теряетъ значительную часть своей покупательной силы, вслѣдствіе большой распространенности фабричныхъ лавокъ и высокихъ цѣнъ, по которымъ рабочій пріобрѣтаетъ въ нихъ предметы потребленія. Въ отчетѣ фабричнаго инспектора московскаго округа мы находимъ сопоставленіе цѣнъ въ лавкахъ мелочныхъ торговцевъ и харчевыхъ лавкахъ при фабрикахъ: послѣднія продаютъ товары на 20—30—40% дороже, чѣмъ первыя. На основаніи новѣйшихъ изслѣдованій о заработной платѣ, произведенныхъ по порученію конгресса Соединенныхъ Штатовъ, годовой доходъ семьи работника составляетъ: 3920 франковъ въ Соединенныхъ Штатахъ, 2599 въ Англіи, 2323 во Франціи, 1796 въ Бельгіи и 1411 въ Германіи. Если опредѣлить для Россіи годовой доходъ семьи работника даже очень высокою цифрою—въ 250 рублей и, держась высокаго вексельнаго курса, приравнять рубль тремъ франкамъ, то окажется, что заработная плата въ Россіи (750 франковъ) въ 5 разъ меньше американской, въ $3^1/_2$ раза меньше англійской, въ 3 раза ниже французской. Цѣна главныхъ предметовъ потребленія въ Россіи нѣ-

сколько ниже, чѣмъ въ западной Европѣ и Америкѣ (въ Англіи главные съѣстные припасы на 30—70% дороже, чѣмъ въ Россіи, а въ Америкѣ — или стоятъ въ одной цѣнѣ съ русскими или дороже нашихъ только на 25—35%); но, все-таки, различіе въ вознагражденіи за трудъ чрезмѣрно велико. Благосостояніе американскаго работника особенно рѣзко бросается въ глаза, если мы противопоставимъ свѣдѣніямъ о жилищахъ нашихъ фабричныхъ работниковъ тотъ фактъ, что въ сѣверной Америкѣ типичнымъ жилищемъ семьи работника считается квартира о 4 — 5 комнатахъ.

Скудное матеріальное обезпеченіе идетъ рука объ руку съ недостаточнымъ развитіемъ грамотности среди фабричныхъ рабочихъ. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ содержатъ для половины 80-хъ годовъ такія свѣдѣнія о грамотности фабричнаго населенія; среди малолѣтнихъ рабочихъ грамотные составляли %: въ петербургскомъ фабричномъ округѣ 80,45, владимірскомъ—46,3, кіевскомъ —33,5, казанскомъ—26,7 виленскомъ—22,28, харьковскомъ—19,4, воронежскомъ—16. На привислянскихъ фабрикахъ грамотные составляютъ 45% работниковъ, на лучшихъ московскихъ — 31%. Развитію начальнаго образованія обстоятельства неблагопріятны даже и на тѣхъ фабрикахъ, при которыхъ есть хорошо устроенныя школы. Въ школѣ при одной обширной московской фабрикѣ обучалось въ 1884 году 145 дѣтей; изъ нихъ только 10 были рабочими на той же фабрикѣ; остальные были совершенно сторонніе лица. Въ другой фабричной школѣ учились дѣти преимущественно сосѣднихъ лавочниковъ и мѣщанъ. При одномъ химическомъ заводѣ въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи есть обширная школа, на содержаніе которой владѣльцы завода не жалѣютъ денегъ; однако, изъ 205 учениковъ и ученицъ только 5 работаютъ на заводѣ. Столь незначительная посѣщаемость фабричныхъ школъ дѣтьми, работающими на тѣхъ же фабрикахъ, объясняется долгимъ рабочимъ днемъ, который поглощаетъ всѣ силы малолѣтнихъ и не даетъ имъ ни времени, ни охоты посѣщать начальную школу. Отчетъ по московскому фабричному округу за 1882—83 годъ выдвигаетъ на видъ то обстоятельство, что малолѣтніе рабочіе даже тѣхъ фабрикъ, гдѣ хозяева даютъ полную возможность ежедневно оставлять работу на нѣсколько часовъ и посѣщать школу, почти никогда не оканчиваютъ курса. На сотни учащихся фабричныхъ дѣтей едва 3—4 оканчиваютъ курсъ. Недостаточные успѣхи начальнаго образованія среди фабричныхъ дѣтей должны быть приписаны, главнымъ образомъ, продолжительности фабричной работы.

Наше законодательство содержитъ рядъ положеній о фабричныхъ и заводскихъ работникахъ. Въ положеніи *о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы* (3-го іюня 1886 года) воспрещается производить расплату съ рабочими, вмѣсто денегъ, купонами, условными знаками, хлѣбомъ, товаромъ; воспрещается взимать съ рабочихъ плату за врачебную помощь, освѣщеніе мастерскихъ, пользованіе орудіями производства при работахъ для фабрики. Фабричное законодательство въ тѣсномъ смыслѣ ведетъ начало отъ закона 1-го іюня 1882 года о малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ; этотъ законъ воспрещаетъ принимать для фабричной работы дѣтей, не достигшихъ 12 лѣтъ. Дѣти отъ 12 до 15 лѣтъ не должны работать больше 8 часовъ въ сутки, кромѣ времени на завтракъ, обѣдъ, посѣщеніе школы; рабочій день лежитъ между 5 часамъ утра и 9—вечера. Этотъ законъ запретилъ работу малолѣтнимъ въ праздничные и высокоторжественные дни. На высшую администрацію было возложено составленіе списка производствъ, вредныхъ для здоровья, съ запрещеніемъ допускать малолѣтнихъ къ этимъ производствамъ (таковыхъ насчитывается до 40). Законъ обязалъ хозяевъ фабрикъ и заводовъ тѣмъ изъ малолѣтнихъ работниковъ, которые не имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи курса, по крайней мѣрѣ, въ одноклассномъ народномъ училищѣ, предоставлять возможность посѣщать училище не менѣе 3 часовъ въ день. Законъ 12-го іюня 1884 года о школьномъ обученіи малолѣтнихъ намѣчаетъ типы училищъ, которыя могутъ быть открываемы, и указываетъ источники, откуда могли бы быть доставляемы средства на открытіе этихъ училищъ. Законъ 3-го іюня 1885 года, въ видѣ опыта, воспретилъ на 3 года женщинамъ и подросткамъ, не достигшимъ 17-лѣтняго возраста, ночную работу на хлопчатобумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ. А законъ 24-го апрѣля 1890 года подтвердилъ это запрещеніе, сдѣлалъ изъ него много изъятій, а также внесъ перемѣны въ порядокъ работы малолѣтнихъ. Для надзора за исполненіемъ фабричныхъ законовъ установленъ (1-го іюня 1882) фабричный инспекторатъ. Европейская Россія раздѣлена на 9 фабричныхъ округовъ: петербургскій, московскій, владимірскій, казанскій, воронежскій, харьковскій, кіевскій, виленскій и варшавскій. Каждымъ округомъ завѣдуютъ фабричный инспекторъ и состоящій при немъ помощникъ; первый обязанъ жить въ главномъ городѣ округа, а второй—въ другомъ городѣ того же округа (напр., инспекторъ петербургскаго округа живетъ въ Петербургѣ, а его помощникъ — въ Ригѣ). Во главѣ всей инспекціи стоитъ главный фабричный инспекторъ. Всѣ эти должностныя лица под-

чинены министерству финансовъ по департаменту мануфактуръ и торговли. Инспекторамъ и ихъ помощникамъ вмѣнено въ обязанность осматривать фабрики и заводы, особенно, тѣ, въ которыхъ работаютъ малолѣтніе; имѣя право производить осмотръ во всякое время дня и ночи, чины инспекціи обращаются къ содѣйствію полиціи, если встрѣчаютъ препятствіе со стороны фабрикантовъ или ихъ управляющихъ. При осмотрѣ, они должны провѣрить возрастъ малолѣтнихъ рабочихъ, выяснить, не оказываетъ ли данное производство вреднаго вліянія на ихъ здоровье. Въ случаѣ нарушенія закона со стороны хозяевъ, чины инспекціи обязаны привлекать ихъ къ судебной отвѣтственности. Фабричные инспектора обязаны также посѣщать школы, учрежденныя или приспособленныя для малолѣтнихъ рабочихъ. Не вмѣшиваясь въ преподаваніе, они должны доводить о замѣченныхъ недостаткахъ до свѣдѣнія учебнаго начальства.—Губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія, имѣя своимъ предсѣдателемъ губернатора, а членами—представителей разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ, обязаны издавать постановленія о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работы, рѣшать дѣла о нѣкоторыхъ нарушеніяхъ закона со стороны хозяевъ, разсматривать жалобы на распоряженіе чиновъ фабричной инспекціи и отмѣнять эти распоряженія, когда того требуютъ обстоятельства дѣла.

Положивъ начало охранѣ фабричныхъ работниковъ, наше законодательство сдѣлало значительный шагъ впередъ. Но сравненіе русскихъ фабричныхъ законовъ съ западно-европейскими показываетъ, что намъ нужно еще очень много, дабы достигнуть уровня, на которомъ стоятъ государства западной Европы. Рабочій день мужчинъ вовсе не подвергается ограниченію со стороны закона; нѣтъ извѣстныхъ фабричнымъ законамъ многихъ европейскихъ народовъ предписаній, охраняющихъ женщинъ въ послѣднія недѣли беременности и первыя—послѣ родовъ. Запрещеніе ночного труда женщинъ и подростковъ ограничивается только немногими производствами. Въ западной Европѣ фабричное законодательство даетъ намъ картину непрерывнаго движенія впередъ. У насъ же законъ 24 апрѣля 1890 года установилъ для женщинъ, подростковъ и малолѣтнихъ менѣе благопріятныя условія, нежели тѣ, которыя были созданы закономъ 1882 и 85 годовъ. Мы относимъ сюда многочисленныя изъятія изъ запрещенія ночного труда женщинъ и подростковъ. Законъ 24 апрѣля разрѣшаетъ этимъ лицамъ ночную работу въ «особо уважительныхъ случаяхъ». Такими «особо уважительными» случаями, когда присутствія по фабричнымъ дѣламъ, а тамъ гдѣ ихъ нѣтъ,

губернаторы могутъ разрѣшать женщинамъ и подросткамъ ночную работу, служатъ: продолжительная, вызванная несчастіемъ, остановка работъ на фабрикѣ и усиленное поступленіе заказовъ передъ ярмарками; ночная работа разрѣшается этимъ лицамъ и тогда, когда женщины и подростки работаютъ ночью совмѣстно съ главами своихъ семей. Установленныя изъятія даютъ такой широкій просторъ для занятія женщинъ и подростковъ, что только небольшая часть ихъ будетъ находиться въ условіяхъ, когда, согласно съ буквой закона, имъ не можетъ быть разрѣшена ночная работа. Въ значительныхъ фабричныхъ центрахъ жены и дочери обыкновенно работаютъ совмѣстно съ главами семей; изъятіе, подъ предлогомъ усиленныхъ заказовъ, можетъ распространяться на большую часть года: если фабрика производитъ товары для нижегородской ярмарки и самыхъ большихъ южно-русскихъ ярмарокъ, то время усиленныхъ заказовъ можетъ наступать 6—8 разъ въ году, и ночная работа будетъ разрѣшаема съ небольшими перерывами въ теченіе почти цѣлаго года. Отмѣтимъ также неблагопріятное измѣненіе, которое вводитъ новый законъ для тѣхъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ примѣняется непрерывная 18-ти часовая дневная работа двумя смѣнами: въ такихъ заведеніяхъ малолѣтніе могутъ быть занимаемы работою уже не 8 часовъ въ сутки, какъ по закону 1882 г., а 9 часовъ, а ночное время для подростковъ и женщинъ исчисляется не отъ 9 час. и до 5 утра, какъ ранѣе, а отъ 10 до 4 утра. Такимъ образомъ, дозволенный рабочій день удлиняется на 1 часъ для малолѣтнихъ и на 2 часа для женщинъ и подростковъ.

Слѣдуетъ указать и на другой пробѣлъ въ законѣ — необезпеченность обученія малолѣтнихъ рабочихъ. Хотя на фабричныхъ инспекторовъ возлагается наблюденіе за преподаваніемъ въ школахъ, которыя предназначены для фабричныхъ дѣтей, хотя этому предмету посвящено особое положеніе, однако, не созданы нормы, которыя обезпечивали бы успѣхъ дѣла. Обезпеченіемъ было бы повсемѣстное открытіе школъ для фабричныхъ дѣтей. Но законъ не вмѣняетъ этого въ обязанность хозяевамъ фабрикъ: онъ только «предоставляетъ имъ открывать» школы. Если при фабрикѣ нѣтъ школы, то фабричная инспекція входитъ въ соглашеніе съ мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ относительно того, чтобы въ ближайшихъ народныхъ училищахъ преподаваніе было приспособлено для фабричныхъ дѣтей (главнымъ образомъ, относительно времени классныхъ занятій). Если нельзя достигнуть соглашенія, то фабричная инспекція должна приглашать мѣстное учебное начальство устроивать для фабричныхъ дѣтей особыя школы и для этой цѣли входить въ

сношеніе «съ земствами, городскими или сельскими обществами, церковно-приходскими попечительствами и тѣми частными лицами, отъ которыхъ возможно ожидать содѣйствіи дѣлу начальнаго образованія». Статьи закона перечисляютъ лица и учрежденія, къ которымъ инспекція и мѣстное учебное начальство должны обращаться съ ходатайствами объ устройствѣ для фабричныхъ дѣтей новыхъ школъ или о приспособленіи существующихъ; но законъ никому не вмѣняетъ въ обязанность устроивать школы этого рода. Много пожеланій, но нѣтъ ни одного предписанія.—Наши фабричные законы имѣютъ и ту слабую сторону, что крайне ограничено число лицъ фабричной инспекціи: 18 на всю Европейскую Россію. Припомнимъ наши огромныя разстоянія, наше бездорожье,—и мы скажемъ, что чинъ фабричной инспекціи, имѣя въ своемъ вѣдѣніи до 1500 промышленныхъ заведеній, можетъ побывать въ каждомъ, среднимъ числомъ, 1 разъ въ 3—4 года. Законъ 24 апрѣля 1890 года предписываетъ распространить дѣйст вія правилъ о работѣ и обученіи малолѣтнихъ также и на ремесленныя заведенія, въ которыхъ будетъ признано полезнымъ примѣненіе этихъ правилъ. Это постановленіе закона остается мертвою буквой уже потому, что личный составъ фабричной инспекціи не пополняется, и фабричные инспектора не успѣваютъ внимательно присматриваться даже къ тому, что́ происходитъ въ сферѣ крупнаго производства.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОБМѢНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Цѣнность.

Пособія. *Смитъ.* О богат. нар. *Рикардо.* Основ. *Милль.* Основ. *De Quincey.* Logic of political economy. 1863. *Марксъ.* Капиталъ, I. *Шторхъ.* Курсъ политической экономіи. I, 1881, *Say.* Cours complet d'èconomie polit. pratique. *B Hildebrand.* Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft, 1848. *Knies.* Lehre v. Werth. *Menger.* Grundsätze. *Macleod.* Principles of economical philosophy. 1872. *Bastiat.* Harm. ėcon. *Rössler.* Theor. d. Werthes. *Walras.* Elem. d'écon. polit. 2 изд. 1889. *Böhm Bawerk.* Kapital u· Kapitalzins, II. *Wieser.* Der natürliche Werth 1889. *Зиберъ.* Теорія цѣнности и капитала Рикардо. 1871. *Коссовскій.* Теорія денежнаго обращенія. 1883. *Lehr.* Werth, Grenzwerth u. Preis. Jahrbüch. f. Nationalökon. B. XIX. *Auspitz* u. *Lieben.* Untersuch. über die Theorie des Preises. 1889.

Современное общество, основанное на раздѣленіи труда, распадается на множество самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ. Оно не могло бы существовать, еслибы между отдѣльными производителями не было связи, выражающейся въ обмѣнѣ. Каждый членъ хозяйственной среды сосредоточивается на одномъ какомъ-либо занятіи; онъ предназначаетъ для другихъ лицъ продукты своего труда и взамѣнъ получаетъ отъ другихъ производителей тѣ предметы, которыхъ самъ не производитъ, но въ которыхъ имѣетъ нужду. При господствѣ натуральнаго хозяйства, когда всѣ потребности человѣка и семьи удовлетворялись ихъ собственнымъ трудомъ, въ обмѣнѣ не было надобности; иначе при господствѣ раздѣленія труда, когда большинство производителей изготовляетъ продукты не для личнаго потребленія, а съ цѣлью обмѣна. Предметомъ обмѣна является *товаръ*. Подъ товарами разумѣются блага, которыя производятся не для личнаго потребленія, а для

потребленія другихъ хозяйствъ. Процессъ перехода товаровъ изъ рукъ производителей въ руки другихъ лицъ называется обращеніемъ товаровъ.

Мы поймемъ механизмъ обращенія товаровъ, если поближе ознакомимся съ вопросомъ о цѣнности. Раздѣленіе труда и обмѣнъ позволяютъ обществу существовать только подъ условіемъ, чтобы продукты обмѣнивались въ извѣстномъ отношеніи: иначе хозяйственная жизнь до крайности затруднится и сдѣлается даже невозможною. Возьмемъ, напр., столяра, портного, кузнеца; каждый изъ нихъ обмѣниваетъ свои товары на продукты другихъ производителей въ извѣстной пропорціи. Дабы товары могли обмѣниваться одинъ на другой, они должны имѣть способность обмѣниваться, т. е. цѣнность. Эта способность есть слѣдствіе возможности сравненія однихъ товаровъ съ другими; а возможность сравненія основывается на такихъ свойствахъ, которыя общи всѣмъ товарамъ. Напрасно было бы искать этого свойства въ химическихъ и физическихъ свойствахъ вещей. На рынкѣ обращаются хлѣбъ,п олотно, кожа, желѣзо и другіе предметы, которые, по своимъ химическимъ и физическимъ свойствамъ, до того различны, что въ высшей степени трудно и часто даже невозможно опредѣлить общее между ними, т.-е. точку опоры, которая позволила бы сравнивать ихъ между собою. Нельзя приводить ихъ къ установившимся въ гражданскомъ обществѣ единицамъ измѣренія: единицы для измѣренія разныхъ классовъ, въ связи съ ихъ физическими свойствами—вѣскіе, сыпучіе, жидкіе—различны; и внутри класса съ одной и той же единицей послѣдняя не даетъ намъ точки опоры: навозъ, желѣзо, индиго, золото измѣряются пудами, но никогда, при обмѣнѣ, за одинъ пудъ желѣза не дадутъ одного пуда золота.

Но всѣ товары имѣютъ два общихъ свойства. 1) Всѣ они имѣютъ полезность, удовлетворяютъ разнообразныя потребности человѣка; нѣтъ предмета, который, не обладая этимъ свойствомъ, участвовалъ бы въ обмѣнѣ. 2) Всѣ они созданы трудомъ. Каждый товаръ, для доставленія его на рынокъ, требуетъ затраты человѣческихъ силъ; каждый товаръ является воплощеніемъ человѣческаго труда. Эти два свойства даютъ возможность сравнивать разнообразныя блага. Къ какому же изъ указанныхъ знаменателей могутъ быть сведены всѣ товары—полезности или труду; на чемъ можетъ быть основано то количественное отношеніе, въ которомъ они обмѣниваются, на чемъ основывается цѣнность товаровъ?

Въ политической экономіи мы находимъ различные способы рѣшенія этого вопроса. Онъ уже давно занимаетъ умы; однако, и

до сихъ поръ не всѣ писатели согласны относительно способовъ его рѣшенія.

Прежде, чѣмъ разсматривать теорію цѣнности, нужно сдѣлать замѣчаніе о характерѣ пріемовъ, необходимыхъ для научнаго изслѣдованія вопроса. Общественная жизнь представляетъ чрезвычайное разнообразіе: отдѣльные факты одного и того же порядка никогда не тожественны; не тожественны и отношенія между сходными явленіями. Для того, чтобы, при всемъ разнообразіи единичныхъ фактовъ возможно было сдѣлать обобщеніе и построить теорію, необходимо изучить средній фактъ—типичный, обладающій тѣми свойствами, при которыхъ въ наибольшемъ числѣ случаевъ происходитъ явленіе даннаго порядка. Только связавъ явленіе съ самыми общими, дѣйствующими на него причинами, мы имѣемъ право отмѣчать отклоненія отъ указаннаго типа, происходящія отъ причинъ индивидуальныхъ. Сошлемся для примѣра на установленное положеніе, что каждый товаръ стоитъ извѣстнаго количества труда. Не противорѣчитъ ли этому фактъ, что жемчужина рѣдкой красоты, выброшенная на берегъ морскими волнами, не *стоющая людямъ труда*, есть товаръ и имѣетъ высокую цѣнность? Здѣсь нѣтъ противорѣчія: въ тысячахъ сдѣлокъ по куплѣ и продажѣ жемчужинъ, онѣ стоютъ большаго труда, а въ указанномъ нами случаѣ дѣйствуютъ индивидуальныя причины. Нашъ пріемъ станетъ научнымъ только въ томъ случаѣ, если мы будемъ исходить отъ средней сдѣлки по обращенію жемчужинъ и, изучивъ ее, укажемъ отклоненія, объяснимъ, почему иногда предметъ имѣетъ цѣнность, хотя и не стоитъ труда своему владѣльцу.

Есть нѣсколько теорій цѣнности.

1) Представителями первой теоріи являются нѣмецко-русскій экономистъ Шторхъ и французскій Сей. Оба стараются обосновать цѣнность на полезности предметовъ. Шторхъ говоритъ, что цѣнность есть признанная человѣкомъ полезность вещей; источникомъ цѣнности служитъ признаніе этой полезности. Мало такихъ предметовъ, говоритъ онъ, которые всегда признаются полезными, а слѣдовательно, имѣющими цѣнность, ибо нравы, обычаи и вкусы людей измѣняются. Цѣнность бываетъ *прямая* и *непрямая*. Прямая цѣнность есть признанная человѣкомъ за извѣстными предметами способность удовлетворять тѣ или другія потребности, непрямая же—способность предмета поступать въ обмѣнъ. Послѣдняя всегда пропорціональна первой. — Такимъ образомъ, по Шторху, цѣнность предмета измѣряется полезностью того предмета, который человѣкъ пріобрѣтаетъ въ обмѣнъ за первый. Если, наприм., хлѣбъ мѣняется на желѣзо, то, по мнѣнію Шторха, цѣнность

желѣза измѣряется полезностью хлѣба. Цѣнность, слѣдовательно, зависитъ не отъ продавца, а отъ покупателя, ибо онъ оцѣниваетъ полезность пріобрѣтеннаго предмета. Два дикаря мѣняютъ дичь на стрѣлы; цѣнность поступающей въ обмѣнъ дичи измѣряется полезностью стрѣлъ, которыя пріобрѣтаетъ владѣлецъ дичи. Какъ бы чувствуя шаткость своего основанія, Шторхъ вводитъ въ ученіе о цѣнности также понятіе объ издержкахъ производства: они, говоритъ онъ, опредѣляютъ крайнюю низшую цѣнность предмета; этимъ онъ даетъ и труду мѣсто въ обоснованіи цѣнности. Теорія, основывающая цѣнность товаровъ на ихъ полезности, не получила у Шторха своего полнаго выраженія. Сэй гораздо болѣе послѣдователенъ. Онъ признаетъ цѣнность только за хозяйственными благами, за тѣми, которыя стоютъ человѣку труда. Цѣнность продукта, говоритъ онъ, не основывается на цѣнности производящихъ его услугъ (труда); напротивъ, она основывается на томъ свойствѣ предмета, которое дѣлаетъ его способнымъ удовлетворять потребности человѣка, т.-е. на полезности. Данный столъ, домъ, хлѣбъ, разсуждаетъ Сэй, стоютъ такого-то количества франковъ: сумма франковъ, уплачиваемая за столъ, домъ, хлѣбъ и служитъ показателемъ полезности этихъ предметовъ; если, напр., домъ стоитъ 1000 франковъ, то 1000 франковъ и выражаютъ степень его по лезности, его способности удовлетворять извѣстную нужду человѣка. Извѣстная цѣнность признается за домомъ только вслѣдствіе этого, а не по тому, что-бы производство его стоило большаго количества труда. «Люди придаютъ цѣну вещамъ, которыя могутъ служить для ихъ потребностей; только вслѣдствіе этого качества вещей они рѣшаются на какое-либо пожертвованіе для ихъ пріобрѣтенія, ибо никто не даетъ ничего за вещь, которая не нужна ему» [1]).

Шторхъ и Сэй, скажемъ мы, оцѣнивая это ученіе, подчиняютъ цѣнность чисто субъективному началу. Каждый, въ зависимости не только отъ своихъ національныхъ особенностей, но и личныхъ качествъ, признаетъ за даннымъ предметомъ бо́льшую или меньшую важность. Трудно найдти даже двухъ лицъ, которыя согласились бы, что данный предметъ для нихъ одинаково пригоденъ. Такимъ образомъ, понятіе о полезности неустойчиво, и научная теорія цѣнности не можетъ быть основана на немъ.

2. Теорія Шторха и Сэя получила иную формулировку и иное основаніе въ трудахъ двухъ нѣмецкихъ экономистовъ: Бруно Гильдебранда и Книса. Они также основываютъ цѣнность на полезности, но дѣлаютъ это иначе. Полезность благъ измѣряется, по ихъ мнѣнію, во-первыхъ, напряженностью потребности, которую они удовлетворяютъ, и во-вторыхъ, степенью ихъ полезности.

Относительно перваго пункта могутъ быть классифицированы потребности, относительно же второго—самыя блага. И та, и другая классификаціи могутъ быть изображены въ слѣдующихъ таблицахъ.

А. Потребности по степени ихъ важности.	Б. Блага, удовлетворяющія эти потребности.
1. Въ пищѣ.	Предметы пищи.
2. Въ одеждѣ.	» одежды.
3. Въ жилищѣ.	» жилища.
4. Культурныя потребности.	» культурн. потребн.
. . . . .	. . . . .
Прихоти.	Предметы роскоши.

Въ первомъ ряду мы имѣемъ потребности, размѣщенныя по степени ихъ важности для человѣка. Четыре первыя потребности должны быть признаны наиболѣе существенными. Каждой потребности соотвѣтствуютъ извѣстныя блага; они тѣмъ выше, чѣмъ важнѣе для человѣка потребности, которыя они удовлетворяютъ. Первое мѣсто въ ряду благъ занимаютъ предметы пищи, второе—одежда, третье—жилище и т. д.

Классифицируемъ же предметы по ихъ полезности.

А. Предметы пищи:	Б. Виды топлива.
1. Пшеница.	1. Дрова березовыя.
2. Рожь.	2. » сосновыя.
3. Ячмень.	3. » еловыя.

Такимъ образомъ, одна и таже потребность удовлетворяется различными благами: одни изъ нихъ удовлетворяютъ въ большей степени, чѣмъ другія. Вотъ почему Книсъ и говоритъ, что блага должны быть раздѣлены на разряды соотвѣтственно съ родами потребностей, которымъ они служатъ, а каждый родъ на виды по степени годности для удовлетворенія опредѣленной потребности. Отсюда онъ выводитъ слѣдующее положеніе относительно цѣнности благъ: чѣмъ болѣе велика полезность блага, тѣмъ болѣе велика его цѣнность. Если потребность пищи занимаетъ первое мѣсто, то и блага, удовлетворяющія эту потребность, имѣютъ бо̀льшую полезность, а слѣдовательно, и цѣнность. Но, говоритъ Книсъ, было бы ошибочно заключать, будто одинъ фунтъ хлѣба имѣетъ бо̀льшую цѣнность, чѣмъ одинъ фунтъ золота. При опредѣленіи цѣнности блага, нужно имѣть въ виду не *одного человѣка, а весь народъ, какъ одно цѣлое.* Въ этомъ цѣломъ есть потребности, присущія всѣмъ; частію онѣ зависятъ отъ физіологическихъ законовъ существованія,

частію же выработались вѣковой культурой, обратились въ необходимыя. Въ средѣ этого цѣлаго есть опредѣленныя группы, которыя выработали утонченныя потребности, присущія только имъ однимъ Вслѣдствіе этого всѣ потребности разбиваются на двѣ группы: первую составляютъ тѣ, которыя имѣютъ всѣ члены общества, а вторую— тѣ потребности, которыя охватываютъ только извѣстныя группы населенія. Первыя потребности наиболѣе существенны, а потому соотвѣтствующія имъ блага наиболѣе полезны и запасъ этихъ благъ, по цѣнности, превосходитъ цѣнность запаса благъ, удовлетворяющихъ потребности менѣе полезныя. Если, говоритъ Книсъ, на это возразятъ, что одинъ фунтъ желѣза стоитъ менѣе, чѣмъ одинъ фунтъ золота, то мы скажемъ, что при такомъ возраженіи упускаютъ изъ вида потребность всего народа, какъ одного цѣлаго. Если народъ имѣетъ 10 милліоновъ пудовъ хлѣба и 10 пудовъ кружевъ, то одинъ пудъ хлѣба удовлетворяетъ $\frac{1}{10,000,000}$ потребности народа, а одинъ пудъ кружевъ $= \frac{1}{10}$; равныя доли всего запаса удовлетворяютъ неравныя суммы потребностей, имѣющихъ неравную полезность и цѣнность. Но, сравнивая запасы разнообразныхъ благъ, которыми обладаетъ народъ, мы видимъ, что наибольшую массу цѣнностей представляютъ тѣ, которыя удовлетворяютъ наиболѣе важныя потребности—пищи, одежды..., т. е. которыя наиболѣе полезны. Запасы же тѣхъ благъ, которыя служатъ потребностямъ немногочисленныхъ группъ населенія, имѣютъ сравнительно небольшую цѣнность. Книсъ старается пояснить свою мысль ссылкою на общеизвѣстный примѣръ,—что человѣкъ, при уменьшеніи его имущественныхъ средствъ, постепенно отказывается отъ потребностей, наименѣе существенныхъ, отъ роскоши, комфорта; въ случаѣ крайности человѣкъ готовъ платить груды золота за фунтъ хлѣба, такъ что, *чѣмъ болѣе предметъ полезенъ, тѣмъ онъ и болѣе цѣненъ*. Обратившись къ сравненію отдѣльныхъ видовъ благъ, мы увидимъ полное подтвержденіе установленнаго закона: березовыя дрова настолько же превосходятъ по цѣнности осиновыя, на-сколько даютъ больше теплорода, т.-е. насколько болѣе полезны; то же можно вывести изъ сравненія пшеничнаго хлѣба со ржанымъ и т. д. Соотвѣтствіе между полезностью и цѣнностью становится тѣмъ болѣе полнымъ, чѣмъ далѣе идетъ человѣчество въ познаніи природы. Книсъ находитъ, вопреки большинству экономистовъ, что полезность и цѣнность возвышаются и падаютъ одновременно: если въ странѣ съ нормальнымъ потребленіемъ хлѣба въ 10 милліоновъ четвертей есть только 8 мил-

ліоновъ, то полезность ихъ (т. е. отношеніе къ массѣ наличныхъ потребностей) увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ ихъ цѣнность и наоборотъ. Установивъ такую теорію еще въ 50 гг., Книсъ остался вѣренъ ей и въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи. «Какъ извѣстное количество труда, говоритъ онъ, получаетъ общественное признаніе лишь по скольку оно создаетъ полезности для другихъ, такъ и двѣ равныя единицы рабочаго времени, производящія разнородныя полезности, только тогда оцѣниваются равно, когда производятъ равно цѣнимыя полезности различныхъ родовъ». [2])

Это ученіе несостоятельно. 1) Во-первыхъ, ему противорѣчитъ признаніе полезности за такими предметами, которые не имѣютъ цѣнности: вода, воздухъ, солнечный свѣтъ, теплота. «Нѣтъ ничего полезнѣе воды, говоритъ Адамъ Смитъ, и, не смотря на то, за нее едвали что можно получить». 2) Во-вторыхъ, хотя ученіе Книса и представляетъ шагъ впередъ сравнительно съ Сэемъ, такъ какъ опредѣляетъ полезность съ точки зрѣнія общественнаго признанія, однако, нельзя согласиться съ возможностью сравнивать блага по ихъ родамъ. Нѣтъ основанія классифицировать предметы въ томъ порядкѣ, какъ это дѣлаетъ Книсъ. Если для человѣка существенно необходима пища, то, при извѣстныхъ климатическихъ условіяхъ, также существенно необходима и одежда, и нѣтъ достаточнаго основанія считать потребность въ послѣдней менѣе важною, чѣмъ потребность въ пищѣ, какъ то дѣлаетъ Книсъ. Въ полярныхъ странахъ человѣкъ можетъ дольше переносить голодъ, нежели оставаться безъ одежды. Но если даже допустимъ, что схема Книса правильна, и тогда его положеніе, будто запасъ болѣе полезныхъ благъ превосходитъ цѣнностью запасъ менѣе полезныхъ вещей, не можетъ быть признано согласнымъ съ дѣйствительностью. Несомнѣнно, напр., что лекарство полезнѣе золота, а между тѣмъ несомнѣнно также, что запасъ золота въ каждой странѣ имѣетъ гораздо бо́льшую цѣнность, чѣмъ запасъ лекарствъ. Фактъ, что запасы пищи превосходятъ цѣнностью запасы благъ, удовлетворяющихъ потребностямъ роскоши, объясняется тѣмъ, что на пріобрѣтеніе первыхъ общество затрачиваетъ несравненно бо́льшую массу труда. Плохую поддержку оказываетъ Кнису и ссылка на большую цѣнность видовъ благъ, которые обладаютъ бо́льшею полезностью: березовыя дрова дороже осиновыхъ, но еслибы выводъ, который дѣлаетъ отсюда Книсъ, былъ вѣренъ, то трудъ извозчика, доставляющаго на дворъ березовыя дрова, оцѣнивался бы дороже труда людей, которые привозятъ осиновыя дрова, а трудъ плотника, строющаго домъ изъ дуба—дороже работы того, кто строитъ зданіе изъ ели. Какъ из-

вѣстно, это не оправдывается дѣйствительностью. 3) Невѣрно также положеніе Книса, что полезность (а слѣдовательно, и цѣнность) предметовъ не связана неразрывно съ ихъ существомъ, а падаетъ и повышается, въ прямой зависимости отъ ихъ обилія или недостатка. Нельзя согласиться съ этимъ: полезность неразрывно связана съ самимъ благомъ; нельзя сдѣлать рожь питательнѣе пшеницы и ель прочнѣе дуба. Факты измѣненія цѣнности благъ съ измѣненіемъ ихъ запасовъ могутъ быть объяснены безъ натяжекъ и въ томъ случаѣ, если мы будемъ считать полезность благъ ихъ неотъемлемымъ свойствомъ. Въ осажденной крѣпости пища не потому чрезмѣрно дорога, что измѣнилась ея полезность, но потому, что увеличеніе ея запаса сопряжено съ огромными усиліями, потерей многихъ жизней (посредствомъ вылазки) или же и вовсе неозможно, т.-е. безконечно возрастаетъ количество труда, необходимагодля добыванія пищи. 4) Большая цѣнность болѣе полезныхъ разновидностей блага (березовыя и сосновыя дрова) объясняется тѣмъ, что если общество предъявляетъ запросъ на виды, менѣе полезные, то при равныхъ затратахъ труда, виды, болѣе полезные, имѣютъ монопольную цѣну [3]).

3. Особая теорія цѣнности связана съ именами Бастіа и Мэкляуда. Они устраняютъ и трудъ, затраченный на производство блага, и полезность; цѣнность всякаго блага опредѣляется, по ихъ мнѣнію, отношеніемъ спроса и предложенія. Бастіа, опровергая теорію, которая кладетъ въ основаніе цѣнности полезность и трудъ, самъ основываетъ ее на услугѣ; цѣнность основывается на услугѣ именно потому, что данная услуга полезна. Каждое благо имѣетъ цѣнность, по скольку въ немъ выражается доставленіе извѣстной услуги. Развивая свою теорію, Бастіа полонъ противорѣчій. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что «цѣнность блага не пропорціональна напряженности усилій, затраченныхъ на его производство»; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что цѣнность блага (у него идетъ рѣчь о хлѣбѣ) выражаетъ услуги всѣхъ лицъ, которыя участвовали въ его доставленіи на рынокъ; наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ онъ говоритъ, что цѣнность «пропорціональна труду, сбереженному лицомъ, которое получаетъ услугу» [4]): кто покупаетъ, тотъ сберегаетъ свой трудъ, иначе онъ долженъ былъ бы самъ производить покупаемое благо. Разныя манипуляціи съ поднятымъ на землѣ алмазомъ, съ выдающимся голосомъ пѣвицы служатъ примѣрами, которыми Бастіа пытается пояснить свою теорію. Эти противорѣчія отнимаютъ у теоріи всякое научное значеніе. Кромѣ противорѣчій, теорія Бастіа имѣетъ слѣдующіе недостатки. 1) Она отрицаетъ за полезностью блага основаніе цѣнности и вводитъ не

новое понятіе, а только новую редакцію стараго — полезность услуги. 2) Бастіа измѣряетъ цѣнность трудомъ сбереженнымъ лицу, которое покупаетъ услугу. Здѣсь очевидная несообразность. Возьмемъ такой простой примѣръ. Мнѣ нужно платье. Когда я заказываю его портному, то плачу, положимъ, 40 рублей; но еслибы я самъ захотѣлъ сшить его, то долженъ былъ бы затратить на это гораздо болѣе времени, чѣмъ на добываніе 40 рублей; быть можетъ, оно потребовало бы столько времени, сколько нужно, чтобы заработать 200 рублей въ моемъ спеціальномъ занятіи. По теоріи Бастіа, портной, сберегая мнѣ 200 рублей, долженъ потребовать отъ меня за платье этой суммы. Здѣсь не лишне вспомнить слова Лассаля: «Развѣ правленіе желѣзной дороги требуетъ отъ потребителя за билетъ для проѣзда, за услугу, которую оно ему указываетъ, того труда и издержекъ, которые оно сберегаетъ ему оказаніемъ услуги? Неужели оно, дѣйствительно, требуетъ отъ него въ уплату за билетъ той суммы, которую онъ затратилъ бы, путешествуя пѣшкомъ или въ экипажѣ. Какъ бы плохо было въ такомъ случаѣ дѣло желѣзныхъ дорогъ и какъ бы мало людей пользовалось этими услугами» [5]). Еще примѣръ. Человѣкъ умираетъ, ему даютъ лекарство, которое спасаетъ его жизнь; само лекарство стоитъ недорого, а услуга, имъ оказанная, стоитъ человѣческой жизни. Теорія Бастіа лишаетъ основанія массу сдѣлокъ. Весь обмѣнъ, если принять это ученіе, становится чисто случайнымъ; теорія смѣшиваетъ два понятія—о цѣнности и цѣнѣ; упускается изъ вида, что цѣнность опредѣляетъ возможное отношеніе, въ которомъ блага мѣняются другъ на друга, а цѣна—дѣйствительное отношеніе, въ которомъ они обмѣниваются. Несостоятельность теоріи всего лучше характеризуется словами самого Бастіа: «Множество обстоятельствъ могутъ увеличить относительную важность услуги. Мы находимъ ее болѣе или менѣе великой по степени полезности ея для насъ, по тому, много-ли людей расположены оказать ее, много или мало она требуетъ труда, усилій, искусства, времени, предварительнаго обученія... Часто случается, что мы оцѣниваемъ услугу слишкомъ высоко, такъ какъ считаемъ ее очень полезной, тогда какъ она намъ вредна. Вотъ почему тщеславіе, невѣжество, ошибки имѣютъ свою долю вліянія на это эластическое и подвижное отношеніе, которое мы называемъ цѣнностью» [6]).

У Мэкляуда теорія, основывающая цѣнность на отношеніи между спросомъ и предложеніемъ, достигаетъ наибольшей опредѣленности. Своимъ ученіемъ Мэкляудъ, по вѣрному замѣчанію русскаго экономиста Зибера, поставилъ вверхъ ногами всю политическую экономію. Онъ называетъ ее наукой только объ обмѣнѣ.

Цѣнность, говоритъ онъ, присуща вещамъ такъ же, какъ присуще имъ разстояніе, т.-е. она—понятіе, не связанное съ самими предметами, отвлеченное, абстракція. Только подъ условіемъ обмѣна и можно говорить о цѣнности; она есть тамъ, гдѣ есть обмѣнъ. Отрицая значеніе труда, какъ начала, опредѣляющаго цѣнность, Мэкляудъ говоритъ: «если цѣнность создается трудомъ, то почему въ Лондонѣ участокъ земли стоитъ дорого, а въ пустынѣ онъ вовсе не имѣетъ цѣнности? Равнымъ образомъ, почему единица золота, добытая въ одинъ годъ, не стоитъ дороже такой же единицы, добытой въ одинъ день»? Поставленіе такихъ вопросовъ указываетъ на полное отсутствіе у Мэкляуда понятія о трудѣ. «Равнымъ образомъ, говоритъ Мэкляудъ, и полезность блага не можетъ служить основаніемъ цѣнности, такъ какъ понятіе полезности очень неопредѣленно. Понятіе о полезности, въ виду крайняго различія вкусовъ, наклонностей, привычекъ людей, неопредѣленно; полезность признается за благомъ нынче и отрицается завтра. Единственнымъ основаніемъ цѣнности служитъ спросъ. Спросъ на блага побуждаетъ затрачивать трудъ на ихъ производство; не трудъ есть причина цѣнности, но цѣнность есть причина труда» [7]). Цѣнность сама по себѣ не существуетъ, она проистекаетъ изъ оцѣнки, которую нашъ умъ придаетъ вещамъ и которая выражается въ спросѣ. Чѣмъ болѣе великъ спросъ на извѣстныя блага, тѣмъ выше ихъ цѣнность и наоборотъ. «При обмѣнѣ вещей количество, вымѣненное каждымъ, измѣряетъ напряженность его желанія получить въ обладаніе продуктъ другого» [8]). Здѣсь мы встрѣчаемъ въ иной формѣ мысль Бастіа о томъ, что оцѣнкой руководитъ услуга.

Спросъ, возразимъ мы Мэкляуду, самъ по себѣ не выражаетъ ничего: онъ въ свою очередь основывается на большемъ или меньшемъ признаніи полезности за извѣстными вещами. Дѣлая общую оцѣнку теорій Бастіа и Мэкляуда, мы обращаемъ особенное вниманіе на то, что эти теоріи опираются на единичные случаи, которые должны быть признаны отклоненіями отъ средней сдѣлки: иногда продавецъ находится въ слишкомъ большой зависимости отъ покупателя или наоборотъ. Но если принять въ разсчетъ массу совершающихся сдѣлокъ, то вліянія частныхъ силъ взаимно парализуются, и обнаруживается дѣйствіе одной общей причины—труда, какъ основанія цѣнности. Названные экономисты ссылаются на единичные, исключительные факты. Если Мэкляудъ спрашиваетъ, почему алмазъ, поднятый на поверхности земли, стоитъ столько же, сколько алмазъ, добываніе котораго стоило большой затраты труда,—или если онъ спрашиваетъ, почему извѣстная единица золота, добытая въ одинъ годъ, не стоитъ дороже такой

же единицы, добытой въ одинъ день,—то, очевидно, онъ беретъ единичные случаи, которые не имѣютъ общаго значенія и не даютъ права на общіе выводы. Совершенно справедливо говоритъ по этому поводу Зиберъ: «Мэкляудъ вырываетъ изъ дѣйствительности изолированный фактъ, разсматриваетъ его внѣ всякой связи съ другими фактами, съ которыми онъ входитъ въ опредѣленныя іерархическія отношенія и, не долго размышляя, дѣлаетъ заключеніе ко всей дѣйствительности, т.-е. къ тому сложному цѣлому, отъ котораго отрѣзанъ фактъ. Вопросъ не въ томъ, могутъ или не могутъ въ томъ или въ другомъ случаѣ производиться извѣстныя операціи, а въ томъ, какъ производятся онѣ вообще, среднимъ числомъ» [9]).

4. Есть еще теорія цѣнности, которую можно назвать юридической. Реслеръ является главнымъ ея представителемъ. Возставая противъ ученія соціалистовъ и считая подготовительной для нихъ школой ученіе Ад. Смита, Реслеръ пытается дать цѣнности самостоятельное основаніе. Онъ показываетъ рядомъ удачныхъ примѣровъ, что цѣнность не можетъ быть основана на полезности. Но отношеніе цѣнности къ труду онъ обходитъ молчаніемъ. По его мнѣнію, ея опредѣленіе должно быть заимствовано у юристовъ; хозяйственныя явленія должны быть приведены въ связь съ юридическимъ порядкомъ, безъ котораго они немыслимы. «Цѣнность блага есть количественная мѣра имущественной власти надъ нимъ лица». Гдѣ нѣтъ права собственности, тамъ, по мнѣнію Реслера, блага не имѣютъ цѣнности; тамъ господствуетъ полный хаосъ хозяйственныхъ отношеній. И такъ, основаніемъ цѣнности служитъ по этой теоріи извѣстный юридическій порядокъ, и блага имѣютъ цѣнность лишь по стольку, по скольку человѣкъ можетъ располагать ими: благо имѣетъ большую цѣнность, когда принадлежитъ лицу на правѣ собственности; меньшую же,—когда принадлежитъ на правѣ владѣнія, ибо право собственности служитъ наиболѣе полнымъ выраженіемъ господства лица надъ вещью.

Эта теорія ни на волосъ не приближаетъ насъ къ познанію цѣнности. Несомнѣнно, вездѣ, гдѣ есть хозяйство, есть правовой порядокъ; экономисты часто не говорятъ объ этомъ, но всегда подразумѣваютъ его. Одинъ вопросъ, и притомъ очень простой, разрушаетъ всю теорію Реслера: если цѣнность создается извѣстнымъ юридическимъ порядкомъ, то чѣмъ же объяснить различіе цѣнности благъ, подлежащихъ имущественной власти одного лица? Почему разнятся въ цѣнности домъ, столъ, книга, вещи, принадлежащія одному и тому же лицу на правѣ собственности? Реслеръ со своей теоріей не отвѣтитъ на этотъ вопросъ.

5. Въ послѣдніе годы обратила на себя вниманіе теорія цѣнности, установленная Бёмъ Баверкомъ [10]). Онъ положилъ въ основу своего ученія понятіе о субъективной цѣнности вещей. Она измѣряется низшимъ значеніемъ, которое имѣетъ благо для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Авторъ даетъ намъ двойную классификацію: родовъ потребностей и конкретныхъ потребностей. Можно расположить роды потребностей по ихъ важности въ нисходящемъ порядкѣ: потребность въ пищѣ занимаетъ первое мѣсто, въ одеждѣ— второе, въ спиртныхъ напиткахъ—болѣе отдаленное и т. д. Потребности каждаго рода могутъ быть удовлетворены скудно, достаточно или въ излишествѣ: и человѣкъ цѣнитъ благо согласно съ важностью низшей предѣльной потребности, которую оно можетъ удовлетворить. Имѣя очень большіе запасы пищи, человѣкъ признаетъ за ними очень малую цѣнность потому, что они не только сполна удовлетворяютъ его голодъ, но позволяютъ ему употреблять часть запаса на содержаніе пѣвчихъ птицъ, охотничьихъ собакъ, т.-е. покрывать даже маловажныя потребности. И та же пища получаетъ въ глазахъ владѣльца гораздо большую субъективную цѣнность, разъ ея количество едва достаточно для удовлетворенія голода. Переходя отъ этихъ положеній къ цѣнности въ объективномъ смыслѣ, способности къ обмѣну, Бёмъ Баверкъ утверждаетъ, что и она опредѣляется наименьшимъ значеніемъ, которое имѣетъ благо для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Готовый продуктъ есть результатъ затратъ рабочей силы, матеріаловъ, орудій, которые, по отношенію къ первому, являются благами отдаленныхъ рядовъ. Они имѣютъ значеніе только потому, что готовый продуктъ, которымъ заканчивается производство, нуженъ для нашихъ потребностей. А такъ какъ цѣнность готоваго продукта опредѣляется низшею пользою, которую онъ доставляетъ людямъ, то послѣдняя опредѣляетъ также и цѣнность матеріаловъ, орудій и труда, которые были употреблены для производства этого продукта. Отсюда онъ выводитъ, что не трудъ, не издержки производства опредѣляютъ цѣнность товаровъ, но цѣнность товара опредѣляетъ цѣнность вещей, изъ которыхъ и при помощи которыхъ онъ былъ произведенъ, т. е. цѣнность товара опредѣляетъ размѣры издержекъ производства. Цѣнность пшеницы опредѣляетъ цѣнность пшеничнаго поля, цѣнность ртути—ртутнаго рудника и т. д.

Это ученіе есть видоизмѣненная теорія цѣнности тѣхъ писателей, которые основываютъ ее на полезности предметовъ. Все, что мы выше сказали о подвижности и неустойчивости субъективной оцѣнки благъ различными людьми, примѣнимо и въ данномъ случаѣ. Вкусы и наклонности людей такъ разнообразны, что частныя хозяйства, находящіяся въ сходныхъ условіяхъ, признаютъ за вещами

не одну и ту же низшую годность. Богатый скряга дрожитъ надъ каждымъ рублемъ изъ своихъ милліоновъ и надъ каждой бутылкой дешеваго краснаго вина изъ своего обширнаго виннаго погреба. Щедрый богачъ придаетъ малое значеніе даже значительнымъ долямъ своего имущества. Рѣдкое кушанье или вино является въ глазахъ гастронома важной усладой жизни; человѣкъ воздержный придаетъ этимъ предметамъ очень малое значеніе. Любитель старины, чтобы купить монету временъ Августа или книгу, напечатанную въ 16 вѣкѣ, часто дѣлаетъ сбереженія въ ущербъ своему здоровью и важнымъ интересамъ семьи. Всѣ эти безконечно разнообразные вкусы и настроенія никогда не позволяютъ опредѣлить среднимъ числомъ низшую годность блага для удовлетворенія потребностей. Эти различія оказываютъ вліяніе на высоту рыночныхъ цѣнъ, но не даютъ руководящаго начала для средней мѣновой сдѣлки. Не имѣя возможности прослѣдить за безконечно разнообразными субъективными настроеніями людей при оцѣнкѣ благъ, мы должны довольствоваться тѣмъ, что издавна установлено въ наукѣ,—что цѣнность могутъ имѣть только блага, т. е. вещи, полезныя людямъ. Нетрудно обнаружить ошибочность положенія автора, что цѣнность товара опредѣляетъ цѣнность матеріаловъ, орудій, словомъ, высоту издержекъ производства. Говоря это, Бёмъ Баверкъ имѣетъ въ виду условія, которыя иногда представляетъ рынокъ. Если, по его мнѣнію, 1 аршинъ сукна стоитъ 3 рубля, вслѣдствіе низшей полезности сукна, то 3 рубля опредѣляютъ цѣнность шерсти, красокъ, топлива, долей машинъ, которыя были затрачены на производство этого аршина. Если цѣнность понизится до $1^1/_2$ рубля, то цѣнность матеріаловъ и долей машинъ, равная въ первомъ случаѣ x, упадетъ до $^1/_2$ x. Но рынокъ представляетъ гораздо чаще другую картину: полезность, признаваемая людьми за даннымъ сукномъ, не уменьшилась, а цѣна аршина понижается до $2^1/_2$ рублей вслѣдствіе удешевленія шерсти. Тѣсная связь между готовымъ продуктомъ, сырьемъ, орудіями и приспособленіями для производства и объясняетъ повышеніе и пониженіе цѣнности продукта вслѣдствіе перемѣнъ въ положеніи труда на любой изъ ступеней всего процесса производства даннаго товара. Бёмъ Баверкъ считаетъ «несомнѣннымъ», что цѣнность печи опредѣляетъ цѣнность кирпичей, а не наоборотъ; онъ исходитъ изъ положенія, что въ основѣ цѣнности печи лежитъ признаніе людьми годности печей для удовлетворенія потребности. Будь это такъ, то сооруженіе печей было бы всего дороже въ тѣхъ странахъ, гдѣ климатъ особенно суровъ и люди наиболѣе нуждаются въ отопленіи. Но дѣйствительная жизнь подсмѣивается надъ этой теоріей: въ Россіи, не взирая на суровый

климатъ и большую потребность въ печахъ, устройство печи стоитъ дешевле, чѣмъ въ Италіи, такъ какъ у насъ кирпичъ и трудъ печниковъ стоютъ дешевле.

И такъ, всѣ разсмотрѣнныя нами ученія не даютъ цѣнности прочнаго основанія. 6. Теорія, основывающая цѣнность на трудѣ, наиболѣе удовлетворительна; она наилучшимъ образомъ разъясняетъ всѣ вопросы, которые соприкасаются съ понятіемъ о цѣнности. Задача науки—привести явленія къ тому началу, которое наиболѣе объективно, наименѣе зависитъ отъ частныхъ, мимолетныхъ причинъ. Трудъ и есть именно такое начало. Разнообразіе и измѣняющіеся вкусы людей вносятъ въ понятіе объ относительной полезности благъ много случайнаго, неустойчиваго. Но какъ бы ни измѣнялись вкусы, какъ бы ни расходились люди въ оцѣнкѣ полезности предметовъ,—эти различія не вліяютъ на трудъ, затрачиваемый на пріобрѣтеніе благъ. При данныхъ условіяхъ мѣста и времени, трудъ, воплощенный въ хозяйственномъ благѣ, есть величина устойчивая, какъ бы много или мало значенія ни придавали отдѣльныя лица данному благу. Вотъ почему къ труду и должно быть сведено ученіе о цѣнности. Еслибы мы захотѣли построить ученіе о цѣнности на отдѣльныхъ сдѣлкахъ, то впали бы въ ту же ошибку, которую сдѣлали названные писатели. Въ ученіи о цѣнѣ мы изслѣдуемъ отклоненія; здѣсь же нужно изучить типъ явленія, какъ онъ вырабатывается подъ вліяніемъ самыхъ общихъ причинъ, которыя дѣйствуютъ въ хозяйственной жизни.

Заслуга основанія цѣнности на трудѣ принадлежитъ англійскимъ экономистамъ. Мысль объ этомъ встрѣчается уже у многихъ старыхъ представителей англійской школы: Лока, Стюарта и другихъ; но наиболѣе полное выраженіе получила она у Адама Смита. Адамъ Смитъ говоритъ, что слово «цѣнность» употребляется въ двухъ различныхъ значеніяхъ и выражаетъ иногда полезность предмета, иногда же покупательную силу относительно другихъ предметовъ. Первая можетъ быть названа *цѣнностью потребленія*, вторая—*мѣновою цѣнностью*. Та и другая, по его мнѣнію, не связаны между собою. Наиболѣе полезные предметы имѣютъ часто лишь незначительную мѣновую цѣнность или вовсе не имѣютъ ея; тогда какъ, наоборотъ, тѣ, которые имѣютъ наибольшую мѣновую цѣнность, имѣютъ самую незначительную цѣнность потребленія или не имѣютъ ея вовсе. Вода и воздухъ чрезвычайно полезны (т.-е. имѣютъ высокую потребительную цѣнность), они необходимы для существованія и, не смотря на то, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, за нихъ ничего нельзя получить въ обмѣнъ; напротивъ того, алмазъ, который имѣетъ незначительную цѣнность

потребленія, обмѣнивается за большое количество другихъ предметовъ. Обращаясь къ мѣновой цѣнности, Адамъ Смитъ считаетъ трудъ ея единственнымъ мѣриломъ. «Одинъ трудъ никогда не измѣняется въ своей цѣнности; онъ есть единственное, дѣйствительное мѣрило, посредствомъ котораго можно опредѣлять и сравнивать цѣнность всѣхъ товаровъ вездѣ и во всякое время». Развивая частности своего ученія, Смитъ впадаетъ въ противорѣчіе. Чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ долженъ былъ бы утверждать, что всѣ вещи имѣютъ большую или меньшую цѣнность, въ зависимости отъ количества труда, затраченнаго на ихъ производство, а между тѣмъ онъ сбивается съ этого пути. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «дѣйствительная цѣна всякой вещи, т.-е. то, что на самомъ дѣлѣ стоитъ вещь тому, кто желаетъ пріобрѣсть ее,—это трудъ и усилія, какія необходимо употребить для пріобрѣтенія ея» [11]), въ другомъ же мѣстѣ онъ говоритъ, что мѣновая цѣнность вещи есть «трудъ и усилія, которые могутъ быть получены отъ другихъ людей при ея содѣйствіи» [12]). Между этими опредѣленіями есть громадная разница. Не одно и то же измѣрять цѣнность, положимъ, холста «трудомъ и усиліями», затраченными на его производство, и «трудомъ и усиліями», которые въ обмѣнъ за этотъ холстъ могутъ быть пріобрѣтены его владѣльцемъ. Рикардо указалъ на это противорѣчіе Адама Смита. Доказавъ, что количество труда, воплощенное въ предметѣ, затраченное на его производство, не равнозначуще съ тѣмъ количествомъ труда, которое можно купить за эту вещь, Рикардо ставитъ положеніе, что цѣнность предмета, или количество другихъ благъ, за которое онъ обмѣнивается, зависитъ отъ сравнительнаго количества труда, необходимаго на его производство, а не отъ бо́льшаго или меньшаго вознагражденія, получаемаго за этотъ трудъ. Пользуясь дедуктивной методой, Рикардо строитъ свое ученіе о цѣнности, которое получило дальнѣйшее развитіе и полное выраженіе въ трудахъ Карла Маркса.

Зная, что товары заимствуютъ цѣнность отъ труда, мы можемъ опредѣлить цѣнность каждаго товара: ея мѣрою служитъ количество труда, затраченнаго на производство товара; масса же труда измѣряется единицами времени, годами, мѣсяцами, днями. Такимъ образомъ, если, напр., 1 пудъ желѣза требуетъ пяти часовъ труда, то онъ будетъ обмѣниваться на всякую вещь, которая также стоитъ пяти часовъ труда. Если у какого нибудь охотничьяго народа, говоритъ Смитъ, требуется обыкновенно въ два раза болѣе времени для того, чтобы убить бобра, чѣмъ для того, чтобы убить дикую

козу, то естественно бобръ будетъ обмѣниваться на двѣ дикихъ козы.

Въ самой природѣ человѣка лежитъ то положеніе, что основаніемъ цѣнности служитъ трудъ, а мѣрою — количество времени, проведенное въ трудѣ. Только при этомъ условіи можетъ быть достигнуто равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ; равновѣсіе и достигается посредствомъ приноровленія рабочей силы къ размѣрамъ и роду потребленія. Если человѣкъ производитъ самъ всѣ нужныя ему блага, то распредѣляетъ рабочее время, примѣрно, такимъ образомъ: 4 часа затрачиваетъ на производство благъ, удовлетворяющихъ потребность въ пищѣ, 2 часа — на производство благъ, удовлетворяющихъ потребность въ одеждѣ, 1 часъ на блага, удовлетворяющія потребность въ жилищѣ и т. д. Этимъ способомъ человѣкъ приноравливаетъ трату своего труда къ своимъ потребностямъ. Форма приноровленія рабочей силы въ современномъ обществѣ, гдѣ производители часто сами не потребляютъ продуктовъ своего труда и гдѣ главнымъ связующимъ звеномъ между отдѣльными хозяйствами служитъ обмѣнъ, измѣняется, но сущность остается та же самая. Возьмемъ нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ одинъ приготовляетъ пищу, другой — одежду, третій — блага, служащія удовлетворенію жилищной потребности. Такъ какъ каждый изъ этихъ производителей напрягаетъ рабочую силу, чтобы удовлетворить всѣ свои нужды, то кто либо изъ нихъ будетъ нести ущербъ, если, при ихъ обмѣнѣ благами, за основаніе обмѣна не будетъ принято количество труда, какъ мѣрило цѣнности. Каждое хозяйство должно получить отъ другихъ столько вещей, что бы покрыть свои потребности и дать въ обмѣнъ другимъ за каждый видъ благъ лишь опредѣленное количество своихъ продуктовъ, воплощающее въ себѣ массу труда, которую человѣкъ можетъ удѣлить на каждое благо. Кто изъ своего рабочаго времени можетъ употребить на пріобрѣтеніе пищи 4 часа ежедневнаго труда, тотъ можетъ безъ ущерба для своего хозяйства дать въ обмѣнъ за пищу лишь столько своихъ продуктовъ, сколько онъ изготовилъ въ четыре часа ежедневной работы. Но трудъ воплощается въ различныхъ полезныхъ формахъ. Опредѣленіе цѣнности продуктовъ этихъ различныхъ видовъ труда посредствомъ количества труда можетъ быть достигнуто приведеніемъ всѣхъ видовъ труда къ одному знаменателю: трудъ сложный, квалифицированный приводится къ простому труду. Приравниваніе сложнаго труда къ простому не представляетъ ничего загадочнаго. Какъ бы ни были различны конкретные виды труда, всѣ они являются въ видѣ работы человѣческаго организма, — человѣческаго мозга, мускуловъ, нервовъ, а

потому всѣ виды труда, будучи различны по формѣ, составляютъ производительное обнаруженіе человѣческихъ силъ и въ этомъ смыслѣ объединяются въ одномъ понятіи человѣческаго труда. Процессъ приравниванія сложнаго труда простому, установленіе тѣхъ пропорцій, въ которыхъ различные виды труда приводятся къ простому, какъ къ единицѣ своей мѣры, совершается въ обществѣ независимо отъ воли отдѣльныхъ лицъ; при этомъ устанавливаются такія отношенія, что одинъ часъ труда, напр., художника приравнивается х часамъ труда портного. Было бы тщетной попыткой отыскивать постоянныя отношенія между различными видами труда. Весь складъ общественной жизни обусловливаетъ эти отношенія. Распредѣленіе имуществъ между частными хозяйствами—вотъ главный фактъ, который руководитъ расположеніемъ различныхъ видовъ труда по ступенямъ лѣстницы. Подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія или, вѣрнѣе, мнѣнія тѣхъ кружковъ, которые по преимуществу пользуются видами квалифицированнаго труда, установляется убѣжденіе, что такой-то трудъ болѣе сложенъ, чѣмъ другой. Не слѣдуетъ во всѣхъ случаяхъ сводить неодинаковыя цѣнности продуктовъ различныхъ видовъ труда къ различію времени, затрачиваемаго на подготовку къ данной дѣятельности. Еслибы это было вѣрно,—трудъ знаменитой танцовщицы не былъ бы болѣе цѣненъ, чѣмъ трудъ великаго мыслителя, трудъ романиста-порнографа—дороже труда учителя. Воспитаніе отдѣльныхъ общественныхъ группъ въ данномъ народѣ, направленіе ихъ вкусовъ, характеръ привычекъ—все это совмѣстно дѣйствуетъ надъ выработкою мнѣнія, что такой-то трудъ болѣе цѣненъ, нежели другой; при установленіи классификаціи, то, что удовлетворяетъ суетныя влеченія, растлѣвающія наклонности, часто ставится выше, нежели то, что служитъ матеріальному и духовному преуспѣянію человѣка. Еще Токвиль подмѣтилъ различіе между Франціей и Соединенными Штатами въ классифицированіи трудовъ по цѣнности. Различія между народами въ распредѣленіи имуществъ и политическомъ строѣ лежатъ въ основаніи этихъ различій. Но невозможность объективнаго раздѣленія видовъ труда по цѣнности не мѣшаетъ намъ признать всегда и вездѣ существованіе такой классификаціи, а слѣдовательно и получить право приводить сложный трудъ къ простому.

Если цѣнность измѣряется количествомъ времени, то можетъ казаться, что чѣмъ искуснѣе работникъ, чѣмъ менѣе онъ тратитъ времени на производство продукта, тѣмъ цѣнность его товара будетъ ниже и, наоборотъ, чѣмъ менѣе ловокъ и менѣе прилеженъ работникъ, тѣмъ бо́льшую цѣнность имѣетъ произведенный имъ про-

дуктъ, ибо тѣмъ болѣе затрачено рабочаго времени на его производство. Но это не такъ. Трудъ отдѣльныхъ производителей,— частный, конкретный трудъ, образуетъ цѣнность по стольку, по скольку онъ служитъ среднимъ трудомъ; только средне-необходимое время труда образуетъ цѣнность. Оно опредѣляется общественно-нормальными условіями производства и общественной средней степенью ловкости и напряженности труда. Представимъ себѣ, что въ данномъ народѣ получили широкое распространеніе усовершенствованныя машины и оттѣснили на задній планъ ручное производство. Тогда цѣнность товаровъ, производимыхъ худшимъ, менѣе производительнымъ способомъ, будетъ спускаться къ цѣнности товаровъ, производимыхъ при помощи усовершенствованныхъ машинъ. По введеніи ткацкаго парового стана извѣстное количество пряжи стало превращаться въ ткань вдвое скорѣе, чѣмъ прежде; ручная работа ткача, какъ прежде, такъ и теперь, представляетъ одно и то-же количество рабочаго времени; но продуктъ его индивидуальнаго рабочаго часа представляетъ теперь только половину общественнаго, средне-необходимаго рабочаго часа, а потому и упалъ на половину своей цѣнности. Можно прослѣдить за необходимымъ рабочимъ временемъ, какъ образователемъ цѣнности, и на обратномъ примѣрѣ. Положимъ, что въ странѣ преобладаетъ ручное ткачество, машинное же только начинаетъ примѣняться. Такъ какъ бо́льшая масса потребностей удовлетворяется при помощи наименѣе производительныхъ пріемовъ труда, то затрачиваемый въ ручномъ ткачествѣ трудъ и будетъ образователемъ цѣнности; трудъ же, употребляемый при лучшихъ условіяхъ, какъ болѣе производительный, будетъ давать избытокъ. Въ обработывающей промышленности это обстоятельство поведетъ къ тому, что усовершенствованные способы производства постепенно вытѣснятъ способы менѣе совершенные. Добывающая промышленность даетъ нѣсколько иную картину; мы видимъ, напр., что хлѣбъ воздѣлывается не на одинаково плодородной почвѣ, рыба ловится въ водахъ, не одинаково ею богатыхъ и т. д. Человѣкъ не въ силахъ устранить всѣ эти различія. Цѣнность и устанавливается здѣсь тѣмъ трудомъ, который люди примѣняютъ въ условіяхъ наименѣе выгодныхъ, но продукты котораго находятъ сбытъ. Это положеніе ясно само собою. Если, напр., общество нуждается въ одномъ милліонѣ пудъ рыбы и одна половина этого количества добывается въ рѣкахъ, богатыхъ рыбой, а другая—въ рѣкахъ, гораздо менѣе богатыхъ, то цѣнность необходимо должна регулироваться трудомъ, употребляемымъ въ послѣднихъ рѣкахъ; необходимо, чтобы онъ былъ оплаченъ, ибо въ противномъ случаѣ этотъ

трудъ не будетъ привлекать къ себѣ предпріимчивости и потребность не будетъ удовлетворена вполнѣ. Въ цѣнности же продуктовъ, добываемыхъ при болѣе выгодныхъ условіяхъ, всегда есть излишекъ, подходящій подъ понятіе о рентѣ. Можно установить, какъ общее, то положеніе, что цѣнность образуетъ трудъ, который прилагается при менѣе благопріятныхъ условіяхъ и на продукты котораго въ обществѣ есть запросъ.

Каждое благо, поступающее въ обмѣнъ, должно обладать полезностью, а потому нельзя считать трудомъ тѣ усилія, которыя не образуютъ полезности. Работы должны происходить въ такой формѣ, которая считается необходимою и каждый изъ моментовъ труда долженъ занимать опредѣленное мѣсто среди всѣхъ работъ, производящихся въ данномъ обществѣ. Трудъ утрачиваетъ долю своего общественнаго значенія, если производимые имъ продукты превышаютъ запросъ общества; образуется остатокъ, иногда вовсе безполезный; этотъ остатокъ, поступая на рынокъ, не имѣетъ полезности, а слѣдовательно не имѣетъ и цѣнности. Образуетъ цѣнность такое количество рабочаго времени, въ которое производится количество продуктовъ, соотвѣтствующее запросу общества, т.-е. образователемъ цѣнности является *общественно-необходимое рабочее* время.

Общественно-необходимое рабочее время не есть постоянная величина; оно измѣняется съ каждой перемѣной въ производительной силѣ труда, а послѣдняя опредѣляется среднею степенью ловкости рабочаго, уровнемъ развитія техники, раздѣленіемъ труда и условіями внѣшней природы. Въ одинъ годъ данное количество труда выражается въ 100 пудахъ рыбы, а другой—въ 60. «Алмазы стоютъ очень дорого, но еслибы удались опыты искусственнаго добыванія алмазовъ изъ угля, то цѣнность ихъ была бы ниже цѣнности кирпичей»[13]).

Говоря, что цѣнность товара опредѣляется количествомъ труда, мы разумѣемъ не только текущій трудъ, но и тотъ, который воплотился въ орудіяхъ производства и машинахъ. Рикардо даетъ намъ для подтвержденія сказаннаго прекрасный примѣръ. «Опредѣляя мѣновую цѣнность бумажныхъ чулокъ, говоритъ онъ, мы увидимъ, что она зависитъ отъ совокупности труда, потраченнаго для производства ихъ и доставки на рынокъ. Во-первыхъ, сюда войдетъ трудъ, потраченный на обработку земли, на которой былъ взращенъ хлопокъ; во-вторыхъ, трудъ на перевозку хлопка въ страну, гдѣ изготовляются чулки; въ-третьихъ, трудъ прядильщика и ткача; въ-четвертыхъ, часть труда инженера, слесаря и плотника, строившихъ зданіе и машины, при помощи которыхъ

были произведены чулки; въ-пятыхъ, трудъ мелочного торговца и множества другихъ лицъ... Общая сумма всѣхъ этихъ разнородныхъ работъ опредѣляетъ количество другихъ предметовъ, на которые будутъ обмѣнены чулки, и подобная же оцѣнка различныхъ количествъ труда, употребленнаго на производство другихъ предметовъ, опредѣлитъ то ихъ количество, которое будетъ дано за чулки»[14]). Большое количество труда, затраченное въ машинахъ, недолговѣчсть этихъ машинъ увеличиваютъ цѣнность продуктовъ и наоборотъ.

Мы закончимъ ученіе о цѣнности разборомъ теоремъ, которыя стоятъ въ связи съ теоріей цѣнности.

Каждый производительный трудъ даетъ заработную плату и прибыль, а во многихъ случаяхъ и ренту. Какъ же вліяетъ на цѣнность товаровъ соотношеніе заработной платы и прибыли?

1) Въ цѣнности товаровъ, которые производятся при различномъ соотношеніи между постояннымъ и оборотнымъ капиталами, имѣются неодинаковыя доли прибыли и заработной платы. Чѣмъ болѣе преобладаетъ въ производствѣ товара постоянный капиталъ, чѣмъ болѣе онъ проченъ, тѣмъ бо́льшая доля въ его цѣнности принадлежитъ прибыли и, наоборотъ, чѣмъ болѣе преобладаетъ оборотный капиталъ, тѣмъ большая доля принадлежитъ заработной платѣ. Рикардо и Милль подмѣтили этотъ фактъ, но не объяснили его причинъ. Вліяніе указанныхъ условій на доли прибыли и заработной платы можно усмотрѣть изъ слѣдующей таблицы.

Ежегодн. изнаш. машинъ.	Цѣнность машинъ.	Заработная плата.	Прибыль.	Починка маш.	Цѣнн. продукта.	Доли въ цѣнности продукта.	
						Зар. пл.	Приб.
0	0	1000	200	0	1200	$83^1/_3$	$16^2/_3$
$^1/_5$	500	500	200	100	800	$62^1/_2$	25
$^1/_{10}$	500	500	200	50	750	$66^2/_3$	$26^2/_3$
$^1/_{10}$	500	300	200	70	570	до $52^2/_3$	$35^1/_{11}$

Явленія дѣйствительной жизни соотвѣтствуютъ изображенному въ этой таблицѣ. Какими же причинами объяснить это явленіе? Избытокъ прибыли въ одномъ производствѣ сравнительно съ другими не можетъ быть выведенъ изъ обмѣна, ибо не обмѣнъ производитъ прибыль. Говорить вслѣдъ за Миллемъ,[15]) что фабрикантъ вычисляетъ прибыль на весь капиталъ, какъ поступающій въ заработную плату, такъ и содержащійся въ машинахъ, значитъ указать только на

желаніе предпринимателя, но не на источникъ излишней прибыли. Прибыль производится трудомъ, а потому казалось бы, что прибыли должны точно соотвѣтствовать суммамъ, поступившимъ въ заработную плату, чего не даетъ дѣйствительность. Это явленіе должно быть истолковано слѣдующимъ образомъ. Съ увеличеніемъ въ производствѣ постояннаго капитала и возрастаніемъ его прочности, увеличивается производительность труда. А это, при одинаковомъ вознагражденіи работниковъ въ разныхъ производствахъ, оставляетъ на долю прибыли больше продукта тамъ, гдѣ трудъ болѣе успѣшенъ, гдѣ постоянный капиталъ болѣе значителенъ и прочность его болѣе велика.

2. Измѣненія въ высотѣ заработной платы и прибыли не оказываютъ вліянія на цѣнность товара. Повышеніе каждой изъ нихъ есть результатъ перемѣны только въ распредѣленіи продукта между работникомъ и капиталистомъ, а потому измѣненіе одной доли, не затрогивая цѣнности, вліяетъ только на соотвѣтствующее измѣненіе другой доли. Но, по мнѣнію Милля, цѣны товаровъ въ связи съ разными долями прибыли и заработной платы въ разныхъ производствахъ (какъ указано въ первой теоремѣ), измѣняются не одинаково. Если въ двухъ производствахъ прибыль понижается равномѣрно, то цѣна тѣхъ продуктовъ, которые производятся съ бо̀льшимъ (или болѣе прочнымъ) постояннымъ капиталомъ понижается сравнительно съ тѣми продуктами, которые производятся съ меньшимъ (или равнымъ, но менѣе прочнымъ) постояннымъ капиталомъ. При равномѣрномъ повышеніи прибыли, наступаетъ обратное дѣйствіе. Причина—та, что въ цѣнности продуктовъ перваго ряда прибыль составляетъ большую долю. Возьмемъ два первые ряда вышеприведенной таблицы; цѣнности продуктовъ относятся, какъ 1200:800. Если прибыль понизилась на 50%, то цѣнности будутъ относиться какъ 1100:700, т.-е. цѣнность продуктовъ второго ряда упадетъ относительно цѣнности продуктовъ перваго ряда. Такъ разсуждаетъ Милль. Но это положеніе не можетъ быть принято, ибо не вѣрна посылка, изъ которой исходитъ Милль. Онъ говоритъ только о пониженіи прибыли и не объясняетъ намъ, что сдѣлалось съ долей, отпавшей отъ прибыли. Эта доля, скажемъ мы, пошла на увеличеніе заработной платы. Отъ прибыли въ обоихъ случаяхъ отпало по 100 рублей, которые поступили въ заработную плату. Вслѣдствіе этого измѣнится отношеніе между прибылью и заработной платой (1100 и 100, 600 и 100), цѣнности же товаровъ останутся неизмѣнными—1200 и 800.

3. Рента, какъ утверждаютъ многіе экономисты, не входитъ въ составъ цѣнности. Это вѣрно относительно тѣхъ произведеній земли

или воды, которыми установляется цѣнность, ибо они производятся при наименѣе выгодныхъ условіяхъ, чрезъ эксплоатацію худшихъ участковъ земли, рудниковъ, водъ, не дающихъ ренты. Но если вспомнить, что цѣнность продукта опредѣляется не только трудомъ, затраченнымъ прямо на него, но также трудомъ на изготовленіе орудій, добываніе матеріаловъ, то можно съ увѣренностью сказать, что не найдется ни одного продукта, въ составъ цѣнности котораго не входила бы рента; изъ множества разнообразныхъ трудовъ, затраченныхъ на товаръ, всегда найдется такой, который былъ обставленъ довольно благопріятными условіями, предполагающими наличность ренты. Возьмемъ пудъ печенаго хлѣба и предположимъ, что онъ приготовленъ изъ пшеницы, выросшей на землѣ, которая не даетъ ренты. Очень вѣроятно, что орудія, которыми обработывался участокъ земли, сдѣланы изъ металла, добытаго въ рудникѣ, который приноситъ ренту, что рента поступаетъ за участокъ, на которомъ стоитъ пекарное заведеніе и т. д. Въ цѣнности нашего пуда хлѣба будутъ и частицы этихъ рентъ. Такимъ образомъ вышеуказанное положеніе должно быть распространяемо только на трудъ, который установляетъ цѣнность товара.

4. Могутъ-ли одновременно повыситься или понизиться цѣнности всѣхъ товаровъ? Милль считаетъ это логической несообразностью; это, по его мнѣнію, такъ же невозможно, «какъ изъ десятка лошадей на бѣгу не всѣ десять обскакиваютъ другъ друга [16]). Здѣсь онъ разумѣетъ подъ цѣнностью рыночную цѣну, т.-е. отношеніе, въ которомъ, при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, блага обмѣниваются одно на другое. Конечно, если возрасла цѣна однихъ товаровъ, то, относительно ихъ, падаетъ цѣна другихъ. Но цѣнность, т.-е. способность блага обмѣниваться на другія, измѣряемая количествомъ труда, не должна быть смѣшиваема съ цѣной. Мыслимо и возможно единовременное возвышеніе цѣнности всѣхъ товаровъ, какъ результатъ уменьшенія производительности всѣхъ видовъ народнаго труда. При обычномъ теченіи хозяйственной жизни такое явленіе невозможно. Но послѣ опустошеній, производимыхъ продолжительными войнами и вслѣдствіе связанной съ ними отвычки большинства населенія отъ правильной работы, вслѣдствіе ослабленія трудовыхъ навыковъ, всѣ цѣнности могутъ возвыситься, цѣны же могутъ остаться безъ перемѣны или только въ слабой степени отразить на себѣ измѣненіе цѣнностей. Лучшимъ показателемъ этого служитъ обѣдненіе народа, слѣдующее за періодами долгихъ опустошительныхъ войнъ. То же скажемъ мы и о пониженіи цѣнности. Трудно найти періодъ, когда въ теченіе короткаго времени понизилась бы цѣнность всѣхъ товаровъ. Пониже-

ніе же цѣнности очень многихъ разнообразныхъ товаровъ всегда слѣдуетъ за крупными техническими изобрѣтеніями и привлеченіемъ на службу человѣку неизвѣстныхъ ранѣе силъ природы. Такъ было послѣ примѣненія къ промышленности пара. Еще бо̀льшаго нужно ожидать отъ окончательнаго поступленія во власть человѣка другой силы—электричества.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

1) Cours complet, I, 18.

2) *Knies.* Das Geld, I, 124.

3) *Книсъ* придаетъ большое значеніе установленной имъ классификаціи цѣнности. Классификація основывается на тѣхъ свойствахъ благъ, которыя побуждаютъ признавать за ними полезность и цѣнность. а) Въ однихъ благахъ мы придаемъ особенное значеніе матеріи (твердость, мягкость, прочность, питательность); отсюда *цѣнность вещества.* б) Въ другихъ насъ особенно привлекаетъ форма (изящество, красота, круглость, симметричность частей); отсюда *цѣнность формы.* в) Третьимъ мы придаемъ значеніе только въ случаѣ нахожденія ихъ въ извѣстномъ мѣстѣ топографическому распредѣленію благъ (полезность и цѣнность земли около городовъ, воды въ пустынѣ, дровъ у себя на дворѣ и отсутствіе полезности этихъ предметовъ при другихъ условіяхъ). По его мнѣнію, первую цѣнность производитъ добывающая промышленность, вторую — обработывающая, третью — торговля. Эта классификація усвоена многими нѣмецкими экономистами, однако, она совершенно безполезна и является только упражненіемъ въ созданіи новыхъ терминовъ. Найдутся люди, которые высоко цѣнятъ гнилое сукно красивыхъ цвѣтовъ или драгоцѣнные каменья только ради ихъ прочности и т. д. Въ общемъ же блага имѣютъ полезность вслѣдствіе обладанія всѣми тѣми свойствами, которыя необходимы для удовлетворенія потребностей человѣка: золото, ткани, обувь имѣютъ полезность вслѣдствіе своей прочности и изящества, т.-е. и по свойствамъ вещества, и по особенностямъ формы; участокъ земли гдѣ-нибудь въ прекрасной долинѣ Кавказа или Альпъ, даже трудно доступный, можетъ имѣть большую цѣнность, нежели участокъ строевого лѣса около города. Словомъ, не помогая намъ познать цѣнность, эта классификація излишня.

4) Harmonies économiques, 150, 153 и 156.

5) *Lassalle.* Kapital u. Arbeit, 141—42.

6) Harmon. économ., 146—47.

7) *Macleod* Principles, 331.

8) Т. ж. 332.

9) *Зиберъ.* Теорія цѣнности, 135.

10) *Böhm Bawerk.* Kapit. u. Kapitalzins, II, 135—201. Джевонсъ, Вальрасъ и Менгеръ положили начало этой теоріи. Б. Б. считаетъ залогомъ истинности этого ученія тотъ фактъ, что оно было почти одновременно и самостоятельно установлено тремя названными писателями. Если бы авторъ припомнилъ, какъ много ошибочныхъ воззрѣній высказывалось одновременно, напр., меркантилистами, то онъ не видѣлъ бы въ этомъ залога истинности своей теоріи.—Менгеръ, вообще проницательный мыслитель, становится крайне мелочнымъ при разработкѣ теоріи Сэя-Книса.

Признавая самостоятельное существованіе цѣнности потребленія (полезность), онъ ограничивается разборомъ единичныхъ исключительныхъ случаевъ дѣйствительной жизни: цѣнность потребленія костыля для калѣки, игрушекъ—для дитяти, средствъ образованія для юноши, средствъ пріобрѣтенія — для человѣка зрѣлаго возраста и т. д. Онъ показываетъ, какъ съ измѣненіемъ въ положеніи людей, съ возрастомъ измѣняется цѣнность потребленія однихъ и тѣхъ же благъ. (Grundsätze. 213—224). Отмѣчая только частности, придавая слишкомъ большое значеніе индивидуальнымъ наклонностямъ, вкусамъ, прихотямъ, онъ совершенно забываетъ о мѣновой цѣнности, томъ началѣ, на которомъ зиждется весь обмѣнъ. Глубокомысленное обдумываніе того, что имѣетъ для нашихъ дѣтей большую цѣнность потребленія, волчки или барабаны, не далеко подвинетъ насъ въ познаніи законовъ обмѣна.

11) О богат. народ., I, 135.

12) Т. ж., 136. *Де-Квинси* подвергъ критикѣ это положеніе Адама Смита. Различая *положительную* цѣнность блага подъ вліяніемъ значенія, которое ему придаютъ, независимо отъ затраченнаго на него труда (стаканъ воды для жаждущаго) и *отрицательную*, опредѣляемую трудностью полученія блага, Де-Квинси думаетъ, что высшая цѣна можетъ подняться только до степени важности блага, которую признаетъ за нимъ покупатель, и не можетъ перейти за этотъ предѣлъ. Изъ 100 случаевъ въ 99-ти цѣнность опредѣляется трудностью полученія блага (не производствомъ), а въ одномъ случаѣ далеко превышаетъ эту норму и опредѣляется уже степенью годности, которую покупатель признаетъ за благомъ. Алмазъ, жемчугъ имѣютъ высокую цѣну потому, что за ними признаютъ высокую степень удовлетворенія извѣстныхъ потребностей. Невѣрно, по мнѣнію автора, приписывать высокую цѣну рѣдкости вещи, монополіи. Послѣдняя ровно ничего не выражаетъ. Это такъ же вѣрно, какъ утверждать, что оставленіе вещи сторожемъ есть причина ея кражи. Нужна дѣйствительная причина, а не условія, которыя облегчаютъ ея дѣйствіе. (Logic. 268 и далѣе).

13) *Марксъ*, Капиталъ, I, 5.

14) Principles, 17.

15) Основанія, 521—22.

16) Т. ж.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Рыночныя цѣны.

Пособія: тѣ-же, которыя указаны для предыдущей главы. Сверхъ того, смотри: *Чупровъ*. Полит. экон. *Neumann*. Die Gestaltung des Preises, въ курсѣ Schönberg'a, I. *Zuckerkandl*. Theorie des Preises. 1889. *Wasserrad*. Preise u. Krisen. 1889. *Schwiedland*. Gross-u. Kleinhandelspreise. — Jahrbuch. für Nationalök. u. Statistik. 1889.

Общее правило обмѣна состоитъ въ томъ, что товары имѣютъ наклонность обмѣниваться другъ на друга въ такомъ отношеніи, которое соотвѣтствуетъ ихъ цѣнности, т.-е. при которомъ каждому производителю оплачивается стоимость производства; словомъ, обмѣнъ долженъ происходить въ пропорціи затраты труда на произ-

водство благъ. Но общество состоитъ изъ многихъ частныхъ хозяйствъ, которыя владѣютъ своими продуктами. Каждое изъ нихъ свободно распоряжается своимъ товаромъ, и блага часто могутъ обмѣниваться другъ на друга и не пропорціонально цѣнности.

Отношеніе, въ которомъ товары въ дѣйствительности обмѣниваются другъ на друга при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, называется *рыночною цѣною* товаровъ. Рыночная цѣна можетъ соотвѣтствовать цѣнности, но можетъ и не соотвѣтствовать ей; она можетъ быть равною дѣйствительной стоимости, можетъ быть выше и ниже ея. Вопросъ о томъ, отъ чего зависятъ колебанія рыночной цѣны, уясняется разсмотрѣніемъ самаго процесса, посредствомъ котораго устанавливается рыночная цѣна товаровъ.

Охраняя себя отъ неблагопріятныхъ вліяній, человѣкъ руководствуется хозяйственнымъ разсчетомъ. Человѣкъ постоянно стремится произвести наиболѣе благъ съ наименьшею затратою труда. Въ первобытномъ хозяйствѣ этотъ разсчетъ отличается крайнею простотою; тамъ всѣ усилія человѣка направлены лишь на то, чтобы собственнымъ трудомъ обезпечить удовлетвореніе потребностей; его разсчетъ состоитъ въ принаровленіи труда къ размѣрамъ потребленія. Въ хозяйствѣ, основанномъ на обмѣнѣ благъ, разсчетъ принимаетъ другую форму. Такъ, человѣкъ, въ-1-хъ, стремится занять такое мѣсто и избрать то занятіе, гдѣ трудъ его лучше вознаграждается. 2) Въ хозяйствѣ, основанномъ на обмѣнѣ, человѣкъ удовлетворяетъ свои потребности не лично добытыми благами, а преимущественно благами, полученными въ обмѣнъ на собственные продукты; при обмѣнѣ продуктовъ каждый стремится продать свой трудъ по возможности дороже и купить товары другихъ дешевле. 3) Хозяйственный разсчетъ указываетъ на необходимость регулировать потребленіе не только сообразно съ производительностью собственнаго труда, но и въ связи съ тѣмъ количествомъ товаровъ, которые могутъ быть получены въ обмѣнъ. Вотъ почему человѣкъ расширяетъ потребленіе не только съ ростомъ производительности своего труда, но и при возможности получить товары другихъ въ обмѣнъ болѣе дешево. Наличность условій противоположныхъ побуждаетъ его уменьшать потребленіе. 4) Обдуманно распредѣляя трудъ между различными потребностями, человѣкъ можетъ дать въ обмѣнъ за предметъ, удовлетворяющій извѣстную потребность, лишь такое количество труда, какое онъ можетъ удѣлить на данную потребность. Кто можетъ расходовать на добываніе одежды 2 часа въ день, тотъ можетъ дать въ обмѣнъ на одежду только продуктъ своего двухчасового труда.

Эти побужденія людей вызываютъ ту борьбу интересовъ, кото-

рая называется *соперничествомъ*. Еще Ад. Смитъ ясно изобразилъ процессъ, въ которомъ оно совершается. Онъ говоритъ такъ: «Рыночная цѣна каждаго товара опредѣляется отношеніемъ между количествомъ, существующимъ на рынкѣ, и требованіями тѣхъ людей, которые готовы купить его по естественной цѣнѣ, т.-е. оплатить то, что стоилъ наемъ земли, капитала и труда для доставленія его на рынокъ. Послѣднихъ можно назвать дѣйствительными потребителями, а требованія ихъ — дѣйствительнымъ *спросомъ*: ибо этотъ спросъ и производитъ то дѣйствіе, что товаръ поступаетъ на рынокъ» [1]). Количество, поступающее на рынокъ, есть *предложеніе*; количество, которое желаютъ и могутъ купить, называется *спросомъ*. Отсюда мы заключаемъ, что цѣна товара опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ.

Когда количество какого-либо произведенія, доставленнаго на рынокъ, ниже дѣйствительнаго спроса, то не всѣ лица, готовыя оплатить издержки на производство товара, будутъ въ состояніи добыть потребное его количество. Многія изъ нихъ скорѣе согласятся заплатить за него дороже, чѣмъ не получить вовсе. Между ними немедленно обнаружится конкурренція, и рыночная цѣна поднимется болѣе или менѣе выше цѣнности. Она будетъ подниматься до тѣхъ поръ, пока не уменьшится спросъ, не отпадутъ нѣкоторые изъ желающихъ пріобрѣсти товаръ. Когда же количество товара, доставленнаго на рынокъ, превышаетъ дѣйствительное требованіе, то все оно не можетъ быть продано тѣмъ, кто согласенъ уплатить стоимость издержекъ его производства. Рыночная цѣна товара въ такомъ случаѣ падаетъ болѣе или менѣе ниже цѣнности и будетъ понижаться до тѣхъ поръ, пока пониженіе не привлечетъ къ товару новыхъ покупателей. Расширеніе спроса приравниваетъ его предложенію товара и останавливаетъ дальнѣйшее паденіе цѣнъ.

Хотя рыночная цѣна всѣхъ товаровъ часто отклоняется отъ цѣнности вверхъ или внизъ, однако, есть силы, которыя стремятся привести ее къ цѣнности. Производство товаровъ, цѣна которыхъ высока, увеличивается. Въ эти отрасли притекаютъ новые производители, старые же расширяютъ свои предпріятія. Возвышенная прибыль соблазняетъ многихъ предпринимателей. При посредствѣ кредита новые капиталы легко приливаютъ къ доходнымъ производствамъ. Въ конечномъ итогѣ предложеніе товара увеличивается, и цѣна его понижается до уровня цѣнности или ниже. При низкой цѣнѣ происходитъ обратное явленіе: отливъ капиталовъ, сокращеніе производства, уменьшенное предложеніе и повышеніе цѣны до уровня цѣнности. Хотя можно лишь крайне рѣдко уловить моментъ, когда цѣна совпадала бы съ цѣнностью, однако, постоянно

наблюдается наклонность къ уравненію. Милль, говоря объ этомъ, очень удачно уподобляетъ рынокъ состоянію моря: море всегда стремится къ уровню, но никогда не бываетъ съ точностью на уровнѣ; поверхность его постоянно колеблется волнами и часто возмущается бурями. Довольно того, что нѣтъ, по крайней мѣрѣ на открытомъ морѣ, ни одной точки, которая была бы постоянно выше другой. Каждый пунктъ моря поочередно поднимается и падаетъ, но океанъ сохраняетъ свой уровень [2]).

Принаровленіе цѣны къ цѣнности совершается иногда путемъ установленія такой цѣны, которая стоитъ нѣкоторое время ниже издержекъ производства. Увеличеніе размѣровъ производства ведетъ, какъ извѣстно, къ относительному уменьшенію издержекъ. Желѣзныя дороги, пользуясь этимъ общимъ закономъ, понижаютъ плату за перевозку людей и грузовъ въ надеждѣ, что уменьшенная плата увеличитъ ихъ перевозки. Таково, напр., пониженіе платы при выдачѣ абонементныхъ билетовъ, круговыхъ, билетовъ для поѣздокъ на выставки, съѣзды, народные праздники. Пониженіе цѣны, какъ показываетъ опытъ, сдѣланный во всѣхъ государствахъ, такъ увеличиваетъ движеніе на желѣзной дорогѣ, что ея расходы относительно уменьшаются, а чистый доходъ возрастаетъ. Однороднаго образа дѣйствій держатся и тѣ продавцы, которые стремятся обезпечить себѣ постоянный кругъ покупателей. Книгопродавцы продаютъ своимъ покупателямъ книги со значительною скидкой. Содержатели гостинницъ берутъ пониженную плату съ жильцовъ, которые нанимаютъ комнаты по мѣсячно. Во всѣхъ такихъ случаяхъ пониженія цѣны продавцы руководствуются разсчетомъ, что подобный образъ дѣйствій можетъ расширить ихъ обороты и относительно уменьшить издержки производства, т.-е. понизить цѣнность каждой единицы товара и каждой услуги въ большей пропорціи, нежели понижается цѣна.

Законъ рыночныхъ цѣнъ, изслѣдованіемъ котораго экономисты занимались въ теченіе двухъ столѣтій, изученъ съ достаточною ясностью и полнотою и не требуетъ добавокъ. Но необходимо указать на ограниченія этого закона. Эти ограниченія проистекаютъ отъ того, что въ хозяйственной жизни существуютъ сферы, гдѣ вовсе нѣтъ соперничества или гдѣ оно очень слабо. Законъ рыночныхъ цѣнъ предполагаетъ наличность слѣдующихъ трехъ условій. Во-первыхъ, возможность всегда измѣнять предложеніе сообразно съ измѣненіями въ спросѣ, т.-е. расширять или сокращать производство. Во вторыхъ, законъ рыночныхъ цѣнъ предполагаетъ и свободу приспособленія спроса къ предложенію, возможность спроса увеличиваться и сокращаться сообразно съ тѣмъ, увеличи-

вается или уменьшается размѣръ предложенія товара. Въ третьихъ, законъ рыночныхъ цѣнъ предполагаетъ, что цѣны товаровъ обладаютъ большою подвижностью, что онѣ могутъ повышаться и понижаться въ зависимости отъ размѣра спроса на товары.

Дѣйствительная жизнь представляетъ много отклоненій отъ указанныхъ условій. Во-первыхъ, предложеніе не всегда соотвѣтствуетъ спросу. На рынкѣ обращается много предметовъ, предложеніе которыхъ не можетъ быть увеличено въ силу естественныхъ или искусственныхъ причинъ. Древнія книги, статуи и картины знаменитыхъ художниковъ, вина и другіе предметы, доставляемые исключительно данною мѣстностью, земельные участки, которые отличаются красотою мѣстоположенія, дома въ городахъ, окруженныхъ крѣпостною стѣною, — все это предметы, предложеніе которыхъ никоимъ образомъ не можетъ быть увеличено и которые поэтому могутъ быть названы естественными монополіями. Вотъ почему Рикардо въ однихъ случаяхъ основываетъ цѣнность на количествѣ труда, необходимаго на ихъ добываніе, а въ другихъ— на ихъ рѣдкости. Къ этой же группѣ нужно отнести товары, различные по степени полезности; таковы, напр., березовыя и осиновыя дрова, русское и черкасское мясо, услуги адвоката, врача средняго искусства и особенно искуснаго. Хотя цѣнность этихъ товаровъ одинакова, но если общество предъявляетъ запросъ на менѣе полезные виды благъ даннаго рода, то виды болѣе полезные принадлежатъ къ естественнымъ монополіямъ: цѣна ихъ всегда превышаетъ цѣнность. Помимо естественныхъ причинъ предложеніе ограничивается иногда и искусственными: существуютъ такъ называемыя искусственныя монополіи—табачная, лоттерейная, пороховая, карточная, которыя устанавливаются государствомъ или въ его интересахъ или же въ интересахъ различныхъ учрежденій и даже лицъ. Въ Россіи игральныя карты очень дороги, потому что ихъ производство и сбытъ составляютъ монополію воспитательныхъ домовъ. Наконецъ, періодически всѣ товары могутъ имѣть монопольную цѣну за невозможностью увеличить ихъ количество: хлѣбъ—до новой жатвы, рыба—до новаго періода лова, всякій товаръ въ теченіе распутицы, бездорожья, когда нельзя доставить его въ данную мѣстность. Во всѣхъ этихъ случаяхъ цѣна товара можетъ подниматься очень высоко надъ цѣнностью. Высшимъ предѣломъ является цѣна, при которой можетъ получить сбытъ все количество товаровъ. Приведемъ здѣсь примѣръ де-Квинси. Представимъ себѣ корабль въ открытомъ океанѣ. Кто либо изъ пассажировъ захотѣлъ имѣть музыкальный инструментъ и на кораблѣ есть только одинъ, стоющій въ Лондонѣ одинъ фунтъ стер-

линговъ. Владѣлецъ инструмента будетъ требовать за него 60 фунтовъ и такъ какъ предложеніе увеличено быть не можетъ, легко получитъ ихъ, если на кораблѣ есть страстный любитель музыки. Высшій предѣлъ установляется напряженностью желанія пріобрѣсти данный товаръ.

Съ другой стороны есть блага, предложеніе которыхъ не можетъ быть скоро уменьшено: таковы обильные запасы земледѣльческихъ продуктовъ, дома въ городѣ, таковы многія личныя услуги. Съ 60-хъ годовъ, когда въ нашемъ отечествѣ были введены новыя судебныя учрежденія, столь многія лица стали посвящать себя дѣятельности адвоката, что эта отрасль занятія переполнилась на долгое время и цѣна услугъ адвокатовъ въ среднемъ опустилась ниже ихъ цѣнности. Остается классъ товаровъ, предложеніе которыхъ бываетъ наиболѣе гибко; таковы, по преимуществу, предметы обработывающей промышленности; но и здѣсь встрѣчаются большія препятствія къ уравненію предложенія и спроса. Препятствія заключаются въ томъ, что переходъ отдѣльныхъ производителей изъ одной отрасли въ другую всегда сопряженъ съ большими затрудненіями даже и для такихъ лицъ, занятія которыхъ не требуютъ значительнаго капитала. Сошлемся на примѣръ гвоздарнаго промысла въ Тверской губерніи. Этотъ промыселъ держится, хотя машинное производство гвоздей сдѣлало ручную ковку гвоздей невыгодною. Трудность отыскать иное занятіе, необходимость изученія новыхъ техническихъ пріемовъ удерживаютъ промышленниковъ у стараго промысла, хотя цѣна ихъ издѣлій стоитъ гораздо ниже цѣнности. Въ тѣхъ же отрасляхъ, гдѣ переходъ отъ одного рода производства къ другому сопряженъ съ измѣненіемъ формы для сложныхъ и дорогихъ постоянныхъ капиталовъ, переходъ этотъ совершается чрезвычайно медленно. Производитель долго мирится съ очень низкими цѣнами на свои продукты, ибо переходъ къ другой отрасли промышленности влечетъ за собой большія потери, связанныя съ переустройствомъ машинъ, зданій. Вотъ почему цѣна на издѣлія такихъ отраслей можетъ долго стоять ниже цѣнности. Эти же причины могутъ долго удерживать ее и выше цѣнности. Гдѣ необходимъ огромный капиталъ (машиностроительное, бумагопрядильное, сахароваренное и другія производства), тамъ предложеніе товара не легко можетъ быть увеличено, за трудностью образованія огромнаго капитала для основанія новаго предпріятія даннаго рода.

Если существуетъ много причинъ, которыя затрудняютъ предпринимателей приноровлять предложеніе къ спросу, то не всегда довольно гибокъ и самый спросъ. Человѣкъ необходимо долженъ

потреблять нѣкоторыя блага и какъ бы ни измѣнялось ихъ предложеніе, онъ предъявляетъ на нихъ приблизительно одинаковый спросъ. Таковы простѣйшіе виды пищи и другіе предметы, удовлетворяющіе самыя важныя для жизни потребности, напр., топливо въ странахъ съ суровымъ климатомъ. Спросъ на простѣйшія и наиболѣе распространенныя блага не подлежитъ очень большому расширенію. Какъ бы ни былъ дешевъ хлѣбъ, человѣкъ не удвоитъ своего потребленія; какъ бы ни понизилась цѣна дровъ, человѣкъ не будетъ потреблять удвоенное ихъ количество.

Замѣтимъ, наконецъ, что цѣны не всегда отличаются подвижностью. Мы говорили, что цѣны товаровъ повышаются и понижаются въ зависимости отъ размѣровъ спроса; но во многихъ мѣновыхъ сдѣлкахъ не наблюдается этого явленія. Разные покупатели, въ связи съ своимъ общественнымъ положеніемъ, одеждой, желаніемъ торговаться или отсутствіемъ этой привычки, платятъ не равныя цѣны за данный товаръ въ одной и той же лавкѣ. Не будемъ упускать изъ вида, что на измѣненіе цѣнъ имѣетъ вліяніе привычка покупателей къ цѣнамъ, по которымъ раньше продавались тѣ же товары. Покупатели сплошь и рядомъ не задаются вопросомъ, по какой цѣнѣ должны продаваться товары, а спрашиваютъ, что платили за нихъ ранѣе. Часто бываетъ такъ, что издержки производства товара понизились и цѣны его должны бы понизиться; но покупатель продолжаетъ охотно платить привычную для него цѣну. Въ сдѣлкахъ купли-продажи, которыя совершаются между людьми, непринадлежащими къ торговому и промышленному классамъ, цѣны очень часто опредѣляются привычками сторонъ. Да и какъ покупателю въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изслѣдовать, какая цѣна соотвѣтствуетъ издержкамъ производства на данный домъ, кровать, бутылку вина или стопу писчей бумаги. Не производя тщательнаго вычисленія, покупатель въ большинствѣ случаевъ предлагаетъ цѣну, какую или онъ самъ платилъ раньше за подобные товары, или какую платили его знакомые. Готовность покупателей платить привычную цѣну выражается, между прочимъ, въ томъ, что часто при закупкѣ не договариваются о цѣнѣ, а только ссылаются на «существующія цѣны», т.-е. цѣны, извѣстныя и привычныя покупателямъ. Сошлемся для доказательства стойкости нашихъ привычекъ на то, что торговцы мясомъ долго продаютъ свой товаръ по одной и той же цѣнѣ, хотя покупаютъ значительно дешевле, чѣмъ раньше. О постоянствѣ цѣнъ можно говорить только въ оптовыхъ оборотахъ, гдѣ участники желаютъ пользоваться всѣми выгодами соперничества и обладаютъ многочисленными средствами (биржа, корреспонденты и т. п.), дабы опредѣлить размѣры спроса и пред-

ложенія. Есть и такія сферы общественной жизни, гдѣ соперничество совершенно бездѣйствуетъ и гдѣ цѣнность услугъ не оказываетъ никакого вліянія на цѣну. Членскій взносъ въ различныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществахъ, клубахъ, собраніяхъ есть величина болѣе или менѣе постоянная; его высота опредѣляется обычаемъ и держится очень долго, велико или незначительно число желающихъ сдѣлаться членами; годичный взносъ держится на уровнѣ въ 5, 10, 15 рублей, и общество лишь настолько заботится о не повышеніи цѣны, насколько болѣе высокая цѣна можетъ затруднять многимъ пріобрѣтеніе членства. Напомнимъ также о разнообразныхъ формахъ государственнаго вмѣшательства. Общественная власть опредѣляетъ цѣны многихъ товаровъ и услугъ. Въ прошедшіе вѣка особенно часто устанавливалась такса на заработную плату и хлѣбъ. Въ настоящее время самой обширной областью является тарифъ платы за услуги желѣзныхъ дорогъ. Дабы установленная тарифомъ плата соотвѣтствовала цѣнности услугъ, необходимо полное покрытіе всего количества труда и капитала, затрачиваемаго желѣзной дорогой на провозъ пассажировъ и грузовъ. Нерѣдко перевозочная плата держится ниже цѣнности услуги для облегченія перевозки малоцѣнныхъ грузовъ, для передвиженія на дальнія разстоянія, для доставленія удобствъ нуждающимся лицамъ (переселенцы) и т. п. То же наблюдаемъ мы въ таксахъ платы за услуги врачей, нотаріусовъ, адвокатовъ. Цѣна услуги приводится въ соотвѣтствіе съ размѣрами выгодъ, которыя извлекаетъ кліентъ, и съ его имущественнымъ положеніемъ. При одномъ и томъ же количествѣ труда, нотаріусъ получаетъ бо́льшую плату за оформленіе крупной денежной сдѣлки, чѣмъ за удостовѣреніе мелкой. Всѣ подобныя искусственныя отклоненія цѣны отъ цѣнности могутъ быть оправданы, если общественная власть руководствуется заботой объ интересахъ бѣднѣйшихъ гражданъ. Эта забота обнаруживается во многихъ ограниченіяхъ. Общій годовой доходъ нотаріуса, вѣроятно, соотвѣтствуетъ цѣнности его труда. Если цѣна услуги ниже цѣнности при совершеніи мелкихъ сдѣлокъ, и выше — при совершеніи крупныхъ, то можно со значительнымъ вѣроятіемъ предположить, что часть платы перелагается съ бѣднѣйшихъ кліентовъ на болѣе состоятельныхъ. Равнымъ образомъ высокіе налоги на привозные товары даютъ поводъ къ тому, что цѣна издѣлій туземныхъ производителей можетъ быть выше цѣнности; рѣзкій переходъ къ свободной международной торговлѣ оказываетъ противоположное вліяніе. Наконецъ, соглашеніе крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ и скупка ими товаровъ для увеличенія барыша часто ведутъ къ произвольному возвышенію цѣнъ.

Все изложенное убѣждаетъ, что общій законъ рыночныхъ цѣнъ испытываетъ въ дѣйствительной жизни значительныя ограниченія. Но, чтобы познать ихъ и изучить размѣры ихъ вліянія, нужно установить законъ, т.-е. изслѣдовать дѣйствіе самыхъ общихъ причинъ, которыя обнаруживаются въ большинствѣ мѣновыхъ сдѣлокъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) О богат. народ., I кн., 7 глава.
2) Основанія, I, 510.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Деньги.

Главныя пособія. *Д. С. Милль.* Основанія. *Schönberg.* Handbuch I. *Jevons.* Money and the mechanism of exchange. 1876. *Knies.* Das Geld. 2-е изд. 1885. *Hildebrand.* Theorie des Geldes. 1883. *Walras.* Théorie de la monnaie. 1886. *Hertzka.* Das Wesen des Geldes. 1887. *Menger.* Das Geld въ Handwörterbuch des Staatswissenschaft. III. Т. ж. указ. на литер. вопроса. *Wagner.* Für bimetallistische Münzpolitik Deutschlands. 1881. *Frère Orban.* La question monétaire. 1874. *Haupt.* L'histoire monétaire de notre temps. 1886. *Tooke* and. *Newmarch.* History of prices. *Wolowski* La question monétaire. 1867. *Cernuschi.* L'or et l'argent 1874. *Laveleye.* La monnaie bimétallique. 1876.

Всеобщій товаръ, называемый *деньгами*, исполняетъ въ общественномъ хозяйствѣ нѣсколько функцій: 1) Въ хозяйствѣ происходятъ безчисленныя сравненія цѣнностей. Установленіе отношеній между различными величинами особенно облегчается тѣмъ, что они сводятся къ какой-нибудь третьей, всѣмъ извѣстной величинѣ, которая была бы способна служить мѣриломъ цѣнностей. Деньги и являются такимъ мѣриломъ. 2) Хозяйство нуждается въ орудіи, посредствомъ котораго имущественная власть одного лица могла бы быть переносима на другихъ лицъ, изъ одного мѣста въ другое и отъ одного момента времени въ другой. Потребности отдѣльныхъ хозяйствъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ настолько соотвѣтствуютъ другъ другу, чтобы каждое могло получить въ обмѣнъ за уступаемыя блага именно то, въ чемъ оно ощущаетъ наибольшую нужду. Предлагающій къ продажѣ свой товаръ часто не можетъ найдти у покупателей нужное для себя, или же и находитъ нужный то-

варъ, но въ недостаточномъ количествѣ; бываетъ и такъ, что продавецъ хочетъ теперь же сбыть свой товаръ и пріобрѣсти только покупательное средство, которое онъ позднѣе обмѣняетъ на различныя нужныя ему вещи. Деньги и выступаютъ въ функціи *посредника* или *орудія обмѣна*. 3) Изъ этой функціи денегъ развивается и третья—быть *средствомъ платежа*. Многія формы передачи цѣнностей не подходятъ подъ понятіе о мѣновыхъ сдѣлкахъ: уплата налоговъ, имущественныхъ пеней, процентовъ по ссудамъ, выдачи приданаго и т. п. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ деньги становятся изъ всеобщаго орудія обмѣна *общимъ платежнымъ средствомъ*. 4) Развитіе хозяйственной жизни постепенно заставляетъ деньги исполнять и еще одну обязанность. Привычка сберегать запасы упрочивается все болѣе и болѣе. Одни блага (жизненные припасы) не могутъ быть долго сохраняемы уже по своимъ физическимъ свойствамъ. Другіе могутъ быть сохраняемы очень долгое время; но нельзя предугадать, какія вещи черезъ 1—2 года будутъ всего болѣе нужны данному хозяйству; и вотъ, сознается особенная выгодность сбереженія денегъ, какъ всеобщаго орудія обмѣна, которое позволяетъ данному хозяйству пріобрѣсти въ будущемъ то, что наиболѣе соотвѣтствуетъ его потребностямъ.

Происхожденіе денегъ теряется въ самой глубокой древности. Напрасно было бы искать изобрѣтателя или изобрѣтателей денегъ. Всего правильнѣе разсматривать ихъ возникновеніе и развитіе функцій, которыя онѣ исполняютъ, какъ естественный процессъ. Этотъ процессъ былъ вызванъ безчисленными наблюденіями надъ неудобствами, которыя связаны съ непосредственной мѣной.

Вызванныя къ жизни потребностями оборота, деньги стали необходимою принадлежностью хозяйственнаго быта гораздо ранѣе того времени, когда государственная власть ввела ихъ въ кругъ своихъ заботъ. Будучи вынуждено упорядочивать нѣкоторыя функціи, исполняемыя деньгами, государство сдѣлало ихъ предметомъ своихъ опредѣленій. Получая подати, денежныя пени, арендные платежи за казенныя земли, государство должно опредѣлить, что такое законное платежное средство. И другая функція денегъ—служитъ мѣриломъ цѣнностей—нуждается въ упорядоченіи со стороны закона: государство предписываетъ производить измѣреніе цѣнностей имущества и доходовъ для взиманія налоговъ и пошлинъ. Дабы эта дѣятельность государства имѣла прочное основаніе, необходимо предварительно опредѣлить, какія деньги служатъ мѣриломъ цѣнностей. Какъ скоро законъ даетъ свою санкцію деньгамъ извѣстнаго вида, то онѣ становятся государственными деньгами. Этимъ самымъ не исключается употребленіе и

другихъ денегъ; но никто не можетъ быть принужденъ къ ихъ принятію. Государственными деньгами служатъ въ Россіи полуимперіалы, рубли, копѣйки; но частныя лица, по соглашенію, могутъ употреблять при обмѣнѣ шиллинги, франки, марки и другія, конечно, безъ права навязывать кому-либо уплату этими деньгами.

На раннихъ ступеняхъ общественнаго быта орудіями обмѣна и платежнымъ средствомъ служатъ весьма разнообразные предметы, но всегда тѣ, которые имѣютъ обще-признанную полезность. Среди многихъ видовъ денегъ наибольшее распространеніе имѣютъ скотъ, звѣриныя шкуры и раковины. Скотъ служитъ деньгами потому, что на низкомъ уровнѣ экономическаго развитія скотоводство есть преобладающій промыселъ, скотъ составляетъ главное богатство, а общественныя пастбища позволяютъ безъ труда утилизировать скотъ, полученный въ обмѣнъ. Раковины очень охотно употребляются, какъ предметы украшеній. Желѣзо и мѣдь стали матеріаломъ для денегъ раньше золота и серебра. Но благородные металлы обладаютъ въ самой высокой степени свойствами, необходимыми для денегъ. Отличаясь очень большою прочностью, они могутъ быть сохраняемы цѣлыя тысячелѣтія. Другимъ важнымъ достоинствомъ служитъ ихъ однородность, которая избавляетъ отъ необходимости различать эти металлы по сортамъ. Дробимость до самыхъ мелкихъ долей позволяетъ пользоваться ими даже для самыхъ малоцѣнныхъ сдѣлокъ. Большое значеніе имѣетъ и высокая цѣнность благородныхъ металловъ, вслѣдствіе которой даже небольшое ихъ количество по вѣсу достаточно для совершенія очень крупныхъ сдѣлокъ. Наконецъ, благородные металлы имѣютъ цѣнность, болѣе или менѣе устойчивую. Хотя издержки производства при добываніи золота и серебра колеблются изъ года въ годъ, однако, ихъ цѣнность мало измѣняется; ежегодная добыча составляетъ очень небольшую долю въ общемъ запасѣ золота и серебра, которымъ располагаетъ человѣчество и даже каждое крупное народное хозяйство. Въ исторіи денегъ можно отмѣтить только два періода, когда цѣнность благородныхъ металловъ понизилась за короткое время: такъ было въ 16 вѣкѣ послѣ прилива въ Европу большихъ массъ серебра и частью золота изъ американскихъ рудниковъ и въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія послѣ открытія богатыхъ мѣсторожденій золота въ Калифорніи и Австраліи.

Благородные металлы, какъ матеріалъ для денегъ, становятся особенно пригодными въ формѣ монетъ. Пока золото и серебро не чеканится, а поступаетъ въ оборотъ брусками, кольцами, порошкомъ, до тѣхъ поръ необходимо при каждомъ платежѣ опредѣлять взвѣшиваніемъ ихъ количество и испытывать чистоту содержимаго

ими металла. Чеканка монеты и вызвана неудобствами, которыя связаны съ необходимостью провѣрять куски металловъ. Это неудобство исчезаетъ, какъ скоро государство принимаетъ на себя чеканку монеты и удостовѣряетъ, что кусокъ металла опредѣленной формы и наименованія заключаетъ въ себѣ такое-то количество золота или серебра и такой то процентъ чистаго металла. Такіе куски металла и называются *монетами*. Авторитетъ государственной власти вводитъ монету въ хозяйственный оборотъ данной страны. Но обыкновенно монеты цивилизованныхъ народовъ обращаются и за предѣлами даннаго государства, у народовъ менѣе культурныхъ. Въ древней Россіи ходили монеты нѣмецкія и голландскія, у древнихъ германцевъ—римскія. Монеты чеканятся изъ благородныхъ металловъ съ примѣсью мѣди, такъ какъ въ чистомъ видѣ золото и серебро слишкомъ мягки. Примѣсь неблагороднаго металла называется *лигатурою*, а число частей благороднаго металла называется *пробою*. Благородные металлы смѣшиваются съ лигатурою въ пропорціяхъ, весьма различныхъ. Очень высокой пробы были тосканскіе цехины, имѣвшіе 0,999 чистаго золота, австрійскіе дукаты, содержавшіе 0,986 чистаго золота. Теперь преобладаютъ сплавы, гдѣ на 10 частей 9 чистаго металла и 1 лигатуры. Таковы и наши серебряные рубли. Дабы монета удовлетворяла своему назначенію, она должна имѣть точно опредѣленные пробу и вѣсъ. Они удостовѣряются первоначальными испытаніями, которымъ подвергаютъ каждую монету при выпускѣ изъ монетнаго двора. Граница дозволенныхъ уклоненій монеты отъ образца называется *ремедіумъ*. По договору между государствами латинскаго монетнаго союза (12 дек. 1885г.) для 20 и 10 франковыхъ монетъ ремедіумъ опредѣляется въ $\frac{2}{1000}$ относительнаго вѣса и въ $\frac{1}{1000}$ относительно пробы. Въ Россіи ремедіумъ допускается толькодля вѣса: 3 доли на 1 серебряный рубль вверхъ или внизъ. Кромѣ монеты изъ золота и серебра, которая и образуетъ денежную систему, въ употребленіе вводится *размѣнная монета*: она предназначается для мелкихъ покупокъ, доплатъ и вообще незначительныхъ сдѣлокъ. Для размѣнной монеты употребляются малоцѣнные металлы и сплавы,—мѣдь, бронза, никкель и низкопробное серебро. Такъ какъ дѣйствительная цѣнность размѣнной монеты ниже ея нарицательной цѣнности, то ея пріемъ въ платежахъ обязателенъ только до извѣстной, невысокой нормы, установляемой закономъ.

Цѣнность денегъ зависитъ отъ издержекъ ихъ производства. Подобно тому, какъ цѣна каждаго товара можетъ стоять выше его цѣнности или ниже ея, такъ и цѣна денегъ можетъ подниматься

надъ ихъ цѣнностью или опускаться ниже ея. Показателемъ измѣненія цѣны денегъ служатъ измѣненія цѣнъ товаровъ: если цѣны всѣхъ товаровъ повысились, то мы заключаемъ, что цѣна денегъ упала и наоборотъ. Какъ цѣны товаровъ, поднимаясь и опускаясь, тяготѣютъ къ цѣнности, такъ замѣчаемъ мы этотъ уравнивающій процессъ и относительно денегъ.

Дабы уяснить себѣ этотъ процессъ, припомнимъ, что деньги исполняютъ двоякое назначеніе: служатъ формою сбереженія цѣнностей и орудіемъ обращенія. Тѣ денежныя суммы, которыя служатъ для сбереженія цѣнностей, уходятъ изъ оборота и не оказываютъ вліянія на цѣну товаровъ. Запросъ же на деньги, какъ средство платежа, можетъ быть удовлетворенъ не только увеличеніемъ въ оборотѣ запаса благородныхъ металловъ, но и двумя другими способами. 1) *Увеличеніемъ быстроты обращенія денегъ*. Денежныя суммы не употребляются непрерывно для платежей, но въ промежуткъ между платежами спокойно лежатъ въ кассахъ. Чѣмъ меньшее количество времени лежатъ деньги въ кассахъ, чѣмъ чаще слѣдуютъ платежи одинъ за другимъ, тѣмъ меньше нужно денегъ для совершенія уплатъ на данную сумму. 2) Запросъ на деньги можетъ быть удовлетворенъ также *развитіемъ кредита*, который служитъ посредникомъ при обмѣнѣ цѣнностей и часто позволяетъ обойтись безъ уплаты наличными деньгами. Обороты цѣнностей посредствомъ кредита совершаются весьма различными способами. Но всѣ они проникнуты однимъ и тѣмъ же началомъ: благодаря кредиту, возникаютъ требованія уплаты, которыя или взаимно уравновѣшиваются и погашаются, или же кредитные знаки, которые выражаютъ эти требованія уплаты, входятъ въ оборотъ, заступаютъ мѣсто наличныхъ денегъ и дѣлаютъ ихъ при многихъ платежахъ излишними. 3) Тѣ денежныя суммы, которыя не участвуютъ въ оборотѣ, а служатъ только формою сбереженія запасовъ, также обладаютъ способностью удовлетворить запросъ въ деньгахъ, какъ орудіяхъ обращенія, и понизить ихъ цѣну, если она поднялась слишкомъ высоко надъ цѣнностью. При низкомъ уровнѣ культуры всякій, имѣющій возможность, отъ царя до простолюдина, откладываетъ золото и серебро на черный день. Но эти сбереженія извѣстны и нашему времени. Укажемъ прежде всего на металлическіе фонды, которые составляются во многихъ государствахъ на случай войны; упомянемъ о запасахъ благородныхъ металловъ, которые банки хранятъ въ своихъ кладовыхъ. Кромѣ того, и частныя хозяйства имѣютъ небольшіе денежные запасы, образующіе въ итогѣ, для цѣлаго народнаго хозяйства, очень крупныя суммы. Эти запасы оказываютъ очень большое вліяніе на

удовлетвореніе потребности въ деньгахъ, какъ орудіи обращенія. Эта потребность колеблется по временамъ года. Въ Россіи она бываетъ всего болѣе велика осенью, при большихъ покупкахъ земледѣльческихъ произведеній, во время ярмарокъ (особенно нижегородской). Въ эти періоды часть денежныхъ суммъ, служащихъ для сбереженія запасовъ, поступаетъ въ оборотъ, какъ орудіе обращенія. Вотъ условія, которыя позволяютъ народному хозяйству увеличить запасъ орудій обращенія помимо прилива благородныхъ металловъ изъ рудниковъ или изъ-за границы. Въ особенности не слѣдуетъ забывать объ огромныхъ размѣрахъ, въ которыхъ кредитные знаки могутъ заступать мѣсто денегъ. Этими условіями и объясняется большая устойчивость цѣнности денегъ, легкость, съ какою цѣна денегъ приближается къ цѣнности. Признавая безусловно невѣрною теорію, которая ставитъ цѣны въ зависимость только отъ количества денегъ, обращающихся въ странѣ, мы скажемъ, что сумма денегъ, необходимая для страны, какъ орудіе обращенія, зависитъ отъ суммы товарныхъ цѣнъ, отъ быстроты обращенія денегъ и отъ распространенности кредитныхъ знаковъ.

Почти съ того времени, какъ началась чеканка монеты, явилось стремленіе пользоваться для монеты золотомъ и серебромъ и установлять между обоими металлами опредѣленное отношеніе. Уже въ древнемъ Вавилонѣ чеканились золотыя и серебряныя монеты; между ними установлялось отношеніе, какъ $1:13^1/_2$. Двойная монетная система преобладала и у другихъ древнихъ народовъ. При такомъ порядкѣ и золотая, и серебряная монеты считаются законнымъ средствомъ платежей; во всѣхъ сдѣлкахъ предоставляется участникамъ на выборъ производить платежи монетами изъ того или другого металла. Двойная система обыкновенно ведетъ къ тому, что одинъ металлъ постепенно исчезаетъ изъ оборота. Если золото дорожаетъ сравнительно съ цѣной, установленной для него монетнымъ закономъ данной страны (вмѣсто законныхъ $13^1/_2$ унцій серебра одна унція золота стоитъ, наприм., 15 унцій серебра), то золотыя монеты постепенно исчезаютъ изъ оборота: частію онѣ употребляются для платежей, но уже ходятъ съ лажемъ (лажемъ называется разница между нарицательной цѣнностью обезцѣнившейся монеты и ея цѣною; если за полумперіалъ, нарицательная цѣнность котораго равна 5 серебрянымъ рублямъ, даютъ 6 рублей, то 1 рубль составляетъ лажъ) частію переливаются въ слитки и вывозятся за границу или же идутъ для украшеній внутри страны. Получивъ такое назначеніе, онѣ могутъ покупать больше серебра, нежели въ формѣ монетъ. При такомъ порядкѣ въ дѣйствительности господствуетъ одиноч-

ная, именно серебряная монетная система. Мы находимъ въ исторіи денежнаго обращенія много примѣровъ этого рода. Если дорожаетъ серебро относительно золота, то становится очень выгоднымъ употреблять для платежей золотую монету, и серебро исчезаетъ изъ оборота. Въ исторіи не такъ много примѣровъ этого рода, однако, можно указать на денежное обращеніе Англіи въ началѣ XVIII вѣка, когда вздорожало серебро и изъ оборота исчезла почти вся серебряная монета. То же случилось въ 50-хъ и 60-хъ годахъ настоящаго вѣка въ Соединенныхъ Штатахъ: серебряная монета исчезла изъ оборота подъ вліяніемъ пониженія цѣнности золота, поступавшаго въ изобиліи изъ калифорнскихъ и австралійскихъ рудниковъ. Поэтому заслуживаетъ предпочтеніе одиночная система (золотая или серебряная). При этомъ можно чеканить монету изъ обоихъ металловъ, не установляя между ними отношенія; дѣлая законнымъ платежнымъ средствомъ только монеты изъ одного металла, нужно предоставить хозяйственному обороту принимать монеты изъ другого металла по его дѣйствительной цѣнѣ.

Въ настоящее время монетная политика главныхъ государствъ представляется въ такомъ видѣ. Въ Великобританіи и Ирландіи введена съ 1816 года золотая монетная система; золотыя монеты служатъ законнымъ платежнымъ средствомъ при всѣхъ разсчетахъ на сумму болѣе 40 шиллинговъ. Большая часть англійскихъ колоній усвоила монетную систему метрополіи. Остъ-Индія же держится одиночной серебряной системы, единицей которой служитъ рупія. Франція, Бельгія, Швейцарія и Италія образовали въ 1865 году латинскій монетный союзъ. Было постановлено держаться двойной системы съ оффиціально установленнымъ отношеніемъ цѣны золота и серебра, какъ 1 къ $15^1/_2$. Было условлено, что каждое изъ государствъ будетъ чеканить серебряную монету въ опредѣленномъ количествѣ. Въ 1868 году къ союзу примкнула Греція. Этимъ соглашеніемъ была облегчена обращаемость монетъ каждой изъ названныхъ странъ въ предѣлахъ всего союза. Германія перешла съ 1873 года къ золотой монетѣ. Это стало возможно съ приливомъ въ Германію вслѣдъ за франко-прусской войной огромнаго количества золота—на сумму до $1^3/_4$ милліарда марокъ. Къ золотой монетной системѣ перешли въ началѣ 70-хъ годовъ и скандинавскія государства. Двойной монетной системы держатся Соединенные Штаты. Въ Россіи дѣйствующая нынѣ монетная система упорядочена закономъ 1 августа 1886 года. Монетной единицей признается серебряный рубль; онъ раздѣляется на 100 копѣекъ и содержитъ 4 золотника и 21 долю чистаго серебра. Золотыя монеты чеканятся 10-рублеваго и 5-рублеваго достоинства.

Для полноцѣнной золотой и серебряной монеты принята 900-ая проба (900 частей чистаго металла и 100 частей мѣди). Размѣнная монета чеканится въ Россіи изъ серебра низкой пробы (48-ой или 0,500) и мѣди. Въ платежахъ между частными лицами обязательный пріемъ размѣнной монеты ограниченъ тремя рублями. Такимъ образомъ, Россію нужно отнести къ странамъ, гдѣ формально господствуетъ серебряная монетная система. Въ дѣйствительности же бумажныя деньги вытѣснили монету изъ обращенія.

Въ послѣдніе годы явилось много сторонниковъ международнаго монетнаго объединенія, которое установило бы однообразную монетную систему для всѣхъ культурныхъ государствъ. Объединеніе должно выразиться въ чеканкѣ всѣми государствами однородныхъ монетъ. Писатели-биметаллисты (защитники двойной монетной системы) высказываются за удержаніе отношенія золота къ серебру, какъ $1 : 15^1/_2$. Монетное объединеніе, основывающееся на принятіи двойной монетной системы, можетъ доставить ту крупную выгоду, что уменьшитъ колебанія цѣнности денегъ, а потому и сдѣлаетъ покупательную силу денегъ болѣе устойчивою: колебанія въ годичной добычѣ обоихъ металловъ, вмѣстѣ взятыхъ, менѣе значительны, нежели каждаго металла въ отдѣльности. Для обсужденія этого важнаго вопроса въ Парижѣ два раза собиралась международная конференція (въ 1878 и 1881 годахъ). На ней выяснилась, однако, невозможность осуществить эту идею въ ближайшемъ будущемъ. Мы вполнѣ присоединяемся къ этому плану и считаемъ его проведеніе большимъ шагомъ впередъ по пути мирнаго сближенія культурныхъ народовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Бумажныя деньги.

Литература: *Ricardo.* Principles, а также, High price of bullion. *Tooke.* History of prices, 1840—1848. *Джонъ Стюартъ Миллъ.* Основанія. *Knies.* Der Kredit, II. *Schönberg.* Handbuch, III. *Гольдманъ.* Русскія бумажныя деньги 1866. *Wagner.* Russ. Papierwähr. 1867 русскій переводъ. *Его же.* Stantspapiergeld, Reichskassenscheine. 1874. *Hertzka.* Währung u. Handel. 1876. *Ламанскій.* О денежн. обращ. въ Россіи. Сбор. ст. свѣд. 1853. *Безобразовъ.* О нѣкотор. явлен. денежн. обращ. въ Россіи. 1863. *Слодкевичъ.* Бумажн. деньги въ Россіи. Кіев. Унив. Изв. 1871. *Буніе.* О настоящ. полож. наш. денеж. сист. Сборн. Госуд. Знан. VIII. *Кауфманъ.* Обзоръ проэктовъ о преобраз. кредитн. денежн. сист. Россіи,

1878. *Исаевъ* Государ. кредитъ. 1886. *Лебедевъ*. Бумажныя деньги. 1890. *Сементковскій*. Нашъ вексел. курсъ. 1891. *Никольскій*. Русскія бумажныя деньги. 1892. *Головачевъ*. Реформа кред. денеж. сист. *Отеч. Зап.*, 1875, IV. *Жуковскій*. Вліяніе бумаж. денегъ на лажъ и цѣны. *Вѣстн. Евр.*, 1881, IV. *Тороховъ*. Возстанов. металл. обращ. *Вѣстн. Евр.* 1883. VIII. *Колесовъ*. О попыткѣ къ улучш. наш. ден. обращ. *Вѣстн. Евр.* 1886, XII. *Судейкинъ*. Денеж. кред. реформа Канкрина. *Юр. Вѣстн.* 1891. II.

Деньги обращаются обыкновенно въ формѣ монеты, т.-е. кусковъ металла опредѣленной формы, величины и вѣса. Необходимымъ условіемъ правильности обмѣна служитъ соотвѣтствіе нарицательной цѣны монеты съ ихъ дѣйствительною цѣнностью; въ монетѣ должно заключаться количество чистаго металла, по цѣнности равное выставленной на ней цѣнѣ. Наблюденіе показываетъ, что нарицательная цѣнность монеты не всегда совпадаетъ съ дѣйствительною. Монеты, обращаясь на рынкѣ, теряютъ вѣсъ, изнашиваются, и дѣйствительная ихъ стоимость становится ниже номинальной, но это, все-таки, не нарушаетъ правильности обмѣна, такъ какъ для обращенія денегъ имѣетъ важность не столько ихъ матеріальная сторона, сколько убѣжденіе каждаго, что онѣ могутъ служить платежнымъ средствомъ, хотя бы потеряли въ обращеніи долю своей стоимости, и что всѣ будутъ принимать монету, хотя бы количество металла, заключеннаго въ ней, значительно уменьшилось.

Въ этомъ убѣжденіи и заключается ключъ къ разгадкѣ того, почему, рядомъ со звонкой монетой, на рынкѣ можетъ обращаться и большое количество *бумажныхъ денегъ*. Первый шагъ къ употребленію бумажныхъ денегъ былъ сдѣланъ введеніемъ въ оборотъ (въ средніе вѣка) размѣнныхъ денегъ. Разъ въ обращеніе вошли не полноцѣнныя, испорченныя деньги, не трудно было сдѣлать и дальнѣйшій шагъ—ввести бумажныя деньги. *Бумажными деньгами называются бумажные листки, на которыхъ обозначено названіе монеты и которые снабжены принудительнымъ курсомъ*. Ихъ выпускъ сопряженъ для государства со значительными выгодами: во-первыхъ, приготовленіе обходится дешево,—ихъ удобно пересылать, такъ что онѣ представляютъ удобное орудіе обращенія и, во-вторыхъ, по введеніи ихъ въ оборотъ, дорогіе товары, золото и серебро, дѣлаясь свободными, могутъ получить иное производительное и полезное назначеніе.

Возможность обращенія бумажныхъ денегъ основывается на увѣренности каждаго, что онъ получитъ въ обмѣнъ на нихъ всѣ нужные товары. Государство вселяетъ въ гражданъ убѣжденіе, что бумажныя деньги такъ же могутъ служить платежнымъ средствомъ,

какъ и монета, и само принимаютъ ихъ въ уплату податей и другихъ сборовъ. Дабы бумажныя деньги могли обращаться по одной цѣнѣ съ металлическими, ихъ должно быть столько, сколько необходимо для потребностей оборота. Бумажные листки сами по себѣ не имѣютъ цѣнности, а заимствуютъ ее отъ звонкой монеты, выражаютъ цѣнность послѣдней. Поэтому разъ въ странѣ является больше бумажныхъ денегъ, нежели нужно было денегъ въ звонкой монетѣ, ихъ цѣна необходимо падаетъ. Положимъ, напр., что общая сумма денегъ въ данной странѣ должна быть равна 100,000.000 рублей, которые заключаются въ звонкой монетѣ. Правительство выпускаетъ бумажныхъ денегъ на 50 милліоновъ рублей: количество денегъ въ странѣ увеличится въ $1^1/_2$ раза; цѣны всѣхъ обращающихся на рынкѣ товаровъ повысятся, ибо будетъ предлагаться за нихъ больше денегъ, поднимется цѣна золота и серебра, заключеннаго въ слиткахъ, а потому станетъ выгоднымъ обращать монету въ слитки и въ издѣлія или вывозить за границу. Такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока общая сумма денегъ въ странѣ не уменьшится настолько, насколько она была увеличена выпускомъ бумажныхъ денегъ. Тогда цѣны понизятся до прежняго уровня, и положеніе дѣлъ будетъ лишь тѣмъ отлично отъ прежняго, что весь нужный для страны запасъ денегъ будетъ заключаться на половину въ монетѣ и на половину въ бумажныхъ листахъ. Если послѣдуетъ второй выпускъ бумажекъ на 50 милліоновъ, то произойдетъ то же явленіе—повышеніе цѣны товаровъ, отливъ звонкой монеты за границу и переплавка ея въ издѣлія, пока и послѣдніе 50 милліоновъ не исчезнутъ изъ оборота и сумма денегъ не упадетъ до необходимой для страны суммы, т.-е. не будетъ равна 100.000.000 рублей. Но въ этомъ случаѣ всѣ 100 милліоновъ будутъ состоять изъ однѣхъ бумажекъ; при довѣріи общества къ государству обмѣнъ еще можетъ не испытывать затрудненій. Предположимъ, что правительство выпускаетъ бумажныхъ денегъ еще на 50 милліоновъ рублей. Вслѣдствіе этого въ странѣ опять будетъ денегъ болѣе потребнаго количества, но теперь произойдетъ уже нѣчто совсѣмъ иное: невозможность отвлечь изъ оборота лишніе 50 милліоновъ бумажекъ поведетъ къ повышенію цѣнъ всѣхъ товаровъ и паденію цѣны бумажныхъ денегъ. Новый уровень цѣнъ установится на долгое время.

Переполненіе оборота бумажными деньгами ведетъ за собою крупныя потрясенія въ общественномъ хозяйствѣ. Должники, заключившіе заемъ въ полноцѣнныхъ деньгахъ, имѣютъ незаслуженныя выгоды, если уплачиваютъ долгъ обезцѣнившимися деньгами. Кредиторы несутъ соотвѣтственно съ этимъ незаслуженные убытки.

Довѣріе въ обществѣ подрывается и сдѣлки лишаются точности и опредѣленности. Перемѣны въ цѣнѣ орудія обмѣна нарушаютъ существующіе договоры и соображенія и при опасеніи такихъ перемѣнъ становятся совершенно невѣрны денежныя обязательства на долгій срокъ. Выдающимся примѣромъ паденія цѣны бумажныхъ денегъ служитъ паденіе курса нашего рубля при императорѣ Александрѣ I до 23 копѣекъ. Еще гораздо большему обезцѣненію подверглись бумажныя деньги въ первую французскую революцію—до $^1/_{500}$ своей цѣны; а въ Америкѣ, во время войны сѣверныхъ штатовъ съ южными, цѣна бумажныхъ денегъ южныхъ штатовъ упала до $^1/_{1200}$ нарицательной цѣнности.

Но, дабы ближе ознакомиться съ бумажными деньгами, необходимо различать ихъ обезцѣненіе относительно звонкой монеты и относительно товаровъ. Эти оба отношенія не всегда развиваются параллельно. О первомъ можно судить по *лажу*, излишку, который платятъ бумажными деньгами при обмѣнѣ ихъ на монету (напр., 1 р. 50 к. бумажныхъ за одинъ серебряный рубль), о второмъ—по разницѣ между цѣной товаровъ, покупаемыхъ на бумажныя деньги послѣ ихъ обезцѣненія, сравнительно съ цѣною товаровъ въ то время, когда бумажныя деньги стояли на одномъ уровнѣ—al pari—съ монетою или же когда въ странѣ вовсе не было бумажныхъ денегъ. Предположимъ, что одна четверть ржи, когда бумажный и серебряный рубли стоятъ al pari, стоила 6 рублей. Если за одинъ серебряный рубль даютъ 1 р. 25 коп., то поднимется ли цѣна ржи до 7 р. 50 к. бумажныхъ за четверть, т.-е. до высоты лажа?

Факты показываютъ, что не всегда совершается равномѣрное движеніе въ обоихъ направленіяхъ. Пониженіе цѣнности бумажныхъ денегъ имѣетъ различныя степени. Если цѣна ихъ падаетъ почти до нуля (какъ-то было съ французскими ассигнаціями въ концѣ прошлаго столѣтія), то на ряду съ ними обращается звонкая монета, которая фактически и служитъ деньгами, и всѣ перемѣны въ лажѣ, его повышеніе или пониженіе немедленно отражаются на цѣнахъ товаровъ и ведутъ къ соотвѣтствующему ихъ измѣненію. Если же паденіе цѣны бумажныхъ денегъ не такъ велико, то не замѣчется указанной связи. Въ большихъ торговыхъ, портовыхъ городахъ и пограничныхъ мѣстностяхъ, ведущихъ оживленныя сношенія съ заграницей, измѣненія въ лажѣ легко отражаются и на цѣнахъ товаровъ. Въ срединныхъ же мѣстностяхъ большого государства, не находящихся въ постоянной связи съ иноземными народами, цѣны отличаются гораздо бо́льшею устойчивостью и мало колеблются вслѣдствіе измѣненій лажа. Такъ въ

нашихъ деревняхъ и большей части городовъ цѣны важнѣйшихъ предметовъ потребленія не измѣнялись за 80-ые года, хотя цѣна бумажныхъ денегъ повышалась и понижалась не только изъ года въ годъ, но и изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Можно привести еще болѣе интересный примѣръ: въ южной Россіи между 1774 и 1808 годами за прокормленіе крѣпостнаго платили 10 коп. ассигнаціями въ день, а ассигнаціонный рубль понизился за это время до 50 копѣекъ серебра.

Рикардо высказалъ мнѣніе, что цѣна бумажныхъ денегъ, относительно монеты измѣняется соразмѣрно съ измѣненіемъ количества бумажныхъ денегъ. Это положеніе, встрѣтившее основательную критику Тука, должно быть признано невѣрнымъ. Факты показываютъ, что часто увеличеніе количества бумажныхъ денегъ не только не сопровождается паденіемъ ихъ металлической цѣны, но даже ея возвышеніемъ. Данныя объ обращеніи бумажныхъ денегъ въ Россіи за послѣднее 20-ти-лѣтіе показываютъ, что часто лажъ былъ ниже въ то время, когда въ обращеніи было больше бумажныхъ денегъ. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что бо́льшая потребность въ бумажныхъ деньгахъ препятствуетъ паденію ихъ металлической цѣны. Степень обезцѣненія слѣдуетъ привести въ тѣснѣйшую связь, какъ съ причиной, со спросомъ на звонкую монету. Размѣры спроса часто подлежатъ колебанію. Усиленный спросъ предъявляется внутри страны, когда хозяйственные кризисы или политическія событія побуждаютъ частныхъ лицъ увеличивать сбереженія въ звонкой монетѣ. Но главныя перемѣны въ этомъ спросѣ объясняются международными сношеніями. Склоняется балансъ заграничныхъ платежей не въ пользу страны, гдѣ преобладаютъ бумажныя деньги,—и ей нужно вывозить много металла, а потому бумажно-денежная цѣна его повышается. Изъемлютъ, подъ вліяніемъ политическихъ осложненій, заграничные кредиторы свои капиталы изъ данной страны, и платежный балансъ еще болѣе склоняется къ ея невыгодѣ, еще болѣе нужно золота для высылки заграницу, и еще ниже падаетъ металлическая цѣна бумажныхъ денегъ. И наоборотъ. Такъ какъ при современномъ развитіи международныхъ сношеній хозяйственная жизнь каждой страны подчиняется вліянію не только экономической, но и политической жизни другихъ народовъ, то колебанія лажа могутъ быть очень часты и рѣзки. Какой-нибудь люксембургскій вопросъ, свиданіе коронованныхъ особъ иностранныхъ державъ или парламентскія осложненія въ западной Европѣ—факты, повидимому, малозначущіе для Россіи, оказываютъ вліяніе на размѣры спроса, который предъявляется въ нашемъ отечествѣ на звонкую монету, и измѣняютъ металлическую цѣну бумажныхъ денегъ.

Вліяніе бумажныхъ денегъ на цѣны товаровъ бываетъ прямое и косвенное. Первое—тогда, когда вновь выпущенныя бумажныя деньги прямо употребляются правительствомъ на покупку товаровъ, преимущественно для военныхъ цѣлей. Спросъ на эти товары возрастаетъ и цѣна ихъ возвышается. Прямое вліяніе на цѣны можно подмѣтить и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пускается въ оборотъ большой запасъ бумажныхъ денегъ: на театрѣ войны возвышенное жалованье офицеровъ и солдатъ увеличиваетъ обращеніе бумажныхъ денегъ и возвышаетъ цѣны всѣхъ товаровъ. Но нельзя сказать, чтобы усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ тотчасъ же возвышалъ цѣны всѣхъ товаровъ во всей странѣ. Такъ могло бы быть лишь въ томъ случаѣ, еслибы всѣ вновь выпущенныя бумажныя деньги вошли въ обращеніе: еслибы, говоритъ Тукъ, все количество бумажныхъ денегъ распредѣлилось въ населеніи такъ, что каждый гражданинъ, вставъ отъ сна, нашелъ у себя въ карманѣ вмѣсто одного рубля два, то и цѣны всѣхъ товаровъ быстро поднялись бы въ соотвѣтствующемъ отношеніи. Въ дѣйствительности же далеко не вся масса выпускаемыхъ бумажныхъ денегъ немедленно поступаетъ въ оборотъ: значительныя суммы лежатъ праздно въ кассахъ банковъ, часто замѣчается увеличеніе этихъ запасовъ при усиленномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ, и все это количество не оказываетъ на цѣны никакого вліянія.

Болѣе важно и сложно то вліяніе, которое мы назвали косвеннымъ. Оно дѣйствуетъ черезъ лажъ. 1)Есть товары и личныя услуги, получаемые данной страной изъ-за границы. Ихъ цѣна обыкновенно слѣдуетъ измѣненіямъ лажа, хотя было бы не вѣрно утверждать, что цѣна измѣняется пропорціонально съ колебаніями лажа. Если привозные товары вошли во всеобщее употребленіе или какъ окончательные продукты (чай, кофе, иностранныя вина) или какъ сырье, орудія или вспомогательные матеріалы (хлопчатая бумага, краски, нѣкоторыя машины) для туземной промышленности и если эти товары не могутъ быть производимы внутри страны, то цѣна ихъ, въ своихъ измѣненіяхъ, строго слѣдуетъ колебаніямъ лажа. Если же эти товары не вошли въ общее употребленіе и запросъ на нихъ легко можетъ быть сокращенъ, или же они могутъ быть производимы въ данной странѣ, то повышеніе ихъ цѣны, подъ вліяніемъ лажа, производитъ дѣйствіе, подобное тому, какъ обложеніе этихъ товаровъ таможенными податями: они дорожаютъ на рынкѣ данной страны, съ ними начинаютъ успѣшно соперничать туземныя произведенія, и иностранные производители, дорожа сбытомъ въ данную страну, готовы помириться съ пониженіемъ прибыли и взять цѣну, менѣе возвышенную, нежели лажъ: если послѣдній составляетъ

50%, то цѣна возвысится, быть можетъ, только на 30%. 2) Измѣненія лажа дѣйствуютъ и на цѣну товаровъ, вывозимыхъ за границу. Если страна имѣетъ фактическую монополію по вывозу нѣкоторыхъ товаровъ, то производители немедленно повышаютъ цѣну съ повышеніемъ лажа, насколько это стремленіе не ослабляетя усиленнымъ внутри страны производствомъ товаровъ. Если отпускаемые товары могутъ быть производимы и въ тѣхъ странахъ, куда они вывозятся, то возвышеніе цѣны, какъ и подъ пунктомъ 1-мъ, отстаетъ отъ возвышенія лажа. Во всѣхъ, однако, случаяхъ обезцѣненіе бумажныхъ денегъ поощряетъ вывозъ и затрудняетъ ввозъ. Оно даетъ производителямъ товаровъ какъ бы премію для заграничныхъ рынковъ и вызываетъ возникновеніе въ странѣ многихъ новыхъ отраслей промышленности; нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ искусственно. Насколько ихъ поощряетъ повышеніе лажа, настолько же давитъ возстановленіе цѣнности бумажныхъ денегъ. Въ послѣднемъ случаѣ иноземные товары дешевѣютъ на туземномъ рынкѣ, затрудняютъ сбытъ многихъ туземныхъ издѣлій и преимущественно тѣхъ, которыя стали производиться подъ вліяніемъ высокой цѣны иноземныхъ продуктовъ, вызванной обезцѣненіемъ бумажныхъ денегъ. Положеніе отраслей промышленности, возникшихъ прямо для вывоза издѣлій, также затрудняется: разсчитанныя на низкую цѣнность бумажныхъ денегъ, онѣ не могутъ такъ выгодно сбывать товары съ ея повышеніемъ. Вотъ почему именно отсюда, изъ среды искусственно возникшихъ отраслей, слышатся особенно громкіе голоса въ пользу новыхъ таможенныхъ налоговъ и покровительства отечественной промышленности. Справедливо замѣчаетъ Вагнеръ въ своемъ изслѣдованіи о *бумажныхъ деньгахъ*: «противники бумажныхъ денегъ и покровительственной таможенной системы клеймятся шайкою себялюбивыхъ фабрикантовъ, какъ измѣнники, предавшіеся иностранцамъ. А толпа служитъ имъ хоромъ». 3) Есть, наконецъ, товары, производимые для внутренняго потребленія и стоящіе внѣ международной торговли; такова большая масса произведеній добывающей и обработывающей промышленности. Лажъ не дѣйствуетъ на нихъ прямо; населеніе привыкло къ бумажнымъ деньгамъ, и ихъ покупательная сила остается относительно этихъ товаровъ неизмѣнною и при измѣненіяхъ въ запросѣ на звонкую монету. Но косвенно лажъ оказываетъ вліяніе и на нихъ. Въ большинствѣ этихъ отраслей употребляются, какъ орудія, сырье или вспомогательные матеріалы, и иностранные товары, удорожаемые лажемъ. Если же иностранные товары вымѣщаются туземными, которые начали производиться только вслѣдствіе вздорожанія первыхъ, то пріобрѣтеніе такихъ товаровъ

совершается по возвышенной цѣнѣ, увеличиваются издержки на одной или многихъ ступеняхъ производства, а съ тѣмъ вмѣстѣ возвышается и цѣна продуктовъ. Лажъ дѣйствуетъ всего слабѣе на цѣны тѣхъ товаровъ, которые производятся съ небольшимъ запасомъ постоянныхъ капиталовъ, какъ, напр., въ экстензивномъ сельскомъ хозяйствѣ, лѣсномъ, рыболовномъ промыслахъ. Нуженъ долгій періодъ времени, чтобы покупательная сила бумажныхъ денегъ относительно всѣхъ товаровъ этого класса понизилась такъ же, какъ она упала относительно звонкой монеты.

То же-можно сказать и о цѣнѣ услугъ. Вліяніе лажа всего ранѣе отражается на оплатѣ услугъ лицъ, приглашаемыхъ изъ-за границы (артисты, инженеры, техники); они выговариваютъ или возвышенную плату сравнительно съ тою, которую приняли бы раньше, или въ металлической валютѣ. Внутри страны заработная плата всего легче возвышается въ тѣхъ отрасляхъ, которыя вновь возникаютъ или для вывоза, или для соперничества съ иностранными произведеніями на туземномъ рынкѣ; она возвышается потому, что именно здѣсь усиливается запросъ на рабочія руки. Въ другихъ отрасляхъ заработная плата—вслѣдствіе уже извѣстныхъ намъ особенностей современнаго производства увеличивать запасъ свободныхъ рабочихъ рукъ—возвышается очень туго, отставая отъ возвышенія цѣны товаровъ, или даже вовсе не возрастаетъ, и положеніе работниковъ становится затруднительнымъ. Столь же медленно повышается и цѣна услугъ земскихъ, городскихъ и, особенно, правительственныхъ чиновниковъ; если соперничество между соискателями не дѣйствуетъ на пониженіе платы въ этихъ занятіяхъ, то уменьшающаяся реальная плата, подъ вліяніемъ обезцѣненія бумажныхъ денегъ, не уменьшаетъ соперничества, а разстройство всѣхъ финансовыхъ хозяйствъ въ такіе періоды препятствуетъ повышенію платы, которое казалось бы правительству, земству или городу справедливымъ и необходимымъ.

Замѣтимъ, наконецъ, что всѣ измѣненія цѣнъ, связанныя съ лажемъ, происходятъ неравномѣрно въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ обширной страны. Въ мѣстахъ, ближайшихъ къ границѣ, въ пунктахъ при желѣзныхъ дорогахъ, словомъ, тамъ, гдѣ совершаются оживленные торговые обороты, лажъ быстрѣе оказываетъ вліяніе на цѣны, нежели въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ удобныхъ путей сообщенія, привозящихъ мало заграничныхъ товаровъ и производящихъ издѣлія почти исключительно для собственнаго потребленія. Въ этомъ отношеніи наши столицы, южныя приморскія и западныя пограничныя губерніи представляютъ рѣзкій контрастъ съ вологодскимъ, вятскимъ или пермскимъ краями.

Гдѣ же предѣлы выпуска бумажныхъ денегъ? Книсъ и нѣкоторые другіе писатели считаютъ естественнымъ предѣломъ выпуска бумажныхъ денегъ сумму налоговъ, поступающихъ государству. При установленіи этого предѣла, всѣ выпущенныя бумажныя деньги могутъ поступать той власти, которая выпустила ихъ; для этой власти пріемъ ихъ обязателенъ. Мы находимъ такое проведеніе границы совершенно произвольнымъ. Если сумма бумажныхъ денегъ и переходитъ за эти предѣлы, но цѣна ихъ стоитъ al pari съ монетой, то обмѣнъ не испытываетъ затрудненій, и бумажно-денежное обращеніе не причиняетъ неудобствъ.

Сумма бумажныхъ денегъ не должна вытѣснять изъ страны всю монету, такъ какъ масса денегъ должна точно соотвѣтствовать потребности обращенія товаровъ. При значительномъ запасѣ металлическихъ денегъ въ странѣ, часть ихъ можетъ получить иное назначеніе, если уменьшается цѣнность обмѣниваемыхъ товаровъ или увеличивается быстрота обращенія денегъ. Но, при наличности только бумажныхъ денегъ, такого отлива быть не можетъ, ибо бумажныя деньги не могутъ получить другое назначеніе. Это ведетъ къ переполненію ими рынка, пониженію ихъ цѣны со всѣми невыгодными послѣдствіями для хозяйства.

Выгодно ли странѣ оставаться при бумажно-денежной системѣ безъ стараній перейти къ металлической. Голоса въ пользу этого раздаются очень часто во всѣхъ странахъ, гдѣ былъ чрезмѣрный избытокъ бумажныхъ денегъ (Австрія, Сѣверная Америка въ 60 годахъ, Россія). И этого мнѣнія держатся не одни практики; оно находитъ сторонниковъ и среди теоретиковъ. Помимо узкихъ, эгоистическихъ побужденій отдѣльныхъ кружковъ, такое мнѣніе находитъ себѣ почву еще потому, что въ литературѣ есть представители вполнѣ отрицательнаго отношенія къ бумажнымъ деньгамъ; они просматриваютъ ихъ выгоды и тѣмъ вызываютъ реакцію. Это мнѣніе находитъ себѣ поддержку и въ томъ, что иногда выпускъ бумажныхъ денегъ умѣренъ и не причиняетъ странѣ крупныхъ невыгодъ, тѣмъ болѣе тогда, когда въ ней мало развиты международныя сношенія, гдѣ особенно чувствительно обезцѣненіе бумажныхъ денегъ.

Не слѣдуетъ возражать противъ этого мнѣнія ссылкою на то, что металлическія деньги имѣютъ цѣнность вещества. Возможность металла быть деньгами опирается, главнымъ образомъ, на увѣренность, что монеты могутъ быть принимаемы во всѣхъ мѣновыхъ сдѣлкахъ. Но такая увѣренность служитъ причиною обращаемости и бумажныхъ денегъ, которыя не имѣютъ цѣнности вещества. Есть три главныхъ условія, дѣлающихъ металлическую валюту

предпочтительнѣе бумажно-денежной. 1) Народъ не имѣетъ никакого ручательства, что государственная власть всегда выпускаетъ бумажныя деньги только соотвѣтственно потребности общественнаго хозяйства, что она не будетъ выпускать ихъ при всякомъ финансовомъ затрудненіи и тѣмъ создавать себѣ покупательную силу безъ всякой затраты труда. Металлическія деньги не представляютъ этого неудобства. Власть не можетъ увеличивать ихъ массу безъ всякой затраты труда на ихъ пріобрѣтеніе. 2) Государство не можетъ точно опредѣлить размѣры потребности общества въ деньгахъ, а потому, даже при отсутствіи перваго условія, оно можетъ выпускать ихъ сверхъ мѣры и тѣмъ колебать ихъ цѣнность. 3) Онѣ дѣйствительны только въ предѣлахъ страны, не принимаются на всемірномъ рынкѣ и крайне затрудняютъ для государства международный обмѣнъ. Конечно, послѣднее неудобство сгладилось бы при болѣе тѣсномъ хозяйственномъ общеніи между народами; но это—дѣло, вѣроятно, не близкаго будущаго.

Обезцѣненіе бумажныхъ денегъ есть крупное зло для народнаго хозяйства, а потому необходимо остановиться на мѣрахъ, содѣйствующихъ поднятію ихъ цѣны до уровня съ монетой. Замѣтимъ, что возстановленіе ихъ цѣнности, какъ оно ни выгодно, является той необходимой для больного операціей, которая всегда мучительна; какъ задача врача—облегчить страданія, такъ и задача общественной власти—избирать тѣ средства, которыя ведутъ къ цѣли съ нанесеніемъ ущерба возможно меньшему числу гражданъ. А если все общественное хозяйство выигрываетъ отъ уничтоженія лажа, то теряютъ особенно тѣ отрасли—въ лицѣ предпринимателей и работниковъ,—которыя возникли и могутъ держаться только при существованіи высокаго ложа. Мѣропріятія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ четыремъ.

1) *Уничтоженіе бумажныхъ денегъ*, признаніе правительствомъ, что всѣ находящіяся въ обращеніи бумажныя деньги ничего не стоютъ, не должны быть принимаемы въ платежъ казною или частными лицами. Такая мѣра есть вопіющая несправедливость: государственная власть должна служить гражданамъ примѣромъ точнаго исполненія обязательствъ, а между тѣмъ она однимъ почеркомъ пера признаетъ негодными деньги, пущенныя ею въ оборотъ и ставшія всеобщимъ платежнымъ средствомъ. Есть, однако, условія, когда эта мѣра не приноситъ крупнаго вреда народному хозяйству: если бумажныя деньги упали до $\frac{1}{500}$, $\frac{1}{1000}$ своей цѣнности, понизились почти до нуля, то никакое искусство финансоваго управленія, никакое напряженіе платежныхъ силъ народа не могутъ воз-

становить ихъ цѣнность. Въ этихъ случаяхъ онѣ фактически почти нечего не стоютъ, а потому государственная власть можетъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ и съ одного удара покончить съ выродившимся бумажно-денежнымъ обращеніемъ. Разъ же обезцѣненіе только умѣренно, это средство должно быть безусловно отвергнуто и замѣнено однимъ изъ слѣдующихъ трехъ.

2. *Девалюація*, т.-е. пониженіе нарицательной цѣнности бумажныхъ денегъ до полнаго уничтоженія лажа, до возможности для нихъ обмѣниваться на монету al pari: если одинъ кредитный рубль стоитъ только 65 коп. серебромъ, то правительство совершитъ девалюацію, постановляя, что отнынѣ бумажный рубль долженъ быть принимаемъ во всѣхъ платежахъ только за 65 копѣекъ. Для этого всѣ обращающіяся бумажныя деньги замѣняются новыми, по 65 рублей за каждые 100 рублей. Эта операція, испытанная въ разныхъ государствахъ и иногда сопровождавшаяся успѣхомъ, представляется, повидимому, и теоретически совершенно правильною. Не есть ли самообольщеніе думать, что 100 бумажныхъ рублей имѣютъ большую покупательную силу, чѣмъ 65 металлическихъ? Понесутъ ли отдѣльныя лица или правительство ущербъ отъ того, что фактически понизившаяся цѣнность бумажныхъ денегъ будетъ понижена и юридически? Ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса показываетъ, что девалюація сопряжена съ двумя неудобствами. а) Съ каждымъ успѣхомъ въ развитіи международныхъ отношеній лажъ пріобрѣтаетъ все большую подвижность. Правительство не въ состояніи найдти точку опоры для совершенія девалюаціи: оно признаетъ нарицательную цѣнность рубля равной 65 коп., но нѣтъ ручательства, что черезъ мѣсяцъ онъ не будетъ стоить 60 или 70 копѣекъ. Въ первомъ случаѣ снова появится лажъ и цѣль правительства не будетъ достигнута; во второмъ—обнаружится недостатокъ въ бумажныхъ деньгахъ, способный легко соблазнить къ новому ихъ выпуску даже за предѣлы потребностей оборота. б) Вторая и гораздо бо́льшая невыгода состоитъ въ томъ, что девалюація особенно пагубно отражается на судьбахъ тѣхъ классовъ, которые имѣютъ право на наибольшую заботливость государственной власти. Обезцѣненіе бумажныхъ денегъ обнаруживается наиболѣе рѣзко въ ихъ отношеніи къ монетѣ и товарамъ, ввозимымъ изъ за границы; оно отражается гораздо слабѣе на цѣнахъ многихъ туземныхъ произведеній. Но если цѣны послѣднихъ медленно слѣдуютъ за лажемъ вверхъ, то имѣютъ наклонность, поднявшись, не опускаться при движеніи лажа внизъ. Если поэтому, вслѣдъ за девалюаціей, понизятся цѣны привозныхъ товаровъ, то туземныя издѣлія, состав-

ляющія главные предметы потребленія рабочихъ классовъ, не подешевѣютъ, соотвѣтственно съ девалюаціей, а заработная плата при стремленіи техническихъ особенностей современнаго производства вызывать относительный излишекъ населенія и при старательномъ пользованіи предпринимателей всѣми поводами для пониженія заработной платы, понизится, и положеніе рабочихъ классовъ можетъ ухудшиться на долгое время. Наконецъ, девалюація есть и потому обоюдоострое оружіе, что можетъ быть совершена правительствомъ безъ напряженія силъ и при кажущемся соблюденіи всѣхъ интересовъ. А этого рода мѣры обыкновенно не даютъ поучительныхъ уроковъ; онѣ забываются раньше, чѣмъ успѣли изгладиться причиненныя ими невыгоды.

3) *Извлеченіе изъ оборота и уничтоженіе извѣстнаго количества бумажныхъ денегъ посредствомъ займовъ.* Правительство заключаетъ заемъ, привлекаетъ къ себѣ бумажныя деньги и предаетъ ихъ сожженію. Формально эта мѣра заслуживаетъ полнаго оправданія: правительство принимаетъ на себя отвѣтственность за пресыщеніе оборота бумажными деньгами, точно исполняетъ свое обязательство и возстановляетъ ихъ цѣнность. Еслибы правительство стояло особнякомъ отъ гражданъ и народнаго хозяйства, то можно было бы удовлетвориться требованіями формальной справедливости. Разъ же это не такъ, возникаетъ вопросъ о цѣлесообразности этой мѣры и ея вліяніи на народное хозяйство. Обыкновенно эта мѣра,—такъ можно принять и въ теоріи — совершается при слѣдующихъ обстоятельствахъ: а) лажъ высокъ, нужно извлечь изъ обращенія много бумажныхъ денегъ и заключить крупный заемъ; б) государство уже обременено долгами, его финансы разстроены, и новый крупный заемъ можетъ быть заключенъ только на невыгодныхъ условіяхъ; в) къ этому нерѣдко присоединяется скудость свободныхъ капиталовъ на туземномъ рынкѣ. Если заключается внутренній заемъ, то очень выгодныя для кредиторовъ условія могутъ побудить многихъ капиталистовъ вынуть капиталы изъ доселѣшняго помѣщенія и направить къ новому государственному займу. Это перемѣщеніе капиталовъ ослабляетъ многія отрасли промышленности, затрудняетъ отпускную торговлю и склоняетъ платежный балансъ къ невыгодѣ данной страны, что опять имѣетъ наклонность колебать цѣнность бумажныхъ денегъ. Заключеніе же заграничнаго займа еще сильнѣе увеличиваетъ невыгодность платежнаго баланса, еще болѣе увеличиваетъ запросъ на монету и понижаетъ цѣнность бумажныхъ денегъ. Наконецъ, во всѣхъ случаяхъ новый крупный заемъ обременяетъ народъ новыми платежными тягостями. Вотъ причины, по которымъ нужно часто выска-

зываться противъ этого средства. Если же условія въ данной странѣ довольно благопріятны, если лажъ невысокъ и нужно извлечь изъ обращенія лишь небольшую сумму бумажныхъ денегъ, то эта мѣра можетъ быть вполнѣ оправдана.

4. *Совокупность экономическихъ и финансовыхъ мѣропріятій въ связи съ мѣрами, дѣйствующими прямо на бумажно-денежное обращеніе.* Правительство въ этомъ случаѣ не стремится возстановить цѣнность бумажныхъ денегъ однимъ почеркомъ пера, а сосредоточиваетъ свои силы на развитіи экономическихъ средствъ страны. Какъ воздѣйствовать на эти силы—вопросъ, рѣшаемый политикой въ связи съ данными условіями времени и мѣста. Поднятіе благосостоянія сельскихъ классовъ чрезъ увеличеніе ихъ землевладѣнія, переселеніе изъ густо-населенныхъ центральныхъ мѣстностей на плодородныя и почти необитаемыя окраины, улучшеніе желѣзныхъ и водныхъ путей, поддержаніе мелкой промышленности открытіемъ для нея дешеваго кредита, содѣйствіемъ артельному производству, а крупной—чрезъ развитіе техническаго образованія—вотъ важнѣйшія мѣропріятія, способныя увеличить производительность труда, оживить обмѣнъ, а чрезъ это и сдѣлать болѣе выгоднымъ заграничный платежный балансъ и усилить потребность въ бумажныхъ деньгахъ, какъ орудіяхъ обращенія. Рядомъ съ этимъ должны идти столь же крупныя измѣненія въ финансахъ: въ доходахъ — правильное, наиболѣе соотвѣтствующее требованіямъ науки построеніе налоговъ, пошлинъ, пользованіе государственными имуществами, относительно расходовъ—крайняя бережливость въ затратахъ, производительность которыхъ вызываетъ сомнѣнія. Съ тѣмъ вмѣстѣ остатки государственныхъ доходовъ надъ расходами могутъ быть съ пользою употребляемы для постепеннаго извлеченія изъ оборота излишка бумажныхъ денегъ. При всемъ этомъ слѣдуетъ удерживаться отъ обремененія народа новыми займами' и необходима твердая рѣшимость правительства не выпускать болѣе бумажныхъ денегъ для цѣлей финансовыхъ, не создавать себѣ капиталовъ изъ ничего. Мы съ особенной настойчивостью указываемъ на рѣшительное преимущество этой мѣры предъ всѣми другими. Первыя три борятся прямо съ недостатками бумажно-денежнаго обращенія и если побѣждаютъ его, то устраняютъ одно изъ многихъ хозяйственныхъ бѣдствій, и, можетъ быть, далеко не важнѣйшее. Послѣдняя же мѣра, не достигая такъ скоро этой цѣли, даетъ дѣятельности правительства то теченіе, которое оживляетъ все народное хозяйство, развиваетъ его и не только создаетъ условія для возстановленія цѣнности бумажныхъ денегъ, но и безконечно увеличиваетъ его силы до возможности обойдтись, при

финансовыхъ затрудненіяхъ въ будущемъ, безъ чрезмѣрныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, или же легче возстановить ихъ цѣнность, если бы выпуски стали неизбѣжными.

Бумажныя деньги были введены въ Россіи при Екатеринѣ II указомъ 29 декабря 1768 года о выпускѣ ассигнацій. Для размѣна ихъ на монету были учреждены два ассигнаціонныхъ банка въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Императрица руководилась убѣжденіемъ, что выпускъ ассигнацій можетъ дать народному хозяйству такое орудіе обращенія, которое во многихъ случаяхъ доставляетъ больше удобствъ, нежели монета. Введеніе ихъ въ оборотъ было облегчено тѣмъ, что, при всякомъ платежѣ въ казну, необходимо было уплачивать 5% ассигнаціями. Но въ ассигнаціяхъ были только элементы, изъ которыхъ предстояло развиться бумажнымъ деньгамъ и бумажно-денежному долгу: онѣ не имѣли принудительнаго курса, не были обязательнымъ и всеобщимъ платежнымъ средствомъ; онѣ не только свободно обмѣнивались банками на монету, но банки имѣли въ монетѣ сумму, равную суммѣ въ выпущенныхъ ассигнаціяхъ. Такимъ образомъ, онѣ были первоначально— хотя аналогія и не точна — правительственными росписками на храненіе. При такомъ порядкѣ ассигнаціи были безвредны, но и безполезны: важная выгода бумажныхъ денегъ — замѣна дорогаго товара болѣе дешевымъ—не достигалась; металлъ не получалъ другого полезнаго назначенія и развѣ только, покоясь въ кладовыхъ банковъ, сохранялся отъ изнашиванія. Для повсемѣстнаго облегченія размѣна, были учреждены конторы банковъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Твери и нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Первый шагъ долженъ былъ увлечь правительство. Разъ есть въ обращеніи бумажные листки, разъ они стоятъ al pari съ монетой, не естественно ли правительству, въ случаѣ финансовыхъ затрудненій, соблазниться легкостью создать денежныя средства и обратиться къ усиленному выпуску ассигнацій? Такъ и случилось. До 1786 года въ Имперіи было только на сорокъ милліоновъ ассигнацій; въ этомъ же году ихъ было выпущено еще на шестьдесятъ милліоновъ; изъ нихъ 33 милліона были предназначены для ссудъ дворянству и городамъ, а остальные пошли на нужды правительства. Этотъ выпускъ сразу увеличилъ слишкомъ на 25% сумму денегъ, находившихся въ оборотѣ. Графъ Шуваловъ, главный виновникъ этого выпуска, предсказывалъ и обогащеніе казны, и улучшеніе быта дворянства, и развитіе промышленности. Императрица боялась, однако, чрезмѣрныхъ выпусковъ и тогда же постановила, что сумма ассигнацій никогда не должна превышать 100 милліоновъ рублей. Однако, къ концу ея царствованія сумма

ихъ въ обращеніи достигла 150 милліоновъ. Въ 1799 году ихъ было уже 210 милліоновъ.

Войны съ Наполеономъ требовали напряженія всѣхъ силъ государства. Потрясеніе хозяйственныхъ оборотовъ Европы, причиненное войнами, дѣлало невозможнымъ заключеніе внѣшнихъ займовъ. Хотя изъ субсидій, которыя щедро раздавала Англія разнымъ правительствамъ для борьбы съ Наполеономъ, на долю Россіи пришлось болѣе $9^1/_2$ милл. фунт., однако, эта сумма была далеко недостаточна, и увеличеніе государственныхъ долговъ, и именно внутреннихъ, было неизбѣжно. Въ 1810 г. внутренніе долги были исчислены въ суммѣ 668.261,804 р. Главную массу долговъ составляли ассигнаціи: ихъ было въ оборотѣ на 577 милліоновъ. Въ 1812 году бумажный рубль стоилъ только $23^1/_2$ коп. серебромъ.

Министръ финансовъ Канкринъ, преемникъ гр. Гурьева, направилъ все вниманіе на возстановленіе цѣнности бумажныхъ денегъ. Нельзя утверждать, чтобы правительство относилось ранѣе безучастно къ обезцѣненію ассигнацій. Еще въ 1810 году была учреждена коммиссія погашенія долговъ, которая и должна была посредствомъ займовъ извлечь изъ обращенія ассигнацій на 100 милліоновъ. Условія займовъ были выгодны для кредиторовъ; уплата правительствомъ процентовъ и капитала была обѣщана въ монетѣ, а кредиторы вносили ассигнаціями по курсу, высшему биржевого. Но недостатокъ свободныхъ капиталовъ былъ причиной безуспѣшности этой мѣры; правительство уничтожило только 5 милліоновъ Въ 1812 году правительство сдѣлало ассигнаціи всеобщимъ платежнымъ средствомъ по ихъ биржевому курсу и тѣмъ придало имъ важное свойство бумажныхъ денегъ. Затѣмъ, коммиссіи погашенія долговъ было предписано извлекать ежегодно изъ обращенія ассигнацій на 30 милліоновъ, для чего и назначалась соотвѣтствующая сумма изъ государственныхъ доходовъ. Съ этою цѣлью былъ заключенъ за границей первый $5^0/_0$ заемъ на 40 милл. рублей (1820 г.). Канкринъ возстановилъ цѣнность бумажныхъ денегъ въ періодъ 1839—43 гг. 1-го іюля 1839 г. серебряный рубль снова былъ сдѣланъ главнымъ платежнымъ средствомъ; было установлено отношеніе его къ ассигнаціонному рублю, какъ $1:3^1/_2$. Постепенно ассигнаціи были извлечены изъ обращенія и замѣнены по курсу государственными кредитными билетами, которыхъ до 1848 года было выдано на сумму около 230 мил. рублей. Билеты эти обезпечивались всѣмъ достояніемъ государства, и постоянный размѣнъ ихъ долженъ былъ поддерживаться металлическимъ фондомъ, составлявшимъ приблизительно $^1/_6$ всего выпущеннаго ихъ количества.

Девалюація, совершенная Канкринымъ, устранила на 12-ть лѣтъ (1842 — 54) бумажно-денежный долгъ. Металлическій фондъ въ размѣнной кассѣ экспедиціи былъ не только достаточенъ для непрерывнаго обмѣна, но принималъ въ обмѣнъ за кредитные билеты больше монеты, чѣмъ выдавалъ ея: въ 1846 году онъ выдалъ монеты на 9,4 милліон., а принялъ на 19,7 мил. руб., въ 1847 г.— на 7,4 мил, и 50, 9 мил. и т. д. Упорядоченность бумажно-денежнаго обращенія выражалась и въ вексельныхъ курсахъ: съ 1841 по 1853 годъ курсъ въ Петербургѣ на Парижъ стоялъ отъ 370 до 426 франковъ за 100 рублей.

Крымская война вызвала новые выпуски бумажныхъ денегъ, сумма которыхъ достигла въ 1857 году 700 милліоновъ рублей. Для поднятія ихъ цѣны въ 1858 г. было сожжено кредитныхъ билетовъ на 60 милліоновъ. Въ 1862 и 1863 годахъ государственный банкъ сдѣлалъ попытку уменьшить лажъ возобновленіемъ размѣна, но истощилъ свой металлическій фондъ, не достигнувъ цѣли. По вычисленію Гольдмана, банкъ уничтожилъ билетовъ только на 45 милл. рублей, а вся операція, принимая въ разсчетъ сдѣланный для этого за границей заемъ, стоила государству 107 милліоновъ; вексельный же курсъ, искусственно поднятый этой операціей, сталъ быстро опускаться.

Послѣдняя русско-турецкая война нанесла чувствительный ударъ нашимъ финансамъ. Неблагопріятнымъ при началѣ войны обстоятельствомъ была неполноцѣнность нашихъ бумажныхъ денегъ. Благодаря выгодному финансовому положенію, онѣ сохраняли еще 85% своей нарицательной цѣны, но выпускъ предъ войной новыхъ 400 милл. рублей повелъ къ быстрому ихъ обезцѣненію. Въ 1878 году обращалось кредитныхъ билетовъ на 1200 милл. рублей, и лажъ превышалъ 40%. Дабы изъять изъ оборота излишнія бумажныя деньги, Высочайшимъ указомъ отъ 1 января 1881 года повелѣно государственному казначейству вносить въ государственный банкъ по 50 милл. руб. въ годъ, для погашенія 400 милл. кредитныхъ рублей. Первые 30 милл. были сожжены въ 1883 году. Въ 1884 году было снова сожжено билетовъ на 30 милл. рублей. Къ 1 января 1891 года сумма кредитныхъ билетовъ уменьшилась до 907 милліоновъ рублей. Но въ 1891 году было опять нѣсколько выпусковъ, которые довели сумму бумажныхъ денегъ до 1054 милліоновъ. Это количество превосходитъ потребность народнаго хозяйства Россіи, а потому цѣна нашихъ бумажныхъ денегъ, выраженная въ монетѣ, значительно ниже нарицательной цѣнности: съ 1881 года полуимперіалъ не опускался ниже 6 р. 80 коп. кредитныхъ, а подчимался почти до 10 рублей

(августъ 1888 года). Но, вслѣдствіе вздорожанія золота сравнительно съ серебромъ, обезцѣненіе нашихъ бумажныхъ денегъ выражается не въ столь рѣзкой формѣ, если сравнивать ихъ съ серебряной монетой: кредитный рубль стоитъ 65—70 копѣекъ золотомъ и 85—90 копѣекъ серебромъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Кредитъ.

Литература. *Бунге.* Рѣчь о кредитѣ. 1849. *Кауфманъ.* Кредитъ, банки и денежное обращеніе. 1873. *Жуковскій.* Нашъ вексельн. курсъ и товарн. цѣны. *Вѣстн. Европ.*, 1884, VII. *Ерошевскій.* Къ вопросу о поземельномъ кредитѣ. 1881. *Ходскій.* Поземельный кредитъ. 1882. *Cieszkowski.* Du credit et de la circulation. 1847 и русск. перев. *Knies.* Der Kredit. 1876 и 1879. *Wagner.* Der Kredit у Schönberg'a I. Handwörterbuch der Staatswissenschaften, IV. *Goschen.* Theory ofthe foreign exchanges. 1886. *Rodbertus.* Creditnoth des Grundbes. 1869. *Schulze-Delitzsch.* Vorchuss und Creditvereine. 1876. *Raiffeisen.* Die Darlehnscassenvereine. 1883. *Брандтъ.* Теорія вексельн. курса. 1892. Дальнѣйш. указ. на литературу см. у Schönberg'a, I.

Кредитъ—слово латинское. Какъ показываетъ словопроизводство (credo), подъ этимъ терминомъ скрываются такія отношенія, гдѣ выступаютъ вѣритель и должникъ, дача въ ссуду—съ одной стороны и полученіе—съ другой. *Всякая кредитная сдѣлка есть возмездное перемѣщеніе благъ, при которомъ одна сторона совершаетъ актъ въ настоящемъ, а другая сторона—соотвѣтствующій актъ въ будущемъ.* Изъ этого опредѣленія вытекаютъ слѣдующіе существенные признаки кредитныхъ сдѣлокъ: 1) кредитъ—сдѣлка двусторонняя; этимъ онъ отличается отъ всѣхъ одностороннихъ актовъ; 2) кредитъ—возмездное перемѣщеніе благъ и это отличаетъ его, напр., отъ даренія и 3) кредитъ есть такая сдѣлка, въ которой совершается неодновременный обмѣнъ благъ; это отличаетъ ее отъ всѣхъ сдѣлокъ одновременныхъ, мѣны, купли-продажи. По содержанію, кредитъ представляетъ особую форму купли-продажи и мѣны, причемъ совершается неодновременный обмѣнъ одной цѣнности на другую. Я даю кому-либо 1,000 рублей, чтобы черезъ мѣсяцъ получить отъ него 1,000 пудовъ хлѣба, или даю 4,000 пудовъ хлѣба, чтобы черезъ мѣсяцъ получить 1000 пудовъ мяса. Особый видъ образуютъ тѣ кредитныя сдѣлки, когда одно лицо даетъ другому извѣстное благо съ условіемъ возвращенія въ будущемъ этого же блага: я даю 1,000 пудовъ хлѣба, чтобы

черезъ мѣсяцъ получить 1,000 пудовъ хлѣба же, или даю 1,000 руб., чтобы получить 1,000 рублей. Эта послѣдняя форма кредита получила въ хозяйственной жизни наибольшее распространеніе.

При обособленіи хозяйствъ кредита не существуетъ. Онъ всегда предполагаетъ довольно большое число частныхъ хозяйствъ, раздѣленіе труда и замѣну на многихъ пунктахъ натуральнаго хозяйства денежнымъ. Въ кредитѣ одинъ актъ отдѣляется отъ другого; въ промежутокъ, отдѣляющій актъ одного контрагента отъ акта другого, въ кредитную сдѣлку могутъ вступать и часто вступаютъ и другія лица.

Говоря объ основаніи кредитныхъ сдѣлокъ, многіе писатели (Рау, Рошеръ, Вагнеръ) считаютъ довѣріе моментомъ, необходимымъ въ каждой кредитной сдѣлкѣ; но это неправильно. Не научно полагать довѣріе въ основу понятія о кредитѣ: наука имѣетъ дѣло не съ настроеніемъ духа лицъ, участвующихъ въ той или иной сдѣлкѣ, не съ условіями, которыми обставленъ хозяйственный оборотъ, а съ самою сущностью этого оборота. Довѣріе не есть необходимая принадлежность каждой кредитной сдѣлки: на практикѣ извѣстны такія формы кредита, основаніемъ которыхъ не служитъ довѣріе; мы видимъ это при такъ называемомъ реальномъ кредитѣ—когда полученіе равноцѣнности обезпечивается для вѣрителя какимъ-либо благомъ. Шеффлэ, полемизируя противъ тѣхъ, кто основываетъ понятіе о кредитѣ на довѣріи, говоритъ, что оно, какъ нравственное начало, есть только спутникъ кредита, но не составляетъ его экономическаго существа [1]). То же слѣдуетъ сказать и о способности кредитующагося къ уплатѣ, хотя и этому элементу нѣкоторые писатели придаютъ первенствующее значеніе. Наконецъ, многіе писатели (Дитцель, Рошеръ, Вагнеръ) говорятъ, что на сторонѣ вѣрителя должна быть добрая воля дать ссуду—иначе невозможно и возникновеніе кредитной сдѣлки; добрая воля вѣрителя является необходимымъ элементомъ кредита. Но и это невѣрно; дѣйствительная жизнь знаетъ такія кредитныя отношенія, въ которыхъ добрая воля вѣрителя не играетъ никакой роли: она отсутствуетъ въ случаяхъ такъ называемыхъ принудительныхъ государственныхъ займовъ[2]).

Еще въ началѣ XVIII столѣтія, въ лицѣ извѣстнаго финансиста Джона Ло, появилось ученіе, что кредитъ не только содѣйствуетъ перемѣщенію капиталовъ, но служитъ силой, создающей новые капиталы. Эта теорія, развитая въ концѣ прошлаго столѣтія экономистомъ Пинто, въ 60-хъ годахъ подробно разработана Мэкляудомъ. Кредитъ, говоритъ Мэкляудъ, есть право требовать опредѣленнаго вида невещественнаго капитала; при этомъ у Мэкляуда всякая

кредитная сдѣлка отождествляется съ обыкновенной мѣновой сдѣлкой. Кредитная сдѣлка есть, по его мнѣнію, актъ ничѣмъ существенно не отличающійся отъ акта купли-продажи: вѣритель даетъ матеріальную вещь—деньги—и взамѣнъ получаетъ вещь нематеріальную—право требованія. Такимъ образомъ при каждой кредитной сдѣлкѣ происходитъ не что иное, какъ обмѣнъ двухъ равныхъ цѣнностей, изъ которыхъ одну представляетъ матеріальная вещь (деньги), а другую—не матеріальная (право). Должникъ покупаетъ деньги, вѣритель—долгъ. Элементу разновременности въ ученіи Мэкляуда о кредитѣ не отведено никакого мѣста. Кредитъ имѣетъ созидающую силу; онъ творитъ капиталы. Каждый долгъ есть самостоятельный и производительный капиталъ; подобно всякому иному хозяйственному благу, онъ можетъ переходить изъ рукъ въ руки и служить для уплатъ.

Можно оцѣнить эту теорію на такомъ простомъ примѣрѣ. Б долженъ А 1,000 рублей. Обезпеченіемъ долга служитъ вексель. А продалъ этотъ вексель третьему лицу В. Мэкляудъ и говоритъ: такъ какъ право А можетъ быть продано, то оно и представляетъ самостоятельный капиталъ. Но онъ забываетъ, что когда А продаетъ свое право В, то мѣняются только лица, имѣющія право требованія, а капиталъ остается одинъ и тотъ же,—извѣстная часть въ имуществѣ Б. «На поверхностный взглядъ,—говоритъ по этому поводу Милль,—можетъ казаться, что А и В одновременно пользуются капиталомъ. Но если хоть немного вникнуть въ дѣло, мы увидимъ, что, когда А отдалъ свой капиталъ В, употребленіе капитала остается уже у одного В, и А не получаетъ отъ этого капитала никакой иной услуги, кромѣ той, что право получить этотъ капиталъ назадъ служитъ ему для полученія въ пользованіе капитала отъ третьяго лица. Весь чужой капиталъ, которымъ дѣйствительно пользуется извѣстный человѣкъ, непремѣнно взятъ изъ чьего-нибудь капитала»[3]). Замѣтимъ въ возраженіе на теорію Мэкляуда, что разъ должникъ оказывается несостоятельнымъ, то право требованія несомнѣнно теряетъ всякую цѣнность. Оно всегда тѣсно связано съ имуществомъ должника (настоящимъ или предполагаемымъ въ извѣстный будущій моментъ) и не имѣетъ самостоятельнаго существованія. Несмотря на всю свою несостоятельность, теорія Мэкляуда нашла себѣ много сторонниковъ въ Англіи и Франціи, гдѣ особенно пользовалась популярностью при Наполеонѣ III.

Можно различать двѣ обширныя группы кредитныхъ сдѣлокъ. Во-первыхъ, такія сдѣлки, въ которыхъ разновременность актовъ со стороны участниковъ неизбѣжно вытекаетъ изъ самаго характера сдѣлки: при отдачѣ вещи въ пользованіе, актъ второго конт-

рагента—уплата равноцѣнности — можетъ или предшествовать пользованію, или слѣдовать за пользованіемъ, но не можетъ совпадать съ пользованіемъ во всѣхъ моментахъ. Во-вторыхъ, есть такія сдѣлки, которыя могутъ быть совершаемы и въ кредитъ и за наличныя (купля-продажа, мѣна).

Помимо этого общаго дѣленія, можно установить еще такую группировку видовъ кредита.

I. По роду обезпеченія кредитъ бываетъ. 1) *Личный*, когда обезпеченіемъ въ полученіи равноцѣнности служатъ всѣ хозяйственныя силы должника, вся его дѣятельность,—словомъ все то, что связано съ понятіемъ о личности. Сюда примыкаетъ кредитъ *личный съ поручительствомъ*, когда то же личное обезпеченіе представляетъ не одинъ должникъ, но и нѣсколько другихъ лицъ, поручившихся уплатить въ случаѣ его несостоятельности. 2) *Кредитъ реальный*, когда вѣритель имѣетъ имущественное обезпеченіе въ какой либо матеріальной цѣнности. Онъ выступаетъ въ формѣ а) *закладнаго* кредита, когда движимая вещь служитъ кредитору обезпеченіемъ. Закладной кредитъ въ своемъ развитіи проходитъ нѣсколько ступеней. Первоначально онъ облекается въ форму ссудныхъ кассъ, имѣвшихъ большое распространеніе въ средніе вѣка. Кредитомъ изъ этихъ кассъ пользуются или недостаточные классы или богатые люди для цѣлей потребленія. Дальнѣйшей ступенью является кредитъ *ломбардный*; отъ первой формы закладного кредита онъ отличается тѣмъ, что имъ пользуются преимущественно люди, занимающіе капиталъ для производства, а обезпеченіемъ возврата ссуды служатъ различныя цѣнныя вещи (металлы, драгоцѣнные каменья, цѣнныя бумаги). По мѣрѣ развитія хозяйственной жизни, закладной кредитъ идетъ еще далѣе. Предметами, обезпечивающими полученіе равноцѣнности, начинаютъ служить товары, нерѣдко громоздкія произведенія сельскаго хозяйства и фабрикаты. Храненіе этихъ товаровъ вѣдается особыми учрежденіями—*доками*, а росписки за храненіе—*варранты*—обезпечиваютъ возвратъ ссуды учрежденію, которое открываетъ кредитъ владѣльцу товара. б) *Ипотечный* кредитъ образуетъ другой видъ реальнаго кредита. И онъ принимаетъ въ своемъ развитіи разныя формы. На низкомъ уровнѣ культуры вѣритель получаетъ право владѣнія и распоряженія заложеннымъ недвижимымъ имуществомъ; позднѣе онъ получаетъ только право требованія, пріуроченное къ извѣстному имуществу кредитующагося; право же владѣнія и распоряженія имуществомъ не переходитъ къ нему, а остается за должникомъ.

II. Можно установить дѣленіе кредита по цѣлямъ, ради которыхъ совершаются кредитныя сдѣлки. Съ этой точки зрѣнія раз-

личаютъ кредитъ для *производства* и кредитъ для *потребленія*[4]). Слово «производство» нужно разумѣть здѣсь какъ производство матеріальныхъ цѣнностей. Кредитъ для производства можетъ быть въ свою очередь раздѣленъ на двѣ группы, по роду капитала, пріобрѣтаемаго въ кредитъ. Предприниматель можетъ нуждаться или въ постоянномъ капиталѣ, или въ оборотномъ. Первый обыкновенно затрачивается на долгій срокъ, а второй—на срокъ болѣе или менѣе короткій; въ зависимости отъ этого не одинаковы условія кредита и относительно срока.

III. Третье дѣленіе основывается на срокѣ. Кредитъ бываетъ *срочный* и *безсрочный*; срочный же бываетъ *краткосрочный* или *долгосрочный*.

IV. Наконецъ, классификація кредита можетъ быть основана на личности заемщиковъ и кредиторовъ. Къ кредиту обращаются частныя лица, отдѣльныя общественныя группы и государство. Поэтому и кредитъ бываетъ *частный*, *общественный* и *государственный*. Условія и формы того, другого и третьяго не одинаковы. Общественныя учрежденія нуждаются обыкновенно въ долгосрочномъ кредитѣ; они затрачиваютъ капиталы преимущественно на такія цѣли, которыя достигаются въ теченіе долгаго времени. Къ государству и общественнымъ учрежденіямъ обыкновенно не примѣняется реальный кредитъ (хотя въ исторіи мы находимъ много примѣровъ примѣненія и къ нимъ вещнаго кредита): они свободно пользуются личнымъ кредитомъ въ силу своего авторитета. Члены разныхъ общественныхъ группъ предъявляютъ запросъ на кредитъпреимущественно того или другого вида. Землевладѣльцы особенно нуждаются въ долгосрочномъ кредитѣ, ибо они обыкновенно затрачиваютъ капиталъ въ землю на много лѣтъ. Лица торговаго класса, въ виду быстроты своихъ оборотовъ, наиболѣе нуждаются въ краткосрочномъ кредитѣ. Наконецъ, лица, живущія трудомъ своихъ рукъ, имѣютъ надобность и въ краткосрочномъ кредитѣ и въ долгосрочномъ; они обращаются къ послѣднему, когда нужны средства для развитія ихъ силъ, воспитанія, подготовки къ дѣятельности. Отсюда—кредитъ для ремесленниковъ, торговцевъ, заводчиковъ, сельскихъ хозяевъ, кредитъ крупный и мелкій. И какъ кредиторы, различныя общественныя группы создаютъ для кредита неодинаковыя условія. Общественныя учрежденія—земства, города, государство чаще открываютъ кредитъ краткосрочный. Они рѣдко имѣютъ такіе избытки, которые могли бы давать въ ссуды на долгій срокъ. Частныя лица, которыя лично ведутъ предпріятія, также не открываютъ долгосрочнаго кредита; наоборотъ, капиталисты не ведущіе торговыхъ или

промышленныхъ предпріятій, охотно открываютъ долгосрочный кредитъ.

Въ современномъ обществѣ большинство кредитныхъ сдѣлокъ имѣетъ письменную форму. Документы, получаемые вѣрителями отъ должниковъ, могутъ быть названы кредитными знаками. 1. Простѣйшимъ видомъ кредитныхъ знаковъ служитъ простой *вексель*. Онъ имѣетъ такую форму. Должникъ А даетъ письменное обязательство уплатить кредитору Б или кому онъ прикажетъ извѣстную сумму денегъ въ извѣстный срокъ (часто обозначается и мѣсто уплаты). Если при этомъ Б, получая вексель отъ А, состоитъ должнымъ третьему лицу В, то онъ можетъ сдѣлать на векселѣ надпись, по которой и передаетъ своему кредитору В свое право требовать уплаты отъ А. Такая передаточная надпись называется *индоссаментомъ*, ибо пишется на оборотной сторонѣ векселя (in dosso). Передаваемый по надписи вексель можетъ нѣсколько разъ переходить изъ рукъ въ руки. По наступленіи срока платежъ производится не первоначальному кредитору, а послѣднему владѣльцу векселя. 2. *Облигаціи* образуютъ другой видъ кредитныхъ знаковъ. Онѣ отличаются отъ векселя не принципіально, но лишь тѣмъ, что всегда выдаются на довольно крупную и круглую сумму и уплачиваются по извѣстному плану погашенія занятаго капитала. Эти обязательства выдаются обыкновенно государствомъ, земствами, городами, акціонерными компаніями. Облигаціи имѣютъ нарицательную цѣну капитала и снабжены листомъ купоновъ, по которымъ проценты уплачиваются въ извѣстные сроки. Если въ нихъ обозначена личность кредитора, то онѣ называются *именными*, если нѣтъ — *на предъявителя*; въ послѣднемъ случаѣ кредиторомъ считается всякій владѣлецъ облигаціи. 3. Третій видъ образуютъ *банковые билеты*. Банковый билетъ есть безпроцентный кредитный знакъ, выпускаемый банкомъ съ обязательствомъ уплатить предъявителю написанную на немъ сумму. Вторую группу образуютъ два слѣдующіе вида кредитныхъ знаковъ. 1) *Переводный вексель* и 2) *чекъ*. Эти оба документа выражаютъ порученіе уплаты, которое одно лицо даетъ другому лицу или учрежденію. Эти документы соединяютъ не менѣе трехъ лицъ: выдающаго вексель или чекъ, принимающаго и получателя денегъ. Три лица, прикосновенныя къ переводному векселю, имѣютъ особыя названія: выдающій—*трассантъ*, принимающій—*акцептантъ* и получающій уплату—*векселедержатель*.

Условія двоякаго рода способствуютъ развитію кредита и стѣсняютъ его: во-первыхъ, частныя, зависящія отъ лицъ, участвую-

щихъ въ кредитныхъ сдѣлкахъ и, во-вторыхъ, условія общественнаго быта, среди которыхъ развивается кредитъ.

Останавливаясь на первыхъ условіяхъ, мы скажемъ, что вѣрителями могутъ быть лица, имѣющія свободный капиталъ. Разъ лицо, обладающее капиталомъ, помѣщаетъ его въ собственное предпріятіе, капиталъ перестаетъ быть свободнымъ. Кромѣ того, у вѣрителя должно быть желаніе дать капиталъ въ ссуду. Отсутствіе такого желанія объясняется разными обстоятельствами: или скупостью, желаніемъ имѣть капиталъ при себѣ, или намѣреніемъ лично вести предпріятіе, или недовѣріемъ къ лицу, желающему воспользоваться кредитомъ. Для возникновенія кредита требуется наличность нѣкоторыхъ условій и на сторонѣ должника, наличность такихъ условій опредѣляется кредиторомъ, который, прежде чѣмъ ссудить данное лицо, обыкновенно рѣшаетъ слѣдующіе вопросы: а)захочетъ ли должникъ уплатить взятую ссуду; б) если у него будетъ желаніе уплатить, то будетъ ли возможность; в) если должникъ будетъ имѣть возможность, но не захочетъ платить, то можно ли принудить его къ возвращенію ссуды? Въ разсчетъ принимается платежная способность должника не въ настоящемъ, а въ будущемъ, къ наступленію срока. Вѣритель соображаетъ, во многихъ ли кредитныхъ сдѣлкахъ участвуетъ должникъ, и принимаетъ мѣры, чтобы должникъ не оказался относительно его несостоятельнымъ.

Вотъ условія на сторонѣ лицъ, участвующихъ въ кредитныхъ сдѣлкахъ. Большее значеніе имѣютъ для развитія кредита условія общественнаго быта, которыя затрудняютъ или облегчаютъ возникновеніе кредитныхъ сдѣлокъ. Пока господствуетъ натуральное хозяйство, развитіе кредита крайне стѣснено, кредитныя сдѣлки малочисленны и ничтожны. Каждый ограничивается тѣсной сферой, въ которой живетъ; его хозяйственная дѣятельность рѣдко переступаетъ за ея границы. Для развитія кредита необходимо раздѣленіе труда и замѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ. При широкомъ раздѣленіи труда, выдѣляются общественныя группы, которыя, обладая значительнымъ капиталомъ, не ведутъ самостоятельно предпріятій. Чѣмъ шире раздѣленіе труда, тѣмъ многочисленнѣе такія общественныя группы, тѣмъ больше запасы свободныхъ капиталовъ и тѣмъ, слѣдовательно, болѣе благопріятны условія для развитія кредита. Многія условія, которыя облегчаютъ и затрудняютъ развитіе кредита, объясняются всѣмъ характеромъ правоваго порядка. Такова полная свобода занятій и передвиженія лицъ и капиталовъ; она даетъ возможность капиталъ, накопленный въ одной мѣстности, помѣщать въ предпріятія, возникающія въ другой, и тѣмъ облегчаетъ распространеніе кредита. Къ

этому присоединяется широкое право частной собственности на орудія производства, содѣйствующее накопленію огромныхъ капиталовъ въ рукахъ немногихъ лицъ. Признавая неравномѣрное распредѣленіе имуществъ условіемъ, благопріятнымъ для развитія кредита, мы, однако, не соглашаемся съ Книсомъ, что кредитъ развивается только тамъ, гдѣ есть богатые и бѣдные, ибо богатые не имѣютъ надобности занимать другъ у друга, а бѣдные не могутъ [5]). Дѣйствительность не оправдываетъ этого предположенія: масса бѣдныхъ людей помѣщаетъ свои скромныя сбереженія въ предпріятія милліонеровъ. Неравномѣрное распредѣленіе имуществъ потому облегчаетъ развитіе кредита, что создаетъ многочисленный классъ, обладающій свободными капиталами, но непосредственно не ведущій на нихъ оборотовъ. Въ международныхъ отношеніяхъ богатыя страны являются обыкновенно кредиторами бѣдныхъ. Къ этому присоединяется вліяніе техники. Чѣмъ болѣе увеличиваются размѣры производства, тѣмъ чаще бываютъ недостаточны собственные капиталы предпринимателей, тѣмъ болѣе настоятельна потребность обращаться къ кредиту. Такимъ образомъ, развитіе кредита стоитъ въ тѣсной связи съ экономическими, юридическими и техническими условіями.

Кредитъ съуживается подъ вліяніемъ всѣхъ событій, которыя нарушаютъ правильное теченіе общественной жизни: война, междоусобія, голодъ, эпидеміи. Эти явленія настолько выбиваютъ жизнь изъ обычной колеи, что будущее становится неизвѣстнымъ, всякій хозяйственный разсчетъ неточнымъ. Но когда общественная жизнь, послѣ потрясеній, съ которыми обыкновенно сопряжены войны, голодъ, внутреннія усобицы, входитъ въ обычное русло, кредитъ развивается съ новою силой. И это понятно: во время потрясеній не возникли многія предпріятія, которыя обыкновенно образуются съ помощью кредита; разъ препятствіе устранено, — скрытая потребность въ кредитѣ обнаруживается въ полномъ объемѣ. Немаловажное значеніе для развитія кредита имѣетъ и стремленіе къ наживѣ, которое въ обществѣ проявляется иногда особенно выпукло. Если мы прослѣдимъ исторію хозяйства какого либо народа за довольно долгій періодъ времени, то увидимъ, что это стремленіе не всегда одинаково; наиболѣе сильно проявляется оно въ эпоху оживленія отдѣльныхъ отраслей производства или всей промышленности страны. Всѣ спѣшатъ пользоваться благопріятными хозяйственными сочетаніями, расширяютъ производство, закупаютъ больше товаровъ въ кредитъ, и кредитныя сдѣлки далеко выходятъ за обычные предѣлы. Будущее обманываетъ ожи-

данія многихъ, происходитъ крушеніе многихъ предпріятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съуженіе кредита.

Заслуживаетъ оцѣнки вліяніе юридическаго порядка на развитіе кредита. Юридическія нормы вызываются экономическимъ строемъ; въ свою очередь онѣ оказываютъ вліяніе на хозяйственную жизнь, въ частности и на кредитъ. Мы уже знаемъ, что а) большая или меньшая степень свободы въ промышленности отражается на развитіи кредита; б) допущеніе женщинъ къ участію въ кредитныхъ сдѣлкахъ и в) возрастъ наступленія совершеннолѣтія имѣютъ то значеніе, что большее или меньшее число лицъ получаетъ право участвовать въ кредитныхъ сдѣлкахъ. Затѣмъ имѣютъ вліяніе: г) легкость совершенія кредитныхъ сдѣлокъ, простота или обиліе формальностей, дешевизна, принаровленіе правовыхъ нормъ къ потребностямъ оборота (характеръ процесса, распространеніе новыхъ видовъ кредитныхъ знаковъ).

Отдѣльныя группы правовыхъ нормъ имѣютъ вліяніе на разные виды кредитныхъ сдѣлокъ. Закладной кредитъ въ своемъ историческомъ развитіи наиболѣе часто подвергался юридическимъ опредѣленіямъ. Онъ, какъ было сказано, проходитъ нѣсколько ступеней. Въ классическомъ мірѣ заложенное имущество поступало въ полное распоряженіе кредитора. Затѣмъ создается порядокъ такъ называемой «покупки ренты», по которому значительно смягчается прежнее суровое отношеніе къ должнику: для обезпеченія вѣрителя ему предоставляется право получать ренту съ заложеннаго имущества первоначально вѣчно, а потомъ съ правомъ выкупа для должника. Въ средніе вѣка уже создаются такъ называемые montes pietatis — общественные ссудные дома, гдѣ на выгодныхъ условіяхъ давались ссуды подъ закладъ движимыхъ имуществъ. Эти дома, стоявшіе подъ непосредственнымъ надзоромъ общественныхъ властей, имѣли цѣлью охранять бѣдныхъ людей отъ ростовщиковъ [6]). Наконецъ, развиваются обороты съ цѣнными бумагами, ломбардный кредитъ, и создаются нормы, которыя принимаютъ въ разсчетъ и быстроту торговыхъ оборотовъ новаго времени и рискъ и т. п. Историческое развитіе векселя также позволяетъ прослѣдить за вліяніемъ правовыхъ нормъ на развитіе кредитныхъ сдѣлокъ. Первоначально вексель, какъ показываетъ самое его названіе (lettere di cambio, Wechselbrief, lettre de change, bill of exchange), служилъ лишь для простого обмѣна или перемѣщенія капитала изъ одного мѣста въ другое, представлялъ собою нечто иное, какъ совершившееся перемѣщеніе цѣнностей; онъ еще не былъ долговымъ документомъ. Вотъ почему свѣтскія правительства и западная церковь, преслѣдуя ростовщичество, охраняли вексель, запрещали оспаривать по-

лученіе по нему цѣнности. Постепенно развилось суровое вексельное право. Съ теченіемъ времени вексель утрачиваетъ свою первоначальную простоту. Входятъ въ обычай долгосрочные векселя, а затѣмъ, подъ видомъ вексельныхъ обязательствъ, скрываются и ссуды изъ процентовъ. Дальнѣйшій шагъ въ развитіи векселя состоялъ въ томъ, что былъ допущенъ переходъ векселей изъ однѣхъ рукъ въ другія посредствомъ передаточной надписи. Измѣняясь, вексель сталъ важнѣйшимъ кредитнымъ знакомъ, и законъ, содѣйствуя образованію вексельнаго права, повліялъ на строй личнаго кредита.

Юридическія нормы о долгахъ и должникахъ занимаютъ выдающееся мѣсто. Эти нормы также оказываютъ вліяніе на развитіе кредита у всѣхъ народовъ: гдѣ часто примѣняется пытка, тамъ естественно относятся сурово къ неплательщикамъ. Эта суровость вытекаетъ и изъ общественныхъ отношеній, какъ то можно прослѣдить на исторіи Рима (отношеніе между плебеями и патриціями). Наряду съ этимъ религія (христіанство, коранъ) требуетъ болѣе гуманнаго отношенія къ должникамъ. Она основываетъ обязанность должника платить долги на началахъ нравственности и не даетъ праву вѣрителя юридическаго обезпеченія. Мягкое отношеніе права къ долгамъ просвѣчиваетъ у древнихъ народовъ, а также у народовъ европейскихъ послѣ принятія ими христіанства. Оно объяснялось еще тѣмъ, что на низкомъ уровнѣ экономическаго развитія понятіе «кредиторъ» было равнозначуще понятію «богатый», а должникъ — понятію «бѣдный» и что кредитъ въ древнемъ мірѣ и у европейскихъ народовъ первоначально служилъ преимущественно цѣлямъ потребленія, а не производства. Но уже съ половины среднихъ вѣковъ мягкость отношенія къ должникамъ уступаетъ мѣсто другому, болѣе суровому началу. Должникамъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность платить долги, а въ случаѣ неуплаты практикуются наказанія, состоявшія въ лишеніи свободы, отдачѣ должника кредиторамъ на отработки и ограниченіи политическихъ правъ. Только въ новѣйшее время смягчается суровость этихъ наказаній. Отношеніе законодательной власти къ процентамъ также различно въ разныя эпохи. Мы встрѣчаемъ въ исторіи или полное ихъ запрещеніе, или ограниченіе ихъ высоты. То и другое отношеніе къ процентамъ исходитъ отъ церкви и отъ государства. Стремленіе власти обуздать ростовщиковъ проходитъ красной нитью отъ классическихъ государствъ до новѣйшаго времени. Это воззрѣніе нашло усердную поддержку и въ теоріи. Въ XVIII вѣкѣ начинается иное теченіе. Многіе теоретики,—Локъ, Тюрго, Бентамъ,—доказываютъ право

кредитора располагать капиталомъ произвольно и отдавать въ ростъ за проценты на условіяхъ, наиболѣе выгодныхъ для владѣльца. Однако, законодательство большинства европейскихъ государствъ продолжаетъ сохранять за собой право упорядоченія процента и только съ пятидесятыхъ годовъ нашего столѣтія начали отмѣнять законы о процентахъ. Законодатель приходитъ къ убѣжденію, что въ большемъ числѣ кредитныхъ сдѣлокъ участвуютъ стороны равносильныя, и высота процента можетъ регулироваться естественно, безъ вмѣшательства государственной власти. Но и теперь законодатель считаетъ необходимымъ упорядочивать нѣкоторыя кредитныя отношенія; на той же точкѣ зрѣнія стоитъ и наука. Государство вмѣшивается въ кредитныя сдѣлки, гдѣ контрагентами выступаютъ, съ одной стороны, лицо неопытное, малосвѣдущее, часто несовершеннолѣтнее, а съ другой—алчный ростовщикъ, не отказывающійся ради наживы отъ самаго крайняго давленія на должниковъ. Отсюда—рядъ нормъ, которыя опредѣляютъ порядокъ возникновенія и дѣятельности ссудныхъ кассъ, ограничиваютъ ростовщиковъ и угрожаютъ имъ въ извѣстныхъ случаяхъ уголовной отвѣтственностью [7]).

Кредитъ имѣетъ вліяніе на обмѣнъ. Не будучи силою, прямо создающею новые капиталы, кредитъ оказываетъ, однако, могущественное вліяніе на хозяйственную жизнь. Прежде всего это вліяніе обнаруживается въ сферѣ денежнаго обращенія. Кредитъ сберегаетъ въ обращеніи значительную сумму денегъ и можетъ содѣйствовать пониженію ихъ цѣны. Дѣйствіе кредита на деньги особенно замѣтно при исполненіи кредитными знаками функцій денегъ, какъ орудія оборота. Различные кредитные знаки — вексель, банковый билетъ, чекъ—могутъ служить орудіями обращенія; во многихъ случаяхъ они замѣняютъ деньги и вытѣсняютъ ихъ изъ обращенія. Положимъ, что А занялъ у Б 1000 рублей и далъ ему на эту сумму вексель на 6 мѣсяцевъ; вексель лежалъ у Б безъ употребленія до тѣхъ поръ, пока не наступилъ срокъ; тогда Б получилъ въ уплату по векселю 1000 рублей. Въ этомъ случаѣ вексель, служа для Б гарантіей его права требованія долга, не участвовалъ въ оборотахъ и не вытѣснялъ собою денегъ. Представимъ себѣ другой случай. А занялъ у Б 1000 рублей подъ вексель на 6 мѣсяцевъ. Б покупаетъ товаръ у В и вмѣсто денегъ даетъ ему вексель А, сдѣлавъ на немъ передаточную надпись. В передаетъ вексель Г и т. д.; до наступленія срока платежа вексель послѣдовательно переходитъ 5—10 разъ изъ рукъ въ руки. Въ этомъ случаѣ вексель исполняетъ функцію денегъ, служитъ ихъ замѣстителемъ и вытѣсняетъ ихъ изъ обращенія. Ка-

кую же сумму денегъ вытѣсняетъ онъ? Многіе писатели полагаютъ, что онъ вытѣсняетъ ту сумму, которая на немъ написана, однако, это не точно. Вексель въ 1000 рублей вытѣсняетъ не 1000 рублей непремѣнно, а часто больше или меньше этой суммы. Большая дешевизна пересылки дѣлаетъ векселя болѣе удобообращаемыми, нежели деньги; съ другой стороны, вексель нерѣдко вовсе не передается или мѣняетъ владѣльца немного разъ. Такимъ образомъ, вексель въ 1000 рублей способенъ, подъ вліяніемъ перваго условія, вытѣснить изъ обращенія, быть можетъ, 1200 рублей, а подъ вліяніемъ втораго—только 500, 300, 200. Если предположить, что условія перваго ряда уравновѣшиваются вторыми, то можно сказать, за невозможностью сдѣлать точное вычисленіе, что онъ вытѣсняетъ приблизительно сумму денегъ, которой стоитъ. Большею обращаемостью, чѣмъ векселя, обладаютъ банковые билеты, особенно выпускаемые крупными кредитными учрежденіями. Вексель не возбуждаетъ общаго довѣрія и не всѣми принимается въ уплату, банковые же билеты обращаются наравнѣ съ деньгами, охотно принимаются во всѣхъ платежахъ, что и ведетъ многихъ къ отожествленію ихъ съ бумажными деньгами; но отъ послѣднихъ они отличаются тѣмъ, что не служатъ обязательнымъ платежнымъ средствомъ.

Переводные векселя занимаютъ видное мѣсто во внутренней оптовой торговлѣ и въ международныхъ оборотахъ. Представимъ себѣ, что с.-петербургскій купецъ А купилъ у лондонскаго купца Б сукна на 1000 рублей. Другой петербургскій торговецъ—В продалъ лондонскому торговцу Г пшеницы на такую же сумму. При этихъ двухъ сдѣлкахъ купли-продажи деньги должны быть пересланы изъ Россіи въ Англію и изъ Англіи въ Россію. Расходы на пересылку будутъ значительно уменьшены, если, вмѣсто наличныхъ денегъ, уплата будетъ совершена при помощи переводныхъ векселей. Тогда петербургскій торговецъ В выдаетъ вексель на лондонскаго купца Г и продаетъ его петербургскому купцу А. А, уплативъ по векселю и тѣмъ удовлетворивъ русскаго продавца, пересылаетъ вексель своему лондонскому кредитору Б; послѣдній обращается къ Г и получаетъ отъ него на мѣстѣ 1000 рублей. Посредствомъ пересылки одного переводнаго векселя заканчивается сдѣлка между 4 лицами, и перемѣщеніе денегъ становится излишнимъ. Цѣна переводныхъ векселей мѣняется въ зависимости отъ спроса и предложенія; она носитъ техническое названіе *вексельнаго курса* и, сообразно со спросомъ и предложеніемъ, то повышается, то понижается. Разсматривая вопросъ о причинахъ измѣненія вексельнаго курса, въ литературѣ высказываютъ мнѣніе, что оно за-

виситъ отъ торговаго баланса, т.-е. отъ отношенія между цѣнами товаровъ, привезенныхъ въ данную страну и вывезенныхъ изъ данной страны за-границу. Излишекъ вывоза надъ привозомъ въ странѣ А склоняетъ торговый балансъ и вексельный курсъ въ ея пользу и наоборотъ. Если, напр., въ данное время Россія продаетъ Англіи товаровъ на 100 милліоновъ, а Англія Россіи—на 80 милліоновъ, то торговый балансъ склонится въ пользу Россіи. Имѣя получить 80 милліоновъ, а уплатить 100 милліоновъ, Англія спрашиваетъ на Россію векселей на 100 милліоновъ, но предложеніе векселей на Россію не превышаетъ 80 милл.., а потому усиленный спросъ векселей на Россію повышаетъ ихъ цѣну въ Англіи. Въ Россіи—наоборотъ. Она спрашиваетъ векселей на Англію только на 80 милліоновъ, а ихъ предлагается на 100 милліоновъ; поэтому, цѣна ихъ понижается. Это отношеніе отражается выгодно на русскомъ вексельномъ курсѣ и неблагопріятно на англійскомъ. Въ слѣдующей табличкѣ можно представить это отношеніе, какъ отношеніе между пятью русскими и четырьмя англійскими торговцами, изъ коихъ каждый продаетъ товаровъ на двадцать милліоновъ рублей:

С.-Петербургскіе торговцы.		Лондонскіе торговцы.	
А, Б, В, Г, Д	Отпускаютъ въ совокупности на 100 милл. руб.	Е, Ж, З, И, О	Отпускаютъ въ совокупности на 80 мил. рублей.

Взаимныя обязательства А, Б, В, Г, Е, Ж, З, И будутъ, согласно съ вышеизложеннымъ, погашены двумя переводными векселями, на 20 милліоновъ рублей каждый. Одинъ русскій торговецъ не найдетъ лица, которое купило бы у него вексель на Англію на 20 милліоновъ. Въ Россіи имѣется одинъ лишній вексель, который и погашается высылкою изъ Англіи звонкой монеты. Тогда въ Россіи цѣна всѣхъ векселей на Англію упадетъ на сумму, покрывающую расходъ на пересылку звонкой монеты. Когда спросъ на векселя равенъ ихъ предложенію, то вексельные курсы стоятъ al pari, т.-е. вексель на страну Б покупается въ странѣ А за ту сумму денегъ (согласно съ монетной системой этой страны), которая написана на векселѣ. 100 русскихъ серебряныхъ рублей стоютъ 404 металлическихъ же франка, и каждый вексель на 100 рублей, если курсъ стоитъ al pari, покупается во Франціи за 404 франка; если за тотъ же 100-рублевый вексель во Франціи будетъ заплачено менѣе 404 франковъ, то русскій вексельный курсъ стоитъ

ниже al pari; онъ стоитъ выше, если за тотъ же русскій вексель нужно заплатить болѣе 404 франковъ. Есть особые термины для обозначенія колебаній вексельнаго курса. Если цѣна векселей на данную страну выше al pari, то говорятъ, что векселя продаются съ *преміей*, если ниже—съ *дисконтомъ*. Такъ, при курсѣ 400 франковъ за 100 рублей, вексельный курсъ стоитъ съ преміей для Франціи и дисконтомъ для Россіи. Еслибы во всѣхъ странахъ была въ обращеніи только звонкая монета, то колебанія вексельнаго курса были бы не велики. Они не могли бы выйдти за предѣлы издержекъ по пересылкѣ звонкой монеты или слитковъ; колебанія не могли бы превышать 2—3% вверхъ и внизъ. Но во многихъ государствахъ господствуетъ бумажно-денежное обращеніе, а это ставитъ вексельный курсъ въ зависимость, кромѣ указанныхъ причинъ, еще и отъ лажа. Разъ бумажный рубль стоитъ только 60 коп. серебра, то, при самомъ благопріятномъ торговомъ балансѣ, вексельный курсъ въ Россіи на Францію будетъ стоять не выше 240 франковъ за 100 бумажныхъ рублей.

Невѣрно думать, что колебанія вексельнаго курса зависятъ отъ одного торговаго баланса. Гораздо правильнѣе ставить его въ зависимость отъ платежнаго баланса вообще. По мѣрѣ развитія кредитныхъ отношеній одно государство является должникомъ другихъ и по займамъ, которые заключаетъ правительство, и по капиталамъ, которые помѣщены изъ за-границы въ частныя предпріятія данной страны. Сверхъ того страна можетъ быть въ долгу у другихъ народовъ за пользованіе ихъ кораблями и желѣзными дорогами. Все это вызываетъ необходимость уплаты значительныхъ денежныхъ суммъ, процентовъ, погашенія капитала. Весьма возможно при этомъ, что торговый балансъ благопріятенъ для страны, а платежный балансъ неблагопріятенъ и ея вексельный курсъ стоитъ низко. За послѣдніе годы торговый балансъ бывалъ благопріятенъ для Россіи; ей пришлось бы получить по немъ доплату въ сотню милліоновъ. Но такъ какъ ей приходится по государственнымъ долгамъ и другимъ статьямъ уплачивать за границу болѣе 150 милліоновъ рублей, то платежный балансъ и вексельный курсъ склоняются не въ пользу Россіи. Итакъ, вексель, будучи средствомъ платежа, вытѣсняетъ изъ обращенія, какъ внутри страны, такъ и на международномъ рынкѣ значительную сумму денегъ, и, такимъ образомъ, замѣняетъ дорогое орудіе болѣе дешевымъ.

Чеки также замѣняютъ въ оборотѣ деньги при наличности извѣстныхъ условій. Способностью вытѣснять деньги изъ обращенія они обладаютъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ векселя.

Чеки—краткосрочные кредитные знаки (по англійскому законодательству, они дѣйствительны въ теченіе 1—2 дней). Лицо, выставляющее чекъ, обыкновенно имѣетъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, на которыя выставленъ чекъ, вкладъ на текущемъ счету. Но со стороны чекодателя возможна и позднѣйшая уплата по чеку тому учрежденію, которое принимаетъ чекъ и производитъ по немъ уплату. Такъ какъ платежъ по чеку только переносится изъ одного мѣста въ другое, то чекъ вытѣсняетъ деньги въ слѣдующихъ случаяхъ. 1) Если получившій чекъ успѣетъ передать его третьему лицу въ уплату. 2) Если, отказываясь отъ немедленнаго полученія денегъ въ кредитномъ учрежденіи, принимающемъ чекъ, онъ предлагаетъ записать соотвѣтствующую сумму себѣ въ кредитъ; впослѣдствіи выдача денегъ можетъ сдѣлаться вовсе излишнею (потому, напр., что кредитное учрежденіе исполнитъ какое-нибудь порученіе даннаго лица). 3) Чеки вытѣсняютъ деньги, вслѣдствіе установившагося обычая кредитныхъ учрежденій обмѣниваться чеками. Находящіяся во многихъ городахъ разсчетныя палаты (Clearing house), особенно большія въ Нью-Іоркѣ и Лондонѣ, имѣютъ цѣлью ежедневный обмѣнъ между кредитными учрежденіями чековъ и другихъ кредитныхъ знаковъ. Каждое учрежденіе выдаетъ другимъ выставленные на нихъ и полученные имъ чеки и принимаетъ отъ нихъ таковые же, выставленные на его имя, и только разница уплачивается деньгами. Этимъ способомъ производятся огромные обороты и вытѣсняется изъ обращенія большая сумма денегъ. Лондонская и нью-іоркская разсчетныя палаты дѣлаютъ обороты на десятки милліардовъ ежегодно. И все это совершается съ помощью суммы денегъ, равной 4—6% суммы ежедневныхъ оборотовъ [8]).

Кредитъ исполняетъ и другую функцію денегъ—служитъ для сбереженія запасовъ. При развитомъ кредитѣ сбереженіе запасовъ въ частныхъ хозяйствахъ дѣлается излишнимъ; запасы отдаются на храненіе въ кредитныя учрежденія; въ экономически развитыхъ странахъ, особенно въ Англіи, Бельгіи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, запасы денегъ въ частныхъ хозяйствахъ незначительны; сберегаются лишь суммы, нужныя на мелочные расходы. Банки въ подобныхъ случаяхъ можно считать настоящими резервуарами, которые принимаютъ излишніе капиталы.

Всѣ эти условія ведутъ къ пониженію цѣнности денегъ. Противное не можетъ быть доказано ссылкою на то, что въ XIX вѣкѣ деньги не подешевѣли. Еслибы онѣ вздорожали, то выставленное положеніе не могло бы быть опровергнуто, ибо многократно возрасла потребность въ деньгахъ: стоитъ вспомнить о современномъ

расширеніи экономическихъ оборотовъ на весь міръ, о массѣ денегъ, необходимой для уплаты наличными за проѣздъ милліоновъ пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, за потребленіе въ трактирахъ и другихъ заведеніяхъ.

Кредитъ оказываетъ большое вліяніе на цѣны товаровъ. Товары могутъ быть пріобрѣтаемы съ цѣлью потребленія и съ цѣлью дальнѣйшаго производства и торговли. Сообразно съ этимъ и кредитъ имѣетъ своею цѣлью или а) потребленіе, или б) производство. а) Первый не оказываетъ большого вліянія на цѣны товаровъ. Пользуясь кредитомъ, потребитель можетъ увеличить спросъ на товары, но такое увеличеніе (если не предпринимается въ видахъ роскоши и мотовства) не можетъ идти дальше извѣстныхъ предѣловъ: большинству людей присуще сознаніе, что ихъ потребленіе, расширенное съ помощью кредита, не увеличиваетъ ихъ имущества; это сознаніе сдерживаетъ ихъ при пользованіи такимъ кредитомъ. Поэтому, если спросъ на предметы для потребленія и увеличивается, то это не оказываетъ большого вліянія на цѣны товаровъ. б) Совсѣмъ иное дѣйствіе оказываетъ на цѣны товаровъ кредитъ, открываемый для производства. Здѣсь человѣкъ стремится къ наживѣ, а этому стремленію нѣтъ границъ. Съ помощью кредита предприниматель до крайности расширяетъ производство. Торговецъ закупаетъ для перепродажи гораздо больше товаровъ, чѣмъ онъ закупилъ бы безъ кредита. Чрезъ это спросъ на товары увеличивается,—увеличиваются и ихъ цѣны. Однако, здѣсь можно замѣтить двоякое движеніе. Одни товары долгое время не могутъ быть увеличиваемы въ своемъ запасѣ (разныя произведенія земли до новой жатвы, рыбы—до новаго лова); другіе же могутъ быть производимы въ увеличенныхъ размѣрахъ безъ значительнаго ограниченія (фабрикаты). Естественно, что скупка первыхъ съ помощью кредита можетъ выше поднять ихъ цѣну, нежели вторыхъ. Этимъ объясняется бо́льшая наклонность ко вздорожанію сырья и вспомогательныхъ матеріаловъ, чѣмъ фабрикатовъ. Когда производство, расширенное съ помощью кредита, не оправдываетъ ожиданій предпринимателей, товаръ не находитъ себѣ сбыта и цѣна его падаетъ. Но цѣны различныхъ товаровъ имѣютъ неравную наклонность къ пониженію. Товары, обладающіе свойствомъ удовлетворять разнообразныя потребности (хлѣбъ для пищи людямъ, корма скоту, винокуренія; сало—для производства свѣчей и мыла), не такъ сильно и быстро падаютъ въ цѣнѣ, какъ товары, удовлетворяющіе только одну потребность (ткани). Часть запасовъ сала, когда производство свѣчей стало невыгоднымъ, можетъ пойдти на увеличенное производ-

ство мыла. Фабрикаты же не могутъ получить иное назначеніе. Вліяніе кредита на производство повышаетъ и понижаетъ также цѣну труда. Колебанію цѣнъ еще болѣе содѣйствуетъ широкая обращаемость векселей. Вслѣдствіе индоссированія вексель проходитъ много рукъ и дѣлаетъ отвѣтственными всѣхъ индоссантовъ. Не платитъ векселедатель въ срокъ—съ требованіемъ обращаются къ индоссантамъ, которые и вынуждены торопиться со сбытомъ товаровъ, чтобы реализировать нужную сумму; эта торопливость еще болѣе понижаетъ цѣны. Наконецъ, тому же содѣйствуетъ и развитіе учетныхъ операцій: при застоѣ въ дѣлахъ учетъ сокращается, кредитъ съуживается, и производители вынуждены понижать цѣну товаровъ для ускоренія сбыта.

Какое же вліяніе оказываетъ кредитъ на производство?

Мы видимъ, что, по мѣрѣ развитія кредита, увеличивается богатство народа. Это явленіе убѣждаетъ, что капиталы косвенно создаются кредитомъ, хотя никоимъ образомъ нельзя согласиться съ Мэкляудомъ, будто кредитъ обладаетъ творческою силою,— прямо творитъ капиталы. Чтобы понять, какъ создаетъ кредитъ капиталы, нужно разсмотрѣть положеніе дѣлъ при отсутствіи кредита. Въ послѣднемъ случаѣ положеніе вѣрителя и должника было бы совершенно иное, чѣмъ при распространенности кредита. Не имѣя возможности открыть кредитъ для производства, вѣритель а) или оставилъ бы свои блага безъ употребленія, б) или употребилъ бы ихъ непроизводительно, или в) самъ пустилъ бы ихъ въ оборотъ. Должникъ, не имѣя производительнаго кредита, а) или не производилъ бы, б) или производилъ бы въ меньшихъ размѣрахъ, в) или избралъ бы отрасль оборотовъ, гдѣ его собственный капиталъ былъ бы достаточенъ. Положеніе измѣняется къ лучшему, благодаря распространенію кредита для цѣлей производства: часто владѣлецъ капитала не умѣетъ производить и предпочитаетъ довольствоваться процентомъ, а должникъ, имѣя способность къ веденію предпріятія, лишенъ капитала. Потребность въ кредитѣ вытекаетъ также изъ крупныхъ размѣровъ современнаго производства, требующаго отъ предпринимателя большихъ капиталовъ. «Если бы не существовало кредита или по общей небезопасности и по недостатку довѣрія кредитъ былъ бы очень ограниченный, то не получали бы пользы отъ своего капитала многія лица по своимъ занятіямъ или по недостатку нужнаго умѣнья, искусства и знанія, не могущія лично помѣщать его въ предпріятія; собранные ими запасы лежали бы праздно или, быть можетъ, растрачивались бы и уничтожались въ неловкихъ опытахъ» [9]). Вслѣдствіе кредита капиталъ переходитъ изъ рукъ менѣе искусныхъ въ болѣе искусныя, или

отъ лицъ, нежелающихъ вести предпріятія, къ лицамъ, которыя желаютъ этого, и получаетъ такимъ образомъ наиболѣе производительное назначеніе. Не слѣдуетъ забывать и о томъ, что какъ скоро въ обществѣ развивается кредитъ и возникаютъ учрежденія, которыя облегчаютъ полученіе процента на капиталъ, увеличивается и наклонность къ сбереженію капиталовъ; капиталы нарастаютъ. Нужно отмѣтить и тотъ фактъ, что кредитные знаки вытѣсняютъ изъ оборота болѣе или менѣе значительное количество денегъ. Это приноситъ обществу ту выгоду, что въ народномъ хозяйствѣ создается извѣстный излишекъ благородныхъ металловъ, который можетъ получить другое производительное назначеніе, и дѣлается излишнею доля затратъ труда на открытіе новыхъ рудниковъ, добываніе металловъ, словомъ, сберегается масса труда, которая можетъ быть съ пользою затрачена въ другихъ отрасляхъ. Дальнѣйшее вліяніе кредита на производство выражается въ томъ, что онъ увеличиваетъ рискъ, соединенный съ веденіемъ промышленныхъ предпріятій. Производство на занятые капиталы сопряжено со слабымъ рискомъ неудачи или малой удачи для предпринимателя вслѣдствіе того, что рискъ потерять собственное имущество уменьшается или совсѣмъ устраняется. Такъ какъ акту въ настоящемъ со стороны вѣрителя соотвѣтствуетъ въ будущемъ актъ должника, то послѣдній долженъ имѣть къ истеченію срока извѣстныя денежныя суммы; иначе производство, предпринятое съ помощью кредита, разрушается. Для предупрежденія этого необходимо точное согласованіе сроковъ сбыта товаровъ со сроками кредита и строгое разграниченіе между кредитомъ для пріобрѣтенія основнаго капитала (возвращающагося медленно) и оборотнаго.

Значеніе кредита для потребленія выясняется изъ анализа кредитныхъ сдѣлокъ, которыя заключаются съ цѣлью потребленія. Большинство экономистовъ признаютъ этотъ кредитъ безполезнымъ или даже вреднымъ для общественнаго хозяйства, ибо капиталъ, ссужаемый для потребленія, могъ бы за это время совершить нѣсколько оборотовъ въ производствѣ. Такая точка зрѣнія стоитъ въ связи съ дѣленіемъ труда на производительный и непроизводительный, просто полезный. Это дѣленіе несостоятельно. Наука не должна имѣть въ виду интересы только производства; она должна признавать полезнымъ всякое явленіе въ хозяйствѣ, облегчающее удовлетвореніе потребностей; а потому во многихъ случаяхъ и кредитъ для потребленія долженъ быть признанъ полезнымъ. Лица, начинающія свободную профессію адвоката, врача, чиновника, часто въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ не имѣютъ средствъ для жизни. Кредитъ, дающій имъ возможность существо-

вать эти первые мѣсяцы, несомнѣнно полезенъ. Человѣкъ, богато одаренный отъ природы, получаетъ съ помощью кредита воспитаніе и подготовляется къ плодотворной для общества дѣятельности; въ этомъ случаѣ кредитъ также полезенъ. Многія хозяйства, вполнѣ благоустроенныя, ради удобства забираютъ на книжку у мясника, хлѣбника, книгопродавца и разсчитываются ежемѣсячно или по четвертямъ года, т.-е. пользуются кредитомъ для потребленія. Наконецъ, предположимъ, что такого кредита ищетъ человѣкъ, безусловно бѣдный, который, въ случаѣ отказа, долженъ или воззвать къ благотворительности, или погибнуть. Хотя вѣритель, открывая такому лицу кредитъ, рискуетъ не получить уплаты, однако, и здѣсь кредитъ полезенъ: лучше открыть кредитъ, нежели дать человѣку погибнуть или оставить на рукахъ благотворителей, ибо благотворительность часто унижаетъ достоинство получающаго. Книсъ, говоря, что смѣшно упрекать фабриканта, который продаетъ чиновнику, получающему небольшое жалованье, рояль съ разсрочкой платежа, справедливо замѣчаетъ: «потребительный кредитъ такого рода во всякомъ случаѣ выдержитъ сравненіе съ производительнымъ кредитомъ, для устройства на ряду со многими другими мелочной лавки или лишняго кабака, особенно если будемъ помнить, что именно кредитъ для потребленія, который тогда находятъ посѣтители кабаковъ, наименѣе нуженъ и причиняетъ наиболѣе вреда». Потребительный кредитъ вреденъ, когда онъ открывается расточителямъ, поощряетъ роскошь, мотовство. Но тутъ же слѣдуетъ замѣтить, что производительный кредитъ также можетъ быть сопряженъ съ ущербомъ для общества: если должникъ, хотя онъ сполна удовлетворитъ вѣрителя, ведетъ дѣло неискусно, производитъ товары, ненужные обществу, то разъ онъ развилъ это производство, благодаря кредиту, кредитъ вреденъ, такъ какъ содѣйствуетъ уничтоженію извѣстной массы цѣнностей. Только послѣ окончанія предпріятія, по оцѣнкѣ его результатовъ, можно сказать, былъ ли полезенъ кредитъ, открытый для производства.

Кредитъ имѣетъ вліяніе и на распредѣленіе богатствъ. Пользованіе чужимъ капиталомъ позволяетъ должнику, обладающему достаточнымъ искусствомъ въ хозяйственной дѣятельности, увеличивать матеріальное довольство. Но именно въ этомъ и обнаруживается различіе между отдѣльными группами должниковъ. Лица достаточныхъ классовъ легко получаютъ кредитъ и могутъ, пользуясь имъ, въ огромныхъ размѣрахъ увеличивать свое богатство. Люди, мало обезпеченные, находятъ кредитъ только на обременительныхъ условіяхъ. Вотъ почему развитіе кредита содѣйствуетъ увеличенію имущественныхъ неравенствъ. Противовѣсомъ этому

могутъ служить артельное единеніе внутри недостаточныхъ классовъ и дѣятельное участіе государства въ организаціи кредита.

Общее вліяніе кредита на хозяйство то, что онъ, проникая во всѣ экономическія отношенія, умаляетъ самостоятельность отдѣльныхъ хозяйствъ; каждое изъ нихъ становится все въ бо́льшую зависимость отъ общественнаго хозяйства. Въ натуральномъ или денежномъ хозяйствѣ мѣновыя сдѣлки предполагаютъ наличность цѣнностей; при сдѣлкахъ въ кредитъ цѣнности являются въ разное время; будущее неизвѣстно, а потому часто нельзя предусмотрѣть результаты. Каждый народъ состоитъ вѣрителемъ и должникомъ многихъ другихъ народовъ, и промышленный кризисъ, неурожай, война въ одной странѣ оказываютъ вліяніе на многія хозяйства въ другой. Вліяніе становится еще болѣе сильнымъ потому, что богатыя страны помѣщаютъ свои капиталы у народовъ болѣе отсталыхъ. Непроизводительное основаніе предпріятій въ этихъ случаяхъ ведетъ къ потерѣ капиталовъ. Самый фактъ помѣщенія капиталовъ за границею дѣлаетъ капиталистовъ склонными къ миру, ибо каждая война можетъ лишить ихъ значительной доли ихъ имущества. Развитіе кредита ведетъ къ отдѣленію владѣльца благъ отъ предпринимателя. Первый только получаетъ проценты, ренту, второй ведетъ предпріятіе. Предпріятія, достигая при помощи кредита особенно большихъ размѣровъ, получаютъ большую наклонность съуживаться и расширяться. Предприниматель, поддерживая производство при помощи чужихъ капиталовъ, часто старается сберегать на всѣхъ издержкахъ, въ томъ числѣ, и на рабочей платѣ. Вслѣдствіе этого кредитъ прямо или косвенно способствуетъ тому, что разстояніе между предпринимателемъ и рабочимъ увеличивается [10]). По мнѣнію Книса, рентьеры, получающіе доходы безъ труда, при довольно высокомъ уровнѣ развитія, способны поставлять обществу массу безвозмездныхъ услугъ въ сферѣ науки, искусства и общественной дѣятельности. По нашему убѣжденію, такіе рентьеры составляютъ меньшинство; огромное большинство пользуется выгодами своего положенія, чтобы проводить жизнь въ праздности и роскоши.

Таковы свѣтлыя и темныя стороны кредита. Кредиту предстоитъ въ будущемъ значительное расширеніе. Но еще очень не скоро исполнится предсказаніе Гильдебранда, что денежное хозяйство будетъ вытѣснено кредитнымъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЯТОЙ ГЛАВѢ.

1) *Schaeffle.* Das gesellsch. System, 2 изд. 112.

2) Вагнеръ считаетъ принудительные займы государства особой формой обложенія податями, съ чѣмъ согласиться нельзя. При взиманіи налоговъ, не обѣщается возвращенія каждому плательщику равноцѣнности, что лежитъ въ основаніи принудительныхъ займовъ.

3) Основанія пол. эк., II, 31.

4) Трудно провести замѣтную пограничную черту между этими видами кредита: если считать и личныя услуги хозяйственными благами, то часто кредитъ для потребленія долженъ быть отнесенъ къ кредиту для производства (кредитъ на воспитаніе лица къ дѣятельности врача, ученаго и т. п.).

5) *Knies.* Der Credit, I, 124.

6) Въ итальянскихъ городахъ съ половины XV вѣка.

7) Таковъ австрійскій законъ 1866 года: отмѣняя ограниченія процента, онъ наказываетъ, какъ ростовщичество, высокіе проценты, вытекающіе изъ злоупотребленія „нуждой, неопытностью, легкомысліемъ или слабоуміемъ“ заемщика. Нельзя не согласиться съ Вагнеромъ (Schönberg, 317—318), что если удержаніе законныхъ процентовъ при кредитѣ для производства не можетъ быть оправдано, то ограниченія ростовщиковъ и охраненіе интересовъ мелкаго люда путемъ закона необходимы, даже еслибы всѣ такія ограниченія имѣли очень малое практическое значеніе.

8) Въ 1872—73 годахъ въ лондонской разсчетной палатѣ былъ совершенъ оборотъ слишкомъ на шесть милліардовъ фунтовъ, а въ нью-іоркской—слишкомъ на 30 милліардовъ долларовъ, причемъ монеты было уплачено не болѣе $^1/_{200}$ всей суммы (Schönberg, 331).

9) Основ. пол. экон., II, 31—32.

10) Вліяніе кредита сказывается и въ сферѣ политической: стоитъ вспомнить политическую зависимость должниковъ отъ вѣрителей въ древнихъ Греціи и Римѣ и средневѣковыхъ республикахъ Италіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Банки.

Литература. *Кауфманъ.* Кредитъ, банки. *Бишофъ.* Краткій обзоръ исторіи и теоріи банковъ. 1887. *Яковлевъ.* Очеркъ нар. кред. 1869. *Колюпановъ.* Практич. руковод. къ устройству сельск. и ремесл. банковъ. *Буше.* Товарные склады и варранты. 1871. *Чупровъ.* Товарн. склады и ихъ знач. въ виду американ. конкурр. 1882. 1870. *Исаевъ.* Мелк. земельн. кред. по системѣ Райфайзена. *Наблюд.* 1884, XI. *Бліохъ.* Меліораціонный кредитъ. 1890. *Скворцовъ.* Меліораціонный кредитъ. *Съв. Вѣст.* 1891, VI. *Wagner.* Beiträge zur Lehre von den Banken. 1857. *Его же.* System der Zettelbankpolitik. 2 изд. 1873. *Его же.* Die Zettelbankreform im Deutschen Reich. 1875. *Tellkampf.* Principien des Geld-u-Bankwesens. 1866. *Fullarton.* On currency and banking. 1845. *Wolowski.* La question des bankes. *Courcelle Sénenil.* Traité

théorique et pratique des opérations des banques. 6 изд. 1876. *Macleod.* Theory and practice of banking. 2 vol. 1866. *Bagehot.* Lombardstreet. 1873. *Bonamy Price.* Currency and banking. 1876. *Schäffle.* Die Inkorp. des Hypothekarkred. 1883. *Nasse.* Die Banken въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Тамъ же дальнѣйшія указанія на литературу вопроса.

Кредитъ получаетъ организацію въ банкахъ. По мѣрѣ измѣненія общественной жизни, каждое учрежденіе измѣняется и часто становится трудно узнаваемымъ. Такія измѣненія подмѣчаемъ мы въ строеніи и дѣятельности банковъ. Банки могутъ быть раздѣлены на денежные и кредитные. Это дѣленіе станетъ понятнымъ, если мы коснемся исторіи банковъ. Элементы банковъ встрѣчаются еще у древнихъ азіатскихъ народовъ, у народовъ классическихъ и въ средніе вѣка въ западной Европѣ, особенно Италіи. Первоначальною цѣлью банковъ было хранить монету и содѣйствовать ея перемѣщенію; выдача же ссудъ еще не входила въ кругъ ихъ задачъ. Денежные банки, во-первыхъ, мѣняли монету. Въ древніе и средніе вѣка безопасность личности и торговыхъ сношеній не была обезпечена, и каждый торговецъ искалъ лицъ, которымъ онъ могъ бы довѣрить деньги. Такими лицами и были банкиры. Они брали деньги на храненіе и выдавали росписки, которыя были представителями хранящихся у нихъ денегъ. Этимъ достигалось, во-первыхъ, то, что торговцы имѣли надежныхъ хранителей своихъ денегъ и, во-вторыхъ, то, что парализовалось стремленіе правительствъ портить монету. Деньги, хранившіяся въ нихъ, не подлежали обращенію и не подвергались порчѣ. Банки имѣли назначеніемъ также переводить деньги съ одного изъ своихъ вкладчиковъ на другого, ибо многія лица пользовались услугами одного и того же банка. Переводъ денегъ по книгамъ банка сберегалъ расходы, необходимые при пересылкѣ монеты. Изъ денежныхъ банковъ естественно развились кредитные банки. Банкиры постепенно приходили къ убѣжденію, что хранящіяся у нихъ деньги могутъ быть отдаваемы третьимъ лицамъ въ ссуду и что банки всегда должны имѣть на лицо только извѣстныя суммы для удовлетворенія своихъ вѣрителей. Къ этой простѣйшей формѣ ссудъ постепенно присоединились другія, изъ которыхъ и развилось сложное банковое дѣло [1]).

Операціи банковъ раздѣляются на два разряда: первый составляютъ тѣ обороты, гдѣ банкъ является должникомъ, такъ называемые *пассивные* обороты, и второй—тѣ, при которыхъ банкъ выступаетъ вѣрителемъ,—*активныя* операціи.

Активныя операціи, т.-е. формы, въ которыхъ банкъ открываетъ кредитъ, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: 1) *учетъ векселей.*

Эта операція выражается въ томъ, что банкъ, принимая вексель, уплачиваетъ его владѣльцу выставленную на немъ сумму съ удержаніемъ въ свою пользу процентовъ и вступаетъ во всѣ права кредитора. Учетъ векселей получилъ особенно широкое распространеніе въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда обороты стали совершаться съ большою быстротой, и есть масса лицъ, пользующихся вексельнымъ кредитомъ. Въ основаніи векселей, учитываемыхъ банками, лежатъ обыкновенно торговыя сдѣлки; векселя представляютъ цѣны купленныхъ товаровъ. Учитываемые векселя большею частію краткосрочны, выдаются на немного мѣсяцевъ. Такъ какъ очень большіе банки часто не въ состояніи оцѣнить кредитоспособность должника, выдавшаго вексель, и кредитора, который, сдѣлавъ индоссаментъ, поручился своей подписью, то они нерѣдко требуютъ еще другой подписи. Это ведетъ къ упроченію такого порядка учета векселей, что первоначально вексель учитывается банкирской конторой, мѣстнымъ банкомъ, которымъ близко знакомъ векселедатель, а затѣмъ переучитывается ими въ центральномъ банкѣ. Послѣдній имѣетъ дополнительное обезпеченіе въ подписи банкира. Учетъ купеческихъ векселей, при тщательной ихъ сортировкѣ, связанъ для банковъ съ очень малымъ рискомъ. —Векселя же, выдаваемые людьми, которые не принадлежатъ къ промышленному и торговому классамъ, гораздо менѣе надежны: въ основаніи ихъ не лежитъ обмѣнъ цѣнностей, а потому банки должны быть особенно осторожны при учетѣ этихъ векселей. 2) *Выдача ссудъ подъ закладъ движимостей.* Обезпеченіемъ ссуды могутъ служить слитки металловъ, иностранная монета, цѣнныя бумаги. По самому характеру банковыхъ оборотовъ, изъ ряда цѣнностей, которыя могутъ служить обезпеченіемъ, исключаются предметы роскоши и другіе товары съ очень измѣнчивыми цѣнами. Сюда же примыкаетъ и выдача ссудъ подъ закладъ товаровъ, которые хранятся не банками, открывающими кредитъ, а особыми товарными складами. Если сбытъ товаровъ замедленъ, а купецъ или фабрикантъ нуждается въ капиталѣ для производства, то обращается къ правленію доковъ, т.-е. складовъ, хранящихъ товары. Тамъ товары подвергаются оцѣнкѣ; оцѣночная опись или варрантъ вручается владѣльцу товара и служитъ обезпеченіемъ банку, выдающему ссуду. Къ этимъ же учрежденіямъ нужно отнести элеваторы, которые служатъ для храненія хлѣбнаго зерна. Зерновой хлѣбъ, доставляемый въ эти хранилища, смѣшивается въ одну общую массу съ зерномъ такого-же качества, и владѣлецъ хлѣба имѣетъ право не на то самое зерно, которое онъ сдалъ, а на такое-же количество хлѣба того же сорта. Владѣльцу хлѣба выдается квитанція на право

полученія опредѣленнаго количества зерна. Эти квитанціи облегчаютъ и продажу хлѣба и полученіе денежныхъ ссудъ. 3) *Выдача ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ.* Эти обороты отличаются отъ предыдущихъ. Деньги, получаемыя въ ссуду, употребляются на такія цѣли, которыя могутъ быть достигнуты только въ теченіе долгаго періода времени, а потому и ссуды выдаются на долгіе сроки. Подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ берутъ денежныя ссуды съ цѣлью употребить ихъ на улучшеніе сельскаго хозяйства. Всѣ кредитныя сдѣлки этого рода подходятъ подъ понятіе о *меліораціонномъ* кредитѣ. Осушеніе и орошеніе земельныхъ участковъ, пріобрѣтеніе скота и орудій, сооруженіе построекъ—вотъ главныя формы улучшенія сельскаго хозяйства. Подъ залогъ земли берутся денежныя ссуды такъ же для выдѣла сонаслѣдниковъ. Наблюденія показали, что очень большая часть ссудъ получаетъ такое назначеніе. Ссуды перваго и второго рода имѣютъ ту общую черту, что долгъ можетъ быть покрытъ только небольшими долями въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Если ссуда была употреблена на улучшеніе хозяйства, то возросшая доходность земли создаетъ новый источникъ для уплаты процентовъ по занятому капиталу и для погашенія долга. Если ссуда была взята для выдѣла сонаслѣдниковъ, то уплата долга не такъ легка, ибо хозяйство не улучшилось, не создано новаго источника доходовъ; остается тотъ же доходъ, изъ котораго долгъ можетъ быть погашаемъ только очень мелкими долями. А потому, именно эти ссуды должны быть выдаваемы на возможно болѣе долгій срокъ. 4) *Активный текущій счетъ.* Должникъ можетъб рать ссуды долями до извѣстныхъ предѣловъ и уплачивать въ неопредѣленные сроки. Иногда банкъ требуетъ отъ должника какое либо добавочное обезпеченіе. 5) *Выдача ссудъ государству* занимаетъ особое мѣсто. Государство, обращаясь къ банкамъ за кредитомъ, даетъ имъ различныя привилегіи, а потому активные обороты этого рода часто имѣютъ для банковъ особенно важное значеніе. Эти ссуды, по характеру должника, обыкновенно бываютъ долгосрочными. Онѣ связаны со значительнымъ рискомъ; во время войны, когда государственные финансы испытываютъ затрудненія, банку трудно, а иногда почти невозможно разсчитывать на своевременный возвратъ ссуды и даже точную уплату процентовъ. 6) *Покупка и продажа цѣнныхъ бумагъ.* Эта операція ведется почти всѣми кредитными учрежденіями, заисключеніемъ самыхъ мелкихъ. Колебаніе курса цѣнныхъ бумагъ и покупка ихъ на чужіе капиталы дѣлаютъ эти обороты очень рискованными, если они принимаютъ большіе размѣры. 7) *Операціи движимаго кредита* состоятъ въ томъ, что банкъ затрачиваетъ капиталы на созданіе разныхъ

промышленныхъ и торговыхъ предпріятій или на поддержаніе и расширеніе старыхъ. Эта операція отличается отъ всѣхъ перечисленныхъ нами банковскихъ оборотовъ. Во всѣхъ вышеуказанныхъ банкъ даетъ капиталы взаймы; здѣсь же его дѣятельность, какъ кредитора, соединяется съ дѣятельностью основателя предпріятія. Но, не руководя послѣднимъ и не отвѣтствуя за неудачи, банки часто вызываютъ къ жизни предпріятія, которыя не соотвѣтствуютъ потребностямъ страны, и тѣмъ расточаютъ чужіе капиталы.

Изъ *пассивныхъ* операцій банковъ первое мѣсто занимаетъ 1) *пріемъ вкладовъ*. Вклады различаются по срокамъ на срочные и безсрочные, а первые—на долго и кратко-срочные. Къ безсрочнымъ вкладамъ принадлежатъ все болѣе распространяющіеся, по мѣрѣ развитія торговыхъ оборотовъ, вклады *на текущій счетъ* (пассивный текущій счетъ). «Въ Лондонѣ даже тѣ купцы, которые ведутъ розничную торговлю, имѣютъ счетъ у банкировъ, если капиталъ или оборотъ у нихъ сколько нибудь значителенъ; кромѣ безопасности и практическаго удобства (въ сбереженіи времени), они имѣютъ отъ этого еще другую выгоду, получая право дисконтировать свои векселя у банкира, между тѣмъ какъ безъ этого едва ли бы захотѣлъ банкиръ дисконтировать ихъ»[2]). Вклады могутъ быть раздѣлены также на процентные и безпроцентные. Усовершенствованіе техники вкладныхъ оборотовъ, употребленіе вкладныхъ чековыхъ книжекъ, выдача по вкладамъ возможно высокихъ процентовъ, открытіе текущихъ счетовъ, исполненіе для вкладчиковъ разныхъ порученій за невысокую плату или даромъ ведутъ къ тому, что всѣ свободныя въ странѣ денежныя суммы поступаютъ въ банки и получаютъ полезное назначеніе. 2) *Выпускъ банковыхъ билетовъ*. Эта операція состоитъ въ томъ, что банкъ выдаетъ вкладчикамъ, а также своимъ должникамъ билеты, которые должны быть обмѣниваемы на деньги по предъявленію. Чеки и банковые билеты имѣютъ то сходство, что служатъ выраженіемъ обязательства банка уплатить извѣстную сумму денегъ. Но между ними есть и существенное различіе. Банки, выпуская билеты, не могутъ знать, въ чьихъ рукахъ они находятся. Поддерживая же личныя сношенія со своими кредиторами, которые держатъ въ банкѣ свою кассу, банкъ знаетъ, кому онъ выдаетъ чеки. Банкъ, имѣя вклады на текущемъ счету, завѣдуя расходной кассой своихъ кліентовъ, можетъ судить о размѣрахъ ихъ имущественныхъ средствъ, о томъ, насколько успѣшно они ведутъ свои промышленные и торговые обороты. Банки, занимающіеся преимущественно выпускомъ билетовъ, имѣютъ дѣло съ мало знакомыми кліентами, а потому часто подвергаются большему риску, чѣмъ первые. Между

чеками и банковыми билетами есть и та разница, что именно вторые являются тѣми кредитными документами, которые приводятъ въ связь съ банками все населеніе страны; чеки, имѣя своимъ основаніемъ вклады въ кассу банка, связываютъ съ банками только болѣе состоятельные классы: уже помѣщеніе вклада на текущій счетъ предполагаетъ извѣстную зажиточность банковскихъ кліентовъ. 3) *Пріобрѣтеніе капиталовъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ.* Банкъ выпускаетъ облигаціи или закладные листы, обезпеченные заложеннымъ имуществомъ. Съ цѣлью привлечь къ себѣ капиталы, онъ продаетъ эти документы и становится должникомъ ихъ владѣльцевъ. Долги по этимъ документамъ частично погашаются въ опредѣленные сроки. 4) *Пріобрѣтеніе капиталовъ посредствомъ займовъ.*

Основное правило банковой политики состоитъ въ томъ, чтобы приводить въ прямую связь кредиторовъ и должниковъ, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ другъ другу. Банкъ, получая, въ качествѣ вкладовъ, крупныя суммы, можетъ дробить ихъ и выдавать въ ссуду третьимъ лицамъ мелкими долями, а равнымъ образомъ, получая малыя суммы, можетъ соединять ихъ и выдавать крупныя ссуды. При этомъ необходимо, чтобы активныя операціи соотвѣтствовали пассивнымъ, т.-е. чтобы обороты, посредствомъ которыхъ онъ открываетъ кредитъ, соотвѣтствовали тѣмъ, посредствомъ которыхъ онъ его получаетъ. Краткосрочные вклады должны быть выдаваемы въ ссуду на короткій срокъ, а долгосрочные—на короткій или долгій. Это положеніе можетъ быть однако, ограничено. Значительная часть вкладовъ «до востребованія» можетъ быть отдаваема въ ссуду на сроки. Опытъ показываетъ, что эти вклады—одни выдаются, другіе вносятся вкладчиками,—всегда составляютъ въ кассахъ извѣстную сумму. Часть вкладовъ соотвѣтственно съ этой суммой можетъ быть помѣщаема въ ссуды на сроки. То же можно сказать и относительно краткосрочныхъ вкладовъ. А потому банкъ можетъ помѣщать часть своихъ капиталовъ на болѣе долгіе сроки, нежели средній срокъ, на который получаетъ ихъ. Положимъ, что въ теченіе года банкъ принимаетъ вкладовъ на 5 милліоновъ рублей и что средній срокъ, въ теченіе котораго вклады остаются въ распоряженіи банка, составляетъ 6 мѣсяцевъ, но изъ этихъ вкладовъ годъ за годомъ всегда находится сумма не менѣе двухъ милліоновъ. Тогда, даже при большой осторожности въ оборотахъ, ничто не препятствуетъ банку помѣщать изъ нихъ 1 или $1^1/_2$ милліона въ долгосрочныя ссуды. Принаровленіе активныхъ оборотовъ къ пассивнымъ требуетъ тщательно выработанныхъ техническихъ пріемовъ: нужна строгая

оцѣнка поступающихъ векселей, представляемыхъ поручителей, большая разборчивость въ оборотахъ съ цѣнными бумагами и т. п. Наконецъ, собственные капиталы банка, основной и запасный, также должны давать достаточное обезпеченіе.

Банки могутъ быть дѣлимы на категоріи по различнымъ признакамъ. Можно установить дѣленіе ихъ а) по *лицу*, которому принадлежитъ банкъ; тогда будемъ имѣть банки государственные, земскіе, городскіе, акціонерные, частные, взаимные и т. п. б). По *активнымъ операціямъ* банки будутъ дѣлиться на учетные, закладные, гипотечные и другіе. в) По *операціямъ пассивнымъ*—на банки эммиссіонные, депозитные и другіе. г) По *общественнымъ группамъ*, которымъ они преимущественно открываютъ кредитъ,—коммерческіе, ремесленные, земельные. Мы возьмемъ за признакъ дѣленія срокъ, на который открывается кредитъ. Каждый банкъ служитъ извѣстной группѣ лицъ и учрежденій. Нужда въ кредитѣ вызывается различными условіями; но всѣ кредитныя сдѣлки могутъ быть сведены по сроку къ двумъ обширнымъ группамъ: одни лица нуждаются въ кредитѣ на короткій срокъ, другія—на долгій. Сообразно съ этимъ банки будутъ дѣлиться на 1) банки *краткосрочнаго кредита* и 2) *долгосрочнаго*. Внутри обѣихъ группъ можетъ быть образовано нѣсколько видовъ.

Изъ банковъ краткосрочнаго кредита наиболѣе распространены а) *коммерческіе* или *депозитные*. Главная часть ихъ капиталовъ составляется изъ вкладовъ частныхъ лицъ. Въ эти банки вклады поступаютъ на короткій и долгій сроки а также до востребованія. Кромѣ вкладовъ частныхъ лицъ, банкъ имѣетъ и свой капиталъ, который составляется или на акціонерныхъ началахъ, или на началахъ круговой поруки (общества взаимнаго кредита). Въ послѣднемъ случаѣ владѣльцы банка отвѣчаютъ или всѣмъ своимъ имуществомъ, или только частью его, которая превышаетъ, напр., въ 5—10 разъ ихъ пай въ общемъ капиталѣ. Имѣя своими должниками преимущественно лицъ, ищущихъ краткосрочнаго кредита, эти банки совершаютъ главный активный оборотъ въ формѣ учета векселей. Помимо этого, они выдаютъ ссуды подъ закладъ цѣнныхъ и негромоздкихъ предметовъ (*ломбардное дѣло*), а также варрантовъ выдаваемыхъ доками. Къ числу ихъ второстепенныхъ оборотовъ относятся операціи съ процентными бумагами, переводъ денегъ и т. п. б) *Эмиссіонные* банки образуютъ большую часть своего капитала посредствомъ выпуска банковыхъ билетовъ, въ которыхъ и выдаютъ ссуды своимъ должникамъ; сами же становятся должниками каждаго предъявителя билета. Сверхъ того, они совершаютъ и другія обычныя банковыя операціи.

Къ учрежденіямъ краткосрочнаго кредита относятся и в) *народные* банки. Народные банки имѣютъ цѣлью облегчить полученіе кредита людьми изъ мало-обезпеченныхъ слоевъ населенія. Такая цѣль можетъ быть достигнута только при *артельной организаціи* этихъ банковъ. Одно лицо, принадлежащее къ небогатому классу, рѣдко можетъ получить значительную ссуду, такъ какъ для вѣрителя ея выдача всегда сопряжена съ большимъ рискомъ. Болѣзнь, смерть и другія неблагопріятныя обстоятельства могутъ безповоротно лишить должника возможности уплатить ссуду. Поэтому лица небогатыхъ классовъ въ отдѣльности не обладаютъ кредитоспособностью. Но тѣсно сплотившись и установивъ круговую поруку, они создаютъ кредито-способность для каждаго изъ своихъ членовъ. Такимъ образомъ, наличность круговой поруки есть главная особенность народныхъ банковъ. Капиталъ этихъ банковъ составляется изъ паевъ членовъ, образуемыхъ мелкими ежемѣсячными взносами, изъ вкладовъ членовъ и стороннихъ лицъ и, наконецъ, изъ займовъ. Въ Германіи народные банки по характеру операцій очень близко подходятъ къ коммерческимъ банкамъ: обширность оборотовъ, употребленіе векселей, спекуляція процентными бумагами—все это стало въ нихъ давно обычнымъ. Въ нашемъ же отечествѣ ихъ активныя операціи состоятъ только въ выдачѣ ссудъ; другіе банковые обороты исключаются изъ круга ихъ дѣятельности; векселя въ нихъ не употребляются[3]).

Банки долгосрочнаго кредита составляютъ вторую группу. Долгосрочнаго кредита ищутъ для разныхъ цѣлей, но, главнымъ образомъ, къ нему прибѣгаютъ для улучшенія сельскаго хозяйства и при раздѣлѣ недвижимаго имущества между наслѣдниками, когда одно лицо удерживаетъ за собою все имущество и для удовлетворенія сонаслѣдниковъ обращается къ займу. Въ городахъ, съ ростомъ населенія и съ расширеніемъ торговли и промышленныхъ оборотовъ, кредитъ этого рода также получаетъ широкое развитіе: къ нему обращаются для сооруженія обширныхъ зданій, устройства водо-и газопроводовъ. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ капиталъ затрачивается на много лѣтъ; его можно возвращать только небольшими долями, а, слѣдовательно, уплачивать на началахъ только частичнаго погашенія. Отсюда и понятно, что хозяйственная жизнь выработала особыя учрежденія, открывающія долгосрочный кредитъ. Банки долгосрочнаго кредита принимаютъ двѣ формы. а) Они организуются на началахъ круговой поруки. Группа лицъ образуетъ кредитное учрежденіе; члены связаны круговою порукою и отвѣтствуютъ всѣмъ имуществомъ. Ссуды обыкновенно выдаются только членамъ. Желая получить капиталъ въ ссуду,

членъ обращается въ банкъ, который выпускаетъ закладные листы; продажа ихъ даетъ приблизительно сумму, необходимую кредитующемуся. Вслѣдствіе этой сдѣлки заемщикъ состоитъ должнымъ банку и отвѣтствуетъ предъ нимъ своимъ недвижимымъ имѣніемъ. Дабы опредѣлить размѣры кредита, недвижимость члена подвергается со стороны банка спеціальной оцѣнкѣ. Отвѣтствуя передъ владѣльцами закладныхъ листовъ, банкъ платитъ по закладнымъ листамъ проценты, погашаетъ капиталъ и служитъ такимъ образомъ посредникомъ между членами и кредиторами. б) *Акціонерные земельные* банки образуютъ вторую группу. Эти банки состоятъ изъ членовъ-кредиторовъ. Обезпеченіемъ каждой ссуды служитъ недвижимость отдѣльнаго должника. Въ литературѣ часто высказываютъ мнѣніе о невыгодности для землевладѣльцевъ кредита, открываемаго земельными банками; главная невыгода состоитъ въ томъ, что проценты слишкомъ высоки. Ихъ пониженію всего болѣе содѣйствуетъ введеніе гипотечныхъ книгъ, которыя даютъ точныя свѣдѣнія о всѣхъ земельныхъ участкахъ [4]). Къ этой же группѣ примыкаютъ еще не получившіе широкаго распространенія в) ссудные союзы по системѣ Райфайзена [5]). Они пытаются соединить кредитъ краткосрочный и долгосрочный, руководствуясь тѣмъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ бываетъ потребность въ одномъ и въ другомъ. Для пріобрѣтенія сѣмянъ на посѣвъ, мелкихъ орудій нуженъ краткосрочный кредитъ, а для крупныхъ улучшеній хозяйства—долгосрочный. Всѣ члены союза Райфайзена связаны круговой порукой; необходимымъ условіемъ считается ограниченіе дѣятельности банка райономъ только одного прихода, дабы круговая порука не была пустой фикціей, а связывала лицъ, близко знакомыхъ другъ съ другомъ. По мысли основателя, союзы не нуждаются въ собственномъ капиталѣ, а образуютъ свой капиталъ изъ прибыли. Оборотныя средства доставляются вкладами и займами. Строй союзовъ отличается патріархальностью. Управленіе дѣлами и надзоръ принимаетъ на себя обыкновенно безплатно кто-нибудь изъ состоятельныхъ и образованныхъ жителей прихода. Въ банкахъ Райфайзена есть еще одна въ высшей степени симпатичная особенность: прибыль отъ банковыхъ операцій обращается на образованіе запаснаго капитала, который, въ случаѣ закрытія банка, не дѣлится между членами, а поступаетъ на какое-либо общеполезное дѣло. Въ литературѣ было сдѣлано много нападокъ на эти банки. Ихъ невыгода состоитъ въ томъ, что они занимаютъ капиталъ на короткій срокъ, а выдаютъ на долгій, до 10-ти лѣтъ, т.-е. нарушаютъ одно изъ основныхъ правилъ банковой политики. Хотя до настоящаго времени не было еще дурныхъ послѣдствій

отъ такого нарушенія основного правила, однако, легко можетъ случиться, что кредиторы банковъ потребуютъ отъ нихъ возвращенія вкладовъ и они не будутъ въ состояніи исполнить это. Вотъ почему и въ уставъ этихъ банковъ вкралось существенное противорѣчіе. Уставъ говоритъ, что желающіе возврата своего капитала должны заявить объ этомъ за четыре мѣсяца; равнымъ образомъ и самъ банкъ имѣетъ право требовать уплаты всякаго долга ранѣе срока, предваривъ объ этомъ должника за четыре мѣсяца. Это ставитъ должниковъ въ большія затрудненія при пользованіи капиталомъ и, по существу, препятствуетъ затратѣ его на тѣ улучшенія, которыя возвращаютъ капиталъ черезъ долгій срокъ. Слѣдовательно, долгосрочный кредитъ этихъ союзовъ не имѣетъ прочнаго основанія.

Чтобы понять характеръ *обществъ движимаго кредита*, нужно указать на моменты, когда предпріятіе нуждается въ долгосрочномъ кредитѣ. Извѣстно, что для всякаго предпріятія необходимы основной и оборотный капиталы. Въ большинствѣ случаевъ первый составляетъ собственность предпринимателя, второй же занимается въ учрежденіи краткосрочнаго кредита. Но иногда предприниматель занимаетъ и основной капиталъ. Такъ какъ этотъ капиталъ возвращается въ теченіе болѣе долгаго срока, чѣмъ оборотный, то его нельзя получить въ учрежденіяхъ краткосрочнаго кредита. Для удовлетворенія этой потребности возникаютъ общества движимаго кредита. Оживлять и поддерживать отечественную промышленность—такова ихъ главная цѣль. Опытъ показалъ, что хотя эти учрежденія приносятъ пользу, однако, весьма часто могутъ имѣть вредное вліяніе. Ничто не способствуетъ въ такой мѣрѣ развитію спекуляцій, какъ общества движимаго кредита. Нерѣдко, благодаря возможности вести дѣло на капиталъ, добытый при помощи кредита, дѣльцы устраиваютъ предпріятія, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ потребности общественнаго хозяйства, безплодно растрачиваютъ много капиталовъ, увлекаютъ людей неопытныхъ и довѣрчивыхъ, и чрезъ это причиняютъ убытки и частному, и общественному хозяйству. Эти банки ведутъ сверхъ того и обычныя банковыя операціи [6]).

Мы перечислили виды частныхъ кредитныхъ учрежденій. Государство, городъ, земство также могутъ учреждать и вести банки кратко-и-долгосрочнаго кредита.

Чѣмъ должно руководствоваться государство въ своемъ отношеніи къ кредиту и банкамъ? Въ литературѣ есть сторонники и централизованнаго кредита, и широкой его децентрализаціи. Трудно рѣшать такіе вопросы безусловно, категорически, внѣ связи съ

мѣстомъ и временемъ. Сторонники децентрализованнаго частнаго кредита обыкновенно указываютъ на то, что невмѣшательство государства въ дѣло кредита открываетъ широкое поле для частной иниціативы и облегчаетъ развитіе кредита. Сторонники же перваго направленія доказываютъ, что интересы всѣхъ нуждающихся въ кредитѣ могутъ быть болѣе полно удовлетворены въ случаѣ преобладанія государственныхъ кредитныхъ учрежденій, нежели при господствѣ частныхъ. Можно найти истину въ аргументахъ обѣихъ сторонъ. Но слѣдуетъ отмѣтить несомнѣнныя выгоды, которыя доставляетъ обществу государство, завѣдуя самыми крупными кредитными учрежденіями. Во-первыхъ, въ государственныхъ банкахъ не такъ рѣзко сказывается стремленіе поддерживать именно крупный капиталъ, какъ въ частныхъ банкахъ, образуемыхъ группами капиталистовъ. Во-вторыхъ, государственное кредитное учрежденіе всегда способно уменьшить панику во время кризисовъ: оно внушаетъ больше довѣрія, чѣмъ частные банки. Такъ какъ выгоды крупныхъ кредитныхъ учрежденій сами по себѣ велики, то предпочтительнѣе пользоваться ими государству, нежели акціонернымъ компаніямъ. Поэтому мы считаемъ наиболѣе выгоднымъ такой строй кредита, когда система частныхъ, земскихъ, городскихъ банковъ увѣнчивается крупными государственными кредитными учрежденіями.

Скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи закона къ банковымъ билетамъ, которые во многомъ приближаются къ бумажнымъ деньгамъ. Банки нигдѣ не имѣютъ права неограниченнаго выпуска билетовъ. Въ литературѣ высказано мнѣніе, что вся сумма выпускаемыхъ билетовъ должна быть прикрыта равной суммой денегъ. Однако, въ этомъ нѣтъ надобности. Практика знакомитъ насъ съ тремя системами. I) Англійская, введенная Робертомъ Пилемъ въ 1844 году для англійскаго банка и распространенная на другіе банки страны. Англійскій банкъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій; одно завѣдуетъ только выпускомъ билетовъ, а другое вѣдаетъ всѣ банковыя дѣла. Банкъ можетъ выпускать билетовъ на 15 милліоновъ фунтовъ; прикрытіемъ ихъ служитъ долгъ государства банку. Сверхъ этой суммы, выпускъ билетовъ долженъ быть сполна обезпеченъ золотомъ. Эта система неудобна потому, что стремится привести къ точной цифрѣ выпускаемые билеты, тогда какъ потребность въ нихъ измѣняется. Поэтому дѣйствіе закона было нѣсколько разъ пріостановлено (въ 1847, 1857 и 1866 гг.). Наконецъ долгъ государства есть такое обезпеченіе, которое иногда не легко можетъ быть реализовано. II) Въ Америкѣ крайняя децентрализація банковъ. Ихъ всего болѣе 3000. Каждый банкъ, желающій выпускать

билеты, взноситъ подлежащему начальству залогъ государственными бумагами и выпускаетъ билеты до 90% цѣны бумагъ. Выпускаемые билеты должны быть на 15—25% прикрыты металломъ. Система представляетъ неудобства вслѣдствіе трудности реализовать обезпеченіе. III) По системѣ, принятой въ Германіи, размѣры выпуска билетовъ неограничены, но билеты должны быть на $^1/_3$ прикрыты металлическимъ запасомъ, а остальное—надежными учтенными краткосрочными векселями. Эта система заслуживаетъ предпочтенія: 1) обезпеченіе надежно, 2) выпускъ билетовъ можетъ сообразоваться съ потребностью въ нихъ, уменьшаться и увеличиваться[7]).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ШЕСТОЙ ГЛАВѢ.

1) Вкладъ на храненіе юридически превращается во вкладъ на пользованіе. Принимая вклады на храненіе, мѣнялы давали росписки, которыя начали (въ Англіи съ XVII вѣка) вступать въ торговый оборотъ. Это и послужило элементомъ для выпуска банковыхъ билетовъ. Возникновенію банковъ содѣйствовали не только сношенія мѣнялъ съ частными лицами, но и обязанности предъ государствомъ. Въ Римѣ *mensarii*, кромѣ дѣлъ съ частными лицами, исполняли разныя порученія государства относительно пробы монеты, пріема денегъ и т. д. Въ Венеціи въ XII вѣкѣ были должностныя лица, которыя назывались *банко* и управляли государственными долгами. Отсюда развивается въ концѣ XVI вѣка венеціанскій банкъ. Генуэзскій банкъ, основанный въ 1407 году, наблюдалъ за государственными доходами. Такое же оффиціальное значеніе имѣли возникшіе въ XVII вѣкѣ банки въ Амстердамѣ, Гамбургѣ и Стокгольмѣ. Въ послѣдній, напр., купцы вносили таможенные налоги и акцизы, доходъ дѣлился между королемъ, обществомъ и городомъ Стокгольмомъ.

2) Основ. пол. эк., II, 41.

3) Народные банки обязаны своимъ развитіемъ Шульце-Деличу, устроившему первую кредитную артель въ городкѣ Деличѣ въ апрѣлѣ 1850 года. Теперь число народныхъ банковъ въ Германіи превышаетъ 1.000. Движеніе особенно успѣшно распространилось въ Россіи, Австріи и Италіи.

4) Въ Россіи гипотечныя книги еще не введены; въ западной же Европѣ онѣ существуютъ повсемѣстно. Кто хочетъ ссудить свой капиталъ подъ залогъ земельнаго участка, можетъ собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія, дабы судить, насколько надежнымъ обезпеченіемъ ссуды можетъ служить данный участокъ. Въ гипотечныхъ книгахъ обозначаются: 1) имя собственника и основаніе права собственности; 2) реальныя тягости на имѣніи, могущія умалить цѣнность залога, и 3) долги, обезпеченные залогомъ. Что записано въ гипотечной книгѣ въ пользу тамъ же означеннаго вѣрителя, считается неоспоримой истиной. До обозначенія въ гипотечной книгѣ собственникъ земельнаго участка не имѣетъ на него вещнаго права, а только право требовать занесенія въ гипотечную книгу. Введеніе гипотечныхъ книгъ способствуетъ пониженію процента по земельному кредиту, ибо книги даютъ вѣрителю надежное обезпеченіе. Гипотечной системой руководятъ такія начала: *гласность* (т. е. открытый для всѣхъ доступъ къ просмотру книгъ), *специ-*

альность (означеніе каждой недвижимой единицы отдѣльно) и *предпочтительность* долговъ по времени возникновенія.

5) Союзы эти возникли въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ Рейнской Пруссіи, благодаря дѣятельности *Райфайзена*. Въ 1889 году ихъ насчитывалось въ Германіи 487.

6) Первое подобное учрежденіе было образовано въ Брюсселѣ въ 1822 году съ основнымъ капиталомъ въ 20 милліоновъ гульденовъ. Прямою цѣлью этого банка названнаго „Главное Общество Нидерландовъ", было служить развитію промышленности въ странѣ открытіемъ предпринимателямъ кредита на болѣе долгіе сроки чѣмъ то дѣлаютъ коммерческіе банки, а также участіемъ въ образованіи акціонернихъ компаній. Особенную же извѣстность пріобрѣло общество движимаго кредита, основанное въ 1852 году въ Парижѣ Исаакомъ Перейра. Исаакъ Перейра воспитанный въ идеяхъ школы французскихъ соціалистовъ (школы Сенъ Симона), носился съ величавымъ планомъ: онъ хотѣлъ въ одномъ учрежденіи объединить кредитъ частный и государственный и своими бумагами вытѣснить изъ обращенія даже бумажныя деньги.

7) Эммиссіонные банки имѣютъ въ западной Европѣ важное вліяніе на общественное хозяйство, а потому интересно познакомиться съ мнѣніемъ такого авторитетнаго писателя, какъ Книсъ. Книсъ возстаетъ противъ широкой свободы возникновенія выпускныхъ банковъ. Банковые билеты гораздо ближе подходятъ къ деньгамъ, нежели другіе кредитные знаки, и имѣютъ самую тѣсную связь съ размѣнными бумажными деньгами (Голландія), особенно тогда, если эти билеты снабжены принудительнымъ курсомъ. Потеря банковаго билета равносильна для владѣльца потерѣ денегъ, чего нельзя сказать о потерѣ векселя. Въ виду чрезвычайной обращаемости билетовъ, въ виду того, что они легко становятся средствами платежа, слѣдуетъ считать выпускъ этихъ билетовъ дѣломъ не частнымъ, а государственнымъ. Но Книсъ идетъ до окончательнаго отрицанія банковыхъ билетовъ, какъ кредитныхъ знаковъ. Банки, выпуская билеты, открываютъ въ этой формѣ кредитъ; онъ приноситъ пользу, какъ банку, получающему проценты, такъ и небольшому кругу его должниковъ, преимущественно изъ крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ. Огромная масса населенія—мелкіе торговцы, ремесленники, поселяне и другіе — неи влекаютъ выгодъ изъ этого выпуска. А между тѣмъ выпущенные билеты имѣютъ всеобщее распространеніе, являются всеобщимъ платежнымъ средствомъ. Такимъ образомъ потребность общества въ платежномъ средствѣ (общественная потребность) удовлетворяется лишь въ той мѣрѣ, насколько велики размѣры кредита открываемаго банками, т.-е. сколько они выпускаютъ билетовъ. Поэтому, въ хозяйствѣ могутъ быть колебанія, излишекъ билетовъ и орудій обращенія или ихъ недостатокъ. „Нужно признать нелѣпостью, что количество бумажно-денежныхъ знаковъ въ общемъ оборотѣ должно измѣняться соотвѣтственно съ размѣрами потребности въ кредитѣ ограниченнаго числа кліентовъ эммиссіоннаго банка". (II, 457). Необходимо, чтобы орудіе обращенія доставлялось только государственною властью. Она должна выпускать *размѣнныя бумажныя деньги* (Geldscheine), но должна выпускать ихъ не для удовлетворенія финансовыхъ надобностей, вмѣсто займовъ, и не какъ ссуды (какъ то дѣлаютъ банки), а выпускать ихъ тогда и въ такой мѣрѣ когда и въ какой мѣрѣ это необходимо для увеличенія въ обществѣ орудій обращенія. Конечно, эти билеты должны быть во всякое время размѣниваемы на монету (II, гл. 14). Но Книсъ не указалъ, какими признаками должна руководствоваться государственная власть при рѣшеніи вопроса, нуждается ли общественное хозяйство въ большемъ запасѣ орудій обращенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Кредитъ въ Россіи.

Литература. Для ознакомленія съ потребностью сельскихъ классовъ въ кредитѣ и формами народнаго кредита см. земскіе сборники статист. свѣдѣній по Московской, Воронежской, Курской, Самарской, Саратовской и др. губерніямъ. Обильный матеріалъ о долговыхъ обязательствахъ кустарей передъ скупщиками содерж. Труды коммиссіи по изслѣдов. кустарн. промышлен., а также другія сочин. о кустарн. промысл. Ср. также: *Абрамовъ*. Крестьян. кред. *Отеч. Зап.*, 1884, I. *Сазоновъ*. Формы нар. кред. *Съв. Вѣст.*, 1887, VI, VII, IX, XI, XII. *Красноперовъ*. Формы крестьян. кред. въ Самар. губ., *Юр. Вѣст.* 1891, XI. Пособ. при изуч. русск. кредит. учрежд. могутъ служить. Ежегодн. русск. кред. учрежд. подъ редакц. *Ивашенко*. *Судейкинъ*. Государ. банкъ. 1891. *Петлинъ*. Назнач., устройство и дѣятельн. государ. банка. 1892. *Ососовъ*. Городскіе обществ. банки въ Россіи, 1872. Для изученія дѣятельности дворянскаго поземел. банка пособіемъ служатъ его ежегодн. отчеты. См. также *Скворцовъ*. О задолжен. частн. землевлад. *Юрид. Вѣстн.*, 1891, VII. *Жигачевъ*. Задолжен. частн. землевлад. въ Россіи. *Русск. Мысль*, 1892, XI. По мелкому краткосрочн. кредиту мы имѣемъ весьма обширную литературу, которая подробно сведена въ указателѣ *Межова*, издаваемомъ отдѣльн. выпусками (изд. комитета о ссудосберегат. товарищ.). Здѣсь назовемъ слѣдующіе источники и пособія. *Отчеты* комит. о сел. ссудосберегат. товарищ. (17-й отчетъ за 1891) Сообщенія комитета, издаваем. отдѣльн. выпускомъ (4-й вышелъ въ 1892) Листокъ петерб. отдѣл. комитета. Хорошій матеріалъ содержатъ также изслѣдованія нѣкотор. отдѣльн. товариществъ, издан. комитетомъ. *Соколовскій*. Ссудо-сберегат. товарищ. въ Россіи по отзыв. литерат. 1889. *Его же*. Дѣятельн. земства по устройст. ссудо-сберегат. товарищ. 1890. *Осиповъ*. Обзоръ дѣятельн. ссудо-сберегат. товарищ. 1893. Ср. также *С. Н.* Новый типъ сельск. кредит. учрежд. *Съв. Вѣстн.*, 1889, V. По вопросу о земельномъ кредитѣ для крестьян. см. *Кн. Васильчиковъ* и *Яковлевъ*. Мелк. земельн. кредитъ въ Россіи. 1876. *Ходскій*. Поземельн кредитъ въ Россіи. 1882. Ср. также: Мелк. долгоср. кред. для покупки крестьян. земель. *От. Зап.* 1878, XI. *Воропоновъ*. Мелк. земел. кредитъ. *Вѣст. Евр.*, 1880, X. *Его же*. Государ. землед. кредитъ. *Вѣст. Евр.*, 1884, V. *Лобачевскій*. По поводу вопроса о мелк. поземел. кред. *Отеч. Зап.* 1883, III, IV, V. Для изученія крестьянскаго земельн. банка нужно пользоваться его ежегодными отчетами. Ср. также, *Личковъ*. Крестьянскій банкъ и купчія земли. *Съв. Вѣст.*, 1886, VII. *Неручевъ*. Роль крестьян. банка въ улуч. поземельн. отнош. крестьянъ. *Съв. Вѣст.*, 1888. I. *Г. М.* Крестьян. земел. банкъ. *Юр. Вѣст.*, 1888, II. *Ч—въ*. Крестьянскій банкъ. *Съв. Вѣст.*, 1890, VI, VII, VIII. *Ч—въ*. Крестьян. банкъ и его дѣятельн. *Съв. Вѣст.* 1891, XII. *Яроцкій*. Результ. опер. крестьян. земел. банка. *Юрид. Лѣтоп.*, 1892, V.

Во главѣ русскихъ учрежденій для краткосрочнаго кредита стоитъ *государственный* банкъ. Основанный 1 іюля 1860 года, государственный банкъ получилъ, по уставу, право производить слѣдующія операціи: 1) учитывать векселя и другія срочныя прави-

тельственныя и общественныя бумаги и иностранныя тратты; 2) покупать и продавать золото и серебро; 3) получать платежи по векселямъ и другимъ срочнымъ денежнымъ документамъ за счетъ довѣрителей; 4) принимать вклады на храненіе, на текущій счетъ съ % и безъ %, на сроки и до востребованія; 5) выдавать ссуды подъ закладъ процентныхъ бумагъ, золота, серебра и товаровъ; 6) переводить денежныя суммы; 7) покупать и продавать процентныя бумаги за счетъ довѣрителей; 8) производить размѣнъ кредитныхъ билетовъ, крупныхъ на мелкіе, и наоборотъ, а также ветхихъ на новые; 9) обмѣнивать кредитные билеты на мелкое серебро. Банкъ имѣетъ 9 конторъ и 81 отдѣленіе. Его основной капиталъ составляетъ 25 милліоновъ рублей. Къ 1893 году у него было вкладовъ до 414 милліоновъ рублей и выдано по учету векселей и ссудамъ 168,7 милліоновъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ вкладовъ на храненіи на 2162 милліона рублей.

Частныя учрежденія краткосрочнаго кредита стали возникать только съ конца 50-хъ годовъ. Государственный банкъ далъ толчекъ развитію этого дѣла; при учрежденіи перваго акціонернаго банка—с.-петербургскаго частнаго коммерческаго—государственный банкъ взялъ $^1/_5$ акцій на условіяхъ, очень выгодныхъ для учреждаемаго банка. Возникновеніе акціонерныхъ банковъ было облегчено закономъ 31 мая 1872 года, который устранилъ необходимость полученія каждымъ банкомъ концессіи въ законодательномъ порядкѣ и разрѣшилъ министру финансовъ утверждать уставы акціонерныхъ банковъ, коммерческихъ и земельныхъ, и общества взаимнаго кредита по образцамъ уже утвержденныхъ банковъ. Наши акціонерные коммерческіе банки производятъ всѣ обычные обороты краткосрочнаго кредита. Къ 1893 году въ Россіи было 39 банковъ этого рода съ основнымъ капиталомъ около 132 милліоновъ, запаснымъ въ $29^1/_2$ милліоновъ. Къ 1888 году 32 акціонерныхъ коммерческихъ банка имѣли вкладовъ на 258 милліоновъ и выдали 316 милліоновъ рублей по учету векселей. Ко этому же времени относится возникновеніе и обществъ взаимнаго краткосрочнаго кредита. Старѣйшее изъ нихъ, петербургское общество взаимнаго кредита, было основано въ 1863 году по образцу бельгійскихъ учрежденій этого рода, для вспоможенія мелкой торговлѣ и промышленности. Вскорѣ оно стало первоклассным кредитнымъ учрежденіемъ и начало заниматься всѣми оборотами краткосрочнаго и даже движимаго кредита. Въ обществахъ взаимнаго кредита примѣняется ограниченная круговая порука. Отдѣльнымъ членамъ кредитъ открывается не въ одинаковыхъ размѣрахъ. Немедленно по вступленіи, каждый членъ взноситъ $^1/_{10}$ часть суммы, въ которой ему

открытъ кредитъ, и отвѣтствуетъ по всѣмъ обязательствамъ общества предъ третьими лицами въ размѣрѣ открытаго ему кредита. Эти банки совершаютъ тѣ же обороты, какъ и акціонерные. Только члены имѣютъ право на полученіе ссуды; учитываются векселя только членовъ. Въ настоящее время въ Россіи дѣйствуетъ 108 обществъ взаимнаго кредита.

Городскіе общественные банки занимаютъ также видное мѣсто среди нашихъ кредитныхъ учрежденій. Они были упорядочены законами 1857 и 62 годовъ. Но самый типъ этихъ учрежденій возникъ гораздо раньше: первый банкъ, уставъ котораго послужилъ образцомъ для положенія 6 февраля 1862 года, былъ основанъ въ г. Слободскомъ Вятской губерніи, купцомъ Анфилатовымъ въ 1809 г. Этотъ банкъ, равно какъ и другіе того же типа основывались для развитія промышленности своего города. Деньги были жертвуемы частными лицами; главный жертвователь оставался пожизненно директоромъ и открытіе кредита тому или другому лицу, а равно и отказъ въ таковомъ были дѣломъ доброй воли, прихоти директора. До изданія перваго общаго положенія въ іюлѣ 1857 г. было учреждено 16 такихъ банковъ, изъ коихъ 6—на средства городовъ, а остальные—на капиталы, пожертвованные частными лицами. Основные капиталы составляли 10—30,000 рублей, и только банкъ въ Томскѣ, открытый въ 1843 г., былъ учрежденъ съ основнымъ капиталомъ въ 85,000 р. Важнѣйшія статьи положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ такъ нормируютъ кредитныя учрежденія этого рода. Банки учреждаются по соглашенію министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ при городскихъ думахъ. Отвѣтственность и наблюденіе лежатъ на городскомъ обществѣ. Исключительно предъ нимъ обязанные отчетами о своихъ дѣйствіяхъ, банки совершенно свободны отъ вѣдѣнія администраціи и только для свѣдѣнія представляютъ отчеты министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Основной капиталъ, отчисляемый изъ городскихъ суммъ или образованный изъ частныхъ пожертвованій, долженъ быть не менѣе 10,000 рублей. Управленіе поручается лицамъ, выбраннымъ изъ городского общества, причемъ городской голова не можетъ быть директоромъ. Банкамъ разрѣшены слѣдующіе обороты: 1) пріемъ вкладовъ до востребованія, срочныхъ до 12 лѣтъ и вѣчныхъ; 2) учетъ векселей; 3) выдача ссудъ подъ закладъ движимостей, товаровъ, процентныхъ бумагъ и залогъ недвижимыхъ имуществъ; 4) продажа и покупка процентныхъ бумагъ. Обязательства банка не могутъ превышать его основной и запасной капиталы болѣе, чѣмъ въ 10 разъ. Прибыли банка, за покрытіемъ расходовъ и отчисле-

ніемъ въ запасъ 10—50%, употребляются на городскія надобности и благотворительныя цѣли. Нормальное положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ было существенно измѣнено закономъ 26 августа 1883 года. Законъ усилилъ правительственный контроль за дѣйствіями банковъ, запретилъ лицамъ, которыя связаны родственными отношеніями или какъ участники одного торговаго предпріятія, одновременно служить въ правленіи банка; обязательства банка не должны болѣе, чѣмъ въ 5 разъ, превышать основной и запасной капиталы банка, вмѣстѣ взятые. Наконецъ, законъ требуетъ, чтобы неопредѣленное ручательство городского общества по обязательствамъ банка было замѣнено удостовѣреніями городскихъ думъ, при ходатайствѣ объ основаніи банка, что городъ имѣетъ такое-то свободное имущество, которое можетъ служить обезпеченіемъ цѣлости вкладовъ, ввѣряемыхъ банку. При учрежденіи банка на это имущество налагается запрещеніе. Имѣя право выдавать ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, городскіе общественные банки соединяютъ краткосрочный кредитъ съ долгосрочнымъ. Въ настоящее время дѣйствуютъ 254 общественныхъ банка. Къ 1889 году основные и запасные капиталы 193 городскихъ общественныхъ банковъ достигали 36 милліоновъ рублей.

Сюда же примыкаютъ и *ссудосберегательныя артели*. Онѣ возникли въ Россіи подъ вліяніемъ движенія, вызваннаго въ Германіи Шульце-Деличемъ. Дѣятельность Ш.-Делича стала извѣстна въ Россіи еще съ начала 60-хъ гг., а первая ссудосберегательная артель была основана въ 1866 г. помѣщикомъ Лугининымъ въ с. Дороватовѣ Рождественской вол., Ветлужскаго у., Костромской губерніи. До 1870 года артели не развивались, но въ концѣ 60-хъ годахъ вышли въ свѣтъ книги Лугинина, Колюпанова, Яковлева, посвященныя вопросу о народномъ кредитѣ; онѣ обратили вниманіе русскаго общества на ссудосберегательныя артели. Изъ земскихъ собраній новгородское губернское было первымъ, которое въ декабрѣ 1869 г. поручило управѣ представить соображенія о средствахъ для развитія сельскаго кредита: управа указала на ссудосберегательныя артели, какъ учрежденія, могущія удовлетворить эту потребность. Въ 1870 г. новгородское губернское земское собраніе постановило ассигновать 14,000 р. для выдачи основныхъ ссудъ артелямъ, и въ томъ же году въ предѣлахъ Новгородской губ. было открыто 8 артелей. Въ то же время среди лицъ, оказавшихъ развитію этихъ учрежденій большія услуги, возникла мысль дать дѣлу болѣе прочную, постоянную организацію. Плодомъ обсужденія дѣла въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства и дѣятельности коммиссіи, избранной для разработки вопроса, было учрежденіе

въ 1871 г. *комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ*; его главная задача состоитъ въ содѣйствіи образованію товариществъ и руководствѣ ими. Первоначальныя средства комитета составились изъ пособія казны въ 5,000 р. Для того, что бы внести въ развитіе товариществъ нѣкоторое единство, комитетъ выработалъ образцовый уставъ. По его же ходатайству въ 1872 г. было разрѣшено артелямъ пользоваться ссудами изъ государственнаго банка въ размѣрахъ, превышающихъ въ 5 разъ взнесенную сумму паеваго капитала.

Предназначенныя удовлетворять потребность сельскаго населенія въ краткосрочномъ кредитѣ, ссудосберегательныя артели выдаютъ ссуды на срокъ не долѣе 12 мѣсяцевъ. Капиталъ образуется изъ 1) паевъ, оплачиваемыхъ членами ежемѣсячно, по частямъ, и не превышающихъ въ большинствѣ артелей 50—100 р. на члена, б) запаснаго капитала, в) вкладовъ и г) займовъ, первые годы преимущественно у земствъ, которыя выдавали ссуды на продолжительные сроки, 6—10 лѣтъ. Эти ссуды называются основными. Цѣль этихъ артелей и принадлежность ихъ членовъ къ тому классу, который стоитъ внѣ обширной торговли и биржевыхъ оборотовъ, объясняютъ, почему товариществамъ не дозволяются рискованныя операціи, покупка и продажа процентныхъ бумагъ, ломбардное дѣло. Дальнѣйшими отличительными чертами являются круговая порука и право участія каждаго только въ одномъ товариществѣ. За 1880 г. состояніе товариществъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ: всѣхъ дѣйствующихъ товариществъ было 902. Въ 7 гг. было 30 товариществъ и болѣе, всего больше въ Тобольской—46 и Пермской— 40. Но отчеты были получены только по 700 товариществамъ съ небольшимъ. Въ нихъ было 183,166 членовъ, до 5 милл. паеваго капитала и 419,102 запаснаго. Вкладовъ и займовъ было до 6,600, а ссудъ выдано слишкомъ на $20^1/_2$ милліоновъ.

Къ 1 января 1891 года въ комитетъ были представлены отчеты отъ 720 товариществъ. Изъ нихъ въ 622 было 207,415 членовъ 702 товариществъ имѣли $6^1/_4$ милліоновъ рублей паеваго капитала, до $1^1/_2$ милліона запаснаго и 63000 рублей капиталовъ, имѣвшихъ спеціальное назначеніе (благотворительный, училищный, для покупки дома и пр.). Къ концу 1890 года 601 товарищество имѣло болѣе 6 милліоновъ рублей вкладовъ; въ то же время за 469 товариществами было займовъ до 5,200,000 рублей. Къ концу 1890 года по 717 отчетамъ оставалось выданныхъ ссудъ до $17^1/_2$ милліоновъ рублей, около $24^1/_2$ тысячъ рублей на 1 товарищество.

Долгосрочный кредитъ началъ сосредоточиваться съ 60-хъ годовъ въ земельныхъ банкахъ. Первымъ учрежденіемъ этого рода

является херсонскій земскій банкъ, уставъ котораго былъ утвержденъ въ 1864 г. Въ 1866 году было образовано общество взаимнаго поземельнаго кредита, распространившее свои обороты на всю Россію. За нимъ постепенно возникли 11 акціонерныхъ земельныхъ банковъ; ихъ, несомнѣнно, возникло-бы гораздо больше, еслибы не явилось законодательное ограниченіе—разрѣшать въ каждой губерніи существованіе только одного земельнаго банка; кромѣ того, въ каждой губерніи могло дѣйствовать общество взаимнаго поземельнаго кредита. Помимо коренныхъ признаковъ, которые отличаютъ общества взаимнаго кредита отъ акціонерныхъ банковъ, между земельно-кредитными учрежденіями обоихъ видовъ въ Россіи установились слѣдующія различія: нормальная и спеціальная оцѣнка земли акціонерными банками выше, нежели обществами взаимнаго кредита; первые выдаютъ 60% оцѣночной суммы, вторыя только 50%. Наши земельные банки открываютъ кредитъ, почти исключительно долгосрочный, на срокъ до 58 лѣтъ. Одни банки не открываютъ вовсе краткосрочнаго кредита, въ другихъ онъ весьма незначителенъ, и только въ обществѣ взаимнаго кредита и ярославско-костромскомъ банкѣ краткосрочныя ссуды составляютъ 5, 6 и 7% общей суммы ссудъ. Долгосрочный кредитъ оказывается подъ залогъ сельской и городской недвижимости. Исключеніями служатъ общество взаимнаго кредита и херсонскій земельный банкъ, не выдающіе ссудъ подъ городскую недвижимость. Въ общемъ около 24% суммы ссудъ выдана акціонерными банками подъ городскую недвижимость, а болѣе 76%—подъ сельскую. Къ 1892 году дѣйствовало 10 акціонерныхъ земельныхъ банковъ со складочными и запасными капиталами болѣе 46 милліоновъ рублей. Нарицательная цѣна выпущенныхъ ими закладныхъ листовъ достигала 400 милліоновъ рублей.—Сюда же нужно пріобщить 10 городскихъ и 9 землевладѣльческихъ взаимно-кредитныхъ обществъ. Большинство послѣднихъ открываетъ кредитъ только землевладѣльцамъ-дворянамъ. Общество взаимнаго поземельнаго кредита, развившее свои обороты до раздачи въ ссуду слишкомъ 200 милліоновъ рублей, было закрыто въ 1890 году.

Въ іюлѣ 1885 года учрежденъ государственный дворянскій земельный банкъ для выдачи ссудъ землевладѣльцамъ-дворянамъ. Онъ открылъ свои дѣйствія въ началѣ 1886 года. Ссуды изъ дворянскаго банка выдаются на сроки до 48 лѣтъ въ размѣрѣ 60% оцѣночной суммы закладываемаго имѣнія; въ исключительныхъ случаяхъ размѣръ ссуды можетъ быть увеличенъ до 75%. Банкъ выпускаетъ закладные листы, которые продаются государственнымъ банкомъ, и заемщики получаютъ ссуды наличными день-

гами. Должники уплачиваютъ по ссудамъ $4^1/_2\%$ въ годъ; $^1/_4\%$ на расходы по управленію и $^1/_4$ или $^1/_2\%$ на погашеніе долга. Такимъ образомъ кредитъ изъ дворянскаго банка обходится заемщикамъ на 2% въ годъ дешевле, нежели изъ частныхъ земельныхъ банковъ. Къ 1 іюля 1892 года дворянскимъ банкомъ было выдано въ ссуду болѣе $318^1/_2$ милліоновъ рублей.

Крестьянскій поземельный кредитъ выразился первоначально въ обширной выкупной операціи. Выкупная операція имѣетъ черты, отличающія ее отъ обыкновенныхъ кредитныхъ сдѣлокъ (долгъ, обезпеченный залогомъ земли, обезпечивается только заложеннымъ участкомъ; только на него, въ случаѣ неисправности должника, обращается взысканіе; исправное же поступленіе выкупныхъ платежей обезпечивается не только землей, служащей предметомъ выкупа, но и остальнымъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ должника, которое, въ случаѣ недоимокъ, можетъ быть продано, а самъ недоимщикъ отданъ на заработки), однако, она есть видъ *распредѣлительнаго* поземельнаго кредита, для содѣйствія переходу земли въ собственность крестьянъ. Имѣя такое спеціальное назначеніе, выкупной кредитъ не стремится удовлетворять какія-либо иныя нужды крестьянина, способствовать улучшенію его сельскаго хозяйства. Съ тѣмъ вмѣстѣ выкупныя ссуды выдаются по закону въ опредѣленномъ размѣрѣ, и кредитъ этого рода не предназначается для дальнѣйшаго содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ земли.

Потребность создать крестьянскій поземельный кредитъ стала заявлять о себѣ въ 70-хъ годахъ. Цѣль этого кредита, какъ то настойчиво выдвигали земства разныхъ губерній и литература, состояла въ облегченіи крестьянамъ покупки земли и расширеніи ихъ землевладѣнія. Такъ какъ эти вопросы чаще обсуждались въ земскихъ собраніяхъ губерній съ преобладающимъ общиннымъ землевладѣніемъ, а большинство гласныхъ высказывалось за охраненіе и поддержку общины, то кредитъ началъ оказываться не отдѣльнымъ крестьянамъ, а цѣлымъ сельскимъ обществамъ. Первая попытка была сдѣлана тверскимъ губернскимъ земствомъ. Въ 1876 г. крестьянамъ было выдано всего до 12000 р.; къ 1 декабря 1881 г. въ ссудахъ за сельскими обществами было всего до 42,000 рублей. Тверское земство выдавало ссуды на слѣдующихъ условіяхъ: 1) земля, пріобрѣтается или цѣлымъ сельскимъ обществомъ или же группой крестьянъ, большинствомъ на сельскомъ сходѣ; 2) въ большинствѣ случаевъ въ ссуду выдавалась половина продажной цѣны земли; по особому же соглашенію съ покупателями могло быть выдано и больше; 3) ссуда уплачивалась равными долями въ теченіе 3—4 лѣтъ. Позднѣе земское собраніе, согласно съ предложеніемъ управы,

разрѣшило выдавать ссуды для покупки земли и отдѣльнымъ лицамъ съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы участокъ былъ мелокъ, чтобы онъ могъ быть обработанъ силами семьи покупающаго и чтобы отъ покупки этой земли отказались ближайшія сельскія общества. Другія земства также останавливались надъ этимъ вопросомъ. Новгородское губернское собраніе 1880 года утвердило основныя начала крестьянскаго земельнаго кредита. Ссуды могли быть выдаваемы сельскимъ обществамъ или отдѣльнымъ лицамъ, не болѣе 300 р. на каждаго заемщика, причемъ каждый имѣлъ право пользоваться услугами земельнаго кредита только 1 разъ. Размѣръ ссуды составлялъ для частныхъ лицъ не болѣе 80% продажной цѣны, для сельскихъ обществъ — не болѣе 90%. Ссуды выдавались на срокъ отъ 1 до 12 лѣтъ. Первые случаи примѣненія началъ поземельнаго кредита, выработанныхъ новгородскимъ земствомъ, были въ Бѣлозерскомъ и Череповецкомъ уѣздахъ. Въ 1879 г. тотъ же вопросъ былъ поднятъ въ ярославскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Проектъ устава банка устроивалъ кредитъ на широкомъ основаніи: онъ предлагалъ сосредоточить его въ самостоятельномъ учрежденіи и разсчитывалъ на развитіе милліонныхъ оборотовъ. Основной капиталъ опредѣлялся въ 300,000 р., изъ нихъ 50,000 р. предназначались для выдачи ссудъ сельскимъ обществамъ и отдѣльнымъ хозяйствамъ на улучшеніе хозяйства, а 250,000—только сельскимъ обществамъ, исключительно на покупку земли. Дальнѣйшее развитіе оборотовъ должно было производиться на капиталы, добытые посредствомъ выпуска облигацій и закладныхъ листовъ. Губернское земское собраніе 1880 г. не приняло проекта, а ограничилось ассигнованіемъ для выдачи ссудъ 30,000 рублей; въ 1881 г. оно расширило кредитъ до 50,000 для губерніи за исключеніемъ суммъ, уже розданныхъ въ ссуды. Не создавъ для кредита особаго учрежденія, земство поручило управѣ веденіе всего дѣла. Тотъ же вопросъ поднимался и въ другихъ земствахъ, московскомъ, смоленскомъ, псковскомъ, но безъ практическихъ послѣдствій. Многія земства, ничего не сдѣлавъ для организованія кредита, высказывались за необходимость его и, считая недостаточною дѣятельность земствъ, настаивали на участіи правительства.

18 мая 1882 г. издано положеніе о крестьянскомъ земельномъ банкѣ. Банкъ состоитъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Ст. 17 *положенія* опредѣляетъ высшій размѣръ ссуды при общинномъ пользованіи въ 125 р. на наличную душу мужского пола въ сельскомъ обществѣ и товариществѣ, а при подворномъ — въ 500 р. на отдѣльнаго домохозяина. Ссуды выдаются не свыше 75—80% цѣны земли, опредѣляемой оцѣнкой банка. Банкъ вы-

пускаетъ особыя свидѣтельства, соотвѣтствующія закладнымъ листамъ частныхъ земельныхъ банковъ, и выдаетъ заемщикамъ ссуды наличными деньгами. Ссуды выдаются на $24^1/_2$ и $34^1/_2$ года; заемщики платятъ 6% годовыхъ, $^1/_2$% на управленіе и образованіе запаснаго капитала и $^1/_2$% — 1% въ погашеніе. Ссуды обходятся такимъ образомъ по 7% въ годъ. Къ 1892 году крестьянскій банкъ имѣлъ 43 отдѣленія, изъ которыхъ 4 въ губерніяхъ Привислянскаго края. Въ теченіе 9 лѣтъ (1883 — 91) банкъ выдалъ въ ссуду 60.617,000 рублей (къ 1 апрѣля 1893 года въ ссуду было выдано болѣе 66 милліоновъ); доплаты покупщиковъ составили до $14^1/_2$ милліоновъ рублей. На эти средства 248,896 домохозяевъ, въ семьяхъ которыхъ было 804,333 душъ мужского пола, купили 1.742,331 десятину земли. Изъ общей площади 796,924 десятины куплены сельскими обществами, 924,405 десятинъ—товариществами и 21,002 десятины—отдѣльными крестьянами. Съ помощью банка крестьяне купили всего больше земли въ Екатеринославской губерніи—160,234 десятины. Затѣмъ идутъ 4 губерніи — Могилевская, Новгородская, Смоленская и Уфимская; въ каждой изъ нихъ крестьянами куплено болѣе 100,000 десятинъ. И такъ, крестьяне, купившіе землю при содѣйствіи крестьянскаго земельнаго банка, пріобрѣли въ среднемъ болѣе 7 десятинъ на дворъ.

Наши кредитныя учрежденія страдаютъ недостатками двоякаго рода: 1) они не сполна рѣшаютъ задачи, во имя которыхъ были основаны, и 2) не удовлетворяютъ потребности въ кредитѣ самой многочисленной и наиболѣе нуждающейся массы населенія.

Государственный банкъ, стоя во главѣ учрежденій краткосрочнаго кредита, былъ основанъ для «воспособленія промышленности и торговлѣ». Отсюда слѣдуетъ, что его дѣятельность должна быть направлена на содѣйствіе полученію кредита не только крупными промышленниками и торговцами, но также средними и мелкими. Главной формой такого содѣйствія служатъ широкіе обороты по учету векселей. А между тѣмъ эта операція развивается медленно; за десятилѣтіе 1881 — 90 года она увеличилась только на 23% противъ предыдущаго десятилѣтія. Развитію учетныхъ оборотовъ препятствуютъ также формальности, которыми они обставлены: дабы получить кредитъ въ государственномъ банкѣ, нужно имѣть письменную рекомендацію лицъ, извѣстныхъ въ торговомъ мірѣ. Не трудно понять, почему мелкіе торговцы съ большимъ трудомъ добываютъ такую рекомендацію. Учетный комитетъ состоитъ, кромѣ управляющаго и двухъ директоровъ банка, изъ членовъ отъ купечества, избираемыхъ мѣстнымъ купеческимъ обществомъ. Это малочленное собраніе не можетъ обнять всѣ отрасли

народнаго хозяйства, не можетъ быть знакомо съ кредитоспособностью всѣхъ лицъ, обращающихся за кредитомъ. Все это дѣлаетъ кредитъ въ банкѣ привилегіей богатыхъ торговыхъ людей. Это доказывается и высокой средней цѣнностью учитываемыхъ векселей: въ теченіе 30 лѣтъ средняя цѣна учетнаго векселя колебалась между 1,078 и 1,735 рублями въ банкѣ и между 1,150 и 2,290 рублями въ его конторахъ и отдѣленіяхъ. Медленно и слишкомъ сдержанно развивая учетную операцію, государственный банкъ отвлекалъ огромные капиталы на спекулятивные обороты, биржевую игру; частнымъ банкамъ и банкирскимъ конторамъ выдаются почти неограниченныя ссуды подъ процентныя бумаги. За десятилѣтіе (1880—89) онѣ составили 1,058 милліоновъ рублей, а всѣ такія ссуды не стоятъ въ связи съ промышленностью или торговыми оборотами. Люди, занимающіеся торговлею, не берутъ ссуды подъ процентныя бумаги, такъ какъ имѣютъ возможность пользоваться вексельнымъ кредитомъ, а по учету векселей взимается низшій процентъ, чѣмъ по ссудамъ; притомъ же торговый человѣкъ всегда предпочитаетъ продать процентныя бумаги, нежели платить по ссудамъ проценты выше тѣхъ, которые приносятъ бумаги. Такимъ образомъ выдача ссудъ способствуетъ преимущественно развитію биржевой игры, въ однихъ случаяхъ безплодной, въ другихъ случаяхъдаже вредной для народнаго хозяйства. Торговцы и промышленники берутъ ссуды подъ товары; но именно этими оборотами государственный банкъ занимается въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ: за 30 лѣтъ (1860—89) въ ссуду подъ товары было выдано только $200^1/_2$ милліоновъ рублей. Ничтожные размѣры этой полезной операціи сами собою говорятъ, что здѣсь нѣтъ мѣста для поддержанія сельскаго хозяйства, для краткосрочнаго кредита производителямъ зерна. Очень невыгодной особенностью государственнаго банка служитъ и то, что онъ вполнѣ подчиненъ министерству финансовъ и что его служебная роль относительно финансоваго управленія преобладаетъ надъ его ролью центральнаго кредитнаго учрежденія, самаго крупнаго банка, который долженъ упорядочивать въ странѣ денежное обращеніе. Центральные банки западной Европы выпускаютъ банковые билеты согласно съ потребностями торговаго оборота. Нашъ государственный банкъ не имѣетъ права выпускать билеты. Кредитные билеты выпускаются министерствомъ финансовъ на покрытіе финансовыхъ потребностей. Государственный банкъ не извлекаетъ выгоды изъ этихъ выпусковъ, а между тѣмъ на немъ лежитъ обязанность содѣйствовать упроченію ихъ курса. Конечно, банкъ не въ состояніи сдѣлать это, такъ какъ онъ не имѣетъ самостоятельнаго положенія, и министерство финансовъ можетъ рас-

полагать имъ, направлять его дѣятельность по произволу. По идеѣ онъ долженъ быть главнымъ кредитнымъ учрежденіемъ для цѣлей народнаго хозяйства; въ дѣйствительности онъ является служебнымъ средствомъ для министерства финансовъ.

Другое государственное кредитное учрежденіе, служащее богатымъ и среднимъ классамъ—дворянскій земельный банкъ—имѣетъ очень крупный недостатокъ: неразборчивое удешевленіе кредита для заемщиковъ сравнительно съ тѣмъ, чего стоитъ пользованіе капиталами, добытыми въ частныхъ земельныхъ банкахъ. Учреждая дворянскій банкъ и понижая проценты по ссудамъ, руководствовались соображеніемъ о необходимости поддержать дворянское землевладѣніе, какъ условіе, которое можетъ сдѣлать особенно устойчивымъ существующій нынѣ порядокъ вещей. Удешевленіе земельнаго кредита могло бы способствовать этому, еслибы дворяне-землевладѣльцы пользовались осторожно своимъ кредитомъ, брали ссуды для улучшенія хозяйства и совершали затраты капиталовъ въ землю съ большою обдуманностью. При такой затратѣ 5% годовыхъ, которыхъ ссуда стоитъ дворянину-землевладѣльцу, ставитъ его въ очень выгодныя условія и можетъ быть твердымъ основаніемъ для упроченія и улучшенія его хозяйства. Но я утверждаю, что и ссуда, полученная изъ частнаго земельнаго банка и стоющая въ годъ 7—8%, въ подобномъ случаѣ также необременительна. Если землевладѣлецъ, хорошо изучивъ климатическія и почвенныя условія своего имѣнія и всю его экономическую обстановку, беретъ ссуду для осушенія болотъ, орошенія полей, покупки рабочаго или молочнаго скота, орудій, платитъ по ссудѣ 8% въ годъ, то, разъ онъ умѣло и бережливо совершаетъ эти затраты, онѣ могутъ принести ему обильные плоды. Дешевый кредитъ, созданный для дворянъ-землевладѣльцевъ съ учрежденіемъ дворянскаго банка, оказываетъ совсѣмъ иное вліяніе. Какъ при крѣпостномъ правѣ помѣщики, усердно пользуясь кредитомъ, только изрѣдка брали ссуды для улучшенія хозяйства, обыкновенно же для того, чтобы весело пожить, такъ и по отмѣнѣ крѣпостного права, землевладѣльцы пользовались ссудами изъ частныхъ банковъ для раздѣла имущества между сонаслѣдниками, для разнообразныхъ личныхъ потребностей и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ для улучшенія хозяйства. Дворянскій банкъ, открывая кредитъ на льготныхъ условіяхъ, даетъ многимъ землевладѣльцамъ новый и сильный толчекъ относиться легкомысленно къ обремененію земли долгами. А если хорошій сельскій хозяинъ, улучшающій свое хозяйство по всесторонне обдуманному плану, можетъ вынести кредитъ и изъ 8% годовыхъ, то землевладѣлецъ, обременившій свое имѣніе ссудами, дабы окружить

себя большими жизненными удобствами, которыя не создаютъ въ его хозяйствѣ новыхъ источниковъ дохода, не можетъ выдержать кредитъ и изъ 5% годовыхъ. Такой кредитъ, очень дешевый по условіямъ русскаго денежнаго рынка, ведетъ заемщика къ окончательному разоренію. Мы полагаемъ даже, что въ большей дороговизнѣ кредита изъ частныхъ земельныхъ банковъ заключается причина того, что землевладѣльцы, непринадлежащіе къ дворянскому сословію, будутъ болѣе устойчивы, легче сохранятъ свои земли, нежели владѣльцы-дворяне. Болѣе дорогой кредитъ будетъ побуждать первыхъ осторожно пользоваться ссудами, рѣже обременять землю долгомъ только для того, чтобы удовлетворить влеченіе къ роскоши или комфорту.

Власть денежнаго капитала надъ землею выражается у насъ въ обширныхъ оборотахъ и огромныхъ доходахъ частныхъ земельныхъ банковъ и въ задолженности русскаго землевладѣнія. Обращаясь къ дореформенному времени, мы находимъ, что въ 1859 году сумма долговъ помѣщиковъ достигала 427 милліоновъ рублей, а число заложенныхъ ревизскихъ душъ составляло 66,3% общаго числа крѣпостныхъ. Для оцѣнки настоящей задолженности землевладѣнія, нужно принять въ разсчетъ, что помѣщики получили выкупныхъ суммъ на 888 мил. рублей (къ 1 марта 1893) изъ которыхъ 316 милліоновъ были употреблены на погашеніе долговъ старымъ кредитнымъ учрежденіемъ. Такимъ образомъ отъ періода крѣпостного права на землевладѣніи остался долгъ только въ 110 милліоновъ рублей. Въ 1890 году было заложено 31.705,066 десятинъ, составляющихъ 34,77% площади частновладѣльческой земли; общая сумма долга превышала 770,000,000 рублей. Въ 1870 году въ двухъ тогда дѣйствовавшихъ земельныхъ банкахъ—херсонскомъ зѣмскомъ банкѣ и обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита—было заложено 2.119,565 десятинъ за сумму около 27 милліоновъ рублей. И такъ, въ теченіи 20 лѣтъ площадь заложенной земли увеличилась въ 15 разъ, сумма долговъ на имѣніяхъ возрасла въ 28 разъ, а средній долгъ на 1 десятину поднялся съ 12 р. 58 копѣекъ до 24 р. 29 коп. Картина значительно измѣняется, если разсматривать задолженность землевладѣльцевъ по отдѣльнымъ губерніямъ. Оказывается, что она достигла наибольшихъ размѣровъ въ самыхъ плодородныхъ губерніяхъ: заложено отъ 47 до 50% частновладѣльческой земли въ Саратовской, Казанской, Тульской, Симбирской губерніяхъ, 55,5% въ Подольской, 57% въ Екатеринославской и 65% въ Херсонской. Къ этому нужно прибавить долгъ землевладѣльцевъ частнымъ лицамъ, составляющій сотни милліоновъ. Такимъ образомъ, долги нашей сельской частно-

владѣльческой недвижимой собственности составляютъ сумму болѣе 1 милліарда рублей. Въ общемъ итогѣ долги дворянскому банку превышаютъ 400 милліоновъ.

Размѣры задолженности русскаго землевладѣнія объясняютъ, почему нужно считать ошибочной идею о возможности поддержать дворянское землевладѣніе посредствомъ дешеваго кредита, идею, лежащую въ основаніи дворянскаго банка. Разъ открывается доступъ къ дешевому кредиту безъ различенія цѣлей, для которыхъ предназначена ссуда, то во всѣхъ случаяхъ,—а они составляютъ большинство — когда занятый капиталъ употребляется не для улучшенія хозяйства, а для иныхъ цѣлей, землевладѣлецъ утрачиваетъ прочность положенія и становится въ большую зависимость отъ всѣхъ неблагопріятныхъ условій, которымъ подвергается сельское хозяйство. Кто обременилъ имѣніе долгами, но сдѣлалъ заемъ для затраты, очевидно полезной хозяйству, тотъ выдерживаетъ паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, неурожаи и скотскіе падежи, хотя бы заемъ обошелся дорого. Кто занялъ выгодно, но не затратилъ капитала съ пользою для хозяйства, тотъ не можетъ перенести убытки, причиняемые различными вліяніями со стороны внѣшней природы или условій экономическаго быта. А неустойчивость нашего дворянскаго землевладѣнія доказывается сокращеніемъ площади земли, принадлежащей дворянамъ. По даннымъ, которыя относятся къ 80-мъ годамъ, подвижность земельной собственности въ Россіи такова, что въ среднемъ вся частновладѣльческая земля мѣняетъ собственника 1 разъ въ каждые 28 лѣтъ (по свѣдѣніямъ за 1882 годъ) или въ 40 лѣтъ (данныя за 1887 годъ). Переходъ земельной собственности изъ рукъ въ руки, при различіи въ частностяхъ, почти всюду даетъ результаты, сходные въ одномъ—въ уменьшеніи площади дворянскаго землевладѣнія. Въ Тамбовской губерніи за 20 лѣтъ (1868—87) дворянское землевладѣніе уменьшилось на 306,340 десятинъ, въ Московской губерніи за 10 лѣтъ (1867—76)—на 147,990 десятинъ, въ Ямбургскомъ, Шлиссельбургскомъ и Петергофскомъ уѣздахъ Петербургской губерніи на 111,280 десятинъ за 20 лѣтъ (1868—87) и т. п. Сокращеніе площади дворянскаго землевладѣнія приметъ со временемъ еще бо́льшіе размѣры. — Все сказанное заставляетъ насъ сдѣлать выводъ, что дворянскій банкъ только при томъ условіи соотвѣтствовалъ бы своей идеѣ, — поддержанію дворянскаго землевладѣнія—еслибы открывалъ преимущественно меліораціонный кредитъ, облегчалъ улучшеніе сельскаго хозяйства.

Несоотвѣтствіе строя и дѣятельности русскихъ кредитныхъ учрежденій той идеѣ, которая положена въ ихъ основаніе, является

маловажнымъ недостаткомъ сравнительно съ одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ русской экономической жизни — недоступностью дешеваго кредита для бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Изслѣдованія, произведенныя земствомъ и частными лицами въ разныхъ губерніяхъ, обнаруживаютъ крайнюю нужду народа въ кредитѣ и чрезвычайную распространенность ростовщичества, которое поработило себѣ почти все населеніе деревни. Кредитныя сдѣлки сравнительно рѣдко принимаютъ чисто денежную форму. Гдѣ мы встрѣчаемъ ихъ, тамъ кредитъ не достигаетъ высшихъ предѣловъ тяготы для хозяйства. Съ одной стороны голое денежное ростовщичество, выдача въ ссуду 25 рублей, чтобы получить чрезъ полгода 50, представляется настолько отвратительнымъ, что ростовщикъ охотно замаскировываетъ его разнообразными мѣновыми сдѣлками. Главной же причиной недостаточнаго развитія въ русской деревнѣ чисто денежнаго ростовщичества служитъ отсутствіе ростовщиковъ-капиталистовъ, которые не имѣли бы связи съ сельскимъ хозяйствомъ и кустарными промыслами или торговлей. Естественно поэтому, что кредитное отношеніе чаще облекается въ форму мѣны товаровъ или товаровъ на трудъ. При сдѣлкахъ этого рода высота процента не всегда выступаетъ такъ рельефно, какъ при денежной кредитной сдѣлкѣ, а сельское хозяйство, промыслы или торговые обороты, которые ведетъ ростовщикъ, также служатъ оболочкой, которая прикрываетъ его ростовщическія продѣлки. Эта оболочка не мѣшаетъ тому, что ростовщики образуютъ въ населеніи деревни особую группу, вліятельную и властную, но формально не выдѣляетъ ихъ въ особый классъ, какъ то дѣлаетъ съ городскими закладчиками и ростовщиками ихъ занятіе. Кредитная сдѣлка между крестьянами и ростовщиками имѣетъ такую форму, что должникъ, получая деньги въ то время года, когда предстоитъ сдѣлать расходъ, напр., уплатить подати, купить сѣмена для посѣва, лошадь или корову, хлѣбъ для продовольствія семьи, обязуется возвратить долгъ тѣми продуктами, которые будутъ къ извѣстному сроку въ его хозяйствѣ или которые особенно пригодны для заимодавца по условіямъ его промысла. Хлѣбъ, пенька, ленъ,—вотъ главные продукты, которыми крестьяне расплачиваются со своими заимодавцами за денежныя ссуды. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне занимаются охотничьимъ промысломъ, долгъ уплачивается продуктами звѣроловства: бѣлками, оленями, волками, медвѣдями. Ссуды подъ рыбу очень распространены повсюду, гдѣ крестьяне занимаются рыболовнымъ промысломъ. Наконецъ, издѣлія кустарей также служатъ для уплаты долга. Близкая прикосновенность деревен-

скаго ростовщика къ сельскому хозяйству и промысламъ и полученіе имъ всѣхъ этихъ товаровъ по очень низкой цѣнѣ и въ довольно большомъ количествѣ, естественно, дѣлаютъ его торговцемъ этихъ издѣлій. Если богатый крестьянинъ роздалъ односельчанамъ нѣсколько тысячъ рублей и получилъ въ уплату сотни пудъ пеньки, льна, тысячи пудъ рыбы, то онъ, въ силу вещей, становится торговцемъ этими товарами и его отношеніе къ должникамъ перестаетъ быть чистой связью ростовщиковъ съ ихъ кліентами, а получаетъ характеръ отношенія хозяевъ къ рабочимъ. Сама денежная ссуда становится задаткомъ, который хозяинъ въ извѣстные сроки выдаетъ своимъ рабочимъ, чтобы сдѣлать имъ возможнымъ веденіе промысла или удовлетвореніе насущныхъ потребностей семьи. Если, поэтому, ростовщикъ, торгующій рыбой, даетъ рыболовамъ денегъ для покупки орудій и съѣстныхъ припасовъ съ обязательствомъ сдать ему весь уловъ, то выступаетъ въ роли хозяина и низводитъ отдѣльныхъ рыболововъ до роли зависящихъ отъ него работниковъ. Такимъ же является и скупщикъ слесарныхъ или столярныхъ издѣлій относительно кустарей, которымъ онъ даетъ денежныя ссуды деньгами и разными товарами и обязываетъ доставлять ему готовыя издѣлія.

Особую группу образуютъ тѣ кредитныя сдѣлки, когда крестьянинъ, получивъ ссуду деньгами или хлѣбомъ, уплачиваетъ долгъ трудомъ. Этотъ кредитъ распространенъ повсемѣстно. Онъ получаетъ внѣшнее выраженіе въ томъ, что крестьяне берутъ отъ землевладѣльцевъ ссуды деньгами или хлѣбомъ осенью или зимою и обязуются исполнить за это ближайшею весною или лѣтомъ какія-либо сельско-хозяйственныя работы: вспахать, засѣять, выкосить столько-то десятинъ, вывезти на поле заимодавца опредѣленное количество навоза и прочее.

Кредитныя сдѣлки, представляющія большое разнообразіе, бываютъ или чисто личными или же связаны для заимодавца со спеціальнымъ имущественнымъ обезпеченіемъ. Сельскій ростовщикъ, открывая односельчанамъ личный кредитъ, рискуетъ несравненно меньше, нежели городской ростовщикъ, который открывалъ бы такой кредитъ бѣднѣйшимъ слоямъ городского населенія. Послѣдній, въ силу подвижности малоимущаго городского населенія, обыкновенно не имѣющаго постоянной осѣдлости, не можетъ поддерживать прочную связь со своими должниками, тѣмъ болѣе не можетъ всегда имѣть ихъ на глазахъ. Сельскій же ростовщикъ буквально держитъ въ своихъ рукахъ должниковъ-односельцевъ и даже заемщиковъ изъ сосѣднихъ селеній. Онъ знаетъ ихъ достатокъ, ихъ рабочую силу и трудолюбіе; ему извѣстно, сколько ози-

маго и яроваго посѣялъ каждый изъ нихъ, каковъ урожай; у него на примѣтѣ каждый рубль, который его должникъ получилъ отъ подсобнаго промысла. Онъ точно знаетъ количество ржи, овса, пеньки, которое можетъ быть продано каждымъ изъ его кліентовъ. Такимъ образомъ, ростовщикъ, открывая личный кредитъ, хорошо знаетъ платежную силу своихъ должниковъ. Прикрѣпленные къ своему сельскомуобществу, они уже потому стараются точно исполнять обязательства, что предвидятъ въ будущемъ не менѣе настоятельную нужду въ кредитѣ, а въ сосѣдѣ-ростовщикѣ — единственный источникъ полученія ссуды. Но русской деревнѣ знакомъ и реальный кредитъ. Сдѣлки этого рода облекаются въ форму запродажи скота, земледѣльческихъ орудій, избы, надворныхъ строеній, хлѣба на корню. Письменныя обязательства, въ которыя облекаются эти сдѣлки, имѣютъ обыкновенно такую форму: «Годъ, мѣсяцъ, число. Мы, нижеподписавшіеся, крестьяне такіе-то, продали крестьянину такому-то все хоромное строеніе, а именно, одну избу съ сѣнями, дворъ и два хлѣва, три амбара, баню, одну лошадь, четыре коровы, десять овецъ, на два года на 4 души землю, яровое поле подъ посѣвъ сѣменемъ, ... съ правомъ перепродажи строеній и земли другому лицу, цѣною за семьдесятъ рублей. Деньги получили всѣ сполна, а буде къ такому-то времени означенную сумму возвратимъ NN, то все проданное строеніе, скотъ и землю мы имѣемъ право оставить за собою; строеніе и скотъ до означеннаго числа будетъ и должны состоять въ цѣлости, подъ нашею въ случаѣ утраты отвѣтственностью». Не нужно долго вчитываться въ документы этого рода, чтобы признать въ нихъ одинъ изъ источниковъ нашего сельскаго пролетаріата.

Гдѣ кредитъ выражается въ чисто денежной сдѣлкѣ, тамъ мы имѣемъ низшій процентъ. По свѣдѣніямъ, которыя покойный В. И. Орловъ собралъ о 85 случаяхъ займа въ Московскомъ уѣздѣ (за 1866—76 года), средній процентъ составилъ $35^1/_2$ годовыхъ. Иногда онъ поднимался до 100 годовыхъ. По наблюденіямъ въ Воронежской, Самарской, Саратовской и другихъ губерніяхъ проценты нерѣдко поднимаются до 150—200 годовыхъ; нужно считать очень выгодными тѣ займы, когда годовые проценты не превышаютъ 30—40. При ссудахъ, гдѣ долгъ уплачивается продуктами или трудомъ, процентъ, вообще, гораздо выше. Если ссуда, полученная деньгами зимою, уплачивается въ началѣ будущей осени (т.-е. чрезъ 10 мѣсяцевъ) хлѣбомъ, то ростовщикъ получаетъ хлѣбъ по цѣнѣ, равной только половинѣ рыночной. Кредитъ, который открываютъ кустарямъ скупщики ихъ издѣлій, также обходится не де-

шевле 100%. Стоимость кредита должникамъ при отработкѣ ссуды измѣряется разницею между цѣнами рабочихъ рукъ при зимней наемкѣ и лѣтнемъ наймѣ. Этого рода кредитныя сдѣлки выражаются въ томъ, что крестьянинъ беретъ ссуду осенью или зимой и тутъ же обязуется поставить лѣтомъ опредѣленное количество труда. Наименьшая разница въ заработной платѣ составляетъ 25—30—40%. Но многочисленныя наблюденія, сдѣланныя въ Тульской, Пензенской, Тамбовской, Полтавской, Воронежской, Курской и другихъ губерніяхъ, показываютъ, что при зимнемъ наймѣ рабочихъ съ выдачею имъ значительныхъ ссудъ, заработная плата установляется на 100—150% ниже, чѣмъ при наймѣ весною. Бремя этого кредита станетъ особенно понятнымъ, если припомнимъ, что въ Германіи сельскій кредитъ изъ 36% годовыхъ считается крайней степенью давленія, которое ростовщикъ можетъ оказывать на заимодавца, или что въ Соединенныхъ Штатахъ 24—18% годовыхъ относятся къ вопіющимъ проявленіямъ ростовщичества.

Все изложенное выражаетъ потребность крестьянъ въ краткой и частью долгосрочномъ кредитѣ: въ Московскомъ уѣздѣ изъ 85 случаевъ займа 44,6% были заключены на покупку сѣмянъ, 32,99% на уплату податей, т.-е. для цѣлей, которымъ служитъ краткосрочный кредитъ. Значительная часть займовъ у ростовщиковъ заключается на покупку скота, промысловыхъ орудій, т.-е. для цѣлей, которыя позволяютъ возвратить ссуду только чрезъ нѣсколько лѣтъ. Нуждаются ли крестьяне въ долгосрочномъ кредитѣ чистаго типа, для покупки земли?—на это отвѣчаетъ намъ цифра въ нѣсколько милліоновъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Когда возникали ссудосберегательныя товарищества, со всѣхъ сторонъ слышались предсказанія, что они достигнутъ самаго широкаго развитія и сполна удовлетворятъ потребность русскаго народа въ кредитѣ. Однако, это предсказаніе не сбылось. Если судить о числѣ дѣйствовавшихъ товариществъ по числу разсмотрѣнныхъ отчетовъ, то оказывается, что число ихъ, достигнувъ 721 въ 1879 году, увеличивалось съ нѣкоторыми колебаніями до 1884 года, а затѣмъ начало падать и къ 1890 году дало намъ ту же цифру—720. Правда, товарищества стали въ среднемъ болѣе крупны. Однако, мы подмѣчаемъ замедленіе ихъ роста. Въ послѣдніе годы вклады увеличиваются въ меньшей пропорціи, нежели раньше (за 1876—80 г. вклады увеличились сравнительно съ предъидущимъ пятилѣтіемъ на 179%, а въ слѣдующія пятилѣтія они возростали только на 68 и 66%). Гораздо рѣзче обнаруживается застой товариществъ въ выдачѣ ссудъ. Выданныя ссуды возросли

съ $4^1/_4$ милліоновъ рублей въ 1875 году до 15 милліоновъ въ 1880, а во второй половинѣ 80-хъ годовъ сумма, ежегодно выдаваемая въ ссуду, колебалась между $17^1/_4$ и $18^3/_4$ милліоновъ. Если вспомнимъ, что 18 милліоновъ рублей, выданныхъ въ ссуду, составляютъ на душу только 18 копѣекъ, а на крестьянскую семью не болѣе одного рубля, если припомнимъ, что сумма, выданная за тотъ же годъ въ ссуду германскими товариществами, превышала $1^1/_2$ милліарда марокъ, то признаемъ кредитъ изъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ до крайности недостаточнымъ, удовлетворяющимъ только небольшую часть этой потребности нашего сельскаго люда. Разсуждать, какъ то не рѣдко дѣлаютъ защитники ссудо-сберегательныхъ товариществъ, что доставляемыя ими выгоды измѣряются сбереженіями ихъ должниковъ на процентахъ (товарищества взимаютъ не больше $12^0/_0$ годовыхъ, а кредитъ у частныхъ капиталистовъ стоитъ въ деревнѣ не дешевле 36 годовыхъ, а потому на процентахъ за 18 милліонную ссуду заемщики сберегли больше 4 милліоновъ рублей въ годъ), значитъ довольствоваться слишкомъ малымъ, выгодами небольшаго кружка, тогда какъ эти учрежденія должны, по своей идеѣ, служить интересамъ многочисленныхъ массъ. Ближайшее изученіе товариществъ обнаруживаетъ въ ихъ кредитныхъ оборотахъ полный застой. Около товарищества образуется тѣсно сомкнутый кругъ членовъ-заемщиковъ, которые, разъ взявъ ссуду, изъ года въ годъ переписываютъ свое заемное обязательство и взносятъ товариществу только проценты. Во многихъ товариществахъ ссуды, переписываемыя на тѣхъ же самыхъ должниковъ, составляютъ 50, 60, $70^0/_0$ общей суммы выданныхъ ссудъ, а ссуды, выдаваемыя вновь, сокращаются все болѣе и болѣе. Переписка ссудъ, не позволяя товариществу расширить обороты, превращаетъ краткосрочный кредитъ въ долгосрочный. Въ послѣдніе годы обнаруживаются и другія отрицательныя явленія: сумма просроченныхъ ссудъ возрастаетъ; изъ нихъ все большая часть взыскивается судебнымъ порядкомъ. Застой въ развитіи товариществъ доказывается и тѣмъ, что число выходящихъ членовъ увеличивается въ гораздо бо́льшей пропорціи, нежели число поступающихъ: за 5-лѣтіе 1876—80 годовъ, по даннымъ о 154 товариществахъ, среднимъ числомъ поступало 34.873 въ годъ, а выходило 14.449; а за 5-лѣтіе 1886—90 мы имѣемъ для 694 товариществъ среднимъ числомъ 21195 вступающихъ членовъ и 18823 выходящихъ.

Причины столь малоуспѣшной дѣятельности товариществъ лежатъ какъ въ ихъ устройствѣ, такъ и въ общихъ условіяхъ хозяйственной жизни русской деревни. Товарищества были предназна-

чены удовлетворять потребность исключительно въ краткосрочномъ кредитѣ, который не выходитъ за предѣлы 12 мѣсяцевъ, а неимѣніе дешеваго кредита, посредствомъ котораго можно было бы удовлетворить нужды, требующія затраты капитала на довольно продолжительное время, побуждаетъ членовъ товарищества пользоваться ссудами и на такіе расходы, которые позволяютъ выручать затраченный капиталъ только въ теченіе 2—3—5 лѣтъ: около половины всей суммы ссудъ берется на покупку лошадей, рогатаго скота, земледѣльческихъ орудій, постройку домовъ. Самый характеръ этихъ затратъ ведетъ къ перепискѣ ссуды въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Отмѣтимъ въ строѣ товариществъ и другую неблагопріятную особенность—невозможность брать, безъ поручительства, ссуду, болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза превышающую паевой взносъ. Это отталкиваетъ отъ товарищества бѣднѣйшихъ крестьянъ: такой крестьянинъ можетъ взносить пай только самыми мелкими долями; такому человѣку не легко найдти и поручителя, который позволилъ бы ему получить большую ссуду. А потому, такъ называемый образцовый уставъ товариществъ не даетъ этимъ лицамъ доступа къ дешевому кредиту. Но главной причиной неуспѣшнаго развитія товариществъ служитъ слабая кредитоспособность населенія нашихъ деревень. Русская деревня не представляетъ данныхъ, необходимыхъ для развитія дешеваго личнаго кредита. Кромѣ небольшого меньшинства, поставленнаго сколько-нибудь благопріятно, сельскій людъ и въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, и въ своихъ промыслахъ, мѣстныхъ или отхожихъ, не даетъ обезпеченія для возврата ссуды. По меньшей мѣрѣ 2 трети поселянъ не имѣютъ достаточнаго обезпеченія отъ сельскаго хозяйства. Но и промыслы приносятъ сельскому люду такой скудный заработокъ, что онъ едва достаточенъ для прокормленія крестьянской семьи. Отхожіе промыслы—то же, что лоттерея: хорошъ урожай—и пришлые сельскіе рабочіе зарабатываютъ порядочныя деньги; выпалъ только средній урожай—и заработокъ ничтоженъ. Кустарные промыслы и отхожіе ремесленнаго характера уже потому доставляютъ очень скудные заработки, что большинство промышленниковъ зависятъ отъ скупщиковъ и подрядчиковъ, которые умѣютъ свести къ самымъ скромнымъ размѣрамъ заработокъ подвластнаго имъ люда. Все это оставляетъ въ распоряженіи средней крестьянской семьи только то, что въ обрѣзъ необходимо для ея незатѣйливыхъ потребностей. Для Россіи мы не имѣемъ статистики имущества и дохода, которая позволила бы сдѣлать точное вычисленіе. Но высота недоимокъ по государственнымъ податямъ служитъ доказательствомъ нашего положенія. Вотъ причина, въ силу которой ссудо-

сберегательныя артели не могли и не могутъ дѣйствовать въ Россіи съ тѣмъ успѣхомъ, какого отъ нихъ ожидали и какой выпалъ имъ на долю въ Германіи. Изслѣдователи русской сельской жизни часто дѣлаютъ нашимъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ упреки, что они открываютъ кредитъ зажиточнымъ крестьянамъ, что масса населенія не извлекаетъ изъ нихъ никакихъ выгодъ. Казалось бы, что круговая порука, связующая участниковъ, должна служить надежнымъ обезпеченіемъ возврата ссуды даже отъ бѣднѣйшихъ заемщиковъ. Круговая порука даетъ такое обезпеченіе, но подъ условіемъ, что должники владѣютъ хотя небольшимъ имуществомъ или будутъ владѣть имъ къ наступленію срока уплаты. Бѣднѣйшіе члены германскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ представляютъ такія условія. Многіе ремесленники, фабричные работники, крестьяне, владѣющіе самыми малыми клочками земли, отъ времени до времени накопляютъ сбереженія изъ своихъ скромныхъ заработковъ и уплачиваютъ ссуду. Уровень благосостоянія Германіи настолько выше, чѣмъ въ Россіи, что даже бѣднѣйшіе люди имѣютъ извѣстную кредитоспособность. У насъ же массы крестьянъ являются хроническими недоимщиками; для нихъ 50-ти рублевая ссуда составляетъ такую сумму, которая не можетъ быть уплачена въ теченіе многихъ лѣтъ, часто, быть можетъ, въ теченіе цѣлой жизни. Участники ссудо-сберегательныхъ товариществъ хорошо понимаютъ это. Зная, что многіе изъ крестьянъ неминуемо будутъ неоплатными должниками, богатѣйшіе члены товариществъ стараются оттѣснить ихъ, не выдавать имъ ссуды, не принимать въ члены. Постепенно большинство такихъ учрежденій съуживаетъ кругъ своихъ кліентовъ и лишается всеобщаго значенія, которое связано съ самою его идеей. Это доказывается большимъ числомъ лицъ, не принимаемыхъ въ члены товариществъ. За послѣднее 10-лѣтіе товарищества въ среднемъ не принимали 28—32% лицъ, желавшихъ стать членами. Конечно, бѣднѣйшіе крестьяне не осмѣливаются даже заявлять такія притязанія.

Потребности крестьянъ въ пріобрѣтеніи земли служитъ крестьянскій земельный банкъ. Изученіе его дѣятельности показываетъ, что онъ только въ очень скромныхъ предѣлахъ удовлетворяетъ эту потребность. Въ покупкѣ земли особенно нуждаются бѣднѣйшіе слои крестьянскаго люда, безземельные и малоземельные, а банкъ выдаетъ въ ссуду не больше $^3/_4$ продажной цѣны земли, и заставляетъ покупщиковъ отыскивать деньги для доплаты, нерѣдко на очень обременительныхъ условіяхъ. Занимая деньги для доплатъ, крестьяне платятъ за нихъ 8—10—15% годовыхъ и больше. Мы считаемъ недостаткомъ крестьянскаго банка и то, что ссуда обхо-

дится заемщикамъ въ 7% годовыхъ. Такая дороговизна ссудъ, вовсе не вытекающая изъ экономическихъ условій, нарушаетъ требованія справедливости. Ссуды изъ дворянскаго банка выдаются членамъ богатаго и достаточнаго классовъ для улучшенія ихъ экономическаго быта и стоютъ только 5—5½% годовыхъ, тогда какъ крестьянскій банкъ, выдавая ссуды для удержанія заемщика въ рядахъ земледѣльцевъ, для воспрепятствованія развитію сельскаго пролетаріата, открываетъ болѣе дорогой кредитъ. Мы находимъ въ дѣятельности банка и другой крупный недостатокъ: она вовсе не стоитъ въ связи съ переселеніями. За первые годы дѣятельность банка сосредоточивалась преимущественно въ густонаселенныхъ губерніяхъ. Большой спросъ на землю повелъ къ искусственному возвышенію продажныхъ цѣнъ. А въ результатѣ—неисправные платежи, недоимки за многими заемщиками и переходъ къ банку значительныхъ площадей купленной земли. Къ 1892 году за банкомъ оставалась очень большая площадь—120116 десятинъ. Эти невыгодныя послѣдствія должны быть приписаны неорганизованности крестьянскихъ переселеній и искусственному поднятію земельныхъ цѣнъ во многихъ губерніяхъ. Покупка земли доставляетъ пріобрѣтателю несомнѣнныя выгоды, если пріобрѣтеніе состоялось при нормальныхъ условіяхъ: населеніе возростаетъ, пути сообщенія улучшаются, усовершенствованіе культуры, какъ оно ни медленно, поднимаетъ доходъ земельныхъ участковъ, и покупатель оказывается въ выигрышѣ. Выигрышъ тѣмъ болѣе значителенъ, чѣмъ бо́льшую наклонность къ пониженію обнаруживаетъ рыночный процентъ, который обыкновенно кладется въ основу капитализаціи дохода и съ земельныхъ участковъ. Всѣ эти условія дѣйствуютъ такъ могущественно, что ихъ вліяніе не парализуется даже уменьшеніемъ цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, которое наблюдалось во всемъ культурномъ мірѣ за послѣднія 10 лѣтъ: пониженіе цѣны замедляетъ ростъ земельнаго дохода, но не поглощаетъ его цѣликомъ и не дѣлаетъ покупателей неисправными должниками. Однако, земельные участки покупаются нерѣдко и при условіяхъ анормальныхъ. Приростъ населенія, огромный спросъ на землю со стороны малоземельныхъ крестьянъ, *многочисленныя трудности, съ которыми связаны переселенія, а тѣмъ болѣе недозволенность послѣднихъ* поднимаютъ арендную плату до уровня, при которомъ арендатору остаются ничтожныя крохи. Продажная цѣна земли обыкновенно соотвѣтствуетъ арендной платѣ: если средняя арендная плата достигла 15 р. за десятину, то владѣлецъ не продастъ десятины дешевле 200 рублей. Здѣсь условія покупки земли становятся анормальными, такъ какъ цѣна не опредѣляется свободнымъ соглаше-

ніемъ сторонъ, а навязывается покупателю извнѣ, его стѣсненнымъ положеніемъ, невозможностью оставить родину и искать новой осѣдлости. Если за пріобрѣтеніемъ земли при такихъ анормальныхъ условіяхъ слѣдуетъ повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, то невыгоды покупателя сглаживаются въ ближайшемъ будущемъ и положеніе его становится болѣе прочнымъ. Если хлѣбныя цѣны остаются безъ измѣненія, то покупателю нелегко покрыть долгъ, съ помощью котораго онъ пріобрѣлъ земельный участокъ: необходимость обращать въ деньги всѣ продукты съ купленнаго участка ведетъ къ тому, что при этихъ продажахъ значительная часть цѣны прилипаетъ къ рукамъ скупщиковъ и пріобрѣтатель земли играетъ въ ничью. Если же цѣны продуктовъ понижаются, то невозможность парализовать это движеніе усовершенствованіемъ земледѣльческихъ пріемовъ,—извѣстно, что они не могутъ быть сдѣланы съ одного удара,—очень скоро ставитъ покупателя земли въ безвыходное положеніе, дѣлаетъ его неисправнымъ заемщикомъ. Отчеты крестьянскаго банка даютъ право на такія обобщенія. За банкомъ осталось всего больше земли въ черноземныхъ губерніяхъ, именно тамъ, гдѣ, подъ вліяніемъ перечисленныхъ условій, арендныя и продажныя цѣны достигли, въ началѣ 80-хъ годовъ, чрезмѣрной, искусственной высоты. Изъ всей массы земли, оставшейся за банкомъ, болѣе половины (въ сложности до 63,000 десятинъ) падаетъ на три губерніи—Полтавскую, Екатеринославскую и Саратовскую, а вторая половина на шесть—Курскую, Донскую область, Пензенскую, Воронежскую, Уфимскую и Тамбовскую. Изъ нихъ только одна Уфимская не относится къ черноземной полосѣ. Но эта губернія пріобрѣла въ послѣдніе годы большую популярность среди переселенцевъ: туда передвинулись многія тысячи, земля вздорожала и многіе пріобрѣтатели заплатили слишкомъ высокую цѣну. Наша мысль о выгодности пріобрѣтенія земли при нормальныхъ условіяхъ доказывается примѣромъ цѣлаго ряда губерній, гдѣ крестьяне купили съ помощью банка очень много земли и гдѣ пріобрѣтатели остаются исправными плательщиками; таковы губерніи: Смоленская, Могилевская, Новгородская, Минская, Тверская; въ нихъ куплено, при помощи банка, 513,000 десятинъ. Будучи губерніями нечерноземными и довольно рѣдко населенными, онѣ не представляютъ условій, которыя могли бы поднять наемную и продажную цѣны на искусственную высоту, а потому и были полемъ нормальной дѣятельности крестьянскаго банка. Сопоставленіе среднихъ покупныхъ цѣнъ за 1 дес. земли въ разныхъ губерніяхъ еще болѣе подкрѣпляетъ наше общее положеніе. Покупная цѣна одной десятины была: въ Курской—115 р., Полтав-

ской—91 р., Воронежской—81 р., Пензенской—76 р., а въ Смоленской—23 р., Минской—19 р., Могилевской—19 р., Новгородской—9. Кто мало-мальски знакомъ съ состояніемъ русскаго сельскаго хозяйства, тотъ согласится, что въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ земля не приноситъ и не можетъ приносить въ 4 раза большій доходъ, чѣмъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, и въ 7—10 разъ большій, чѣмъ въ Новгородской.

Неудачная дѣятельность банка повела къ съуженію его оборотовъ и сдѣлала болѣе тягостными условія, на которыхъ выдаются ссуды: въ 1885 году ссудъ было выдано слишкомъ на $13^3/_4$ мил. рублей, а въ 1889—91 годахъ въ совокупности только на $12^3/_4$ милліоновъ; доплаты покупщиковъ составляли въ 1883 году только 9,9% покупной цѣны, въ 1885—16,7%, а въ 1891—уже 32%. Чѣмъ болѣе возрастаетъ доплата покупщика изъ собственныхъ средствъ, тѣмъ болѣе затрудняются бѣднѣйшіе крестьяне въ пріобрѣтеніи земли съ помощью банка. Это доказывается уменьшеніемъ числа безземельныхъ и малоземельныхъ среди заемщиковъ крестьянскаго банка: въ 1885 году безземельные заемщики банка и имѣвшіе менѣе $1^1/_2$ десятины на душу составляли 47% общаго числа покупщиковъ, имѣвшіе же болѣе 3 десятинъ—23,7%; въ 1891 году число первыхъ сократилось до 24,7%, вторые же составляютъ 26%.

Недоступность кредита для бѣднѣйшихъ слоевъ населенія доказывается сравнительною высотою рыночнаго процента въ нашихъ городахъ и деревняхъ: въ столицахъ и большихъ торговыхъ городахъ учетный процентъ стоялъ за послѣдніе года на 5—4 годовыхъ, въ деревняхъ же его средній уровень въ десятки разъ выше. Такой рѣзкой разницы мы не находимъ ни въ одной странѣ европейско-американскаго міра.

Народный кредитъ, въ точномъ смыслѣ слова, можетъ быть организованъ только въ томъ случаѣ, если будетъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ къ повышенію благосостоянія деревни, главнымъ образомъ, посредствомъ расширенія крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ. Эта задача всего легче рѣшается открытіемъ долгосрочнаго кредита, приближающагося къ выкупной операціи, какъ она установлена при крестьянской реформѣ. Необходимымъ дополненіемъ выкупнаго кредита является меліораціонный кредитъ. Упроченіе благосостоянія сельскихъ классовъ облегчитъ развитіе и краткосрочнаго кредита. Мы не раздѣляемъ того мнѣнія, что государство одно должно удовлетворить всю потребность народа въ кредитѣ. Долгосрочный кредитъ, по самому существу, нуждается въ государственной организаціи. Но для развитія краткосрочнаго и даже меліора-

ціоннаго кредита очень многое можетъ быть сдѣлано частными капиталами и даже частной иниціативой. Необходимо только, чтобы правительство и органы самоуправленія и здѣсь подавали примѣръ, способный направить въ эту сторону и частную предпріимчивость. Мы почерпаемъ изъ исторіи ссудосберегательныхъ артелей доказательство того, насколько государственное содѣйствіе народному кредиту способно направлять въ эту сторону сбереженія частныхъ лицъ. Въ 1891 году 687 товариществъ располагали суммою вкладовъ и займовъ болѣе $11^1/_2$ милліоновъ рублей. Частныя лица стали только потому охотно помѣщать сюда свои сбереженія, что товарищества первоначально упрочились и развились съ помощью кредита изъ государственнаго банка и отъ земствъ. И если въ будущемъ государственный банкъ двинетъ въ деревню для развитія тамъ меліораціоннаго и краткосрочнаго кредита не сотни тысячъ или милліонъ, а десятки милліоновъ рублей, то и частные банки, слѣдуя этому примѣру, будутъ открывать свои отдѣленія не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ. Возросшее благосостояніи деревни увеличитъ кредитоспособность населенія и разовьетъ личный кредитъ, которымъ въ настоящее время пользуются только 2—3% нашего крестьянства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пути и средства сообщенія.

Литература. *Цыхановецкій.* Желѣзныя дороги и государство. 1869. *Чупровъ.* Желѣзнодор. хозяйство. 2 т. 1875 и 78. *Bumme.* Принципы желѣзнодор. тарифовъ. 1884. *Георгіевскій.* Финансов. отнош. государ. и желѣзнодор. обществъ. 1887. *Гіацинтовъ.* Основ. организ. тарифн. дѣла на желѣзн. дорог. 1887. *Пихно.* Желѣзнодор. тарифы. 1888. *Knies.* Die Eisenbahnen u. ihre Wirkungen. 1853. *Reitzenstein.* Die Gütertarife der Eisenbahnen. *Cohn.* Untersuch. über die engl Eisenbahn politik. 1874. *Его же.* Der Staat u. die Eisenbahnen. Jahrbuch für Nationalök. u. Statist. 1879. *Wagner.* Das Eisenbahnwesen als Glied des Verkerswesens. 1877. *Sax.* Die Verkehrsmittel. 2 B. 1878—79. *Lehr.* Eisenbahntarifwesen u. Eisenbahnmonopol. 1879. *Foville.* La transform. des moyens de transport. 1880. *Aucoc.* Conferences sur l'administr. et le droit administr. III. 1882. *Hadley.* Railroad Transportation. 1885. *v. d. Leyen.* Die nordamerik. Eisenbahn. 1885. *Ulbrich.* Das Eisenbahntaifwesen. 1886. Французск. изд. 1890. *Nördling.* Die Selbstkosten des Eisenbahntransports u. die Wasserstrassenfrage. 1886. *Picard.* Traité des chemins de fer 4 vol. 1887. *Launhardt.* Theorie der Tarifbild. der Eisenbahn. 1890.—Handwörterb. der Staatswissen., III.—Тамъ же дальнѣйш. указан. на литературу. *Knies.* Der Telegraph. 1857. *Schöttle.* Der Telegraph. 1883. Для ознакомл. съ путями сообщ. въ Россіи см. *Головачевъ.* Исторія желѣзнод. дѣла въ Россіи. 1881. *Гронскій.* Земскія жел. дор. 1881. *Бліохъ.* Вліян. желѣзн. дорогъ. 1882. *Рыбаковъ* и *Бѣловъ.* Наши пути сообщ.

1882. *Георгіевскій.* Финанс. отнош.—Наши водян. пути сообщ. 1888. Большой матер. содержатъ: докладъ Выс. утв. ком. для изслѣд. желѣзнодор. дѣла въ Россіи. Труды тарифн. коммиссіи и Сборн. министер. путей сообщ. Ср. также, *Жуковскій.* Желѣзн. дороги, какъ предм. эконом. *Вѣст. Евр.* 1872, I. *Буніе.* Монополія желѣзнодор. царства. *Вѣст. Евр.* 1876, III. *Чупровъ.* По пов. ст. Бунге „Монол. желѣзнодор. царства". *Вѣст. Евр.*, 1876, VI. *Воропоновъ.* Желѣзн. дороги и казна. *Слово*, 1880, I. *Тороховъ.* Тарифн. вопр. и желѣзн. дороги. *Вѣст. Евр.*, 1889, I и II. *В.* Теорія крупн. концессіонер. *Вѣст. Евр.*, 1891, V. *Петерсенъ.* Казна и желѣзнодор. дѣло. *Вѣст. Евр.*, 1891. XI.

Способы передвиженія людей, вещей и передачи извѣстій имѣютъ очень большое значеніе для хозяйственной дѣятельности равно какъ и для другихъ цѣлей общежитія. Къ способамъ сообщенія должны быть отнесены грунтовыя и шоссейныя дороги, водные пути, желѣзныя дороги, почта и телеграфъ. Чѣмъ болѣе развивается народное хозяйство, тѣмъ чаще передвигаются люди, тѣмъ болѣе оживленны перемѣщеніе вещей и передача извѣстій, а послѣднее создаетъ, въ свою очередь, новыя благопріятныя условія для развитія народнаго хозяйства.

Вліяніе средствъ сообщенія на народное хозяйство становится особенно очевиднымъ при изслѣдованіи тѣхъ перемѣнъ, которыя, благодаря имъ, происходятъ въ цѣнахъ товаровъ. Въ составъ издержекъ производства товара входятъ значительною долей расходы на перемѣщеніе сырыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ изготовляется данный товаръ, предметовъ потребленія для лицъ, участвующихъ въ производствѣ, наконецъ, затраты на провозъ самихъ товаровъ до мѣста ихъ потребленія. А потому, чѣмъ болѣе сокращаются расходы на перевозку, тѣмъ болѣе понижаются издержки производства товара и его цѣна.

По мѣрѣ того, какъ совершенствуются пути сообщенія и понижается стоимость перевозки, становится возможнымъ продавать товары на болѣе отдаленныхъ рынкахъ; понизившаяся цѣна товара расширяетъ область его сбыта. Если мы примемъ мѣсто производства товара за центръ круга, то скажемъ, что радіусъ круга, въ предѣлахъ котораго сбывается товаръ, тѣмъ болѣе удлиняется, чѣмъ лучше становятся способы перевозки. Расширеніе области, въ предѣлахъ которой можно сбывать данные товары, увеличиваетъ соперничество, какъ между ихъ производителями, такъ и между потребителями. Во всемъ раіонѣ сбыта даннаго товара происходитъ уравненіе цѣнъ на него. Чѣмъ болѣе понижаются издержки перевозки, тѣмъ обширнѣе становится область, въ которой совершается уравненіе цѣнъ. Большая быстрота въ передвиженіи товаровъ и передачѣ извѣстій позволяетъ производителямъ съ бо́льшимъ успѣхомъ пользоваться всѣми выгодами, которыя представ-

ляютъ различные рынки сбыта, направлять продукты туда, гдѣ за нихъ даютъ высшую цѣну. Эти же условія даютъ потребителямъ возможность покупать тамъ, гдѣ цѣны наиболѣе низки. Усовершенствованіе способовъ передачи извѣстій также доставляетъ производителямъ и потребителямъ большія выгоды; оно позволяетъ имъ своевременно знакомиться съ состояніемъ рынка, предусматривать измѣненія цѣнъ. Совмѣстное дѣйствіе всѣхъ этихъ условій ведетъ къ бо́льшему постоянству цѣнъ въ предѣлахъ очень обширныхъ раіоновъ.

Измѣненія въ стоимости перевозки оказываютъ не одно и то же вліяніе на цѣну различныхъ товаровъ. Чѣмъ цѣннѣе товаръ, тѣмъ болѣе велика его перемѣщаемость и тѣмъ меньшую важность имѣетъ удешевленная перевозка. Для товаровъ же громоздкихъ и мало цѣнныхъ удешевленіе перевозки имѣетъ очень большую важность. Первобытные пути сообщенія прежнихъ временъ позволяли доставлять на отдаленные рынки только цѣнные и негромоздкіе товары; малоцѣнные же продукты имѣли только мѣстный сбытъ: до сооруженія желѣзныхъ дорогъ главными предметами міровой торговли служили цѣнные фабрикаты. Перемѣщеніе дешевыхъ и общераспространенныхъ товаровъ на отдаленные рынки становилось возможнымъ только тогда, когда неурожай во много разъ возвышалъ ихъ цѣну.

Усовершенствованіе путей и возможность перевозить даже малоцѣнные товары на большія разстоянія способствовали широкому развитію производства. Такъ какъ расходы на перемѣщеніе товаровъ требуютъ затраты значительной части труда и капитала, которыми располагаетъ народное хозяйство, то сокращеніе этихъ расходовъ оставляетъ свободною часть производительныхъ силъ даннаго народа. На первый взглядъ кажется будто улучшеніе путей не способно производить такое дѣйствіе: въ нихъ единовременно затрачивается столь большой капиталъ (особенно для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, прорытія каналовъ), что значительная часть народнаго имущества представляется связанною на долгое время. Мы откажемся отъ такого вывода, если вспомнимъ, что при затратѣ большого капитала (напр. сооруженіе полотна желѣзной дороги, станціи, вагоновъ), сберегается огромная масса труда, которая необходима при перемѣщеніи товаровъ гужомъ въ извозномъ промыслѣ. Къ этому присоединяются и тѣ, очень крупныя сбереженія въ народномъ хозяйствѣ, которыя доставляетъ большая быстрота въ перемѣщеніи товаровъ, меньшая порча ихъ въ пути и проч. Улучшенные пути и потому содѣйствуютъ увеличенію производства въ разныхъ отрасляхъ народнаго труда, что пониженіе цѣны то-

варовъ увеличиваетъ на нихъ запросъ, а производители, завязывая торговыя сношенія съ отдаленными рынками, не могутъ такъ точно опредѣлить размѣра спроса, какъ то возможно при сбытѣ только въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Нерѣдко производители преувеличиваютъ размѣры спроса, расширяютъ производство больше, нежели то оправдывается потребностью въ данныхъ товарахъ; только усиленное пониженіе цѣнъ позволяетъ въ такихъ случаяхъ увеличить сбытъ товара и тѣмъ поддержать равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ.

Увеличеніе размѣровъ производства связано съ перемѣнами въ характерѣ производства. При несовершенныхъ способахъ перевозки, обмѣнъ между странами, отдаленными другъ отъ друга, ограничивается обыкновенно тѣми товарами, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ естественнымъ условіямъ каждой страны. Когда способы перемѣщенія товаровъ улучшены, то трудъ между странами можетъ быть раздѣленъ гораздо болѣе детально, каждая можетъ сосредоточивать свои силы на производствѣ тѣхъ предметовъ, для которыхъ она имѣетъ особенно благопріятныя условія; страна можетъ получать изъ за границы не только товары, для изготовленія которыхъ она не имѣетъ особенно благопріятныхъ условій, но и тѣ, относительно которыхъ она менѣе превосходитъ иноземные народы. Только при усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія можетъ ярко обнаруживаться законъ международной торговли, по которой одна страна, превосходящая другую во всѣхъ отрасляхъ труда, изготовляющая всѣ товары съ меньшими затратами, можетъ извлекать выгоды изъ обмѣна съ другими, экономически отсталыми народами.

Подъ вліяніемъ усовершенствованныхъ путей, размѣщеніе отраслей земледѣльческой промышленности отклоняется отъ теоремы Тюнена. Условія дѣйствительной жизни, различныя степени плодородія отдѣльныхъ участковъ земли, многочисленность рынковъ сбыта и неодинаковые ихъ размѣры служатъ причиною того, что каждая страна и даже каждая область обширной страны даютъ въ разныхъ мѣстахъ пояса такихъ культуръ, которыя соотвѣтствуютъ одному поясу въ «изолированномъ государствѣ» Тюнена. Усовершенствованные способы сообщенія, особенно водные пути и желѣзныя дороги, вызвали еще большую пестроту въ расположеніи отдѣльныхъ отраслей и системъ хозяйства. При гужевой перевозкѣ огородничество, садоводство, молочное скотоводство господствовали только въ ближайшемъ сосѣдствѣ большихъ городовъ; теперь же они успѣшно развиваются вездѣ, гдѣ для нихъ есть благопріятныя естественныя условія. На обработывающую промышленность улучшеніе путей имѣетъ большее или меньшее вліяніе въ связи съ тѣмъ,

велика ли цѣнность готовыхъ продуктовъ. Такъ какъ стоимость перевозки все болѣе понижается и расходы за перевозку составляютъ все менѣе значительную часть въ общей суммѣ издержекъ производства, то каждый раіонъ имѣетъ своими соперниками не только другія области той же страны, но и иноземныя страны и даже другія части свѣта. Вотъ почему каждый промышленный округъ долженъ сосредоточиваться на тѣхъ отрасляхъ, для которыхъ онъ имѣетъ наиболѣе благопріятныхъ условій. Удобство и дешевизна перевозки часто позволяютъ въ одной странѣ изготовлять изъ сырья только полуфабрикаты, тогда какъ другія заканчиваютъ ихъ переработку.

Всѣ эти перемѣны ведутъ за собою многочисленныя измѣненія въ строѣ торговли и ея направленіи. Быстрота перемѣщенія товаровъ способствуетъ болѣе быстрому обращенію капиталовъ, а это понижаетъ цѣны и позволяетъ вести очень большія торговыя предпріятія съ капиталами, сравнительно небольшими. Ускоренная передача извѣстій, облегченныя личныя сношенія и удобства перевозки грузовъ дѣлаютъ излишними многихъ посредниковъ въ торговыхъ оборотахъ, а уменьшеніе числа посредниковъ является выигрышемъ для народнаго хозяйства. Въ связи съ этимъ стоитъ и потеря ярмарками того значенія, которое онѣ имѣютъ въ народномъ хозяйствѣ при менѣе совершенныхъ путяхъ сообщенія. Первобытные пути, затрудняя непрерывныя сношенія между продавцами и покупателями, заставляютъ выбирать нѣкоторыя центральныя точки, куда въ опредѣленное время года привозятся разнообразные товары. Какъ скоро улучшеніе путей позволяетъ продавцамъ поддерживать постоянную связь съ покупателями, то ярмарки утрачиваютъ значеніе. Отмѣтимъ, наконецъ, вліяніе, которое имѣютъ пути на распредѣленіе богатствъ. Пролегая чрезъ мѣстность, которая была до того времени внѣ торговаго оборота, они поднимаютъ цѣнность и доходность участковъ земли, увеличиваютъ поземельную ренту. Связывая глухую и отдаленную окраину съ развитыми и оживленными областями страны, пути сообщенія уничтожаютъ въ такихъ захолустьяхъ монопольное положеніе промышленниковъ и торговцевъ, позволяющее имъ наживать чрезмѣрные барыши. Облегчая вывозъ на отдаленные рынки такихъ продуктовъ, которые въ изобиліи производятся въ данной окраинѣ и не имѣютъ сбыта, пути сообщенія увеличиваютъ въ этихъ отрасляхъ прибыль и заработную плату. Словомъ, они вліяютъ уравнивающимъ образомъ на распредѣленіе народнаго дохода.

До второй четверти настоящаго вѣка сухопутными путями сообщенія служили грунтовыя и шоссейныя дороги. Важность этихъ

путей сознавалась еще народами древности, и римляне считали сооруженіе удобныхъ дорогъ для военныхъ цѣлей и торговыхъ сношеній одной изъ самыхъ крупныхъ задачъ государственнаго управленія. Однако, до конца 18 вѣка, пока не вошло въ обычай мощеніе камнемъ, дороги были крайне неудовлетворительны. Даже въ Англіи, при сравнительно высокой культурѣ, многія дороги, соединявшія большіе торговые города, были непроходимы весной и осенью. И только шоссированіе дорогъ сдѣлало ихъ удобными для проѣзда во всякое время года.

Такое состояніе сухопутныхъ дорогъ на низкомъ уровнѣ культуры объясняетъ, почему естественные водные пути, рѣки, озера и, особенно, моря, имѣютъ очень важное значеніе для всего развитія гражданственности. При грунтовыхъ дорогахъ перевозка громоздкихъ товаровъ возможна только по воднымъ путямъ, а потому главныя средоточія торговли и промышленности возникаютъ на берегахъ морей, озеръ и значительныхъ рѣкъ. Исторія почти всѣхъ народовъ даетъ намъ убѣдительныя доказательства того, насколько быстрѣе развивалась хозяйственная жизнь и возростало благосостояніе въ тѣхъ странахъ, которыя природа надѣлила водными путями сообщенія. Значеніе водныхъ путей еще болѣе увеличилось съ примѣненіемъ пара къ передвиженію судовъ. Отъ пароходства выиграло передвиженіе людей и грузовъ какъ по внутреннимъ водамъ, такъ еще болѣе по большимъ морямъ и океану, гдѣ пароходы не имѣютъ соперниковъ въ желѣзныхъ дорогахъ.

Ростъ техническихъ знаній постепенно привелъ къ тому, что люди, не ограничиваясь естественными водными путями, стали устраивать искусственные, прорывать каналы, углублять и направлять русла рѣкъ. Сооруженіе каналовъ было облегчено изобрѣтеніемъ шлюзовъ, которые позволили проводить каналы не только по низменнымъ и равниннымъ площадямъ, но и въ мѣстностяхъ съ наклоннымъ положеніемъ. Каналы приносятъ особенную пользу въ тѣхъ случаяхъ, когда соединяютъ бассейны разныхъ рѣкъ и дѣлаютъ гужевую перевозку между ними излишнею. Развитіе желѣзныхъ дорогъ такъ увлекло всѣ европейскіе народы и американцевъ, что сооруженіе каналовъ и регулированіе рѣкъ пріостановилось на нѣкоторое время. Однако, и научная мысль и практика пришли за два послѣднія десятилѣтія къ выводу, что водные пути могутъ во многихъ случаяхъ успѣшно соперничать съ желѣзными дорогами, и вслѣдствіе этого во всѣхъ странахъ частію исполнены, частію намѣчены многія систематическія работы по улучшенію рѣкъ и сооруженію каналовъ. Во Франціи, напр., на-

ціональное собраніе утвердило въ 1874 году смѣту въ 833 милліона франковъ на проведеніе цѣлой системы каналовъ.

Изобрѣтеніе рельсовыхъ путей и примѣненіе пара на желѣзныхъ дорогахъ имѣло и имѣетъ очень большое вліяніе на весь народно-хозяйственный бытъ. Перевозка удешевилась въ чрезвычайной степени: расходы на передвиженіе людей понизились до половины стоимости гужевой перевозки, а на передвиженіе грузовъ— до $^1/_4$ цѣны гужевой перевозки. Въ новѣйшее время плата за перевозку нѣкоторыхъ громоздкихъ товаровъ такъ понижена, что составляетъ только $^1/_{10}$ стоимости перевозки гужемъ. Въ Англіи, напр., желѣзная руда и нѣкоторые подобные же громоздкіе грузы оплачиваются по $^1/_3$ копѣйки за 1 тонно-километръ, что составляетъ $^1/_{180}$ копѣйки съ 1 пудо-версты. Желѣзная дорога въ высокой степени увеличила и быстроту передвиженія: средняя скорость ѣзды на почтовыхъ лошадяхъ по шоссе не превышаетъ 7—8 верстъ въ часъ, тогда какъ на желѣзныхъ дорогахъ считается очень медленнымъ движеніе по 30 верстъ въ часъ. Желѣзно-дорожная перевозка имѣетъ и ту особенность, что можетъ удовлетворить очень большой запросъ; стоимость перевозки отличается постоянствомъ, и могутъ быть перевозимы на однородныхъ условіяхъ большія массы товаровъ. При гужевой перевозкѣ обыкновенно бываетъ такъ, что накопленіе большого количества грузовъ и усиленный запросъ на подводы многократно увеличиваютъ перевозочную плату. Передвиженіе на желѣзныхъ дорогахъ отличается большою правильностью. Опозданіе бываетъ относительно только въ очень небольшомъ числѣ случаевъ. Наконецъ, вопреки довольно распространенному мнѣнію, будто бы ѣзда на желѣзныхъ дорогахъ связана съ большой опасностью для жизни, статистическія данныя утверждаютъ, что, при ѣздѣ въ дилижансахъ, жизнь и здоровье путешественниковъ подвергаются въ 15—20 разъ большей опасности, нежели при ѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ. Отмѣтимъ также, что хрупкіе товары всего менѣе подвергаются порчѣ при перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ.

Желѣзнодорожная перевозка въ такой мѣрѣ превосходитъ гужевую, что дѣлаетъ излишними дальнѣйшія сопоставленія. Если же мы сравнимъ желѣзныя дороги съ водными путями, то увидимъ, что и однѣ и другіе имѣютъ свои достоинства и недостатки. Желѣзныя дороги представляютъ то преимущество, что движеніе можетъ совершаться непрерывно въ теченіе года, тогда какъ водные пути замерзаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ году: въ Россіи, странѣ съ продолжительной зимой, это преимущество желѣзныхъ дорогъ особенно ощутительно. Другая выгодная сторона желѣзныхъ до-

рогъ, въ отличіе отъ каналовъ, состоитъ въ томъ, что первыя могутъ быть проводимы произвольно по всѣмъ направленіямъ; онѣ могутъ образовать въ странѣ сплошную сѣть желанной густоты; прорытію же каналовъ по кратчайшимъ разстояніямъ часто препятствуетъ самый характеръ мѣстности. Но и водные пути обладаютъ нѣкоторыми преимуществами: они доступны для каждаго судохозяина, а потому между перевозочными предпріятіями можетъ поддерживаться соперничество, способное понижать перевозочную плату и тѣмъ служить на пользу потребителей. Водные пути особенно пригодны для передвиженія громоздкихъ малоцѣнныхъ грузовъ, когда нѣтъ надобности торопиться съ ихъ доставкою и когда особенно важно пониженіе перевозочной платы. Впрочемъ, только на естественныхъ водныхъ путяхъ можетъ быть установляема гораздо низшая перевозочная плата, нежели на желѣзныхъ дорогахъ; наискусственныхъ водныхъ путяхъ плата не можетъ быть такъ низка уже потому, что сооруженіе ихъ стоитъ очень дорого (почти столь же дорого, какъ желѣзныхъ дорогъ).

Почта и телеграфъ, въ качествѣ способовъ передачи извѣстій, имѣютъ большое вліяніе на процессъ уравненія цѣнъ. По почтѣ и телеграфу передаютъ изъ любаго мѣста во всѣ концы свѣта свѣдѣнія о многочисленныхъ явленіяхъ народнаго хозяйства: виды на урожай, запасъ товаровъ на данномъ рынкѣ, цѣны. Малѣйшія измѣненія въ каждомъ сколько-нибудь крупномъ фактѣ общественной жизни чрезъ немного дней и даже часовъ становятся общимъ достояніемъ. Все это оказываетъ вліяніе на цѣны многихъ товаровъ въ предѣлахъ міроваго рынка. Можно дать себѣ ясный отчетъ, насколько велико это вліяніе, если припомнить, что, до сооруженія желѣзныхъ дорогъ и изобрѣтенія телеграфа, полученіе извѣстій изъ отдаленныхъ странъ требовало многихъ мѣсяцевъ. Усовершенствованные способы передачи извѣстій дали всѣмъ мѣновымъ оборотамъ болѣе твердое основаніе: съузилась область, въ которой господствуетъ случай; явилась возможность предугадывать многія опасности, угрожающія человѣку въ его хозяйственной дѣятельности, и предупреждать ихъ: таковы метеорологическія извѣстія, своевременно предсказывающія бури, градобитія; таковы услуги, которыя оказываетъ телеграфъ въ случаѣ пожаровъ и наводненій. Не нужно также забывать, что новѣйшіе способы передачи извѣстій облегчаютъ техническое усовершенствованіе всѣхъ отраслей народнаго хозяйства. Каждое техническое улучшеніе очень скоро становится общеизвѣстнымъ; успѣхи одного вызываютъ во многихъ соревнованіе, и это усиливаетъ ритмъ хозяйственнаго прогресса.

На небольшихъ разстояніяхъ телефонъ исполняетъ такія же обязанности, какъ телеграфъ, но оказываетъ большія услуги.

Есть много условій, которыя затрудняютъ для частныхъ хозяйствъ вполнѣ цѣлесообразное устройство путей и способовъ сообщенія и отводятъ въ этой области широкій просторъ для плодотворной дѣятельности государства. Частныя хозяйства, какъ показываетъ исторія путей сообщенія за послѣднее пятидесятилѣтіе, могутъ обладать средствами, для созданія самыхъ крупныхъ предпріятій: частныя желѣзныя дороги предшествовали государственнымъ; суэзскій каналъ обязанъ частной предпріимчивости. Но въ сферѣ путей сообщенія частное хозяйство очень легко пріобрѣтаетъ монополію. Въ этой области преобладаетъ постоянный капиталъ. Дорогіе пути, особенно желѣзныя дороги, будучи проведены по извѣстному направленію, исключаютъ всякую возможность соперничества и монопольно господствуютъ въ данной мѣстности. Тамъ же, гдѣ развивается соперничество между различными путями сообщенія (какъ напр., между желѣзной дорогой и рѣкой или каналомъ), оно ведетъ къ очень неэкономной тратѣ силъ. Такъ какъ пути и способы сообщенія имѣютъ очень большую важность для всего народнаго хозяйства, то желательно планомѣрное и систематическое ихъ развитіе, которое невозможно при завѣдываніи ими со стороны частныхъ хозяйствъ. Частный предприниматель стремится къ полученію наибольшаго дохода и пролагаетъ пути сообщенія тамъ, гдѣ можно ждать оживленныхъ торговыхъ оборотовъ, перевозки большаго числа пассажировъ и большаго количества грузовъ. Все же народное хозяйство заинтересовано въ томъ, чтобы пути сообщенія не только облегчали и усиливали уже развившееся торговое движеніе, но и вызывали его въ глухихъ и малонаселенныхъ мѣстностяхъ страны, тамъ, гдѣ пути сообщенія долгое время не могутъ приносить доходъ. Такую задачу можно ставить только государству. Отмѣтимъ, наконецъ, что общественная важность путей и средствъ сообщенія требуетъ однороднаго и систематическаго упорядоченія всего дѣла; эта однородность выражается какъ въ сооруженіи системы путей (такова сѣть желѣзныхъ дорогъ, сѣть рѣкъ и каналовъ, сѣть почтовыхъ и телеграфныхъ станцій), такъ и въ порядкѣ пользованія путями. Только при исполненіи этихъ обоихъ условій изъ путей и средствъ сообщенія страна можетъ извлекать крупныя выгоды. Единичныя, оторванныя другъ отъ друга линіи желѣзныхъ дорогъ приносятъ гораздо меньшія выгоды, нежели сѣть дорогъ, въ которой къ главнымъ путямъ, со всеобщимъ значеніемъ для страны, примыкаютъ боковыя вѣтви, имѣющія, главнымъ образомъ, мѣстное значеніе. Однородное же руко-

водство движеніемъ на сухопутныхъ и водныхъ путяхъ, въ почтовомъ и телеграфномъ сношеніяхъ уменьшаетъ расходы. Эти цѣли не могутъ быть вполнѣ достигнуты частными хозяйствами. А потому, на государствѣ лежитъ обязанность или взять пути и средства сообщенія (прежде всего почту и телеграфъ) въ свои руки, или, поскольку они, напр., нѣкоторыя желѣзныя дороги, остаются въ вѣдѣніи частныхъ хозяйствъ, создать цѣлый рядъ правилъ, которыми должно руководствоваться при проложеніи путей и способахъ пользованія ими, а равно установить надъ всѣмъ этимъ дѣломъ строгій и широко-развѣтвленный контроль.

При изученіи желѣзныхъ дорогъ, какъ важнѣйшихъ путей сообщенія нашего времени, нужно обратить особенное вниманіе на тарифы. *Тарифами* называются росписанія цѣнъ, которыя взимаютъ желѣзныя дороги за перевозку людей и товаровъ и за дополнительныя услуги, связанныя съ перевозкою. Цѣны желѣзнодорожныхъ услугъ, связанныя съ извѣстной единицей (столько-то отъ пуда и версты), называются тарифными ставками. Помимо передвиженія людей и грузовъ, желѣзныя дороги оказываютъ различныя услуги, связанныя съ перевозкою—производятъ нагрузку и выгрузку товаровъ, хранятъ грузы, доставляютъ кладь гужомъ со станціи желѣзной дороги до мѣста назначенія,—а потому къ тарифамъ провозной платы примыкаютъ тарифы дополнительныхъ сборовъ. Такъ какъ тарифы распространяются на плату за перевозку пассажировъ, ихъ багажа и товаровъ, то они и могутъ быть раздѣлены на пассажирскіе, багажные и товарные. Пассажирскіе тарифы повсюду, за исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, раздѣляются на 3 или 4 класса, съ подраздѣленіемъ для взрослыхъ и дѣтей. Товарные тарифы пріурочиваются къ вѣсу товара (столько-то съ пуда) или къ единицѣ груза, (напр., отъ головы скота) или къ единицѣ подвижного состава (столько-то отъ вагона). Тарифы или исчисляются по разстоянію (столько-то съ версты) или же опредѣляются для всего пути, проходимаго грузомъ отъ мѣста отправленія до мѣста назначенія; въ послѣднемъ случаѣ они называются участковыми. Слѣдуетъ различать также тарифы внутренняго сообщенія или мѣстные, которые установляются для перевозки грузовъ въ предѣлахъ желѣзной дороги, принадлежащей одному обществу, и тарифами прямого сообщенія; послѣдніе назначаются для перевозки грузовъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ различнымъ обществамъ или по желѣзнымъ дорогамъ и другимъ путямъ сообщенія. Международные тарифы образуютъ особую группу: они распространяются на желѣзныя дороги или желѣзныя дороги и водные пути двухъ или многихъ государствъ. *Дифференціальными* называются тѣ та-

рифы, при которыхъ ставка понижается съ увеличеніемъ разстоянія, проходимаго грузомъ.

При установленіи тарифовъ можно руководствоваться коммерческимъ началомъ—стремиться къ полученію наибольшей прибыли. Это начало побуждаетъ установлять такую высокую перевозочную плату, какую только можетъ вынести грузъ, если предъявляется большой запросъ на услуги желѣзной дороги. Слѣдуя этому принципу, желѣзная дорога должна взимать самую высокую плату, напр., съ хлѣба, провозимаго для населенія мѣстности, пострадавшей отъ неурожая, съ сѣна, направляемаго туда, гдѣ скотъ страдаетъ отъ безкормицы. Если же запросъ на услуги желѣзной дороги не великъ и самъ рельсовый путь испытываетъ конкурренцію со стороны рѣки, канала или другой желѣзной дороги, то коммерческое начало принуждаетъ брать весьма низкую провозную плату, лишь бы она покрывала расходы по эксплоатаціи дороги и давала хотя небольшую прибыль. Тарифы, проникнутые коммерческимъ началомъ, отличаются большой пестротой и полнымъ отсутствіемъ плана. Каждый товароотправитель, перевозящій довольно большое количество грузовъ, пользуется, при господствѣ этого начала, особыми индивидуальными условіями перевозки. Желѣзная дорога, часто измѣняя свои тарифы, приноровляется не только къ многочисленнымъ и измѣнчивымъ условіямъ экономическаго быта, но и къ особенностямъ отдѣльныхъ товароотправителей. Желѣзныя дороги Соединенныхъ Штатовъ въ значительной степени руководствуются коммерческимъ началомъ. Это начало позволяетъ отдѣльнымъ желѣзнымъ дорогамъ получать очень большую прибыль, но не удовлетворяетъ требованій, которыя должны выполнять рельсовые пути въ интересахъ народнаго хозяйства. Зная, насколько выгодно хранить коммерческія тайны, желѣзныя дороги отрицаютъ публичность тарифовъ. Стараясь взять съ груза высшую плату, какую онъ можетъ вынести, желѣзныя дороги нарушаютъ начало равенства тарифовъ, а равенство необходимо для правильнаго развитія экономической жизни. Установляя весьма различные тарифы, желѣзныя дороги могутъ ставить однихъ предпринимателей или однѣ мѣстности въ незаслуженно выгодныя условія и быть источникомъ убытковъ для другихъ предпріятій и цѣлыхъ отраслей производства. Нельзя согласиться и съ тѣмъ, чтобы коммерческое начало, руководя установленіемъ тарифовъ, обезпечивало дешевизну перевозочной платы: для отдѣльныхъ грузовъ тарифы могутъ быть низки; но, ограничиваясь скромными барышами въ однихъ случаяхъ, желѣзная дорога старается вознаградить себя въ другихъ. А это нерѣдко угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ на многія

отрасли производства и даже цѣлые промышленные округа. Коммерческое начало, руководя желѣзными дорогами, и тамъ не служитъ народно-хозяйственнымъ интересамъ, гдѣ желѣзная дорога вынуждена соперничать съ другими дорогами. Исторія сѣверо-американскихъ желѣзныхъ дорогъ свидѣтельствуетъ, что соперничество дорогъ заканчивается соглашеніемъ. Въ 1873—76 годахъ четыре главныя американскія дороги — ньюіоркская центральная, эрійская, пенсильванская и балтиморо-огайская вели между собой войну, которая вызвала пониженіе тарифовъ въ 2— 3 раза противъ предыдущихъ лѣтъ и причинила всѣмъ дорогамъ очень большіе убытки. Война закончилась образованіемъ въ 1877 году огромнаго желѣзно-дорожнаго союза, въ составъ котораго вошло 5 главныхъ и до 40 второстепенныхъ линій. Этотъ союзъ принялъ для руководства установленіе однообразныхъ тарифовъ на соперничающихъ участкахъ и раздѣлъ грузовъ или доходовъ, поступающихъ со всѣхъ станцій, которыя могутъ соперничать другъ съ другомъ. Союзъ распался въ 1881 году, и между линіями, входившими въ его составъ, снова началась война; затѣмъ союзъ былъ возстановленъ. Какъ бы, однако, ни было сильно соперничество между желѣзными дорогами и какъ бы по временамъ оно ни было выгодно пассажирамъ и владѣльцамъ грузовъ, желѣзнодорожныя предпріятія, будучи немногочисленны, легко могутъ приходить къ соглашенію; руководствуясь, при установленіи тарифовъ, частнохозяйственными началами, они легко могутъ нарушать интересы народнаго хозяйства.

Эти соображенія заставляютъ предпочесть такую сисмему тарифовъ, при которой принимаются въ разсчетъ всѣ условія общественной жизни въ данной странѣ. Такая система должна быть введена на государственныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогахъ; желѣзнодорожныя компаніи установляютъ ее только подъ строгимъ и всестороннимъ контролемъ органовъ государственной власти. Въ основаніи такого тарифа должны быть полагаемы не условія, въ которыхъ находится спросъ на услуги отдѣльной желѣзнодорожной линіи или предложеніе услугъ отдѣльнымъ рельсовымъ путемъ, а отношеніе спроса и предложенія на всей желѣзнодорожной сѣти даннаго государства. Такъ какъ желѣзныя дороги имѣютъ огромное значеніедля всего общественнаго быта, то руководящимъ началомъ, при установленіи тарифа, не долженъ служить разсчетъ на полученіе наибольшаго чистаго дохода даже отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, доходъ которыхъ поступаетъ въ государственную казну. Высшимъ предѣломъ провозной платы должна быть плата, покрывающая издержки самихъ желѣзныхъ дорогъ и доставляющая средній про-

центъ на затраченный капиталъ. Принадлежность государству всей желѣзнодорожной сѣти облегчаетъ рѣшеніе этой задачи. Тогда эта высшая норма можетъ быть установляема не для отдѣльныхъ дорогъ, а для всей системы рельсовыхъ путей: избытки, полученные на линіяхъ, которыя находятся въ особенно выгодномъ положеніи, могутъ пополнять недоборы желѣзныхъ дорогъ со слабымъ движеніемъ, гдѣ, однако, изъ соображеній общественной пользы, государство воздерживается отъ установленія возвышеннаго тарифа. Справедливо установленіе исключительно высокаго тарифа только на тѣхъ дорогахъ, которыя удовлетворяютъ прихоти зажиточныхъ классовъ, служатъ преимущественно для увеселительныхъ прогулокъ (царскосельская дорога, дорога на гору Риги въ Швейцаріи и нѣкоторыя другія). Отъ высшей нормы, установленной для всѣхъ дорогъ, имѣющихъ общеэкономическое значеніе, должны быть допускаемы многочисленныя отклоненія. Скидками съ общей провозной платы должны пользоваться тѣ лица или общественныя группы, которыя или нуждаются въ такой льготѣ по недостаточному имущественному обезпеченію, или заслуживаютъ ея потому, что передвиженіе ихъ въ возможно большемъ числѣ имѣетъ воспитательное или научное значеніе. Изъ соображеній перваго рода вытекаетъ установленіе льготнаго пассажирскаго тарифа для переселенцевъ, нижнихъ воинскихъ чиновъ, учениковъ народныхъ школъ. Второй принципъ лежитъ въ основаніи тѣхъ льготъ по провозной платѣ, которыми пользуются посѣтители выставокъ, ученыхъ конгрессовъ, учащіеся. И въ товарномъ тарифѣ должны быть значительныя отступленія отъ общихъ тарифныхъ ставокъ. Интересы главныхъ отраслей производства въ странѣ и важность открытія для нихъ отдаленныхъ внутреннихъ рынковъ или же сбыта заграницу оправдываютъ установленіе льготныхъ тарифовъ для издѣлій этихъ отраслей промышленности. Интересы потребителей заставляютъ понижать плату за перевозку хлѣбныхъ грузовъ въ мѣстности, пострадавшія отъ неурожая.

Желѣзныя дороги имѣютъ съ небольшимъ 60-лѣтнюю исторію. Въ 1830 году въ Европѣ и Америкѣ было всего 332 километра рельсовыхъ путей; въ 1870 году длина желѣзныхъ дорогъ на земномъ шарѣ достигла 207.923 километровъ, а къ 1892 году всѣ рельсовые пути имѣли 636.069 километровъ (изъ нихъ на одни Соединенные Штаты приходилось около 275.216 километровъ). Къ 1891 году въ желѣзнодорожную сѣть земного шара былъ вложенъ капиталъ около 42 милліардовъ рублей золотомъ. Первыя желѣзныя дороги были созданы въ однѣхъ странахъ частной предпріимчивости, въ другихъ—государствомъ. Въ послѣднее же время все

ярче обнаруживается стремленіе сдѣлать рельсовые пути достояніемъ государства. Въ Италіи въ 1889 году изъ $12^1/_2$ тысячъ километровъ желѣзныхъ дорогъ болѣе 8000 принадлежали казнѣ. Въ Германіи изъ всей рельсовой сѣти до 41000 километровъ въ 1890 году казнѣ принадлежало болѣе $36^1/_2$ тысячъ. Такое же стремленіе обнаруживается и во многихъ другихъ государствахъ.

Россія очень богата водными путями сообщенія. Сибирь еще мало изслѣдована въ гидрографическомъ отношеніи; въ Европейской же Россіи съ Кавказомъ мы имѣемъ до 69000 верстъ водныхъ путей, годныхъ для судоходства и сплава; изъ нихъ только половина пригодна для судоходства. Но относительно пространства Россія бѣднѣе судоходными путями, нежели западно-европейскія страны: на 100 кв. миль пространства Франція имѣетъ 135 верстъ судоходныхъ путей, Германія 119, Италія 59, а Россія—только 35. Условія климата и рѣдкость населенія не позволяютъ намъ извлекать изъ водныхъ путей такія выгоды, какими пользуются наши западные сосѣди; однако, наши рѣки имѣютъ для народнаго хозяйства большое значеніе. Съ 50-хъ годовъ пароходство стало быстро развиваться на нашихъ рѣкахъ. Не смотря на соперничество желѣзныхъ дорогъ, количество грузовъ, перевезенныхъ по нашимъ воднымъ путямъ, поднялось отъ 335 милліоновъ пудъ въ 1861 году, до 602 милліоновъ въ 1890. Цѣнность составляла 203 милліона рублей. Болѣе половины всего количества грузовъ было перевезено по Волгѣ, около $^1/_4$ по Невѣ, 12% по Днѣпру. На плотахъ за тотъ же годъ было перевезено 500 милліоновъ пудъ грузовъ. Наши водные пути страдаютъ многими недостатками. 1) Прежде всего—обмеленіе: Ока, Днѣстръ, Днѣпръ, Волга, даже многоводная Кама съ каждымъ годомъ замѣтно мелѣютъ, и препятствія для судоходства становятся все болѣе значительны: лѣтомъ по верхнему теченію этихъ рѣкъ судоходство вовсе прекращается. 2) Наши водные пути не представляютъ одной цѣльной сѣти, всѣ части которой были бы связаны между собой. Между отдѣльными рѣками нѣтъ усовершенствованныхъ соединительныхъ путей, каналовъ или желѣзныхъ дорогъ, а потому многія мѣстности лишены возможности сбывать громоздкіе товары (это особенно примѣнимо къ сибирскимъ рѣкамъ).

Петръ Великій относился къ воднымъ путямъ съ большою заботливостью. Онъ намѣтилъ вышневолоцкую, тихвинскую и маріинскую системы каналовъ; первая была осуществлена въ его царствованіе. Послѣ Петра къ воднымъ путямъ стали относиться съ полнымъ пренебреженіемъ. Всѣ каналы въ Россіи имѣютъ 741 версту длины, а части рѣкъ со шлюзами составляютъ только 1,300 верстъ. Эти

цифры кажутся особенно незначительными при сравненіи ихъ съ данными по западной Европѣ: Великобританія и Ирландія имѣютъ 5,752 версты каналовъ, Франція—4,560, а маленькая Голландія 3,140. Всѣ расходы на водные пути не превышаютъ у насъ 3 милліоновъ рублей въ годъ, т.-е. менѣе 100 рублей на 1 версту судоходныхъ рѣкъ, тогда какъ въ западной Европѣ на каждую версту водныхъ путей затрачиваютъ по 300—400 рублей въ годъ, въ Канадѣ—до $1^1/_2$ тысячи, а въ Соединенныхъ Штатахъ расходуютъ на одни изысканія болѣе милліона рублей ежегодно. Неудовлетворительное состояніе русскихъ водныхъ путей потому является особенно чувствительнымъ недостаткомъ, что главную массу нашихъ товаровъ составляютъ громоздкія произведенія сельскаго хозяйства и лѣсоводства, а водные пути обладаютъ большими удобствами для перемѣщенія именно этихъ товаровъ.

На сооруженіе въ Россіи желѣзныхъ дорогъ затрачены очень большіе капиталы. Графъ Канкринъ, изучавшій въ 40-хъ годахъ желѣзныя дороги западной Европы, пришелъ къ заключенію, что онѣ—«недугъ современности», что постройка ихъ является безрасудною растратою капиталовъ. Прославленный министръ финансовъ оказался очень близорукимъ при оцѣнкѣ рельсовыхъ путей. Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи начинается учрежденіемъ въ 1836 году акціонернаго общества, для постройки 25-верстной дороги изъ Петербурга въ Царское Село и Павловскъ. Въ 1842 году было рѣшено строить Николаевскую дорогу, которая и была открыта въ 1851 году. Эта дорога была выстроена казною. Въ 50-хъ же годахъ были сооружены Петербургско-Варшавская и Риго-Динабургская дороги, а въ 1862—63 годахъ въ совѣтѣ министровъ былъ разсмотрѣнъ проектъ 5 главныхъ линій: 1) южной отъ Москвы до Севастополя, 2) восточной — отъ Орла до Саратова, 3) западной—отъ Орла до Динабурга, 4) югозападной и 5) юговосточной. Эти проекты были осуществлены со многими измѣненіями въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ. Къ 1892 году у насъ было 30,463 версты желѣзныхъ дорогъ общаго пользованія; изъ нихъ приходилось 2,323 версты на Азіатскую Россію. Въ 1891 году приступили къ сооруженію Сибирской дороги протяженіемъ около 7,300 верстъ; она соединитъ однимъ непрерывнымъ рельсовымъ путемъ Владивостокъ съ нашею западной границей. Изъ общей рельсовой сѣти 13,264 версты находятся въ казенномъ управленіи, а 17,199 верстъ принадлежатъ частнымъ обществамъ. Казнѣ принадлежатъ почти всѣ финляндскія дороги и 16 русскихъ желѣзнодорожныхъ линій. До 1892 года на дороги Европейской Россіи, кромѣ Финляндіи, было затрачено 2.027,000,000

металлическихъ рублей; каждая верста обошлась въ 70,000 рублей.

Желѣзнодорожное дѣло упорядочивается общимъ уставомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 12 іюня 1885 года и цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ узаконеній. Въ уставѣ отведено много мѣста вопросу о тарифахъ. «Правительству, говоритъ законъ, принадлежитъ руководительство дѣйствіями желѣзныхъ дорогъ по установленію тарифовъ съ цѣлью огражденія интересовъ населенія, промышленности, торговли и казны». Подчиняя тарифное дѣло правительственному руководству, законъ создалъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ 3 особыхъ органа: совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ, тарифный комитетъ и департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ. Вѣдѣнію перваго подлежатъ всѣ общіе тарифные вопросы; рѣшенію второго подлежатъ всѣ важнѣйшіе частные тарифные вопросы, находящіеся въ прямой связи съ потребностями населенія, промышленности и торговли: департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ завѣдуетъ дѣлопроизводствомъ совѣта и комитета, а также разработываетъ предположенія и подготовляетъ матеріалъ для такихъ измѣненій въ тарифахъ, которыя «соотвѣтствуютъ интересамъ продовольственнымъ и торговопромышленнымъ, а также доходности желѣзнодорожной сѣти». Въ исторіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ мы находимъ такую смѣну направленій. Первоначально казалось невозможнымъ развить дѣло силами только частной предпріимчивости, и первымъ строителемъ явилась казна. Съ 60-хъ годовъ стали отдавать предпочтеніе частному строительству. Съ начала же 80-хъ годовъ все болѣе замѣтно обнаруживается склонность строить дороги на счетъ казны и пріобрѣтать въ собственность казны частныя желѣзныя дороги. Переходъ частныхъ дорогъ въ собственность казны совершается тремя способами: 1) Истекаетъ срокъ, на который выдана концессія, существованіе общества прекращается, и желѣзная дорога со всѣми постройками, подвижнымъ составомъ и всѣмъ имуществомъ поступаетъ въ казну. 2) Правительство удерживаетъ за собою право выкупить у частнаго общества дорогу до истеченія срока концессіи. Условія выкупа опредѣляются уставомъ каждой желѣзной дороги. Выкупная цѣна установляется капитализированіемъ средняго дохода за послѣднія 5—7 лѣтъ, (часто берется средній доходъ за лучшіе 5 лѣтъ изъ 7, предшествующихъ выкупу), предшествующія выкупу. Наименьшій срокъ, послѣ котораго казна имѣетъ право выкупить частную желѣзную дорогу, опредѣленъ въ 15—20 лѣтъ. 3) Наконецъ, желѣзная дорога поступаетъ въ собственность казны вслѣдствіе несостоятельности ея владѣльцевъ.

Изучая исторію русскихъ желѣзныхъ дорогъ, мы находимъ въ ней много слабыхъ сторонъ. Наша желѣзнодорожная сѣть сооружалась безъ достаточнаго знакомства съ дѣломъ и безъ той бережливости, которая необходима въ столь бѣдномъ народномъ хозяйствѣ, какъ русское, и при затратѣ огромныхъ капиталовъ, съ которою связано сооруженіе рельсовыхъ путей.

Когда возникаетъ желѣзнодорожный вопросъ въ странѣ, то должна быть начертана цѣлая сѣть, и отдѣльныя линіи должны строиться согласно съ наиболѣе настоятельными экономическими потребностями государства. Начертаніе такого плана предполагаетъ близкое знакомство съ хозяйственнымъ бытомъ страны, производительностью отдѣльныхъ мѣстностей, цѣнностью и оборотами товаровъ. Россія вовсе не была изслѣдована, а потому сооруженіе многихъ линій носитъ характеръ чего-то случайнаго, непродуманнаго. Было естественно начать съ Николаевской дороги, которая, связывая обѣ столицы, имѣетъ большое экономическое значеніе. Затѣмъ все вниманіе было обращено на проведеніе стратегическихъ линій къ западной границѣ. Упустилась изъ вида необходимость поторопиться съ сооруженіемъ рельсовыхъ путей отъ Москвы на югъ; забыли, что именно эти дороги имѣютъ наибольшее хозяйственное значеніе. Неясное представленіе о важности желѣзныхъ дорогъ было причиною того, что онѣ не были приведены въ связь съ водными путями. Недостаточное знакомство съ дѣломъ обнаружилось также и въ высокой стоимости многихъ линій. Верста Николаевской дороги обошлась въ 280,226 метал. рублей; Рязанско-Козловская дорога стоила по 91,158 рублей кредитныхъ, хотя мѣстность, по которой проходитъ эта линія, представляетъ всѣ удобства для постройки. То же можно сказать объ Орловско-Витебской и многихъ другихъ. Столь крупные расходы должны быть приписаны, главнымъ образомъ, тому, что соперничество между капиталистами, которые ходатайствовали о концессіяхъ, было крайне стѣснено, и строители, вступая между собою въ соглашеніе, установляли очень высокую цѣну, обременительную для народнаго хозяйства.—Слабуюсторону нашего желѣзнодорожнаго дѣла составляетъ также почти полное отсутствіе дешевыхъ подъѣздныхъ рельсовыхъ путей, которые, стоя всего 10—12000 рублей за версту, облегчаютъ доставку грузовъ на главныя линіи.

Желѣзныя дороги оказали замѣтное вліяніе на русское народное хозяйство. Проведеніе дорогъ чрезъ южныя губерніи къ портамъ Азовскаго и Чернаго морей способствовали развитію земледѣлія въ Новороссіи. Съ 70-хъ годовъ мы замѣчаемъ также усиленное добываніе каменнаго угля, торфа и развитіе желѣзодѣла-

тельной и сталелитейной промышленности. Цѣны громоздкихъ товаровъ стали обнаруживать большую наклонность къ уравненію. Въ концѣ 60-хъ годовъ цѣна хлѣба въ западныхъ губерніяхъ и балтійскихъ портахъ превышала въ 3—4 раза цѣну ржи во внутреннихъ губерніяхъ; теперь такое явленіе невозможно.—Не слѣдуетъ обвинять желѣзныя дороги въ усиленномъ истребленіи лѣсовъ: если на нихъ сжигались до послѣдняго времени сотни тысячъ кубическихъ саженъ дровъ ежегодно, то это слѣдуетъ приписать только отсутствію лѣсоохранительнаго закона. Наконецъ, нужно освободить рельсовые пути еще отъ одного обвиненія. Проведеніе дорогъ облегчаетъ вывозъ хлѣба изъ тѣхъ мѣстностей, которыя прежде не сбывали его. Это, говорятъ намъ, побуждаетъ крестьянъ продавать больше хлѣба, чѣмъ бы они могли по размѣрамъ своихъ домашнихъ потребностей. Скупщики пріобрѣтаютъ хлѣбъ по низкой цѣнѣ, а весною продаютъ тѣмъ же крестьянамъ по высокой. Такимъ образомъ, желѣзныя дороги содѣйствуютъ раззоренію крестьянскаго хозяйства. Фактъ наблюденъ вѣрно, но истолкованіе его неправильно: крестьянинъ хорошо знаетъ, сколько ему нужно хлѣба для содержанія семьи; онъ хорошо знаетъ, какъ разорительно продавать хлѣбъ осенью, чтобы покупать весной. Но его принуждаютъ къ этому не желѣзныя дороги, а высокіе налоги, недостаточный земельный надѣлъ, низкій уровень сельскохозяйственной техники и другія условія, которыя лежатъ тяжелымъ бременемъ на его хозяйствѣ.

Въ 1890 году по всѣмъ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ было перевезено 1157 милліоновъ пудъ грузовъ, изъ которыхъ хлѣбъ составлялъ 21,5%. Сравненіе Россіи съ другими государствами доказываетъ, какъ еще недостаточна наша абсолютно довольно большая желѣзнодорожная сѣть: на 1000 кв. километровъ въ Европейской Россіи приходится 5,7 километровъ рельсовыхъ путей, тогда какъ въ Испаніи—20, Германіи—80, Англіи—104, Бельгіи—160.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Торговля.

Литература. *Ад. Смитъ.* О богат. народовъ. *Рикардо.* Основанія. *Дж. Ст. Миллъ.* Основанія. *Кэри.* Руководство къ соціал. наукѣ. *Roscher.* System. III. *Lexis.* Handel y Schönberg'a, II. *Schmoller.* Die geschichtl. Entwickelung der Unternehmung. *Jahbüch. für Gesetzgeb.* 1890—93. *Mataja.* Gross magazine u. Kleinhandel. 1891. Рядъ статей о торговлѣ въ Handwörterbuch der Staats-

wissenschaft., IV. О хлѣбной торговлѣ, см. *Георгіевскій.* Международная хлѣбная торговля. 1885. *Касперовъ.* Междунар. хлѣбн. рынокъ. 1887. *Клоповъ.* Отчеты по изслѣдов. волжской хлѣбн. торговли. 1887—90. Труды коммиссіи по изслѣдов. хлѣбн. торговли въ Россіи. 1887. *Ѳедоровъ.* Хлѣбн. торговля въ русскихъ портахъ. 1888. *Его-же.* Обзоръ междунар. хлѣбн. торговли. 1889. Матеріалы по разработкѣ тариф. росс. желѣзн. дорогъ. в. I. Тарифы на хлѣбн. грузы. 1889. *Сазоновъ.* Вопросы хлѣбн. промышлен. и торговли. 1891. *Загорскій.* Торгов. обычаи и биржев. прав. *Труды В. Э. О.,* 1893, I *Kohn.* Der Getreideterminhandel. 1889. *Sonndorfer.* Die Technik des Welthandels. 1889. По вопросу о биржевыхъ оборотахъ, см. *Нисселовичъ.* О биржахъ. 1879. *Гаттенбергеръ.* Законодательство и биржевая спекуляція. 1887. *Proudhon.* Manuel du spéculateur à la bourse. *Michaelis.* Die wirthschaftliche Rolle des Speculationshandels. Volkswirt. Schriften. II. 1873. *Guillard.* Les opérations de bourse. 1877. *Cohn.* Zeitgeschäfte u. Differenzges. *Jahrbuch.* f. Nationalökon. VII. *Courtois-fils.* Des opérations de bourse. 10 изд. 1888. *Siefried.* Die Börse u. die Börsengeschäfte. 1887. *Haupt.* Arbitrages et parités. 1887. Ср. также *Головачовъ.* Биржевая игра. *Отеч. Зап.* 1875, X. Дальнѣйшія указ. на литературу, см. въ Handwörterb. der Staatswissensch., II, III и IV.

Подъ *торговлей* принято разумѣть промыслообразное занятіе покупкой и продажей товаровъ съ цѣлью полученія прибыли. Не слѣдуетъ отожествлять торговлю съ обмѣномъ въ обширномъ смыслѣ: къ послѣднему относятся и всѣ сдѣлки по куплѣ-продажѣ, не составляющія спеціальнаго занятія мѣняющихся сторонъ въ видахъ полученія прибыли: каждый потребитель участвуетъ въ обмѣнѣ, когда пріобрѣтаетъ товары для собственнаго потребленія; производитель продаетъ свой продуктъ непосредственно потребителю; человѣкъ продаетъ изъ своего хозяйства предметы, когда они ненужны ему или когда онъ имѣетъ надобность въ деньгахъ. Всѣ подобные акты обмѣна не подходятъ подъ понятіе о торговлѣ. Торговецъ имѣетъ своимъ спеціальнымъ занятіемъ покупку товаровъ для продажи ихъ по болѣе высокой цѣнѣ. Онъ не совершаетъ преобразованія купленныхъ благъ; его роль въ народномъ хозяйствѣ ограничивается тѣмъ, что онъ доставляетъ потребителямъ товары въ такое время, въ томъ мѣстѣ и томъ количествѣ, какъ для нихъ болѣе удобно.

Торговыя дѣйствія могутъ быть сведены въ нѣсколько группъ. Если мы остановимся на предметѣ торговыхъ дѣйствій, то торговля можетъ быть разбита на два обширныхъ класса. 1) Торговля товарами; этотъ классъ распадается на два особыхъ вида: а) торговля товарами въ тѣсномъ смыслѣ и б) недвижимостями—домами, участками земли. 2) Второй классъ образуетъ торговля цѣнными бумагами. Сюда относятся какъ кредитные документы всѣхъ видовъ, такъ и паи, акціи. Въ составъ предметовъ, которыми торгуютъ представители этого класса, входятъ также благородные металлы.—Различая торговыя дѣйствія по количеству товаровъ,

которое составляетъ предметъ отдѣльныхъ сдѣлокъ, мы получаемъ оптовую торговлю и розничную. При оптовой торговлѣ товары продаются большими массами и поступаютъ обыкновенно къ розничнымъ торговцамъ, а послѣдніе продаютъ ихъ потребителямъ. Дѣленіе торговцевъ на оптовыхъ и розничныхъ не легко примѣнить къ торговцамъ цѣнными бумагами, по самому характеру этихъ торговыхъ оборотовъ. Оптовые торговцы товарами обыкновенно ограничиваютъ свои обороты однимъ или немногими родами товаровъ—хлѣбомъ, чаемъ, лѣснымъ матеріаломъ. Розничные торговцы, для удобства потребителей, совершаютъ обороты съ весьма разнообразными товарами, которые отвѣчаютъ на потребности извѣстнаго класса (такова, напр., бакалейная лавка, предлагающая разные товары для удовлетворенія потребности въ пищѣ, скобяная лавка, мануфактурная и прочія). Оптовая и розничная торговля товарами требуетъ различныхъ помѣщеній, неодинаковой подготовки, различнаго служебнаго персонала. При оптовыхъ же и розничныхъ оборотахъ съ цѣнными бумагами необходимы почти одни и тѣ же условія; въ одной маленькой комнатѣ могутъ быть совершаемы и многочисленные обороты съ разными цѣнными бумагами и сдѣлки на очень маленькія суммы. Вотъ почему въ этой области всего правильнѣе различать оптовую и розничную торговлю не по роду оборотовъ, а по ихъ размѣрамъ. Въ географическомъ отношеніи слѣдуетъ различать внутреннюю торговлю, которая ограничивается предѣлами данной страны, и внѣшнюю, охватывающую торговыя сношенія за предѣлами государства. Внѣшняя торговля, имѣя своимъ предметомъ ввозъ товаровъ изъ-заграницы, есть ввозная, а вывозъ—вывозная. Наконецъ, транзитная торговля обнимаетъ всѣ тѣ обороты, посредствомъ которыхъ торговецъ покупаетъ товары за границей, дабы продавать ихъ не въ своемъ отечествѣ, а въ какой-либо другой иноземной странѣ. Міровую торговлю образуетъ совокупность торговыхъ сношеній между разными странами и народами.—Укажемъ также на различіе между торговлей осѣдлой и передвижной. Въ первомъ случаѣ торговецъ имѣетъ постоянное мѣстопребываніе, на которомъ онъ и занимается своимъ промысломъ. Во второмъ случаѣ онъ передвигается со своими товарами пѣшкомъ или иными способами въ предѣлахъ страны или изъ одной страны въ другую. Такова развозная и разносная торговля. Чѣмъ рѣже населеніе, чѣмъ болѣе отдалены отъ небольшихъ, разсѣянныхъ поселковъ городскіе центры, тѣмъ болѣе развита развозная и разносная торговля. Въ Россіи она не ограничивается тѣми мелкими торговцами, которые съ предметами обычнаго потребленія на лоткѣ передвигаются изъ

улицы въ улицу и продаютъ свои товары, но имѣетъ представителями многія тысячи коробейниковъ (офени, щетинники). Торгуя разнообразными товарами и на значительныя суммы, они проходятъ Россію изъ конца въ конецъ и пробираются далеко на востокъ въ славянскія государства.

Въ торговлѣ преобладаетъ оборотный капиталъ, постоянный же незначителенъ. Крупный оптовый торговецъ часто не нуждается въ складахъ для своихъ товаровъ, такъ какъ многіе склады устраиваются казною, земствами, городами. Капиталъ поперемѣнно является въ одной изъ двухъ формъ—въ товарахъ и деньгахъ. Только небольшая часть рабочей силы, употребляемой въ торговлѣ, представлена простѣйшими грубыми видами труда, чернорабочими (таковы упаковщики, разсыльные). Огромное же большинство, отъ старшихъ, завѣдующихъ предпріятіями, до младшихъ приказчиковъ, состоитъ изъ людей, для которыхъ нужна извѣстная подготовка, по крайней мѣрѣ, начальное образованіе, а также запасъ спеціальныхъ свѣдѣній. Весь этотъ людъ скорѣе долженъ быть отнесенъ къ среднему, нежели къ рабочему классу. Вотъ причина, въ силу которой сфера торговли открываетъ гораздо меньше простора для борьбы между нанимателями и наемниками, нежели сфера производства.

Торговый промыселъ ведется или отдѣльными предпринимателями, или обществами—полнымъ товариществомъ, товариществомъ на вѣрѣ и акціонернымъ обществомъ. Каждый изъ видовъ торговыхъ предпріятій имѣетъ выгоды и недостатки, указанные нами выше.—Во всей сферѣ торговыхъ оборотовъ нужно отличать одну группу, занимающую своеобразное положеніе. Это—скупщики издѣлій ремесленной и, особенно, кустарной промышленности. Со всѣми другими торговцами они имѣютъ ту общую черту, что покупаютъ издѣлія, для продажи ихъ съ барышомъ. Но они стоятъ къ производителямъ въ такихъ отношеніяхъ, что являются какъ бы предпринимателями. Мелкіе промышленники, работающіе со своими семьями по деревнямъ, часто такъ отрѣзаны отъ рынка сбыта издѣлій и рынка добыванія сырыхъ матеріаловъ для промысла, что скупщики легко принимаютъ на себя нѣкоторыя функціи, отличающія хозяевъ промышленныхъ предпріятій. Не имѣя доступа къ мѣстамъ пріобрѣтенія сырья, ни денежныхъ средствъ, чтобы выписывать ихъ съ отдаленныхъ рынковъ, кустари получаютъ сырой матеріалъ отъ скупщика; послѣдній, въ качествѣ пріобрѣтателя этихъ матеріаловъ и распредѣлителя ихъ между промышленниками, исполняетъ функцію предпринимателя. Этотъ мелкій промышленный людъ часто не имѣетъ кредита для пріобрѣтенія и обновленія орудій производства, а потому скупщикъ, служа источ-

никомъ такого кредита, косвенно способствуетъ пріобрѣтенію производителями необходимыхъ имъ орудій; это составляетъ также функціи предпринимателя. Наконецъ, сельскіе кустари, въ отличіе отъ крупныхъ и среднихъ предпринимателей и даже отъ городскихъ ремесленниковъ, не поддерживаютъ прямыхъ и правильныхъ сношеній съ рынками сбыта, а потому и не могутъ слѣдить за измѣненіями въ запросѣ потребителей. И эту обязанность принимаетъ на себя скупщикъ: онъ слѣдитъ за настроеніемъ рынка, пріобрѣтаетъ новыеобразцы издѣлій и руководитъ всѣмъ производствомъ кустарно-промышленнаго раіона. Именно это разнообразіе функцій скупщика и его свобода отъ обязанностей, которыя лежатъ на владѣльцѣ промышленнаго заведенія, дѣлаютъ его положеніе очень выгоднымъ: первое ставитъ кустарей въ полную отъ него зависимость и позволяетъ эксплуатировать гораздо больше, нежели то возможно для торговцевъ другихъ разрядовъ; а вторая, освобождаетъ отъ риска, съ которымъ связано веденіе промышленнаго предпріятія.

Къ торговому классу слѣдуетъ отнести представителей еще нѣкоторыхъ спеціальностей; таковы: коммиссіонеры, маклера и агенты. Первые, исполняя порученія своихъ довѣрителей по продажѣ товаровъ, торгуютъ отъ своего имени, хотя и не за свой счетъ. Маклера вовсе не ведутъ дѣла отъ своего имени; они сводятъ продавцевъ и покупателей и являются посредниками въ тѣсномъ смыслѣ слова. Подъ агентами принято разумѣть тѣхъ представителей торговаго класса, которые исполняютъ дѣловыя порученія отдѣльныхъ торговыхъ домовъ.

Касаясь обычаевъ, которые господствуютъ въ торговомъ классѣ, мы должны отмѣтить чрезмѣрное развитіе кредита, вовсе не вытекающее изъ существа торговыхъ сдѣлокъ; оно часто ведетъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Кредитныя отношенія охватываютъ цѣлой сѣтью всѣхъ участниковъ торговыхъ сдѣлокъ. Розничные торговцы соперничаютъ другъ съ другомъ въ погонѣ за покупателями, отпускаютъ послѣднимъ въ кредитъ на полугодовой и даже годовой срокъ. Это вынуждаетъ ихъ требовать такого же кредита отъ оптовыхъ торговцевъ, а послѣднихъ—отъ производителей. Легкомысленное отношеніе многихъ потребителей къ кредиту, надежда, что, авось, въ будущемъ найдутся средства уплатить за товары, купленные въ долгъ, побуждаетъ ихъ пользоваться кредитомъ слишкомъ широко, затягивать расплату, быть причиной несостоятельности розничныхъ торговцевъ, которая нерѣдко ведетъ къ банкротству оптовыхъ торговцевъ и колеблетъ промышленныя предпріятія.

Торговля товарами каждой группы имѣетъ свои техническія

особенности. Въ торговлѣ сырыми туземными произведеніями участвуетъ всего менѣе посредниковъ: хлѣбъ, масло, молочные продукты, разныя произведенія земледѣлія очень часто поступаютъ отъ производителей непосредственно къ розничнымъ торговцамъ. Товары, привозимые изъ-за границы, уже по отдаленности рынковъ, на которыхъ они пріобрѣтаются, поступаютъ первоначально къ оптовымъ торговцамъ и уже отъ нихъ—къ розничнымъ. Фабрикаты также гораздо рѣже служатъ предметомъ оптовой торговли: они большею частью поступаютъ отъ производителей къ розничнымъ торговцамъ.

Интересенъ вопросъ о сравнительной важности для страны внутренняго и иноземнаго рынковъ, о взаимномъ отношеніи товаровъ, вывозимыхъ заграницу, и тѣхъ туземныхъ произведеній, которыя потребляются внутри страны. Въ различныхъ странахъ это отношеніе не одно и тоже: чѣмъ выше благосостояніе народа и его хозяйственное развитіе, тѣмъ больше значенія имѣетъ для него внѣшняя торговля, тѣмъ абсолютно и относительно бо́льшую массу товаровъ вывозитъ онъ на иноземные рынки. Вычисляютъ, что Франція вывозитъ за границу $^1/_7$ туземныхъ произведеній (по цѣнности), Германія—$^2/_9$. Великобританія—$^2/_7$, Бельгія болѣе $^1/_3$. Такимъ образомъ, хотя внутренній рынокъ болѣе важенъ, нежели внѣшній, но послѣдній имѣетъ большое значеніе для всѣхъ экономически развитыхъ народовъ.

Торговый оборотъ совершается при помощи разнообразныхъ пріемовъ; нѣкоторые изъ нихъ сложились очень давно и образуютъ цѣлую систему. Первымъ правиломъ благоразумія служитъ для каждаго торговца возможно дешевая покупка товаровъ, знакомство съ товарами, съ главными рынками, со временемъ года, когда цѣны наиболѣе низки—вотъ условія, которыя облегчаютъ рѣшеніе этой задачи. Если закупка товаровъ производится за границей, то торговецъ въ странѣ съ обезцѣнившимися бумажными деньгами долженъ внимательно слѣдить за состояніемъ вексельнаго курса и платить за пріобрѣтенные товары въ такой иностранной валютѣ, какъ то въ настоящее время болѣе выгодно. Конечнымъ пунктомъ торговой сдѣлки служитъ продажа товаровъ по наивысшей цѣнѣ. Въ этихъ видахъ торговцы пользуются рекламами—объявленіями въ газетахъ, на стѣнахъ, раздачей летучихъ листковъ на бойкихъ городскихъ улицахъ, выставкой товаровъ въ окнахъ торговыхъ помѣщеній, разсылкой разъѣзжихъ приказчиковъ съ образцами и проч. Ярмарки занимаютъ выдающееся мѣсто среди мѣръ, которыя способствутъ развитію торговли.

На низкомъ уровнѣ хозяйственнаго развитія ярмарки имѣютъ

очень большую важность. Неудобопроѣздные пути сообщенія мѣшаютъ періодически правильному подвозу товаровъ во всѣ мѣста страны, а потому и избираются извѣстные пункты, куда въ опредѣленное время свозятся различные товары. На нижегородскую ярмарку, самую большую въ свѣтѣ, привозится товаровъ на 170—200 милліоновъ рублей. Цѣнность товаровъ, привозимыхъ на ирбитскую ярмарку и крещенскую и троицкую въ Харьковѣ составляетъ также десятки милліоновъ. Большія ярмарки, устроиваемыя одинъ или нѣсколько разъ въ годъ, теряютъ значеніе по мѣрѣ того, какъ совершенствуются пути, и торговцы или потребители могутъ во всякое время запасаться нужными имъ товарами. Ярмарки, подобныя нижегородской или южно-русскимъ, дѣлаются излишними при той густотѣ населенія, какъ въ западной Европѣ. Но и при такомъ хозяйственномъ развитіи сохраняютъ значеніе спеціальныя ярмарки и еженедѣльные базары. Первыя напр., скотскія или конныя ярмарки, собираютъ большое количество скота, разсѣяннаго по отдѣльнымъ хозяйствамъ, даютъ покупателю большой выборъ, избавляютъ его отъ необходимости отыскивать нужный скотъ по многочисленнымъ хозяйствамъ. Базары, назначаемые на извѣстные дни недѣли или передъ большими праздниками, сосредоточиваютъ съѣстные припасы и нѣкоторые другіе предметы общаго потребленія. Они полезны въ томъ отношеніи, что соперничаютъ съ мѣстными торговцами и заставляютъ ихъ понижать цѣну.

Ярмарка служитъ мѣстомъ съѣзда торговыхъ людей и покупателей и мѣстомъ скопленія товаровъ. Биржа является особымъ центральнымъ мѣстомъ для торговыхъ сношеній. Биржей, въ тѣсномъ смыслѣ, являются такія мѣста соединенія покупателей и продавцевъ, гдѣ нѣтъ на лицо (въ отличіе ярмарки) предлагаемыхъ къ продажѣ товаровъ. На биржахъ совершаются сдѣлки по поставкѣ данныхъ товаровъ въ извѣстное время и извѣстномъ мѣстѣ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи успѣшно развились спеціальныя биржи, соединяющія людей, которые торгуютъ одними и тѣми же товарами, хлѣбомъ, шерстью; отсюда—хлѣбныя, шерстяныя биржи. Биржи, гдѣ совершается оборотъ съ цѣнными бумагами, не нуждаются въ особыхъ помѣщеніяхъ для товаровъ.

Торговые обороты съ цѣнными бумагами представляютъ такъ много особенностей, что сложилась своеобразная техника биржевого дѣла. Всѣ торговыя дѣйствія съ цѣнными бумагами, подобно тому, какъ и съ товарами, имѣютъ цѣлью покупку по дешевой и продажу по дорогой цѣнѣ. Цѣнныя бумаги, въ зависимости отъ условій, которыя повышаютъ и понижаютъ ихъ цѣну, могутъ быть

разбиты на два класса: кредитные документы и акціи. Къ первымъ принадлежатъ переводные векселя, употребляемые для платежей за-границей; ихъ цѣна колеблется согласно съ тѣмъ, велико или мало ихъ предложеніе. Сюда нужно отнести также обезцѣнившіяся бумажныя деньги, ибо онѣ служатъ предметомъ оживленныхъ биржевыхъ сдѣлокъ. Ко второй группѣ относятся акціи промышленныхъ и торговыхъ предпріятій; ихъ цѣны повышаются и понижаются въ зависимости отъ того, какъ велики ожидаемые биржей доходы даннаго предпріятія въ близкомъ будущемъ. Если акція промышленнаго предпріятія, при доходѣ 15 рублей въ годъ, стоитъ 250 рублей, то предположеніе, что доходъ возрастетъ до 20 рублей, поднимаетъ цѣну акцій и наоборотъ.

Торговля иностранными переводными векселями принимаетъ форму посреднической или арбитража. Для сдѣлокъ перваго рода банкиръ имѣетъ запасъ иностранныхъ векселей, который онъ постоянно пополняетъ покупкою у тѣхъ, кому предстоитъ получать платежъ изъ-заграницы. Тѣмъ-же, кто долженъ платить за-границу, онъ или прямо продаетъ девизы (векселя на заграницу) или даетъ на своихъ иностранныхъ корреспондентовъ переводные векселя на суммы, которыя должны быть уплачены его клієнтами, и посылаетъ своимъ корреспондентамъ купленные девизы въ качествѣ прикрытія. Если векселя, выданные на извѣстную страну, недостаточны, чтобы покрыть всю потребность въ платежѣ, то банкиры, которые принимаютъ на себя посредничество, восполняютъ пробѣлъ векселями на своихъ корреспондентовъ, которымъ они даютъ обезпеченіе пересылкой золота или цѣнныхъ бумагъ. Лондонъ занимаетъ первое мѣсто по своему всемірно-посредническому положенію. Онъ служитъ посредникомъ при платежахъ между покупателями и продавцами, принадлежащими къ городамъ, которые не поддерживаютъ между собою прямыхъ сношеній.—Для заграничныхъ платежей, на ряду съ векселями, употребляются также иностранныя бумажныя деньги и банковые билеты. Пока эти цѣнныя бумаги имѣютъ своимъ основаніемъ стойкую металлическую валюту, они не занимаютъ виднаго мѣста въ торговомъ оборотѣ. Но какъ скоро онѣ служатъ представителями неустойчивой бумажно-денежной валюты, онѣ становятся излюбленнымъ предметомъ спекуляціи; измѣненія курса представляютъ нерѣдко источникъ крупнаго обогащенія для банкировъ, которые торгуютъ этими цѣнностями. Монеты иноземныхъ государствъ, въ виду измѣненій ихъ цѣнности, также стоятъ на ряду съ цѣнными бумагами.

Подъ арбитражемъ разумѣются всѣ тѣ торговые обороты, посредствомъ которыхъ изыскиваются средства къ наиболѣе выгод-

ному произведенію за-границею платежей и полученію оттуда суммъ, предстоящихъ къ уплатѣ. Въ этихъ видахъ векселя и другія орудія международныхъ платежей покупаются и продаются на различныхъ биржахъ, тамъ, гдѣ то представляется въ данное время болѣе выгоднымъ.

Еще въ двадцатыхъ годахъ настоящаго вѣка векселя были единственными цѣнными бумагами, съ которыми совершались крупные биржевые обороты. Но съ тѣхъ поръ различныя капитальныя цѣнности получили выдающееся значеніе. Всѣ капитальныя бумаги, приносящія доходъ (акціи, паи) должны, согласно со своей природой, служить постояннымъ и прочнымъ помѣщеніемъ капитала. Но такъ какъ доходность ихъ измѣняется изъ года въ годъ, то цѣны ихъ испытываютъ частыя колебанія и они служатъ предметомъ оживленныхъ биржевыхъ оборотовъ. Основаніе акціонернаго общества еще не образуетъ торговой операціи; однако, нерѣдко бываетъ такъ, что учредители, доставляя на рынокъ выпущенныя бумаги, тотчасъ же поднимаютъ на нихъ цѣну. При выпускѣ государственныхъ займовъ торговый людъ принимаетъ уже болѣе близкое участіе. Государства, имѣющія прочный кредитъ, могутъ прямо обращаться къ публикѣ и помѣщать свои займы безъ посредничества торговцевъ. Но и такія государства, особенно при заключеніи небольшихъ займовъ, предпочитаютъ, для сбереженія времени, поручать банкирамъ помѣщеніе займовъ. Чѣмъ слабѣе кредитъ государства, заключающаго заемъ, тѣмъ бо́льшія выгоды извлекаютъ банкиры изъ такого посредничества: они принимаютъ заемъ за свой счетъ по извѣстному курсу, а затѣмъ помѣщаютъ его на биржу по болѣе высокой цѣнѣ. Но главные биржевые обороты производятся съ цѣнными бумагами, которыя уже выпущены. Въ этихъ оборотахъ принимаютъ участіе какъ лица торговаго класса, такъ и другіе владѣльцы денежныхъ капиталовъ. На биржѣ многія покупки совершаются за наличныя деньги; но гораздо большая масса сдѣлокъ совершается при помощи кредита и носитъ характеръ спекуляціи. Владѣльцы цѣнныхъ бумагъ или денегъ вносятъ ихъ на текущій счетъ въ банкъ и подъ это обезпеченіе снова покупаютъ цѣнныя бумаги, чтобы выиграть при возвышеніи ихъ цѣны. Такъ какъ покупаемыя ими бумаги не выдаются имъ на руки, а остаются въ залогѣ у того же банкира, то покупки могутъ быть производимы въ размѣрахъ, въ 10—20 разъ превосходящихъ денежныя средства покупателя. Предположимъ, что лицо А внесло банкиру вкладъ въ 1000 рублей. Если цѣнныя бумаги, имъ покупаемыя, отличаются солидностью, то, при помѣщеніи ихъ залогомъ у того же банкира, можно купить ихъ на 10000—20000;

онѣ сами служатъ прикрытіемъ суммы, которая за нихъ уплачена, а находящіеся на текущемъ счету 1000 рублей служатъ для банкира дополнительнымъ обезпеченіемъ на случай паденія цѣны бумагъ ниже уровня при покупкѣ. Эти сдѣлки не связаны съ опредѣленнымъ срокомъ. Такъ какъ банкиръ имѣетъ достаточное обезпеченіе открытаго кредита, то купившій цѣнныя бумаги держитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока повышеніе цѣны не дѣлаетъ выгодною ихъ продажу. Повышеніе можетъ наступить чрезъ нѣсколько дней, недѣль, мѣсяцевъ и даже лѣтъ послѣ покупки цѣнныхъ бумагъ.

Инымъ характеромъ отличаются срочныя сдѣлки, сдѣлки «на разность». Заканчиваясь 30-го или 15-го числа даннаго мѣсяца, онѣ открываютъ широкое поле для крупныхъ выигрышей и большихъ убытковъ. Спекулянтъ, разсчитывая, что цѣна акціи, стоющей въ началѣ ноября 300 рублей, поднимется чрезъ нѣсколько дней до 320, покупаетъ эти акціи съ условіемъ принять ихъ 30-го ноября. Онъ заключаетъ такую сдѣлку въ надеждѣ продать эти акціи по цѣнѣ выше 300 до срока, когда долженъ принять ихъ. Эти спекулянты называются *повышательной* партіей, такъ какъ они выигрываютъ отъ повышенія цѣны бумагъ и заинтересованы во всѣхъ обстоятельствахъ, которыя способствуютъ повышенію. Спекулянтъ *понижательной* партіи продаетъ цѣнныя бумаги на срокъ, обязуется сдать ихъ по 300 рублей, положимъ, 30 ноября въ надеждѣ, что, до наступленія срока, цѣна ихъ понизится и онъ купитъ ихъ по 280. Для него выгодно пониженіе цѣны бумагъ до истеченія срока. Простѣйшіе виды этихъ оборотовъ состоятъ въ томъ, что спекулянтъ, по поступленіи условленнаго срока, отдаетъ бумаги или принимаетъ ихъ и заканчиваетъ сдѣлку. Обороты становятся болѣе сложными, если, вмѣсто ожидаемаго повышенія цѣны, она понизилась или, вмѣсто ожидаемаго пониженія, повысилась. Бываетъ и такъ, что повышеніе или пониженіе цѣны произошло, но въ меньшей степени, нежели того ожидали, и спекулянты не хотятъ понести убытокъ, разсчитывая получить выигрышъ позднѣе, напр., въ концѣ слѣдующаго мѣсяца. Положимъ, что повышатель купилъ акціи по 300 рублей на 30 ноября. Цѣна въ ноябрѣ не повысилась, а потому, чтобы не терять, спекулянтъ продаетъ ихъ 30 ноября банкиру по биржевой цѣнѣ, положимъ 300, и тотчасъ же покупаетъ у того же банкира на 30 декабря, въ надеждѣ, что повышеніе цѣны въ декабрѣ позволитъ ему продать акціи съ барышомъ. Банкиръ, купивъ у спекулянта акціи 30 ноября по 300 рублей, тотчасъ же продаетъ ему на 30 декабря не по 300, а по 305, 310, причемъ 5 или 10 рублей служатъ процентомъ банкира за 300 рублей, кредитуемыхъ на 1 мѣсяцъ. Если въ декабрѣ цѣна

поднимется до 320 рублей, то спекулянту останется выигрышъ въ 10—15 рублей.— Къ такому же продленію сдѣлки обращаются и понижатели. Если въ теченіе ноября цѣна не понизилась настолько, чтобы сдѣлать для нихъ выгодной покупку бумагъ, то 30 ноября они покупаютъ бумагу у банкира, положимъ по 300, и продаютъ ему же на 30 декабря по 295, 290, въ надеждѣ, что пониженіе цѣны въ декабрѣ позволитъ имъ выгодно купить бумаги и сдать банкиру съ барышомъ. Такія сдѣлки нерѣдко растягиваются на нѣсколько мѣсяцевъ. Эти обороты обозначаются терминами *репорта* и *депорта*. Первый есть видъ закладного кредита, причемъ банкиръ, дающій деньги (покупающій цѣнныя бумаги), получаетъ эти цѣнныя бумаги въ качествѣ обезпеченія; вторая операція носитъ характеръ дачи въ ссуду процентныхъ бумагъ до слѣдующей мѣсячной ликвидаціи.

Въ экономической литературѣ не рѣдко высказывалось мнѣніе о непроизводительности торговли. Мы находимъ такое воззрѣніе у многихъ древнихъ писателей языческаго міра и отцовъ церкви. Физіократы, исходя изъ того положенія, что торговля не преобразуетъ вещества, относили торговцевъ къ непроизводительнымъ классамъ.

Въ новѣйшее время мнѣніе о непроизводительности торговли нашло энергическаго сторонника въ лицѣ американца Кэри. Однако, нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Торговля обнимаетъ много разнообразныхъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ товары ставятся къ услугамъ потребителей. Торговецъ заботится, главнымъ образомъ, о перемѣщеніи товаровъ въ опредѣленное время и мѣсто и о скопленіи въ одномъ и томъ же мѣстѣ товаровъ, которые, образуя одно систематическое цѣлое (напр., предметы пищи или отдѣльные классы предметовъ пищи), покупаются одновременно. Такимъ образомъ, большая часть торговыхъ дѣйствій состоитъ въ перемѣщеніи товаровъ. Независимо отъ полезности и необходимости этихъ дѣйствій для потребителей, они должны быть отнесены къ производительнымъ и потому, что процессъ производства въ тѣсномъ смыслѣ слова обнимаетъ много актовъ, состоящихъ въ перемѣщеніи благъ: металлы передвигаются изъ рудниковъ на заводы, шерсть и хлопокъ—изъ овцеводческихъ хозяйствъ и плантацій на фабрики. Процессъ преобразованія вещества (или производства въ тѣсномъ смыслѣ слова) не можетъ быть выполненъ безъ передвиженія сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ. Процессъ производства не можетъ считаться оконченнымъ до тѣхъ поръ, пока не совершилось послѣднее перемѣщеніе продуктовъ къ потребителямъ. Поэтому торговыя дѣйствія съ товарами произво-

дительны. Существо ихъ не измѣняется отъ того, ведутъ ли ихъ производители или особый классъ—торговцы. Образованіе особаго класса торговцевъ основано на томъ же принципѣ, который проникаетъ общественное раздѣленіе труда. Запасъ денежныхъ капиталовъ въ рукахъ людей, не ведущихъ производства, позволяетъ имъ или вести торговые обороты, или выдавать въ ссуду для веденія торговли. Какъ въ предѣлахъ одной страны торговля способствуетъ распредѣленію различныхъ отраслей производства по территоріи согласно съ выгодами, которыя представляютъ для промышленности отдѣльныя области, такъ въ отношеніяхъ между народами она позволяетъ каждому государству сосредоточиваться преимущественно на тѣхъ отрасляхъ производства, которыя находятся въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. Англійскіе экономисты-классики установили положеніе, что два народа могутъ съ обоюдною выгодою обмѣниваться продуктами, если одинъ изъ нихъ во всѣхъ отрасляхъ труда стоитъ далеко впереди и если у него всѣ товары могутъ быть добываемы и изготовляемы болѣе дешево. Такъ, напр., если Англія производитъ дешевле, чѣмъ Россія, и сукно и полотно, то русскія полотна могутъ съ выгодою обмѣниваться на англійскія сукна, разъ она пользуется большимъ преимуществомъ въ производствѣ сукна, чѣмъ въ производствѣ полотна. Сосредоточивая свои силы на производствѣ сукна, она получаетъ выигрышъ; будетъ имѣть выгоды и Россія отъ сосредоточенія своего труда на изготовленіи полотна. Допустимъ, что данное количество сукна стоитъ въ Англіи 100 дней, а въ Россіи—200 дней труда, а данное количество полотна въ Англіи — 125, въ Россіи же—150 дней труда: обѣ страны могутъ съ выгодою обмѣниваться этими товарами: производя для себя полотно и сукно, Англія затратила бы 225 дней труда, а Россія 350; сосредоточеніе же въ Англіи рабочихъ силъ на сукнѣ, а въ Россіи на полотнѣ дѣлаетъ для первой необходимымъ употребить только 200 рабочихъ дней, а для второй—300; оба народа сберегутъ (не считая расходовъ на перевозку) 75 рабочихъ дней. Эта выгода международной торговли, отмѣченная Рикардо и Дж. Ст. Миллемъ, связана и съ внутренними торговыми сношеніями. Многія мѣстности приуральскаго края (особенно Пермской губерніи) получаютъ рожь изъ Вятской губерніи, хотя первыя имѣютъ не менѣе благопріятныя условія для производства хлѣба, нежели тотъ край, который снабжаетъ ихъ. Торговыя сношенія, выгодныя для обоихъ округовъ, могутъ поддерживаться между ними потому, что горнозаводскіе округа получаютъ крупный выигрышъ отъ сосредоточенія труда населенія на горнозаводскомъ дѣлѣ.

Развитіе торговли способствуетъ наиболѣе цѣлесообразному географическому распредѣленію въ странѣ производства, если не встрѣчается на пути искусственныхъ мѣръ, которыми правительство стремится дать отечественной промышленности извѣстное направленіе. Это не въ равной степени приложимо къ каждой отдѣльной странѣ и къ совокупности государствъ, связанныхъ торговыми сношеніями. Въ отдѣльной странѣ племенное единство населенія, общій языкъ, нравы и обычаи облегчаютъ передвиженіе людей по территоріи и, при достаточно развитой гражданской свободѣ, побуждаютъ устроивать промышленныя заведенія каждаго разряда тамъ, гдѣ это наиболѣе выгодно. Если страна обладаетъ довольно густой сѣтью путей сообщенія и населеніе равномѣрно, то торговля способствуетъ уравненію прибыли и заработной платы. Такіе результаты въ гораздо меньшей степени достигаются даже очень развитой международной торговлей. Капиталы передвигаются изъ одной страны въ другую довольно легко, но люди не такъ охотно оставляютъ родину и избираютъ новую осѣдлость за границей, какъ они мѣняютъ мѣстожительство въ предѣлахъ своего отечества. Бытовыя и политическія связи крѣпко держатъ ихъ на родинѣ. А потому, даже при очень развитой международной торговлѣ, многіе остаются у привычнаго занятія въ своемъ отечествѣ, примиряясь со значительнымъ пониженіемъ прибыли и заработной платы.

Большая часть нападокъ, которымъ подвергаются торговля и торговые классы со стороны науки и практики, можетъ быть признана умѣстною по отношенію къ розничной торговлѣ. Оптовую торговлю нельзя упрекнуть въ томъ, будто она поглощаетъ слишкомъ много силъ, будто число оптовыхъ торговцевъ болѣе велико, нежели то было бы нужно для исполненіи всѣхъ функцій, которыя лежатъ на нихъ; оно не можетъ быть слишкомъ велико уже потому, что для веденія оптовой торговли нуженъ большой капиталъ, а число людей, владѣющихъ крупными капиталами, ограничено. И по существу дѣла въ оптовой торговлѣ не можетъ быть затрачиваемо слишкомъ много капиталовъ и личныхъ силъ: крупныя предпріятія, разъ они проложили себѣ путь въ извѣстную область, проявляютъ очень сильную наклонность къ монополизированію данной отрасли, къ поглощенію менѣе крупныхъ торговыхъ единицъ. Нѣтъ основанія обрушиваться на оптовую торговлю и за тѣ разнообразныя ухищренія и мошенническія продѣлки, которыя обнаруживаются въ ней и которыя по отношенію, напр., къ русской хлѣбной торговлѣ, всѣмъ извѣстны и стали общимъ мѣстомъ. Мошенническія продѣлки, еще болѣе частыя въ розничной торговлѣ, нежели оптовой, не связаны съ существомъ торговыхъ сдѣлокъ, а обусловливаются уровнемъ

культуры въ данной странѣ. Лицо, недобросовѣстное въ торговлѣ, будетъ недобросовѣстно и въ каждомъ иномъ занятіи.

Розничная же торговля въ значительной мѣрѣ заслуживаетъ упреки, которые дѣлаютъ вообще торговому классу. 1) Она поглощаетъ гораздо больше личныхъ силъ и отчасти средствъ, нежели то было бы нужно для раздробительной продажи товаровъ. Она привлекаетъ къ себѣ весьма многихъ людей съ маленькими денежными средствами потому, что служитъ очень легкимъ занятіемъ, не требуетъ отъ человѣка большого напряженія силъ. Лавочникъ можетъ спокойно сидѣть за прилавкомъ въ ожиданіи покупателя; даже при очень оживленномъ сбытѣ онъ работаетъ далеко не такъ напряженно, какъ фабричный работникъ или самостоятельный ремесленникъ. Сюда привлекаютъ многихъ соображенія и о томъ, что маленькій капиталъ, доставляя относительно большой доходъ, даетъ человѣку достаточное обезпеченіе. По вычисленіямъ, которыя были сдѣланы въ Парижѣ, розничныя цѣны превосходятъ оптовыя на 12—25% для молочныхъ продуктовъ, на 60%—для чаю, на 50—100% для риса и высшихъ сортовъ муки. Вслѣдствіе этого возникаетъ множество розничныхъ лавокъ, и значительная часть рабочей силы лавковладѣльцевъ и ихъ расходовъ на помѣщеніе, отопленіе и проч. составляетъ прямую потерю для народнаго хозяйства. 2) Розничная торговля, какъ показываютъ приведенныя цифры, сильно удорожаетъ товары: здѣсь стороны не равносильны. Въ оптовой торговлѣ контрагентами (таковы оптовый торговецъ и покупающій у него розничный) являются лица, для которыхъ купля-продажа служитъ спеціальнымъ занятіемъ, лица, равно знакомыя съ состояніемъ рынка, цѣнами; они и желаютъ получить отъ купли-продажи наибольшую выгоду и имѣютъ для этого полную возможность. Въ розничной торговлѣ продавцу-спеціалисту противостоитъ потребитель, очень поверхностно знакомый съ состояніемъ рынка и цѣнами товаровъ. При мелкихъ покупкахъ потребители достаточныхъ классовъ вовсе не цѣнятъ маленькихъ сбереженій, которыя могутъ быть сдѣланы. 3) Со второй темной стороной связана и третья—очень распространенная поддѣлка товаровъ, продажа, вмѣсто тѣхъ или другихъ предметовъ, ихъ суррогатовъ. Малая опытность большинства потребителей относительно многихъ товаровъ (чай, кофе, вино, пиво) облегчаетъ поддѣлки и пользованіе суррогатами, а большое соперничество между розничными торговцами и трудность выдерживать борьбу при очень маломъ капиталѣ заставляетъ многихъ людей этого класса широко пользоваться такими пріемами.

Въ послѣднія десятилѣтія сложились новые типы торговыхъ предпріятій, которыя направлены на сокращеніе розничной тор-

говли. Во-первыхъ, большіе магазины, ведущіе розничную торговлю въ огромныхъ размѣрахъ. Въ Парижѣ, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ есть магазины, торгующіе самыми разнообразными предметами потребленія, съ годовымъ оборотомъ въ милліоны и десятки милліоновъ рублей. Такіе магазины, благодаря относительно меньшимъ расходамъ на наемъ помѣщенія, отопленіе, благодаря цѣлесообразному раздѣленію труда между приказчиками, могутъ продавать товары значительно дешевле. А продавать товары хорошаго качества побуждаетъ ихъ также сознаніе, что они могутъ поддерживать свою репутацію и сохранять за собой большое число покупателей только при добросовѣстномъ веденіи дѣла. Вторымъ типомъ служатъ потребительныя товарищества. Въ отношеніи техническомъ они представляютъ полное сходство съ первымъ типомъ, но экономически обладаютъ тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что члены, связанные артельнымъ началомъ, получаютъ очень крупныя сбереженія при закупкѣ товаровъ въ складахъ потребительныхъ обществъ. Потребительныя товарищества достигли наибольшаго развитія въ Англіи; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ многомилліонные годовые обороты. Нужно признать полезными предпріятія этихъ обоихъ видовъ. Какъ въ области производства мелкія промышленныя заведенія уступаютъ крупнымъ, такъ и въ области розничной торговли крупныя торговыя предпріятія, основанныя на коммерческомъ началѣ (акціонерные магазины) и на началѣ артельномъ (потребительныя общества), должны вытѣснить мелкую розничную торговлю. Насколько для послѣдней непосильна эта борьба, видно изъ ожесточенной вражды, съ которой во многихъ городахъ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи мелкіе розничные торговцы относятся къ большимъ магазинамъ и потребительнымъ товариществамъ.

Признавая полезность торговли товарами при правильномъ, періодическомъ пріобрѣтеніи ихъ и продажѣ, мы должны совсѣмъ иначе отнестись къ спекуляціи. Спекуляція, образуя также видъ торговли, отличается лихорадочнымъ движеніемъ. Торговцы, въ ожиданіи высокихъ цѣнъ на какой-либо товаръ, закупаютъ большіе запасы и начинаютъ продавать не прежде, чѣмъ наступило большое повышеніе цѣны, которое даетъ скупщикамъ барыши, далеко превосходящіе средній уровень. Всякій товаръ можетъ быть предметомъ спекуляціи: но особенно благодарное поле представляютъ для спекулятивной дѣятельности тѣ товары, которые служатъ предметами необходимаго потребленія и количество которыхъ не можетъ быть произвольно увеличиваемо; первое мѣсто между ними изстари занимаетъ хлѣбъ. Такъ какъ спекулятивная закупка товаровъ искус-

ственно вызываетъ въ нихъ недостатокъ и возвышаетъ ихъ цѣну, то она должна быть признана вредною съ точки зрѣнія народнаго хозяйства. За послѣднія десятилѣтія торговцы очень часто устраиваютъ стачки. Въ Соединенныхъ Штатахъ союзы торговцевъ (trusts) хлѣбомъ, нефтью и другими товарами достигаютъ очень большихъ размѣровъ; владѣя огромными капиталами, они разоряютъ промышленниковъ, которые, не приставъ къ нимъ, имѣютъ смѣлость вступить съ ними въ соперничество. Изъ европейскихъ государствъ они распространились особенно успѣшно въ Германіи; въ началѣ 1891 года ихъ (картелей) насчитывалось въ Германіи болѣе 100. Дѣятельность всѣхъ предпріятій, вступающихъ въ стачку, строго упорядочивается относительно цѣны товаровъ, количества, предположеннаго къ производству, времени и мѣста сбыта и т. д.[1]).

Торговля цѣнными бумагами, уступая по важности торговлѣ товарами, также имѣетъ народнохозяйственное значеніе. Биржевые обороты съ переводными векселями, посредствомъ которыхъ совершаются заграничные платежи, становятся необходимы, какъ скоро страна участвуетъ въ международномъ обмѣнѣ. Можно признать полезность оборотовъ по покупкѣ и продажѣ цѣнныхъ бумагъ, насколько эти обороты содѣйствуютъ размѣщенію цѣнныхъ бумагъ въ средѣ капиталистовъ. Но биржевая игра, срочныя сдѣлки лишены всякого народнохозяйственнаго значенія: что выигрываетъ одинъ, то проигрываетъ другой. Биржевую игру можно считать умѣренно вредной до тѣхъ поръ, пока въ ней участвуютъ только группы биржевыхъ дѣльцовъ, отставшихъ отъ серьезнаго труда или вовсе къ нему неспособныхъ. Но она приноситъ большой вредъ, имѣетъ развращающее вліяніе, какъ скоро привлекаетъ къ себѣ людей изъ такихъ группъ населенія, которыя занимаются правильнымъ трудомъ: удачныя биржевыя сдѣлки нерѣдко отталкиваютъ многихъ изъ нихъ отъ обычныхъ, полезныхъ для общества занятій.

Все сказанное позволяетъ установить такія общія начала для внутренней торговой политики. 1) Торговля внутри государства должна пользоваться наибольшей свободой. Требованіе свободы содержитъ въ себѣ осужденіе всѣхъ мѣропріятій, посредствомъ которыхъ правительство старается искусственно развить торговлю въ какой-либо одной области государства, съ пренебреженіемъ къ другимъ областямъ (особыя льготы, субсидіи и проч.). Требованіе свободы не примиряется также съ запрещеніемъ кому-либо вести торговое предпріятіе, разъ лицо выполнило необходимыя формальности. 2) Можно оправдать ограниченіе свободы относительно тѣхъ видовъ торговли, гдѣ обществу можетъ быть нанесенъ значительный

ущербъ. Такова прежде всего скупка хлѣба. Необходимость этого предмета для всего населенія, тяжелыя послѣдствія, которыя влечетъ за собою недостатокъ хлѣба для бѣднѣйшихъ классовъ, особенно возмутительная для нравственнаго чувства жажда наживы въ такое время, когда бѣднѣйшіе люди страдаютъ отъ голода—все это оправдываетъ вмѣшательство государства въ хлѣбную торговлю. Слѣдуетъ одобрить также извѣстныя ограниченія торговли ядовитыми и сильно дѣйствующими веществами. — Повидимому, полезно ограниченіе и даже запрещеніе биржевой игры. Факты показываютъ, однако, что эти ограниченія не приводятъ къ цѣли: биржевые обороты съ цѣнными бумагами не оставляютъ матеріальнаго слѣда, а потому биржевыя сдѣлки всегда могутъ скрыться отъ преслѣдованія закона. Но государственная власть можетъ препятствовать развитію и оживленію этихъ сдѣлокъ такой финансовой политикой: а) Полнымъ воздержаніемъ отъ заключенія лоттерейныхъ займовъ и запрещеніемъ такихъ займовъ въ земскихъ и городскихъ финансовыхъ хозяйствахъ, такъ какъ они служатъ любимымъ предметомъ биржевой спекуляціи. б) Помѣщеніемъ государственныхъ займовъ прямо въ публикѣ посредствомъ подписки въ государственныхъ учрежденіяхъ: такой порядокъ способствуетъ переходу большей части облигацій государственныхъ долговъ въ руки лицъ, желающихъ прочно помѣстить сбереженія. в) Въ странѣ, гдѣ государству принадлежатъ самыя крупныя кредитныя учрежденія, правительство имѣетъ отличное средство противъ биржевой игры: отвлеченіе свободныхъ капиталовъ изъ крупныхъ торговыхъ средоточій и направленіе ихъ въ мелкіе города и поселенія для потребностей сельскаго хозяйства и мелкой промышленности. При такомъ порядкѣ замедляется переполненіе биржи процентными бумагами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Политика внѣшней торговли.

Литература. *Ад. Смитъ.* О богат. народ. *Рикардо.* Основанія. *Дж. Ст. Милль.* Основанія. *Янжулъ.* Англійская свободн. торговля. 2 т. 1876 и 1882. Въ пользу покровител. таможен. политики. *List.* Das nationale System der politisch. Oekonomie. Нов. изд. 1883. *Кэри.* Руководство къ соціальн. наукѣ. *Taussig.* Protection to young industries. 1883. *Менделѣевъ.* Толковый тарифъ. 3 вып. 1891. Въ пользу свободн. торговли см. *Bastiat.* Les sophismes économiques. 2 т. и въ рус. перев. *Chevalier.* Examen du système commercial connu sous le nom de système protecteur. 2 изд. 1852. *Иваниковъ.* Лекціи. *Fawcett.*

Free trade and protection. 1885. *Wells.* Practical Economics. 1887. *George.* Free trade or protection. 1886. *Sumner.* Protectionism. 1887. И въ рус. перев. *Его же.* Lectures on the History of Protection in the United States. 1888. *Исаевъ.* Народное богатство и таможен. политика. *Русск. Мысль.* 1889, VII. *Новиковъ.* Протекціонизмъ. 1891. Дабы ознакомиться со средними воззрѣніями, см. *Roscher.* System. III. *Lexis.* Handel у Schönberg'a, II. *Poinsard.* Libre échange et protection. 1893. Ср. также. *Г. Ю.* Торговый балансъ и его значеніе. *Вѣст. Евр*, 1875, VI. *Головачовъ.* Свобода торговли и протекціонизмъ. *Вѣст. Евр.*, 1876, V. *В. В.* Генри Джорджъ о протекціонизмѣ. *Съв. Вѣст.*, 1886, XII. *Исаевъ.* Протекціонизмъ передъ судомъ новыхъ американск. экономистовъ. *Вѣст. Евр.*, 1888, XI. Для ознакомл. съ русской таможен. политикой мог. служить. *Лодыженскій.* Исторія русск. таможен. тарифа. 1886. Матеріалы къ пересмотру общаго таможен. тарифа по европ. торговлѣ Росс. Имперіи. 1887. Ходатайство Императорскаго Вол. Экон. Общ. объ измѣнен. въ русск. тамож. тарифѣ. 1890. *Радцигъ.* Вліяніе тамож. тарифа на промышлен. *Экон. Журн.*, 1886, XX—XXI. *Его же.* Покровит. система. *Экон. Журн.*, 1889, II—III. *Z.* Излишества и увлеченія протекціонизма. *Вѣст. Евр.*, 1890, XII. *Слонимскій.* Промышл. идеалы и дѣйствительн. *Вѣст. Евр.*, 1891, XI и XII. *Его же.* Нашъ торгов. балансъ. 1892, II. *Его же.* Лже-протекціонизмъ и его результаты. *Вѣст. Евр.*, 1892, III и IV. *Иксъ.* Шапками забросаемъ. *Экон. Журн.*, 1893. О торгов. политикѣ иностр. государствъ, см. Schriften des Vereins für Socialpolitik. XLIX. Die Handelspolitik der wichtigeren Kulturstaaten in den letzten Jahrzehnten 4 B. 1892. О торгов. договорахъ, см. *Boiteau.* Les traités de commerce. 1863. *Kempf.* Die Handelspolitik Frankreichs seit 1860. 1883. *Schraut.* System der Handelsverträge u. d. Meistbegünstigung. 1886. Дальнѣйшія указ. на литературу см. въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, IV.

I.

Въ основаніи сложной системы мѣропріятій, которыя стѣсняютъ свободу внѣшней торговли, лежатъ два факта. 1) Различія между странами частію относительно климата, почвы, запаса минеральныхъ богатствъ и другихъ условій внѣшней природы, а главное относительно трудовой силы и рабочаго искусства населенія. 2) Сознаніе правительства, что наиболѣе многостороннее развитіе производительныхъ силъ туземнаго населенія, купленное даже цѣною значительныхъ жертвъ, облегчаетъ успѣхи хозяйства и упрочиваетъ политическое могущество.

Рѣзкія и неустранимыя различія между странами въ условіяхъ внѣшней природы, въ климатѣ и естественныхъ богатствахъ не могли бы повести къ многочисленнымъ и разнообразнымъ стѣсненіямъ внѣшней торговли, которыя сохранились до настоящаго времени. Если одна страна производитъ чай, кофе, пряности, а другая—хлѣбъ, шерсть, холсты и сукна, если первая изобилуетъ благородными металлами и слоновой костью, а вторая—лѣсомъ и рыбой, то качественныя различія въ родѣ производимыхъ товаровъ

велики, неустранимы; здѣсь нѣтъ почвы для зарожденія и развитія мысли, что всѣ эти продукты жаркихъ странъ могутъ быть добываемы и у народовъ умѣренныхъ поясовъ, а потому нѣтъ основаній для сложной опеки надъ внѣшнею торговлей. Товары, ввозимые изъ такихъ странъ, оплачиваются нерѣдко высокими таможенными налогами; но налоги имѣютъ исключительно финансовое значеніе,— служатъ для пополненія государственной казны.

Къ инымъ послѣдствіямъ приводятъ различія въ трудоспособности населенія и рабочемъ искусствѣ между странами, которыя пользуются приблизительно сходными условіями внѣшней природы. Если внѣшняя природа позволяетъ каждой изъ странъ, которыя поддерживаютъ между собою торговыя сношенія, производить одни и тѣ же продукты добывающей и обработывающей промышленности, то неодинаково высокій уровень общественнаго развитія, различія въ энергіи труда и запасѣ техническихъ знаній не позволяютъ производить эти продукты съ одинаковыми затратами труда и поставлять ихъ по одной и той же цѣнѣ на внутренній или иноземный рынокъ. Россія, Германія, Франція, Англія, Соединенные Штаты могутъ производить и производятъ большую часть товаровъ, которые, вообще, производятся въ предѣлахъ европейско-американскаго міра, но каждая изъ этихъ странъ изготовляетъ извѣстную группу товаровъ при условіяхъ, часто рѣзко отличныхъ отъ тѣхъ, которыми пользуется производство ихъ въ другихъ странахъ. Эти обстоятельства издавна вызываютъ въ наукѣ и правительственныхъ кругахъ вопросъ, насколько оправдывается безпрепятственный ввозъ товаровъ изъ странъ, которые производятся и въ данномъ государствѣ. Психологически этотъ вопросъ въ своемъ простѣйшемъ видѣ представляется вполнѣ естественнымъ. Разъ Россія не производитъ чаю или кофе, то никому изъ русскихъ людей и въ голову не приходитъ изъ соображеній о покровительствѣ туземной промышленности радоваться затрудненію ввоза этихъ товаровъ. Но неудивительно, если правительство и населеніе страны съ неудовольствіемъ смотрятъ на ввозъ изъ за-границы такихъ товаровъ, которые изстари производятся внутри государства. Чувство солидарности между правительствомъ и промышленными классами, независимо отъ всякихъ теорій, вызываетъ желаніе удержать внутренній рынокъ за туземными производителями. А такъ какъ удержаніе за собой рынка, посредствомъ усовершенствованія промышленности, требуетъ разнообразныхъ поощрительныхъ мѣропріятій, для которыхъ нужны развитой умъ и большая твердость воли со стороны руководящихъ круговъ, то обращаются къ нехитрому средству—

вовсе не допускать въ страну заграничныхъ товаровъ или же затруднять ихъ ввозъ различными способами.

Люди обыкновенно стараются найдти разумное основаніе для не разумнаго образа дѣйствій. Въ основѣ стѣсненій, которымъ подвергается ввозъ иноземныхъ товаровъ, лежитъ только борьба туземнаго населенія за существованіе. Но наука постепенно укрѣпляетъ въ обществѣ и правительствѣ убѣжденіе, что страна для развитія своего богатства и даже для упроченія политическаго могущества, должна воспитать разнообразныя отрасли производства, даже всѣ отрасли, которыя мало-малѣски могутъ примириться съ особенностями внѣшней природы. Это убѣжденіе, слагавшееся въ литературѣ отъ времени меркантилистовъ, имѣло вліяніе на правительства и побуждало ихъ искать въ стѣсненіи внѣшней торговли высокими таможенными налогами главнаго средства для развитія внутри страны многихъ отраслей производства. Старались поддерживать не только тѣ, которые укоренились изстари и достигли значительныхъ размѣровъ, но и тѣ, которыя едва зарождались, которыя не имѣли особенно благопріятныхъ условій для развитія и требовали много искусственныхъ мѣропріятій для своего упроченія.

Въ наукѣ и законодательствѣ мы находимъ различные способы формулировать эти побужденія.

Самой грубой формой внѣшней торговой политики служитъ запрещеніе вывозить за предѣлы страны наличныя деньги и благородные металлы. Въ основѣ такой политики, принятой европейскими государствами съ 17 вѣка, лежало ученіе меркантилистовъ, что благородные металлы служатъ главными выразителями богатства. Это и заставляло стремиться къ увеличенію запаса въ странѣ благородныхъ металловъ. Отсюда—теорія такъ называемаго *торговаго баланса*, въ силу котораго считали для страны внѣшнюю торговлю выгодною лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣнность товаровъ, вывозимыхъ изъ страны, превышаетъ цѣнность ввозимыхъ товаровъ и когда за излишекъ страна ежегодно получаетъ съ иностранцевъ приплату благородными металлами.—Мнѣніе о выгодности перевѣса вывоза надъ ввозомъ проистекало изъ невѣрнаго представленія о внѣшней торговлѣ, какъ главномъ источникѣ народнаго богатства. Заблуждались, думая, что страна всего скорѣе богатѣетъ, если получаетъ благородные металлы. Упускали изъ вида что приливъ въ страну не золота и серебра, а различныхъ товаровъ (выражающійся въ перевѣсѣ ввоза надъ вывозомъ) можетъ доставлять странѣ орудія и сырые матеріалы, которые способ-

ствуютъ развитію туземной промышленности и часто могутъ болѣе прочнымъ образомъ увеличивать народное богатство.

Грубая теорія торговаго баланса постепенно уступила мѣсто теоріи *разсчетнаго баланса*. Уже въ 17 вѣкѣ начинали приходить къ заключенію, что результаты одной внѣшней торговли не служатъ ручательствомъ, что страна получитъ отъ иноземцевъ приплату наличными деньгами или должна сама отправлять къ нимъ для уплаты разницы благородные металлы. Будучи связана съ иноземными народами не только торговыми сношеніями, но и разнообразными долговыми обязательствами (уплата за границу процентовъ и погашенія по государственнымъ долгамъ, платежи по долгамъ промышленныхъ обществъ, платежи иностраннымъ желѣзнымъ дорогамъ и судамъ за перевозку товаровъ данной страны и проч.), страна можетъ имѣть благопріятный въ смыслѣ меркантилистовъ торговый балансъ, но не выгодный платежный балансъ и наоборотъ. Такъ, Англія вывезла за 1887 годъ товаровъ на 277 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а привезла на 362 милліона, но, вслѣдствіе выгоднаго платежнаго баланса, вслѣдствіе того, что Англія служитъ заимодавцемъ всего міра, она не только не уплатила за разницу наличными деньгами, а даже ввезла золотомъ излишекъ на 700,000 ф. стерлинговъ (ввезла 10 мил., вывезла 9,3 мил.). Въ Россіи же мы наблюдаемъ въ послѣдніе годы выгодный для насъ торговый балансъ, но не выгодный платежный, и по цѣнности перевѣсъ вывоза благородныхъ металловъ надъ ввозомъ. Вотъ почему теорія торговаго баланса не пригодна и не можетъ оправдать сложную систему таможенныхъ мѣропріятій.

Теперь гораздо чаще пользуются другимъ доводомъ,—что закрытіе для иностранныхъ товаровъ внутренняго рынка развиваетъ туземную промышленность и даетъ заработокъ мѣстному населенію. Этимъ соображеніемъ объясняются и всѣ мѣры, которыя издавна принимались цехами для огражденія ихъ членовъ отъ соперничества другихъ цеховъ, городами для защиты себя отъ промышленности деревень. Въ промышленной борьбѣ между государствами эти мѣры организуются уже на болѣе широкомъ основаніи.

Всѣ эти воззрѣнія получили научное обоснованіе въ трудахъ Фридриха Листа. Онъ исходитъ изъ положенія, что страна, гдѣ трудъ населенія посвящается исключительно земледѣлію, не пользуется многими естественными производительными силами, которыя ей даровала природа. Въ странахъ умѣреннаго климата есть всѣ данныя для того, чтобы народъ развилъ обработывающую промышленность, торговлю и распространилъ свою хозяйственную и политическую мощь посредствомъ образованія колоній. Хотя, по

мнѣнію Листа, свободная международная торговля желательна, но она не пригодна до тѣхъ поръ, пока различные народы стоятъ не на одномъ и томъ же уровнѣ экономическаго развитія. Такъ какъ уровень неодинаковъ, то народы отсталые должны охранить свою промышленность таможеннымъ налогомъ отъ опередившихъ ихъ сосѣдей.

Сторонники покровительственной таможенной политики высказываютъ также мнѣніе, что страна, оградившая свои границы таможенными заставами, можетъ быть свободна отъ кризисовъ, которые потрясаютъ большую часть народовъ, участвующихъ во всемірной торговлѣ. Съ легкой руки Кэри защитники покровительственной таможенной политики пользуются и тѣмъ доводомъ, что вывозъ за границу сырья равносиленъ вывозу производительныхъ силъ почвы: а потому въ странѣ должны быть развиты разныя отрасли промышленности, какъ виды переработки сырья. Наконецъ, выдвигается аргументъ, что высокіе таможенные налоги, устраняя соперничество извнѣ, не причиняютъ никому ущерба ибо потребители, вынужденные дороже платить за нѣкоторые товары, вознаграждаютъ себя при сбытѣ продуктовъ своего труда.

II.

Познакомимся съ воззрѣніями новыхъ американскихъ экономистовъ—Сомнера, Уэльса и Джоржа. Ихъ остроумныя нападки на протекціонизмъ поучительны особенно тѣмъ, что исходятъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, страны, издавна усвоившей покровительственную таможенную политику.

Въ кругѣ вопросовъ о протекціонизмѣ однимъ изъ важнѣйшихъ является тотъ, можетъ ли законодатель, проникнутый началами покровительственной политики, имѣть для своей дѣятельности какую-нибудь твердую точку опоры: можетъ ли онъ точно намѣтить тѣ отрасли промышленности, которыя нуждаются въ покровительствѣ, и предѣлы, дальше которыхъ покровительство оправдано быть не можетъ? Въ этихъ обоихъ отношеніяхъ законодатель бродитъ совершенно во тьмѣ. Пока правительство, говоритъ Сомнеръ, не стало на этотъ путь,—всѣ производители (благопріятно ихъ положеніе или невыгодно) находятся въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Но вотъ нашли нужнымъ поощрить желѣзодѣлательную промышленность и для этого обложить податью желѣзныя издѣлія, привозимыя изъ-за границы. Желѣзо въ сыромъ видѣ еще остается свободнымъ и даетъ дешевый матеріалъ для производства, которое первое стало предметомъ нѣжнѣйшихъ попеченій законодателя. Однако, несовершенство

способовъ добыванія желѣзной руды и ея выплавки не позволяетъ туземному желѣзу соперничать съ иностраннымъ: владѣльцы рудниковъ и доменныхъ печей несутъ убытки, осаждаютъ правительство съ ходатайствами оказать и имъ такую же поддержку и получаютъ пріятный подарокъ—налоги на ввозимыя желѣзную руду и желѣзо не въ дѣлѣ. Теперь эти обѣ отрасли удовлетворены: рудники и заводы работаютъ на всѣхъ парахъ, а владѣльцы ихъ собираютъ съ потребителей обильную жатву. Теперь вся эта компанія образуетъ одинъ тѣсно сплоченный кружокъ и не можетъ нарадоваться, что цѣны издѣлій поднялись, а каменный уголь дешевъ. Но радость ихъ непродолжительна: барыши владѣльцевъ каменно-угольныхъ копей достигали 20—30%, теперь же вдругъ понизились до 8—10: изъ-за границы поставляютъ на туземный рынокъ болѣе дешевый уголь. Опять заскрипѣли перья, и опять къ правительству полился цѣлый потокъ ходатайствъ, въ которыхъ владѣльцы копей, заботясь прежде всего «о судьбахъ отечества, о заработкахъ бѣднѣйшаго люда», просятъ удорожить для своихъ соотечественниковъ уголь установленіемъ таможеннаго налога. И этимъ отказать нельзя: они такъ любятъ свое отечество и такъ заботятся о нуждахъ своихъ рабочихъ! Послѣдніе просители удовлетворены, а владѣльцы желѣзодѣлательныхъ заводовъ и рудниковъ видятъ, что ихъ ликованія были преждевременны. «За что это? чѣмъ мы хуже ихъ? отчего только они заслужили такую льготу?» Такъ кричатъ фабриканты бумажныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ издѣлій, сахаровары, кожевники, портные, сапожники, парикмахеры и др. На повѣрку оказывается, что всѣ эти господа и не худшіе патріоты, чѣмъ владѣльцы рудниковъ желѣза или угля, и не хуже послѣднихъ служатъ дѣлу развитія отечественнаго производства, и не хуже ихъ «заботятся о судьбахъ бѣднѣйшихъ классовъ». Словомъ, на сторонѣ этихъ господъ есть все, побуждающее законодателя удовлетворить ихъ ходатайство. И такъ тянется до безконечности. Но законодатель не имѣетъ точки опоры при установленіи высоты налога: высота, конечно, можетъ быть опредѣлена не канцелярскимъ путемъ, не правительственными чиновниками, а только самими промышленниками; но послѣдніе имѣютъ въ виду исключительно свои частные интересы: одинъ, ведя свой промыселъ болѣе или менѣе удачно, готовъ довольствоваться таможенными налогами въ 20% ad valorem; промышленникъ не столь удачный въ дѣлахъ требуетъ уже 40%. Это сказалось съ полной ясностью въ американскомъ конгрессѣ при пересмотрѣ таможеннаго тарифа въ 1882 году; проекты, облагавшіе ввозные товары всего 10%, претерпѣвали поправки, которыя доводили налоги, въ отдѣльныхъ случаяхъ, до 40—50—80% [2]).

Въ какой же мѣрѣ покровительственная политика способствуетъ развитію естественныхъ богатствъ даннаго народа? Въ отвѣтъ на это Сомнеръ даетъ намъ такую картину съ натуры. Положимъ, американецъ нашелъ желѣзную руду, а привозное желѣзо не подлежитъ налогу. Американецъ начинаетъ не съ того, чтобы пріобрѣсти машины, орудія и приступить къ разработкѣ руды; нѣтъ: онъ ѣдетъ въ Вашингтонъ, направляется къ министру и заводитъ съ нимъ такую рѣчь. *Нашедшій.*—«Г. министръ, я нашелъ на своей землѣ желѣзную руду». *Министръ.*—«Въ самомъ дѣлѣ? вы приносите добрыя вѣсти: значитъ, наше отечество имѣетъ больше естественныхъ богатствъ, чѣмъ предполагали». *Нашедшій.*—«Да, и я хочу приступить къ разработкѣ». *Министръ.*—«Прекрасно, совѣтую вамъ не медлить; мы будемъ очень рады услышать, что вы разбогатѣли». *Нашедшій.*—«Это возможно; но теперь я получаю доходъ отъ труда на поверхности земли и боюсь, что разработка руды дастъ мнѣ меньше, чѣмъ сельское хозяйство». *Министръ.*—«Это другое дѣло; хорошенько разсмотрите всѣ условія и не мѣняйте лучшаго промысла на менѣе выгодный». *Нашедшій.*—«Однако, я хотѣлъ бы добывать желѣзо; мнѣ кажется нецѣлесообразнымъ оставлять его въ нѣдрахъ земли, когда мы ввозимъ иностранное желѣзо; но, при теперешнихъ цѣнахъ заграничнаго желѣза, нельзя съ прибылью разработывать найденную руду. Хорошо было бы установить налогъ на все ввозимое желѣзо; тогда я имѣлъ бы достаточную прибыль и могъ бы оставить сельское хозяйство, чтобы исключительно заняться разработкой открытой руды». *Министръ.*—«Вы сами не знаете, чего просите: исполнить ваше желаніе—значитъ установить въ вашу пользу налоги на вашихъ сосѣдей и заставить ихъ нести тотъ рискъ, который вы не хотѣли принять на себя». *Нашедшій* (въ сторону).—«Я говорилъ съ этимъ господиномъ не тѣмъ языкомъ, который необходимъ въ этихъ случаяхъ; начну сызнова (громко):—г. министръ, естественныя богатства страны должны быть развиваемы. Нужно оказывать покровительство американской промышленности. Надо избавить американскаго работника отъ необходимости соперничать съ дешевымъ трудомъ Европы«. *Министръ.*—«Теперь я понимаю васъ: дѣльно сказано. Почему вы прямо этого не сказали? Какихъ размѣровъ налогъ нуженъ вамъ?».—И вотъ, въ ближайшемъ будущемъ послѣ этой задушевной бесѣды, потребитель узнаетъ, что тонна желѣза стоитъ тридцать бушелей пшеницы вмѣсто двадцати. «Почему? что́ случилось?»—спрашиваетъ онъ. «Развѣ вы не слыхали?—отвѣчаютъ ему:—въ Пенсильваніи нашли новые рудники; мы имѣемъ новыя естественныя богатства» [3]).—И Сомнеръ, приводя этотъ остроумный

разговоръ, ссылается на американскую жизнь, которая изо дня въ день приноситъ подобные сюрпризы. По мѣрѣ того, какъ открывались въ Америкѣ рудники мѣди, никкеля, эти металлы вносились въ списокъ предметовъ, подлежащихъ таможеннымъ налогамъ. «Теперь свободно ввозится изъ-за границы только одинъ металлъ—олово. Но говорятъ, что открыты рудники олова въ западной Виргиніи и Дакотѣ. Будемъ надѣяться, что эти слухи ложны, такъ какъ иначе въ ближайшемъ будущемъ насъ ожидаетъ 40%-ный налогъ на олово» [4]).

Въ тѣсной связи съ этимъ несостоятельнымъ доводомъ протекціонисты прибѣгаютъ и къ другому: ихъ система, говорятъ они, насаждаетъ промышленность. Но подъ промышленностью разумѣется такое соединеніе труда и капитала, которое служитъ къ удовлетворенію какихъ-либо нуждъ общежитія. Человѣкъ создаетъ новую промышленность, если открываетъ какую-нибудь ранѣе неизвѣстную силу природы или изобрѣтаетъ новое орудіе, или изыскиваетъ болѣе удобные способы воздѣлывать растенія или воспитывать животныхъ и т. п. Словомъ, новая отрасль промышленности создается дѣятельностью мозга. Но какъ можетъ налогъ выполнить этотъ трудъ? Наблюдая различныя мѣстности и разныя общественныя группы, мы видимъ, что населеніе часто мѣняетъ одно занятіе на другое именно потому, что послѣднее болѣе выгодно. Въ такихъ случаяхъ вовсе нѣтъ надобности во вмѣшательствѣ протекціонизма; но когда перемѣна невыгодна, тогда только нужно искусственное насажденіе. Такимъ образомъ, творчество, которымъ гордится протекціонизмъ, созданіе новыхъ промысловъ есть не болѣе, какъ наслоеніе отрасли промышленности, менѣе выгодной, сверхъ той, которая развивалась естественно. Можно искусственно насаждать дома для умалишенныхъ, для призрѣнія бѣдныхъ, темницы; но всѣ эти учрежденія имѣютъ только отрицательное значеніе въ хозяйствѣ. Фабрики же, заводы и рудники всего успѣшнѣе развиваются помимо правительственнаго вмѣшательства.

Совсѣмъ такое же значеніе имѣетъ доводъ, будто протекціонизмъ поднимаетъ заработную плату. Спросите по этому поводу отдѣльныхъ промышленниковъ и рабочихъ, и они, имѣя въ виду одну только сторону дѣла, признаютъ за налогомъ такое вліяніе. Сапожникъ скажетъ, что онъ получаетъ, благодаря налогу, бо́льшую сумму за обувь, портной—за платье; но если принять въ разсчетъ положеніе этихъ лицъ, какъ потребителей, то окажется, что они теряютъ въ той же мѣрѣ, какъ раньше выигрывали при продажѣ издѣлій, ибо, какъ покупатели, они за множество товаровъ, быть можетъ, за всѣ товары переплачиваютъ на всю сумму налога.

Опровергая главные доводы протекціонистовъ, американскіе писатели выдвигаютъ цѣлый рядъ новыхъ аргументовъ, для построенія которыхъ Соединенные Штаты даютъ особенно обильный матеріалъ. Національныя или государственныя единицы,—утверждаютъ Сомнеръ и Джорджъ,—не совпадаютъ съ хозяйственными единицами. Чѣмъ болѣе государство, какъ цѣльное политическое тѣло, обособляется отъ другихъ въ своей хозяйственной дѣятельности, тѣмъ менѣе оно имѣетъ данныхъ для экономическаго развитія: китайцы изобрѣли порохъ и компасъ, но не съумѣли дѣлать ружья и развить кораблестроеніе. Разсмотрѣвъ составныя части одного обширнаго государства, мы видимъ, что каждая имѣетъ свои особенности экономическаго быта, которыя рѣзко отличаютъ ее отъ сосѣднихъ мѣстностей той же страны. Покровительственная политика, ограждающая, напр., провинціи, которыя обработываютъ желѣзо, въ высшей степени тягостна для другихъ, которыя не имѣютъ этого производства.

Протекціонисты боятся обыкновенно переполненія рынка иностранными товарами. Эта наивная боязнь можетъ вызывать только улыбку. Естественно бояться эпидеміи, пожара, наводненія; но какъ бояться избытка товаровъ, избытка богатства, которое и есть главная цѣль всѣхъ нашихъ хозяйственныхъ усилій? Какъ бояться, что у меня будутъ лишніе часы, у жены моей лишнее платье, у дѣтей моихъ лишнія игрушки? Если иностранцы запрудятъ нашъ рынокъ своими товарами даромъ, то можно только поблагодарить ихъ, такъ какъ они сберегутъ намъ извѣстное количество труда. Въ дѣйствительности этого, однако, не бываетъ: они навезутъ намъ товаровъ въ обмѣнъ на наши товары, ввозу будетъ соотвѣтствовать вывозъ; значитъ, переполненіе нашего рынка заграничными издѣліями не можетъ сократить туземную промышленность [5]).

Но, быть можетъ, покровительственная политика полезна для промышленности въ періодѣ ея младенчества? Факты показываютъ, что покровительствуемыя отрасли остаются младенцами всю жизнь. Можно смѣло утверждать, что еслибы въ Америкѣ вовсе не былъ извѣстенъ протекціонизмъ, такая обширная страна, какъ Соединенные Штаты, не могла бы быть исключительно земледѣльческимъ государствомъ, а развила бы у себя разныя отрасли обработывающей промышленности. Въ каждой мѣстности упрочились бы тѣ производства, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ ея естественнымъ условіямъ: при господствѣ свободной торговли, въ странѣ образовались бы округа хлопчатобумажной промышленности, желѣзодѣлательной, шерстяной; несомнѣнно, мы вывозили бы многіе изъ этихъ товаровъ. Но допустимъ даже, что, при господствѣ свобод-

ной торговли, Америка была бы исключительно земледѣльческой страной. Развѣ это служило бы къ непремѣнному нашему ущербу? Думать, что страна, имѣющая, кромѣ земледѣлія, и мануфактуры, непремѣнно процвѣтаетъ, равносильно убѣжденію, что всѣ люди высокаго роста пользуются и хорошимъ здоровьемъ. Благосостояніе не связано непремѣнно съ какой-либо отраслью производства. Задача состоитъ не въ томъ, чтобы умножать, разнообразить отрасли промышленности, но чтобы разнообразить удобства и наслажденія жизни: не важно производить обувь, одежду, утварь, но важно имѣть къ своимъ услугамъ всѣ эти предметы въ должномъ количествѣ и разнообразнаго качества; а если это можетъ быть скорѣе достигнуто сведеніемъ промышленности къ немногимъ отраслямъ, чѣмъ внесеніемъ въ нее бо́льшаго разнообразія, то и слѣдуетъ предпочесть первое. Этотъ вопросъ, примѣнительно къ отдѣльнымъ странамъ, можетъ быть рѣшаемъ только въ связи со всѣми мѣстными условіями. Возьмемъ, напр., Пенсильванію. Она имѣетъ три главныхъ промысла: сельское хозяйство, рудное дѣло и нефтяные источники. Теперь источники нефти такъ обильны, что этотъ штатъ посвящаетъ нефтяному дѣлу главную массу труда своего населенія; но когда источники изсякнутъ, тогда въ промышленности будетъ большее дифференцированіе. Съ этимъ вопросомъ связанъ и предразсудокъ, будто мануфактуры поднимаютъ цѣну земли. Мануфактуры, развившіяся естественнымъ путемъ, конечно, имѣютъ такое вліяніе; но тѣ, которыя создаются покровительственной политикой, только насильственно перетягиваютъ капиталъ изъ одной мѣстности страны въ другую. Подобное явленіе можно наблюдать во всѣхъ промышленныхъ штатахъ Америки, особенно, въ Коннектикутѣ: таможенная политика отвлекаетъ населеніе деревень въ города, уменьшаетъ цѣну сельско-хозяйственныхъ участковъ и увеличиваетъ стоимость городской земли.

Какъ же отнестись къ аргументу, будто протекціонизмъ, увеличивая число рабочихъ въ обработывающей промышленности, уменьшаетъ число ихъ въ земледѣліи и тѣмъ освобождаетъ сельскихъ хозяевъ отъ излишнихъ соперниковъ? Къ Америкѣ это положеніе потому непримѣнимо, что сюда ежегодно вселяется гораздо больше эмигрантовъ (которые посвящаютъ себя земледѣлію), нежели число туземцевъ, отливающихъ отъ сельскаго хозяйства въ разныя отрасли обработывающей промышленности.

Доводъ протекціонизма, что отказъ отъ покровительственной политики погубитъ промышленность Америки, принадлежитъ къ нелѣпостямъ, которымъ могутъ вѣрить только дѣти да глупцы. Если промышленность исчезнетъ съ лица земли, то что́ же бу-

дутъ дѣлать американцы? Подъ «гибелью промышленности» слѣдуетъ разумѣть исчезновеніе тѣхъ отраслей, которыя теперь искусственно поддерживаются тарифомъ, и замѣну ихъ другими, которыя могутъ развиваться безъ всякихъ внѣшнихъ затрудненій. Когда меня спрашиваютъ, удержалось ли бы въ нашей странѣ производство стали, еслибъ ввозная не подлежала налогу, я отвѣчаю, что не знаю, а увѣренъ только въ томъ, что безъ обложенія мы имѣли бы гораздо больше стали.

Нельзя отстаивать протекціонизмъ и съ той точки зрѣнія, будто онъ необходимъ для юныхъ народовъ въ ихъ хозяйственной борьбѣ съ народами старой культуры. Преимущество въ этой борьбѣ даетъ не бо̀льшая или меньшая древность культуры, а необходимость для рынка товаровъ, которые поставляетъ данная страна. Если она производитъ сырые матеріалы, на которыхъ зиждутся главныя отрасли обработывающей промышленности, то ея положеніе особенно выгодно: на эти товары есть почти всегда болѣе сильный запросъ, чѣмъ на фабрикаты. Америка, снабжающая многія страны пшеницей и другими средствами продовольствія, хлопчатой бумагой, питающей одну изъ главныхъ вѣтвей фабричнаго труда, керосиномъ, который вытѣснилъ многіе освѣтительные матеріалы, и, наконецъ, табакомъ, этимъ излюбленнымъ и общераспространеннымъ предметомъ прихоти,—Америка стоитъ на рынкѣ такъ прочно, что не можетъ завидовать какому-либо народу.

Американскіе писатели возстаютъ и противъ положенія (защищаемаго и нѣкоторыми новѣйшими англійскими экономистами, напр., Сиджуикомъ), будто таможенные налоги уплачиваются иностранными производителями; такимъ образомъ, эти налоги и защищаютъ туземную промышленность, и вознаграждаютъ страну за расходы, которые причиняетъ ей покровительство. Это положеніе можетъ быть пояснено слѣдующимъ примѣромъ. Допустимъ, что установленъ на иностранныя шолковыя ткани таможенный налогъ въ размѣрѣ 10% съ цѣны, и что этотъ налогъ поднялъ цѣну туземныхъ шолковыхъ издѣлій на 5%. Положимъ, что все годичное потребленіе составляетъ 1 милліонъ аршинъ. Если ½ милліона доставляется внутренними производителями, а другая половина—ввозными тканями, то потребители переплатятъ 5%, но будутъ за это вознаграждены суммами отъ 10% таможеннаго налога, которыя, поступая въ государственную казну, послужатъ также для потребностей населенія. Этотъ примѣръ обставленъ столь многими условіями, что не можетъ точно соотвѣтствовать дѣйствительной жизни. Дабы излишній расходъ потребителей шолковыхъ тканей былъ покрытъ суммами налога, необходимо, чтобы: 1) повышеніе цѣны не

уменьшило потребленія; 2) налоги могли понизить цѣну шолковыхъ товаровъ, привозимыхъ въ данную страну, въ мѣстахъ ихъ производства; 3) чтобы товаръ, по пониженіи цѣны, не былъ худшаго качества, и т. п. Всѣ эти предположенія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Если согласиться съ предположеніемъ, что въ конечномъ итогѣ эти налоги уплачиваются не туземцами, а иностранцами, то надо заключить, что Англія, отказавшаяся отъ покровительственнаго тарифа съ 1850 г., но ввозящая свои товары въ страны съ покровительственными налогами, сама уплачиваетъ эти налоги и быстро идетъ къ окончательному разоренію.

Съ особенной энергіей возстаютъ названные писатели противъ положенія, что протекціонизмъ оказываетъ на гражданъ воспитательное вліяніе. Получается, повидимому, такая мораль: фритредеры, совѣтующіе людямъ дѣлать то, что легче, портятъ ихъ нравственность; а протекціонисты, пріучая гражданъ къ болѣе тяжелой работѣ, дисциплинируютъ ихъ. Ученіе протекціонистовъ, изложенное на общепонятномъ языкѣ, можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: «Если у меня отнимутъ мой заработокъ и дадутъ его моему сосѣду, который истратитъ его на себя, то общество получитъ крупную нравственную выгоду;—эта выгода будетъ утрачена, если я удержу мой заработокъ и употреблю его для себя» [6]). Развѣ факты не опровергаютъ на каждомъ шагу этого положенія? Развѣ человѣкъ не отличается умѣренностью, добропорядочностью и трудолюбіемъ, когда живетъ на собственный заработокъ, и развѣ онъ не становится лѣнивымъ, расточительнымъ, склоннымъ къ роскоши, когда живетъ на заработки другихъ? Нѣтъ, протекціонизмъ не можетъ быть оправданъ отъ упрека въ развращающемъ вліяніи, которое онъ имѣетъ на массу народа. Онъ дѣлаетъ для многихъ излишнимъ достиженіе въ промыслѣ значительнаго искусства; онъ внушаетъ довѣріе къ монополіямъ и запрещеніямъ, вмѣсто того, чтобъ поддерживать вѣру въ свободную предпріимчивость и личную энергію. А потому, умъ людей часто направляется не на полезныя изобрѣтенія, а на составленіе въ торговлѣ и промышленности разныхъ искусственныхъ комбинацій.

III.

Познакомившись съ возраженіями на многіе доводы протекціонистовъ, мы воспользуемся особымъ пріемомъ для оцѣнки выгодъ, которыя таможенное покровительство доставляетъ народному хозяйству.

Оцѣнка покровительственной политики со стороны практиковъ имѣетъ всего менѣе значенія. Практики изучаютъ данное явленіе

въ мелочахъ, до самыхъ крохотныхъ подробностей, но никогда не приводятъ его въ связь съ рядами явленій, которыя его окружаютъ и на него дѣйствуютъ. Еслибы хотя одна статья таможеннаго устава дѣйствовала только на извѣстную отрасль производства, то люди, занятые въ этой отрасли, были бы наиболѣе свѣдущими судьями при оцѣнкѣ даннаго мѣропріятія. Еслибы, напримѣръ, налогъ на иностранныя машины оказывалъ вліяніе только на туземное машиностроеніе, то заводчики были бы вполнѣ компетентны въ вопросахъ о полезности или вредѣ этого налога. Но эта подать имѣетъ значеніе не для однихъ машиностроителей: она затрогиваетъ интересы милліоновъ сельскихъ хозяевъ, такъ какъ удорожаетъ имъ машины, необходимыя для земледѣльческаго труда; она удорожаетъ производство для всѣхъ промышленниковъ, примѣняющихъ иностранныя машины; она имѣетъ, наконецъ, значеніе для всѣхъ гражданъ, какъ потребителей, потому что заставляетъ ихъ платить за товары, приготовленные съ помощью болѣе дорогихъ машинъ, рубль съ четвертью, вмѣсто одного рубля. Такимъ образомъ, статья таможеннаго закона, занимающая только 5—10 печатныхъ строкъ, соприкасается съ интересами всего населенія. Умъ промышленника, обыкновенно воспитанный для замкнутаго круга извѣстной промысловой дѣятельности и, къ тому же, часто зараженный корыстными побужденіями, рѣшительно не въ силахъ обнять все множество вліяній, которое оказываетъ данный законъ. Поэтому все, что бы ни говорили промышленники въ пользу охранительныхъ тарифовъ, представляется неубѣдительнымъ.

Исторія и статистика, откуда ученые и законодатели почерпаютъ свои доказательства, часто также не въ силахъ сослужить ту службу, которой отъ нихъ ожидаютъ. Умъ, даже обогащенный массой свѣдѣній, но поспѣшный въ обобщеніяхъ, неправильно пользуется данными исторіи и статистики. Въ однихъ случаяхъ онъ приписываетъ явленіе одной или нѣсколькимъ причинамъ и оставляетъ безъ вниманія множество силъ, которыя дѣйствовали совмѣстно и, быть можетъ, произвели данный результатъ. Въ другихъ же случаяхъ, говоря о рядѣ фактовъ, какъ послѣдствіяхъ какихъ-либо предыдущихъ явленій, онъ забываетъ, что сходные факты совершились и тамъ, гдѣ предыдущія условія были рѣзко отличны, даже противоположны. Намъ говорятъ, напримѣръ, что Соединенные Штаты сѣверной Америки развили свою промышленность вслѣдствіе охранительной политики. Въ отвѣтъ на это мы задаемъ такіе вопросы. Развѣ за 50, 60 или 100 лѣтъ дѣйствія американскихъ таможенныхъ тарифовъ не было въ жизни Соеди-

ненныхъ Штатовъ условій, которыя могли и должны были двинуть впередъ многія отрасли производства? Развѣ въ Соединенные Штаты не вселилось, преимущественно изъ Европы, 15 милліоновъ людей, которые принесли съ собой разнообразныя научныя и техническія знанія и широко разлили ихъ во всемъ американскомъ народѣ? Развѣ законодательство не предоставляло гражданамъ широкой свободы передвиженія изъ конца въ конецъ страны въ поискахъ за наиболѣе благопріятными естественными условіями? Развѣ не были затрачены огромные капиталы для улучшенія водныхъ путей, столь важныхъ народному хозяйству? Развѣ народное образованіе, общее и спеціальное, не сдѣлалось доступнымъ даже для бѣднѣйшаго гражданина? Въ этихъ вопросахъ мы выдвигаемъ цѣлый рядъ условій, которыя могущественно вліяютъ на хозяйственный бытъ и оставляютъ далеко позади себя предписанія таможенныхъ законовъ. Но пойдемъ далѣе: положимъ, насъ убѣдили, что всѣ эти факты имѣютъ лишь второстепенное значеніе и все развитіе промышленности въ Америкѣ должно быть сведено, какъ къ причинѣ, къ высотѣ охранительныхъ тарифовъ. Если такъ, то мы ставимъ общій вопросъ уже иного порядка. Допустимъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ 10,000 отраслей промышленности, изъ которыхъ 1—2 тысячи держатся только охранительными тарифами. Быть можетъ, благосостояніе было бы выше, еслибы всѣхъ отраслей промышленности было не 10, а только 8 тысячъ. Этого сомнѣнія не разрѣшаютъ всѣ доводы протекціонистовъ. Но ученые и политики дѣлаютъ часто и другую ошибку: ссылаясь на быстрые успѣхи народнаго хозяйства въ странахъ, которыя имѣютъ охранительные таможенные налоги, они забываютъ объ Англіи. Англія, отказавшись отъ этой политики, чрезвычайно увеличила свое благосостояніе за послѣдее время: съ 1870 до 1880 народное имущество на 1 жителя возросло въ Англіи съ 220 фунтовъ стерл. на 242, на $10^0/_0$, а въ Соединенныхъ Штатахъ—съ 185 на 190—только на $3^0/_0$.

По нашему убѣжденію, только одинъ путь приводитъ къ цѣли: дедуктивная оцѣнка условій, отъ которыхъ зависитъ ростъ народнаго богатства, и изслѣдованіе того, имѣетъ ли таможенная политика какое-либо вліяніе на эти условія. Производительность труда зависитъ отъ условій трехъ разрядовъ: отъ характера внѣшней природы, отъ отношенія человѣка къ природѣ и отношенія его къ своему труду.

Первое условіе было многократно и всесторонне оцѣнено наукой, а потому и не нуждается въ разъясненіяхъ. Скажемъ только, что вліяніе этого условія слабѣе, нежели двухъ остальныхъ. Мы

знаемъ, что народное хозяйство имѣетъ важныя данныя для процвѣтанія при умѣренно-тепломъ климатѣ, плодородной почвѣ, близости моря, обиліи водныхъ путей; но мы имѣемъ множество доказательствъ, что страны, умѣренно или скудно надѣленныя дарами природы, достигли и достигаютъ высокаго процвѣтанія и даже богатства. Сошлемся на Финикію въ древности, на современную Швецію, Швейцарію, Канаду.

Не таково значеніе второго условія. Находя извѣстныя группы людей въ опредѣленной внѣшней обстановкѣ, мы говоримъ, что самоѣды или тунгусы, кочуя со стадами оленей на суровомъ сѣверѣ, никогда не достигнутъ высокихъ ступеней культуры, или что племена, живущія подъ экваторомъ, осуждены на низкій уровень развитія, такъ какъ самый климатъ мѣшаетъ имъ проявлять ту рабочую энергію, которая отличаетъ народы умѣренныхъ поясовъ. Научная мысль, произнося такой приговоръ, ожидаетъ, однако, что каждый народъ извлечетъ изъ внѣшней природы всѣ выгоды, которыя она ему можетъ доставить. Если немногочисленное племя заключено, какъ въ кольцѣ, на своей территоріи, если могущественные сосѣди не даютъ ему выйти за ея предѣлы, то нужно признать его положеніе безвыходнымъ. Если же народу принадлежитъ обширная страна, то онъ долженъ заселить предпочтительно тѣ мѣстности, которыя обставляютъ его хозяйственную жизнь наиболѣе благопріятными условіями: народъ, владѣющій обширными черноземными пустырями, дѣйствуетъ неразумно, если тѣснится на тощихъ глинистыхъ или песчаныхъ участкахъ; онъ дѣйствуетъ неразумно, если, имѣя милліоны десятинъ, гдѣ успѣшно произрастаютъ пшеница и виноградъ, скучивается въ мѣстностяхъ съ суровымъ климатомъ, гдѣ дозрѣваютъ только овесъ и картофель; если есть рѣки, ручьи, озера, то естественно отдать предпочтеніе этимъ мѣстностямъ передъ маловодною равниной. Съ тѣмъ вмѣстѣ, владѣя разнообразными дарами природы, человѣкъ обязанъ хранить ихъ, дабы обезпечить себѣ и будущимъ поколѣніямъ благопріятныя условія хозяйства.

На низшихъ ступеняхъ общежитія человѣку чуждо бережное отношеніе къ внѣшней природѣ; при рѣдкомъ населеніи раннихъ историческихъ періодовъ передъ человѣкомъ развертывается огромный и для того времени неисчерпаемый міръ матеріальныхъ богатствъ: лѣсамъ, звѣрямъ, птицамъ, рыбамъ, повидимому, нѣтъ конца. Есть ли разумныя побужденія беречь эти богатства, когда человѣкъ почти безсиленъ, чтобы пользоваться небольшою частицей ихъ, что бы отвоевать отъ лѣса небольшіе клочки пашни? Но не имѣя побужденій беречь дары природы, человѣкъ, даже при

младенческомъ состоянiи гражданственности, познаетъ тѣ свойства природы, которыя особенно выгодны для хозяйственныхъ цѣлей, и старается приблизиться къ нимъ. Разселеніе людей на зарѣ исторіи служитъ тому доказательствомъ: понимая важность водныхъ путей, люди разселяются по берегамъ морей, рѣкъ, озеръ и тѣмъ создаютъ себѣ первое условіе культуры—удобство взаимныхъ сношеній. Въ эти же ранніе періоды человѣкъ познаетъ и свойства почвы, которыя особенно важны для его цѣлей. Наши предки, разселяясь по обширной русской равнинѣ и пролагая путь въ лѣса, вырубали, выжигали и засѣвали тѣ участки, которые уже характеромъ лѣсного насажденія обѣщаютъ обильно вознаграждать трудъ земледѣльца. Не менѣе разумное и цѣлесообразное отношеніе человѣка къ внѣшней природѣ видимъ мы и при зачаткахъ разныхъ отраслей обработывающей промышленности: производства по переработкѣ металловъ, дерева, глины возникли тамъ, гдѣ для этого былъ подъ рукою нужный матеріалъ.

Безостановочные успѣхи знанія, изученіе свойствъ внѣшней природы, которыя не были извѣстны предкамъ, позволяютъ людямъ съ неизмѣримо бо́льшею выгодой пользоваться окружающими естественными условіями. Многіе недостатки внѣшней природы могутъ быть исправлены, а наиболѣе драгоцѣнныя свойства ея сохранены. Если мы съ этихъ точекъ зрѣнія сравнимъ государства европейско-американскаго міра, то замѣтимъ такую особенность: *страны старой культуры сдѣлали много усилій и успѣховъ для* сохраненія естественныхъ богатствъ, а страны культуры новой направляли всѣ силы на отысканіе новыхъ богатствъ, которыя еще не были извѣстны предкамъ.

Въ западной Европѣ уже издавна стараются разнообразными мѣропріятіями сохранить основы народнаго богатства. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе старинныя мѣропріятія для сохраненія лѣсовъ. Законъ уже съ начала XVI вѣка ограничивалъ частныхъ владѣльцевъ въ пользованіи лѣсомъ; въ Баденѣ ограниченія восходятъ даже къ половинѣ XV столѣтія. Развиваясь въ теченіе трехъ-четырехъ столѣтій, лѣсные законы и точно исполнялись; населеніе воспитало въ себѣ привычки, которыя облегчаютъ теперь исполненіе закона. Эти привычки бросаются въ глаза путешественникамъ, посѣщающимъ Германію, Швейцарію, Францію; они видятъ дороги, усаженыя яблонями, грушевыми деревьями; плоды дозрѣваютъ, никто не срываетъ ихъ несвоевременно, не ломаетъ сучьевъ. Привычка сберегать лѣсъ настолько упрочилась въ западной Европѣ, что нѣмецкому или французскому землевладѣльцу и въ голову не могло бы прійти вырубить въ 2—3 года $^1/_2$ или

¼ принадлежащей ему лѣсной дачи. Такую же бережливость замѣчаемъ мы въ отношеніи и рыбнаго царства. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ выработаны подробныя законоположенія, опредѣляющія ловъ рыбы. За послѣднія десятилѣтія эти ограниченія обработаны въ законченные и подробные уставы, но начало имъ было положено въ прошлыхъ столѣтіяхъ, въ Англіи, напримѣръ, еще въ средніе вѣка, въ Германіи въ XVI вѣкѣ. И эти законы не остаются мертвою буквой: повсемѣстно дѣйствуютъ коммиссіи изъ надзирателей надъ рыболовнымъ промысломъ и постепенно воспитываютъ въ гражданахъ нужныя для этого привычки. Совершенно то-же находимъ мы въ примѣненіи и къ лѣсному царству: съ половины прошлаго вѣка (въ Германіи даже съ конца XVII столѣтія) въ Европѣ издавались законы, ограничивающіе право охоты въ то время, когда звѣри и птицы размножаются. На ряду съ этимъ принимались усиленныя мѣры для истребленія вредныхъ животныхъ, напримѣръ, волковъ, которые уже давно перевелись во многихъ странахъ Европы. Упомянемъ, наконецъ, о правилахъ, которыя уже давно выработались для разумнаго пользованія почвой. Они получили наиболѣе законченную форму въ Англіи, гдѣ арендаторъ обязуется держаться извѣстныхъ хозяйственныхъ системъ, извѣстныхъ пріемовъ удобренія земли и т. п.

Выработавъ цѣлую систему мѣропріятій по охраненію даровъ природы, государства западной Европы въ теченіе послѣдняго столѣтія не могли дать намъ картину того, какъ нужно отыскивать въ своей странѣ тѣ естественныя условія, которыя наиболѣе благопріятны для хозяйственныхъ цѣлей. И это понятно: населеніе уже давно достигло значительной плотности; самые отдаленные уголки территорій извѣстны и заселены, и нѣкоторыя страны уже болѣе полувѣка отдаютъ Америкѣ и Австраліи довольно большое число своихъ сыновъ.

Совсѣмъ иное находимъ мы въ сѣверной Америкѣ. Населеніе, не превышающее 15 душъ на англійскую милю, видитъ чрезвычайное обиліе земли, воды, минераловъ и не принимаетъ никакихъ мѣръ для сохраненія этихъ богатствъ: они представляются неистощимыми. Этимъ объясняются, напримѣръ, отсутствіе лѣсохранительнаго законодательства, полная свобода для землевладѣльцевъ пользоваться лѣсами и истребленіе ихъ въ огромномъ количествѣ. Казенные лѣса рубятся промышленниками. Лѣсныя кражи такъ велики, что въ 1881 г. было воровски вырублено болѣе 100,000 акровъ. Въ посланіи, поданномъ президенту министромъ Шурцемъ въ 1877 г., было указано, что черезъ 20 лѣтъ весь древесный запасъ Соединенныхъ Штатовъ будетъ ниже потребностей населенія. Такое же явле-

ніе замѣчаемъ мы и относительно рыбнаго царства; только въ послѣдніе годы изданы законы, регулирующіе ловъ рыбы. Наконецъ, та же черта проявляется и въ нерасчетливомъ пользованіи землей. Янки собираетъ жатву до тѣхъ поръ, пока не истощитъ участка, часто вовсе не удобряетъ его, воздѣлываетъ пшеницу или маисъ, а потомъ забрасываетъ и переходитъ хозяйничать на новое мѣсто.

Но если американцы, имѣя передъ собой огромный запасъ даровъ природы, еще не видятъ надобности сберегать ихъ, то они широко пользуются своею гражданскою свободой для передвиженія въ предѣлахъ страны, для отысканія наилучшихъ условій хозяйства. Исторія сѣверной Америки есть исторія постепеннаго разселенія по материку въ направленіи отъ востока на западъ. По мѣрѣ того, какъ въ восточныхъ штатахъ населеніе становилось болѣе плотнымъ, участки земли болѣе дорогими и менѣе производительными, предпріимчивые янки подвигались далѣе на западъ, захватывали дѣвственныя земли и оттѣсняли индѣйскія племена въ степную область, за 100-мъ меридіаномъ, въ область Кордильеровъ. Подвижность американцевъ ярко обнаруживается при опредѣленіи числа жителей отдѣльныхъ штатовъ, которые родились въ другихъ штатахъ или за предѣлами Америки. Населеніе старыхъ штатовъ, наиболѣе промышленныхъ и цивилизованныхъ, отличается довольно большою устойчивостью: число гражданъ, родившихся внѣ своего мѣстожительства, не превышаетъ 20—25%. Но чѣмъ далѣе подвигаемся мы на западъ, тѣмъ бо́льшій находимъ процентъ жителей, родившихся внѣ даннаго штата: въ Канзасѣ, Небраскѣ, Дакотѣ, Колорадо, Монтанѣ изъ всего населенія 70—84% родилось внѣ данныхъ штатовъ или даже за предѣлами республики. Передвиженія достигаютъ особенно значительныхъ размѣровъ въ годы кризисовъ: такъ было въ 1837, 1857 и 1873—79 гг. Безостановочному движенію въ поискахъ за новыми дарами природы соотвѣтствуетъ и американская политика относительно путей сообщенія. Въ дѣлѣ техники американцы всегда стараются усвоить послѣднее слово промышленной изобрѣтательности, а не проходить ряда посредствующихъ ступеней. Грунтовыя дороги Соединенныхъ Штатовъ были въ концѣ прошлаго вѣка (когда Англія и другія страны имѣли уже много шоссированныхъ дорогъ) очень неудовлетворительны, а мѣстами даже не проѣздны; во многихъ мѣстахъ онѣ остались такими до-нынѣ. Однимъ изъ важныхъ условій, которымъ объясняется ихъ дурное состояніе, служитъ принятая въ сѣверной Америкѣ система прямолинейнаго измѣренія земли, которая препятствуетъ прокладывать дороги кривыми линіями, сообразно съ характеромъ поверхности. Эти недостатки были съ избыткомъ восполнены бы-

стрымъ сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ, главныхъ путей ипобочныхъ линій; при сооруженіи, американцы заботились не только, о томъ чтобы связать мѣстности, уже достигшія высокой ступени культуры, но и о томъ, чтобы облегчить передвиженіе всѣхъ желающихъ на дальній западъ, въ дѣвственную и богатую природу. Въ результатѣ явилось нѣсколько вѣтвей, соединяющихъ Атлантическій океанъ съ Восточнымъ; получилась такая густота желѣзно-дорожной сѣти, что во многихъ штатахъ на 1 версту желѣзнаго пути приходится площадь въ 10—11 кв. верстъ. Съ неменьшею заботливостью относятся американцы и къ каналамъ еще съ первыхъ годовъ настоящаго вѣка. Уже въ 1808 г. былъ выработанъ планъ цѣлой сѣти каналовъ, который и начали быстро приводить въ исполненіе.

Наше отечество въ этихъ обоихъ отношеніяхъ стоитъ очень далеко отъ требованій, которыя могутъ быть предъявлены научною мыслью и неотложными нуждами дѣйствительности. Въ дѣлѣ охраненія естественныхъ богатствъ мы напоминаемъ того домохозяина, который, не задумываясь о будущности своей и членовъ семьи, беззаботно проживаетъ отцовское достояніе. Прежде всего, небрежное отношеніе къ землѣ. Хозяйство ведется такимъ образомъ, что силы почвы истощаются и производительность земледѣльческаго труда понижается все болѣе и болѣе. То же можетъ быть сказано о всѣхъ другихъ дарахъ природы. Законодательство не забывало вырабатывать нормы, которыя охраняли бы естественныя богатства: отъ временъ Петра Великаго появляются цѣлые своды законовъ, ограничивающихъ истребленіе лѣса, несвоевременную охоту или рыбную ловлю. Но эти законы оставались и остаются мертвою буквой, такъ какъ не было довольно многочисленнаго персонала, который могъ бы блюсти за ихъ исполненіемъ, и не было распространено знаній, которыя привили бы народу новыя и добрыя привычки. Всѣмъ извѣстно, что и теперь, по изданіи новаго лѣсоохранительнаго закона, истребленіе лѣсовъ практикуется въ чрезвычайныхъ размѣрахъ, что въ мѣстностяхъ, наиболѣе густо населенныхъ, лѣса вырублены, что линіи желѣзныхъ дорогъ, берега судоходныхъ и даже сплавныхъ рѣкъ представляютъ картину полной безлѣсицы.

Но и въ пользованіи новыми, еще не истощенными дарами природы, наше отечество представляетъ рѣзкую противоположность великому американскому государству. Въ соотвѣтствіе съ огромными площадями пустующихъ плодородныхъ земель въ сѣверной Америкѣ, мы имѣемъ гораздо большія пространства въ Сибири, на Кавказѣ и восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Но для русскихъ людей, которые особенно нуждаются въ этомъ фондѣ, онъ является кладомъ, запертымъ за семью замками. Острая и на-

стоятельная нужда въ переселеніяхъ наступила только послѣ освобожденія крѣпостныхъ: проведена была опредѣленная пограничная черта между владѣніями крестьянъ и помѣщиковъ; первые получили во многихъ мѣстностяхъ мало земли или надѣлы дурного качества и, не имѣя къ своимъ услугамъ улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ пріемовъ, могли восполнить пробѣлы только отысканіемъ болѣе благопріятныхъ условій внѣшней природы. Въ концѣ 60-хъ гг. повсемѣстно въ Европейской Россіи стало обнаруживаться стремленіе на востокъ. Но это движеніе могло совершаться только въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Для его упорядоченія сдѣлано очень мало и частной предпріимчивостью и государствомъ. Этимъ недостаткомъ первоначальныхъ облегчительныхъ мѣръ и объясняется совершенная стихійность движенія тѣхъ группъ, которыя, не взирая на всѣ невыгодныя условія, все-таки, не остаются на старомъ пепелищѣ. Изъ неумѣлаго пользованія дарами природы проистекаетъ и полное запущеніе нашихъ рѣкъ, быстрое ихъ обмелѣніе и отсутствіе мѣропріятій, которыя поставили бы водные пути къ услугамъ народнаго хозяйства: такія рѣки, какъ Десна, Сожъ, Березина и многія другія, пригодны для судоходства только часть лѣта; быстро мелѣетъ даже Волга и, притомъ, въ своемъ нижнемъ теченіи.

Различіями въ отношеніяхъ людей къ внѣшней природѣ обусловливаются и различія между отдѣльными странами въ ростѣ производительности труда. Но не одно и то-же отношеніе находимъ мы къ самому труду. Рабочая сила, въ обширномъ смыслѣ слова, т.-е. граждане, занятые полезнымъ для общества трудомъ, могутъ быть разсматриваемы съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) съ точки зрѣнія своей тѣлесной пригодности къ труду; 2) съ точки зрѣнія умственнаго развитія и приноровленности къ разнообразнымъ работамъ и 3) съ точки зрѣнія нравственныхъ качествъ, преданности дѣлу, добросовѣстности въ его исполненіи.

Въ раннюю пору общежитія производство не достигло еще значительнаго расчлененія; главная масса труда затрачивается въ добывающей промышленности, охотѣ, рыбной ловлѣ, скотоводствѣ и земледѣліи. Обработывающая промышленность ничтожна; тѣ отрасли, которыя уже успѣли развиться, имѣютъ видъ ремесла и не дошли до мануфактуры, усиленно развивающей нѣкоторые органы работника въ ущербъ остальнымъ частямъ его тѣла. При такомъ состояніи общества въ условіяхъ труда нѣтъ обстоятельствъ, которыя вредно вліяли бы на развитіе рабочей силы, а рѣдкость населенія и изобиліе такихъ даровъ природы, какъ рыба, дичь, позволяютъ даже бѣднѣйшимъ людямъ имѣть пищу, достаточную для правильнаго роста и поддержанія тѣлесной силы. Культура,

какъ она развивалась до сихъ поръ, приноситъ цѣлый рядъ условій, неблагопріятныхъ для тѣлеснаго здоровья большинства людей. 1) Густое населеніе, не имѣя тѣхъ даровъ природы, которые были доступны предкамъ, принуждено затрачивать на добываніе пищи главную массу своего труда. 2) Трудъ этотъ былъ бы достаточенъ для снабженія пищей въ избыткѣ и бѣднѣйшихъ слоевъ народа, еслибы не было огромнаго неравенства въ распредѣленіи богатства и еслибы податныя тягости равномѣрно распредѣлялись въ населеніи. 3) Возникло машинное производство, которое дѣлаетъ работника придаткомъ механизма, препятствуетъ развитію его тѣлесныхъ способностей. 4) Въ каждой странѣ есть, однако, слои населенія, которые и родомъ занятій, и другими условіями имѣютъ возможность развивать свою рабочую силу; но эту, физически лучшую часть народа захватываетъ все болѣе развивающаяся воинская повинность, и для производительнаго труда остаются люди уже менѣе пригодные. Государственная власть можетъ препятствовать тѣлесному вырожденію гражданъ мѣрами, дѣйствующими на одно изъ указанныхъ условій. Государство противодѣйствуетъ первому условію, если дѣлаетъ доступными населенію дары природы; это возможно только въ странахъ съ обильнымъ запасомъ незанятыхъ земель; оно противодѣйствуетъ условію подъ п. 4, если выгодное изолированное (Соединенные Штаты) или островное (Великобританія) положеніе позволяетъ ему содержать небольшое постоянное войско и тѣмъ отвлекать меньше силъ изъ лучшей части населенія. Но всѣ государства имѣютъ широкое поле для противодѣйствія условіямъ, означеннымъ подъ пунктами 2 и 3. Государство можетъ противодѣйствовать возрастающему неравенству состояній цѣлымъ рядомъ экономическихъ мѣръ, а также посредствомъ податной системы, которая возлагаетъ прогрессивно бо́льшее бремя на плечи болѣе сильныя и оставляетъ извѣстную низшую норму доходовъ свободною отъ обложенія. Наконецъ, законодательство о рабочихъ есть та форма, въ которую облекается прямое воздѣйствіе государства на здоровье работника посредствомъ уменьшенія длины рабочаго дня, облегченія работы малолѣтнихъ и женщинъ и т. п.

1) Сопоставляя страны цивилизованнаго міра, мы видимъ, что милитаризмъ развивается все больше и больше; только Англія, Канада, Соединенные Штаты, Австралія имѣютъ подъ ружьемъ не 1% населенія, какъ большая часть европейскихъ государствъ, а $^1/_2\%$ или и гораздо меньше. 2) Податныя системы представляютъ повсемѣстно чрезвычайные недостатки: почти повсюду центромъ тяжести налоговъ служатъ подати на предметы потребленія,

уплачиваемыя, главнымъ образомъ, бѣднѣйшими классами: прямые налоги только въ очень слабой степени приняли въ себя прогрессивное начало; тамъ, гдѣ малые доходы освобождаются отъ платежей, это освобожденіе теряетъ большую часть цѣны потому, что главную тягость причиняютъ косвенные налоги, отъ которыхъ истинный плательщикъ освобожденъ быть не можетъ. Въ этомъ отношеніи всего дальше ушли нѣкоторые кантоны Швейцаріи и штаты Сѣверной Америки съ прогрессивностью налоговъ подоходныхъ и съ наслѣдствъ и дареній. Положеніе Россіи наименѣе благопріятно. Вся сумма податей въ государственныхъ финансахъ, земскихъ, городскихъ и волостныхъ, составляетъ не менѣе 850 милліоновъ, т.-е. болѣе 7 рублей на 1 жителя въ годъ. Если согласиться съ Мёлголломъ, что въ Россіи доходъ на 1 жителя составляетъ 55 рублей въ годъ, то окажется, что налоги поглощаютъ больше $^1/_8$—13%. Сравненіе будетъ для насъ особенно не выгодно, если вспомнить, что въ Великобританіи и Ирландіи центральные и мѣстные налоги составляютъ 120 милл. фунтовъ, по $3^1/_3$ ф., т.-е. по 33—34 руб. на 1 жителя; при среднемъ доходѣ на 1 душу въ 37 фунтовъ ежегодно, налоги поглощаютъ только 9%. Но, вѣдь, взять изъ 370 рублей 33 рубля гораздо легче, чѣмъ 7 рублей изъ 55. 3) Государство можетъ парализовать вредныя послѣдствія чрезмѣрнаго машиннаго труда. Къ этой цѣли ведетъ законодательство о рабочихъ. До сихъ поръ фабричные законы оказали наибольшее вліяніе въ Англіи, гдѣ тѣлесное здоровье населенія стоитъ выше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Это станетъ особенно понятнымъ, если мы припомнимъ, что англичанинъ имѣетъ лучшую пищу, нежели всѣ другіе народы: въ Англіи на 1 жителя приходится въ годъ 105 ф. мяса, 72 ф. сахара, тогда какъ нѣмцы, напримѣръ, имѣютъ только 69 фунтовъ мяса и 27 ф. сахара, французы—74 и 21. Лучшею пищей обусловливаются меньшая смертность и болѣзненность.

Но, дабы трудъ былъ успѣшенъ, необходимо познаніе законовъ внѣшней природы и приноровленіе рабочей силы къ этимъ законамъ. Проходятъ цѣлыя тысячелѣтія прежде, чѣмъ человѣкъ усвоитъ сознаніе необходимости и возможности систематически воспитывать свою рабочую силу. Овладѣвъ, въ силу безкорыстной, неустанной работы теоретической мысли, нѣкоторыми законами природы, человѣкъ хочетъ привлечь эти знанія на службу своимъ хозяйственнымъ цѣлямъ. Первоначально этими услугами пользуются единичные, наиболѣе предпріимчивые люди, стремящіеся выйдти изъ старой, давно проторенной колеи. Сила вѣтра, пара, газа, электричества, болѣе совершенныя машины для разнообразныхъ производствъ примѣняются отдѣльными промышленниками. Посте-

пенно, благодаря недремлющей наклонности къ подражанію, эти изобрѣтенія становятся достояніемъ и менѣе предпріимчивыхъ людей. Но общество, уже не довольствуясь этимъ медленнымъ движеніемъ, хочетъ дать возможно болѣе широкому кругу систематическое знаніе законовъ природы, на открытіе которыхъ пошли тысячелѣтія. Дать цѣлую систему знаній въ теченіе немногихъ лѣтъ можно только посредствомъ техническаго образованія въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Техническое образованіе, обнимающее всѣ учрежденія и всѣ знанія, которыя прямо направлены къ воспитанію рабочей силы, является дѣтищемъ нашего вѣка. Состояніе техническаго образованія въ различныхъ странахъ Европы и въ Америкѣ далеко не одинаково. Въ каждой странѣ, не исключая и нашего отечества, мы находимъ различныя учрежденія; но между отдѣльными странами чрезвычайно велика разница относительно числа и разнообразія этихъ учрежденій. Германія, развившая всего ранѣе общее образованіе, сдѣлала очень много для поставленія и техническаго на высоту, которой требуютъ интересы хозяйства. Прусскій городъ Крефельдъ служитъ отличнымъ примѣромъ того, какъ много дѣлаютъ нѣмцы въ этомъ направленіи. Имѣя только 83,000 жителей, Крефельдъ затратилъ на профессіональныя школы $5^1/_2$ милліоновъ; одна школа ткачества стоила ему цѣлаго милліона. Многія другія страны Европы—Швейцарія, Бельгія, Скандинавскія земли—не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ нѣмцевъ. Соединенные Штаты даютъ также поучительный примѣръ. Наше отечество далеко отстало въ развитіи техническаго образованія: мы имѣемъ нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній, среднихъ почти нѣтъ, а низшихъ нѣтъ вовсе. Въ концѣ 1891 года 50 губерній Европейской Россіи, съ населеніемъ въ 82 милл. имѣли 5 среднихъ и 37 низшихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ и 1838 учащихся. Въ Пруссіи же въ началѣ 1887 г. на 28 милліоновъ жителей была 551 школа для сельскаго хозяйства. Вся обширная область кустарной промышленности, которая имѣетъ такое огромное значеніе въ нашемъ хозяйствѣ, являетъ убѣдительное свидѣтельство того, какъ мало сдѣлано и дѣлается для усовершенствованія рабочей силы. И до сихъ поръ, какъ въ сѣдую старину, кустари доходятъ самоучкой, путемъ наблюденій вокругъ себя и въ городѣ, къ пріобрѣтенію отрывочныхъ свѣдѣній и нѣкоторому улучшенію своего рабочаго искусства.

Обратимся, наконецъ, въ область нравственности. Преданность дѣлу, сознаніе долга, честность въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ имѣютъ большое значеніе для всѣхъ сторонъ жизни, въ частности, и въ сферѣ хозяйства. Если человѣкъ, поставленный къ опредѣленному

дѣлу, даже грубому и мало привлекательному, сознаетъ свой долгъ, исполняетъ его по мѣрѣ силъ и умѣнья, не теряетъ времени даромъ, то онъ въ данный срокъ и производитъ бо́льшую массу работы, и поставляетъ продукты лучшаго качества. Если онъ приготовляетъ товары для обширнаго, тѣмъ болѣе, международнаго рынка, то пріобрѣтенное и упрочившееся довѣріе покупателей облегчаетъ ему соперничество съ другими торговцами. Многочисленныя наблюденія показываютъ, что народы грубые, дикіе, вовсе незнакомые со складомъ цивилизованной жизни, нерѣдко отличаются правдивостью, вѣрностью данному слову, что они не умѣютъ лгать. Такою славой пользуются, напримѣръ, многія племена Кавказа. Вспомнимъ при этомъ привлекательныя черты нашихъ поселянъ на отдаленномъ суровомъ сѣверѣ, — черты, которыя получаютъ въ многочисленныхъ артеляхъ свое высшее выраженіе. Извѣстно также, что, при широкомъ развитіи политической жизни, печати, гласности, установляется тотъ благодѣтельный надзоръ общества за отдѣльными членами, который поддерживаетъ колеблющихся и нестойкихъ въ исполненіи обязанностей и еще болѣе укрѣпляетъ тѣхъ, которые глубоко дорожатъ достоинствомъ человѣка. Полуцивилизація представляетъ въ этомъ отношеніи особенно неблагопріятныя условія: суровая простота жизни и прямота исчезли, но просвѣщеніе не успѣло еще воспитать сознательное отношеніе къ долгу, и, вотъ, ложь проникаетъ всѣ жизненныя сферы. Сравнивая съ этой стороны различныя общества, нельзя примѣнять тотъ масштабъ, который былъ вполнѣ умѣстенъ при изученіи предъидущихъ условій: тамъ можно было многое точно измѣрить и вычислить; здѣсь же можно дать только общую характеристику тому или другому народу. Англичане стоятъ впереди всѣхъ по энергіи труда и добросовѣстности, которая изстари упрочилась въ ихъ экономической жизни. Каждому извѣстно, что англійскіе товары всѣхъ родовъ имѣютъ репутацію первоклассныхъ. Другіе народы занимаютъ не одинаковое положеніе. Наше отечество поставлено неблагопріятно. Мы имѣемъ каждый день случай наблюдать, какъ у насъ, вообще, недобросовѣстно относятся къ своимъ обязанностямъ, уклоняются отъ исполненія долга, затягиваютъ до безконечности работу, которая могла бы быть выполнена въ короткое время. Эта несчастная наклонность обнаруживается въ простѣйшихъ работахъ и бѣднѣйшихъ классахъ и доходитъ до общественныхъ слоевъ, несущихъ весьма сложныя обязанности, исполненіе которыхъ обыкновенно связывается съ большимъ довѣріемъ. Подъ вліяніемъ этого свойства чиновники уклоняются отъ своихъ обязанностей и откладываютъ дѣло до послѣдней возможности, заводчики

и ремесленники снабжаютъ рынки недоброкачественными издѣліями, рабочіе требуютъ неослабнаго надзора, дабы трудъ ихъ былъ не совсѣмъ безрезультатнымъ. За этою недобросовѣстностью можно прослѣдить во всѣхъ сферахъ нашей жизни; послѣдніе годы она такъ рѣзко проявилась въ хлѣбной торговлѣ, что повела къ отказу многихъ иностранныхъ торговыхъ фирмъ покупать нѣкоторые сорта нашего хлѣба.

Всему сказанному можно подвести такіе итоги: среди многихъ второстепенныхъ условій главными силами, вліяющими на ростъ народнаго богатства, служатъ отношеніе человѣка къ внѣшней природѣ и воспитаніе тѣлесныхъ и умственныхъ силъ населенія. Чѣмъ болѣе благопріятно поставленъ народъ въ этихъ отношеніяхъ, тѣмъ быстрѣе ростетъ производительность его труда и увеличивается его богатство.

IV.

Гдѣ же условія общественной жизни, посредствомъ которыхъ охранительные тарифы увеличиваютъ народное богатство?

Таможенный налогъ непосредственно только поднимаетъ цѣну даннаго товара внутри страны и, дѣлая, по крайней мѣрѣ временно, веденіе извѣстнаго промысла болѣе выгоднымъ, привлекаетъ къ нему капиталы изъ многихъ другихъ отраслей производства. Но вызвать къ жизни новую отрасль промышленности еще не значитъ создать новое богатство: быть можетъ, капиталы, оставаясь въ прежнемъ положеніи, дѣйствовали бы болѣе успѣшно и народное богатство возростало бы быстрѣе.

1) Охранительные тарифы не побуждаютъ населенія болѣе цѣлесообразно пользоваться внѣшнею природой. Мѣропріятія, направленныя къ охраненію даровъ природы, не стоятъ ни въ какой связи съ таможенными налогами; послѣдніе какъ своимъ возникновеніемъ, такъ и отмѣной не могутъ имѣть на нее какое-либо вліяніе: вслѣдъ за установленіемъ налоговъ на хлопокъ, сукно, сахаръ, машины, нельзя ожидать изданія законовъ, которые ограничивали бы истребленіе лѣсовъ или несвоевременный ловъ рыбы. Однако, возможно вліяніе таможенныхъ налоговъ на болѣе широкое пользованіе естественными богатствами, на эксплуатированіе тѣхъ даровъ природы, которые ранѣе не были извѣстны. Есть, повидимому, причины, позволяющія установить связь между этими явленіями, и факты, доказывающіе это положеніе. Апріорное разсужденіе будетъ высказано въ такой формѣ: если нѣкоторые товары, особенно сырье, удорожаются на туземномъ рынкѣ таможенными налогами, то бо́льшая масса труда и капитала будетъ затрачена на

то, чтобы добывать это сырье внутри страны; при установленіи налоговъ на желѣзо, мѣдь, нефть, можетъ начаться усиленная разработка мѣсторожденій соотвѣтствующихъ минераловъ. Факты, добытые изъ исторіи Россіи, Соединенныхъ Штатовъ и другихъ странъ, подкрѣпляютъ это положеніе: съ обложеніемъ высокою таможенною податью чугуна и разныхъ сортовъ желѣза въ нашемъ отечествѣ и Америкѣ началась усиленная разработка рудниковъ: въ Россіи отъ 1861 до 1890 г. добываніе чугуна увеличилось съ $19^1/_2$ до $56^1/_2$ милліоновъ пудъ. И такъ, таможенные налоги способствуютъ усиленному пользованію естественными богатствами. Но сейчасъ же возникаетъ вопросъ: какими естественными богатствами? Тѣми-ли, которыми всего выгоднѣе пользоваться въ настоящее время? Возьмемъ хозяйство частнаго лица. У него превосходный черноземъ, есть обширныя дачи строевого и дровяного лѣса, есть прекрасные заливные луга. Съ тѣмъ вмѣстѣ, у него есть тощая залежь глины и небольшое торфяное болотце. Приступая хозяйничать въ своемъ имѣніи, владѣлецъ начинаетъ съ постройки усадьбы. Онъ не велитъ сложить срубъ изъ крупнаго лѣса, который тутъ же подъ рукой, а выписываетъ глинокоповъ и кирпичниковъ, чтобы съ большими расходами добывать глину изъ тощаго, глубоко лежащаго слоя и дѣлать кирпичъ. Вмѣсто того, чтобы заготовить себѣ дровъ,—это потребовало бы не многихъ дней труда,—онъ выпишетъ торфяниковъ и будетъ заготовлять себѣ на зиму торфяное топливо. Если онъ признаетъ, что эти затраты невыгодны, но что онѣ—только барская затѣя, то ему отвѣтятъ: «всякій воленъ въ своемъ добрѣ». Если же онъ будетъ утверждать, что эти работы выгодны, то ему докажутъ, что онъ получилъ бы на свой капиталъ гораздо большій доходъ, еслибы употребилъ его на покупку скота, расчистку луговъ, поднятіе черноземной нови. Разработка новыхъ естественныхъ богатствъ подъ вліяніемъ таможенныхъ налоговъ часто является для народа также только «барскою затѣей». Естественныя богатства почти каждой, даже бѣдной страны очень разнообразны какъ по своимъ физическимъ свойствамъ, такъ и по своему хозяйственному значенію. Со второй точки зрѣнія они представляютъ длинную цѣпь, отдѣльныя звенья которой располагаются по своей большей или меньшей важности для народа. Наиболѣе важны тѣ, пользованіе которыми доступно, требуетъ наименьшаго труда и капитала и гдѣ работа человѣка вознаграждается всего болѣе обильно. Только исчерпавъ эти богатства, человѣкъ долженъ переходить къ тѣмъ, которыя болѣе скудно вознаграждаютъ его трудъ. Таможенный налогъ не нуженъ для того, чтобы населеніе добывало естественныя богатства, которыя стоятъ на очереди; это дѣлается по-

мимо всякой охранительной политики. Американцамъ не нужно было протекціонизма, чтобы населеніе безостановочно подвигалось на западъ и захватывало все новыя площади плодородной земли. Русскому народу не нужно было охранительныхъ тарифовъ, чтобы заселить черноземныя степи Новороссіи и нижняго Поволжья или чтобы съ огромнымъ успѣхомъ добывать кавказскую нефть и снабжать ею западно-европейскіе рынки. Напротивъ, таможенная политика, дѣлая искусственно выгодною разработку естественныхъ богатствъ, до которыхъ еще не дошелъ чередъ, отвлекаетъ часть труда и капитала отъ того направленія, гдѣ дѣятельность ихъ была бы болѣе производительна, не съ точки зрѣнія предпринимателей, получающихъ теперь, быть можетъ, крупные барыши, но—что особенно важно—съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства.

2) Таможенные налоги не оказываютъ воспитательнаго вліянія на тѣлесныя силы населенія. Были указаны 4 группы условій, которыя имѣютъ такое вліяніе. Таможенные налоги не усиливаютъ дѣйствія ни одного изъ нихъ. Охранительная таможенная политика не уменьшаетъ постояннаго войска, т.-е. не съуживаетъ размѣровъ, въ которыхъ для непроизводительныхъ цѣлей пользуются тѣлесными силами населенія. Напротивъ, защита страны отъ сосѣдей таможенными заставами, вызывая однородный образъ дѣйствія другихъ народовъ, поддерживаетъ неудовольствіе въ обширномъ кругѣ промышленниковъ и дѣлаетъ почву болѣе воспріимчивой и для политическихъ разногласій. Охранительные тарифы не ставятъ противовѣса и вредному вліянію машиннаго производства. Таможенные налоги способствуютъ искусственному развитію фабрикъ, такъ какъ поддерживаютъ въ широкихъ размѣрахъ многія отрасли, которыя безъ того или вовсе не существовали бы, или переживали бы ремесленный или мануфактурный періодъ производства. Наше отечество всего лучше оправдываетъ это положеніе: почти все фабричное производство Россіи развилось подъ воздѣйствіемъ таможеннаго законодательства; не будь охранительныхъ тарифовъ, у насъ было бы меньше фабрикъ и заводовъ, т.-е. условій, которыя ослабляютъ тѣлесную силу населенія. Но, развивая это условіе, таможенная политика не выработываетъ для него противовѣса въ видѣ фабричныхъ законовъ: эти законы имѣютъ своимъ источникомъ побужденія гуманности и широко понятыхъ государственныхъ интересовъ, тогда какъ охранительные тарифы вызываются къ жизни узкими, корыстными разсчетами. Наконецъ, таможенные налоги оказываютъ и третье неблагопріятное вліяніе: они прямо способствуютъ неравенству состояній. Они содѣйствуютъ неравенству въ двоякомъ отношеніи:

а) поддерживая отдѣльныя отрасли производства и возвышая въ нихъ прибыль сравнительно съ другими отраслями, они облегчаютъ образованіе въ этихъ предпріятіяхъ огромныхъ состояній, увеличиваютъ имущественныя различія между классами; б) падая на предметы первой необходимости или всеобщаго употребленія, они тяжеле ложатся на бѣдныхъ гражданъ, чѣмъ на богатыхъ или зажиточныхъ.

3) Всѣмъ извѣстно, какъ неблагопріятны охранительные тарифы для техническаго воспитанія рабочей силы. Высокое умственное развитіе и большая энергія населенія могутъ быть источникомъ промышленнаго усовершенствованія и тамъ, гдѣ примѣняется широко развѣтвленная таможенная система. Примѣрами этого служатъ сѣверная Америка и (хотя въ меньшей степени) нѣкоторыя страны Европы. Но наше отечество даетъ примѣръ прямо противоположный. Если же мы попытаемся связать таможенные налоги, въ ихъ существенныхъ особенностяхъ, съ промышленнымъ развитіемъ страны, то увидимъ, что эти явленія исключаютъ другъ друга. Когда производитель вводитъ въ свой промыселъ новую машину, усвоиваетъ еще неизвѣстные пріемы труда, то руководствуется не идеальными побужденіями, а надеждой извлечь изъ своего занятія большія выгоды. Этотъ путь, соотвѣтствующій интересамъ и всего народнаго хозяйства, приводитъ промышленниковъ къ цѣли; но онъ требуетъ напряженія ума, часто крупныхъ единовременныхъ затратъ и нерѣдко довольно большого риска (если такое нововведеніе совершается наканунѣ еще бо́льшихъ усовершенствованій въ данной отрасли, которыя могутъ сдѣлать невѣрными всѣ доселѣшніе разсчеты). Вотъ почему промышленникъ, становясь на этотъ путь, всегда готовъ сойдти съ него, если есть болѣе легкій способъ обогащенія. Что же можетъ быть легче и соблазнительнѣе защиты со стороны охранительнаго тарифа? Если удобопонятными словами выразить защиту, которую покровительственная система оказываетъ туземной промышленности, то нужно будетъ сказать такъ: «соперничество иностранной, болѣе преуспѣвшей промышленности умаляетъ твою прибыль, но ты можешь спать спокойно и не заботиться ни о какихъ усовершенствованіяхъ въ своемъ производствѣ: таможенный налогъ подниметъ цѣну иностранныхъ издѣлій на 50%, а съ тѣмъ вмѣстѣ удорожитъ и твои товары, изготовленные съ помощью допотопныхъ орудій и пріемовъ труда». Промышленникъ слѣдуетъ этому знакомому ласкающему голосу и остается при стародавнихъ орудіяхъ и пріемахъ. Можно, пожалуй, возразить, что внутренній рынокъ открываетъ довольно обширное поле для соперничества и вызываетъ въ туземныхъ производителяхъ стремленіе усовер-

шенствовать промышленность, чтобы побѣдить сосѣдей. Конечно, и при ограниченіи конкурренціи внутреннимъ рынкомъ остаются побужденія улучшать производство, но они тѣмъ слабѣе, чѣмъ уже поле состязанія. Гдѣ товару извѣстной страны приходится соперничать съ товарами пяти, шести, десяти иноземныхъ народовъ, тамъ необходимо гораздо бо́льшее изощреніе ума и напряженіе воли со стороны промышленниковъ, нежели тамъ, гдѣ соперниками выступаютъ только ближайшіе сосѣди. Изъ наблюденія извѣстно, что чѣмъ шире становится всемірный рынокъ, тѣмъ быстрѣе совершаются промышленные успѣхи у народовъ, которые служатъ главными его поставщиками: Англія, снабжающая весь міръ своими издѣліями, всего быстрѣе развиваетъ свою промышленность; главный толчокъ для систематическаго усовершенствованія хлѣбной торговли дало Америкѣ сознаніе, что ей необходимо соперничать съ русскими и другими производителями на всемірномъ рынкѣ.

4) Понятно, что охранительные тарифы не могутъ способствовать развитію въ хозяйственной дѣятельности добрыхъ нравовъ. И въ хозяйственныхъ отношеніяхъ между людьми добрые нравы крѣпнутъ только тогда, когда правильно понимается личный интересъ. Если человѣкъ увѣренъ, что несетъ на себѣ отвѣтственность за нарушеніе въ своей дѣятельности правилъ морали, что его хозяйство потеряетъ кредитъ, то онъ постарается усвоить опредѣленный образъ дѣйствій, свыкнуться съ нимъ и не нарушать его. Если производитель знаетъ, что, при дурномъ качествѣ издѣлій, будетъ побѣжденъ соперниками, то старается поддерживать достоинство своихъ товаровъ на извѣстной высотѣ. Нѣтъ этой опасности, и онъ относится къ своему промыслу небрежно. Таможенный налогъ совершенно уничтожаетъ эту опасность: онъ обязываетъ огромное большинство туземцевъ довольствоваться товарами невысокаго достоинства и открываетъ полную возможность для производителей сбывать недоброкачественные продукты. Если мы сравнимъ отдѣльныя страны въ этомъ отношеніи, то получимъ такую картину: Англія, отказавшаяся отъ таможеннаго покровительства промышленности, снабжаетъ рынки наилучшими товарами и добросовѣстность англійскихъ производителей можетъ служить примѣромъ, а русскіе товары въ значительной степени потому и дурного качества, что производителямъ обезпеченъ большой кругъ покупателей въ лицѣ многомилліоннаго русскаго народа.

V.

Итакъ, мы считаемъ доказаннымъ, что охранительные тарифы, хотя насаждаютъ отрасли промышленности, не имѣютъ вліянія на условія, которыя увеличиваютъ производительность труда, а потому и не способствуютъ росту народнаго богатства. Попытаемся же отвѣтить на три вопроса: 1) Можетъ ли безъ участія охранительныхъ тарифовъ явиться разнообразіе отраслей промышленности? 2) Какъ должно дѣйствовать государство, еще не ступившее на путь покровительственной таможенной политики? 3) Если государство уже давно идетъ по этому пути, то какія измѣненія оно должно внести въ свою торговую политику?

1) Довольно распространено мнѣніе, что охранительные тарифы необходимы для развитія разныхъ отраслей промышленности. Это мнѣніе подкрѣпляется ссылкой на то, что возвышеніе таможенныхъ налоговъ или пріостановка ввоза товаровъ изъ-за границы. въ силу, напримѣръ, политическихъ причинъ, способствуетъ развитію въ странѣ разныхъ отраслей производства.

Эти пріемы доказательства заставляютъ предполагать, что, безъ такихъ мѣропріятій, страна осталась бы только при отрасляхъ, направленныхъ на добываніе сырья. Не было бы бѣды, если бы промышленность ограничивалась только этимъ и еслибы за вывозимое сырье можно было выгодно покупать иностранные фабрикаты. Въ дѣйствительности такой порядокъ былъ бы невозможенъ: гдѣ много разнообразнаго сырья, тамъ естественно должны развиться различныя отрасли обработывающей промышленности. Въ ихъ ряду первыя мѣста принадлежатъ тѣмъ производствамъ, которыя тѣсно примыкаютъ къ добывающей промышленности; таковы: винокуреніе, изготовленіе крахмала, сахаровареніе и т. п. Другимъ условіемъ, облегчающимъ развитіе промышленности, служатъ запасы дешеваго топлива, богатыя залежи каменнаго угля, обильные лѣса. Наконецъ, промышленность должна постепенно примкнуть къ рудникамъ желѣза, мѣди и другимъ. Если есть естественныя богатства, то на ихъ основаніи постепенно развивается обработывающее производство. Но исключительное господство земледѣлія обыкновенно сопряжено съ недостаткомъ капиталовъ и неподготовленностью рабочихъ рукъ. Эти пробѣлы были бы восполняемы—даже при пассивномъ положеніи правительства—приливомъ иностранныхъ капиталовъ и иноземныхъ мастеровъ для извлеченія выгодъ изъ естественныхъ богатствъ данной страны. По мѣрѣ развитія промышленности и богатства, въ наиболѣе преуспѣвшихъ странахъ освобождаются капиталы, а уменьшающаяся выгодность

приложенія ихъ на родинѣ побуждаетъ передвигать часть этихъ капиталовъ въ страны менѣе культурныя для разработки естественныхъ богатствъ. Этотъ процессъ совершается и теперь. Возьмемъ желѣзно-дорожное дѣло: англійскіе, голландскіе, бельгійскіе и французскіе капиталы передвигаются изъ отечества въ Турцію, Персію, Египетъ, Бразилію для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Нѣмецкіе и англійскіе капиталисты разработываютъ рудники ртути въ Испаніи. Нѣмецкіе капиталисты эксплуатируютъ лѣса во многихъ русскихъ губерніяхъ. Теперь таможенная политика затуманиваетъ этотъ процессъ: когда иностранные капиталы переходятъ въ страну съ мало развитою промышленностью (наприм., нѣмецкіе капиталы, передвинувшіеся въ лодзинскій и сосновицкій округа), то многіе склонны приписывать переходъ только повышенію прибыли, которое искусственно создается таможенными налогами. Подобный процессъ, не затѣняемый ничѣмъ, совершался бы и при полномъ отсутствіи таможенныхъ налоговъ, такъ какъ избыточные капиталы болѣе богатыхъ странъ всегда находили бы выгодное помѣщеніе у народовъ съ мало-развитою промышленностью. Возникновеніе разныхъ производствъ съ помощью иностранныхъ капиталовъ ставило бы передъ туземцами примѣръ выгодности новыхъ предпріятій и вызывало бы съ ихъ стороны подражаніе. Въ сферѣ промышленности происходило бы то же, что̀ совершается въ военномъ дѣлѣ: турецкія, персидскія, японскія войска обучаются нѣмецкими, англійскими, французскими офицерами; но это не мѣшаетъ появленію искусныхъ турецкихъ и японскихъ офицеровъ. Такъ было бы при пассивномъ отношеніи государства. Но государство могло бы ускорить это движеніе цѣлою системой мѣропріятій, которыя повышали бы производительность труда въ туземномъ населеніи и знакомили бы его съ новыми естественными богатствами. Приглашеніе иностранныхъ мастеровъ, образованіе техническихъ училищъ, изслѣдованіе естественныхъ богатствъ на казенный счетъ,—всѣ эти и другія, подобныя имъ мѣры могутъ быть вполны оправданы. Идя дальше этого, мы оправдываемъ со стороны государства ежегодныя затраты на опыты съ новыми и неизвѣстными отраслями промышленности, которыя подаютъ надежду на успѣшное развитіе. Даже безслѣдная потеря нѣсколькихъ милліоновъ, ежегодно затрачиваемыхъ съ этою цѣлью, была бы гораздо болѣе легкой для народа, нежели убытки, которые онъ косвенно несетъ отъ таможенныхъ налоговъ.

2) Отвѣтъ на второй вопросъ ясенъ самъ собою. Если государство, переживая періодъ добывающей промышленности, еще не ступило на путь охранительныхъ тарифовъ, то̀ оно должно воз-

держаться отъ таможеннаго покровительства. Самою разумною политикой было бы въ такомъ случаѣ направленіе всѣхъ силъ на развитіе и усовершенствованіе добывающей промышленности, которая составляетъ главное занятіе населенія, служитъ почти исключительнымъ источникомъ дохода и снабжаетъ своими произведеніями иноземные рынки. На ряду съ этимъ цѣлесообразно пользоваться иностранными капиталами для созданія тѣхъ отраслей промышленности, которымъ благопріятствуютъ естественныя условія, а также примѣнять всѣ мѣры, способныя поднять рабочее искусство населенія. Идя по этому пути, государство не разовьетъ такъ скоро и такъ много разнообразныхъ отраслей промышленности, какъ то нерѣдко совершается нынѣ, но всѣ отрасли, которыя возникнутъ, будутъ развиты къ выгодѣ для народнаго хозяйства, будутъ требовать отъ него всего менѣе приплатъ.

3) Большое практическое значеніе представляетъ третій вопросъ: что дѣлать государству, которое уже давно слѣдуетъ завѣтамъ протекціонистовъ? Именно въ такомъ положеніи находится наше отечество. У насъ въ теченіе полутораста лѣтъ усердно насаждали разнообразныя отрасли производства, но дѣлали очень мало для того, чтобы улучшить условія, которыя ускоряютъ ростъ народнаго богатства. На свѣтъ явилось много разныхъ фабрикъ, но большая часть, держась искусственно, не служитъ къ выгодѣ народа. Отмѣна всѣхъ охранительныхъ таможенныхъ налоговъ уничтожила бы многія изъ этихъ отраслей. Мы далеки отъ мысли считать исчезновеніе многихъ производствъ равносильнымъ полному разоренію для народнаго хозяйства. Несомнѣнно, однако, что оно будетъ связано съ крупными потерями для многихъ капиталистовъ и предпринимателей и затруднительнымъ положеніемъ для довольно многочисленной группы рабочихъ. Желая избѣгнуть этого потрясенія, мы не рекомендуемъ единовременной отмѣны таможенныхъ налоговъ. Но, удерживаясь отъ единовременной отмѣны, законодательство сдѣлало бы большой шагъ впередъ, еслибы принципіально осудило таможенную политику и рѣшилось не вводить новыхъ таможенныхъ налоговъ и не возвышать окладовъ старыхъ. Положительныя же мѣропріятія, которыя мы считаемъ настоятельно необходимыми, могутъ быть сведены къ 3 группамъ: 1) законодатель долженъ понижать тарифы таможенныхъ податей, чтобы постоянно держать промышленниковъ подъ страхомъ и тѣмъ самымъ побуждать ихъ къ техническому усовершенствованію производства; тарифы должны быть низведены до того уровня, при которомъ едва-едва возможно соперничество туземныхъ издѣлій съ иностранными. 2) Государству уже давно пора обратиться отъ

усиленныхъ насажденій разныхъ отраслей обработывающей промышленности къ поддержанію нашего исконнаго промысла,—земледѣлія, на которомъ и зиждется благосостояніе Россіи. 3) Отраслямъ промышленности, которыя поддерживаются охранительными тарифами, государство окажетъ особенно важныя услуги въ томъ случаѣ, если напряжетъ свои силы для поднятія промышленнаго образованія и повышенія производительности труда. Успѣхи въ этомъ направленіи будутъ увеличивать жизнеспособность нашего производства и облегчать тягости, которыя таможенное покровительство причиняетъ народному хозяйству.

VI.

Крайности таможеннаго покровительства смягчаются договорами. Торговые договоры, заключаемые между государствами, имѣютъ своимъ предметомъ размѣры таможенныхъ налоговъ, взимаемыхъ съ товаровъ страны при ввозѣ ихъ въ государство, связанное договоромъ, права, предоставляемыя торговцамъ этой страны и проч. Обыкновенно въ договоръ заносится и то условіе, что каждое государство, участвующее въ договорѣ, получаетъ отъ своего контрагента право на всѣ льготы, которыя предоставляются или когда либо будутъ предоставлены наиболѣе благопріятствуемымъ народамъ. Торговый договоръ связываетъ народы на продолжительное время и даетъ ихъ торговымъ отношеніямъ прочность, въ которой такъ нуждается особенно современная промышленность, производящая товары для неизвѣстныхъ потребителей и отдаленныхъ рынковъ. Чѣмъ болѣе продолжителенъ срокъ, на который заключенъ торговый договоръ, тѣмъ болѣе увѣренъ производитель, что иноземный рынокъ, разъ пріобрѣтенный, останется потребителемъ его товаровъ. Если, напр., русскій производитель знаетъ, что, въ теченіе 10 лѣтъ, во Франціи будутъ взимать неизмѣнно одинъ и тотъ же налогъ съ его издѣлій, то онъ приспособляетъ все свое производство къ этимъ условіямъ сбыта. Создавая для разныхъ отраслей промышленности опредѣленную и на многіе годы неизмѣнную обстановку, торговый договоръ закрѣпляетъ связь между странами, которыя участвуютъ въ немъ. Односторонне установляемый таможенный тарифъ, даже дающій значительныя льготы, не можетъ оказывать такое вліяніе. Промышленники знаютъ, что всѣ льготы, существующія нынче, могутъ быть отмѣнены завтра. Поэтому, нѣтъ увѣренности даже относительно ближайшаго будущаго, и производители всегда предпочитаютъ сношенія со страной, которая свя-

зала себя съ ними торговымъ договоромъ. Хотя нѣтъ основанія видѣть въ торговыхъ договорахъ торжество идеи свободной торговли, однако, они ослабляютъ протекціонистическія влеченія. Промышленники постепенно освоиваются съ мыслью, что если товары, ввозимые изъ страны А, которая заключила съ ихъ отечествомъ договоръ, облагаются уменьшеннымъ налогомъ и не препятствуютъ развитію туземной промышленности, то пониженіе таможенныхъ податей съ товаровъ изъ другихъ странъ также не будетъ причинять убытки туземнымъ производителямъ. Въ исторіи торговыхъ договоровъ слѣдуетъ отмѣтить метуенскій, заключенный въ 1703 году между Англіей и Португаліей. Въ пользу первой былъ разрѣшенъ ввозъ въ Португалію шерстяныхъ издѣлій, запрещенный съ 1684 года; Англія же обязалась облагать португальскія вина налогомъ на $^1/_3$ ниже таможенныхъ податей съ винъ изъ другихъ странъ Въ 19 вѣкѣ періодъ торговыхъ договоровъ начинается заключеніемъ въ 1860 году договора между Франціей и Англіей; Франція понизила таможенныя подати. Въ слѣдующіе годы она заключила на такихъ же началахъ договоры и со многими другими государствами. Въ концѣ 70-хъ годовъ повсюду началось усиленіе протекціонизма. Франція также не осталась чужда этому движенію: съ истеченіемъ срока договоровъ въ началѣ 1892 года она уклонилась отъ продленія ихъ и установила двойной таможенный тарифъ, максимальный и минимальный, примѣняемый къ отдѣльнымъ странамъ соотвѣтственно съ тѣми условіями, которыми будетъ обставленъ ввозъ французскихъ товаровъ.—Въ 1892 году Германія заключила на 12 лѣтъ торговые договоры съ Австро-Венгріей, Италіей, Швейцаріей и Бельгіей; таможенные налоги на многіе товары значительно понижены этими государствами для взаимныхъ сношеній.

VII.

Въ Россіи таможенное покровительство доведено до высшей степени. Еще въ концѣ первой четверти 19 столѣтія привозные товары были обложены умѣренными податями; но съ 1822 года начинается ихъ возвышеніе. Управленіе Канкрина русскими финансами ознаменовалось (въ концѣ 20-хъ и въ 30-хъ годахъ) повышеніемъ таможенныхъ ставокъ, то огульно на всѣ привозные товары, то лишь на нѣкоторые предметы.

Эти перемѣны въ тарифѣ предпринимались иногда съ цѣлью упорядочить или увеличить доходы казны, во многихъ же случаяхъ только по требованіямъ русскихъ фабрикантовъ. Возвышеніе

таможенныхъ податей не замедлило отразиться на нашей внѣшней торговлѣ: за пятилѣтіе 1812—16 годовъ средняя цѣнность ежегоднаго отпуска товаровъ составляла 178 милліоновъ рублей, а привоза до $108^{3}/_{4}$ милліоновъ; въ послѣдующіе же года вплоть до 1844 отпускъ не превышалъ $76^{3}/_{4}$, а maximum привоза поднимался только немного выше 66 милліоновъ. Пониженіе таможенныхъ налоговъ, начавшись съ 1845 года, обнаружилось болѣе замѣтно въ таможенныхъ тарифахъ 1857 и, особенно, 1868 года. Ослабленіе таможеннаго покровительства повело къ расширенію нашей внѣшней торговли: въ концѣ 50-хъ годовъ цѣнность средняго ежегоднаго отпуска товаровъ достигла $122^{3}/_{4}$ милліоновъ рублей, а привоза—$111^{1}/_{2}$ милл., а въ первой половинѣ 70-хъ годовъ первая поднялась уже до 353 милліоновъ, а вторая почти до 400. Перевѣсъ цѣнности иностранныхъ товаровъ надъ цѣнностью отпускныхъ объясняется тѣмъ, что первая половина 70-хъ годовъ была временемъ усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ и ввоза разныхъ принадлежностей для желѣзнодорожнаго дѣла. Въ теченіе 60-хъ и первой половины 70-хъ годовъ производительныя и покупательныя силы Россіи получили очень большое развитіе: за 25 лѣтъ (съ конца 40-хъ до половины 70-хъ годовъ) цѣнность отпуска возрасла на 273, а привоза—на $432^{0}/_{0}$; обороты русскихъ фабрикъ и заводовъ, составлявшіе въ 1856 году не болѣе 204 милліоновъ рублей, достигли въ 1870 году $452^{1}/_{2}$ милліоновъ. Съ 1877 года началось усиленіе таможеннаго покровительства. Прежде всего оно выразилось въ переводѣ всѣхъ таможенныхъ ставокъ изъ кредитныхъ рублей на золото, а затѣмъ чуть не въ ежегодномъ повышеніи податей на отдѣльные товары. Съ 1 іюля 1891 года дѣйствуетъ новый тарифъ, который имѣетъ цѣлью оказывать покровительство всѣмъ отраслямъ промышленности, отъ добычи сырья и до выработки наиболѣе цѣнныхъ издѣлій. Дабы поощрить добываніе сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для туземной промышленности, установлены пошлины на нѣкоторые предметы, ввозившіеся ранѣе безпошлинно: сѣра, глина, камни для фабричныхъ производствъ и нѣкоторые другіе. Однимъ изъ главныхъ предметовъ правительственныхъ заботъ явилась химическая промышленность; въ этихъ видахъ повышены пошлины на многія издѣлія нашего химическаго производства, между прочимъ, на суперфосфаты, кость, обработанную сѣрной кислотой, землеудобрительные туки и пр. Послѣдовало также повышеніе пошлинъ на чугунъ, разные сорта желѣза, машины, шерсть и шелкъ, шерстяныя и шелковыя ткани, мѣха, писчебумажныя, многія фарфоровыя и стеклянныя издѣлія. Мы дадимъ понятіе о бремени, которое наши таможенныя подати

возлагаютъ на потребителей, если сравнимъ русскія таможенныя ставки съ обложеніемъ соотвѣтствующихъ товаровъ въ западной Европѣ.

Съ одного пуда взимается копѣекъ золотомъ.

	Россія.	Франція.	Австро-Венгр.	Герман.
1) Желѣзо полосовое, сортовое, листовое, рельсы и проч.	60—100	14,3—26,6	6,6—25,3	7,6—12,7
2) Желѣзныя и стальныя издѣлія: котлы, мосты, трубы, резервуары, баки, ящики . .	170—270	26,6—53	55—75	30,4
3) Серпы, косы, лопаты, разн. орудія для ремеслен. . .	140	49—95	50,6	50,7—76
4) Ножевый товаръ . .	1600	400—1200	210	—
5) Разные локомобили и машины	170	20—40	60—80	15—40
6) Бумажная пряжа . .	420—1100	62—620	60,7—242	243—355
7) Бумажныя ткани: суровыя, бѣленныя и крашенныя .	1400—5800	250—2500	323—1410	618
8) Бумага писчая, для типограф. и литограф. дѣла . .	240—1060	40—400	—	31
9) Обувь готовая и подготовленная простая	4000	500—1000	300	—
10) Мѣха	660—5000	400—2000	60—500	—

Мы видимъ изъ этихъ цифръ, что русскій человѣкъ платитъ на 300—600 % дороже французовъ, нѣмцевъ и австрійцевъ за такіе необходимые предметы, какъ желѣзо, разныя желѣзныя издѣлія, ножевый товаръ, локомобили и машины; таможенная подать съ обуви ложится на русскаго даже въ 12 разъ, а съ бумаги—даже въ 34 раза бо́льшимъ бременемъ, нежели на жителей западной Европы.

Непомѣрно высокіе таможенные налоги, почти граничащіе съ запрещеніемъ ввоза нѣкоторыхъ иностранныхъ товаровъ, вовсе не приводятъ къ цѣли, которую выдвигаютъ ихъ защитники. Прежде всего они связаны съ уменьшеніемъ оборотовъ по нашей внѣшней торговлѣ. Еще въ 1882 году цѣнность товаровъ, привезенныхъ въ Россію и вывезенныхъ отъ насъ, составляла до 1195 милліоновъ рублей; падая изъ года въ годъ, она опустилась за 1886 годъ до 830 милліоновъ, въ 1888—90 годахъ, благодаря двумъ обильнымъ урожаямъ, обороты увеличились (въ 1890 году до 702 милліоновъ рублей золотомъ), но не достигли уровня 1878 года (734 милліона). Сокращеніе привоза иностранныхъ товаровъ усилило производительность нашихъ заводовъ и фабрикъ, но вовсе не послужило къ выгодѣ потребителей, т.-е. всего народа. Послѣдніе выиграли бы

лишь въ томъ случаѣ, еслибы подешевѣли важнѣйшіе предметы потребленія. Но наши заводчики, имѣя огромную прибыль (по оффиціальнымъ даннымъ, прибыль многихъ фабрикъ составляетъ 25—40 % въ годъ) и будучи защищены отъ внѣшняго соперничества таможенными податями, вовсе не прилагаютъ стараній къ усовершенствованію производства. Свѣдѣнія за 1887 годъ показываютъ, что наши промышленники вовсе не считаютъ нужнымъ пользоваться услугами техническихъ знаній: изъ 21,810 лицъ которыя управляли русскими фабриками и заводами, только 6,8 % получили техническое образованіе, да и изъ нихъ болѣе $^1/_3$ были иностранцы. Ближайшее послѣдствіе этого—ничтожная производительность труда въ нашей промышленности и высокая цѣнность издѣлій. Въ нашемъ каменноугольномъ промыслѣ на 1 рабочаго приходится добыча отъ 5819 пудъ въ годъ (подмосковный округъ) до 7273 (въ донецкомъ); только въ домбровскомъ округѣ рабочій добываетъ съ небольшимъ 17,000 пудъ; англійскій же рабочій добываетъ 20,000 пудъ съ глубины, въ 5 разъ большей. Въ бумагопрядильной промышленности на 1 работника приходится: въ Англіи 74 веретена, въ Швейцаріи—55, Австріи 42, а Россіи—только 28. Въ концѣ 80-хъ годовъ 1 пудъ желѣза стоилъ на нашихъ заводахъ отъ 92 до 116 кредитныхъ копѣекъ, тогда какъ въ Петербургѣ можно было купить англійскіе готовые стальные рельсы по 68 кредитныхъ копѣекъ за пудъ, т.-е. на 35—71 % дешевле необдѣланнаго русскаго желѣза. Малая производительность труда и высокія цѣны мѣшаютъ развитію потребленія: у насъ потребленіе, напр., желѣза, будучи на душу населенія меньше, чѣмъ во Франціи и Германіи, понизилось въ началѣ 80-хъ годовъ на 3—$3^1/_2$ фунта 7).

Тяжелые таможенные налоги, парализуя успѣхи обработывающей промышленности, особенно удручаютъ наше сельское хозяйство. Крайняя бѣдность населенія, недостатокъ знаній, недоступность дешеваго кредита дѣлаютъ для сельскихъ хозяевъ ощутительными даже самыя мелкія сокращенія расходовъ. Россія, какъ страна, преимущественно, земледѣльческая, особенно нуждается въ новыхъ орудіяхъ и машинахъ, необходимыхъ для сельскаго хозяйства; а между тѣмъ, они стоютъ очень дорого. Главная причина—та, что русскому машиностроителю, вслѣдствіе высокихъ таможенныхъ налоговъ, желѣзо и другіе матеріалы обходятся гораздо дороже, чѣмъ иностранному: по вычисленіямъ, сдѣланнымъ въ 1889 году, матеріалъ для трехкорпуснаго плуга въ 8 пудовъ обходился русскому машиностроителю въ 13 руб. 9 коп., а германскому въ 7 руб. 48 к.—на 75% дешевле. Такимъ образомъ, машины русскаго

производства очень дороги; иностранныя же поднимаются пошлиною въ цѣнѣ сравнительно съ цѣною за-границей на 35—55%. Все это служитъ причиной совершенно ничтожнаго примѣненія машинъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ.

Усиленное таможенное покровительство и тѣмъ удручаетъ наше земледѣліе, какъ главный промыселъ, производящій для вывоза, что вызвало въ Германіи повышеніе налоговъ на всѣ русскіе товары, среди которыхъ хлѣбъ занимаетъ выдающееся мѣсто. Если населеніе Германіи уплачиваетъ часть пошлинъ, которыми Германія облагаетъ привозимыя изъ Россіи произведенія сельскаго хозяйства, то часть несомнѣнно ложится на русскаго производителя зерна [8]) и еще болѣе затрудняетъ ему успѣшное веденіе хозяйства. Заключеніе Германіей торговаго договора съ Австро-Венгріей ставитъ нашихъ сельскихъ хозяевъ въ еще болѣе тягостныя условія. Австро-венгерскій хлѣбъ, согласно съ этимъ договоромъ, платитъ меньшую таможенную подать, нежели русскій. Вся цѣнность нашего отпуска въ Германію достигаетъ 165—180 милліоновъ рублей въ годъ. Болѣе благопріятныя условія, созданныя Германіей для ввоза австро-венгерскихъ товаровъ, могутъ дать толчекъ усиленному развитію сельскаго хозяйства въ Австро-Венгріи (не забудемъ, что въ ней есть рѣдко населенныя провинціи съ обширными площадями пустующихъ земель), сдѣлать ея сельскихъ хозяевъ опасными соперниками нашихъ и уменьшить отпускъ русскихъ продуктовъ въ Германію. Открытіе же новыхъ рынковъ сбыта, въ виду напряженнаго соперничества между многими народами, становится съ каждымъ годомъ все болѣе затруднительно. Уменьшенный вывозъ нашихъ земледѣльческихъ произведеній, понизивъ ихъ цѣны, будетъ дѣлать русскій сельскохозяйственный промыселъ все менѣе доходнымъ.

За послѣдніе мѣсяцы въ нашемъ таможенномъ законодательствѣ совершились нѣкоторыя перемѣны. 1 іюня 1893 г. утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о введеніи въ Россіи двойного таможеннаго тарифа. На основаніи этого закона, дѣйствующій тарифъ, со всѣми могущими послѣдовать въ немъ измѣненіями, будетъ примѣняемъ къ товарамъ, составляющимъ произведенія почвы и промышленности тѣхъ странъ, которыя предоставляютъ русскимъ товарамъ наиболѣе льготныя условія ввоза и транзита; къ товарамъ же, составляющимъ произведенія почвы и промышленности тѣхъ странъ, которыя не предоставляютъ русскимъ товарамъ такихъ условій, означенный тарифъ будетъ подлежать примѣненію съ надбавкою 30, 20 и 15 процентовъ. Съ товаровъ внѣевропейскаго происхожденія (рисъ, кофе, какао, джута и др.) будетъ взиматься нынѣшняя пошлина съ надбавкою 15% при ввозѣ этихъ

товаровъ изъ европейскихъ странъ второй группы. Права наиболѣе благопріятствуемыхъ странъ предоставляютъ Россіи Великобританія, Франція, Италія, Голландія, Бельгія, Турція (съ Болгаріей и Египтомъ), Швеція, Норвегія и Данія. Въ эти страны направляются товары, составляющіе по цѣнности до 67% русскаго вывоза: по среднему исчисленію за пятилѣтіе 1886—90 гг., въ эти страны было вывезено русскихъ товаровъ на сумму до 468½ милліоновъ рублей въ годъ. Германія, Австрія, Румынія, Испанія, Португалія не предоставляютъ Россіи правъ наиболѣе благопріятствуемыхъ странъ; въ эти 5 государствъ направляются товары, составляющіе, по цѣнности, 33% русскаго заграничнаго отпуска; 27% на сумму до 165 милліоновъ рублей вывозятся въ Германію. Въ длинномъ спискѣ товаровъ, подлежащихъ при ввозѣ въ Россію усиленному таможенному обложенію, мы находимъ, между прочимъ, мѣдныя, стальныя, жестяныя издѣлія, проволоку разныхъ родовъ, инструменты, машины и аппараты, кромѣ сельско-хозяйственныхъ, писчебумажный товаръ, бумажную, джутовую, льняную и пеньковую пряжу, веревки, канаты, джутовые и холщевые мѣшки. Эти товары подлежатъ надбавкѣ пошлины въ размѣрѣ 30%. Среди товаровъ, на которые опредѣлена надбавка пошлины въ 20%, мы находимъ: выдѣланныя и невыдѣланныя кожи, строительные матеріалы, кирпичъ, простыя гончарныя издѣлія, карболовую кислоту, желѣзные и стальные рельсы, бумажную массу, сельскохозяйственныя машины и орудія, шерсть нечесанную и непряденную и разныя другія издѣлія общаго потребленія. 5 іюня заключенъ торговый договоръ съ Франціей, по которому понижена пошлина на нѣкоторые ввозимые къ намъ французскіе товары; пониженіе составляетъ 10—20%. Изъ товаровъ, которые Франція будетъ ввозить въ Россію, пониженіемъ пошлины на 25% будутъ пользоваться сельско-хозяйственныя машины и орудія, многіе химическіе и фармацевтическіе товары; пониженіе въ 20% дается желѣзнымъ и стальнымъ кардолентамъ; пониженіемъ въ 15% будутъ пользоваться косы, серпы и разныя другія мелкія сельскохозяйственныя орудія, а также инструменты для ремеслъ, художествъ, фабрикъ и заводовъ. 10%-ная уступка на пошлины дѣлается для многихъ чугунныхъ, желѣзныхъ, фаянсовыхъ издѣлій, проволочныхъ гвоздей, разныхъ мануфактурныхъ издѣлій. Четвертымъ актомъ въ сферѣ таможенныхъ мѣропріятій является распоряженіе министра финансовъ отъ 20 іюля о взиманіи пошлинъ съ надбавкою 50% съ произведеній почвы и промышленности Германіи и ея внѣевропейскихъ колоній. Результатомъ этихъ перемѣнъ въ нашемъ таможенномъ законодательствѣ является четвер-

ной таможенный тарифъ: общій, изданный 11 іюня 1891 года, со всѣми послѣдующими измѣненіями и дополненіями; *возвышенный* тарифъ, установленный для товаровъ изъ тѣхъ государствъ, которыя не предоставляютъ Россіи правъ наиболѣе благопріятствуемыхъ странъ; *максимальный* — для Германіи и *минимальный*—для Франціи. Бремя, возлагаемое на Россію общимъ таможеннымъ тарифомъ, такъ велико, что минимальный тарифъ, установленный для Франціи, даетъ потребителямъ почти незамѣтное облегченіе.

Затрудненія, поставленныя привозу товаровъ изъ нѣкоторыхъ странъ, преимущественно изъ Германіи, поведутъ, прежде всего, къ тому, что производители въ другихъ государствахъ и, особенно, во Франціи, пользующіеся болѣе низкой таможенною пошлиной, расширятъ свои промышленные обороты и доставятъ русскому рынку товары, обложенные болѣе высокою таможенною податью при ввозѣ ихъ изъ Германіи и другихъ странъ, въ отношеніи которыхъ примѣняется повышенный тарифъ.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ДЕСЯТОЙ ГЛАВѢ.

1) Главными пособіями для изученія этого вопроса могутъ служить. *Пихно.* Торгово-промышленныя стачки. 1885. *Kleinwächter.* Die Kartelle. 1883. *Baker.* Monopolies and the People. 1889. *Grosmann.* Ueber industrielle Kartelle. Jahrbüch. f. Gesetzgeb. u. Verwaltung 1891, I.

2) *George.* Free Trade u *Sumner.* Protectionism, 29—30.

3) *Sumner* Т.-ж., 49—52.

4) Т.-ж., 53.

5) *George.* Т.-ж., 136.

6) *Sumner.* Т.-ж. 145.

7) Ср. *Иксъ.* Шапками забросаемъ. Экон. Журн., 1893, II, 38—40 и дальше.

8) Ср. Проектъ заключенія къ объяснит. зап. И. В. Эк. Общества по вопр. о пересм. таможен. тарифа, 2—3.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПОТРЕБЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Потребленіе въ собственномъ смыслѣ.

Литература. *Roscher.* System, I. *Schönberg*, I. Handwörterbuch der Staatswissenschaften, IV. *Wagner.* Grundlagen, II. *Moffat.* The Economy of Consumption, 1878. *Gossen.* Entwickelung der Gesetze des menschlichen Verkehrs. 1888. *Patten.* The consumption of Wealth. 1889. *Жуковскій.* Пища, какъ предметъ экономіи. *Вѣст. Евр.*, 1871, IX. Кромѣ этихъ пособій общаго характера, сюда слѣдуетъ отнести всю чрезвычайно обширную литературу по квартирному вопросу, а также изслѣдованія о бюджетѣ рабочихъ. *Villermé.* Tableau de l'état physique et moral des ouvriers, 1840. *Mayhew.* London Labour and the London Poor. 1866. *Sax.* Die Wohnungsverhältnisse der arbeitend. Klassen. 1869. *Engels.* Zur Wohnungsfrage. 1872. *Engel.* Die moderne Wohnungsnoth. 1873. *d'Haussonville.* La misère à Paris. Revue d. d. mondes, 1881. VI. *Reichardt.* Die Grundzüge der Arbeiterwohnunsfrage. 1884. *Ruprecht.* Die Wohnungen der arbeitenden Klassen in London. 1884. Die Wohnungsnoth der ärmeren Klassen in deutschen Grossstädten. 1886. 30—31 B-e, Schriften des Vereins für Socialpolitik. *Trüdinger.* Die Arbeiterwohnungsfrage. 1888. *Зиберъ.* Квартирн. вопр. въ больш. городахъ. *Юрид. Вѣст.*, 1886, I и II. *Исаевъ.* Большіе города и ихъ вліяніе на обществ. жизнь 1887.—*Le Play.* Ouvriers européens, I. *Schnapper Arndt.* Fünf Dorfgemeinden auf dem hohen Taunus. 1882. *Ballin.* Die Haushaltung der arbeitend. Klassen. 1883. *Gruber.* Die Haushaltung der arbeitenden Klassen. 1887. *Hampke.* Das Ausgabebudget der Privatwirthschaften. 1888. *Bauer.* Das Konsumtionsbudget der Haushaltung, въ Handwörterb. der Staatswissensch. IV. Тамъ же дальнѣйшія указанія на литературу вопроса. Относительно Россіи можно найти обширный и частію обработанный матеріалъ въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ и въ земскихъ статистическихъ сборникахъ, особенно по Воронежской, Московской, Тамбовской губерніямъ. Для ознакомленія съ крестьянскими бюджетами въ Россіи, см. также: *Исаевъ.* Промыслы Москов. губерніи и *Щербина.* Крестьянскіе бюджеты. *Съв. Вѣст.*, 1888 IV. По вопросу о роскоши. *Roscher*, I. *Wagner*, II. *Schönberg*, I. *Dumont.* Théorie du luxe. 1771. *Rau.* Ueber den Luxus. 1817. *Herrmann.* Die Launen der Pracht. 1872. *Conrad.* Ueber das Steigen der Lebens ansprüche

1877. *Baudrillart.* Histoire du luxe privé et publique. 1880. *Laveleye.* Le luxe. 1887. *Его же.* Elements de l'écon. polit. По вопр. о потребит. артеляхъ. *Pfeiffer.* Die Konsumvereine. 1869. *Holyoake.* History of Cooperation. 1875 и 1885. *Brelay.* Les sociétés de consommation. 1881. *Schneider.* Taschenbuch f. Konsumvereine. *Crüger.* Die Erwerbs-und-Wirthschaftsgenossenschaften in den einzelnen Ländern. 1892. *Zeidler.* Geschichte des deutschen Genossenschaftswesens der Neuzeit. 1893. Дальнѣйш. указ. въ статьѣ *Crüger'a* Konsumvereine въ Handwörterb. der Staatswissensch., III. Для Россіи: Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ Россіи, III. 1875. Сообщенія петерб. отдѣл. комит. о ссудосб. товарищ., V. 1892. Дальнѣйш. свѣдѣн. см. библіографич. указатель *Межова.*

Цѣлесообразное потребленіе благъ есть конечная цѣль производства. Развитіе человѣческихъ способностей и напряженіе силъ въ производительномъ трудѣ всегда имѣетъ нравственное значеніе, но работа становится безцѣльною, если она не направлена на производство благъ, которыя удовлетворяютъ человѣческія потребности. Потребленіе, такимъ образомъ, постоянно питаетъ производительные процессы. Пропорція, въ которой стоитъ потребленіе отдѣльныхъ людей къ ихъ производству, не одна и та же. Большое значеніе имѣетъ полъ: на низкихъ ступеняхъ культуры женщины, исполняя многія тяжелыя работы, больше участвуютъ въ производствѣ матеріальныхъ благъ, нежели въ развитомъ обществѣ. Общественные слои, которые, живутъ рентами и процентами и, будучи способны къ труду, не участвуютъ въ производительномъ процессѣ прямо или косвенно, являются только потребляющею частью населенія. Сюда же нужно отнести способныхъ къ работѣ, но не желающихъ работать нищихъ, бродягъ, преступниковъ. Исключительно потребляющую часть населенія образуютъ, наконецъ, дѣти до 15 лѣтъ, старики, больные и увѣчные. Къ производящей части населенія, по возрасту, нужно отнести всѣхъ достаточно здоровыхъ людей между 15 и 60 годами. Эти люди должны удовлетворить не только свои потребности, но и потребности всей не работающей части населенія.

Въ качественномъ отношеніи потребности человѣка допускаютъ безграничное расширеніе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ разнообразіе видовъ почти каждаго блага, вошедшихъ въ хозяйственный оборотъ. Но для нѣкоторыхъ потребностей, особенно потребности въ пищѣ, есть граница, которую человѣкъ не можетъ переступить относительно количества потребляемыхъ благъ. Всѣ же потребности, которыя слѣдуетъ отнести къ прихотямъ, потребностямъ роскоши (украшеніе одежды, жилищъ и т. д.), и количественно не имѣютъ границъ. Поэтому, практически важно опредѣлить только низшій предѣлъ потребностей и наименьшій запасъ благъ, необходимый для ихъ удовлетворенія. Можно говорить о низшемъ предѣлѣ потребностей одного человѣка, семьи, цѣлаго народа. Этотъ предѣлъ

не одинъ и тотъ же въ разныхъ климатахъ и на разныхъ ступеняхъ культуры. Въ Россіи уровень потребностей вообще очень низокъ; но многіе люди бѣднѣйшихъ классовъ погибли бы, еслибы имъ дать только то, чѣмъ довольствуется эскимосъ или новоземелецъ. Однако, и въ наиболѣе богатыхъ странахъ часть населенія имѣетъ меньше средствъ, нежели нужно для физически правильнаго удовлетворенія потребностей. Эти недостатки рѣдко ведутъ къ смерти отъ голода и холода въ такой острой формѣ, какъ погибаетъ первобытный человѣкъ, но они служатъ причинами хроническаго истощенія, высокой смертности бѣднѣйшихъ классовъ и особенно усиленной смертности дѣтей.

Размѣры потребленія прежде всего опредѣляются хозяйственными силами семьи, ея доходомъ. Разъ доходъ семьи поднимается надъ уровнемъ необходимыхъ потребностей, то въ разныхъ общественныхъ слояхъ слагаются различные типы потребленія; эти типы обусловливаются не только доходами, но и сословными и классовыми обычаями того общественнаго круга, къ которому принадлежитъ данная семья. При доходѣ однихъ и тѣхъ же размѣровъ, семьи зажиточныхъ крестьянъ, мѣщанъ, чиновниковъ, офицеровъ, литераторовъ, если составъ семей одинъ и тотъ же, представляютъ своеобразные типы въ области потребленія. Каждая изъ этихъ единицъ, дорожа принадлежностью къ извѣстному кругу, часто придаетъ особенное значеніе не тѣмъ потребностямъ, которыя наиболѣе важны для сохраненія жизни и здоровья, но тѣмъ, которыя кладутъ на человѣка печать извѣстнаго сословія или класса: чиновникъ скорѣе откажется отъ здоровой пищи, чѣмъ отъ довольно хорошаго платья, литераторъ позднѣе всего сократитъ расходы на книги и т. п.

Блага, удовлетворяющія потребности людей, могутъ быть производимы въ массахъ, которыя опредѣляются запасами сырья и вспомогательныхъ матеріаловъ. Успѣхи знанія на столько увеличили производительность труда, что до сихъ поръ человѣчество не только не испытывало недостатка въ сырыхъ и вспомогательныхъ матеріалахъ, но съ каждымъ поколѣніемъ имѣло ихъ все въ большемъ и большемъ количествѣ. Однако, эти запасы подлежатъ истощенію: пласты каменнаго угля, отложившіеся въ предыдущіе геологическіе періоды, не могутъ быть возобновлены; то же можно сказать объ источникахъ нефти, рудникахъ благородныхъ металловъ и т. д. Наконецъ, и земля, какъ мѣсто сельскохозяйственной дѣятельности человѣка, ограничена; съ разселеніемъ людей по всему земному шару наступитъ время, когда производительныя силы почвы будутъ использованы до крайнихъ предѣловъ.

Вотъ естественныя границы (правда, весьма отдаленныя отъ насъ), за которыя не можетъ переступить человѣкъ въ развитіи своихъ потребностей.

Потребности могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ классамъ: *единоличныя*, вытекающія изъ индивидуальной природы человѣка, и *общественныя*, связанныя съ развитіемъ общежитія.

1) Среди индивидуальныхъ потребностей первое мѣсто занимаетъ потребность въ *пищѣ*. Физіологи опредѣляютъ нормальную потребность въ пищѣ количествомъ основныхъ элементовъ, необходимыхъ для поддержанія жизни и здоровья человѣка. Ежедневная порція взрослаго мужчины опредѣляется такою нормой: 118 грам. бѣлковины, 56 грам. жировыхъ веществъ, 500 грам. углеводовъ и 30 грам. минеральныхъ солей. А такъ какъ всѣ пищевыя вещества содержатъ значительное количество воды, то по вѣсу количество пищи, которое нужно принимать, значительно больше, нежели приведенныя нормы. Порціи, даваемыя солдатамъ въ европейскихъ войскахъ, должны быть признаны близкими къ нормѣ необходимаго для человѣка количества пищи: правительства заинтересованы въ сохраненіи здоровья солдатъ, а также и въ томъ, чтобы не расходовать ничего лишняго на ихъ содержаніе. Въ германскихъ войскахъ, которыя составляютъ предметъ особой заботливости правительства, въ мирное время, при нахожденіи въ гарнизонѣ, солдатъ получаетъ ежедневно: 750 грам. хлѣба, 150 грам. мяса, 90—риса (или 120—крупъ или 230—стручковыхъ растеній, или 1500 гр. картофеля) и 25 граммовъ соли. Порціи увеличиваются на маневрахъ и достигаютъ въ военное время высшихъ размѣровъ: 1000 гр. хлѣба, 500—мяса, 40—кофе. Среди потребляемыхъ продуктовъ нѣкоторые не составляютъ предметовъ необходимости, но стали общераспространенными; таковы: кофе, чай, сахаръ, отчасти, вино. Размѣры потребленія этихъ предметовъ служатъ отчасти показателемъ благосостоянія даннаго народа. Въ то время какъ отдѣльныя страны мало разнятся одна отъ другой по количеству потребляемаго хлѣба, соли, разница между народами относительно потребленія этихъ припасовъ очень велика. На 1 жителя потребляется сахару: въ Англіи—75 фунтовъ, во Франціи—24, въ Германіи—20, Россіи—8. Чаю: въ Англіи—5 фунтовъ, Соединенныхъ Штатахъ—$1^1/_2$. Водки: въ Норвегіи—3,9 литра, въ Россіи и Швеціи—8,1, Голландіи—9,8, Даніи—18,9. Кофе: въ Соединенныхъ Штатахъ—9,2 фунта, Германіи—6, Франціи—$4^1/_3$ фунта.

2) Потребность въ *жилищѣ* имѣетъ также первостепенное значеніе не только въ физическомъ отношеніи, для защиты отъ ненастья, но и въ отношеніи нравственномъ: семейная жизнь сосре-

доточивается у домашняго очага, и ничто въ такой мѣрѣ не разрушаетъ ея, какъ неудовлетворительное жилище. Гигіена ставитъ низшимъ предѣломъ удовлетворенія потребности въ жилищѣ 2 кубическихъ сажени на 1 человѣка, такъ какъ этотъ запасъ воздуха необходимъ для дыханія. Въ интересахъ же культурныхъ, жилище должно быть достаточно для того, чтобы мужчины, женщины и дѣти имѣли особыя помѣщенія: общія помѣщенія для лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ способствуютъ половой распущенности. Большіе города со своими ночлежными домами и подвальными помѣщеніями представляютъ особенно неблагопріятныя условія для удовлетворенія этой потребности. Въ Берлинѣ, напр., около 128.000 жилищъ имѣютъ 478.000 жильцовъ и только по 1 отопляемой комнатѣ. Въ Петербургѣ въ подвальныхъ квартирахъ живетъ около 8% населенія. Въ связи съ потребностью въ жилищѣ стоитъ и потребность въ топливѣ, которое способствуетъ поддержанію въ жилищѣ достаточной теплоты.

3) Потребность въ *одеждѣ* не допускаетъ проведенія высшей границы. Даже масса населенія смотритъ на одежду не только какъ на средство охранять тѣло отъ вредныхъ вліяній атмосферы, но и какъ на украшеніе; этимъ объясняется очень распространенная привычка расходовать на одежду болѣе, нежели допускаютъ имущественныя силы даннаго лица. Низшій же предѣлъ удовлетворенія этой потребности можетъ быть установленъ согласно съ климатическими условіями: въ суровомъ климатѣ необходима одежда изъ шерстяныхъ тканей и мѣховъ, тогда какъ въ жаркихъ поясахъ можно довольствоваться и болѣе легкой.

Сопоставленіе расходовъ, которые вызываются этими главными потребностями, показываетъ, что пища занимаетъ первое мѣсто. Въ семьяхъ рабочихъ классовъ на пищу идетъ 60—65% всѣхъ расходовъ; въ среднемъ классѣ—50—55%. На жилище съ отопленіемъ идетъ въ бѣдныхъ семьяхъ 15—20%, въ среднихъ 12—15%.

Есть предметы потребленія, которые разрушаютъ здоровье людей и потому должны быть признаны вредными. Эти блага, будучи плодомъ человѣческаго труда, образуютъ богатство; но, не содѣйствуя физическому благополучію человѣка, ни его духовному развитію, они имѣютъ въ хозяйствѣ только отрицательное значеніе: если бы человѣчество оставило привычку потреблять ихъ, то сберегло бы много силъ, которыя способствовали бы и болѣе успѣшному хозяйственному развитію. Среди этихъ предметовъ крѣпкимъ напиткамъ принадлежитъ первое мѣсто. Можетъ считаться спорнымъ вопросъ о томъ, полезно или, по крайней мѣрѣ, безвредно ли потребленіе ихъ въ самыхъ малыхъ количествахъ. Несомнѣнно

одно: потребленіе ихъ ведетъ въ большинствѣ случаевъ къ злоупотребленію, а послѣднее разрушаетъ тѣлесное здоровье человѣка, подтачиваетъ его духовныя силы, отнимаетъ у него много времени отъ производительнаго труда. Прискорбныя явленія, связанныя съ пьянствомъ, такъ извѣстны, что не нуждаются въ подробномъ описаніи. Припомнимъ только, что за каждые 10 лѣтъ вслѣдствіе пьянства въ Соединенныхъ Штатахъ, напр., 10.000 человѣкъ оканчиваютъ самоубійствомъ, остаются 200.000 безвременныхъ вдовъ и около 1.000.000 сиротъ. Сюда же нужно отнести и потребленіе табаку. Перенятая цивилизованными народами у американскихъ дикарей дурная привычка курить искусственно раздражаетъ нервы и разстраиваетъ здоровье. Однородное, но еще болѣе сильное вліяніе оказываетъ на человѣка потребленіе опіума, всего болѣе распространеннаго въ Китаѣ, но нашедшаго много любителей и въ европейско-американскомъ мірѣ. Цѣнность спиртныхъ напитковъ и табаку, ежегодно производимыхъ въ цивилизованныхъ государствахъ, опредѣляется 3—4 милліардами рублей. Человѣчество выиграло бы, еслибы огромные капиталы и масса труда, затраченные въ винокуренныхъ заводахъ, табачныхъ плантаціяхъ и фабрикахъ, получили иное назначеніе.

Здѣсь же нужно коснуться вопроса о роскоши. Мы находимъ въ литературѣ много различныхъ опредѣленій роскоши; большею частью, они сходятся въ признаніи роскошью потребленія такихъ благъ, которыя безполезны для поддержанія жизни и здоровья людей и не нужны для человѣческаго благополучія. Такое опредѣленіе неудовлетворительно: бѣднякъ, пропивая весь свой заработокъ, издерживается на водку, которая не способствуетъ сохраненію жизни и здоровья; но никто не скажетъ, что онъ проводитъ жизнь въ роскоши. Понятіе роскоши относительно: нѣтъ основанія утверждать, что именно такія-то блага должны быть относимы къ предметамъ роскоши, такъ какъ это понятіе содержитъ представленіе не только о родахъ благъ, но и о ихъ количествѣ: фазаны и ананасы, подаваемые за обѣдомъ, должны быть относимы къ предметамъ роскоши; то же слѣдуетъ сказать объ одеждѣ съ брилліантовыми пуговицами, о дорогихъ картинахъ, зеркалахъ, коврахъ, столовой утвари. Но мы должны сказать также, что человѣкъ живущій въ домѣ о 20 комнатахъ, хотя бы просто отдѣланныхъ, имѣющій для катанья 10, хотя бы и недорогихъ лошадей, нѣсколько дюжинъ платьевъ, хотя бы и неизысканныхъ по убранству, ведетъ жизнь, полную роскоши. Поэтому, гораздо правильнѣе разумѣть подъ «роскошью» потребленіе такихъ вещей и въ такомъ количествѣ, которыя рѣзко отличаются отъ среднихъ, распространенныхъ по-

требностей въ данное время и данномъ мѣстѣ. Если среднее жилище состоитъ въ данномъ мѣстѣ изъ 5 комнатъ, то мы съ полнымъ правомъ назовемъ роскошнымъ жилище изъ 20 комнатъ. Если человѣкъ очень скромнаго достатка можетъ имѣть золотое обручальное кольцо, нѣсколько серебряныхъ ложекъ и золотые часы, то мы должны говорить о роскоши тѣхъ, чьи пальцы украшены драгоцѣнными перстнями, чья столовая утварь измѣряется пудами золота и серебра.

Роскошь издавна служитъ для экономистовъ и философовъ предметомъ усерднаго изученія. Стоическая философія древней Греціи, отцы церкви и средневѣковые схоластики бичуютъ роскошь, какъ источникъ развращенія людей. Позднѣе роскошь подвергается безпощадному осужденію со стороны гуманистовъ, Лютера, Руссо. Но найдется не мало голосовъ и въ защиту роскоши. Многіе экономисты проводятъ мысль, что роскошь богатыхъ людей, содѣйствуя расширенію производства, даетъ бѣднымъ людямъ заработокъ [1]). Въ новѣйшее время, благодаря особенной склонности къ компромиссамъ, которую мы находимъ у многихъ экономистовъ-историковъ, проводится взглядъ, что у народа въ состояніи здоровой культуры и роскошь не принимаетъ болѣзнетворныхъ формъ [2]).

Нужно энергически возражать противъ мнѣнія, будто бы роскошь полезна, такъ какъ она расширяетъ производство и открываетъ бѣднымъ людямъ новые источники для заработковъ. Въ основѣ этого заблужденія лежитъ стараніе одобрить существующій порядокъ вещей, отыскать выгоды и тамъ, гдѣ предъ судомъ здраваго смысла обнаруживаются только темныя стороны. Производство предметовъ роскоши уже потому открываетъ меньшее поле для заработковъ, нежели производство общераспространенныхъ товаровъ, что въ первомъ случаѣ (отдѣлка драгоцѣнныхъ каменьевъ, экипажей, домовъ) плата выше и на данный капиталъ можетъ быть занято меньшее число рабочихъ рукъ.

Нравственное чувство побуждаетъ стать на сторону тѣхъ мыслителей, которые осуждаютъ роскошь. Однако, мы осудимъ ее тѣмъ болѣе сознательно, чѣмъ рѣзче проведемъ границу между роскошью въ общественномъ потребленіи и роскошью частныхъ хозяйствъ. Первая только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ вызывать противъ себя осужденіе, отъ кого бы ни исходила она—отъ общественной власти, союзовъ или отдѣльныхъ лицъ. Храмы, изукрашенные драгоцѣнными каменьями, картинами великихъ мастеровъ, музеи, въ которыхъ сосредоточены рѣдкіе предметы искусства, библіотеки съ милліонами томовъ, театры, памятники, общественные сады,—разъ эти предметы и учрежденія открыты для

пользованія всѣхъ гражданъ,—не должны вызывать противъ себя возраженій, если даже они отличаются всѣмъ блескомъ и великолѣпіемъ, которые способенъ изобрѣсти человѣческій умъ. Если эти учрежденія открыты всѣмъ для безплатнаго пользованія, то и бѣднякъ можетъ проводить нѣкоторые часы досуга внѣ своего убогаго жилища и получать отъ общественной роскоши извѣстную сумму наслажденій. Пожертвованія частныхъ лицъ, создающія общественную роскошь, являются наилучшею формою, въ которую, при современномъ хозяйственномъ строѣ, могутъ затрачиваться богатства. Такія затраты со стороны государства и единицъ самоуправленія могутъ быть также оправданы, если удовлетворяются главныя коллективныя потребности и налоги распредѣляются достаточно равномѣрно.

Но и общественная роскошь, созидаемая на государственныя, земскія и городскія средства, заслуживаетъ осужденія, если не удовлетворяются насущныя потребности. Городу неприлично проводить электрическое освѣщеніе или строить великолѣпный театръ, пока нѣтъ достаточнаго числа училищъ. Главными источниками роскоши въ частномъ хозяйствѣ служатъ чувственныя влеченія и тщеславіе; послѣднему принадлежитъ выдающееся мѣсто. Украшая себя дорогими нарядами, окружая себя въ домашнемъ быту дорогой мебелью, утварью, человѣкъ не столько руководствуется желаніемъ удовлетворить свои матеріальныя влеченія или эстетическія наклонности, сколько желаніемъ выдѣлиться изъ толпы, обратить на себя всеобщее вниманіе, быть членомъ лучшаго, избраннаго общества. Конечно, суетность этихъ влеченій, объясняетъ, что и человѣческое потребленіе, сложившееся подъ ихъ вліяніемъ, не можетъ быть нормальнымъ. Роскошь въ частномъ хозяйствѣ является двоякимъ зломъ. Такъ какъ тщеславію нѣтъ границъ, то человѣкъ, преданный роскоши, затрачиваетъ много времени на то, чтобы все больше развивать и разнообразить свое потребленіе; то время, которое могло бы быть посвящено духовному усовершенствованію и здоровымъ наслажденіямъ, употребляется на воспитаніе тщеславія. Во-вторыхъ, роскошь богатыхъ людей вызываетъ зависть въ бѣднѣйшихъ классахъ; сравненіе своей нужды съ пышностью, утѣхами и радостями, которыя выпадаютъ на долю первыхъ, дѣлаетъ для послѣднихъ особенно острымъ и болѣзненнымъ сознаніе ихъ убожества. А такъ какъ чувство довольства или неудовлетворенности порождается не абсолютнымъ количествомъ благъ, которымъ располагаетъ человѣкъ, не однимъ родомъ потребностей и степенью ихъ удовлетворенія, но и сравненіемъ своей жизни съ обстановкою другихъ людей, то—можно сказать безошибочно,—

съ возрастаніемъ роскоши, въ бѣднѣйшихъ классахъ увеличивается сознаніе ихъ несчастливой доли.

Многочисленные факты говорятъ за то, что роскошь нашего времени не только не уступаетъ роскоши послѣднихъ вѣковъ древняго Рима, но превосходитъ ее, какъ по количеству расточаемыхъ благъ и ихъ разнообразію, такъ и по способности вредно вліять на окружающихъ. Исторія повѣствуетъ намъ о пирахъ Лукулла, объ обширныхъ и великолѣпныхъ дворцахъ и садахъ богатыхъ и знатныхъ римлянъ. Эти факты являются, однако, исключеніями на общемъ фонѣ римской жизни. Роскошные римскіе ужины происходили на глазахъ рабовъ. Слабое развитіе гласности и общественной жизни не дѣлало роскоши древняго міра всенароднымъ явленіемъ. Въ настоящее время формы роскоши—балы, пикники, поѣздки на воды, дачная жизнь на яхтахъ, гребной, скаковой, охотничій спорты—стали до такой степени разнообразны, что тщеславію богатыхъ людей открывается гораздо болѣе широкій просторъ и потребности роскоши могутъ быть воспитываемы и развиваемы не только богачами, склонными къ обжорству, не только сластолюбцами, но и людьми воздержными, разъ они имѣютъ спеціальную наклонность къ какому-либо спорту. Если припомнить, что нерѣдко одинъ балъ или раутъ у современныхъ милліонеровъ стоитъ десятки и сотни тысячъ рублей, что за столовый сервизъ изъ стариннаго севрскаго фарфора уплачиваются сотни тысячъ, что затрачиваютъ десятки тысячъ на одного кровнаго рысака или скакуна, если припомнить, что нашелся американскій богачъ, который, чтобы выдѣлиться даже изъ среды богатыхъ людей, построилъ замокъ на высокихъ столбахъ, то намъ будетъ неловко повторять избитые анекдоты о пирахъ Лукулла. Въ древности свидѣтелями роскоши были гости и рабы. Въ настоящее время все дѣлается для того, чтобы дать роскоши наиболѣе яркое освѣщеніе, сдѣлать ея свидѣтелями десятки и сотни тысячъ людей. Въ театрахъ, на скачкахъ, на катаньяхъ, многотысячныя массы служатъ зрителями рѣдкихъ экипажей, дорогихъ лошадей, женскихъ туалетовъ, брилліантовъ. Если въ богатомъ домѣ дается обѣдъ для немногихъ гостей, то газеты знакомятъ сотни тысячъ читателей съ убранствомъ столовой и цвѣтомъ тарелокъ, на которыхъ подавалось кушанье. Поэтому, въ настоящее время каждое проявленіе роскоши можетъ вызывать зависть въ несравненно болѣе обширномъ кругу, нежели то было возможно въ древности. Нельзя доказать бо́льшую культурность современной роскоши сравнительно съ роскошью древняго міра ссылкою и на то, будто теперь богатые люди въ разныхъ формахъ поддерживаютъ общественную роскошь, основы-

ваютъ образцовыя училища, музеи, театры, сады и проч. Мы знаемъ, что наиболѣе просвѣщенные изъ богачей древности поощряли ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ. А если теперь эти явленія болѣе часты, то лишь потому, что число богатыхъ людей болѣе велико и что состояніе какого-нибудь Ротшильда или Вандербильта многократно превосходитъ состоянія самыхъ богатыхъ людей древности.

Государственная власть изстари считала борьбу съ роскошью одной изъ своихъ важнѣйшихъ задачъ. Уже древнему Египту были знакомы законы противъ роскоши. Ликургово законодательство, возставая противъ излишествъ всякаго рода, было наиболѣе полнымъ и многостороннимъ протестомъ противъ роскоши. Отъ древняго Рима чрезъ средніе вѣка и вплоть до конца 18 столѣтія законы противъ роскоши тянутся почти непрерывной нитью. Ограниченіе расходовъ на женскіе наряды, на столъ, на свадебныя пиршества, запрещеніе носить дорогія ткани, шубы, опредѣленіе числа гостей, которые могли быть приглашаемы къ обѣду, ограниченіе количества серебряной утвари, расходовъ на похороны, числа лошадей, впрягаемыхъ въ экипажъ въ зависимости отъ званія лица—вотъ предметы этихъ законовъ. Творцы этихъ законовъ руководствовались вѣрнымъ нравственнымъ чувствомъ, что роскошь есть вредное, а потому и нежелательное явленіе. Однако, стремленіе обуздать роскошь посредствомъ законовъ доказываетъ незрѣлость общественной мысли. Законы—и это доказывается историческимъ опытомъ—безсильны устранить роскошь, ибо должна быть содержима цѣлая армія соглядатаевъ, которые входили бы въ дома частныхъ лицъ, врывались бы во всѣ мелочи семейной жизни и доносили бы начальству о нарушеніяхъ закона. Роль такихъ чиновниковъ-соглядатаевъ настолько непривлекательна и неопрятна, что нельзя было бы разсчитывать на замѣщеніе этихъ должностей порядочными людьми и богачамъ, склоннымъ къ роскоши, нетрудно было бы расположить ихъ къ себѣ посредствомъ системы подкуповъ. Во-вторыхъ, борьба противъ роскоши, еслибы даже удалось ограничить ее, не имѣетъ обще-экономическаго значенія до тѣхъ поръ, пока строй производства остается неизмѣненнымъ. Неравенство состояній создается условіями производства; его нельзя смягчить тѣмъ, что богатые люди ограничиваются въ формахъ и размѣрахъ потребленія.

То же скажемъ мы и о потребленіи вещей, вредныхъ для здоровья — спиртныхъ напитковъ, опіума, табаку. Прошлому знакомы мѣропріятія, которыми старались уничтожить или, по крайней мѣрѣ, сократить потребленіе этихъ предметовъ. Однако, цѣль

не достигалась: въ виду самаго характера этихъ предметовъ законъ можетъ быть легко обойденъ. Нужно и потому высказаться противъ этихъ запрещеній, что не желательно идти такъ далеко въ стѣсненіи личной свободы. Часто высказываютъ мнѣніе, что казенная продажа вина является хорошей мѣрой противъ пьянства. Думать это—значитъ объяснять незначительными причинами—въ данномъ случаѣ формою виноторговли — такое сложное явленіе, какъ пьянство. Какъ ни разнообразны формы проявленія пьянства, два обстоятельства имѣютъ особенно благопріятное вліяніе на его развитіе,—бѣдность и невѣжество. А такъ какъ казенная продажа вина не вліяетъ на эти условія, то и странно ожидать, что она можетъ уменьшить наклонность къ пьянству. Вѣрнымъ средствомъ противъ неумѣреннаго потребленія спиртныхъ напитковъ служатъ повышеніе народнаго благосостоянія, просвѣщеніе, а также неустанная проповѣдь и примѣръ со стороны людей, которымъ чужда эта дурная привычка.

Потребленіе частныхъ хозяйствъ въ значительной степени удешевляется съ распространеніемъ потребительныхъ артелей. Цѣль этихъ артелей состоитъ въ томъ, чтобы, образуя крупный капиталъ изъ мелкихъ періодическихъ членскихъ взносовъ, пріобрѣтать главные предметы потребленія оптомъ, по дешевой цѣнѣ и продавать ихъ членамъ. Денежныя отношенія артелей къ членамъ могутъ быть двоякого рода: 1) продажа товаровъ по пониженной цѣнѣ сравнительно съ рыночною и 2) продажа по рыночной цѣнѣ и распредѣленіе прибыли между членами. Въ обоихъ случаяхъ членъ артели дѣлаетъ сбереженія на расходахъ; послѣдній способъ, наиболѣе употребительный, заслуживаетъ предпочтенія, ибо артель образуетъ какъ бы сберегательную кассу, которая и даетъ каждому члену маленькое обезпеченіе. Хорошо организованныя потребительныя артели удешевляютъ потребленіе своихъ членовъ на 10—15—20%. Они имѣютъ также и ту выгодную сторону, что, продавая только доброкачественные товары и всегда за наличныя деньги, не причиняютъ вреда здоровью потребителей и не развиваютъ въ нихъ опасной привычки забирать на книжку и постепенно входить въ неоплатные долги. Извѣстно, что владѣльцы лавокъ, имѣющіе покупателями преимущественно людей изъ бѣднаго класса, часто грѣшатъ въ этихъ обоихъ отношеніяхъ: продаютъ испорченные или поддѣланные товары и охотно отпускаютъ товары въ долгъ, прикрѣпляя тѣмъ къ себѣ покупателей и навсегда дѣлая ихъ своими должниками. Потребительныя артели, при достаточномъ развитіи своихъ оборотовъ, организуютъ промышленныя заведенія; таковы пекарни, мельницы, сапожныя мастерскія и т. п.

Многія артели, стремясь доставить членамъ еще большія выгоды, заключаютъ съ торговцами договоры объ отпускѣ артельщикамъ по пониженной цѣнѣ тѣхъ товаровъ, которыми не торгуютъ сами артели.

Потребительныя артели достигаютъ высшей точки, какъ скоро образуютъ союзы для совмѣстной закупки большихъ массъ товара непосредственно отъ производителей; при такой организаціи артели могутъ пріобрѣтать товары по самой дешевой цѣнѣ. Въ Англіи и Шотландіи возникли артели для оптовыхъ закупокъ съ годовыми оборотами до 100 милліоновъ рублей (1889 годъ). Артели учреждаются для продажи товаровъ своимъ членамъ. Однако, нѣтъ основанія запрещать продавать имъ товары и стороннимъ лицамъ. Опытъ, сдѣланный во многихъ странахъ, показываетъ, что продажа изъ артельныхъ лавокъ стороннимъ лицамъ постепенно ведетъ къ тому, что многія изъ нихъ вступаютъ въ члены. Если артель значительно развила свои обороты со сторонними лицами, то является уже торговымъ предпріятіемъ; въ этомъ случаѣ она уже не должна притязать на особыя податныя льготы, которыя финансовыя законодательства охотно предоставляютъ потребительнымъ артелямъ.

Громкіе протесты и козни торговцевъ противъ потребительныхъ артелей служатъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ выгодъ, которыя эти учрежденія доставляютъ своимъ членамъ. За послѣднее десятилѣтіе во многихъ германскихъ городахъ торговцы устроивали собранія, чтобы обсудить мѣры, которыя могли бы пріостановить развитіе потребительныхъ артелей. Къ министрамъ, къ депутатамъ рейхстага поступали многочисленныя ходатайства, въ которыхъ изображалась самыми мрачными красками опасность, грозящая со стороны потребительныхъ артелей. «Такъ какъ онѣ (артели),—говорится въ этихъ ходатайствахъ—съ каждымъ годомъ возростаютъ въ числѣ, то, въ недалекомъ будущемъ, если законъ не поставитъ преградъ ихъ размноженію, средній и мелкій торговый и промышленный людъ, обнимающій сотни тысячъ душъ, окончательно раззорится». Во всѣхъ ходатайствахъ проводилась мысль, что потребительныя артели должны быть стѣснены въ своихъ оборотахъ и въ особенности, что должно быть запрещено чиновникамъ, учителямъ, офицерамъ вступать въ члены артелей. Эта вражда доказываетъ, что потребительныя артели являются опасными соперниками розничныхъ торговцевъ. Если число послѣднихъ уменьшится подъ вліяніемъ этого соперничества, то потребительныя артели окажутъ народному хозяйству новую услугу: насчетъ

уменьшенія розничныхъ торговцевъ возрастетъ число людей, занятыхъ болѣе производительнымъ трудомъ.

Потребительныя артели достигли наибольшаго развитія въ Соединенномъ Королевствѣ. Первое товарищество—рочдэльскихъ піонеровъ—было основано въ 1843 году. Въ 1888 году насчитывалось 1204 артели; онѣ имѣли 867,223 члена, паевой капиталъ около 9 милл. фунт. стерл., продали товаровъ почти на 24 милліона фунтовъ и затратили около 24,000 фунт. на образовательныя цѣли. Въ 1889 году къ манчестерской артели оптовыхъ закупокъ принадлежало 811 артелей съ 679,339 членами; оно сдѣлало оборотъ на 7 милл. фунтовъ. Въ Германіи потребительныя артели стали возникать подъ вліяніемъ Шульце-Делича; въ 1865 году было 157 артелей, а въ 1891—1122. Подробныя свѣдѣнія собраны о 302 артеляхъ; онѣ имѣли 229,126 членовъ, около 7 милліоновъ марокъ паевого и запасного капиталовъ, продали на 64 милліона марокъ и получили до $5^1/_2$ милліоновъ чистой прибыли. Германскія потребительныя артели еще не достигли того высокаго уровня, на которомъ стоятъ англійскія, однако, и въ Германіи есть очень крупныя учрежденія этого рода: такова потребительная артель въ Бреславлѣ. Въ концѣ 1890 года она имѣла 31,141 члена, которые, вмѣстѣ съ членами своихъ семей, образовали больше 100,000 душъ. Во Франціи въ 1889 году было около 800 потребительныхъ артелей; онѣ имѣли 450,000 членовъ.

До сихъ поръ это движеніе не имѣло въ Россіи большого успѣха. Въ началѣ 70-хъ годовъ у насъ числилось до 80 потребительныхъ артелей, изъ коихъ большинство существовало только на бумагѣ. Къ 1891 году насчитывалось 55 артелей. Большинство имѣло очень скромные размѣры: капиталы не превышаютъ тысячъ или немногихъ десятковъ тысячъ. Отчеты о 48 артеляхъ (изъ нихъ около 30 на горныхъ заводахъ Вятской, Пермской и Уфимской губерній) свидѣтельствуютъ, что ихъ паевые и запасные капиталы составляли только 860,000 рублей. Нужно приписать слабое развитіе въ Россіи этихъ полезныхъ учрежденій только недостаточному навыку русскихъ людей къ общественной дѣятельности. Простѣйшія же потребительныя или харчевыя артели имѣютъ у насъ широкое распространеніе: люди, работающіе совмѣстно, образуютъ артель, которая сообща нанимаетъ квартиру, покупаетъ съѣстные припасы и платитъ жалованье стряпухѣ; артельными дѣлами завѣдуетъ выборный староста. Харчевыя артели, будучи изстари знакомы русскому народу, возникаютъ легко, безъ всякаго письменнаго договора между участниками. Вѣковой обычай сводитъ

въ такія артели всѣхъ безсемейныхъ рабочихъ, занятыхъ въ одномъ мѣстѣ однимъ и тѣмъ же промысломъ.

Второй классъ образуютъ *общественныя* потребности; самый характеръ ихъ таковъ, что онѣ удовлетворяются не единолично, а собирательно. Чѣмъ болѣе развивается общежитіе, тѣмъ болѣе видное мѣсто занимаютъ эти потребности. Всего важнѣе потребность охранять страну отъ внѣшнихъ опасностей и поддерживать порядокъ внутри государства. Для достиженія этой цѣли общество должно ежегодно затрачивать извѣстную часть своего дохода на содержаніе войска, полиціи, на устройство крѣпостей и т. д. Общественная жизнь выдвигаетъ и другіе запросы, которые удовлетворяются собирательно. Пути сообщенія есть одно изъ самыхъ важныхъ условій для развитія гражданственности. Совмѣстная жизнь въ городѣ дѣлаетъ необходимыми затраты на мощеніе улицъ, освѣщеніе, снабженіе домовъ водою и т. д. Можно образовать особую группу изъ потребностей, которыя связаны съ возрастомъ людей или состояніемъ ихъ здоровья. Общество нуждается въ пріютахъ и школахъ, дабы отвѣтить на потребности подростающаго поколѣнія; ему нужны богадѣльни, больницы для удовлетворенія потребностей людей престарѣлыхъ и больныхъ. Ростъ культуры вызываетъ весьма различные интересы, соединяющіе людей въ особыя, самостоятельныя группы; потребности этихъ группъ также удовлетворяются собирательно. Умственные интересы удовлетворяются библіотеками, музеями; религіозныя — посредствомъ храмовъ; потребности въ развлеченіяхъ получаютъ удовлетвореніе въ театрахъ, клубахъ. Содержаніе всѣхъ этихъ учрежденій требуетъ извѣстныхъ расходовъ.

Изученіе человѣческихъ потребностей показываетъ, что онѣ имѣютъ различающія ихъ характерныя свойства. Есть потребности, безъ которыхъ невозможно продолженіе жизни; сюда принадлежитъ прежде всего потребность въ пищѣ, а для странъ съ суровымъ климатомъ — въ одеждѣ и жилищѣ. Изъ потребностей общественныхъ первыя мѣста принадлежатъ потребностямъ въ безопасности извнѣ и поддержаніи правового порядка внутри страны. Но есть потребности, безъ удовлетворенія которыхъ вполнѣ возможно продолженіе жизни; сюда относится, напр., потребность въ разныхъ предметахъ мебели, утвари, въ освѣщеніи улицъ. Нѣкоторыя потребности всегда присущи человѣку, напр., потребность въ пищѣ; другія (напр., въ зимней одеждѣ) наступаютъ періодически, въ извѣстное время года. Есть потребности, которыя могутъ быть точно измѣрены: мы можемъ опредѣлить, сколько человѣкъ будетъ накормлено опредѣленнымъ количествомъ хлѣба и мяса. Другія же

потребности наступаютъ неожиданно и принимаютъ размѣры, которые не могутъ быть точно опредѣлены: невзгоды, причиняемыя повальными болѣзнями, землетрясеніями, пожарами, наводненіями, вызываютъ потребность въ увеличеніи запасовъ разныхъ внѣшнихъ благъ, уничтоженныхъ этими бѣдствіями. Нельзя угадать, какіе размѣры приметъ данное бѣдствіе и сколько будетъ вызвано труда для пополненія пробѣловъ, которые оно причинило.

Изученіе потребностей людей въ ихъ историческомъ развитіи убѣждаетъ насъ, что онѣ измѣняются съ перемѣнами въ условіяхъ общественной жизни. Прослѣдимъ это на одномъ примѣрѣ, на томъ, какъ удовлетворяется потребность въ пищѣ. Есть много условій, въ силу которыхъ, по мѣрѣ роста культуры, потребность въ пищѣ удовлетворяется все меньшимъ и меньшимъ количествомъ благъ. 1) При слабомъ развитіи гражданственности, люди не обезпечены въ періодическомъ полученіи необходимаго количества пищи; періоды изобилія смѣняются періодами недостатка. Люди еще не научились сберегать запасы на черный день, а потому, имѣя пищу, они не увѣрены, что будутъ располагать ею чрезъ недѣлю—другую. Вслѣдствіе неувѣренности, они пожираютъ огромныя количества, какъ бы желая на долгое время утолить голодъ. Путешественники передаютъ намъ о баснословномъ обжорствѣ, которымъ, въ силу этихъ причинъ, отличаются многія дикія племена. Съ упроченіемъ гражданственности и переходомъ отъ охотничьяго и рыболовнаго промысловъ къ скотоводству и земледѣлію люди не только научаются трудиться болѣе производительно, но и сберегать запасы; въ снабженіи общества пищею можно подмѣтить бóльшую правильность; изобиліе не такъ часто смѣняется голодомъ. А потому, увѣренный, что голодъ не угрожаетъ, человѣкъ потребляетъ меньше пищи. 2) Человѣкъ нуждается тѣмъ въ большемъ количествѣ пищи, чѣмъ болѣе велика убыль тканей, размѣры которой зависятъ отъ количества исполненнаго физическаго труда. На низшихъ ступеняхъ общественнаго быта исполняется наибольшее количество мышечной работы, а потому для восполненія убыли тканей, необходима наибольшая масса пищи. Представимъ себѣ огромное напряженіе мышцъ, которое неизбѣжно для первобытнаго человѣка въ его единственныхъ промыслахъ,—войнѣ и охотѣ—и мы поймемъ, что 1000 людей изъ племени ирокезовъ нуждаются въ большемъ количествѣ пищи, нежели 1000 европейцевъ. Съ успѣхами гражданственности установляется такое раздѣленіе труда, при которомъ многіе члены общества посвящаютъ себя занятіямъ, гдѣ мышцы напрягаются лишь въ -слабой степени и голодъ можетъ быть утоленъ гораздо меньшимъ количествомъ пищи. Въ этомъ

направленіи дѣйствуютъ не только общественное раздѣленіе труда и обособленіе видовъ умственной дѣятельности, но и перемѣны въ обстановкѣ матеріальнаго труда: по мѣрѣ вытѣсненія орудій машинами, физической силѣ человѣка предъявляется все меньшій запросъ, а потому уменьшается и необходимое для него количество пищи: кузнецъ, работающій молотомъ и косарь, взмахивающій косою, съѣдаютъ гораздо больше, чѣмъ рабочій при паровомъ молотѣ или погонщикъ лошадей при косильной машинѣ. 3) Важную роль въ этой перемѣнѣ играетъ также болѣе полное удовлетвореніе потребностей въ одеждѣ и жилищѣ: сохраняя теплоту тѣла, оно позволяетъ человѣку обойтись меньшимъ количествомъ пищи. Эскимосскій чумъ не защищаетъ своихъ обитателей отъ холода, и они вынуждены согрѣвать себя огромнымъ количествомъ поглощаемаго жира, а жилецъ прочно устроеннаго и хорошо отопляемаго дома не нуждается въ такой усиленной работѣ желудка, для поддержанія теплоты своего тѣла. 4) На уменьшающееся потребленіе пищи имѣетъ вліяніе также и разнообразіе способовъ къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей. Человѣкъ ѣстъ не для того только, чтобы утолить голодъ, но и для того, чтобы получить извѣстное удовольствіе. При сѣрой однообразной жизни, при маломъ числѣ потребностей, человѣкъ какъ бы уходитъ цѣликомъ въ немногія изъ нихъ и старается получить отъ нихъ наибольшую сумму наслажденій; чревоугодіе имѣетъ для своего развитія очень благопріятную почву. Съ развитіемъ же болѣе утонченныхъ потребностей, обжорство ослабѣваетъ: наука и искусство, театръ, музыка, литература даютъ человѣку доступъ къ цѣлому ряду наслажденій, которыя уменьшаютъ наклонность людей получать наибольшую сумму удовольствій отъ потребленія пищи. Вспомнимъ Россію до отмѣны крѣпостнаго права, и мы скажемъ, что типъ обжоры, котораго обезсмертилъ Гоголь въ Пѣтухѣ, могъ вырости всего легче въ деревнѣ и притомъ въ деревнѣ дореформенной Россіи. Среди людей образованнаго класса мы находимъ еще 5) одно условіе, которое уменьшаетъ потребленіе пищи: успѣхи физіологіи и гигіены, распространяющіе убѣжденіе, что человѣку, въ интересахъ сохраненія его силъ, нужно гораздо меньшее количество пищи, нежели то, которое обыкновенно потребляется. Хотя медленно, но безостановочно распространяются знанія о томъ, какія составныя части пищи наиболѣе важны для человѣческаго организма, какъ должны быть комбинированы эти части для того, чтобы наилучшимъ образомъ пополнять убыль тканей, и доставлять наиболѣе пріятныя вкусовыя ощущенія. Такимъ образомъ приготовленіе пищи, освободившись отъ пріемовъ, которые безотчетно усвоены

практикою и будучи согласовано съ требованіями гигіены, можетъ уменьшить количество пищи, необходимой для даннаго общества.

Потребности людей, не представляя постоянной величины, могутъ расширяться и сокращаться. Движеніе потребностей человѣка вверхъ и внизъ основывается на способности людей приноравливаться къ окружающей обстановкѣ. Какъ скоро совершилось такое приноровленіе, данная обстановка становится уже необходимою и рѣзкій переходъ къ инымъ условіямъ можетъ оказать пагубное вліяніе. Приспособленіе человѣка къ новому образу жизни требуетъ извѣстнаго періода времени; если новыя потребности удовлетворяются только короткое время, то къ нимъ не создается органической привычки.

При лихорадочномъ оживленіи промышленности, которое обыкновенно слѣдуетъ за тяжелыми хозяйственными кризисами, возрастаютъ покупательныя средства большей части населенія и потребности расширяются. Онѣ расширяются относительно одежды, относительно второстепенныхъ составныхъ частей пищи (вино, чай, кофе); все это не вноситъ прочныхъ улучшеній въ хозяйственный бытъ. Если же уровень благосостоянія поднимается постепенно, въ теченіе довольно долгаго періода времени, то дѣлаются улучшенія въ жилищѣ, домашней утвари, словомъ, улучшенія болѣе прочныя.

Желательно такое развитіе потребностей, чтобы оно не превышали средствъ къ ихъ удовлетворенію. Желательно возможно болѣе полное удовлетвореніе потребностей физіологически необходимыхъ, а также потребностей умственныхъ (въ школахъ, библіотекахъ, музеяхъ). Желательно возможно меньшее различіе между отдѣльными общественными слоями относительно рода и размѣра потребностей.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

1) Мальтусъ, считая расширеніе потребностей большинства людей лучшимъ средствомъ противъ чрезмѣрнаго населенія, тѣмъ самымъ признаетъ относительную полезность роскоши.

2) Рошеръ различаетъ роскошь народовъ, которые находятся въ состояніи процвѣтанія, и тѣхъ, которые клонятся къ упадку. У первыхъ роскошь принимаетъ формы, не имѣющія вреднаго вліянія на общественный бытъ, у дряхлѣющихъ народовъ роскошь облекается въ уродливыя и вредныя формы. См. System, I, отдѣлъ о потребленіи. Общее положеніе Рошера не можетъ быть принято; но если, какъ оно то дѣлаетъ совершенно неосновательно, относить къ роскоши значительное потребленіе мыла, частую перемѣну бѣлья, распространенный обычай проводить

на дачѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ году, что само по себѣ не образуетъ роскоши, то можно согласиться съ нимъ, что это—здоровая роскошь.

3) См. въ *Сборникѣ матеріаловъ объ артеляхъ*, в. 3 историческій очеркъ петербургскаго общества „Бережливость", харьковскихъ потребительныхъ обществъ и нѣкоторыхъ другихъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Страхованіе.

Литература. *Ходскій.* Полит. экономія. *Roscher.* System, I. *Schönberg.* Handbuch, II. *Réboul.* Etudes sur les assurances. 1863. *About.* L'assurance. 1865. *Saski.* Die volkswirthschaftliche Bedeutung des Versicherungswesens. 2 Aufl. 1866. *Herrmann.* Theorie der Versicherung vom wirthschaftlich. Standpunkte. 2 Aufl. 1869. *Bezold.* Versicherungswesen. 1874. *Elster.* Lebensversicherung in Deutschland. 1880. *Emminghaus.* Staatsversicherung, 1881. *Wagner.* Der Staat u. das Versicherungswesen. 1882. *Rellstab.* Der Staat u. das Versicherungs wesen. 1882. *de Courcy.* De l'assurance par l'état. 3 изд. 1882. *Riezsch.* Grund. lagen der Lebens-Versicherung. 1883. *Roghé.* Sterblichkeitsmessung der Versicherungsanstalten. 1891. *Грассъ.* О страхованіи посѣвовъ. 1891. *Елачичъ.* Докладъ по поводу проекта Грасса о страхованіи посѣвовъ. 1892. Важнѣйшія указанія по литературѣ о страхованіи рабочихъ приведены на стр. 264—65. Подробный указатель литературы по страхованію приведенъ въ статьѣ Вагнера «Versicherungswesen» (Schönberg, II). Для ознакомленія со страховымъ дѣломъ въ Россіи могутъ служить: журналъ *Страховое Обозрѣніе* и Труды перваго съѣзда русск. дѣятел. по пожарн. дѣлу. 1893. Ср. также статью *Бѣлоцвѣтова.* Страхованіе отъ огня въ Россіи и заграницей. *Вѣстн. Фин.*, 1893, 16. По народному продовольствію. *Шпилевскій.* Матеріалы для исторіи народн. продовол. въ Россіи, Зап. И. Новорос. Универс. 1874. *Каблуковъ.* Очеркъ исторіи русск. законод. по обезпечен. народн. продовольствія. *Юрид. Вѣст.* 1890, XII. Сборн. статист. свѣд. по Москов. губ. X. Продовольствен. дѣло. 1891. *Картавцевъ.* Наше законодател. о народн. продовольствіи. *Вѣстн. Евр.* 1892, II. *Яроцкій.* Обезпеченіе народ. продовольствія 1892. *Сазоновъ.* Обзоръ дѣятельн. земствъ по народному продовольствію. 2 т. 1893.

Страхованіе обнимаетъ всѣ тѣ хозяйственныя учрежденія, посредствомъ которыхъ вредныя послѣдствія явленій, поражающихъ единичныя хозяйства, распредѣляются на много хозяйствъ. Это уменьшаетъ ихъ тягость для каждаго отдѣльнаго хозяйства. Страхованіе всегда имѣетъ своимъ предметомъ опасность, которая можетъ наступить для одного лица или цѣлаго ряда лицъ. Такою опасностью могутъ угрожать какъ явленія, вытекающія изъ самой природы человѣка (смерть, старость) и ослабляющія силы даннаго хозяйства, такъ и явленія, которыя отъ времени до времени совершаются въ каждой довольно обширной группѣ, хотя не пора-

жаютъ всѣхъ хозяйствъ, входящихъ въ ея составъ: пожары, градобитія, падежи скота, далѣе—наводненія, землетрясенія. Виды страхованія столь же различны и многочисленны, какъ разнообразны опасности, которыя могутъ угрожать хозяйствамъ. Среди опасностей однѣ такъ велики, что ставятъ людей въ очень затруднительное и даже безвыходное положеніе (смерть домохозяина для его семьи, сильное наводненіе), другія же причиняютъ только умѣренныя потери (выходъ въ тиражъ выигрышныхъ билетовъ). Какова бы ни была опасность, принципъ страхованія остается во всѣхъ случаяхъ одинъ и тотъ же. Распредѣленіе убытковъ, которые падаютъ на единичныя хозяйства, совершается посредствомъ правильныхъ періодическихъ сбереженій; многія хозяйства вносятъ эти сбереженія въ капиталъ страхового учрежденія и изъ этого капитала получаютъ соотвѣтствующія суммы тѣ хозяйства, которыя поражены бѣдствіемъ, составляющимъ предметъ страхованія.

Правильные періодическіе взносы называются *страховыми преміями. Страхователь* есть то лицо, которое уплачиваетъ эти взносы, дабы обезпечить себя на случай извѣстной опасности; *страховщикъ* есть лицо (физическое или юридическое), которое принимаетъ эти взносы; на него ложится отвѣтственность по удовлетворенію страхователя въ томъ случаѣ, когда послѣдній понесъ убытки отъ опасности, которая составляетъ предметъ страхованія.

Выгоды страхованія, съ точки зрѣнія частнаго хозяйства, не подлежатъ сомнѣнію: у кого сгорѣлъ домъ, тотъ можетъ выстроить новый на сумму, полученную отъ страхового учрежденія. Но доставляетъ ли страхованіе выгоды всему народному хозяйству? Если домъ сгорѣлъ, то народное имущество уменьшилось, примѣняется ли страхованіе отъ огня или оно неизвѣстно. Хотя страхованіе не препятствуетъ уменьшенію народнаго имущества въ чисто матеріальномъ отношеніи, однако, оно имѣетъ и для народнаго хозяйства большую важность, такъ какъ сохраняетъ имущественныя силы отдѣльныхъ хозяйствъ и способствуетъ скорѣйшему воспроизведенію уничтоженной части народнаго имущества: при страхованіи, вмѣсто сгорѣвшаго дома можетъ быть выстроенъ новый гораздо скорѣе, нежели то совершилось бы безъ страхованія. Полученіе семьею послѣ смерти домохозяина извѣстнаго капитала или дохода дѣлаетъ воспитаніе подростающихъ членовъ семьи болѣе легкимъ, нежели то было бы возможно помимо страхованія.

Страхованіе принимаетъ различныя формы. 1) *Взаимное*, причемъ страхователи и страховщики соединяются въ одномъ и томъ же лицѣ. Они несутъ исключительно на себѣ рискъ отъ опасности, которая имъ угрожаетъ. Есть двѣ формы взаимнаго страхованія:

частныя общества взаимнаго страхованія и б) корпоративныя страховыя учрежденія, обнимающія представителей извѣстнаго сословія или населенія извѣстной административной единицы, города, уѣзда, волости. Въ учрежденіяхъ взаимнаго страхованія преміи, по самому своему принципу измѣнчивы, такъ какъ ихъ высота опредѣляется суммами, которыя выданы въ вознагражденіе за убытки. Сумма премій опредѣляется выданными вознагражденіями, расходами по управленію, а также отчисленіями въ запасный капиталъ; образованіе запаснаго капитала цѣлесообразно и при этой системѣ.

2) Второй формой служитъ застрахованіе у третьихъ лицъ; страховщики не совпадаютъ со страхователями. Это страхованіе всего чаще облекается въ форму коммерческихъ предпріятій на акціонерномъ началѣ. Акціонерное общество видитъ въ страхованіи торговый оборотъ и стремится извлечь изъ него возможно больше барыша. Но третьимъ лицомъ, устанавливающимъ связь между страхователями, можетъ быть и общественный союзъ—государство, земство, община,—который организуетъ и ведетъ дѣло за свой счетъ, или извлекая изъ него прибыль и тѣмъ уподобляясь частному предпринимателю, или же отказываясь отъ барыша и давая дѣлу характеръ общественнаго предпріятія. Эта форма, въ видѣ частнаго, коммерческаго, акціонернаго страхованія, имѣетъ ту отличительную особенность, что преміи неподвижны, представляютъ точно опредѣленную величину, безъ всякой обязанности страхующихъ дѣлать какія либо доплаты. Здѣсь мы имѣемъ передъ собою договоръ, согласно съ которымъ страховщикъ обязуется, получивъ премію, выдать, въ случаѣ понесенныхъ убытковъ, страховую сумму, хотя бы преміи, въ своей совокупности, не покрывали суммы, которая должна быть выплачена. Такъ какъ здѣсь въ конечномъ итогѣ страховыя суммы выплачиваются изъ премій, то послѣднія должны быть уже предварительно опредѣляемы настолько высокой цифрой, чтобы онѣ, на основаніи вѣроятности, были достаточны для покрытія обязательствъ, которыя могутъ наступить. Такое вѣроятіе дается только многолѣтнимъ опытомъ, а потому эта система особенно нуждается въ точныхъ статистическихъ данныхъ. Разъ преміи недостаточны для покрытія суммы убытковъ, то послѣдніе должны быть возмѣщаемы изъ капитала предпріятія. Частный капиталъ только при томъ условіи надолго помѣщается въ страховое предпріятіе, если оно даетъ достаточную прибыль, т.-е. если сумма, образуемая изъ премій, превышаетъ сумму убытковъ. Чѣмъ крупнѣе разница между этими суммами, тѣмъ больше барыша. Стремленіе къ наибольшему барышу и образуетъ слабую сторону стра-

ховыхъ акціонерныхъ компаній и заставляетъ отдать предпочтеніе взаимному страхованію передъ промышленнымъ.

Дабы оцѣнить государственное страхованіе, мы должны припомнить, что цѣлый рядъ потребностей удовлетворяется не въ предѣлахъ частныхъ хозяйствъ, а общественною властью; таковы: монета, почта, частью, пути сообщенія, банки. Не трудно доказать цѣлесообразность такого порядка и для страхованія.

Страховщикомъ, за исключеніемъ развѣ морского страхованія, не можетъ выступать отдѣльное лицо, какъ по недостатку средствъ, такъ и по случайностямъ, которымъ легко могутъ подвергаться отдѣльныя лица: поэтому, страхованіе сосредоточивается въ рукахъ союзовъ, искусственно образуемыхъ положительнымъ правомъ. Промышленное страхованіе, находящееся въ завѣдываніи спеціалистовъ, часто пользуется и хорошими и разными неблаговидными средствами для того, чтобы побѣдить взаимное страхованіе, и вытѣсняетъ его, если обѣ формы имѣютъ одинаковое положеніе передъ закономъ. Такая побѣда связана съ крупными невыгодами для народнаго хозяйства: между страховыми обществами возникаетъ соперничество; побѣда однихъ надъ другими достигается только затратою со стороны каждаго общества многихъ средствъ, которыя исчезаютъ безслѣдно. Безплодная затрата силъ (на управленіе, рекламы), отличающая промышленное страхованіе, связана также и со взаимнымъ, которое раздробляется между многими мелкими союзами. Сосредоточеніе страхованія въ одномъ центральномъ учрежденіи ведетъ къ тому, что получается наиболѣе сильное дѣйствіе съ затратою наименьшаго количества силъ. При сосредоточеніи страхованія всей страны рискъ будетъ распредѣляться не менѣе выгодно, чѣмъ при нынѣшнихъ многочисленныхъ страховыхъ обществахъ. Общественное страхованіе представляетъ еще и ту выгоду, что упраздняетъ вопросъ, очень трудный для рѣшенія: какъ долженъ относиться законъ къ страховымъ обществамъ? Желателенъ ли общій законъ или концессіонный порядокъ? Какъ должно государство наблюдать за страховыми обществами? Рѣшеніе поставленной нами задачи облегчается разъясненіемъ нѣкоторыхъ основныхъ условій страхового дѣла.

1) Могутъ ли органы государства выполнять по страхованію обязанности не хуже частныхъ обществъ? На это слѣдуетъ отвѣтить утвердительно, такъ какъ въ сферѣ внутренняго управленія есть много обязанностей, сходныхъ съ обязанностями по страхованію. Строительная полиція компетентна въ вопросахъ страхованія отъ огня. Лица, стоящія при пенсіонныхъ кассахъ, вполнѣ свѣдущи въ вопросахъ о страхованіи жизни. Обязанности по стра-

хованію могутъ быть исполняемы всѣми этими органами не хуже, чѣмъ въ частныхъ обществахъ и притомъ со значительными сбереженіями; зданія, въ которыхъ помѣщаются разныя вѣдомства, могутъ служить помѣщеніями и для страхованія; чиновники въ разныхъ отрасляхъ государственной службы, за небольшую добавочную плату, могутъ производить работы и по страхованію. Занесеніе въ государственную казну страховыхъ премій вполнѣ тождественно со взиманіемъ прямыхъ налоговъ.

2) Для какихъ же отраслей страхованія всего болѣе подходитъ общественная организація? Таковы страхованіе отъ огня недвижимости и движимости, страхованіе жизни, особенно лицъ необезпеченныхъ классовъ. Страхованіе всего легче допускаетъ государственную организацію въ тѣхъ странахъ, которыя имѣютъ хорошо подготовленныхъ, трудолюбивыхъ и добросовѣстныхъ чиновниковъ. Въ этомъ отношеніи государства европейско-американскаго міра неодинаковы.

Государственное страхованіе можетъ доставить и еще нѣкоторыя выгоды. При страхованіи обыкновенно строго проводится индивидуалистическое начало: защитники промышленнаго страхованія усердно отстаиваютъ мысль, что необходимо строгое классифицированіе тарифовъ премій; разъ оно недостаточно проведено, говорятъ намъ, то страхованіе становится коммунистическимъ. Индивидуалистическое начало выражается въ томъ, что, напр., при страхованіи отъ огня, высота преміи ставится въ зависимость отъ всѣхъ особенностей страхуемаго зданія; страхователи разбиваются на нѣсколько классовъ, причемъ члены одного класса образуютъ группу, въ предѣлахъ которой распредѣляется рискъ, несомый каждымъ представителемъ этой группы. Общественное страхованіе можетъ и должно подвергать этотъ принципъ нѣкоторымъ ограниченіямъ.

Строгое классифицированіе тарифа премій соотвѣтствуетъ господствующему въ современномъ хозяйствѣ началу самолюбія: кто несетъ бо́льшій рискъ, тотъ долженъ платить болѣе высокую премію. Кто хочетъ понизить ее при страхованіи, напр., отъ огня, тотъ долженъ лучше устроить свое жилище, сдѣлать желѣзную крышу вмѣсто соломенной. Говоря такъ, забываютъ, что человѣкъ не одинъ виновенъ во всѣхъ невыгодахъ которыя поражаютъ его. Характеръ построекъ есть послѣдствіе многихъ условій: вѣковая неволя сельскихъ классовъ и привилегированное положеніе городовъ привели къ тому, что первые имѣютъ худшія постройки, нежели вторые; это не можетъ быть измѣнено съ одного удара. Государство призвано къ тому, чтобы сглаживать историческія несправедливости. Вотъ почему вполнѣ справедливо

отклоненіе отъ строгой классификаціи тарифовъ; съ точки зрѣнія общаго блага вполнѣ справедливо, чтобы городъ нѣсколько приплачивалъ за деревню. То же слѣдуетъ сказать и относительно страхованія скота: округа, которымъ особенно угрожаетъ занесеніе эпизоотіи, не виноваты, что занимаютъ такое невогодное мѣсто: было бы справедливо уравненіе ихъ съ другими округами. То же примѣнимо и къ страхованію на случай старости, смерти, болѣзни. Продолжительность средней жизни зависитъ отъ общественныхъ условій; каждый живетъ долго или коротко въ зависимости отъ среды, гдѣ онъ родился, отъ занятія, которому онъ себя посвятилъ. И здѣсь необходимо дать мѣсто уравнивающему началу; не нужно назначать слишкомъ высокія преміи на лицъ бѣднѣйшихъ классовъ; лучше нѣсколько возвысить преміи съ людей болѣе состоятельныхъ или же покрывать недочетъ изъ излишка отъ тѣхъ налоговъ, которые падаютъ, главнымъ образомъ, на бѣднѣйшихъ гражданъ. Это уравнительное начало можетъ быть проведено только при общественной организаціи страхованія.

Всѣ бѣдствія могутъ быть устраняемы тремя способами: предупрежденіемъ, пресѣченіемъ и страхованіемъ. Чѣмъ болѣе развиваются мѣропріятія двухъ первыхъ разрядовъ, тѣмъ дешевле становится страхованіе. Такъ какъ мѣропріятія этихъ трехъ разрядовъ преслѣдуютъ однѣ и тѣже цѣли, то и цѣлесообразно сосредоточеніе ихъ въ однѣхъ рукахъ и построеніе по единообразному плану. Теперь предупрежденіе и пресѣченіе бѣдствій есть дѣло общественной власти. Общества промышленнаго страхованія не заинтересованы въ развитіи этихъ мѣропріятій; имъ все равно, высока или низка премія: они стремятся только къ полученію наибольшей разницы. Этимъ объясняется, напр., отказъ акціонерныхъ обществъ страхованія дѣлать взносы на улучшеніе пожарныхъ командъ. Взаимное страхованіе уже лучше, такъ какъ пониженіе страховыхъ премій приноситъ участникамъ существенныя выгоды. Общественное же выше частнаго взаимнаго потому, что при первомъ выгоды отъ уменьшенія опасностей достаются всему обществу и могутъ получать наиболѣе справедливое распредѣленіе. Страхованіе, говоритъ Вагнеръ, по своей природѣ не есть предпріятіе, относящееся къ области свободнаго оборота. Оно есть общественное учрежденіе и должно быть упорядочиваемо, какъ таковое.

Морское страхованіе образуетъ наиболѣе старинную отрасль страхового дѣла; мы находимъ зачатки его еще въ 13 столѣтіи. Въ 16 и 17 вѣкахъ, съ развитіемъ міровой торговли, оно распространяется по всей Европѣ. Гамбургъ является однимъ изъ пунктовъ очень развитого морского страхованія: въ 1887 году сумма

страхованій во всѣхъ гамбургскихъ обществахъ составляла болѣе 2 милліардовъ марокъ. Въ послѣднія десятилѣтія развилась особая вѣтвь страхованія, связанная съ передвиженіемъ людей — страхованіе отъ несчастій на желѣзныхъ дорогахъ. Страхованіе отъ огня, возникнувъ въ 15 столѣтіи, достигаетъ довольно высокаго уровня только къ началу 18 вѣка. Ограничиваясь первоначально строеніями, оно распространилось въ теченіе прошлаго вѣка и на движимость. Въ Англіи съ конца 17 вѣка стали возникать частныя общества взаимнаго страхованія, а съ начала 18 столѣтія—акціонерныя страховыя общества; вторая форма одержала надъ первою полную побѣду. Въ Пруссіи общества взаимнаго страхованія стали успѣшно развиваться съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, акціонерныя же сдѣлали большіе успѣхи только съ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Взаимное страхованіе отъ огня настолько упрочилось въ Германіи, что сумма страхованій въ этихъ обществахъ лишь немногимъ меньше суммы страхованій въ акціонерныхъ (за 1886 г. 36 и 42 милліарда марокъ).—Возникновеніе страхованія жизни относится ко второй половинѣ 17 вѣка, когда была научно обоснована теорія вѣроятности и когда правильное веденіе метрическихъ записей давало полный матеріалъ для вычисленія вѣроятной жизни и составленія таблицъ смертности. Первыя общества страхованія жизни возникли въ Англіи въ послѣднихъ годахъ 17 вѣка. Въ концѣ 80-хъ годовъ Англія имѣла 104 страховыхъ общества съ суммой страхованій до 443 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Въ 1887 году въ англійскихъ обществахъ жизни было застраховано 905000 лицъ. Страхованіе жизни достигло очень большого развитія также въ Соединенныхъ Штатахъ: къ 1889 году въ американскихъ обществахъ страхованіе жизни составляло сумму до 3200 милліоновъ долларовъ.

Страховое дѣло возникло въ Россіи въ концѣ 18 вѣка: съ 1786 года заемный банкъ, принимая въ залогъ дома, заводы и фабрики, требовалъ, чтобы они были застрахованы въ немъ же въ размѣрѣ $^3/_4$ оцѣнки. Акціонерное страхованіе стало развиваться въ Россіи съ 1827 года, когда былъ утвержденъ уставъ перваго россійскаго общества страхованія. Первыя общества взаимнаго страхованія возникли въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ концѣ 1890 года въ Россіи дѣйствовали 15 акціонерныхъ страховыхъ обществъ, 69 городскихъ взаимныхъ, 34 земскихъ и 19 губернскихъ страховыхъ учрежденій. Акціонерныя общества, на ряду со страхованіемъ отъ огня, занимаются также и весьма мало развитымъ у насъ страхованіемъ жизни. Въ Россіи есть и обязательное страхованіе строеній отъ огня; первоначально оно было введено въ 1844 г. для государственныхъ крестьянъ.

Въ 1860 году была установлена нормальная цѣна для застрахованія домовъ: отъ 15 до 125 рублей для деревянныхъ и отъ 24 до 300 рублей для каменныхъ. Съ учрежденіемъ земства въ ихъ вѣдѣніе было передано обязательное страхованіе. Оно распространяется на всѣ сельскія постройки, которыя находятся въ чертѣ крестьянской усадебной осѣдлости, если онѣ не застрахованы въ какомъ-либо обществѣ. Строенія раздѣляются для обязательнаго страхованія на разряды, и для каждаго разряда установляются нормальныя оцѣнки, единообразныя для губерній или же особыя для каждаго уѣзда. Но, кромѣ обязательнаго, въ вѣдѣніи земствъ сосредоточивается и добровольное страхованіе: оно допускается для построекъ, которыя не находятся въ чертѣ крестьянской осѣдлости, по желанію ихъ владѣльцевъ и съ согласія земства. Въ 1890 году сумма страхованій отъ огня въ акціонерныхъ обществахъ составляла 5056 милліоновъ рублей. Въ 5 акціонерныхъ обществахъ, занимающихся страхованіемъ жизни, сумма страхованій достигла въ 1891 году почти 89 милліоновъ рублей; къ 1892 году была застрахована жизнь 27849 лицъ. Къ 1 января 1892 года въ городскихъ обществахъ взаимнаго страхованія сумма страхованій отъ огня составляла $533^1/_2$ милліоновъ рублей. Сумма страхованій въ земствѣ составляла въ 1888 году $676^1/_2$ милліоновъ рублей по обязательному страхованію и до $130^1/_2$ милліоновъ — по добровольному. Губернское взаимное отъ огня страхованіе дѣйствуетъ въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія; въ 1888 году сумма обязательныхъ страхованій достигала $555^1/_2$ милліоновъ рублей, а добровольныхъ—$26^1/_2$ милліоновъ.

II.

Обезпеченіе народнаго продовольствія и обсѣмененія полей можетъ облекаться въ своеобразную форму принудительнаго страхованія; при этомъ населеніе обязывается составлять правильными періодическими взносами хлѣбные запасы или денежные капиталы, или же тѣ и другіе въ извѣстной пропорціи. Какъ скоро наступаетъ неурожай, который затрудняетъ пріобрѣтеніе хлѣба для потребленія или зерна для обсѣмененія полей, то нуждающіеся получаютъ изъ этихъ запасовъ ссуду хлѣбомъ или деньгами. Получившій ссуду обязанъ возвратить ее въ теченіе извѣстнаго срока. Народное продовольствіе принимаетъ двоякую организацію; одна приближается ко взаимному кредиту, другая—къ страхованію. Если хлѣбный запасъ или денежный капиталъ принадлежитъ данной группѣ лицъ—сельскому обществу, городу, если онъ служитъ источникомъ

для обезпеченія только этой группы, если каждый изъ членовъ дѣлаетъ взносы до той нормы, которая, по предположенію, можетъ сполна удовлетворить потребности отдѣльнаго хозяйства, то мы получаемъ организацію съ прибладаніемъ началъ взаимнаго кредита. Въ основаніи этой организаціи лежитъ такой разсчетъ: если одному хозяйству, для продовольствія и обсѣмененія полей, могутъ понадобиться 2 четверти зерна или 10 рублей, которыхъ стоютъ эти 2 четверти, то каждое хозяйство должно дѣлать въ продовольственный запасъ или денежный капиталъ взносы до тѣхъ поръ, пока на его долю не будетъ сполна причитаться этотъ запасъ. Конечно, такая организація не исключаетъ для отдѣльныхъ семей возможности получить, въ случаѣ неурожая, и больше 2 четвертей или 10 рублей, но норма хлѣбнаго запаса и денежнаго капитала образуется по тому разсчету, что пай, составленный каждымъ членомъ, можетъ удовлетворить его нужды. Такъ какъ хлѣбные запасы и денежные капиталы, образуемые не большою группою, напр., отдѣльнымъ селеніемъ, часто бываютъ недостаточны, такъ какъ неурожай своими размѣрами или повторяемостью можетъ причинить гораздо большую нужду въ отдѣльной, тѣсно ограниченной группѣ, нежели средняя нужда, въ разсчетѣ на которую и установляется величина хлѣбныхъ запасовъ и продовольственныхъ капиталовъ, то создается и вторая организація, образуются натуральные запасы и денежные капиталы, принадлежащіе волости, земству, городу, государству. При образованіи этихъ запасовъ начало страхованія обнаруживается уже болѣе ярко. Когда накопляютъ земскіе хлѣбные запасы и государственные продовольственные капиталы, то исходятъ изъ предположенія, что неурожай можетъ постигнуть часть губерніи или нѣкоторыя мѣстности цѣлой страны, но не все государство и даже не всю губернію, а потому не считаютъ нужнымъ образовать такой запасъ, который могъ бы удовлетворить нужду всего населенія данной губерніи, тѣмъ менѣе цѣлой страны; считаютъ излишнимъ требовать отъ всѣхъ, имѣющихъ право обращаться къ этимъ запасамъ, такихъ взносовъ, которые въ совокупности образовали бы 2 четверти или 10 рублей на душу; довольствуются взносами въ 5, 10, 20 разъ меньшими. Здѣсь разница между платежами и полученіями, въ случаѣ нужды, гораздо болѣе велика, нежели при образованіи мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ; здѣсь платежи гораздо больше напоминаютъ страховыя преміи.

Россія представляетъ обширное поле для изученія этого вопроса. Правительство московской Руси принимало, въ случаѣ голода, мѣры, чтобы сдѣлать хлѣбъ доступнымъ народу. Петръ Великій указомъ 20 января 1724 года впервые выразилъ мысль

о необходимости предупредительныхъ мѣръ: «учинить, говорится въ указѣ, экономіи генеральнаго, котораго должность первая надъ хлѣбомъ, чтобы вездѣ запасный былъ, дабы въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣлъ; сію должность взять изъ иностранныхъ уставовъ, и къ тому свое прибавить и предложить». Мысль Петра была осуществлена только при Екатеринѣ II. Указомъ 10 марта 1765 года было предписано коллегіи экономіи имѣть въ запасѣ хлѣбный капиталъ для снабженія поселянъ въ случаѣ нужды, а также было повелѣно завести во всѣхъ деревняхъ запасные хлѣбные магазины. Первоначально магазины были устроены въ казенныхъ селеніяхъ, а въ послѣдніе годы 18 вѣка—въ удѣльныхъ имѣніяхъ; въ 1810 годубыло уже до 66000 сельскихъ магазиновъ, имѣвшихъ около $15^1/_2$ милліоновъ четвертей хлѣба.

Указомъ 14 апрѣля 1822 года былъ созданъ строй продовольственнаго дѣла, во многомъ сохранившійся и до нашихъ дней. Законъ ввелъ два рода мѣръ для содѣйствія населенію въ неурожайные годы: хлѣбные запасы и денежные капиталы: Мѣстныя коммиссіи должны были отдавать предпочтеніе тѣмъ или другимъ сообразно съ размѣрами хлѣбной производительности губерніи, съ путями сообщенія и развитіемъ хлѣбной торговли, съ ея промышленнымъ развитіемъ и съ удобствомъ содержать хлѣбные магазины. Пользуясь разрѣшеніемъ закона, мѣстныя коммиссіи 40 губерній постановили о введеніи хлѣбныхъ запасовъ; въ 12 губерніяхъ были введены денежные капиталы. Законъ опредѣлилъ количество хлѣбныхъ запасовъ въ 2 четверти на ревизскую душу съ обязательствомъ составлять ихъ ежегодными взносами по 4 гарнца на ревизскую душу. Денежные капиталы должны были быть составляемы въ такихъ размѣрахъ, чтобы на каждую ревизскую душу приходилась сумма, достаточная для покупки 1 четверти. Было постановлено образовать этотъ капиталъ ежегодными взносами по 25 коп. съ души. Ссуды помѣщичьимъ крестьянамъ изъ этихъ запасовъ обезпечивались залогомъ имѣнія, а при его недостаточности—надежнымъ поручительствомъ. Въ 1834 году былъ изданъ нынѣ дѣйствующій уставъ о народномъ продовольствіи; онъ установилъ для всѣхъ губерній, какъ хлѣбные запасы, такъ и денежный сборъ. Первые должны состоять изъ 1 четверти ржи или пшеницы и $^1/_2$ четверти овса или ячменя, а денежный капиталъ долженъ состоять изъ 1 р. 60 коп. ассигн. на ревизскую душу. Тѣ и другіе должны были быть образуемы посредствомъ постепенныхъ взносовъ. Для городовъ законъ предписалъ собирать по 15 коп. съ души въ теченіе 20 лѣтъ. Было постановлено о выдачѣ ссудъ двоякаго рода: частныхъ, хлѣбомъ изъ запасныхъ магазиновъ, когда нѣкоторыя семьи

или немногія селенія постигнуты неурожаемъ, градобитіемъ или другимъ бѣдствіемъ, и общія, чрезвычайныя, выдаваемыя съ разрѣшенія высшаго правительства при неурожаѣ во всей губерніи и непомѣрномъ возвышеніи цѣнъ. Въ 1866 году были введены слѣдующія перемѣны въ системѣ обезпеченія народнаго продовольствія. Было установлено, кромѣ хлѣбныхъ запасовъ или денежныхъ капиталовъ, принадлежащихъ сельскимъ обществамъ, образовать а) губернскій продовольственный капиталъ отчисленіемъ 48 копѣекъ на мужскую ревизскую душу и б) общеимперскій продовольственный капиталъ; послѣдній образуется изъ остатковъ бывшаго денежнаго сбора. Въ 1874 году былъ окончательно установленъ порядокъ обращенія хлѣбныхъ запасовъ въ денежные капиталы. При этомъ было преподано, въ видѣ общаго правила, что замѣна разрѣшается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда земская управа найдетъ то возможнымъ. Деньги, взамѣнъ установленнаго количества хлѣба, взносятся по высшей изъ годовыхъ среднесложныхъ справочныхъ цѣнъ въ теченіе 10 предшествовавшихъ лѣтъ. Тогда же былъ опредѣленъ и порядокъ разрѣшенія ссудъ изъ хлѣбныхъ запасовъ и денежныхъ капиталовъ; уѣздная управа разрѣшаетъ выдачу въ такомъ размѣрѣ, чтобы, по выдачѣ, оставалось не менѣе половины установленныхъ запасовъ.

Перемѣны, которыя вводились въ организацію народнаго продовольствія, были вызываемы сознаніемъ, что дѣйствовавшія до послѣдняго времени системы не могли, въ случаѣ неурожая, обезпечить населеніе отъ голода. Неурожаи заставляли правительство дѣлать чрезвычайные расходы на покупку хлѣба; ссуды, выданныя крестьянамъ, возвращались медленно, а во многихъ мѣстахъ числились въ недоимкахъ длинный рядъ лѣтъ. Недостаточность запасовъ, которые находились въ хлѣбныхъ магазинахъ и накопленіе продовольственныхъ недоимокъ побудили земство, съ первыхъ лѣтъ его существованія, поставить на очередь вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ устройствѣ продовольственнаго дѣла. Земскіе люди держались двухъ направленій. Большинство земствъ высказывалось за повсемѣстную замѣну хлѣбныхъ запасовъ денежными капиталами. Это мнѣніе отстаивалось ссылкою на то, что денежный капиталъ приноситъ проценты, что при развитіи пароходства и желѣзныхъ дорогъ, закупка хлѣба, въ случаѣ неурожая, можетъ быть сдѣлана безъ затрудненій, что хлѣбъ залеживается въ амбарахъ и портится, что значительное количество его уничтожается мышами, что надзоръ за хлѣбными магазинами требуетъ большихъ расходовъ. Меньшинство земствъ высказывалось за полезность сохраненія хлѣбныхъ магазиновъ: неудобства, связанныя

съ храненіемъ хлѣба, по мнѣнію этихъ земствъ, невелики, потери отъ мышей незначительны, а хлѣбный запасъ имѣетъ ту выгоду, что, въ случаѣ неурожая, можетъ непосредственно удовлетворить нужду населенія, тогда какъ денежный капиталъ, при большомъ возвышеніи хлѣбныхъ цѣнъ, слѣдующемъ за неурожаемъ, большею частью, будетъ недостаточенъ для покупки потребнаго количества. Въ пользу хлѣбныхъ запасовъ говоритъ, по мнѣнію этихъ земствъ, и несовершенство въ Россіи путей сообщенія, слабое развитіе желѣзнодорожной сѣти, затрудняющія подвозъ хлѣба во многія мѣстности. Различіе въ воззрѣніяхъ повело во многихъ губерніяхъ къ замѣнѣ хлѣбныхъ запасовъ денежными капиталами.

Какъ неурожаи первой четверти нынѣшняго вѣка доказывали неудовлетворительность системы, основанной на образованіи однихъ хлѣбныхъ запасовъ, такъ голода въ 30-хъ, 40-хъ и особенно въ 1891—92 годахъ свидѣтельствуютъ о неудовлетворительности системы, состоящей въ образованіи хлѣбныхъ запасовъ и денежныхъ капиталовъ или же въ замѣнѣ всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ денежными суммами: во время послѣдняго голода были не только поглощены всѣ хлѣбные запасы и денежные капиталы, но и потребовался со стороны правительства чрезвычайный расходъ слишкомъ во 100 милліоновъ рублей, чтобы смягчить бѣдствія, причиненныя неурожаемъ [1]).

Внимательное отношеніе къ дѣлу заставляетъ сдѣлать выводъ, что причина неудовлетворительнаго обезпеченія народа связана не со строемъ продовольственной системы, не съ натуральной или денежной формой образованія запасовъ, а съ невозможностью для русскихъ людей дѣлать, въ среднемъ, такія сбереженія, которыя отвѣчали бы размѣрамъ нужды, наступающей при неурожаѣ или другихъ бѣдствіяхъ, обрушивающихся на крестьянское хозяйство. Предположимъ, что потребность въ ссудахъ изъ продовольственнаго капитала, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, равна 100 единицамъ; если изъ дохода хозяйствъ, дѣлающихъ взносы въ хлѣбные магазины и денежные капиталы, можетъ быть удержано для этихъ цѣлей только 50 единицъ, то никогда не будетъ въ наличности той массы хлѣба или суммы денегъ, которыя могли бы удовлетворить обозначившуюся нужду. Невозможность будетъ выражаться въ двоякой формѣ: въ средніе годы, при недородахъ или неурожаяхъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, она будетъ выражаться тугимъ поступленіемъ платежей по продовольственнымъ ссудамъ и неполнотой наличныхъ натуральныхъ и денежныхъ запасовъ; при общемъ неурожаѣ она должна выразиться въ быстромъ истощеніи всѣхъ запасовъ и необходимости отыскивать чрезвычайные

источники для смягченія нужды, которую терпитъ населеніе[2]). Продовольственныя системы всѣхъ родовъ будутъ становиться съ каждымъ годомъ все менѣе удовлетворительными, если не будутъ устранены коренныя причины, которыя все больше разстроиваютъ крестьянское хозяйство. Ростъ населенія, возрастающее малоземелье, сокращеніе скотоводства и пониженіе урожайности полей оставляютъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ все меньшую долю (мы намѣренно избѣгаемъ словъ «избытокъ» или «излишекъ»), которая могла бы быть внесена въ запасный хлѣбный магазинъ или продовольственный капиталъ, а ухудшеніе внѣшней природы грозитъ все болѣе частыми неурожаями. Такимъ образомъ, несоотвѣтствіе между жертвами, которыя сельское населеніе можетъ принести для самообезпеченія въ будущемъ, и нуждой, которая отъ времени до времени угрожаетъ народу, будетъ становиться все болѣе рѣзкимъ. Оставить крестьянское хозяйство въ его нынѣшнемъ положеніи—значитъ осудить любую продовольственную систему на полное банкротство въ такой же мѣрѣ, въ какой это испытываютъ страховыя общества, когда пожаръ уничтожаетъ цѣлый городъ, когда огонь, въ немного часовъ причиняетъ бо́льшіе убытки, нежели въ среднее десятилѣтіе.

Коренныя мѣры, направленныя къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, устранили бы много безплодныхъ споровъ о сравнительныхъ преимуществахъ и недостаткахъ той или другой системы народнаго продовольствія. Большая производительность сельскохозяйственнаго труда, повышеніе урожайности земли, разнообразныя мѣры, посредствомъ которыхъ наука помогаетъ людямъ ослаблять грозящіе неурожаи, позволили бы организовать народное продовольствіе на страховыхъ началахъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Обширность Россіи, рѣдкое населеніе и невозможность создать въ близкомъ будущемъ такую сѣть желѣзныхъ дорогъ и подъѣздныхъ путей, которая равномѣрно охватила бы все государство, заставляютъ отдать предпочтеніе денежно-натуральной системѣ продовольствія. Она могла бы выразиться въ томъ, что все населеніе взносило бы ежегодно денежную страховую премію (столько-то съ десятины), обезпечивающую страхователямъ возмѣщеніе потерь, которыя они несутъ отъ градобитія, неурожая, вредныхъ насѣкомыхъ; преміи, сосредоточиваясь въ вѣдѣніи губернскихъ земствъ, могли бы частію образовать денежный капиталъ, частію затрачиваться на покупку земствами же зерна съ помѣщеніемъ его въ волостныхъ магазинахъ. Хлѣбные запасы, съ наступленіемъ неурожая, служили бы первымъ источникомъ для выдачи страхователямъ страховой суммы натурой; въ нормальные же годы, годы средняго урожая, хлѣбные

магазины имѣли бы значеніе сѣмянныхъ депо: населеніе могло бы покупать изъ нихъ зерно для обсѣмененія полей [3]).

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) Согласно съ оффиціальными данными, хлѣбные запасы были къ 1 января 1892 года крайне незначительны. Изъ 17 губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая, въ общественныхъ запасныхъ магазинахъ Казанской губерніи было только 315,000 пудовъ хлѣба, въ Самарской—221,000, Уфимской—168,000, Тобольской—64,000, Нижегородской—48,000, Пермской—даже только 30,000 пудовъ, т.-е. по 8—1 фунту на 1 душу крестьянскаго населенія.

2) Въ февралѣ 1893 года г. Маресс̀ъ сдѣлалъ въ московскомъ юридическомъ обществѣ поучительный докладъ „О потребленіи пищи въ Россіи и за границей". Руководствуясь всеподданнѣйшими отчетами губернаторовъ и данными центральнаго статистическаго комитета, докладчикъ вычислилъ, что въ 1870—78 годахъ въ Россіи на душу населенія ежегодно оставалось для потребленія 12 п. 22 ф. зерновыхъ хлѣбовъ, а въ 1883—90 гг.—только 11 п. 35 ф. Пріобщивъ сюда картофель, въ переводѣ его относительно питательности на зерно, докладчикъ сдѣлалъ выводъ, что населеніе Россіи не дополучаетъ 22% нормы, необходимой для питанія. Еслибы въ вычисленія г. Маресса и вкрались нѣкоторыя неточности, то вся земская статистическая литература, подкрѣпленная отчетами о продовольствованіи населенія и о крестьянскомъ хозяйствѣ въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаями (см. въ особенности отчеты Корнилова, Короленка, гр. Л. Н. Толстаго, Эртеля), свидѣтельствуетъ, что для текущихъ потребностей крестьянской семьи остается меньше того, что признается нормальнымъ потребленіемъ, а потому крестьянинъ не можетъ удѣлять въ хлѣбные запасы или денежные продовольственные капиталы столько, сколько нужно, дабы тѣмъ въ случаѣ неурожая обезпечить себя отъ нужды.

3) Здѣсь не мѣсто начертывать болѣе подробно планъ организаціи народнаго продовольствія. Мы предусматриваемъ, однако, пункты, въ которыхъ она должна существенно отличаться отъ нынѣшней системы. Теперь каждый, вдумывающійся въ условія русской экономической жизни, отдаетъ предпочтеніе хлѣбнымъ запасамъ и охотно высказывается за устройство мелкихъ хлѣбныхъ магазиновъ, по возможности, въ каждомъ селеніи. При этомъ руководствуются сознаніемъ того, что неурожай часто посѣщаетъ насъ, что каждый годъ отъ него страдаютъ нѣкоторыя и даже многія мѣстности Россіи, что наша хлѣбная торговля монополизирована и при неурожаѣ, цѣны могутъ повышаться въ большихъ размѣрахъ, что значительную часть года мы страдаемъ отъ бездорожья и доставка хлѣба въ нѣкоторыя селенія и даже цѣлые уѣзды можетъ быть чрезвычайно затруднена. Всѣ эти предположенія истинны. Считая невозможнымъ устроить цѣлесообразную систему народнаго продовольствія при нынѣшнемъ упадкѣ крестьянскаго хозяйства, мы увѣрены, что коренное улучшеніе быта деревни (прежде всего устраненіе малоземелья) поставило бы продовольственную систему въ условія, рѣзко отличныя отъ настоящихъ. 1) Частые и почти изъ года въ годъ постигающіе насъ мѣстные неурожаи, связанные съ истощеніемъ полей, размноженіемъ вредныхъ насѣкомыхъ, съ дурной обработкой земли, дурными сѣменами станутъ гораздо болѣе рѣдкими явленіями. Такія мѣры, какъ систематическое орошеніе, и притомъ по большому масштабу, сдѣлаютъ засухи менѣе опасными и ослабятъ даже общіе неурожаи, подобные неурожаю

1891—92 годовъ. 2) Общій подъемъ крестьянскаго хозяйства будетъ идти рука объ руку съ дальнѣйшимъ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, улучшеніемъ подъѣздныхъ путей, исправленіемъ рѣкъ. 3) Подъемъ благосостоянія крестьянъ отразится и на хлѣбной торговлѣ: менѣе зависящій отъ внѣшняго давленія, нежели въ настоящее время, крестьянинъ не будетъ продавать съ осени весь хлѣбъ, будетъ оставлять значительно большее его количество въ своемъ хозяйствѣ. Наличность въ деревняхъ многочисленныхъ, хотя и мелкихъ запасовъ хлѣба будетъ условіемъ, противодѣйствующимъ монопольному положенію торговцевъ хлѣбомъ даже при значительномъ неурожаѣ. Все, вмѣстѣ взятое, въ большой пропорціи уменьшитъ запасы хлѣба, которые должны быть въ общественныхъ магазинахъ на случай голода; все это позволитъ держаться въ области народнаго продовольствія началу не исключительно натуральнаго, но натурально-денежнаго хозяйства. И если теперь одинъ хлѣбный магазинъ на волость ставилъ бы населеніе многихъ деревень въ невыгодное положеніе, то, съ наступленіемъ условій, которыя мы намѣтили, одинъ хлѣбный магазинъ будетъ въ состояніи удовлетворять потребность обширнаго раіона.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КРИЗИСЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Литература. *Маркъ.* Капиталъ. *Roscher.* System. III. *Jevons.* Political Economy. *Виртъ.* Исторія торговыхъ кризисовъ. 1877. *Гаттенбергеръ.* Вѣнскій кризисъ 1873 года. 1877. *Чупровъ.* О причинахъ современнаго хозяйственнаго кризиса. 1890. *Juglar.* Les crises commerciales. 1862. *Neuwirth.* Die Speculationskrisis von 1873. 1874. *Schaeffle.* Der grosse Börsencrach des Jahres 1873. *Tübing. Zeitschr.* 1874. *Rodbertus.* Zur Beleuchtung der Socialen Frage. 1875. *Oechelhäuser.* Die wirthschaftliche Krisis. 1876. *Brentano.* Die Arbeiter u.- die Productionskrisen. *Jarbüch. f. Gesetzgeb. u.- Verwalt.* 1878. *Nasse.* Ueber die Verhütung der Productionskrisen. *Jahrbüch. f. Gesetzgeb. u.- Verwalt.* 1879. *Giffen.* On the fall of prices of commodities. Essays in finance. 1880. *Laveleye.* Der wahre Grund der seit 1873 bisjetzt anhaltend. wirthschaftl. Krisis. 1881. *George.* Progress and poverty. 1883. *Morisseaux.* La crise économique. 1884. *Allard.* La crise. 1885. *Scharling.* Die jetzige Geschäftsstille u. das Gold. *Jahrbüch. f. Nationalökon.* 1885. *CourcelleSeneuil.* La crise économique. *Journ. d. Econom.* 1886, VIII. *Kaufmann.* Der mitteleuropäische Zollverein. *Tübing. Zeitschr.* 1886. *Busch.* Ursprung u. Wesen der wirthschaftlich. Krisis. 1892. *Neurath.* Die wahren Ursachen der Ueberproductions krisen. 1892.

Есть много признаковъ, доказывающихъ наступленіе хозяйственнаго кризиса. Слышатся жалобы на застой въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ, на паденіе цѣнъ не только предметовъ роскоши, но и товаровъ, удовлетворяющихъ важнѣйшія потребности—хлѣба, мяса, дровъ, желѣза, ситца; замѣчается сокращеніе предпріятій въ различныхъ отрасляхъ производства и переполненіе банковъ денежными капиталами; ослабѣваетъ спросъ на трудъ и возрастаетъ избытокъ рабочихъ рукъ, которыя тщетно отыскиваютъ занятія; изо дня въ день получаются свѣдѣнія о банкротствахъ среди мелкихъ промышленниковъ и крупнѣйшихъ торговыхъ фирмъ; неумолимыя

цифры обнаруживаютъ сокращеніе оборотовъ по внутренней и внѣшней торговлѣ, а уменьшенное потребленіе важнѣйшихъ предметовъ доказываетъ обѣдненіе массы народа. Всѣ эти факты доказываютъ наступленіе хозяйственнаго кризиса. Кризисы, потрясая общественную жизнь, уже давно привлекаютъ къ себѣ вниманіе людей науки и практики. Затрачивается много умственныхъ силъ на отысканіе причины этихъ явленій и на указаніе мѣропріятій, способныхъ или устранить кризисы, или, по крайней мѣрѣ, ослабить бѣдствія, которыя они вызываютъ. Но если въ характеристикѣ признаковъ кризиса замѣчается мало разногласій, то совсѣмъ иную картину представляютъ намъ ученія о причинахъ. Было бы затруднительно не только оцѣнить всѣ мнѣнія о причинахъ, но и перечислить ихъ, а потому мы прослѣдимъ только за главными теченіями.

Въ литературѣ очень употребителенъ пріемъ приписывать кризисы нѣкоторымъ отдѣльнымъ фактамъ хозяйственной жизни. Обширные размѣры кризиса 1873 года въ Германіи и Австріи создали особенно сильное побужденіе для такихъ толкованій. Многіе охотно нападаютъ на акціонерныя общества, возникающія со спекулятивными цѣлями,—не для производства цѣнностей, удовлетворяющихъ дѣйствительный запросъ народнаго хозяйства, а для полученія барышей изъ биржевой игры. Повидимому, каждый острый кризисъ заставляетъ здѣсь, въ легкости образованія акціонерныхъ обществъ, отыскивать причины, нарушающія равновѣсіе хозяйственной жизни. Статистика служитъ могущественнымъ подспорьемъ для такихъ толкованій: она показываетъ, что цѣна акцій тѣхъ обществъ, которыя были основаны задолго до кризиса и въ виду дѣйствительной потребности производства или обращенія товаровъ, падаетъ и во время кризисовъ гораздо медленнѣе, нежели цѣна акцій тѣхъ банковъ, строительныхъ и другихъ кампаній, которые возникли съ цѣлью спекуляціи. Другимъ пунктомъ для нападокъ служитъ дѣятельность эммиссіонныхъ банковъ, которые, будто бы, во всѣхъ этихъ случаяхъ склонны злоупотреблять выпускомъ билетовъ, переполнять ими оборотъ, по произволу возвышать цѣны товаровъ, способствовать развитію спекуляціи и при первомъ застоѣ въ дѣлахъ усиливать наступающее крушеніе. Обвиняютъ биржу, широкій доступъ къ ея операціямъ; онъ увеличиваетъ число лицъ, прикосновенныхъ къ спекулятивной дѣятельности, а потому и обостряетъ кризисъ. Осыпаютъ упреками рабочій классъ за то, что онъ, во время бойкаго хода промышленныхъ дѣлъ, ставитъ предпринимателямъ чрезмѣрныя требованія, успѣшными стачками и забастовками поднимаетъ свою плату, работаетъ мало и небрежно, вдается въ роскошь и т. п. [1]).

Одни писатели приводятъ кризисы въ связь съ чрезмѣрной свободой внѣшней торговли, другіе—приписываютъ ихъ протекціонизму или слишкомъ быстрому росту государственныхъ расходовъ [2]). У Рошера мы находимъ цѣлый музей причинъ, способныхъ вызывать кризисы: по параграфамъ—то крупнымъ, то мелкимъ шрифтомъ—перечисляются многочисленныя условія, которыя, отъ временъ Митридата и Сципіона Африканскаго, влекли и влекутъ за собой кризисъ: таковы эпидеміи, войны, измѣненія техники, цѣнности денегъ, перемѣна моды [3]). Въ ряду причинъ намъ называютъ и особенности въ конституціонномъ строѣ данной страны, и вліяніе плутократіи на теченіе государственной жизни, и подкупность печати [4]).

Съ тѣмъ вмѣстѣ мы находимъ въ литературѣ стремленіе свести кризисы къ какой-либо одной основной причинѣ и вокругъ нея группировать условія, способныя обострить ея вліяніе. Указываютъ, какъ крупныя перемѣны въ производствѣ, вызывая усиленный приливъ капиталовъ къ данной отрасли, постепенно затрудняютъ въ ней сбытъ товаровъ. Приводятъ для примѣра бессемерову сталь, изобрѣтеніе которой, увеличивая прочность издѣлій, должно было быть связано съ уменьшеніемъ производства; этого, однако, не случилось, что повело къ паденію цѣнъ и кризису въ желѣзодѣлательной промышленности [5]). Но обращаетъ на себя вниманіе и другая сторона хозяйственной жизни—индивидуализированность потребленія, отсутствіе единой воли, которая упорядочивала бы потребленіе, а потому и невозможность предугадать его направленіе и размѣры и привести въ соотвѣтствіе съ нимъ производство. Кто бы ни руководилъ промышленностью, частные предприниматели или общественная власть [6]), кризисы являются необходимымъ спутникомъ индивидуализированнаго потребленія. Многіе писатели считаютъ очень важнымъ фактомъ вздорожаніе золота; оно начало дорожать съ переходомъ къ золотой валютѣ двухъ обширныхъ государствъ—Германіи и Соединенныхъ Штатовъ—и вызвало съ 1873 года паденіе цѣны всѣхъ товаровъ, которое причинило уже много хозяйственныхъ бѣдствій [7]).

Говорятъ, наконецъ, что слѣдуетъ искать причину зла въ области распредѣленія богатствъ. Здѣсь подаютъ другъ другу руку сынъ стараго свѣта, столь же глубоко ученый, какъ широко образованный Родбертусъ, и американецъ самоучка Генри Джорджъ. По мнѣнію перваго, возрастающая производительность труда сочетается съ такимъ распредѣленіемъ богатствъ, въ силу котораго заработная плата, возвышаясь абсолютно, относительно понижается; наступаютъ кризисы, такъ какъ покупательная сила огромнаго боль-

шинства людей не соотвѣтствуетъ расширенію промышленности [8]). А. Джорджъ находитъ причину въ правѣ частной собственности на землю: это право способствуетъ искусственному повышенію ренты и препятствуетъ приложенію труда къ землѣ [9]).

Разногласіямъ относительно причинъ кризисовъ соотвѣтствуютъ и разногласія относительно ихъ повторяемости. Большинство писателей отвергаютъ правильность ихъ повтореній. Но нѣкоторые экономисты подмѣчаютъ періодичность появленія кризисовъ и даже сводятъ ихъ къ 10-ти-лѣтнимъ цикламъ [10]). Одинъ англійскій экономистъ установляетъ связь между кризисами и измѣняющимся количествомъ солнечной теплоты. Бо̀льшая масса солнечной теплоты даетъ превосходную жатву, наполняетъ промышленниковъ радостными ожиданіями крупныхъ барышей и усиливаетъ производство. А уменьшенное количество теплоты предшествуетъ неурожаямъ, разочарованію многихъ промышленниковъ и застою въ дѣлахъ. Такія смѣны совершаются приблизительно въ 10-ти лѣтлѣтніе сроки [11]). Наконецъ, Карлъ Марксъ, проводящій на всемъ пространствѣ своего труда мысль о неразрывной связи частнокапиталистическаго производства съ кризисами, также неоднократно говоритъ о 10-ти-лѣтнихъ циклахъ и старается провѣрить эту правильную смѣну періодовъ на исторіи англійской хлопчатобумажной промышленности [12]).

Въ указаніяхъ средствъ для устраненія кризисовъ мы находимъ не меньше разнообразія и разногласій, чѣмъ въ поискахъ за причинами. Обуздать акціонерную горячку; сдѣлать учредителей акціонерныхъ компаній отвѣтственными за предпріятія въ теченіе долгихъ сроковъ по ихъ образованіи; строго регулировать выпуски банковыхъ билетовъ, или даже вовсе устранить банковые билеты и оставить одну монету орудіемъ обращенія; измѣнить законодательство о биржахъ; ввести биржевой налогъ; возвысить таможенныя подати: поднять промышленное искусство страны; уменьшить государственные расходы; развить страхованіе рабочихъ на случай смерти, болѣзни, старости и кризисовъ; регулировать всю промышленную жизнь со стороны общественной власти; изъять землю изъ предметовъ частной собственности... Попытаемся же уяснить себѣ, какія изъ перечисленныхъ условій служатъ главными причинами кризисовъ.

II.

Мы считаемъ слишкомъ одностороннимъ объясненіе кризисовъ какимъ-либо однимъ условіемъ, заявившимъ о себѣ съ полной силой въ острые кризисы 1825, 36, 57, 73 годовъ. Можно согла-

ситься, что акціонерная горячка была выраженіемъ этихъ кризисовъ и способствовала ихъ обострению; но отнюдь нельзя слагать главную долю вины на эту форму предпріятій, господствующую въ новое время. Непригодность такого пріема всего лучше доказывается однородностью явленій кризиса въ разныхъ странахъ при различныхъ отношеніяхъ закона къ акціонернымъ компаніямъ. Послѣдній кризисъ охватилъ съ наибольшей силой Германію и Австрію, а въ нихъ положеніе акціонерныхъ компаній не одно и то же: въ первой странѣ введенъ явочный порядокъ ихъ образованія, во второй—господствуетъ концессіонный. Когда предъ читателемъ проходятъ «картинки съ натуры» изъ временъ учредительства; когда видишь, какъ тысячи людей систематически обманываютъ легковѣрныхъ; какъ учредители играютъ комедію, въ которой «и нотаріусъ, оформляющій актъ учредительства, и его писецъ, получая опредѣленный гонораръ, всегда изображаютъ изъ себя благородную публику» [13]); когда знаешь все это, то не вѣришь, чтобы законъ могъ своимъ воздѣйствіемъ устранить всѣ формы, въ которыхъ злоупотребляютъ акціонерными предпріятіями: дѣло сводится здѣсь къ измѣненію нравовъ, а не той оболочки, которою пользуются дурные инстинкты людей. Отыскивать причину кризисовъ въ легкости образованія акціонерныхъ компаній—значитъ ограничиваться только поверхностью явленій. При этомъ остается безъ отвѣта коренной вопросъ: какія же особенности природы человѣка, или неразрывно связанныя съ нимъ, или образованныя всѣмъ складомъ общественной жизни, ведутъ къ злоупотребленіямъ съ помощью акціонерныхъ компаній? И далѣе: если акціонерныя компаніи будутъ поставлены закономъ иначе, чѣмъ стояли до сихъ поръ, то нѣтъ ли къ услугамъ человѣка другихъ, уже готовыхъ формъ, въ которыя могутъ вылиться разнообразныя злоупотребленія, сопровождающія кризисы? Поэтому, даже допуская, что не будь извѣстна акціонерная форма, острые кризисы не получали бы тѣхъ размѣровъ, какихъ они теперь достигаютъ, мы не можемъ объяснить этимъ продолжительный экономическій застой, которымъ Европа и Америка страдаютъ уже много лѣтъ. И дѣятельность государства, направленная на измѣненія въ складѣ акціонерныхъ компаній, можетъ имѣть только очень слабое вліяніе на предотвращеніе этихъ бѣдствій.

Напрасно отыскивать причины кризисовъ въ строеніи и дѣятельности эммиссіонныхъ банковъ. Законодательства отдѣльныхъ странъ относятся къ эммиссіоннымъ банкамъ не одинаково: Австрія, Голландія, Данія имѣютъ централизованный выпускъ билетовъ изъ главныхъ банковъ; Англія, Германія, Италія допус-

каютъ, на ряду съ центральнымъ, существованіе и мѣстныхъ эммиссіонныхъ банковъ; наконецъ, въ Соединенныхъ Штатахъ мы находимъ самую широкую децентрализацію—до 3,000 эммиссіонныхъ банковъ. Регулированіе массы обращающихся билетовъ и порядка выпусковъ также не одно и то же. Но ни широкая свобода, съ которою возникаютъ и дѣйствуютъ эти учрежденія, ни значительныя стѣсненія, налагаемыя закономъ, не дѣлаютъ кризисовъ невозможными. Но еслибы даже въ злоупотребленіи выпусками банковыхъ билетовъ была часть причины, то какими средствами располагаетъ общественная власть, чтобы устранить ее? Какъ извѣстно, не найденъ предѣлъ, дальше котораго не должны идти выпуски билетовъ [14]). Согласимся, наконецъ, на полное устраненіе банковыхъ билетовъ и пользованіе одною монетою для обращенія. Въ странахъ, усвоившихъ билетное обращеніе, такой порядокъ былъ бы нѣкоторое время крайне обременителенъ; но народное хозяйство постепенно освоилось бы съ нимъ: бо̀льшая быстрота обращенія денегъ, усиленное пользованіе частными кредитными документами, нѣкоторое пониженіе цѣнъ товаровъ—все это послѣдовало бы за уменьшеніемъ одного вида орудій обмѣна, а кризисы—не только хроническіе, но и острые—были бы столь же возможны, какъ и теперь: и при такомъ порядкѣ осталось бы широкое поле для злоупотребленія кредитомъ, и для чрезмѣрнаго производства, и для образованія предпріятій, изначала лишенныхъ жизненной силы.

Когда намъ говорятъ, что война, эпидемія могутъ вызвать хозяйственный кризисъ, что извѣстная форма государственнаго устройства или подкупность органовъ печати могутъ способствовать его развитію, то, приводя въ непосредственную связь разнородныя явленія, не уясняютъ пути, которымъ идетъ указываемая причина. Война, государственное устройство, испорченность публицистики—явленія одного порядка, сами по себѣ не экономическія; кризисъ же—хозяйственное явленіе. Мы и хотимъ познать тѣ соединительныя звенья, которыя должны быть пройдены указанной причиной, тѣ стороны хозяйственнаго быта, которыя должны быть затронуты, дабы, напр., государственное устройство могло вызвать извѣстныя неблагопріятныя перемѣны въ экономіи народа.

Но, можетъ быть, правы тѣ, которые, подобно Рихарду фонъ-Кауфману, видятъ въ современномъ кризисѣ только мѣстное явленіе и приписываютъ его неблагопріятному положенію всей Европы, сравнительно съ тѣми огромными народно-хозяйственными тѣлами, которыя, въ числѣ четырехъ,—Россія, Соединенные Штаты, Англія съ колоніями и Китай—имѣютъ къ своимъ услугамъ всѣ климаты,

всѣ естественныя богатства? Сознавая свою хозяйственную мощь, эти обширныя государства могутъ окружить себя таможенными заставами въ увѣренности, что ихъ производительныхъ силъ съ избыткомъ достанетъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей населенія. А разъ эти страны дѣйствительно занимаютъ такое выгодное положеніе и считаютъ нужнымъ развивать посредствомъ покровительственной системы всѣ отрасли промышленности, то государства западной Европы, густо населенныя и не могущія обезпечить себя сырыми матеріалами, не имѣютъ достаточнаго рынка для своихъ издѣлій. Можно устранить эту невыгоду только образованіемъ таможеннаго союза изъ государствъ средней Европы. Такой союзъ, создавая обширный внутренній рынокъ, обезпечитъ въ своихъ предѣлахъ сбытъ фабрикатамъ данныхъ странъ; а сельско-хозяйственная промышленность, огражденная отъ внѣшняго соперничества высокими таможенными налогами, разовьется до такихъ размѣровъ, что вскорѣ населеніе освободится отъ необходимости ввозить сырыя произведенія изъ странъ, которыя нынѣ ихъ поставляютъ. Образовать такой таможенный союзъ—значитъ создать усиленное противодѣйствіе чрезмѣрному производству и кризисамъ [15]).

Понятно, когда группа промышленниковъ, страстно оберегая свои барыши, вопитъ при однихъ слухахъ о возможномъ пониженіи таможенныхъ налоговъ, взываетъ къ государству о помощи и требуетъ возстановленія преградъ, которыя изобрѣтательная политика можетъ ставить ввозу иностранныхъ товаровъ; но не извинительно выступать подъ прикрытіемъ научнаго авторитета и такую внѣшнюю, произвольную мѣру, какъ измѣненіе таможенныхъ налоговъ, считать средствомъ къ устраненію кризисовъ или къ ихъ усиленному развитію. Еслибы это было такъ, то, конечно, страны, усвоившія строгую покровительственную политику,—во главѣ ихъ Россія и Соединенные-Штаты,—не имѣли бы понятія о бѣдствіяхъ этого рода; а между тѣмъ, мы видимъ и здѣсь застой въ промышленной жизни, въ Россіи даже большій, чѣмъ у народовъ, ближе подошедшихъ къ началамъ свободной внѣшней торговли. Расширеніе внутренняго рынка и обособленіе отъ иностраннаго соперничества посредствомъ образованія таможеннаго союза не обезпечиваетъ гармоніи въ развитіи отдѣльныхъ отраслей производства. А разъ эта гармонія нарушена въ какой-либо отрасли, и особенно земледѣліи, покупательная сила значительной части населенія ослабѣваетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ затрудняется сбытъ товаровъ многихъ отраслей промышленности.

Не слѣдуетъ отыскивать причины кризисовъ въ чрезмѣрныхъ

расходахъ государства на войско, военный флотъ. Нѣтъ сомнѣнія, что чрезмѣрные государственные расходы, отнимающіе у частныхъ хозяйствъ бо́льшую массу цѣнностей, чѣмъ они могутъ удѣлять безъ ущерба для производства, препятствуютъ успѣшному наростанію богатствъ; но не здѣсь лежитъ причина кризисовъ. Представимъ себѣ, что государство, уменьшая до крайнихъ предѣловъ численный составъ войска, распустило по домамъ 500.000 солдатъ и сократило на 100 милліоновъ расходы для военныхъ цѣлей. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого будетъ сбереженіе народомъ значительной части его доходовъ: она распредѣлится въ населеніи и увеличитъ его запасы для производства: на избыточные 100 милліоновъ можно будетъ производить извѣстный излишекъ хлѣба, мяса, тканей, машинъ и т. п. Масса рабочей силы увеличится на полмилліона рукъ, перемѣнившихъ непроизводительный трудъ на полезный. Несомнѣнно даже, что уровень благосостоянія народа нѣсколько повысится. Но если, до уменьшенія постояннаго войска, 5 милліоновъ работниковъ производятъ больше товаровъ, нежели количество, которое можетъ найти себѣ сбытъ, если наступаетъ паденіе цѣнъ и кризисъ, то $5^1/_2$ милл. работниковъ, при неизмѣнности хозяйственнаго строя, будутъ въ состояніи произвести и также будутъ производить бо́льшую массу цѣнностей, нежели поглощаетъ потребленіе. Соединенные-Штаты, въ дѣлѣ расходовъ на военную силу, представляютъ рѣзкую противоположность Европѣ: ихъ постоянное войско не превышаетъ 35.000, и весь расходъ на войско и флотъ едва достигаетъ 55 милл. доллар., т.-е. меньше 1 долл. на жителя; во Франціи же, напр., постоянное войско превышаетъ полъмилліона, а расходъ достигаетъ 800 милл. франк., по 20 фр. на 1 жителя—въ 4 раза болѣе, чѣмъ въ Америкѣ [16]). А между тѣмъ въ 1885 году въ Соединенныхъ-Штатахъ насчитывалось болѣе полумилліона людей, страдавшихъ отъ безработицы.

Часто высказываютъ мнѣніе, что главной причиной кризиса служитъ недостаточно высокое техническое искусство у рабочихъ данной страны; вслѣдствіе этого народъ теряетъ международный рынокъ, а при невысокихъ таможенныхъ налогахъ и внутренній. Повсюду стрѣчаемъ мы жалобы на недостатки этого рода. Бывшій первый министръ Франціи Ферри въ одной изъ своихъ рѣчей, посвященныхъ кризису, энергически нападалъ на косность французскихъ промышленниковъ. Онъ приписывалъ угнетенное состояніе производства недостатку почина въ фабрикантахъ, ихъ неподвижности, ихъ закоснѣлости въ рутинѣ, слѣдованію тѣмъ пріемамъ, которые были усвоены отцами и дѣдами; глубокая ошибка промышленниковъ, по мнѣнію министра, состоитъ въ томъ, что они

очень скупы на обновленіе своихъ машинъ и гораздо больше ожидаютъ отъ правительства, нежели отъ своего трудолюбія и изобрѣтательности [17]). Сходныя жалобы раздаются и въ другихъ странахъ. Конечно, такія жалобы со стороны государственнаго человѣка вполнѣ понятны и умѣстны: онъ побуждаетъ соотечественниковъ не отставать отъ сосѣдей въ развитіи техники и тѣмъ обезпечить французскимъ товарамъ широкій сбытъ на иностранныхъ рынкахъ; но онѣ не раскрываютъ главной причины кризиса. Среди народовъ, занимающихъ главныя мѣста на міровомъ рынкѣ, каждому принадлежитъ первенствующее положеніе относительно извѣстныхъ отраслей производства: русское льняное сѣмя, американская пшеница, англо-американскія машины, французскія издѣлія изъ шелка, австрійскія изъ кожи не имѣютъ соперниковъ. Если-бы главная причина кризиса коренилась въ низкомъ развитіи рабочаго искусства, то не страдали бы отъ застоя тѣ отрасли промышленности каждой страны, которыя занимаютъ первенствующее положеніе и не имѣютъ опасныхъ соперниковъ. Однако, во всѣхъ отрасляхъ производства, даже поставленныхъ особенно благопріятно, слышатся громкія жалобы на застой. Вотъ почему указанная причина, препятствуя сбыту наименѣе совершенныхъ издѣлій даннаго рода, не объясняетъ застоя въ продажѣ тѣхъ товаровъ, которые отличаются наибольшимъ совершенствомъ.

Инымъ характеромъ отличается указаніе на крупныя перемѣны въ производствѣ, вызываемыя важными техническими изобрѣтеніями. Къ чрезмѣрному производству товаровъ и недостатку сбыта могутъ быть сведены всѣ явленія, въ которыхъ выражается кризисъ. Но остается безъ объясненія одинъ вопросъ: почему же перемѣны техники обыкновенно ведутъ къ чрезмѣрному производству? Если возможность приготовлять сталь по бессемерову способу повысила прочность издѣлій (стальныхъ сравнительно съ желѣзными), то предприниматели должны были уменьшить размѣры производства: увеличившаяся прочность товара значительно уменьшила то количество его, которое въ данное время могло быть поглощено рынкомъ. Производители, при отсутствіи единой воли, которая направляла бы промышленность, и одного ума, который оцѣнивалъ бы состояніе хозяйства, не могутъ точно сообразовать предложеніе съ запросомъ; но они могутъ хотя немного считаться съ этими условіями. Почему же они пренебрегаютъ ими? Какія особенности въ строѣ современнаго хозяйства связываютъ крупныя улучшенія техники съ цѣлымъ рядомъ хозяйственныхъ бѣдствій? Намъ не даютъ отвѣта; мы видимъ причину въ дѣйствіи, но не понимаемъ, почему она дѣйствуетъ.

Хотя въ литературѣ очень часто указываютъ на индивидуализированность потребленія, на отсутствіе руководящей силы, которая удерживала бы его въ извѣстныхъ рамкахъ, а потому и на невозможность сообразовать предложеніе съ запросомъ, какъ на причину кризисовъ, однако, внимательное изученіе дѣла показываетъ, что этому факту придаютъ большее значеніе, нежели онъ заслуживаетъ. Подъ индивидуализированностью потребленія разумѣется тотъ порядокъ, при которомъ каждый, слѣдуя своему вкусу, опредѣляетъ родъ и, частію, массу нужныхъ для него товаровъ. Дѣйствительная жизнь представляетъ намъ такую картину. 1) Значительная масса человѣческаго труда затрачивается на производство капиталовъ, зданій, машинъ, судовъ, орудій, приспособленій для промышленности и т. д. Относительно всѣхъ предметовъ этого рода личный вкусъ потребителя—или, точнѣе, производителя, примѣняющаго эти предметы—не играетъ никакой роли: состояніе техники въ данное время опредѣляетъ, какія орудія, машины, суда должны быть изготовляемы, и какъ они должны быть приготовляемы. То же можно утверждать и о вспомогательныхъ для промышленности матеріалахъ: ужь, конечно, изящный вкусъ предпринимателя не страдаетъ отъ того, употребляются ли въ его фабрикѣ дрова, каменный уголь или торфъ, смазываются колеса и винты механизма растительнымъ или минеральнымъ масломъ. 2) То же слѣдуетъ сказать и о всей массѣ сырыхъ матеріаловъ, перерабатываемыхъ въ предметы потребленія: одна и та же пшеница даетъ матеріалъ для тонкаго пирожнаго на столѣ Ротшильда и имениннаго пирога у небогатаго мѣщанина; мелкій чиновникъ, зажиточный крестьянинъ кладутъ себѣ въ супъ кусокъ такого же мяса, какое подается на столъ богача подъ мудренымъ французскимъ названіемъ; изъ льна, шелка, шерсти, кожи могутъ быть сдѣланы самыя разнообразные ткани и предметы одежды, и всѣ перемѣны вкуса потребителя ограничиваются послѣдней ступенью переработки этихъ матеріаловъ, не восходя до ступеней болѣе отдаленныхъ. 3) Наконецъ, остаются предметы непосредственнаго потребленія. Но и сюда нужно внести много оговорокъ. Пища человѣка, по количеству и даже способу приготовленія, мало зависитъ отъ колебаній въ индивидуальныхъ вкусахъ: количество опредѣляется требованіями гигіены, а по способу приготовленія различаютъ національныя, прочно держащіяся особенности, которыя позволяютъ говорить о русской, французской, англійской кухнѣ. Казалось бы, что устройство жилищъ пріобрѣтеніе одежды и тѣмъ болѣе предметовъ роскоши представляютъ обширное поле, гдѣ, безъ всякихъ задержекъ, властвуетъ прихоть потребителя. И въ самомъ дѣлѣ, если отдѣльныя лица ра-

болѣпно подчиняются модѣ, то самая мода, исходя изъ круга ботыхъ и высокопоставленныхъ группъ, мѣняется очень часто. Но какъ ничтожны колебанія въ промышленности страны, причиняемыя этими перемѣнами! Покрой одежды, рисунокъ мебели и экипажей, столовую утварь, украшенія изъ драгоцѣнныхъ камней и металловъ часто мѣняютъ только немногочисленныя группы, занимающія верхушки общежитія; огромная масса медленно слѣдуетъ за этими перемѣнами. Но и эти перемѣны затрогиваютъ только тѣ отрасли производства, которыя окончательно приспособляютъ предметы для потребленія. Стоимость товаровъ, произведенныхъ въ 1890 году всѣми фабриками и заводами Россіи, опредѣляется цифрою въ 1.500 милліоновъ. Внимательно просматривая таблицы, мы видимъ, что наши главныя производства стоятъ внѣ зависимости отъ индивидуальныхъ прихотей: производство вина, пива, сахару и табаку даетъ сумму въ 450 милл.; кожевенное, хлопчатобумажное, льнопрядильное, суконное производства даютъ еще слишкомъ 300 милл.; чугунно- и сталелитейное, машино-строительное, кирпичное, мельницы еще до 200 милл. Такимъ образомъ, въ перечисленныхъ производствахъ мы имѣемъ $^3/_4$ всей обработывающей промышленности страны; вся эта масса стоитъ внѣ зависимости отъ прихотливыхъ вкусовъ потребителей. Съ особеннымъ удареніемъ скажемъ мы то же о нашихъ главныхъ промыслахъ—земледѣліи, скотоводствѣ и лѣсоводствѣ. А если возьмемъ тѣ производства, которыя испытываютъ большую зависимость отъ рѣзкихъ перемѣнъ моды, то получимъ такія цифры: паркетное и мебельное съ цѣнностью издѣлій меньше 2 милліоновъ, обойное съ небольшимъ $2^1/_2$ милл. Что значатъ эти цифры сравнительно съ размѣрами оборотовъ въ бумагопряденіи, винокуреніи, сахаровареніи? Возьмемъ внѣшнюю торговлю Франціи, которая снабжаетъ весь міръ предметами роскоши. Стоимость товаровъ, вывезенныхъ въ 1891 году, превышаетъ $3^1/_2$ милліарда франковъ. Если мы соединимъ въ одну группу всѣ ткани—бумажныя, шерстяныя, шелковыя и льняныя,—всякія бездѣлушки, подходящія подъ понятіе articles de Paris, разныя издѣлія изъ кожи, духи и т. д., то получимъ сумму около 1 милліарда, т.-е. меньше $^1/_3$ всего вывоза. Конечно, изъ этого милліарда только небольшая доля, можетъ быть $^1/_{10}$, удовлетворяетъ потребности тѣхъ классовъ населенія, которые даютъ особенный просторъ своимъ прихотямъ. Поэтому окажется, что, быть можетъ, $^1/_{30}$ часть всего вывоза Франціи можетъ страдать отъ индивидуализированности потребленія. А такъ какъ товары, вывозимые изъ Франціи за границу, составляютъ по стоимости не болѣе $^1/_7$ части всего годичнаго производства страны и прихоть потребителей не можетъ выкинуть изъ

употребленія всю массу товаровъ или значительную часть этой массы, то и окажется, что, быть можетъ, только $^1/_{100}$, $^1/_{200}$, $^1/_{300}$ всего промышленнаго труда въ любой странѣ, затрачивается въ томъ направленіи, которое соотвѣтствуетъ быстро измѣняющимся потребностямъ. Итакъ, можно приписывать этому условію вліяніе на нѣкоторыя отрасли промышленности, на убыточность нѣкоторыхъ предпріятій и затруднительное положеніе отдѣльныхъ группъ рабочихъ, но нѣтъ основанія объяснять этимъ продолжительный и упорный застой въ промышленности: мелкія причины не влекутъ за собой крупныхъ послѣдствій.

Можно ли удовлетвориться объясненіемъ, что паденіе товарныхъ цѣнъ есть неизбѣжное послѣдствіе вздорожанія золота? Вопросъ о соотношеніи между количествомъ денегъ и цѣнами товаровъ уже съ начала нашего вѣка вызываетъ въ литературѣ оживленные споры и не можетъ быть признанъ рѣшеннымъ и до сего дня. Рикардо и его продолжатели отстаиваютъ положеніе, что перемѣны въ количествѣ денегъ ведутъ къ измѣненію въ цѣнѣ товаровъ, а Тукъ и его многочисленные послѣдователи отрицаютъ это вліяніе. Трудность вопроса должна быть приписана не только зависимости товарныхъ цѣнъ отъ многихъ условій, но и полной невозможности дать точное числовое опредѣленіе многимъ фактамъ хозяйственной жизни. Насколько трудно опредѣлить количество денегъ, обращающихся на земномъ шарѣ, видно всего лучше изъ разногласій о томъ, какая часть добычи золота предназначается ежегодно для промышленныхъ цѣлей: одни оцѣниваютъ эту часть въ 500 милліоновъ франковъ, другіе—въ 250; а извѣстный Бэджготъ, на вопросъ парламентской коммиссіи о количествѣ денегъ въ монетѣ, отвѣтилъ: «я бы могъ показать цифру, но она не будетъ стоить бумаги, на которой нужно написать ее» [18]). Но есть и гораздо бо̀льшія трудности: выяснить быстроту, съ которой обращаются деньги, ихъ суррогаты и товары. а также исчислить стоимость тѣхъ сдѣлокъ, которыя совершаются безъ участія денегъ или кредитныхъ документовъ. Трудностей такъ много, что этотъ вопросъ едва ли когда-нибудь будетъ рѣшенъ окончательно. Не будучи въ состояніи опредѣлить степень, въ какой каждое изъ названныхъ условій способно дѣйствовать на результатъ, мы можемъ безошибочно сказать, что увеличеніе или уменьшеніе массы золота или серебра стремится дѣйствовать на цѣны и проявить это дѣйствіе, если не будетъ парализовано другими вліяніями. Съ начала 70-хъ гг. потребность въ золотѣ возросла, а добыча его уменьшилась. Въ 1878 г. она достигла 185,847 килограммовъ, и непрерывно понижаясь, въ 1884 г. упала до 146,151, что̀ представляетъ круп-

ное уменьшеніе—больше 20%. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы было основаніе признавать этотъ фактъ единственной или даже главной причиной застоя въ промышленности. Многія данныя указываютъ, что обращеніе кредитныхъ документовъ усиливалось за это время безостановочно. Вексельный портфель главныхъ банковъ даетъ намъ такія цифры: отъ 1874 года, когда началось паденіе цѣнъ, общій итогъ съ 6,602 милл. марокъ, падаетъ къ 1878 г. на 5,625, а затѣмъ, поднимаясь, достигаетъ въ 1885 г. цифры въ 7,924 милл., которая далеко оставляетъ за собой цифру 1873 г.— 7,062 милліона — высшую сравнительно со всѣми предыдущими годами. Сходную картину даетъ намъ обращеніе бумажныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ: отъ своего maximum'а въ 1873 г., съ 11,328 милліоновъ обращеніе падаетъ въ 1878 г. до 9,674, а затѣмъ, поднимаясь, достигаетъ въ 1885 году 10,389 милліоновъ. Мы находимъ такое же движеніе въ оборотахъ лондонской разсчетной палаты. Съ 6,070 милліоновъ въ 1873 г. обороты упали до 4,885 къ 1879, но съ этого времени началось ихъ увеличеніе, и въ 1886 году цифра ихъ достигла 5,901 милліона [19]). Всѣ эти факты показываютъ, что недостатокъ золота могъ быть если не сполна, то въ значительной мѣрѣ возмѣщенъ суррогатами денегъ. Наконецъ, есть факты, которые уже прямо противорѣчатъ разбираемому положенію. Указываютъ на Соединенные Штаты, какъ на страну, которая, получая изъ года въ годъ по внѣшнему торговому балансу огромное количество золота, грозитъ окончательно лишить Европу этого металла. И дѣйствительно, мы видимъ громадное увеличеніе въ Соединенныхъ Штатахъ запаса золотой монеты: съ 211½ милл. доллар. въ 1879 г. запасъ поднимается до 500 милл. въ 1885, т.-е. увеличивается почти на 137%; во многихъ же странахъ Европы онъ уменьшается, а во Франціи и Англіи, вмѣстѣ взятыхъ, почти за тотъ же періодъ (отъ 1880 до 1885) онъ понижается съ 6,396 милл. мар. на 5,740, т.-е. на 10% [20]). Такое увеличеніе золота въ Америкѣ должно было бы повлечь за собой возвышеніе цѣнъ товаровъ, тѣмъ болѣе, что за этотъ періодъ времени сумма бумажныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ уменьшилась только на небольшую цифру 4% (съ 2,900 на 2,783 милл.), а обороты, напр., нью-іоркской разсчетной палаты составляли въ 1879 и 1885 гг. почти равныя суммы (съ небольшимъ 25 милліардовъ долларовъ). Однако, въ Соединенныхъ Штатахъ мы наблюдаемъ пониженіе цѣнъ, и не только не меньшее, чѣмъ въ Европѣ, но частью и болѣе значительное. Мёлголлъ беретъ 10 важнѣйшихъ предметовъ потребленія (пшеница, масло, сыръ, кофе, мясо, сахаръ, желѣзо, уголь, табакъ и хлопокъ) и за 10-лѣтній періодъ 1841—50

приравниваетъ ихъ цѣну 1,000. Цѣны, непрерывно повышаясь, достигаютъ своей высшей точки въ десятилѣтіе 1861—70 г.=1,735; затѣмъ, понижаясь, онѣ опускаются въ 3-лѣтіе между 1881 и 83 годами до 1,185, т.-е. на 31,8% а въ слѣдующіе 3 года товары дешевѣютъ еще больше: желѣзо, напр., съ $22^3/_8$ доллар. за тонну въ 1883 г. упало до $17^7/_8$ за тонну въ 1885 [21]). То же самое можно подмѣтить и относительно многихъ другихъ товаровъ. Почти буквально такое же измѣненіе цѣнъ даетъ намъ Англія. По изслѣдованію Зауэрбека, цѣны 45 товаровъ (сюда входятъ важнѣйшіе матеріалы и главные предметы потребленія) отъ 1867—77 гг. понизились къ 1886 году въ среднемъ на 31% [22]). Такое пониженіе товарныхъ цѣнъ въ Соединенныхъ Штатахъ могло бы быть, пожалуй, приписано укореняющейся привычкѣ населенія образовать денежные запасы въ монетѣ, какъ то имѣетъ широкое распространеніе въ Азіи [23]); однако, страна, подобная Соединеннымъ Штатамъ, съ широко развитой хозяйственной жизнью, не представляетъ удобнаго поля для развитія такой привычки. А потому, находя однородное движеніе товарныхъ цѣнъ въ странахъ, которыя теряютъ много золота, и тѣхъ, которыя получаютъ его въ большихъ массахъ, мы признаемъ это объясненіе неудовлетворительнымъ и считаемъ нужнымъ искать причинъ застоя промышленности въ другихъ условіяхъ хозяйственной жизни.

Мы перечислили средства, предлагаемыя противъ кризисовъ. Все, сказанное нами, объясняетъ, почему предлагаемыя мѣропріятія имѣютъ значеніе только слабыхъ палліативовъ [24]).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

1) *Oechelhäuser.* Die wirthschaftliche Krisis. 1876, 34—81.—*Neuwirth.* Die Speculationskrisis von 1873, 1874, 318 и дал.

2) *Courcelle-Seneuil.*. La crise économique. Journ. des Econom. 1886. VIII.

3) *Roscher.* Nationalökonomie des Handels u. Gewerbfleisses. 1881, 772—76.

4) *Schaeffle.* Der grosse Börsencrach des Jahres. 1873. Tübing. Zeitschr. 1874.

5) *Nasse.* Ueber die Verhütung der Productionskrisen.

6) *Brentano.* Die Arbeiter u. die Productionskrisen.

7) *Laveley.* Der wahre Grund der seit 1873 bis jetzt anhaltenden wirthschaftlich. Krisis. 1881.—*Allard.* La crise. 2 édit. 1885.—*Giffen.* On the fall of prices of commodities. Essays in finance. 1880.—*Scharling.* Die jetzige Geschäftsstille.

8) *Rodbertus.* Zur Beleuchtung der socialen Frage. 1875, 47—54.

9) *George.* Progress and poverty. 1883. 190.

10) *Juglar.* Les crises commerciales. 1862.

11) *Jevons.* Political economy. 1878, 118—22.

12) *Марксъ.* Капиталъ. 1872, 398, 544—45.

13) *Schaeffle*, 19—22.

14) Это можно видѣть изъ ежегодныхъ измѣненій въ массѣ обращающихся билетовъ англійскаго и другихъ банковъ безъ всякаго вліянія на цѣны.

15) *Rich. v. Kaufmann.* Der mitteleuropäische Zollverein.

16) Ср. Statistik. abstract. of the Unit. States 1886.

17) *Morisseaux.* La crise économique. 1884, 25.

18) *Lavelye.* 42—45.

19) Ср. *Neumann-Spallort.* Uebersichten der Weltwirthschaft. Jahrgang. 1883—84. 456, 449.

20) Statistical abstract of the United States. 1886, 20 и *Neum.-Spall.*, тамъ же, 428.

21) *Mulhall.* History of prices. 1885, 7.

22) См. *Journ.* of the Statistical Société. 1887. March, 180—82.

23) Это допускаетъ Лавелэ (53), указывая, что негры въ Америкѣ пріобрѣтаютъ привычку образовывать запасы денегъ въ монетѣ.

24) Обзоръ предлагаемыхъ мѣръ сдѣланъ въ моей статьѣ „Гдѣ лежатъ главныя причины хозяйств. кризисовъ"? *Вѣстн. Евр.*, 1888, X и XI.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Пособія. *Исаевъ.* Гдѣ лежатъ главныя причины хозяйственныхъ кризисовъ? *Вѣстн. Евр.* 1888, X и XI.

I.

Дабы изучить причины кризисовъ и изыскать мѣры, способныя предотвращать ихъ или заглаживать производимыя ими бѣдствія, нужно отрѣшиться отъ единичныхъ условій, которыя могутъ вызывать обостреніе хозяйственнаго застоя, и подвергнуть оцѣнкѣ весь экономическій бытъ.

Во время, отдаленное отъ насъ тремя и даже двумя столѣтіями, европейская жизнь не давала условій, которыя дѣлали бы возможнымъ широкое развитіе хозяйственныхъ кризисовъ. Каждое общество представляло сѣть мелкихъ единицъ, члены которыхъ, сравнительно рѣдко выступая за предѣлы своихъ союзовъ, стояли другъ къ другу въ прочныхъ, ясно опредѣлившихся отношеніяхъ. Таково было, во-первыхъ, все населеніе деревень. Крестьянство, закрѣпощенное или уже получившее личную свободу, жило почти исключительно жизнью натуральнаго хозяйства: бо́льшая часть предметовъ, необходимыхъ для домашняго быта, производилась въ предѣлахъ семьи; немногое поступало въ продажу и немногое покупалось въ городѣ. Средоточіемъ этихъ мелкихъ единицъ служили помѣщичьи усадьбы, которыя также переживали періодъ натуральнаго хозяйства: все, нужное для пищи, кромѣ нѣкоторыхъ

иноземныхъ товаровъ, чая, кофе, сахару, пряностей, большая часть предметовъ одежды и утвари, изготовлялись барщиннымъ трудомъ или доставлялись оброкомъ. Тѣ массы сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которыя оставались сверхъ личнаго потребленія помѣщика, поступали на рынокъ. Высокая цѣна ихъ позволяла расширить потребленіе покупаемыхъ товаровъ; низкая цѣна заставляла съуживать его; но выручка большей или меньшей суммы изъ продажи не приносила крупныхъ измѣненій въ хозяйственный оборотъ этихъ единицъ, такъ какъ, производя почти все, нужное для жизни, они въ пріобрѣтеніи матеріаловъ и орудій не зависѣли отъ состоянія рынка. Городская промышленность, разбитая на мелкія группы, жила по цеховымъ уставамъ и правиламъ; постояннымъ рынкомъ сбыта служили для нея тѣ заказчики, которые жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ, размѣры и характеръ запроса которыхъ могли быть предусмотрѣны и точно опредѣлены. Войны, эпидеміи, чрезмѣрныя податныя тягости умаляли отъ времени до времени доходы городского населенія, уменьшали запросъ на ремесленныя издѣлія и ставили производителей въ стѣсненное положеніе. Но эти затрудненія не были однородны съ промышленными кризисами новаго времени; не было переполненія рынка товарами, такъ какъ почти всѣ товары производились на заказъ; умаленіе доходовъ потребителей уменьшало запросъ на товары, а какъ скоро положеніе заказчиковъ улучшалось, такъ увеличивался спросъ и измѣнялся къ лучшему бытъ производителей. Натуральное хозяйство и малые размѣры производства исключали возможность широкаго развитія кредита. Весь сельскій классъ, отъ бѣднѣйшаго крестьянина и до крупнаго помѣщика, стоялъ внѣ сферы кредитныхъ отношеній, за исключеніемъ случаевъ, когда неожиданная нужда заставляла искать займа у ростовщиковъ. Былъ, такимъ образомъ, кредитъ для потребленія: кредита для производства не было, и денежныя суммы, которыя выручались сельскими классами отъ продажи на рынкѣ произведеній земли, поступали въ ларцы, кубышки и прятались въ потаенныхъ углахъ подваловъ. Но и въ городахъ не было широкаго поля для развитія кредита: обычай, закрѣпленный цеховымъ укладомъ, удерживалъ ремесленныя заведенія въ опредѣленныхъ размѣрахъ, которые уже исключали сколько нибудь значительное пользованіе чужими капиталами. А разъ не было широко развитаго кредита, промышленность не могла выходить далеко за предѣлы, которые ей ставилъ запросъ. Не забудемъ, однако, что уже въ самой отдаленной древности существовала международная торговля, и что съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество живетъ исторической жизнью, не легко найти страну,

которая была бы, въ хозяйственномъ отношеніи, вполнѣ замкнутымъ цѣлымъ. Такимъ образомъ, была извѣстная группа производителей, стоявшихъ лицомъ къ лицу съ отдаленными и неизвѣстными рынками. Однако, что бы ни было писано о размѣрахъ и разнообразіи международной торговли древнихъ грековъ, венеціанцевъ, генуэзцевъ, ганзейцевъ, голландцевъ, размѣры торговыхъ сношеній были ничтожны, сравнительно съ тѣмъ, что представляетъ намъ новое время [1]). Итакъ, группы населенія отдѣльныхъ странъ, поставленныя въ зависимость отъ отдаленнаго рынка и неизвѣстныхъ потребителей, не были многочисленны. Но вѣроятность застоя въ сбытѣ и раззоренія для производителей, снабжавшихъ иностранные рынки, была невелика еще и по другой причинѣ. При чрезвычайномъ развитіи техники во всѣхъ отрасляхъ производства, накопленіи знаній и умѣньѣ пользоваться многими благопріятными условіями внѣшней природы,—что служитъ характернымъ признакомъ нашего времени,—различные народы легко выступаютъ соперниками другъ друга на міровомъ рынкѣ: благодаря постояннымъ сношеніямъ между народами, промышленное искусство отличается космополитичностью, и въ любой странѣ капиталъ изъ года въ годъ проникаетъ въ новыя отрасли производства. Поэтому каждый народъ долженъ быть всегда готовъ встрѣтить на міровомъ рынкѣ новыхъ и опасныхъ соперниковъ [2]). Совсѣмъ иное замѣчаемъ мы въ отдаленномъ прошломъ. Слабое развитіе знаній заставляло каждый народъ сосредоточиваться на тѣхъ отрасляхъ производства, для которыхъ были на лицо особенно благопріятныя условія; къ этимъ отраслямъ тяготѣлъ промышленный трудъ страны; въ этихъ предѣлахъ изготовлялись товары для вывоза, и боязнь соперничества не могла быть значительна. И, вотъ, мы видимъ, что въ теченіе долгихъ періодовъ времени Италія снабжала международный рынокъ шелковыми тканями, Англія—шерстяными, Германія—льняными, и т. д. Воспроизводя передъ собой въ этихъ общихъ чертахъ картину хозяйственнаго быта предыдущихъ вѣковъ, мы легко поймемъ, что имъ не могли быть извѣстны тѣ продолжительные, упорные застои въ промышленности, которые отличаютъ наше время. Хроническій упадокъ производства обусловливался войнами, внутренними смутами, эпидеміями, словомъ,—причинами, лежащими внѣ сферы хозяйственной жизни, а острыя потрясенія, въ родѣ, напр., извѣстной тюльпоманіи, съ которой экономисты охотно начинаютъ исторію кризисовъ, или даже кризиса Джона Ло, оказывали вліяніе на отдѣльные кружки и не имѣли дѣйствія на все народное хозяйство.

Съ половины прошлаго вѣка въ экономическомъ строѣ стали

совершаться крупныя перемѣны. Отступленіе натуральнаго хозяйства передъ денежнымъ повело къ закрѣпленію связи между отдѣльными группами народа, жившими, каждая, своею особою жизнью. Нетолько помѣщикъ, утратившій крѣпостной трудъ, былъ приведенъ въ постоянное соотношеніе съ рынкомъ, какъ покупатель и продавецъ, но въ зависимость отъ рынка былъ поставленъ и крестьянинъ. Изъ замкнутыхъ, самоцѣльныхъ союзовъ, какими были раньше помѣщичьи и крестьянскія хозяйства, производившія прежде всего для удовлетворенія собственныхъ потребностей и отдававшія рынку только избытки, эти группы стали членами одной огромной единицы—всего народнаго или даже международнаго хозяйства, съ производствомъ многихъ цѣнностей для обмѣна и съ пріобрѣтеніемъ на рынкѣ многихъ предметовъ, которые изготовлялись ранѣе въ домашнемъ быту. Паденіе ремесла подъ напоромъ первостепенныхъ техническихъ изобрѣтеній и замѣна во многихъ отрасляхъ мелкаго производства крупнымъ повели къ разложенію цехового строя, къ освобожденію городской промышленности отъ путъ, которыя стѣсняли ее, и къ ослабленію связи между производителями и потребителями. Если техническія измѣненія выводили промышленность изъ мелкихъ мастерскихъ въ мануфактуры и фабрики, то порваніе связи между производителемъ и потребителемъ создавало еще одно условіе для безостановочнаго развитія крупнаго производства: пока промышленникъ можетъ обозрѣть размѣры сбыта, пока онъ поддерживаетъ ближайшую связь съ потребителями, до тѣхъ поръ онъ робко расширяетъ предѣлы своего предпріятія. Онъ смотритъ на всю массу потребителей, стоящихъ внѣ круга его заказчиковъ, какъ на область, снабженіе которой закрѣплено за его сосѣдями. Разъ связь производителя съ потребителемъ порывается и первый изготовляетъ не на заказъ, а для неизвѣстнаго рынка, онъ испытываетъ сильное искушеніе расширить размѣры своихъ оборотовъ: вся масса потребителей представляется ему теперь уже не разбитою на отдѣльныя группы, пріуроченныя къ единичнымъ производителямъ, а однимъ обширнымъ цѣлымъ, откуда онъ можетъ привлечь къ себѣ тѣмъ большую часть, чѣмъ лучше онъ откликается на вкусъ публики, чѣмъ дешевле и прочнѣе его товары. Надѣясь одержать побѣду надъ сопромышленниками, онъ безостановочно расширяетъ свое предпріятіе. Такъ стоитъ дѣло внутри отдѣльныхъ странъ. Но передъ промышленникомъ есть еще другой, менѣе извѣстный рынокъ—рынокъ всемірный. Непрерывное усовершенствованіе путей сообщенія, созданіе во всѣхъ частяхъ свѣта колоній европейской культуры и открытіе европейскимъ товарамъ доступа во многія не-

цивилизованныя страны, которыя еще недавно были за семью замками, соблазняютъ каждаго предпріимчиваго промышленника перспективой новаго обширнаго рынка и подстрекаютъ къ дальнѣйшему увеличенію производства, съ надеждой побѣдить соперниковъ, туземныхъ и иностранныхъ. Параллельно съ этимъ движеніемъ, какъ бы въ отвѣтъ ему, идетъ и развитіе кредита: какъ бы ни были велики денежные запасы, они теперь могутъ быть поглощены расширяющимся производствомъ. Чѣмъ болѣе развито производство, тѣмъ легче могутъ быть оплодотворяемы денежные капиталы, и вотъ капиталъ жадно ищетъ помѣщенія, предлагается промышленности на условіяхъ, все болѣе и болѣе выгодныхъ, и такимъ образомъ еще усиливаетъ склонность къ расширенію производства. Параллельное развитіе общественныхъ явленій обнаруживается и въ той формѣ, которую все чаще принимаютъ предпріятія. Единоличныя предпріятія, связанныя съ полнымъ рискомъ, часто могутъ служить естественной преградой для расширенія производства. Акціонерная форма, распредѣляя рискъ, смываетъ послѣднія препятствія; она позволяетъ владѣльцамъ незначительныхъ денежныхъ капиталовъ участвовать въ самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ. Но акціонерная форма не была бы законченной, еслибы размѣры предпріятія ограничивались только средствами участниковъ: необходимо усиливать собственный капиталъ кредитными цѣнностями, и привлеченіе этихъ цѣнностей основывается на томъ же началѣ, какъ составленіе акціонерныхъ капиталовъ; облигаціонные капиталы собираются путемъ публичной подписки, и владѣльцы самыхъ мелкихъ сбереженій могутъ поддерживать своими взносами акціонерное предпріятіе.

Итакъ, въ новое время цѣлый рядъ техническихъ изобрѣтеній способствовалъ привлеченію къ рынку всѣхъ слоевъ народа, замѣнѣ мелкой промышленности крупною, развитію кредита, порванію связи между производителемъ и потребителемъ; онъ вызвалъ къ жизни условія, неудержимо соблазняющія предпринимателей расширять производство. Эти перемѣны въ хозяйственномъ быту вызвали замѣтныя перемѣны въ нравахъ, которыя оказываютъ, въ свою очередь, большое вліяніе на экономическую жизнь.

Быть можетъ, страсть къ наживѣ, стремленіе увеличить хозяйственную силу равно присущи людямъ на разныхъ ступеняхъ развитія; но такъ какъ условія для ея проявленія не всегда одинаково благопріятны, то человѣкъ не всегда обнаруживаетъ ее и совершаетъ извѣстныя хозяйственныя дѣйствія для ея удовлетворенія. Въ прошломъ, повальному проявленію этой страсти мѣшалъ весь юридико-экономическій бытъ. Сельскій классъ, сдавленный

тѣсными рамками крѣпостного права, видѣлъ передъ собою помѣщика, человѣка болѣе высокаго общественнаго положенія, болѣе утонченнаго образованія, человѣка, окруженнаго разнообразными удобствами и роскошью жизни, и привыкъ считать себя отдаленнымъ отъ него пропастью столь глубокой, что никакія усилія не помогли бы ее переступить. Быть можетъ, онъ почти всегда завидовалъ, часто ненавидѣлъ; но это чувство, при опредѣленности всѣхъ отношеній и ограниченной гражданской свободѣ, не могло вызывать въ сельскомъ классѣ стремленія выйти изъ той колеи, по которой шли отцы и дѣды. Городъ со своей цеховой промышленностью ставилъ передъ младшими членами цеховъ—подмастерьями—одинъ идеалъ: сдѣлаться мастеромъ; а достиженіе этого идеала лежала въ самомъ человѣкѣ, въ его трудолюбіи и рабочемъ искусствѣ. Рядовая промышленность городовъ увѣнчалась отдѣльными крупными торговыми и банкирскими предпріятіями, которыя требовали значительныхъ капиталовъ, переходили изъ рода въ родъ и представлялись для ремесленниковъ недостижимыми величинами. Тѣмъ полемъ, гдѣ человѣкъ могъ достигнуть многаго безъ труда, гдѣ жажда къ пріобрѣтенію внѣшнихъ благъ могла получить широкое проявленіе, были государственная служба дворянства и духовное званіе. Здѣсь можно было нерѣдко стать сильнымъ, именитымъ, богатымъ не чрезъ упорный трудъ, не въ силу личныхъ заслугъ, а съ помощью интригъ, происковъ и разныхъ иныхъ неблаговидныхъ пріемовъ конкурренціи. Такимъ образомъ, тотъ кругъ, въ которомъ могла съ полной силой проявляться жажда улучшить свой бытъ безъ труда, былъ довольно тѣсенъ. Новое время разбило всѣ рамки, въ которыя прежде были втиснуты отдѣльныя группы населенія. Ростъ производительности труда и богатства увеличилъ абсолютно и относительно число членовъ общества, не занимающихся матеріальнымъ трудомъ. Помимо тѣхъ группъ, которыя исполняютъ необходимыя для страны обязанности въ государственной службѣ, литературѣ, врачебной, адвокатской и другихъ профессіяхъ, въ современномъ обществѣ есть значительныя массы людей, живущихъ рентами малыми, а иногда и большими, людей, не имѣющихъ опредѣленныхъ и необходимыхъ для общества занятій; эти люди часто живутъ только на тѣ доли народнаго дохода, которыя они могутъ урвать безъ труда, вслѣдствіе счастливыхъ рыночныхъ сопряженій. Большіе города служатъ главнымъ полемъ для дѣятельности этихъ группъ; биржа служитъ главнымъ источникомъ ихъ доходовъ. Блескъ, пышность, которые украшаютъ жизнь богатѣйшихъ горожанъ, возбуждаютъ тѣмъ большую зависть, что многіе денежные короли быстро поднялись

на вершины лѣстницы изъ самаго скромнаго общественнаго положенія. Пріобрѣсти хотя небольшую частицу этого блеска—вотъ лозунгъ многихъ тысячъ людей, не лишенныхъ дарованій, но имѣющихъ отвращеніе къ непрерывному полезному труду. Биржа служитъ удобнымъ полемъ для легкой и быстрой наживы. Она привлекаетъ къ себѣ массы цѣнностей, которыя могутъ быть покупаемы и продаваемы лицами, не имѣющими денегъ, чтобы покупать, и самихъ цѣнностей, чтобы продавать. Торговля предполагаетъ храненіе пріобрѣтаемыхъ товаровъ, устройство помѣщеній; спекулянтъ же, играя на разность, всегда можетъ сказать вмѣстѣ съ древнимъ философомъ: «все свое ношу съ собой». Но биржа не потому служитъ источникомъ обильнаго обогащенія, что изъ года въ годъ представляетъ къ услугамъ желающихъ наживать безъ труда все бо̀льшую и бо̀льшую массу бумажныхъ цѣнностей; причина лежитъ въ томъ, что биржа служитъ регуляторомъ отношеній между двумя огромными, обнимающими почти весь земной шаръ и мало извѣстными величинами—производителями и потребителями, размѣры предложенія и спроса которыхъ не могутъ быть точно опредѣлены. Чѣмъ болѣе велика неизвѣстность, тѣмъ больше простора для преувеличеній, и биржа легко поддается самымъ тонкимъ и, повидимому, незначительнымъ вліяніямъ. Нѣтъ вопроса въ области международной политики, который не способенъ былъ бы оказывать вліяніе на биржу и вести для однихъ къ неожиданнымъ потерямъ, а для другихъ—къ незаслуженнымъ выгодамъ. Такъ какъ факты, оказывающіе эти вліянія, не поддаются сколько-нибудь точнымъ вычисленіямъ (можно ли, напр., предугадать, какое вліяніе на европейскую политику будетъ имѣть президентскій кризисъ во Франціи, побѣда либераловъ надъ консерваторами въ Англіи или перемѣна въ особѣ монарха какой-либо изъ великихъ державъ?), то здѣсь представляется полный просторъ для догадокъ, соображеній, а также вымысловъ, намѣреннаго и даже систематическаго обмана. Въ самомъ дѣлѣ, если впечатлѣніе, произведенное даннымъ фактомъ или вымысломъ, слабо, то биржевая цѣна процентныхъ бумагъ колеблется вверхъ или внизъ, положимъ, на 2—3%; если оно сильно, то колебаніе достигаетъ 7—8—10% и болѣе. Поэтому, лица, группирующіяся около биржи, прямо заинтересованы въ томъ, чтобы усиливать впечатлѣніе, преувеличивать значеніе фактовъ, а за отсутствіемъ фактовъ, прибѣгать къ обману. Но современное общество въ лицѣ тѣхъ своихъ членовъ, интересы которыхъ могутъ особенно страдать отъ вымысла, обладаетъ средствами противодѣйствовать ложнымъ слухамъ. Вотъ по-

чему этотъ источникъ даетъ, сравнительно, немного условій для быстраго и легкаго обогащенія.

Совсѣмъ иное вліяніе имѣютъ тѣ событія, значеніе которыхъ неоспоримо велико, и еще многократно увеличивается вслѣдствіе легковѣрія большинства людей и злонамѣренности многихъ. Такими фактами служатъ: открытіе новыхъ и обширныхъ рынковъ сбыта, отысканіе новыхъ мѣсторожденій золота, крупныя техническія изобрѣтенія, политическое преобладаніе одного государства и связанное съ нимъ матеріальное обогащеніе, важныя внутреннія реформы въ обширной странѣ. Исторія хозяйства въ теченіе настоящаго вѣка даетъ много примѣровъ, подкрѣпляющихъ это положеніе. Первые годы въ исторіи развитія желѣзныхъ дорогъ, калифорнское и австралійское золото, приливъ французскихъ милліардовъ на германскій рынокъ были условіями, если не вызвавшими, то сильно обострившими кризисы 1836, 1857, 1873 годовъ. Жажда наживы, скованная ровнымъ теченіемъ дѣлъ, обнаруживается теперь съ полной силой: всѣ—стоящіе во главѣ предпріятій, огромныя массы людей, имѣющихъ только незначительныя сбереженія, тузы денежнаго и товарнаго рынковъ и фабричные работники, богатые землевладѣльцы и мелкіе чиновники, генералы и домашняя прислуга—всѣ считаютъ себя тѣми избранниками, на которыхъ падутъ крупные выигрыши отъ наступившаго оживленія дѣлъ. Кому изъ соревнователэй достанутся выигрыши, объ этомъ никто не думаетъ, какъ не думаютъ объ этомъ играющіе въ карты или берущіе билетъ въ лоттерею. Всѣ поражены размѣрами даннаго явленія, и всѣ считаютъ неисчерпаемыми выгоды, которыя оно обѣщаетъ. Развѣ не довольно для сельскихъ хозяевъ, винокуровъ, сахарозаводчиковъ, владѣльцевъ каменноугольныхъ копей знать, что, напр., въ Калифорніи, въ началѣ 50-хъ годовъ, яйца стоили 5 шиллинговъ за дюжину, вино—отъ 2 до 5 фунт. стерл. за бутылку, кофе—16 шиллинговъ за 1 фунтъ и т. д., чтобы огромное большинство производителей старалось всѣми мѣрами расширить свои предпріятія до переполненія рынка товарами? Развѣ не довольно было знать о приливѣ въ Германію 5 милліардовъ, изъ которыхъ $^1/_4$ поступила золотомъ, знать о чрезвычайномъ излишествѣ денегъ, позволившемъ государству освободить себя отъ долговъ, чтобы всколыхать все общество, раздразнить воображеніе обѣщаніемъ огромныхъ барышей и вызвать ту предпринимательскую горячку, которая завершилась крушеніемъ 1873 года?

Повременная печать служитъ могущественной силой во всѣхъ общественныхъ движеніяхъ, а въ частности и экономическихъ.

Человѣкъ, привыкшій мыслить объ окружающемъ и сознательно давать себѣ отчетъ въ явленіяхъ, которыя происходятъ изо дня въ день, не можетъ составить даже слабое понятіе о бездѣятельности ума средняго человѣка. Весь размѣнявшись на привычки слѣдовать тому образу дѣйствій, который исходитъ отъ авторитетныхъ круговъ, подчинивъ опредѣленнымъ шаблонамъ всѣ мелочи жизни, онъ ищетъ руководства и для своей хозяйственной дѣятельности. Если онъ мало грамотенъ или, по крайней мѣрѣ, не пріобрѣлъ навыка читать газету, то слѣдуетъ тому пути, который прокладываетъ его сосѣдъ, дѣйствующій болѣе самостоятельно. Если онъ получилъ привычку читать газету, то она и служитъ для него руководствомъ. Изъ нея онъ почерпаетъ свѣденія о цѣнахъ; отъ нея онъ узнаетъ о выгодахъ, которыя обѣщаетъ открытіе новыхъ рынковъ; она же передаетъ ему о барышахъ, доставляемыхъ тѣмъ или другимъ помѣщеніемъ капиталовъ. Поэтому разсужденія, что «Times»—шестая великая держава, что, какъ говорилъ Джонъ Лемуанъ во время своего вступленія во французскую академію, и періодическая печать получила извѣстное признаніе передъ солнцемъ, все это—не пустыя фразы, а положенія, полныя глубокаго смысла. Повременная печать, подобно каплѣ, протачивающей камень, изо дня въ день дѣйствуетъ на умъ средняго человѣка и безповоротно подчиняетъ его; она пробуждаетъ въ немъ любовь къ однимъ политическимъ дѣятелямъ и вызываетъ ненависть къ другимъ; она закрѣпляетъ въ немъ извѣстные общественные идеалы; она раздражаетъ его жажду стяжанія соблазнительными картинами того, какъ и гдѣ люди въ короткое время удвоивали свое состояніе. Эта власть повременной и, особенно, ежедневной печати надъ толпой служитъ ко благу, поскольку органы печати сосредоточиваются въ рукахъ людей мыслящихъ, просвѣщенныхъ и видящихъ въ своемъ дѣлѣ общественное служеніе: тогда образъ дѣйствій средняго человѣка, имѣющаго подобное руководительство, направляется къ его личному благополучію и общественной пользѣ. Однако, подобныя явленія представляются только отрадными исключеніями; огромное большинство изданій ведется людьми, которые, по количеству и качеству знаній, непригодны быть руководителями толпы, которые, по нравственнымъ достоинствамъ, видятъ въ своемъ занятіи не важное общественное служеніе, а промыселъ, служащій только источникомъ доходовъ. Недостатокъ первыхъ условій, конечно, ведетъ читателей и послѣдователей къ частымъ ошибкамъ; недостатокъ же нравственныхъ качествъ, переходя въ беззастѣнчивую лживость и подкупность прессы,—и чѣмъ болѣе вліятельны эти органы, тѣмъ хуже,— совершенно сбиваетъ съ позиціи средняго

человѣка современнаго общества и толкаетъ на тѣ пути, которые ведутъ его къ потерямъ и невыгодны для всего народнаго хозяйства. Лживость, безчестность многихъ изданій въ каждую данную минуту могутъ быть доказаны множествомъ примѣровъ. Но особенно ярко выступаютъ эти качества въ эпохи политическаго и хозяйственнаго оживленія: въ такія эпохи нѣкоторыя лица и группы могутъ разсчитывать на исключительные выигрыши, а потому и отбрасываются послѣднія нравственныя задержки, которыя еще дѣйствуютъ въ обычное время. Можно утверждать, что острота кризисовъ 1857 и, особенно, 1873 гг. была бы далеко не такъ велика, еслибы вліятельные органы печати западно-европейскихъ странъ и Америки не были заинтересованы въ барышахъ многихъ предпріятій, не превозносили ихъ организаціи, не прославляли искусства въ веденіи ихъ дѣлъ на основаніи подтасованныхъ цифръ и не завлекали легковѣрнаго люда въ сѣти искусныхъ дѣльцовъ. Все это дѣлали они, и все это увеличивало размѣры крушеній.

Указанными явленіями можно объяснить острые кризисы. Однако, этимъ нельзя объяснить застои въ промышленности, наступающіе среди политическаго мира, внѣ крупныхъ измѣненій въ техникѣ. безъ новыхъ выдающихся хозяйственныхъ фактовъ. Перечисленными явленіями нельзя объяснить упорные хроническіе кризисы. Мы познаемъ причину, если остановимся на изслѣдованіи двухъ параллельныхъ и не гармонирующихъ между собою теченій—теченія въ производствѣ цѣнностей и ихъ распредѣленіи.

II.

Возьмемъ за точку отправленія какой-нибудь 18** годъ, отмѣченный въ исторіи даннаго народнаго хозяйства, какъ годъ благопріятный, съ хорошими цѣнами, успѣшнымъ сбытомъ товаровъ, небольшимъ числомъ свободныхъ рабочихъ рукъ, рѣдкими банкротствами... и начнемъ отъ него нашъ анализъ.

На этотъ благопріятный годъ выпадаетъ нѣсколько крупныхъ техническихъ изобрѣтеній: въ земледѣліи, машиностроительномъ дѣлѣ, хлопчато-бумажной промышленности. Улучшеніе способовъ добыванія сырья и его переработки увеличили производительность труда на $^1/_3$, такъ что 100 работниковъ могутъ произвести теперь въ теченіе одного года не 300, а 400 единицъ товара: холста, сукна, пшеницы, желѣза. Такой ростъ производительности труда повлечетъ за собой прежде всего пониженіе цѣнности товаровъ и ихъ доступность для болѣе широкаго круга потребителей. Но ростъ производительности труда дѣлаетъ желательнымъ и другое условіе:

вся масса товаровъ, возросшая на $^1/_3$ сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, должна быть поглощена потребителями. На пути къ полному поглощенію могутъ стоять два препятствія: 1) родъ производимыхъ товаровъ и характеръ потребностей человѣка, и 2) недостатокъ покупательной силы въ отдѣльныхъ группахъ населенія. Первое препятствіе не имѣетъ первенствующаго значенія: потребности людей допускаютъ количественно и качественно чрезвычайное расширеніе и только потребность въ пищѣ имѣетъ естественные предѣлы, которые нельзя переступить. Но и здѣсь предѣлы стоятъ гораздо дальше, чѣмъ то обыкновенно думаютъ, когда обсуждаютъ вопросъ о промышленномъ застоѣ. Предположимъ, что разные сорта хлѣба произведены въ изобиліи; за удовлетвореніемъ потребности населенія въ пищѣ остается еще избытокъ въ 1.000.000 четвертей ржи и ячменя. Этотъ милліонъ четвертей, не говоря о цѣлесообразности накопить запасы въ виду возможныхъ неурожаевъ, не является безполезнымъ излишкомъ: онъ можетъ быть затраченъ на выкуриваніе спирта, изготовленіе пива и послужить въ другой формѣ на пользу населенія. Но предѣлъ потребностей въ пищѣ можетъ быть отодвигаемъ въ другомъ направленіи: положимъ, что въ избыткѣ произведены овесъ, ячмень, картофель, что, за удовлетвореніемъ потребностей, остается излишекъ. Тогда часть труда можетъ быть направлена на производство болѣе цѣнныхъ сортовъ пищи, которые болѣе полно удовлетворяютъ человѣка и требуютъ, для своего добыванія, бо́льшей массы труда. По такомъ переходѣ, излишекъ труда, затраченнаго въ земледѣліи, выразится цифрою не 1,000, а можетъ быть только 500 или 300 рабочихъ дней. Но за всѣми этими ограниченіями можно отыскать естественный предѣлъ, дальше котораго не могутъ быть расширяемы потребности въ пищѣ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе роста производительности труда, предметы пищи могутъ быть изготовляемы въ излишнемъ количествѣ, а въ связи съ этимъ можетъ быть излишекъ въ издѣліяхъ и тѣхъ отраслей промышленности, которыя производятъ орудія труда для земледѣлія: плуги, бороны, молотилки. Можетъ оказаться излишнимъ также извѣстное количество труда, затрачиваемое на приготовленіе орудій перевозки для земледѣльческихъ продуктовъ, на добываніе желѣза и т. д. Но теперь во всѣхъ странахъ огромныя массы населенія питаются такъ, что далеко нельзя считать достигнутымъ естественный предѣлъ въ потребленіи пищи. Внѣ потребностей этого класса нельзя найти такія, которыя имѣли бы естественныя границы: переписи большихъ городовъ обнаруживаютъ, что огромное большинство семей живетъ въ квартирахъ, не превышающихъ 1—2 комнаты, а часто

и ½ комнаты; конечно, никто изъ этой многочисленной массы не отказался бы имѣть жилище въ 3—4—5 комнатъ. А для удовлетворенія потребности въ жилищѣ только въ этихъ предѣлахъ—они не превосходятъ того, что принято называть скромнымъ достаткомъ для среднихъ классовъ—нужно было бы удвоить, утроить массу труда, затрачиваемую въ строительномъ промыслѣ. Огромные слои населенія, даже въ богатѣйшихъ странахъ, удовлетворяютъ свою потребность въ одеждѣ лишь настолько, что имѣютъ одно приличное праздничное платье, а въ будни ходятъ почти въ рубищѣ. Кто будетъ отрицать, что удовлетвореніе этой потребности въ 2—3 раза лучше превзошло бы предѣлы желательнаго и необходимаго? Съ еще большею увѣренностью можно утверждать это относительно убранства жилища, утвари, развлеченій и т. д. Поэтому, необходимы еще значительные успѣхи производительности труда, чтобы въ человѣческомъ обществѣ могло накопиться больше жилыхъ домовъ, тканей, одежды, обуви, нежели потребности въ этихъ предметахъ.

Инымъ характеромъ отличается другое препятствіе — недостатокъ покупательныхъ средствъ. Какъ бы ни были широки потребности человѣка, какъ бы ни была велика его рабочая сила, въ обществѣ, основанномъ на обмѣнѣ, возможность удовлетворять потребности обусловливается покупательными средствами, той долей продуктовъ, которую человѣкъ получаетъ изъ общественнаго дохода въ свое распоряженіе. Сбытъ всѣхъ изготовленныхъ товаровъ, при возрастаніи производительности труда, можетъ совершиться безпрепятственно только подъ условіемъ, что покупательныя средства всѣхъ потребителей этихъ товаровъ возросли въ опредѣленной пропорціи. Если покупательныя средства отдѣльныхъ группъ потребителей не увеличиваются въ извѣстной пропорціи, то всѣ произведенные товары не могутъ найти сбытъ. Въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ предпріятія сосредоточиваются на произведеніи товаровъ, удовлетворяющихъ потребности отдѣльныхъ группъ населенія: одни производители изготовляютъ необходимые предметы, поступающіе въ обиходъ всѣхъ частныхъ хозяйствъ или преимущественно въ обиходъ бѣднѣйшихъ классовъ; другіе производятъ исключительно предметы комфорта или роскоши. Соотвѣтственно съ производствами, налагающими на матеріалъ послѣднюю руку, распредѣляется трудъ и между тѣми отраслями промышленности, которыя изготовляютъ сырые и вспомогательные матеріалы и орудія. Производство можетъ развиваться безпрепятственно только подъ условіемъ, что поддерживается правильное соотношеніе между отраслями всѣхъ классовъ. А это осуществимо только тогда, когда

всѣ предметы потребленія находятъ сбытъ. Положимъ, что изъ всей массы ежегодно производимыхъ продуктовъ половина поступаетъ въ заработную плату, а другая половина — въ прибыль и ренту. Такое распредѣленіе осязательно выражается въ томъ, что половина всѣхъ товаровъ по своему качеству соотвѣтствуетъ болѣе простымъ, грубымъ потребностямъ, а другая половина—потребностямъ болѣе утонченнымъ. Или, переводя это въ денежную форму, мы скажемъ, что изъ 12 милліоновъ рублей, которыхъ стоютъ ежегодно производимые товары, 6 милл. поступаютъ работникамъ, а остальные 6 милліоновъ—капиталистамъ, землевладѣльцамъ и другимъ. Если производительность труда возросла на $^1/_3$, то излишекъ въ 4 милл. руб. долженъ распредѣлиться согласно съ прежнимъ порядкомъ: 2 милл. должны поступить работникамъ и 2 же милліона—всѣмъ остальнымъ группамъ населенія. Если распредѣленіе совершится на такихъ началахъ, то уровень благосостоянія всего народа повысится, и производство будетъ идти такъ же плавно, какъ прежде. Представимъ себѣ иное распредѣленіе добавочныхъ 4 милліоновъ: изъ нихъ 1 милліонъ поступаетъ въ заработную плату, а 3 милліона—въ прибыль и ренту. Въ этомъ случаѣ благосостояніе работниковъ нѣсколько повысится; капиталисты и рентьеры получатъ возможность сдѣлать свои потребности болѣе утонченными, но произойдетъ затрудненіе въ сбытѣ всѣхъ произведенныхъ товаровъ. Въ излишкѣ, стоющемъ 4 милліона, для потребностей работниковъ произведено товаровъ на 2 милліона, но въ ихъ обиходъ поступила только половина. Другая половина составляетъ долю прибыли и ренты; но такъ какъ эта половина — товары простого качества, удовлетворяющіе грубыя потребности, то она не найдетъ себѣ сбыта. Застой въ сбытѣ этихъ товаровъ отразится и на предпріятіяхъ, которыя производятъ товары для потребленія богатыхъ классовъ. Въ самомъ дѣлѣ, капиталисты, прикосновенные къ отраслямъ промышленности, которыя изготовляютъ простѣйшіе товары, будучи затруднены въ сбытѣ, должны сократить свое потребленіе и тѣмъ поставить въ невыгодное положеніе и многія предпріятія, которыя не производятъ для потребностей рабочихъ классовъ. Кредитныя отношенія, опутывающія своей сѣтью все производство, быстро обнаружатъ критическое положеніе дѣлъ: не имѣя возможности исполнить долговыя обязательства въ срокъ, многіе становятся несостоятельными должниками. Въ этотъ моментъ и начинаютъ раздаваться громкіе вопли о чрезмѣрномъ производствѣ; въ это время и требуютъ принятія мѣръ, которыя, исходя отъ государственной власти или группъ предпринимателей, направлены были бы къ уменьшенію промышленности. Требуется нормированіе про-

изводства; усердно заботятся о томъ, чтобы иностранцамъ былъ затрудненъ доступъ на туземный рынокъ и тѣмъ обезпеченъ сбытъ издѣліямъ своей промышленности. Все чаще и чаще обсуждается вопросъ о необходимости поднять технику отечественнаго производства; проектируется выдача вывозныхъ премій и т. д. Съ другой стороны, общественное хозяйство изъ себя, независимо отъ государственнаго вмѣшательства, выдвигаетъ условія, способствующія устраненію застоя: вслѣдствіе крушенія многихъ предпріятій, размѣры производства съуживаются, запасы товаровъ поглощаются потребленіемъ, и хозяйственная жизнь, повидимому, входитъ въ свое обычное русло. Но достигнутые результаты могутъ удовлетворять только тѣхъ, кто относится къ окружающему съ непростительнымъ оптимизмомъ; равновѣсіе достигается вслѣдствіе того, что многочисленныя массы работниковъ выкинуты изъ рядовъ производителей, ввергнуты въ нищету; притомъ же равновѣсіе установляется на очень непродолжительное время: новые успѣхи техники производятъ такое же дѣйствіе и снова ведутъ къ промышленному кризису.

Переходя отъ этого условнаго примѣра къ даннымъ дѣйствительной жизни, мы должны припомнить и оцѣнить всѣ осложняющія обстоятельства; они, обостряя или смягчая хозяйственныя потрясенія въ отдѣльныхъ странахъ или отдѣльныхъ отрасляхъ производства, привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе и заставляютъ однихъ не замѣчать главной причины, а другихъ — намѣренно умалчивать о ней. Частныхъ причинъ очень много, и мы укажемъ только на болѣе могущественныя. Первое мѣсто занимаетъ обиліе или скудость жатвы. Это условіе потому привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе, что, независимо отъ важности его самого по себѣ, даетъ многимъ удобный случай приписать бѣдствіе кризиса не общественному нестроенію, а игрѣ стихійныхъ силъ или волѣ Божіей. Обиліе или скудость урожая могутъ оказывать такое вліяніе: въ то время, какъ, подъ давленіемъ перечисленныхъ условій, народному хозяйству грозитъ застой, наступившій богатый урожай, непосредственно увеличивая покупательныя силы сельскихъ классовъ и косвенно всѣхъ остальныхъ, можетъ вести къ усиленному потребленію фабрикатовъ и отсрочить полное обнаруженіе кризиса. Скудость жатвы имѣетъ противоположное вліяніе: она уменьшаетъ покупательныя средства и ускоряетъ обостреніе кризиса. Среди частныхъ причинъ важная роль принадлежитъ также тѣмъ условіямъ, которыя создаетъ для отдѣльныхъ странъ состояніе международнаго рынка, именно, въ то время, когда рынокъ переживаетъ крупныя измѣненія, когда ко всемірному обмѣну привле-

каются страны, доселѣ въ немъ не участвовавшія. Положимъ, что въ народномъ хозяйствѣ Россіи наступили всѣ условія, которыя должны вызвать кризисъ; если въ это время для русской торговли открываются рынки Персіи, Малой Азіи, то извѣстная масса товаровъ можетъ найти себѣ сбытъ, извѣстное число туземныхъ предпріятій, уже колебавшихся, можетъ быть спасено отъ крушенія, и наступленіе кризиса можетъ быть отдалено. Противоположныя явленія на иностранныхъ рынкахъ, напр., новѣйшая хлѣбная политика Германіи, могутъ оказывать усиливающее дѣйствіе на промышленный застой Россіи. Состояніе международнаго рынка, погоня государствъ, имѣющихъ развитую промышленность, за новыми колоніями, новыми покупателями, настолько привлекаютъ къ себѣ вниманіе правящихъ круговъ, промышленниковъ, повременной печати, что затѣняютъ дѣйствіе главной силы и заставляютъ забывать, что состояніе международнаго рынка можетъ только отсрочить наступленіе кризиса, но неспособно предотвратить его. Предположимъ, что Россія открыла новый рынокъ для произведеній своего сельскаго хозяйства: вывозя тотъ запасъ, который обременилъ бы туземный рынокъ, она получаетъ, взамѣнъ его, извѣстную массу заграничныхъ товаровъ. Среди нихъ будутъ предметы потребленія всѣхъ классовъ народа, а также орудія производства для расширенія уже существующихъ отраслей и для образованія новыхъ предпріятій. На нѣкоторое время наступитъ оживленіе промышленности. Но разъ международныя отношенія вошли въ опредѣленное русло, не открывается новыхъ рынковъ, не ввозится новыхъ товаровъ, то иностранная торговля уже неспособна вліять на замедленіе кризиса. Финансовая политика имѣетъ также немалое значеніе. Введеніе новыхъ налоговъ, обременяющихъ бѣднѣйшіе классы населенія, которые и безъ того крайне стѣснены въ покупательныхъ средствахъ, съуживаетъ ихъ потребленіе и подрываетъ тѣ отрасли промышленности, которыя производятъ предметы, не крайне необходимые для жизни. Войны, внутреннія смуты, эпидеміи, неизвѣстность будущаго также отягчаютъ положеніе. Но забывать, въ виду этихъ причинъ, главную — *непараллельное движеніе производительности труда и распредѣленія общественнаго дохода* — значитъ уподобляться тому врачу, который лечитъ отдѣльные признаки болѣзни безъ вниманія къ измѣненіямъ въ организмѣ, служащимъ главною причиной страданія.

Европейско-американскій міръ представляетъ намъ за послѣднее столѣтіе всѣ условія, перечисленныя на предыдущихъ страницахъ. Онъ даетъ намъ рядъ неурожаевъ, войнъ, внутреннихъ смутъ, разнообразныхъ сочетаній въ международномъ обмѣнѣ,—словомъ,

даетъ все, что обостряло кризисы. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ даетъ намъ непараллельное движеніе производительности труда и распредѣленія общественнаго дохода. Мы привели много примѣровъ того, насколько быстро возрастала производительность труда со времени великихъ техническихъ изобрѣтеній прошлаго вѣка. Скажемъ, не боясь преувеличеній, что съ начала XVIII-го вѣка производительность труда возрасла не менѣе чѣмъ въ 5, 6, быть можетъ, 10 разъ.

Какую же картину даетъ намъ движеніе заработной платы? Англія представляетъ особенно интересное поле для наблюденій: точныя данныя о хозяйственномъ бытѣ восходятъ въ ней до мрака среднихъ вѣковъ; стоя во главѣ всѣхъ странъ по уровню производительности труда, она должна представить намъ, повидимому, картину наиболѣе благопріятнаго положенія рабочаго класса. Роджерсъ, такъ много сдѣлавшій для исторіи народнаго хозяйства Англіи, рисуетъ довольно подробно бытъ рабочихъ классовъ съ половины XIII-го вѣка. Отъ этой отдаленной эпохи, въ теченіе трехъ столѣтій, англійскій работникъ, имѣя доступъ къ землѣ, пользовался скромнымъ довольствомъ. Съ половины XVI-го и вплоть до начала XVIII-го вѣка положеніе все болѣе ухудшалось; затѣмъ началось улучшеніе, длившееся до наполеоновскихъ войнъ; отъ этого времени оно было очень угнетеннымъ до второй четверти нашего вѣка, когда снова началось постепенное его улучшеніе. Насколько положеніе ухудшилось отъ XIII-го вѣка и до конца XVIII-го, видно изъ того, что около 1260 года молотильщикъ получалъ за свой трудъ $^1/_{18}$ вымолоченной пшеницы, а около 1760—только $^1/_{24}$; при молотьбѣ овса въ первомъ случаѣ $^1/_{14}$, а во второмъ—$^1/_{21}$. Но нѣкоторыя отрасли промышленности имѣютъ и теперь заработную плату ниже, чѣмъ въ концѣ среднихъ вѣковъ. Сравнивая плату каменщиковъ около Лондона въ 1449—50 годахъ и 1877 г., Роджерсъ опредѣляетъ ее для перваго періода по 4 шиллинга въ недѣлю, а для второго—$42^3/_4$; а такъ какъ цѣны главныхъ предметовъ потребленія увеличились въ 12 разъ, то для второго періода плата, чтобы не понизиться, должна составлять 48 шиллинговъ [3]). Изъ области сельско-хозяйственнаго труда мы имѣемъ такіе факты: отъ 1770 до 1880 г. недѣльная плата поднялась съ $7^1/_4$ на 14 шиллинговъ, а расходы на квартиру увеличились съ 8 на 24 пенса, мясо—съ $3^1/_4$ на 9 пенсовъ, масло—съ 6 на 20 пенсовъ за 1 фунтъ [4]). Цѣлый рядъ подобныхъ данныхъ заставляетъ Роджерса сказать, что «современную цивилизацію нужно судить не по тому, что она успѣла сдѣлать, но по тому, чего она не сдѣлала» [5]). Но обратимся къ писателямъ-оптимистамъ; укажемъ

прежде всего на Мелголла и Джиффена. Первый, сравнивая заработную плату въ 1780 и 1880 годахъ, приходитъ къ заключенію, что она въ разныхъ отрасляхъ промышленности увеличилась въ своей денежной формѣ вдвое, а по своей покупательной силѣ—только на 44%. Второй въ своемъ изслѣдованіи о прогрессѣ рабочаго класса Англіи за послѣднія 50 лѣтъ вычисляетъ увеличеніе денежной платы слишкомъ на 40%. Другимъ доказательствомъ выгоднаго положенія рабочихъ классовъ является тотъ фактъ, что за 50 лѣтъ доходы отъ капитала возросли въ меньшей пропорціи, нежели заработки лицъ, живущихъ физическимъ трудомъ [6]). Однако, данныя о подоходномъ налогѣ Англіи, приводимыя въ статьѣ того же Джиффена, обнаруживаютъ совсѣмъ иное явленіе: съ 1843 до 1881 года доходъ съ капитала, подлежащаго налогу, возросъ съ 188½ милл. на 407 милл. фунт., т.-е. на 116%, а доходъ отъ заработной платы съ 93½— на 177 милл., т.-е. на 90% [7]). Исчисленіе же дохода отъ заработной платы тѣхъ лицъ, которыя не подлежатъ налогу, основывается только на предположеніяхъ. Въ концѣ декабря 1887 года въ торжественномъ засѣданіи англійскаго королевскаго статистическаго общества предсѣдатель (онъ же и министръ финансовъ) Гошенъ произнесъ рѣчь, которая, повидимому, опровергаетъ всѣ сдѣланные нами разсчеты. Онъ показалъ, что за 10-лѣтіе съ 1877 до 86 года число плательщиковъ подоходнаго налога въ Англіи, отнесенныхъ къ классу Д (занимающіеся промыслами, торговлей и разными профессіями), увеличилось почти на 60.000; но число плательщиковъ различныхъ имущественныхъ группъ потерпѣло неоднородныя измѣненія: число плательщиковъ съ доходами средними, отъ 500 до 1000 фунтовъ въ годъ, не измѣнилось, выше 1000 фунтовъ — уменьшилось на 2,40%, а съ небольшими доходами, отъ 150 до 500 фунтовъ, возросло на 21,4%. Число плательщиковъ, отнесенныхъ къ классу Е (государственные чиновники, а также приказчики и надсмотрщики въ торговыхъ предпріятіяхъ), увеличилось за 10 лѣтъ съ 78.224 почти до 116.000, среди которыхъ 104.000 имѣютъ доходъ отъ 150 до 400 фунтовъ въ годъ [8]). Отсюда Гошенъ дѣлаетъ выводъ, что средніе доходы возросли въ большей пропорціи, чѣмъ крупные. Эти факты вовсе не служатъ признакомъ того, будто бы Англія вступила на путь болѣе равномѣрнаго распредѣленія богатствъ. Десятилѣтіе 1877—86 года представляетъ всѣ данныя для уменьшенія крупныхъ состояній и пониженія доходовъ. Рѣзкое паденіе цѣнъ всѣхъ товаровъ, пониженіе прибыли во всѣхъ предпріятіяхъ до половины средняго уровня и болѣе, огромное число банкротствъ (до 1877 г. въ среднемъ 8½ тысячъ банкротствъ въ годъ, а съ 1877 до 84 г.—болѣе 12.000)—все

повело къ тому, что множество богатыхъ лицъ, имѣвшихъ въ половинѣ 70 годовъ 1000—2000 фунтовъ дохода, сохранили въ 80 гг. едва 500—1000 фунтовъ, а имѣвшіе довольство, болѣе 500 ф., спустились въ низшую группу, въ группу плательщиковъ съ доходомъ въ 150—500 ф. Угнетенное состояніе англійскаго хозяйства за послѣдніе годы выразилось въ томъ, что народное имущество, возраставшее за каждое 5-лѣтіе между 1860 и 1875 гг., слишкомъ на 800 милл. фунтовъ, увеличилось въ 1875—80 г. на 450 милліоновъ [9]). Вотъ почему свѣдѣнія, сообщенныя Гошеномъ, не колеблютъ нашихъ положеній. Какъ бы то ни было, мы стоимъ передъ двумя несомнѣнными фактами: въ теченіе 100 лѣтъ производительность труда увеличилась, по крайней мѣрѣ, въ 3 раза, а покупательныя средства работниковъ возросли только на 40—50%. Значитъ, весь избытокъ поступилъ на долю прибыли, а главное, ренты. Всѣмъ извѣстно, насколько поднялись цѣнность и доходность земли за послѣднія 100 лѣтъ. Сошлемся для примѣра на Францію, гдѣ съ 1789 до 1859 года плата сельскаго рабочаго увеличилась въ 2, а рента—въ $2^1/_2$ раза. Съ 1867 до 1877 г. средній доходъ гектара поднялся отъ 63 на $73^1/_2$ фр., т.-е. на 16% а продажная цѣна 1 гектара съ 1840 до 1880 года увеличилась отъ 500 до 2000 франковъ [10]).

Совершенно сходную съ этимъ картину представляетъ народное хозяйство нашего отечества. Богатство высшихъ классовъ увеличилось многократно, а низшихъ—или не измѣнилось, или даже понизилось. Сохранившіяся описанія крестьянскихъ дворовъ XVI-го вѣка заставляютъ думать, что нынѣшній крестьянинъ имѣетъ менѣе удобное жилище, чѣмъ его предки, а тотъ фактъ, что рабочему въ княженіе Василія III было довольно работать по найму 3—5 лѣтъ, для скопленія средствъ, необходимыхъ на веденіе самостоятельнаго хозяйства [11]), показываетъ, насколько положеніе крестьянъ было болѣе благопріятно, чѣмъ нынѣ. Но обратимся ко времени, не столь отдаленному отъ насъ, и къ другой области труда—труду фабричному. Въ первыхъ годахъ настоящаго вѣка въ Россіи было 130 поссессіонныхъ фабрикъ, на которыхъ работало около 32.000 человѣкъ. Свѣдѣнія, собранныя въ 1803 г. мануфактуръ-коллегіей, показываютъ, что положеніе этихъ рабочихъ было немногимъ хуже, чѣмъ положеніе современныхъ намъ работниковъ. Рабочій день длился 12 часовъ. Средній работникъ на суконныхъ фабрикахъ получалъ 60 рублей. Теперь же на фабрикахъ Московской губерніи рабочій день составляетъ 12—14 часовъ, а нерѣдко достигаетъ и 18; заработная плата на суконныхъ фабрикахъ не превышаетъ 180 руб. въ годъ [12]); но эта денежная плата,

въ три раза большая, превышаетъ покупательной силой только въ $1^1/_2$ раза денежную плату закрѣпощеннаго рабочаго. Отсюда слѣдуетъ, что доходъ поднялся, быть можетъ, на 50%, а производительность труда въ нашемъ отечествѣ многократно возросла за этотъ 80-лѣтній періодъ.

Итакъ, мы считаемъ доказаннымъ, что въ заработной платѣ работникъ получаетъ все меньшую долю продуктовъ своего труда.

III.

Разъ познана основная причина общественнаго явленія, можно найти способы устранить его или смягчить вліяніе, которое оно оказываетъ. Для того, чтобы отыскать средства исцѣленія, необходимо разсматривать кризисы съ двухъ точекъ зрѣнія—какъ совокупность явленій, которыя выражаются въ избыточномъ производствѣ товаровъ и затрудненіяхъ къ ихъ сбыту, и какъ рядъ матеріальныхъ лишеній и нравственныхъ страданій, которыя становятся удѣломъ многихъ членовъ общества. Эти двѣ точки зрѣнія тѣмъ легче могутъ быть раздѣлены, что каждый кризисъ въ своемъ естественномъ развитіи послѣдовательно проходитъ оба періода: переполненіе рынка товарами и—уже позднѣе—періодъ лишеній, которыя онъ причиняетъ народу, особенно, бѣднѣйшимъ классамъ.

При благопріятномъ теченіи хозяйственной жизни, промышленность работаетъ на всѣхъ парахъ. Но уже и здѣсь замѣчаются дурные признаки: хотя сбытъ товаровъ идетъ успѣшно, однако, отстаетъ отъ быстро расширяющагося производства; съ каждымъ мѣсяцемъ въ складахъ накопляются все бо́льшіе запасы. Сбытъ еще настолько успѣшенъ, что нѣтъ рѣзкихъ напоминаній о приближающемся крушеніи, а выгодныя условія, на которыхъ предприниматели пользуются кредитомъ, позволяютъ продолжать производство въ неуменьшенныхъ размѣрахъ и тѣмъ промышленникамъ, которые опутаны цѣлой сѣтью кредитныхъ отношеній. Если бы кризисъ выражался только въ этомъ, то, не причиняя лишеній кому-либо изъ членовъ общества, онъ, съ точки зрѣнія благополучія людей, былъ бы явленіемъ безразличнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая бѣда отъ того, что въ складахъ накопилось милліонъ лишнихъ аршинъ сукна, миткаля, пудовъ хлопка или желѣза, если предпріятія идутъ по проложенному руслу, промышленники не становятся несостоятельными должниками, а работники получаютъ плату въ неуменьшенныхъ размѣрахъ. Кризисъ, по скольку онъ выражается только въ этихъ явленіяхъ, будетъ возможенъ всегда: нѣтъ такихъ условій внѣшней природы, нѣтъ такой высоты зна-

ній, нѣтъ такого общественнаго порядка, при которыхъ можно было бы избѣгнуть чрезмѣрнаго производства товаровъ. Представимъ себѣ какую-либо изъ странъ Европы достигшею чрезвычайной высоты знаній и замѣнившею право частной собственности на землю и капиталъ правомъ собственности государственной. Чрезмѣрное производство возможно и при такомъ порядкѣ: обильная жатва, крупное техническое изобрѣтеніе, которое, дѣлаясь сразу общественнымъ достояніемъ, не позволяло бы тотчасъ же опредѣлить размѣры, въ какихъ должно быть уменьшено приложеніе труда въ данной отрасли—все это нерѣдко вело бы къ излишнему производству. А такъ какъ, будучи неустранимы, кризисы въ этихъ предѣлахъ не причиняютъ кому-либо крупныхъ неудобствъ, то все стараніе должно быть направлено на ограниченіе кризиса именно этими явленіями. Достиженіе цѣли—ограниченіе кризиса этими предѣлами и полная невозможность для него причинить страданіе хотя бы одному члену общества—сочетается только съ государственной собственностью на орудія производства.

Можно безъ конца спорить о томъ, какая высота знаній и нравственныхъ качествъ необходима для осуществленія этого порядка; можно теряться въ догадкахъ о частностяхъ этого общественнаго строя, но не можетъ быть сомнѣнія относительно основаній, на которыхъ, при господствѣ такого порядка, будетъ покоиться производство цѣнностей и ихъ распредѣленіе. Неравенство вознагражденія за отдѣльные виды труда будетъ удержано—равное вознагражденіе требуетъ столь высокаго уровня нравственныхъ качествъ, что можетъ быть достигнуто развѣ въ безконечно далекомъ будущемъ, стоящемъ за предѣлами самой крайней прозорливости,—но по размѣрамъ доходовъ не можетъ быть рѣзкихъ различій, которыя представляются теперь между богатѣйшими людьми и бѣднѣйшими. Большая равномѣрность не только позволитъ всѣмъ людямъ имѣть необходимое и удобства жизни, но и будетъ изъ года въ годъ оставлять въ распоряженіи общественной власти крупныя доли доходовъ, для поддержанія членовъ тѣхъ промышленныхъ группъ, которыя испытываютъ невыгоды вслѣдствіе чрезмѣрнаго производства. Положимъ, что склады завалены миткалемъ. Естественнымъ исцѣленіемъ отъ этого излишка будетъ съуженіе хлопчато-бумажной промышленности въ теченіе 1—2 лѣтъ, пока потребленіе не поглотитъ сдѣланныхъ запасовъ. Разъ съуженіе стало необходимо, то или нѣкоторые изъ участниковъ должны вовсе прекратить работу, или же всѣ должны работать уменьшенное число часовъ; съ уменьшеніемъ количества труда для многихъ участниковъ въ производствѣ будетъ связано и уменьшенное воз-

награжденіе. Очень вѣроятно, что многіе изъ нихъ, при уменьшенной платѣ, не будутъ въ состояніи удовлетворять свои потребности въ привычныхъ размѣрахъ. Тогда-то государство, приходя со своими запасными фондами на помощь этимъ людямъ, будетъ поддерживать ихъ до тѣхъ поръ, пока поглощеніе накопленныхъ продуктовъ не позволитъ расширить въ данныхъ отрасляхъ производство и привлечь къ нему большее число работниковъ. Существованіе запаснаго государственнаго фонда и будетъ ограничивать кризисы только накопленіемъ излишнихъ запасовъ безъ возможности для кого-либо изъ членовъ общества терпѣть чрезъ это ущербъ. При такомъ порядкѣ и первые періоды въ развитіи кризисовъ будутъ поставлены въ довольно тѣсные предѣлы. Введеніе новыхъ машинъ и усовершенствованіе пріемовъ производства должны служить выгодамъ всего человѣчества двумя сторонами: 1) удешевлять продукты, болѣе полно удовлетворять потребности и 2) уменьшать матеріальный трудъ человѣка, оставлять ему большій досугъ для развитія духа и наслажденія. Первая цѣль до извѣстной степени достигается и при современномъ порядкѣ вещей: разнообразные продукты становятся дешевле и доступнѣе для болѣе широкихъ круговъ населенія. Вторая же цѣль не достигается даже въ самой слабой степени: не даромъ Дж. Ст. Милль, основываясь на исторіи англійской промышленности, выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы машины облегчили трудъ хотя одного человѣческаго существа. Лицомъ къ лицу съ этимъ фактомъ—ростомъ производительности труда—стоятъ двѣ группы населенія: капиталисты и работники. Послѣдніе заинтересованы въ томъ, чтобы каждое улучшеніе процессовъ производства облегчало ихъ трудъ; первые же видятъ въ этихъ усовершенствованіяхъ новый источникъ прибыли. Борьба, возникающая между сторонами, оканчивается въ пользу сильнѣйшей тѣмъ, что увеличеніе производительности труда въ 2, 5, 10 разъ и болѣе не ведетъ къ уменьшенію количества работы или ея облегченію. Государственная власть, посредствомъ фабричнаго законодательства, оказываетъ работникамъ извѣстное содѣйствіе; фабричные законы требуютъ исполненія гигіеническихъ правилъ, открываютъ для малолѣтнихъ доступъ къ начальному образованію, даже сокращаютъ трудъ дѣтей и женщинъ, но не дѣлаютъ ничего для уменьшенія количества труда согласно съ ростомъ его производительности. Можно предвидѣть, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи фабричное законодательство будетъ требовать ограниченія мужского рабочаго дня 8 часами въ сутки, въ отвѣтъ на то требованіе Эммануила Канта, по которому сутки распадаются на 3 равныя части: 8 часовъ для работы,

8—для сна, 8—для всѣхъ другихъ отправленій. Сравнительно съ порядками, которые господствуютъ нынѣ даже въ передовыхъ странахъ, это будетъ большимъ шагомъ впередъ. Но рабочіе классы имѣютъ неоспоримое право желать и большаго. Восемь часовъ, проведенныхъ въ занятіи наукой, искусствомъ, общественной дѣятельностью, даже ремесломъ нѣкоторыхъ разрядовъ, могутъ быть признаваемы лучшей частью жизни. Но тѣ же 8 часовъ проведенные за трудомъ чисто механическимъ, въ качествѣ при-, датка машины, отнюдь не заслуживаютъ такого признанія. Огромное большинство операцій въ промышленности принадлежитъ къ этому разряду, и группамъ населенія, занятымъ въ этой средѣ, естественно желать, чтобы механическій трудъ уменьшился до 7—6 часовъ [13]). Такое уменьшеніе массы матеріальнаго труда вовсе не будетъ потакать наклонности многихъ людей облѣниться: оно только оставитъ имъ большій досугъ, который будетъ затраченъ частію на развитіе духа въ научномъ и художественномъ отношеніяхъ, частію на семейныя радости, частію на тѣ ремесленныя работы, которыя, обогащая отдѣльныхъ лицъ въ ихъ домашнемъ обиходѣ матеріальными цѣнностями, позволяютъ работающему проявить свою изобрѣтательность и искусство рукъ. Но такое уменьшеніе количества труда возможно будетъ только съ переходомъ орудій производства въ собственность государства. Интересы капиталистовъ, усматривающихъ въ каждомъ усовершенствованіи орудій производства новый источникъ прибыли, перейдутъ къ государству; тогда оно, т.-е. всѣ граждане, будутъ заинтересованы въ изготовленіи возможно большей массы матеріальныхъ цѣнностей. А такъ какъ въ этомъ будетъ заинтересовано государство, то будетъ выступать ярко освѣщенной и другая цѣль—сокращеніе того труда, который, по механичности своихъ операцій, не только не дѣйствуетъ развивающимъ образомъ на духъ работника, но даже не способствуетъ многостороннему упражненію его тѣла. Вотъ почему каждое крупное техническое изобрѣтеніе будетъ связано не только съ умноженіемъ количества продуктовъ, но и съ сокращеніемъ въ данной отрасли прилагаемаго труда, сокращеніемъ, которое будетъ равномѣрно охватывать всѣхъ участниковъ въ данной отрасли производства, а потому будетъ смягчаться и несоотвѣтствіе между потребностями и массой производимыхъ предметовъ.

IV.

Пока существуетъ современный порядокъ вещей, до тѣхъ поръ въ самомъ общественномъ хозяйствѣ нѣтъ силъ, которыя предупреж-

дали бы развитіе кризисовъ, а тѣмъ болѣе предотвращали бы причиняемыя ими бѣдствія. Но государственная власть можетъ воздѣйствовать на кризисы посредствомъ одного коренного мѣропріятія—*умноженія тѣхъ классовъ, доли которыхъ изъ общественнаго дохода увеличиваются съ ростомъ производительности труда.* Весь общественный доходъ распредѣляется между заработною платой и прибылью, со всѣми ея подраздѣленіями въ видѣ ренты, процента и т. п. Итакъ, задача государства сводится къ тому, чтобы увеличивать число гражданъ, получающихъ, кромѣ заработной платы, прибыль и ренту.

Къ этой цѣли можно идти двумя путями: или образованіемъ артелей въ разныхъ отрасляхъ производства, или расширеніемъ площади самостоятельнаго труда только въ отрасляхъ, представляющихъ наиболѣе данныхъ для успѣха. Положимъ, что государство образовало артельныя фабрики въ хлопчато-бумажной, суконодѣльной, чугунно-плавильной и другихъ отрасляхъ промышленности и размѣстило по этимъ отраслямъ 200.000 работниковъ, взявъ ихъ изъ дѣйствующей или запасной рабочей арміи. Получая, какъ члены артели, заработную плату и прибыль, они будутъ сполна пользоваться ростомъ производительности труда; соразмѣрно съ нимъ будетъ увеличиваться и доля каждаго изъ нихъ въ общемъ доходѣ. Или же всѣ усилія могутъ быть направлены на умноженіе класса мелкихъ землевладѣльцевъ, получающихъ отъ земли заработную плату, прибыль и ренту. Въ обоихъ случаяхъ уменьшатся тѣ классы, доля дохода которыхъ отстаетъ въ своемъ движеніи отъ роста производительности труда: поэтому кризисы и не будутъ достигать нынѣшнихъ размѣровъ. Мы считаемъ эти мѣры единственнымъ кореннымъ средствомъ противъ кризисовъ. Теоретически безразлично, увеличиваетъ ли государство число лицъ, получающихъ прибыль, въ машино-строительномъ или сахароваренномъ дѣлѣ, сельскомъ хозяйствѣ или горномъ промыслѣ. Но практически между этими направленіями можно замѣтить существенную разницу.

Классы, занятые въ обработывающей промышленности, производятъ исключительно для обмѣна и нуждаются сами только въ небольшой долѣ производимыхъ издѣлій. Въ этой сферѣ производительность труда ростетъ наиболѣе быстро, а потому есть особенно много данныхъ, благопріятствующихъ чрезмѣрному производству. Совсѣмъ иную сферу представляетъ земледѣліе: какъ далеко ни ушло оно въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ, люди, занятые въ сельскомъ хозяйствѣ, близко стоятъ къ своимъ важнѣйшимъ потребностямъ: не только мелкій, но и крупный землевладѣлецъ, печетъ хлѣбъ изъ своей пшеницы, варитъ супъ изъ своего мяса,

пьетъ свое молоко. Важнѣйшая часть потребностей, составляющая для цѣлыхъ классовъ 60%,—потребности въ пищѣ—удовлетворяются земледѣльцемъ внѣ всякой связи съ рынкомъ. Пріобщимъ сюда потребность въ жилищѣ, которая поглощаетъ 15—20% расходовъ, и мы получимъ 75—80% потребностей, независимыхъ отъ рынка. Укажемъ также на особенность земледѣльческой техники—усовершенствоваться довольно медленно сравнительно съ техникой въ промышленности. Мѣньшая способность къ усовершенствованію зависитъ отъ бо̀льшаго вліянія силъ внѣшней природы на земледѣльческій трудъ, отъ невозможности точно регулировать дѣйствіе этихъ силъ. Отсутствіе рѣзкихъ перемѣнъ, которыя отъ времени до времени совершаются въ обработывающей промышленности, служитъ также тормазомъ для чрезмѣрнаго производства. Но и въ этой области есть условія, соотвѣтствующія крупнымъ промышленнымъ изобрѣтеніямъ—переходъ къ почвѣ лучшаго качества. Именно въ послѣднія десятилѣтія мы испытываемъ вліяніе этого перехода, который особенно облегчается проложеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ плодородныя и рѣдко населенныя мѣстности. Получается вполнѣ аналогичное явленіе: ручная ковка гвоздей становится невозможной съ распространеніемъ машиннаго производства; и многіе сельскіе хозяева Европы, сидящіе на малоплодородныхъ участкахъ земли, отрѣзываются отъ рынка, когда съ нимъ приводятся въ связь милліоны черноземныхъ десятинъ въ Остъ-Индіи, Америкѣ, Австраліи. Но эта аналогичность не ведетъ къ одинаковымъ невыгодамъ: скажемъ еще разъ, и скажемъ съ удареніемъ, что, какъ бы ни было невыгодно положеніе землевладѣльца на рынкѣ, какъ бы ни былъ затрудненъ сбытъ его произведеній, онъ можетъ удовлетворять путемъ натуральнаго хозяйства 75% всѣхъ своихъ потребностей, а въ крайнемъ случаѣ можетъ удовлетворять и больше. Вотъ почему умноженіе земледѣльческаго класса является наилучшей формой, въ которой государство можетъ уменьшать площадь, испытывающую невыгоды отъ слишкомъ быстраго роста производительности труда. Пусть же, изыскивая отрасли производства, гдѣ можно съ успѣхомъ развивать артельное начало, государство прежде всего напряжетъ свои силы для умноженія земледѣльческихъ классовъ.

Посмотримъ на практическую сторону дѣла. Мы имѣемъ передъ собой государства двухъ разрядовъ. Во-первыхъ, тѣ, которыя располагаютъ незначительными площадями казенныхъ земель, гдѣ право частной собственности охватило почти всю территорію. Этимъ государствамъ предстоитъ или захватывать области, стоящія внѣ европейской культуры и почти ненаселенныя (такой, напр., харак-

теръ получаетъ новѣйшая политика Германіи), и туда направлять переселеніе, или же подвергнуть ограниченіямъ права частныхъ собственниковъ, организуя, напр., принудительное отчужденіе земли, какъ-то внесено въ программу многими аграрными партіями, или какъ-то изъ иныхъ, чисто военно-политическихъ побужденій проводится прусскимъ правительствомъ въ восточныхъ провинціяхъ королевства. Эти обѣ мѣры встрѣчаютъ на практикѣ довольно крупныя препятствія. Первое—основаніе обширныхъ колоній—предполагаетъ значительный флотъ, вообще, довольно большое политическое могущество страны, и не всегда можетъ быть подъ силу малому государству. Но къ этому присоединяется еще то соображеніе, что колонія, куда направляется переселеніе въ широкихъ размѣрахъ и съ крупными затратами со стороны государства, можетъ отдѣлиться и, тѣмъ уязвляя національную гордость, причинить метрополіи и матеріальный ущербъ. Второе мѣропріятіе, сопряженное съ крупной ломкой правового порядка, не скоро займетъ видное мѣсто въ хозяйственной политикѣ европейскихъ государствъ. Дабы создать многочисленный землевладѣльческій классъ нужно примѣнять это средство въ широкихъ размѣрахъ; а для этого недостаточно пользоваться случаемъ и скупать земли, поступающія въ продажу за долги, для раздѣла между наслѣдниками и продаваемыя добровольно: необходима и принудительная покупка, т.-е. постановленіе, напр., о томъ, что владѣльцы опредѣленной площади земли должны продать, по требованію правительства, столько-то и за такую-то цѣну.

Не таково положеніе странъ, которыя имѣютъ обширныя площади государственныхъ земель. Сюда мы отнесемъ Россію, Англію, съ ея колоніями, Соединенные Штаты и государства Южной Америки. Мы опускаемъ Турцію, Персію и другія страны нецивилизованнаго міра. Такъ какъ общія начала, которыми должна руководиться политика въ этихъ государствахъ, одни и тѣ же, то мы ограничимся разсмотрѣніемъ вопроса въ примѣненіи только къ Россіи.

Наше отечество имѣетъ благопріятныя экономическія данныя для рѣшенія этого вопроса въ полнотѣ, которая требуется самой важностью изслѣдуемаго явленія. Прежде всего обширность государственныхъ земель. Въ Европѣ эта площадь измѣряется 152 милліонами десятинъ; если откинемъ даже цѣлую треть на земли, неудобныя для заселенія, то останется земельный фондъ въ размѣрѣ 100 милліоновъ. Въ Азіатской Россіи площадь казенныхъ земель неизвѣстна; но если принять ее только за $^1/_4$ всѣхъ азіатскихъ владѣній, то получимъ не менѣе 400 милліоновъ десятинъ. Въ итогѣ мы

имѣемъ площадь, гдѣ, при самомъ экстензивномъ хозяйствѣ. могутъ съ широкимъ раздольемъ размѣститься 20 милліоновъ семей, равныхъ всему настоящему населенію имперіи. И эти 500 милліоновъ десятинъ свободной земли даютъ на поверхности и въ нѣдрахъ своихъ гораздо больше, чѣмъ нужно для матеріальнаго благополучія человѣка. На-ряду съ песчаными и глинистыми участками, которые все-таки могутъ вознаграждать трудъ, мы имѣемъ тучный черноземъ Сибири и тотъ лѣсъ средне-азіатскихъ владѣній, который даетъ урожаи въ самъ-сотъ. Богатая древесная растительность отъ сосны и лиственницы до орѣховыхъ и миндальныхъ деревъ; неисчерпаемое минеральное царство отъ желѣза до золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ; многочисленныя озера, ключи, ручьи, рѣчки, огромные водные протоки, прорѣзывающіе половину Азіи съ бассейнами въ сотни тысячъ квадратныхъ верстъ. Но къ этому присоединяется и другая первостепенная выгода: бо́льшая часть нашего народа сохранила общинное начало во всей своей чистотѣ. За послѣднія десятилѣтія научная мысль сдѣлала очень много для познанія земельной общины: не выдвигая этого начала, какъ самобытнаго явленія славянской жизни, она раскрываетъ причины, сохранившія у насъ общину, и доказываетъ, что общинное землевладѣніе не только имѣетъ благотворное вліяніе на распредѣленіе общественнаго дохода, но и примиряется съ безостановочными успѣхами производства. Нашъ народъ, повторяемъ, сохранилъ то великое начало, которое служитъ залогомъ возможности широко развить общинный трудъ. Господствуетъ ли мелкое частное землевладѣніе или общинное—пока не примѣняется общій трудъ, до тѣхъ поръ сельское хозяйство ведется въ малыхъ размѣрахъ и не можетъ достигнуть той степени производительности, какую даютъ широкіе размѣры хозяйства. Это обстоятельство и ведетъ къ постепенному вытѣсненію мелкаго землевладѣнія крупнымъ. Для мелкаго частнаго поземельнаго собственника переходъ къ крупному производству до чрезвычайности затрудненъ вѣковой привычкой дѣйствовать обособленно отъ сосѣдей. Нуженъ очень долгій періодъ времени, нужно очень высокое умственное развитіе, чтобы общій артельный трудъ получилъ господство въ мѣстностяхъ, населенныхъ мелкими землевладѣльцами. Совсѣмъ иную перспективу представляетъ намъ община. Вѣковая связь между членами по землѣ, привычка подчинять многія стороны хозяйственной дѣятельности міру, совмѣстное исполненіе разнообразныхъ работъ среди нихъ и артельныхъ запашекъ,—все это подаетъ надежду, что общинное землевладѣніе можетъ изъ нынѣшняго его типа—обособленія хозяевъ при пользованіи землей—перейти въ

форму болѣе совершенную—общаго владѣнія, связаннаго съ общимъ земледѣльческимъ трудомъ. Общину приведетъ къ этой формѣ не платоническая любовь къ артели, не погоня за идеалами, а сознаніе, что нѣтъ иного способа увеличить успѣшность труда и возвысить благосостояніе. Запрещеніе отчуждать надѣлы, препятствуя дальнѣйшему индивидуализированію поземельной собственности, наложитъ узду на эгоистическія побужденія, которыя теперь разрушаютъ общину, а вѣковыя, привычныя, разнообразныя связи между членами міра облегчатъ замѣну единоличнаго сельскаго хозяйства артельнымъ. Такимъ образомъ, есть полное основаніе надѣяться, что и новыя поселенія усвоятъ ту форму труда, которая обезпечиваетъ наибольшую его производительность.

Какъ ни важно общинное землевладѣніе, какъ ни плодотворно его вліяніе на многія стороны общественнаго быта, государственная власть должна подняться на еще болѣе возвышенную точку зрѣнія. Сельскія общины, доставляя крупныя выгоды своимъ членамъ, являются въ отношеніяхъ къ третьимъ лицамъ полными эгоистическихъ побужденій; это всего лучше доказывается упорной борьбой, которую въ Сибири новоселы должны выдерживать со старожилами, и тѣми препятствіями, которыя старожилы ставятъ водворяющимся переселенцамъ. Измѣненія, происходящія въ общинѣ, могутъ обнаруживать это эгоистическое начало съ особенной рельефностью и особеннымъ ущербомъ для общегосударственныхъ интересовъ: положимъ, что изъ общины, за смертью или по другимъ причинамъ, выбыло много членовъ, и на остающихся приходится очень большая площадь земли. Государство было бы заинтересовано въ томъ, чтобы поселить извѣстное число семей въ предѣлахъ земли этой общины, а послѣдняя была бы склонна рѣзко противиться этому намѣренію. Каждое новое дѣло, ведущее къ великой цѣли, должно быть съ самаго начала созидаемо на широкихъ основаніяхъ; поэтому мы считаемъ необходимымъ удержаніе права собственности государства на всѣ эти земли и привлеченіе переселенцевъ на началахъ долгосрочной или наслѣдственной аренды.

Ежегодное переселеніе значительныхъ массъ имѣло бы могущественное вліяніе на все наше народное хозяйство, а въ частности на возможные въ будущемъ кризисы. Нельзя сомнѣваться, что, при правильномъ веденіи дѣла, вся эта масса устроится и достигнетъ благосостоянія, неизвѣстнаго ей на родинѣ. Интересна и другая сторона—вліяніе на остающихся. Переселеніе будетъ процессомъ, отвлекающимъ съ рынка излишнія рабочія руки, а

потому и поддерживающимъ равновѣсіе между спросомъ на трудъ и его предложеніемъ. Представимъ себѣ, что наступило условіе, побуждающее промышленниковъ къ расширенію ихъ предпріятій; усиленный запросъ на товары можетъ быть удовлетворенъ небольшимъ расширеніемъ производства. Теперь наличность большой запасной рабочей арміи позволяетъ увеличивать производство гораздо дальше дѣйствительнаго запроса, что̀ и ведетъ къ переполненію рынка; уменьшеніе же запасной арміи будетъ держать предпріятіе въ извѣстныхъ предѣлахъ, т.-е. препятствовать столь большому производству. Положимъ, что сдѣлано крупное промышленное изобрѣтеніе. По закону соотношенія между ростомъ производительности труда и распредѣленіемъ общественнаго дохода, наступитъ относительно большее увеличеніе ренты и прибыли, нежели заработной платы. Безъ переселенія это вліяніе коснулось бы, напр., 30-ти милліоновъ людей, а теперь оно коснется только 20, можетъ быть 15,—т.-е. будутъ уменьшаться условія, благопріятныя для чрезмѣрнаго производства. Но является, повидимому, другая опасность. Занявъ плодородныя земли, переселенцы произведутъ такую массу хлѣба и другихъ продуктовъ, что значительная часть ихъ не найдетъ сбыта на рынкѣ. Положимъ, что, удовлетворяя внѣ всякой связи съ рынкомъ $^3/_4$ или $^4/_5$ своихъ потребностей, они легче перенесутъ это затрудненіе, чѣмъ фабричные работники. Однако, избытокъ земледѣльческихъ продуктовъ, по временамъ замѣчаемый и теперь, станетъ еще болѣе ощутителенъ и будетъ способствовать обостренію въ Россіи сельско-хозяйственнаго кризиса.

Это—опасность только кажущаяся. Когда отыскиваютъ средства къ устраненію въ Россіи сельско-хозяйственнаго кризиса, то имѣютъ въ виду отпускъ нашего хлѣба за границу, сѣтуютъ на недостаточность отпуска и совершенно забываютъ *о первоклассномъ значеніи внутренняго рынка*. Мы утверждаемъ, что еслибы покупательныя силы большинства многомилліоннаго русскаго народа были хотя на $^1/_{10}$ выше настоящаго уровня, то обнаружилея бы не избытокъ, а чрезвычайный недостатокъ въ продуктахъ, производимыхъ земледѣльческимъ трудомъ. Обратимся къ такому приблизительному разсчету. Изъ 20-ти милліоновъ семей, составляющихъ русскій народъ, едва ли 2 милліона настолько удовлетворяютъ свои потребности въ пищѣ, что можно не желать ея улучшенія. Остальныя $^9/_{10}$ питаются гораздо хуже того, что было бы необходимо для поддержанія здоровья и силы населенія. Пусть каждая семья, состоящая въ среднемъ изъ 5—6 членовъ. хотя немного увеличитъ свое потребленіе мяса, молока, сахару, пшеничнаго хлѣба; пусть каждая увеличитъ расходъ на пищу только 25-ю рублями

въ годъ, и внутренній рынокъ потребуетъ отъ сельскаго хозяйства продуктовъ ня 450 милліоновъ больше сравнительно съ массой, которую онъ теперь поглощаетъ. Пусть потребленіе возростетъ только 15-ю рублями на семью и тогда потребуется излишекъ въ 270 милліоновъ,—гораздо больше недовыручки по нашему хлѣбному вывозу въ годы даже слабаго развитія внѣшней торговли. Возьмемъ для примѣра мясо; его потребленіе составляетъ въ Россіи 48 фунтовъ въ годъ на 1 жителя. Для того, чтобы Россія сравнялась съ Франціей (мы уже не говоримъ объ Англіи или Соединенныхъ Штатахъ) съ ея 74 фунтами на душу, она должна произвести ежегодно 74 милліона пудовъ сверхъ массы, производимой нынѣ (120.000.000 душъ × на 26 фунт.), т.-е. при цѣнѣ 1 пуда мяса только въ $2^1/_2$ руб., на сумму 185 милліоновъ. Годичное потребленіе сахару въ Россіи не превышаетъ 7—8 фунтовъ на 1 жителя. Дабы въ этомъ отношеніи достигнуть уровня Франціи и Германіи съ ихъ потребленіемъ по 21 фунту на жителя, нужно утроить размѣры сахароваренаго производства, въ 3 раза увеличить площадь, занятую культурой свекловицы, надо засѣвать, вмѣсто 300.000 до 900.000 десятинъ, и на добрую сотню милліоновъ увеличить цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ связи съ потребленіемъ сахару. Расширяя потребности только въ нѣкоторыхъ предметахъ пищи до предѣловъ, въ какихъ онѣ удовлетворяются народами средняго благосостоянія, мы сознаемъ необходимость увеличить многими милліонами массу производимыхъ въ Россіи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Какіе же получимъ результаты, если примемъ въ разсчетъ и другія потребности и поставимъ цѣлью удовлетворять ихъ въ объемѣ англичанъ или сѣверо-американцевъ? Переселеніе, скажемъ мы, увеличитъ массу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; но, *поднимая покупательную силу внутренняго рынка, оно въ высокой степени увеличитъ и ихъ потребленіе.* А потому оно послужитъ наиболѣе надежнымъ средствомъ для уравненія производства товаровъ съ запросомъ потребителей.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) Насколько развилась международная торговля, можно видѣть уже изъ того, какъ возросла она въ отдѣльныхъ странахъ: въ Англіи стоимость ввезенныхъ и вывезенныхъ товаровъ составляла въ 1801 г. до 40 милл. фунт., а въ 1892—до 715 милліоновъ—увеличилась въ $17^1/_2$ разъ.

2) См. по этому вопросу интересную статью *Нейманнъ-Спалларта*: „Перемѣщеніе центра тяжести всемірнаго хозяйства“ („Юридич. Вѣстникъ„ 1886, IX).

3) *Rogers.* Six centuries of work and wages. 1884, 172 и далѣе, 522—39.

4) *Reitzenstein* и *Nasse.* Agrarische Zustände in Frankreich und England. 1884, 160.

5) *Rogers*, т.-ж. 186.

6) *Mulhall* назв. соч., 133. *Giffen*, Progress of the working classes in the last half century. Journ. of the Statistic. Society, 1886, 28—91.

7) Статья *Giffen*'а въ Journ. of the Statist. Soc. 1883, 618 и дал.

8) *Goschen.* The increase of moderate incomes. Journal of the Statistic. Society 1887, December.

9) *Neumann-Spallart*, т.-же, 12 и дал.

10) *Léonce de Lavergne.* Economie rurale de la France. 1877, 57, и *Reitzenstein* и *Nasse*, назв. соч., 93

11) *Соколовскій.* Экономическій бытъ земледѣльч. населенія Россіи. 1878. 27—9.

12) *Семевскій.* Крестьяне при Екатеринѣ II. 1881, 474—84. *Янжулъ.* Фабричн. бытъ московск. губ. 1884.

13) Тѣмъ, которые возразятъ, что такое уменьшеніе матеріальной работы затруднитъ удовлетвореніе всѣхъ потребностей общества, мы посовѣтуемъ прочесть интересную книгу *Герцки (Hertzka.* Die Gesetze der Socialen Entwickelung. 1886). Онъ вычисляетъ, что въ Австріи изъ всего мужского населенія въ рабочемъ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ матеріальнымъ трудомъ занято только около 20%. Ср. 57—60.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

НАСЕЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Населеніе и средства продовольствія.

Литература. *Мальтусъ.* Опытъ о законѣ народонаселенія. 2 т. 1868. *Roscher.* System, I. *Schönberg.* Handbuch, I. *Wagner.* Grundlagen, II. *Marshall.* Principles of economics. 1891. *Lange.* Arbeiterfrage. 1875 и въ рус. переводѣ. *Kautsky.* Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft. 1880. Ср. также *Жуковскаго.* Вопросъ народонаселенія. *Вѣстн. Евр.* 1871, I. Изъ сочиненій крайнихъ мальтузіанцевъ назовемъ. The elements of social science or physical, sexual and natural religion. By a doctor of medecine. 1854 и позди. изд. *Drysdale.* The population question according to Malthus and Mill. 1873. *Annie Besant.* The law of population. 1878. *Ея же.* Marriage. 1884. *Stille.* Der Neo-Malthusianismus, das Heilmittel des Pauperismus. 1880. *Его же.* Die Bevölkerungsfrage in alter u. neuer Zeit. 1889. Ср. также *Янжулъ.* Возрожденіе Мальтузіанства въ современной Европѣ. Очерки и изслѣдованія. 1884. I. Изъ противниковъ Мальтуса: *Godwin.* An inquiry concerning political justice. 3 ed. 1797. *Sadler.* The law of population. 2 v. 1830. *Fourier.* Le nouveau monde industriel. *Engels.* Umrisse einer Kritik der Nationalökonomie. Deutschfranzös. Jahrbüch. 1844, 1 и 2. *Марксъ.* Капиталъ. Ср. также *Platter.* Karl Marx u. Malthus. *Jahrbüch. für Nation. oek. u. Statistik.* 1877. *Sötbeer.* Die Stellung der Socialisten zu der Malthusschen Bevölkerungslehre. 1886. *Proudhon.* Système des contradictions économiques. 2 vol. 1846. *Кэри.* Руководство къ соціальн. наукѣ. *Spencer.* Theory of population, deducted from the general law of animal fertility. 1852. *Его же.* Principles of biology. *Van der Smissen.* La population. 1893. Дальнѣйшія указанія на литературу вопроса можно найдти въ Grundlagen II *Wagner*'a, а также интересномъ очеркѣ *Elster*'а: Bevölkerungslehre u. Bevölkerungspolitik въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, II. Обширный матеріалъ даетъ литература по статистикѣ населенія, особенно труды: *Quetelet.* Sur l'homme. *Wappäus.* Bevölkerungsstatistik. *Oettingen.* Moralstatistik. *Янсонъ.* Сравнительная статистика населенія. 1893. Ср. также *Hansen.* Ein Versuch, die Ursachen für das Blühen u. Altern der Völker nachzuweisen. 1889. *Бертильонъ.* Статистика движенія населенія Франціи. 1889. Новѣйшія переписи даютъ сырой, но хорошо систематизированный матеріалъ.

Еще на раннихъ ступеняхъ развитія экономической мысли наука и политика были проникнуты убѣжденіемъ, что законы, которымъ подчиняется размноженіе людей, содержатъ условія для возрастанія народнаго богатства. При рѣдкомъ населеніи, сопутствующемъ низкой гражданственности, сношенія между людьми неоживленны, сотрудничество мало развито и хозяйственная жизнь подвигается впередъ крайне медленно. Уже въ эту пору, даже при слабой наблюдательности, можно подмѣтить рѣзкое различіе между деревнею и городомъ. Скопленіе людей въ городахъ ведетъ къ успѣхамъ промышленности, къ развитію торговыхъ оборотовъ, умноженію богатствъ; городъ служитъ искони родиной промышленныхъ изобрѣтеній и быстраго наростанія удобствъ матеріальной жизни. Деревня отличается малою подвижностью. Вновь нарождающіяся поколѣнія медленно прибавляютъ свой вкладъ къ тому, что унаслѣдовано ими отъ отцовъ и дѣдовъ. Ученый и политикъ подмѣчаютъ эти различія и сводятъ ихъ къ истинной причинѣ,— разницѣ въ плотности населенія. А потому, при начертаніи мѣропріятій, содѣйствующихъ росту народнаго богатства, на первое мѣсто выдвигаютъ всѣ средства, которыя усиливаютъ размноженіе людей. Отъ 16 и 17 вѣковъ, отъ времени зарожденія научной экономической мысли, мы находимъ рядъ писателей, посвящавшихъ много вниманія вопросу о населеніи и, параллельно съ ними, находимъ разнообразныя мѣры, которыми правительство старалось ускорить размноженіе людей.

Англійскій экономистъ 17 вѣка Уилльямъ Петти много говоритъ въ своей *Политической ариѳметикѣ* о выгодахъ, которыя доставляетъ государству густое населеніе: чѣмъ болѣе плотно населеніе, тѣмъ болѣе плодотворно ведется хозяйство; раздѣленіе труда можетъ сдѣлать большіе успѣхи только при густомъ населеніи; только при этомъ условіи въ странѣ можетъ развиться оживленное соперничество. Подобныя же мысли высказываетъ философъ Локкъ. А Уилльямъ Тэмпль въ своихъ *Наблюденіяхъ надъ Нидерландами* приписываетъ высокое экономическое развитіе Голландіи, главнымъ образомъ, тому, что многочисленное населеніе сосредоточивается на небольшомъ пространствѣ. Къ поименованнымъ писателямъ слѣдуетъ пріобщить еще многихъ экономистовъ и публицистовъ. Маршалъ Вобанъ въ своемъ *Проектѣ королевской десятины* говоритъ, что «величіе королей измѣряется числомъ ихъ подданныхъ; въ этомъ—ихъ богатство, ихъ сила, ихъ благополучіе... А потому они должны прилагать возможно больше стараній, чтобы сохранять народъ и способствовать его размноженію». Писатели 18 вѣка, останавливаясь на этомъ вопросѣ, не только говорятъ о

желательности наиболѣе быстраго роста населенія, но стараются изслѣдовать и тѣ условія, которыя благопріятствуютъ размноженію людей. Монтескье, посвятившій этому вопросу особую главу своей книги *Духъ законовъ*, считаетъ одной изъ важныхъ задачъ правительства содѣйствіе размноженію людей. Однако, онъ не забываетъ указать, что запасъ средствъ продовольствія имѣетъ вліяніе на ростъ населенія. Прозорливый умъ знаменитаго французскаго публициста удерживаетъ его отъ безоговорочнаго требованія, чтобы правительства всегда принимали особыя мѣры, содѣйствующія размноженію людей: если два лица мужескаго и женскаго половъ могутъ существовать, говоритъ Монтескье, то обыкновенно вступаютъ въ бракъ; во многихъ мѣстахъ сама природа благопріятствуетъ размноженію; въ этихъ случаяхъ нѣтъ надобности поощрять ростъ населенія особыми законодательными мѣрами. Ту же мысль проводитъ и Мирабо въ своей книгѣ *Другъ людей*, которую онъ посвятилъ спеціально вопросу о населеніи. Народъ составляетъ, говоритъ онъ, главное богатство государства. А потому и возникаетъ вопросъ, какими способами можетъ быть пріумножаемо это богатство. Не слѣдуетъ, какъ дѣлаютъ многіе, приписывать уменьшеніе числа жителей въ европейскихъ государствахъ безбрачію монаховъ, частымъ войнамъ и большому числу солдатъ: упадокъ земледѣлія—вотъ истинная причина этого явленія. Число жителей сообразуется съ запасомъ средствъ продовольствія.

Правительства 17 и 18 вѣковъ руководились такими же началами въ своихъ мѣропріятіяхъ относительно населенія. Дабы увеличить число рожденій, старались поставить безбрачныхъ въ невыгодныя условія. Занятіе нѣкоторыхъ общественныхъ должностей было предоставлено только женатымъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ холостяки были облагаемы особою податью. Съ тѣмъ вмѣстѣ поощряли различными способами заключеніе брака. Въ 1623 году въ Испаніи былъ изданъ законъ, освобождавшій до 25 лѣтняго возраста отъ всѣхъ податей тѣхъ лицъ, которыя вступили въ бракъ между 18 и 25 годами. Законъ повелѣвалъ также устроивать особыя кассы, для надѣленія приданымъ бѣдныхъ невѣстъ. Во Франціи законъ 1666 года постановлялъ объ освобожденіи отъ налоговъ до 25 лѣтъ всѣхъ, которые вступили въ бракъ на 20 году, а также отцовъ семействъ, имѣющихъ больше 10 дѣтей. Сюда же относится сокращеніе траурнаго срока для вдовцовъ и вдовъ: въ 1747 году Фридрихъ Великій постановилъ, что вдовы могутъ вступить въ бракъ чрезъ 9 мѣсяцевъ послѣ смерти мужа, а вдовцы — чрезъ 3 мѣсяца послѣ смерти жены. Правительства поощряли законодательными мѣрами и плодовитость

браковъ. Упомянутый нами испанскій законъ даруетъ полную свободу отъ податей тѣмъ семьямъ, въ которыхъ есть на лицо шестеро дѣтей мужескаго пола. Приведенный французскій законъ освобождалъ отъ налоговъ тѣхъ плательщиковъ taille, которые имѣли въ живыхъ не менѣе 10 дѣтей, если никто изъ послѣднихъ не поступилъ въ священники или монахи. Дворяне же, имѣвшіе 10 или 12 дѣтей въ живыхъ, если никто изъ нихъ не поступилъ въ духовное званіе, получали пенсію по 1000 или 2000 ливровъ въ годъ. Сюда же должно быть отнесено и снисходительное отношеніе ко внѣ-брачной беременности. Фридрихъ Великій, сознавая, что главный причиной убійства незаконныхъ дѣтей служитъ стыдъ, связанный съ наказаніями за внѣбрачную связь, постановилъ отмѣнить церковное наказаніе для лицъ, совершившихъ любодѣяніе; а въ 1765 году онъ запретилъ, подъ страхомъ наказанія, упрекать женщинъ за любодѣяніе.

Стараясь способствовать этими мѣрами росту населенія, правительства привлекали къ себѣ разнообразными льготами переселенцевъ изъ-за границы. Въ 17 и 18 вѣкахъ всѣ европейскія государства держались такой политики. Отмѣтимъ поощрительныя мѣры, которыми Фридрихъ II привлекалъ переселенцевъ въ Пруссію. Иностранные мастера принимались безвозмездно въ прусскіе цехи; торговцы, художники промышленники, пріѣхавшіе въ Пруссію изъ-за границы, освобождались на 3 года отъ всѣхъ податей и повинностей. Многимъ переселенцамъ уступались безвозмездно участки земли, давались ссуды, строительные матеріалы и денежныя пособія. Съ начала 18 вѣка русское правительство стало поощрять переселенія иностранцевъ, особенно земледѣльцевъ. При Петрѣ I, Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II иностранцамъ-земледѣльцамъ —колонистамъ—отводились на окраинахъ земли для поселенія. Манифестъ 22 іюля 1763 года объединилъ отдѣльныя мѣропріятія. Онъ установилъ особое учрежденіе для завѣдыванія колоніями, обезпечилъ иностраннымъ колонистамъ свободу вѣроисповѣданія, узаконилъ выдачу имъ кормовыхъ денегъ, надѣлилъ каждую семью 30 десятинами земли, даровалъ податныя льготы и самоуправленіе. Тѣми же побужденіями руководствовались европейскія правительства, запрещая выселенія своихъ подданныхъ. Во Франціи, по закону 1685 года, купцы, капитаны кораблей и разные другіе судохозяева наказывались денежною пенею въ 3000 ливровъ, а во второй разъ подвергались тѣлесному наказанію, если прямо или косвенно способствовали выселенію реформатовъ, которые бѣжали изъ Франціи отъ преслѣдованій правительства. Позднѣе содѣйствіе выселенію реформатовъ наказывалось даже смертною казнью. Въ

Австріи съ половины 18 вѣка издается рядъ законовъ, которыми запрещаютъ выдавать заграничные паспорта искуснымъ ремесленникамъ и художникамъ. А въ 1768 году всѣ австрійскіе подданные предостерегались отъ выселенія заграницу; консуламъ же, которые приглашали выселяться, угрожали тѣлеснымъ наказаніемъ и даже смертною казнью.

Научная разработка вопроса о населеніи связывается обыкновенно съ именемъ Мальтуса. Было бы, однако, несправедливо умолчать о писателяхъ, которые еще задолго до Мальтуса, не ограничиваясь заявленіями, что народъ образуетъ главное богатство государства и что всѣ усилія правительства должны служить къ увеличенію роста населенія, пытались изучить условія, при которыхъ населеніе возрастаетъ наиболѣе быстро.

Уже Монтескье и Мирабо задавались отчасти этимъ вопросомъ; большое вниманіе посвятилъ ему итальянскій экономистъ Ботеро. Слѣдуетъ указать, говоритъ онъ въ своей книгѣ *О причинахъ величія и процвѣтанія государства*, на то явленіе, что народъ, размножавшійся въ теченіе нѣкотораго времени довольно быстро, перестаетъ размножаться и даже уменьшается въ числѣ. Не слѣдуетъ приписывать это только войнамъ, эпидеміямъ, ибо такія бѣдствія издревле постигали человѣческій родъ. Истинная причина лежитъ глубже; она должна быть сведена на недостатокъ въ средствахъ продовольствія. «Производительной силѣ» людей противостоитъ сила ихъ продовольствованія. Первая должна быть признана неизмѣнною отъ начала міра: и въ настоящее время люди столь же способны производить потомство, какъ во времена Давида и Моисея. Но продовольственная сила недостаточна, дабы содержать непрерывно возрастающее населеніе. Ростъ населенія не имѣлъ бы границъ и каждое государство было бы переполнено людьми, если-бы недостатокъ въ средствахъ продовольствія не ставилъ преграды размноженію. Венеціанецъ Ортесъ изслѣдовалъ вопросъ о населеніи еще болѣе обстоятельно. Онъ исходитъ изъ положенія, что, вслѣдствіе роста населенія, въ странѣ можетъ увеличиваться запасъ полезныхъ веществъ. А число жителей зависитъ отъ производительной силы земли; народъ только тогда обезпеченъ средствами продовольствія, когда опирается на продовольственныя силы своей страны и не нуждается въ произведеніяхъ иноземныхъ народовъ. Ортесъ изображаетъ ростъ населенія въ геометрической прогрессіи: въ теченіе 900 лѣтъ 7 человѣкъ могутъ дать потомство больше $7^1/_2$ милліардовъ душъ. Въ мірѣ животныхъ слишкомъ большая способность къ размноженію парализуется силами природы; у людей же разумъ долженъ служить такой противодѣйствующей силой.

Когда въ странѣ число жителей приблизилось къ цифрѣ, больше которой она не можетъ прокормить, то должно пріостановить ростъ населенія; многіе должны оставаться безбрачными; состояніе безбрачія столь же полезно и необходимо при подобныхъ условіяхъ, какъ и бракъ. Конечно, въ этомъ случаѣ въ бракъ можетъ вступать, быть можетъ, половина людей, способныхъ къ браку. Однако, такое ограниченіе необходимо, дабы воспрепятствовать развитію крайней нищеты или порчѣ нравовъ.

У этихъ обоихъ писателей мы находимъ въ зародышѣ ученіе Мальтуса. Еще больше поработали въ этомъ направленіи многіе англійскіе экономисты. Ралей, писатель конца 16 вѣка, проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ мысль о томъ, что земля не могла бы вмѣстить всѣхъ людей, еслибы отъ времени до времени многія тысячи не похищались войнами и эпидеміями. Голодъ, болѣзни и мечъ уничтожаютъ большое число людей. Многіе воздерживаются отъ вступленія въ бракъ изъ боязни, что не будутъ въ состояніи содержать своихъ дѣтей; иные женятся на старыхъ, но богатыхъ женщинахъ, и радуются, что не имѣютъ потомковъ. Тѣмъ не менѣе люди размножаются очень быстро и всегда есть искушеніе вести войны. Во многихъ случаяхъ слѣдуетъ признать войны необходимыми: онѣ могутъ быть уподоблены ревеню, который удаляетъ желчь изъ тѣла [1]). Еще ярче освѣтилъ вопросъ писатель конца 17 вѣка Чайльдъ. Въ своей книгѣ *Новое разсужденіе о торговлѣ*, Чайльдъ ставитъ въ зависимость отъ густого населенія развитіе торговли *даннаго народа и высоту культуры: чѣмъ болѣе населена страна, тѣмъ она богаче.* Но онъ сознаетъ, что размноженіе людей имѣетъ свои границы и что во многихъ случаяхъ выселеніе изъ страны даже желательно. Великобританія, говоритъ онъ, не ослабѣла отъ того, что изъ нея выселилось много людей: на родинѣ большая часть изъ нихъ погибла бы отъ голода. Наше народонаселеніе, говоритъ Чайльдъ, всегда будетъ соразмѣрно съ количествомъ труда, которое мы можемъ доставить ему; а потому, если въ Англіи есть работа для 100 людей, а выростаютъ 150, то 50 должны выселиться или погибнуть.

Книга Мальтуса *Опытъ о законѣ народонаселенія* вышла первымъ изданіемъ въ 1798 году. Мальтусъ развилъ слѣдующія положенія.

Подобно растеніямъ и животнымъ человѣкъ обладаетъ способностью къ безграничному размноженію. Каждая чета имѣетъ и способность и вложенное въ нее природою влеченіе произвести на свѣтъ нѣсколько паръ; общество можетъ увеличиваться вдвое съ каждымъ поколѣніемъ, т.-е., по крайней мѣрѣ, каждыя 25 лѣтъ. Люди и размножались бы въ такой пропорціи, если бы этому не

было препятствія въ недостаточныхъ средствахъ продовольствія. А этотъ недостатокъ проистекаетъ отъ того, что, съ ростомъ культуры, остается все меньшій просторъ для увеличенія народнаго богатства. Люди несомнѣнно размножаются въ геометрической прогрессіи (1, 2, 4, 8, 16); средства же продовольствія увеличиваются никакъ не болѣе, чѣмъ въ прогрессіи ариѳметической (1, 2, 3, 4, 5). Это несоотвѣтствіе ведетъ къ тому, что черезъ нѣсколько поколѣній цифры обоихъ рядовъ должны рѣзко разниться другъ отъ друга. Мы не наблюдаемъ этого потому, что естественное возрастаніе населенія постоянно наталкивается на преграды; размноженіе людей всегда или искусственно, или насильственно низводится къ уровню средствъ продовольствія. Препятствія могутъ быть сведены къ двумъ классамъ: пресѣкающія дѣйствія самой природы или безнравственные поступки людей съ одной стороны и предусмотрительность и осторожность человѣка съ другой. Природа задерживаетъ чрезмѣрно быстрое возрастаніе населенія посредствомъ повальныхъ болѣзней и смерти отъ голода. Войны, уничтоженіе дѣтей, стариковъ, противоестественные пороки, проституція—вотъ дѣйствія людей, которыя ставятъ преграды слишкомъ быстрому размноженію въ цивилизованныхъ обществахъ и еще болѣе у дикихъ народовъ. Разумными предупредительными мѣрами служатъ воздержаніе отъ слишкомъ ранняго вступленія въ бракъ, воздержаніе отъ внѣбрачныхъ половыхъ сношеній, воспроизведеніе въ бракѣ лишь такого числа дѣтей, какое соотвѣтствуетъ имущественнымъ средствамъ родителей. Результаты изслѣдованія Мальтуса выражаются въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) число людей необходимо ограничивается запасомъ средствъ продовольствія; 2) число людей необходимо увеличивается, какъ скоро возрастаетъ запасъ средствъ продовольствія; 3) преграды, которыя парализуютъ производительную силу человѣческаго рода и заставляютъ се приноравливаться къ существующимъ средствамъ продовольствія, могутъ быть сведены къ нравственному воздержанію, пороку и нищетѣ. Мальтусъ подкрѣпляетъ эти положенія многочисленными примѣрами изъ исторіи древнихъ и новыхъ народовъ. Въ послѣднихъ главахъ своей книги Мальтусъ дѣлаетъ практическіе выводы. Онъ признаетъ безполезными или даже вредными всѣ мѣры, которыя принимаетъ государство, дабы содѣйствовать росту населенія. Особенно вредны законы о бѣдныхъ, упорядочивающіе общественное призрѣніе: они слагаютъ съ бѣдняковъ обязанность заботиться о потомствѣ и цѣликомъ переносятъ на общество это бремя; все это только обостряетъ нужду вмѣсто того, чтобы исцѣлять ее. Сама природа позаботилась о достаточномъ населеніи,

соотвѣтствующемъ запасу средствъ продовольствія. Государству предстоитъ только благоразумными мѣрами удерживать отъ слишкомъ легкомысленнаго заключенія брака, отмѣнить общественное призрѣніе и предоставить исключительно частной благотворительности попеченіе о нуждающихся. Главнымъ же средствомъ противодѣйствія легкомысленнымъ бракамъ служитъ распространеніе здравыхъ принциповъ въ массѣ населенія. Вотъ слова самого Мальтуса. «Если защищаемые мною принципы ошибочны, то я желаю отъ всей души, чтобы они были рѣшительно опровергнуты; но если они вѣрны, то, по огромному значенію ихъ для благоденствія человѣческихъ обществъ, невозможно, чтобы они когда-нибудь не пробились на свѣтъ, и не разлились всюду, встрѣтятъ ли они или не встрѣтятъ содѣйствіе для своего распространенія. Что касается до вліянія ихъ на высшіе и средніе классы, то я надѣюсь, они направятъ по вѣрнѣйшему пути ихъ усилія къ облегченію положенія бѣднаго, и укажутъ имъ, что́ они въ состояніи сдѣлать въ этомъ отношеніи, и что находится внѣ ихъ власти; они убѣдятъ ихъ, что можно сдѣлать много добра распространеніемъ здравыхъ понятій и прочнаго образованія, поощреніемъ и вызовомъ привычекъ къ опрятности, случайнымъ и разборчивымъ вспомоществованіемъ, словомъ, всѣми благотворительными мѣрами, поддерживающими предупредительныя препятствія; но безъ этого послѣдняго условія, всякая польза на какую они надѣются, будетъ мечтательна, а всѣ ихъ усилія окажутся безплодными. Воображать, что въ государствѣ старомъ и густонаселенномъ можно оказать такое пособіе, чтобы они могли вступать въ бракъ, когда имъ вздумается, и воспитывать многочисленное семейство, есть дѣло физически невозможное. Знакомство съ этими истинами удержитъ богатыхъ людей отъ разрушенія благодѣтельныхъ результатовъ собственныхъ усилій и отъ направленія своей дѣятельности къ безусловно недоступной цѣли: а потому, оно сосредоточитъ все ихъ вниманіе на предметахъ, согласныхъ съ ихъ благими желаніями, и дастъ имъ возможность принести больше пользы. Всеобщее распространеніе тѣхъ же истинъ между бѣдными окажетъ еще болѣе благотворное вліяніе. *Главная непрерывная причина бѣдности мало или вовсе не зависитъ отъ образа правленія, или отъ неравномѣрнаго распредѣленія имуществъ,—богатые не въ силахъ доставить бѣднымъ работу и пропитаніе;—поэтому бѣдные по самой сущности вещей, не имѣютъ права требовать отъ нихъ работы и пропитанія*: вотъ какія важныя истины вытекаютъ изъ закона народонаселенія. Ясно изложенный законъ этотъ доступенъ самому слабому пониманію. Но очевидно, что между низшими классами народа

всякій, разъ убѣдившійся въ этихъ истинахъ, высказалъ бы больше терпѣнія въ перенесеніи тягостнаго положенія, въ которомъ онъ можетъ очутиться. Бѣдность не вызывала бы въ немъ такого негодованія и злобы противъ правительства и высшихъ классовъ. Мы не встрѣчали бы въ немъ постоянную готовность къ неповиновенію и мятежу. Въ случаѣ вспомоществованія, со стороны ли общественнаго учрежденія, или со стороны частной благотворительности, онъ чувствовалъ бы больше признательности и лучше цѣнилъ бы его» [2]).

Ученіе Мальтуса нашло очень много послѣдователей среди экомистовъ: таково большинство представителей классической школы до нашихъ дней. Оно не осталась безъ вліянія и на законодательство. Въ Англіи реформа законодательства о бѣдныхъ, проведенная въ 1834 году, была во многихъ отношеніяхъ выполнена согласно съ указаніями Мальтуса. Особенно замѣтный слѣдъ оставило ученіе Мальтуса въ законодательствѣ Германіи: во многихъ государствахъ средней и южной Германіи были не только отмѣнены мѣры, которыми законъ поощрялъ вступленіе въ бракъ и размноженіе, но стали на прямо противуположную точку зрѣнія. Съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣнія отъ вступающихъ въ бракъ начали требовать достиженія извѣстнаго возраста, доказательства владѣнія нѣкоторымъ имуществомъ или источникомъ опредѣленнаго заработка. Уменьшенное число браковъ и возросшее число незаконныхъ рожденій—таковы были ближайшія слѣдствія этихъ мѣропріятій.

Въ 70-хъ годахъ въ Англіи началось усиленное движеніе, которое принято называть ново-мальтузіанскимъ. Основанная въ Лондонѣ мальтузіанская лига имѣетъ свой печатный органъ, энергически проповѣдуетъ ученіе Мальтуса и стремится полно и всесторонне обсуждать вопросъ о населеніи. Вѣрная завѣтамъ Мальтуса, лига настойчиво проводитъ ту мысль, что хотя безбрачное состояніе способствуетъ распутству, а раннее вступленіе въ бракъ охраняетъ чистоту нравовъ, однако, какъ мужчины, такъ и женщины должны твердо помнить, что они совершаютъ тяжкое преступленіе, если производятъ на свѣтъ больше дѣтей, нежели могутъ содержать. По мнѣнію крайнихъ представителей ново-мальтузіанства, есть только одно вѣрное средство для правильнаго рѣшенія вопроса о населеніи: принятіе мѣръ, предупреждающихъ зачатіе, т.-е. созданіе искусственной преграды размноженію. Глава крайнихъ ново-мальтузіанцевъ Драйсдаль такъ говорилъ на международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Амстердамѣ (1879 г.): «безъ этого коренного средства всякія мѣры лишены значенія; всѣ иныя средства приносятъ въ

жертву половыя наслажденія; было бы иллюзіей думать, что люди согласятся на это» [3]).

Ученіе Мальтуса было встрѣчено враждебно со стороны многихъ писателей.

На него напали богословы, оптимистическому воззрѣнію которыхъ книга Мальтуса представляетъ рѣзкій контрастъ. Если Мальтусъ правъ, говорили эти критики, то ошибоченъ весь планъ мірозданія: людямъ повелѣно плодиться, множиться и населять землю, а ученіе Мальтуса во многихъ случаяхъ осуждаетъ бракъ, запрещаетъ бѣднякамъ вступать въ бракъ и дѣлаетъ семейную жизнь привилегіей богатыхъ и т. д.

Критика, въ лицѣ многихъ представителей, придиралась къ ариѳметической и геометрической прогрессіямъ Мальтуса и тѣмъ обнаружила свою слабую сторону—воевать съ мелочами, подробностями ученія и не касаться существа дѣла. Конечно, обѣ прогрессіи не даютъ права установить законъ (и самъ Мальтусъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что далекъ отъ мысли считать прогрессіи точнымъ выраженіемъ дѣйствительности). Оцѣнивая прогрессіи, можно признать первую очень близко отражающею дѣйствительность: населеніе возрастаетъ въ нѣкоторыхъ странахъ такъ быстро (особенно въ колоніяхъ), что увеличеніе въ геометрической прогрессіи должно быть признано весьма вѣроятнымъ. Вторая прогрессія— ариѳметическая — вызываетъ серьезныя сомнѣнія. Возрастаніе средствъ продовольствія зависитъ отъ дѣйствія причинъ, которыя не поддаются и приблизительно точному учету: трудолюбіе человѣка, успѣхи знанія и промышленныхъ искусствъ, открытіе новыхъ естественныхъ богатствъ—все это условія, которыя не могутъ быть заранѣе опредѣлены сколько-нибудь точно; все это условія, которыя въ однихъ случаяхъ позволяютъ средствамъ продовольствія возрастать въ ариѳметической прогрессіи, а въ другихъ—гораздо болѣе быстро.

Къ такимъ же результатамъ приводитъ и охотно поднимаемый споръ о періодѣ удвоенія населенія. Удвоивается ли населеніе, согласно съ мнѣніемъ Мальтуса, въ 25 лѣтъ, если не встрѣчается препятствій, или не такъ быстро,—это не имѣетъ рѣшающаго значенія для поставленнаго вопроса. Американскія и австралійскія колоніи представляютъ намъ данныя, весьма близкія къ 25-лѣтнему періоду удвоенія. Въ Европѣ мы не находимъ такихъ данныхъ. Однако, такой періодъ удвоенія не представляетъ ничего невозможнаго: 45 рожденій и 17 смертей на 1000 живущихъ — вотъ приблизительный ритмъ движенія населенія, при которомъ число жителей можетъ удвоиваться каждые 25 лѣтъ.

Гораздо болѣе вѣски возраженія крупныхъ представителей соціализма, въ особенности, Маркса и Энгельса. Они приводятъ ученіе Мальтуса въ неразрывную связь съ характеромъ современнаго общественнаго порядка, съ правомъ частной собственности на орудія производства. Каждый строй производства имѣетъ, по словамъ Маркса, свой особый, ему одному присущій законъ населенія. Законъ Мальтуса соотвѣтствуетъ современному капиталистическому строю. Онъ явится абсурдомъ, если бы мы вздумали распространить его на общественный бытъ дикарей или на жизнь колоній, основанныхъ выходцами изъ культурныхъ странъ. По мнѣнію Маркса, только коренное преобразованіе общественнаго строя можетъ уничтожить бѣдствія, проистекающія изъ слишкомъ сильнаго размноженія людей. Энгельсъ приходитъ въ сильное негодованіе отъ ученія Мальтуса; онъ называетъ его «отвратительной теоріей, клеветой на природу и человѣчество». Такъ какъ каждый взрослый человѣкъ, по мнѣнію Энгельса, больше производитъ, чѣмъ потребляетъ, то чрезмѣрное населеніе станетъ невозможно, разъ получитъ господство такой общественный порядокъ, при которомъ будетъ большая равномѣрность въ распредѣленіи богатствъ. Къ соціалистамъ, которые возстаютъ противъ Мальтуса, нужно отнести и Джорджа. «Я утверждаю, говоритъ онъ, что при всякомъ состояніи цивилизаціи большее число людей можетъ быть лучше обезпечено, нежели меньшее. Я утверждаю, что причиною нищеты, которую господствующая теорія приписываетъ чрезмѣрному населенію, служитъ несправедливость общества, а не скудость природы. Я утверждаю, что новые рты, которые появляются на свѣтъ съ возростающимъ населеніемъ, требуютъ не больше пищи, нежели старые, а новыя руки, которыя они приносятъ съ собою, производятъ больше... Я утверждаю, что въ состояніи равенства размноженіе людей всегда способствовало бы тому, чтобы дѣлать каждаго богаче, а не бѣднѣе» [4]).

Многіе противники Мальтуса исходятъ изъ соображеній о физіологической природѣ человѣка. Таковъ прежде всего Фурье. Строй фаланстерій, въ который онъ хочетъ преобразовать человѣческое общество, будетъ такъ воздѣйствовать на физіологическую природу людей, что чрезмѣрное размноженіе станетъ невозможно. Обильная пища въ *Новомъ мірѣ* Фурье, равномѣрное упражненіе всѣхъ частей тѣла, свободныя отношенія между полами—все это будетъ ослаблять производительную силу женщинъ. Однородными соображеніями руководствуется и Кэри при своей полемикѣ съ Мальтусомъ. Обозрѣвая различныя группы въ мірѣ животныхъ, Кэри установляетъ опредѣленное отношеніе между нервной и по-

ловой функціями. Мельчайшія насѣкомыя и черви кладутъ ежедневно десятки и сотни тысячъ яицъ; а акула производитъ очень немного; пресмыкающіяся размножаются умѣренно быстро; а высшія млекопитающія отличаются очень слабою плодовитостью. Воспроизводительная способность человѣка, подобно тому, какъ и многія другія его свойства, не можетъ быть признана постоянной величиной. Если человѣкъ спускается до уровня животнаго, то его воспроизводительная способность можетъ быть искусственно увеличена; но она уменьшается, разъ человѣкъ упражняетъ всѣ свои силы. На высокой ступени общественнаго развитія уменьшается затрата мышечной силы людей и нужно все меньшее количество пищи, дабы восполнять убыль вещества. Природа помогаетъ человѣку въ этомъ направленіи: жизненная сила людей все болѣе возрастаетъ въ смыслѣ дальнѣйшаго укрѣпленія мыслительной способности и все меньше—въ смыслѣ размноженія. Истинные успѣхи людей по пути цивилизаціи выражаются въ томъ, что все болѣе возрастаетъ способность людей производить запасы пищи и въ то же время уменьшается запросъ на пищу каждаго человѣка, уменьшается и стремленіе къ разможенію. Ученіе Спенсера о населеніи отличается наибольшею стройностью. Онъ не отрицаетъ возможности чрезмѣрнаго населенія для настоящаго времени, но не допускаетъ, чтобы въ будущемъ такое состояніе было продолжительно. Онъ находитъ постоянный антагонизмъ между развитіемъ индивидуума и размноженіемъ. Если, говоритъ онъ, разумѣть подъ развитіемъ индивида всѣ процессы, посредствомъ которыхъ совершенствуется личная жизнь, а къ понятію о размноженіи относить всѣ процессы, которые способствуютъ образованію новыхъ индивидовъ, то не трудно будетъ признать коренную противоположность этихъ процессовъ. При неизмѣнности окружающихъ условій, климата, пищи, враговъ — высшая ступень индивидуальнаго развитія влечетъ за собою низшую степень размноженія рода и наоборотъ: успѣхъ въ ростѣ, въ сложности строенія, въ подвижности связаны съ попятнымъ движеніемъ въ плодовитости; успѣхи же въ плодовитости совершаются одновременно съ попятнымъ движеніемъ въ ростѣ и сложности строенія. Матеріалъ, который необходимъ для развитія личности, не можетъ быть затрачиваемъ на размноженіе; а воспроизводительная дѣятельность уменьшаетъ матеріалъ, который можетъ быть употребленъ на усовершенствованіе личности. Основываясь на этомъ, Спенсеръ установляетъ слѣдующія положенія. Чѣмъ мельче организмы, чѣмъ меньше употребляется матеріала для развитія личности, тѣмъ большею онъ обладаетъ воспроизводительною силой; чѣмъ менѣе сложенъ и менѣе дифференци-

рованъ организмъ, тѣмъ болѣе велика его плодовитость; чѣмъ менѣе подвижно и дѣятельно животное, тѣмъ болѣе оно плодовито. Таковы законы размноженія животныхъ; отсюда Спенсеръ выводитъ и законы, которыми опредѣляется размноженіе людей. При высокой цивилизаціи можетъ быть добыта пища для большаго числа людей, нежели при низкой. Однако, чѣмъ болѣе возрастаетъ населеніе, тѣмъ большаго напряженія духовныхъ силъ требуетъ борьба за существованіе. Цивилизація уничтожаетъ многія опасности, которыя грозятъ людямъ: опасность со стороны дикихъ звѣрей, опасность со стороны воинственныхъ племенъ; но въ то же время цивилизація создаетъ другую опасность, — недостатокъ въ средствахъ продовольствія. Вслѣдствіе этой опасности все болѣе возрастаетъ потребность въ ловкости и разумности людей; эти качества безостановочно упражняются и возрастаютъ. Приложеніе науки и искусства къ промышленности есть не что иное, какъ затрата большаго количества умственныхъ силъ, для удовлетворенія нашихъ потребностей; она въ свою очередь служитъ условіемъ дальнѣйшаго успѣха нашихъ умственныхъ силъ. Нѣтъ основанія, по мнѣнію Спенсера, думать, что въ будущемъ мышечная сила человѣка возрастетъ; гораздо болѣе вѣроятно дальнѣйшее развитіе духовныхъ способностей. Вслѣдствіе естественнаго подбора качества наиболѣе выдающихся индивидуумовъ будутъ переходить на потомковъ; нервная система будетъ все больше развиваться, а воспроизводительная сила ослабѣвать. Такой процессъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока каждая пара не будетъ производить больше 2 дѣтей; вѣроятно, въ будущемъ среднее число дѣтей на семью будетъ 2—3. Конечнымъ пунктомъ этого движенія будетъ наступленіе такого порядка, при которомъ продолжительность жизни будетъ наиболѣе велика, а число рожденій и смертей наименѣе значительно [5]).

Къ перечисленнымъ противникамъ Мальтуса,—всѣ они дѣлаютъ ему возраженія болѣе или менѣе общаго характера,—слѣдуетъ пріобщить Задлера, англійскаго писателя первой трети нынѣшняго вѣка. Онъ нападаетъ на Мальтуса, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія ариѳметической и геометрической прогрессій, которыя установилъ авторъ *Опыта о законѣ народонаселенія*. Производительная сила земли, по мнѣнію Задлера, почти безгранично велика; трудно составить себѣ даже слабое понятіе о томъ количествѣ средствъ продовольствія, которое она можетъ произвести. Къ этому Задлеръ добавляетъ теорію, которую, впрочемъ не доказываетъ, что плодовитость людей ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается населеніе.

Книга Мальтуса вызвала столь обширную литературу, что заняло бы слишкомъ много мѣста ознакомленіе со всѣми оттѣнками мнѣній, которыя были высказаны какъ въ защиту его теоріи, такъ и въ опроверженіе его доводовъ. Въ массѣ того, что было высказано, наибольшую важность представляютъ выводы, которые опираются на предположеніе о весьма вѣроятныхъ перемѣнахъ въ физіологическихъ особенностяхъ человѣка. Многіе писатели негодуютъ на Мальтуса за его черствое отношеніе къ человѣчеству, за чувство удовлетворенности, которое вызываетъ въ немъ современный порядокъ вещей, за полное воздержаніе отъ критики этого порядка, за готовность примириться съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ и за оправданіе эгоистическаго начала, которое господствуетъ въ нашемъ обществѣ. Это негодованіе умѣстно. Слѣдуетъ смягчать его, какъ скоро (такимъ пріемомъ пользуются многіе противники Мальтуса) негодованіе переходитъ въ заподозрѣваніе, какъ скоро высказываютъ догадку, будто Мальтусъ, созидая свою теорію, руководствовался соображеніями о личныхъ выгодахъ, хотѣлъ подслужиться къ господствующей партіи. Все, что намъ извѣстно о жизни Мальтуса, не даетъ права на такое заподозрѣваніе: въ своихъ научныхъ трудахъ онъ руководствовался только стремленіемъ къ знанію, къ возможно болѣе полному и многостороннему освѣщенію изучаемыхъ фактовъ. Сколько бы, поэтому, ни было въ его книгѣ ошибокъ, — всѣ онѣ должны быть приписаны особенностямъ его мышленія, родомъ матеріала, которымъ онъ располагалъ, наконецъ, неумѣньемъ отрѣшиться отъ умственныхъ привычекъ, которыя укрѣпляли въ немъ условія англійской общественной жизни. Не слѣдуетъ объяснять своекорыстіемъ, желаніемъ кому-то угодить и другими низкими побужденіями, хотя бы одну страницу его книги.

Осуждая заподозрѣваніе относительно Мальтуса, мы, однако, вполнѣ одобряемъ нападки, насколько ихъ предметомъ служитъ недостатокъ критическаго отношенія къ устоямъ современнаго общества. Порицая этотъ крупный недостатокъ ума Мальтуса, названные нами писатели во многомъ способствуютъ освѣщенію вопроса о возможности обезпечить человѣчество въ будущемъ средствами продовольствія. Слѣдуетъ присоединиться къ положенію, что каждый періодъ въ исторіи народнаго хозяйства имѣетъ не особые законы размноженія людей, но особыя, ему одному свойственныя условія, которыя вліяютъ на ростъ населенія. Крайне малая производительность труда среди народовъ, занимающихъ низшія ступени гражданственности, служитъ причиною того, что общественный строй не можетъ обезпечить отъ вымира-

нія не только цѣлыя семьи или группы семей, но даже цѣлыя племена. Въ этомъ періодѣ власть стихійныхъ бѣдствій надъ людьми очень велика; голодъ и болѣзни производятъ опустошенія, о которыхъ нельзя составить себѣ слабое понятіе, по размѣрамъ, какими ограничиваются эти бѣдствія въ европейско-американскомъ мірѣ. Современный экономическій строй также имѣетъ своеобразныя условія, которыя могущественно дѣйствуютъ на ростъ населенія. Право частной собственности дало отдѣльнымъ лицамъ господство надъ неограниченно большими массами веществъ, созданныхъ природой. Этому праву соотвѣтствуютъ обязанности, налагаемыя государственной властью. Однако, размѣры обязанностей далеко не соотвѣтствуютъ объему правъ, которыя доставляетъ человѣку частная собственность на вещи. Говоря объ обязанностяхъ, которыя налагаетъ на людей право частной собственности, мы имѣемъ въ виду расходы, связанные съ государственнымъ управленіемъ. Для покрытія этихъ расходовъ собираются матеріальныя средства посредствомъ налоговъ. Граждане, владѣющіе большими имуществами, уплачиваютъ, абсолютно, значительныя суммы налоговъ; однако, эти суммы составляютъ относительно только небольшую часть крупныхъ имуществъ, 10 и никакъ не выше 15% дохода. Не забудемъ, однако, что очень крупная доля этихъ налоговъ затрачивается на огражденіе имущества: предупрежденіе и наказаніе преступленій противъ собственности, платежи процентовъ по государственнымъ долгамъ или на отрасли управленія, которыя, поднимая цѣнность земли и облегчая основаніе промышленныхъ предпріятій—пути сообщенія, каналы, пристани,—прежде всего способствуютъ быстрому росту крупныхъ состояній. Припомнивъ все это, мы должны будемъ сказать, что только небольшая часть податей, облагающихъ имущества и доходы, имѣетъ общее значеніе и служитъ къ поднятію благосостоянія многочисленныхъ массъ; такое назначеніе получаютъ какіе-нибудь 5% многотысячныхъ и милліонныхъ доходовъ. Главная же часть доходовъ затрачивается собственниками по произволу, а потому и легко создается избыточное населеніе, которое составляетъ характерную особенность современнаго хозяйственнаго быта и которое Мальтусъ ошибочно призналъ закономъ человѣческой природы.

Выше, особенно въ главахъ о заработной платѣ и о хозяйственныхъ кризисахъ, мы изложили процессъ, посредствомъ котораго производится избыточное населеніе. Скажемъ для болѣе полной характеристики, что государственная власть остается почти равнодушною зрительницею этого процесса и въ самыхъ малыхъ размѣрахъ — они обыкновенно не идутъ дальше опытовъ — пользуется

средствами, которыя замедляютъ это теченіе. 1) Законодательству европейско-американскаго міра неизвѣстны нормы, которыя хотя въ малой мѣрѣ затрудняли бы сосредоточеніе огромныхъ имуществъ въ собственности отдѣльныхъ лицъ. Напротивъ, удержавшіеся въ нѣкоторыхъ странахъ законы или обычаи, надѣляющіе старшихъ въ родѣ особыми, исключительными правами, еще болѣе усиливаютъ процессъ скопленія имуществъ въ собственности немногихъ, т.-е., облегчаютъ движеніе, которое совершается подъ вліяніемъ развитія техники. 2) Съ такимъ равнодушнымъ отношеніемъ законодательства къ свободному соперничеству легко уживаются разнообразныя, но мелкія и слабыя поправки, которыя, незадерживая этого процесса, только формально заглаживаютъ ущербъ, наносимый слабѣйшимъ членамъ общества: этой цѣли служатъ различныя хозяйственныя и культурныя учрежденія, создаваемыя въ интересахъ бѣдныхъ классовъ. Одни изъ нихъ наполняютъ обширную область общественнаго призрѣнія: пріюты, богадѣльни, больницы для бѣднѣйшихъ, учебныя и иныя заведенія. Другія учрежденія этого рода основываются на хозяйственномъ началѣ, на обмѣнѣ услугъ: дешевыя жилища, столовыя, купальни. Всѣ эти учрежденія доставляютъ нѣкоторыя удобства небольшому числу бѣдныхъ людей, но служатъ очень слабыми, почти незамѣтными поправками къ господствующимъ условіямъ хозяйственнаго быта. Можно съ полнымъ правомъ строго осудить Мальтуса за то, что онъ не обратилъ на условія общественной жизни вниманія, котораго они заслуживаютъ, и не обнаружилъ среди нихъ причинъ, которыя затрудняютъ многочисленнымъ массамъ пріобрѣтеніе достаточныхъ средствъ продовольствія. Отмѣтимъ здѣсь же одно изъ самыхъ крупныхъ заблужденій въ книгѣ Мальтуса,—нападки на благотворительность и упорно отстаиваемую мысль, будто бы англійскіе законы объ общественномъ призрѣніи ведутъ къ необдуманному вступленію въ бракъ и произведенію потомства, быть можетъ, осужденнаго увеличивать ряды пролетаріевъ. Мы воздержимся отъ подробной оцѣнки частной благотворительности и системъ общественнаго призрѣнія и спросимъ себя, можетъ ли такой, сравнительно, маловажный фактъ, какъ система призрѣнія бѣдныхъ, быть въ однихъ случаяхъ причиной необдуманныхъ браковъ и быстраго размноженія людей, а въ другихъ—поддерживать благоразуміе и препятствовать чрезмѣрному росту населенія. Кандидатами на полученіе пособій отъ приходовъ и общинъ служатъ члены бѣднѣйшихъ и наименѣе просвѣщенныхъ классовъ, которымъ часто вовсе незнакомо благоразумное отношеніе къ семейному союзу. Если они, въ случаѣ безработицы, получаютъ

вспомоществованіе, предназначенное бѣднымъ, то могутъ разсчитывать лишь на то, что крайне необходимо для поддержанія жизни. Тамъ, гдѣ нѣтъ организованнаго общественнаго призрѣнія, эти люди, въ случаѣ безработицы, разсчитываютъ на частную благотворительность, надѣются, что она не дастъ имъ умереть съ голоду. Пока они имѣютъ занятіе, ихъ ободряетъ надежда, что этотъ заработокъ будетъ всегда имъ доступенъ и что имъ никогда не придется страдать отъ недостатка работы. Гдѣ же періодъ въ жизни этихъ людей, когда бы они, чувствуя свою необезпеченность, были на столько лишены надежды улучшить свой бытъ, что были бы готовы воздерживаться отъ заключенія брака? Усвоивъ привычный имъ образъ мыслей, мы должны сказать, что, субъективно, огромное большинство этихъ людей, быть можетъ, всѣ они, не имѣютъ въ своей жизни условій, которыя необходимо удерживали бы ихъ отъ легкомысленныхъ браковъ. И объективно въ жизни большинства этихъ людей нельзя найти періодъ, когда бы Мальтусъ и его послѣдователи согласились признать своевременнымъ заключеніе брака. Если работникъ достаточно искусенъ въ своемъ спеціальномъ занятіи, если онъ трезвъ и трудолюбивъ, и тогда онъ не можетъ поручиться, что сохранитъ за собою работу въ теченіе даже ближайшихъ 6 мѣсяцевъ, не говоря уже о болѣе продолжительномъ срокѣ: кризисы, поражая промышленность новаго времени, не даютъ этой увѣренности; равнымъ образомъ они не позволяютъ предсказать, что работникъ, лишившійся занятія, снова найдетъ его чрезъ столько-то недѣль или мѣсяцевъ. А потому, занятія огромной массы бѣднѣйшихъ людей не представляютъ прочности; слѣдуя Мальтусу, никогда нельзя одобрить заключеніе ими брака. Все, сказанное о работникахъ, можетъ быть примѣнено и къ большинству мелкихъ поселянъ въ государствахъ Европы. Кто владѣетъ 1 десятиной земли и производитъ продукты, составляющіе предметъ международнаго торга, тотъ не можетъ быть увѣренъ даже въ самомъ близкомъ будущемъ: если его хозяйство достигло высокой степени интензивности и десятина даетъ нѣсколько сотъ рублей ежегоднаго дохода, то соперничество внѣ-европейскихъ странъ можетъ понизить цѣны и на 20—30—50% уменьшить доходы мелкаго землевладѣльца. Если же признать благоразумнымъ со стороны этихъ людей заключеніе брака лишь въ то время, когда они успѣли накопить значительные вклады въ сберегательныхъ кассахъ, то поставимъ ихъ семейную жизнь въ зависимость отъ условія, которое должно быть признано почти неосуществимымъ: извѣстно, что даже въ странахъ, гдѣ народныя сбереженія особенно значительны, вклады семей бѣднѣй-

шихъ классовъ выручаютъ въ крайней нуждѣ, но не даютъ постояннаго и прочнаго обезпеченія. Слѣдовательно, большинство жителей любой страны находится въ такихъ условіяхъ, что должно быть удерживаемо отъ заключенія брака.—Можно ли, въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, утверждать, что принудительно организованное общественное призрѣніе способствуетъ легкомысленному основанію семьи? Вѣдь, люди, живущіе на общественный счетъ, не представляютъ особаго класса, рѣзко отграниченнаго отъ бѣднѣйшихъ слоевъ даннаго народа. На-ряду съ больными и увѣчными, мы находимъ здѣсь также членовъ рабочихъ классовъ, сельскаго, фабричнаго и ремесленнаго, находимъ людей, бывшихъ нѣкогда мелкими поселянами-собственниками или арендаторами участковъ земли, мы находимъ здѣсь людей, которые были раньше въ положеніи, не довольно прочномъ, но жили трудами своихъ рукъ и, по свойству человѣческой души, разсчитывали на улучшеніе своей доли. Найдутся люди, которые охотно принимаютъ пособія отъ общества или частныхъ благотворителей. Но большинство тяготится этимъ и только по необходимости обращается къ приходу съ просьбою о помощи. Еслибы система общественнаго призрѣнія имѣла то вліяніе, которое приписываетъ ей Мальтусъ, то мы должны были бы найти особенно ранніе браки и наибольшую рождаемость въ Англіи, странѣ, которая имѣетъ уже въ теченіе трехъ столѣтій организованное общественное призрѣніе. Однако, среди европейскихъ государствъ, Англія, по числу заключаемыхъ браковъ, уступаетъ Россіи, Венгріи, Сербіи, Румыніи, странамъ, которыя вовсе не имѣютъ правильной системы общественнаго призрѣнія. Ирландія, подобно Англіи, имѣетъ организованное общественное призрѣніе, однако, въ первой заключается ежегодно 4,4 брака на 1000 живущихъ, тогда какъ во второй—8,3. И, вообще, въ Ирландіи мы находимъ, среди всѣхъ европейскихъ странъ, наименьшее относительное число браковъ. Одно изъ двухъ: или въ Ирландіи благоразуміе населенія такъ велико, что его не расшатываетъ даже общественное призрѣніе, что не доказано, или послѣднее вовсе не имѣетъ того значенія, которое старается придать ему Мальтусъ. Утвержденіе Мальтуса становится еще менѣе убѣдительнымъ, если просмотримъ цифры рождаемости. Казалось бы, что Англія должна занимать одно изъ первыхъ мѣстъ по относительному числу рожденій, однако, она занимаетъ между европейскими государствами 14-ое мѣсто; по рождаемости—31,4 на 1000 живущихъ въ годъ—она уступаетъ государствамъ даже съ такимъ привыкшимъ къ благоразумію населеніемъ, какъ Норвегія

и Голландія, рождаемость которыхъ (33,5 и 32,9 на 1000) значительно превосходитъ рождаемость въ Англіи.

Ошибка Мальтуса въ оцѣнкѣ системы общественнаго призрѣнія требуетъ дальнѣйшаго замѣчанія. Упорный, болѣзненный консерватизмъ побуждаетъ его оцѣнивать общественное призрѣніе только на основаніи тѣхъ фактовъ, которые давала ему англійская жизнь, безъ всякаго вопроса о томъ, не можетъ ли система обязательнаго общественнаго призрѣнія принять болѣе цѣлесообразную форму, нежели ту, которая сложилась въ Великобританіи. Онъ видѣлъ передъ собою рабочіе дома «въ Лондонѣ и другихъ мѣстахъ, куда множество семействъ, умиравшихъ съ голода, отказывались обратиться, вслѣдствіе ихъ тѣсноты, нездоровости и, вообще, ужаснаго состоянія» [6]). Онъ видѣлъ, что въ этихъ рабочихъ домахъ, дабы какънибудь наполнить время обитателей, дѣлаютъ щетки, метелки и другія вещи; онъ понималъ, что онѣ, уже вслѣдствіе простоты этихъ ремеслъ, возможности заниматься ими безъ всякаго обученія, могутъ явиться на рынокъ въ количествѣ, далеко превосходящемъ запросъ, могутъ понижать цѣны и дѣлать призрѣваемыхъ бѣдныхъ опасными соперниками рабочихъ въ этихъ немудреныхъ промыслахъ. И, вотъ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ цитируетъ слова современныхъ ему писателей де-Фое и Эдена. «Милостыня не есть милосердіе. На каждый мотокъ нитокъ, ссученный бѣдными дѣтьми прихода, непремѣнно приходится ссучить однимъ моткомъ меньше какомунибудь бѣдному семейству. На каждый кусокъ фланели, приготовляемый въ лондонскихъ рабочихъ домахъ, приготовляется кускомъ меньше въ Кольчестерѣ или въ другомъ мѣстѣ. Будутъ ли выходить щетки и метелки изъ дѣтской приходской фабрики или изъ мастерской самостоятельныхъ работниковъ, ихъ не можетъ быть продано болѣе, чѣмъ сколько требуется обществомъ» [7]). Занятіе призрѣваемыхъ этими маловажными работами объясняется неудовлетворительной организаціей общественнаго призрѣнія, нежеланіемъ и неумѣніемъ вдуматься въ дѣло и ввести среди призрѣваемыхъ работы, направленныя, преимущественно, на добываніе сырыхъ матеріаловъ, а потому и имѣющія бо̀льшее хозяйственное значеніе: таковы всѣ отрасли земледѣльческаго труда. Видя въ рабочихъ домахъ незначительныя отрасли обработывающей промышленности, изготовленіе щетокъ, метелокъ, корзинокъ, которое получаетъ въ свое вѣдѣніе извѣстное количество уже существующихъ матеріаловъ, Мальтусъ въ извѣстной степени правъ, когда утверждаетъ, что вещи, приготовленныя въ рабочихъ домахъ, уменьшаютъ запасы, на которыхъ можетъ быть построена промышленность фабрикъ и заводовъ. Отрѣшись онъ отъ предразсудка,

будто виды работъ, которыми занимаются въ Англіи призрѣваемые, подобраны наиболѣе цѣлесообразно, онъ пришелъ бы къ убѣжденію, что трудъ призрѣваемыхъ можетъ быть сведенъ къ цѣльной системѣ, обнимающей разныя отрасли добывающей и обработывающей промышленности, что при такомъ устроеніи всего дѣла призрѣваемые, мало-мальски способные къ труду, могутъ образовать внутри общества особую, законченную группу, производящую большую часть предметовъ необходимаго потребленія. При такой организаціи извѣстная часть призрѣваемыхъ производила бы сырой матеріалъ, а потому потеряло бы всякій смыслъ возраженіе, будто матеріалъ, переработываемый населеніемъ рабочихъ домовъ, съуживаетъ поле труда фабрикъ и заводовъ.

Но главную точку опоры тому положенію, что люди размножаются быстрѣе, нежели увеличивается запасъ средствъ продовольствія, даетъ увѣренность Мальтуса, что уже почти достигнуты высшіе предѣлы производительности труда. Онъ неоднократно высчитываетъ, что довольно 50-ти и даже 30-ти лѣтъ, дабы наличный запасъ средствъ продовольствія уже не могъ удовлетворить потребности возростающаго населенія. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего труда [8]), что Англія не можетъ прокормить безъ чрезвычайныхъ усилій въ два раза большее населеніе. Факты доказываютъ недостаточную прозорливость Мальтуса. Населеніе Соединеннаго Королевства опредѣлялось въ 1801 году цифрою около $16^1/_4$ милліоновъ, а въ 1892 году оно превышало 38 милліоновъ душъ, т.-е. возросло въ $2^1/_3$ раза. А теперь уровень потребностей англійскаго народа гораздо выше и средствъ къ удовлетворенію ихъ гораздо больше, нежели во время Мальтуса. И здѣсь, какъ по отношенію къ другимъ сторонамъ общественной жизни, Мальтусъ обнаруживаетъ недостаточную проницательность: всѣмъ извѣстно, насколько возросла производительность труда въ теченіе послѣдняго столѣтія. Есть, однако, факты, доказывающіе, что она и до сихъ поръ еще незначительна. Возьмемъ главную отрасль промышленности—земледѣліе. Въ Англіи средній урожай пшеницы составляетъ 13 четвертей съ 1 десятины. Допустимъ, что этотъ урожай очень высокъ. И что же! такой высокой производительности земледѣльческаго труда достигла горсть людей, $^1/_{50}$ часть населенія земного шара и на клочкѣ земли, который не обладаетъ особенно благопріятными условіями внѣшней природы и составляетъ безконечно малую частицу обитаемой площади земли. Цифры среднихъ урожаевъ въ наиболѣе богатыхъ и промышленныхъ странахъ доказываютъ, какъ много еще должно быть сдѣлано для того, чтобы производительность ихъ сельско-хозяйственнаго труда

поднялась на уровень, котораго уже достигла Англія. Какое обширное поле для успѣховъ земледѣльческой техники открыто еще предъ Россіей съ ея средними урожаями въ самъ — 3, самъ — 4, предъ Соединенными Штатами съ ихъ урожаями пшеницы въ самъ—6 и даже предъ Франціей, гдѣ пшеница не даетъ, въ среднемъ, болѣе 8 четвертей съ десятины. Эти цифры очень низки сравнительно со среднею величиной для Англіи, но какъ скромны англійскіе урожаи при сравненіи ихъ съ жатвами, которыя получаются въ единичныхъ благоустроенныхъ хозяйствахъ, гдѣ пшеница даетъ до 20 четвертей съ десятины и болѣе. Не забудемъ, однако, что наивысшіе и для настоящаго времени поразительные результаты получаются при очень слабомъ приложеніи науки къ земледѣльческому труду. Нельзя даже приблизительно указать предѣлы, которые могутъ быть достигнуты теоретическимъ знаніемъ силъ, дѣйствующихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, и самый прозорливый умъ не сможетъ намѣтить границы, у которыхъ остановится вліяніе теоретической мысли на производительность земледѣлія. Если, поэтому, нельзя согласиться съ Годвиномъ, что земной шаръ можетъ прокормить въ милліонъ разъ больше людей, нежели въ настоящее время, то можно съ полной увѣренностью возражать Мальтусу, что земля, съ дальнѣйшими успѣхами научной мысли, будетъ способна обезпечить благосостояніе многократно бо́льшему числу людей, чѣмъ теперь. Мы считаемъ чрезмѣрно населенными Бельгію и Саксонію съ ихъ 10 — 11,000 жителей на квадратную милю; мы говоримъ о ихъ населенности, имѣя въ виду степень производительности труда, которой достигли въ настоящее время нѣкоторые народы. Нѣтъ ничего удивительнаго, если наши потомки будутъ считать умѣренно населенными мѣста земного шара, обладающія, по крайней мѣрѣ, средне-благопріятными условіями внѣшней природы, при такой же населенности, какую имѣютъ нынѣ Бельгія и Саксонія.

Вотъ основанія, въ силу которыхъ мы рѣшительно отвергаемъ не только геометрическую и ариѳметическую прогрессіи Мальтуса— эту уступку сдѣлаетъ безъ большихъ колебаній и самъ Мальтусъ,— но и практическую важность для ближайшаго будущаго всего закона о населеніи. Мы утверждаемъ, что для цѣлаго ряда ближайшихъ поколѣній причиной чрезмѣрной населенности можетъ быть отнюдь не крайняя плодовитость людей и сравнительная скудость природы, а только несовершенство общественнаго порядка, недостаточная заботливость государственной власти о томъ, чтобы строй общественной жизни соотвѣтствовалъ выгодамъ многочисленныхъ и бѣднѣйшихъ классовъ народа.

Однако, можетъ наступить время, когда человѣчество используетъ всѣ силы природы, когда каждый клочекъ земли, до самыхъ отдаленныхъ приполярныхъ поясовъ сѣвернаго и южнаго полушарій, будетъ давать людямъ наибольшій запасъ пищи и другихъ сырыхъ матеріаловъ, какой онъ только способенъ производить. Возможно наступленіе времени, когда цѣлый рядъ крупныхъ и коренныхъ преобразованій измѣнятъ весь обликъ общественной жизни и приблизятъ народы къ тѣмъ идеальнымъ условіямъ, которыя издавна живутъ въ душахъ истинныхъ друзей человѣчества. Если тогда люди будутъ увеличиваться въ числѣ, [то наступитъ борьба за существованіе, которую Мальтусъ не считаетъ возможнымъ устранить или смягчить какими-либо общественными реформами даже въ недалекомъ будущемъ и которая, при условіяхъ, предположенныхъ нами, дѣйствительно не можетъ быть смягчена: извѣстная часть людей должна будетъ умереть отъ голода. Что предпринять, дабы и въ это время суровый законъ населенія не былъ причиной преждевременной смерти очень многихъ людей? Повидимому, можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ: благоразумное воздержаніе отъ брака и отъ произведенія потомства.

Такой отвѣтъ былъ бы слишкомъ шаблоннымъ. Не забудемъ, что, сопоставляя прогрессіи увеличенія средствъ продовольствія и умноженія людей, мы работаемъ надъ малоизвѣстными и неоднородными величинами. Мы вовсе не знаемъ быстроты, съ которою способны возростать запасы первыхъ, и мы знаемъ только высшіе предѣлы, въ которыхъ можетъ совершаться размноженіе людей. Если высшій извѣстный намъ урожай пшеницы равняется 30 четвертямъ на одной десятинѣ, то нѣтъ разумнаго основанія утверждать, чтобы дальнѣйшіе успѣхи знанія не могли поднять его до 50 четвертей. Высшій же предѣлъ второго процесса намъ извѣстенъ: его образуетъ число женщинъ, способныхъ къ дѣторожденію, періодъ, въ теченіе котораго совершается дѣторожденіе, и физіологически необходимые промежутки между двумя рожденіями. Зная число здоровыхъ женщинъ въ данной странѣ, зная распредѣленіе ихъ по возрастамъ, мы можемъ сказать безошибочно, на сколько можетъ возрости населеніе страны въ теченіе ближайшихъ 25-ти лѣтъ. Сравнивая эти оба процесса, мы замѣчаемъ между ними существенное различіе. Чѣмъ бо̀льшіе успѣхи дѣлаетъ знаніе, тѣмъ дальше отодвигаются границы, у которыхъ можно предсказать окончательную пріостановку въ ростѣ производительности труда: послѣ огромныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ естественными науками въ XIX вѣкѣ, высшій предѣлъ производительности труда представляется гораздо болѣе отдаленнымъ, нежели считали его въ началѣ

нынѣшняго столѣтія. Крайній предѣлъ возможнаго роста населенія не былъ достигнутъ нигдѣ, а наблюденія надъ народами европейско-американскаго міра обнаруживаютъ замедленіе этого процесса. Мы замѣчаемъ, что населеніе возростаетъ во многихъ государствахъ все болѣе медленно и что приростъ болѣе слабъ въ самыхъ промышленныхъ и культурныхъ странахъ. Для первыхъ трехъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка мы находимъ среднюю рождаемость въ Пруссіи по 40—44 на 1,000 жителей, а за послѣднее 30-лѣтіе (1860—90) по 37—40. Для Швеціи въ первыхъ десятилѣтіяхъ нынѣшняго вѣка рождаемость составляла 31,4—35,8 на 1,000 живущихъ, а за 30-лѣтіе 1860—90 годовъ—только 28,9—33,4. Для Бельгіи 30-хъ и 40-хъ годовъ мы имѣемъ рождаемость въ 32—33 на 1,000, а для 70-хъ и 80-хъ годовъ 29—31,8. Въ Швейцаріи она понизилась съ 30—31 въ 70-хъ годахъ до 27—28—въ 80-хъ. Франція представляетъ примѣръ послѣдовательнаго и правильнаго уменьшенія рождаемости: отъ 31,7—33,2 на 1,000 въ первые 20 лѣтъ нынѣшняго вѣка рождаемость падаетъ до 23,0—24,6 въ теченіе 80-хъ годовъ. Конечно, періодъ въ 50—70—90 лѣтъ, относительно которыхъ мы имѣемъ правильную статистику населенія, слишкомъ коротокъ, чтобы дѣлать какіе-либо общіе выводы, однако, уменьшающійся приростъ населенія, наблюдаемый во многихъ странахъ, составляетъ уже крупный фактъ, съ которымъ нужно считаться. Для нашихъ выводовъ важенъ и другой фактъ,—что среди мало культурныхъ народовъ рождаемость болѣе велика, нежели въ странахъ высокой и старинной культуры. Изъ наиболѣе культурныхъ странъ рождаемость менѣе 30 на 1,000 жителей имѣютъ Франція, Швейцарія, Бельгія, Швеція, а также нѣкоторые изъ штатовъ Сѣверной Америки (Вермонтъ, Коннектикутъ, Родъ-Эйландъ, Массачузетсъ). Рождаемость выше 30 и до 35 на 1,000 изъ культурныхъ государствъ имѣютъ Англія съ Шотландіей, Данія, Голландія, Норвегія. Больше 35 рожденій на 1,000 мы имѣемъ въ Финляндіи и Германіи. Наконецъ, страны молодой культуры—Болгарія, Сербія, Венгрія даютъ наивысшую рождаемость; первое мѣсто занимаетъ Европейская Россія съ 46,7 рождающимися на 1,000 жителей. Эти различія должны быть объяснены многими причинами. Одной изъ причинъ служатъ, вѣроятно, племенныя особенности, но не слѣдуетъ отводить имъ первенствующее мѣсто: изъ германскихъ народовъ большую рождаемость имѣютъ Германія и гораздо меньшую скандинавскія государства; равнымъ образомъ, среди романскихъ государствъ, на-ряду съ малою плодовитостью французовъ, мы находимъ довольно большую рождаемость у итальянцевъ и очень высокую у румыновъ. А слабой плодовитости французовъ въ послѣднія десятилѣтія можно про-

тивопоставить послѣднюю треть 18 вѣка, когда рождаемость составляла почти 40 на 1,000. Болѣе слабую рождаемость въ странахъ высокой культуры слѣдуетъ приписать также благоразумному вступленію въ бракъ и воздержности въ супружескихъ отношеніяхъ. Этой причиной объясняютъ обыкновенно низкую рождаемость во Франціи. Но этими двумя условіями не исчерпываются причины, которымъ нужно приписать пониженіе рождаемости. Вмѣстѣ съ ростомъ культуры наступаетъ то усовершенствованіе нервной организаціи, то развитіе нервной дѣятельности на счетъ мышечной, которое ведетъ къ ослабленію воспроизводительной способности человѣка. Наблюденія относительно фактовъ этого рода были слишкомъ недостаточны; они еще не даютъ права установить общее положеніе, имѣющее характеръ закона. Однако, возраженія, которыя сдѣлали противъ закона Мальтуса Кэри и, въ особенности, Спенсеръ, должны быть признаны гипотезами, имѣющими за себя очень многое. Можно надѣяться, что дальнѣйшіе успѣхи статистики населенія позволятъ обосновать эту гипотезу и обратить ее въ научное положеніе. Присоединяясь ко мнѣнію этихъ писателей, мы скажемъ, что ростъ населенія замедляется съ ростомъ культуры. Двѣ причины дѣйствуютъ на замедленіе роста: 1) усиливающаяся нервная дѣятельность людей, которая уменьшаетъ производительную способность, и 2) большее благоразуміе при заключеніи браковъ и произведеніи потомства. Трудно рѣшить, которая изъ этихъ причинъ дѣйствуетъ болѣе могущественно; но мы можемъ сдѣлать одно важное наблюденіе: въ теченіе столь короткаго періода, какъ одно столѣтіе, размноженіе людей значительно уменьшилось, а средства продовольствія увеличились въ большой пропорціи. Мы въ правѣ заключить отсюда, что ростъ населенія въ послѣдующія столѣтія будетъ совершаться еще болѣе медленно, будетъ отставать отъ возростанія средствъ продовольствія. Очень вѣроятно, что люди повсемѣстно будутъ размножаться въ очень малой пропорціи (близкой къ тому, что мы находимъ въ современной Франціи) гораздо ранѣе наступленія времени, когда производительность труда достигнетъ своего крайняго предѣла и человѣкъ извлечетъ изъ силъ природы все, что онѣ могутъ поставить къ его услугамъ. Конечный предѣлъ этого движенія отдаленъ отъ насъ многими вѣками. Напрасно строить предположенія о томъ, что должна предпринять государственная власть при наступленіи дѣйствительно чрезмѣрной населенности. Мы рѣшительно не въ состояніи предсказать, каковъ будетъ общественный строй европейско-американскаго міра черезъ 20—30 поколѣній. Не считая нужнымъ оцѣнивать догадки, хотя бы и остроумныя, мы можемъ намѣтить нѣ-

которыя общія начала, способныя поставить на правильный путь заботы государства относительно населенія.

Во-первыхъ, ученіе Мальтуса, представляя значительный интересъ для изслѣдователя-теоретика, вовсе не должно служить руководствомъ для законодателя. Содержа любопытные историческіе факты и давая матеріалъ для предположеній о томъ, что ожидаетъ человѣчество въ очень далекомъ будущемъ, это ученіе не даетъ никакихъ полезныхъ указаній для политика. Послѣдній долженъ исходить отъ непоколебимаго убѣжденія, что чрезмѣрная населенность есть постоянный спутникъ современнаго общественнаго порядка, что она составляетъ неоспоримый фактъ не только въ Бельгіи и Саксоніи, но и въ наименѣе густо населенныхъ странахъ. Во-вторыхъ, должно упрочиться убѣжденіе, что чрезмѣрная населенность нашего времени имѣетъ противовѣсъ во всѣхъ мѣропріятіяхъ государства и отдѣльныхъ общественныхъ группъ, которыя уменьшаютъ неравенство состояній, препятствуютъ сосредоточенію имуществъ въ рукахъ немногихъ лицъ и открываютъ бѣднѣйшимъ классамъ населенія доступъ къ пользованію естественными богатствами посредствомъ переселеній внутрь страны и посредствомъ выселеній въ мало обитаемыя страны земного шара. Въ-третьихъ, законодатель долженъ отказаться отъ тѣхъ грубыхъ посягательствъ на личную свободу, которыя выражаются въ запрещеніи бѣднѣйшимъ гражданамъ вступать въ бракъ. Воспитаніе въ семьѣ, школѣ, обществѣ должно быть направлено къ тому, чтобы внушить человѣку сознаніе его обязанностей относительно производимаго имъ потомства. Всѣ эти мѣры должны имѣть цѣлью вкоренить въ людей убѣжденіе, что тотъ, кто основываетъ семью, долженъ дѣйствовать осмотрительно, долженъ помнить объ обязанности содержать своихъ дѣтей. Слѣдуетъ одобрить всѣ мѣры, которыя, дѣйствуя на человѣка путемъ убѣжденія, отклоняютъ его отъ слишкомъ ранняго заключенія брака, удерживаютъ отъ необузданнаго удовлетворенія половой любви въ бракѣ и располагаютъ людей къ строгому воздержанію отъ внѣ-брачныхъ половыхъ сношеній. Но запретительныя мѣры со стороны законодательства являются совершенно безцѣльнымъ ограниченіемъ личной свободы. Законъ можетъ запретить заключеніе брака гражданамъ, не имѣющимъ извѣстной имущественной обезпеченности; онъ можетъ уменьшить число дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ и—худо или хорошо—содержимыхъ на счетъ отца. Но онъ безсиленъ помѣшать внѣбрачнымъ половымъ сношеніямъ, безсиленъ помѣшать увеличенію числа незаконнорожденныхъ, со всѣми тяжелыми послѣдствіями, которыя самый фактъ незаконнаго рожденія влечетъ за собою для дѣтей и матерей. Мы

имѣемъ убѣдительное доказательство того, что ограниченіе права вступать въ бракъ увеличиваетъ число незаконныхъ рожденій: въ Баваріи до половины 60-хъ годовъ, число незаконныхъ составляло 21—22% общаго числа рожденій; когда же была допущена свобода браковъ (1863 года) число незаконныхъ рожденій понизилось и не превышаетъ 13—14% общаго числа рожденій.

Книга Мальтуса, скажемъ мы въ заключеніе, породила обширную литературу. Мальтусъ не открылъ закона населенія; научное значеніе его труда не велико. Но нельзя отрицать за нимъ одну заслугу: онъ направилъ многихъ на изслѣдованіе важнаго вопроса объ условіяхъ, которыми опредѣляется размноженіе людей.

Какъ же отнестись къ боязни, съ которою патріоты взираютъ иногда на слишкомъ медленный приростъ населенія въ своемъ отечествѣ. Именно въ такомъ положеніи находится Франція. При нынѣшнемъ приростѣ населенія, число жителей можетъ удвоиваться во Франціи чрезъ 236 лѣтъ, тогда какъ въ Австріи чрезъ 135, въ Германіи—98, въ Россіи—65. Многіе изъ французскихъ писателей и политическихъ дѣятелей съ большой тревогой отмѣчаютъ этотъ фактъ [9]). Они видятъ въ медленномъ ростѣ населенія хроническую болѣзнь, съ которой еще борется этотъ богато одаренный народъ, но которая въ недалекомъ будущемъ окончательно подорветъ его силы.

Ничто не доказываетъ, чтобы французы имѣли большую наклонность къ внѣсемейной жизни и внѣбрачнымъ половымъ сношеніямъ, нежели многіе другіе народы: на 1000 мужчинъ, переступившихъ за 15 лѣтъ, во Франціи ежегодно женятся 48, тогда какъ въ Норвегіи—47, въ Швеціи—43, въ Нидерландахъ—41, въ Баваріи—32. Если измѣрять состояніе нравственности относительнымъ числомъ незаконныхъ рожденій, то мы найдемъ, что и въ этомъ отношеніи Франція поставлена болѣе благопріятно, нежели многія другія страны Европы: на 1,000 дѣвушекъ и вдовъ, въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ, во Франціи приходится 17 живыхъ незаконнорожденныхъ, въ Норвегіи—19, Италіи—20, Швеціи—22, Даніи—29, Баваріи—42. И такъ, причиной слабой рождаемости служатъ не какіе-либо пороки, а малая плодовитость французскихъ женщинъ: на 1,000 женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ, во Франціи родится только 102 ребенка, въ Нидерландахъ—127, въ Пруссіи—150; на каждую семью съ дѣтьми во Франціи приходится 2,6 дѣтей, тогда какъ въ другихъ странахъ Европы—4 дѣтей и болѣе.

Малая плодовитость французскихъ женщинъ происходитъ отъ многихъ причинъ; среди нихъ видная роль принадлежитъ все болѣе укореняющейся привычкѣ населенія сознательно, намѣренно огра-

ничивать плодовитость брака. Но, не входя въ оцѣнку причинъ и не считая возможнымъ, по-крайней мѣрѣ теперь дать на это удовлетворительный отвѣтъ, мы заключаемъ, на основаніи вышесказаннаго, что причиной не служитъ половая безпорядочность, которая ведетъ къ печальнымъ результатамъ. А разъ это такъ, то не трудно доказать, что медленный ростъ населенія не вызоветъ тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, которыя такъ часто предсказываютъ Франціи.

При нынѣшнемъ приростѣ населенія число жителей можетъ удвоиваться во Франціи чрезъ 236 лѣтъ. Предположимъ, что относительное число рожденій еще уменьшится, что населеніе Франціи застынетъ на цифрѣ въ $38^1/_2$ милліоновъ. Неужели это послужитъ препятствіемъ для дальнѣйшаго преуспѣянія французовъ или, въ лучшемъ случаѣ, причиною того, что успѣхи французовъ, въ разныхъ сферахъ матеріальной и духовной жизни, будутъ совершаться медленнѣе, нежели прогрессъ другихъ народовъ Европы?

Для матеріальныхъ успѣховъ народа нужна значительная густота населенія. Хотя положеніе это давнымъ-давно вошло въ учебники, однако, нельзя доказать, чтобы страна, даже довольно рѣдко населенная, не могла достигнуть высокаго процвѣтанія. Желѣзная дорога и успѣшное пользованіе силами электричества позволяютъ людямъ поддерживать очень оживленныя сношенія и развивать разнообразныя формы сотрудничества даже при рѣдкомъ населеніи. Франція, достигшая очень высокой культуры, имѣетъ населенность въ 72 души на 1 кв. километръ. Норвегія же имѣетъ только 6 душъ. Въ общемъ уступая Франціи, Норвегія превосходитъ ее нѣкоторыми сторонами культуры: производительность пахотныхъ земель въ Норвегіи на 30 — 40 проц. выше, чѣмъ во Франціи; она превосходитъ послѣднюю и состояніемъ народнаго образованія: въ Норвегіи нѣтъ неграмотныхъ; правда, во Франціи въ 1887 году только 80 общинъ не имѣли начальной школы, но изъ рекрутъ призыва того же года цѣлыхъ 10 проц. были неграмотны. Значитъ, и рѣдкое населеніе не помѣшало Норвегіи достигнуть высокаго процвѣтанія. Но вспомнимъ о Соединенныхъ Штатахъ и Австраліи, очень слабо населенныхъ. Если же въ этихъ странахъ ничтожная населенность не мѣшаетъ чрезвычайному росту производительности труда и богатства, то вовсе нѣтъ основанія опасаться, чтобы Франція непремѣнно отстала въ хозяйственныхъ успѣхахъ отъ тѣхъ государствъ, населеніе которыхъ болѣе значительно и возростаетъ съ большею быстротой.

Какая же открывается перспектива для вліянія французовъ на духовную жизнь человѣчества? Вліяніе это не ослабѣваетъ въ теченіе двухъ столѣтій и сомнительно, чтобы оно умалилось въ близ-

комъ будущемъ. И ужь, конечно, совершенно нелѣпо приводить въ связь число жителей въ странѣ съ числомъ производимымъ ею великихъ умовъ. У Бертильона вырываются такія странныя слова: «Каковъ бы ни былъ процентъ даровитыхъ людей, никто не станетъ отрицать того, что въ населеніи въ 10 милліоновъ жителей ихъ найдется въ 10 разъ болѣе, чѣмъ между населеніемъ въ 1 милліонъ. Если Франція дала міру столько зиждительныхъ и благотворныхъ геніевъ, то это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что она до послѣдняго времени была населеннѣе другихъ странъ» [10]). Въ отвѣтъ на это мы напомнимъ о маленькой Греціи, которая за 500 лѣтъ своей исторической жизни даетъ длинный списокъ великихъ умовъ, навсегда сохранившихъ первыя мѣста въ наукѣ, искусствѣ и государственной дѣятельности. Нѣтъ разумнаго основанія приводить число великихъ людей въ такую тѣсную зависимость отъ числа жителей данной страны; но нѣтъ также основанія утверждать, будто вліяніе писателя опредѣляется числомъ людей, которые говорятъ на его родномъ языкѣ. Г. Бертильонъ глубоко заблуждается, говоря, что, «родись во Франціи новый Вольтеръ, онъ былъ бы понятъ только 45-ю милліонами людей», говорящихъ на французскомъ языкѣ—французовъ, бельгійцевъ, швейцарцевъ, канадцевъ— а нѣмецкій писатель такой же величины былъ бы понятъ 80 милліонами людей, говорящихъ на нѣмецкомъ языкѣ [11]). Нѣтъ, теперь положеніе не только великаго, но даже просто выдающагося, писателя гораздо болѣе завидно, нежели въ то время, когда писалъ Вольтеръ и писалъ на языкѣ, родномъ для 29 проц. всего населенія Европы. Изъ всѣхъ французовъ Вольтера читало только небольшое образованное меньшинство; французскій языкъ былъ знакомъ только высшимъ слоямъ общества за предѣлами Франціи, а низкій уровень развитія съуживалъ кругъ людей, которые могли изучать Вольтера въ переводѣ. Съ тѣхъ поръ читающая публика увеличилась во Франціи въ десятки разъ, и многократно возросло за предѣлами Франціи число людей, знающихъ французскій языкъ. Но уровень образованія повысился повсюду и вездѣ; можно многими тысячами считать людей, которые, не зная иностранныхъ языковъ, читаютъ въ переводѣ и усвоиваютъ мысли писателя и даже внѣшнія особенности его творчества. Сближеніе между народами сдѣлало такіе успѣхи, что каждый выдающійся писатель становится общимъ достояніемъ и его почти одновременно читаютъ во многихъ странахъ Европы и Америки. За послѣднія десятилѣтія пріобрѣтаютъ большую извѣстность и многіе писатели Италіи, Испаніи, даже скандинавскихъ государствъ, пишущіе на

языкахъ, знакомыхъ только очень небольшой части культурнаго человѣчества.

Но главную опасность видятъ для Франціи въ томъ, что ея военная сила будетъ далеко отставать отъ вооруженной силы ея сосѣдей. Если она, при населеніи въ 40 милліоновъ, будетъ въ состояніи вооружить 1 милліонъ солдатъ, то ея сосѣдъ съ 60-ти милліоннымъ населеніемъ выставитъ $1^1/_2$ милліона. При одной и той же степени искусства, вторая страна можетъ имѣть значительный перевѣсъ. Однако, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы первый народъ былъ непремѣнно побѣжденъ въ случаѣ войны или чтобы ему угрожала потеря политическаго значенія. Государство съ 40-милліоннымъ населеніемъ представляетъ огромную, быть можетъ, неодолимую силу, если воздерживается отъ авантюристской политики, заботится о развитіи внутреннихъ силъ, не стремится къ расширенію территоріи и готово обнажить мечъ только для того, чтобы отстаивать цѣлость своихъ предѣловъ. Правительство такой страны, готовое вести только оборонительную войну, можетъ, въ случаѣ этой печальной необходимости, легче вызвать симпатіи другихъ народовъ и пріобрѣсти себѣ союзниковъ. А коалиціонныя войны и есть, повидимому, форма, въ которую, преимущественно, будетъ облекаться соперничество между народами. Не даромъ за послѣднія десятилѣтія все искусство внѣшней политики измѣряется тѣмъ, насколько успѣваетъ государство въ пріобрѣтеніи союзниковъ для войны и мира. Если же войны будутъ вестись союзами государствъ, то вооруженная сила будетъ опредѣляться населеніемъ не отдѣльныхъ странъ, а всѣхъ, образующихъ одинъ союзъ. Большая же или меньшая легкость образованія могущественнаго союза есть и будетъ дѣломъ искусства дипломатіи, достоинство которой стоитъ, конечно, внѣ связи съ населенностью государства.

Но мы уже слишкомъ много заботимся о могуществѣ государства, объ условіяхъ его процвѣтанія и придаемъ слишкомъ малую цѣну тому, какъ чувствуютъ себя люди, населяющіе данную страну, насколько обстановка ихъ жизни благопріятствуетъ ихъ счастью или, выразимся скромнѣе, душевному равновѣсію. Слѣдовало бы становиться на эту точку зрѣнія при оцѣнкѣ всѣхъ общественныхъ вопросовъ. Нужно помнить объ этомъ и тогда, когда говорятъ о приростѣ населенія. Медленный приростъ населенія, связанный со слабою рождаемостью, выражается въ небольшомъ числѣ дѣтей, которое приходится на каждый бракъ. Въ какой же мѣрѣ душевному покою болѣе благопріятствуетъ малая семья, нежели семья многочленная?

Пока люди живутъ преимущественно физической жизнью, ро-

дителей мало заботитъ мысль о томъ, какъ будутъ воспитаны ихъ дѣти, съ какимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ и духовнымъ развитіемъ достигнутъ они возраста, когда начинается ихъ самостоятельная дѣятельность. Ихъ болѣзни, ихъ пороки и даже смерть легко переносятся и почти немедленно забываются. Когда же человѣкъ сталъ тѣмъ сложнымъ, нервнымъ существомъ, какимъ намъ даетъ его современная цивилизація, между родителями и дѣтьми установляется множество разнообразныхъ связей, рѣшительно неизвѣстныхъ первобытной культурѣ. Смерть ребенка надолго оставляетъ въ семьѣ неизгладимый слѣдъ; родители переживаютъ болѣзни дѣтей съ величайшимъ душевнымъ волненіемъ; забота о томъ, чтобы обезпечить дѣтей отъ матеріальной нужды, съ каждымъ поколѣніемъ развивается все болѣе и болѣе; наконецъ, даже въ очень скромныхъ общественныхъ слояхъ все болѣе и болѣе крѣпнетъ сознаніе, что на родителяхъ есть извѣстныя обязанности тѣлеснаго и духовнаго воспитанія, которыя требуютъ много времени и труда. И чѣмъ сложнѣе становится культура, тѣмъ большій запросъ предъявляетъ общество къ своимъ гражданамъ и тѣмъ больше нужно усилій со стороны родителей, чтобы удовлетворять этотъ запросъ. Чѣмъ болѣе многочленной становится семья, тѣмъ болѣе растутъ труды, заботы и печали, тѣмъ чаще непроизводительная затрата душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, тѣмъ менѣе обезпечено душевное равновѣсіе. Итакъ, небольшое число дѣтей на бракъ считаемъ мы условіемъ, способствующимъ благополучію человѣка.

Все изложенное побуждаетъ насъ сдѣлать выводъ, что медленный приростъ населенія не связанъ для Франціи и ни для какой другой страны съ тѣми прискорбными послѣдствіями, которыя ей предвѣщаютъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

1) См. *Elster*, Bevölkerungswesen.
2) *Мальтусъ*. Опытъ о законѣ народонас., II, 340—41.
3) *Elster*. Bevölkerungsewesen, 521.
4) *George*. Progress and poverty. 1883, 99:
5) *Spencer*. Prinzipien der Biologie 1876—77. II, 450 и дал.
6) *Мальтусъ*. Тамъ-же, II, 78.
7) *Мальтусъ*. Тамъ-же, II, 74—75.
8) *Мальтусъ*. Тамъ-же, II, 92.
9) *Бертильонъ*. Статистика движенія населенія во Франціи. 1889.
10) Тамъ-же, 26.
11) Тамъ-же, 21.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переселенія.

Литература. *Roscher.* System, I. *Его-же.* Kolonieen, Kolonial politik, Auswanderung. 1 изд. 1848. *Schönberg.* Handbuch, I. *Wakefield.* A View on the Art of Colonization. 1849. *Legoyt.* L'émigration européenne, ses principes, ses causes, ses effets. 1861. *v. Gessler.* Ueber Auswanderung u. Kolonisation. *Tübing. Zeitschr.* 1862. *Kapp.* Ueber Auswanderung. 1871. *Leroy-Beaulieu.* De la colonisation chez les peuples modernes. 1874 и въ русск. переводѣ. *Moldenhauer.* Erörterungen über Kolonial-und Auswanderungswesen. 1878. *Robert.* Zur Auswanderungsfrage. 1879. *Schippel.* Das moderne Elend u. die moderne Uebervölkerung. 1883. *Paton.* State-aided Emigration. 1885. *Lord Brabazon.* State-directed Colonization, its necessity. 1885. *Earl of Meath.* State Colonization. 1888. Congrès international de l'intervention des pouvoirs publique dans l'émigration et l'immigration. 1890. *Mayo Smith.* Emigration and immigration. 1890. *Santa-Anna Nery.* L'émigration et l'immigration. 1892. *Philippovich.* Auswanderung u. Auswanderungspolitik in Deutschland. 1892. Дальнѣйш. указанія на литературу см. въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, I, а также въ назван. книгѣ *Mayo Smith'a*. По вопросу объ исторіи переселеній въ Россіи. *Соловьевъ.* Исторія Россіи. *Ешевскій.* Русская колонизація сѣверовосточн. края. *Вѣстн. Евр.*, 1866, I. *Бестужевъ-Рюминъ.* О колонизаціи великорусск. племени. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1867, VII. *Перетятковичъ.* Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ. 1877. *Его же.* Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка. 1882. *Соколовскій.* Эконом. бытъ земледѣл. населенія Россіи и колонизація юго-восточн. степей предъ крѣпостн. правомъ. 1878. *Багалѣй.* Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степн. окраины Москов. государ. въ XVII—XVIII ст. 1886. *Его же.* Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степн. окраины Москов. государства. 1887. *Корсаковъ.* Историч. знач. поступат. движенія великорус. племени на востокѣ. 1889. О русскихъ переселеніяхъ въ настоящее время. *Ядринцевъ.* Сибирь, какъ колонія. 1882. *Уманецъ.* Колониз. свободн. земель въ Россіи 1884. *Серповскій.* Переселенія въ Россіи. 1885. *Григорьевъ.* Переселенія крестьянъ Рязан. губ. 1885. *Романовъ.* Переселенія крестьянъ Вятской губ. 1885. *Андріевичъ.* Сибирь въ XIX столѣтіи. 1889. *Гурвичъ.* Переселенія крестьянъ въ Сибирь. 1889. *Ремезовъ.* Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. 1889. *Чудновскій.* Переселенческое дѣло на Алтаѣ. 1889. *Исаевъ.* Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. 1891. Алтай. 1891. Дальнѣйшими пособіями могутъ служить. *Колюпановъ*, Уралъ и колонизація Перм. губерніи. *Бесѣда.* 1871. *Воропоновъ.* Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ. *Вѣстн. Евр.*, 1876, I. *Янсонъ.* Очеркъ правительств. мѣръ по переселенію крестьянъ (во 2 изд. книги „Опытъ о крестьянскихъ надѣл. и платежахъ", 1881). *Гребенщиковъ.* Колонизація Южноуссурійскаго края. *Наблюдат.*, 1885, II. *Жакмонъ.* Переселенцы на восточн. окраинахъ. *Рус. Мысль*, 1886, IX. *Пономаревъ.* Лѣто среди переселенцевъ. *Съв. Вѣстн.*, 1886, IX. *Чудновскій.* Колонизаціонное значеніе сибирской ссылки. *Рус. Мысль.* 1886, X. *Южаковъ.* Переселенческій вопросъ. *Съв. Вѣстн.*, 1886, VIII. *Г. Б.* Къ вопросу о переселеніи чрезъ посредство крестьян. земельн. банка. *Рус. Мысль*, 1887, X. *Воропоновъ.* Къ переселенцамъ. *Вѣст. Евр.*, 1887, VI и VII. *Кулишеръ.* Механич. основы передвиженія массъ. *Вѣст. Евр.*, 1887, VIII. *Пономаревъ.* Сибирская община и

переселенія. *Съв. Вѣст.*, 1887, V. *А. Ч.* Переселеніе и переселенцы въ Уфимской губ. *Съв. Вѣстн.*, 1887, V. *В. Ѳ.* Новый источникъ свободн. земель. *Вѣстн. Евр.*, 1889, VII. *Кауфманъ.* Вліяніе переселенч. элемента на разв. сел. хозяйства и общин. жизни въ Зап. Сибири. *Съв. Вѣстн.*, 1891, IV. *Марусинъ.* Переселенч. движеніе на Алтай. *Съв. Вѣстн.*, 1891, VII. *Остафьевъ.* Переселенцы въ Сибири. *Юрид. Вѣстн.*, 1891, V и VII. *Н. П. Н.* Положеніе переселенч. дѣла и переселенцевъ въ степн. краѣ. *Съв. Вѣст.*, 1892, IV. *Богдановскій.* Общество и законъ о переселеніяхъ. *Съв. Вѣстн.*, 1892, V. Статьи Абрамова, Ядринцева и проф. Янжула о пересел. въ сборникѣ „Путь-дорога" (въ пользу общества вспом. переселенц.). 1893.

I.

Изучая переселенческое движеніе въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи, мы замѣчаемъ нѣсколько основныхъ мотивовъ, которые заставляютъ людей навсегда оставлять родину. Преданность своей вѣрѣ и гоненія со стороны представителей господствующей религіи побуждаютъ людей предпочитать разлуку съ родиной отступленію хотя бы отъ мельчайшей буквы религіознаго толка отъ незначительнаго обряда. Но религіозное одушевленіе проявляется и въ другой формѣ. Объятые энтузіазмомъ люди стремятся расширить поле своей просвѣтительной дѣятельности обращеніемъ въ свою вѣру иновѣрныхъ племенъ. Если переселенцы не встрѣчаютъ отпора со стороны туземцевъ, то переселеніе имѣетъ характеръ мирнаго передвиженія; въ противномъ случаѣ религіозный фанатизмъ огнемъ и мечемъ обращаетъ туземцевъ въ новую вѣру. Религіозное одушевленіе играло роль во многихъ переселенческихъ движеніяхъ. Оно вліяло на знаменитыхъ путешественниковъ въ эпоху открытій,—на Колумба, Кортеца, Пизарро; имъ были сильно окрашены переселенія квакеровъ и пуританъ изъ Англіи въ дѣвственные лѣса Сѣверной Америки. Знаменитый гугенотъ Колиньи начерталъ планъ колонизаціи Флориды, главнымъ образомъ, для того, чтобы заранѣе приготовить пріютъ гугенотамъ. Къ тѣмъ же мотивамъ должны быть сведены передвиженія и нашихъ раскольниковъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ. Съ цѣлью обращенія иновѣрныхъ совершаются такія массовыя передвиженія, какъ крестовые походы и тѣ нашествія, результатомъ которыхъ было созданіе обширныхъ мусульманскихъ государствъ въ Азіи, Африкѣ и Европѣ. 2) Второю выдающеюся причиною служитъ недовольство общественнымъ порядкомъ на родинѣ. Имъ можно объяснить въ древности—основаніе многихъ греческихъ колоній, въ новое время—колонизацію Исландіи, Новой Англіи, Мэриланда и др. 3) Въ эту же группу слѣдуетъ отнести и условія, содѣйствующія основанію колоній черезъ переселеніе преступниковъ. Можно

говорить и объ этихъ переселенцахъ, какъ о людяхъ, недовольныхъ общественнымъ порядкомъ. Первые удаляются добровольно; вторыхъ изгоняетъ правительственная власть. Это средство издавна примѣняется правительствами не только для того, чтобы наказать, но и съ цѣлью положить начало гражданственности въ земляхъ, незанятыхъ или рѣдко населенныхъ. Уже при Александрѣ Македонскомъ были колоніи ссыльныхъ изъ мятежныхъ солдатъ. Шведы въ XVII вѣкѣ пользовались для этой цѣли провинціей Ингерманландіей. Англичане отправляли ссыльныхъ въ Сѣверную Америку, а позднѣе—въ Австралію, Франція—въ Гвіану, Португалія—въ Бразилію, а позднѣе—на Мозамбикъ. Всѣмъ извѣстно, какое значеніе уже изстари имѣетъ Сибирь для этой цѣли. 4) Но указанныя причины заслоняются экономическими условіями. По мѣрѣ приближенія къ современной эпохѣ, дѣйствіе всѣхъ другихъ причинъ постепенно ослабѣваетъ, экономическія же причины съ каждымъ поколѣніемъ дѣйствуютъ все болѣе могущественно. Онѣ дѣйствуютъ а) на капиталъ, вызывая не только перемѣщеніе капиталовъ, но и переселеніе ихъ владѣльцевъ. Оказывая вліяніе при посредствѣ капитала, экономическія причины выселяютъ изъ отдѣльныхъ странъ сотни или немногія тысячи людей. Дѣйствуя же 2) на трудъ, экономическія условія заставляютъ людей выселяться большими массами. Принято называть эти условія состояніемъ *чрезмѣрной населенности*. Каково бы ни было числовое выраженіе чрезмѣрной населенности, оно обнаруживается обыкновенно тѣмъ отличительнымъ признакомъ, что въ данной мѣстности многіе не могутъ приложить свои рабочія руки на обычныхъ, средне-выгодныхъ условіяхъ.

Дабы переселенія стали необходимыми, должны были произойти крупныя технико-экономическія и юридическія перемѣны. За изобрѣтеніемъ паровыхъ двигателей и переходомъ многихъ отраслей въ крупное производство сталъ все чаще обнаруживаться избытокъ рабочихъ рукъ, связанный съ преобладаніемъ машиннаго труда, и промышленные кризисы. Потребность въ выселеніи становилась все болѣе осязательною; а благопріятными условіями явились усовершенствованіе способовъ перевозки, замѣна паруснаго мореходства паровымъ и сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Число переселенцевъ изъ Европы составляетъ за 1791—810 только 120000, 1811—20—114000, 1831—40 уже 600,000, въ 60-хъ гг. уже 2.600,000, въ 70-хъ (71—80)—почти 3 милліона. А въ 80-хъ гг. переселеніе достигло цифры еще болѣе значительной: 1883—700,000, а за 3-лѣтіе 1889—91 годовъ—3.300,000. Общее число душъ, выселившихся за 72 года (1820—91) изъ западной Европы составляетъ

около 26 милліоновъ. Отсюда болѣе $^2/_5$, до 11 милліоновъ, приходится на Великобританію, до $5^3/_4$ милліоновъ на Германію, до 1.000,000 на Скандинавскія государства. За послѣдніе годы въ эмиграціонномъ движеніи приняла замѣтное участіе Италія: изъ нея выселялось 150—240,000 ежегодно. Франція даетъ небольшую цифру—450,000, по 7—11,000 въ годъ. Эмигранты изъ Англіи, Германіи, Скандинавскихъ государствъ направляются преимущественно (90—95%) въ Соединенные Штаты, Канаду и Австралію; переселенцы же изъ Италіи, Франціи, Испаніи и Португаліи—преимущественно (50—80%) въ Южную Америку.

Въ Россіи до 1861 года было еще мало условій, которыя вызывали бы потребность въ значительныхъ переселеніяхъ: земли помѣщиковъ и крестьянъ образовывали одну безразличную массу; населеніе было довольно рѣдко; повсюду было много неистощенныхъ пустырей. Надѣленіе крестьянъ провело пограничную черту между землями обѣихъ сторонъ; въ результатѣ получилось множество малоземельныхъ и безземельныхъ, которые на родинѣ не могутъ удовлетворительно вести свое хозяйство. Крестьяне всѣхъ этихъ группъ, получившіе четвертной надѣлъ, надѣлъ низшей нормы, словомъ, имѣющіе въ черноземныхъ губерніяхъ менѣе 2 десятинъ, а въ нечерноземныхъ менѣе 4 десятинъ на 1 душу мужского пола, составляютъ болѣе 4 милліоновъ душъ. Но многіе крестьяне, владѣющіе и большимъ надѣломъ, находятся въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Старые пріемы культуры значительно истощили почву и понизили урожайность, а переходъ къ новымъ системамъ не можетъ быть совершенъ съ одного удара. Замѣтимъ, наконецъ, что и Россія начала вступать въ періодъ крупнаго производства. Развитіе разнообразныхъ фабрикъ и заводовъ уничтожаетъ многіе кустарные промыслы, поддерживающіе малоземельныхъ крестьянъ, а усовершенствованіе фабричной техники создаетъ избытокъ рабочихъ рукъ среди тѣхъ группъ населенія, которыя были отвлечены отъ кустарныхъ промысловъ къ фабричному труду. Какъ скоро при такихъ условіяхъ обнаружилась большая плотность населенія, 45—50—60 душъ на 1 кв. версту въ черноземныхъ губерніяхъ и арендная плата дошла до чрезвычайныхъ размѣровъ, по 20—25—30 рублей за десятину на одинъ посѣвъ, что вовсе не соотвѣтствуетъ производительности сельскохозяйственнаго труда въ нашемъ отечествѣ, то потребность въ переселеніяхъ сказалась съ полною силой.

Мѣстами водворенія русскихъ переселенцевъ служатъ Сибирь, особенно Томская губернія, а также и болѣе отдаленныя мѣстности (до Южно-Уссурійскаго края включительно), Кавказскій край,

Самарская, Уфимская и Оренбургская губерніи, а по мѣрѣ движенія русскихъ въ Среднюю Азію, и вновь присоединенныя азіатскія земли. Переселенія правильно возрастаютъ. По даннымъ переселенческой конторы въ Батракахъ, за пятилѣтіе, съ 1881 по 1885 годъ, черезъ Волгу, по направленію къ восточнымъ окраинамъ Европейской Россіи, прошло до 53,000 душъ. Черезъ Тюмень прошло: въ 1886 г.—11,862, 1887—13,910, 1888—26,129 1889—28,341, за 1889 годъ черезъ Оренбургъ прошло 8,254 души. Въ итогѣ получаемъ $36^1/_2$ тысячъ. Въ 1892 году чрезъ Тюмень прошло болѣе 80,000 душъ; изъ нихъ въ предѣлахъ Томской губерніи водворилось около 35,000. Главную массу переселенцевъ даютъ великорусскія черноземныя губерніи: почти изъ 53000 душъ, отмѣченныхъ за 1881—86 гг. Сызранской переселенческой конторой, около 23,000—44% приходится на одну Тамбовскую губернію; за 1889 г. Курская губернія дала до 17,000 переселенцевъ (60%), изъ массы, прошедшей черезъ Тюмень. За 1892 годъ 7,759 семей, прошедшихъ чрезъ Томскъ, принадлежали къ 49 губерніямъ и областямъ; 17 губерній дали больше 100 семей каждая; 5 губерній (Тамбовская, Полтавская, Курская, Вятская и Пермская) дали болѣе 500 семей каждая. Первое мѣсто занимали переселенцы изъ Тамбовской губерніи въ числѣ 1,207 семей.

Переселенцы очень хорошо устроиваются на новомъ мѣстѣ, если тому не препятствуютъ какія-нибудь особенно невыгодныя условія. Благосостояніе возрастаетъ всего быстрѣе, если съ изобиліемъ неистощенной земли и другихъ даровъ природы соединяется высокое техническое искусство и нѣкоторые запасы капитала, перенесенные съ родины. Можно было наблюдать такія явленія уже въ классическомъ мірѣ. Милетъ, Тарентъ, Сиракузы, Агригентъ, по благосостоянію, превосходили всѣ города метрополій, за исключеніемъ Аѳинъ и Коринѳа. Новыя греческія поселенія развивались такъ быстро, что Милетъ, напр., послужилъ разсадникомъ для 75 или 80 колоній. Для новаго времени мы имѣемъ изумительно быстрый ростъ Соединенныхъ Штатовъ: ихъ населеніе, не составлявшее въ 1790 г. полныхъ 4 милліоновъ, достигло теперь 65 милліоновъ. Нью-Іоркъ изъ ничтожнаго городка, не считавшаго въ 1758 г. 13,000 жителей, сталъ городомъ съ населеніемъ до $1^1/_2$ милліона; тоже можно сказать и о многихъ другихъ городахъ. Въ 1830 г. Калифорнія имѣла только 23,000 жителей, а теперь болѣе 1 милліона. Благосостояніе Соединенныхъ Штатовъ доказывается и тѣмъ, что средняя поденная плата за простѣйшіе виды труда, не требующіе подготовки, составляетъ $1^1/_4$ доллара. Другія колоніи развертываютъ передъ нами картину такого же

роста благосостоянія. Изъ государствъ Южной Америки Аргентинская республика особенно выдѣляется своимъ быстрымъ развитіемъ. Одна изъ ея провинцій—Санта-Фе—имѣла въ 1856 г. 1,040 душъ, которыя обработывали 1,000 гектаровъ земли, а въ 1888—247,332, воздѣлывавшихъ до 780,000, т.-е. на каждаго жителя въ 3 раза болѣе. Сельское хозяйство идетъ настолько успѣшно, что аргентинскіе хозяева находятъ выгоднымъ выписывать рабочихъ изъ Европы и платить имъ на обильной пищѣ по 12—18 франковъ въ день. А внѣшняя торговля даетъ поразительныя цифры: за 1888 годъ итогъ составлялъ 202 милліона долларовъ, по 60 металлическихъ рублей на 1 жителя, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ только по 24 металлическихъ рубля, а во Франціи—50. Но во главѣ всѣхъ должны быть, безспорно, поставлены австралійскія колоніи; онѣ являются наиболѣе богатыми странами нашего времени. Народное имущество Англіи опредѣляется суммою въ 250 фунтовъ на 1 жителя, а въ Викторіи—305 фунтовъ, Новомъ Южномъ Валлисѣ—323. Цѣнность ввозимыхъ и отпускаемыхъ товаровъ составляетъ въ Викторіи 30 милліоновъ фунтовъ, т.-е. по 30 фунтовъ на 1 жителя, въ Англіи—18 фунтовъ; а въ Новомъ Южномъ Валлисѣ внѣшняя торговля даетъ еще гораздо бо́льшую цифру—37 фунтовъ на 1 жителя. Параллельно съ ростомъ матеріальнаго благосостоянія идетъ и возвышеніе духовной культуры. Всѣмъ извѣстно, что обязательное обученіе было введено въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки еще въ половинѣ XVII вѣка, а въ австралійскихъ колоніяхъ народное образованіе сдѣлало такіе успѣхи, что приходится 18 учащихся на 100 жителей (въ Пруссіи—16 на 100, въ Англіи—14 на 100).

И русскіе люди, переселяясь на новыя мѣста, часто достигаютъ благосостоянія, которое не было извѣстно имъ на родинѣ. Конечно, ихъ благосостояніе должно быть измѣряемо совсѣмъ инымъ масштабомъ, нежели тотъ, который прилагаютъ къ колоніямъ, заселеннымъ эмигрантами изъ западной Европы. Мы имѣемъ право сравнивать, относительно благосостоянія и умственнаго развитія, австралійца или сѣверо-американца съ населеніемъ ихъ старинныхъ метрополій; русскаго же новосела мы должны сравнивать съ русскимъ человѣкомъ гдѣ нибудь въ Курской, Тамбовской или Полтавской губерніи.

Алтайскій округъ привлекаетъ наибольшее число переселенцевъ. Въ селѣ Яркахъ, имѣющихъ 215 дворовъ, на 1 дворъ приходится 9 лошадей и 10 головъ крупнаго рогатаго скота и нѣсколько десятковъ мелкаго. Въ другомъ большомъ селеніи «Сростинскіе дворы» (около 200 дворовъ) на 1 дворъ приходится 5 ло-

шадей и 6 коровъ. По среднему выводу для Алтайскаго округа, 1 дворъ имѣетъ 5 лошадей и 6 головъ рогатаго скота; во всей же Европейской Россіи 2, 3 и 1, 3. На одну ревизскую душу въ Европейской Россіи приходится 2—3 десятины земли, въ Алтайскомъ округѣ до 7. Изъ переселенцевъ, достигшихъ такого достатка, 30—35% имѣли на родинѣ не болѣе 1 лошади на дворъ. Изъ всей массы переселенцевъ $^3/_5$ имѣли на родинѣ только по 1 коровѣ на дворъ, а на новомъ мѣстѣ такихъ было только $^1/_6$. Исторія отдѣльныхъ селеній позволяетъ прослѣдить за тѣмъ, какъ быстро могутъ упрочиваться переселенцы. Деревня Ивановка, Верхъ-Чумышской волости, Бійскаго округа имѣла въ 1886 г. подъ хлѣбомъ только 23 десятины, а въ 1889—393. Картину быстраго роста даетъ деревня Чернышева, Богатольской волости, Маріинскаго округа, Томской губерніи. Возникши въ 1885 году, это селеніе имѣетъ теперь 90 дворовъ, которые продали въ 1889 г. 25,000 п. хлѣба. Огромные успѣхи сдѣлала деревня Орлова-Розова, Алчедатской волости, Маріинскаго округа. Ее образовали въ 1887 году курскіе крестьяне, поселенные въ числѣ 198 душъ; первый годъ они страшно бѣдствовали и даже умирали отъ голоднаго тифа, а въ 1889 году продали 5000 пудовъ хлѣба. Съ тѣмъ вмѣстѣ мы находимъ и другіе признаки хозяйственныхъ успѣховъ: развитіе машиностроенія въ Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ, развитіе хлѣбной торговли между Алтайскимъ округомъ и Европейской Россіей.

II.

Переселенія оказываютъ могущественное вліяніе на все народное хозяйство. Государство выигрываетъ, если по рабочему искусству эмигранты изъ чужихъ странъ, стоятъ, въ среднемъ, выше туземнаго населенія; оно получаетъ выгоды, если переселенцы привозятъ съ собою капиталъ, превосходящій, въ среднемъ, долю, которая причитается на каждаго туземца изъ имущества всего народа. Если эмигранты находятся въ противоположныхъ условіяхъ, то наносятъ ущербъ странѣ, которая принимаетъ ихъ.

При внутреннихъ переселеніяхъ вопросъ о личныхъ качествахъ и зажиточности переселенцевъ не имѣетъ такой важности: кто бы ни переселялся, бѣдные или зажиточные, трудолюбивые или нерадивые къ работѣ, государство всегда выигрываетъ, если трудъ переселенцевъ поставленъ на мѣстѣ ихъ водвореніи въ болѣе благопріятныя условія, нежели въ мѣстахъ ихъ прежней осѣдлости.

Оцѣнимъ доводы, которыми часто стараются доказать, что внутреннія переселенія вовсе не нужны для нашего отечества.

Многіе говорятъ, что переселенія вовсе нежелательны въ Россіи, странѣ малонаселенной, что только значительная густота населенія обезпечиваетъ народу и ростъ матеріальнаго благосостоянія, и повышеніе духовной культуры. Говорятъ также, что огромныя пространства Сибири, при ежегодномъ переселеніи нѣсколькихъ тысячъ крестьянскихъ семей, еще не могутъ достигнуть той плотности населенія, которая служитъ главнымъ залогомъ высокой гражданственности.

Какая же наименьшая плотность населенія необходима для развитія гражданственности? гдѣ предѣлъ, дальше котораго возрастаніе населенности уже связано съ крупными невыгодами для народной жизни? Изученіе современнаго состоянія европейскихъ народовъ обнаруживаетъ тщетность попытки отвѣтить на поставленные вопросы какими-либо точными числами. Оно убѣждаетъ, что страны, населенность которыхъ относится какъ 20 : 1, могутъ пользоваться благосостояніемъ и стоять на высокомъ уровнѣ духовнаго развитія. Бельгія имѣетъ населеніе въ 200 челов. на 1 кв. километръ, Англія съ Уэльсомъ—173, Ломбардія—169, Данія—55, Швеція—11, Норвегія—6. Если можно согласиться, что Бельгія или Англія превосходятъ богатствомъ и духовною культурою скандинавскія государства, то будетъ совершенно нелѣпымъ предположеніе, что онѣ превосходятъ Швецію или Норвегію въ 10—20—30 разъ, т.-е. хотя бы приблизительно въ той пропорціи, въ какой онѣ превосходятъ ихъ населенностью. Въ Америкѣ и Австраліи мы находимъ весьма незначительную населенность: въ Соединенныхъ Штатахъ она составляетъ только 7,0 челов. на 1 кв. километръ; если откинуть почти пустынныя Аляску, территоріи индѣйцевъ и отдаленнаго запада—и тогда населенность не превыситъ 11,7 челов. на 1 кв. километръ. Возьмемъ, далѣе, Викторію, значительнѣйшую и богатѣйшую британскую колонію въ Австраліи: на пространствѣ около 88,000 англ. квадр. миль она имѣетъ 1,140,000 жителей, что не превыситъ 5 чел. на 1 кв. километръ.

Не будучи въ состояніи опредѣлить хотя бы приблизительными цифрами ту низшую плотность населенія, которая необходима для общественнаго прогресса, мы не можемъ указать и высшій предѣлъ нормальной населенности. Въ графствѣ Миддльсексъ на 1 кв. километръ приходится 4,000 человѣкъ, въ департаментѣ Сены на такой же площади живетъ даже болѣе 30,000 душъ. Если крайній предѣлъ возможной нормальной населенности далеко не достигнутъ еще ни одной страной, то и стремленіе выселяться изъ родины не стоитъ въ какой либо прямой связи съ плотностью населенія. Сравнимъ, напр., эмиграцію изъ Великобританіи и Норвегіи. Въ

1887 году изъ Англіи съ Уэльсомъ выселилось 168,000 человѣкъ; число эмигрантовъ изъ Норвегіи составило за тотъ же годъ 20,000. Если принять въ разсчетъ, что населенность Англіи и Уэльса въ 28 разъ больше, чѣмъ Норвегіи, то выселеніе изъ Англіи, чтобы быть относительно равнымъ эмиграціи изъ Норвегіи, должно составлять 20,000×28=560,000, т.-е. быть почти въ $3^1/_4$ раза больше цифры выселенія за указанный годъ. Мы получимъ еще болѣе рѣзкій контрастъ, если сравнимъ Францію и Швецію. Въ первой населенность достигаетъ 70 человѣкъ на 1 квад. километръ, а эмиграція дала за 1886—89 года въ среднемъ только 18,294 человѣкъ въ годъ, тогда какъ изъ Швеціи, при населенности только въ 11 человѣкъ на 1 кв. километръ, за то же 4-лѣтіе среднее ежегодное число эмигрантовъ превышало 37,000.

Итакъ, абсолютно рѣдкое населеніе вовсе не исключаетъ необходимости эмигрировать. Шведы и норвежцы довольно большими массами оставляютъ свою родину, передвигаются въ Америку, страну иного языка, иныхъ нравовъ и обычаевъ, передвигаются, конечно, не изъ прихоти, а потому, что не могутъ создать для себя въ отечествѣ удовлетворительныхъ условій жизни. Если даже скандинавы, усвоившіе и въ земледѣліи, и въ обрабатывающей промышленности довольно совершенные пріемы труда и поднявшіе его производительность, чувствуютъ потребность выселяться, то тѣмъ болѣе понятна такая потребность въ Европейской Россіи, гдѣ населеніе гораздо болѣе густо, а техника гораздо менѣе совершенна. Плотность населенія въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи составляетъ 20 человѣкъ на 1 кв. километръ. Оставляя въ сторонѣ эту общую цифру и ограничиваясь губерніями, которыя высылаютъ наибольшее число переселенцевъ, мы получимъ гораздо бо́льшую плотность. Въ Орловской и Рязанской губерніяхъ на 1 кв. километрѣ живетъ уже 50 человѣкъ, въ Тульской—52, въ Курской до 60, въ Полтавской—61, въ Кіевской даже 65. Словомъ, въ губерніяхъ, откуда направляются главные потоки переселенцевъ, населенность въ 4—6 разъ выше, чѣмъ въ Швеціи, и въ 8—10 разъ больше, чѣмъ въ Норвегіи. Но пойдемъ дальше. Наклонность выселяться проявляется, главнымъ образомъ, среди крестьянъ, которые владѣютъ малымъ надѣломъ. Чтобы опредѣлить плотность населенія въ мѣстности, занимаемой данною группой, нужно принимать въ разсчетъ только ту площадь, на которой сидитъ данное сельское общество. Только на этой землѣ, уже по ея близости отъ усадьбы, оно можетъ прилагать самые раціональные способы обработки, какіе извѣстны русскому поселянину. Какъ же велика плотность населенія на крестьянскихъ надѣльныхъ

земляхъ? Въ любой общинѣ, гдѣ по выкупному договору, заключенному 25 лѣтъ тому назадъ, приходилось по 3 десятины на 1 ревизскую душу, теперь приходится не болѣе 2 десятинъ на 1 душу мужского пола или не болѣе 1 десятины на 1 жителя вообще. А это составляетъ уже 100 душъ на 1 кв. километръ,—населенность, почти въ $1^1/_2$ раза бо́льшая, чѣмъ во Франціи. Но плотность населенія достигаетъ огромныхъ размѣровъ на земляхъ тѣхъ общинъ, которыя получили сиротскій надѣлъ или низшей нормы: тамъ мы найдемъ на 1 кв. километръ 300—400 душъ, т.-е. въ 1—2 раза больше, нежели въ Бельгіи, которая изстари справедливо гордится своей высокой земледѣльческой культурой.

Мы считаемъ, поэтому, доказаннымъ, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи густота населенія и несовершенство техники дѣлаютъ переселенія необходимыми. Постараемся же выяснить, насколько можетъ быть значителенъ матеріальный и духовный прогрессъ при томъ рѣдкомъ населеніи, которое имѣетъ теперь Сибирь, главное поле для нашей колонизаціи въ настоящемъ и будущемъ.

Сибирскія губерніи населены очень рѣдко: на 1 кв. версту приходится отъ 0,06 въ Приморской области, до 1,6 въ Томской губерніи. Однако, населеніе Тобольской, Томской губерніи, и даже Забайкальской области, значительно гуще, нежели западныхъ территорій Соединенныхъ Штатовъ: Колорадо, Орегонъ и Невада. А въ нѣкоторыхъ округахъ Тобольской губерніи (Тюменскій, Ишимскій, Ялуторовскій, Курганскій) населенность достигаетъ уже 5—6—11 душъ на 1 кв. километръ, чего не имѣетъ ни одна изъ территорій Соединенныхъ Штатовъ. При столь рѣдкомъ населеніи успѣхи культуры вполнѣ возможны, если новоселы осѣдаютъ значительными деревнями: въ довольно большой группѣ уже возможно далеко идущее раздѣленіе труда. При такомъ поселеніи ближайшія къ усадебной осѣдлости земли могутъ быть полемъ для развитія болѣе или менѣе интензивнаго хозяйства, а отдаленные — лѣса, выгоны—должны служить тѣмъ даровымъ, доступнымъ фондомъ, который будетъ выручать въ черный день и удовлетворять нужды нарождающихся поколѣній. Все это побуждаетъ насъ сказать, что рѣдкость населенія сама по себѣ не будетъ преградою для культурныхъ успѣховъ русскаго востока.

Противники переселеній нерѣдко говорятъ, что легкая возможность оставить старыя земли и промѣнять ихъ на новыя, дѣвственныя, способна только увеличивать небрежность русскаго земледѣльца, его нежеланіе усвоить болѣе совершенные пріемы земледѣльческой техники; при такихъ условіяхъ окончательно остановятся успѣхи сельскаго хозяйства. Несостоятельность этого взгляда

можетъ быть доказана справками съ хозяйственной исторіей западной Европы и Сѣверной Америки, и слѣдующими соображеніями. Какъ въ частномъ хозяйствѣ для средняго типичнаго хозяина естественно, благоразумно и необходимо прежде всего отыскивать въ своемъ имѣніи лучшіе клочки и изъ нихъ извлекать доходы съ помощью старинныхъ пріемовъ, всѣмъ извѣстныхъ и не требующихъ затратъ, и уже позднѣе переходить къ болѣе сложнымъ и дорогимъ нововведеніямъ, такъ и для цѣлаго народа ближайшей и простѣйшей задачей служитъ планомѣрное размѣщеніе по всей территоріи и занятіе тѣхъ земель, которыя обѣщаютъ обильно вознаграждать трудъ поселенцевъ. Замѣтимъ также, что $^{9}/_{10}$ всей массы русскихъ переселенцевъ не въ состояніи способствовать успѣхамъ земледѣлія на своей родинѣ; имъ подъ силу только самое экстензивное хозяйство.

Многіе видятъ въ переселеніяхъ условіе, способное поднять заработную плату сельскихъ рабочихъ и уменьшить выгодность сельскаго хозяйства для крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ. Такая перспектива вызываетъ нерѣдко пожеланія, чтобы переселенія совершались въ возможно скромныхъ размѣрахъ, и чтобы государство не расходовало средствъ для облегченія массамъ передвигаться на востокъ, въ болѣе благопріятныя для нихъ условія жизни. Не говоря объ узкости и неправильности такого взгляда, разсматривающаго важный вопросъ народнаго хозяйства съ точки зрѣнія хозяйства частнаго, слѣдуетъ замѣтить, что опасенія этого рода совершенно напрасны.

По оффиціальнымъ отчетамъ о движеніи переселенцевъ, ежегодное ихъ число не превышаетъ 100,000 душъ. Допустимъ, однако, что общее число лицъ, оставляющихъ родину, достигаетъ 20,000 семей, т.-е. 100,000 душъ обоего пола: и тогда число переселенцевъ составитъ только небольшую долю годичнаго прироста населенія въ тѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, которыя уступаютъ дальнему востоку хотя небольшое число своихъ сыновъ.

Приростъ населенія 50 губерній Европейской Россіи опредѣляется цифрою болѣе 1 милліона, изъ котораго болѣе 900,000 приходится на населеніе деревень. Въ тѣхъ 17—20 губерніяхъ, которыя даютъ значительное число переселенцевъ, ежегодный приростъ сельскаго населенія составляетъ гораздо болѣе 300,000 душъ. Но если даже предположить, что приростъ въ этой полосѣ не превышаетъ 300,000, и тогда цифра переселенцевъ составитъ только 33% всего годичнаго прироста. Ежегодное передвиженіе въ плодородныя и малонаселенныя восточныя губерніи Европейской Россіи, на Кавказъ и въ Сибирь 60,000 семействъ, или 300,000 душъ было бы

величественнымъ явленіемъ въ ряду фактовъ нашей экономической политики. Но и оно не превышало бы ежегоднаго прироста населенія и не умаляло бы числа рабочихъ рукъ, которыми располагаютъ нынѣ наши крупныя и среднія сельскія хозяйства. Такъ какъ переселенія совершаются не въ одиночку, не одними лицами въ возрастѣ полной рабочей силы, а семьями, въ которыхъ, если группа довольно велика, распредѣленіе членовъ по поламъ и возрастамъ соотвѣтствуетъ распредѣленію жителей цѣлыхъ селеній и уѣздовъ, то пробѣлъ, оставляемый выбывающими, немедленно пополнялся бы путемъ нарожденія и безостановочнаго передвиженія юныхъ членовъ остающихся группъ въ возрастъ полурабочей или полной рабочей силы.

Если отливъ числа переселенцевъ, равный ежегодному приросту населенія, не можетъ имѣть вліянія на повышеніе платы сельскимъ рабочимъ въ Европейской Россіи вообще, то возможно небольшое повышеніе въ отдѣльныхъ волостяхъ и даже уѣздахъ. Губерніи, поставляющія переселенцевъ, не въ равной степени участвуютъ и будутъ участвовать въ этомъ процессѣ, а потому, при общемъ итогѣ, равномъ ежегодному приросту населенія, изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, могутъ быть выселенія, превосходящія ежегодный приростъ, тогда какъ изъ другихъ губерній они не будутъ достигать его. Нѣкоторое повышеніе заработной платы, еслибы оно вслѣдствіе этого наступило въ уѣздахъ первой группы, не только не будетъ опасно для хозяевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ, но даже должно быть признано желательнымъ.

Какъ ни низка плата русскимъ сельскимъ рабочимъ, она можетъ быть, пожалуй, иногда тяжела для нашихъ сельскихъ хозяевъ. Каждый, знакомый съ условіями сельскаго хозяйства, знаетъ, что у насъ, при огромной, безобразной длинѣ рабочаго дня, наемный трудъ менѣе производителенъ, нежели въ западной Европѣ. И причина этого лежитъ какъ въ тѣлесной хилости дурно питающагося русскаго работника, такъ и въ вяломъ отношеніи нашихъ сельскихъ хозяевъ къ ихъ исконному занятію, въ слѣдованіи тѣмъ пріемамъ стародавней земледѣльческой культуры, которые рѣшительно не соотвѣтствуютъ измѣнившимся условіямъ нашего экономическаго быта. Все это дѣлаетъ трудъ нашего сельскаго рабочаго менѣе производительнымъ, служитъ причиною бездоходности многихъ крупныхъ и среднихъ хозяйствъ и позволяютъ Америкѣ и Австраліи успѣшно соперничать съ нами на всемірномъ рынкѣ, хотя ихъ сельскіе рабочіе получаютъ плату въ 3—4 раза высшую, нежели наши. Но и въ предѣлахъ нашего отечества мы имѣемъ широкое поле для наблюденія, что самая низкая плата не есть въ

то же время плата, наиболѣе выгодная для сельскаго хозяина. Рабочая плата въ прибалтійскихъ и привислянскихъ губерніяхъ стоитъ вообще на 30—40—50% выше платы въ средней Россіи, и именно въ этихъ губерніяхъ хозяйство поставлено наиболѣе удовлетворительно, именно изъ нихъ всего рѣже слышались жалобы на безпомощное положеніе землевладѣльцевъ. Плата сельскимъ рабочимъ стоитъ всего ниже въ сѣверско-бѣлорусскомъ Полѣсьѣ, обнимающемъ губерніи Минскую, Могилевскую и сѣверную часть Черниговской, и именно въ этой полосѣ сельское хозяйство наиболѣе отстало сравнительно даже съ тѣмъ, что представляетъ сѣверная Россія. Напротивъ, въ южно-русскихъ губерніяхъ плата стоитъ въ $1^1/_2$—2 раза выше, чѣмъ вознагражденіе труда въ средней Россіи; въ иные годы недостатокъ рабочихъ рукъ еще болѣе повышаетъ эту плату, однако, въ этихъ губерніяхъ хозяйство болѣе доходно, нежели въ мѣстностяхъ съ низшей рабочей платой. Извѣстная часть этого явленія можетъ быть приписана плодородной почвѣ южной Россіи; но важной причиной служатъ также усовершенствованія въ пріемахъ труда, которыя замѣчаются именно въ этихъ губерніяхъ. Примѣненіе къ сельскому хозяйству паровыхъ двигателей и разнообразныхъ машинъ встрѣчается наиболѣе часто въ губерніяхъ Бассарабской, Екатеринославской, Каменецъ-Подольской, Херсонской. Поэтому, небольшое повышеніе платы, еслибы оно дѣйствительно произошло, доставитъ даже выгоду хозяйствамъ, примѣняющимъ наемный трудъ. Это обстоятельство дастъ землевладѣльцу новый толчокъ къ тому, чтобы разстаться со старой заржавѣвшей колеей и перейти къ системамъ хозяйства, болѣе соотвѣтствующимъ условіямъ внутренняго и международнаго рынковъ, а потому и болѣе выгоднымъ. Вотъ почему переселенія, разсматриваемыя даже съ такой узкой частно-хозяйственной точки зрѣнія, не представляются противными интересамъ крупнаго сельскаго хозяйства.

Перейдемъ, однако, на почву права. Намѣренно оставляя въ сторонѣ нужды переселяющихся, намѣренно съуживая вопросъ, мы сравнимъ сталкивающіеся частные интересы и постараемся вывести изъ нихъ нѣкоторыя руководящія начала для политики переселеній.

Землевладѣлецъ Курской, Полтавскій, Рязанской губерній привыкъ платить сельскимъ рабочимъ по 30—40—50 коп. въ день. Онъ опасается, чтобы выселенія не подняли поденной платы до 60—70 к. Положимъ, что государственная власть считаетъ переселенія въ интересахъ самихъ переселяющихся излишними и смотритъ на нихъ, какъ на явленіе, допустимое лишь подъ условіемъ,

чтобы крупное и среднее сельское хозяйство не несло матеріальныхъ убытковъ. При такой точкѣ зрѣнія, было бы послѣдовательно не разрѣшать переселеній или съуживать ихъ размѣры, еслибы всѣ крупные и средніе сельскіе хозяева Россіи раздѣляли эти опасенія. Однако, мы видимъ совсѣмъ иное: въ Оренбургской, Уфимской, восточной части Самарской губерніи и многихъ другихъ рѣдконаселенныхъ мѣстностяхъ, землевладѣльцы жалуются на необезпеченность своихъ хозяйствъ рабочими руками, на чрезмѣрно высокую плату, на крайнюю трудность хозяйничать съ правильнымъ разсчетомъ. Эти хозяева платятъ по 70—80—100 коп. въ день и дороже жалуются, что такія цѣны слишкомъ высоки. Эти хозяева жаждутъ, чтобы ихъ районы привлекали возможно бо̀льшее число переселенцевъ, способныхъ, по ихъ убѣжденію, понизить заработную плату и сдѣлать веденіе хозяйства болѣе выгоднымъ. Если государство приводитъ переселенія въ связь съ интересами сельскихъ хозяевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ, то какія имѣетъ оно основанія для предпочтенія выгодъ полтавскихъ, рязанскихъ или курскихъ землевладѣльцевъ интересамъ землевладѣльцевъ въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ?

Посмотримъ на другую сторону дѣла. Землевладѣлецъ Тульской, Орловской, Кіевской губерній привыкъ сдавать свои пахатныя и сѣнокосныя земли въ аренду по 18—20—25 р. за 1 десятину въ годъ. Онъ боится переселеній, такъ какъ, думаетъ онъ, арендная плата понизится на 20 — 30 — 40 процентовъ. Но землевладѣлецъ Уфимской и Оренбургской губерній, Новоузенскаго и Николаевскаго уѣздовъ Самарской губ. сдаетъ землю въ наемъ по 3—1 р. за 1 десятину. Перейдемъ въ Сибирь на казенныя земли; тамъ мы найдемъ еще гораздо болѣе низкую арендную плату—въ 30, 20, 10, 5 коп. за 1 десятину. Затрудненіе переселеній въ широкихъ размѣрахъ, дабы поддерживать арендныя цѣны на ихъ настоящемъ уровнѣ, не можетъ быть оправдано ни экономически, ни юридически. Оно не можетъ быть оправдано экономически, такъ какъ земли на восточной окраинѣ Европейской Россіи или въ Сибири и по качеству почвы, и, нерѣдко, по свойствамъ климата, въ которомъ лежатъ, отличаются не меньшею производительностью, чѣмъ земли густонаселенныхъ мѣстностей Европейской Россіи, а потому нѣтъ основанія, чтобы онѣ были въ 5, 10, 20 разъ рѣже населенными, чѣмъ земли великороссійскихъ или малорусскихъ губерній. Еще труднѣе было бы отыскать для такого образа дѣйствій юридическое оправданіе. Почему тульскій землевладѣлецъ находится въ лучшемъ правѣ, нежели землевладѣлецъ самарскій или оренбургскій? Почему боязнь понизить арендную плату пер-

ваго съ 20 рублей за 1 десятину, на 18 рублей должно перевѣшивать желаніе поднять арендную плату, получаемую вторымъ, съ 2 р. на 5 рублей за 1 десятину? Столь же трудно доказать правильность такого образа дѣйствій въ виду несомнѣннаго ущерба, который онъ долженъ наносить казнѣ. Чѣмъ болѣе съуживаютъ переселенія, тѣмъ болѣе вѣроятія, что громадныя площади казенныхъ земель будутъ приносить только ничтожный доходъ, а наибольшая масса этихъ земель останется и вовсе необитаемою. А такое отношеніе, рѣзко противорѣча общеизвѣстной поговоркѣ, что «казенная копѣйка въ водѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ», выражало бы непонятное, ненормальное предпочтеніе частныхъ выгодъ интересамъ государственной казны.

Все сказанное побуждаетъ насъ установить слѣдующія положенія: 1) широкое развитіе переселеній могло бы причинить крупнымъ и среднимъ сельскимъ хозяевамъ только самыя незначительныя, скоро преходящія невыгоды, исчезающія съ улучшеніемъ земледѣльческой техники; 2) такая политика доставила бы замѣтныя выгоды крупнымъ и среднимъ землевладѣльцамъ въ рѣдко населенныхъ мѣстностяхъ, куда направляются переселенцы, и, наконецъ, 3) она увеличила бы доходность казенныхъ земель, на которыхъ водворяются переселенцы.

Отстраняя наиболѣе распространенныя возраженія, мы считаемъ нетруднымъ доказать, что переселенія способны приносить и, частію, приносятъ большія выгоды и государственному казначейству, и всему народному хозяйству Россіи, и что матеріальное содѣйствіе переселенцамъ было бы одною изъ самыхъ производительныхъ затратъ государственной казны.

На родинѣ поселянинъ обработываетъ свой крохотный 2-хъ-десятинный надѣлъ; его изба подгнила и покосилась; онъ ѣстъ лишь то и столько, чтобы не умереть съ голоду; онъ—хроническій недоимщикъ по прямымъ податямъ; онъ платитъ абсолютно мало косвенныхъ налоговъ, такъ какъ почти не потребляетъ вина и вовсе не знаетъ чаю, сахару, пива. Онъ почти не покупаетъ мануфактурныхъ товаровъ, и не открываетъ новаго рынка отечественнымъ фабрикамъ и заводамъ. Не доѣдая и не допивая, онъ даетъ бытіе тому малокровному, тщедушному поколѣнію, которое изъ года въ годъ поставляетъ все бóльшій процентъ людей, непригодныхъ къ отбыванію воинской повинности. Если болѣе благопріятныя условія хозяйства на новыхъ мѣстахъ позволятъ каждой семьѣ переселенца расширить покупку разныхъ товаровъ на 150 рублей, а освобожденіе многихъ земельныхъ надѣловъ увеличитъ покупательную силу каждаго двора, оставшагося на родинѣ,

только 50 рублями, то каждая семья, устроившаяся на востокѣ, откроетъ нашимъ фабрикамъ и заводамъ рынокъ на лишнихъ 200 рублей въ годъ. 200 рублей выражаютъ ежегодный приростъ, который можетъ получить отъ каждой переселившейся семьи русское народное хозяйство.

Можно примѣрно вычислить долю государственнаго казначейства въ этихъ 200 рубляхъ. Вся сумма податей въ государственныхъ финансахъ, земскихъ, городскихъ и волостныхъ, составляетъ не менѣе 800 милліоновъ рублей въ годъ, т.-е. болѣе 7 рублей на каждаго жителя. Если согласиться съ Мѣлголломъ, что въ Россіи доходъ на 1 жителя составляетъ 55 рублей въ годъ, то окажется, что налоги поглощаютъ больше $^1/_8 — 13^0/_0$. Такимъ образомъ, изъ 200 рублей въ казну поступитъ 26 рублей. Въ дѣйствительности же, пріобрѣтеніе казны выразится гораздо болѣе крупной цифрой: 200 рублей представляютъ приростъ въ потребленіи наиболѣе распространенныхъ товаровъ—вина, сахару, чаю, ситца, желѣза; а такъ какъ въ цѣнѣ многихъ товаровъ налогъ достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ процентовъ, то можно смѣло утверждать, что въ 200 рубляхъ, по крайней мѣрѣ, 40 рублей, т.-е. $20^0/_0$, составятъ долю государственнаго казначейства.

Противъ переселеній изъ Европейской Россіи въ Сибирь возражаютъ потому, что такая политика, будто бы, позволяетъ нѣмцамъ занимать наши юго-западныя окраины и постепенно совершать мирное завоеваніе нашего отечества. Въ случаѣ войны съ Германіей онѣмеченная западная граница послужила бы для врага очень удобнымъ мѣстомъ стоянки. Однако, статистическія данныя вполнѣ убѣдительно доказываютъ, что губерніи со значительной площадью земли въ рукахъ нѣмцевъ или вовсе не выдѣляютъ изъ себя переселенцевъ, или выдѣляютъ только крайне малочисленныя группы: среди 7759 переселенческихъ семей, отмѣченныхъ въ Томскѣ за 1892 годъ, только 48 были изъ Подольской губерніи, 10 изъ Екатеринославской, по 1-й изъ Таврической, Ломжинской, Плоцкой, Виленской и Минской губерній. Можно, поэтому, установить положеніе, что вопросъ о переселеніяхъ русскихъ крестьянъ на востокъ не стоитъ ни въ какой связи съ иммиграціей иностранцевъ, главнымъ образомъ, нѣмцевъ, въ западныя части Европейской Россіи. Не слѣдуетъ смѣшивать чисто хозяйственные интересы средней Россіи, которая даетъ востоку наибольшее число переселенцевъ, и политическія соображенія, связанныя со вселеніемъ нѣмцевъ въ наши западныя пограничныя губерніи. Первыя потребности могутъ быть удовлетворены правильно упорядоченной переселенческой политикой; оплотъ же противъ прилива иностран-

ныхъ подданныхъ на западныя окраины можетъ быть поставленъ облегченіемъ условій кредита изъ отдѣленій крестьянскаго земельнаго банка, дѣйствующихъ на Волыни, въ Подоліи и Новороссіи, и расширеніемъ надѣловъ малоземельныхъ крестьянъ въ южныхъ и югозападныхъ губерніяхъ.

Переселенія могутъ оказать крупныя услуги и внѣшней политикѣ Россіи. Военное могущество стоитъ въ самой тѣсной, неразрывной связи съ экономическими и санитарными условіями. Отвлеченіе части жителей изъ мѣстностей, наиболѣе густо населенныхъ, повыситъ уровень благосостоянія, не замедлитъ дать населенію лучшую пищу и въ немного лѣтъ увеличитъ его тѣлесную крѣпость.

III.

Переселенія являются столь крупными фактами общественной жизни, что государство не можетъ относиться къ нимъ вполнѣ безучастно. Правительство страны, откуда совершается эмиграція, имѣетъ очень слабыя побужденія оказывать матеріальное содѣйствіе гражданамъ, которые навсегда выселяются за предѣлы отечества и какъ бы становятся потерянными для родины. Однако, чувство гуманности заставляетъ требовать отъ государства охраны и этихъ людей: бѣдные, малограмотные, поверхностно знакомые съ отдаленнымъ краемъ, который выбираютъ для поселенія, легковѣрные, эти люди всегда могутъ сдѣлаться добычею тѣхъ ловкихъ промышленниковъ, которые занимаются перевозкою эмигрантовъ и устроеніемъ ихъ на новыхъ мѣстахъ. Вотъ соображенія, которыя за послѣднія десятилѣтія побуждаютъ европейскія правительства заботиться объ эмигрантахъ. И правила, установленныя въ нѣкоторыхъ государствахъ относительно выселенцевъ, распространяются какъ на подданныхъ, такъ равно и на чужеземцевъ, только проѣзжающихъ данную страну.

Попытки правильно организовать переселенія относятся въ Англіи къ 1830 году. По почину Уэкфильда, было основано колонизаціонное общество, которое поставило себѣ цѣлью направлять переселенія въ колоніи. Основныя начала системы Уэкфильда состояли въ томъ, чтобы обезпечить колоніи достаточнымъ числомъ рабочихъ рукъ, чтобы, переселивъ работниковъ въ колоніи, препятствовать самостоятельному веденію ими хозяйства въ теченіе 2—3 лѣтъ. Эта цѣль могла быть достигнута только посредствомъ продажи земли по довольно высокой цѣнѣ. Творецъ проекта исходилъ изъ убѣжденія, что только развитіе частно-капиталистическаго производства обезпечиваетъ процвѣтаніе колоній. Дѣятель-

ность колонизаціоннаго общества была непродолжительна и неудачна. Но изъ него выработалось учрежденіе, облегчившее вмѣшательство государства въ переселенія: въ 1837—40 годахъ была учреждена управа переселеній въ колоніи (colonial land and emigration board). На нее было возложено распространеніе точныхъ статистическихъ свѣдѣній о колоніяхъ, покупка свободныхъ земель и перевозка переселенцевъ. Въ первыя 10 лѣтъ своей дѣятельности она перевезла въ Австралію больше 100.000 душъ, изъ нихъ значительное число на казенный счетъ. Около этого же времени возникло нѣсколько частныхъ обществъ для перевозки эмигрантовъ въ англійскую Канаду. Хотя правительство ограничивалось выдачею матеріальныхъ пособій для переселенія въ австралійскія колоніи и сдѣлало только эти переселенія предметомъ своего ближайшаго руководства, однако, подчинило надзору эмиграціонной управы всѣ корабли, перевозящіе переселенцевъ. За 8 лѣтъ (1847—54) правительство переселило въ Австралію больше 207.000 душъ, затративъ на это около $3^1/_2$ милліоновъ фунт. стерлинг., которые были выручены отъ продажи земли въ колоніяхъ. Съ конца 50-хъ годовъ стала съуживаться дѣятельность эмиграціонной управы и уменьшаться средства, которыя правительство отпускало на переселенія; въ 1873 году управа была закрыта. Въ 1886 году въ Лондонѣ было основано правительственное справочное переселенческое бюро; оно собираетъ подробныя свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ жизни колоній, дѣлаетъ описанія, печатаетъ краткія общедоступныя руководства для переселенцевъ и старается дать имъ широкое распространеніе. Есть также нѣсколько десятковъ частныхъ обществъ, содѣйствующихъ переселенцамъ указаніями и матеріальными пособіями. Надзоръ за пароходами, которые перевозятъ переселенцевъ, упорядоченъ законами 1855, 1863 и 1872 годовъ. Онъ распространяется на всѣ корабли, которые идутъ въ мѣста, лежащія за предѣлами Европы (кромѣ побережій Средиземнаго моря). При торговыхъ управахъ состоятъ особыя должностныя лица—commissioners of emigration—и цѣлый рядъ подчиненныхъ имъ агентовъ. Ни одинъ корабль съ переселенцами не имѣетъ права выйдти изъ гавани до тѣхъ поръ, пока не получилъ удостовѣренія, что былъ освидѣтельствованъ коммиссіонеромъ и пока владѣлецъ судна не внесъ установленнаго залога. Лица, промышляющія перевозкой переселенцевъ, и ихъ агенты вносятъ залоги и получаютъ концессію на занятіе этимъ дѣломъ.

Законы о переселенцахъ, изданные въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Остановимся на гамбургскомъ законодательствѣ, которое должно быть приз-

нано во многихъ отношеніяхъ образцовымъ. Первыя попытки законодательнаго упорядоченія переселенческаго дѣла восходятъ къ 1836 году. Правительство вольнаго города Гамбурга, богатаго и торговаго, поняло, что ростъ эмиграціоннаго потока чрезъ Гамбургъ послужитъ развитію его торговаго флота; правительство поняло, что эмигранты изъ разныхъ странъ будутъ тѣмъ охотнѣе предпочитать Гамбургъ другимъ портамъ, чѣмъ больше будетъ приложено стараній для обезпеченія переселенцамъ личной и имущественной безопасности. Постепенно развиваясь, гамбургское законодательство о переселенческомъ дѣлѣ было завершено закономъ 14 января 1887 года.

Во главѣ управленія переселенческимъ дѣломъ стоитъ переселенческая управа изъ 5 членовъ: 2 сенаторовъ и 3 членовъ торговой палаты. Управѣ подвѣдомственно справочное бюро; оно обязано, по требованію переселенцевъ, давать имъ всякаго рода указанія, защищать ихъ отъ убытковъ, которые они могутъ понести. Лица, состоящія при этомъ бюро, исполняютъ полицейскія обязанности; они не должны допускать агентовъ по переселенческому дѣлу уже на вокзалахъ вступать въ сношенія съ эмигрантами. При бюро есть врачи, которые свидѣтельствуютъ выселенцевъ, осматриваютъ постоялые дворы, гдѣ они останавливаются, и суда, на которыхъ они выѣзжаютъ изъ Гамбурга. Есть также особые надсмотрщики, обязанные наблюдать за тѣмъ, чтобы суда, перевозящія переселенцевъ, были въ полной исправности. Право заниматься переселенческимъ промысломъ связано со многими условіями. Эти лица должны имѣть постоянное жительство въ Гамбургѣ, быть германскими подданными. Власти даютъ имъ концессію по представленіи залога въ 20.000 марокъ и доказательства того, что они могутъ располагать судами для передвиженія переселенцевъ. Отправители переселенцевъ получаютъ разрѣшеніе заниматься своимъ промысломъ только для точно обозначенныхъ странъ или мѣстностей. Принимать переселенцевъ на ночлегъ дозволено только хозяевамъ постоялыхъ дворовъ, которые имѣютъ спеціальное разрѣшеніе. Подробныя правила опредѣляютъ обязанности хозяевъ этихъ дворовъ относительно ночлега и харчей переселенцевъ, сбереженія ихъ вещей и [illegible]гъ, мѣръ предосторожности отъ огня. Всѣ эти постоялые дворы [illegible]ходятся подъ неослабнымъ полицейскимъ надзоромъ. Если от[illegible]здъ переселенцевъ отсрочился не по ихъ винѣ, то отправитель, о[illegible]вшійся перевезти эмигранта, долженъ платить денежную пеню [illegible]каждый просроченный день, считая отъ дня, когда по договору д[illegible]но было состояться отплытіе. Отправители переселенцевъ выда[illegible] имъ письменныя условія на нѣмецкомъ языкѣ, а

для чужестранцевъ— съ переводомъ на языкъ, который они знаютъ; въ договорѣ прописывается имя переселенца, званіе, возрастъ, плата за переѣздъ, время отплытія изъ Гамбурга, мѣсто назначенія и проч. Другой экземпляръ договора представляется переселенческой управѣ. Подробныя правила опредѣляютъ, въ какомъ состояніи должны быть суда, перевозящія переселенцевъ: вмѣстимость каютъ, количество провіанта на каждаго переселенца, вентиляція, запасы воды для питья, даже число душъ, на которыхъ долженъ приходиться 1 фонарь—все предусмотрѣно этими правилами. Каждое судно, перевозящее больше 50 переселенцевъ, имѣетъ врача, который долженъ безвозмездно подавать пассажирамъ помощь. Исполненіе правилъ обезпечивается тѣмъ, что всѣ суда находятся подъ наблюденіемъ надсмотрщиковъ, которые могутъ во всякое время посѣщать и осматривать ихъ. Нарушеніе закона и распоряженій относительно переселенцевъ наказывается денежной пеней до 1,500 марокъ или тюремнымъ заключеніемъ до 1 года. Переселенческая управа принимаетъ подъ свое покровительство переселенцевъ тотчасъ по ихъ прибытіи въ Гамбургъ. Должностныя лица, уполномоченныя отъ этой управы, встрѣчаютъ переселенцевъ на вокзалѣ и вручаютъ каждому такое, напечатанное на 7 языкахъ объявленіе: «Выселенцы получаютъ безвозмездно защиту и совѣтъ въ бюро гамбургской переселенческой управы». Уполномоченные управы не дожидаются, чтобы переселенцы обращались къ нимъ за содѣйствіемъ, а посѣщаютъ ихъ на постоялыхъ дворахъ, разузнаютъ, не нужно ли имъ чего-нибудь, и оказываютъ содѣйствіе. Всѣ эти мѣры очень полезны: ими объясняется отличное санитарное состояніе переселенцевъ, ѣдущихъ чрезъ Гамбургъ: въ 1887—89 годахъ изъ Гамбурга выѣхало на судахъ около 150,000 душъ; изъ нихъ въ дорогѣ умерли 128, т.-е., меньше $^1/_{10}{}^0/_0$. Въ концѣ 1892 года германское правительство представило рейхстагу проектъ закона о выселеніяхъ, во многомъ сходный съ гамбургскимъ законодательствомъ.

Государство, принимающее переселенцевъ, заинтересовано въ томъ, чтобы они не понижали въ странѣ уровня благосостоянія и культуры. А такимъ пониженіемъ угрожаетъ притокъ многочисленныхъ малокультурныхъ массъ, которыя, принося съ собою дешевыя рабочія руки, уменьшаютъ заработную плату въ своемъ новомъ отечествѣ и оставляютъ безъ занятія многихъ членовъ туземнаго рабочаго класса. Такимъ же нежелательнымъ пріобрѣтеніемъ является для страны и вселенцы слабаго здоровья, престарѣлые, увѣчные. Государство, охраняя интересы своего населенія, въ правѣ принимать мѣры, ограничивающія въѣздъ такихъ пересе-

ленцевъ. Соединенные Штаты долгое время находились въ подобномъ положеніи. Съ конца 50-хъ годовъ въ нихъ ежегодно прибывали многія тысячи китайцевъ, привозившихъ крайне дешевыя рабочія руки. А европейская эмиграція доставляла Америкѣ не только дешевый трудъ ирландцевъ, поляковъ, венгровъ, но и престарѣлыхъ, увѣчныхъ, умалишенныхъ, которыхъ охотно, на собственный счетъ, отправляли въ Соединенные Штаты многія англійскія и швейцарскія общины. Все это побудило издать въ 80-хъ годахъ нѣсколько ограничительныхъ законовъ. Ими постановляется высылать обратно тѣхъ вселенцевъ, которые, прибывъ въ Америку, должны лечь бременемъ на общественное призрѣніе; запрещается ввозить въ Соединенные Штаты рабочихъ на основаніи договора, заключеннаго съ ними до прибытія ихъ въ Америку. Китайцамъ вовсе запрещено переселяться въ Америку.

Сравнивая колоніи западно-европейскихъ народовъ съ окраинными областями Россіи, куда направляются наши переселенцы, мы замѣчаемъ сходныя черты; но есть одно крупное различіе, которое дѣлаетъ положеніе Россіи болѣе выгоднымъ. Англія, Франція, Голландія отдѣлены отъ своихъ колоній океаномъ, и затраты, совершаемыя западно-европейскими народами, являются для метрополіи гадательно полезными. Политическая связь между сторонами, какъ показываетъ исторія Соединенныхъ Штатовъ, не отличается большой прочностью; весь запасъ и личныхъ силъ, и матеріальныхъ средствъ, которыя европейскія страны отдаютъ своимъ колоніямъ, онѣ расточаютъ, быть можетъ, для того, чтобы создать себѣ могущественныхъ соперниковъ. Но все, что Россія сдѣлаетъ для своихъ внутреннихъ переселеній, уже по тѣсной географической связи Европейской Россіи съ русскими владѣніями въ Азіи послужитъ къ увеличенію нашего благосостоянія и укрѣпленію нашего могущества. Великой равнинѣ, перерѣзанной невысокимъ Уральскимъ хребтомъ, сама судьба предназначила быть единымъ государствомъ. Вотъ почему еще въ Россіи можно требовать отъ государства особеннаго вниманія къ нуждамъ переселенцевъ.

Въ Россіи переселенческое дѣло упорядочено закономъ 13 іюля 1889 года; онъ является шагомъ впередъ въ нашей переселенческой политикѣ. Нужно отмѣтить слѣдующія выгодныя стороны этого закона. 1) Онъ не нарушаетъ формы землевладѣнія, которая стала для переселяющихся привычною. Ст. 9 предоставляетъ переселенцамъ опредѣлить на сельскомъ сходѣ о принятіи подворнаго или общиннаго порядка пользованія землею; тѣмъ самымъ законъ выражаетъ бережное отношеніе къ такому важному факту народной жизни, какъ строй землевладѣнія.

2) Законъ даетъ переселяющимся существенныя льготы. Наемная плата за земли, отводимыя переселенцамъ, не должна быть выше платежей, взносимыхъ бывшими государственными крестьянами селеній, находящихся въ одинаковыхъ сельскохозяйственныхъ условіяхъ съ землями, на которыхъ водворяются переселенцы. Всѣ, вообще, переселенцы освобождаются отъ всѣхъ сборовъ, которые причитаются казнѣ: въ Европейской Россіи въ теченіе двухъ лѣтъ, а въ Азіатской—въ теченіе трехъ; для послѣднихъ въ теченіе второго трехлѣтія сборы и платежи опредѣляются въ половинномъ размѣрѣ. Отбываніе воинской повинности отсрочивается первымъ на два года, вторымъ—на три. До окончательнаго перечисленія переселенцы имѣютъ право пользоваться ссудами для продовольствія и обсѣмененія полей на тѣхъ же условіяхъ, какъ и мѣстные крестьяне. Съ переселенцевъ слагаются числившіяся за ними на мѣстѣ выселенія недоимки по казеннымъ и мірскимъ сборамъ, а также продовольственнымъ ссудамъ. 3) Законъ постановляетъ (ст. 16), что если земля, на которой возникъ поселокъ, отведена для большаго числа переселенцевъ, то всѣ, кто водворяется въ этомъ поселеніи послѣ образованія изъ него сельскаго общества. входятъ въ его составъ безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ. Это положеніе закона предупреждаетъ столкновенія между старожилами и переселенцами, проистекающія, главнымъ образомъ, изъ того, что старожилы привыкли считать себя исключительными владѣльцами всей земли, которая тяготѣетъ къ нимъ, хотя бы она была достаточна для поселенія вдесятеро большаго числа крестьянъ. Дѣлая въ такихъ случаяхъ пріемные приговоры излишними, законъ тѣмъ самымъ уничтожаетъ условіе, которое послужило въ Алтайскомъ округѣ источникомъ разоренія для многихъ новоселовъ. 4) Мы придаемъ большое значеніе тому, что земля поступаетъ къ переселенцамъ не въ собственность, а только въ безсрочное пользованіе съ запрещеніемъ отчуждать участокъ или обременять его долгами. Это положеніе закона ставитъ нѣкоторую преграду для развитія сельскаго пролетаріата и удерживаетъ за государствомъ верховное право на отведенную землю, право, которое можетъ получить и реальное значеніе. Еслибы съ теченіемъ времени болѣе совершенные пріемы земледѣльческаго труда и большая плотность населенія возвысили цѣнность и доходность этихъ земель, а число душъ въ данномъ поселеніи не увеличилось, то государство въ правѣ будетъ открыть новымъ переселенцамъ доступъ на эти земли съ пониженіемъ нормы надѣла.

Но въ законѣ 1889 года есть и крупные недостатки. 1) Надѣлъ переселенцевъ оставляется сельскому обществу, и на послѣднее пе-

релагаются выкупные платежи, а равно недоимки по казеннымъ, земскимъ и мірскимъ сборамъ. Въ мѣстахъ, гдѣ доходность земли превышаетъ сумму сборовъ всѣхъ наименованій, эта статья не можетъ причинить ущербъ односельчанамъ выселенцевъ, но тамъ, гдѣ земля неплодородна, сельское общество прямо страдаетъ отъ выселенія своихъ членовъ. Въ послѣднемъ случаѣ—самымъ правильнымъ рѣшеніемъ было бы принятіе казной на себя потерь, которыя падаютъ теперь на сельское общество. 2) Переселенія не приводятся въ связь съ малоземельемъ крестьянъ, безплодіемъ почвы или другими характерными признаками дурнаго состоянія хозяйства, а ставятся въ полную зависимость отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи. Губернаторы, доводя до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ о желаніи крестьянъ переселиться и сопровождая эти ходатайства своими заключеніями, будутъ основываться на матеріалѣ, доставляемомъ чинами уѣздной администраціи—земскихъ управъ, а главное исправниковъ и участковыхъ начальниковъ. Во многихъ случаяхъ свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи крестьянъ, желающихъ переселиться, будутъ собираться съ полнымъ вниманіемъ къ дѣлу и освѣщаться съ полнымъ безпристрастіемъ. Но нерѣдки будутъ и крайне нежелательныя явленія. Чины уѣздной администраціи часто принадлежатъ къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ и сельскимъ хозяевамъ; боясь, чтобы выселенія не возвысили рабочей платы, они нерѣдко будутъ склонны давать свѣдѣніямъ объ имущественномъ положеніи просителей такое освѣщеніе, которое легко будетъ вести въ министерствахъ къ предположенію, что переселенія изъ данной мѣстности не вызываются необходимостью. Чтобы переселенія не наталкивались на подобныя препятствія, желательно дополненіе закона 13 іюля опредѣленіемъ условій, при которыхъ мѣстная администрація была бы обязана особенно тщательно и полно изслѣдовать хозяйство крестьянъ, ходатайствующихъ о разрѣшеніи переселиться. Въ рядъ главныхъ условій должны быть поставлены: малый надѣлъ, меньше 2-хъ десятинъ на одну наличную мужскую душу въ черноземныхъ губерніяхъ и меньше $3^1/_2$—въ губерніяхъ нечерноземныхъ; очень безплодная почва, кочковатыя болота, песчаные наносы, большая распространенность отхожихъ промысловъ, и именно для сельско-хозяйственныхъ работъ, такъ какъ эти отхожіе промыслы свидѣтельствуютъ объ особенно дурномъ положеніи сельскаго хозяйства въ данномъ районѣ. 3) Нужно энергически приступить къ работамъ по изслѣдованію и обмежеванію земель, которыя будутъ отводимы переселенцамъ. 4) Краеугольнымъ камнемъ для успѣшнаго развитія всего дѣла является кредитъ переселенцамъ. Главными условіями ссудъ пе-

реселенцамъ должны быть: а) долгосрочность, ибо ссуды будутъ затрачиваться на тѣ статьи, которыя образуютъ въ хозяйствѣ постоянный капиталъ; б) отсрочка начала погасительныхъ платежей на 5—6 лѣтъ, къ тому времени, когда переселенцы уже успѣли нѣсколько устроиться на новыхъ мѣстахъ; в) для бѣднѣйшихъ желательны безпроцентныя ссуды. Такъ какъ семья переселенца можетъ обзавестись въ Сибири хозяйствомъ на 150—170 рублей, то даже небольшіе капитслы, предназначенные на это дѣло, несли бы обильные плоды. 5) Наконецъ, мы считаемъ полезнымъ измѣнить все управленіе переселенческимъ дѣломъ. Теперь оно сосредоточено въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ; на ряду со всѣмъ крестьянскимъ управленіемъ, какъ главнымъ предметомъ вѣдѣнія этого департамента, оно занимаетъ совершенно второстепенное мѣсто. Переселенческое дѣло станетъ особенно сложнымъ, если съ переселеніями на востокъ будутъ соединены мѣропріятія по укрѣпленію русскаго землевладѣнія въ западныхъ губерніяхъ. Ко всему этому было бы полезно пріобщить и другія мѣропріятія, направленныя на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Эта работа, вмѣстѣ взятая, на столько обширна, что можетъ сполна поглотить силы особаго учрежденія,—департамента переселеній въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

6) Къ основнымъ мѣропріятіямъ примыкаетъ цѣлый рядъ мѣръ попеченія о переселенцахъ, находящихся въ пути. Упорядоченіе медицинской помощи, устройство бараковъ, бань, хлѣбопекарень въ главныхъ мѣстахъ скопленія переселенцевъ, назначеніе новыхъ пунктовъ для конныхъ ярмарокъ, дабы облегчить переселенцамъ пріобрѣтеніе лошадей по недорогой цѣнѣ, строгій контроль надъ пароходами, которые перевозятъ ихъ, отправленіе на пароходахъ большихъ партій (когда предстоитъ продолжительное плаваніе) въ сопровожденіи фельдшеровъ—вотъ главныя мѣры, могущія ежегодно спасти не одну, сотню жизней. Въ этомъ направленіи до сихъ поръ не сдѣлано почти ничего. Переселенцы отправляются въ путь съ ничтожными средствами, кочуютъ по Сибири и часто не могутъ устроиться въ теченіе многихъ лѣтъ. Указанныя нами мѣры въ такой же степени вызываются чувствомъ человѣколюбія, какъ и разумнымъ хозяйственнымъ разсчетомъ.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Литература: Для ознакомленія съ противниками государственнаго вмѣшательства смотри. *J. B. Say.* Cours complet d'économie politique. *Senior.* Outlines of politic. Econ. *Dunoyer.* Liberté du travail. 1845. *Bastiat.* Harmonies économiques и другія сочиненія. *Garnier.* Traité de l'économie politique. 1860. *J. Simon.* La liberté. 1859. *Rentzsch.* Staat u. Volkswirthschaft. 1863. *Spencer.* Manversus state 1884. Средн. мѣсто занимаютъ. *Ад. Смитъ.* О богатствѣ народовъ. *Дж. Ст. Милль.* Основанія. *P. Duprat.* De l'état, sa place et son rôle dans la vie des societés. 1852. *Laveleye.* Elements d'écon. polit. *Jevons.* The State in relation to Labour. 1886. *Leroy-Beaulieu.* L'état moderne et ses fonctions. 1889. Съ воззрѣніями сторонниковъ неограниченнаго вмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь можно познакомиться изъ сочиненій. *Louis Blanc.* Organisation du travail. 1840. *Rodbertus.* Zur Beleuchtung. *Его же.* Das Kapital. *Его же.* Kleinere Schriften. *Его же.* Изслѣдованія въ національ. экономіи классической древности (рус. перев.). *Lassalle.* System der erworb. Rechte. 1859, а также многія рѣчи и статьи. *Schaeffle.* Quintessenz des Socialismus. 1877 и поздн. издан. Изъ современ. экономист. назов. особенно. *Schaeffle.* Bau. u. Leben des social. Körpers. 1878, IV. *Wagner.* Grundlagen der Volkswirthschaft. II. Ср. также. *Lange.* Die Arbeiterfrage. *L. v. Stein.* Verwaltungslehre. *Escher.* Politik u. *Holtzendorff.* Politik. Дальнѣйшія указанія на литературу у *Kaytz'a* Theorie der Nationalökonomie, IX глава и *Wagner'a.* Grundlagen, II.

Со второй половины прошлаго столѣтія въ экономической литературѣ рѣзко обозначаются два направленія. Сторонники одного проводятъ мысль о вредѣ государственнаго вмѣшательства въ народно-хозяйственную жизнь. Представители второго держатся убѣжденія, которое краснорѣчиво выражено въ слѣдующихъ словахъ нѣмецкаго полицеиста Берга. «Правительственная власть подобна добродѣтельному генію, заботливо выравнивающему стезю,

по которой должны ступать его питомцы; она очищаетъ воздухъ, который они вдыхаютъ въ себя; она охраняетъ грады, веси и дворы, въ которыхъ они живутъ, и улицы, по которымъ они передвигаются; она защищаетъ поля, которыя они обработываютъ; она оберегаетъ ихъ жилища отъ огня и наводненія, а ихъ самихъ отъ болѣзни, нищеты, невѣжества, суевѣрія и безнравственности; не будучи въ состояніи предупредить всѣ несчастные случаи, она старается облегчить ихъ послѣдствія и дать пріютъ каждому, нуждающемуся въ помощи. Ея зоркій глазъ вездѣсущъ; она всегда протягиваетъ намъ руку помощи; она невидимо окружаетъ насъ своими неустанными заботами» [1]).

Сторонники ограниченія государственной опеки надъ общественнымъ хозяйствомъ имѣютъ своими прародителями физіократовъ: одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей этой школы Тюрго, ставъ французскимъ министромъ, не замедлилъ осуществить свое научное убѣжденіе отмѣной цеховъ, которая и ознаменовала его кратковременное управленіе министерствомъ. Принято думать, что ученіе о невмѣшательствѣ государства въ народно-хозяйственную жизнь, внесенное въ науку физіократами, получило законченную форму подъ перомъ Адама Смита и, распространившись по всей Европѣ, повело къ тому крайнему, страстному отрицанію полезности правительственнаго воздѣйствія на хозяйство, которое мы находимъ у цѣлой школы экономистовъ въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка. Такое мнѣніе выдаетъ недостаточное знакомство съ книгою о *Богатствѣ народовъ*. Изъ труда Адама Смита можно привести отрывки, въ которыхъ шотландскій мыслитель безповоротно порицаетъ правительственное вмѣшательство: онъ—противникъ ограниченій свободы труда, вытекавшихъ изъ цехового строя, противникъ искусственныхъ цѣнъ, которыя выражаются въ таксахъ, установляемыхъ правительственною властью, противникъ покровительства туземной промышленности, осуществляемаго посредствомъ таможенныхъ налоговъ на иностранные товары. Но отъ этого еще очень далеко до ученія о полномъ равнодушіи государства къ хозяйственной дѣятельности народа. Кто внимательно прочтетъ 1 главу V книги труда Смита, тотъ пойметъ, что авторъ отводитъ для дѣятельности государства довольно широкій просторъ. Важнѣйшими обязанностями государства является, по мнѣнію Смита, поддержаніе мира извнѣ и порядка внутри страны. Это дѣлаетъ необходимыми расходы на военную силу, полицію, судебныя учрежденія. «Третью обязанность государства составляетъ устройство и содержаніе такихъ учрежденій, которыя, будучи въ высокой степени полезны для многихъ людей, никогда не даютъ такого ба-

рыша, чтобы одинъ человѣкъ или нѣсколько лицъ могли покрыть сдѣланныя затраты: а потому и нельзя ожидать отъ отдѣльныхъ лицъ устройства и содержанія такихъ учрежденій. Въ разные періоды общественнаго развитія исполненіе этой обязанности требуетъ весьма различныхъ расходовъ» [2]). Сюда должны быть отнесены разныя учрежденія, способствующія развитію торговли и народнаго образованія. Поэтому, устройство дорогъ, мостовъ, каналовъ, гаваней должно быть предметомъ государственныхъ заботъ. Развивая эту мысль, Смитъ говоритъ и о томъ, какъ должно быть организовано завѣдываніе этими сооруженіями, какія изъ нихъ должны находиться въ управленіи должностныхъ лицъ, назначаемыхъ государствомъ, и какія могутъ быть оставляемы въ завѣдываніи частныхъ лицъ. Къ этому присоединяется также забота государства о такихъ учрежденіяхъ и мѣропріятіяхъ, которыя содѣйствуютъ развитію отдѣльныхъ отраслей торговли. Останавливаясь на условіяхъ веденія торговли въ иностранныхъ государствахъ и, особенно, среди народовъ, недостигшихъ высокой культуры, Смитъ доказываетъ необходимость защиты для этихъ торговцевъ. Считая во многихъ случаяхъ полезною дѣятельность частныхъ обществъ по развитію иностранной торговли, онъ совѣтуетъ давать на нѣсколько лѣтъ монополіи обществамъ, которыя развиваютъ торговлю съ отдаленными и нецивилизованными народами.—Смитъ придаетъ также большое значеніе заботамъ государства о народномъ образованіи. Онъ не сочувствуетъ завѣдыванію со стороны государства высшими учебными заведеніями: въ нихъ учатъ многому, что не нужно; учителя, получая опредѣленное жалованье, прилагаютъ къ дѣлу мало старанія. Еслибы не было государственныхъ университетовъ, то не преподавали бы тѣхъ знаній, на которыя нѣтъ запроса. Иное дѣло—народное образованіе. Состояніе общества можетъ быть таково, что необходимы заботы правительства, дабы большинство людей не впало въ полное одичаніе. Распредѣленіе труда въ своемъ крайнемъ развитіи приводитъ общество къ такому состоянію, что огромная масса бѣднѣйшихъ гражданъ, будучи занята всю жизнь какой-либо однообразной работой, не можетъ упражнять свои способности. Уровень культуры падаетъ очень низко, и заботы государства становятся необходимыми. А потому, государство должно устроивать народныя школы. Оно можетъ поощрять обученіе бѣдныхъ дѣтей преміями и сдѣлать обязательнымъ посѣщеніе школы, подвергая извѣстнымъ испытаніямъ каждаго, кто желаетъ заниматься промысломъ. Адамъ Смитъ указываетъ на пользу, которую доставляетъ государству распространеніе народнаго образованія. «Но еслибы, говоритъ онъ, государство не извлекало никакихъ вы-

годъ отъ обученія низшихъ классовъ, то оно должно было бы обратить все свое вниманіе, дабы они не остались совсѣмъ безъ просвѣщенія» [3]).

Джонъ Стюартъ Милль, самый крупный изъ новѣйшихъ продолжателей Смита, также возлагаетъ на правительство довольно много обязанностей. Высоко цѣня личную свободу, Милль возстаетъ противъ такого государственнаго вмѣшательства, когда правительство предписываетъ людямъ дѣлать то или другое или приказываетъ непремѣнно дѣлать извѣстнымъ способомъ. Но есть другое вмѣшательство... «когда оно (правительство) даетъ совѣты и обнародуетъ свѣдѣнія или когда, оставляя частнымъ лицамъ идти къ извѣстной общеполезной цѣли частными ихъ силами, не вступаясь въ ихъ дѣйствія, но не ввѣряя дѣла исключительно ихъ заботѣ, оно, рядомъ съ частными учрежденіями, устроиваетъ собственное учрежденіе для той же цѣли... Учреждать школы — одно дѣло, а требовать, чтобы никто не могъ становиться преподавателемъ безъ разрѣшенія правительства—другое дѣло. Національный банкъ или правительственная фабрика могутъ существовать безъ всякой монополіи противъ частныхъ банковъ и фабрикъ... Правительство можетъ содержать штатъ гражданскихъ инженеровъ, оставляя каждому свободу становиться частнымъ инженеромъ» [4]). Перечисляя предметы государственныхъ заботъ, Милль высказывается за учрежденіе государствомъ начальныхъ школъ, за организованное общественное призрѣніе, за участіе государства въ переселеніяхъ, за передачу разныхъ предметовъ городского благоустройства въ вѣдѣніе органовъ мѣстнаго управленія..

Крайнее и рѣзкое отрицаніе правительственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь явилось протестомъ противъ порядка, который господствовалъ на материкѣ Европы. Въ Англіи было меньше условій, особенно благопріятныхъ для этого протеста. Изстари обезпеченная гражданская свобода и политическія права высшихъ и среднихъ сословій были причиною того, что англичане имѣли гораздо болѣе широкій просторъ для частной иниціативы, нежели граждане въ другихъ государствахъ Европы. Въ 18-столѣтіи Англія еще не сбросила съ себя всѣхъ путъ, которыя завѣщали ей предыдущія поколѣнія; однако, ея населеніе пользовалось гораздо большею личною свободой, нежели на материкѣ Европы: крѣпостное право давно отошло въ область преданій; цеховый строй еще существовалъ; но рядомъ съ нимъ развилась разнообразная и далеко переросшая его крупная промышленность. Франція была именно тою страной, гдѣ протестъ противъ воздѣйствія правительства на хозяйственный бытъ народа долженъ былъ выразиться въ наиболѣе

рѣзкой формѣ. Опека правительства, входившаго въ мелочи частнохозяйственной жизни, стала невыносима. Французскіе экономисты, враждуя, отъ времени физіократовъ, съ этимъ попечительствомъ, не могли смягчить свой приговоръ относительно правительства уже и потому, что оно было представлено такими ничтожными лицами, какъ оба послѣдніе Людовика. Развѣтвленная административная дѣятельность и безчисленная армія чиновниковъ на каждомъ шагу вредили интересамъ гражданъ, мѣшали осуществленію въ хозяйствѣ самыхъ полезныхъ начинаній; но въ правительственномъ механизмѣ не было людей, которыхъ искренняя любовь къ родинѣ и проницательность въ государственныхъ дѣлахъ побуждала бы къ такимъ актамъ, которые хотя на короткое время оживляютъ народную жизнь и сознаются, какъ благо, болѣе или менѣе многочисленной массой населенія. Что могла вызывать въ мыслящихъ и любящихъ родину французахъ правительственная дѣятельность отъ конца 17-го и до конца 18-столѣтія? Ничего, кромѣ досады, негодованія и горечи. Это чувство нашло себѣ мѣсто и въ экономической литературѣ. Сэй, Мерсье де-ла Ривьеръ, Гарнье, Дюнуайе, Бастіа и многіе ихъ послѣдователи должны были договориться до полнаго отрицанія за государствомъ права на вмѣшательство въ хозяйственный бытъ народа. Именно такими условіями правительственной дѣятельности можно объяснить исповѣданіе вѣры этихъ писателей, выразившееся въ словахъ Мерсье де-ла Ривьера: «собственность, безопасность и свобода — вотъ и весь общественный порядокъ». Мы идемъ еще дальше при объясненіи причинъ, которыя создали въ экономической наукѣ направленіе, возлагающее на государство только охрану личности и собственности въ тѣсномъ смыслѣ слова: мы смотримъ на всѣ ученія этого рода или какъ на реакцію противъ чрезмѣрнаго вмѣшательства правительственной власти и притомъ власти, которая не вносила новыхъ и плодотворныхъ началъ въ народную жизнь, или реакцію противъ крайностей въ ученіи коммунистовъ и соціалистовъ, требующихъ воздѣйствія общественной власти на всю область народнаго хозяйства. Эти требованія вызываютъ въ памяти страницы изъ жизни предыдущихъ вѣковъ, напоминаютъ, какъ часто вмѣшательство государства было неудачно, и становятся причиною незаслуженно рѣзкаго протеста даже со стороны такихъ сильныхъ умовъ, какъ, напр., Спенсеръ [5]).

Второе направленіе, призывъ государства къ дѣятельному вмѣшательству въ хозяйственный бытъ народа, не умирало въ экономической литературѣ, несмотря на горячую проповѣдь сторонниковъ перваго направленія; но оно получило отъ соціалистовъ

много новыхъ питательныхъ соковъ. Разъ соціалисты не ограничиваются, подобно Джорджу, требованіемъ, чтобы государство оставило широкое поле для частной иниціативы и только изъятіемъ земли изъ предметовъ частной собственности поставило гражданъ на путь здороваго хозяйственнаго развитія, разъ они возлагаютъ на государство обязанность устроить общественное производство и руководить имъ, то правительственной власти отводятся очень широкія права; во многихъ отношеніяхъ эти права далеко выходятъ за предѣлы, которыхъ держится даже самое властное правительство. Различаясь по планамъ общественнаго преобразованія, соціалисты сходятся въ одномъ: имъ всѣмъ присуща идея государства, властвующаго и объединяющаго всю совокупность хозяйственныхъ явленій. Эта идея выражается у сенъ-симонистовъ въ государственномъ банкѣ, который владѣетъ орудіями труда, упорядочиваетъ производство, приводитъ предложеніе въ строгое соотвѣтствіе съ запросомъ. Эта идея, воплощаясь въ кассѣ общественнаго кредита Бюшеза, получила наиболѣе яркое выраженіе въ производительныхъ товариществахъ Луи Блана и Лассаля. На государство возлагается обязанность доставить рабочему орудія производства; государство пріобрѣтаетъ посредствомъ займовъ капиталы и устраиваетъ общественныя мастерскія; оно установляетъ лѣствицу должностей въ мастерскихъ и руководитъ ими; оно охраняетъ новые принципы, на которыхъ будетъ построено распредѣленіе дохода между участниками производства. Полномочія государства только кажущимся образомъ съуживаются въ будущемъ, когда въ промышленности окрѣпнетъ новый порядокъ. Луи Бланъ, предоставляя позднѣе управленіе товариществами самимъ рабочимъ, хочетъ свести дѣятельность государства только къ наблюденію за установленнымъ порядкомъ вещей; однако, уже само проведеніе этой реформы связано съ крайними ограниченіями частной предпріимчивости и личной свободы въ хозяйствѣ. Идея всемогущаго государства сопутствуетъ и Родбертусу въ его планахъ о точномъ опредѣленіи долей прибыли, ренты и заработной платы въ общей массѣ произведенныхъ товаровъ и объ общественныхъ складахъ, откуда каждый получалъ бы нужные ему продукты сообразно съ числомъ часовъ, проведенныхъ въ общемъ трудѣ. Вотъ какими словами выражаетъ Лассаль идею о всемогуществѣ государства. «Государство есть единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ, единство, умножающее въ милліоны кратъ силы всѣхъ личностей, вступившихъ въ это единеніе, въ милліоны кратъ увеличивающее индуивидальныя силы каждой изъ нихъ. Слѣдовательно, цѣль государства не въ томъ, чтобы охранять личную

свободу и собственность индивидуума;... нѣтъ, цѣль государства въ томъ, чтобы соединеніемъ индивидуумовъ доставить имъ возможность достигать ступеней существованія, недостижимыхъ для одинокой личности, дѣлать ихъ способными пріобрѣтать такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, которая не мыслима для отдѣльнаго индивидуума. И такъ, цѣль государства—*положительно развивать и постепенно совершенствовать* человѣка» [6]).

Всѣ эти ученія оставили въ экономической наукѣ глубокій слѣдъ. Въ настоящее время тамъ и сямъеще слышны отголоски ученій Сэя и Бастіа, еще есть писатели, которые стараются свести къ наименьшимъ размѣрамъ функціи государства въ народномъ хозяйствѣ; но подавляющее большинство остается вѣрнымъ второму направленію. Новѣйшимъ государствовѣдамъ и экономистамъ принадлежатъ выраженія, что государство есть «мозгъ общества (Шеффле)» и что оно есть «высшая форма личности; требованія государства не имѣютъ естественныхъ границъ, а потому, сама по себѣ, задача его должна быть признана безпредѣльною» [7]). Изъ современныхъ экономистовъ Вагнеръ наиболѣе потрудился надъ выясненіемъ принциповъ, которыми должно руководствоваться государство при воздѣйствіи на хозяйственный бытъ народа. Вагнеръ установляетъ слѣдующія основныя положенія. 1) Нельзя ни съ помощью опыта, ни принципіально намѣтить, какія именно услуги исключительно государство должно оказывать гражданамъ и что никогда не должно быть дѣломъ правительственной власти. 2) И теоретически, и практически слѣдуетъ порицать расширеніе дѣятельности государства только по принципу на счетъ дѣятельности частныхъ хозяйствъ и на счетъ актовъ, проистекающихъ изъ благотворенія. 3) И теоретически и практически слѣдуетъ осудить ограниченіе дѣятельности государства какой-нибудь одной, произвольно выбранной цѣлью, напр., охраненіемъ правового порядка. 4) Вся область производства благъ для удовлетворенія потребностей и созданіе учрежденій, которыя облегчаютъ удовлетвореніе потребностей, должна быть цѣлесообразно раздѣлена между частными хозяйствами, благотворительными обществами, единицами самоуправленія и центральнымъ правительствомъ. Эта комбинація не есть что-либо неизмѣнное; здѣсь всегда могутъ быть необходимы тѣ или другія перемѣны. Государство, имѣя власть вмѣшиваться во всѣ сферы дѣятельности гражданъ, легко можетъ впадать въ ошибки. А потому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда государство захочетъ распространить свою дѣятельность на сферу, которой до того времени не касалось, необходимо всестороннее изученіе отличительныхъ чертъ этой дѣятельности. 5) Государство должно, согласно

съ мѣстными условіями и потребностями, точно опредѣлять границы своей дѣятельности относительно областей, въ которыхъ дѣйствуютъ частныя хозяйства и благотворительныя общества. 6) Въ финансовомъ отношеніи начало бережливости не должно имѣть абсолютное значеніе для государства; въ немъ слѣдуетъ видѣть правило благоразумія, но оно не должно никогда имѣть такую силу, чтобы во имя его какой-либо государственный расходъ вовсе не былъ произведенъ.—Къ этимъ общимъ и мало опредѣленнымъ положеніемъ Вагнеръ пріобщаетъ еще слѣдующія четыре. 1) При всѣхъ различіяхъ, которыя можно отмѣтить въ услугахъ государства, различіяхъ, связанныхъ съ временемъ и мѣстомъ, можно повсюду отыскать два главныхъ разряда актовъ государства: охраненіе права и упроченіе могущества, а также задачи, которыя можно связать въ одно цѣлое подъ именемъ *культурныхъ* цѣлей. 2) Сравнивая народы, стоящіе на неравно высокихъ ступеняхъ культуры, мы замѣчаемъ тенденцію къ расширенію государственной дѣятельности по мѣрѣ роста культуры. 3) Наблюденія надъ развитіемъ государства позволяютъ намѣтить также формы въ которыя воплощается правительственная дѣятельность: чѣмъ выше культура, тѣмъ чаще государство пользуется началомъ предупрежденія условій, неблагопріятныхъ для народной жизни, вмѣсто такихъ актовъ. которые являются только пресѣкающими мѣрами. 4) Опытъ позволяетъ также опредѣлить условія, которыя, предположительно, должны быть на лицо, дабы нужно было признать умѣстной дѣятельность государства, вмѣсто частнохозяйственной. Такъ бываетъ во всѣхъ случаяхъ, когда для наилучшаго оказанія данной услуги необходимы наиболѣе широкіе размѣры, въ которыхъ она оказывается, однородность всѣхъ актовъ, которыми оказывается данная услуга, и сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ всей дѣятельности этого рода. За переходъ данной отрасли въ вѣдѣніе государства говоритъ также и то, что, она, по самой своей природѣ, приспособлена для всеобщаго пользованія, или же, она, при небольшомъ увеличеніи расходовъ, можетъ быть сдѣлана доступной всему народу, причемъ трудно опредѣлить степень выгодъ, которыя она доставляетъ отдѣльнымъ лицамъ [8]).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

1) *Berg.* Handbuch des deutschen Polizeirechtes. 1799. I, стр. 1,
2) О богатствѣ народовъ, V книги, 1.
3) Тамъ-же.
4) Основанія политич. экон., II, 470.

5) Брошюра *Спенсера* The man versus the state, изъ которой на русскій языкъ переведена одна глава „Грядущее рабство", не имѣетъ научнаго значенія. Ср. статью г. *Яроцкаго* „Отношенія личности и государства съ точки зрѣнія Спенсера". *Съв. Вѣст.*, 1885, III.

6) *Лассаль.* Сочиненія. 1870, I, 25—26.

7) *Stein.* Lehrbuch der Finanzwissensch., 2 изд. 1871, 6.

8) *Wagner.* Grundlagen, II, 883 и дал.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Пособія. *Исаевъ.* О предѣлахъ государствен. вмѣшательства. *Рус. Мысль*, 1890, VIII.

I.

Таковы направленія въ экономической литературѣ. Не трудно доказать, что сторонники крайняго ограниченія правительственной дѣятельности не даютъ себѣ отчета въ обязанностяхъ, которыя возлагаютъ на государство. Возьмемъ за точку отправленія излюбленныя слова этихъ людей, что весь общественный порядокъ сводится къ свободѣ, собственности и безопасности—и покажемъ, что въ такую формулу могутъ быть облечены, какъ весьма немногочисленныя и несложныя задачи государства, такъ и обширная и безостановочная дѣятельность законодательства и управленія, обнимающая всѣ стороны общественной жизни. Все зависитъ отъ идеала, который руководитъ наукой и политикой при истолкованіи этого афоризма.

Никто не станетъ оспаривать положеніе, что люди нуждаются въ безопасности, что безопасность есть необходимое условіе для успѣховъ народнаго хозяйства. Не можетъ быть спора и о томъ, что такое безопасность извнѣ: каждый разумѣетъ подъ этимъ защиту отъ внѣшнихъ враговъ, сохраненіе цѣлости государства съ помощью военной силы. Каковы бы ни были дальнѣйшія послѣдствія вражескаго нашествія, ближайшія послѣдствія неудачной войны невыгодны для всего населенія: сокращеніе производства уменьшаетъ доходы землевладѣльцевъ, капиталистовъ, предпринимателей и оставляетъ безъ заработка огромныя массы бѣдныхъ людей; неудачная война часто налагаетъ на весь народъ тяжелое бремя въ видѣ контрибуціи. А потому, призывая государство охранять безопасность извнѣ, мы требуемъ отъ него такой законодательной, исполнительной и судебной дѣятельности, посредствомъ которой оно получаетъ возможность располагать военной силой,

достаточной для защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Можетъ быть споръ о томъ, велико ли должно быть войско мирнаго состава, нужны ли крѣпости въ такихъ-то мѣстахъ, какой наиболѣе выгодный способъ заготовки вещей для военнаго вѣдомства, но не можетъ быть разногласія относительно полномочій государства, связанныхъ съ веденіемъ войны и заключеніемъ мира.

Совсѣмъ иначе слѣдуетъ отнестись къ истолкованію термина «безопасность» во внутренней жизни государства. На низкомъ уровнѣ гражданственности подъ нею разумѣютъ только то состояніе общества, когда убійства, разбои и грабежи не угрожаютъ мирнымъ гражданамъ на каждомъ шагу, и когда перевозка товаровъ по дорогамъ не связана съ большими опасностями. Но какъ потребности людей расширяются относительно пищи, одежды, жилища, духовныхъ наслажденій, такъ, съ ростомъ гражданственности, люди становятся и должны становиться гораздо болѣе требовательными относительно безопасности, которую они хотятъ обезпечить себѣ и плодамъ своего труда. Наши предки жили грубой, однообразной жизнью; грубы и однообразны были и формы, въ которыхъ нарушалась ихъ безопасность. Грубымъ формамъ нападенія должны были соотвѣтствовать и простыя формы защиты: таковыми и являлись тѣ системы предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ государства, которыя выразились въ несложныхъ уголовныхъ и полицейскихъ сводахъ отдаленныхъ вѣковъ и не сложной дѣятельности органовъ полиціи. Но съ развитіемъ общества и опасности, угрожающія людямъ отъ злой воли людей или внѣшней природы, стали безконечно болѣе разнообразны. Вошедшіе въ человѣческій обиходъ новые факты принесли съ собою и новыя опасности, неимѣющія ничего подобнаго себѣ въ жизни нашихъ предковъ. Возьмемъ, напр., развитіе кредита. Пока кредитныя отношенія не развиты, до тѣхъ поръ нѣтъ опасностей, связанныхъ для людей съ поддѣлкой кредитныхъ документовъ. Разъ кредитъ получилъ всеобщее распространеніе, параллельно съ нимъ возникаютъ и новый видъ преступленія — поддѣлка векселей и обязанность государства охранить людей отъ этой опасности посредствомъ особыхъ мѣропріятій. Пока производство переживало періодъ ремесла, до тѣхъ поръ жизни и здоровью людей не угрожали опасности, которыя влечетъ за собой неосторожное обращеніе съ машинами, невнимательный осмотръ паровыхъ котловъ. Для устраненія этой опасности также потребовалось вмѣшательство государства, которое установляетъ обязательныя правила относительно размѣщенія машинъ, введенія предохранительныхъ снарядовъ и наблюдаетъ посредствомъ особыхъ должностныхъ лицъ за

исполненіемъ этихъ правилъ. Торговыя сношенія постепенно выработали биржу—этотъ своеобразный міръ, оказывающій могущественное вліяніе на все народное хозяйство. Биржа создала неизвѣстныя ранѣе формы, посредствомъ которыхъ люди могутъ въ немного дней и часовъ терять свое имущество; и государство сознало, что нужно пойдти навстрѣчу этой новой опасности и подчинить жизнь биржи такимъ правиламъ, которыя уменьшаютъ опасность. Ростъ народонаселенія удорожаетъ съѣстные припасы, а успѣхи техники облегчаютъ ихъ поддѣлку, позволяютъ придавать вещамъ внѣшность, которая дѣлаетъ ихъ очень сходными съ доброкачественными товарами, хотя онѣ по своимъ качествамъ уступаютъ послѣднимъ, а во многихъ случаяхъ даже разрушительно дѣйствуютъ на здоровье людей. Является, такимъ образомъ, опасность, съ которой государство борется посредствомъ санитарно-полицейскихъ мѣропріятій. Возростающая густота населенія и увеличеніе доходности земли соблазняютъ неразсчетливо обращаться съ почвой, истреблять лѣса; люди своимъ неразумнымъ образомъ дѣйствій облегчаютъ наступленіе опасностей (въ видѣ засухи, обмелѣнія рѣкъ, размноженія вредныхъ насѣкомыхъ) со стороны внѣшней природы. Государство идетъ навстрѣчу этой бѣдѣ, старается предупредить ея наступленіе, издаетъ лѣсоохранительные законы. Къ приведеннымъ примѣрамъ можно прибавить и много другихъ. Изъ всего сказаннаго мы сдѣлаемъ такой выводъ: расширеніе дѣятельности государства во имя достиженія безопасности необходимо именно потому, что большее разнообразіе жизни, ея усложненіе выдвигаютъ новыя опасности. Тѣмъ, кто возстаетъ противъ многихъ ограничительныхъ мѣръ государства въ области промышленности, торговли, биржевой спекуляціи, въ области пользованія естественными богатствами страны, можетъ быть данъ такой простой отвѣтъ: потерявшій 1000 рублей страдаетъ въ равной мѣрѣ, украдены ли они карманнымъ воромъ, отняты ли на большой дорогѣ, выманены ли биржевымъ дѣльцемъ; человѣкъ, пролежавшій нѣкоторое время въ постели отъ болѣзни, страдаетъ въ равной мѣрѣ, потерпѣлъ ли онъ отъ насилія грабителей, отъ взрыва парового котла на фабрикѣ, отъ потребленія испорченной рыбы. Можно спорить о томъ, въ какой мѣрѣ злая воля была причиной вреда или убытковъ, понесенныхъ человѣкомъ; можно требовать въ однихъ случаяхъ строгихъ каръ, а въ другихъ—только незначительныхъ взысканій; но несомнѣнно одно: если государство принимаетъ мѣры, дабы предупреждать опасности одного рода, то нѣтъ основанія относиться безучастно къ опасностямъ другого рода.

На это можно сдѣлать, повидимому, еще то возраженіе, что че-

ловѣкъ гораздо легче способенъ самъ предупредить опасности, которыя приноситъ съ собою усложняющаяся общественная жизнь, нежели защититься отъ опасностей, которыя, выражаясь въ насиліи надъ лицомъ и имуществомъ, издавна служатъ предметомъ государственныхъ заботъ. Однако, нельзя доказать это положеніе: какъ недостаточны силы и средства частныхъ лицъ, чтобы прекратить разбои и грабежи на большой дорогѣ, такъ массѣ людей, несущихъ скромныя сбереженія въ банкъ, трудно защититься отъ убытка, который могутъ причинить имъ рискованные обороты банкирской конторы или же—такъ трудно имѣть спеціальныя знанія, необходимыя для того, чтобы отличить доброкачественный товаръ отъ испорченнаго или поддѣльнаго. А есть опасности, съ которыми отдѣльнымъ лицамъ еще труднѣе бороться, нежели съ самыми грубыми насиліями въ періоды кулачнаго права. При достаточной физической силѣ и мужествѣ, торговцы и возчики могутъ охранить свои товары отъ разграбленія на большой дорогѣ. Но одинъ человѣкъ или группа людей безсильны оградить свой скотъ, если повальная болѣзнь свирѣпствуетъ въ селеніи и большинство держится образа дѣйствій, который распространяетъ заразу. Отдѣльныя лица не могутъ охранить свои поля отъ вредныхъ насѣкомыхъ, если цѣлый край держится такихъ пріемовъ земледѣльческаго труда, которые способствуютъ ихъ размноженію.

Слово «свобода» можетъ также вызывать очень рѣзкія разногласія. Когда говорятъ объ обязанности государства обезпечить личную свободу гражданъ, то разумѣютъ подъ этимъ очень несходныя вещи. Сплошь и рядомъ подъ этимъ разумѣется такой правовой порядокъ, который, будучи формально однимъ и тѣмъ же для всѣхъ гражданъ, доставляетъ не многимъ крупныя выгоды, а большинству—почти никакихъ, ибо оно не имѣетъ условій, необходимыхъ для пользованія этой свободой, не имѣетъ матеріальныхъ средствъ, которыя служатъ основаніемъ для развитія личности при господствѣ гражданской свободы. Конечно, гражданская свобода обнимаетъ такія права, которыя имѣютъ общечеловѣческое значеніе, независимыя отъ времени и мѣста, которыя важны для каждаго, каковы бы ни были его имущественныя средства и матеріальное положеніе. Во главѣ этихъ правъ стоитъ свобода вѣры, устнаго и печатнаго слова. Но гражданская свобода выражается и въ такихъ формахъ, которыя доставляютъ членамъ общества далеко не одинаковыя выгоды. Такова, напримѣръ, свобода передвиженія. Это право имѣетъ большую цѣнность; но бѣднѣйшіе граждане часто извлекаютъ изъ него очень мало выгоды. Владѣніе имуществомъ позволяетъ человѣку пользоваться этимъ правомъ и избирать та-

кое мѣсто осѣдлости, которое представляетъ наиболѣе выгодныя условія для даннаго занятія. Бѣднѣйшіе классы извлекаютъ изъ этой свободы очень мало пользы: нужны уже нѣкоторыя матеріальныя средства, дабы на время передвинуться за нѣсколько сотъ верстъ отъ своей родины; чтобы переселиться за нѣсколько тысячъ верстъ и обзавестись самымъ скромнымъ хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ, нужно имѣть не только право на свободное передвиженія, но и нѣкоторый капиталъ, собственный или полученный въ ссуду. Возьмемъ свободу договора. Владѣніе имуществомъ позволяетъ извлечь изъ этого права всѣ выгоды, которыхъ человѣкъ стремится достигнуть въ интересахъ своей хозяйственной дѣятельности. Землевладѣлецъ сдаетъ свою землю въ аренду безъ всякаго стѣсненія относительно личности съемщика, срока и проч. Предприниматель нанимаетъ рабочихъ тамъ, тогда и на такихъ условіяхъ, какъ представляется наиболѣе выгоднымъ. Но членъ бѣднѣйшаго класса извлекаетъ изъ права свободнаго договора только очень ограниченныя выгоды: продавая свой трудъ, онъ не можетъ ждать; онъ, большею частію, вынужденъ принимать условія, которыя предлагаютъ ему. Право свободнаго передвиженія еще не даетъ возможности избрать такое мѣсто осѣдлости, которое обѣщаетъ наиболѣе выгодъ, а потому земледѣлецъ платитъ за арендованіе 1 десятины 20 рублей въ годъ, хотя бы производительность почвы и способы веденія хозяйства не оправдывали арендной платы болѣе 10 рублей. Рабочій нанимается за плату по 10 рублей въ мѣсяцъ, такъ какъ право свободнаго передвиженія еще не даетъ возможности отправляться на заработки туда, гдѣ плата вдвое выше. Возьмемъ еще одну форму проявленія свободы въ хозяйствѣ,—свободу выбора занятія. И это право имѣетъ неравное значеніе для членовъ достаточныхъ и бѣднѣйшихъ классовъ. Первые могутъ дать дѣтямъ подготовку, которой требуетъ тотъ или другой родъ труда, могутъ извлечь изъ этого права всѣ выгоды, которыя оно вообще можетъ доставить. Вторые же, фактически, до крайности ограничены въ выборѣ занятія. Они часто не имѣютъ доступа даже къ начальной школѣ, и ихъ дѣтямъ открыты только наиболѣе простые виды труда, которые вовсе не требуютъ подготовки. Право избирать занятіе съ выполненіемъ только немногихъ формальностей облегчаетъ богатымъ людямъ основаніе огромныхъ предпріятій; отсутствіе же цеховыхъ или полицейскихъ стѣсненій, замѣна разрѣшительнаго порядка явочнымъ еще не сдѣлаетъ ни одного фабричнаго работника хотя бы мелкимъ самостоятельнымъ промышленникомъ. Поэтому, требованіе возможно широкой гражданской свободы при внимательномъ анализѣ содержитъ 1) требо-

ваніе такихъ правъ, которыя имѣютъ общечеловѣческое значеніе (свобода вѣры и слова) и 2) такихъ, которыя позволяютъ имущимъ классамъ создать особенно выгодное привилегированное положеніе и не имѣютъ реальнаго значенія для бѣднѣйшихъ гражданъ. Требованіе, чтобы государство обезпечивало гражданамъ наибольшую личную свободу, получаетъ всеобщее значеніе только тогда, когда къ нему присоединяется дополнительное требованіе—созданія условій, которыя позволяютъ и бѣднѣйшимъ классамъ извлекать выгоды изъ этой свободы. Сошлемся, въ видѣ примѣра, на свободу выбора занятія: она можетъ получить реальное значеніе для бѣднѣйшихъ гражданъ, т.-е. большинства, лишь въ томъ случаѣ, если 1) начальное образованіе всеобще, обязательно и безвозмездно, 2) если въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ есть довольно большое число стипендій для наиболѣе способныхъ юношей, прошедшихъ начальную школу. Только въ этомъ случаѣ изъ всего населенія страны, независимо отъ имущественной обезпеченности отдѣльныхъ семей, можетъ совершиться наиболѣе цѣлесообразный подборъ для всѣхъ занятій, которыя существуютъ въ данномъ обществѣ; только при такомъ порядкѣ бѣдность не служитъ преградою въ выборѣ и сложнаго труда тѣмъ лицамъ, которыя своими дарованіями пригодны не къ однѣмъ простѣйшимъ работамъ, но и къ призваніямъ, требующимъ многолѣтней подготовки. Итакъ, государство можетъ обезпечить всѣмъ гражданамъ наибольшую личную свободу, если цѣлый рядъ экономическихъ и культурныхъ мѣропріятій сдѣлаетъ эту свободу благомъ и для бѣднѣйшихъ классовъ.

Требуя отъ общественной власти охраны «собственности», противники вмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь народа также употребляютъ терминъ, которому не можетъ быть дано какое-либо одно опредѣленное содержаніе. Сэй и экономисты его школы разумѣютъ подъ «собственностью» право частной собственности того склада, какой оно приняло въ европейско-американскомъ мірѣ. Однако, даже поверхностное отношеніе къ дѣлу убѣждаетъ, что охрана въ неизмѣнномъ видѣ права частной собственности, какъ оно сложилось въ новѣйшее время, не можетъ сдѣлать гражданскую свободу благомъ для всего народа. Неограниченное право частной собственности имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ поглощеніе мелкихъ имуществъ крупными и низведеніе все большаго числа людей на тотъ уровень матеріальной обезпеченности, гдѣ личная свобода, не подкрѣпляемая разнообразными государственными мѣропріятіями, имѣетъ очень малое значеніе. Поэтому, становится необходимымъ все большее развитіе дѣятельности

государства, дабы обезпечить бѣднѣйшимъ классамъ достиженіе ихъ жизненныхъ цѣлей. Умноженію государственныхъ задачъ и росту государственныхъ расходовъ препятствуетъ начало пропорціональности, которое послѣдовательные защитники права частной собственности всегда кладутъ въ основаніе податныхъ системъ. Пропорціональное начало въ налогахъ, при необходимости брать изъ маленькихъ имуществъ и доходовъ только небольшую долю, не позволяетъ возлагать на крупныя имущества и доходы такое бремя, какое они могутъ вынести безъ труда. Если изъ дохода въ 300 рублей налогъ беретъ только 5%, то возлагаетъ на плательщиковъ очень тяжелое бремя; если онъ беретъ 5% изъ дохода въ 50.000 рублей, то причиняетъ незначительную тягость. А въ результатѣ—крайняя скудость средствъ, которыя государство можетъ затрачивать на рѣшеніе культурныхъ задачъ. Такимъ образомъ, слишкомъ строгая охрана права частной собственности дѣлаетъ государство служебнымъ средствомъ для относительно всеменьшаго числа гражданъ; вѣдь, давно стало общимъ мѣстомъ, что мелкія и даже среднія имущества всѣхъ видовъ поглощаются крупными. Сто лѣтъ тому назадъ противники государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь еще не могли предусмотрѣть этотъ безостановочный процессъ; ихъ новѣйшіе послѣдователи остаются вѣрны этому положенію, такъ какъ, видя этотъ процессъ, или умалчиваютъ о немъ, или искренно не вѣрятъ въ его дальнѣйшее безостановочное развитіе, даже при сохраненіи права частной собственности неприкосновеннымъ. Но если спросить любого, для кого справедливость, человѣчность, общее благо—не пустыя слова, считаетъ ли онъ желательнымъ порядокъ, при которомъ изъ 100 милліоновъ людей только нѣсколько сотъ тысячъ пользуются многочисленными и разнообразными благами государственной жизни, а вся масса народа не имѣетъ къ нимъ доступа, то каждый отвѣтитъ отрицательно и согласится на измѣненія въ правѣ частной собственности, лишь бы выгоды общежитія распространялись въ населеніи болѣе равномѣрно. Подъ напоромъ этого сознанія въ законодательство современныхъ государствъ вошли начала, которыя противорѣчатъ неограниченному праву частной собственности: прогрессивность въ налогахъ, сравнительно высокое обложеніе имуществъ, переходящихъ къ лицамъ, не связаннымъ съ прежнимъ собственникомъ близкими узами родства, свобода отъ налоговъ для самыхъ мелкихъ доходовъ [1]). Все это—мелочи, но онѣ имѣютъ важное принципіальное значеніе, какъ побѣда идеи общаго блага надъ личными выгодами, во имя которыхъ отстаивается неприкосновенность частной собственности. А разъ сдѣланы

одни ограниченія, то почему не сдѣлать дальнѣйшихъ? Если наука и законодательство признаютъ прогрессивность обложенія справедливою, то почему не дать прогрессивности гораздо болѣе яркаго выраженія? Почему, во имя общаго блага, не перестроить права собственности? Почему не изъять цѣлыхъ разрядовъ вещей изъ предметовъ частной собственности? Почему не внести въ наслѣдственное право новыхъ началъ, которыя на многихъ пунктахъ съуживали бы волю наслѣдодателя? Почему не одобрить мѣръ, которыя ограждаютъ отъ разложенія старинную форму права собственности — общинное владѣніе землей? Мы присоединяемся къ положенію, что государство обязано охранять собственность. Но мы разумѣемъ подъ строемъ собственности не что-либо неподвижное, не только то, что господствуетъ въ Европѣ въ теченіе, напримѣръ, 19 вѣка, не то, что служитъ класснымъ или сословнымъ интересамъ, а подвижныя нормы права, измѣняющіяся, все болѣе приспособляющіяся къ требованіямъ, которыя выдвигаетъ идея о благѣ всего народа.

II.

Познакомимся съ важнѣйшими формами, въ которыхъ государство можетъ воздѣйствовать на экономическую жизнь народа.

1) Отношеніе закона къ устному и печатному слову имѣетъ наиболѣе общее вліяніе. Свобода слова, возможность для гражданъ излагать свои мнѣнія, подвергать критикѣ существующій порядокъ вещей, широкое право высказывать предположенія о тѣхъ мѣрахъ которыя были бы наиболѣе цѣлесообразны, имѣетъ первостепенное значеніе. Свобода печати служитъ всеобщему преуспѣянію людей и равномѣрно оказываетъ благотворное вліяніе на всѣ стороны общественной жизни; во многихъ случаяхъ она способствуетъ движенію и экономической жизни. Правдивая, безпристрастная и всесторонняя оцѣнка государственныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ интересахъ народнаго хозяйства, обыкновенно содѣйствуетъ такому ихъ направленію, при которомъ онѣ могутъ быть наиболѣе выгодны для населенія, при которомъ онѣ могутъ ставить трудъ и капиталъ въ условія наибольшей производительности, а народный доходъ въ условія наиболѣе равномѣрнаго распредѣленія. Поставленъ ли на очередь вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, объ упроченіи дворянской земельной собственности, о развитіи фабричнаго, желѣзнодорожнаго, акціонернаго законодательства, о мѣстностяхъ страны, куда всего болѣе цѣлесообразне направить переселенія,—участіе печати имѣетъ огромную важность. Значеніе

свободной печати для успѣшности народнаго труда можетъ обнаружиться и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда должностныя лица, поставленныя государствомъ или земствомъ, городомъ, нерадивы, неумѣлы, когда они не исполняютъ законовъ, заставляютъ гражданъ терять много времени на хожденіе по дѣламъ, когда они, по недомыслію или излишнему служебному рвенію, превышаютъ власть. Все это отнимаетъ у частныхъ лицъ много рабочаго времени и умаляетъ производительность труда. Въ подобныхъ случаяхъ печать приноситъ тѣмъ больше пользы, чѣмъ болѣе широко ея право разоблаченія недостатковъ администраціи. Свобода печатнаго слова еще болѣе нужна въ тѣхъ случаяхъ, когда чиновничество не только небрежно въ исполненіи служебныхъ обязанностей, но имѣетъ наклонность ко взяточничеству; при такой наклонности администрація находитъ тысячи предлоговъ вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь частныхъ лицъ, создавать ненужныя стѣсненія, давать законамъ слишкомъ широкое толкованіе и нарушать правильность народнаго труда. Именно здѣсь разоблаченія печати могутъ приносить наибольшую пользу и предотвращать многочисленныя злоупотребленія.

2) Свобода образованія союзовъ также имѣетъ большую важность. Чѣмъ болѣе сложными и разнообразными становятся потребности людей, тѣмъ болѣе крѣпнетъ сознаніе, что ни частныя лица въ одиночку, ни правительство или органы самоуправленія не въ состояніи удовлетворить всѣ возникающія нужды. Очень многія изъ нихъ находятъ удовлетвореніе въ лицѣ свободно возникающихъ союзовъ. Государство, стѣсняя развитіе союзовъ и обществъ, лишаетъ себя очень важнаго сотрудника въ рѣшеніи многихъ задачъ управленія. Хозяйственная жизнь выигрываетъ, если въ странѣ могутъ легко и свободно слагаться различныя ученыя и практическія общества. Народное хозяйство получаетъ прямыя выгоды въ тѣхъ случаяхъ, когда свободно возникаютъ общества, преслѣдующія экономическія цѣли. Косвенно же хозяйственнымъ успѣхамъ народа способствуютъ всѣ союзы, которые развиваютъ общее и техническое образованіе, борятся съ пьянствомъ и пр. Свободная дѣятельность такихъ обществъ, доброжелательное отношеніе правительства ко всякимъ союзамъ, преслѣдующимъ хозяйственныя и культурныя цѣли, имѣетъ, поэтому, первостепенное значеніе.

3) Очень важна также свобода передвиженія людей въ предѣлахъ страны, отсутствіе паспортныхъ ограниченій. Прикрѣпленность человѣка къ его постоянному мѣстожительству, трудность перехода изъ одного мѣста въ другое, обязательность паспорта, сложныя формальности и значительные расходы, связанные съ его

полученіемъ, — все это, помимо многихъ и разнообразныхъ неудобствъ, имѣетъ прямое вліяніе на производительность народнаго труда. Только въ рѣдкихъ случаяхъ люди по прихоти оставляютъ привычную осѣдлость. Въ современномъ обществѣ немногочисленны и тѣ случаи, когда люди навсегда или на продолжительное время покидаютъ родину потому, что ихъ не удовлетворяютъ условія духовной жизни: политическій порядокъ, религіозная нетерпимость. Огромное большинство оставляетъ свою осѣдлость потому, что хозяйственная дѣятельность находится въ невыгодныхъ условіяхъ и новое мѣсто или навсегда или надолгое время обѣщаетъ для работы болѣе благопріятную обстановку.

На ряду съ этимъ необходимо и ближайшее вмѣшательство государства въ разныя области экономической жизни.

Являясь представителемъ длиннаго, непрерывнаго ряда поколѣній, государство должно заботиться о томъ, чтобы условія внѣшней природы не измѣнялись къ худшему и даже улучшались. Эти заботы выражаются въ поддержаніи свойствъ климата, благопріятныхъ для населенія, въ сохраненіи неистощенными производительныхъ силъ почвы, въ контролѣ надъ пользованіемъ тѣми естественными богатствами, которыя не могутъ быть воспроизведены, въ защитѣ суши отъ наводненія со стороны морей и рѣкъ, въ охраненіи лѣсовъ отъ неправильныхъ рубокъ и въ облѣсеніи значительныхъ пространствъ, особенно по склонамъ горъ. Государство можетъ съ большимъ *успѣхомъ дѣйствовать также* и при осушеніи болотъ. Вся эта дѣятельность можетъ быть охарактеризована, какъ борьба съ неблагопріятными условіями внѣшней природы. Для исполненія этой сложной обязанности, которою такъ пренебрегали въ прошедшемъ, государство должно бороться, какъ съ нѣкоторыми силами внѣшней природы, не легко допускающими контроль, такъ и съ алчностью или непредусмотрительностью настоящаго поколѣнія. Не одно государство можетъ исполнять эти важныя обязанности; но оно никогда не должно равнодушно относиться къ нимъ и особенно тамъ, гдѣ частная предпріимчивость мало развита.

Въ сферѣ производства государство имѣетъ многочисленныя и разнообразныя обязанности. Поскольку извѣстная отрасль производства, доставляя выгоды участникамъ, не причиняетъ грубаго нарушенія интересовъ ни одной изъ общественныхъ группъ, постольку можно съ полнымъ основаніемъ предоставить ее вѣдѣнію отдѣльныхъ лицъ и свободныхъ соединеній гражданъ. Государственная власть имѣетъ слишкомъ много функцій первостепенной важности, чтобы завѣдывать различными отраслями производства

и упорядочивать всѣ ихъ техническія особенности. Пусть же тысячи разновидностей производства останутся въ исключительномъ или хотя преобладающемъ вѣдѣніи гражданъ. Но вся производительная жизнь общества представляетъ двѣ стороны, которыя требуютъ усиленныхъ заботъ государства и часто усиленнаго его вмѣшательства. Таковы, во-первыхъ, всѣ тѣ отрасли хозяйственной дѣятельности, которыя имѣютъ всеобщее значеніе и своими услугами изъ поколѣнія въ поколѣніе все болѣе входятъ въ обычный жизненный обиходъ всѣхъ гражданъ: монетное дѣло, страховое, почтовое, главные пути сообщенія. Всеобщее значеніе этихъ отраслей человѣческой дѣятельности, особенная важность избѣгать въ этихъ сферахъ на всѣхъ пунктахъ поддѣлокъ и даже мелкихъ ошибокъ и неточностей дѣлаютъ нецѣлесообразнымъ предоставленіе этихъ производствъ вѣдѣнію частныхъ хозяйствъ; а сравнительная техническая простота этихъ отраслей, законченность типовъ и достаточное ихъ совершенство, облегчаютъ завѣдываніе ими даже со стороны довольно тяжеловѣснаго механизма, какимъ является государство. Вотъ почему эти отрасли или совсѣмъ изъемлются изъ вѣдѣнія частныхъ хозяйствъ, дабы быть ведомыми исключительно государствомъ, или же ведутся и государствомъ, и частными хозяйствами съ размежеваніемъ областей въ интересахъ общежитія. Во-вторыхъ, мы отмѣчаемъ одну черту, общую всѣмъ производствамъ: небольшой сравнительно кучкѣ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и предпринимателей противостоитъ многочисленная масса рабочихъ. Представимъ себѣ, что алчность и невѣжество людей, обузданныя государственною властью относительно пользованія лѣсами или почвою, будутъ имѣть широкій просторъ въ сферѣ пользованія наемнымъ трудомъ. Отмѣните всѣ фабричные законы и возстановите порядокъ, господствовавшій въ Европѣ въ первую треть нашего вѣка. Дайте этому порядку безостановочно развиваться въ теченіе 3—4 поколѣній, и наступитъ полное тѣлесное вырожденіе многихъ десятковъ милліоновъ людей, быть можетъ, большей части населенія; наступятъ съ бо̀льшею интензивностью и въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ тѣ явленія, которыя были наблюдены въ Англіи и краснорѣчиво описаны Энгельсомъ и другими. Но этого мало: ограничьте фабричные законы только дѣтьми и подростками, дозволяйте взрослымъ мужчинамъ и женщинамъ работать столько часовъ и при такихъ условіяхъ, какъ они захотятъ, найдутъ для себя нужнымъ,—и вы, все-таки, понизите физическія качества населенія: огромныя массы взрослыхъ работниковъ, при дальнѣйшемъ развитіи фабричнаго производства, будутъ перерабатываться и давать жизнь физически болѣе слабому по

томству. Такимъ образомъ, въ этой области долженъ быть открытъ широкій просторъ для регулирующей дѣятельности государства.

Имѣетъ ли государство какія-нибудь задачи въ сферѣ распредѣленія богатствъ? Пауперизмъ есть одинъ изъ выдающихся признаковъ болѣзненнаго распредѣленія богатствъ. Насколько же частная благотворительность достаточна для его исцѣленія? И факты, и апріорныя заключенія заставляютъ думать, что пауперизмъ, порождаемый всѣмъ общественнымъ строемъ, имѣетъ только очень слабый противовѣсъ въ присущихъ человѣческой душѣ чувствахъ дружелюбія. Что́ бы ни говорили многіе писатели о личной виновности огромной массы бѣдняковъ, о заслуженности нищеты, о возможности для большинства бѣдняковъ измѣнить къ лучшему свою долю,—изученіе хозяйственнаго быта любой страны въ прошломъ и настоящемъ обнаруживаетъ совершенно иныя причины пауперизма: юридическій порядокъ, закрѣпляющій право собственности на землю въ рукахъ меньшинства населенія, техническія особенности большей части производствъ, способствующія ихъ концентраціи въ рукахъ немногихъ предпринимателей, временами острый и всегда хроническій избытокъ рабочихъ рукъ, низкая заработная плата, системы налоговъ, большею тяжестью падающихъ на бѣдныхъ, чѣмъ на богатыхъ,—вотъ главная причина того, что въ каждой странѣ 3—5% должны быть занесены въ списки нищихъ. На кого же можетъ разсчитывать цѣлый милліонъ нищихъ въ одномъ изъ большихъ европейскихъ государствъ? Говарды, Пибоди, которые всегда будутъ служить украшеніями человѣческаго рода, считаются единицами; какъ ни велики ихъ дары на дѣла благотворенія, они могутъ удовлетворить только небольшую частицу нужды. Вся масса нищихъ, которымъ, чтобы только не умереть съ голода, нужны сотни милліоновъ рублей въ годъ, имѣетъ къ своимъ услугамъ, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, въ высокой степени гуманныхъ, кошельки и всѣхъ остальныхъ согражданъ; но эти кошельки открыты лишь настолько, чтобы человѣка не упрекали въ крайней скаредности. А для этого нужно очень немного: аккуратно дѣлать небольшіе членскіе взносы въ одно или нѣсколько благотворительныхъ обществъ. Факты изъ жизни любой страны показываютъ, что частная благотворительность недостаточна, а апріорное заключеніе убѣждаетъ, что она и не можетъ быть достаточна. И государственное вмѣшательство, направленное въ эту область, получаетъ двоякое оправданіе. Оно оправдывается юридически, ибо законъ, организуя общественное призрѣніе, только въ небольшой степени умаляетъ рядъ историческихъ неправдъ, рядъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ и одерживаемыхъ эгоизмомъ надъ началами альтруистическими.

Во вторыхъ, общественное принудительно-организуемое призрѣніе должно быть одобрено въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ оно больше смягчаетъ пауперизмъ, нежели то подъ силу частной благотворительности. Англійская система общественнаго призрѣнія, основывающая все дѣло на особыхъ налогахъ, должна быть признана, по идеѣ, наиболѣе удовлетворительною. Мудрые творцы древнихъ религій обязывали имущихъ людей удѣлять бѣднымъ значительную часть дохода. Въ основѣ этихъ заповѣдей лежитъ сознаніе невольности, незаслуженности нищеты со стороны многихъ бѣдняковъ. Такая же руководящая мысль лежитъ въ основаніи и принудительнаго общественнаго призрѣнія. Англійская система сотни и тысячи разъ служила излюбленнымъ предметомъ нападокъ. Но всѣ эти нападки не оправдываются фактами. Намъ говорятъ, что такая система пагубно дѣйствуетъ на всю общественную жизнь, въ особенности на хозяйство. А исторія Англіи за послѣднія 100—150 лѣтъ обнаруживаетъ крупные успѣхи этого народа во всѣхъ сферахъ жизни. Намъ говорятъ, что общественное призрѣніе, установляемое закономъ, уменьшаетъ наклонность людей къ благотворительности, а факты свидѣтельствуютъ, что ни одна страна не можетъ соперничать съ Англіей по размѣрамъ частной благотворительности и разнообразію формъ, которыя она принимаетъ.—Особый классъ образуютъ тѣ нуждающіеся, которые способны къ труду, но невыгоднымъ порядкомъ владѣнія и производства пріурочены къ самой скудной долѣ народнаго дохода и самому скудному удовлетворенію потребностей. Общественный процессъ самъ по себѣ съ трудомъ вырабатываетъ формы, которыя помогли бы, напримѣръ, многочисленной безземельной массѣ стать землевладѣльцами или массѣ фабричныхъ работниковъ достигнуть самостоятельности посредствомъ соединенія въ товарищества. И здѣсь государство имѣетъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ обязанностей, которыя помимо его не могутъ быть исполнены: утилизировать свободныя казенныя земли для надѣленія ими нуждающагося люда, развить долгосрочный кредитъ для выдачи ссудъ на пріобрѣтеніе земли, а краткосрочный—для выдачи ссудъ артельнымъ предпріятіямъ, оказывать матеріальное содѣйствіе переселенцамъ и т. д. Всѣ эти мѣры, уменьшая безработицу и пролетаріатъ, поднимаютъ уровень благосостоянія бѣднѣйшихъ гражданъ и благотворно вліяютъ на распредѣленіе богатствъ.

То же можно сказать и объ обязанности государства воздѣйствовать на народное образованіе. Идеалъ состоитъ въ наибольшемъ возвышеніи уровня народнаго образованія, дабы съ каждымъ поколѣніемъ увеличивалась и власть человѣка надъ внѣшнею при-

родой и, въ его душѣ, власть лучшихъ, человѣческихъ стремленій надъ животными влеченіями. Мы не останавливаемся на вопросѣ о томъ, насколько эта цѣль достигается учебными заведеніями того или другого типа. Однако, есть надобность въ большомъ числѣ учебныхъ заведеній. Одна частная предпріимчивость рѣшительно не можетъ удовлетворить эту потребность. Милліонеръ, получившій вкусъ къ наукѣ или искусству, всегда болѣе склоненъ пожертвовать или завѣщать крупный капиталъ на пользу пастёровскаго института, университета, высшаго спеціальнаго училища и, пожалуй, средней школы, т.-е. учрежденій, которыя служатъ духовнымъ нуждамъ преимущественно людей богатыхъ и зажиточныхъ. Эти заведенія болѣе величественны, болѣе замѣтны, а потому и способны окружить гораздо бо́льшимъ блескомъ имена жертвователей или завѣщателей, нежели народныя школы. Можно быть увѣреннымъ, что если частная предпріимчивость способна иногда удовлетворить потребность общества въ ученыхъ учрежденіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то она оставила бы очень большой пробѣлъ въ среднихъ и, особенно, низшихъ училищахъ. А такъ какъ большинство изъ тѣхъ, кто нуждается въ начальныхъ и даже среднихъ школахъ не въ состояніи сами обезпечить удовлетвореніе этой потребности, то на государствѣ и лежитъ обязанность вмѣшательства въ дѣло народнаго образованія, всего болѣе низшаго. Даже въ странахъ съ могучею личной иниціативой, каковы Англія, Соединенные Штаты, Австралія, народное образованіе обязано государству своими главными успѣхами. А всякій, сколько-нибудь знакомый съ русскою жизнью, согласится, что если бы не энергическая дѣятельность земства и городского самоуправленія, то весь нашъ народъ и до сихъ поръ былъ бы въ томъ непроницаемомъ мракѣ, который 30 лѣтъ тому назадъ царилъ въ русскихъ деревняхъ и даже городахъ. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, насколько въ этой области дѣятельность однихъ частныхъ лицъ недостаточна. Если фабриканты такъ мало дѣлаютъ для облегченія малолѣтнимъ рабочимъ доступа къ начальному образованію, то нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы въ другихъ слояхъ нашего общества нашлось довольно богатыхъ и благотворительныхъ людей, способныхъ хотя въ слабой степени удовлетворить эту потребность русской жизни.

Обширная сфера потребленія богатствъ представляетъ именно ту область, гдѣ вмѣшательство государства наименѣе цѣлесообразно Мой сосѣдъ—богатъ онъ или бѣденъ, просвѣщенъ или невѣжественъ не страдаетъ отъ того, что у меня въ домѣ заведенъ опредѣленный порядокъ относительно пищи, одежды, развлеченій; ему без-

различно, какого рода образованіе я даю моимъ дѣтямъ, какую часть дохода я проживаю. Пока потребленіе не принимаетъ формъ, вредныхъ своей безнравственностью, особенно для подростающаго поколѣнія, до тѣхъ поръ слѣдуетъ оставить его въ сторонѣ отъ вмѣшательства государственной власти. Нужно преслѣдовать роскошь не законами противъ роскоши, а преобразованіями общественнаго строя, которыя смягчаютъ неравенство въ распредѣленіи богатствъ.

III.

Поставимъ въ заключеніе послѣдній вопросъ,—о томъ, располагаетъ ли государство достаточно подготовленными силами, чтобы, принявъ на себя столь разнообразныя обязанности, благотворно вліять на хозяйственную жизнь? Противники государственнаго вмѣшательства въ экономическій бытъ народа находятъ въ существѣ государства нѣсколько слабыхъ сторонъ, которыя мы и сдѣлаемъ предметомъ нашего разсмотрѣнія [2]).

Первая слабая сторона государства состоитъ въ томъ, что оно совершенно лишено духа изобрѣтательности. Но развѣ не то же слѣдуетъ сказать и о любой группѣ людей, образующихъ, путемъ соединенія, коллективную единицу? Клубъ, акціонерная компанія, политическое, ученое, религіозное общество не въ большей степени обладаютъ даромъ изобрѣтательности, чѣмъ государство. Всѣ эти коллективныя лица лишены изобрѣтательности не только въ сложныхъ вопросахъ науки и искусства, но даже въ мелочахъ повседневной жизни. Обогащаютъ науку не ученыя общества, а отдѣльные, немногіе ихъ члены; все же общество служитъ средою, которая воспринимаетъ новыя идеи и способствуетъ ихъ дальнѣйшему распространенію. Творцами новыхъ и оригинальныхъ политическихъ программъ служатъ не политическія общества во всемъ составѣ, а отдѣльные ихъ члены. Даже такая ничтожная новинка, какъ измѣненіе того или другого параграфа въ уставѣ клуба, относительно, наприм., танцевъ, картежной игры, исходитъ отъ отдѣльныхъ членовъ и только подвергается критикѣ со стороны остальныхъ. И такъ, государству, равно какъ и всѣмъ коллективнымъ лицамъ, чуждо духовное творчество въ области науки, искусства, формъ общежитія и даже техники. Новое вѣроученіе, новая научная мысль, новый художественный образъ, новая форма общежитія, новые способы производства,—все это не создается волею закона, но не создается и распоряженіемъ, исходящимъ отъ частныхъ союзовъ, а творится единичными умами подъ вліяніемъ то

свободно, то безотчетно дѣйствующихъ духовныхъ силъ. Въ каждую данную минуту государственная власть имѣетъ къ своимъ услугамъ громадный, почти неисчерпаемый запасъ научныхъ е философскихъ идей, такъ что даже величайшій законодатель не былъ бы въ состояніи быстро провести ихъ въ жизнь. Различіе между государствомъ и частными союзами сводится не къ тому, насколько то и другіе одарены изобрѣтательностью, а къ тому, въ какой мѣрѣ они могутъ поощрять изобрѣтательность и болѣе или менѣе быстро пользоваться ея плодами. Лучшее, чѣмъ гордится человѣчество (не говоря уже о всей области нравственныхъ началъ) въ сферѣ научныхъ идей и художественныхъ образовъ, возникло помимо всякаго воздѣйствія государства или какого либо отдѣльнаго лица и частнаго учрежденія; однако, поощреніе можетъ вызвать много второстепенныхъ изобрѣтеній, также очень важныхъ для обогащенія науки, искусства и увеличенія удобствъ матеріальной жизни. Разнообразныя мѣры поощренія, денежныя и почетныя награды, стипендіи, постоянное содержаніе, позволяя многимъ даровитымъ людямъ всецѣло посвятить умъ той или другой работѣ, содѣйствуютъ различнымъ изобрѣтеніямъ. Общая форма, въ которую облекается поощреніе изобрѣтательности, есть постоянное пользованіе услугами людей, обладающихъ изобрѣтательнымъ умомъ. Въ этихъ обоихъ отношеніяхъ нельзя отдать предпочтеніе ни государству, ни частнымъ обществамъ. Мы видимъ, что еще въ древнемъ Римѣ знатные и богатые граждане поощряли ученыхъ и поэтовъ; мы видимъ, что и теперь во многихъ странахъ, особенно въ Англіи и Америкѣ, частныя лица щедрыми дарами содѣйствуютъ развитію науки и искусства; мы находимъ на службѣ промышленныхъ компаній превосходныхъ инженеровъ, технологовъ, банковскихъ дѣятелей и т. п. Но много подобныхъ же примѣровъ даетъ намъ и отношеніе государства къ изобрѣтательнымъ умамъ. На службѣ у государства, въ германскихъ, наприм., университетахъ, можно найдти лучшихъ представителей современной науки. Многіе первостепенные художники занимали и занимаютъ въ разныхъ странахъ оффиціальное положеніе. Наконецъ, превосходнымъ практическимъ дѣятелямъ въ сферѣ частной предпріимчивости можно противупоставить великихъ государственныхъ людей съ творческимъ умомъ: Кольбера, Роберта Пиля, Гладстона, Кавура, Гарденберга, Сперанскаго, Н. А. Милютина. Нѣтъ также основанія утверждать, будто частные союзы легче, нежели государственная власть, даютъ свое одобреніе плодамъ человѣческой изобрѣтательности и вводятъ ихъ въ свой обычный обиходъ. Чѣмъ болѣе возвышенны сферы, къ которымъ относятся плоды человѣческой изобрѣтательности,

тѣмъ труднѣе для нихъ получить признаніе, тѣмъ долѣе вліяніе ограничивается только тѣсными кружками лучшихъ людей. Всѣмъ извѣстно, какое равнодушіе и даже враждебное чувство встрѣчаетъ проповѣдь нравственныхъ началъ или новыхъ научныхъ идей. Дарвинъ произвелъ въ наукѣ огромный переворотъ. Міровоззрѣніе великаго англійскаго естествоиспытателя вызвало протестъ во всѣхъ сферахъ; но онъ нашелъ самыхъ горячихъ и даровитыхъ послѣдователей въ служебной наукѣ: назову нѣмецкаго профессора Геккеля. Знаменитый трудъ Маркса *Капиталъ* вызвалъ очень враждебное отношеніе многихъ экономистовъ и юристовъ; но и онъ имѣетъ горячихъ защитниковъ въ лицѣ многихъ *оффиціальныхъ* ученыхъ, наприм., Шееля, Вагнера; въ общемъ онъ оказалъ гораздо больше вліянія на *государственно-профессорскую* науку въ Германіи, нежели на болѣе свободную отъ государства науку во Франціи и Англіи, гдѣ политическая экономія еще цѣпко держится за многіе старые предразсудки. Перейдемъ, однако, въ область тѣхъ изобрѣтеній, которыя, осязательно увеличивая удобства жизни, безъ труда признаются полезными со стороны многихъ или даже всѣхъ людей: таковы усовершенствованныя орудія производства, предметы домашняго обихода или общественнаго употребленія, способы освѣщенія улицъ, водоснабженія, научныя приспособленія и т. д. И въ этой области частная предпріимчивость не всегда опережаетъ дѣятельность довольно тяжеловѣснаго государственнаго механизма. Часто ссылаются, наприм., на то, что первыя желѣзныя дороги были созданы частными компаніями и что телефоны были ранѣе введены въ употребленіе частными предпріятіями, нежели правительствомъ. Мы противупоставили бы этому быстрое введеніе всѣхъ усовершенствованныхъ приспособленій въ физическихъ кабинетахъ, химическихъ лабораторіяхъ, клиникахъ германскихъ университетовъ, которые въ этомъ отношеніи, быть можетъ, не имѣютъ соперниковъ. Но есть и другой, еще болѣе выдающійся примѣръ. Изъ всѣхъ отраслей дѣятельности правительство повсюду относилось и относится съ особенною заботливостью къ устроенію военнаго дѣла. Зорко присматриваются ко всѣмъ изобрѣтеніямъ въ этой области и такъ же торопятся ввести ихъ, какъ дѣятельный предприниматель спѣшитъ замѣнить старые ткацкіе станы станами новой системы. Почти безостановочное стремленіе къ усовершенствованію военнаго дѣла не ограничивается крѣпостями, оружіемъ, разрушительными составами, но распространяется и на способы ухода за ранеными, ихъ перевозки, хирургическую часть. Многое въ области хирургіи было изобрѣтено и впер-

вые примѣнено въ военномъ вѣдомствѣ и уже оттуда получило дальнѣйшее распространеніе. Укажемъ также на почтовое дѣло. Эта часть удерживается въ исключительномъ вѣдѣніи государства; однако, она усвоиваетъ новинки техники и прогрессируетъ безостановочно. А потому, скажемъ мы, въ отсутствіи духа изобрѣтательности, поощреніи и усвоеніи изобрѣтеній нельзя искать условій, которыя давали бы преимущество частнымъ союзамъ сравнительно съ государствомъ.

Вторая слабая сторона государства—та, что оно лишено въ своихъ стремленіяхъ постоянства, которое обезпечивало бы постепенность прогресса и дѣлало бы невозможными рѣзкіе скачки отъ увлеченія однѣми функціями къ увлеченію другими, отъ чрезмѣрной заботливости объ однѣхъ задачахъ народной жизни къ чрезмѣрному попеченію о другихъ. «Пристрастіе къ насилію и принужденію; пристрастіе къ безграничной индивидуальной свободѣ; пристрастіе къ публичнымъ работамъ или какому-либо виду публичныхъ работъ, желѣзнымъ дорогамъ, каналамъ, памятникамъ; пристрастіе къ религіи; пристрастіе къ народному образованію; пристрастіе къ свободной торговлѣ; пристрастіе къ протекціонизму... Увлеченіе принимаетъ тысячи формъ, которыя послѣдовательно овладѣваютъ народомъ» [3]). И эта черта отличаетъ государство независимо отъ формы правленія. Въ неограниченной монархіи перемѣна главы государства или его всемогущихъ министровъ обыкновенно влечетъ за собой и перемѣну въ цѣлой системѣ управленія по отношенію къ одному вѣдомству, или ко многимъ, или даже ко всѣмъ основнымъ отраслямъ управленія. Таково же положеніе дѣлъ въ монархіяхъ съ парламентарнымъ устройствомъ и въ республикахъ. Въ лихорадочномъ порывѣ къ творчеству, конечно, вовсе не принимаются въ разсчетъ потребности общества или отдѣльныхъ классовъ, а создается учрежденіе, которое отвѣчаетъ на запросъ минуты, на господствующее, модное теченіе. Дабы общественная жизнь какъ можно рѣже подвергалась ненужной ломкѣ, государство должно относиться къ самому себѣ со скромностью, не должно чрезмѣрно умножать свои задачи и представлять возможно широкую область для личнаго почина.

Это положеніе кажется убѣдительнымъ; однако, ближайшее сопоставленіе государства, какъ созидающей силы, съ отдѣльными лицами и группами людей показываетъ, что и послѣднія заслуживаютъ упрека, который дѣлаютъ государству. И отдѣльныя общественныя группы, поддаваясь теченіямъ, которыя исходятъ отъ руководящихъ круговъ или отдѣльныхъ лицъ, подчиняютъ свой жизненный обиходъ новымъ формамъ, охотно разстаются со ста-

рыми и даже подвергаютъ ихъ полному пренебреженію и забвенію. При рѣдкомъ населеніи, въ глуши укромныхъ деревушекъ жизнь отличается большою устойчивостью, но съ переходомъ къ городу, и особенно большому городу, эта устойчивость уступаетъ мѣсто чрезвычайной подвижности. Она обнаруживается во всѣхъ сферахъ отъ мелочей и до важнѣйшихъ сторонъ частной или общественной жизни. Какъ бы платье новаго покроя ни было неудобно, нецѣлесообразно и даже неизящно, почти всѣ усвоиваютъ его, спѣша разстаться съ старымъ, которое, быть можетъ, гораздо больше соотвѣтствовало требованіямъ здоровья, удобства и изящества. То же скажемъ мы и о другихъ принадлежностяхъ домашняго обихода. Не меньшая порывистость обнаруживается въ сферѣ производства. Капиталъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій можетъ получать другое назначеніе только съ потерей значительной части своей цѣнности, а потому остается долгое время въ одной и той же отрасли производства. Но свободныя денежныя средства отдѣльныхъ лицъ легко и часто мѣняютъ свое помѣщеніе, причемъ многіе владѣльцы не относятся сознательно къ степени выгодности новаго торговаго или промышленнаго дѣла, а дѣйствуютъ такъ только потому, что нѣсколько лицъ имѣли въ данномъ предпріятіи крупный и соблазнительный успѣхъ. Эти явленія можно наблюдать на каждомъ шагу. Такъ, въ 70-хъ годахъ въ средней полосѣ Россіи явилась большая мода на крахмальные и спичечные заводы, которые развивались въ такомъ количествѣ, что стали продавать свои издѣлія прямо въ убытокъ. То же можно сказать о погонѣ за сложными и дорогими земледѣльческими машинами; въ нашемъ отечествѣ мы замѣчаемъ такую погоню въ первой половинѣ 60-хъ годовъ. Рвеніе скоро ослабѣло и большая часть машинъ была сложена въ амбары, чтобы никогда уже впредь не служить своимъ владѣльцамъ. Но еще гораздо рѣзче обнаруживается эта порывистость въ хозяйственныхъ дѣлахъ городского населенія, и именно того, которое стоитъ въ ближайшихъ отношеніяхъ съ биржей. Всѣ эти явленія потому не надолго останавливаютъ на себѣ наше вниманіе, что одно теченіе быстро смѣняется другимъ; послѣдствія очень скоро обнаруживаются въ полученномъ барышѣ или понесенномъ убыткѣ; полезность или вредъ выясняются слишкомъ скоро и охлаждаютъ къ данному направленію. Не такъ легко поддается оцѣнкѣ вліяніе извѣстнаго направленія въ духовной жизни народовъ, а потому эти направленія держатся довольно долго и захватываютъ почти сплошь образованную часть населенія. Припомнимъ, что въ нашемъ отечествѣ 60-е годы были временемъ увлеченія естественными науками или, выразимся скромнѣе, усиленнаго

чтенія книгъ по естественнымъ наукамъ. 70-е годы были временемъ полнаго торжества экономической науки. Въ это время появилось много переводовъ какъ лучшихъ иностранныхъ писателей, такъ и экономистовъ очень сомнительнаго достоинства, довольно много хорошихъ и еще больше посредственныхъ работъ, вышедшихъ изъ-подъ пера русскихъ ученыхъ, цѣлый рядъ экономическихъ изысканій, выполненныхъ правительственными учрежденіями, и отличное организованіе земской статистики за какія-нибудь 5—6 лѣтъ. Къ 60-мъ годамъ должны быть отнесены условія, давшія общественной мысли такое направленіе: переходъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ свободное, а всего народнаго хозяйства отъ натуральной формы къ денежной, развитіе банковаго и желѣзно-дорожнаго дѣла, упорядоченіе государственныхъ финансовъ посредствомъ учрежденія государственнаго контроля и созданіе въ лицѣ земствъ новыхъ и обширныхъ хозяйствъ,—вотъ крупныя явленія, которыя должны были оставить слѣдъ въ литературѣ. 80-е годы также внесли въ наше умственное движеніе новую струю: интересъ къ изученію хозяйственныхъ явленій сталъ ослабѣвать; вопросы философскіе начали привлекать къ себѣ все бо́льшее вниманіе; изящная словесность и литературная критика, затѣненныя въ теченіе двухъ десятилѣтій, опять начали входить въ кругъ интересовъ каждаго образованнаго человѣка. И всѣ эти теченія, исключая другъ друга, давали и даютъ культурѣ ума извѣстную односторонность и вліяютъ на подготовленность поколѣній 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ къ практической дѣятельности. Картина такихъ смѣнъ въ умственныхъ теченіяхъ, изъ которыхъ каждое относится къ другимъ съ извѣстнымъ отрицаніемъ, даетъ намъ полное право сказать, что непостоянство, часто рѣзкіе переходы отъ одного направленія къ другому вовсе не служатъ отличительною чертою политики: то же встрѣчаемъ мы во всѣхъ сферахъ общественной жизни.

Третьей невыгодною особенностью государства считается невозможность составлять такой удачный подборъ чиновниковъ, какъ то дѣлается въ частныхъ обществахъ или предпріятіяхъ. Этотъ недостатокъ приводятъ въ связь съ неустойчивостью положенія чиновника, съ необходимостью для него имѣть не только извѣстныя техническія знанія, подготовку къ его дѣятельности, но и политическія и религіозныя убѣжденія опредѣленной окраски. Въ республикахъ и при парламентарномъ устройствѣ господствующее большинство приноситъ съ собой и новыхъ людей. Назадъ отодвигаются не только лица, занимавшія высшіе посты на государственной службѣ, но и чиновники второго, третьяго, десятаго разряда. Обя-

занные своимъ возвышеніемъ партіи, прежде господствовавшей, а нынѣ побѣжденной, эти тысячи должны теперь стушеваться, чтобы уступить мѣсто побѣдителямъ. А среди лицъ, вытѣсняемыхъ изъ рядовъ, очень многіе отличаются высокими достоинствами чисто-дѣлового характера; тѣ, кто замѣняетъ ихъ, часто далеко не имѣютъ такой подготовки. Что наблюдается въ республикахъ и монархіяхъ съ парламентарнымъ устройствомъ, то еще въ большей степени извѣстно неограниченнымъ монархіямъ: здѣсь смѣна высшихъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, часто ведетъ къ передвиженію и многихъ служащихъ, которые занимаютъ среднія и даже низшія ступени іерархической лѣстницы. Масса чиновничества, не чувствуя себя связанною на долгое время со своими служебными постами, во-первыхъ, часто не работаетъ съ тою энергіей, которая была бы желательна, а, во-вторыхъ, часто не отличается добросовѣстностью: гдѣ положеніе необезпечено, тамъ нужно хоть нажиться. А потому во всѣхъ дѣйствіяхъ общественной машины нѣтъ ни желанной быстроты, ни возможной добросовѣстности и бережливости.

Упреки очень часто направляются въ эту сторону. Но наблюденіе въ дѣйствіи различныхъ правительственныхъ механизмовъ заставляетъ сильно ограничить ихъ, а анализъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ или общественныхъ группъ позволяетъ нерѣдко и въ нихъ найдти очень много матеріала, вызывающаго такіе упреки.

Если обобщить всѣ высказанныя положенія, то можно установить такую формулу: въ дѣятельности частныхъ лицъ или группъ оцѣнивается исключительно служба дѣлу, а не лицамъ, а въ государственномъ механизмѣ часто придается бо́льшее значеніе службѣ лицамъ, нежели дѣлу. Это положеніе вполнѣ примѣнимо ко всѣмъ случаямъ, когда дорожатъ человѣкомъ не за его трудолюбіе или знаніе спеціальности, а за опредѣленныя политическія убѣжденія или вѣрованія. Нѣтъ основанія утверждать, чтобы во всѣхъ государствахъ положеніе чиновниковъ не отличалось прочностью: въ Германіи, напр., чиновники поставлены прочно; дѣловитость цѣнится очень высоко и относятся довольно безразлично къ политической окраскѣ убѣжденій, а тѣмъ болѣе къ вѣроисповѣданію; въ Англіи смѣна либеральнаго министерства консервативнымъ вовсе не ведетъ къ тому, чтобы чиновники, назначенные первымъ, были массами увольняемы отъ должностей. Но эта сторона дѣла получитъ гораздо болѣе яркое освѣщеніе, если мы выяснимъ характеръ причинъ, заставляющихъ въ однихъ случаяхъ цѣнить, главнымъ образомъ, или даже исключительно, дѣловыя способности человѣка, а въ другихъ—придавать большое значеніе разнообразнымъ свойствамъ

ума и воли, которыя не имѣютъ ничего общаго со спеціальными знаніями или навыками. Будемъ ли мы разсматривать государственный механизмъ или свободныя соединенія гражданъ, мы не впадемъ въ ошибку, поставивъ съ одной стороны всѣ лица, которыя имѣютъ своимъ назначеніемъ упорядоченіе и собираніе доходовъ, а по другую—тѣхъ, которыя оказываютъ услуги исполненіемъ иныхъ, самыхъ разнообразныхъ функцій. Въ отношеніяхъ отдѣльнаго хозяина или частнаго общества, какъ работодателей, къ лицамъ этихъ обѣихъ категорій можно подмѣтить очень большое различіе, проистекающее отъ того, что негодность первыхъ гораздо болѣе ощутительна, нежели вторыхъ. Разъ лицо, управляющее торговымъ или промышленнымъ дѣломъ, дѣйствуетъ успѣшно, и предпріятіе даетъ доходъ, то хозяинъ охотно мирится съ разнообразными недостатками этого лица и съ несимпатичною окраской политическихъ убѣжденій, и тѣмъ болѣе съ грубыми и угловатыми внѣшними пріемами, а иногда даже и съ весьма сомнительною честностью. Аналогичное отношеніе вызываютъ и лица, стоящія во главѣ финансоваго управленія. Когда назначаютъ такое лицо въ государствахъ съ преобладающимъ положеніемъ дворянства, съ сословными привилегіями, то привилегіи забываются; оцѣнивается только техническая пригодность назначаемаго съ полнымъ безразличіемъ къ его нравственнымъ свойствамъ, честности, гуманности, патріотизму. Область финансоваго управленія всегда была именно тою, ради которой самыя аристократическія правительства заставляли молчать свои сословные и иные предразсудки. Не то замѣчаемъ мы въ сферѣ услугъ, полезные результаты которыхъ труднѣе поддаются оцѣнкѣ. Въ этихъ сферахъ гораздо чаще одерживаетъ побѣду мнѣніе, что нужно дорожить не только дѣловитостью лица, но и его симпатичностью, характеромъ, «образомъ мыслей» и даже наружностью. Часто такое мѣрило примѣняется нами при выборѣ врачей, воспитателей, адвокатовъ, домашней прислуги и т. п. То же самое находимъ мы и въ разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія, за исключеніемъ вѣдомства финансовъ. Если, основываясь на этомъ, мы, напр., поставимъ въ упрекъ государственному учебному заведенію, что въ немъ многіе учителя обязаны своимъ назначеніемъ не талантамъ или познаніямъ, а кумовству, то, конечно, каждый сколько-нибудь близко наблюдавшій частныя учебныя заведенія знаетъ, что и тамъ многіе изъ преподавателей далеко не блещутъ ни талантами, ни трудолюбіемъ и обязаны сохраненіемъ своего поста и высокою репутаціей отнюдь не личнымъ достоинствамъ, а условіямъ совершенно иного рода. Упрекая государственную власть за то, что люди со скуднымъ

юридическимъ образованіемъ занимаютъ высокіе посты въ судебномъ вѣдомствѣ, а врачи съ ничтожною медицинскою подготовкой ставятся во главѣ обширныхъ медицинскихъ учрежденій, мы не должны забывать, что очень часто плохіе юристы и врачи, разъ они имѣютъ пріятныя манеры, извѣстный тактъ, знакомства, пользуются огромнымъ успѣхомъ въ публикѣ. А почему? Не трудно быть судьей въ вопросѣ о томъ, доходно ли данное предпріятіе, благопріятно ли заключенъ финансовый годъ въ государственномъ хозяйствѣ. Гораздо труднѣе судить о пользѣ или вредѣ, принесенныхъ преподавателемъ, врачомъ, судьей, администраторомъ. Здѣсь люди обманываются гораздо чаще; здѣсь одни намѣренно, другіе чистосердечно даютъ подкупать себя разными дѣйствительными или воображаемыми качествами, которыя, однако, вовсе не связаны съ его спеціальнымъ занятіемъ. Такимъ образомъ, нѣтъ достаточныхъ основаній ссылаться на эту особенность государственнаго механизма и во имя ея требовать съуженія государственной дѣятельности.

Наконецъ, государству дѣлаютъ и четвертый серьезный упрекъ. Оно, говорятъ, стоитъ совершенно внѣ соперничества, которое служитъ въ частныхъ отношеніяхъ такою плодотворной силой и источникомъ усовершенствованія. Есть соперничество и между государствами; но оно касается только двухъ областей—военной и дипломатической. Для всѣхъ же другихъ отношеній, для всего внутренняго управленія оно имѣетъ къ своимъ услугамъ принудительную власть, которая становится особенно могущественной вслѣдствіе финансоваго верховенства. Какъ бы дурно ни была ведена извѣстная отрасль управленія —разъ государство не имѣетъ соперниковъ, оно можетъ безконечно долго держаться установившихся негодныхъ пріемовъ, можетъ заржавѣть въ старой колеѣ— и все же будетъ завѣдывать данною отраслью.

Въ основѣ этого упрека лежитъ предположеніе, что только эгоизмъ руководитъ поступками людей; но въ сферѣ государственнаго управленія мы находимъ и другія начала, которыя дѣйствуютъ и въ свободномъ общеніи между людьми. Начало соперничества имѣетъ довольно ограниченное примѣненіе внѣ чисто-хозяйственной дѣятельности. Возьмемъ, напримѣръ, сферу народнаго здравія или образованія. Люди, пользующіеся услугами врачей и преподавателей, большею частью, весьма малосвѣдущи въ вопросахъ о томъ, какая метода лѣченія наилучшая или какая система образованія наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ воспитанія. А потому соперничество дѣйствуетъ въ такихъ сферахъ довольно своеобразно: оно побуждаетъ, главнымъ образомъ, усвоивать такую

внѣшность, которая производила бы хорошее впечатлѣніе и удерживала бы кліентовъ у даннаго лица или учрежденія. Каждому извѣстна масса шарлатанства въ области такъ-называемыхъ свободныхъ профессій; каждому мыслящему человѣку извѣстно, что въ этихъ сферахъ соперничество направлено не на измѣненіе къ лучшему условій даннаго дѣла, а только на то, чтобы придать ему возможно болѣе привлекательную внѣшность. Главные же и полезнѣйшіе успѣхи, которые совершаются въ этихъ областяхъ, совершаются благодаря *сознанію долга* лучшими изъ дѣятелей. Сплошь и рядомъ они получаютъ въ удѣлъ только равнодушіе или даже пренебреженіе согражданъ. Если Годенъ въ своей фамилистеріи въ Гизѣ создалъ на благо рабочихъ разнообразныя и ставшія извѣстными всему міру учрежденія, превосходныя училища, колыбельную, библіотеку и многое другое, то создалъ ихъ не въ силу господства конкурренціи, а вопреки этому началу: конкурренція, побуждая сводить до наименьшаго размѣра издержки производства, конечно, предписываетъ предпринимателю такой образъ дѣйствій, при которомъ онъ не затрачиваетъ лишняго гроша и по возможности держитъ рабочихъ въ черномъ тѣлѣ. Мы глубоко убѣждены, что драгоцѣннѣйшія пріобрѣтенія человѣчества въ сферѣ нравственныхъ началъ, научныхъ идей и формъ общежитія созданы не подъ вліяніемъ начала соперничества, а изъ свободнаго творчества человѣческаго духа и вслѣдствіе сознанія долга въ тѣхъ, кто осуществляетъ эти начала и улучшаетъ извѣстную сторону общежитія. Однородное съ тѣмъ, что происходитъ въ свободныхъ общеніяхъ людей, наблюдаемъ мы и въ области государственнаго управленія. Рядовой губернаторъ, исправникъ, министръ, профессоръ, конечно, заботятся только о томъ, чтобы пружины, которыя имъ приказано двигать, двигались кое-какъ, не настолько скверно, чтобы вызывать неудовольствіе вообще снисходительнаго начальства. Если послѣднее требовательно и просвѣщенно, то среди этихъ лицъ развивается соперничество, направленное на точное и дѣйствительное исполненіе служебныхъ обязанностей. Но крупныя пріобрѣтенія въ государственной жизни всегда были, есть и будутъ созданіями свободно творящаго духа. Въ сферѣ чисто-хозяйственной вліяніе соперничества сказывается и тамъ, гдѣ хозяиномъ выступаетъ правительство. Государственныя потребности возростаютъ съ такою быстротой, что въ финансы постепенно вводится большая бережливость. Гдѣ казна выступаетъ предпринимателемъ, напримѣръ, въ банковскомъ дѣлѣ, желѣзно-дорожномъ, горно-заводскомъ и не установляетъ монополіи, тамъ она усвоиваетъ новѣйшія завоеванія техники. Смотря на данное предпріятіе, какъ

на источникъ дохода, казна бываетъ вынуждена не отставать въ дѣлѣ техническихъ улучшеній. Если она завѣдуетъ отраслью изъ соображеній общественнаго интереса, то не находится въ особенно невыгодныхъ условіяхъ сравнительно съ частными лицами, потому что пользуется трудомъ людей, которые и въ сферѣ частнаго хозяйства работаютъ не подъ контролемъ двухъ зоркихъ и требовательныхъ глазъ, а подъ наблюденіемъ органовъ обширныхъ акціонерныхъ компаній, гдѣ почти всѣ дѣлаютъ не свое дѣло. Въ такомъ, напримѣръ, положеніи находится государство при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ. Сошлемся на старый примѣръ — почтовое вѣдомство, дабы пояснить, насколько дѣло можетъ успѣшно развиться безъ участія внутренней конкурренціи. Сомнительно, чтобы это дѣло могло быть такъ хорошо упорядочено частною иниціативой, какъ оно устроено правительственною властью. И такъ, скажемъ мы, всѣ перечисленныя слабыя стороны государства не представляются настолько специфическими, чтобы можно было оправдать ими ограниченную роль государства въ упорядоченіи общественной жизни.

Подводя итоги всему сказанному, мы можемъ установить слѣдующія положенія.

Государственный механизмъ не представляетъ такихъ особенныхъ, только ему одному свойственныхъ недостатковъ, которые въ большей или меньшей мѣрѣ не были бы присущи и группамъ частныхъ лицъ. Въ каждой странѣ общественные слои и государство слагаются изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, съ тѣми же достоинствами и недостатками, которые отличаютъ данный народъ въ его цѣломъ. Въ однѣ эпохи государственную власть получаютъ лучшіе изъ общественныхъ элементовъ; тогда правительство можетъ плодотворно работать во всѣхъ сферахъ жизни. Въ другіе періоды власть принадлежитъ худшимъ, и тогда правительство повсюду, куда оно входитъ со своимъ авторитетомъ, дѣйствуетъ недобросовѣстно, нерадиво и расточительно, и дѣятельность частныхъ обществъ заслуживаетъ предпочтенія. Но изъ этого еще нельзя вывести какія-либо принципіальныя требованія относительно предѣловъ государственнаго вмѣшательства въ общественную жизнь. Ратуя за самую широкую свободу гражданъ въ области вѣры, мысли, слова, печати, хозяйства, нельзя принципіально указать область (кромѣ, думаемъ мы, сферы потребленія), гдѣ вмѣшательство государства, проникнутое началами гуманности и широко понятыхъ общественныхъ интересовъ, не могло бы, при извѣстныхъ условіяхъ, повести къ самымъ благотворнымъ послѣдствіямъ. Нельзя указать подобную

область потому, что повсюду обнаруживаются невѣжество и, особенно, алчность отдѣльныхъ гражданъ и даже цѣлыхъ классовъ и повсюду отъ этихъ темныхъ силъ можетъ страдать самая многочисленная, самая бѣдная и слабая силами масса населенія.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) Сюда можно пріобщить и другія теченія въ современномъ законодательствѣ: ограниченія владѣльцевъ въ пользованіи ихъ лѣсами, отношеніе государства къ желѣзнымъ дорогамъ, банкамъ, ростовщичеству и проч.

2) Ср. Spencer. The man versus the State и *Leroy-Beaulieu.* L'état moderne et ses fonctions.

3) *Leroy-Beaulieu,* назв. сочин., 63.

КОНЕЦЪ.

М. Уставы о воинской повинности. 2 т. Изд. 6-е. Спб. . Ц. 5 р.

Б. Догма Римскаго права. Особенная часть. Спб. 1891 г. р.

а, Н. Л. Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву. Спб. 1889 г. Ч. I. Ц. 2 р. и Продолженіе 1892 г. Ц. 70 к.

Есиповъ, Вл. Поврежденіе имущества огнемъ по русскому праву. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Его-же. Превышеніе и бездѣйствіе власти по русскому праву. Спб. 1892 г. Ц. 70 к.

Ефимовъ, В. В. Лекціи по исторіи Римскаго права. Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Его-же. Догма Римскаго права. Общая часть. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Его-же. Догма Римскаго права. Особенная часть. Спб. 1894 г. Печатается.

Коркуновъ, Н. М. Лекціи по общей теоріи права. Изд. 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Его-же. Русское Государственное право. Т. I. Введеніе и общая часть. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к. Тоже. Т. II. Часть особенная. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Сравнительный очеркъ Государственнаго права иностранныхъ державъ. Ч. I. Государство и его элементы. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Лебедевъ, В. А. Финансовое право. Т. I. Вып. 1-й. Изд. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 2 р. Вып. 2-й. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к. Вып. 3-й. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мартенсъ, Ѳ. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. 2 тома. Спб. 1887—1889 г. Ц. 3 р. 50 к. за каждый томъ.

Моревъ, Д. Д. Руководство политической экономіи. Изд. 3-е. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Его-же. Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Изд. 3-е. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права, въ связи съ исторіей философіи вообще. 7 т. Спб. 1889—1891 г. Ц. по 3 р. за каждый томъ.

Сергѣевскій, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Казуистика, сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по уголовному праву. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Его-же. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. Спб. 1888 г. Ц. 2 р.

Сергѣевичъ, В. Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. Т. II. Власти. Вып. 1-й. Вѣче и князь. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

K215903
4 — 1460

Случевскій, В. Учебникъ русскаго уголовнаго процес[с]тво. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Его-же. Судопроизводство. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Уголовно-процессуальная казуистика. Спб. 1893

Сокольскій, В. В. Краткій учебникъ русскаго государственна[го] Одесса. 1890 г. Ц. 2 р.

Сѣверскій, Я. Г. Особенная часть русскаго уголовнаго права. Крат[кій] обзоръ началъ отъ уложенія царя Алексѣя Михайловича до уложенія о наказаніяхъ 1885 г. включительно. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Его-же. Памятники древне-русскаго законодательства. Русская Правда. Судныя грамоты (Псковская и Новгородская). Судебники, съ предварительными замѣчаніями и краткимъ словаремъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Таганцевъ, Н. С. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. 1885 г. Изд. 7-е. Спб. 1892 г. Ц. 4 р. 50 к.

Его-же. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями 1885 г. Изд. 7-е. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Тальбергъ, Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Т. I. Кіевъ. 1889 г. Ц. 2 р. Т. II. Вып. 1-й. Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фойницкій, И. Я. Курсъ уголовнаго права. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.

Его-же. Русское уголовное судопроизводство. Т. II. Предметъ и движеніе уголовнаго разбирательства. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.

Шершеневичъ, Г. Ф. Курсъ торговаго права. Т. I. 6 выпусковъ. Казань. 1889—1892 г. Ц. 5 р.

Schoenhof, I. Экономическое міровоззрѣніе демократовъ Соединенныхъ Штатовъ. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Янжулъ, И. И. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Спб. 1890 г. Ц. 4 р.

Янсонъ, Ю. Э. Теорія статистики. Спб. 1891 г. Ц. 3 р. 50 к.

Его-же. Сравнительная статистика населенія. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Цѣна 3 р. 50 к.